Р 18/177

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

ТОМЪ III.

Книга 5

ПАРТІИ — ИХЪ СОСТАВЪ, РАЗВИТІЕ И ПРОЯВЛЕНІЕ ВЪ МАССОВОМЪ ДВИЖЕНІИ, НА ВЫБОРАХЪ И ВЪ ДУМѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
191[illegible].

323
О-28
Р 18/186
Б01-04
1586

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

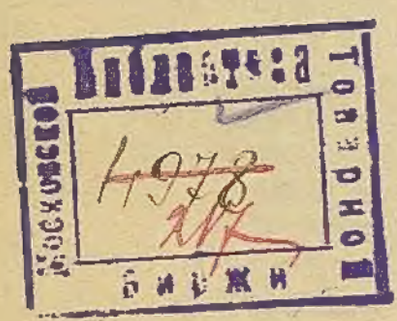
Р 18/177

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.



Томъ III.

Книга 5.

ПАРТІИ — ИХЪ СОСТАВЪ, РАЗВИТІЕ И ПРОЯВЛЕНІЕ ВЪ МАССОВОМЪ ДВИЖЕНІИ, НА ВЫБОРАХЪ И ВЪ ДУМѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подяческая, 39.
1914,

ПУБЛ. БИБЛ.
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
СССР
Р.33-7412

2007041560

Книга пятая.

томъ III.

Оглавленіе.

Стр.

А. МАРТЫНОВЪ. Конституціонно-Демократическая Партія.

I. Предтечи к.-д-ской партіи. Освобожденцы и земцы конституціоналисты. Ихъ роль и взаимоотношеніе наканунѣ революціи. Паденіе ихъ вліянія въ серединѣ 1905 г. Освобожденцы и союзное движеніе. Земцы-конституціоналисты и депутація къ Царю. Начало формированія к.-д-ской партіи на почвѣ выборовъ въ Булыгинскую Думу 1

II. Кадеты въ революціонные дни (отъ 10 октября до 11 декабря 1905 г.) Учредительный съѣздъ въ октябрьскіе дни. Программа партіи. Декларація солидарности съ пролетаріатомъ. Группы и партіи, граничившія съ кадетской слѣва и справа: «безглавцы», «свободомыслящіе», «союзъ союзовъ», народники, «партія демократическихъ реформъ», союзъ «конституціонно-монархическихъ партій». Неорганизованность к.-д-ой партіи. Переговоры кадетовъ съ гр. Витте. Увѣщеваніе крайнихъ партій. Паника и растерянность ноябрьскаго земскаго съѣзда. Рѣшительное наступленіе правительства, декабрьское возстаніе и поворотъ П. Струве и К° къ октябризму. 11

III. Условія, укрѣпившія к.-д-скую позицію: Избирательный законъ 11 декабря; бойкотистская тактика «лѣвыхъ»; правительственная репрессія и полѣвѣніе городскихъ обывателей параллельно съ поправѣніемъ землевладѣльцевъ и крупныхъ капиталистовъ. Консолидація к.-д-ой тактики на 2 съѣздѣ. Организаціонная дѣятельность ц. к. партіи; ростъ партійныхъ организацій. К.-д-ая печать. Преслѣдованія партіи и вопросъ объ ея легализаціи. Приспособленіе к.-д-овъ къ лѣвымъ избирателямъ. «Каторжные законопроекты». III съѣздъ партіи и критика ея ц. к.-та провинціальными делегатами 25

IV. Кадеты въ I Думѣ. Побѣда на выборахъ. Составъ Думы. Составъ кадетской фракціи. Радужныя мечты. Первый думскій періодъ. Выработки парламентскихъ обычаевъ и вопросъ объ амнистіи. Объединеніе всей оппозиціи и отвѣтный адресъ. Критика адреса внѣ Думы и гегемонія кадетовъ въ Думѣ. Вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ и требованіе отстатки кабинета. II Думскій періодъ. Законопроекты и запросы. Аграрныя пренія. Начало эмансипаціи трудови-

Стр.

ковъ отъ к.-д. вліянія. III думскій періодъ. Наростаніе революціоннаго настроенія въ странѣ. Колебанія кадетовъ, ихъ переговоры съ правительствомъ, обостреніе ихъ конфликтовъ съ с.-д. фракціей и трудовиками. Разоблаченія кн. Урусова. Кадетскій законопроектъ о собраніяхъ. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни и встрѣча Павлова. Вопросъ о помощи голодающимъ. Вопросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Надежды на думское министерство и правительственное сообщеніе 20 іюня. Отвѣтное думское сообщеніе и роспускъ Думы. Выборгское воззваніе. Послѣдніе отклики I Думы 35

V. Финансовая и соціально-экономическая программа кадетовъ. Отношеніе к.-д. къ бюджетному праву и государственному хозяйству. Отношеніе кадетовъ къ рабочему вопросу. Эволюція кадетской аграрной программы. Соціальная природа кадетизма 57

VI. Кадеты во II Думѣ. Московская платформа. 2-ая избирательная кампанія. Итоги выборовъ. Составъ кадетской фракціи. Требованія и настроеніе избирателей. Лозунгъ: «беречь Думу». Первыя пробы тактики «береженія» Думы: министерская декларація и молчаніе; помощь голодающимъ; военно-полевые суды; помощь безработнымъ. Начало «дѣловыхъ» засѣданій; аграрныя и бюджетныя пренія. Попытка сотрудничанія съ министерствомъ. Обструкція правительства. Совѣты импрессіонистовъ. Выбрасываніе программнаго балласта: снятіе съ очереди вопроса о смертной казни и объ амнистіи. Отказъ отъ резолюціи о принудительномъ отчужденіи. Аграрная декларація Столыпина и доброжелательныя критики ея въ к.-д. печати. Безплодность всѣхъ усилій къ примиренію. Роспускъ Думы 72

П. П. МАСЛОВЪ. Народническія партіи.

I. Общія основы народническихъ программъ. 89

II. Партія *соціалистовъ-революціонеровъ* наканунѣ общественнаго движенія (96). Партія с-ровъ въ 1905 г. (107). Первый съѣздъ партіи (112). Послѣ роспуска I Думы (117). С-ры въ Гос. Думѣ (121). Послѣ роспуска II Г. Думы (125). Различныя теченія въ партіи с-ровъ (133). 96

III. Партія *трудовиковъ*. Трудовики въ I Г. Думѣ (138); во II Г. Думѣ (147) 138

IV. *Народно-соціалистическая партія*. 151

Ф. ДАНЪ и Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Союзъ 17 октября.

I. Введеніе 161

II. Процессъ самоопредѣленія октябристовъ. 1) Отъ перваго февральскаго съѣзда до открытія I Г. Думы (183). 2) Октябристы въ I Г. Думѣ (190). 3) Во время междудумья (194). 4) Отъ созыва II Г. Думы до 3 іюня (208) 183

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Національныя партіи въ Россіи.

I. Польша. Польскія партіи 227

II. Прибалтійскій край.

1. Латышскія партіи. Латышскій соц.-демокр. союзъ (273). Демократическая партія (275). Латышская народная партія (276) 271

2. Балтійская конституціонная партія 278

3. Эстонскія партіи. 281

Стр.

III. Литва. Литовскія партіи.
1. Литовская соціалдемократическая партія 283
2. Литовская демократическая партія 290
IV. Украйна. Украинскія партіи 294
1. Украинская с.-д. рабочая партія 296
2. Украинская радикально-демократическая партія. . . . 299
3. Реакціонные элементы украинскаго народа 302
V. Кавказъ.
1. Армянскія партіи: Армянская революціонная федерація «Дашнакцютюнъ» (304). Армянская соціалдемократія (313) 304
2. Грузинскія партіи (партія соц. федералистовъ) 316
VI. Еврейскія партіи. 318

В. ЛЕВИЦКІЙ. Правыя партіи.

I. Введеніе. Соціальная характеристика контрреволюціоннаго движенія начала XX вѣка 347
II. Зарожденіе первыхъ контрреволюціонныхъ партій (до 17 октября 1905 г.). 1. «Русское собраніе» (356). 2. «Русская монархическая партія» (360). 3. «Союзъ русскихъ людей» (366). 4. Черносотенное движеніе и черносотенныя движенія (370) 355
III. Организаціонное оформленіе контрреволюціонныхъ партій (октябрь 1905—весна 1906 г.). 376
IV. Дѣятельность контрреволюціонныхъ организацій (389). 1. Устная агитація контррев. партій (390). 2. Литература праваго лагеря (395). 3. Организація правыхъ (404). 4. Публичныя оказательства правыхъ организацій (412). 5. Съѣзды контррев. организацій (417) 6. Погромы и контрревол. террористическіе акты (430). Черносотенцы и власть (441). 389
V. Дѣятельность правыхъ партій на выборахъ и въ первыхъ двухъ Думахъ. 1. Выборы въ I Думу (444). 2. Періодъ междудумья и выборы во II Думу (453). 3. Правые во II-ой Думѣ (462). Заключеніе (466) 444

Б. И. ГОРЕВЪ. Аполитическія и антипарламентскія группы. . . . 473
I. Анархисты 475
II. Максималисты 511
III. Махаевцы или группа рабочаго заговора. 523

Л. М—ОВЪ. Соціалдемократія 1905—1907 гг. 537
I. Отъ 9 Января по 17 Октября 542
II. Организація С.-Д. 566
III. Соціалдемократія въ теченіе «дней свободы» 575
IV. Отъ Декабрьскаго пораженія до созыва I Думы 602
V. Соціалдемократія въ первый періодъ I Думы и непосредственно послѣ ея роспуска 617
VI. Выборы во II Думу и дѣятельность С.-Д. фракціи въ ней. Лондонскій съѣздъ 628

А. МАРТЫНОВЪ.

Исторія конституціонно-демократической партіи.

А. МАРТЫНОВЪ.

Исторія конституціонно-демократической партіи.

ГЛАВА I.

Предтечи к.-д.-ской партіи. Освобожденцы и земцы-конституціоналисты. Ихъ роль и взаимоотношеніе наканунѣ революціи. Паденіе ихъ вліянія въ срединѣ 1905 г. Освобожденцы и союзное движеніе. Земцы-конституціоналисты и депутація къ Царю. Начало формированія к.-д.-ской партіи на почвѣ выборовъ въ Булыгинскую Думу.

Конституціонно-демократическая партія образовалась отъ сліянія двухъ организацій—„Союза освобожденія“ и группы „земцевъ-конституціоналистовъ“, исторія которыхъ восходитъ къ началу 900-хъ гг.

„Союзъ освобожденія“ основанъ былъ формально на учредительномъ съѣздѣ 3—5 января 1904 г. Но фактически „освобожденцы“ уже до того имѣли два съѣзда, одинъ за границей въ Шафгаузенѣ въ іюлѣ 1903 г., а другой въ Харьковѣ въ сентябрѣ 1903 г. Въ составъ этихъ съѣздовъ входили элементы, группировавшіеся вокругъ заграничнаго органа „Освобожденія“, который сталъ выходить 1-го іюля 1902 г. подъ редакціей П. Струве. Освобожденское теченіе возникло на почвѣ оживленія въ буржуазно-демократической интеллигенціи, въ такъ наз. „третьемъ элементѣ“, вызваннаго въ конечномъ счетѣ наступленіемъ промышленнаго кризиса, непосредственно же студенческими волненіями 99 и 901 гг.

Организація земцевъ-конституціоналистовъ начала формироваться въ то же время на тайныхъ земскихъ съѣздахъ, получившихъ названіе „новосильцевскихъ“. Первый съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ состоялся вскорѣ послѣ Харьковскаго съѣзда освобожденцевъ, 8 ноября 1903 г.; но, какъ неоформленная, группа зем.-конституціоналистовъ существовала уже значительно раньше—уже въ 1-мъ № „Освобожденія“ была опубликована ихъ политическая платформа. Земскій конституціонализмъ выдѣлился постепенно, какъ особое теченіе, изъ общеземскаго движенія, въ которомъ славянофилы шиповцы составляли правое крыло, а конституціоналисты—лѣвое. Вся же вообще новая волна земскаго движенія вызвана была въ конечномъ счетѣ тѣмъ же промышленнымъ и аграрнымъ кризисомъ; въ частности толчекъ ему былъ данъ крахомъ промышленно-протекціонистской политики Витте, аграрными волненіями въ Полтавской и Харьковской губ. и учрежденіемъ

„Особаго совѣщанія о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ“ и с.-х. комитетовъ. Оба эти теченія, освобожденское и земское, были съ самаго начала тѣсно связаны другъ съ другомъ. Первое нелегальное выступленіе редактора „Освобожденія“ П. Струве—публикація записки Витте о самодержавіи и земствѣ съ соотвѣтственнымъ предисловіемъ—было разсчитано на земскую аудиторію. Самый органъ „Освобожденія“ былъ основанъ по иниціативѣ группы либеральныхъ земцевъ и примыкающихъ къ нимъ интеллигентовъ. Первоначальная задача органа, какъ ее формулировалъ П. Струве, заключалась въ томъ, чтобы служить фонографомъ для движенія либеральныхъ земцевъ; многіе видные общественные дѣятели одновременно входили въ составъ, какъ группы земцевъ-конституціоналистовъ, такъ и „Союза освобожденія“. Даже въ составъ перваго Совѣта союза освобожденія входили на половину земцы, на половину нецензовые интеллигенты. Тѣмъ не менѣе „освобожденцы“ и „земцы-конституціоналисты“ представляли собой двѣ качественно различныя струи въ возрождавшемся либеральномъ движеніи.

Одни были носителями традиціоннаго, земскаго либерализма, другіе—піонерами новаго буржуазно-демократическаго. Конституціоналисты были помѣщики, враждебные бюрократіи, но чрезвычайно опасливо относившіеся ко всякому измѣненію въ соціальныхъ основахъ стараго режима. Освобожденцы были въ большинствѣ профессіональные интеллигенты, члены „новаго третьяго сословія“, выступавшіе съ самаго начала, какъ идеологи буржуазнаго прогресса и какъ приверженцы „соціальной реформы“. Это были два различныхъ теченія, которыя сильно тяготѣли другъ къ другу, лишь благодаря условіямъ предреволюціонной эпохи. Какъ ни опасались земцы-конституціоналисты серьезныхъ соціальныхъ реформъ въ аграрной области и немедленнаго надѣленія крестьянъ одинаковыми съ ними политическими правами, они, однако, вынуждены были въ концѣ концовъ съ этой программой примириться ради устраненія „правительственной и народной анархіи“. Съ другой стороны, какъ ни равнодушны были освобожденцы въ большинствѣ своемъ къ интересамъ средняго и крупнаго землевладѣнія, тѣмъ не менѣе, отсутствіе революціоннаго движенія буржуазныхъ массъ, на которое эти идеологи могли бы опереться, и боязнь революціоннаго движенія пролетаріата толкали ихъ на союзъ съ умѣренными земцами-конституціоналистами.

Эта двойственность настроенія обѣихъ политическихъ группъ отразилась на постепенной эволюціи ихъ политическихъ платформъ. Въ первой политической платформѣ „русскихъ конституціоналистовъ“, опубликованной въ 1-мъ № „Освобожденія“ ничего не говорится ни о соціальныхъ реформахъ, ни о характерѣ избирательнаго права будущаго законодательнаго собранія; путь же къ этому парламенту намѣчается черезъ „собраніе представителей земствъ“.

Въ 11 пунктахъ ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904 г., въ которомъ

тонъ задавали уже земцы-конституціоналисты, требованія демократіи тоже еще отсутствуютъ. Только въ 1905 г. на февральскомъ и майскомъ съѣздахъ земцы-конституціоналисты присоединяются къ требованію всеобщаго избирательнаго права по 4-хчленной формулѣ, при чемъ, въ отличіе отъ всей демократіи, они высказываются за двух-палатную систему[1]). На томъ же февральскомъ съѣздѣ 1905 г. земцы-констит. впервые высказываются за „обязательный выкупъ изъ частно-владѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ", но о томъ, какъ они представляли себѣ тогда конкретно аграрную реформу, можно судить по слѣдующему пункту резолюціи, принятой 29-го апрѣля 1905 г. на созванномъ ими аграрномъ совѣщаніи: „9. Съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія, въ виду задолженности частнаго землевладѣнія". Этотъ пунктъ резолюціи выдаетъ надежды земцевъ отдѣлаться отъ притязаній крестьянъ „ликвидаціей однихъ только задолженныхъ помѣщичьихъ имѣній". На сентябрьскомъ общеземскомъ съѣздѣ 1905 г. принципъ принудительнаго отчужденія вновь признается пріемлемымъ, но обставляется весьма двусмысленными оговорками. Программа, принятая съѣздомъ къ руководству для дальнѣйшей разработки, признаетъ „*въ случаѣ надобности* отчужденіе государствомъ *части* частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ по справедливой оцѣнкѣ" [2]). Однако при обсужденіи вопроса объ обращеніи къ избирателямъ кн. Петръ Долгоруковъ и Родичевъ высказываются за то, чтобы въ обращеніи даже и въ такой неопредѣленной формѣ про принудител. отчужденіе не говорилось, чтобы въ немъ не было „детализаціи", чтобы тамъ глухо упоминалось лишь про „заботы объ устраненіи земельной тѣсноты", ибо иначе-де крестьяне будутъ давать депутатамъ императивные мандаты—„отхлопотать въ ихъ пользу тотъ или другой участокъ земли". По отношенію къ аграрному вопросу, впрочемъ, большинство съѣзда, разсчитывавшаго на будущихъ выборахъ найти опору прежде всего въ умѣренныхъ слояхъ крестьянъ, не согласилось съ мнѣніемъ Родичева и кн. Петра Долгорукова и признало необходимымъ нѣкоторую детализацію платформы. Зато пунктъ программы объ установленіи 8 час. рабочаго дня во всѣхъ производствахъ „кромѣ тѣхъ, гдѣ эта мѣра будетъ признана практически неосуществимой", въ воззваніи рѣшено было замѣнить еще болѣе общей фразой „объ улучшеніи условій работы трудящагося населенія" и т. д. Это было послѣднее слово земцевъ-конституціоналистовъ передъ ихъ вступленіемъ въ к.-д.-ую партію.

---

[1]) Нѣкоторые изъ конституціоналистовъ, какъ, напр., Родичевъ, еще и на майскомъ съѣздѣ были противъ прямого избирательнаго права.

[2]) М. Ковалевскій слово „часть" толковалъ на съѣздѣ въ томъ смыслѣ, что нужно уничтожить „безграничныя латифундіи" и что для Харьковской губ., напр., можно установить maximum землевладѣнія въ 1000 десятинъ.

Не менѣе характерна исторія освобожденской платформы. Въ проектѣ программы, составленномъ освобожденцами еще за годъ до перваго освобожденскаго съѣзда и опубликованномъ въ „Освобожденіи“ почти одновременно съ деклараціей „русскихъ конституціоналистовъ“, въ отличіе отъ послѣдней, упоминается и про Учред. Собраніе на основѣ 4-хчленной формулы, и про 8-час. рабочій день, и про принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Но освобожденцы, которые, по словамъ кн. Шаховского, „ставили себѣ нелегкую задачу изъ пассивнаго сословнаго земства сдѣлать активное представительство безсословнаго общественнаго мнѣнія“, соотвѣтственно не связывали себя никакими программными обязательствами. Въ теченіе 1902 г. П. Струве на стр. „Освобожденія“ пропагандировалъ еще идею „Земскаго Собора“ и причислялъ къ своимъ единомышленникамъ М. Стаховича, Н. Хомякова и Д. Шипова. Только въ началѣ 1903 г., когда одинъ изъ авторовъ декларацiи земцевъ-конституціоналистовъ СС. заговорилъ о необходимости размежеваться съ „неисправимыми славянофилами“ и создать „крѣпкіе кадры изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ“, только тогда редакція „Освобожденія“ въ № 17 заявила, что передъ обществомъ стоитъ неотложная задача создать партію рѣшительно конституціонную и опредѣленно демократическую, со включеніемъ въ ея программу всеобщаго избирательнаго права и требованій по аграрному и рабочему вопросу. Однако, даже черезъ годъ, на учредительномъ съѣздѣ Союза освобожденія никакая программа не была принята. Только осенью 1904 г., послѣ убійства В. Плеве, среди лѣвыхъ освобожденцевъ все настойчивѣе начинаетъ выдвигаться требованіе принятія Союзомъ опредѣленной программы. Въ № 58 „Освобожденія“ отъ $^{27}/_{14}$ окт. появляется, напр., „открытое письмо въ редакцію“ за подписью Nemo, въ которомъ авторъ упрекаетъ журналъ въ томъ, что онъ служитъ не компасомъ, а лишь „зеркаломъ“ оппозиціи, въ томъ, что его сотрудники „быстро исчезаютъ за кулисы“, какъ только имъ приходится дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, какъ они относятся къ демократическимъ принципамъ и къ радикальной тактикѣ; авторъ упрекаетъ органъ въ томъ, что онъ, изъ нежеланія порвать съ умѣренными элементами „оппозиціи его величества“, теряетъ вліяніе на радикальную интеллигенцію, что когда „политическая конъюнктура потребуетъ отъ партіи коллективнаго дѣйствія“, скрытыя, невыявленныя разногласія среди освобожденцевъ обнаружатся и окажутся роковыми и т. д. Какъ видно изъ отвѣта редактора на это письмо, въ тотъ моментъ Nemo уже „стучался въ открытую дверь“. Ко времени II-го октябрьскаго съѣзда „Союза освобожденія“ политическая платформа была уже выработана. Однако, какъ свидѣтельствуетъ А. Корниловъ, текстъ программы „случайно“ не былъ доставленъ во время на съѣздъ и только на третьемъ съѣздѣ „Союза освобожденія“ въ мартѣ 1905 г., была, наконецъ, принята программа, составлен-

ная въ видѣ платформы, не раздѣленной на параграфы. Требованія Учред. Собранія по 4-хчленной формулѣ, 8 час. рабочаго дня и принудительнаго отчужденія земли, которыя *принципіально* признавались еще первыми освобожденцами въ 1902 г., оффиціально были приняты „Союзомъ освобожденія" только въ мартѣ 1905 г. послѣ того, какъ они стали всеобщимъ требованіемъ, послѣ того, какъ подъ нимъ подписался уже и съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ. Но и тогда, въ 1905 г., предусмотрительные освобожденцы оговаривались въ своей платформѣ: „Такъ какъ принятыя Союзомъ рѣшенія диктовались условіями того политическаго момента, въ котор. происходили обсужденія, то рѣшенія эти и могутъ считаться обязательными лишь постольку, поскольку политическія условія останутся неизмѣнными".

Газета „Освобожденіе", игравшая роль центральнаго органа русскаго либерализма въ предреволюціонную эпоху, лавировала между болѣе правыми и болѣе лѣвыми его элементами, между земцами-конституціоналистами и освобожденской профессіональной интеллигенціей. Такимъ образомъ, П. Струве, приспособляясь къ настроенію первыхъ, въ началѣ войны въ февралѣ 1904 г. рекомендуетъ принять участіе въ патріотическихъ манифестаціяхъ, связывая либеральныя политическія требованія съ лозунгомъ: — „да здравствуетъ армія!"; а въ ноябрѣ того же 1904 г. тѣ же заграничные освобожденцы рѣшаются принять участіе въ парижской конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, которая, впрочемъ, никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣла. Несмотря на всѣ эти шатанія дѣятельность освобожденцевъ въ средѣ профессіональной интеллигенціи, дѣятельность конституціоналистовъ въ земской средѣ и обличительная кампанія, которая велась на страницахъ заграничнаго „Освобожденія" до 9-го января, несомнѣнно содѣйствовали росту оппозиціоннаго настроенія въ тѣхъ слояхъ общества, которые по своему соціальному составу не поддавались воздѣйствію крайнихъ, соціалистическихъ партій.

До убійства Плеве роль главнаго фермента оппозиціоннаго движенія выполнялъ заграничный нелегальный органъ „Освобожденіе". Съ наступленіемъ „эпохи довѣрія" либерализмъ начинаетъ открыто проявлять активность въ самой Россіи. Освобожденское „Право" впервые осмѣливается заговорить о конституціи, облекая это требованіе въ формулу: — „не реформы, а реформа". Петербургскіе освобожденцы пытаются въ этомъ направленіи непосредственно, лично воздѣйствовать на правящія сферы; московскіе же освобожденцы „дѣлаютъ общественное мнѣніе". Въ средѣ послѣднихъ начинаетъ обсуждаться вопросъ о либеральномъ открытомъ „выступленіи", предлагается либо поднести конституціонный „адресъ", либо организовать земскій съѣздъ для декларацій конституціонныхъ требованій. Первый проектъ, какъ болѣе умѣренный, отвергается, когда выясняется, что идея открытаго

земскаго съѣзда встрѣчаетъ сочувствіе. 20 октября 1904 г. собирается второй съѣздъ „Союза освобожденія“, который рѣшаетъ: 1) принять дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и всячески стараться направить его на путь конституціонный. 2) Пытаться на предстоящихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ возбудить вопросъ о конституціи. 3) Въ связи съ празднованіемъ сорокалѣтія судебныхъ уставовъ организовать кампанію политическихъ банкетовъ. Для подготовки ноябрьскаго земскаго съѣзда освобожденцы организовали рядъ совѣщаній въ Петербургѣ и Москвѣ. Ко времени открытія этого съѣзда они приноровили также изданіе двухъ первыхъ „лѣвыхъ“ газетъ — „Нашей Жизни“ и „Сына Отечества“. Съѣздъ 8 ноября 1904 г. едвали не превзошелъ ожиданія освобожденцевъ—онъ рѣшился открыто засѣдать безъ разрѣшенія полиціи и прокламировать во всеуслышаніе въ извѣстныхъ 11 тезисахъ конституціонныя требованія. Этимъ сразу открылась эра политическихъ банкетовъ, проектированныхъ на 2-мъ съѣздѣ „Союза освобожденія“. Мечты освобожденцевъ шли еще дальше. Уже въ октябрѣ освобожденцы на своемъ 2-мъ съѣздѣ рѣшили организовать общедемократическое выступленіе, которое надо будетъ пріурочить не къ открытію земскаго съѣзда, а къ болѣе позднейдатѣ, мотивируя это тѣмъ, что превращеніе земскаго съѣзда въ центръ общедемократическаго движенія, съ одной стороны, испугаетъ самихъ земцевъ, съ другой, вызоветъ недовольство среди болѣе радикальныхъ элементовъ общества, относящихся недовѣрчиво къ земцамъ. Къ концу года, когда банкетная кампанія себя исчерпала, вопросъ объ общедемократическомъ выступленіи поставленъ былъ на ближайшую очередь. Въ послѣднемъ ноябрьскомъ № „Освобожденія“ предлагается начать всероссійскую кампанію въ пользу созыва земскаго собора „помимо и даже противъ воли правительства“, при чемъ предлагается къ какому-нибудь опредѣленному дню пріурочить устройство самочиннаго „всероссійскаго съѣзда“ для рѣшенія вопроса „о прекращеніи войны и объ измѣненіи государственнаго строя“. Еще конкретнѣе объ этомъ писалось въ № 63 „Освобожденія“ отъ 7 января 1905 г. Но тутъ ужъ начались событія, которыя совершенно оттѣснили на задній планъ либераловъ...

Послѣ 9-го января на фонѣ разростающагося народнаго движенія политическая роль обѣихъ организацій, „Союза освобожденія“ и союза земцевъ-конституціоналистовъ, начинаетъ быстро падать. Уличныя выступленія пролетарскихъ массъ, пожаръ въ деревнѣ, равно какъ непрерывныя военныя пораженія въ Манчжуріи, сильно революціонизировали буржуазную интеллигенцію. Адвокаты, инженеры, врачи, учителя, служащіе и т. д., словомъ, всѣ тѣ элементы, которые въ 1904 г. зашевелились подъ непосредственнымъ вліяніемъ освобожденцевъ, теперь всколыхнулись во всей своей массѣ и начали съ лихо-

радочной поспѣшностью организовываться въ профессіонально-политическіе союзы, которые подъ давленіемъ народнаго движенія стали усванвать текущіе политическіе лозунги крайнихъ соціалистическихъ партій.

Такимъ образомъ та общественная среда, которая раньше представляла главную сферу вліянія освобожденцевъ, теперь значительно опередила ихъ и ушла далеко влѣво отъ своихъ недавнихъ учителей. Сами освобожденцы констатируютъ это съ тревогой. Такъ—СС—, авторъ статьи „Союзъ освобожденія и другія политическія партіи“, жалуется въ 74 № „Освобожденія“: „Употреблять терминъ „освобожденецъ“ въ извѣстныхъ кругахъ сдѣлалось уже признакомъ дурного тона... „Союзъ освобожденія“ продиктовалъ земскимъ дѣятелямъ ихъ первую политическую программу; но общество, принявъ положительную часть программы, какъ нѣчто само собою разумѣвшееся, страстно обличало программу въ недомолвкахъ и неяснostяхъ... Когда „Союзъ освобожденія“ далъ толчекъ организаціи группъ, болѣе лѣвыхъ, чѣмъ онъ самъ, онъ очутился въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Въ этихъ проекціяхъ въ жизнь... рѣдко, кто хочетъ узнать „Союзъ освобожденія“, но его слишкомъ охотно узнаютъ въ аполитизмѣ Шипова, въ двусмысленностяхъ г-дъ Трубецкихъ и въ компромиссахъ Кузьмина-Караваева“. На іюльскомъ съѣздѣ земцевъ то же констатируетъ Н. К. Муравьевъ, возражая противъ цѣлесообразности соединенія конституціоналистовъ съ освобожденцами: „Союзъ освобожденія“... значительно дискредитировалъ себя въ глазахъ широкой публики и переживаетъ уже старческій маразмъ“. На это, впрочемъ, П. Н. Милюковъ ему основательно отвѣтилъ: „Но вѣдь тотъ же аргументъ можно примѣнить и къ земской группѣ, которая еще болѣе себя дискредитировала“.

Въ то время, какъ освобожденцы оказались изолированными благодаря тому, что интеллигентная масса ушла отъ нихъ *влѣво*, земцы-конституціоналисты очутились въ такомъ же положеніи благодаря тому, что политически-активная земская среда, въ которой они съ ноябрьскаго съѣзда 1904 г. завоевали себѣ прочное большинство, тащили ихъ *вправо*. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они сочли уже излишнимъ устраивать свои частныя совѣщанія наканунѣ общеземскихъ съѣздовъ, будучи увѣрены въ непоколебимости своего руководящаго положенія на этихъ общихъ съѣздахъ, они приняли участіе въ отвѣтственномъ политическомъ выступленіи, въ которомъ они очутились на буксирѣ у шиповцевъ и который въ тотъ моментъ революціоннаго подъема вызвалъ раздраженіе въ самыхъ широкихъ кругахъ интеллигентнаго общества. Мы имѣемъ въ виду земскую депутацію къ Царю 6-го іюня 1905 г., делегированную подъ впечатлѣніемъ цусимскаго пораженія майскимъ съѣздомъ. Въ ней представлены были 5 группъ: общеземская, конституціонная, шиповская, губернскихъ предводителей и городская.

Большинство членовъ этой депутаціи состояло изъ конституціоналистовъ; тѣмъ не менѣе она говорила устами Федорова и кн. С. Н. Трубецкого совершенно въ духѣ шиповцевъ. Ни объ учредительномъ собраніи, ни о прекращеніи войны не было и рѣчи въ Петергофѣ, за то депутація бросала камни въ „крамолу", „неопасную при нормальныхъ условіяхъ", говорила о „внутреннемъ мирѣ", подчеркивала, что „Государь страдаетъ больше всѣхъ насъ", критиковала „злыхъ совѣтниковъ", „измѣняющихъ своему повелителю" и т. д. Государь же въ отвѣтъ на рѣчи депутатовъ сказалъ: „Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всей Русью, общеніе между мной и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго *самобытнымъ русскимъ началамъ*". Отвѣтъ гармонировалъ съ рѣчами Федорова и Трубецкого.

Кадеты впослѣдствіи считали 6-е іюня „исторической датой". Тогда же большинство либераловъ было сильно скомфужено этимъ выступленіемъ. Въ „Освобожденіи" за подписями: „Старый земецъ" и „Индепендентъ" появились статьи, рѣзко критикующія депутацію, и самъ редакторъ журнала отчасти соглашался съ тѣмъ, что въ рѣчи кн. Трубецкого „звучали фальшивыя ноты". Критика поведенія делегатовъ вынудила земцевъ-конституціоналистовъ отречься отъ нея на іюльскомъ съѣздѣ, вынесшемъ слѣдующую резолюцію: „Съѣздъ, признавая, что посылка депутаціи 6-го іюня не представляется актомъ земскихъ конституціоналистовъ, а актомъ коалиціоннаго съѣзда, и что результатъ ея ни въ чемъ не связываетъ насъ, переходитъ къ порядку дня". Несмотря на это поспѣшное отступленіе, земцамъ-конституціоналистамъ, жившимъ замкнутой сословной группой, трудно было перешагнуть черезъ ту грань, которая ихъ въ то время отдѣляла отъ массы буржуазной интеллигенціи. Это особенно ярко обнаружилось на іюльскомъ съѣздѣ въ дебатахъ по вопросу—вступить или не вступить имъ вновь въ федерацію „Союза Союзовъ", на послѣднихъ двухъ съѣздахъ котораго они случайно не участвовали. О томъ, какъ разнилось тогда настроеніе земцевъ-констит. отъ настроенія „Союза Союзовъ", принявшаго резолюцію, которая трактуетъ правительство, какъ „разбойничью шайку" и признаетъ допустимость „всякихъ средствъ" для борьбы съ правительствомъ, можно судить по слѣдующей знаменательной рѣчи П. Н. Милюкова, присутствовавшаго на земскомъ съѣздѣ въ качествѣ делегата отъ „Союза Союзовъ" и формулировавшаго на немъ свои впечатлѣнія отъ дебатовъ: „Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся къ физическимъ средствамъ борьбы, то я боюсь, что наши планы объ организаціи партіи... окажутся безплодными. Вѣдь трудно разсчитывать на мирное разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ государственнаго переустройства, въ то время когда уже кругомъ происходитъ революція. Или, можетъ быть, вы при этомъ разсчитываете на чужую физическую силу, надѣясь въ

душѣ на извѣстный исходъ, но не желая лично участвовать въ актахъ физическаго воздѣйствія? Но вѣдь это было бы лицемѣріе и подобная лицемѣрная постановка вопроса была бы граждански недобросовѣстна. Несомнѣнно, всѣ вы въ душѣ радуетесь извѣстнымъ актамъ физическаго насилія, которые всѣми заранѣе ожидаются и историческое значеніе которыхъ громадно... Вообще послѣ всего того, что мнѣ пришлось выслушать здѣсь, у меня является сомнѣніе не въ томъ—вступить или не вступить вамъ въ „Союзъ Союзовъ“, а по вопросу, не откажется ли самъ „Союзъ Союзовъ“ отъ чести состоять съ вами въ товарищескихъ отношеніяхъ“.

Постепенная изоляція освобожденцевъ и земцевъ-конституціоналистовъ отъ интеллигентской демократіи поставила лѣтомъ 1905 г. передъ ними остро вопросъ о выходѣ изъ тѣсныхъ союзныхъ рамокъ и объ организаціи открытой конституціонно-демократической партіи, спаянной опредѣленной соціально-политической программой, которая могла бы служить орудіемъ для пропаганды и вербовки единомышленниковъ широкихъ круговъ населенія. Необходимость образованія политической партіи представлялась освобожденцамъ и земцамъ-конститт. тѣмъ болѣе неотложной, что въ то время возвѣщено было уже о созывѣ булыгинской думы. Партійные выборы въ нее представлялись для нихъ наилучшимъ, если не единственнымъ, средствомъ связаться съ массами, въ виду ихъ органической неспособности къ нелегальной массовой работѣ. Эта причина побудила іюльскій съѣздъ земцевъ-конститт. приступить къ образованію к.-д-ой партіи и уполномочить коммисію изъ 20-ти лицъ вступить для этой цѣли въ соглашеніе съ другими единомышленными группами. Въ концѣ августа такое же рѣшеніе принялъ и „Союзъ освобожденія“, который для совмѣстной съ конституціоналистами выработки партійной программы, на основѣ освобожденской платформы, выдѣлилъ также комиссію изъ 40 лицъ. Обѣ эти комиссіи, соединившись, образовали временный комитетъ партіи, которому между прочимъ IV-й съѣздъ Союза освобожденія поручилъ войти въ постоянное общеніе съ органами Крестьянскаго Союза на мѣстахъ.

Будущая к.-д-ская партія начала формулироваться на почвѣ подготовки къ выборамъ въ булыгинскую думу, за которые высказалось огромное большинство, какъ земцевъ-конституц., такъ и освобожденцевъ. Самъ по себѣ отказъ отъ бойкота булыгинской думы не предопредѣлялъ еще главной тактической линіи новой политической партіи и пунктовъ ея расхожденія съ другими демократическими элементами общества. Съ одной стороны и іюльскій земскій съѣздъ, и IV-й съѣздъ Союза освобожденія, высказавшись за выборы, въ то же время опредѣленно заявили свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ булыгинской „конституціи“ и мотивировали свое участіе въ выборахъ исключительно интересами борьбы за демократическое народное

представительство, заранѣе отказываясь „законодательствовать“ въ булыгинской думѣ. Съ другой стороны делегатскій съѣздъ „Союза Союзовъ“, высказавшійся въ отличіе отъ земцевъ и освобожденцевъ—за бойкотъ, считалъ это рѣшеніе не окончательнымъ, причемъ входившіе въ его составъ демократическіе союзы—крестьянскій и народныхъ учителей, учитывая настроеніе крестьянъ, оставили вопросъ открытымъ. Нѣкоторые изъ противниковъ бойкота, стоявшіе близко къ освобожденцамъ, приводили въ защиту своей точки зрѣнія даже чисто революціонную аргументацію. Такъ, напр., „одинъ изъ демократовъ“ писалъ въ № 78—79 „Освобожденія“ въ защиту выборовъ: „Главной задачей является организація народныхъ силъ, народной политической борьбы; думу и участіе въ ней слѣдуетъ разсматривать исключительно, какъ одно изъ орудій таковой“... Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ участіе законныхъ избирателей подѣйствуетъ революціонизирующимъ образомъ на лишенныхъ правъ, какъ выборы могутъ быть использованы для вовлеченія въ борьбу и для организаціи народныхъ силъ, какъ, съ другой стороны, активный бойкотъ приволъ бы къ „активной междоусобицѣ среди населенія (а не противъ власти)“... „Отъ такой внутренней борьбы и столкновеній отказываться невозможно“,—говоритъ авторъ: „но лишь постольку, поскольку она неизбѣжна. Что же касается связи бойкота съ возстаніемъ, то это—связь мнимая: то, что я подалъ голосъ, ничуть не помѣшаетъ мнѣ также подготовляться и участвовать въ возстаніи“. Разсужденія цитированнаго автора показываютъ, что нѣкоторые высказывались за выборы съ точки зрѣнія революціонной демократіи. Но масса освобожденцевъ и земцевъ-конституц. высказывались за, отнюдь не исходя изъ этой точки зрѣнія. Она была имъ чужда, благодаря всему ихъ прошлому, благодаря, между прочимъ, ихъ оторванности отъ народныхъ массъ, въ которыхъ соціалистическія партіи пустили корни за много лѣтъ до того, какъ начала формироваться к. д-ская партія. Участіе въ выборахъ не предопредѣляло тактики либераловъ; но традиціонная тактика либераловъ предопредѣляла мотивы ихъ участія, и она, эта традиціонная либеральная тактика, больше всего содѣйствовала распространенію идеи бойкота въ средѣ радикальной демократіи. „В. Мякотинъ считаетъ весьма вѣроятнымъ“, писалъ В. Гессенъ въ № 36 „Права“ отъ 11 сентября 1905 г. „что разъ попавъ въ думу и почувствовавъ свою слабость въ ней при разрывѣ съ другими группами, „освободительные элементы“ разбредутся по лѣстницѣ компромиссовъ и въ то время, какъ одни будутъ думать о разрушеніи іерихонскихъ стѣнъ, другіе займутся ихъ укрѣпленіемъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ... Недовѣріе къ либерализму—таково то чувство, которымъ продиктована тактика бойкота“... „Укрѣпить іерихонскія стѣны“ либералы не могли въ булыгинской думѣ, потому что въ то время быстраго наростанія революціон-

ныхъ событій, законосовѣщательная дума не могла бы служить ареной для прочнаго соглашенія правительства даже съ самыми умѣренными элементами оппозиціи, но что либералы не собирались использовать думу для содѣйствія натиску народныхъ массъ противъ „іерихонскихъ стѣнъ“, видно было уже хотя бы изъ того, какъ либеральные профессора, будущіе кадеты, Гредескулъ и др., использовали другую „конституціонную уступку“ — временныя правила 27-го августа объ университетской автономіи, какъ они противились устройству революціонныхъ митинговъ въ стѣнахъ университета. О томъ, какъ либералы собирались воевать въ булыгинской думѣ, можно было судить уже и по „грозному“ тону резолюціи IV-го Съѣзда Союза Освобожденія, которая (наканунѣ октябрьской забастовки!) уговаривала будущихъ депутатовъ бороться „не стѣсняясь при этомъ перспективой возможности открытаго разрыва съ существующимъ правительствомъ“.

ГЛАВА II.

Кадеты въ революціонные дни (отъ 10-го октября до 11-го декабря 1905 г.) Учредительный съѣздъ въ октябрьскіе дни. Программа партіи. Декларація солидарности съ пролетаріатомъ. Группы и партіи, граничившія съ к.-д-ской партіей слѣва и справа: «беззаглавцы», «свободомыслящіе», «Союзъ Союзовъ», народники, «партія демокр. реформъ», союзъ «конституціонно-монархическихъ партій». Неорганизованность к.-д-ой партіи. Переговоры к.-д-овъ съ гр. Витте. Увѣщеваніе крайнихъ партій. Паника и растерянность ноябрьскаго земскаго съѣзда. Рѣшительное наступленіе правительства, декабрьское возстаніе и поворотъ П. Струве и К° къ октябризму.

Учредительный съѣздъ к.-д ской партіи засѣдалъ отъ 12-го до 18-го октября, въ самый разгаръ октябрьской забастовки. Освобожденцы и земцы-конституціоналисты начали строить к.-д. партію всецѣло примѣнительно къ парламентской дѣятельности и къ выборамъ въ булыгинскую думу. Но въ тотъ самый моментъ, когда ихъ делегаты собрались на первый съѣздъ, октябрьская забастовка отмела булыгинскую „конституцію“ и открыла эру революціонной борьбы за осуществленіе свободъ и за переходъ власти къ народу, отстранивъ на время, до изданія новаго избирательнаго закона 11 декабря, самый вопросъ о выборахъ. Такимъ образомъ к.-д. партія первые два мѣсяца своего существованія очутилась въ обстановкѣ, чуждой той практической задачѣ, которую она себѣ поставила. Періодъ наиболѣе кипучей революціонной жизни страны явился поэтому для новорожденной партіи въ нѣкоторомъ родѣ „мертвымъ сезономъ“, и это откровенно было выражено въ слѣдующей сухой фразѣ отчета центральнаго комитета к.-д. партіи: „Дѣя-

тельность комитета", говорится въ отчетѣ, „была въ высшей степени затруднена совершившимися событіями—всеобщими и частными забастовками (желѣзнодорожной и почтово-телеграфной) и вооруженными возстаніями". За весь періодъ—октябрь-декабрь—к.-д., какъ партія, какъ цѣлое, политически не проявляли себя. Это былъ періодъ ихъ внутри-организаціоннаго строительства.

Первымъ дѣломъ учредительнаго к.-д. съѣзда было обсужденіе и принятіе партійной программы. К.-д. программа, принятая въ октябрьскіе дни въ моментъ побѣдоноснаго революціоннаго выступленія пролетаріата и наиболѣе единодушной его поддержки буржуазной демократіей, представляла собой тотъ предѣлъ демократизма, котораго русскіе либералы не достигали никогда, ни до, ни послѣ того. О монархіи въ программѣ не говорилось; вопросъ оставлялся открытымъ. Лишь въ общей формѣ упоминалось, что „конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основными законами". Избирательное право во всѣхъ учрежденіяхъ проектировалось на основѣ 4-хчленной формулы. Въ финансовомъ отдѣлѣ программы говорится о „постепенной отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ" и о „введеніи прогрессивнаго подоходнаго налога". Въ области рабочаго законодательства программа говоритъ о введеніи 8-час. рабочаго дня, о запрещеніи ночныхъ и сверхъ-урочныхъ работъ, кромѣ „технически и общественно-необходимыхъ", объ обязательномъ, при посредствѣ государства, страхованіи „съ отнесеніемъ издержекъ за счетъ предпринимателей", объ „участіи выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ инспекціи"; въ области аграрнаго вопроса говорится объ „отчужденіи за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частно-владѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ". Границы, отдѣляющія новую к.-д. партію отъ другихъ партій и теченій, намѣчены были на съѣздѣ во вступительной рѣчи П. Милюкова. „Эта граница—тамъ, гдѣ они (наши противники справа) выступятъ во имя узкихъ классовыхъ интересовъ русскихъ аграріевъ и промышленниковъ. Наша партія никогда не будетъ стоять на стражѣ этихъ интересовъ въ ущербъ интересамъ трудящихся классовъ. Между нами и нашими (мы хотѣли бы сказать) не-противниками, а союзниками слѣва также существуетъ извѣстная грань... мы не присоединяемся къ ихъ требованіямъ демократической республики и обобществленія средствъ производства. Одни изъ насъ... потому что считаютъ ихъ вообще непріемлемыми, другіе—потому, что считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики. ...Въ очерченныхъ предѣлахъ наша партія ближе всего подходитъ къ тѣмъ интеллигентнымъ западнымъ группамъ, которыя извѣстны подъ названіемъ „соціальныхъ реформаторовъ"... Наша программа является, несомнѣнно, наиболѣе лѣвой изъ всѣхъ, какія предъявляются аналогичными

намъ политическими группами Западной Европы". Такъ комментировалъ программу к.-д. партіи ея вождь въ моментъ общенаціональнаго подъема. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, когда расколъ между разными освободительными элементами рѣзко обозначился, тотъ же партійный вождь иначе толковалъ смыслъ партійной программы и въ самой программѣ соотвѣтственно были поставлены точки надъ і въ двухъ кардинальныхъ вопросахъ—о монархіи и о поземельной собственности. Но въ то время, въ октябрѣ, кадеты еще разсчитывали, какъ видно изъ статьи А. Чупрова: „К.-д. партія и соціализмъ", объединить въ своихъ рядахъ сознательно-буржуазные элементы съ болѣе или менѣе соціалистически настроенной интеллигенціей. Пока к.-д. обсуждали на съѣздѣ свою программу, пролетаріатъ всеобщей забастовкой добился манифеста 17-го октября. Эта первая крупная побѣда революціи встрѣчена была съ восторгомъ участниками съѣзда. „Въ эту великую историческую минуту",—говорилъ на съѣздѣ Мандельштамъ:—„поклянемся никогда не забывать той громадной роли, которую сыграли рабочіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ политическаго освобожденія. Будемъ помнить, что тамъ, гдѣ наше дѣло кончается, дѣло пролетаріата только начинается". Въ резолюціи, принятой съѣздомъ, выразилось то же настроеніе, хотя въ болѣе осторожной и сдержанной формѣ. Она гласитъ: „Учредительный съѣздъ к.-д. партіи считаетъ долгомъ заявить свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ... члены партіи... рѣшительно отказались добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями власти... Вопросъ только въ томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ или мирнымъ: путемъ стихійнаго взрыва или организованныхъ дѣйствій народной силы... И съ этой точки зрѣнія к.-д. партія горячо привѣтствуетъ крупный шагъ народа на томъ пути, на которомъ стоитъ сама: организованное, мирное и въ то же время грозное выступленіе рабочаго класса, политически безправнаго, но общественно могучаго... К.-д. партія предоставляетъ себѣ, смотря по ходу событій, принять всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ въ ея средствахъ и въ ея власти, чтобы предупредить возможное столкновеніе, но удастся ли ей это или нѣтъ, она напередъ отождествляетъ себя съ народными требованіями и кладетъ на вѣсы народнаго освобожденія все свое сочувствіе, всю свою нравственную силу и окажетъ ему всяческую поддержку".

К.-д-ская программа разсчитана была на то, чтобы объединить всю демократію, не идущую подъ опредѣленно-соціалистическимъ знаменемъ. Но подъ вліяніемъ грознаго выступленія народныхъ массъ политическая дифференціація въ средѣ буржуазной демократіи уже настолько подвинулась впередъ осенью 1905 г., что для одной ея части к.-д.-ая программа оказалась съ самаго начала слишкомъ умѣренной, для другой—слишкомъ радикальной.

Изъ части лицъ, выбранныхъ въ составъ временнаго Ц. К. к. д. партіи, сейчасъ же послѣ съѣзда выступили изъ комитета и изъ партіи С. Прокоповичъ, Е. Кускова, В. Богучарскій и В. Хижняковъ, которые вначалѣ 1906 г. начали издавать еженедѣльникъ „Безъ заглавія", а потомъ и ежедневную газету „Товарищъ". Платформу „безъ заглавія" формулировала Е. Кускова. „Мы рѣшительно примыкаемъ", писала она, „къ тому еще некристаллизовавшемуся у насъ теченію, которое на западѣ связано съ именемъ критическаго соціализма". Недовольство умѣренностью к.-д. обнаружили также сразу нѣкоторые опредѣленно буржуазные элементы, изъ которыхъ одни пытались основать газету „Радикалъ", закрывшуюся, впрочемъ, послѣ 1-же номера, другіе—„партію свободомыслящихъ". Эта партія проявила себя только опубликованіемъ платформы въ ноябрѣ 1905 г. „ Не расходясь съ партіей к.-д. по существу", писали „свободомыслящіе", „мы, однако, требуемъ большаго... Необходимы коренныя реформы, преслѣдующія культурно-просвѣтительныя цѣли... Мы идемъ далѣе к.-д-овъ и въ сочувствіи къ обездоленнымъмассамъ населенія. Наконецъ, мы расходимся съ ними и въ рѣшеніи національнаго вопроса въ Россіи... высказываемся противъ всякой недоговоренности въ вопросѣ объ автономіи". Попытки образовать партію болѣе радикальную, чѣмъ к.-д., опирающуюся на городскую буржуазную демократію, потерпѣли полную неудачу. Значительная часть профессіональной интеллигенціи, группировавшейся вокругъ „Союза Союзовъ", была послѣ октябрьской забастовки въ такой же мѣрѣ недовольна к.-д., какъ и раньше, въ серединѣ 1905 г., „освобожденцами", но, не будучи въ силахъ образовать самостоятельную буржуазно-радикальную партію, она до выборовъ въ 1-ю Думу колебалась между к.-д. и соціалистической партіями, раздѣляя съ послѣдними сочувствіе къ тактикѣ бойкота и „лѣваго блока". Изъ мелко-буржуазныхъ элементовъ лѣвѣе к.-д. сколько-нибудь прочныя партійныя образованія создали лишь идеологи крестьянства (народные соціалисты и трудовики); но это было ужъ позже—въ думскій періодъ. Въ дни же свободы народническая интеллигенція, поскольку она не входила въ составъ партіи с.-р. и организаціи „Крест. Союза", политически объединялась лишь ежедневной газетой „Сынъ Отечества", которая, впрочемъ, въ то время носила тоже соціалистическій, с.-р. характеръ.

Изъ болѣе правыхъ элементовъ, хотя и сочувствовавшихъ направленію к.-д. партіи, но отказавшихся вступить въ ея ряды, вниманія заслуживаютъ лица, группировавшіяся вокругъ „Вѣстника Европы", которыя передъ выборами въ 1-ю Думу образовали „партію демократическихъ реформъ". Въ составъ организаціоннаго комитета этой партіи вошли между прочимъ—К. К. Арсеньевъ, проф. Иванюковъ, проф. М. Ковалевскій, проф. В. Кузьминъ-Караваевъ, проф. Н. Меншуткинъ, проф. А. Посниковъ, Д. Стасовъ и М. Стасюлевичъ. Въ своей избирательной платформѣ этотъ комитетъ слѣ-

дующимъ образомъ формулировалъ свои разногласія съ к.-д. партіей: „Но настало еще время для образованія замкнутыхъ, строго регламентированныхъ партій и для ограниченія, въ видахъ достиженія преслѣдуемыхъ ими цѣлей, личной свободы... Партія, только-что выступающая на политическую арену, не должна разсчитывать на безусловное повиновеніе: слишкомъ мало еще доказана ея жизнеспособность“... Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя программныя разногласія съ к.-д.: „Мы считаемъ наиболѣе правильной двухпалатную систему; мы допускаемъ автономію отдѣльныхъ областей лишь какъ исключеніе, устанавливаемое въ порядкѣ измѣненія основного закона—и только въ сферѣ вопросовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе; мы обусловливаемъ право участія въ мѣстномъ самоуправленіи сравнительно долгимъ срокомъ проживанія въ данной мѣстности или владѣнія въ ней недвижимостью... Мы признаемъ необходимымъ установленіе высшаго и низшаго размѣра землевладѣнія при отчужденіи... Мы признаемъ за рабочими право стачекъ. Вопросъ о возможности отступленій въ законодательномъ порядкѣ отъ этого общаго правила въ отношеніи нѣкоторыхъ видовъ стачекъ оставляется открытымъ... Мы за законодательную охрану труда въ смыслѣ возможно большаго сокращенія рабочаго дня“... Какъ видно изъ этой платформы „партія дем. реформъ“ заняла позицію болѣе правую, чѣмъ к.-д-ы. Еще далѣе вправо за бортомъ к.-д.-ской партіи остались элементы, вошедшіе въ составъ „конституціонно-монархическихъ“ партій, которыя 5 декабря 1905 г. вступили въ соглашеніе формально на платформѣ манифеста 17 октября, фактически на платформѣ контръ-революціи. Соглашеніе это подписали—„Союзъ 17 октября“, „прогрессивная экономическая партія“, „партія правового порядка“, „Всероссійскій торгово-промышленный Союзъ“, „Демократическій Союзъ конституціоналистовъ“, „Союзъ мирнаго обновленія“, „Лига скорѣйшаго созыва народныхъ представителей“...

К.-д-ская партія, конституировавшаяся наспѣхъ въ разгаръ революціи, до 2-го съѣзда (4—11 января 1906 г.), не чувствовала еще твердой почвы подъ ногами. На первомъ съѣздѣ партія была еще настолько неполно представлена, что у нѣкоторыхъ членовъ ея возникли даже сомнѣнія, имѣетъ ли право этотъ съѣздъ взять на себя учредительныя функціи. Въ виду, однако, быстро развертывавшихся событій, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ единогласно въ утвердительномъ смыслѣ. Октябрьскій съѣздъ партіи принялъ программу, уставъ и выбралъ временный центр. комитетъ изъ 30 лицъ, въ составъ которыхъ вошли: В. Вернадскій, М. Винаверъ, І. Гессенъ, кн. Пав. Долгоруковъ, кн. Петръ Долгоруковъ, Н. Коблуковъ, Ф. Кокошкинъ, А. Колюбакинъ, А. Корниловъ, С. Котляревскій, П. Лучицкій, Н. Львовъ, В. Маклаковъ, А. Максимовъ, М. Мандельштамъ, П. Милюковъ, С. Муромцевъ, В. Набоковъ, И. Петровскій, И. Петрункe-

вичъ, М. Сабашниковъ, Н. Тесленко, Н. Черненковъ, кн. Д. Шаховской, П. Щепкинъ и Д. Якушкинъ. Комитетъ этотъ, переизбранный почти въ тотъ же составъ на 2-мъ съѣздѣ, избралъ своимъ предсѣдателемъ кн. Пав. Долгорукова[1]). Постояннымъ мѣстопребываніемъ комитета была Москва, пленарныя же засѣданія его созывались по очереди одинъ разъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ. Съ приближеніемъ созыва первой Думы, мѣстопребываніе комитета перенесено было въ Петербургъ.

Временный Ц. К., функціонировавшій до 2-го съѣзда, занятъ былъ преимущественно завязываніемъ организаціонныхъ связей; политически онъ за это время ни разу не успѣлъ выступить. Поскольку к.-д-ы въ первые мѣсяцы выступали политически, это дѣлалось не ц. к-омъ, а отдѣльными видными членами партіи за ихъ личной или групповой отвѣтственностью. И всѣ эти выступленія — въ печати, въ переговорахъ съ правительствомъ и на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ, поскольку они носили актуальный характеръ, сводились къ попыткамъ посредничества между правительствомъ Витте и революціонной демократіей. Такого рода попытки стали дѣлаться очень скоро послѣ учредительнаго съѣзда вопреки его торжественному отказу отъ этой тактики.

Начавшіеся непосредственно за опубликованіемъ манифеста 17 окт. черносотенные погромы, избіенія евреевъ и интеллигенціи первоначально укрѣпили у кадетовъ сознаніе необходимости тѣснаго сплоченія всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ. Редакція к.-д-скаго „Права“ писала въ № отъ 25-го октября: „Для борьбы съ этой опасностью (общественной реакціи) необходимо сплотиться какъ возможно тѣснѣй всѣмъ живымъ и сознательнымъ силамъ общественнаго движенія. Соціалистическія партіи, рабочая и крестьянская совершатъ великій грѣхъ передъ исторіей, если ошибками своей революціонной тактики, своимъ враждебнымъ недовѣріемъ онѣ оттолкнутъ отъ себя демократическую интеллигенцію. И еще большій грѣхъ совершитъ интеллигенція, если изъ-за тактическихъ разногласій или даже разногласій програмныхъ она отколется отъ соціалистическихъ партій и тѣмъ самымъ предастъ ихъ общему врагу... Манифестъ 17 октября — завоеваніе „смуты“. Но не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями: время мира и даже перемирія еще не приспѣло; больше того — какъ разъ теперь, послѣ частичной побѣды, борьба должна вестись съ удвоенной силой“. Въ томъ же духѣ высказывается въ томъ же номерѣ Вл. Набоковъ: „Усматривая задачу момента и единственное спасеніе отъ буржуазной или преторіанской реакціи въ соединеніи всѣхъ силъ оппозиціи, мы на этой почвѣ можемъ

---

1) Съ началомъ занятій 2-й Г. Думы, вмѣсто кн. Пав. Долгорукова, обремененнаго парламентской работой, предсѣдателемъ Ц. К. былъ выбранъ П. Милюковъ, который послѣ III съѣзда партіи выполнялъ обязанность тов. предсѣдателя Ц. К.

протянуть руку влѣво... Расколъ между нами и стоящими влѣво мы бы считали историческимъ преступленіемъ". Однако Вл. Набоковъ въ этой самой статьѣ обнаружилъ, что к.-д. уже въ тотъ моментъ разсчитывали не только на „соединеніе всѣхъ силъ оппозиціи", но и на государственный разумъ министерства Витте: „Съѣздъ приглашаетъ партію", писалъ онъ тамъ, „фактически осуществлять всѣ обѣщанныя манифестомъ, но не закрѣпленныя... условія политической свободы. Русское общество уже достаточно политически воспитано для того, чтобы усмотрѣть въ подобномъ отношеніи къ министру не отрицаніе и недовѣріе во что бы то ни стало, а результатъ прежняго опыта и многихъ разочарованій... Отгоните волковъ, сдѣлайте ихъ безопасными, прежде чѣмъ звать насъ безоружныхъ въ свой станъ". Это былъ отвѣтъ на призывъ Витте къ общественной поддержкѣ „конституціоннаго" министерства.

Хотя к.-д-ы признавали, что „время перемирія еще не приспѣло" и что „борьба должна вестись съ удвоенной силой", тѣмъ не менѣе безсиліе организовавшейся въ разныхъ мѣстахъ общественной самообороны въ борьбѣ съ черносотенными погромами, съ одной стороны, и готовность министерства вступить въ переговоры съ общественными дѣятелями, съ другой, очень скоро поколебали настроеніе кадетовъ. Забывъ „рѣшительный отказъ съѣзда отъ мысли добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями власти", кадеты очень скоро начали строить свои разсчеты не на „соединеніи всѣхъ силъ оппозиціи", а на антагонизмѣ Витте съ Треповымъ, цѣпляясь за надежду, что авось „само правительство", какъ говорило „Право", „станетъ во главѣ движенія и смѣлой рукой поведетъ его впередъ". Готовность Витте „стать во главѣ обществ. движенія" выразилась въ слѣдующемъ: Не нашедши себѣ сотрудниковъ среди оторванныхъ отъ жизни старыхъ либеральныхъ бюрократовъ, онъ обратился къ посредничеству отмежевавшихся отъ большинства на сентябрьскомъ земскомъ съѣздѣ А. Гучкова и Д. Шипова, предлагая послѣднему „кандидатуру на постъ" государственнаго контролера. Когда же тѣ отказались отъ посредничества, ссылаясь на то, что не пользуются теперь достаточнымъ вліяніемъ въ либеральномъ обществѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ представителями бюро земскихъ съѣздовъ и отдѣльно отъ нихъ съ Ев. Трубецкимъ, которому предложилъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Переговоры эти ни къ чему не привели, ибо Витте не соглашался ни на шагъ отступить отъ прежней оффиціальной политики правительства. Кадетскіе представители бюро съѣздовъ заявили поэтому Витте, что единственный выходъ изъ даннаго положенія — созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго прямого, равнаго и тайнаго голосованія, немедленное осуществленіе возвѣщенныхъ въ манифестѣ свободъ и дарованіе полной политической амнистіи. Это было

послѣднее слово кадетскихъ представителей бюро зем. съѣздовъ; но это послѣднее слово не даетъ полнаго представленія о всемъ ходѣ переговоровъ к.-д-овъ съ Витте. Судя по тому, что Ив. Петрункевичъ объ этомъ писалъ въ „Полярной Звѣздѣ“, и П. Милюковъ въ „Correspondance Russe“, роль к.-д-овъ не ограничилась тѣмъ, что они предъявляли Витте ультиматумъ. Они, повидимому, вопреки постановленію учредительнаго съѣзда не только вступили съ правительствомъ въ переговоры, но готовы были идти также на немалыя уступки. Защищаясь отъ упрековъ заграничной прессы по адресу нашихъ „умѣренныхъ партіи“, упустившихъ достаточно удобный случай возможнаго соглашенія съ правительствомъ, Ив. Петрункевичъ писалъ въ декабрѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что... въ его (Витте) активѣ имѣется большой умъ, умѣющій приспособляться къ обстоятельствамъ, широкое довѣріе западно европейскихъ финансовыхъ круговъ, а, главное, Портсмутскій договоръ... Но никто не знаетъ того, что, приглашая вступить въ кабинетъ, графъ Витте исключалъ самую идею кабинета, т. е. единства состава, программы, дѣйствій и отвѣтственности. При такихъ условіяхъ никакой, даже *коалиціонный кабинетъ,* составить было невозможно“. П. Милюковъ въ своихъ „бесѣдахъ“ съ Витте, судя по его разсказу, предлагалъ нѣсколько большія требованія, нежели „единства хотя бы коалиціоннаго кабинета“. Онъ предлагалъ октроировать достаточно либеральную хартію, указывая какъ на образецъ „на болгарскую конституцію или на какую-либо другую разновидность бельгійской, но со всеобщимъ избирательнымъ правомъ“, при чемъ доказывалъ Витте, что созывъ Учредительнаго Собранія менѣе „чреватъ боковыми толчками и катастрофами“, нежели та Дума, которую проектировало правительство.

На Витте эти увѣщанія не подѣйствовали. Онъ возразилъ, что общество уже не удовлетворится дарованной конституціей, народъ же выскажется противъ конституціи. Этотъ отвѣтъ показываетъ, что у правительства уже тогда созрѣлъ демагогическій планъ — опереться на „народъ“, на сѣрое крестьянство въ борьбѣ съ революціей,—планъ, легшій въ основу избирательнаго закона 11-го декабря, создавшаго крестьянскую курію. Но больше, чѣмъ слова гр. Витте, о его намѣреніяхъ говорили его дѣла. Объявленіе военнаго положенія въ Польшѣ и передача дѣла о кронштадскихъ матросахъ военно-полевому суду разсѣяли всѣ иллюзіи к.-д-овъ и тогда они вновь обратили свои взоры къ революціонной демократіи. Но позиція, занятая послѣдней, внушала к.-д-амъ великія опасенія.

Въ отвѣтъ на объявленіе военнаго положенія въ Польшѣ и на назначеніе военно-полевого суда надъ кронштадтскими матросами, главнымъ же образомъ для выраженія солидарности съ послѣдними, для скрѣпленія дружбы между пролетаріатомъ и арміей, Совѣтъ Раб. Депутатовъ объявилъ 2-ю ноябрь-

скую забастовку. Эта повторенная забастовка и особенно возобновленная послѣ этой забастовки борьба за введеніе 8-часового рабочаго дня захватнымъ порядкомъ вызвала озлобленіе въ рядахъ капиталистической буржуазіи и толкнула ее въ контръ-революціонный лагерь. Въ виду такого опаснаго оборота дѣла, к.-д.-ы., вновь обратившіеся лицомъ къ революціи, стали взывать къ благоразумію пролетаріата и демократіи. Въ пространной статьѣ, помѣщенной въ № 1 „Свободнаго Народа“, П. Милюковъ писалъ: „Завершитъ ли русская революція весь логически законченный циклъ великихъ всемірныхъ революцій, чтобы прійти къ ихъ неизбѣжному фатальному результату—усиленію власти?.. Отъ степени ихъ (сознательныхъ элементовъ общества) активности зависитъ... спасти революцію отъ нея самой—ея положительные результаты отъ ея увлеченій и эксцессовъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые ставятъ на одну доску „тираннію революціи“ съ „тираннiей самодержавія“... Мы хорошо понимаемъ и вполнѣ признаемъ верховное право революціи, какъ фактора, создающаго грядущее право въ открытой борьбѣ съ историческимъ правомъ отжившаго уже нынѣ политическаго строя. Но... мы не дѣлаемъ изъ нея фетиша... этотъ методъ хорошъ, если онъ достигаетъ цѣли. Оттуда изъ низовъ выходятъ погромы и аграрные пожары, оттуда же можетъ выйти термидоріанская реакція или наполеоновскій плебисцитъ... Мы близко подходимъ къ этому предѣлу, если слишкомъ часто и легко прибѣгаемъ къ такимъ сильно дѣйствующимъ тактическимъ средствамъ—какъ, наприм., политическая забастовка... Въ городѣ русскій соціализмъ прилагаетъ доктрину, очень обстоятельно разработанную Западомъ—и ему остается только поднять свою домашнюю тактику на высоту заимствованной доктрины. Деревенскій же соціализмъ—специфическое русское изобрѣтеніе: онъ имѣетъ твердую почву въ крестьянскомъ вѣковомъ инстинктѣ, но его теоретическія основы крайне слабы. Этой неясности теоретической мысли соотвѣтствуетъ упрощенная тактика, дѣйствительное примѣненіе которой грозитъ самой серьезной опасностью для русскаго освободительнаго движенія. Нашимъ крайнимъ партіямъ мы говоримъ: не забывайте, что у насъ есть общія цѣли съ вами, и тогда вы будете имѣть насъ на своей сторонѣ. Но вы себя изолируете и сами роете себѣ яму... Мы, наконецъ, обращаемся ко всему обществу и говоримъ: не ждите, пока анархія въ странѣ вызоветъ безпощадную реакцію. Не оставайтесь пассивными и какъ можно скорѣй организуйтесь. Помните, что высшая и важнѣйшая задача времени есть созданіе правильнаго народнаго представительства и ликвидація, при его посредствѣ, всѣхъ остатковъ отжившаго самодержавнаго порядка“...

Благожелательные совѣты кадетовъ не нашли и не могли найти отклика ни у соціалистической, ни вообще у революціонной демократіи. Во-первыхъ, к.-д. не заслужили довѣрія демократіи, благодаря тому, что они во всѣхъ

случаяхъ одинаково удерживались отъ всякаго революціоннаго шага, когда бы онъ ни подготовлялся, хотя и привѣтствовали его всегда послѣ того, какъ онъ возымѣлъ успѣхъ; благодаря тому, что они на всякомъ этапѣ революціи съ крайней легкостью готовы были признать себя удовлетворенными и вступить съ правительствомъ въ соглашеніе. Во-вторыхъ, за ними не стояла сильная организованная сила, съ которой правительство считалось бы, какъ съ таковой, которая могла бы хоть на время затормозить наступленіе реакціи и тѣмъ самымъ предупредить преждевременныя выступленія пролетаріата и помочь сплоченію силъ революціи. Поэтому революціонная демократія просто игнорировала к.-д., а революціонныя событія продолжали развиваться совершенно независимо отъ того, что говорили кадеты, обреченные на роль пассивныхъ зрителей.

Результатомъ ноябрьской забастовки и одновременнаго обостренія аграрнаго движенія было, съ одной стороны, быстрое наростаніе буржуазныхъ страховъ, съ другой—рядъ крупныхъ волненій въ арміи. 14-го ноября начинается волненіе въ электротехнической ротѣ въ Петербургѣ, 14—15 ноября вспыхиваетъ возстаніе въ Севастополѣ, во главѣ котораго становится лейтенантъ Шмидтъ, 15-го ноября начинается почтово-телеграфная забастовка. Моментъ севастопольскаго возстанія былъ наиболѣе критическій за весь 2-хъ мѣсячный революціонный періодъ. И это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ наибольшей растерянности въ рядахъ кадетовъ и либеральныхъ земцевъ. Это обнаружилось особенно ярко на послѣднемъ общеземскомъ съѣздѣ, начавшемъ свои засѣданія 6-го ноября, одновременно со съѣздомъ Крестьянскаго Союза.

Корреспонденція въ к.-д. „Правѣ“ о земскомъ съѣздѣ констатируетъ: „Въ моментъ открытія съѣзда царило смятеніе, скажемъ больше—испугъ“. Это настроеніе особенно питали телеграммы, полученныя съѣздомъ изъ провинціи. Кіевскій городской голова дезавуировалъ кіевскихъ делегатовъ, астраханскій биржевой комитетъ предлагаетъ сплотиться вокругъ правительства на основѣ манифеста, организаціонное бюро Харьковскаго уѣзднаго земскаго съѣзда предлагаетъ то же самое; екатеринославскіе земцы протестовали противъ Учред. Собранія и требовали созыва Думы, группа астраханскихъ присяжн. повѣренныхъ предлагала поддержать правительство, „стремящееся къ осуществленію гражданственности“, казанская дума высказалась за созывъ Думы на основѣ закона 6-го августа, 800 казанскихъ гражданъ высказались за поддержку правительства, представитель Кронштадта высказался противъ Учред. Собранія, красноярская дума—за немедленный созывъ Госуд. Думы и предоставленіе ей рѣшенія вопроса о прямомъ голосованіи.

На самомъ съѣздѣ сразу намѣтилась характерная группировка. Масса великорусскихъ делегатовъ изъ губ. Петербургской, Саратовской, Рязанской, Псковской, Орловской, Казанской совершила рѣзкій поворотъ вправо. За ними

потянулись направо, хотя и не столь рѣшительно, видные представители к.-д.аго центра—Котляревскій, кн. Павелъ Долгоруковъ, И. Петрункевичъ. На старой позиціи устояла лишь часть великорусскихъ к.-д.-овъ, новгородскій делегатъ Колюбакинъ, Милюковъ, костромскіе делегаты Сафоновъ и Каратыгинъ, московскій—Щепкинъ и украинскіе Шрагъ и Лучицкій. Затѣмъ рѣзко обозначилось два крайнихъ фланга. На правомъ флангѣ А. Гучковъ и кн. Волконскій уже заявили оффиціально, „что они образовали отдѣльную группу для поддержки правительства, стоящую на почвѣ манифеста 17 октября". А. Гучковъ при этомъ, для иллюстраціи тираніи революціи, указалъ на то, что наборщики отказались набирать политическую платформу вновь образовавшейся группы 17 октября. На лѣвомъ флангѣ очутились почти исключительно представители окраинъ—Абрамовъ изъ Ставрополя-Кавказскаго, Бѣльскій изъ Ков. губ., кн. Аргутинскій-Долгоруковъ изъ Тифлиса, Филипповъ изъ Донской области, Тавергеридзе изъ Сухума и Фриденсонъ изъ Иркутска. Тавергеридзе, отвергая поддержку правительства и отстаивая Учредит. Собраніе, предложилъ между прочимъ послать депутацію къ Государю съ благодарностью за манифестъ 17-го октября и съ требованіемъ, чтобъ Государь, правительство и весь народъ присягнули на вѣрность конституціи. Фриденсонъ же заявилъ: „Меня послали сюда, чтобъ предложить Съѣзду взять на себя организацію всеобщихъ выборовъ; видя настроеніе Съѣзда, я даже не дѣлаю этого предложенія. Намъ приходится дифференцироваться".

Дебаты на Съѣздѣ вращались первоначально вокругъ вопроса объ аграрныхъ безпорядкахъ и о черносотенныхъ погромахъ; въ связи съ этимъ указывалось на то, что народъ теменъ, что съ этой темной силой надо считаться, что въ виду монархическаго настроенія народа надо рѣшительно отвергнуть лозунгъ Учредит. Собранія. Значительное большинство Съѣзда стало на эту точку зрѣнія и высказалось за предоставленіе первому представительному собранію лишь „учредительныхъ функцій" для выработки конституціи „съ утвержденія Государя". Изъ тѣхъ же соображеній нѣкоторые к.-д.-ы (Карауловъ и др.) высказались противъ непонятнаго народу „выраженія"—автономія, нѣкоторые же, и въ томъ числѣ видный кадетъ Котляревскій, предлагали отказаться отъ принципа прямого голосованія въ представительныхъ учрежденіяхъ. Эти предложенія однако не прошли. Была также сдѣлана попытка ограничить требованіе всеобщей амнистіи. Ковенскій делегатъ Врублевскій предложилъ добавить къ этому требованію оговорку—„за исключеніемъ преступленій, связанныхъ съ грабежами и разбоями". Это добавленіе, имѣвшее въ виду сохраненіе репрессій противъ аграрныхъ волненій, поддержано было Ив. Петрункевичемъ и прошло большинствомъ 129 противъ 98 голосовъ. Когда, однако, Колюбакинъ констатировалъ „чисто-классовый характеръ"

этого рѣшенія, Съѣздъ смутился, по предложенію кн. Шаховского переголосовалъ резолюцію въ цѣломъ и отвергъ ограниченіе.

Во время засѣданій Съѣзда извѣстно стало про севастопольское возстаніе и про то, что Витте, въ связи съ этимъ, въ частной телеграммѣ къ И. Петрункевичу, взывалъ къ „патріотизму" общественныхъ дѣятелей. Эти извѣстія вызвали сильнѣйшее смятеніе у делегатовъ Съѣзда, которые начали было уже приходить въ себя отъ первоначальнаго испуга.

Кн. Павелъ Долгоруковъ заявилъ: „Надо подать руку помощи Витте... Пусть Витте только наиболѣе талантливый представитель той же бюрократіи, противъ которой мы боремся. Что изъ этого? Его министерство ликвидаціонное, и въ этомъ смыслѣ мы обѣщаемъ поддержать его, выработавъ, какъ условіе нашей поддержки, *какую-либо формулу*". Такимъ образомъ вновь поднятъ былъ вопросъ о переговорахъ съ Витте, несмотря на то, что прежніе ни къ чему не привели. Противъ предложенія П. Долгорукова высказался Щепкинъ: „Мы слишкомъ рано вздумали отдыхать. Для насъ, можетъ быть, и довольно, но за нами народъ и мы не смѣемъ отдыхать... Здѣсь говорятъ—нужно присоединиться къ Витте, ибо онъ виситъ на ниточкѣ. Но не опасно ли присоединяться къ человѣку, который держится на ниточкѣ?" Возраженія Щепкина и другихъ не встрѣтили, однако, сочувствія у большинства делегатовъ съѣзда. Нѣкоторые высказались за безоговорочную поддержку правительства, другіе за немедленное образованіе комиссіи изъ общественныхъ дѣятелей для оказанія помощи правительству. Въ концѣ концовъ рѣшено было поручить бюро выработать резолюцію. Выработанная имъ резолюція гласила: „Содѣйствіе умиротворенію со стороны *могло бы быть болѣе дѣйствительно*, если бъ правительство обнаружило надлежащую рѣшительность и послѣдовательность при проведеніи въ жизнь началъ манифеста... Министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно. Всякое же отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе". Далѣе въ резолюціи говорится о необходимости немедленнаго созыва представительнаго собранія на основѣ 4-хчленной формулы съ предоставленіемъ ему „учредительныхъ функцій" для выработки „съ утвержденіемъ Государя" конституціи; о томъ, что этому собранію должно быть предоставлено установить „реальныя начала земельной реформы" и принять „необходимыя мѣры" въ области рабочаго законодательства и т. д. Отступая отъ рѣшеній сентябрьскаго съѣзда, ноябрьскій съѣздъ, какъ мы видимъ, не только отказался отъ „Учредит. Собранія", но умолчалъ также о „принудительномъ отчужденіи", не говоря уже о 8 час. рабочемъ днѣ. Проектъ резолюціи встрѣтилъ возраженія и справа,

и слѣва. Абрамовъ, напримѣръ, возражая противъ абзаца—„всякое отступленіе встрѣтитъ рѣшительное противодѣйствіе“, спрашивалъ: „А развѣ мало уже сдѣлано такихъ отступленій? Сколько же надо перестрѣлять и перебить людей, чтобы мы, наконецъ, оказали рѣшительное противодѣйствіе?!“ Несмотря на эти возраженія, формула бюро принята была огромнымъ большинствомъ 204 противъ 23 голосовъ. Послѣ принятія резолюціи обсуждалось предложеніе бюро о посылкѣ депутаціи къ министерству для ознакомленія его съ рѣшеніями Съѣзда. За посылку делегаціи высказались многіе видные к.-д. Противъ предложенія бюро выступилъ П. Милюковъ: „Наша депутація“, говоритъ онъ, „явится къ гр. Витте. Онъ ее любезно приметъ, но такъ какъ не онъ ее приглашалъ, то онъ прочитаетъ ей маленькую нотацію. Положеніе получится унизительное“. Съѣздъ съ аргументами Милюкова не согласился и высказался за посылку депутаціи большинствомъ 83 противъ 57 голосовъ. Когда же И. Петрункевичъ внесъ предложеніе, чтобы депутація была послана немедленно, а не въ будущемъ, по усмотрѣнію бюро, это было отвергнуто большинствомъ 70 противъ 67. Послѣднее голосованіе послѣдняго земскаго съѣзда особенно наглядно показало, что либеральные земцы совершенно потеряли голову и ни на что не способны были рѣшиться.

Депутація, однако, была послана; но Витте заставилъ ее ждать отвѣта въ теченіе недѣли, послѣ чего онъ заявилъ въ правительственномъ сообщеніи, что правительство больше уже въ поддержкѣ „общества“ не нуждается. Послѣ подавленія севастопольскаго возстанія правительство взяло „твердый курсъ“ и перешло въ рѣшительное наступленіе противъ революціи. 26-го ноября арестованъ былъ предсѣдатель Совѣтъ Раб. Депутатовъ—Хрусталевъ, а 1-го декабря изданъ былъ циркуляръ объ арестѣ всѣхъ главарей движенія. Тогда революціонныя организаціи для самообороны 2 декабря опубликовываютъ въ газетахъ свой „финансовый манифестъ“. Правительство въ отвѣтъ на это 3 декабря арестовываетъ Петерб. Совѣтъ Раб. Деп. Послѣ этого 6 декабря начинается III-я забастовка и затѣмъ слѣдуетъ финалъ—московское возстаніе и разстрѣлъ Москвы.

Въ самый разгаръ московскаго возстанія въ Петербургѣ начала выходить, подъ редакціей Петра Струве, „Полярная Звѣзда“. Въ этомъ органѣ озлобленные правые к.-д. подымаютъ бунтъ противъ „революціи“. Еще недавно въ ноябрѣ П. Милюковъ писалъ въ „Свободномъ Народѣ“: „Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые... ставятъ на одну доску „тираннію революціи“ съ „тираніей самодержавія“. 13 декабря въ заявленіи „отъ редакціи“ П. Струве пишетъ: „Мы заклятые враги, враги по разуму, совѣсти и чувству всякаго насилія, исходитъ ли оно отъ власти или отъ анархіи“. Ту же мысль онъ обстоятельно развиваетъ въ статьѣ „Два стачечныхъ комитета“. Даже ноябрьскій земскій съѣздъ не могъ найти

платформы для объединенія земцевъ-конституціоналистовъ съ А. Гучковымъ и прочими октябристами. 13 декабря же П. Струве пишетъ въ „Полярной Звѣздѣ“: *„Россіи необходимо признанное верховной властью и облеченное довѣріемъ хотя бы части* общества правительство изъ состава общественныхъ дѣятелей. Почему, напр., такіе умѣренные и консервативные люди, какъ дѣятели союза 17 октября, въ числѣ которыхъ есть умные, энергичные и, безусловно, *честные* люди, не заслуживаютъ такого довѣрія Монарха, которымъ до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться гг. Витте, Дурново и прочіе чиновники?!“ Въ той же „Полярной Звѣздѣ“ А. Кауфманъ, въ статьѣ „Познай самого себя“ призываетъ кадетовъ отбросить предразсудки и рѣшительно отмежеваться отъ революціонныхъ партій: „Мы не скрываемъ отъ себя“, пишетъ онъ, „что въ настоящій моментъ крайняго общественнаго возбужденія здѣсь—источникъ нашей слабости... Но настоящая минута—это именно минута. И когда обманутые заманчивыми обѣщаніями соціалъ-демократовъ рабочіе окажутся лицомъ къ лицу съ разбитымъ корытомъ, въ видѣ окончательно закрывшихся фабрикъ, сотенъ тысячъ безработныхъ и рѣзко измѣнившагося общественнаго настроенія, когда крестьяне, разгромившіе нѣсколько сотъ помѣщичьихъ имѣній и прекратившіе уплату казенныхъ и земскихъ налоговъ, останутся при тѣхъ же голодовкахъ и той же цынгѣ, но безъ школъ, безъ медицинской помощи и т. д.—тогда крестьяне и рабочіе *будутъ* слушать тѣхъ, кто скажетъ имъ, что ихъ насущныя нужды могутъ быть удовлетворены путемъ постоянной эволюціи и т. д.“ Аргументація А. Кауфмана, писавшаго свою статью въ то время, когда Дубасовъ разстрѣливалъ Москву пушками, показалась, однако, слишкомъ рискованной даже нѣкоторымъ ближайшимъ сотрудникамъ „Полярной Звѣзды“, и С. Франкъ отвѣтилъ ему въ той же книжкѣ журнала въ статьѣ „Одностороннее самопознаніе“: „Онъ (Кауфманъ) утѣшаетъ партію напоминаніемъ, что „настоящая минута—это именно минута“... Но вѣдь эта минута—одна изъ тѣхъ минутъ, которыя опредѣляютъ судьбу страны, быть можетъ, на цѣлые вѣка... Если „самопознаніе“ конституціонно-демократической партіи должно дѣйствительно привести ее къ выводу, что въ эпоху революціи она безсильна, и что ей остается лишь формулировать свои pia desideria, отказываясь до болѣе спокойнаго времени отъ ихъ осуществленія, то это самопознаніе равносильно, мнѣ кажется, самоубійству... Въ политикѣ научаются не наставленіями, а примѣрами дѣйствій. Кадетская партія... никого не убѣдитъ, пока сама не возьмется за дѣла революціи и не покажетъ на фактахъ,—что революцію можно дѣлать болѣе разумно и производительно... А для этого прежде всего надо открыто встать на почву всенародной революціи“...

ГЛАВА III.

Условія, укрѣпившія к. д.-скую партію: Избирательный законъ 11 декабря; бойкотистская тактика «лѣвыхъ»; правительственныя репрессіи и полѣвѣніе городскихъ обывателей, параллельно съ поправѣніемъ землевладѣльцевъ и крупныхъ капиталистовъ. Консолидація к. д.-ой тактики на II-мъ съѣздѣ. Организаціонная дѣятельность Ц.-К. партіи; ростъ партійныхъ организацій. К.-д.-ая печать. Преслѣдованія партіи и вопросъ объ ея легализаціи. Приспособленіе к.-д.-овъ къ лѣвымъ избирателямъ. «Каторжные законопроекты». III съѣздъ партіи и критика ея Ц.-К.-а провинціальными делегатами.

Вся совокупность политическихъ условій послѣ перваго рѣшительнаго пораженія революціи благопріятствовала тому, чтобы к.-д.-ская партія въ началѣ 1906 г. заняла очень видное мѣсто въ политической жизни. Подавленіе московскаго возстанія и аналогичныхъ возстаній въ провинціи дезорганизовало силы революціонныхъ партій, тѣмъ болѣе, что извѣстнаго рода инерція долго мѣшала имъ приспособиться къ измѣнившимся условіямъ и обрекала ихъ въ теченіе нѣкотораго времени на пассивную тактику бойкота. Такимъ образомъ, главные соперники кадетовъ были на время отстранены отъ политической арены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изданный въ разгаръ московскаго возстанія избирательный законъ 11-го декабря создалъ прочную базу для кадетской партіи, которая только въ процессѣ парламентскихъ выборовъ могла соорганизоваться и развернуть свои силы.

Но подавленіе возстанія укрѣпило кадетовъ не только за счетъ революціонныхъ партій; жестокій методъ расправы съ революціей укрѣпилъ ихъ также и за счетъ болѣе правыхъ партій, которые въ ноябрьскіе дни стали быстро пріобрѣтать вліяніе въ обществѣ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ декабрьскихъ событій, П. Милюковъ писалъ: „Революціонеры... разъединили общество, отбросивъ умѣренную часть его направо; безразборчивая правительственная реакція можетъ снова возстановить единство оппозиціоннаго настроенія и отбросить средніе элементы влѣво“. Въ январѣ на II-мъ съѣздѣ тотъ же П. Милюковъ говорилъ объ этой возможности уже, какъ о свершившемся фактѣ: „Если бъ правительство подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ испуга, овладѣвшаго обществомъ, произвело тогда же свои выборы въ Думу, вѣроятно, многимъ изъ насъ пришлось бы подумать, стоитъ ли принимать участіе въ выборахъ... Къ счастію, положеніе, бывшее такимъ... еще недѣлю другую тому назадъ... сейчасъ уже начинаетъ замѣтно измѣняться... пушки и пулеметы Дубасова оказались гораздо опаснѣе для средняго обывателя, чѣмъ браунинги членовъ революціонныхъ дружинъ“.

Конечно, то „единство оппозиціоннаго настроенія“, которое имѣло

мѣсто въ октябрьскіе дни, уже отошло въ область безвозвратнаго прошлаго. Значительная часть крупно-капиталистической буржуазіи подъ вліяніемъ всеобщихъ забастовокъ надолго прониклась ненавистью къ революціи. Еще болѣе рѣшительно и безповоротно перешли на сторону реакціи подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія землевладѣльцы-земцы, которые когда-то составляли основу русскаго либерализма. Реакціонное настроеніе, вспыхнувшее въ этой средѣ впервые на ноябрьскомъ съѣздѣ 1905 г., на послѣдовавшихъ собраніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, а затѣмъ на выборахъ земскихъ гласныхъ лѣтомъ 1906 г. проявлялось все болѣе и болѣе рѣзко. Огромное большинство земствъ открыло походъ противъ такъ наз. „третьяго элемента“ и съ этой цѣлью стало разрушать цѣлый рядъ важнѣйшихъ отраслей земскаго хозяйства (книжные склады, статистику, агрономію, земскую печать и пр.). Какъ изъ рога изобилія посыпались земскія ходатайства о введеніи чрезвычайныхъ охранъ и исключительныхъ положеній, о репрессіяхъ противъ забастовокъ и пр.; рядъ земствъ сталъ ассигновывать крупныя суммы на стражниковъ, на деревенскую полицію. Одно земство за другимъ стало выражать довѣріе правительству Витте и т. д., и т. д. (см. Б. Веселовскій. Движеніе землевладѣльцевъ. Общ. дв. въ Р. т. II, часть 2). Но это контръ-революціонное настроеніе прочно овладѣло лишь помѣщиками и отчасти крупными капиталистами. Масса же среднихъ городскихъ обывателей оправилась скоро отъ испуга и въ началѣ 1906 г. стала все болѣе и болѣе проникаться возмущеніемъ противъ вакханаліи карательныхъ экспедицій. Эта перемѣна въ настроеніи проявилась въ цѣломъ рядѣ фактовъ. Общее собраніе петерб. присяжныхъ повѣренныхъ постановляетъ собирать матеріалъ о правительственныхъ звѣрствахъ для привлеченія органовъ правительства къ суду народныхъ представителей; бюро союза инженеровъ протестуетъ противъ поведенія полиціи; въ Воронежѣ на засѣданіи делегатовъ союза духовенства ораторы протестуютъ противъ совершающихся насилій; офицеры 2-го сибирскаго пѣхотнаго битинскаго парка, включая и полкового командира генералъ-маіора Румшевича, высказываются противъ исполненія войсками полицейскихъ обязанностей, высказываются за политическую нейтральность арміи, противъ антагонизма солдатъ и офицеровъ; татары Петербургской, Казанской, Оренбургской и Пензенской губ. заявляютъ о желаніи присоединиться къ кадетской партіи и т. д. Характеризуя настроеніе средняго городского обывателя и самъ отражая это настроеніе, профес. Гриммъ пишетъ въ концѣ января 1906 въ „Правѣ“: „Годъ тому назадъ, какъ отдѣльные публицисты, такъ и разнаго рода общественныя организаціи считали нужнымъ обращаться къ самому правительству... Въ настоящее время... всякій, кто выступаетъ съ тѣмъ или инымъ призывомъ, обращается... къ обществу. Отъ

общества и народа, и только отъ нихъ, мы ждемъ спасенія изстрадавшейся Россіи... Общество должно быть готово и готовиться къ худшему".

Разгулъ контръ-революціи, толкнувшій влѣво средняго городского обывателя, освобождалъ к.-д.-скіе элементы отъ тяготѣнія къ октябризму. Если въ ноябрѣ октябристы заражали въ большей или меньшей степени своимъ контръ-революціоннымъ настроеніемъ широкіе круги кадетовъ, то въ январѣ они, рѣзко обособившись отъ кадетовъ и вступивши въ тѣсное единеніе съ черносотенцами, стали, напротивъ того, играть роль „оттяжного пластыря" для к.-д.-ской партіи, какъ выразился П. Милюковъ. Опираясь на новый подъемъ настроенія, кадеты взяли вновь болѣе твердый оппозиціонный курсъ. Однако къ своей радикальной октябрьской оппозиціи они уже не вернулись. Въ октябрѣ они стремились сблизиться съ революціонными партіями, которымъ въ то время принадлежала гегемонія въ освободительномъ движеніи. Въ январѣ кадеты сами очутились въ положеніи гегемона движенія и сообразно съ этимъ они болѣе рѣшительно и откровенно стали подчеркивать то, что ихъ отдѣляло отъ другихъ партій въ области программы и тактики, старались наложить на общественное движеніе свой специфическій к.-д-скій отпечатокъ. Этимъ опредѣляется характеръ II-го кадетскаго съѣзда, засѣдавшаго въ Петербургѣ отъ 11-го до 15-го января 1906 г. и положившаго начало консолидаціи к.-д. партіи.

Второй съѣздъ прежде всего внесъ двѣ поправки къ программѣ, принятой на I-мъ учредительномъ съѣздѣ. Первая гласитъ: „Россія должна быть конституціонной и парламентской монархіей". Это была уступка со стороны кадетовъ, смотрѣвшихъ на требованіе республики, какъ на нѣчто, стоящее „внѣ предѣловъ практической политики", тѣмъ, кто считалъ его „принципіально непріемлемымъ". Другая поправка заключалась въ конкретизаціи понятія „справедливой оцѣнки" принудительно отчуждаемыхъ частновладѣльческихъ земель: „Цѣна земли опредѣляется по нормальной для данной мѣстности доходности при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельной нуждой". Эта поправка устраняла всякія подозрѣнія на счетъ того, что к.-д.-ы якобы готовы посягнуть на капиталистическую прибыль или на капиталистическую ренту и вытекающее изъ послѣдней право на вознагражденіе соотвѣтственной „нормальной" цѣнности земли. Обѣ эти поправки къ программѣ рѣзче отмежевали к.-д.-овъ отъ лѣвыхъ республиканскихъ и соціалистическихъ партій. Но центръ тяжести работы II-го съѣзда лежалъ не въ программной, а въ тактической области. Вполнѣ уяснить себѣ позицію, занятую въ началѣ 1906 г. кадетами, можно лишь, сопоставивъ тактическія резолюціи II-го съѣзда съ соотвѣтственными резолюціями I-го.

Подобно тому, какъ 1-ый кадетскій съѣздъ выразилъ свою солидар-

ность съ пролетаріатомъ по поводу октябрьской забастовки, 2-ой съѣздъ тоже солидаризировался съ нимъ по поводу предстоявшаго чествованія 9 января. Но въ резолюціи 2-го съѣзда звучали уже новыя ноты. Въ октябрѣ к.-д.-ская резолюція подчеркивала первостепенную роль „грозныхъ выступленій политически безправнаго, но общественно могучаго рабочаго класса". Въ январѣ к.-д. резолюція признаетъ роль пролетаріата уже *подсобной*: „На своемъ знамени рабочіе выставили всѣ требованія, за которыя десятки лѣтъ боролась вся передовая Россія, — требованія, которыя 2 мѣсяца тому назадъ были выставлены Россіей земской, поддерживаемой Россіей интеллигентской... Земская и интеллигентская Россія, не поддержанная Россіей рабочей, не получила бы главнаго, чего она требовала"... Въ октябрѣ кадетская резолюція говорила о принципіальномъ отказѣ отъ переговоровъ съ правительствомъ. Въ январѣ кадеты опять подтвердили этотъ отказъ, но уже лишь въ примѣненіи къ настоящей конкретной обстановкѣ: „Относительно предложенія губернскимъ земскимъ собраніямъ выбрать изъ своей среды по 4 члена, согласно желанію С. Ю. Витте, рѣшено: „въ виду того, что нѣтъ никакихъ основаній довѣряться современному правительству, слѣдуетъ противодѣйствовать этому неизвѣстно для чего предпринимаемому мѣропріятію". Резолюціи II-го съѣзда призываютъ къ протесту противъ правительственныхъ насилій, требуютъ отъ будущаго народнаго представительства „немедленнаго привлеченія къ суду виновниковъ этихъ насилій", говорятъ подобно резолюціямъ I-го съѣзда о необходимости „единенія между оппозиціонными партіями", подтверждаютъ признанную I-мъ съѣздомъ необходимость осуществленія свободъ явочнымъ порядкомъ, необходимость организаціи всякаго рода протестовъ, манифестацій вплоть до общеполитической забастовки. Но въ отличіе отъ резолюцій I-го съѣзда, резолюціи II-го рѣзко подчеркиваютъ, въ чемъ к.-д.-ская партія усматриваетъ главное и важнѣйшее средство борьбы и отъ какихъ она разъ навсегда отказывается. Главнымъ полемъ своихъ дѣйствій партія считаетъ и должна считать организованное представительное собраніе... Партія к.-д. всю силу полагаетъ въ самой широкой *организаціи общественнаго сознанія* всѣми способами, за исключеніемъ *вооруженнаго возстанія*". Къ числу недопустимыхъ средствъ борьбы кадеты отнесли на II-мъ съѣздѣ на ряду съ вооруженнымъ возстаніемъ также и финансовый бойкотъ—то средство, къ которому пытались прибѣгнуть революціонныя организаціи въ концѣ ноября, и которое дало непосредственный поводъ къ жестокимъ правительственнымъ репрессіямъ. Короче, на II-мъ съѣздѣ кадеты впервые выявили отчетливо свою партійную физіономію.

Послѣ II-го съѣзда консолидированная к.-д-ая партія стала развивать

довольно интенсивную организаціонную и агитаціонную дѣятельность, главнымъ образомъ, на почвѣ выборовъ въ Думу.

Центромъ к.-д.-го движенія до открытія 1-ой Думы служила Москва. Отсюда дѣлались распоряженія по партіи, отсюда предпринимались поѣздки к.-д.-хъ агитаторовъ по провинціи; здѣсь работала к. д.-ая аграрная комиссія, здѣсь же дѣйствовало и партійное книжное и брошюрное издательство „Народное право“. Въ Петербургѣ въ это время к.-д.-ая партійная жизнь сосредоточилась вокругъ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“, переименованныхъ въ 1906 г. въ „Народную Свободу“. Послѣ конституированія к.-д.-ой группы въ Москвѣ, здѣсь открытъ былъ партійный клубъ, въ которомъ читались рефераты, выяснявшіе программу и тактику к. д.-й партіи. Одновременно В. Маклаковъ организовалъ здѣсь агитаціонные курсы для молодежи, Новгородцевъ—большой кружокъ лекторовъ. Конституированіе петербургской городской группы затормозилось, благодаря отпаденію части петербургскихъ освобожденцевъ отъ к. д.-й партіи. Когда же эта группа въ Петербургѣ конституировалась, здѣсь тоже организовалась агитаціонная комиссія изъ молодежи подъ руководствомъ А. Ломшакова и А. Тырковой. Организаціи к. д.-хъ партійныхъ группъ и комитетовъ въ провинціи первый толчекъ дали совѣщанія временнаго Ц. К. съ делегатами ноябрьскаго земскаго съѣзда. Такія же совѣщанія Ц. К. съ представителями губернскихъ группъ устроены были въ февралѣ 1906 г., а затѣмъ, послѣ роспуска 1-й Думы, 2 августа; послѣ Гельсингфорскаго съѣзда они стали устраиваться регулярно, служа до извѣстной степени суррогатомъ съѣздовъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ к.-д. кружки образовались еще до учредит. съѣзда; такъ было во Владимірѣ и Красноярскѣ. Послѣ учред. съѣзда первой конституировались Московская, а затѣмъ Нижегородская группы. Въ теченіе ноября мѣсяца 1905 г. к.-д. группы образовались въ 14 губерніяхъ и въ 8 уѣздахъ, кромѣ того въ Севастополѣ, Могилевѣ и Ташкентѣ. Въ декабрѣ м-цѣ 1905 г. к.-д. группы образовались еще въ 8 губерніяхъ и въ городахъ: Твери, Ригѣ, Екатеринбургѣ, Баку, Кокандѣ, Вѣрномъ и Маргеланѣ. Послѣ 2-го съѣзда число конституированныхъ группъ почти не увеличивалось, но организованная работа продолжалась попутно въ связи съ избирательной кампаніей. Особенную активность проявилъ Ц. К., организовавшій рядъ организаціонныхъ и агитаціонныхъ поѣздокъ видныхъ членовъ партіи. Преимущественно организаціонное значеніе имѣли поѣздки кн. Пав. Долгорукова съ В. Маклаковымъ въ Калугу, его же съ Кизеветтеромъ въ Пензу; Тесленка въ Ростовъ, Баку и Тифлисъ, А. Колюбакина въ Казань, Симбирскъ и Самару, А. Максимова въ Козловъ и Брянскъ и Г. Шершеневича въ Казань, Тулу, Кострому, Ярославль и Рыбинскъ. Другія поѣздки преслѣдовали исключительно агитаціонныя цѣли. Изъ этихъ поѣздокъ имѣли особенное значеніе поѣздки

А. Колюбакина, посѣтившаго въ маѣ 1906 г. губерніи: Новгородскую, Смоленскую, Архангельскую, Вологодскую и Вятскую, потомъ лѣтомъ—губерніи: Нижегородскую и Пермскую, а послѣ роспуска Думы—города: Саратовъ, Астрахань, Царицынъ, Тамбовъ и Козловъ. Для распространенія к.-д-го вліянія въ Малороссіи и среди инородческаго населенія, предпринятъ былъ переводъ к.-д. программы на малороссійскій, литовскій, латышскій и еврейскій (жаргонъ) языки, а также переводъ ея популярнаго изложенія на языки татарскій и монгольскій.

Главная сфера вліянія к.-д. партіи была съ самаго начала среда городскихъ обывателей изъ среднихъ классовъ общества. Но партія дѣлала также попытки работать и въ другой средѣ. Уже въ ноябрѣ 1905 г. къ к.-д. партіи въ Москвѣ примкнуло около 1000 студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній; точно также и въ Петербургѣ при самомъ началѣ конституированія к.-д. группы, къ ней поступило предложеніе о готовности вступить въ партію отъ части студентовъ 3-хъ высшихъ учебныхъ заведеній. К.-д.-мъ удалось организовать студенческія группы во всѣхъ университетскихъ городахъ; но группы эти, выступавшія въ началѣ подъ флагомъ „академизма“, пользовались очень незначительнымъ вліяніемъ на студенческую массу, тяготѣвшую къ болѣе лѣвымъ партіямъ. Не имѣли также особеннаго успѣха попытки к.-д. пустить корни въ крестьянской средѣ; имъ удалось завязать съ крестьянами связи только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на югѣ, въ Херсонской, Таврической, отчасти Бессарабской, а на сѣверѣ—въ Архангельской и Вологодской.

Главнымъ орудіемъ к.-д. партіи была печать. Въ періодъ октябрь—декабрь 1905 г. проводниками к.-д. вліянія служили еженедѣльникъ „Право“, петербургская газета — „Биржевыя Вѣдомости“, въ редакцію которой входилъ П. Милюковъ, и издательство „Народное Право“, которое первоначально издавало брошюры, освѣщающія к.-д. программу, а потомъ ко времени открытія Думы,—брошюры, освѣщающія парламентскую дѣятельность к.-д. Съ февраля 1906 г. стала выходить еще „Рѣчь“, ставшая фактическимъ, хотя и не формальнымъ, центр. органомъ партіи, а затѣмъ партійный органъ „Вѣстникъ Народной Свободы“ и нѣкоторое время газета П. Струве „Дума“.

Для популяризаціи к.-д. взглядовъ въ народѣ, по иниціативѣ частнаго кружка во время сессіи 1-ой Думы стала издаваться въ Москвѣ газета „Народное Дѣло“; когда она была закрыта, ее смѣнилъ —„Народный Путь“. Въ январѣ 1907 г. „Народный Путь“ былъ закрытъ московской администраціей. Тогда дѣло было перенесено въ Петербургъ. Въ февралѣ, съ момента открытія работъ II-й Думы, Ц. К. партіи сталъ издавать въ Петербургѣ для того же круга читателей общедоступную газету — „Народная Свобода, Думскій Листокъ“. Когда и эта газета была пріостановлена на

№ 24, ея мѣсто заступилъ—„Думскій Листокъ“, который тоже просуществовалъ лишь до 2 іюня 1907 г., когда онъ былъ пріостановленъ въ порядкѣ чрезвычайной охраны... Кромѣ столичной и оффиціально-партійной печати, к.-д. располагали фактически цѣлымъ рядомъ газетъ въ провинціи. Трудно только установить, какія именно провинціальныя газеты имѣли болѣе или менѣе опредѣленное к.-д. направленіе. Нѣкоторое, неполное представленіе объ этомъ можетъ дать списокъ провинціальныхъ газетъ, абонировавшихся на статьи выдающихся к.-д.-ихъ публицистовъ, которыя разсылались по провинціальнымъ редакціямъ к.-д.-скимъ „бюро прогрессивной печати“, основаннымъ послѣ III съѣзда партіи. Бюро это стало функціонировать 20 іюля 1906 г. сначала подъ руководствомъ А. Тырковой, а потомъ подъ руководствомъ А. Изгоева. Абонентами бюро въ 1906 г. состояли слѣдующія изданія: „Клязьма“ (Влад. губ.), „Могилевскій Голосъ“, „Нижегородскій Листокъ“, „Воронежское Слово“, „Камскій край“, „Десна“, „Свободное Слово“ (Вильна), „Волынь“, „Рижскія Вѣдомости“, „Сѣверные отклики“ (Ярославль), „Псковскій Голосъ“, „Южная Заря“ (Екатеринославъ), „Новоторжскій Голосъ“, „Вятская Жизнь“, „Тамбовскій Голосъ“ „Бессарабская Жизнь“, „Козловская Жизнь“, „Уфимскій Край“, „Перестрой“ (Пенза), „Полтавщина“, „Кубанская Жизнь“ (Екатеринодаръ), „Новая Волна“ (Елисаветградъ), „Иртышъ“ (Омскъ) и „Утренняя заря“.

Какъ мы видѣли на примѣрѣ преслѣдованій общедоступной к.-д.-ой газеты, и к.-д.-ая партія нисколько не гарантирована была отъ репрессій, несмотря на то, что она уже на 2-мъ съѣздѣ своемъ весьма опредѣленно отмежевалась отъ революціонныхъ партій. Преслѣдовалась не только популярная к.-д.-ая литература, преслѣдовались также, особенно въ провинціи, к.-д.-скія организаціи и отдѣльные члены партіи. Репрессіи на к.-д.-овъ обрушивались чаще всего въ 2-хъ случаяхъ: каждый разъ, когда они пытались привлечь въ свои ряды лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и каждый разъ, когда они пытались непосредственно воздѣйствовать на сѣрыя массы населенія, еще не затронутыя политикой. Это нетерпимое отношеніе правительства къ к.-д.-ской партіи, поставившей себѣ мирную задачу „организаціи общественнаго мнѣнія“, побуждало ее съ самаго начала усиленно добиваться легализаціи. Но правительство неизмѣнно уклонялось отъ опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса, пользуясь неопредѣленностью положенія партіи для того, чтобы оказывать на нее политическое давленіе. Тотчасъ же послѣ опубликованія правилъ 4 марта 1906 г. Ц. К. к.-д.-ой партіи рѣшилъ легализоваться и придалъ партійному уставу форму, соотвѣтствующую правиламъ 4 марта. Уставъ представленъ былъ для регистраціи градоначальнику, но срокъ истекъ въ маѣ 1906 г. и партія не была зарегистрирована на томъ де основаніи, что присутствіе по дѣламъ объ об-

ществахъ въ Петербургѣ еще не конституировано. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернаторъ и полиція начали преслѣдовать к.-д.-скія партійныя учрежденія, какъ не легализованныя. Когда кн. Пав. Долгоруковъ принесъ на это жалобу мин. вн. дѣлъ Столыпину, тотъ въ циркулярѣ губернаторамъ предложилъ смотрѣть на к.-д.-ія учрежденія, какъ на легальныя впредь до окончанія дѣла о регистраціи. 1 сентября 1906 г. вопросъ былъ, наконецъ, разсмотрѣнъ въ присутствіи и рѣшенъ отрицательно, по тѣмъ основаніямъ, что „цѣли партіи Народной Свободы неопредѣленныя". Тогда уставъ партіи былъ переработанъ, цѣли были обозначены болѣе опредѣленно и въ такомъ видѣ онъ вновь былъ представленъ градоначальнику. Черезъ $4^1/_2$ мѣсяца 30 янв. 1907 г. получился опять отвѣтъ отрицательный на томъ основаніи, что въ числѣ подписавшихъ уставъ были лица, привлеченныя по выборгскому дѣлу. Уставъ былъ вновь соотвѣтственно исправленъ и представленъ на утвержденіе. Въ началѣ марта 1907 г. послѣдовалъ вновь отказъ, на этотъ разъ въ виду того, что не указано въ § 1, *какими способами* будутъ достигаться цѣли, поставленныя партіей. Это было обжаловано въ Сенатѣ и одновременно представлена была новая версія устава, въ которомъ говорится, что цѣль будетъ достигнута „всѣми законными способами". Съ тѣхъ поръ никакого рѣшенія по дѣлу не вышло и партія до сихъ поръ не легализована.

Недовѣріе правительства къ к.-д-ской партіи и репрессіи по отношенію къ ея членамъ и учрежденіямъ имѣли и свою выгодную сторону для партіи. Чѣмъ болѣе не довѣряло ей правительство, тѣмъ болѣе готовы были мириться съ ней разные элементы демократіи, особенно наканунѣ выборовъ въ 1-ю Думу, когда интересъ къ будущей Думѣ сталъ сильно возростать въ странѣ и когда к.-д-ты, благодаря самоустраненію отъ выборовъ лѣвыхъ партій, очутились въ роли центра будущей парламентской оппозиціи. К.-д-ты сумѣли хорошо использовать эти выгоды своего положенія, созданныя, съ одной стороны, правительственной реакціей, съ другой стороны, ошибками лѣвыхъ партій, ихъ тактикой бойкота. И то и другое открыло для к.-д-въ возможность вліянія на такіе демократическіе элементы общества, къ которымъ они раньше не имѣли доступа. Приспособляясь къ своей новой аудиторіи, к.-д-ты взяли въ своей массовой избирательной агитаціи весьма радикальный тонъ. Такъ, напр., въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ к.-д-скій ораторъ говорилъ: „Партія народной свободы зоветъ избирателей къ участію въ Думѣ хотя бы для того, чтобы въ ней же бороться противъ нея". Въ № 4 „Рѣчи" мы читаемъ: „Войдя въ Думу, мы примемся за свою задачу и начнемъ съ отрицанія самой Думы". Въ слѣдующемъ номерѣ Штильманъ писалъ: „Дѣло совсѣмъ не въ однихъ только выборахъ, образъ

дѣйствій правительства неизбѣжно приведетъ къ тому, что центръ тяжести общественнаго протеста сосредоточится не въ Думѣ, а внѣ ея".

Эти заявленія, повторяемъ, были результатомъ приспособленія кадетскихъ главарей къ новой демократической аудиторіи, но эти заявленія далеко не точно отражали дѣйствительные политическіе разсчеты кадетскихъ партійныхъ верховъ въ тотъ моментъ. Если въ ноябрѣ 1905 г. партійные верхи или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ не такъ быстро и не такъ сильно подалась вправо, какъ масса рядовыхъ кадетовъ, то въ началѣ 1906 года тѣ же люди, обстрѣливаемые лѣвыми партіями, очень скоро очутились въ арьергардѣ вновь полѣвѣвшей кадетской массы. Это видно изъ подготовительныхъ работъ для будущей думской дѣятельности, выполненныхъ въ то время нѣкоторыми комиссіями при к.-д-скомъ Ц. К. Мы отмѣтимъ законопроекты о свободахъ, выработанные к.-д-ой „законодательной комиссіей" въ составѣ С. Муромцева, В. Набокова, Гессеновъ, Винавера и А. Каминки, и планъ дѣйствій въ первой Госуд Думѣ, выработанный комиссіей изъ М. Винавера, И. Петрункевича и В. Гессена. Въ кадетскомъ законопроектѣ о печати одинъ параграфъ гласилъ, что „виновный въ оказаніи дерзостнаго неуваженія Верховной Власти" наказывается заключеніемъ въ крѣпость на срокъ до одного года, а другой параграфъ гласитъ, что „виновный въ произнесеніи при чтеніи публично рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи или публичномъ выставленіи произведеній, прямо призывающихъ къ учиненію убійства, разбоя, поджога или одного изъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 99, 100, 108 и 109 угол. улож., наказывается заключеніемъ въ крѣпость на срокъ не свыше двухъ лѣтъ". Въ к.-д. законопроектѣ о собраніяхъ, таковыя запрещаются въ разстояніи одной версты отъ дѣйствительнаго пребыванія Государя или отъ мѣста засѣданій Гос. Думы, и также на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ и разрѣшаются на площадяхъ, улицахъ и др. мѣстахъ, поскольку они не препятствуютъ свободному уличному движенію". Къ тому же, начальнику мѣстной полиціи предоставляется право закрыть публичное собраніе, „если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности". Если принять во вниманіе, что это законопроекты оппозиціонной партіи, составленные въ періодъ, когда хозяиномъ положенія оставлялась все еще безотвѣтственная бюрократія, толковавшая законъ по своему произволу, то понятно будетъ, почему они прослыли въ лѣвой печати, какъ „каторжные" законопроекты.

Несоотвѣтствіе между позиціей, занятой Ц. К. партіи, и настроеніемъ полѣвѣвшихъ за послѣднее время рядовыхъ кадетовъ обнаружилось явственно на 3-мъ съѣздѣ партіи, состоявшемся за недѣлю до созыва Первой Думы. Когда П. Милюковъ прочиталъ докладъ о планѣ дѣйствій въ Думѣ на основаніи тезисовъ, выработанныхъ Центральнымъ Комитетомъ, масса делегатовъ

выступила съ критикой этого плана и политики Ц. К. вообще. Рождественскій и Артамоновъ (Москва), Гусевъ (Казань), Фридманъ (Петербургъ), Де-Роберти (Тверь) упрекали докладчика въ томъ, что онъ забылъ про „рабочій вопросъ", вопросъ людей, которые были первыми и главными борцами за свободу. Другіе делегаты—Дурново (Кострома), Вейсманъ (Томскъ), Овчинниковъ (моск. студ. фракція), Некрасовъ (Тавр. губ.), Гойне (Пенза), Бабинъ (Ярославль) и Гольдбергъ (Пинскъ)—на разные лады повторяли, что страна, что обыватели „на мѣстахъ" настроены болѣе революціонно, болѣе рѣшительно и менѣе „дипломатично", нежели лидеры партіи, что тамъ „на мѣстахъ" не забыли еще про требованіе „учредительнаго собранія", что страна не хочетъ перекинуть „золотого моста" между обществомъ и правительствомъ и пр. Съѣздъ былъ настроенъ гораздо радикальнѣе, чѣмъ Ц. К., однако противопоставить тактикѣ послѣдняго какую-либо иную принципіальную тактику съѣздъ не сумѣлъ. Овчинниковъ, напр., требуя „грознаго выступленія партіи", тутъ же оговорился: „мы первые не подымемъ оружія"; Вейсманъ, угрожавшій въ будущемъ войной правительству, предлагалъ начинать все же съ предъявленія въ „гордой" формѣ „условій мира". Попытка Струве примирить Милюкова съ Рождественскимъ обѣщаніемъ созыва „парламентской комиссіи", для обсужденія рабочаго вопроса, была отвергнута послѣднимъ, какъ простая „оттяжка вопроса". И все же Рождественскій, какъ и большинство съѣзда, примирился съ тѣмъ, что въ принятой резолюціи вставлено было неопредѣленное, расплывчатое требованіе—Дума должна „принять неотложныя мѣры по рабочему вопросу". Дальнѣйшая столь же скромная уступка настроенію съѣзда заключалась въ томъ, что въ резолюціи вмѣсто выраженія—„Партія не остановится... *даже* передъ возможностью разрыва съ правительствомъ" поставлено было другое—„партія не остановится... передъ возможностью *открытаго* разрыва съ правительствомъ". Колюбакинъ и Щепкинъ сдѣлали попытку принятіемъ опредѣленной резолюціи заранѣе связать будущихъ к.-д-скихъ депутатовъ. Вопреки возраженіямъ П. Милюкова съѣздъ съ этимъ согласился. И все же подъ видомъ редакціонныхъ поправокъ въ резолюціи внесены были такія измѣненія, что она въ окончательной редакціи со своими требованіями и увѣщеваніями обращалась не столько къ депутатамъ, сколько къ странѣ, и съѣздъ въ такомъ видѣ резолюцію принялъ. Единственный практическій выводъ изъ критики поведенія Ц. К. заключался въ предложеніи Лучицкаго о переизбраніи Ц. К. на новыхъ началахъ областного представительства. Для Ц. К. это было совершенно неожиданное предложеніе, но еще неожиданнѣе для него была настойчивость, съ которой съѣздъ требовалъ немедленнаго рѣшенія вопроса о реорганизаціи Ц. К. Однако, на отставку стараго центральнаго комитета съѣздъ не рѣшился: старый Ц. К. былъ вновь переизбранъ, и лишь составъ

его былъ расширенъ включеніемъ 10 новыхъ членовъ. На этомъ закончился смотръ кадетской партіи наканунѣ первыхъ парламентскихъ битвъ.

ГЛАВА IV.

К.-д-ты въ 1-ой Думѣ. Побѣда на выборахъ. Составъ Думы. Составъ к.-д-ской фракціи. Радужныя мечты. Первый думскій періодъ. Выработка парламентскихъ обычаевъ и вопросъ объ амнистіи. Объединеніе всей оппозиціи и отвѣтный адресъ. Критика адреса внѣ Думы и гегемонія кадетовъ въ Думѣ. Вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ и требованіе отставки кабинета. II-й думскій періодъ. Законопроекты и запросы. Аграрныя пренія. Начало эмансипаціи трудовиковъ отъ к.-д-скаго вліянія. III-й думскій періодъ. Наростаніе революціоннаго настроенія въ странѣ. Колебанія кадетовъ, ихъ переговоры съ правительствомъ, обостреніе ихъ конфликтовъ съ с.-д. фракціей и трудовиками. Разоблаченія кн. Урусова. Кадетскій законопроектъ о собраніяхъ. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни и встрѣча Павлова. Вопросъ о помощи голодающимъ. Запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Надежды на думское министерство и правительственное сообщеніе 20-го іюня. Отвѣтное думское сообщеніе и роспускъ Думы. Выборгское воззваніе. Послѣдніе отклики I-й Думы.

Результаты выборовъ въ I-ю Думу совершенно опрокинули разсчеты правительства и превзошли всѣ ожиданія к.-д-овъ. 26 іюня въ Думѣ распредѣленіе депутатовъ по партіямъ было такое: изъ 478 депутатовъ к.-д-овъ было 179, трудовиковъ—94, с.-д-въ—17, польск. коло—32, автономистовъ—12, демокр. реформъ—6, мирно-обновленцевъ—26, прогрессистовъ—12, безпартійныхъ—100. Въ Петербургѣ и Москвѣ всѣ 160 выборщиковъ были к.-д-ты, хотя, впрочемъ, изъ числа голосовавшихъ тамъ отъ 20 до 40% принадлежало къ болѣе правымъ партіямъ. К.-д-ая фракція была самая сильная въ Думѣ; рядомъ съ ней образовалась съ самаго начала весьма многочисленная лѣвая группа—трудовиковъ (110 деп.), изъ которой скоро выдѣлилась рабочая группа (14 деп.), впослѣдствіи совмѣстно съ с.-д-ми депутатами, выбранными на Кавказѣ, составившая с.-д-скую фракцію. Правые оказались въ Думѣ настолько малочисленными и изолированными, что не рѣшались самостоятельно выступать и предпочли укрываться въ рядахъ безпартійныхъ. К.-д. сами по себѣ большинства въ Думѣ не имѣли, но они легко могли составить большинство путемъ лѣвой комбинаціи съ трудовиками, либо правой комбинаціи съ автономистами, поляками и прогрессистами.

Большая часть к.-д-хъ депутатовъ прошла по городской куріи (83); въ 20 городахъ, пославшихъ 28 депутатовъ, изъ 1.761 выборщиковъ было 1.468 к.-д-скихъ, 29 к.-д-хъ депутатовъ прошли отъ землевладѣльцевъ, въ

к.-д-скую фракцію вошли $^1/_2$ всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, выбранныхъ въ Думу, нѣсколько болѣе $^1/_2$ среднихъ землевладѣльцевъ и значительное число мелкихъ. 24 к.-д-хъ депутата были выбраны отъ крестьянъ. К.-д-кая фракція была наиболѣе интеллигентская по своему составу: 70% всѣхъ к.-д-хъ депутатовъ принадлежали къ лицамъ, живущимъ умственнымъ трудомъ; при чемъ 67% к.-д. депутатовъ получили высшее образованіе (во всей Думѣ такихъ было 42,1%), а 26% — среднее образованіе; к.-д. фракція была также самая великовозрастная: средній возрастъ к.-д-скихъ депутатовъ былъ 41.

Выборы въ думу были первой крупной побѣдой к.-д., и эта побѣда ихъ въ извѣстномъ смыслѣ загипнотизировала. Имъ казалось, что теперь, наконецъ, правительство вынуждено будетъ капитулировать, склоняясь передъ единодушнымъ вотумомъ страны. Правда, рядъ дурныхъ предзнаменованій свидѣтельствовалъ противъ розовыхъ надеждъ кадетовъ, но они ихъ толковали по-своему. Такъ, наканунѣ самаго созыва Думы правительство добивалось и добилось заключенія 2-хъ милліарднаго займа, вопреки усиленной агитаціи оппозиціи. Эта поддержка правительства европейской биржей, совпавшая съ его пораженіемъ на выборахъ, вначалѣ на моментъ очень смутила к.-д-овъ.

„Расцѣниваетъ ли заграничная биржа вѣрную побѣду оппозиціи ниже, чѣмъ она цѣнила невѣрныя таксы забастовокъ и вооруженнаго возстанія.?“ вопрошалъ въ недоумѣніи П. Милюковъ въ „Рѣчи“. Но очень скоро „Рѣчь“ успокоилась на томъ, что именно к.-д.-ы своей побѣдой „сдѣлали заемъ вообще возможнымъ“, ибо „побѣда кадетской партіи дала Европѣ нѣкоторую надежду на успокоеніе Россіи“. Вторымъ свидѣтельствомъ того, что правительство и не думаетъ складывать оружія, былъ проектъ основныхъ законовъ, выработанный имъ наканунѣ созыва Думы и утвержденный впослѣдствіи съ незначительными измѣненіями. По поводу этихъ „основныхъ законовъ“, связывающихъ Думу по рукамъ и ногамъ, кадетское „Право“ писало: „Наканунѣ созыва Государств. Думы, бюрократія бросаетъ ей въ лицо свой дерзкій и самоувѣренный вызовъ. Она провоцируетъ... глубокій и опасный конфликтъ съ „основными законами“ страны, который легальнаго рѣшенія не допускаетъ...“ Однако скоро оказалось, что и это можно при желаніи истолковывать къ лучшему. По случайному совпаденію, послѣ того, какъ „Рѣчь“ напечатала и подвергла критикѣ проектъ основныхъ законовъ, Витте вышелъ въ отставку. Впослѣдствіи всѣмъ было ясно, что отставка Витте была расплатой за его неудачную спекуляцію на крестьянскую курію, за провалъ правыхъ на выборахъ, расплатой, на которую въ высшихъ сферахъ тѣмъ легче рѣшились, что Витте, послѣ заключенія займа, уже болѣе не былъ нуженъ. Но кадеты, упоенные своей побѣдой на выборахъ, въ то время совершенно иначе

толковали эту отставку: „Уходъ Витте есть новая крупная побѣда кадетской партіи“, писало „Право“. „Въ этой кажущейся неожиданности нельзя не видѣть огромной заслуги печати, которая подвергла жестокой критикѣ опубликованный газетой „Рѣчь“ проектъ „основныхъ законовъ“... Въ послѣднюю минуту не рѣшились поставить гг. Витте — Дурново..., этихъ вдохновителей контръ-революціоннаго періода, лицомъ къ лицу съ народными представителями“. Вообще, при открытіи I-й Думы кадеты были настроены самымъ радужнымъ образомъ и кадетскій историкъ I-й Думы, Винаверъ, въ слѣдующихъ словахъ довольно вѣрно передалъ это настроеніе: „Первая Дума собиралась среди бурнаго порыва, юнаго, чуждаго хладнымъ разсчетамъ, восторга... Къ конфликту никто сознательно не стремился, но о немъ говорилось почти игриво. Опьяненное успѣхомъ общество было увѣрено, что, когда грянетъ буря, кто-то за Думу постоитъ“...

Когда собралась первая Дума, кадеты сразу заняли въ ней положеніе руководящей партіи. Впервые они очутились въ такомъ отвѣтственномъ положеніи и они хорошо понимали, что теперь или никогда они должны доказать, что революція у насъ можетъ быть совершена мирнымъ парламентарнымъ путемъ. Поэтому они съ самаго начала всѣ силы свои направили на то, чтобъ самой практикой парламентаризма, ограниченнаго тѣсными рамками „основныхъ законовъ“, укрѣпить авторитетъ Думы, какъ высшей законодательной палаты. Какъ ни ограничена была задача, которую поставили себѣ кадеты, ея выполненіе наталкивалось на немалыя затрудненія. „Парламентскій формализмъ“, жаловался на страницахъ „Права“ предсѣдатель I-й Думы С. А. Муромцевъ, „трудно усваивался нашими депутатами, потому, что они, какъ и большинство русскихъ людей, привыкшихъ къ гнету бюрократіи, воспитаны въ недовѣріи ко всякимъ формальностямъ, потому еще, что одни пришли въ Думу съ митинговыми навыками, другіе съ навыками земскихъ собраній“. При такихъ условіяхъ наиболѣе опытнымъ кадетскимъ парламентаріямъ приходилось съ самаго начала всячески лавировать, чтобы обойти разные подводные камни, о которые думская барка легко могла бы разбиться уже въ самомъ началѣ своего существованія.

О томъ, какъ кадеты I созыва выполняли эту задачу, можно судить по постановкѣ въ Думѣ вопроса объ амнистіи. „Амнистія!“ былъ общій крикъ населенія, провожавшаго своихъ первыхъ избранниковъ въ Думу, когда депутаты въ первый разъ шли во дворецъ. Этотъ крикъ несся отовсюду, и съ набережной, и съ мостовъ, и изъ тюремныхъ оконъ. Надо было найти форму для выраженія этого единодушнаго требованія при самомъ открытіи Думы. Но неорганизованное, стихійное проявленіе этого чувства на первомъ же думскомъ засѣданіи представляло извѣстныя опасности для Думы. Во 1-хъ, сосредоточеніе всего энтузіазма Думы на этомъ единомъ требованіи могло бы

сдѣлать невозможнымъ составленіе отвѣтнаго адреса, въ которомъ должна была развернуться вся думская программа въ цѣломъ. Во 2-хъ, это могло бы привести къ преждевременному конфликту съ правительствомъ до того, какъ съ думской трибуны еще что-либо сказано было объ аграрномъ вопросѣ, волновавшемъ милліоны крестьянъ, стало быть при условіяхъ, когда конфликтъ могъ обнаружить лишь безсиліе Думы. Эти подводные камни обойдены были тѣмъ, во 1-хъ, что по соглашенію кадетовъ съ трудовиками, при открытіи Думы предоставлено было слово до предсѣдателя одному лишь оратору Ив. Петрункевичу, который первую парламентскую рѣчь посвятилъ вопросу объ амнистіи, во 2-хъ, тѣмъ, что, по предложенію Родичева, думской комиссіи для составленія отвѣтнаго адреса дана была спеціальная инструкція включить въ этотъ адресъ требованіе всеобщей амнистіи. Этимъ возбужденіе, вызванное вопросомъ объ амнистіи, введено было въ опредѣленное русло. Но не всѣ трудности были преодолѣны этимъ рѣшеніемъ. 1-го мая готовилась уличная демонстрація, на которой ожидалось выступленіе рабочихъ съ требованіемъ амнистіи. Подъ впечатлѣніемъ готовящихся событій, трудовики опять подняли вопросъ о томъ, чтобы Дума приняла экстренныя мѣры въ пользу амнистіи. Чуриковъ и Корниловъ предлагали послать телеграмму Государю, либо обратиться къ Государю черезъ предсѣдателя. М. Ковалевскій, поддерживая ихъ, заявилъ: „Мы здѣсь для того, чтобы быть посредниками между народомъ и царемъ“. Эти неудачныя выступленія помогли кадетскимъ думскимъ вождямъ выйти изъ новаго затрудненія. „Мы не желаемъ быть ходатаями, мы хотимъ быть законодателями“, отвѣтилъ Петрункевичъ Ковалевскому, и этотъ отвѣтъ сразу настроилъ въ пользу кадетъ большинство собранія. Послѣ этого трудовикъ Жилкинъ, идя навстрѣчу кадетамъ, предложилъ „умолять“ комиссіи напречь всѣ силы, чтобы ускорить составленіе адреса, въ которомъ будетъ выставлено требованіе амнистіи и, такимъ образомъ, ликвидировать вопросъ. Это было принято, а предусмотрительные кадеты прибѣгли еще къ одной предосторожности. Чтеніе доклада назначено было на 2-е мая, т. е. на слѣдующій день послѣ предполагавшейся майской демонстраціи. Эти маневры, равно какъ удачное рѣшеніе вопроса о присягѣ депутатовъ, удачная съ точки зрѣнія думскаго большинства формулировка политическихъ правъ Думы ея предсѣдателемъ въ его I-й рѣчи, равно какъ и его эффектное обращеніе къ чиновникамъ съ предложеніемъ удалиться изъ залы засѣданій сейчасъ же послѣ открытія Думы,—все это показывало, что Дума имѣетъ въ лицѣ кадетовъ достаточно опытныхъ и ловкихъ парламентаріевъ, чтобы обойти разныя формальныя затрудненія, которыя то и дѣло возникали для Думы, угрожая въ однихъ случаяхъ уронить ея престижъ, въ другихъ—дать поводъ къ преждевременному острому конфликту.

Предупредить преждевременную катастрофу, дать укрѣпиться авторитету Думы было несомнѣнно важно, но именно поскольку такимъ путемъ въ лицѣ Думы выковывалось новое и сильное оружіе, которымъ народъ могъ бы воспользоваться при революціонномъ конфликтѣ, въ концѣ концовъ неизбѣжномъ. Но эту именно конечную цѣль кадеты отрицали. Поэтому всѣ ихъ парламентскіе маневры обречены были на безплодіе, и это достаточно ясно обнаружилось уже при первомъ ихъ отвѣтственномъ политическомъ шагѣ въ Думѣ, при составленіи отвѣтнаго адреса. Если бъ кадеты сознавали, что судьба Думы зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ активной поддержки ея народными массами, они пытались бы для отвѣтнаго адреса подыскать формулу, объединяющую ихъ съ трудовиками и рабочей группой. Но они имѣли въ виду прежде всего сдѣлать изъ отвѣтнаго адреса демонстрацію, импонирующую высшимъ сферамъ; поэтому они постарались облечь его въ форму, пріемлемую для всей Думы, начиная отъ мирнообновленцевъ гр. Гейдена и М. Стаховича и кончая трудовиками Аникинымъ и Жилкинымъ. Независимо отъ цѣнности этого объединенія, оно было прежде всего неосуществимо: М. Стаховичъ категорически настаивалъ на исключеніи изъ отвѣтнаго адреса требованія отвѣтственности министровъ передъ Думой; съ точки же зрѣнія кадетовъ, какъ указалъ кн. Шаховской, этотъ пунктъ былъ „центральный вопросъ во всемъ адресѣ“. „Отказаться отъ этого требованія“, говорилъ послѣдній, „равносильно лишить нашъ адресъ всякаго содержанія“. Несмотря на явную непримиримость позицій, кадеты все-таки рѣшились въ другомъ, принципіально важномъ вопросѣ пойти навстрѣчу Стаховичу и гр. Гейдену и замѣнили въ адресѣ опредѣленное требованіе избирательнаго права по 4-х-членной формулѣ сокращенной формулой „всеобщаго избирательнаго права“, успокаивая демократію заявленіемъ, что они „отъ своего имени“ вскорѣ внесутъ законопроектъ избирательнаго права по 4-х-членной формулѣ. Цѣли своей кадеты, конечно, не достигли. Небольшая группа въ 11 человѣкъ, шедшая за Стаховичемъ и Гейденомъ, въ концѣ концовъ за адресъ не голосовала. Зато они достигли другого результата, едва-ли входившаго въ ихъ разсчеты:—уступка мирнообновленцамъ сразу же рѣзко настроила противъ кадетовъ радикальные общественные элементы внѣ Думы. Первымъ откликомъ столичной демократіи на работу Думы было выраженіе негодованія противъ ея руководящей партіи. 5 го мая на женскомъ митингѣ, происходившемъ въ Соляномъ Городкѣ, ораторы рѣзко осуждали думскій адресъ. 6-го мая на многолюдномъ митингѣ въ домѣ трудолюбія В. В. Водовозовъ критиковалъ авторовъ отвѣтнаго адреса за „излишнее политиканство и угодничество передъ правыми партіями“. Соціалъ-демократъ Сергѣевъ говорилъ тамъ же объ „измѣнѣ даннымъ обѣщаніямъ“, и соотвѣтствующая резолюція была единогласно принята собраніемъ. 7-го мая собраніе „Союза инжене-

ровъ“ подъ предсѣдательствомъ Лутугина приняло подобную же резолюцію протеста. Наконецъ, 9-го мая въ домѣ гр. Паниной на пятитысячномъ митингѣ агитація противъ кадетовъ вылилась уже въ такія формы, что Водовозовъ и Мякотинъ, сами критиковавшіе раньше думскій адресъ, выразили подъ конецъ опасеніе, какъ бы эта агитація не сыграла на руку правительству; но собраніе этихъ ораторовъ освистало и, напротивъ, сочувственно отнеслось къ тѣмъ, которые подобно с.-д. Карпову заявляли, что „на дискредитированіе кадетской партіи должны быть направлены всѣ усилія“.

Агитація противъ кадетовъ внѣ Думы сразу отразилась на настроеніи лѣваго думскаго крыла. При обсужденіи адреса по пунктамъ противъ опущенія въ адресѣ развернутой четырех-членной формулы рѣзко говорили трудовики Аникинъ, Онипко, Заболотный, а также лѣвые кадеты Ломшаковъ, Миклашевскій и Френкель; трудовики Локоть и Тесля критиковали „торжественный“, не соотвѣтствующій содержанію тонъ адреса, лѣвый к.-д. Сазоновъ настаивалъ на введеніи въ адресъ конкретнаго требованія принудительнаго отчужденія земли. Члены рабочей группы Михайличенко, Савельевъ и Ильинъ по всѣмъ пунктамъ критиковали адресъ. Однако, дебаты по поводу адреса не привели еще къ распаду кадетско-трудовическаго блока. Въ этотъ начальный думскій періодъ кадетамъ удалось еще сохранить гегемонію внутри Думы, несмотря на ихъ политическія ошибки. Необходимо имѣть въ виду, что проектъ адреса разсматривался смѣшанной комиссіей, въ которую входили въ одинаковомъ числѣ кадеты и трудовики: Милюковъ, Кокошкинъ и Винаверъ, съ одной стороны, Аладьинъ, Аникинъ и Жилкинъ, съ другой, и что на засѣданіяхъ Думы лидеры трудовиковъ Аладьинъ и Жилкинъ— весьма энергично защищали заодно съ кадетами необходимость единенія всей оппозиціи противъ отдѣльныхъ нападокъ слѣва. Къ тому же удачныя выступленія кадетовъ Родичева и Шрага противъ Стаховича нѣсколько сгладили дурное впечатлѣніе, произведенное близорукой кадетской дипломатіей. Когда М. Стаховичъ и баронъ Роппъ предложили прибавить къ адресу абзацъ, въ которомъ Дума въ качествѣ „посредника между Государемъ и народомъ“ обратилась бы къ народу съ призывомъ прекратить насилія, Родичевъ обрушился на это въ бурной и страстной рѣчи. „Мы, господа, не посредники между Государемъ и народомъ, мы представители народа!“, воскликнулъ Родичевъ, „и какъ таковые мы должны заявить Государю, что лица, опозоренныя въ глазахъ всѣхъ, держали въ рукахъ своихъ кормило власти“, что „это они облили кровью страну“, что „власть—сѣятельница и дѣятельница преступленій“!.. Еще рѣзче по этому вопросу говорилъ к.-д. Шрагъ: „Тѣ, которые не вынесли всего ужаса положенія, шли и допускали самоохрану, тѣ не были ограждены штыками, тѣ не разсчитывали на то, что за убійство получатъ награду и повышеніе въ чинахъ — они шли на

вѣрную смерть... Неужели вы вынесете осужденіе тѣмъ, многіе изъ которыхъ уже сдѣлались народными героями?!."

Этими рѣчами открылась атака Думы противъ правительства, которая развернулась по всей линіи послѣ того, какъ правительство 13 го мая прочитало свою декларацію. Первый, въ отвѣтъ на правительственную декларацію, говорилъ к.-д. Набоковъ, который закончилъ свою рѣчь крылатыми словами: „Исполнительная власть да покорится законодательной!" Рѣчи кадетскихъ ораторовъ, говорившихъ послѣ Набокова, бывали мѣстами очень рѣзки. Но, несмотря на рѣзкость рѣчей, въ нихъ, во всѣхъ одинаково, сквозила надежда, что верховная власть не допуститъ, чтобъ дѣло дошло до революціоннаго конфликта, и что въ тяжбѣ оппозиціи съ министерствомъ она станетъ въ концѣ концовъ на сторону первой. Соотвѣтственно съ этимъ, рѣчи кадетскихъ ораторовъ не выходили никогда за тѣ предѣлы, которые весьма точно опредѣлилъ впослѣдствіи С. Муромцевъ въ своей защитѣ на судѣ по выборгскому дѣлу: „Намѣчая возможность уменьшенія пропасти между обществомъ и правительствомъ, Дума отдѣляла положеніе монарха отъ положенія министерства, провозглашая: нападайте на министровъ и не касайтесь монарха!"

Это былъ основной принципъ кадетской тактики въ 1-ой Думѣ, который П. Милюковъ пытался исторически обосновать въ „Рѣчи": „Мы уже перешли къ формамъ симуляціи борьбы", писалъ онъ тамъ, „и всѣ наши усилія должны состоять въ томъ, чтобы удержаться на почвѣ этой общественной символики, не доведя людей до необходимости возвращаться къ примитивнымъ средствамъ, а для этого недовѣріе страны, высказанное ея организованнымъ представительствомъ, должно послужить регуляторомъ довѣрія монарха". Легкость завоеванія парламентаризма въ Россіи, своевременность перехода для этой цѣли отъ „примитивныхъ" революціонныхъ средствъ къ „симуляціи борьбы" П. Милюковъ объяснялъ и оправдывалъ особенностями русской исторіи: „Крѣпкая средневѣковая *сословная* монархія нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей гораздо туже и медленнѣе эволюціонируетъ въ послѣдовательный политическій строй, чѣмъ демократически-патріархальное самодержавіе. То, для чего при первомъ строѣ нужны десятки лѣтъ, при второмъ можетъ быть достигнуто сразу". Въ сущности въ тѣхъ же предѣлахъ держались нападенія на правительство и трудовики въ 1-ый думскій періодъ, съ той разницей, что послѣдніе чаще указывали на угрожающую странѣ опасность революціи благодаря упорству правительства; но при этомъ трудовики всегда оговаривались, что задачи Думы предупредить эту опасность, что Дума одна еще стоитъ между революціей и правительствомъ, что „мы всѣ пришли сюда съ страстнымъ желаніемъ избавить родину отъ тяжкихъ испытаній пути революціи" (Аладьинъ).

Въ результатѣ дебатовъ по поводу министерской декларации, Дума приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую „полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству“ и требующую его отставки, формулу, предложенную Жилкинымъ и поддержанную кадетами. Этимъ голосованіемъ заканчивается недолгій періодъ болѣе или менѣе солидарныхъ выступленій кадетовъ и трудовиковъ. Съ тѣхъ поръ начинается постепенное, но неустанное паденіе вліянія кадетовъ на лѣвое думское крыло.

Съ момента окончанія обсужденія правительственной декларации начинается второй думскій періодъ, посвященный, главнымъ образомъ, законодательной дѣятельности. Еще 8-го мая Дума приступила къ обсужденію кадетскаго законопроекта о неприкосновенности личности; затѣмъ 15-го мая за подписью 150 депутатовъ въ Думу внесенъ былъ законопроектъ о гражданскомъ равенствѣ, а 18-го мая началось обсужденіе кадетскаго законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. Параллельно съ этимъ съ 15-го мая въ теченіе 3-хъ недѣль съ перерывами велись дебаты по аграрному вопросу по поводу кадетскаго законопроекта (записка 42-хъ), внесеннаго 8-го мая, и законопроекта трудовиковъ (записка 104-хъ), внесеннаго 23 мая. Аграрный вопросъ былъ центральный и въ Думѣ, и внѣ ея. Онъ болѣе всего содѣйствовалъ обостренію конфликта съ правительствомъ, болѣе всего содѣйствовалъ вовлеченію крестьянъ въ революцію: естественно, что думскіе аграрные дебаты приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на кадетской аграрной программѣ—объ этомъ у насъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Мы коснемся здѣсь участія кадетовъ въ аграрныхъ дебатахъ лишь, поскольку оно столкнуло ихъ лицомъ къ лицу въ наиболѣе острому вопросѣ съ представителями власти, съ одной стороны, и содѣйствовало политической дифференціаціи въ рядахъ думскаго большинства, съ другой.

Главнымъ кадетскимъ ораторомъ по аграрному вопросу былъ М. Я. Герценштейнъ, который за свои думскія выступленія былъ застрѣленъ въ Теріокахъ 13-го іюля 1906 г. убійцами, подосланными „каморрой народной расправы“. Что же возстановило такъ черносотенцевъ противъ кадетскаго оратора? Положительное обоснованіе кадетской аграрной программы, описаніе мирныхъ методовъ, какими кадеты намѣрены провести въ жизнь принципъ „принудительнаго отчужденія земли“, и аргументація въ пользу кадетской программы, которую Герценштейнъ заимствовалъ изъ арсенала критиковъ Маркса—Герца и Давида и другихъ западно-европейскихъ мелкобуржуазныхъ теоретиковъ, и т. п.? Все это, само по себѣ, при всей непріемлемости кадетской программы для правыхъ, не могло бы сдѣлать изъ Герценштейна мишень для кровавой расправы. Рѣчи Аникина, Аладьина,

Заболотнаго и др., развивавшихъ съ воодушевленіемъ положительную сторону наивной и утопической программы трудовиковъ, давали гораздо болѣе зажигательнаго матеріала для агитаціи въ крестьянскихъ массахъ. Нѣкоторые ораторы изъ праваго думскаго крыла, какъ, напр., Н. Львовъ, тщетно пытались окружить кадетскую аграрную программу ореоломъ революціонности. Этотъ депутатъ, напр., заявилъ по ея поводу: „проектъ стремится все уравнять, все безпощадно сгладить“... „Для того, чтобы такой шагъ провести въ жизнь, нужна страшная власть... Для такой ломки жизни намъ нужна не государственная дума, а диктатура, власть деспотическая“!.. Львовъ пугалъ к.-д.-ой программой, но наврядъ ли она кого-либо испугала.

„Опасность“ рѣчей Герценштейна заключалась не въ положительной ихъ части, не въ его защитѣ кадетской программы, а въ уничтожающей критикѣ, которой онъ подвергъ аграрную политику правительства, въ той отповѣди, которую онъ далъ Стишинскому и Гурко, явившимся въ Думу для защиты принципа неприкосновенности частной собственности на землю. М. Герценштейнъ разоблачилъ въ своихъ рѣчахъ все лицемѣріе воплей правительства по поводу неслыханности якобы мѣры принудительнаго отчужденія земли: когда тому же правительству понадобилось парализовать польское вліяніе въ западныхъ губерніяхъ, оно само прибѣгало въ свое время къ принудительному отчужденію земли польскихъ помѣщиковъ, къ тому же по самой низкой, разорительной для помѣщиковъ, оцѣнкѣ. Онъ разоблачилъ аграрную демагогію правительства, увѣрявшаго, что к-ты хотятъ якобы экспропріировать мелкихъ собственниковъ и наложить на крестьянъ новое непосильное платежное бремя, въ то время какъ по цифровымъ даннымъ самого правительства выходило, что предполагаемая к.-д-ами выкупная операція обойдется крестьянамъ несравненно дешевле, нежели ихъ нынѣшніе платежи за арендуемую землю. Онъ показалъ, наконецъ, какъ лживы увѣренія правительства, что оно отвергаетъ принудительное отчужденіе будто бы не въ интересахъ землевладѣльцевъ, а въ интересахъ сельскохозяйственной культуры. Тутъ Герценштейнъ нарисовалъ картину всей финансовой и аграрной политики правительства, показалъ, какъ крестьянскій банкъ вздувалъ цѣны на помѣщичью землю, какъ дворянскій банкъ отказывался отъ взысканія недоимокъ съ дворянъ, какъ ресурсы казны и государственнаго кредита служили для выгодной ликвидаціи безнадежно разстроенныхъ капиталистическихъ предпріятій именитыхъ лицъ, какія препятствія ставились правительствомъ развитію агрономическихъ знаній среди крестьянства, какъ изъ дипломатическихъ соображеній заключались торговые договоры (съ Германіей), подрывающіе основы всего нашего сельскаго хозяйства, и т. д.

Аграрные дебаты, поскольку они вращались вокругъ программныхъ вопросовъ, не дали въ I-ой Думѣ повода къ столкновенію между кадетами и трудовиками, несмотря на все различіе ихъ программъ. И тѣ, и другіе со-

средоточивали свою критику на правительствѣ, развивая попутно свои другъ отъ друга отличные методы рѣшенія аграрнаго вопроса; только въ одной рѣчи трудовика Заболотнаго вскользь подвергнута была критикѣ кадетская „справедливая оцѣнка“. Но конфликтъ между кадетами и трудовиками произошелъ тотчасъ же, какъ только зашла рѣчь о практическихъ мѣрахъ, которыя необходимо принять непосредственно, сейчасъ же, чтобы сдвинуть возъ съ мѣста и приблизить практическое рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Несмотря на то, что Дума выразила правительству „полное недовѣріе“, несмотря на то, что лѣвые при каждомъ появленіи представителей правительства на министерской трибунѣ встрѣчали ихъ криками — „въ отставку!“. правительство не только не собиралось уйти, но, напротивъ того, явно обнаруживало, что оно совершенно игнорируетъ волю законодательнаго собранія. Гурко въ своихъ рѣчахъ недвусмысленно далъ понять Думѣ, что ея аграрныя мечтанія—безплодны, что правительство ни въ коемъ случаѣ „не допуститъ“ посягательства на частную собственность землевладѣльцевъ; еще болѣе откровенно правительство показало, что оно не намѣрено ни пріостанавливать, ни смягчать своей системы террора. 12-го мая въ Думѣ оглашенъ былъ запросъ о 8 смертныхъ приговорахъ, состоявшихся въ Ригѣ. Думское большинство надѣялось, что правительство изъ уваженія къ пожеланіямъ Думы, высказаннымъ въ отвѣтномъ адресѣ, хотя бы временно пріостановитъ смертныя казни. Оно ошиблось. Прошло 4 дня, и 16-го мая предсѣдатель совѣта министровъ доложилъ Думѣ, что онъ направилъ заявленіе „по принадлежности къ военному министру“; военный же министръ отвѣтилъ въ тотъ же день, что рижскія жертвы казнены. На этой почвѣ уже обнаружились разногласія между кадетами и трудовиками. Въ отвѣтъ на казни, по предложенію к.-д.-овъ, спѣшно, въ теченіе одного дня, выработанъ былъ комиссіей законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Трудовики хотѣли принять этотъ законъ немедленно безъ соблюденія всякихъ формальностей. Кадеты ихъ въ этомъ переубѣдили, и Дума назначила послѣднее чтеніе закона на 26 мая до истеченія полагающагося мѣсячнаго срока, въ надеждѣ, что министерство согласится высказать свое сужденіе къ этому сроку. Но министерство опять обмануло ожиданія кадетовъ и настаивало на мѣсячномъ срокѣ. Тогда трудовики рѣшительно потребовали принятія этого закона тотчасъ же безъ соблюденія законныхъ формальностей: „Мы хотимъ перейти къ дѣлу, а не только принимать резолюціи“, заявляли они, „если будемъ слѣдовать законамъ, мы обрекаемъ себя на полную бездѣятельность“. Рѣчь шла о нарушеніи „конституціи“. На это кадеты, понятно, не пошли; соглашеніе не было достигнуто, и кадеты голосовали противъ предложенія трудовиковъ. Тренія между двумя фракціями увеличивались и проявились въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Въ Ригѣ еще 8 человѣкъ

осуждены были на смерть. Въ „Правит. Вѣстникѣ“ начали печататься черносотенныя телеграммы, требующія роспуска Думы. Когда же Дума по этому поводу запросила Горемыкина, онъ отказался на это отвѣчать. Дума очутилась въ тупикѣ. Въ странѣ наростало раздраженіе и нетерпѣніе по поводу создавшагося безвыходнаго положенія.

Отражая это настроеніе, трудовики предложили героическую мѣру для того, чтобы сдвинуть Думу съ мертвой точки и перейти въ наступленіе. 31-го мая они внесли за подписью 35 депутатовъ записку объ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ, избранныхъ по 4-х-членной формулѣ, для содѣйствія на мѣстахъ рѣшенію аграрнаго вопроса. Мѣра эта могла бы имѣть большое революціонное значеніе: она непосредственно связала бы Думу съ крестьянской массой и вызвала бы въ послѣдней сильнѣйшее движеніе, въ которомъ Дума могла бы найти твердую опору въ борьбѣ съ правительствомъ. Но этой именно апелляціи къ народу, къ революціонной стихіи кадеты пуще всего боялись. Вполнѣ естественно, что кадеты рѣшительно возстали противъ предложенія трудовиковъ. Пользуясь тѣмъ, что предложеніе было неудачно формулировано, что оно не предусматривало, должна ли эта мѣра быть проведена обычнымъ сложнымъ законодательнымъ путемъ черезъ Думу и Госуд. Совѣтъ или какимъ-либо сокращеннымъ способомъ, что оно недостаточно отграничивало задачи, возлагаемыя на мѣстные комитеты, отъ задачъ, входящихъ въ компетенцію Думы, какъ высшаго законодательнаго учрежденія, кадетскій ораторъ Кокошкинъ безъ труда доказалъ совершенную непрактичность этой мѣры, поскольку она будетъ проводиться въ рамкахъ „основныхъ законовъ“, благоразумно обойдя въ своей рѣчи вопросъ о главной цѣли, которую преслѣдовало это предложеніе,—выйти фактически изъ рамокъ „основныхъ законовъ“ и опереться въ борьбѣ съ правительствомъ непосредственно на организованное движеніе крестьянскихъ массъ. Послѣ рѣчи Кокошкина для трудовиковъ стало ясно, что ихъ предложеніе будетъ провалено, и они отступили, не дожидаясь голосованія. Они выразили готовность присоединиться къ предложенію Кокошкина о сдачѣ записки въ комиссію, т. е. о сдачѣ ея въ архивъ. Опытные парламентаріи, кадеты, еще и еще разъ праздновали побѣду надъ трудовиками. Но побѣда эта была пиррова!

Вопреки тому, что господствовавшая въ Думѣ партія к.-д. всячески старалась избѣгать революціоннаго конфликта, вопреки „антиконфликтной дѣятельности думскаго большинства“, какъ ее характеризовалъ кадетъ Винаверъ (см. его „Конфликты въ I-ой Думѣ“, стр. 115), Дума объективно, самымъ фактомъ своего существованія содѣйствовала возрожденію революціоннаго настроенія въ странѣ. Это констатировала и кадетская печать. Въ № 21 „Права“ отъ 28 мая мы читаемъ: „Боевое настроеніе страны все

сильнѣе возрастаетъ—демонстраціи, забастовки, аграрные безпорядки опять становятся обычными явленіями". Въ хроникѣ слѣдующаго номера отмѣчаются забастовки въ 10 городахъ и вспышки аграрныхъ безпорядковъ въ 11 губерніяхъ или уѣздахъ, въ хроникѣ 24-го номера отмѣчаются рабочія забастовки въ 23 пунктахъ и аграрныя волненія въ 21 мѣстности. Во многихъ мѣстахъ народное движеніе является непосредственнымъ откликомъ на думскія событія. Параллельно съ этимъ броженіе въ арміи принимаетъ въ послѣдній думскій періодъ все болѣе угрожающіе размѣры. Такъ 18-го іюня въ недѣльной хроникѣ „Права" отмѣчаются 11 случаевъ волненій въ разныхъ частяхъ войска, расквартированныхъ въ разныхъ городахъ; черезъ недѣлю такихъ случаевъ отмѣчается уже 15 и т. д.

Подъ вліяніемъ Думы въ странѣ вновь начала сгущаться революціонная атмосфера. Но руководящая въ Думѣ партія не пыталась опереться на возрождающееся революціонное движеніе или какъ-нибудь съ нимъ связаться. Новый подъемъ, напротивъ, пугалъ кадетовъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ накоплялись симптомы его, кадеты все съ большей тревогой стали обращать свои взоры къ правящимъ сферамъ, тѣмъ болѣе, что одновременно и тамъ подъ впечатлѣніемъ разоблаченій кн. Урусова стали подумывать о соглашеніи съ к.-д.-ами. Собираются въ „сферахъ" разогнать Думу или, напротивъ, вручить власть думскому министерству?—вотъ вопросы, которые въ послѣдній думскій періодъ всецѣло поглощали вниманіе к.-д.-овъ и усиленно обсуждались въ ихъ фракціи каждый разъ, когда Думѣ удавалось нанести правительству какое-либо чувствительное пораженіе. При такихъ условіяхъ возобновились закулисные переговоры к.-д.-овъ съ представителями власти. Генералъ Треповъ первый обратился къ С. А. Муромцеву въ іюнѣ мѣсяцѣ съ предложеніемъ принять участіе въ обсужденіи вопроса о к.-д.-омъ министерствѣ. При гр. Витте въ концѣ 1905 г. Муромцевъ уже принялъ разъ участіе въ засѣданіи совѣта министровъ, посвященномъ пересмотру избирательнаго закона 6 августа. Но теперь Муромцевъ занималъ оффиціальный постъ предсѣдателя Думы и, какъ таковой, онъ отказался отъ переговоровъ, поскольку онъ свыше „призываемъ" не былъ. Однако частнымъ образомъ переговоры съ к.-д.-ами завязались черезъ посредство Муромцева. По желанію 2-хъ—3-хъ сановниковъ, Муромцевъ бесѣдовалъ съ ними у себя на дому по вопросу о к.-д.-ихъ портфеляхъ. Затѣмъ, по просьбѣ А. С. Ермолова, имѣвшаго „спеціальное порученіе", Муромцевъ устроилъ ему у себя на дому свиданіе съ Милюковымъ. Наконецъ, тов. министра С. Крыжановскій, посѣщая Муромцева по дѣламъ службы, дважды заявилъ ему, что Столыпинъ желаетъ встрѣтиться съ нимъ въ какомъ-либо нейтральномъ мѣстѣ, при чемъ онъ передалъ, что Столыпинъ считаетъ желательнымъ и возможнымъ врученіе министерскихъ портфелей к.д.-амъ при непремѣнномъ усло-

віи, чтобъ министерство внутр. дѣлъ было предоставлено ему или вообще бюрократіи. Это условіе, поставленное Столыпинымъ, показывало уже достаточно ясно, на какія роли приглашали к.-д.-овъ. Но это было не единственное условіе. Какъ видно изъ опубликованнаго за границей интервью съ Д. Треповымъ, отъ к.-д.-ской партіи требовали рѣшительнаго разрыва съ трудовиками и открытаго осужденія революціи, отказа отъ „принудительнаго отчужденія" земли и отказа отъ всеобщей амнистіи. На это кадеты не шли, и переговоры ни къ чему не привели. Однако, атмосфера, созданная этими переговорами, заронила въ сердца кадетовъ сугубыя сомнѣнія и колебанія, а это содѣйствовало крайнему обостренію отношеній между ними и трудовиками, которые все болѣе стали подпадать подъ вліяніе немногочисленной, но рѣшительно настроенной с.-д.-ой фракціи. Въ результатѣ получилось то, что какъ разъ тогда, когда настроеніе въ странѣ начало крѣпнуть, авторитетъ Думы сталъ быстро падать, благодаря раздиравшимъ ее внутреннимъ конфликтамъ.

8-го іюня князь С. Урусовъ, членъ партіи демократическихъ реформъ и бывшій товарищъ министра внутр. дѣлъ, сдѣлалъ въ Думѣ свои знаменитыя разоблаченія, произведшія въ высшихъ сферахъ впечатлѣніе грома изъ яснаго неба. Еще въ ночь съ 4-го на 5-ое мая кадеты внесли запросъ по поводу погромныхъ прокламацій, печатавшихся въ помѣщеніи департамента полиціи подъ руководствомъ жандармскаго ротмистра Комиссарова, и по поводу кровавыхъ событій въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ, происшедшихъ „при томъ же преступномъ отношеніи властей". 8-го іюня Столыпинъ отвѣчалъ на этотъ запросъ, оправдываясь тѣмъ, что покуда правительству не дали „новаго ружья", оно обязано „стрѣлять изъ кремневаго". Противъ Столыпина выступилъ кн. Урусовъ. Этотъ депутатъ, достаточно компетентный въ вопросѣ, благодаря своему знакомству съ интимными дѣлами министерства внутр. дѣлъ, въ своей нашумѣвшей рѣчи категорически заявилъ, что всѣ нити погромной агитаціи стягиваются къ рукамъ „неизвѣстныхъ намъ людей или земныхъ силъ, стоящихъ за недосягаемой оградой", передъ которыми даже министры безсильны. „Опасность, смѣю сказать, не исчезнетъ", закончилъ онъ свою рѣчь, „пока на дѣла управленія, а слѣдовательно на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди по своему воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденію погромщики". Это былъ мѣткій ударъ въ самое сердце господствующей системы. Изъ него должны были быть сдѣланы соотвѣтствующіе выводы. С.-д. Рамишвили предложилъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, заявляющую, что „весь составъ высшей администраціи, при нынѣшнемъ и предыдущемъ кабинетахъ, подлежитъ суду по обвиненію въ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій противъ жизни, имущества и чести гражданъ россійскихъ". Но

для кадетовъ, по указаннымъ причинамъ, эта формула была непріемлема. Кадетъ Набоковъ, говорившій послѣ кн. Урусова, разоблачивъ тайныя пружины вологодскаго погрома, закончилъ свою рѣчь словами: „Мы считаемъ, что когда они (министры! А. М.) уйдутъ, другіе могутъ прійти на ихъ мѣсто подъ однимъ только категорическимъ условіемъ, чтобы были навсегда вырваны изъ русской жизни господа ротмистры Пышкины". Въ этихъ словахъ объ уходѣ министровъ подъ вліяніемъ скандальныхъ разоблаченій и о вручении власти новому думскому министерству говорилось, какъ о чемъ-то близкомъ и вѣроятномъ. На это кадеты и держали курсъ и, чтобъ облегчить высшимъ сферамъ этотъ шагъ, кадеты избѣгали слишкомъ рѣзкой, воинственной формулы перехода и предпочли сосредоточить всю тяжесть нападенія на „стрѣлочникахъ", на „ротмистрахъ Пышкиныхъ". Соотвѣтственная формула и была предложена Гредескуломъ. Ее приняли не только противъ с.-д. голосовъ, но и противъ трудовиковъ, присоединившихся къ формулѣ Рамишвили. Общія голосованія кадетовъ и трудовиковъ становились рѣдкими исключеніями.

Въ то самое время, когда велись дебаты по запросу о погромной агитаціи, часть трудовиковъ внесла свой новый аграрный законопроектъ, инспирированный с.-р-ами (записка 33-хъ). Ссылаясь на то, что записка внесена была по окончаніи дебатовъ и что она исходила изъ принципа націонализаціи земли, не обсуждавшагося въ Думѣ, кадеты высказались противъ передачи записки въ комиссію и провели свое рѣшеніе 140 голосами противъ 88. Очень скоро трудовики имѣли случай отплатить кадетамъ той же монетой. 16-го іюня Дума приступила къ обсужденію кадетскаго законопроекта о собраніяхъ, того самаго, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ и который прослылъ въ лѣвой печати, какъ „каторжный" законопроектъ. Противъ него выступилъ съ рѣзкой критикой цѣлый рядъ ораторовъ изъ с.-д-овъ и трудовиковъ, которые своими рѣчами немало содѣйствовали дискредитированію кадетовъ въ глазахъ демократіи. Въ самомъ началѣ дебатовъ о свободѣ собраній депутатъ Джапаридзе прочиталъ декларацію отъ имени только-что конституировавшейся думской фракціи с.-д. р. партіи. Въ заключительной части своей рѣчи онъ противопоставилъ кадетскому взгляду на думское законодательство взглядъ с.-д. и въ частности иллюстрировалъ это критикой к.-д-скаго законопроекта о собраніяхъ. Еще рѣзче сдѣлалъ это противопоставленіе с.-д. Рамишвили: „Неужели", спрашивалъ онъ, „законопроектомъ считается только тотъ, у котораго много параграфовъ и всѣ параграфы стѣсняютъ свободу собраній?" Депутату Джапаридзе отвѣтилъ профессоръ Гредескулъ. Онъ привѣтствовалъ „появленіе с.-д. партіи въ нашемъ парламентѣ", какъ „отрадное явленіе", но тутъ же напалъ на с.-д-овъ, пытаясь опровергнуть весьма характер-

ными аргументами мнѣнія с.-д-овъ, что кадетскій законопроектъ отличается излишней и вредной регламентаціей особенно для переходнаго революціоннаго времени: „Еще большой вопросъ, кому принадлежитъ рѣшеніе спора, идущаго теперь въ Россіи: законодательнымъ ли попыткамъ или революціи. Мы разсчитываемъ на то, *что мы все уладимъ*, что мы устранимъ настоящее министерство и учредимъ другую организацію власти. Какіе бы мы хорошіе законы ни выработали при нынѣшней власти, они все равно будутъ плохи". На защиту точки зрѣнія с.-д.-овъ неожиданно для кадетовъ сталъ на этотъ разъ членъ партіи демокр. реформъ, проф. М. М. Ковалевскій. Онъ доказалъ, что отношеніе с.-д-овъ къ свободѣ собраній не является новизной въ исторіи; что с.-д-ы исходятъ изъ того же принципа, что и англо-американское законодательство, отвергающее всякую регламентацію собраній. Кадеты же исходятъ изъ практики континентальныхъ законодательствъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія полицейскаго государства. Это та же опека, которая господствовала во Франціи въ эпоху первой имперіи и въ эпоху реставраціи и которая легла въ основу закона 1877 г., продиктованнаго страхомъ передъ возвратившимися изъ ссылки коммунарами.

Война противъ кадетскаго законодательства была прервана на время, когда 19-го іюня въ Думу изъ комиссіи вернулся законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Появленіе по этому поводу на трибунѣ министра юстиціи Щегловитова, товарища министра внутр. дѣлъ Макарова, особенно же военнаго прокурора Павлова, на моментъ объединило всю Думу, возставшую въ общемъ порывѣ негодованія противъ героевъ висѣлицы и разстрѣла. Стоило лишь Павлову появиться на трибунѣ, какъ поднялась единодушная буря протеста, дошедшая до того, что Павлову пришлось оставить трибуну, не произнеся ни единаго слова. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ принятъ на томъ же засѣданіи единогласно. На одинъ моментъ въ Думѣ воцарился междупартійный миръ. Но сейчасъ же послѣ того, какъ былъ принятъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, перепалка по поводу законопроекта о собраніяхъ возобновилась съ прежней силой. Когда же первое чтеніе было закончено, трудовики не только рѣшили отвергнуть его, но вслѣдъ за с.-д-ами голосовали даже противъ передачи законопроекта въ комиссію. Въ первый разъ трудовики такъ рѣзко отнеслись къ кадетскому законопроекту.

Сейчасъ же послѣ этого голосованія конфликтъ между кадетами и лѣвыми разгорѣлся по другому поводу. 19-го іюня отъ министерства въ Думу поступило предложеніе — ассигновать въ его распоряженіе 50 милліоновъ рублей для голодающихъ крестьянъ. Вопросъ этотъ переданъ былъ 20-го іюня въ комиссію, которая черезъ два дня представила Думѣ свое заключеніе. Комиссія, въ которой преобладали кадеты, считаясь, съ одной сто-

роны, съ тѣмъ, что безотвѣтственному министерству не могутъ быть довѣрены огромныя продовольственныя суммы, съ другой стороны, что отказъ въ ассигновкѣ могъ бы возстановить противъ Думы населеніе, избрала средній путь компромисса: она предложила Думѣ ассигновать правительству пока лишь 15 милліоновъ въ предѣлахъ бюджета 1906 г. съ установленіемъ строгой отчетности передъ Думой. Соціалъ-демократическая фракція отвергла этотъ компромиссъ. Она предложила сократить расходы на армію и на полицію и создать немедленно общественныя продовольственныя учрежденія, которымъ должна быть передана сумма, полученная отъ указанныхъ сбереженій. Образованіе общественныхъ продовольственныхъ организацій предложилъ также депутатъ Галецкій отъ имени трудовиковъ. Кадеты категорически отказались пойти по этому пути „демонстраціи“ и провели рѣшеніе комиссіи противъ голосовъ с.-д. и трудовиковъ. Кадеты оправдывали свое рѣшеніе тѣмъ, что оно, какъ-ни-какъ, принесетъ нѣкоторую непосредственную пользу населенію. Разыгравшаяся впослѣдствіи скандальная эпопея „Гурко-Лидваль“ блестяще доказала близорукость этой политики и подтвердила, что единственное цѣлесообразное рѣшеніе было то, которое возлагало отвѣтственность за продовольственную кампанію правительства цѣликомъ на него же, тѣмъ болѣе, что правительство все равно изыскало бы на это средства, независимо отъ того или иного рѣшенія Думы.

Все болѣе обостряющійся антагонизмъ между кадетами и лѣвымъ думскимъ крыломъ въ концѣ концовъ сталъ разстраивать и такія оппозиціонныя выступленія Думы, которыя не давали почти повода для расхожденія между центромъ и лѣвыми. Это обнаружилось при обсужденіи запроса о бѣлостокскомъ погромѣ. Сейчасъ же, какъ погромъ разыгрался въ Бѣлостокѣ (1-го іюня), Дума отправила трехъ своихъ членовъ—Араканцева, Щепкина и Якубсопа, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Думскіе комиссары привезли огромный матеріалъ, уличающій власти въ тяжкихъ, неслыханныхъ преступленіяхъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ фактовъ, даже такой мирный человѣкъ, какъ кадетъ Араканцевъ, закончилъ свой докладъ грознымъ предостереженіемъ: „Когда армія увидитъ весь тотъ ужасъ, который ее заставляли дѣлать, когда она узнаетъ, что ее обманывали, тогда... горе будетъ этимъ насильникамъ и этимъ развратителямъ русскаго народа!“ Пренія о запросѣ назначены были на 22 іюня. На засѣданіе пріѣхалъ Столыпинъ, повидимому, съ цѣлью отвѣтить на запросъ. Чтобы ударъ, который Дума собиралась нанести министерству, былъ достаточно чувствительнымъ, важно было, чтобы пренія по запросу были концентрированы, чтобы ничто не отвлекало отъ нихъ вниманія, чтобы они закончились въ одинъ день. Но этого именно и не случилось, благодаря тому, что тренія между кадетами и лѣвыми уже сдѣлали невозможными какія-либо согласованныя дѣйствія въ Думѣ. На этотъ

разъ неожиданно клиномъ врѣзался въ дебаты инцидентъ съ деп. Съдельниковымъ, который отвелъ дебаты въ совершенно другое русло, привелъ къ подмѣнѣ трудовиками одного запроса другимъ. Затѣмъ началась обструкція со стороны мирнообновленцевъ. Въ результатѣ всего, докладъ Аракапцева былъ прочитанъ лишь въ концѣ 2-го засѣданія и Столыпину уже до самаго роспуска Думы не пришлось держать отвѣтъ по бѣлостокскому дѣлу.

Въ то время, какъ въ Думѣ усилились внутреннія тренія и конфликты, правительство подготовлялось къ ея разгону. Кадеты же, по иронiи судьбы, какъ разъ въ это время, по собственному ихъ свидѣтельству, больше чѣмъ когда-либо вѣрили, что ихъ готовятся призвать къ власти. „Рѣчь кн. Урусова 8-го iюня и подтвержденное недовѣрiе 9-го iюня правительству“, пишетъ к.-д. Винаверъ, „произвели ошеломляющее впечатлѣнiе не только въ Россiи, но и въ Зап. Европѣ... Унынiе, царившее въ думскихъ кругахъ и въ обществѣ въ началѣ iюня подъ вліяніемъ слуховъ о роспускѣ, понемногу стало разсѣиваться, и ему на смѣну явились все болѣе упорные слухи о близящемся думскомъ министерствѣ“. Иллюзія эта, казалось бы, должна была разсѣяться, когда правительство 20-го iюня издало свое пресловутое „правительственное сообщенiе“ по аграрному вопросу, въ которомъ оно, извращая смыслъ думской аграрной политики и противопоставляя ей правительственную аграрную программу, пыталось демагогически возстановить крестьянство противъ Думы. Однако, значенiе этого акта не было достаточно оцѣнено кадетами и, повидимому, также трудовиками. Этотъ актъ далъ лишь поводъ къ составленiю обычнаго спѣшнаго запроса министерству, проектъ котораго прочитанъ былъ въ Думѣ, впрочемъ, лишь черезъ 6 дней, т. е. 26-го iюня. Но на этомъ засѣданiи весьма неожиданно забилъ тревогу Кузьминъ-Караваевъ: „Когда я“, говорилъ онъ, „прочелъ правительственное сообщенiе, то, не скрою, я впалъ въ состоянiе бѣшенства... Въ конституцiонномъ государствѣ министерство противополагаетъ монарха народному правительству... очень умѣло и ловко... передъ населенiемъ полемизируютъ съ Государственной Думой... отъ имени монарха... Это прямой призывъ къ возстанiю“. Въ заключенiе ораторъ предложилъ, не ограничиваясь запросомъ, опубликовать контръ-сообщенiе отъ лица Государственной Думы. Увлеченная рѣзкою рѣчью умѣреннаго и уравновѣшеннаго депутата Кузьмина-Караваева, Дума единогласно приняла это предложенiе; но кадеты, загипнотизированные своими дипломатическими разсчетами, въ моментъ голосованiя предложенiя Кузьмина-Караваева также не дооцѣнивали значенiя этого собственнаго своего шага, какъ раньше не дооцѣнивали значенiя правительственнаго сообщенiя. Мысль ихъ работала совершенно въ другомъ направленiи. Это лучше всего видно изъ описаннаго Винаверомъ

засѣданія кадетской думской фракціи, происходившаго наканунѣ того дня, когда въ Думѣ должно было обсуждаться контръ-сообщеніе, именно, 3-го іюня: „По требованію П. Милюкова, было назначено для нетерпящаго отлагательства вопроса экстренное засѣданіе въ понедѣльникъ, 3-го іюля... Но засѣданіе это было назначено не для обсужденія вопроса объ аграрномъ сообщеніи—о немъ не было сказано и слова—а для ознакомленія фракціи съ вопросомъ о возможномъ думскомъ министерствѣ; вопросъ былъ настолько жгучъ, что не терпѣлъ отлагательства на два дня—до среды, до очереднаго засѣданія фракціи". Черезъ день, 4-го іюля, текстъ контръ-сообщенія поступилъ въ Думу изъ аграрной комиссіи и принятъ былъ Думой въ I-мъ чтеніи въ цѣломъ. Но въ этотъ моментъ у кадетовъ уже возникли сильныя опасенія насчетъ совершеннаго ими шага. Все говорило за то, что надвигается гроза сверху: въ правой оффиціозной печати этотъ шагъ трактовался, какъ революціонный; опять усилились слухи о роспускѣ Думы. Въ столыпинской „Россіи" сообщалось откровенно о переговорахъ Германіи съ Австріей насчетъ занятія Россіи нѣмецкими войсками при условіи „прямого и ясно выраженнаго желанія русскаго правительства". Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ слуховъ встревоженные кадеты рѣшились на быстрое отступленіе. Несмотря на то, что проектъ контръ-сообщенія ужъ принятъ былъ Думой въ I-мъ чтеніи, черезъ два дня, когда приступлено было къ его обсужденію по частямъ, Ив. Петрункевичъ отъ имени кадетской фракціи внесъ въ него поправку, которая ломала всю его конструкцію и тѣмъ самымъ мѣняла его характеръ: въ первоначальномъ проектѣ центръ тяжести былъ въ нападеніи на правительство, въ разоблаченіи его борьбы противъ принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли, предлагаемаго Думой; въ поправкѣ Петрункевича центръ тяжести переносился на увѣщаніе крестьянъ мирно и спокойно ждать рѣшенія аграрнаго вопроса Думой. С.-д-ы протестовали тщетно противъ допущенія предсѣдателемъ С. Муромцевымъ къ обсужденію и затѣмъ къ голосованію подъ видомъ поправки по существу новаго предложенія. Въ результатѣ, трудовики воздержались отъ голосованія, с.-д-ы голосовали противъ и текстъ обращенія принятъ былъ голосами однихъ только кадетовъ, совершенно изолированныхъ. Изъ 278 наличныхъ депутатовъ противъ голосовали 53, воздержались 101 и за голосовали только 124—число по наказу недостаточное для принятія какого-либо рѣшенія. Это была демонстрація безсилія Думы, послѣ которой она просуществовала еще только 3 дня; на языкѣ же кадета Винавера, это былъ „самый тяжелый ударъ идеѣ о думскомъ министерствѣ".

8-го іюля подписанъ былъ манифестъ о роспускѣ Государственной Думы. Когда на слѣдующій день это стало извѣстно въ столицѣ, около 200 депутатовъ, въ томъ числѣ весь думскій президіумъ и почти вся кадетская

парламентская фракція, отправились въ Выборгъ, гдѣ ими и составлено такъ наз. „Выборгское воззваніе", въ которомъ народные представители призывали населеніе отказывать правительству въ платежѣ налоговъ, въ дачѣ рекрутовъ и въ платежахъ по займамъ, покуда не будетъ вновь созвано народное представительство.

Какія причины побудили кадетовъ совершить этотъ рѣшительный шагъ? Роспускъ 1-й Думы мало похожъ былъ на обычный роспускъ парламентовъ. Обыкновенно это—апелляція къ странѣ, исходящая формально изъ соображенія, что парламентъ болѣе не соотвѣтствуетъ настроенію народа. Первая же Дума, какъ видно было изъ мотивовъ, приведенныхъ въ манифестѣ, распущена была, наоборотъ, потому, что она не соотвѣтствовала настроенію правительства. И сами условія, равно какъ и обстановка роспуска, показывали, что это была апелляція не къ странѣ, а къ физической силѣ... Въ манифестѣ день новыхъ выборовъ не былъ указанъ, а указанный въ немъ продолжительный, семимѣсячный срокъ бездумья былъ явнымъ посягательствомъ на буржуазныя права парламента. Къ тому же актъ не былъ прочитанъ въ Думѣ; ея зданіе съ утра занято было войсками; на фонарныхъ столбахъ въ тотъ же день вывѣшены были объявленія о введеніи въ Петербургѣ чрезвычайной охраны.

На этотъ именно насильственный характеръ роспуска Думы ссылались въ объясненіи своего поведенія многіе кадеты, подписавшіе выборгское воззваніе, когда они черезъ $1^1/_2$ года очутились за это на скамьѣ подсудимыхъ. Они ссылались также на то, что западно-европейскія конституціонныя партіи при аналогичныхъ условіяхъ тоже призывали народъ къ пассивному сопротивленію, что этотъ методъ борьбы, при опредѣленной обстановкѣ, имѣетъ характеръ вполнѣ конституціонный.

Не касаясь сравнительно маловажнаго вопроса, вѣрна или не вѣрна эта юридическая оцѣнка выборгскаго воззванія, одно можно сказать съ увѣренностью: она совершенно не мирилась съ обычными кадетскими взглядами на границы конституціонныхъ методовъ борьбы. Послѣ переворота 3-го іюня 1907 г. кадетамъ не приходило въ голову призывать народъ къ пассивному сопротивленію. Когда, въ 1905 г., революціонныя организаціи выпустили свой „финансовый манифестъ", тоже призывавшій не платить по займамъ, кадетская печать подвергла его рѣзкой критикѣ и, главное, съ принципіальной точки зрѣнія. И на скамьѣ подсудимыхъ, кадеты, говоря о конституціонности выборгскаго акта, дѣлали при этомъ разныя оговорки, чтобы дать понять, что они зарекаются повторять подобные опыты. Не взвѣшенныя юридическія соображенія, а лишь извѣстный психологическій аффектъ объясняютъ то, что кадеты въ Выборгѣ совершили такой необычный для нихъ политическій актъ... Настроеніе, которымъ онъ былъ продиктованъ, вѣрнѣе другихъ передалъ на

судѣ Набоковъ: „Роспускъ Думы... явился для насъ крушеніемъ нашихъ надеждъ, и мы ясно почувствовали, что дѣло не въ этой, можетъ быть, неконституціонности,—какъ извѣстно въ воззваніи мы этого не коснулись,—а что роспускъ былъ дѣломъ гораздо болѣе глубокимъ... Здѣсь, въ этомъ залѣ, говорилось о томъ, конституціонны ли тѣ средства, которыя были указаны въ воззваніи; я долженъ сказать, что для меня лично не возникалъ этотъ вопросъ ни въ Выборгѣ, ни потомъ въ Петербургѣ... бываютъ такія минуты... когда диктуется поведеніе... той salus publica, которая для каждаго изъ насъ suprema lex". Внезапное крушеніе конституціонныхъ иллюзій кадетовъ, которые еще наканунѣ роспуска Думы надѣялись, что ихъ вотъ-вотъ призовутъ къ власти, вотъ въ чемъ ключъ къ объясненію ихъ поведенія въ Выборгѣ. Чѣмъ сильнѣе были эти иллюзіи, тѣмъ сильнѣе была психологическая реакція, когда иллюзіи эти были разбиты. Чѣмъ сильнѣе была надежда на „государственный разумъ" высшихъ сферъ, тѣмъ сильнѣе было минутное разочарованіе въ легальныхъ способахъ борьбы. Неудивительно, поэтому, что идея выборгскаго воззванія, какъ тогда утверждали, впервые возникла въ головѣ именно праваго кадета и сугубаго оппортуниста.

Но психологическій аффектъ плохой компасъ въ политической борьбѣ, и не успѣли кадеты доѣхать до Выборга, какъ ихъ начали уже терзать сомнѣнія. Вслѣдствіе этого проектъ воззванія, составленный послѣ многихъ колебаній кадетской фракціей, оказался до такой степени разбавленнымъ водой, что изданіе его потеряло бы какой бы то ни было смыслъ. Кадеты готовы были, повидимому, повторить въ Выборгѣ исторію съ думскимъ обращеніемъ по аграрному вопросу. Но въ Выборгѣ они были не хозяевами положенія, а плѣнниками той революціонной обстановки, которую они неожиданно для себя сами создали. Въ первый и единственный разъ кадеты собирались апеллировать непосредственно къ народнымъ массамъ и для этого вступили въ сотрудничество съ соціалъ-демократической партіей. Въ первый разъ к.-д-ы обнажили головы при звукахъ марсельезы, которой финскій оркестръ привѣтствовалъ депутатовъ.

С.-д.-ы, познакомившись съ кадетскимъ проектомъ воззванія, внесли въ него двадцать одну поправку. При такомъ расхожденіи соглашеніе съ кадетами на счетъ редакціи воззванія въ обычной обстановкѣ было бы дѣломъ почти безнадежнымъ. Но тутъ на помощь с.-д.-амъ явились быстро надвигающіяся событія, не дававшія кадетамъ время опомниться. Выборгскій губернаторъ, получившій инструкціи изъ Петербурга, заявилъ, что онъ не допуститъ пребыванія депутатовъ въ Выборгѣ болѣе одного дня. Циркулировали слухи, что на гостинницу „Бельведеръ", въ которой собирались депутаты, направлены будутъ пушки. Необходимо было торопиться. Поэтому рѣшено было составить немногочисленную редакціонную комиссію, въ которую

вошли въ равномъ числѣ кадеты, с.-д.-ы и трудовики. Комиссія эта приняла почти всѣ соціалъ-демократическія поправки, и окончательно редактированный ею проектъ спѣшно принятъ былъ безъ измѣненій на общемъ собраніи всѣхъ членовъ Думы. Выборгское собраніе, вопреки тому, какъ хотѣлъ представить дѣло прокуроръ въ послѣдовавшемъ процессѣ, не рѣшилось конституироваться, какъ засѣданіе Думы. Но вопросъ этотъ въ Выборгѣ поднимался. Когда, послѣ составленія воззванія, партіи собрались на общее совѣщаніе для выработки дальнѣйшаго плана дѣйствій, с.-д.-ы, дѣйствительно, предложили, чтобы депутаты поѣхали немедленно въ Петербургъ и чтобы они тамъ конституировались, какъ Дума, игнорируя актъ роспуска. Они мотивировали это тѣмъ, что если Дума въ такой обстановкѣ будетъ арестована и посажена въ Петропавловскую крѣпость, въ русскую Бастилію, она тѣмъ болѣе будетъ существовать, какъ идейный центръ для народа, и тѣмъ болѣе будетъ напоминать народу, что Бастилія должна быть взята. Кадеты категорически этого предложенія не отвергли, но они высказывали недоумѣніе по поводу того, чѣмъ можетъ заниматься Дума, законность которой оспаривается властью... Рѣчи ихъ ясно показывали, что они предпочли бы, чтобы ихъ, по ихъ возвращеніи въ столицу, по одиночкѣ, арестовали, и такимъ образомъ избавили отъ необходимости выполненія задачи, которая имъ совершенно не по плечу.

Дальнѣйшій ходъ событій вывелъ кадетовъ изъ ихъ затруднительнаго положенія. Всѣ предполагали, что въ отвѣтъ на роспускъ Думы разразится гроза; къ этому готовились и власти. Но этого не случилось. Единственнымъ отвѣтомъ населенія на роспускъ Думы была кратковременная забастовка въ Петербургѣ и Москвѣ по призыву с.-д.-ой организаціи. При такихъ условіяхъ вопросъ о самовластномъ возстановленіи Думы уже никѣмъ болѣе не возбуждался.

Видимое равнодушіе, съ которымъ населеніе встрѣтило роспускъ 1-й Думы, было для всѣхъ неожиданно. Правда большинство пролетаріата, особенно столичнаго, бойкотировало выборы въ Думу и, при открытіи Думы, ее встрѣтило съ большимъ недовѣріемъ; но, съ теченіемъ времени, пролетаріатъ сталъ все болѣе и болѣе прислушиваться къ тому, что въ ней дѣлалось, и подъ конецъ петербургскіе рабочіе, черезъ своихъ уполномоченныхъ, стали требовать отчета у рабочей группы, а затѣмъ у с.-д.-ой думской фракціи. Что касается крестьянъ, то они съ самаго начала съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за Думой, гдѣ рѣшался вопросъ о землѣ и волѣ. При такихъ условіяхъ видимое равнодушіе населенія къ роспуску Думы можно было приписать лишь тому, что оно не успѣло еще собраться съ силами послѣ недавнихъ пораженій революціи.

Но была еще одна, не менѣе важная причина. Когда к. д.-ты и тру-

довики въ 1-й думскій періодъ утверждали—либо Дума сама добудетъ народу свободу и землю, либо народъ, предоставленный себѣ, ввергнется въ состояніе анархіи, это была несбыточная мечта, вытекавшая изъ ложнаго взгляда на власть, которой будто бы лишь плохая освѣдомленность мѣшаетъ удовлетворить народныя требованія, вытекавшія изъ ложнаго взгляда на Думу, какъ на собраніе „ходоковъ“ или посредниковъ между престоломъ и народомъ. Но иллюзію, что Дума сама все сдѣлаетъ, питали не только к.-д.-скіе депутаты и трудовики. Ее питала также масса населенія, особенно деревенскаго, благодаря отсутствію у народа навыка къ самостоятельному организованному участію въ политической жизни. Чтобы превратить Думу изъ собранія ходоковъ и парламентеровъ во властный органъ воли народа, нужно было вовлечь само населеніе въ активную, политическую жизнь, нужно было втянуть его въ жизнь политическихъ партій, связать его съ думскими фракціями, пріучить его къ активной поддержкѣ каждаго шага Думы. Это скоро не дѣлается, а руководящая думская фракція, къ тому же, не только не ставила себѣ эту задачу, а, напротивъ того, всей своей тактикой мѣшала установленію организаціонной связи Думы съ народомъ. Неудивительно, поэтому, что народное движеніе, проявившееся послѣ разгона Думы, носило неорганизованный характеръ, что оно не связано было непосредственно ни съ роспускомъ Думы, ни съ требованіемъ ея возстановленія въ правахъ. Свеаборгское и кронштадтское возстанія, послѣдовавшія, напр., сейчасъ послѣ роспуска, имѣли лишь косвенное отношеніе къ этому событію: въ лозунгахъ возставшихъ солдатъ Дума не играла никакой роли. Этимъ предрѣшалась судьба всего солдатскаго и крестьянскаго движенія: распыленное, лишенное единства и конкретной цѣли, къ тому же не связанное также съ организованнымъ движеніемъ пролетаріата, которое въ октябрьскіе дни играло роль цемента, оно постепенно падало и сходило на нѣтъ.

Однако, въ тотъ моментъ этого финала никто еще не предвидѣлъ. И кадеты, вслѣдъ за революціонными партіями, въ то время ожидали, что деревня еще скажетъ свое слово. Такъ, П. Милюковъ писалъ 18-го іюля въ „Рѣчи“: „Очень скоро оно (правительство) убѣдится въ тщетности своихъ намѣреній — удовлетворить общество поддѣльнымъ либерализмомъ... Чтобы предсказать это, достаточно заглянуть въ календарь нашихъ народныхъ движеній. Іюль—это мертвый сезонъ. Черезъ мѣсяцъ начнется подъемъ, а къ зимѣ народное движеніе будетъ въ зенитѣ“. Благодаря этимъ ожиданіямъ, кадеты не сразу, не круто перемѣнили свой политическій курсъ, и когда правительство Столыпина завязало переговоры съ мирнообновленцами объ ихъ вступленіи въ министерство, тотъ же Милюковъ писалъ, обращаясь къ нимъ: „Г.г. „мирные обновители“!.. Очередь теперь за вами. Отъ васъ зависитъ продлить кризисъ или, своимъ устраненіемъ, сдѣлать необходимымъ

быструю развязку. Знайте только, что если вы продлите кризисъ, послѣдствія будутъ ужасны... Будьте разъ въ жизни прозорливы: признайте, что ваше время еще не пришло; термидоріанская реакція не наступила". Въ тотъ моментъ, послѣ роспуска Думы и мирнообновленцы также думали, что „время термидоріанской реакціи не наступило", поэтому и они отказались вступить въ коалиціонное министерство. При этомъ А. И. Гучковъ и Н. Н. Львовъ дипломатически мотивировали свой отказъ тѣмъ, что они „считаютъ полезнѣй свою дѣятельность въ качествѣ общественныхъ дѣятелей". Графъ же Гейденъ, Д. Н. Шиповъ и кн. Львовъ заявили, что они отвергаютъ предложеніе, будучи принципіально несогласны съ министерской программой. Они вступили бы въ коалиціонное министерство, говорили они, только при условіи скорѣйшаго созыва новой Думы, при рѣшительной перемѣнѣ правительственной политики и при предоставленіи общественнымъ дѣятелямъ достаточнаго числа отвѣтственныхъ портфелей.

Но ихъ недолго упрашивали. Предполагавшееся всѣми движеніе крестьянскихъ массъ не состоялось. При такихъ условіяхъ новое министерство Столыпина быстро сняло съ себя маску „поддѣльнаго либерализма". Вмѣсто коалиціоннаго кабинета учреждены были военно-полевые суды; одновременно указами 12-го и 27-го августа о продажѣ удѣльныхъ и казенныхъ земель началось практическое осуществленіе правительственной аграрной программы. Это разсѣяло послѣднія иллюзіи кадетовъ насчетъ возможности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ соглашенія съ правительствомъ на почвѣ программы 1-й Думы. К.-д. очутились на распутьѣ. Выяснившееся положеніе требовало либо рѣшительнаго разрыва съ правительствомъ, либо рѣшительнаго поворота вправо. К.-д. избрали второй путь. Начало новому курсу положено было на гельсингфорскомъ съѣздѣ, засѣдавшемъ въ двадцатыхъ числахъ сентября 1906 г., на которомъ кадеты публично покаялись въ своемъ выборгскомъ прегрѣшеніи, признавши выборгское воззваніе „политически не цѣлесообразнымъ". Такъ закончился тотъ періодъ исторіи к.-д-овъ, о которомъ они вспоминали послѣ, какъ о періодѣ „героическомъ".

ГЛАВА V.

Финансовая и соціально-экономическая программа кадетовъ. Отношенія к.-д. къ бюджетному праву и государственному хозяйству. Отношеніе кадетовъ къ рабочему вопросу. Эволюція кадетской аграрной программы. Соціальная природа кадетизма.

Политическое положеніе, создавшееся въ странѣ послѣ роспуска I-й Думы и послѣ того, какъ контръ-революціонное министерство Столыпина стало

осуществлять свою соціальную программу на основаніи 87 ст. осн. законовъ, побудило и к.-д. усиленно заняться подготовкой къ „органической“, законодательной работѣ въ области бюджетнаго права, рабочаго и аграрнаго вопросовъ. Бюджетное право сосредоточило на себѣ вниманіе к.-д., потому что оно при тѣхъ условіяхъ представлялось имъ едва-ли не единственнымъ еще надежнымъ орудіемъ для осуществленія конституціоннаго строя. Подробной же разработкой рабочаго и аграрнаго законодательствъ кадеты торопились, чтобы показать тѣмъ слоямъ населенія, на которыхъ посулы контръ-революціонныхъ реформаторовъ могли возымѣть вліяніе, что у кадетской оппозиціи имѣются тоже детально разработанные законопроекты, которые немедленно могли бы быть проведены въ жизнь, если бъ оппозиція обмѣнялась мѣстами съ нынѣшнимъ правительствомъ. Въ этихъ видахъ кадеты рѣшили прежде всего образовать общество „финансовыхъ реформъ“. Не дожидаясь его конституированія, Ц. К. партіи зимой 1906—1907 г. организовалъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Ив. Петрункевича по изученію государственнаго бюджета, въ которую вошли П. Струве, Н. Кутлеръ, А. Изгоевъ, А. фонъ-Рутценъ, М. Федоровъ и М. Фридманъ. Одновременно приступила къ работѣ кадетская комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ П. Струве. Параллельно съ этими новыми комиссіями продолжала свою работу аграрная комиссія, которая перерабатывала общія положенія аграрной реформы, изложенныя въ запискѣ 42-хъ, въ конкретный законопроектъ. О направленіи, въ которомъ велась вся эта работа, можно судить по матеріаламъ, статьямъ и законопроектамъ, напечатаннымъ въ кадетскихъ сборникахъ 1907 г.—„Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы 1905—1907 г.“, „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетное право“, издан. кн. П. Долгорукова и Ив. Петрункевича, „Аграрный вопросъ. Протоколы засѣданій Аграрной комиссіи 11—13 февраля 1907 г.“ и „Аграрный вопросъ“ изд. П. Долгорукова и П. Петрункевича. Въ этихъ изданіяхъ передъ нами разворачивается вся финансовая и соціально-экономическая программа кадетовъ, вскрывающая ихъ классовыя тенденціи и предопредѣляющая, каковы тѣ общественные слои, которые если еще не вполнѣ примкнули, то должны будутъ раньше или позже примкнуть къ к.-д-ой партіи по своей соціальной природѣ.

Исходя изъ того, что „въ бюджетномъ правѣ мы имѣемъ обыкновенно опору и основу реальной конституціи“ (М. Фридманъ), что требованіе расширенія этого права способно объединить наиболѣе широкіе слои буржуазіи, включая самые умѣренные ея элементы, что, наконецъ, въ этой области правительство вынуждено проявлять наибольшую уступчивость по отношенію къ „организованному общественному мнѣнію“, кадеты готовились во 2-й Думѣ прежде всего атаковать правила 8-го марта 1906 г., до крайности

ограничившія бюджетныя права Думы. Имѣя при этомъ въ виду „не идеальный порядокъ, а возможно близкій къ проведенію въ жизнь въ конкретныхъ условіяхъ современной русской дѣйствительности", кадеты во II-й Думѣ не выработали своей бюджетной конституціи, а лишь требовали отмѣны правилъ 8-го марта, требовали, чтобы были отмѣнены тѣ статьи закона, которыя изъемлютъ изъ контроля Думы расходы на основаніи штатовъ, росписаній и Высоч. положеній, расходы Соб. Его В. Канцеляріи и расходы на непредусмотрѣнныя смѣтами экстренныя надобности, чтобы отмѣнены были, далѣе, статьи, разрѣшающія по постановленію Совѣта Министровъ открывать кредиты на опредѣленно не указанныя „неотложныя нужды", подлежащія утвержденію Думы заднимъ числомъ, и тѣ, которыя связываютъ свободу Думы въ установленіи новыхъ расходовъ и такимъ образомъ лишаютъ ее бюджетной иниціативы. Таковы были отрицательныя ближайшія требованія к.-д., но они готовы были по нуждѣ и въ этомъ уступить. П. Струве въ своихъ замѣткахъ „Къ характеристикѣ нашего бюджетнаго права" (см. „Вопросы государ. хозяйства и бюджетнаго права") готовъ былъ на худой конецъ признать „немалымъ шагомъ впередъ" и предоставленіе Госуд. Думѣ тѣхъ правъ, которыя д. т. с. Череванскій предоставлялъ своей „бюджетной комиссіи", когда проектировалась еще булыгинская Дума. Скромныя же эти права сводились къ тому, чтобы „при согласіи министровъ" кредиты, ассигнованные на штатахъ, могли закрываться или сокращаться смѣшанной бюджетной комиссіей, состоящей изъ членовъ Думы и Департамента Гос. Экономіи. При несогласіи же министровъ эти кредиты должны оставаться условно въ росписи до рѣшенія вопроса о нихъ законодательнымъ путемъ.

Пытаясь понемножку раздвинуть бюджетныя права Думы, к.-д. преслѣдовали, конечно, прежде всего политическія цѣли. Но ихъ занималъ также и вопросъ о реформѣ самаго бюджета по существу, вопросъ о реформѣ нашего современнаго государственнаго хозяйства, которое они неоднократно подвергали рѣзкой критикѣ, какъ въ печати, такъ и съ думской трибуны. Несмотря, однако, на свои повторныя и подчасъ весьма удачныя атаки на бюрократическое хозяйство, несмотря также на то, что кадеты считали въ своихъ рядахъ немало знатоковъ-финансистовъ, они ни разу не пытались въ какомъ-либо оффиціальномъ документѣ или заявленіи противоставить правительственной финансовой программѣ свою положительную программу, хотя бы въ общихъ чертахъ разработанную, и это, конечно, не случайность. Если кадеты, отражая настроеніе современной буржуазіи всего міра, боялись крутой политической ломки изъ-за связанныхъ съ ней соціальныхъ потрясеній, то еще въ гораздо большей степени они боялись радикальной ломки нашей финансовой системы, какъ бы они къ ней критически ни относились, ибо это привело бы къ *временному*

разстройству капиталистическаго механизма и нарушило бы интересы нынѣшнихъ капиталистовъ, хотя и къ выгодѣ будущаго россійскаго капитализма. Поэтому кадеты, оберегая интересы буржуазіи, предпочитали въ области положительныхъ финансовыхъ реформъ не связывать себя опредѣленными обѣщаніями и ограничивались разработкой этого вопроса въ литературѣ за отвѣтственностью отдѣльныхъ авторовъ. Они, впрочемъ, и съ думской трибуны признали, что въ этой области отъ нихъ нельзя ждать особеннаго радикализма. Редакція сборника кадетскихъ законопроектовъ и предположеній такъ, напр., излагаетъ выступленія кадета Кутлера во II-й Думѣ въ бюджетныхъ преніяхъ: „Одинъ изъ ораторовъ партіи", читаемъ мы въ сборникѣ, „доказывалъ настоятельность самыхъ широкихъ реформъ въ податной области. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчая, съ одной стороны, тѣсную связь налоговъ, особенно косвенныхъ, съ экономической жизнью страны, а съ другой—недостаточность накопленныхъ богатствъ и малочисленность состоятельныхъ людей, ораторъ предостерегалъ противъ преувеличенныхъ ожиданій отъ финансовыхъ реформъ... Приходя, такимъ образомъ, къ заключенію, что самыя глубокія финансовыя преобразованія не могутъ привести къ полному устраненію изъ нашего бюджета не только косвенныхъ налоговъ вообще, но даже тѣхъ изъ нихъ, которые падаютъ на малоимущіе классы, ораторъ полагалъ, что примириться съ этимъ положеніемъ возможно лишь подъ условіемъ расходованія средствъ государства въ соотвѣтствіи съ нуждами народныхъ массъ".

Изъ этихъ словъ Кутлера видно, что кадеты сами не относились серьезно къ своему программному требованію „постепенной отмѣны косвенныхъ налоговъ на предметы массоваго потребленія". Но этого мало. Изъ кадетскаго сборника по бюджетному вопросу видно, что они не считали даже возможнымъ уничтожить пресловутую винную монополію, изъ которой казна извлекаетъ болѣе 31% всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (въ 1905 г.). Такъ, сотрудникъ этого сборника, кадетъ А. фонъ-Рутценъ, признавая, что „чѣмъ тяжелѣе зависимость государственнаго бюджета отъ налоговъ на спиртъ, тѣмъ болѣе правительство и общество окажутся стѣсненными въ избраніи дѣйствительныхъ способовъ къ урегулированію употребленія спирта", признавая, проще говоря, что винная монополія содѣйствуетъ спаиванію народа, тѣмъ не менѣе, находитъ возможнымъ лишь исправить маленькіе недостатки этого механизма. Предлагаемыя имъ реформы въ этой области сводятся всего-на-всего къ слѣдующему: Необходимо сберечь расходы по операціямъ закупки спирта, ректификаціи его, а отчасти и выдѣлки вина, которые у насъ чрезвычайно возросли, благодаря покровительству, оказываемому винокурамъ и заводчикамъ. Необходимо, въ интересахъ того же сбереженія расходовъ, отказаться отъ невыполнимой задачи—снабженія всѣхъ

безъ исключенія потребителей виномъ по одинаковой цѣнѣ и непремѣнно изъ казенныхъ лавокъ, ради чего въ настоящее время уравниваются розничныя и оптовыя цѣны на вино, а также цѣны въ мѣстахъ продажи съ заводскими. Такъ какъ винная монополія все равно не оказалась въ силахъ уничтожить „вредныя для нравственности“ корчемство, распивочную продажу и посредничество, то задача реформы должна быть въ общемъ направлена лишь на сбереженіе государственныхъ расходовъ „путемъ приближенія казенной продажи къ естественнымъ условіямъ всякой торговли“. (См. „Вопр. госуд. хоз. и бюджетн. права“). Весь огромной важности вопросъ сводится такимъ образомъ къ способамъ сокращенія казенныхъ расходовъ.

Кадеты, не считая возможнымъ радикально и быстро облегчить налоговое бремя, тяготѣющее надъ народными массами, утѣшали себя, какъ мы видѣли, тѣмъ, что расходованіе средствъ государства можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ нуждами этихъ массъ. И несомнѣнно, что поскольку нашъ бюджетъ обремененъ огромными расходами, связанными съ особенностями бюрократическаго режима, кадеты склонны были бы внести въ него существенныя измѣненія. Но онъ не въ меньшей степени обремененъ огромными непроизводительными расходами, вытекающими изъ милитаристскихъ потребностей всякаго современнаго капиталистическаго государства. Эти потребности поглощали, напр., въ 1892—1893 гг., въ Пруссіи 18,2% всего бюджета, въ Австріи 19,0%, въ Италіи 22,5%, во Франціи 29,5%, въ Россіи 34,9%. На эти же расходы кадеты такъ же мало собирались посягать, какъ любая запад.-европейская буржуазная партія. Они не только отвергли требованіе радикальной демократіи о замѣнѣ постоянной арміи народной милиціей, но и въ реорганизаціи нынѣшней постоянной арміи не шли дальше зап.-европейскихъ образцовъ и тѣхъ реформъ, которыя предлагались, напр., парламентскими комиссіями достаточно милитаристски настроенныхъ буржуазныхъ парламентовъ Франціи и Италіи. Требуя подчиненія военныхъ расходовъ контролю народнаго представительства, кадеты имѣли въ виду, главнымъ образомъ, политическія послѣдствія этой реформы—установленіе парламентскаго режима. Но они при этомъ усердно подчеркивали, что народное представительство будетъ стоять на стражѣ военнаго могущества государства, какъ и нынѣшнее правительство, хотя и болѣе умѣло. Кадетъ А. Васильевъ, въ своей статьѣ „Военный бюджетъ и реорганизація арміи“ въ томъ же сборникѣ, въ подтвержденіе того, что нисколько не опасно предоставить народному представительству контроль надъ военнымъ бюджетомъ, ссылается, напр., на то, что итальянская парламентская бюджетная комиссія, при разсмотрѣніи смѣты 1899—1900 г.г., сама настаивала на необходимости новыхъ сооруженій, протестовала противъ отмѣны большихъ маневровъ и требовала гарантій, что мѣры военнаго министра будутъ согласованы съ послѣднимъ словомъ военнаго искусства. Нашъ военный бюджетъ кадеты кри-

тиковали не съ точки зрѣнія чрезмѣрной численности арміи и чрезмѣрныхъ вооруженій, а лишь съ точки зрѣнія безконтрольныхъ бюрократическихъ методовъ финансированія арміи, связанныхъ съ массой ненужныхъ расходовъ. Этому соотвѣтствовали и реформы, предлагавшіяся сотрудниками кадетскаго сборника въ этой области.

Въ своихъ планахъ финансовыхъ реформъ кадеты не шли дальше „буржуазнаго оздоровленія“ бюджета, превращенія его изъ бюджета полицейскаго государства въ бюджетъ парламентской капиталистической страны. Въ этой области меньше чѣмъ, въ какой-либо другой, кадеты повинны были въ послѣдовательномъ демократизмѣ.

Со взглядами кадетовъ на задачи государственнаго хозяйства вполнѣ гармонируетъ ихъ отношеніе къ соціальному законодательству. Являясь въ своихъ финансовыхъ предположеніяхъ относительно наиболѣе послѣдовательными защитниками буржуазной культуры и капиталистическаго прогресса, они, какъ мы видѣли, тѣмъ не менѣе не солидаризируются съ интересами крупнаго, промышленнаго, акціонернаго и торговаго капитала, и это весьма понятно: въ экономически отсталой Россіи крупные капиталисты не являются еще вѣрнымъ олицетвореніемъ буржуазіи вообще; пользуясь издавна особымъ покровительствомъ правительства, они склонны были и теперь склонны сплошь и рядомъ приносить въ жертву интересы буржуазнаго общества въ цѣломъ своимъ групповымъ интересамъ.

Соотвѣтственно этой позиціи, кадеты и въ рабочемъ законодательствѣ стояли всегда на точкѣ зрѣнія „справедливаго“ соглашенія между рабочими и предпринимателями, на точкѣ зрѣнія буржуазнаго соціалъ-реформаторства. Убѣжденные въ томъ, что экономическое развитіе ведетъ къ смягченію классовыхъ противорѣчій, что интересы трудящихся массъ все болѣе и болѣе удовлетворяются въ условіяхъ современнаго капиталистическаго развитія, что соціализмъ есть не историческая необходимость, а лишь благое пожеланіе, кадетскіе теоретики возлагали большія надежды на развитіе профессіональнаго движенія рабочихъ *за счетъ* ихъ самостоятельной политической организаціи; въ области же профессіональнаго движенія они возлагали большія надежды на развитіе „тарифныхъ соглашеній“; соотвѣтственно этому они даже для такого явнаго акта борьбы, какъ стачка, придумали въ своемъ законопроектѣ чрезвычайно мягкую и мирную формулировку: „Стачка есть всякое дѣйствіе, совершенное по соглашенію 2-хъ или болѣе лицъ, въ цѣляхъ *разрѣшенія споровъ* между предпринимателями и рабочими или рабочими между собой“. Принципъ свободнаго соглашенія между рабочими и предпринимателями, самъ по себѣ, конечно, ничего не говоритъ; это обычная фраза, которая можетъ быть прикрытіемъ для какой угодно степени эксплоатаціи рабочихъ. Но, благодаря современнымъ историческимъ условіямъ Россіи, благодаря той роли,

какую пролетаріатъ играетъ въ ея раскрѣпощеніи, благодаря, наконецъ, бдительному надзору, которому подвергались буржуазные либералы со стороны с. д.-ін, они въ этотъ принципъ до сихъ поръ вкладывали содержаніе гораздо болѣе либеральное, нежели аналогичныя имъ зап.-европейскія буржуазныя партіи. Это видно изъ первоначальныхъ, болѣе или менѣе законченныхъ, набросковъ законопроектовъ, составленныхъ кадетской рабочей комиссіей и ея секціями и опубликованныхъ въ сборникѣ „Законодательные проекты и предположенія партіи народ. свободы 1905—1907 г.г.“.

Законопроектъ о профессіональныхъ союзахъ, выработанный на московскихъ совѣщаніяхъ кадетовъ подъ предсѣдательствомъ Р. Іоллоса, признавалъ за рабочими право основанія союзовъ явочнымъ порядкомъ, право объединенія союзовъ въ федераціи, ихъ право не отвѣчать имуществомъ за убытки, причиненные стачками. Законопроектъ о свободѣ стачекъ, выработанный на тѣхъ же совѣщаніяхъ, признавалъ полную свободу стачекъ во всѣхъ безъ исключенія предпріятіяхъ, право „мирнаго воздѣйствія“ на товарищей при стачкѣ путемъ установки пикетовъ, отлученія отъ общенія и т. д., считая, впрочемъ, при этомъ наказуемымъ не только поврежденіе чужого имущества и насилія во время стачекъ, но и угрозы насиліемъ. Законопроектъ о продолжительности рабочаго времени, выработанный петербургской кадетской рабочей комиссіей, предлагалъ постепенное введеніе 8 час. рабочаго дня, немедленное введеніе 8 ч. раб. дня во всѣхъ непрерывно-дѣйствующихъ производствахъ, гдѣ имѣется ночная работа, а также въ особенно вредныхъ производствахъ, въ томъ числѣ и для подземныхъ работъ. Для остальныхъ категорій по проекту вводится 10-часовая предѣльная норма, которая черезъ пять лѣтъ должна быть сокращена до 9, а еще черезъ 5 лѣтъ подлежитъ дальнѣйшему сокращенію. По тому же проекту предполагалась полная отмѣна сверхурочной работы, „не вызываемой технической необходимостью“.

Все это, однако, были законопроекты, которые окончательной партійной санкціи еще не получили и которые свидѣтельствовали о благихъ намѣреніяхъ партіи по отношенію къ чисто профессіональной борьбѣ рабочихъ. О томъ же, какъ и въ какой степени эти намѣренія претворялись въ дѣло, мы можемъ судить лишь по одному законопроекту—о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, который одинъ лишь внесенъ былъ кадетами въ Гос. Думу 17 апр. 1907 г. Этотъ законопроектъ, выработанный первоначально московской секціей кадетской рабочей комиссіи при участіи нѣкоторыхъ торговыхъ служащихъ, былъ впослѣдствіи к.-д-ской фракціей пересмотрѣнъ и переработанъ. Законопроектъ касался области, гдѣ сталкиваются интересы торговаго пролетаріата съ интересами „торговой конкурренціи“. На какую же сторону становились кадеты, претворяя свои первоначальныя намѣренія въ дѣло? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ редакція цитированнаго выше кадетскаго сборника.

Сопоставляя первоначальный московскій законопроектъ съ окончательнымъ думскимъ, она отмѣчаетъ слѣдующія различія: 1) московскій законопроектъ фиксируетъ время закрытія заведеній въ 7 часовъ. Законопроектъ 17 апр. отказывается отъ такой фиксаціи, ограничиваясь установленіемъ предѣльнаго срока въ 10 ч. вечера. 2) Моск. законопроектъ предоставляетъ торговымъ служащимъ полный праздничный отдыхъ (исключеніе—на 2 часа для торговли съѣстными припасами). Законопроектъ 17-го апрѣля предоставляетъ органамъ самоуправленія, а за отсутствіемъ таковыхъ, губернаторамъ разрѣшать всякаго рода торговлю въ праздничные дни въ теченіе 5 часовъ въ сутки. 3) Моск. законопроектъ устанавливаетъ обязательное закрытіе торговыхъ заведеній на время 2-хъ часового перерыва. Законопроектъ 17-го апрѣля предоставляетъ закрытіе органамъ мѣстнаго самоуправленія. 4) Моск. законопроектъ не допускаетъ къ торговлѣ малолѣтнихъ, не достигшихъ 14 лѣтъ. Законопроектъ 17-го апр. отвергаетъ это ограниченіе. Такова практика кадетскаго примиренія классовыхъ интересовъ.

Больше, чѣмъ законодательное творчество по рабочему вопросу, кадетскую партію, и особенно ея эволюцію, характеризуетъ ея отношеніе къ аграрному вопросу. Главнымъ вдохновителемъ кадетской аграрной программы былъ покойный М. Я. Герценштейнъ [1]).

Для того, чтобы понять специфическія особенности аграрныхъ взглядовъ кадетской партіи, необходимо остановиться на тѣхъ пунктахъ ея программы, на которыхъ отразилось вліяніе, во 1-хъ, особой исторической обстановки, въ которой складывалась к.-д-ская партія, въ 2-хъ, вліяніе внутренней эволюціи, которую она въ первые годы своего существованія пережила. Главная особенность к.-д-ой аграрной программы, отличающая ее отъ программъ западныхъ буржуазныхъ партій, это—требованіе принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Это весьма радикальное для буржуазной партіи требованіе могло бы найти себѣ объясненіе въ необычныхъ условіяхъ русской экономической дѣйствительности, въ остромъ кризисѣ нашего крестьянскаго продовольственнаго хозяйства, въ великомъ крестьянскомъ разореніи и въ связанномъ съ ними оскудѣніи нашего внутренняго рынка, въ явленіяхъ, которыя въ Зап. Европѣ давно уже отошли въ область прошлаго. Однако одни лишь запросы экономическаго развитія страны не смогли бы толкнуть либерализмъ на такой радикальный путь и, по признанію самихъ кадетовъ, требованіе это выдвинуто было ими не столько по экономическимъ, сколько по политическимъ соображеніямъ. Защищая аграрную политику кадетовъ *въ прошломъ*, П. Милюковъ въ III-ей Думѣ какъ бы извинялся за ея радикализмъ и доказывалъ, что „поспѣшное внесеніе законопроекта“ въ I-ую Думу

---

1) См. М. Герценштейнъ: Аграрный вопросъ въ программахъ различныхъ партій. «Аграрный вопросъ» т. II-ой.

диктовалось внѣшней необходимостью: „это была послѣдняя опора, единственная причина, способная сдержать потокъ“. Именно поэтому, когда потокъ изсякъ, когда бурное крестьянское движеніе распылилось, к.-д-скіе ораторы въ III-ьей Думѣ въ аграрныхъ преніяхъ, несмотря на прямой вызовъ гр. Уварова, упорно уклонялись уже отъ защиты „принудительнаго отчужденія“ въ *настоящемъ*. Они еще не отказались отъ него оффиціально навсегда, какъ отказались въ свое время отъ другихъ грѣховъ молодости, въ родѣ выборгскаго воззванія, но они на немъ сейчасъ уже не настаиваютъ.

Есть ли это результатъ одного лишь тактическаго приспособленія къ неблагопріятнымъ политическимъ условіямъ, къ торжеству контръ-революціи, или тутъ проявляется болѣе глубокая и прочная перемѣна настроенія—окончательное „буржуазное отрезвленіе“—покажетъ будущее.

Вторая особенность аграрныхъ взглядовъ кадетовъ—это ихъ отношеніе въ періодъ революціи къ вопросу о націонализаціи земли. Кадеты далеко не сочувствуютъ народнической романтикѣ въ аграрномъ вопросѣ. Соотвѣтственно съ этимъ они, напр., высказались за необходимость „отрѣшиться отъ всякаго предвзятаго взгляда на общину“ и „устранить формальныя преграды къ выходу изъ общины“ (докладъ Н. Кутлера объ аграрн. зак. 1906 г.); соотвѣтственно съ этимъ они рѣшительно отвергли трудовыя нормы надѣленія землей и вообще всякія „нормы, построенныя апріорнымъ или конструктивнымъ методомъ“, какъ утопическія, и клали въ основу земельныхъ нормъ надѣленія „фактически сложившіяся отношенія населенія къ землѣ“, точнѣе говоря, размѣры надѣленія 1861 г. [1]). Однако, несмотря на этотъ „реализмъ“, въ періодъ созыва I-ой Думы, въ тотъ моментъ, когда аграрный вопросъ занялъ у насъ центральное мѣсто въ политической жизни и когда обнаружилось тяготѣніе значительной части крестьянства къ трудовической программѣ, кадеты склонны были сдѣлать шагъ навстрѣчу этой программѣ. Въ программѣ кадетской партіи, принятой въ октябрѣ 1905 г., говорилось о „государственномъ земельномъ фондѣ“, который подлежитъ передачѣ нуждающимся „сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи“. Въ то время „государственный земельный фондъ“ разсматривался такимъ образомъ кадетами лишь, какъ *временное посредствующее учрежденіе*. На III-ьемъ съѣздѣ партіи, наканунѣ созыва I-ой Думы, кадетами вынесена была резолюція, признающая руководящимъ принципомъ партіи „передачу земли въ руки трудящихся“; на этомъ же съѣздѣ въ проектъ земельной реформы внесенъ былъ пунктъ, гласящій, что „земли изъ государственнаго земельнаго фонда сдаются въ долгосрочное пользованіе *на срокъ*, установленный подлежащими органами“. Этотъ проектъ,

[1]) См. А. Кауфманъ: „Нормы дополнительнаго надѣленія“.

легшій въ основу „записки 42-хъ“, разсматривалъ, какъ мы видимъ, государственный фондъ уже, какъ постоянное государственное учрежденіе. Въ тотъ моментъ кадеты сдѣлали явный шагъ въ направленіи націонализаціи земли. Однако, уже и въ то время этотъ пунктъ проекта породилъ большіе споры въ партіи, благодаря чему проектъ былъ въ концѣ концовъ внесенъ въ I-ую Думу не отъ имени всей партіи, а отъ имени группы кадетовъ. Послѣ разгона I-ой Думы, когда крестьянская революція стала болѣе, чѣмъ проблематичной, кадеты, въ огромномъ большинствѣ своемъ, рѣшительно отказались отъ своего временнаго уклоненія въ сторону націонализаціи земли. Въ законопроектѣ, внесенномъ 10-го марта 1907 г. во II-ую Думу, о государственномъ земельномъ фондѣ уже вовсе не упоминается; земля же по этому законопроекту передается крестьянамъ въ *постоянное пользованіе* [1]). Подъ конецъ, кадеты покинули въ данномъ вопросѣ не только ту позицію, которую они занимали на III-емъ съѣздѣ, но и ту, которую они занимали на I-омъ. Эта эволюція кадетскихъ взглядовъ весьма характерна. С.-д-ія на Стокгольмскомъ съѣздѣ партіи, какъ извѣстно, тоже высказалась противъ націонализаціи земли. Но с.-д-ы это рѣшеніе мотивировали тѣмъ, что націонализація земли при русскихъ историческихъ условіяхъ можетъ создать почву для реставраціи реакціонной политической идеологіи крестьянъ, связанной съ ихъ традиціонными взглядами на государеву землю. Кадетовъ же, судя по ихъ собственной литературѣ, требованіе націонализаціи земли смущало не тѣмъ, что оно открываетъ дверь реакціонной идеологіи, а тѣмъ, что оно, какъ имъ казалось, открываетъ дверь соціализму, что оно слишкомъ радикально; поэтому ихъ окончательный отказъ отъ націонализаціи земли могъ означать только одно—окончательное торжество въ партіи интересовъ собственности.

Вслѣдъ за отливомъ революціонной волны въ странѣ, и кадеты въ аграрномъ вопросѣ отступали назадъ. Сначала, въ періодъ II-ой Думы, они отступили отъ требованія націонализаціи земли; затѣмъ, въ періодъ III-ей Думы, они, видимо, отступили и въ основномъ вопросѣ—о принудительномъ отчужденіи. Но пока кадеты вѣрили еще въ осуществленіе своей аграрной программы, въ ихъ аграрныхъ взглядахъ наблюдалась и другого рода эволюція, несомнѣнно, прогрессивная—пережитки помѣщичьей идеологіи въ нихъ постепенно вытѣснялись идеологіей послѣдовательной буржуазіи. Эта характерная эволюція обнаружилась въ отношеніи кадетовъ къ вопросу о нормахъ отчужденія владѣльческихъ земель.

Въ кадетскомъ аграрномъ проектѣ, внесенномъ въ I-ую Думу (записка 42-хъ), еще предлагается, при принудительномъ отчужденіи земли, дѣлать

---

[1]) См. А. Корниловъ: Аграрные законопроекты партіи народной свободы въ связи съ исторіей ея аграрной программы.

различіе между крупными и средними владѣльцами, ведущими самостоятельное хозяйство. По этому поводу А. Кауфманъ въ своемъ докладѣ к.-д.-ской аграрной комиссіи при Ц. К. въ февралѣ 1907 г. говорилъ: „Проведеніе такого различія... совершенно соотвѣтствуетъ общераспространенному въ интеллигентномъ обществѣ... взгляду, который еще недавно казался безспорнымъ и составителю настоящаго доклада. Однако ближайшее разсмотрѣніе вопроса заставляетъ усомниться, чтобы среднее землевладѣніе, какъ таковое, имѣло какія-либо преимущества“... Остановившись на статистическихъ данныхъ о мобилизаціи земли, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Паденіе вообще дворянскаго землевладѣнія—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и для всякаго ясный въ своихъ основаніяхъ; это—паденіе феодальнаго землевладѣнія и замѣна его частью трудовымъ крестьянскимъ и мѣщанскимъ, частью капиталистическимъ, по преимуществу купеческимъ землевладѣніемъ. Параллельно съ этимъ шелъ отборъ... болѣе жизненныхъ дворянскихъ владѣній“. „Предоставленіе льготъ имѣніямъ средняго размѣра“, говоритъ далѣе докладчикъ, „имѣло бы за себя извѣстныя основанія, если разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія *извѣстной уступки* владѣльческому классу или съ точки зрѣнія, напр., сохраненія на мѣстахъ контингента дѣятелей мѣстнаго самоуправленія.., но и та, и другая точка зрѣнія чужды составителю настоящаго доклада“, который стоитъ на „единственно умѣстной точкѣ зрѣнія—сохраненія производительныхъ силъ страны“. Докладчикъ доказывалъ на фактахъ, что въ этомъ же направленіи постепенно измѣнялись взгляды большинства кадетовъ. „Какъ извѣстно“, сказалъ онъ, „послѣдовательныя измѣненія редакціи тѣхъ пунктовъ общихъ положеній земельной реформы, которыя касаются изъятій изъ принудительнаго отчужденія, были слѣдствіемъ все яснѣе выражающагося преобладанія въ средѣ партіи народной свободы того теченія, которое безусловно отрицаетъ за частнымъ владѣніемъ и владѣльческимъ хозяйствомъ какое бы то ни было положительное значеніе... Какъ общее правило, такая безусловно отрицательная оцѣнка... совершенно справедлива; въ частности она безусловно справедлива по отношенію къ подавляющему, повидимому, большинству владѣльческихъ имѣній великорусскихъ губ., въ томъ числѣ и тѣхъ, гдѣ хозяйство ведется владѣльцами за ихъ собственный счетъ и ихъ собственнымъ инвентаремъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, А. Кауфманъ и предлагалъ въ аграрномъ проектѣ въ отдѣльномъ параграфѣ оговорить прямо и ясно, что при принудительномъ отчужденіи для средняго землевладѣнія не дѣлается никакихъ изъятій [1]). Въ аграрной комиссіи кадетской партіи докладъ этотъ обсуждался 11—13 февр. 1907 г. Поддерживая взглядъ докладчика, В. А. Розенбергъ говорилъ: „Хозяйственныхъ основаній къ охранѣ средняго земле-

[1]) См. А. Кауфманъ: Отчужденіе владѣльческихъ земель. („Аграрный вопросъ“ 1907 г.).

владѣнія я не усматриваю. Но я думаю, что нѣтъ и политическихъ основаній. Годъ тому назадъ можно было говорить о томъ, что съ политической точки зрѣнія для государства полезно сохранить средній помѣстный классъ. Теперь вы знаете, хотя бы по земской жизни и выборамъ въ Госуд. Думу, гдѣ лежатъ симпатіи и интересы этого класса". Въ томъ же духѣ высказался въ комиссіи М. А. Трофимовъ, который, между прочимъ, замѣтилъ: „къ тому же нѣтъ основаній ожидать, что средніе землевладѣльцы будутъ сильнѣе отстаивать свою землю, чѣмъ крупные... крупные еще могутъ кое какъ существовать, расходуясь на охрану; для среднихъ же охрана является не по средствамъ". Послѣ дебатовъ аграрная комиссія приняла большинствомъ голосовъ предложеніе А. Кауфмана, обрывающее послѣднюю нить, которая еще связывала въ аграрномъ вопросѣ буржуазный либерализмъ кадетовъ съ традиціями земскаго либерализма [1]). Надо, однако, замѣтить, что въ окончательномъ проектѣ, подъ очевиднымъ вліяніемъ Ц. К.—хранителя старыхъ завѣтовъ, различіе между средними и крупными землевладѣльцами, ведущими свое собственное хозяйство, все-таки устанавливается: земли первыхъ подлежатъ, согласно проекту, отчужденію только для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія или для уничтоженія чрезполосицы.

Параллельно съ указанной расширительной тенденціей въ вопросѣ о принудительномъ отчужденіи земли, въ партіи намѣтилась другая — ограничительная тенденція. А. Кауфманъ въ цитированномъ докладѣ указываетъ на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ: a) когда капиталистическое владѣльческое хозяйство, независимо отъ его размѣра, отличается особенно высокой урожайностью, b) когда оно, благодаря интенсивному своему характеру, отличается высшей трудоемкостью, c) когда оно связано съ побочными техническими производствами — принудительное отчужденіе было бы „вандализмомъ", оно привело было къ разрушенію производительныхъ силъ страны и, „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы не сказать въ большинствѣ", къ ухудшенію положенія массы крестьянства, потому что сумма заработковъ, которую можетъ получить населеніе при интенсивномъ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, превышаетъ заработки, которые получили бы крестьяне, если бы они раздѣлили между собой такое имѣніе.

Кауфманъ отмѣчаетъ характерный фактъ, что въ мѣстностяхъ съ экстенсивнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ крестьяне страшно озлоблены противъ землевладѣльцевъ, не сдающихъ свою землю въ аренду. Тамъ же, гдѣ ведется интенсивное капиталистическое хозяйство, „особенно въ западныхъ и въ частности въ юго-западномъ краѣ", крестьяне проявляютъ наименьшее стремленіе къ раздѣлу земли; тамъ же преобладаютъ пролетарскія формы борьбы

---

[1]) См. Протоколы засѣданій аграрной комисіи к.-д.

крестьянъ. Исходя изъ этого, Кауфманъ предлагалъ изъять изъ отчужденія имѣнія, обладающія однимъ изъ указанныхъ признаковъ. Въ виду того, что это сократило бы отчуждаемый фондъ на нѣсколько милліоновъ десятинъ, противъ предложенія въ комиссіи возсталъ Посниковъ и др. Однако, комиссія согласилась съ тѣмъ, что имѣнія, обладающія одновременно всѣми указанными тремя признаками, отчужденію не должны подлежать. Въ окончательномъ кадетскомъ аграрномъ проектѣ указанная тенденція отразилась на формулировкѣ 3-хъ пунктовъ. По этому проекту сохраненію подлежатъ имѣнія „въ виду явной выгоды для интересовъ страны и самого трудового населенія существующаго въ нихъ хозяйства"; затѣмъ—„технически связанныя съ разными предпріятіями площади земли", которыя необходимы для этихъ предпріятій. Наконецъ, законъ долженъ установить „особый порядокъ и послѣдовательность отчужденія обслуживающихъ (свеклосахарные и другіе сельско-хозяйственные) заводы угодій,въ соотвѣтствіи съ необходимой постепенностью перехода къ производству сырья въ крестьянскомъ хозяйствѣ". Это, во всякомъ случаѣ, значительный шагъ въ направленіи защиты капиталистическаго хозяйства по сравненію съ „запиской 42-хъ".

Послѣдовательное измѣненіе к.-д.-скихъ взглядовъ по вопросу о нормахъ отчужденія владѣльческихъ земель весьма наглядно показываетъ, какъ быстро въ кадетской партіи вывѣтривались традиціи земскаго помѣщичьяго либерализма, какъ быстро и рѣшительно онѣ вытѣснялись идеологіей чистаго буржуазнаго либерализма. Одинъ лишь пунктъ кадетской программы, именно пунктъ о выкупѣ отчуждаемой земли по „справедливой оцѣнкѣ", давалъ нѣкоторымъ поводъ утверждать, что кадеты до конца оставались до извѣстной степени выразителями интересовъ „прогрессивныхъ землевладѣльцевъ", „либеральныхъ помѣщиковъ". Это утвержденіе, однако, основано на большомъ недоразумѣніи. Какъ видно изъ доклада Н. Кутлера въ кадетской аграрной комиссіи „о финансовой сторонѣ аграрной реформы", кадеты, отстаивая выкупъ по „справедливой оцѣнкѣ", отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что „львиная доля вознагражденій достанется на долю немногихъ владѣльцевъ латифундій". Изъ разсчета докладчика видно, что 70% всей предлагаемой имъ огромной выкупной суммы, т. е. около 2,9 милліардовъ рублей, должны были бы достаться 9.573 земельнымъ магнатамъ. Если принять далѣе во вниманіе, что по проекту того же Кутлера съ надѣляемыхъ крестьянъ должны были бы быть взыскиваемы въ видѣ оброка „не свыше половины всѣхъ предстоящихъ казнѣ расходовъ по выкупу земли", то окажется, что кадетская выкупная операція должна была привести къ тому, что наполовину крестьяне, наполовину государство, включая, слѣдовательно, и средніе классы, должны были бы выплачивать ничтожной кучкѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ колоссальный долгъ, превосходящій по размѣрамъ военную

контрибуцію, которую Франція заплатила Германіи послѣ несчастной войны. Мыслимо ли допустить, чтобы кадеты принимали ближе къ сердцу интересы 10 тысячъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ, примыкающихъ къ ультра-реакціоннымъ партіямъ, чѣмъ массы плательщиковъ изъ мелкой буржуазіи? Очевидно, что кадетская „справедливая оцѣнка“ продиктована была не помѣщичьей идеологіей, а совершенно иными мотивами, которые угадать не трудно, если принять во вниманіе общую экономическую политику кадетовъ. Кадеты, во-первыхъ, опасались, какъ бы конфискація крупнаго землевладѣнія или хотя бы выкупъ его по низкой „несправедливой“ оцѣнкѣ не поколебали у насъ принципа собственности вообще, какъ бы этотъ революціонный актъ не осложнился посягательствомъ народныхъ массъ на другіе виды собственности, какъ бы онъ не вызвалъ рѣзкаго паденія нашего государственнаго кредита и вообще экономическихъ потрясеній, опасныхъ для всей массы средней и мелкой буржуазіи. Во-вторыхъ, они питали надежду на то, что, выдвинувъ требованіе выкупа по „справедливой оцѣнкѣ“, оппозиція склонитъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ пользу кадетской программы безъ революціонной борьбы.

Въ аграрномъ вопросѣ, также какъ и въ рабочемъ и въ финансовомъ, кадеты, постепенно эмансипируясь отъ традицій земскихъ либераловъ, выступали, какъ послѣдовательные идеологи мирнаго, буржуазнаго, капиталистическаго прогресса и, какъ таковые, они въ эпоху раскрѣпощенія Россіи естественно отстаивали интересы средней и мелкой буржуазіи, т. е. тѣхъ слоевъ населенія, которые еще прокладываютъ себѣ только дорогу къ экономическому господству и потому особенно заинтересованы въ разрушеніи всѣхъ старыхъ рогатокъ. Но, благодаря условіямъ развитія русскаго капитализма, наша городская средняя и мелкая буржуазія, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, обладала гораздо меньшимъ соціальнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, чѣмъ соотвѣтственные слои населенія во время западныхъ буржуазныхъ революцій; и это обстоятельство сильно отражалось на судьбѣ кадетской партіи. Имѣя на правомъ флангѣ, если не черносотенный, то все же контръ-революціонный и націоналистически настроенный крупный капиталъ, на лѣвомъ флангѣ— крестьянство, въ массѣ своей далеко еще не обуржуазившееся и утопически настроенное, кадетская партія до сихъ поръ не чувствуетъ подъ ногами твердаго соціальнаго фундамента, до сихъ поръ не имѣетъ за собой экономически сильныхъ и вліятельныхъ буржуазныхъ массъ, несмотря на то, что въ этой партіи сосредоточены почти всѣ интеллигентныя силы буржуазіи. Это отсутствіе крѣпкой классовой опоры больше, чѣмъ безславныя традиціи стараго русскаго либерализма, больше даже, чѣмъ страхъ передъ пролетаріатомъ, испытываемый современной буржуазіей всего свѣта, объясняетъ политическую безхарактерность кадетской партіи, которую объективныя условія толкали и

толкаютъ на борьбу за власть и которая, несмотря на всѣ уроки исторіи, этому искусству политической борьбы никакъ научиться не можетъ.

ГЛАВА VI.

Кадеты во II-й Думѣ. Московская платформа. 2-я избирательная кампанія. Итоги выборовъ. Составъ кадетской фракціи. Требованія и настроеніе избирателей. Лозунгъ: „беречь Думу". Первыя пробы тактики береженія Думы: министерская декларація и молчаніе; помощь голодающимъ; военно-полевые суды; помощь безработнымъ. Начало „дѣловыхъ" засѣданій; аграрныя и бюджетныя пренія. Попытка сотрудничанія съ министерствомъ. Обструкція правительства. Совѣты импрессіонистовъ. Выбрасываніе программнаго балласта: снятіе съ очереди вопроса о смертной казни и объ амнистіи. Отказъ отъ резолюціи о принудительномъ отчужденіи. Аграрная декларація Столыпина и доброжелательныя критики ея въ к.-д. печати. Безплодность всѣхъ усилій къ примиренію. Роспускъ Думы.

Столыпинское „успокоеніе" Россіи толкнуло кадетовъ далеко вправо. Поворотъ въ ихъ тактикѣ намѣчается уже опредѣленно на Гельсингфорскомъ съѣздѣ. На совѣщаніи Ц. К. съ представителями губернскихъ группъ, состоявшемся въ Москвѣ въ октябрѣ 1906 г., была выработана соотвѣтственная тактическая платформа на основаніи доклада, прочитаннаго П. Милюковымъ. Въ основу платформы положенъ былъ принципъ—„не штурмъ, а правильная осада", хотя надо тутъ же сказать, что вновь намѣчавшаяся тактика такъ же мало похожа была на „осаду" власти, какъ прежняя—на „штурмъ". Конкретно она заключалась въ слѣдующемъ. Кадетская партія должна выступать впредь совершенно „самостоятельно", другими словами, она должна рѣзко отмежеваться отъ революціонныхъ партій уже въ предвыборной кампаніи, и въ самой Думѣ она должна стремиться сплотить вокругъ себя большинство, независимое отъ праваго и лѣваго крыла. Въ Думѣ партія должна стремиться къ образованію министерства, „пользующагося довѣріемъ" Думы—новая каучуковая формула взамѣнъ требованія „отвѣтственнаго министерства". Сильнѣйшимъ изъ нынѣ доступныхъ средствомъ для этой цѣли слѣдуетъ признать пользованіе бюджетнымъ правомъ, а также проведеніе черезъ Думу въ первую очередь законовъ о мѣстномъ самоуправленіи и о политическихъ свободахъ, законовъ, обезпечивающихъ Думѣ организованную поддержку страны. Этимъ законодательствомъ, какъ „практически осуществимымъ", будетъ прежде всего заниматься Дума. Въ „избирательной же платформѣ" основнымъ лозунгомъ, вмѣстѣ съ политическими реформами, необходимо сдѣлать рѣшеніе земельнаго вопроса, „сосредоточивая около него объясненіе необходимости сплоченнаго большинства въ новой Думѣ и обра-

зованія министерства, пользующагося довѣріемъ ея". Отграниченіе слѣва, самоограниченіе на ближайшее время задачами „неконфликтнаго" свойства, якобы осуществимыми безъ борьбы, и, наконецъ, отказъ отъ категорическаго требованія „отвѣтственнаго министерства", такова была дань, которую к.-д. партія заплатила торжествующей реакціи.

Съ этой платформой кадеты вступили во II-ю избирательную кампанію, отличавшуюся отъ первой тѣмъ, что на этотъ разъ въ городской куріи кадетамъ всюду приходилось сталкиваться не только съ правыми, но и съ лѣвыми соперниками, отказавшимися отъ тактики бойкота. Вопреки своему стремленію къ рѣзкому отмежеванію на два фронта, кадеты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уровень оппозиціонности всего населенія былъ относительно болѣе высокій, какъ напр., на югѣ, вынуждены были вступать въ соглашенія съ лѣвыми. Тамъ же, гдѣ уродливый избирательный законъ и настроеніе массы городскихъ обывателей болѣе или менѣе гарантировали имъ самостоятельную побѣду, они упорно избѣгали такихъ соглашеній, не стѣсняясь пользоваться преимуществами, которыя имъ давала ограниченность избирательныхъ правъ населенія. Такъ въ Петербургѣ, напр., переговоры между кадетами и „лѣвымъ блокомъ" ни къ чему не привели, благодаря упорству первыхъ, отказавшихся уступить лѣвымъ мѣста, помимо одного отъ рабочей куріи. Въ Москвѣ же кадеты отказались даже уступить хотя бы одно мѣсто рабочимъ, несмотря на то, что тамъ 19 с.-д. выборщиковъ по рабочей куріи представляли собой 75.000 рабочихъ избирателей, между тѣмъ какъ 160 к.-д. выборщиковъ по городской куріи представляли собой лишь 21.000 избирателей (см. К. Никитинъ и М. Степановъ: „Дѣятельность II-й Госуд. Думы").

Въ результатѣ выборовъ к.-д-ты, по сравненію съ первой избирательной кампаніей, потеряли почти половину голосовъ. Въ 1-ой Думѣ к.-д-овъ было 179, что̀ составляло 37,4% всѣхъ депутатовъ; во 2-ой Думѣ ихъ было 92, и это составляло лишь 18,2%, всѣхъ депутатовъ. Утраченные к.-д-ами мандаты почти всѣ перешли къ лѣвымъ. Въ первой Думѣ лѣвое крыло состояло изъ 94 трудовиковъ и 17 с.-д-овъ. Во 2-ой Думѣ оно увеличилось вдвое и состояло изъ 100 трудовиковъ, 14 народныхъ соціалистовъ, 31 с.-р-въ и 64 с.-д-овъ. Нѣкоторая, хотя весьма незначительная часть к.-д-скихъ голосовъ, благодаря конкурренціи лѣвыхъ, перешла къ октябристамъ: въ 38 городахъ, гдѣ не было общаго списка прогрессивныхъ партій, к.-д-ы получили 47,7% всѣхъ записокъ, а октябристы 23%; въ 42 городахъ, гдѣ былъ общій списокъ, правые получили въ общей сложности лишь 18,7% голосовъ.

Избиратели, выбиравшіе к.-д-овъ, принадлежали въ общемъ къ тѣмъ же категоріямъ, что и на 1-хъ выборахъ. На губернскіе избирательные съѣзды было избрано к.-д-скихъ выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей 4,5%, отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ — 8,9%, отъ городскихъ

съѣздовъ—38,3%. По составу своему к.-д-ская фракція 2-ой Думы тоже была весьма сходна съ фракціей 1-й Думы. Въ нее вошли 52 представителя свободныхъ профессій, 17 крестьянъ, 13 землевладѣльцевъ, 10 дѣятелей общественнаго самоуправленія, 4 священника, 2 отставныхъ офицера и 2 купца. Въ 1907 г. избиратель началъ разбираться въ политическихъ программахъ разныхъ партій и потому голосовалъ болѣе партійно, чѣмъ въ 1906 г. На мѣсто „безпартійныхъ" 1-ой Думы, во 2-ой появились довольно значительныя группы опредѣленно правыхъ партій (32 октябриста, 59 умѣренныхъ, 20 правыхъ и 2 союза русскаго народа); въ отличіе отъ первыхъ выборовъ 40% уполномоченныхъ отъ крестьянъ были уже опредѣленно правые; на съѣздахъ же крупныхъ землевладѣльцевъ реакціонные выборщики, составлявшіе на первыхъ выборахъ половину, на 2-хъ выборахъ, составляли уже $^3/_4$ общаго числа. Съ другой стороны, города дали очень большой процентъ—84% прогрессивныхъ выборщиковъ и выдвинули рядомъ съ к.-д-ами сильныя соціалистическія группы. Очевидно, что политическая дифференціація за годъ сильно подвинулась впередъ. Это, однако, отнюдь не означаетъ, что въ 1907 г. уже сложилась болѣе или менѣе устойчивая группировка населенія по опредѣленнымъ классовымъ программамъ. Городской обыватель въ 1907 г. различалъ партійныя программы еще только по одному признаку—по степени радикальности ихъ ближайшихъ политическихъ требованій. Поэтому въ глазахъ мелкобуржуазнаго обывателя не было, напр., непроходимой пропасти между к.-д-ской и с.-д-ской программой. Какъ видно по результатамъ выборовъ въ городской куріи, тамъ, гдѣ традиціи стараго режима пустили наиболѣе глубокіе корни, именно въ центральной Россіи, значительные слои крупной и средней буржуазіи голосовали за мирнообновленцевъ и октябристовъ, а мелкая за кадетовъ; на окраинахъ же, на югѣ и на западѣ при относительно болѣе высокомъ общемъ уровнѣ оппозиціоннаго настроенія, средняя и также отчасти крупная буржуазія голосовали за к.-д., а мѣщанство частью за кадетовъ, частью за соціалистовъ, что вынуждало кадетовъ тамъ идти на соглашенія съ лѣвыми. Наконецъ, въ другихъ мѣстахъ, мелкая буржуазія въ массѣ голосовала за соціалистовъ. При ограниченности избирательныхъ правъ пролетаріата и крестьянства, только благодаря поддержкѣ мелкой буржуазіи народническому блоку удавалось побить кадетовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волгѣ. Ей же, при законѣ 11 декабря, с.-д-ты были обязаны въ значительной степени своими побѣдами на Кавказѣ, на Уралѣ и въ Азіатской Россіи. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ мелкая буржуазія голосовала за соціалистовъ, конечно, не какъ за соціалистовъ, а какъ за „лѣвыхъ", какъ за революціонныхъ демократовъ (См. Л. Мартовъ „Передъ новой Думой" и „Отголоски" сборн. IV).

Въ общемъ мелко-буржуазный избиратель въ городѣ по сравненію съ

первыми выборами полѣвѣлъ въ 1907 г. Но это означало лишь то, что онъ болѣе сознательно и болѣе сочувственно сталъ относиться къ демократическимъ требованіямъ лѣвыхъ партій. *Настроеніе* же избирателей, ихъ готовность къ борьбѣ по сравненію съ 1906 г. значительно упала, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Въ 1906 году крестьяне склонны были еще къ борьбѣ за землю съ помѣщиками и мѣстными властями, и въ то же время они вѣрили, что достаточно, чтобъ черезъ Думу дошелъ непосредственно голосъ народа до престола, чтобы завѣтныя требованія народа получили удовлетвореніе. Въ 1907 г. эти иллюзіи въ значительной степени разсѣялись, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у крестьянъ опустились руки. Крестьянство и мѣщанство не вынесли изъ уроковъ прошлаго правильнаго представленія о тѣхъ методахъ упорной организованной и комбинированной борьбы, посредствомъ которыхъ народъ можетъ добиться осуществленія своихъ требованій; утративши прежнія иллюзіи, они просто растерялись и сохранили лишь смутную надежду, что авось все само собой какъ-нибудь „образуется“ съ теченіемъ времени. По свидѣтельству лѣвыхъ депутатовъ народъ, напутствуя ихъ въ 1907 г., говорилъ имъ: „Избѣгайте ненужныхъ осложненій, работайте, не тратьте силъ на изгнаніе министровъ и мы васъ поддержимъ“. Особенно ярко и образно эту тактику пассивнаго выжиданія формулировалъ одинъ кубанецъ-казакъ: „Государственная Дума должна быть подобна невѣстѣ, которая, когда входитъ въ домъ мужа, бываетъ вначалѣ всегда послушной, а потомъ, какъ только осмотрится, обживется, становится полной хозяйкой“ (В. Митровъ. Изъ воспоминаній. Сборн. „Терніи безъ розъ“). Такова была тактическая мудрость, до которой додумался полѣвѣвшій, но запуганный обыватель.

Кадеты по своему учли уроки избирательной кампаніи. Они пренебрегли радикальными требованіями, за которыя населеніе высказалось своимъ вотумомъ; но они приняли къ свѣдѣнію и руководству запуганное настроеніе обывателя, о которомъ свидѣтельствовали разсказы депутатовъ, пріѣхавшихъ съ мѣстъ. Соотвѣтственно съ этимъ кадеты съ самаго начала открытія Думы, вмѣсто того, чтобы приступить къ „правильной осадѣ“ власти, какъ они рѣшили на своемъ московскомъ совѣщаніи, начали подлаживаться къ ней, чтобы демонстраціей своей „работоспособности“ склонить ее къ совмѣстной работѣ съ Думой. Эта тактика, главнымъ образомъ, мотивировалась необходимостью „сберечь Думу“ отъ черносотеннаго заговора. Береженіе Думы сразу стало главнѣйшей заботой партіи, ея девизомъ. Порожденный слухами о разгонѣ Думы, онъ самъ питалъ эти слухи, ибо черносотенцы въ ихъ распространеніи нашли отличное средство для вящаго запугиванія и униженія ненавистной имъ кадетской партіи.

Первый случай „сберечь Думу“ представился кадетской партіи 8 марта

послѣ прочтенія министерской декларацiи. Въ декларацiи своей „конституціонный“ премьеръ развернулъ цѣлую программу „либеральныхъ“ реформъ, о размѣрахъ которыхъ можно было судить хотя бы уже потому, что свободу собраній и союзовъ, по словамъ премьера, населеніе уже получило въ видѣ правилъ 4 марта. Ясно было, что оставить эту истинно-русскую „либеральную“ декларацію безъ должнаго отвѣта значило бы для оппозиціонной Думы расписаться въ своемъ ничтожествѣ. Однако кадеты рѣшили уже заранѣе отвѣтить на это „торжественнымъ молчаніемъ“, дабы избѣгнуть конфликта съ правительствомъ, и къ тому же рѣшенію имъ удалось склонить народническія фракціи. Только соціалъ-демократы въ лицѣ Церетелли дали подобающую отповѣдь министерству и тѣмъ оградили достоинство Думы. Но Столыпинъ все-таки сумѣлъ воспользоваться изолированнымъ положеніемъ, въ которомъ очутились с.-д-ы по винѣ кадетовъ, для униженія думскаго большинства. Отдѣливши козлищъ отъ овецъ, бросивъ по адресу с.-д—овъ окрикъ—„не запугаете!“, онъ тутъ же высказалъ свое одобреніе поведенію думскаго большинства, свою увѣренность, что „та часть Думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ тутъ провести свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства“. Послѣдняя фраза этого „поощренія“ звучала бы весьма либерально, если бъ Столыпинъ уже раньше, въ своей декларацiи, не установилъ границы для терпимой оппозиціи: если Дума, говорилъ онъ, выдвинетъ программу, противоположную „общей мысли“ министерской программы, правительство само „рѣшитъ добросовѣстно, совмѣстима ли она съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и возвеличеніемъ“; во второй же своей рѣчи, въ отвѣтъ на „торжественное молчаніе“ большинства, онъ присовокупилъ, что „Госуд. Думѣ волей Монарха не дано право выражать правительству неодобреніе, порицаніе или недовѣріе“. Смыслъ его рѣчи былъ ясенъ: вы, господа, своимъ молчаніемъ подтвердили, что не имѣете права выражать мнѣ недовѣріе; но я могу выразить довѣріе вамъ и я его, можетъ быть, выражу, если вы и впредь будете себя хорошо вести.

Начальственное внушеніе Столыпина возымѣло свое дѣйствіе. Кадеты это доказали въ преніяхъ по вопросу о помощи голодающимъ. Въ 1907 г. неурожай охватилъ 40 губ. съ населеніемъ въ 99 милліоновъ человѣкъ, недоборъ хлѣба достигалъ 672 милліоновъ пудовъ. Въ виду этого группа крестьянъ возбудила въ Думѣ вопросъ о помощи голодающимъ. Гурко-Лидвалевская исторія была еще свѣжа въ памяти. Для разсмотрѣнія дѣйствій правительства по оказанію помощи голодающимъ за 1905 и 1906 гг. и для собиранія матеріаловъ о голодѣ, безработицѣ, повышеніи цѣнъ и пр. соц.-демократическая фракція предложила образовать парламентскую комиссію, ко-

торая, между прочимъ, должна была бы по всѣмъ этимъ вопросамъ собрать анкету на мѣстахъ. Это былъ единственный способъ узнать правду о положеніи голодающихъ и о томъ, какъ агенты власти поживились на голодѣ, это былъ единственный способъ привлечь общественное вниманіе къ голодающимъ и, наконецъ, лучшій способъ непосредственно связать Думу съ крестьянствомъ и поставить ее въ центрѣ крестьянскаго движенія. Но этого послѣдняго пуще всего боялись кадеты. Несмотря на то, что такая анкета не выходила изъ рамокъ компетенціи Думы, несмотря на то, что первая Дума уже устроила подобную анкету по поводу бѣлостокскаго погрома, кадеты рѣшительно возстали противъ предложенія с.-д-овъ. Родичевъ заявилъ, что „посылка странствующихъ контролеровъ отъ Думы — предпріятіе не государственное“, что компетенція комиссіи должна быть ограничена лишь провѣркой отчета министерства внутр. дѣлъ „здѣсь, въ Петербургѣ, для того, чтобъ здѣсь на мѣстѣ (!) просматривать дѣятельность министерства“. Гессенъ же демагогически присовокупилъ: „Могутъ ли представители с.-д.-овъ взять на себя отвѣтственность за народное движеніе, когда голодающихъ начнутъ разстрѣливать?“ Кадеты за свою благонадежность на этотъ разъ получили невѣроятную награду: Пуришкевичъ высказалъ свою солидарность съ „товарищемъ Родичевымъ“, а Столыпинъ заявилъ, что „правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ его предложенію“...

Успѣхъ кадетовъ среди черносотенцевъ былъ такой оглушительный, что они сами почувствовали неловкость и рѣшили въ ближайшемъ будущемъ реабилитировать себя. Для этой цѣли ими возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Этотъ первый выпадъ въ Думѣ противъ Столыпинскаго режима во многихъ отношеніяхъ удобенъ былъ для к.-д-овъ. Во 1-хъ, какъ разъ въ этомъ вопросѣ они могли критиковать правительство, не выходя изъ рамокъ умѣреннѣйшаго либерализма (законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ собралъ огромное большинство голосовъ вплоть до октябристовъ и умѣренно правыхъ); во 2-хъ, они питали тайную надежду, что въ этомъ случаѣ министерство само пойдетъ къ нимъ навстрѣчу, потому что институтъ военно-полевыхъ судовъ самъ собой долженъ былъ пасть 20-го апрѣля, когда истекалъ срокъ дѣйствія закона. Почувствовавъ такимъ образомъ почву подъ ногами, кадеты тряхнули стариной и произнесли нѣсколько агитаціонныхъ рѣчей, настолько радикальныхъ, насколько это допускалось кадетской философіей права. „Государство“, говорилъ Маклаковъ: „можетъ издать новый законъ, т. е. издать общее правило... Вы могли постановить, что не только покушеніе на должностное лицо, но даже словесное его оскорбленіе карается смертной казнью. Это было бы свирѣпо, это было бы жестоко, но это было бы правовое явленіе... учрежденіе же военно-полевыхъ судовъ глубоко антигосударственное; одно номинальное су-

ществованіе этого закона уничтожаетъ государство, какъ правовое явленіе, превращаетъ его въ простое состязаніе физическихъ силъ". Рѣчи кадетовъ остались, однако, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ихъ разсчеты на либерализмъ „конституціоннаго" премьера не оправдались, ихъ апелляція къ идеѣ „правового государства" нисколько не тронула Столыпина. Онъ заявилъ, что намѣренъ до конца использовать для казни „законный" двухмѣсячный срокъ. Ихъ же либеральной теоріи права онъ противоставилъ свою: „когда домъ горитъ, то ломаютъ окна и двери... Въ такихъ случаяхъ государство должно прибѣгнуть не только къ крайней репрессіи, но и къ подчиненію всѣхъ одной волѣ, къ диктатурѣ". Столыпинъ безжалостно разрушилъ иллюзію к.-д-овъ, но онъ этимъ не ограничился. Онъ перешелъ въ нападеніе и потребовалъ, чтобы кадеты публично отреклись даже отъ тѣни солидарности съ революціей, осудивъ торжественно политическія убійства. „Мы ждемъ отъ васъ, господа, бодраго слова, надѣясь, что вы прекратите это кровавое безуміе". Въ отвѣтъ на обвиненіе правительства въ беззаконіяхъ противъ кадетовъ было выдвинуто контръ-обвиненіе, что они были и остаются подстрекателями революціи, покуда они отъ нея публично не отрекутся. Какъ съ такими подстрекателями слѣдуетъ поступать, пояснилъ депутатъ Шульгинъ: „Если мы не хотимъ самосуда", говорилъ онъ: „то будемъ стоять на слѣдующемъ: пусть вѣшаютъ *настоящихъ* преступниковъ, чтобы не гибли невинные". Это было сказано 12-го марта, а черезъ два дня черносотенцы совершили свой самосудъ надъ однимъ изъ „настоящихъ" преступниковъ: 14-го марта 1907 года въ Москвѣ былъ убитъ кадетъ Іоллосъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ открылись дебаты о военно-полевыхъ судахъ, вновь усилились улегшіеся было уже слухи о разгонѣ Думы. Въ „Русскомъ Знамени", между прочимъ, появляется загадочный черный крестъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это—условленный сигналъ, которымъ „Совѣтъ Союза Русскаго Народа" призываетъ свою паству тотчасъ же въ телеграммахъ, обращенныхъ къ Государю, требовать роспуска Думы и измѣненія избирательнаго закона. Машина запугиванія была пущена въ ходъ. Было совершенно очевидно, что между дѣйствіями черносотенныхъ „заговорщиковъ" и конституціоннымъ правительствомъ существовала строгая согласованность, что черносотенныя демонстраціи, если не инсценировались, то поощрялись тогда, когда это нужно было и поскольку это нужно было правительству для терроризированія и приручения Думы. Кадетская „Рѣчь", однако, усматривала въ дѣйствіяхъ „Совѣта С. Р. Н."—„осаду власти", впѣшнее давленіе на „конституціонное" министерство. Даже тогда, когда Столыпинъ отказался хотя бы на мѣсяцъ сократить срокъ дѣйствія военно-полевыхъ судовъ, кадеты не отказались окончательно отъ „утѣшительной" гипотезы, что Столыпина угнетаютъ и осаждаютъ черносотенники, не отказались отъ надежды

„еще совмѣстно работать“ съ этимъ „конституціоннымъ министромъ“. Для того же, чтобы приблизить наступленіе этого момента, чтобы подняться до Столыпина, они рѣшили еще кое-какой балластъ выбросить изъ своей лодки.

Это они сдѣлали въ дебатахъ по вопросу о помощи безработнымъ. Борьба въ дебатахъ велась по обыкновенію между к.-д-ми и с.-д-ми, но поводъ былъ не совсѣмъ обыкновенный. Соц.-демократы требовали, во-первыхъ, чтобы относительно безработицы сдѣлана была анкета на мѣстахъ, во-вторыхъ, чтобы помощь была оказана безработнымъ всѣхъ безъ различія категорій. Кадеты не только отвергали первое требованіе, они настаивали также на ограниченіи второго. Они настаивали на томъ, чтобы помощь оказывалась только „жертвамъ промышленнаго кризиса“, чтобы въ государственной помощи было отказано жертвамъ забастовокъ и политическихъ преслѣдованій, или жертвамъ собственной „злой воли“, какъ выражалось министерство. Это требованіе выставили либералы для угожденія министерству въ такое время, когда главная масса безработныхъ въ городахъ лишилась работы, именно благодаря политическимъ преслѣдованіямъ; это требованіе выставляли „либералы“, которые обязаны были политическому движенію рабочихъ не только существованіемъ Думы, въ которой они засѣдали, но и самымъ существованіемъ к.-д-ской партіи. Это было уже слишкомъ. Кадеты, которымъ удавалось до сихъ поръ тащить на буксирѣ народническія фракціи, провалились на этотъ разъ со своимъ предложеніемъ. За поправку с.-д-овъ голосовали с.-р-ы, трудовики, народные соціалисты, мусульмане и даже 11 кадетовъ, отколовшихся въ этомъ голосованіи отъ своей фракціи. Кадетская фракція до такой степени переусердствовала въ своемъ угодничествѣ передъ всемогущей властью, что даже милюковская „Рѣчь“ не одобрила ея поведенія.

Первый мѣсяцъ думской сессіи прошелъ для кадетовъ совершенно безплодно. Несмотря на всѣ ихъ старанія, они видѣли, что положеніе Думы нисколько не укрѣпляется. Хотя имъ и удалось три раза заслужить похвалы со стороны министерства, но за то они постольку же теряли вліяніе въ самой Думѣ, какъ это обнаружилось на послѣднихъ голосованіяхъ. А какую цѣну могли они имѣть для правительства, если они даже не сумѣли сколотить себѣ прочное большинство изъ среднихъ, умѣренныхъ элементовъ въ Думѣ, не говоря уже о странѣ? Кадеты приписывали эти неудачи тому, что Дума еще не приступила къ настоящимъ „дѣловымъ“ засѣданіямъ.

Въ началѣ второго мѣсяца парламентской сессіи Дума, наконецъ, приступила къ „дѣлу“, хотя и не по плану, предначертанному кадетами. Рядомъ съ обсужденіемъ бюджета, котораго кадеты ждали съ нетерпѣніемъ, Дума, по иниціативѣ правыхъ, поддержанной крестьянскими депутатами, приступила также къ обсужденію „опаснаго“ аграрнаго вопроса. Кадеты старались „аранжировать“ аграрныя пренія такъ, чтобы ихъ обезвредить. Подъ впечатлѣніемъ первыхъ

„дѣловыхъ“ засѣданій ихъ лидеры стали высказывать весьма радужныя надежды на будущее. „Всѣ усилія должны быть направлены къ тому“, писалъ Набоковъ въ № 16 „Вѣстн. Нар. Своб.“: „чтобы сберечь, накопить силы до того момента, когда ихъ „реальное соотношеніе“ сниметъ съ очереди вопросъ о конфликтѣ, давъ безкровную побѣду конституціонному началу“. А другой лидеръ партіи, П. Милюковъ, съ удовольствіемъ констатировалъ, что этотъ моментъ уже приближается: „На этихъ двухъ капитальныхъ вопросахъ (аграрный и бюджетный. А. М.)“, писалъ онъ 21 марта: „Дума вошла въ колею... Министръ земледѣлія, говорившій по этому вопросу, былъ намѣренно уклончивъ и этимъ самымъ предупредилъ... созданіе конфликтнаго положенія... Героемъ двухъ дней со стороны оппозиціи былъ не пламенный Родичевъ, а спокойный, дѣловитый, ясный въ своемъ изложеніи Н. Н. Кутлеръ... Сближеніе министерства съ народнымъ представительствомъ окружаетъ обѣ стороны общей чертой, за которой по-прежнему кипитъ океанъ злобы и ненависти противъ новаго политическаго строя“. Черезъ двѣ недѣли тотъ же Милюковъ писалъ: „Вся сила въ будничной прозѣ. День, когда дебаты въ Таврическомъ дворцѣ будутъ казаться такой же неизбѣжной принадлежностью дня, какъ обѣдъ днемъ и театръ вечеромъ... когда дебаты объ общей политикѣ станутъ исключеніемъ, а упражненіе въ безпредметномъ краснорѣчіи сдѣлается фактически невозможнымъ... этотъ день нужно будетъ привѣтствовать, какъ день окончательнаго торжества представительнаго правленія... это придетъ само собой, по мѣрѣ того, какъ прекратится сопротивленіе отживающаго режима“.

Въ словахъ Милюкова была доля правды: происходило сближеніе между министерствомъ и народнымъ представительствомъ. Вопросъ лишь въ томъ, въ чемъ это сближеніе проявлялось, въ томъ ли, что ослабѣвало сопротивленіе министерства, и что оно шло навстрѣчу кадетамъ, или наоборотъ? На это недвусмысленно отвѣчаютъ факты. Передъ началомъ аграрныхъ преній всѣ оппозиціонныя партіи согласились между собой, по предложенію с.-д-овъ, насчетъ плана дебатовъ, дабы разстроить козни черносотенцевъ, настаивавшихъ на постановкѣ въ первую очередь „конфликтнаго“ аграрнаго вопроса; для этой цѣли рѣшено было, что каждая прогрессивная фракція изложитъ полностью свою программу безъ взаимной полемики и что на первый планъ будетъ всѣми выдвинуто, что̀ ихъ объединяетъ противъ правительства — именно, принципъ принудительнаго отчужденія земли. Вопреки этому соглашенію, кадетъ Н. Кутлеръ въ первой же своей рѣчи, измѣняя обѣщаніямъ партіи, чтобы отгородиться отъ лѣвыхъ, подвергъ рѣзкой критикѣ ихъ программы. Что̀ скрывалось за этой тактикой, мы увидимъ дальше. Пока же отмѣтимъ лишь, что шагъ къ сближенію съ правительствомъ въ „дѣловой“ работѣ сдѣлали кадеты, а не правительство. Еще больше это обнаружилось въ преніяхъ по бюджетному вопросу.

Министръ Коковцевъ въ Думѣ съ полной откровенностью изобразилъ по-

ложеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы обсужденіе бюджета было поставлено „внѣ всякихъ очередей“ и вовсе не потому, что „безъ утвержденія... росписи трудно своевременно выполнить тѣ или иные расходы государства“. На это въ распоряженіи министра имѣются „законные способы“: если бъ не утвержденъ былъ бюджетъ на 1907 г., остался бы въ силѣ прошлогодній. Онъ требовалъ, тѣмъ не менѣе, немедленнаго разсмотрѣнія бюджета, онъ добивался „совмѣстной работы“ съ Думой „по соображеніямъ высшаго государственнаго порядка“, для возстановленія кредита, т. е. для облегченія заключенія новыхъ внѣшнихъ займовъ. Отъ Думы требовали, чтобы она подписалась подъ векселемъ, который правительство собирается выдать западно-европейской биржѣ, чтобы она своимъ моральнымъ авторитетомъ укрѣпила позицію бюрократіи. До созыва II-й Думы кадеты не мало говорили о томъ, какое оружіе при состояніи нашихъ финансовъ дастъ бюджетное право въ руки народнаго представительства. Когда же наступилъ моментъ дѣйствовать, они устами своего финансиста Фридмана заявили, что „роспись на 1907 г. врядъ ли возможно использовать, какъ орудіе политической борьбы“. Они не только рѣшили сдать бюджетъ въ комиссію, но они заранѣе рѣшили бюджетъ утвердить, мотивируя свое рѣшеніе двумя взаимно исключающими другъ друга соображеніями: во 1-хъ, не утвердить бюджетъ безполезно, говорили они, потому что въ такомъ случаѣ автоматически вступаетъ въ силу прошлогодній бюджетъ; во-2-хъ, неутвержденіе бюджета опасно, ибо это равносильно призыву населенія къ неплатежу налоговъ. Кадеты знали хорошо, что и то, и другое невѣрно, что суть вопроса не въ томъ, какъ отразится рѣшеніе Думы на взысканіи налоговъ, а въ томъ, какъ оно отразится на кредитоспособности правительства. Они знали, наконецъ, также, что къ неутвержденію бюджета прибѣгали въ аналогичныхъ случаяхъ на Западѣ весьма умѣренныя буржуазныя партіи, что къ этому прибѣгъ, напримѣръ, въ 1877 г. родоначальникъ оппортунистовъ, Гамбетта; но они, тѣмъ не менѣе, на этотъ шагъ не рѣшились во избѣжаніе ссоры съ правительствомъ и для „сбереженія Думы“.... Вся ихъ „борьба“ на почвѣ бюджета свелась къ тому, что они препирались съ Коковцевымъ относительно разныхъ, совершенно ничтожныхъ ассигновокъ, вродѣ ассигновки на главное управленіе по дѣламъ печати или на посольство въ Штутгартѣ, и что они возбудили вопросъ объ уничтоженіи законодательнымъ путемъ правилъ 8-го марта. Этотъ вопросъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы былъ дѣломъ далекаго будущаго; пока же, не дожидаясь его рѣшенія, кадеты понемножку удовлетворяли требованія правительства. Между прочимъ, они на закрытомъ засѣданіи Думы голосовали за утвержденіе контингента новобранцевъ, несмотря на то, что, по признанію ихъ же собственныхъ юристовъ, военное министерство, вопреки буквѣ и смыслу закона, внесло въ Думу законопроектъ о контингентѣ слишкомъ поздно и тѣмъ самымъ лишило Думу возможности хотя бы „сдѣлать сколько-нибудь внимательную провѣрку“

предположеній министра (см. „Вѣстн. Нар. Св.“, № 16). Слѣдя за поведеніемъ кадетовъ, европейская буржуазная пресса—„Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, „Börsenzeitung“ и др. констатировали, что кадеты удовлетворены объясненіями Коковцова, что „соглашеніе возможно“, что можно ожидать всеобщаго умиротворенія и т. д. (см. „Народная Дума“, № 15). Кадеты фактически подготовляли условія для займа и все-таки они продолжали называть свою тактику „осадой власти“. По поводу этого злоупотребленія словами въ Думѣ произошли объясненія между соц.-дем. и кадетами. Въ отвѣтъ на рѣчь Струве по бюджетному вопросу, соц.-дем. Зурабовъ далъ мѣткую характеристику кадетской тактики: „Главныя требованія осады заключаются въ томъ, чтобы лишить осаждаемыхъ хлѣба... Но г. Струве, отдавая пищевые продукты осаждаемымъ... говоритъ: я осаждаю!.. Передавъ осажденнымъ пищевые продукты, онъ предлагаетъ открыть ворота и говоритъ: мы не будемъ входить въ эти ворота, а будемъ у этихъ воротъ сидѣть и кашу ѣсть... наивная политика!“

Кадеты „осаждали власть“; при этомъ, чтобы не раздражать „осажденныхъ“, они систематически голосовали противъ спѣшности запросовъ, вносимыхъ соц.-дем-ми. Они отвергли спѣшность запроса о звѣрствахъ на Кавказѣ, отвергли спѣшность запроса о чрезвычайныхъ полномочіяхъ, которыми облеченъ былъ жандармскій генералъ Таубе. Когда же соц.-дем-ми внесенъ былъ запросъ о 74 заключенныхъ въ Ригѣ, которымъ угрожалъ военно-полевой судъ, Родичевъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ другіе способы воздѣйствія на министровъ: „Мы не должны затрагивать чужихъ самолюбій“. Только одинъ запросъ былъ принятъ, запросъ, который кадеты сами внесли, о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ генералъ-губернатора Гершельмана, отмѣнившаго постановленіе военно-полевого суда потому лишь, что онъ не вынесъ подсудимому смертнаго приговора.

Такъ кадеты боролись за „народную свободу“ въ Думѣ. Какъ же реагировало на эту осаду правительство? Поторопилось ли оно открыть ворота осаждающимъ? П. Милюковъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно въ „Рѣчи“. „Едва ли ошибемся, если скажемъ, что рядъ тактическихъ побѣдъ думскаго центра надъ крайними лѣвыми—и особенно передача бюджета въ комиссію—сдѣлали позицію Думы болѣе прочной, а министерству дали и возможность, и поводъ провести границу между собой и крайними правыми“. Такъ писалъ П. Милюковъ 30 марта, а черезъ день онъ уже самъ долженъ былъ себя опровергнуть. 31 марта онъ уже горько жалуется на „мучительство“ министра юстиціи, пришедшаго въ Думу съ требованіемъ, чтобы она ему выдала нѣсколько депутатовъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи. Еще спустя 11 дней тотъ же Милюковъ жалуется, что правительство чинитъ систематическую, мелочную, оскорбительную „обструкцію“ Думѣ. Несмотря на

лояльное поведеніе думскаго большинства въ бюджетномъ вопросѣ, несмотря на разговоры Коковцева о „совмѣстной работѣ“, правительство не допускаетъ экспертовъ въ думскую комиссію, отказывается сообщать ей журналъ междувѣдомственныхъ смѣтныхъ обсужденій, государственный контроль упорно отказывается давать Думѣ какія-либо свѣдѣнія, кромѣ провѣренныхъ имъ кассовыхъ отчетовъ. По стопамъ министерства идутъ губернаторы и градоначальники. Когда два депутата обратились къ спб. градоначальнику съ ходатайствомъ за какого-то обиженнаго, онъ имъ отвѣтилъ презрительной нотаціей и опубликовалъ этотъ отвѣтъ въ печати: „Постороннія ходатайства являются совершенно излишними; подобнаго рода ходатайства, заставляя депутатовъ терять время въ пріемной, въ ожиданіи очереди, отвлекаютъ ихъ отъ прямыхъ обязанностей по работѣ въ Государственной Думѣ“. Бюрократы и ихъ приспѣшники не ограничились издѣвательствомъ надъ народнымъ представительствомъ. Въ отвѣтъ на запросъ лѣвыхъ, черносотенцы, для терроризированія кадетовъ, вновь поставили ребромъ вопросъ — како вѣруеши, вновь потребовали отъ Думы резолюціи, осуждающей политическія убійства. Кадетамъ и на этотъ разъ удалось отсрочить обсужденіе щекотливаго вопроса. Но въ виду того, что теперь уже ясно было, что этой чаши миновать не удастся, особенно послѣ того, какъ и соц.-демократы потребовали, чтобы вызовъ былъ принятъ, и чтобы съ этимъ унизительнымъ положеніемъ было, наконецъ, покончено, кадеты вынуждены были вынести по этому вопросу резолюцію на засѣданіи своей фракціи и опубликовать эту резолюцію въ печати. Крайне двусмысленный характеръ резолюціи лавровъ кадетамъ не доставилъ. Если кадеты въ первой Думѣ утверждали, что вакханалія реакціи есть основная причина, вызывающая красный терроръ, и что на нее падаетъ всецѣло отвѣтственность за этотъ терроръ, они теперь въ своей резолюціи начинаютъ съ осужденія политическихъ убійствъ, а затѣмъ констатируютъ лишь, что „произволъ, жестокія и неправосудныя репрессіи *питаютъ* это зло и *усиливаютъ* его“.

Дума просуществовала уже два мѣсяца, а положеніе ея оставалось столь же шаткимъ, какъ въ первый моментъ ея открытія Одна лишь с.-д-ская фракція и единомышленная съ нею часть с.-д-ской партіи, исходя изъ неизбѣжности конфликта Думы съ правительствомъ, по-прежнему настаивали по каждому поводу, что необходимо замѣнить злополучный лозунгъ „береженія Думы“ другимъ лозунгомъ береженія достоинства и авторитета народнаго представительства и что для этой цѣли Дума должна перейти, наконецъ, къ дѣйствительной, а не къ фиктивной осадѣ власти, связавшись тѣснѣе съ народомъ. Рядомъ съ этой критикой кадетскаго курса, направленной между прочимъ на то, чтобы толкнуть если не кадетовъ, то ихъ избирателей влѣво, стала все чаще раздаваться другого рода критика, продиктованная нервозностью и нетерпѣніемъ охотниковъ до легкихъ побѣдъ.

Съ одной стороны, на страницахъ народнической „Родной земли“ и большевистской газеты „Наше Эхо“ возрождается пропаганда бойкота Думы. Съ другой стороны, нѣкоторые органы лѣвой печати, подъ вліяніемъ того же импрессіонизма, начинаютъ торопить кадетовъ, чтобы они скорѣе уже скомпрометировали себя окончательно,—что дѣлаешь, то дѣлай скорѣй. „О, если бы эти кадеты и лѣвые были хотя хорошими октябристами!“ восклицаетъ Тапъ въ „Общественномъ Дѣлѣ“, а лидеръ с.-р. В. Черновъ въ „Волѣ и Землѣ“ мотивируетъ подробнѣе это положеніе: „Поставимъ всѣ точки надъ „і“. Если бы кадетамъ дѣйствительно удалось, хотя бы путемъ пожертвованія многими пунктами своей программы, проложить себѣ дорогу черезъ этапъ легализаціи къ власти, мы противъ этого ничего бы ровно не имѣли. И мы бы не стали, подобно нашимъ друго-врагамъ соц.-демократамъ, по этому поводу бить тревогу о предательствѣ и объ измѣнѣ к.-д-овъ интересамъ трудового народа“. (См. П. Милюковъ, „Вторая Дума“ 1908 г.). Такого же рода совѣты, хотя и въ менѣе открытой формѣ, давались кадетамъ на страницахъ „Товарища“ Прокоповичемъ и Е. Смирновымъ по вопросу объ условіяхъ утвержденія бюджета.

Кадеты на словахъ возмущались тѣмъ, что радикальные „демократы“, не желая сами мараться, хотятъ на ихъ к.-д-скія плечи взвалить всю грязную, „черную работу исторіи“. Но, будучи убѣждены еще гораздо болѣе, нежели Прокоповичъ и В. Черновъ, что эта черная работа сейчасъ имѣетъ „историческое значеніе“, что для спасенія страны необходимо возможно скорѣе „перекинуть мостъ“ отъ оппозиціи къ правительству, они, поощряемые „мудрыми совѣтами“, принялись за это дѣло съ удвоенной энергіей.

Весь послѣдній періодъ думской работы кадетовъ былъ какъ бы выполненіемъ урока на заданную тему—„путемъ пожертвованія многими пунктами своей программы, проложить себѣ дорогу черезъ этапъ легализаціи къ власти“. Послѣ пасхальныхъ каникулъ до самаго роспуска Думы было одно лишь засѣданіе, 30 апрѣля, когда кадеты выступили въ Думѣ еще въ качествѣ оппозиціонной партіи, именно, когда обсуждался запросъ о „дѣйствіяхъ“ генер.-губ. Гершельмана. Послѣ же этого засѣданія кадеты систематически занимаются ликвидаціей послѣднихъ остатковъ своей оппозиціонности. Въ лицѣ В. Гессена к.-д-ская фракція выступила съ предложеніемъ снять съ ближайшей очереди вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни и объ амнистіи и замѣнить ихъ безобиднымъ вопросомъ о мѣстномъ судѣ. „Въ мотивировкѣ этого предложенія“, говоритъ редакц. „В. Нар. Св.“: „подчеркивалась основная мысль тактики партіи к.-д. во II-ой Думѣ: оставаться въ кругу реальныхъ задачъ, стремиться къ практически достижимому“. Предложеніе о снятіи съ ближайшей очереди законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни прошло въ Думѣ, предложеніе же о снятіи съ очереди вопроса объ амнистіи принято

не было. Но кадетамъ все-таки удалось при поддержкѣ трудовиковъ сдать вопросъ этотъ въ комиссію, другими словами, похоронить его. Остался еще одинъ барьеръ, черезъ который имъ необходимо было перескочить. Послѣ заключенія генеральныхъ дебатовъ по аграрному вопросу началось обсужденіе вопроса о принятіи формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, заключающей въ себѣ признаніе начала принудительнаго отчужденія. Кадеты возстали противъ этого и имъ удалось съ величайшими усиліями отстоять свою позицію: резолюція о принудительномъ отчужденіи принята не была. Этотъ шагъ кадетовъ былъ чрезвычайно знаменателенъ, особенно если принять во вниманіе, какъ ихъ печать отзывалась о новой декларации Столыпина по аграрному вопросу, прочитанной имъ въ Думѣ въ серединѣ мая. Вотъ что писалъ по ея поводу А. Каминка въ оффиціальномъ кадетскомъ органѣ, въ „Вѣстн. Нар. Своб.: „Между точкой зрѣнія министерства и думскаго большинства на аграрный вопросъ — цѣлая пропасть. Задача министерства очевидно не въ томъ, чтобы расширить... эту пропасть, но въ томъ, чтобы по возможности перекинуть черезъ нее мостъ... Именно съ этой точки зрѣнія необходимо было... давать всѣ необходимыя объясненія не въ пленарныхъ засѣданіяхъ, но въ аграрной комиссіи“. Далѣе авторъ, пожуривъ премьера за поверхностную критику кадетской аграрной программы и за смѣшеніе ея съ программами лѣвыхъ, констатируетъ отрадный фактъ, что предсѣдатель совѣта министровъ измѣнилъ свое отношеніе къ принудительному отчужденію: „Премьеръ заявилъ прямо, что обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ, но въ видѣ исключенія“. Въ заключеніе авторъ высказываетъ сожалѣніе, что Столыпинъ, „увлекшись полемикой“, недостаточно подробно развилъ свою собственную министерскую программу: „Смыслъ ея заключается въ возможности дополнительнаго надѣленія землей путемъ добровольной скупки помѣщичьихъ земель. Для того, чтобы планъ могъ быть осуществимымъ безъ разоренія для государства, необходимъ во всякомъ случаѣ рядъ мѣръ, чтобы парализовать повышеніе цѣнъ на землю... Не считая всего плана цѣлесообразнымъ, мы однако полагаемъ, что такія мѣропріятія были бы возможны... Но объ этомъ въ декларации не находимъ ни слова“. („Вѣстн. Н. Св. № 19). Статья эта, подсказывающая выходъ слишкомъ откровенному и неосторожному премьеру, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что кадеты уже въ то время готовы были бы отказаться отъ своей аграрной программы, если бы этой цѣной можно быть достичь соглашенія съ министерствомъ.

Въ первой Думѣ кадеты ставили себѣ цѣлью—соглашеніе съ монархіей на почвѣ отставки бюрократическаго министерства и замѣна его отвѣтственнымъ, парламентскимъ; во второй Думѣ они ставили себѣ гораздо болѣе скромную цѣль—соглашеніе съ бюрократическимъ министерствомъ на почвѣ

полученія „клочка шерсти“. Но чѣмъ больше кадетская партія проявляла свою слабость, тѣмъ меньше правительство нуждалось въ соглашеніи съ ней, тѣмъ болѣе что кадетская партія не могла гарантировать правительству не только прекращенія революціи въ странѣ, но даже подавленія вліянія с.-д-тіи въ самой Думѣ. Поэтому какъ разъ въ тотъ моментъ, когда „руководящая“ кадетская партія выбросила фактически за бортъ весь свой оппозиціонный багажъ, судьба второй Думы была рѣшена въ отрицательномъ смыслѣ. 1-го іюня въ Думу поступило требованіе—выдать всю соц.-дем. фракцію въ составѣ 55 человѣкъ, изъ коихъ 16 должны быть немедленно заключены подъ стражу по обвиненію въ заговорѣ; при этомъ предупреждалось, что всякое промедленіе въ исполненіи требованія будетъ имѣть самыя серьезныя для Думы послѣдствія. Это неслыханное требованіе не только по формѣ, но и по существу было издѣвательствомъ надъ Думой. Соціалъ-демократическая фракція, поддержанная всѣми лѣвыми фракціями, предложила, въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, немедленно, наканунѣ неизбѣжнаго роспуска Думы, вопреки наказу, обсудить и отвергнуть аграрные законы, изданные по 87 ст., а также отвергнуть бюджетъ.

Кадеты видѣли, что дѣло Думы, а стало быть и ихъ дѣло проиграно; но, не желая портить своей будущей карьеры, они все-таки воспротивились рѣшительно предложенію с.-д-овъ. Утѣшая себя тѣмъ, что и римскіе сенаторы со стоицизмомъ переносили оскорбленія галловъ, они рѣшили до послѣдняго издыханія Думы заниматься „положительной работой“, строго согласованной съ буквой наказа. На окончательное самоуничиженіе, на выдачу с.-д. фракціи безъ обсужденія вопроса въ комиссіи, они не пошли. Но пока комиссія занималась обсужденіемъ и безъ того яснаго вопроса, кадеты въ пленарномъ засѣданіи Думы съ удивительнымъ безстрастіемъ говорили длинныя и скучныя рѣчи о мѣстномъ судѣ передъ пустой аудиторіей. На этой плодотворной работѣ переворотъ 3-го іюня 1907 года оборвалъ ихъ дѣятельность. Въ этотъ день закончилась руководящая роль кадетовъ въ Думѣ. 3-го іюня они безропотно и покорно сошли съ авансцены, уступивъ свое мѣсто октябристамъ.

А. Мартыновъ.

П. П. МАСЛОВЪ.

Народническія партіи.

П. П. МАСЛОВЪ.

Народническія партіи.

Общія основы народническихъ программъ.

Рѣзкое противорѣчіе политическаго строя Россіи съ развивающимися въ ней экономическими отношеніями, противорѣчіе потребностей общества въ свободной политической жизни съ безконтрольнымъ управленіемъ бюрократіи острѣе всего чувствовалось интеллигенціей, образованнымъ слоемъ русскаго общества, считавшимъ себя не только солью русской земли, но и выразителемъ и представителемъ интересовъ всего русскаго народа.

Стремясь выражать интересы массы населенія, на которую считала нужнымъ и возможнымъ опираться въ борьбѣ за политическое освобожденіе, интеллигенція, естественно, и прежде всего обращала вниманіе на интересы того слоя населенія, который составлялъ большинство русскаго общества, на интересы крестьянства. Заимствуя революціонныя идеи съ Запада, революціонно-настроенные слои интеллигенціи могли перенести оттуда во второй половинѣ 19 столѣтія только соціалистическое умонастроеніе, такъ какъ чисто политическая платформа, бывшая когда-то революціонной,—къ этому времени тамъ была въ извѣстной степени осуществлена и сдѣлалась достояніемъ консервативныхъ слоевъ западно-европейской буржуазіи, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе демократическихъ странахъ.

Но въ Западной Европѣ классовыя противорѣчія, классовое разслоеніе и борьба уже настолько ярко выступали на фонѣ болѣе свободнаго политическаго строя, что и самая идея о соціальныхъ интересахъ всего „народа“ какъ цѣлаго, была оставлена. Эта идея, съ которой оперировала западно-европейская интеллигенція во время революцій, была оставлена не только потому, что она была въ достаточной степени дискредитирована, но и потому, что на фонѣ конституціонной политической борьбы столкновенія интересовъ мелкихъ собственниковъ и рабочихъ заставили представителей рабочаго класса уяснить себѣ различіе интересовъ этихъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ трудовыхъ группъ современнаго капиталистическаго общества.

Русская революціонная интеллигенція, заимствуя въ Западной Европѣ

революціонно-соціалистическія идеи, не могла использовать всего западно-европейскаго опыта прежде всего потому, что на почвѣ недостаточно развитаго капиталистическаго строя и отсутствія открытой политической классовой борьбы противорѣчія интересовъ различныхъ классовъ еще не выступали съ достаточной выпуклостью.

Поэтому хотя послѣ „хожденія въ народъ“ въ 70 годахъ пришлось убѣдиться, что крестьяне вовсе не являются „прирожденными соціалистами“, тѣмъ не менѣе этотъ опытъ не давалъ достаточнаго основанія для того, чтобы сдѣлать заключеніе о различіи интересовъ рабочихъ и мелкихъ собственниковъ.

Подавляющее большинство населенія составляли крестьяне. Естественно, что интеллигентское революціонно-соціалистическое движеніе, начавшееся во имя и для блага „народа“, стремилось опереться на этотъ народъ и находить въ немъ зародышъ соціалистическихъ идей. Въ общинномъ землевладѣніи, въ значительной степени обязанномъ своимъ сохраненіемъ (въ фискальныхъ цѣляхъ) правительству, народническая интеллигенція видѣла зародыши соціализма, которые могутъ развиться въ соціалистическій строй; въ стремленіи мелкихъ собственниковъ во что бы то ни стало сохранить свое хозяйство, какъ единственное средство для большинства изъ нихъ добывать необходимыя средства для существованія,—видѣла достаточное препятствіе развитію въ Россіи капитализма, съ которымъ мелкое хозяйство можетъ съ успѣхомъ бороться; въ экономической отсталости Россіи, въ болѣе слабомъ развитіи классовыхъ противорѣчій въ русскомъ обществѣ видѣла преимущество передъ Западной Европой и т. д. Опытъ Западной Европы съ достаточной убѣдительностью показалъ, что развитіе капитализма ведетъ къ разложенію мелкаго хозяйства и къ превращенію мелкихъ хозяйствъ съ одной стороны въ капиталистическія, съ другой стороны къ образованію пролетаріата. Чтобы доказать, что Россія можетъ избѣжать такой перспективы, была создана своеобразная теорія, по которой позднее выступленіе Россіи на путь капитализма является не болѣе благопріятнымъ условіемъ для его развитія съ помощью западно-европейскаго капитала, а препятствіемъ этому развитію вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ рынковъ, захваченныхъ западно-европейскимъ капиталомъ. Первичная стадія развитія капитализма характеризуется тѣмъ, что затраты крупнаго капитала обращаются на средства обращенія и обмѣна товаровъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ непосредственно на производство. Эта особенность, присущая капитализму во всѣхъ странахъ на данной стадіи его развитія, объяснялась и объясняется народниками опять таки, какъ особенность экономическаго развитія Россіи.

Такимъ образомъ всѣ стороны экономическаго положенія Россіи, характеризующія ея отсталость, были приняты какъ „особенности“ соціальнаго уклада Россіи, присущія только ей.

Критика со стороны марксистовъ народническихъ воззрѣній, но, главнымъ образомъ, промышленный подъемъ 90-хъ годовъ въ значительной степени расшатали народническое воззрѣніе объ особыхъ экономическихъ путяхъ развитія Россіи. Было очевидно, что несмотря на „отсутствіе внѣшнихъ рынковъ“ капитализмъ въ Россіи продолжаетъ развиваться. Теорія народничества въ значительной степени потеряла кредитъ, но тяга интеллигенціи къ крестьянству, составлявшему большинство населенія, не могла быть уничтожена даже полнымъ опроверженіемъ теоріи.

При отсутствіи открытой классовой борьбы классовыя противорѣчія внутри русскаго общества продолжали быть скрытыми отъ народолюбивой интеллигенціи. Даже среди многихъ соціалдемократовъ, которые постоянно твердили о классовыхъ противорѣчіяхъ и классовой борьбѣ, въ періодъ развитія крестьянскаго движенія проявлялась тенденція отождествлять интересы крестьянъ и рабочихъ. Потерявшая кредитъ въ 90 годахъ народническая теорія экономическаго развитія Россіи путемъ значительныхъ поправокъ дѣлается въ началѣ 20 столѣтія снова популярной среди нѣкоторыхъ круговъ революціонной интеллигенціи [1]).

Ревизіонистское теченіе марксизма въ Германіи дало достаточно матеріала для того, чтобы подновить старую народническую теорію, опираясь на „опытъ“ Западной Европы. Тщательно подбирались факты, показывавшіе, что разложеніе мелкаго хозяйства происходитъ не такъ быстро, какъ полагали ортодоксальные марксисты, и даже совсѣмъ не происходитъ. Какъ часто бываетъ, одна и та же теорія, одни и тѣ же факты служили для различныхъ практическихъ цѣлей. Южно-германскіе ревизіонисты, доказывая устойчивость мелкаго хозяйства, хотѣли объединить рабочую партію съ крестьянской демократіей, чтобы опереться на нее, отодвигая соціалистическія задачи. Нѣмецкими ревизіонистами руководилъ практическій оппортюнизмъ. Русскіе народники руководились тѣмъ же практическимъ соображеніемъ,— опереться на большинство населенія, на рабочихъ, крестьянъ и интеллигенцію, чтобы создать соціалистическую партію,—но, вопреки западно-европейскому опыту, приписывали крестьянамъ и радикально настроенной интеллигенціи склонность къ соціализму, т. е. были утопистами.

Чтобы доказать возможность образованія крестьянской соціалистической партіи изъ самостоятельныхъ хозяевъ, народники указывали на существованіе общиннаго землевладѣнія и въ его сохраненіи видѣли склонность крестьянъ къ коллективизму. Съ другой стороны, революціонность интеллигенціи служила, повидимому, достаточнымъ основаніемъ считать эту общественную

---

1) Подробнѣе объ этомъ см. ст. А. Потресова въ I т. Обществ. движ. въ Россіи, стр. 598 и слѣд.

группу одной изъ основныхъ для построенія будущей соціалистической партіи.

Соціалдемократы доказывали, что только рабочій классъ можетъ, благодаря своему соціальному положенію, быть основнымъ ядромъ соціалистической партіи. Эту „односторонность“ и „доктринерство“ теоретики народничества старались исправить тѣмъ, что усиленно доказывали склонность къ коллективизму крестьянъ и иногда указывали на антиколлективизмъ рабочихъ. „Антиколлективистскій черепъ пролетаріата самыхъ передовыхъ странъ міра заставитъ ли, наконецъ, призадуматься марксистскій черепъ?“ спрашиваетъ, напримѣръ, „Вѣстникъ Русск. Рев.“ послѣ обличенія западноевропейскихъ рабочихъ въ „буржуазности“ [1]). „Англійскіе рабочіе—„экономики“ par excellence, трезвые дѣловые счетчики, предпочитающіе синицу въ руки журавлю въ небѣ“. „Промышленный пролетаріатъ такъ легко склоненъ промѣнять свое право революціоннаго и соціалистическаго первородства за чечевичную похлебку всякаго рода грошовыхъ благъ... Весьма естественно ожидать, что въ самое ближайшее время европейскіе рабочіе очутятся въ томъ же положеніи, въ какомъ теперь находятся ихъ англійскіе товарищи. Спрашивается: не грозитъ ли и имъ тоже такая же нравственная участь?“ Разумѣется, указанія на „антиколлективистическій черепъ“ рабочихъ дѣлались лишь въ пику соціалдемократамъ, чтобы подчеркнуть ихъ „односторонность“ и свою „синтетическую“ точку зрѣнія, по которой самые разнообразные слои общества оказывались склонными къ коллективизму: и интеллигенція, и рабочіе, и крестьяне. Тѣмъ не менѣе, благодаря этой „синтетической“ точкѣ зрѣнія, благодаря интеллигентской склонности считать только журавлей въ небѣ и пренебреженію къ „грошовымъ (для интеллигенціи) благамъ“, у с.-р-овъ очень часто проявлялось пренебрежительное отношеніе къ насущнымъ экономическимъ интересамъ рабочихъ, стремленіе всякую экономическую борьбу превратить въ политическую, не считаясь съ матеріальными интересами рабочихъ и т. д. Стремленіе соц.-демократовъ,—впрочемъ, въ дореволюціонный періодъ довольно слабое,—использовать экономическую борьбу рабочихъ и для завоеванія для нихъ „грошовыхъ благъ“, вызывало суровое осужденіе со стороны революціонныхъ народниковъ: „постоянное оглядываніе назадъ, *въ сторону выигрыша стачки*, не только понижало—по мнѣнію „Вѣсти. Русск. Рев.“,—революціонное настроеніе массы, но иногда вело къ печальнымъ недоразумѣніямъ [2])“.

Гораздо больше вниманія и въ агитаціонной, и въ теоретической литературѣ народники посвящали крестьянскому вопросу, можетъ быть, потому, что на рабочій вопросъ исключительное вниманіе обращали с.-демократы.

[1]) „В. Р. Р.“ № 4, мартъ 1905 г., стр. 298.
[2]) „В. Р. Р.“, № 4, стр. 237.

Отношеніе къ аграрному вопросу больше всего сближало различныя народническія партіи.

Всѣ партіи народническаго направленія (с-ры, максималисты, нар.-соціалисты и трудовики) разсматривали всѣ трудящіеся классы (рабочій классъ, интеллигенцію и крестьянъ), какъ одинъ общественный классъ съ одинаковыми интересами, противопоставляя его эксплоатирующимъ классамъ. Въ дореволюціонный періодъ революціонная интеллигенція во всѣхъ странахъ, обыкновенно, выступала какъ представительница интересовъ всего народа.

Это вызывалось не только общенаціональнымъ подъемомъ и общимъ недовольствомъ старымъ строемъ, но и отсутствіемъ свободной и открытой классовой борьбы.

Естественно, что на почвѣ общенаціональнаго движенія народники, принявши отъ европейцевъ ученіе соціализма, усвоили его, не какъ идеологію пролетаріата, а какъ отраженіе интересовъ всѣхъ трудящихся. У западно-европейскихъ соціалистовъ совершенно невозможны были бы разсужденія объ „антиколлективистскомъ черепѣ“ рабочихъ даже и въ пылу полемики, просто потому, что соціализмъ опирается на рабочихъ.

Народники отождествляли интересы различныхъ демократическихъ группъ и рабочій классъ былъ только однимъ изъ элементовъ, на которые народническія партіи хотѣли опереться. Этотъ „синтезъ“ интересовъ, изжитый въ Западной Европѣ революціонно-демократической интеллигенціей, русскимъ народникамъ казался новымъ открытіемъ русскихъ соціалистовъ, которому должны поучиться западно-европейскіе соціалисты.

Эта вѣра въ какой-то мессіанизмъ русскихъ, которые чему-то новому научатъ европейцевъ, въ томъ или иномъ видѣ существуетъ и существовала у самыхъ различныхъ группъ интеллигенціи. По мнѣнію однихъ, русскій „народъ-богоносецъ“ внесетъ какіе-то новые элементы въ нравственную жизнь; по мнѣнію максималистовъ, „эксы“ внесли въ соціализмъ „новый“ методъ классовой борьбы; по мнѣнію с.-ровъ, ихъ „синтезъ“, давно пзжитый европейскими революціонерами, тоже являлся „новой“ точкой зрѣнія, которой должны научиться европейцы. Такъ, на первомъ съѣздѣ с.-ровъ г. Тучкинъ находитъ, что своей программой с.-ры могутъ внести новый вкладъ въ международный соціализмъ, а представитель с-ровъ въ международномъ соціалистическомъ бюро указываетъ на возможность „вліять въ духѣ своей программы на міровое соціалистическое движеніе“.

„Представители труда разъединены въ классификаціи Маркса. Работникъ и пролетарій могутъ оказаться въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, тогда какъ классификація общества, которая характеризуетъ *русскій* соціализмъ и составляетъ основу *его* теоріи классовой борьбы, раздѣляетъ общество

лишь на два противоположныхъ лагеря: трудящихся съ одной стороны и живущихъ чужимъ трудомъ—съ другой“ [1]).

Это слабое представленіе о классовыхъ противорѣчіяхъ капиталистическаго общества представлялось народникамъ новымъ „синтезомъ“, который въ области аграрной программы, по мнѣнію представителя с.-ровъ въ международномъ соц. бюро, „повліяетъ, быть можетъ, на судьбу интернаціональнаго соціализма“ [2]).

Хотя народники считали синтезъ интересовъ мелкихъ собственниковъ и рабочихъ истинно „русской“ теоріей, противопоставляя ее теоріи марксизма, но, какъ мы замѣтили, это являлось общей чертой съ революціонной интеллигенціей Западной Европы въ періодъ борьбы за политическое освобожденіе, а въ періодъ революціи многіе марксисты также были склонны къ такому „синтезу“, побуждаемые къ этому уже не теоріей, а еще недостаточно появившимися до революціи классовыми противорѣчіями. Противопоставленіе крестьянства буржуазіи и надежда съ помощью его произвести соціальную, а не буржуазную революцію, встрѣчались и среди ортодоксальныхъ марксистовъ въ моментъ наиболѣе сильнаго подъема общественнаго движенія.

Въ извѣстной степени общность интересовъ всей демократіи была подмѣчена правильно, *поскольку* всѣ перечисленные классы страдали отъ своего безправія, отъ безраздѣльнаго господства правящихъ классовъ, защищаемыхъ бюрократіей. Но за этимъ временнымъ единствомъ интересовъ не замѣчалось существеннаго различія соціальныхъ интересовъ, поскольку они не обусловливались политическими условіями. Такъ, многоземельные крестьяне, освободившись отъ политическихъ неблагопріятныхъ для нихъ условій и получая доходъ отъ своего хозяйства, постольку были бы далеки отъ интересовъ рабочихъ, поскольку имъ удалось бы обезпечить доходъ со своей собственности. „Трудовое“ крестьянство Германіи поддерживаетъ реакціонный центръ противъ соціалдемократовъ исключительно потому, что они въ интересахъ рабочихъ борются противъ таможеннаго покровительства сельскому хозяйству. Въ данномъ случаѣ интересы собственника хотя и мелкаго рѣзко противоположны интересамъ лицъ, продающихъ не продукты своего труда, а свой трудъ. Такъ какъ въ Россіи въ періодъ общественнаго подъема на первое мѣсто выдвигались политическія задачи, а передъ крестьянами вопросъ о расширеніи землепользованія, не находившійся въ противорѣчіи съ интересами рабочихъ, а, напротивъ, вполнѣ гармонировавшій съ ними, то для отождествленія интересовъ всѣхъ трудящихся классовъ была наиболѣе благопріятная почва. Вмѣсто того, чтобы эту общность интересовъ

---

[1]) Послѣсловіе къ заграничному изданію „Нашихъ Задачъ“.

[2]) „Протоколы перваго съѣзда п.-с.-ровъ“, стр. 4.

находить у всѣхъ трудящихся на почвѣ демократизаціи общественнаго строя, т.-е., какъ классовъ демократическихъ, народники переносили ихъ и въ область отношеній экономическихъ, предполагая у всей демократіи склонность къ соціализму. Неизбѣжная борьба мелкаго хозяйства съ крупнымъ капиталистическимъ разсматривалась какъ борьба съ капитализмомъ; указанная выше особенность русской интеллигенціи, ведущей борьбу за демократизацію общественнаго строя подъ флагомъ соціализма, объяснялась, опять таки, не какъ временная форма борьбы, а тѣмъ, что интеллигенція, какъ трудящійся классъ, цѣликомъ будетъ стоять на почвѣ соціализма и при демократическомъ строѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ и въ другихъ странахъ наканунѣ и во время буржуазной революціи, наибольшимъ успѣхомъ пользовалась идея о тождествѣ интересовъ всѣхъ демократическихъ слоевъ населенія, идея, которая постепенно исчезаетъ лишь при политическомъ освобожденіи и при обостреніи классовой борьбы между демократическими слоями населенія.

Приведенныя выше основныя идеи были общими для всѣхъ народническихъ группъ, но за этими рамками начинается между ними различіе.

Трудовая группа, появившись позже, въ періодъ наиболѣе интенсивной общественной борьбы, не была такъ связана доктриной, какъ с.-ры и нар.-соціалисты. Поэтому она въ болѣе чистомъ видѣ представляла собою демократическую партію, преслѣдующую задачи демократизаціи общества, и имѣла соціалистическую окраску скорѣе, какъ традицію, принятую отъ соціалистическихъ партій, чѣмъ какъ основной фунтаментъ, на которомъ она построена.

Поэтому въ трудовой группѣ не было тѣхъ противорѣчій, которыя были у другихъ народническихъ партій и которыя послѣднимъ приходилось теоретически оправдывать: ставя только демократическія задачи, трудовая группа могла опираться на демократію вообще, обслуживая ея интересы. Между тѣмъ с.-рамъ и нар.-соціалистамъ приходилось доказывать мало доказуемое положеніе, что капитализмъ въ Россіи не развивается, что нѣтъ почвы для его развитія, что мелкое хозяйство даже въ индустріи съ успѣхомъ борется съ капитализмомъ и т. д.

Тѣмъ не менѣе трудовая группа своей программой стояла ближе къ народническимъ партіямъ, такъ какъ представляла главнымъ образомъ среднее крестьянство, т.-е. мелкихъ собственниковъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что защищая мелкую собственность трудовая группа не рисовала эту защиту, какъ борьбу противъ капитализма. Между тѣмъ с.-ры и нар.-соц. борьбу противъ крупнаго капитала отождествляли съ борьбой противъ капитализма, предполагая, что расширеніе мелкаго землепользованія наноситъ окончательный ударъ самому капитализму.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, наканунѣ общественнаго движенія.

I.

Ростъ оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія среди интеллигенціи привелъ въ началѣ 1902 года къ образованію изъ изолированныхъ другъ отъ друга революціонныхъ группъ народнической интеллигенціи одной партіи „соціалистовъ-революціонеровъ“ [1]). По признанію В. Чернова, въ партію вошли самые разнообразные революціонные элементы, почему-либо не удовлетворявшіеся программой или тактикой соціалдемократовъ.

Такъ, къ террору, одному изъ главныхъ пріемовъ политической борьбы с.-ровъ, „одни изъ южныхъ с.-ровъ относились условно-положительно, т.-е. допускали его, какъ пріемъ партійной борьбы, только на опредѣленныхъ условіяхъ, которыя сводились къ созданію отдѣльнаго боевого органа и къ отведенію террору ограниченнаго мѣста среди другихъ отраслей партійной дѣятельности. Другіе относились къ террору „прямо скептически“, т.-е. въ сущности отрицательно“ [2]).

„Совершенно обратное отношеніе къ террору и къ массовой работѣ обнаруживала меньшая составная часть партіи с.-ровъ, такъ называемый „Сѣверный союзъ соц.-рев.“, къ которымъ примыкалъ „Заграничный союзъ соц.-революціонеровъ“. Въ противоположность южнымъ с.-рамъ, сѣверные считали терроръ центральнымъ пунктомъ партійной дѣятельности... На трудовыя массы сѣверные с.-ры возлагали очень мало надеждъ и относились весьма скептически къ массовой работѣ среди крестьянства, откладывая ее на будущее время“. Въ партію входили и анархическіе элементы, впослѣдствіи выдѣлившіеся въ партію максималистовъ, и революціонные радикалы, проповѣдывавшіе раньше исключительно политическую борьбу.

Объединеніе этихъ разнородныхъ элементовъ въ одну централизованную партію при начинающемся общественномъ подъемѣ на нѣкоторое время почти совершенно уничтожило центробѣжныя силы, которыя неизбѣжно должны были рано или поздно проявиться при сложившемся разнородномъ составѣ партіи.

Ростъ оппозиціоннаго настроенія среди интеллигенціи начала текущаго столѣтія толкалъ въ образовавшуюся партію разнообразные элементы, но

---

1) См. Егоровъ. Революціонное народничество. Общ. движ. въ Россіи, т. I.

2) Заключеніе суд.-слѣдств. комиссіи по дѣлу Азефа, стр. 10.

главное центральное ея ядро, наиболѣе вліятельное, образовалось изъ бывшихъ народниковъ, народовольцевъ, народоправцевъ.

„Связь новыхъ соціалистовъ-революціонеровъ съ прошлымъ устанавливалась не только идейнымъ преданіемъ. Огромное значеніе въ возрожденіи революціоннаго соціализма имѣли „старики". Въ серединѣ 90-хъ годовъ начинаютъ возвращаться въ Европу революціонеры-семидесятники. Большинство изъ нихъ за время каторги и ссылки сумѣло сохранить всю силу убѣжденія, весь пылъ своего перваго выступленія" [1]), но... сохранить и элементы утопизма и такое же представленіе о классовыхъ отношеніяхъ въ Россіи, какое имѣли 20 лѣтъ тому назадъ. „Очутившись вновь на родинѣ, старики всюду, гдѣ ни появлялись, становились центрами притяженія". Уже въ серединѣ 90-хъ годовъ, помимо с.-демократовъ, въ Россіи существовалъ „цѣлый рядъ кружковъ и группъ, возникшихъ и дѣйствовавшихъ частью самостоятельно, частью поддерживавшихъ сношенія другъ съ другомъ. Они сильно различались между собою по составу участниковъ, по пріемамъ своей дѣятельности, по оттѣнкамъ своихъ программныхъ воззрѣній... Но у всѣхъ у нихъ была одна (sic!) общая черта—это признаніе своей преемственной связи съ предшествующимъ соціалистическимъ поколѣніемъ, преимущественно съ народной волей. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ такъ и называли себя народовольческими, напримѣръ нижегородскій кружокъ, другіе оставались безымянными, напр. Пензенскій, Владимірскій, Вятскій, нѣкоторые саратовскіе. Наконецъ рядъ организацій выступилъ подъ общимъ именемъ соціалистовъ-революціонеровъ—такъ было въ Воронежѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Петербургѣ, Перми" [2]). Обычно это были кружки, состоявшіе изъ нѣсколькихъ человѣкъ, но впослѣдствіи, съ образованіемъ партіи с.-ровъ и съ развитіемъ общественнаго движенія, вокругъ этихъ маленькихъ ячеекъ образовывалась широкая периферія изъ учащейся молодежи, разночинной интеллигенціи, крестьянъ и рабочихъ.

Разнообразіе элементовъ, образовавшихъ партію с.-ровъ, очень долго препятствовало выработкѣ и принятію точно формулированной оффиціальной и обязательной для партіи программы и, помимо сознанія авторовъ, вырабатывавшихъ ея проектъ, побуждало къ выработкѣ проекта „синтетической" программы, въ которой могли бы найти мѣсто разнообразные элементы, составлявшіе партію. Эклектизмъ міровоззрѣнія руководящихъ кружковъ партіи и „разносторонность" программы представлялись особеннымъ преимуществомъ партіи и чисто „русской" особенностью. Какъ мы упоминали, с.-рамъ казалось, что этой особенностью они вносятъ новый вкладъ въ развитіе международнаго соціализма.

---

[1]) См. Нечетный. Очерки по исторіи п. с. р. „Соціал. рев." № 4, стр. 38.
[2]) Тамъ же, стр. 37.

II.

/ Въ первый періодъ послѣ образованія партіи с.-ровъ ея вліяніе проявляется главнымъ образомъ въ городахъ на учащейся молодежи, интеллигенціи и, мѣстами, на рабочихъ. Между тѣмъ въ своей литературной дѣятельности с.-ры обращали главное вниманіе на крестьянство. Интересамъ рабочихъ въ литературѣ с.-ровъ почти не удѣлялось вниманія. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что с.-демократы свое главное вниманіе удѣляли пролетаріату и с.-революціонеры хотѣли обслуживать другіе демократическіе элементы общества.

Легальная народническая литература анализировала главнымъ образомъ аграрныя отношенія, при чемъ всячески доказывалась жизненность общины и мелкаго хозяйства и преимущества его передъ крупнымъ.

Изъ заграничныхъ изданій въ 1902 году было выпущено аграрно-соціалистической лигой агитаціонныхъ изданій для крестьянъ 80 тыс. экземпляровъ изъ общей суммы 317 тыс. экземпляровъ, включавшихъ въ себя 1.059.000 печатныхъ листовъ [1]). Кромѣ изданій аграрно-соціалистической лиги большая часть популярныхъ брошюръ и листковъ была предназначена также для крестьянъ. Изъ 57 названій изданій, выпущенныхъ въ 1902 году только одно изданіе о ростовскихъ событіяхъ можно съ нѣкоторой натяжкой считать посвященнымъ рабочему вопросу. Остальныя брошюры имѣли революціонно-демократическій характеръ и обличали недостатки политическаго строя съ точки зрѣнія демократіи. Довольно много изданій было выпущено по поводу террора. Такимъ образомъ уже въ первый годъ образованія партіи с.-ровъ въ ея литературѣ терроръ занялъ большее мѣсто, чѣмъ рабочій вопросъ.

Въ 1903 году литературная дѣятельность партіи имѣетъ тотъ же характеръ. Всего въ этомъ году было выпущено 34 названія разныхъ изданій въ количествѣ 395 тыс. экз., заключавшихъ въ себѣ 2.049.500 печатныхъ листовъ. Но изъ этого большого количества изданій только одна брошюра („Кризисъ и безработица“) посвящена рабочему вопросу. Остальныя брошюры посвящены главнымъ образомъ крестьянскому вопросу. Всего на издательскую дѣятельность въ 1902—3 годахъ партіей было затрачено 145 тыс. франковъ.

Значительно больше вниманія рабочимъ посвящали находящіяся на мѣстахъ въ Россіи организаціи с.-ровъ, которыя, находясь въ городахъ ближе

---

[1]) Р. Р. № 16.

къ рабочимъ, старались воздѣйствовать на рабочія массы путемъ прокламацій. Правда, и мѣстные комитеты чаще писали прокламаціи „къ обществу“, къ учащимся, чѣмъ къ рабочимъ, и больше по поводу террористическихъ покушеній и наиболѣе яркихъ злоупотребленій властей по отношенію къ „обществу“, тѣмъ не менѣе мѣстные комитеты стояли ближе къ интересамъ, массъ, чѣмъ заграничное партійское издательство.

III.

Въ первый періодъ развитія партіи ея организаціи на мѣстахъ въ Россіи были очень слабы и очень мало себя проявляли. Агитаціонная литература, выпускаемая центральной заграничной организаціей, и террористическіе акты имѣли цѣлью не организацію массъ, а ихъ возбужденіе къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Въ 1902 году дѣятельность с.-ровъ на мѣстахъ въ Россіи проявляется главнымъ образомъ въ распространеніи заграничной агитаціонной литературы.

При очень слабыхъ организаціяхъ на мѣстахъ с.-ры тѣмъ не менѣе уже въ 1902 году проповѣдуютъ организацію вооруженныхъ демонстрацій. Между тѣмъ, фактически, активная дѣятельность мѣстныхъ группъ с.-ровъ проявляется только въ немногихъ мѣстахъ: въ Екатеринославѣ, Саратовѣ Тулѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кіевѣ.

Въ 1903 году организація и дѣятельность партіи расширяются. Прокламаціи издаются, кромѣ перечисленныхъ выше пунктовъ, въ Петербургѣ, Смоленскѣ, Полтавѣ, Крыму, Воронежѣ, Москвѣ, Бердичевѣ, Сибири, Брянскѣ, Баку, Тамбовѣ, на Уралѣ, въ Астрахани, Васильсурскѣ, Херсонѣ, Самарѣ, Витебскѣ, Тифлисѣ, Бѣлостокѣ. Прокламаціи, издаваемыя въ перечисленныхъ пунктахъ, были самаго разнообразнаго характера и по самымъ различнымъ поводамъ. Напримѣръ, въ ноябрьскомъ № „Рев. Россіи“ перечисляются слѣдующія изданія, полученныя этимъ органомъ. Изданы: „Хитрая механика“, „Бесѣды о землѣ“, „Воззваніе къ крестьянамъ“, „Ко всему русскому крестьянству“, „Слово о правдѣ“ (по поводу мощей Серафима Саровскаго); въ Кіевѣ—„Ко всему трудовому народу“ (по поводу гомельскаго погрома), въ Одессѣ—„Къ новобранцамъ“, въ Смоленскѣ—„Къ крестьянамъ“, „Къ учащимся“, первомайская, „О златоустовскихъ событіяхъ“, „По поводу смерти Богдановича“, „Къ учителямъ“, „Къ солдатамъ“, „Къ рабочимъ“, „Къ крестьянамъ“, въ Брянскѣ—„Къ рабочимъ“, въ Васильсурскѣ—по поводу арестовъ, въ Тулѣ—„Къ учащимся“ и т. д.

По существу дѣятельность мѣстныхъ группъ партіи с.-ровъ мало от-

дичалась отъ дѣятельности соціал.-демократовъ. Организаціи той и другой партіи состояли, обыкновенно, изъ небольшой группы интеллигентовъ, составлявшихъ комитетъ, мало связанныхъ съ массами и смотрѣвшихъ на массу, главнымъ образомъ, какъ на матеріалъ для политической агитаціи. Различіе дѣятельности партіи с.-ровъ и с.-демократовъ заключалось въ томъ, что послѣдніе съ меньшимъ пренебреженіемъ относились къ экономическимъ интересамъ массъ и старались въ экономической борьбѣ обезпечить побѣду рабочимъ. С.-ры, подъ вліяніемъ заграничныхъ группъ, считавшихъ, что „постоянное оглядываніе назадъ, въ сторону выигрыша стачки, не только понижало революціонное настроеніе массы, но иногда вело къ печальнымъ недоразумѣніямъ“ [1]), естественно, пренебрегали экономическими интересами массы. Городскія организаціи с.-ровъ еще болѣе, чѣмъ организаціи с.-демократовъ, имѣли интеллигентскій революціонно-демократическій характеръ. Съ увеличеніемъ революціоннаго настроенія среди городской демократіи ея движеніе принимаетъ характеръ политическихъ уличныхъ демонстрацій, и здѣсь с.-ры и с.-демократы идутъ рука объ руку, хотя и отношеніе къ демонстраціямъ представителей этихъ партій было нѣсколько различнымъ.

С-ры (за границей) высказываются за превращеніе мирныхъ демонстрацій въ вооруженныя столкновенія, не считаясь съ тѣмъ, что массы къ этому еще ничуть не стремились. „Уличныя демонстраціи (безъ вооруженнаго отпора), по мнѣнію„ В. Р. Р.“, не имѣютъ никакого преимущества передъ собраніями“. „Мы полагаемъ, что для того, чтобы уличныя демонстраціи могли принести дѣлу народнаго освобожденія наибольшую пользу, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть и ими пользоваться *не столько какъ средствомъ пробужденія политическаго сознанія массъ*, сколько какъ средствомъ возбужденія революціоннаго настроенія массъ“ [2]). Кромѣ того, какъ видно изъ характера издаваемыхъ с.-рами прокламацій, ихъ агитація не имѣла классоваго характера, а была общедемократической, обращенной ко всѣмъ слоямъ демократіи. Благодаря росту революціоннаго настроенія среди демократіи въ 1904—5 годахъ партія с.-ровъ въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1902 по 1905 г. имѣла громадный успѣхъ среди городской демократіи. Несмотря на то, что с.-ры относились пренебрежительно къ экономическимъ интересамъ рабочихъ—несмотря на то, что они не выдѣляли классовыхъ интересовъ рабочихъ изъ общедемократическихъ, партія пользовалась успѣхомъ и среди рабочихъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что въ періодъ наибольшаго революціоннаго подъема рабочимъ обѣщалось и они ожидали гораздо большихъ завоеваній путемъ политической борьбы, чѣмъ возможно было осуществить при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Связь значитель-

---

[1]) Вѣстн. Русск. Рев. № 4, 1905 г., стр. 237.

[2]) Тамъ же, стр. 244.

ной части рабочихъ съ землей, недостаточность ихъ политическаго воспитанія и классоваго самосознанія являлись условіями, при которыхъ рабочая масса ожидала слишкомъ многаго отъ осуществленія программы с.-ровъ: соціализаціи земли, отъ борьбы съ развитіемъ капитализма и т. д. На той ступени политическаго и классоваго сознанія, на которой находилась въ тотъ періодъ рабочая масса, агитація с.-ровъ была болѣе доступной отсталымъ ея слоямъ, чѣмъ агитація с.-демократовъ. Поэтому, по признанію В. Чернова, наиболѣе развитые политически, болѣе сознательные рабочіе заводовъ примыкали къ партіи с.-д.; хотя масса часто шла за с.-рами, но выбирала своими представителями с.-демократовъ. Крестьянское движеніе въ періодъ 1902—6 годовъ давало основаніе не только отсталымъ слоямъ рабочаго класса, но и значительной части с.-демократовъ отождествлять интересы крестьянской демократіи и рабочаго класса. Успѣхъ с.-ровъ среди рабочихъ былъ кратковременнымъ, но очень большимъ, хотя прочныхъ рабочихъ организацій, примыкавшихъ къ с.-рамъ, почти не было.

IV.

Среди крестьянъ дѣятельность с.-ровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ началась съ 1902 года, хотя и раньше были кое-гдѣ „крестьянскія братства“, организованныя с.-рами.

Большое количество агитаціонной литературы, издаваемой партіей за границей, подготовляло настроеніе крестьянъ въ опредѣленномъ направленіи, и, когда вспыхнуло крестьянское движеніе, несомнѣнно, многія требованія крестьянъ выдвигались подъ вліяніемъ агитаціонной литературы с.-ровъ.

Революціонная литература среди крестьянъ распространялась, главнымъ образомъ, „третьимъ элементомъ“—служащими въ земствѣ учителями, фельдшерицами и т. д. Въ 1903 году „спросъ на нелегальную крестьянскую литературу настолько растетъ, что первоначальный способъ изданія брошюръ, въ количествѣ 2—3 тысячъ экземпляровъ, уже за полтора года замѣнился другимъ: пришлось дѣлать изданіе въ 10—15 и 20 тыс. экземпляровъ съ полной увѣренностью, что этого количества не хватитъ и на годъ“.

Уже въ 1902 году былъ изданъ циркуляръ министра внутр. дѣлъ ко всѣмъ губернаторамъ послѣ полтавско-харьковскихъ безпорядковъ, въ которомъ предписывалось употреблять всѣ мѣры для прекращенія распространенія „соціалъ-революціонерами“ (подъ этимъ терминомъ, вѣроятно, разумѣлись всѣ революціонеры безъ различія) нелегальной литературы среди кре-

стьянъ. Въ томъ же году появилось еще нѣсколько циркуляровъ отъ губернаторовъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ проявилось крестьянское движеніе. Циркуляры были изданы харьковскимъ, полтавскимъ, херсонскимъ, черниговскимъ, саратовскимъ, самарскимъ, симбирскимъ, пензенскимъ, тамбовскимъ, воронежскимъ, курскимъ и т. д.

Подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ дѣятельность с.-ровъ среди крестьянъ усиливается и въ 1902 году организуется „Крестьянскій союзъ партіи с.-ровъ“, для агитаціи въ деревнѣ. О характерѣ этой агитаціи можно судить по слѣдующему отрывку изъ прокламаціи, приведенному въ Р. Р. [1]): „Долой помѣщиковъ! Мы силой отнимемъ всю землю у нихъ и передадимъ въ руки всѣхъ крестьянъ, въ пользованіе тѣхъ, кто будетъ самъ на ней работать; земля должна быть собственностью всего народа, а не отдѣльныхъ лицъ. Долой всѣхъ фабрикантовъ и заводчиковъ! Возьмемъ всѣ фабрики и заводы и передадимъ ихъ въ руки рабочаго народа!“

Эта примитивная агитація, съ значительной дозой демагогіи и утопизма, соотвѣтствовала полной политической неопытности крестьянства, не имѣвшаго представленія ни о классовой борьбѣ, ни о структурѣ современнаго экономическаго строя. Среди с.-ровъ передъ революціей значительное распространеніе получила теорія максимализма, по которой предполагалась осуществимой въ ближайшее время не только „соціализація“ земли, но и фабрикъ и заводовъ.

Одновременно съ агитаціей с.-ровъ среди крестьянъ развивалась и агитація с.-демократовъ. Вліяніе этихъ двухъ партій разграничивалось по различнымъ районамъ въ зависимости отъ соціальныхъ отношеній, сложившихся въ деревнѣ. Въ общемъ, можно сказать, что въ районахъ, гдѣ преобладало общинное землевладѣніе и продовольственная аренда, преобладало вліяніе соціалистовъ-революціонеровъ: въ Поволжьѣ и въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ. Въ районахъ подворнаго землевладѣнія, въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ, Малороссіи, Литвѣ и въ Грузіи преобладало вліяніе с.-демократовъ. Характеръ крестьянскаго движенія въ значительной степени опредѣлялся также соціальными отношеніями.

Въ районахъ продовольственной аренды преобладало разгромное движеніе, а въ районахъ подворнаго землевладѣнія было стачечное движеніе, иногда, впрочемъ, переходившее въ разгромы усадебъ.

---

[1]) „Рев. Росс.“, № 61.

V.

Болѣе раннее образованіе партіи соціалдемократовъ оказало нѣкоторое вліяніе какъ на составъ партіи с.-ровъ, такъ и на программу ея дѣятельности.

Въ партію с.-ровъ входили тѣ революціонно-демократическіе элементы общества, которые были недовольны „односторонностью“ соціалдемократовъ, ихъ классовой точкой зрѣнія, слишкомъ отрицательнымъ (съ точки зрѣнія революціонной интеллигенціи различныхъ національностей) отношеніемъ къ національизму и т. д. Поэтому къ с.-рамъ примыкаютъ болѣе національстически настроенные круги революціонной интеллигенціи различныхъ національностей: армяне, хотя среди армянъ существовали соціалдемократическія группы; грузины-національсты, рядомъ съ болѣе вліятельными группами соціалдемократовъ; польская соціалистическая партія, до революціи имѣвшая рѣзкій національстическій характеръ, хотя рядомъ существовала польская соціалдемократическая партія; латышскій соціалдемократическій союзъ, существовавшій рядомъ съ латышской соціалдемократической партіей. Существованіе рядомъ различныхъ соціалистическихъ партій среди отдѣльныхъ національностей Россіи объясняется ихъ различнымъ отношеніемъ къ національному вопросу и, отчасти, различнымъ соціальнымъ составомъ. Въ общемъ, наиболѣе яркая національстическая окраска свойственна мелкой городской буржуазіи, къ которой примыкаетъ и значительная часть интеллигенціи. Въ до-революціонный періодъ революціонно-настроенная интеллигенція большею частью принимала кличку „соціалистической“ партіи, хотя бы на первое мѣсто ею выдвигались не соціальные вопросы, а національные. Такими національстическими группами были армянская, грузинская [1]), террористическое крыло польской соціалистической партіи.

Развитіе революціоннаго и оппозиціоннаго настроенія среди русскаго общества повело къ попыткамъ совмѣстныхъ выступленій партіи с.-ровъ не только съ революціонными національстическими группами, но и съ либеральными.

Въ концѣ 1904 года печатается воззваніе ко всѣмъ рабочимъ отъ

---

[1]) На второмъ съѣздѣ партіи с.-ровъ нѣкоторые делегаты протестовали противъ союза съ армянскими и грузинскими національстами, какъ съ не-соціалистическими партіями.

партіи с.-ровъ, польской соц. партіи, грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ и латышскаго соціалдемократическаго союза.

Въ то же время организуется въ Парижѣ междупартійная конференція оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій. Партіи с.-ровъ, польской соц. партіи, латышскаго с.-д. союза, грузинской партіи соц.-федер., армянской революц. федераціи, польской національной лиги, финляндской партіи активнаго сопротивленія и союза освобожденія.

Парижская конференція должна была повести къ согласованію нѣкоторыхъ солидарныхъ дѣйствій для достиженія общедемократическихъ задачъ: добиться демократическаго строя и свободы національнаго самоопредѣленія. Но, кромѣ выпущеннаго совмѣстно воззванія, никакихъ результатовъ парижское совѣщаніе не имѣло.

Во время парижской конференціи революціонныя партіи, участвовавшія въ ней (т. е. кромѣ союза освобожденія и польской народовой лиги), имѣли рядъ частныхъ совѣщаній о координаціи своихъ дѣйствій.

Въ началѣ 1905 года бѣжавшій изъ Россіи Г. Гапонъ обратился ко всѣмъ партіямъ, которыя называли себя соціалистическими, съ открытымъ письмомъ, въ которомъ призывалъ ихъ къ соглашенію. Но совѣтъ р. соц.-демократической партіи, выражая сочувствіе самому предложенію, „выражалъ твердое убѣжденіе, что переговоры между партіями должны вестись безъ всякаго сторонняго посредничества: совѣтъ партіи считалъ „вопросъ о конференціи и о составѣ ея лежащимъ внѣ сферы компетенціи отдѣльнаго лица, въ особенности, если оно является совершенно новымъ въ революціонномъ движеніи“. Такимъ образомъ отъ участія въ конференціи отказались рос. соц.-дем. партія, бундъ, латышская соц.-дем. партія и армянская соц.-дем. раб. организація.

Націоналистически настроенныя революціонныя и національныя партіи: польская соціалистическая партія, армянская революціонная федерація (дрошакисты), грузинская партія соц.-федералистовъ, латышскій соц.-дем. союзъ и бѣлорусская соц. громада совмѣстно съ с.-рами организовали вторую междупартійную конференцію. Конференція выпустила декларацію, въ которой выставила общія программныя требованія, довольно близкія къ выработанному еще раньше проекту программы партіи с.-ровъ.

Единственное практическое значеніе этихъ конференцій заключалось въ томъ, что онѣ являлись первыми шагами къ дальнѣйшему сближенію партіи с.-ровъ съ націоналистическими революціонными организаціями.

VI.

Наиболѣе крупное мѣсто въ дѣятельности партіи с.-ровъ занималъ терроръ. Покушеніе С. Балмашева на министра Сипягина, организованное вскорѣ послѣ образованія партіи с-ровъ, сразу привлекло симпатіи къ партіи со стороны тѣхъ круговъ революціонно настроенной интеллигенціи, которые меньше довѣряли активности массъ, чѣмъ выступленіямъ террористовъ.

Нѣсколько удачно организованныхъ террористическихъ покушеній выдвинули эту форму политической борьбы, какъ „главное дѣло“ партіи [1]). „Вообще у насъ было правило, сообщаетъ кассиръ партіи: боевой организаціи не отказывать ни въ чемъ. Есть ли деньги, нѣтъ ли денегъ, но нужно достать и дать, нужно это дѣло устроить такъ, чтобы оно никогда не страдало изъ-за денегъ. Сокращали литературу и другія дѣла, но этого дѣла, боевого, никогда не сокращали“ [2]).

Преувеличенное значеніе, которое правящія сферы партіи придавали террору, привело, съ одной стороны, къ построенію совершенно обособленной, надпартійной боевой организаціи, ставшей покорнымъ оружіемъ въ рукахъ Азефа (провокатора); съ другой —къ созданію вокругъ лицъ, практиковавшихъ терроръ, именно вокругъ Азефа, атмосферы поклоненія и безграничнаго довѣрія, подъ покровомъ которой этотъ безпримѣрный въ исторіи революціоннаго движенія предатель могъ на протяженіи многихъ лѣтъ оставаться недосягаемымъ“. „Правящія сферы партіи, заботясь въ предѣлахъ своихъ силъ и компетенціи объ общепартійной дѣятельности, главнымъ дѣломъ все же считали терроръ, и сообразно съ этимъ, въ случаѣ недостатка средствъ, сокращали не размахъ боевой организаціи, а прочія партійныя предпріятія“ [3]).

Первая боевая организація образовалась вокругъ Гершуни, при чемъ, послѣ перваго крупнаго террористическаго акта, она должна была уже выступать, какъ боевая организація партіи с.-ровъ. „Диктаторомъ“ боевой организаціи былъ Гершуни.

„Партія с.-ровъ была построена вообще строго централистически. Одна боевая организація была поставлена въ особыя исключительныя условія. Состоя членомъ центральнаго комитета, глава боевой организаціи могъ оказы-

---

[1]) Заключеніе слѣдств. комиссіи по дѣлу Азефа, стр. 13.
[2]) Тамъ же, стр. 12.
[3]) Тамъ же, стр. 13—14.

вать на рѣшенія центральнаго комитета, т.-е. на направленіе партійной политики, давленіе двойнымъ авторитетомъ,—члена Ц. К. и главы боевой организаціи, а въ то, что̀ дѣлается въ ней, въ ея внутреннія отношенія, Ц. К. вмѣшиваться не могъ.

„Когда Азефъ послѣ Гершуни сдѣлался главой боевой организаціи, онъ и воспользовался создавшимся положеніемъ. Азефъ сдѣлался не только однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей партіи, но и независимымъ отъ руководящаго центра [1])“.

Вліяніе Азефа укрѣпилось еще и тѣмъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гершуни основателемъ партіи с.-ровъ. Именно въ результатѣ соглашенія Азефа, какъ представителя сѣверныхъ группъ, съ Гершуни образовалась партія с.-ровъ, къ которой присоединился и „заграничный союзъ с.-ровъ“.

Въ іюнѣ 1903 года Гершуни былъ арестованъ, и Азефъ былъ его преемникомъ. Съ этого времени онъ занимается организаціей покушенія на Плеве, который и былъ убитъ 15 іюля 1904 года. Послѣ этого, по мнѣнію „судебно-слѣдственной комиссіи“ по дѣлу Азефа, „едва-ли когда-либо революціонеръ былъ вознесенъ на такую высоту, на какой оказался въ партіи с.-ровъ Азефъ“. По мнѣнію той же комиссіи, какъ убійство Плеве, такъ и В. К. Сергѣя произошло не съ вѣдома и согласія высшихъ чиновъ полиціи.

Самыя условія жизни и дѣятельности боев. организаціи привели къ тому, что среди ея членовъ создалась своеобразная „кавалергардская“ психологія, далекая отъ психологіи соціалистовъ и демократовъ. Такъ, послѣ обнаруженія провокаціи Азефа, одинъ изъ „боевиковъ“ заявилъ, что онъ перестрѣляетъ членовъ Ц. К., если они посмѣютъ тронуть Азефа [2]). „У боевиковъ образовалась особая психологія,... если рядомъ стояли боевикъ и массовикъ, то они другъ друга часто не понимали. Наиболѣе вліятельный послѣ Азефа террористъ въ партіи с.-ровъ, напримѣръ, заявляетъ въ переговорахъ съ максималистами: „Мнѣ все равно, максималистъ ли вы, анархистъ или соціалистъ-революціонеръ. Мы оба—террористы“.

Вліяніе Азефа въ партіи было настолько велико, что въ 1904 году онъ организовалъ Ц. Комитетъ партіи, кооптируя въ него новыхъ членовъ.

Въ 1905 году, „въ дни свободъ“ происходитъ реорганизація боев. о., „такъ какъ было признано, что при тогдашнемъ положеніи нужно готовиться къ массовымъ выступленіямъ... Было рѣшено создать боевой центръ. Во главу

---

1) Цитируя „Заключенія слѣдств. комиссіи“, мы должны оговориться, что у „сл. комиссіи“ проявляется тенденція придавать слишкомъ большое значеніе руководящему центру и на него взваливать муссированіе террора. Между тѣмъ несомнѣнно въ партію с.-ровъ происходилъ отборъ лицъ, сочувствующихъ террору, который больше всего отдѣлялъ партію с.-ровъ отъ с.-д.

2) Тамъ же.

этого „центра“ также былъ избранъ Азефъ и его помощникъ по боевой организаціи.

Въ 1905 и 1906 годахъ дѣятельность боевой организаціи преслѣдуютъ „неудачи“, такъ какъ Азефъ, повидимому, не находилъ выгоднымъ дѣлать „удачныя“ террористическія покушенія.

Террористическая дѣятельность не только считалась въ руководящихъ кругахъ партіи „первымъ дѣломъ“, но и въ агитаціонной литературѣ партіи террору отводилось одно изъ первыхъ мѣстъ. Обыкновенно послѣ каждаго покушенія мѣстные комитеты выпускали прокламаціи, гдѣ старались объяснить цѣль и значеніе событія.

Въ 1905—6 годахъ террористическая дѣятельность боевой организаціи ослабѣваетъ, но во время и послѣ революціоннаго движенія усиливается стихійный терроръ, вызываемый столкновеніями во время революціоннаго движенія и его подавленіемъ. Террористическія покушенія дѣлаются отдѣльными лицами, принадлежащими къ партіи с.-ровъ, максималистами, анархистами въ отвѣтъ на жестокія правительственныя репрессіи. Терроръ ускользаетъ отъ руководящихъ круговъ партіи и въ 1906—7 годахъ является скорѣе результатомъ отчаянія и озлобленія, вызваннаго репрессіями. Съ 1908 года, отчасти подъ вліяніемъ раскрытія провокаціи Азефа, отчасти подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе укрѣплявшагося сознанія безплодности такой формы борьбы, терроръ исчезаетъ, хотя еще и проповѣдуется со страницъ центральнаго органа партіи. Несмотря на агитацію центральнаго органа, фактически террористическая дѣятельность въ партіи не имѣетъ никакого значенія и въ средѣ нѣкоторой части ея членовъ все болѣе и болѣе распространяется сначала робкое, а потомъ и открытое отрицательное отношеніе къ террору.

Партія с-ровъ въ 1905 году.

I.

Послѣ событій 9 января 1905 года революціонное движеніе въ массахъ выдвинуло агитацію среди массъ и въ партіи с. ровъ на первое мѣсто. Въ организаціяхъ партіи по-прежнему преобладала революціонная интеллигенція, массы по-прежнему мало участвовали въ организаціяхъ, но профессіоналы-революціонеры подходили ближе къ массамъ. Это сближеніе усиливалось по мѣрѣ роста массоваго движенія, до тѣхъ поръ, пока оно не пошло на убыль. Въ теченіе всего 1905 года мѣстными организаціями с.-ровъ распространяется колоссальное количество прокламацій, призывающихъ

къ вооруженному возстанію, къ всеобщей забастовкѣ, пропагандирующихъ программу и т. д. За первые мѣсяцы 1905 года нижегородскій комитетъ выпустилъ 17 названій различныхъ прокламацій, тифлисскій—7, брянскій—9, московскій—6, елисаветградскій—5, центральный комитетъ—11, петербургскій—8 и т. д.

Сочувствіе широкихъ круговъ интеллигенціи и оппозиціонно настроенной буржуазіи къ революціоннымъ партіямъ проявилось въ обильномъ притокѣ денегъ въ партію с.-ровъ. Такъ, бюджетъ заграничнаго комитета партіи въ 1905 году достигаетъ болѣе 15 тыс. франковъ въ мѣсяцъ, петербургскаго комитета колеблется въ предѣлахъ отъ 5 до 11 тыс. рублей въ мѣсяцъ. Бюджеты провинціальныхъ комитетовъ обыкновенно не достигали 1000 рублей въ мѣсяцъ, тѣмъ не менѣе и провинціальные комитеты получали достаточно средствъ для печатанія и распространенія агитаціонной литературы. Всѣ эти средства получались не отъ крестьянъ и рабочихъ, какъ въ западноевропейскихъ соціалистическихъ партіяхъ, а главнымъ образомъ отъ городской буржуазной интеллигенціи. Таково же положеніе было и въ партіи с.-демократовъ.

Въ 1906 году годовой бюджетъ центральнаго комитета партіи с.-ровъ по даннымъ доклада Штудтгартскому конгрессу достигаетъ 225 тыс. рублей [1]).

По мѣрѣ развитія общественнаго движенія число членовъ партіи и сочувствующихъ ей быстро растетъ, главнымъ образомъ на счетъ демократическихъ слоевъ городского и сельскаго населенія. Въ 1905 году появляется много рабочихъ группъ партіи с.-ровъ.

Наибольшій успѣхъ партія имѣетъ среди учащейся молодежи, сельскихъ учителей и вообще среди демократической интеллигенціи. Въ крестьянскомъ движеніи, какъ мы указывали, партія въ нѣкоторыхъ районахъ играла руководящую роль, а среди рабочихъ ея вліяніе въ процессѣ развитія общественнаго движенія все больше и больше росло. Ко времени созыва перваго партійнаго съѣзда въ концѣ 1905 года партія имѣла организаціи почти во всѣхъ областяхъ Россіи.

II.

Послѣ 17 октября 1905 года, въ періодъ „свободъ“ и широкаго массоваго движенія дѣятельность заграничныхъ литературныхъ группъ партіи с.-ровъ переносится въ Россію въ легальныя изданія. Изданіе центральнаго органа партіи „Революціонная Россія“ прекращается.

---

[1]) Rapport du parti socialiste. Rev. de Russie.

Въ 1905 году въ рукахъ литературной группы „Русскаго Богатства“ находился ежедневный органъ „Сынъ Отечества“. Въ ноябрѣ 1905 года въ него вступаютъ литераторы с.-ры, и „Сынъ Отечества“ фактически дѣлается главнымъ литературнымъ органомъ партіи.

Массовое освободительное движеніе побудило руководящіе круги партіи стремиться къ образованію массовой партіи. „Очередной задачей“ ставилось „собрать разрозненныя силы въ одну армію, слить въ одинъ могучій потокъ то, что существовало въ видѣ направленія, съ тѣмъ, что дѣйствовало въ качествѣ активной организаціи“. „Мы немедленно должны создавать открытыя организаціи, охватывающія возможно болѣе широкія массы и организаціи не только профессіональныя, т.-е. смѣшанныя въ партійномъ смыслѣ, но и опредѣленно партійныя,—кто можетъ оффиціальныя, кто не можетъ, по крайней мѣрѣ, оффиціозныя... Надо сдѣлаться возможно скорѣе не по одной лишь программѣ, не по однимъ лишь стремленіямъ и тенденціямъ, а и по составу, по широтѣ охвата массъ—дѣйствительно, истинной *народной* соціалистической партіей. Чѣмъ полнѣе будетъ использованъ въ этомъ отношеніи современный переходный періодъ, тѣмъ менѣе будутъ опасны для насъ всѣ попытки контръ-революціи, ибо тѣмъ большую площадь сопротивленія имъ можно будетъ противопоставить“ [1]).

„Всякому, кто имѣлъ какое-либо касательство къ организаціи конспиративной, хорошо извѣстно и понятно, что конспиративная организованность охватывать массъ не можетъ. Конспиративная организація, прочная и активная въ центрѣ, неизбѣжно становится все болѣе и болѣе слабой, расплывчатой и шаткой по мѣрѣ приближенія къ периферіи. Въ теченіе *подпольнаго* періода партійная периферія находилась въ состояніи совершенно неорганизованномъ. Она неизбѣжно играла роль пассивнаго матеріала, подвергающагося лишь со стороны *вліянію* организованныхъ партійныхъ кадровъ“... „Массы могутъ быть прочно и всесторонне охвачены лишь въ организаціяхъ, построенныхъ на широко демократическомъ началѣ, съ выборностью, подъотчетностью и контролемъ. Но требованія демократизма и требованія конспиративнаго существованія стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи“.

Но эти теоретическія пожеланія руководящіе круги партіи не только не могли, но и не желали осуществлять. Уже въ концѣ декабря на первомъ партійномъ съѣздѣ с.-ры разошлись съ литературной группой „Русск. Бог.“, пытавшейся впослѣдствіи создать легальную народно-соціалистическую партію. Постановленіе того же съѣзда бойкотировать не только выборы, но и избирательныя собранія отрывали партію отъ массы, а старыя партійныя

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 15 ноября 1905 г.

традиціи, въ особенности терроръ, противорѣчили и препятствовали вовлеченію массъ въ партійную организацію.

Тѣмъ не менѣе въ періодъ „свободъ“, когда свободное устное и печатное слово было доступно массамъ, когда сами массы искали „ораторовъ“, чтобы разобраться въ текущихъ политическихъ событіяхъ, дѣятельность членовъ партіи приняла совершенно открытый характеръ. Да иначе въ этотъ періодъ не могло и быть. Свободная печать, открытые массовые митинги, наконецъ возстанія, происходившія подъ руководствомъ революціонеровъ,—всѣ стороны общественно-политической борьбы имѣли открытый характеръ, захватывали всѣхъ революціонеровъ безъ различія партій и дѣятельность нелегальной организаціи была главнымъ образомъ открытой, хотя *организація* этой дѣятельности была конспиративной.

Въ образовавшихся во время „свободъ“ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ с.-ры также принимали участіе, хотя составляли въ нихъ меньшинство (за исключеніемъ бѣлостокскаго).

Въ петербургскомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ с.-ры также составляли меньшинство. Руководящую роль играли с.-демократы. Инициатива также большею частію исходила отъ нихъ. Но передъ ноябрьской забастовкой представители с.-ровъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ совершенно правильно высказывались противъ форсированія забастовокъ, указывая на переутомленіе рабочихъ. Эти благоразумныя указанія не были приняты, такъ какъ большинство совѣта высказалось за забастовку.

Среди крестьянъ партія с.-ровъ пользовалась бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ с.-демократы. Этимъ вліяніемъ партія обязана не только агитаціонной дѣятельности среди крестьянъ въ теченіе предыдущихъ лѣтъ, но и общему соціально-политическому міровоззрѣнію с.-ровъ. Среднему русскому крестьянству должна была болѣе импонировать партія, дававшая надежду сохраненія мелкаго хозяйства, уничтоженія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ и т. д., между тѣмъ какъ с.-демократы такой надежды не давали.

Образовавшійся въ 1905 году крестьянскій союзъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ с.-ровъ.

Существовавшій раньше крестьянскій союзъ партіи с.-ровъ не имѣлъ особеннаго значенія, такъ какъ представлялъ собою организацію агитаторовъ среди крестьянъ, входившихъ въ партію с.-ровъ. Масса крестьянъ стояла далеко отъ этихъ организацій и не входила въ нихъ.

Указъ 18 февраля 1905 года далъ легальное основаніе для организаціи крестьянъ. На этой почвѣ быстро вырастаетъ крестьянскій союзъ, якобы безпартійная организація, но, въ сущности, черезъ интеллигентовъ, стоящихъ во главѣ союза, тѣснѣе связанная съ партіей с.-ровъ, чѣмъ съ другими партіями.

Въ 1905 году, когда въ крестьянскій союзъ были вовлечены массы на почвѣ легальной (въ то время) организаціи, онъ имѣлъ характеръ „безпартійной“ организаціи, въ которой участвовали и с.-демократы, и с.-ры, и безпартійные. Но послѣ преслѣдованій правительства, когда на мѣстахъ крестьянскія организаціи стали распадаться, интеллигенты, стоявшіе во главѣ союза, встали въ болѣе близкія отношенія къ партіи с.-ровъ. Соглашеніе между представителями крестьянскаго союза и с.-рами на второмъ съѣздѣ 1907 года практическаго значенія не имѣло, такъ какъ за представителями „крестьянскаго союза“ уже никого не было и соглашеніе имѣло фиктивный характеръ.

Къ концу 1905 года партія с.-ровъ имѣла, такимъ образомъ, значительное число сторонниковъ во всѣхъ демократическихъ слояхъ русскаго общества и быстро усиливалась вмѣстѣ съ подъемомъ общественнаго движенія. Боевыя дружины, организованныя въ октябрѣ-ноябрѣ мѣс. 1905 года для отпора черносотеннымъ погромамъ, повидимому, были одинаковы по численности, какъ и у с.-демократовъ. Среди учащейся молодежи партія пользуется очень большимъ успѣхомъ. Среди демократической интеллигенціи партія с.-ровъ на-ряду съ партіей с.-демократовъ пользовалась наибольшимъ успѣхомъ. Кадры *членовъ* партіи, ея руководящіе кружки состояли главнымъ образомъ изъ „разночинной“ интеллигенціи. Когда во время наибольшаго подъема общественнаго движенія создались организаціи среди интеллигенціи по профессіямъ, болѣе демократическіе союзы были подъ значительнымъ вліяніемъ с.-ровъ: союзъ учителей, статистиковъ, отчасти желѣзнодорожный союзъ. Повидимому, у партіи были всѣ шансы сдѣлаться изъ небольшой подпольной организаціи большой массовой политической партіей. Между тѣмъ, уже во время выборовъ въ первую Думу крестьянскія массы выдвинули новую партію трудовиковъ, оставивши, такимъ образомъ, партію безъ того фундамента, на который она хотѣла опереться.

III.

Партія наканунѣ открытаго общественнаго движенія, также какъ и въ періодъ наибольшаго его развитія была организована централистически. Во главѣ партіи стоялъ центральный комитетъ, до перваго съѣзда въ декабрѣ 1905 года не избиравшійся партіей, а пополнявшійся „кооптаціей“, т.-е. приглашеніемъ новыхъ членовъ старыми членами. Такъ, въ 1904 году новыхъ членовъ кооптировалъ Азефъ. Центральный комитетъ черезъ своихъ уполномоченныхъ имѣлъ сношенія съ отдѣльными группами и мѣстными комитетами партіи с.-р.

Въ Петербургѣ, Москвѣ, университетскихъ городахъ, а также въ городахъ, гдѣ имѣлось значительное число членовъ партіи, были мѣстные комитеты, которые являлись центрами мѣстной дѣятельности по изданію прокламацій, брошюръ, организаціи пропаганды, агитаціи и проч.

Въ предѣлахъ даннаго большого города или губерніи организовались, гдѣ было возможно, отдѣльныя группы, которыя были связаны съ мѣстнымъ центромъ. Напримѣръ, въ большихъ городахъ были группы студентовъ, группы рабочихъ въ различныхъ районахъ города.

На первомъ съѣздѣ партіи былъ принятъ организаціонный уставъ, но фактически онъ слабо выполнялся.

Главныя основанія организаціи партіи по уставу заключались въ слѣдующемъ:

1) Члены каждаго органа партіи должны избираться и только въ интересахъ конспираціи кооптироваться. Фактически этотъ пунктъ плохо выполнялся. Съ ослабленіемъ общественнаго движенія партія ушла въ подполье, и выборы все болѣе и болѣе замѣнялись „кооптаціей“.

2) Мелкія сельскія и городскія группы образуютъ болѣе крупныя территоріальныя единицы уѣздныя, губернскія и областныя, во главѣ которыхъ стоятъ уѣздные, губернскіе и областные комитеты.

3) Съѣздомъ былъ избранъ центральный комитетъ изъ 5 членовъ, которые кооптаціей могутъ увеличить число членовъ до 10.

4) Совѣтъ партіи состоитъ изъ членовъ центральнаго комитета, изъ делегатовъ всѣхъ областей и представителей комитетовъ Петербурга и Москвы.

Наконецъ, съѣздъ партіи является высшей партійной инстанціей и долженъ созываться центральнымъ комитетомъ ежегодно. До настоящаго времени (1912 года) было только два съѣзда, первый въ декабрѣ 1905 года и второй въ февралѣ 1907 года.

Первый съѣздъ партіи.

Партія с-ровъ организовалась и развивалась централистически. Самое ея образованіе являлось результатомъ соглашенія главарей нѣсколькихъ группъ: Азефа, Гершуни и представителей заграничныхъ группъ. Центральная организація никѣмъ не избиралась, а образовывалась путемъ кооптаціи наиболѣе вліятельными членами партіи. Программы, утвержденной избранными представителями партіи, также не было, такъ какъ до 1905 года не было и съѣзда партіи. Существовалъ только проектъ программы, который обсуждался на страницахъ „Рев. Россіи“ и замѣнялъ программу.

Съ развитіемъ партіи, съ увеличеніемъ количества ея членовъ и ея общественнаго значенія обнаружилась потребность въ партійномъ съѣздѣ, достаточно авторитетномъ для утвержденія программы и для опредѣленія общей тактики партіи. Въ концѣ декабря 1905 года собрался съѣздъ партіи, на которомъ были представители слѣдующихъ организацій: петербургской, псковской, новгородской, рижской, центральной области, московской, тверской, ярославской, владимірской, калужской, тульской, нижегородской, орловской, рязанской, муромской, кіевской, харьковской, екатеринославской, курской, сѣверо-западной области, витебской, саратовской, астраханской, тамбовской, екатеринбургской, иркутской, красноярской, якутской, томской, таврической, уфимской, читинской, одесской, пензенской, смоленской, гомельской, самарской, елисаветградской, виленской, рославльской, козловской и бакинской. Такимъ образомъ были слабо представлены или совсѣмъ не представлены раіоны юго-западный, малороссійскій, сѣверный и южный Кавказъ.

Кромѣ представителей группъ партіи с.-ровъ на съѣздѣ принимали участіе нѣсколько литераторовъ изъ группы, образовавшей впослѣдствіи партію народныхъ соціалистовъ. Такимъ образомъ въ періодъ наибольшаго подъема общественнаго движенія на съѣздѣ с.-ровъ была попытка объединенія всѣхъ тогда существовавшихъ народническихъ теченій: трудовой группы тогда еще не существовало, а остальныя теченія, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались партія народныхъ соціалистовъ и партія максималистовъ, были на съѣздѣ представлены. Но на съѣздѣ, во время обсужденія наиболѣе важныхъ вопросовъ, особенно при обсужденіи программы и устава партіи, ясно проявилось рѣзкое и принципіальное различіе между н.-соціалистами и с.-рами съ одной стороны и между с.-рами и максималистами—съ другой. Группа, образовавшая впослѣдствіи партію нар.-соц., находила, что русская жизнь „пришла къ моменту, когда требуется выступленіе открытой политической партіи...“ „Теперь мы должны заняться собраніемъ живыхъ силъ и только тѣ, которые соберутъ народныя силы, только они и могутъ разсчитывать на успѣхъ. Только организованная народная сила можетъ создать партію и къ этому должны быть направлены всѣ усилія“. „Относительно привлеченія массъ выставлено возраженіе, въ которомъ сквозитъ мысль, какъ бы не ослабѣло настроеніе партіи... Рѣчь идетъ о томъ, переходить ли на путь открытой политической партіи или нѣтъ“. Другой представитель группы предлагаетъ на ряду съ существующей партіей с.-ровъ образовать другую, открытую партію, куда могли бы войти массы, неспособныя принять участіе въ конспиративной организаціи.

Высказывая правильныя мысли о необходимости вовлеченія массъ въ организованную политическую борьбу, представители группы ошибочно пред-

полагали, что легализація партіи сама по себѣ можетъ вовлечь массы въ партію и въ политическую жизнь. Впослѣдствіи, послѣ образованія партіи н.-с-овъ стало очевидно, что сама по себѣ легализація партіи еще не вовлекаетъ массы въ политическую жизнь. Различіе между с.-рами и н.-с.-ами проявилось и при обсужденіи программныхъ вопросовъ. Представители с.-ровъ, главнымъ образомъ, благодаря участію въ интернаціоналѣ, нѣсколько „европеизировались“ и, въ извѣстной степени, стояли на классовой точкѣ зрѣнія. „Мы — партія борьбы классовъ, а не какая-то „народная“, не какая-то расплывчатая масса“, говоритъ на съѣздѣ представитель партіи с.-ровъ въ международномъ соц. бюро. По мнѣнію н.-с.-овъ проектъ программы партіи, принятый съѣздомъ, „танцуетъ отъ той же роковой печки, — соціалдемократическихъ взглядовъ. Это и вноситъ эклектизмъ въ нашу программу“. Не соприкасаясь съ западноевропейскими соціалистическими партіями, представители группы н.-с.-овъ не могли примириться со смѣшеніемъ взглядовъ стараго народничества Михайловскаго и Лаврова съ марксизмомъ и осуждали такой эклектизмъ, правильно указывая на непослѣдовательность с.-ровъ. „Народъ“ отождествляется съ „рабочимъ классомъ“. „Въ программѣ с.-демократовъ есть пунктъ — диктатура пролетаріата. Какъ на него ни смотрѣть, но онъ имѣетъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Но „диктатура народа“ — это такой же абсурдъ, какъ диктатура надъ самимъ собой“.

При обсужденіи аграрной программы также взгляды группы н.-с.-овъ оказались нѣсколько иными, чѣмъ взгляды с.-ровъ. „Недопустимы принудительныя мѣры противъ наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ... Репрессіи противъ найма будутъ безцѣльны, разъ условія будутъ ему благопріятствовать“. Въ данномъ случаѣ сказался большій реализмъ н.-с.-овъ, которые, плохо разбираясь въ вопросахъ соціализма, лучше знали русскую дѣйствительность.

Съ другой стороны, лѣвое крыло с.-р.-овъ, будущіе максималисты указывали на то, что если программа партіи имѣетъ въ виду остановить развитіе капитализма, если возможна „соціализація земли“, то въ программѣ minimum слѣдуетъ выставить и требованіе „соціализаціи“ фабрикъ и заводовъ.

Оппоненты справедливо указывали, что если можно лишить земельной собственности мелкихъ собственниковъ, напримѣръ, башкиръ, то непослѣдовательно оставлять въ частной собственности фабрики и заводы. И справа, и слѣва на проектъ программы были сдѣланы справедливыя возраженія, но сами оппоненты предлагали утопическіе проекты: съ одной стороны, легализацію партіи путемъ чисто-формальнымъ, съ другой стороны „соціализацію“ въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ проектировали с.-ры.

Побѣдило среднее теченіе, одобрившее общія основныя положенія программы.

Въ основу программы было поставлено положеніе, что въ отсталыхъ странахъ капитализмъ не можетъ развиваться. „Взаимное соотношеніе между положительными и отрицательными сторонами (капитализма. П. М.), болѣе благопріятное въ высшихъ отрасляхъ индустріи и въ странахъ классическаго капитализма, становится все менѣе и менѣе благопріятнымъ при переходѣ къ различнымъ отраслямъ промышленности добывающей, въ особенности же къ земледѣлію, и къ цѣлымъ странамъ, хуже поставленнымъ въ международной экономической борьбѣ". Такимъ образомъ неблагопріятныя политическія условія въ Россіи для развитія капитализма и отсталость ея экономическаго развитія были приняты, какъ препятствіе развитію капитализма. Исходя изъ этого, а также „изъ наличности соціалистической интеллигенціи" и изъ общинныхъ и трудовыхъ воззрѣній, традицій и формъ жизни русскаго крестьянства, партія кромѣ общедемократическихъ требованій и требованій, выдвигаемыхъ положеніемъ рабочаго класса, болѣе или менѣе одинаковыхъ съ программными требованіями соціалдемократовъ въ аграрныхъ отношеніяхъ, выставляетъ въ своей программѣ требованіе „соціализаціи земли, т.-е. изъятія ея изъ товарнаго оборота и обращенія изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе". „Пользованіе землей должно быть уравнительно трудовымъ, т.-е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда". Въ вопросахъ общиннаго, муниципальнаго и земскаго хозяйства партія высказывается за развитіе всякаго рода общественныхъ службъ и предпріятій.

Кромѣ программы партіи на съѣздѣ обсуждался также вопросъ о предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу. Бойкотъ выборовъ былъ рѣшенъ единогласно; кромѣ того рѣшено было большинствомъ съѣзда бойкотировать и предвыборныя собранія и, слѣдовательно, не участвовать въ предвыборной агитаціи.

Рѣшеніе бойкотировать выборы на томъ основаніи, что народныя массы рвутся въ бой, и фактическое участіе ихъ въ выборахъ подтвердили лишь ту мысль, которую впослѣдствіи Гершуни высказалъ на второмъ съѣздѣ: что члены партіи знаютъ настроеніе тысячъ, съ которыми соприкасаются, но не знаютъ настроенія милліоновъ людей, съ которыми не имѣютъ соприкосновенія. Интеллигентскій составъ партіи и оторванность профессіональныхъ революціонеровъ отъ народныхъ массъ ярче всего обнаружились въ рѣшеніи бойкота выборовъ въ Гос. Думу.

Крестьянскія массы выдвинули новую партію трудовиковъ не столько потому, что с.-ры бойкотировали выборы, сколько потому, что демократическія тенденціи трудовиковъ болѣе соотвѣтствовали интересамъ и настроенію крестьянскихъ массъ, чѣмъ соціалистическія тенденціи партіи с.-ровъ. Впо-

слѣдствіи и во вторую Думу крестьяне выдвигали больше трудовиковъ, чѣмъ с.-ровъ.

II.

Какъ выше замѣчено, на съѣздѣ партіи с.-ровъ выяснились разногласія между народными соціалистами и с.-рами съ одной стороны и съ максималистами—съ другой. Эти разногласія, впослѣдствіи, повели къ образованію двухъ новыхъ партій народническаго теченія: партіи народныхъ соціалистовъ и партіи максималистовъ.

Вскорѣ послѣ съѣзда партіи с.-ровъ во время избирательной кампаніи стало очевидно, что съѣздъ сдѣлалъ глубокую и непоправимую ошибку, постановивши бойкотировать выборы и избирательную кампанію. Фактически с.-р-ы принуждены были участвовать въ избирательной кампаніи и, хотя съ малымъ успѣхомъ, агитировать за бойкотъ выборовъ. Масса населенія принимала участіе въ выборахъ и, несмотря на постановленіе бойкота, въ первую Думу было избрано нѣсколько с.-ровъ, входивш ихъ въ группу „трудовиковъ".

Правящіе круги партіи, какъ это часто бываетъ, не признались и впослѣдствіи, что была сдѣлана глубокая ошибка, а это въ свою очередь повело въ дальнѣйшемъ къ новымъ ошибкамъ, къ бойкоту третьей Думы и къ полной изоляціи партіи отъ массъ и къ полному уничтоженію *политической* дѣятельности и политическихъ выступленій партіи во время дѣятельности третьей Гос. Думы.

Уже въ маѣ 1906 года совѣтъ партіи долженъ былъ признать, что „1) Гос. Дума благодаря репрессіямъ правительства является оппозиціонной, что 2) въ Г. Думѣ находятся представители трудящихся классовъ, рабочихъ и „трудовыхъ „крестьянъ", что 3) Дума неизбѣжно вступитъ въ конфликтъ съ правительствомъ", что 4) этотъ конфликтъ поведетъ къ дальнѣйшему развитію революціоннаго сознанія массъ".

Поэтому совѣтъ партіи находитъ необходимымъ черезъ посредство думской трудовой группы агитировать въ *Думѣ* за учредительное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Послѣ роспуска первой Думы, въ ноябрѣ 1906 года собрался „третій" совѣтъ партіи, состоявшій изъ представителей сѣвернаго областного комитета, центральной области, Волги, юга, сѣверо-западнаго, сѣвернаго Кавказа и Закавказья.

Совѣту партіи предстояло рѣшить вопросъ о выборахъ во вторую Гос. Думу. Было очевидно, что бойкотъ выборовъ является неудачной тактикой,

и совѣтъ партіи рѣшилъ принять участіе въ предстоящихъ выборахъ для того, чтобы „использовать Гос. Думу для организаціи и революціонизированія массъ“.

Несмотря на выдѣленіе изъ партіи народныхъ соціалистовъ и максималистовъ, двойственный характеръ партіи, указанный „судебнослѣдственной комиссіей по дѣлу Азефа“, сохранился и остался съ одной стороны революціонно-демократическій боевизмъ, относившійся пренебрежительно къ дѣятельности среди массъ, къ выборамъ и ко всякой легальной дѣятельности, какъ къ малореволюціонному дѣлу, съ другой стороны массовики, видѣвшіе въ дѣятельности среди массъ главное дѣло партіи. Эта двойственность тенденцій въ партіи проявилась въ смѣнѣ бойкота выборовъ участіемъ въ нихъ и снова въ бойкотѣ, въ стремленіи съ одной стороны быть наиболѣе „революціонной“ партіей, понимая подъ революціонностью „боевизмъ“, съ другой стороны въ стремленіи опираться на массы. Эти противуположныя тенденціи проявлялись и у соціалдемократовъ въ видѣ большевизма и меньшивизма и проявлялись внѣшнимъ образомъ даже болѣе рѣзко, хотя у соціал-демократовъ не было террористовъ а, слѣдовательно, не было такого рѣзкаго противорѣчія между „боевизмомъ“ и „массовиками“.

Второй съѣздъ партіи, принявши рѣшеніе участвовать въ выборахъ во вторую гос. думу, далъ возможность партіи значительно расширить свое вліяніе на массы.

Послѣ роспуска первой Г. Думы.

Бойкотируя выборы въ Г. Думу и не принимая участія въ ея дѣятельности, партія въ значительной степени ослабила возможность своего вліянія на массы. Тѣмъ не менѣе общественный подъемъ давалъ партіи возможность пропаганды и агитаціи другимъ путемъ, путемъ печати. Притокъ матеріальныхъ средствъ давалъ возможность с.-рамъ въ огромныхъ размѣрахъ распространять свою литературу.

По отчету Штудтгартскаго конгресса [1]) въ первой половинѣ 1906 года имѣлось болѣе 20 ежедневныхъ газетъ соц. рев-наго направленія. Въ Петербургѣ и Москвѣ кромѣ переводныхъ книгъ было издано до 250 названій брошюръ и книгъ въ количествѣ около 4 милл. экземпляровъ.

Партійные агитаторы и пропагандисты продолжали расширять свою дѣятельность не только въ городахъ, но и въ деревняхъ.

Въ Петербургѣ издавалась большая ежедневная политическая газета

---

[1]) Bericht d. russisch. Social.-revol. Kongresses zu Stutgart.

(„Дѣло Народа“, „Народный Вѣстникъ“, „Голосъ“ и „Мысль“) въ количествѣ 43 тыс. экземпляровъ.

Послѣ роспуска первой Г. Думы преслѣдованія легальной печати повели къ увеличенію нелегальныхъ изданій партіи, хотя и легально еще выходилъ небольшой журналъ, мѣняя свои названія („Народный Вѣстникъ“, „Сознательная Россія“, „Новая Мысль“, „Наша Мысль“). По мѣрѣ сокращенія легальнаго издательства увеличивается изданіе нелегальной литературы. Послѣ роспуска первой Думы издавалось три нелегальныхъ журнала и одна рабочая газета „Трудъ“, печатавшаяся петербургскимъ комитетомъ въ количествѣ 20—25 тыс. экземпляровъ.

Благодаря такому широкому распространенію агитаціонной литературы, а также благодаря энергичной устной агитаціи, къ началу выборовъ во вторую Гос. Думу партія пользовалась большой популярностью среди различныхъ демократическихъ слоевъ общества. Ея успѣхи на выборахъ были, несомнѣнно, очень значительны. Напримѣръ среди петербургскихъ рабочихъ около половины уполномоченныхъ принадлежало къ сочувствующимъ партіи с.-ровъ.

Дѣятельность первой Государственной Думы больше всего сосредоточивала на себѣ вниманіе народныхъ массъ. Хотя первый съѣздъ партіи рѣшилъ бойкотировать выборы въ первую Государственную Думу, а до выборовъ во вторую Думу съѣзда не собиралось, тѣмъ не менѣе фактически с.-ры принимали участіе въ выборахъ во вторую Думу, увлеченные массой. „Признаемся добросовѣстно, говоритъ одинъ ораторъ на второмъ съѣздѣ партіи, что мы ошиблись, что мы увлечены общимъ потокомъ, что насъ притащили въ Думу наши низы, массы, а мы не сопротивлялись, не боролись“.

Съѣздъ партіи въ февралѣ 1907 года и долженъ былъ посвятить главную часть своихъ занятій вопросу объ участіи въ Государственной Думѣ, объ образованіи въ ней группы или фракціи с.-ровъ.

Не смотря на то, что выборы во вторую Госуд. Думу уже закончились и была избрана значительная группа с.-ровъ, на съѣздѣ было очень сильно представлено бойкотистское теченіе [1]), подготовленное всей предшествующей агитаціей и дѣятельностью партіи. Повидимому, и на второмъ съѣздѣ „боевистское“ теченіе преобладало надъ „массовиками“, придававшими главное значеніе организаціи и политическому воспитанію массъ, но „низы“ прини-

[1]) „Анкета... показала, что крестьянская и рабочая масса, несмотря ни на, что желаетъ идти въ Думу, а революціонная *партійная* интеллигенція по большей части осталась при прежнемъ мнѣніи, т.-е. за бойкотъ“.

мали участіе въ выборахъ и увлекли за собой наиболѣе вліятельные элементы с.-ровъ. „Первый разъ, когда мы бойкотировали Думу, говоритъ другой ораторъ на съѣздѣ, мы боялись остаться въ ней безъ своихъ представителей. Мы предсказывали черносотенную Думу. Второй разъ, снимая бойкотъ, мы уступали требованію главнымъ образомъ рабочихъ и крестьянскихъ группъ, для которыхъ эта Дума все-таки шагъ впередъ къ неизвѣстному будущему". Но считаясь съ фактомъ участія народныхъ массъ въ выборахъ и съ наличностью группы с.-ровъ, избранныхъ въ Думу, съѣзду пришлось приспособлять свою тактику къ новому положенію вещей. Тактика боевизма и терроризма находилась въ противорѣчіи съ той дѣятельностью, которой могла заняться группа с-ровъ въ Гос. Думѣ. Такимъ образомъ ставился вопросъ о томъ „придерживаться ли прежнихъ пріемовъ", или „отбросить старое, которое могло бы помѣшать думской работѣ, не только ослабить и урегулировать терроръ, но и совершенно отбросить его, при чемъ защитники послѣдняго мнѣнія указываютъ на слабыя стороны террора... До тѣхъ поръ, пока мы не были въ Думѣ, мы были дѣйствительно революціонерами, а какъ только намъ дали намекъ на законность, мы проявляемъ стремленіе къ ослабленію боевой тактики... Какой смыслъ намъ отбрасывать нашу боевую тактику изъ-за 45 с.-ровъ депутатовъ!" Защитники „боевой тактики" утверждали, что народъ готовъ къ возстанію и требуетъ оружія, что придавать значеніе думской дѣятельности не слѣдуетъ и т. д. Наиболѣе трезвый отвѣтъ на революціонную декламацію дали, какъ это ни странно, делегатъ татарской организаціи и Гершуни.

„Здѣсь говорили, сказалъ татарскій делегатъ, что не слѣдуетъ намъ увлекаться Думой, что народъ и безъ Думы хорошо понимаетъ и оцѣниваетъ насъ, с.-ровъ, что онъ и теперь готовъ къ выступленію, лишь стоитъ его побудить на это путемъ террористическихъ актовъ и партизанской войны. Товарищи эти аргументировали свое положеніе якобы громадной нашей побѣдой на выборахъ; они говорятъ, что мы выставили въ Думу 50 депутатовъ, что, слѣдовательно, за нами стоитъ 15 милліоновъ народа-избирателей. Нѣтъ, это иллюзія. Мы не выставили 50 депутатовъ и не проводили ихъ; если сбудется невѣроятное, что въ Думѣ окажется 50 чисто партійныхъ с.-ровъ, то и это дѣло не нашихъ рукъ. Вѣдь въ парламентскихъ странахъ политическія партіи выставляютъ при выборахъ *своихъ* кандидатовъ и ихъ стараются провести; было ли у насъ это, велась ли у насъ организованная выборная кампанія? Нѣтъ, депутаты наши преимущественно прошли въ Думу благодаря популярности своихъ личностей или какъ оппозиціонный элементъ; поэтому намъ не приходится строить планъ вооруженнаго возстанія на побѣдѣ на выборахъ и возлагать надежду на 15 милліоновъ избирателей... Народъ, пока, еще насъ не понимаетъ, и это происходитъ отъ того, что мы

до сихъ поръ не были лицомъ къ лицу съ широкой массой народа; трудовики, напримѣръ, выступившіе на политическую арену менѣе, чѣмъ годъ тому назадъ, обладаютъ большей популярностью, чѣмъ мы... Игнорируя Думу, мы кромѣ вреда ничего не создадимъ... Я не понимаю, какъ можетъ существовать думская фракція данной партіи, дѣйствія которой не согласованы съ общей тактикой партіи. Татарская организація п. с. р. вынесла мотивированную резолюцію о временномъ прекращеніи террора во время Гос. Думы».

Такую же трезвую ноту въ дебаты внесъ Гершуни, мнѣніе котораго и оказалось рѣшающимъ на съѣздѣ. „Здѣсь многіе делегаты, работающіе среди крестьянъ, передавали ихъ настроеніе: крестьяне отъ Думы ничего не ждутъ, вѣрятъ только въ вооруженное возстаніе. О рабочихъ и говорить нечего. Но, если такъ, спросимъ мы, въ чемъ же дѣло? Отчего же—возстанія нѣтъ, а есть крестьянскіе и рабочіе депутаты въ Думѣ? Я не сомнѣваюсь, что говорившіе тутъ делегаты совершенно вѣрно схватили и передали намъ настроеніе крестьянскихъ и рабочихъ массъ... но, съ маленькой оговоркой: тѣхъ массъ, съ которыми они, делегаты, сталкивались... вамъ передаютъ мнѣніе тысячи крестьянъ и рабочихъ... Но каково мнѣніе десятковъ милліоновъ, съ которыми наши делегаты не говорили и настроенія которыхъ они не знаютъ? У нашихъ работниковъ на мѣстахъ, вслѣдствіе конспираціи, замкнутости и ограниченности круга отношеній, создается, психологически неизбѣжный, такъ сказать, обманъ зрѣнія. Все время вращаясь среди распропагандированныхъ крестьянъ и рабочихъ... постепенно начинаютъ принимать мнѣніе и настроеніе этихъ, сравнительно, узкихъ круговъ за мнѣніе и настроеніе широкихъ массъ“.

Въ результатѣ преній съѣздомъ была принята резолюція объ образованіи въ Гос. Думѣ группы или фракціи (по усмотрѣнію Ц. К.) с.-р.-овъ, которая должна руководствоваться слѣдующей общей директивой: „Съѣздъ находитъ необходимымъ для нашихъ депутатовъ приложить всѣ старанія, не поступаясь принципами программы и тактики, выработать постоянное соглашеніе для координаціи выступленій всѣхъ соціалистическихъ и крайнихъ лѣвыхъ фракцій, а по вопросамъ общеполитическимъ въ борьбѣ съ правительствомъ стремиться координировать выступленія всей думской оппозиціи противъ правой, гдѣ только это окажется возможнымъ и не противорѣчащимъ партійной программѣ и тактикѣ“. Съѣздъ поручилъ Ц. Ком. партіи рѣшить, совмѣстно съ избранными въ Думу с.-р.-ами, вопросъ объ образованіи думской группы или фракціи на началахъ необходимой внутренней автономіи. Среди другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, нѣкоторое значеніе имѣлъ вопросъ о взаимоотношеніи между крестьянскимъ союзомъ и партіей с.-ровъ.

Въ организаціи крестьянскаго союза съ самаго начала создалось фаль-

шивое положеніе. Фактически почти никакой организаціи „всероссійскаго“ крестьянскаго союза не было, а было лишь бюро, организаціонно почти не связанное съ крестьянскими массами.

Наибольшая „организація“ крестьянскаго союза въ Донской области была фикціей, такъ какъ, составивши приговоры о присоединеніи къ крестьянскому союзу, крестьянскія массы кромѣ этихъ приговоровъ никакой связи съ крестьянскимъ союзомъ не имѣли, какъ не имѣли и организаціи.

Фактически въ крестьянскихъ организаціяхъ, гдѣ они были, работали или с.-ры или с.-демократы, а „бюро“ союза существовало лишь для представительства. Такимъ образомъ во время 2-го съѣзда партіи с.-ровъ крестьянскій союзъ, по словамъ одного оратора, являлся фикціей. „Весь онъ состоитъ изъ этихъ главныхъ бюро, бюро содѣйствій и т. д. Но развѣ можно совокупность этихъ лицъ назвать профессіонально политической организаціей. Эту профессіонально политическую организацію свободно можно было бы помѣстить вотъ въ этой комнатѣ и еще мѣсто осталось бы... Вс. кр. союза нѣтъ. Есть рядъ бюро“.

Рѣшено было „вступить въ переговоры съ Вс. кр. союзомъ „для урегулированія отношеній“ между нимъ и партіей.

Выборы во вторую Гос. Думу показали, что крестьянскій союзъ дѣйствительно былъ къ этому времени фикціей. Крестьяне и во 2-ю Думу выбирали главнымъ образомъ трудовиковъ.

С.-ры въ Гос. Думѣ.

I.

Несмотря на то, что партія с.-ровъ бойкотировала выборы въ первую Гос. Думу, народныя массы принимали участіе въ выборахъ, избирая тѣхъ лицъ, которыя были наиболѣе оппозиціонно настроены. Въ числѣ избранныхъ депутатовъ оказалось довольно много с.-ровъ и сочувствующихъ имъ. Сочувствующіе программѣ с.-ровъ депутаты не образовывали особой группы,—они всѣ вошли въ думскую группу трудовиковъ,—и, какъ отдѣльная группа, въ первой Гос. Думѣ проявили себя только одинъ разъ, представивши проектъ „основного земельнаго закона“, подписанный 33 депутатами и соотвѣтствовавшій программнымъ требованіямъ партіи с.-ровъ. Наиболѣе существенные пункты этого „проекта основного закона“ заключаются въ слѣдующемъ:

Всѣ граждане должны имѣть равное право пользованія землею. „Съ этою цѣлью долженъ быть образованъ общенародный земельный фондъ, въ который должны войти всѣ казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія и церковныя земли; въ тотъ же фондъ должны быть отчуждены помѣщичьи

и проч. частновладѣльческія земли, поскольку размѣры отдѣльныхъ владѣній превышаютъ установленную для данной мѣстности трудовую норму".

„Вознагражденіе за принудительно отчуждаемыя и добровольно уступаемыя въ общенародный фондъ земли частнаго владѣнія должно производиться за счетъ государства.

„Продажныя, залоговыя и дарственныя сдѣлки на землю должны быть немедленно пріостановлены.

„Земля, поскольку таковая можетъ служить для сельскаго хозяйства, отдается въ пользованіе всѣмъ желающимъ обрабатывать ее своимъ трудомъ, при чемъ въ очереди мѣстному населенію отдается преимущество передъ пришлымъ и земледѣльческому передъ неземледѣльческимъ. Каждый трудящійся имѣетъ право на усадебную осѣдлость въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ, и право на надѣлъ въ той мѣстности, гдѣ имѣется свободная (?) земля".

„Надѣленіе землей производится въ предѣлахъ трудовой нормы.. Всѣ имѣющіе менѣе продовольственной нормы получаютъ право на переселеніе за счетъ государства въ тѣ мѣстности имперіи, гдѣ въ землѣ имѣется избытокъ.

„Лицамъ, не имѣющимъ достаточно средствъ для обзаведенія всѣмъ необходимымъ для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счетъ государства въ формѣ ссудъ и пособій".

Повидимому, такіе земельные законы должны были быть наиболѣе соблазнительны для крестьянъ, особенно послѣдній пунктъ: полное обзаведеніе хозяйства на казенный счетъ. Между тѣмъ проектъ земельнаго закона трудовиковъ собралъ въ три раза больше подписей, чѣмъ изложенный проектъ с.-ровъ. Повидимому, крестьянскіе депутаты чувствовали утопизмъ проекта и поэтому отнеслись къ нему недовѣрчиво.

Кромѣ подачи проекта земельнаго закона депутаты с.-ры не дѣлали никакихъ самостоятельныхъ групповыхъ выступленій.

II.

Во вторую Гос. Думу депутаты с.-ры вошли довольно значительной группой въ 34 человѣка. Одинъ депутатъ ихъ группы (П. Успенскій) былъ избранъ въ числѣ секретарей президіума. Тѣмъ не менѣе дѣятельность группы въ Гос. Думѣ была довольно блѣдной, хотя и имѣла большое значеніе для партіи с.-ровъ. Слабость группы объясняется, разумѣется, не тѣмъ, что „ни одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи не могъ выступить кандидатомъ—(это было и у соц.-демократовъ), а тѣмъ, что партія была связана съ крестьянами и должна была считаться съ близкой ей по духу группой трудовиковъ. Въ свою очередь по-

слѣдніе, какъ представители буржуазной демократіи, часто шли за конституціонными демократами, которые такимъ образомъ иногда увлекали за собой все народническое крыло. Такъ случилось при обсужденіи министерской декларації [1]). На декларацію кадеты рѣшили отвѣтить „демонстративнымъ“ молчаніемъ, на этотъ разъ находя, что молчаніе покажется странѣ наиболѣе вразумительнымъ.

Кадеты, занятые „береженіемъ“ Думы, стремясь показать свою „дѣловитость“, хотѣли въ отвѣтъ на декларацію молча перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Группа с.-ровъ вмѣстѣ съ трудовой группой была увлечена к.-демократами на этотъ путь „дѣловитости“ и также рѣшила молчать, хотя соціалдемократическая фракція выступила съ рѣзкими рѣчами и съ формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ, заключавшей рѣзкую критику министерства. С.-ры присоединились къ большинству Думы, принявшему простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Точно также, когда с.-д. фракція рѣшила въ самомъ началѣ работъ Думы поставить вопросъ объ амнистіи, группа с.-ровъ шла за кадетами. Это впослѣдствіи объяснялось въ печати с.-ровъ тѣмъ, что с.-д. фракція „гонялась за внѣшними эффектами“. „Внѣшній эффектъ“ первыхъ выступленій с.-ровъ дѣйствительно былъ для нихъ неблагопріятенъ и, впослѣдствіи, с.-ры шли чаще съ с.-демократами, чѣмъ съ кадетами.

Имѣя въ виду использовать думскую трибуну для агитаціи и организаціи массъ, группа упомянутыми выступленіями встала въ противорѣчіе съ этими задачами. Но въ дальнѣйшей дѣятельности, поскольку это было по силамъ, группа с.-ровъ выполняла болѣе послѣдовательно основную задачу, поставленную партіей. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для разоблаченія антиконституціонной дѣятельности правительства было право интерпелляціи, которымъ с.-ры на-ряду съ соціалдем. фракціей удачно пользовались.

Изъ выступленій представителей группы с.-ровъ можно отмѣтить рѣчь Ржехина 12 марта съ объясненіемъ причинъ, вызывающихъ терроръ. На ту же тему говорилъ депутатъ Архангельскій по вопросу о военно-полевыхъ судахъ.

По вопросу о продовольственной помощи населенію группа с.-ровъ совмѣстно съ с.-демократами, трудовиками и нар.-соціалистами настаивала на организаціи комиссіи и разслѣдованія на мѣстахъ [2]).

Наиболѣе полно и обстоятельно группа с.-ровъ высказалась по аграр-

---

1) Въ отчетѣ штудтгартскому конгрессу молчаніе группы с.-ровъ въ отвѣтъ на декларацію министерства тѣмъ, что была опасность рѣзкой критикой правительства оттолкнуть отъ себя большинство крестьянскихъ депутатовъ.

2) См. ст. Ф. Данъ. Общая политика правительства. Обществ. движ. т. IV, ч. II.

ному вопросу [1]). Говорили рѣчи Зиминъ, Афанасьевъ, Хворостухинъ, Архангельскій, Ширскій-Пьяныхъ, Успенскій, Кирносовъ, Фокеевъ, Евреиновъ и Мушенко.

Деп. Евреиновъ подробно обосновывалъ требованіе въ программѣ партіи „соціализаціи" земли. Доказывая, что въ Россіи преобладаетъ общинное землевладѣніе, и указывая его преимущества, ораторъ предвидитъ, что при переходѣ земли въ общинное пользованіе произошла бы борьба, „но въ своемъ законопроектѣ группа с.-р.-овъ предусматриваетъ это положеніе. Проектъ вовсе не хочетъ уничтожить сейчасъ подворное владѣніе землей, онъ лишь распространяетъ и на это землепользованіе уравнительный принципъ".

Далѣе ораторъ высказывается за переходъ земли въ общинное пользованіе безъ всякаго выкупа и критикуетъ съ этой точки зрѣнія проектъ к.-демократовъ. Депутатъ Успенскій подвергаетъ рѣзкой критикѣ законъ 9 ноября, доказывая, что этотъ законъ „не поведетъ ни къ обезпеченію земельной собственностью крестьянскаго населенія, ни къ умиротворенію страны".

Наиболѣе обстоятельна была рѣчь деп. Ширскаго, обосновывавшаго поддержку предложенія народныхъ соціалистовъ объ образованіи мѣстныхъ комитетовъ для рѣшенія аграрнаго вопроса. „Комитеты, образованные на мѣстахъ, укажутъ общій характеръ того рѣшенія аграрнаго вопроса, который долженъ лечь въ основу думской работы, и, несомнѣнно, рѣшеніе это будетъ не въ сторону укрѣпленія частной собственности... Когда будутъ созданы такіе комитеты, то несомнѣнно создастся естественное взаимодѣйствіе, которое должно существовать между ними съ одной стороны, и Думой и думской комиссіей—съ другой". По предложенію группы с.-ровъ задачи мѣстныхъ комитетовъ должны заключаться въ слѣдующемъ.

Комитеты должны быть привлечены къ обсужденію самыхъ основаній земельной реформы и тѣхъ формъ, въ которыя они должны быть облечены по мѣстнымъ условіямъ.

На эти комитеты должно быть возложено собираніе всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ при разработкѣ земельной реформы.

До введенія въ жизнь земельной реформы, мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ должно быть предоставлено регулированіе арендныхъ цѣнъ и условій сельско-хозяйственнаго найма, гдѣ они имѣютъ кабальный характеръ.

Комитеты избираются на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Въ теченіе сессіи второй Гос. Думы группой с.-ровъ были подняты слѣдующіе запросы правительству:

---

1) Группа представила также свой проектъ земельнаго законодательства, принципы котораго остаются тѣ же, которые были поставлены въ основу проекта с.-ровъ, представленнаго въ первую Думу, и подписанный 104 депутатами.

Объ избіеніи полиціей и казаками публики въ Красноуфимскѣ.

Объ избіеніи политическихъ заключенныхъ въ Алгачинской тюрьмѣ.

О сѣдлецкомъ погромѣ.

Объ избіеніи полиціей рабочихъ на фабрикѣ Чешера.

О высылкѣ депутата первой Думы Маслова изъ Терской области.

Объ обыскѣ у с.-демократическаго депутата Озола.

Кромѣ того, отдѣльные ораторы изъ группы выступали и по поводу запросовъ, поднятыхъ другими фракціями.

При обсужденіи бюджета группа с.-ровъ, также какъ фракція с.-демократовъ и н.-соціалистовъ, отвергла бюджетъ до сдачи его въ комиссію.

Несмотря на то, что группа с.-ровъ была представлена въ Г. Думѣ слабыми силами, несмотря на непослѣдовательность въ нѣкоторыхъ случаяхъ тактики думской группы, ея дѣятельность, несомнѣнно, имѣла огромное значеніе для партіи. Участіе въ избирательной кампаніи столкнуло партію съ широкими народными массами, а рѣчи депутатовъ въ Г. Думѣ заставляли эти массы прислушиваться и ознакомляться съ задачами партіи.

Роспускъ второй Г. Думы не вызвалъ никакого отпора со стороны фракціи с.-ровъ, кромѣ прокламаціи, выпущенной отъ ея имени по поводу событія. Это объясняется тѣмъ, что уже наступилъ упадокъ революціоннаго настроенія въ массахъ, и фракція была фактически отъ нихъ оторвана. Въ сущности революція кончилась, и въ партіи съ этого времени начинаетъ преобладать революціонная фраза при полномъ ослабленіи политическихъ дѣйствій.

Послѣ роспуска второй Г. Думы.

I.

Повидимому, въ періодъ избирательной кампаніи во вторую Г. Думу и во время ея дѣятельности партія с.-ровъ достигла наивысшаго расцвѣта. Въ позднѣйшій періодъ ея силы быстро падаютъ.

Вслѣдствіе того, что партія была нелегальной и ея ростъ въ революціонный періодъ происходилъ не столько благодаря организаціонному строительству, сколько благодаря подъему настроенія, съ паденіемъ котораго таяла и партія, довольно трудно учесть организованныя силы партіи. Во всякомъ случаѣ, тѣ данныя, которыя имѣются въ отчетахъ партіи, нужно считать сильно преувеличенными.

Такъ, въ отчетѣ Штудтгартскому конгрессу считается, что аграрную программу партіи принимаютъ 27 милліоновъ человѣкъ, потому что ея проектъ подписанъ 140 депутатами. Имѣя въ виду эту оговорку, мы воспользуемся данными этого отчета для опредѣленія размѣровъ организаціи партіи.

Въ городѣ Москвѣ насчитывалось до 1.500 организованныхъ рабочихъ.

Въ Московской губерніи—425 организованныхъ крестьянъ и 3.800 организованныхъ рабочихъ.

Въ Нижегородской губерніи въ февралѣ 1907 года насчитывалось 500 организованныхъ рабочихъ, кромѣ того, въ Сормовѣ 200 рабочихъ и 80 организованныхъ крестьянскихъ группъ, изъ которыхъ только въ 8 группахъ насчитывалось 1.200 человѣкъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ кромѣ того была группа прикащиковъ въ 100 человѣкъ. Губернскій комитетъ с.-ровъ выпустилъ до 300 тыс. прокламацій, 4 номера „Солдатской Газеты“ и 3 № „Газеты Прикащиковъ“.

Во Владимірской губ. насчитывалось 2.028 членовъ партіи. Цифра, несомнѣнно, фантастическая, такъ какъ дѣятельность партіи въ этомъ районѣ началась съ октября 1905 года.

Въ Тверской губ.—700 членовъ партіи. Во второй Думѣ одинъ изъ депутатовъ отъ губерніи принадлежалъ къ партіи с.-ровъ.

Въ Рязанской губерніи—300 организованныхъ, а всѣхъ сочувствующихъ 4280. Одинъ изъ депутатовъ отъ губерніи былъ с.-ръ.

Въ волжскомъ районѣ с.-ры имѣли чувашскую организацію, агитація которой охватывала 1.053 крестьянскихъ общины; татарскую организацію, которая издавала татарскую газету. По отдѣльнымъ губерніямъ района размѣры организаціи по отчетамъ съ мѣстъ были слѣдующіе:

Въ Казанской губ. 100 организованныхъ рабочихъ и крестьяне 70 деревень въ 20 волостяхъ. Во вторую Думу было избрано два депутата с.-ра.

Въ Пензенской губ. „болѣе 400 организованныхъ деревень съ весьма сознательными членами партіи“, 200 организованныхъ рабочихъ и около 100 учащихся.

Въ Саратовской губ. 390 организованныхъ рабочихъ. Исключая Хвалынскаго уѣзда, нѣтъ ни одной деревни, въ которой не было бы соціалистовъ-революціонеровъ. Во вторую Г. Думу было избрано 4 депутата с.-ра.

Въ Астраханской губ. 171 организованный рабочій. Одинъ изъ депутатовъ отъ губерніи принадлежалъ къ группѣ с.-ровъ.

Въ сѣверномъ районѣ насчитывалось въ Новгородской губерніи болѣе 200 деревень съ крестьянскими партійными группами, въ Псковской губерніи 684 деревни съ 100 тыс. членовъ крестьянскаго союза и болѣе ста тысячъ (!) „сочувствующихъ“. Въ 1906 году было распространено 37 тыс. экз. прокламацій, 3.000 нумеровъ газетъ. Въ Архангельскѣ—350 организованныхъ рабочихъ, и въ Ригѣ 10—15 тыс. организованныхъ крестьянъ.

Въ сѣверо-западномъ районѣ размѣры организаціи по отчету были слѣдующіе: въ Смоленской губ. 530 организованныхъ крестьянъ и рабочихъ. Въ Брянскѣ 625 организованныхъ рабочихъ; въ Полтавѣ—175 организованныхъ деревень; въ Гомелѣ 700 организованныхъ рабочихъ и 2.200 кре-

стьянъ въ деревняхъ; въ Могилевѣ 85 организованныхъ рабочихъ и 75 крестьянскихъ организацій; въ Минскѣ 650 организованныхъ рабочихъ и крестьянъ; въ Гроднѣ—325 рабочихъ, въ Вильнѣ—500, въ Двинскѣ—391 рабочій и 200 распропагандированныхъ деревень, въ Витебскѣ—520 рабочихъ, 50 желѣзнодорожныхъ служащихъ и 260 учащихся (?), организованныхъ и 175 распропагандированныхъ деревень съ 2.300 организованныхъ крестьянъ.

Въ уральскомъ районѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, повидимому, была очень энергичная агитація. Такъ, отъ Вятской губ. во вторую Думу было избрано 4 депутата с.-ра. Въ г. Вяткѣ насчитывалось 173 организованныхъ рабочихъ. „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ пропаганда была во всѣхъ безъ исключенія волостяхъ“. Въ Сарапулѣ имѣлось 100 организованныхъ рабочихъ, въ Уфѣ болѣе 300 рабочихъ, въ Златоустѣ—175, въ Екатеринбургѣ 300 и т. д.

Въ Малороссіи, хотя нѣкоторыя цифры отчетовъ, несомнѣнно, фантастическія, тѣмъ не менѣе дѣятельность партіи была очень широко поставлена. Такъ, отъ Курской губ., гдѣ насчитывалось 175 организованныхъ рабочихъ, прошло 6 депутатовъ с.-ровъ. Въ Воронежской губ. были организаціи въ 75 деревняхъ, а пропаганда—въ 200, съ 1.700 организованныхъ крестьянъ, 80 рабочихъ и 600 сочувствующихъ рабочихъ. Въ Харьковской губ.—пропаганда въ 60 волостяхъ съ 1.595 организованныхъ и 39.000 (!) „сочувствующихъ“ крестьянъ. Въ Кіевской губ.—412 организованныхъ рабочихъ и пропаганда въ 8 изъ 12 уѣздовъ.

Въ южномъ районѣ, повидимому, наиболѣе сильная организація была въ Севастополѣ, гдѣ насчитывалось до 3.000 сочувствующихъ с.-рамъ рабочихъ. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ въ 19 деревняхъ было около 1.200 организованныхъ и около 24 тыс. сочувствующихъ крестьянъ.

На Кавказѣ въ Ставропольской губерніи было 200 организованныхъ членовъ партіи, въ Кубанской области 1080 крестьянъ и 125 членовъ союза учителей, въ Черноморской губ.—150 организованныхъ крестьянъ.

Въ Закавказьѣ насчитывалось 717 организованныхъ и 18.800 (!) сочувствующихъ партіи.

Точность приведенныхъ цифръ,—особенно числа „сочувствующихъ“, которыхъ едва-ли возможно сосчитать,—очень сомнительна, тѣмъ не менѣе многія данныя говорятъ за то, что въ 1906 году идейное вліяніе партіи с.-ровъ очень сильно расширилось. Бюджетъ организацій партіи возросъ до колоссальной цифры въ 800 тыс. марокъ, изъ которыхъ въ центральный комитетъ поступило 485 тыс. марокъ (225 тыс. рублей).

На-ряду съ агитаціонной дѣятельностью въ различныхъ пунктахъ Россіи совершаются террористическіе акты членами организаціи с.-ровъ. Такъ, въ Петербургѣ были убиты генералъ Минъ, военный прокуроръ Павловъ, гра-

доначальникъ Лауницъ, въ Москвѣ—Шуваловъ, въ Симбирскѣ Старынкевичъ и т. д.

II.

Въ періодъ общественнаго подъема, когда, въ сущности, партія выросла такъ быстро до описанныхъ выше размѣровъ, своимъ ростомъ она была обязана, главнымъ образомъ, именно этому подъему. Главная масса членовъ партіи с.-ровъ, также какъ и с-демократовъ, присоединившихся въ періодъ подъема, примыкала къ революціоннымъ партіямъ, пока было такое повышенное настроеніе. Будничная культурно-политическая работа въ періодъ упадка настроенія казалась слишкомъ мелкой, слишкомъ не-революціонной и „оппортюнистической", чтобы могла привлечь къ себѣ присоединившихся подъ вліяніемъ настроенія къ революціоннымъ партіямъ членовъ. Среди с.-ровъ, у которыхъ боевизмъ былъ въ особенномъ почетѣ, процессъ разложенія партіи сказался сильнѣе. Правда, въ своей печатной литературѣ с.-ры признавали всѣ виды культурно-политической дѣятельности, но фактически, по свидѣтельству „слѣдств. ком. по дѣлу Азефа" и по тону всей литературы с.-ровъ, на первое мѣсто ставился боевизмъ.

Процессъ разложенія партіи, начавшійся со второй половины 1907 года, проявился не въ расколахъ, не во внутреннихъ трeніяхъ, а почти въ полномъ исчезновеніи политическихъ выступленій и въ превращеніи партіи въ рядъ замкнутыхъ въ различныхъ пунктахъ подпольныхъ кружковъ, ничѣмъ себя *политически* не проявляющихъ. И чѣмъ болѣе слабѣла партія, тѣмъ сильнѣе стала господствовать въ верхахъ ея революціонная фраза.

Въ первомъ же номерѣ появившагося въ іюлѣ 1907 года нелегальнаго центральнаго органа партіи мы читаемъ, что послѣ 3 іюня „начинается новая эра, эра настоящей народной революціи, вышедшей изъ прежняго наивнаго фазиса, основывающейся на горькомъ жизненномъ опытѣ... И мы можемъ сказать: эра настоящей народной революціи въ Россіи начинается именно только теперь. Все, что было до сихъ поръ,—это была только прелюдія". При такомъ прогнозѣ партія рѣшаетъ бойкотировать выборы въ третью Г. Думу. „На этотъ разъ безцѣльность участія въ Думѣ по новому избирательному закону для массъ народа должна бы быть очевидна... Мы можемъ заранѣе категорическимъ образомъ заявить, что для насъ будущая Дума, какъ народное представительство, не существуетъ и что лежащій передъ нами періодъ есть періодъ борьбы всѣми средствами, борьбы по всей линіи".

Въ данномъ случаѣ съ партіей случилось то, отъ чего предостерегалъ Гершуни на второмъ ея съѣздѣ: свое собственное настроеніе и настроеніе

узкихъ круговъ, съ которыми сталкивались члены партіи, т.-е. самихъ же членовъ партіи, принималось за настроеніе массъ. И чѣмъ больше суживалась и исчезала связь съ народными массами, тѣмъ больше оптимизма въ руководящихъ кругахъ партіи.

3-е собраніе совѣта партіи, собравшееся въ началѣ іюля 1907 года, принимаетъ слѣдующія резолюціи о тактикѣ партіи: „Совѣтъ разсматриваетъ истекшій періодъ лишь какъ прологъ революціи, лишь какъ общій взрывъ недовольства... революція въ Россіи не только не подавлена, но, напротивъ, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе надежную точку опоры въ ростѣ недовольства и сознательности массъ". „Въ крестьянскихъ массахъ... партія ставитъ себѣ цѣлью: 1) способствовать развитію партизанской борьбы крестьянъ противъ агентовъ власти; 2) подготовлять и организовывать крестьянство для стачечной борьбы съ землевладѣльцами и 3) вносить организованность и планомѣрность во всякое естественно вытекающее широкое массовое выступленіе противъ властей и современнаго строя". Далѣе, принимая многое во вниманіе и, между прочимъ, то, „что передовые слои города и деревни достоточно подготовлены къ воспріятію идеи бойкота и могутъ увлечь за собою значительную часть трудящихся массъ, что этотъ бойкотъ явится наиболѣе сильнымъ и внушительнымъ отвѣтомъ на гос. переворотъ 3 іюня", совѣтъ постановляетъ бойкотировать выборы и „подготовить давленіе народнаго и общественнаго мнѣнія на лѣвыхъ депутатовъ Думы, если таковые будутъ, съ цѣлью побудить ихъ демонстративно удалиться изъ третьей Думы". Къ этому совѣтъ партіи „призываетъ всѣхъ, кто не измѣнилъ въ революціи... и не хочетъ невольно сыграть въ руку правительства и противореволюціонныхъ силъ". Этотъ курьезный призывъ въ такой формѣ былъ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что правительство въ свою очередь употребляло всѣ усилія, чтобы удалить изъ Г. Думы тѣхъ, кто не хотѣлъ „сыграть ему въ руку".

Центральный органъ партіи ведетъ жестокую полемику съ антибойкотизмомъ другихъ партій, называя антибойкотистовъ „игрушечнаго дѣла людишками".

Не занимаясь такими „игрушечными дѣлами", какъ выборы, партія „должна вести усиленную агитацію за вооруженное возстаніе... Партійныя организаціи должны заранѣе собрать всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣха (движенія): (количество и мѣста расположенія войскъ, склады оружія и боевыхъ припасовъ, планы телефонныхъ и телеграфныхъ линій и т. п.)". На страницахъ центральнаго органа даются подробные рецепты организаціи и дѣйствій партизанскихъ отрядовъ изъ крестьянъ. Напр. „партизанскіе отряды должны состоять, какъ правило, изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, ведущихъ обычную трудовую жизнь... Отряды дѣйствуютъ въ предѣлахъ инструкціи, составленной для нихъ губ. комитетомъ и утвержденной О. К. и подъ контролемъ губ. ко-

митета или того уѣзднаго, которому довѣритъ это губ. комитетъ. Для болѣе крупныхъ предпріятій губ. комитетъ можетъ соединять нѣсколько отрядовъ вмѣстѣ“ и т. д.

Находя, что с.-демократы, принимающіе участіе въ выборахъ, „развращаютъ революціонное сознаніе массъ“, центральный органъ все болѣе и болѣе увлекается стратегіей и все болѣе расширяетъ свои планы: не только военныхъ дѣйствій, но и борьбы съ земельнымъ законодательствомъ и экономической организаціи крестьянъ и рабочихъ и проч.

Указывалось даже на „опытъ“ „военно-боевой работы“ въ одной изъ губерній, закончившійся, разумѣется, очень печальными послѣдствіями для крестьянъ, хотя онъ и представлялъ собою какую-то игру въ потѣшныхъ. Очевидно находя военную муштровку отставныхъ солдатъ недостаточной, центральный органъ партіи въ 1908 году усиленно рекомендуетъ инструкцію, требующую обученія: „повороты одиночные и по частямъ, вздваиваніе рядовъ, построеніе фронта, колоннъ, ружейные пріемы („на изготовку“, „на плечо“), бой на штыкахъ, развѣдочная служба и сторожевая и т. д. „Послѣ прохожденія всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній... отрядъ разбивается по роду оружія отдѣльно артиллеристовъ, пулеметчиковъ, кавалеристовъ, саперъ телеграфистовъ“ и т. д. и т. д.

Разумѣется, передъ планами обученія „поворотамъ“, „вздваиванія рядовъ“ и проч. избирательная кампанія и дѣятельность въ Г. Думѣ казались „развращеніемъ революціоннаго сознанія массъ“ и дѣятельность с.-демократовъ и трудовиковъ въ Г. Думѣ подвергается жестокой критикѣ, такъ какъ партія с.-ровъ ставила болѣе широкія задачи.

Между тѣмъ на первой общепартійной конференціи въ августѣ 1908 года по отчетамъ съ мѣстъ констатируется почти полный развалъ партіи.

Такъ, по Петербургской губ. „работа ведется въ 5 уѣздахъ сравнительно лучше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ области, но и здѣсь работа не велика“. „Петербургская организація сильно подорвана“.

На Кавказѣ „партійныя организаціи существуютъ въ Баку, въ Тифлисѣ, отчасти (?) въ Батумѣ и Кутаисской губ. Остальныя организаціи распались“. „Количество организованныхъ рабочихъ и крестьянъ Областному Комитету точно неизвѣстно. Много разъ онъ запрашивалъ объ этомъ комитеты и организаціи, но ни откуда никакихъ данныхъ не получилъ. Вообще закавказская организація въ цѣломъ *и существуетъ и не существуетъ*. Организаціонной работы, систематическаго строительства нѣтъ“.

На сѣверномъ Кавказѣ „такъ какъ съ осени 1907 года вымогательства денегъ стали практиковаться все чаще и чаще“, то въ результатѣ было распущеніе областного комитета и полное распаденіе сѣверо-кавказской организаціи. „Осталось ли что-нибудь отъ старой крестьянской организаціи

въ Ставропольской губ.—неизвѣстно. Осетинская организація п. с. р. существовала, но теперь нѣтъ".

Въ Уральской области „рядомъ съ ослабленіемъ организаціонныхъ силъ на Уралѣ шло развитіе различныхъ боевыхъ группъ, составлявшихся изъ элементовъ, часто совершенно чуждыхъ соціализму и революціи".

Въ южномъ раіонѣ „всѣ... данныя съ полной очевидностью доказываютъ, что партійныя организаціи, по своей крайней малочисленности, совершенно не въ состояніи, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, удовлетворять требованіямъ и запросамъ массъ".

Въ волжскомъ раіонѣ большинство общегубернскихъ комитетовъ разрушилось, только въ Саратовѣ и Астрахани они существуютъ; въ Симбирскѣ и Самарѣ организаціи разрушены. Въ Казани организаціи почти нѣтъ; о Самарской организаціи нѣтъ свѣдѣній. Въ центральныхъ губерніяхъ только въ Нижнемъ, Рязани и Орлѣ существовали болѣе или менѣе стройныя организаціи.

Въ Донской области организаціи не существуетъ. Въ Москвѣ „полный разгромъ организаціонной комиссіи и всѣхъ тѣхъ организацій, которыя ей удалось возсоздать. Въ Малороссіи „губернскіе комитеты отсутствуютъ въ губерніяхъ Кіевской, Курской, Черниговской, Волынской и Подольской; въ губерніяхъ Воронежской и Полтавской комитеты состоятъ изъ трехъ человѣкъ".

Въ украинской области деморализація: „съ одной стороны привлеченіе массъ къ широкимъ революціоннымъ выступленіямъ, всевозможные планы на этотъ счетъ, съ другой стороны полное отсутствіе идейнаго руководства" [1]).

Это положеніе, называемое докладчикомъ „деморализаціей", создавалось центральнымъ органомъ, который на своихъ страницахъ, какъ мы показали, создавалъ „планы" и жестоко ругалъ другого рода тактику. Когда же въ Воронежской губерніи попытались послѣдовать плану, напечатанному на страницахъ главнаго органа, „Ц. К. отнесся... отрицательно къ плану массоваго крестьянскаго возстанія" послѣ того, какъ оно въ самомъ началѣ было подавлено съ массою жертвъ. Тогда „нашли, что постановка этой работы грѣшитъ существенной неправильностью, что товарищи слишкомъ муссируютъ настроеніе и преувеличиваютъ готовность къ выступленію '. Этотъ приговоръ цѣликомъ могъ относиться къ центральному органу, который въ іюлѣ 1907 года утверждалъ, что „настоящая революція начинается только теперь» [2]).

Констатированное конференціей ослабленіе партіи ничуть не заставило ее пересмотрѣть тактическія ошибки, сдѣланныя ею. Напротивъ, конференція усмотрѣла только „организаціонный кризисъ", вызванный только

---

[1]) Протоколы 1 общепарт. конфер. п. с. р., стр. 23—53.

[2]) „Наши партійныя организаціи должны выдвигать, поддерживать и развивать партизанскую борьбу крестьянства"... „Зн. тр." 30 авг. 1907 года.

неблагопріятными внѣшними условіями, для устраненія котораго выработала инструкцію: комитеты должны состоять не менѣе, чѣмъ изъ 3 членовъ; право распускать организаціи низшаго порядка принадлежитъ Ц. К. и т. д. и т. д.

Кромѣ резолюцій объ „углубленіи“ пропаганды и проч. была принята резолюція о борьбѣ съ выдѣлами изъ общины путемъ 1) „усовершенствованія общественныхъ распорядковъ, положенныхъ въ основу нашего аграрнаго законопроекта, въ цѣляхъ большей ихъ справедливости“, 2) борьбы путемъ общественныхъ приговоровъ съ требованіями выдѣла, 3) бойкота кулаковъ и тѣхъ членовъ общины, которые стремятся выдѣлиться съ цѣлью захвата большаго количества земли, чѣмъ какая пришлась бы на ихъ семьи въ случаѣ новаго передѣла и 4) соглашенія съ переселенцами и пролетаризированными элементами деревни, стремящимися развязаться съ надѣльной землей, потому что не могутъ или не хотятъ вести на ней собственное хозяйство (напримѣръ, выдача имъ пособій (!) на извѣстныхъ условіяхъ и т. п.)“.

Такимъ образомъ при констатированіи кризиса въ партіи конференція приняла резолюціи явно не осуществимыя даже силами большой организованной партіи и поставила задачи, которыя не можетъ ставить политическая партія (усовершенствованіе общинныхъ порядковъ, выдача пособій и т. д.). Кромѣ того, проповѣдь бойкота милліоновъ выдѣлившихся крестьянъ не только была вредной, но и вносила бы расколъ въ среду „трудового“ крестьянства, на единствѣ интересовъ котораго партія основала свою программу.

Въ принятыхъ конференціей резолюціяхъ ясно сказался не организаціонный кризисъ партіи, какъ утверждали руководящіе круги партіи, а кризисъ идейный. Это и проявилось въ томъ, что резолюціи или противорѣчили предыдущей дѣятельности партіи, или были не осуществимы и являлись лишь отпиской, явно не осуществимой. Такъ раньше проповѣдывалась „поддержка“ „партизанскихъ выступленій“, а резолюція конференціи относится отрицательно „къ проектамъ частичныхъ массовыхъ выступленій“, борьба съ земельнымъ законодательствомъ является явной отпиской и т. д.

Кризисъ выразился и въ томъ, что, бойкотируя Г. Думу, партія лишила себя возможности открытыхъ политическихъ выступленій и ея политическая дѣятельность замерла. Оставались лишь замкнутыя подпольныя партійныя ячейки, которыя политически не могли себя проявить, хотя и могли сохраняться долгое время.

Но въ руководящихъ кругахъ партіи этого кризиса не замѣчали и, какъ видно по резолюціямъ конференціи, для партіи ставились задачи, совершенно ей непосильныя.

Между тѣмъ вскорѣ послѣ конференціи обнаружилась провокація Азефа, одной изъ центральныхъ фигуръ въ партіи.

Однако и этотъ ударъ, нанесенный партіи съ тылу, не могъ побудить ее искать болѣе глубокихъ причинъ партійнаго кризиса. Провокація Азефа была объяснена недосмотромъ руководящихъ круговъ партіи и за этотъ „недосмотръ“ поплатился Ц. К., члены котораго были смѣнены и замѣнены другими. Кризисъ снова былъ названъ „организаціоннымъ“, а отколъ нѣкоторыхъ группъ (максималистовъ, „револ. мысли“) названъ „консолидаціей“ партіи. Эта „консолидація“ партіи продолжалась вплоть до послѣдняго времени, выражаясь въ болѣе и болѣе рѣзкой критикѣ тактики и даже программы партіи.

Различныя теченія въ партіи с.-р.-овъ.

I.

Различныя интеллигентскія группы, вошедшія въ партію с.-р.-овъ, могли уживаться другъ съ другомъ лишь благодаря „синтетичности“ ея программы и тактики, благодаря тому, что въ партіи имѣли мѣсто и терроръ, и пропаганда и агитація, и легальная организаціонная дѣятельность въ профессіональныхъ союзахъ, кооперативахъ и проч. Тѣмъ не менѣе рано или поздно противорѣчіе дѣятельности различныхъ группъ партіи проявлялось и приводило или къ расколу, или къ существованію внутри партіи особыхъ оппозиціонныхъ теченій, которыя не выдѣлялись въ особую партію.

Выше мы замѣтили, что въ партіи особенно сильно представлено было „боевистское“ теченіе, которое привело нѣкоторыя группы къ анархизму и даже бандитизму.

Уже въ 1904 году въ Женевѣ среди с.-р.-овъ группа въ 25 человѣкъ высказывается „за организацію и осуществленіе на мѣстахъ аграрнаго и политическаго террора, въ цѣляхъ устрашенія и дезорганизаціи всѣхъ непосредственныхъ представителей и агентовъ современныхъ господствующихъ классовъ“.

По свидѣтельству В. Чернова, „Ц. К. партіи ничего не имѣлъ противъ того, чтобы сторонники аграрнаго террора поѣхали на работу въ Россію... но при одномъ условіи: при обѣщаніи съ ихъ стороны строгой лойяльности по отношенію къ партіи“... Ц. К. далъ сторонникамъ аграрнаго террора всѣ необходимыя имъ средства для работы въ Россіи. Аграрники получили напутственное письмо „бабушки“ (Брешковской), которая писала: „не тратьте время въ дебатахъ о той или другой формулировкѣ вопроса“. Мы же говорили, что она послѣдуетъ за началомъ дѣйствій, и что сама

работа покажетъ, какъ высказаться партіи относительно даннаго вопроса въ окончательной формѣ".

Въ Россіи тенденціи максимализма и анархизма получили дальнѣйшее развитіе. Въ одной изъ прокламацій группа с.-р.-овъ писала: „противъ своихъ враговъ народъ не пойдетъ съ выборными билетиками въ рукахъ, онъ пойдетъ съ дубиною". Въ другой прокламаціи, выпущенной въ ноябрѣ 1904 года противъ еврейскихъ погромовъ: „мы трудовой народъ и мы готовы каждому, кто сидитъ у насъ на горбу, свернуть шею. Мы не прочь выпить съ горя, но косушка не вышибетъ и совѣсти, и принимаясь за дѣло, мы будемъ твердо помнить: бей чиновниковъ..., капиталистовъ и помѣщиковъ! Бей покрѣпче!" и т. д.

Въ сѣверо-западномъ краѣ „с.-ровскіе элементы открываютъ непосредственную кампанію противъ „имущихъ" въ видѣ требованій денегъ отъ частныхъ лицъ,—требованій, подкрѣпляемыхъ угрозами, а иногда и насильственными дѣйствіями".

Въ 1905 г. анархистскія тенденціи начинаютъ проявляться наиболѣе сильно въ московской организаціи с.-ровъ. Недовольство мѣстной оффиціальной партійной организаціей привело къ образованію на-ряду съ московскимъ комитетомъ партіи с.-р.-овъ „московской организаціи партіи с.-р.-овъ".

Уже на первомъ съѣздѣ партіи с-ровъ происходятъ столкновенія съ максималистами на почвѣ разногласій по вопросамъ программы и тактики. Максималисты высказывались противъ программы minimum за немедленную экспропріацію фабрикъ и заводовъ.

Анархистскіе элементы на съѣздѣ оказались въ ничтожномъ меньшинствѣ и дальнѣйшія столкновенія оппозиціонеровъ съ ортодоксальными с.-рами привели, въ концѣ концовъ, къ присоединенію ихъ къ партіи максималистовъ.

Еще въ качествѣ с.-р.-овъ московскіе максималисты произвели въ 1906 году колоссальную почти милліонную экспропріацію въ Московскомъ Купеческомъ Банкѣ. Это привело къ тому, что „московская оппозиція", „располагая небывалыми въ революціонной исторіи денежными средствами, могла разсчитывать на быстрое расширеніе своего дѣла. Она завела широкія сношенія съ различными мѣстными партійными организаціями, стараясь привлечь ихъ на свою сторону и не скупясь на денежную поддержку".

Къ московской организаціи присоединился сѣверный кавказскій союзъ партіи с.-р.-овъ, но черезъ годъ снова вернулся въ лоно партіи.

Партія максималистовъ выдѣлилась формально изъ партіи с.-р.-овъ въ октябрѣ 1906 г.

Московская „оппозиція" въ концѣ декабря присоединилась къ макси-

малистамъ и, такимъ образомъ, анархистскіе элементы въ этотъ періодъ совершенно выдѣлились изъ партіи с.-р.-овъ.

II.

Весной 1908 года появляется органъ бланкистскаго крыла партіи с.-р.-овъ «Революціонная мысль».

Въ міровоззрѣніи стараго народничества большое мѣсто занимала вѣра въ крупное историческое значеніе иниціативной личности, которая можетъ вести за собою пассивную толпу. Въ партію с.-р.-овъ входили, какъ бланкистскіе элементы, вѣровавшіе въ рѣшающее значеніе въ народной жизни «иниціативнаго меньшинства», такъ и «массовики», полагавшіе надежды на организацію массъ. Наиболѣе непримиримые сторонники заговорщичества и выступили въ 1908 году со своимъ органомъ. Это была, сравнительно небольшая группа эмигрантовъ, живущихъ за границей, совершенно не связанныхъ съ русской жизнью и поэтому «свободныхъ» строить самые фантастическія теоріи освобожденія Россіи.

Роль группы, примыкающей къ органу «Революціонная мысль», свелась только къ критикѣ партіи с -р.-овъ съ точки зрѣнія заговорщиковъ, надѣющихся путемъ заговора измѣнить политическій строй Россіи. По мнѣнію этого органа, «ошибка, общая почти всѣмъ революціоннымъ партіямъ, ошибка, сыгравшая пагубную роль въ переживаемомъ нынѣ кризисѣ, заключается въ преувеличенной вѣрѣ въ возможность и необходимость массоваго народнаго движенія и въ недостаточномъ признаніи значенія самостоятельной борьбы партіи, непосредственно атакующей, какъ иниціативное меньшинство»... «Партія соціалистовъ-революціонеровъ оказалась увлеченною общимъ потокомъ. Партія, связанная традиціями съ «Народной Волей», партія, начертавшая на своемъ знамени принципъ творческой роли иниціативнаго меньшинства,—въ моментъ, требовавшій болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, безпощадно-трезвой критики и неуклонно-послѣдовательной тактики, — отдала дань тѣмъ же ошибкамъ, тѣмъ же иллюзіямъ». «Молодые» соціалисты-революціонеры, по мнѣнію «Р. М.», воспитались «на эклектической системѣ марксизма съ поправками и дополненіями», взятыми у стараго народничества, у Михайловскаго и Лаврова. «Это привело къ тому, что современный кризисъ показалъ крайнюю необходимость скораго и неотложнаго пересмотра программы и идейно-теоретическаго міросозерцанія партіи с.-р.-овъ». «Развитіе теоріи и практики активнаго дѣйствія иниціативнаго меньшинства, пересмотры теоретическаго міросозерцанія, перевоспитаніе и реорганизація партіи, — вотъ задачи, которыя ставилъ органъ. Называя филистерами и

невѣждами всѣхъ тѣхъ, кто не вѣруетъ въ роль «инициативнаго меньшинства», называя «оффиціальную духовную пищу» с.-р.-овъ «революціонной окрошкой изъ догмы, критики и пережитковъ», «эклектической смѣсью народничества, марксизма и анархизма, «Революціонная Мысль» давала со своей стороны лишь два вывода: «русская революція не неизбѣжна, поэтому революцію *необходимо сдѣлать*». Хотя ничего, кромѣ этихъ выводовъ новый органъ не давалъ, тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ недовольства центральными учрежденіями партіи послѣ обнаруженія провокаціи Азефа большинство парижской группы откололось. Группа вышла изъ состава заграничной федераціи группъ содѣйствія партіи с.-р. и нѣкоторое время находилась въ оппозиціи. Но въ скоромъ времени эта оппозиція распалась.

III.

Оффиціальный органъ партіи продолжалъ утверждать, что въ отношеніяхъ общественныхъ классовъ въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе ничего не измѣнилось, что передъ партіей стоятъ тѣ же задачи и тѣ же методы борьбы, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, при возникновеніи партіи.

Между тѣмъ общественныя отношенія настолько измѣнились, что такого рода увѣренія явно противорѣчили дѣйствительности: «трудовое» крестьянство, на «общинныя традиціи» котораго партія хотѣла опереться, проектируя соціализацію земли,—раскололось, крестьяне массами стали выходить изъ общины, разрушать ее, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря: единоличныхъ собственниковъ и общинниковъ. «Буржуазно-собственническія» начала захватили деревню, а, слѣдовательно, рушится и основаніе «соціализаціи земли». Съ другой стороны, интеллигенція стала уходить отъ соціализма, и оставался вѣренъ ему только рабочій классъ, объ «антиколлективистскомъ черепѣ» котораго с.-р.-ы писали еще въ 1904 г. Вмѣсто того, чтобы пересмотрѣть исходные пункты программы и тактики, которые привели партію къ кризису, совѣтъ партіи въ 1909 году рѣшилъ для борьбы съ земельнымъ законодательствомъ дать слѣдующіе директивы: 1) «Упорное отстаиваніе лозунговъ («земли не покупать», «не арендовать» и т. д.), гдѣ оно практически безнадежно, должно уступить мѣсто выработкѣ такихъ рѣшеній этихъ вопросовъ, которыя были бы въ большемъ согласіи съ принципами нашей программы, напримѣръ, *покупка земли* обществами, 2) «при выдѣлахъ изъ общины... должно быть сохраненіе въ распоряженіи общества земель выдѣляющихся переселенцевъ и пролетаризированныхъ элементовъ деревни *путемъ выдачи имъ пособій*», *оставляя за ними право на землю.*

Оффиціальные защитники партійной программы и тактики, разумѣется, и сами понимали, что приведенные «лозунги» являются простой отпиской, и настаивали, что мѣнять эти лозунги не приходится, «какъ бы безнадежно ни было ихъ проведеніе при данныхъ условіяхъ, при данномъ настроеніи массъ».

Естественно, что внутри партіи стало развиваться критическое отношеніе къ программѣ и тактикѣ партіи. Органомъ критиковъ сдѣлались «Областныя извѣстія заграничныхъ группъ партіи с.-р.», гдѣ критиковалась и программа и тактика партіи. «Рушится опора, основаніе, рушится и построеніе, выводъ. Рушится община,—рушится и соціализація земли, какъ требованіе нашей минимальной программы», пишетъ одинъ авторъ. Другой авторъ дѣлаетъ выводъ, что вредно хранить лозунги «какъ бы безнадежно ни было ихъ проведеніе». «Теперь необходимо пересмотрѣть, переработать и измѣнить программу... необходимо подвергнуться опасной,—быть можетъ, самой жизни партіи угрожающей операціи».

Критикѣ подвергалась и тактика партіи, тактика заговорщичества и кружковщины, которая привела къ разрыву съ массами. Критики находили нецѣлесообразнымъ терроръ, бойкотъ выборовъ въ Государственную Думу и т. д.

Между тѣмъ оффиціальный органъ, признавши критиковъ «ликвидаторами» партіи, продолжалъ утверждать, что проведеніе аграрной программы въ настоящее время сводится «къ заботамъ о процвѣтаніи мелкаго землевладѣнія», къ заботамъ «о надлежащемъ размѣрѣ (мелкаго) хозяйства, достаточномъ, чтобы занять рабочія силы крестьянской семьи».

Очевидно, что такая позиція не могла удовлетворить сколько-нибудь самостоятельно мыслящихъ членовъ партіи. Въ концѣ 1911 года появляется новая группа, группирующаяся вокругъ органа «Починъ». Эта группа вслѣдъ за группой изъ «областныхъ извѣстій», хотя и болѣе робко, критикуетъ тактику партіи, относится отрицательно къ бойкоту Государственной Думы и къ террору, хотя и не рѣшается критиковать программу партіи. Отдѣленіе почти всѣхъ литературныхъ силъ партіи отъ ея оффиціальнаго органа совершенно ослабило его идейное руководство, и въ послѣднее время было уже трудно опредѣлить, каково руководящее мнѣніе въ партіи по тому или другому коренному вопросу программы и тактики партіи.

Партія трудовиковъ. («Трудовая группа»).

1) Трудовики въ первой Государственной Думѣ.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ представляла собою организацію элементовъ революціоннаго романтизма въ народническомъ теченіи. До 1905 года она была организаціей интеллигентовъ, которые во время массоваго движенія стояли во главѣ тѣхъ элементовъ рабочей и крестьянской массы, которые надѣялись на коренной переворотъ политическихъ и соціальныхъ отношеній путемъ единовременнаго натиска.

Романтизмъ, присущій партіи соціалистовъ-революціонеровъ, мѣшалъ не только правильной оцѣнкѣ своихъ собственныхъ силъ и оцѣнкѣ значенія будничной политической и экономической борьбы, но и оцѣнкѣ настроенія народныхъ массъ и ихъ конкретныхъ интересовъ.

Поэтому, когда были объявлены выборы въ первую Государственную Думу, когда с-ры и часть соціалъ-демократовъ объявили бойкотъ этихъ выборовъ, было неизбѣжно появленіе новой партіи, которая была бы болѣе реалистической, которая лучше отражала интересы крестьянскихъ массъ. Такой партіей и явилась „трудовая группа“.

Избирательная кампанія въ первую Государственную Думу началась и проходила при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ для демократическихъ элементовъ населенія. Со стороны крайнихъ лѣвыхъ партій (крестьянскаго союза, соціалистовъ-революціонеровъ и значительной части с.-демократовъ) населеніе слышало призывъ къ бойкоту выборовъ. Правыя партіи встрѣтили со стороны администраціи активную поддержку; отъ оппозиціи активно выступала за выборы только конституціонно-демократическая партія, программа и тактика которой не соотвѣтствовала интересамъ и стремленіямъ наиболѣе демократическихъ элементовъ населенія. Такимъ образомъ, не было ни одной партіи, которая могла бы выступить на выборахъ и отразить настроеніе и интересы демократіи, въ особенности интересы крестьянства.

Бойкотистское настроеніе соціалистическихъ партій побудило нѣкоторые демократическіе кружки интеллигенціи къ образованію новой партіи, которая взяла бы на себя инпціативу политической организаціи демократіи во время выборовъ въ Государственную Думу. Первой попыткой такой организаціи является обращеніе „къ избирателямъ“, напечатанное за подписью В. А. де-Плансона еще 24 января 1906 года въ „Нашей Жизни“. Де-Плансонъ обращается ко всѣмъ демократамъ, не принадлежащимъ къ какимъ-либо

партіямъ, объединиться вокругъ ближайшихъ неотложныхъ „интересовъ труда“. „На основѣ интересовъ труда долженъ быть рѣшенъ крестьянскій вопросъ, на этой только основѣ можетъ быть разрѣшенъ и надвигающійся вопросъ народной нищеты“ и т. д. „Первый шагъ трудовыхъ классовъ въ Россіи долженъ заключаться въ объединеніи всѣхъ живущихъ трудомъ—„трудовиковъ“—на почвѣ интересовъ труда, чтобы этимъ путемъ избрать представителей интересовъ труда въ Государственную Думу или въ другія общественныя и государственныя учрежденія, которыя будутъ обслуживать нужды народа“...

Авторъ воззванія не предлагаетъ детально выработанной программы, но выставляетъ „общую цѣль“ установить:

1) полное обезпеченіе свободнаго труда и трудящихся;

2) полное равенство всѣхъ гражданъ по закону;

3) полную свободу союзовъ, собраній и организацій для трудящихся такъ же, какъ и для представителей другихъ классовъ и интересовъ;

4) обезпечивающее каждаго гражданина правовое госуд. устройство на началахъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права.

Въ заключеніе авторъ воззванія предлагаетъ всѣмъ избирателямъ С.-Петербурга и провинціи объединиться.

Это воззваніе, появившееся въ январѣ, показываетъ, что по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ мысль объ образованіи партіи „трудовиковъ“ на почвѣ избирательной кампаніи въ Государственную Думу возникла очень рано.

Когда начались выборы въ Думу, крестьянство выбрало не представителей какой-либо партіи, а наиболѣе оппозиціонно настроенныхъ представителей населенія, которые не причисляли себя къ какой-либо партіи, а формулировали свои политическіе взгляды неопредѣленнымъ терминомъ—„лѣвѣе к-д.“.

Уже это опредѣленіе своихъ политическихъ взглядовъ народными избранниками показываетъ, что ни у нихъ самихъ, ни у ихъ избирателей не было опредѣленной, заранѣе выработанной политической и соціальной программы, которая наперед опредѣляла линію поведенія въ предстоящей думской дѣятельности. Изъ этого опредѣленія депутатами самихъ себя было лишь ясно, что программа и тактика к.-демократической партіи ни ихъ самихъ, ни ихъ избирателей не удовлетворяетъ, что они хотятъ болѣе демократическихъ реформъ и болѣе рѣшительнаго соціальнаго законодательства.

Въ провинціи, повидимому, первой организаціей трудовиковъ на почвѣ избирательной кампаніи нужно считать „союзъ трудящихся“ въ Саратовѣ. Въ этотъ союзъ вошли интеллигентскіе элементы, близкіе по своимъ воззрѣніямъ или къ с.-демократамъ, или къ с-рамъ, и привлекли къ выработанной платформѣ выборщиковъ отъ крестьянъ и отъ горожанъ.

Изъ 10 мандатовъ отъ саратовской губерніи только два достались представителямъ партіи к.-д., остальные входили въ „союзъ трудящихся“.

Въ другихъ губерніяхъ подъ терминомъ „лѣвѣе к.-д.“ было выбрано также значительное число депутатовъ, которые потомъ почти всѣ вошли въ трудовую группу. Такъ, отъ черниговской губ. было 6 депутатовъ изъ 10, въ курской—6 изъ 10, въ казанской—4 изъ 9, въ полтавской—5 изъ 12, въ вятской—5 изъ 15, въ екатеринославской—5 изъ 9, въ кіевской—6 изъ 15, въ орловской—5 изъ 8, въ ковенской—3 изъ 6, въ гродненской—3 изъ 7, въ пензенской—4 изъ 6, въ оренбургской—4 изъ 7, въ самарской—5 изъ 12 и т. д.

Изъ опасенія административныхъ репрессій многіе депутаты прошли подъ флагомъ „безпартійныхъ“, хотя избирателямъ были извѣстны въ качествѣ лѣвыхъ, „лѣвѣе к.-д.“.

Избранные населеніемъ лѣвые депутаты только по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ качествѣ неприкосновенныхъ депутатовъ, могли проявить свою политическую физіономію и выражать желанія своихъ избирателей.

У большинства крестьянскихъ депутатовъ, находившихся, несомнѣнно, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ агитаціи с-ровъ и с.-д. въ теченіе предшествовавшаго періода, не было опредѣленныхъ взглядовъ на задачи и методы предстоявшей имъ политической борьбы въ Государственной Думѣ, а были лишь общія „директивы“ отъ избирателей-крестьянъ, главнымъ образомъ относительно земельнаго вопроса. Поэтому выработка программы и тактики формировавшейся постепенно трудовой группы происходила уже въ Петербургѣ, наканунѣ и во время политической борьбы, происходившей въ Государственной Думѣ.

Тотчасъ послѣ выборовъ, наиболѣе сознательные и интеллигентные изъ депутатовъ „лѣвѣе к.-д.“, по пріѣздѣ въ Петербургъ, по иниціативѣ Аладьина, Онипко и Шапошникова, организовали нѣчто въ родѣ клуба для крестьянскихъ депутатовъ для взаимнаго ознакомленія и для выработки плана дѣйствія въ Государственной Думѣ.

Одновременно министерство внутреннихъ дѣлъ для привлеченія крестьянскихъ депутатовъ въ правыя партіи организовало для нихъ общежитіе по дешевымъ цѣнамъ, прозванное „ерогинскимъ общежитіемъ“, а также „живопырней“.

Такимъ образомъ, сразу по пріѣздѣ депутатовъ въ Петербургъ началась борьба за вліяніе на крестьянъ между крайней правой и крайней лѣвой.

Въ результатѣ этой борьбы вскорѣ выяснились цѣль и значеніе ерогинскаго общежитія, и главная масса крестьянъ примкнула къ трудовой группѣ.

Крестьянскій составъ большинства членовъ трудовой группы обезпечивалъ идейное вліяніе на нихъ народниковъ и при выработкѣ платформы группы, политическихъ и соціальныхъ задачъ, поставленныхъ ею, руководящую роль играли теоретики партіи с-ровъ и народныхъ соціалистовъ. Это вліяніе народничества больше всего отразилось на аграрной программѣ, хотя большая близость депутатовъ къ реальной дѣйствительности и дала возможность выбросить изъ проекта аграрной реформы наиболѣе утопическіе и непріемлемые для массы крестьянства пункты націонализаціи крестьянскихъ земель.

Тѣмъ не менѣе, проектъ націонализаціи частновладѣльческихъ земель оттолкнулъ отъ трудовой группы значительную часть депутатовъ изъ Западной Россіи, справедливо опасавшихся націонализаціи земли, какъ соціальной мѣры, противорѣчащей задачѣ національнаго самоопредѣленія.

Въ другихъ пунктахъ выработанной трудовой группой программы выставлялись общія демократическія требованія, приспособленныя къ парламентской дѣятельности группы.

Трудовая группа поставила своей задачей объединить всѣ „трудовые“, т. е. демократическіе элементы общества: „Русское освободительное движеніе выдвинуло впередъ на сцену исторіи трудящіеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводскихъ рабочихъ, а также интеллигентныхъ тружениковъ... Члены Государственной Думы, избранные широкими трудовыми слоями населенія, объединяются въ парламентскую трудовую группу“. Эта группа ставила своей ближайшей задачей въ Государственной Думѣ, кромѣ требованія аграрной реформы, добиваться отмѣны смертной казни и исключительныхъ положеній, немедленнаго проведенія законовъ о неприкосновенности личности и гражданскихъ свободъ, отвѣтственнаго министерства, демократизаціи земскаго и городского самоуправленія путемъ четырехчленнаго избирательнаго права, такъ же какъ и демократизація выборовъ въ Государственную Думу на тѣхъ же началахъ.

По требованію рабочихъ, входившихъ сначала въ трудовую группу, были выставлены наиболѣе важные пункты рабочей программы: 8-часовой рабочій день, обязательный еженедѣльный отдыхъ въ 42 часа, государственное страхованіе, охрана женскаго и дѣтскаго труда, реорганизація фабричной инспекціи и т. д. Для болѣе обстоятельнаго рѣшенія рабочаго вопроса предлагалась организація на мѣстахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

Выработка программы для трудовой группы представляла болѣе легкую задачу, чѣмъ выработка своей тактики и проведеніе ея въ дѣятельности Государственной Думы.

Въ трудовую группу, въ сущности, входили элементы различныхъ партій „лѣвѣе к.-д.“, связанные лишь общей групповой („трудовая“) кличъ-

кой. Среди трудовиковъ было 2 соціалиста-революціонера, 10 соц.-демократовъ, 9 членовъ крестьянскаго союза, 7 соціалистовъ безпартійныхъ, 1 членъ радикальной партіи, 2 свободомыслящихъ, 18 лѣвѣе к.-д., 8 автономистовъ, 21 безпартійный и 27 „неопредѣленныхъ“. При такомъ разнородномъ составѣ, выработавши для всѣхъ членовъ партіи пріемлемую программу, группа на практикѣ, въ тактикѣ парламентской борьбы неизбѣжно должна была приспособляться къ тактическимъ взглядамъ своихъ болѣе „умѣренныхъ“ членовъ, чтобы не оттолкнуть ихъ направо къ кадетамъ.

Кромѣ того, „задача группы осложнялась еще тѣмъ, что, по сложившейся идеологіи передовой интеллигенціи, все, что могло бы напоминать какую-либо „органическую“ работу въ Думѣ, заранѣе признавалось измѣною, отступленіемъ. Всѣ усилія, по этой идеологіи, должны были идти на то, чтобы организовать вокругъ думской трибуны народныя массы и подготовлять ихъ къ будущимъ событіямъ. А между тѣмъ, на низахъ народныхъ и въ широкихъ кругахъ общества отъ Думы ждали разрѣшенія чуть ли не всѣхъ острыхъ вопросовъ современности, ждали и требовали новыхъ законовъ, немедленнаго облегченія народной нужды и т. д.“ [1]).

Большинство депутатовъ трудовой группы принесли съ собой въ Государственную Думу эти ожиданія и надежды народныхъ массъ. Съ другой стороны, интеллигентскіе руководящіе элементы трудовой группы были менѣе заражены „конституціонными иллюзіями“ и менѣе разсчитывали на „органическую“ работу. Эти противорѣчія, скрывавшіяся въ самой трудовой группѣ, было весьма трудно примирить.

Трудовая группа слѣдующимъ образомъ формулировала тактическій планъ своей будущей работы въ Думѣ:

„Спокойная, планомѣрная и органическая работа возможна лишь при полной гражданской свободѣ, при полномъ развитіи конституціонныхъ началъ и въ Думѣ, избранной по 4-членной формулѣ“. Но, „учитывая данный историческій моментъ, трудовая группа признаетъ теперешнюю Думу,— несмотря на всю уродливость условій, при которыхъ она создана, — единственнымъ авторитетнымъ учрежденіемъ въ Россіи, имѣющимъ право на немедленное проведеніе въ жизнь тѣхъ неотложныхъ реформъ, которыя могутъ создать условія для правильнаго обнаруженія воли народа и безъ которыхъ странѣ грозитъ полное разложеніе и междоусобная война“.

Но еще до начала засѣданій первой Государственной Думы трудовой группѣ пришлось реагировать на ограниченіе правъ Думы новой редакціей „Основныхъ законовъ“, обнародованной передъ началомъ сессіи. Въ резолюціи 26 апрѣля трудовая группа заявляетъ, что у народныхъ представи-

---

[1]) Я. Таннинъ. Трудовая группа первой Государственной Думы. „Сѣверныя Записки“, май—іюнь 1913 г.

телей, которые выражаютъ непреклонную волю народа, „отнимаютъ послѣднія права на самостоятельную законодательную работу“.

Въ атмосферѣ недовѣрія къ правительству и съ намѣреніемъ рѣшительной борьбы съ нимъ трудовая группа вступила въ Государственную Думу.

Первые шаги трудовой группы въ Государственной Думѣ были довольно робки и нерѣшительны. Составляя очень большую группу депутатовъ,— 107 человѣкъ—трудовики уступали кадетамъ въ количествѣ интеллигентныхъ силъ, подготовленныхъ къ парламентской борьбѣ, и не составляли такого цѣльнаго ядра, какъ конституціонно-демократическая или какъ впослѣдствіи соціалдемократическая партія. Трудовики отражали политическое *настроеніе* демократическихъ элементовъ общества, но не умѣли быть послѣдовательными и неуклонными борцами за демократію. Типичными выразителями настроенія группы были ея лидеры: Аладьинъ, Аникинъ и Жилкинъ. При наиболѣе значительныхъ политическихъ выступленіяхъ трудовой группы, она, въ особенности въ началѣ, шла за партіей к.-д. [1]), заставляя ее, больше внѣшнимъ образомъ, приспособляться къ демократической аудиторіи трудовиковъ, чтобы демонстрировать единство оппозиціи.

Въ первыхъ же выступленіяхъ Думы по вопросу объ амнистіи трудовики предоставили первую рѣчь к.-д. Петрункевичу, который взялъ совершенно не тотъ тонъ, какимъ желала говорить демократія. Въ слѣдующемъ засѣданіи трудовики старались поправить дѣло болѣе рѣшительнымъ тономъ въ этомъ вопросѣ, но впечатлѣніе было уже произведено.

При выработкѣ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь происходили оживленные переговоры между трудовиками и фракціей к.-д. И та и другая фракція представили свои проекты адреса въ думскую комиссію. Но адресъ трудовиковъ былъ ею отвергнутъ. Послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, внесенныхъ трудовиками, проектъ отвѣтнаго адреса, выработанный к.-д., былъ принятъ. Наиболѣе существенными поправками трудовиковъ были: внесеніе въ адресъ указанія на опредѣленный способъ удовлетворенія крестьянъ въ острой земельной нуждѣ и на необходимость обезпеченія рабочимъ „свободы организаціи самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія“.

Когда въ Государственной Думѣ стало извѣстно, что отказано въ пріемѣ думской делегаціи, которая должна была представить отвѣтный адресъ, трудовая группа предполагала на это рѣзко реагировать, но послѣ убѣ-

---

[1]) См. А. Мартыновъ. Исторія конституціонно-демократической партіи, гл. IV.

жденій конст.-демократовъ отказалась отъ этого и Дума перешла къ очереднымъ дѣламъ.

Въ отвѣтъ на адресъ Государственной Думы предсѣдатель совѣта министровъ прочелъ въ засѣданіи Думы 13-го мая декларацію правительства, въ которой заявлялось, что предполагаемое Государственной Думой рѣшеніе земельнаго вопроса недопустимо, что пересмотра избирательнаго закона, а также амнистіи не будетъ, что правительство находитъ нужнымъ проявлять „твердую власть“ и т. д., и т. д. Государственная Дума выразила министерству недовѣріе, но министерство осталось. К.-демократы продолжали мечтать о законодательствованіи при создавшемся безвыходномъ положеніи, но среди трудовиковъ начинаетъ возникать сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ силахъ Государственной Думы собственными силами противостоять реакціи, хотя еще не установилось твердаго рѣшенія обратиться къ населенію. Въ извѣстной степени трудовики обращались къ населенію: ихъ агитаціонныя рѣчи въ Думѣ не были рѣчами дѣлового характера, тѣмъ не менѣе только въ концѣ дѣятельности первой Государственной Думы трудовики приходятъ къ сознанію необходимости организаціи силъ внѣ Думы. Поскольку трудовики входили въ спеціальныя комиссіи по выработкѣ различныхъ законопроектовъ, они, какъ и въ общихъ засѣданіяхъ Государственной Думы, содѣйствовали демократизаціи предлагаемыхъ законопроектовъ. Такъ, они внесли существенныя поправки въ законопроектъ о неприкосновенности личности, въ законопроектъ о союзахъ и собраніяхъ.

Изъ законопроектовъ, выработанныхъ самой трудовой группой, наибольшее значеніе имѣлъ аграрный законопроектъ, составленный исключительно подъ вліяніемъ группы народныхъ соціалистовъ, и, въ видѣ дополненія къ законопроекту, проектъ учрежденія земельныхъ комитетовъ.

Главнѣйшіе пункты „проекта основныхъ положеній“ земельнаго законодательства по предложенію 104 депутатовъ, подписавшихъ этотъ проектъ, заключались въ слѣдующемъ:

„Земельное законодательство должно стремиться къ тому, чтобы установить такіе порядки, при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала всему народу, при чемъ нужная земля для сельскаго хозяйства могла бы отдаваться въ пользованіе только тѣмъ, кто будетъ ее обрабатывать собственнымъ трудомъ. Всѣ граждане должны имѣть равное право на такое пользованіе ею“.

Для этого долженъ быть образованъ „общенародный“ земельный фондъ, въ который должны войти всѣ казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя и помѣщичьи земли, превышающія установленную для каждой мѣстности „трудовую“ норму. Надѣльныя и мелкія частновладѣльческія земли, не превышающія трудовой нормы, остаются за теперешними владѣльцами, но

должны быть приняты законодательныя мѣры, чтобы предотвратить скопленіе земель выше трудовой нормы въ однѣхъ рукахъ и обезпечить постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность.

Вознагражденіе за отчуждаемыя частновладѣльческія земли должно производиться за счетъ государства.

Земля, поскольку она служитъ для сельскаго хозяйства, отдается въ пользованіе всѣмъ желающимъ обрабатывать ее своимъ трудомъ, при чемъ въ очереди мѣстному населенію отдается преимущество передъ пришлымъ и земледѣльческому передъ неземледѣльческимъ. Во всякомъ случаѣ каждый трудящійся имѣетъ право на усадебную осѣдлость въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ.

Надѣленіе землей изъ общенароднаго фонда производится въ предѣлахъ трудовой нормы. Если земли для надѣленія всего земледѣльческаго населенія данной мѣстности не хватаетъ, то всѣ, имѣющіе менѣе продовольственной нормы, получаютъ право на переселеніе за счетъ государства въ тѣ мѣстности имперіи, гдѣ земли имѣется избытокъ.

Лицамъ, получившимъ землю изъ общенароднаго фонда и не имѣющимъ достаточныхъ средствъ для обзаведенія всѣмъ необходимымъ для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счетъ государства въ формѣ ссудъ и пособій.

Для подготовительныхъ дѣйствій къ земельной реформѣ и для упорядоченія экономическихъ отношеній въ теченіе переходнаго періода должны быть учреждены мѣстные комитеты: губернскіе, уѣздные и волостные, избранные всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, для организаціи всего населенія въ участіи и обсужденіи реформы.

Сравнивая изложенный проектъ аграрной реформы съ проектомъ партіи с.-ровъ, не трудно видѣть, что въ обоихъ проектахъ есть много общаго: общее утопическое стремленіе уничтожить капиталистическія отношенія въ сельскомъ хозяйствѣ при существованіи ихъ во всѣхъ другихъ областяхъ хозяйственной жизни. И на той и на другой программѣ отразились крестьянскіе взгляды на мелкое хозяйство какъ на самодовлѣющую хозяйственную организацію, не находящуюся въ связи со всѣмъ современнымъ экономическимъ строемъ; вѣра въ спасительную роль государственной власти, которая, сосредоточивши въ своихъ рукахъ земли, не только каждаго желающаго заниматься земледѣліемъ можетъ обезпечить земельнымъ надѣломъ, но и средствами производства, и спасти отъ пролетаризаціи при существованіи капитализма въ индустріи, торговлѣ и т. д.

Но, въ отличіе отъ аграрныхъ проектовъ партіи с.-ровъ, трудовая группа стоитъ ближе къ пониманію реальныхъ интересовъ крестьянъ и не

высказывается за отобраніе и націонализацію крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Такимъ образомъ проектъ трудовой группы больше всѣхъ другихъ проектовъ отражалъ примитивные взгляды массы крестьянъ-середняковъ на желательныя реформы въ земельномъ вопросѣ: оставить земельные надѣлы въ рукахъ наличныхъ владѣльцевъ и раздѣлить въ пользованіе крестьянъ-середняковъ всѣ остальныя земли, предоставивши это право раздѣла государственной власти, въ надеждѣ, что она не только „постоитъ“ за „трудовыхъ“ крестьянъ, но и снабдитъ ихъ средствами производства. Процессъ же капиталистическаго развитія пройдетъ мимо, не затронувши мелкое хозяйство.

Въ проектѣ учрежденія комитетовъ для обсужденія аграрной реформы сказалось практическое политическое чувство трудовой группы, сознавшей необходимость организаціи населенія вокругъ наиболѣе важнаго очереднаго вопроса. Но это сознаніе проявилось лишь въ писанномъ проектѣ, а не въ дѣйствіи, не въ стремленіи, не дожидаясь постановленія Государственной Думы и принятія его законопроекта, содѣйствовать самодѣятельности и организаціи населенія. Впрочемъ, какъ увидимъ, къ концу дѣятельности первой Государственной Думы трудовая группа пошла въ этомъ направленіи, но было уже поздно...

Изъ другихъ законодательныхъ проектовъ по иниціативѣ или при участіи трудовой группы были выработаны: проектъ закона объ амнистіи, о регулированіи труда сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, избирательный законъ для органовъ мѣстнаго хозяйства и законопроектъ о неприкосновенности личности.

Наибольшая энергія трудовой группы была направлена не на законодательную дѣятельность, а на агитацію.

Соціалистическая и демократическая интеллигенція въ то время уже не вѣрила въ силу и способность Государственной Думы провести желательные для демократіи законы.

Поскольку своими рѣчами трудовики могли организовать общественное мнѣніе, они въ этомъ отношеніи много сдѣлали, выступая съ агитаціонными рѣчами и въ Государственной Думѣ, и на митингахъ. Но къ сознанію необходимости организаціи общественныхъ силъ трудовики пришли лишь въ концѣ дѣятельности первой Гос. Думы, когда, извѣрившись въ желаніе правительства идти навстрѣчу Думѣ, они рѣшили обратиться къ населенію совмѣстно съ другими оппозиціонными фракціями. Убѣдившись (послѣ „поправки“, внесенной въ проектъ И. Петрункевичемъ), что этимъ воззваніемъ к. д-ты хотятъ не организовать населеніе, а ослабить его призывомъ къ ожиданію результатовъ дѣятельности Гос. Думы, трудовики воздержались отъ голосованія, и такимъ образомъ единственная попытка Гос. Думы обратиться не-

посредственно къ населенію не удалась. Только послѣ роспуска Гос. Думы трудовики вмѣстѣ съ к.-д. и с.-д. выпустили выборгское воззваніе, которымъ и закончилась дѣятельность трудовой группы въ первой Гос. Думѣ.

Избранная демократическими слоями населенія трудовая группа сдѣлалась центромъ, куда стекались приговоры, наказы, обращенія, и пр. демократіи, главнымъ образомъ крестьянъ. Однихъ лишь приговоровъ и наказовъ отъ сельскихъ обществъ поступило до 8 іюля (см. Танинъ „Трудовая группа“ и т. д.) около 400 изъ 50 губерній, съ общимъ числомъ подписей 44.826, преимущественно крестьянъ-домохозяевъ, уполномоченныхъ сельскихъ сходовъ. Общее количество телеграммъ, писемъ и заявленій отъ крестьянскихъ организацій, профессіональныхъ союзовъ, митинговъ и проч. составляло около 1.500 обращеній.

Печатнымъ органомъ (неоффиціальнымъ) трудовой группы были „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“, а послѣ закрытія этой газеты газета „Трудовая Россія“ и потомъ „Крестьянскій депутатъ“.

Подчиняясь въ первыхъ своихъ выступленіяхъ руководству партіи к.-д., трудовики, послѣ выступленія изъ трудовой группы рабочихъ депутатовъ, образовавшихъ с.-демократическую группу, все чаще и чаще подъ конецъ дѣятельности Государственной Думы выступали совмѣстно съ послѣдней.

2) Во второй Государственной Думѣ.

Трудовая группа была исключительно парламентской фракціей и за предѣлами Государственной Думы не имѣла прочной организаціи. Поэтому роспускъ Думы собственно уничтожилъ трудовую организацію, и сторонникамъ трудовой группы предстояла задача какъ-нибудь съорганизоваться за предѣлами Государственной Думы, чтобы подготовиться къ избирательной кампаніи. Такую организацію могъ создать только партійный съѣздъ. Но за отсутствіемъ на мѣстахъ прочныхъ партійныхъ организацій съѣздъ могъ состоять главнымъ образомъ изъ бывшихъ депутатовъ первой Государственной Думы.

Между тѣмъ 27 бывшихъ депутатовъ трудовой группы или сидѣли въ тюрьмахъ, или скрывались отъ преслѣдованій. На съѣздъ явились только 23 депутата изъ губерній: архангельской, вятской, кіевской, ковенской, курской, могилевской, оренбургской, подольской, полтавской и нѣкоторыхъ другихъ. Съѣздъ былъ созванъ сохранившимся послѣ роспуска Думы партійнымъ комитетомъ, законспирировавшимся во избѣжаніе преслѣдованій. Съѣздъ рѣшилъ, что партія не должна уходить въ подполье, такъ какъ

„должна заняться организаціей широкихъ народныхъ массъ для предстоящей предвыборной кампаніи и для дѣйствительной поддержки требованій трудовой группы въ новой Думѣ". Поэтому, вмѣсто сложившаго свои полномочія комитета, было рѣшено новаго комитета не выбирать, а ограничиться лишь временной исполнительной комиссіей, избранной изъ пяти лицъ до созыва ближайшаго съѣзда.

Съѣздъ занялся пересмотромъ своей программы, сдѣлалъ незначительныя поправки къ прежней программѣ и аграрному проекту 104-хъ, представленному въ первой Государственной Думѣ.

Послѣ разсмотрѣнія программы съѣздъ вступилъ въ переговоры съ представителями другихъ партій о соглашеніяхъ во время предстоявшихъ выборовъ. Эти предварительные переговоры рѣшающаго значенія не имѣли. Съѣздъ нашелъ желательнымъ вступить въ блокъ съ соціалистическими партіями, а съ к.-д. допускать лишь частичныя соглашенія.

На съѣздѣ выяснилось, что, несмотря на отсутствіе организацій на мѣстахъ, населеніе питаетъ большое довѣріе къ трудовой группѣ и избраннымъ имъ депутатамъ. Такимъ образомъ дѣятельность трудовой группы, повидимому, соотвѣтствовала желаніямъ, главнымъ образомъ, крестьянскаго населенія.

Избирательная кампанія во вторую Государственную Думу, такъ же какъ и дѣятельность въ ней, проходили при совершенно иныхъ политическихъ условіяхъ, и роль трудовой группы была совершенно иной.

Прежде всего интенсивное участіе соціалистическихъ партій,—соціалъ-демократовъ и с.-революціонеровъ, отрывало отъ трудовой группы болѣе революціонно настроенные элементы, примыкавшіе къ соціалистическимъ партіямъ.

Но, съ другой стороны, предшествующая парламентская дѣятельность трудовой группы сдѣлала ее популярной въ широкихъ слояхъ населенія. Большее соотвѣтствіе программы и тактики трудовиковъ интересамъ и уровню политическаго сознанія крестьянскихъ массъ давало преимущества трудовикамъ передъ с.-рами, которые также тяготѣли къ крестьянству. Хотя трудовая группа и была подъ идейнымъ вліяніемъ народниковъ, но она съ одной стороны отбрасывала часть элементовъ революціоннаго романтизма с.-ровъ, съ другой стороны не была связана традиціоннымъ доктринерствомъ народныхъ соціалистовъ. Она больше приспособлялась къ міровоззрѣнію середняка-крестьянина, сохраняя соціалистическую окраску лишь потому, что во главѣ группы стояли интеллигенты-соціалисты.

Послѣ роспуска первой Государственной Думы у трудовиковъ почти не было прочныхъ организацій на мѣстахъ,—ихъ дѣятельность была чисто парламентская, — но, несмотря на выборы во вторую Государственную Думу большой группы с.-демократовъ, с.-р-овъ и народныхъ соціалистовъ, благо-

даря росту оппозиціоннаго настроенія избирателей, группа трудовиковъ все-таки увеличилась: вмѣсто 94 депутатовъ, которыхъ оставалось въ группѣ передъ роспускомъ первой Государственной Думы, во вторую было выбрано 100: очевидно, избирателямъ импонировали тѣ агитаціонныя рѣчи, которыя раздавались изъ группы трудовиковъ въ первой Думѣ.

Во второй Государственной Думѣ положеніе трудовиковъ было уже иное. Выступленіе въ избирательной кампаніи болѣе лѣвыхъ партій и выборы значительной группы депутатовъ лѣвѣе трудовиковъ поставили ихъ въ довольно трудное промежуточное положеніе: соціалистическія партіи дѣлали болѣе рѣзкія выступленія, они вели болѣе оппозиціонную и послѣдовательную политику, такъ какъ меньше приспособлялись къ обывательскому пониманію политической жизни и политической дѣятельности. Съ другой стороны констит.-демократы были болѣе опытными парламентаріями и болѣе послѣдовательно вели примирительную политику, которая закончилась полнымъ крушеніемъ тактики кадетовъ и изданіемъ закона 3 іюня.

Во вторую Государственную Думу трудовая группа явилась самой многочисленной по числу членовъ. Поэтому одинъ ея представитель былъ въ президіумѣ. Но, несмотря на свою численность, по указаннымъ выше причинамъ, группа не играла руководящей политической роли ни въ Государственной Думѣ, ни внѣ ея. Въ Государственной Думѣ трудовики шли или за кадетами, или за соціалистическими партіями, а внѣ Думы во всѣхъ политическихъ выступленіяхъ массъ играли руководящую роль исключительно с.-демократы и с.-р-ы.

Значительная часть интеллигентныхъ силъ народническаго направленія, болѣе подготовленныхъ для парламентскихъ выступленій и для работы въ комиссіяхъ, отошла во фракціи н.-с-овъ и с.-р-овъ. Поэтому и такихъ яркихъ выступленій, какъ въ первой Государственной Думѣ, трудовая группа не могла дѣлать.

Отдѣленіе болѣе революціонно настроенныхъ народниковъ во фракцію с.-р-овъ ослабило лѣвую группу трудовиковъ и усилило то теченіе, которое было представлено главнымъ образомъ крестьянами, запуганными слухами о новомъ роспускѣ Думы. Эта боязнь роспуска дѣлала еще болѣе нерѣшительной трудовую группу и толкала ее къ группѣ кадетскаго центра. Тѣмъ не менѣе систематическія попытки к.-детовъ во имя береженія Думы вести болѣе примирительную „дѣловую“ политику отталкивали трудовиковъ и сближали съ болѣе лѣвыми фракціями.

Представляя, какъ и въ первой Государственной Думѣ, главнымъ образомъ крестьянскіе интересы, трудовая группа въ первыхъ же засѣданіяхъ Думы сдѣлала заявленіе отъ имени 99 депутатовъ о немедленномъ избраніи комиссіи для выработки земельнаго закона и представила тотъ же проектъ,

который былъ предложенъ въ первой Государственной Думѣ за подписью 104, но съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями.

Въ продолжительныхъ преніяхъ по земельному вопросу рѣчи трудовиковъ занимали наибольшее мѣсто. Напротивъ, въ другихъ вопросахъ трудовая группа проявляла меньшую инициативу. Эта слабая сторона трудовой группы объясняется тѣмъ, что въ трудовую группу входила значительная часть политически мало сознательныхъ крестьянъ. Поэтому, напримѣръ, одному изъ лидеровъ трудовой группы, Березину, въ своей бюджетной рѣчи пришлось съ думской трибуны разъяснять товарищамъ по фракціи значеніе и необходимость критики правительственной политики. „Имѣя въ виду, что среди нашей трудовой группы много крестьянъ, которые очень близко связаны съ представителями крестьянства среди правыхъ, я позволю себѣ сказать: депутаты-крестьяне ошибаются, когда думаютъ, что мы пришли сюда для того, чтобы одобрять правительственныя дѣйствія".

Внутри фракціи приходилось преодолѣвать значительныя препятствія, которыя ставились малой политической сознательностью крестьянъ, и внутренняя борьба въ значительной степени ослабляла инициативу трудовой группы.

Кромѣ земельнаго вопроса, которымъ трудовая группа особенно интересовалась, по вопросу о новобранцахъ она рѣшительно отказала въ довѣріи правительству и въ испрашиваемомъ имъ контингентѣ новобранцевъ. Въ этомъ вопросѣ и въ комиссіи, и въ пленарныхъ засѣданіяхъ Государственной Думы представители трудовой группы вмѣстѣ съ соціалистическими партіями рѣзко столкнулись съ мнѣніемъ большинства, въ которомъ были и кадеты.

Въ общемъ выступленія даже лидеровъ трудовиковъ были менѣе ярки, чѣмъ выступленія представителей соціалистическихъ партій, и только рѣчь по аграрному вопросу депутата Караваева, убитаго потомъ черносотенцами, произвела сильное впечатлѣніе своей обоснованностью на жизненныхъ фактахъ. Рѣчи Березина отличались больше своей дѣловитостью, чѣмъ яркостью.

По вопросу о продовольственной помощи населенію, вопреки мнѣнію фракціи к.-д. о необходимости утвердить расходъ 17 милліоновъ, истраченныхъ правительствомъ, трудовая группа предложила отказать въ утвержденіи, такъ какъ правительство не представило подробныхъ отчетовъ о продовольственной операціи и самая операція велась безъ контроля народныхъ представителей.

Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ все чаще и чаще происходили столкновенія трудовиковъ съ конст.-демократами, все болѣе и болѣе терявшими довѣріе трудовиковъ. Кромѣ указанныхъ выше болѣе важныхъ самостоятельныхъ выступленій трудовики внесли предложеніе объ избраніи комиссіи для помощи безработнымъ, резолюціи по вопросу объ избраніи комиссіи по законопроекту о всеобщемъ обученіи и нѣсколько формулъ перехода къ

очереднымъ дѣламъ. Во всѣхъ этихъ выступленіяхъ трудовики стояли ближе къ соціалистическимъ партіямъ, чѣмъ к.-д.

Роспускъ второй Государственной Думы и новый избирательный законъ 3-го іюня нанесъ наибольшій ударъ народническимъ партіямъ, и, въ частности, трудовикамъ. Оппозиціонное крестьянское представительство было не только ослаблено непосредственно измѣненіемъ избирательнаго закона, но и дѣйствіемъ земельнаго закона 9 ноября, вызвавшаго расколъ въ крестьянской средѣ, и злоупотребленіями администраціи на мѣстахъ, стѣснявшей свободу выборовъ. Поэтому въ третьей Государственной Думѣ трудовая группа была слабо представлена. Трудовая группа осталась мало замѣтной фракціей въ Государственной Думѣ, а ея внѣдумская дѣятельность ни въ чемъ не проявлялась.

Народно-соціалистическая партія (Н.-С.-Ы.)

I.

При характеристикѣ дѣятельности партіи соц.-революціонеровъ въ 1905 году, мы уже упоминали, что въ ноябрѣ 1905 года литературная группа с.-ровъ соединилась съ литературной группой „Русскаго Богатства“, въ рукахъ которой была и газета „Сынъ Отечества“. Но это сотрудничество двухъ группъ продолжалось недолго.

Группа „Русскаго Богатства“ являлась хранительницей традицій народничества 80-хъ, 90-хъ годовъ. Въ ней, какъ чисто литературной группѣ, было больше непримиримаго теоретическаго доктринерства, чѣмъ въ партіи с.-ровъ, но, съ другой стороны, было больше знанія реальной дѣйствительности и больше желанія пойти на практическіе компромиссы, чѣмъ у романтиковъ с.-ровъ. Это различіе довольно скоро повело къ расколу между группой „Русскаго Богатства“ и с.-рами.

На первомъ же съѣздѣ партіи сказалось рѣзкое различіе въ программныхъ и тактическихъ взглядахъ между руководящими кругами с.-р-овъ и группой „Р. Б“.

Послѣдняя считала терроръ непужнымъ при сложившихся политическихъ отношеніяхъ, совершенно правильно указывала на утопичность аграрной программы с.-ровъ, особенно принудительныхъ мѣръ противъ наемнаго труда, соціализаціи земли и т. д.

Составленная впослѣдствіи этой группой аграрная программа для трудовой группы первой Государственной Думы привлекла больше подписей и симпатій крестьянскихъ депутатовъ, чѣмъ программа с.-ровъ. Но, съ другой

стороны, узкое доктринерство и полная политическая неопытность привели къ тому, что группа, въ теченіе десятилѣтій представлявшая собою идейныхъ руководителей народническихъ теченій, осталась безъ „народа“ и состояла изъ однихъ полководцевъ безъ войска.

Разойдясь съ с.-р-ами въ программѣ и тактикѣ, группа „Р. Б.“ весной 1906 года рѣшаетъ выступить какъ самостоятельная партія „народныхъ соціалистовъ“.

Основное тактическое разногласіе съ партіей с.-р-овъ заключалось въ томъ, что группа „нар. соц.“ считала возможнымъ вовлечь въ партію народныя массы только при условіи легализаціи партіи. „Народныя массы нельзя вогнать въ подполье“ — эту правильную, по существу, мысль, н.-с-ы рѣшили очень просто: для того, чтобы сдѣлать соціалистическую партію легальной, — нужно легализоваться, устранивши нѣкоторые острые углы партійной программы. Политическая неопытность и нѣкоторая наивность группы проявилась въ томъ, что группа упустила изъ виду одно важное обстоятельство: свободы политической дѣятельности (легализаціи) добиваются, опираясь на реальную силу, а не получаютъ путемъ смягченія нѣкоторыхъ пунктовъ программы. Между тѣмъ реальныхъ политическихъ силъ за группой никакихъ не стояло, да она и не ставила своей задачей *бороться* за легализацію партіи, она хотѣла *начать* съ легалитаціи. „Признаніе необходимости открытой организаціи обособляетъ, такимъ образомъ, народно-соціалистическую партію въ вопросахъ тактики... Народно-соціалистической партіи нечего, пожалуй, было бы и выступать, какъ таковой, если бы она не ставила своей задачей открытую организацію. Безъ этого условія программа нашей партіи могла бы проводиться въ жизнь литературнымъ путемъ, какъ развѣтвленіе одного общаго съ с.-р. направленія общественно-политической жизни“ [1]).

Разумѣется, невѣрно, что другія партіи не признавали необходимости открытой организаціи партіи. Другія соціалистическія партіи не считали это *возможнымъ*, хотя всѣ признавали важность открытаго существованія. Правильнѣе бы было сказать, что другія соціалистическія партіи (кромѣ фракціи с.-д. меньшевиковъ) не считали необходимымъ спеціально *бороться* за открытое существованіе. Политическая ошибка н-с-овъ при самомъ зарожденіи партіи и заключалась въ томъ, что они считали достаточнымъ „признаніе необходимости“ открытой партіи, хотя отъ такого признанія до осуществленія еще очень далеко...

„Наша партія, говорится въ программѣ группы, по своимъ задачамъ есть партія трудящихся; необходимо подчеркнуть, что это партія *всѣхъ* трудящихся, а не одной какой-нибудь группы... Изъ этого само собой

[1]) Гурьевъ. Открытое существованіе. «Народный трудъ» 1906 г. № X.

слѣдуетъ, что интересы каждаго отдѣльнаго класса мы считаемъ возможнымъ отстаивать лишь постольку, поскольку они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ (другихъ? П. М.) трудящихся" [1]). „Выражаясь кратко, мы можемъ сказать: не интересами одного какого-либо класса, а интересами всего трудового народа считаетъ необходимымъ служить наша партія. Поэтому она называетъ себя народною".

Изъ этихъ оговорокъ видно, что группа, составляя программу, допускаетъ столкновенія интересовъ различныхъ классовъ „трудящихся", но умалчиваетъ о томъ, на сторону котораго изъ этихъ классовъ она становится.

Такими неопредѣленными формулами группа опредѣляетъ свои общія программныя задачи.

„Возстановить права человѣческой личности и обезпечить интересы трудового народа"—такова общая академическая формула программы народныхъ соціалистовъ. Признавая желательность наибольшей демократизаціи политическаго строя, а передачу земли народу „продвинуть вплоть до соціализаціи", партія считается съ наличностью силъ, способныхъ добиться этого, и не находя ихъ въ настоящее время, отказывается отъ наиболѣе радикальныхъ требованій. „Для насъ, писалъ г. Пѣшехоновъ, программа—это планъ кампаніи", разсчитанный не на длинный періодъ (вплоть до соціализма), а лишь на ближайшее время. Въ немъ мы „желаемъ намѣтить тѣ пункты, около которыхъ силы въ данный моментъ должны быть сосредоточены" [2]).

Какъ доктринерская группа, бережно сохранявшая завѣты народничества „кающагося барина", нар.-соціалисты большое значеніе придаютъ интеллигенціи. „Послѣднюю *мы считаемъ* „неоплатнымъ должникомъ" народа, пишетъ г. Пѣшехоновъ [3]). И строимъ свои расчеты на томъ, что она отдаетъ доставшіяся ей на долю, но въ дѣйствительности принадлежащія всему человѣчеству идейныя силы борьбѣ за общечеловѣческую правду, пробужденіе классоваго, народнаго и человѣческаго самосознанія въ массахъ". На этихъ „долговыхъ" обязательствахъ, не подкрѣпленныхъ даже самими должниками, партія базируетъ единство дѣйствій интеллигенціи и „трудового народа".

Въ области программныхъ общедемократическихъ требованій партія н.-с-овъ довольно близко стоитъ къ трудовой группѣ. Она ставитъ своей задачей добиваться полныхъ личныхъ правъ гражданъ, равенства ихъ передъ закономъ, свободы совѣсти, слова, печати и т. д.; демократическаго народ-

---

[1]) «Народно-соціалистическое обозрѣніе» № 1, 1906 г.
[2]) «Русск. Бог.» № 6, 1906 г.
[3]) «Современность» № 1, 1906 г.

наго представительства со всей полнотой законодательной власти, демократизаціи мѣстнаго самоуправленія.

Въ области военной партія требуетъ сокращенія арміи до предѣловъ, вызываемыхъ необходимостью защиты страны, и сокращенія срока военной службы до 2-хъ лѣтъ и отбыванія ея на мѣстѣ жительства. Въ аграрной области требованія н.-с-овъ совпадаютъ съ проектомъ трудовой группы и т. д.

Группа опубликовала списокъ избранныхъ 17 членовъ въ организаціонный комитетъ и стала издавать партійный органъ въ видѣ сборниковъ, смѣнявшихъ свои заглавія вслѣдствіе преслѣдованій („Народно-соціалистическое обозрѣніе“, „Трудовой народъ“, „Народный трудъ“).

II.

До роспуска первой Государственной Думы партія народн. соц.-овъ оставалась исключительно литературной группой, занятой главнымъ образомъ самозащитой отъ нападеній бывшихъ союзниковъ с.-р-овъ и выясненіемъ своей тактической партіи. Такимъ образомъ до избирательной кампаніи народно-соціалистической партіи, какъ *политической* партіи, не существовало: была лишь литературная группа, которая писала о предстоящемъ образованіи партіи. Въ теченіе 1906 года въ „Русскомъ Богатствѣ“ и перечисленныхъ выше сборникахъ писалось о необходимости организаціи широкой народной соціалистической партіи, о томъ, что „намъ нужно создавать свой соціализмъ, русскій соціализмъ (С. Елпатьевскій), что нужна организація народныхъ силъ, что „задача вмѣстить въ подпольѣ массы по самому существу своему представляется невыполнимой, но еще труднѣе конспиративнымъ организаціямъ перестроиться по демократическому типу, между тѣмъ потребность эта съ каждымъ днемъ сказывается все сильнѣе и сильнѣе“ (А. Пѣшехоновъ). Несмотря на поставленную задачу организовать широкія народныя массы, организаціонное развитіе партіи шло очень туго. Въ новую партію шли главнымъ образомъ интеллигенты, старые читатели „Русскаго Богатства“, недовольные партіей с-р-овъ, и небольшія группы студентовъ.

Наиболѣе активной была петербургская группа, которая занималась выработкой программы и тактики партіи, но и въ Петербургѣ, повидимому, она была малочисленна. Во всякомъ случаѣ, главныя силы партіи (литераторы и ораторы) были въ Петербургѣ. Изъ петербургскихъ студенческихъ группъ партіи въ печати упоминается о группѣ студентовъ-политехниковъ. Въ Москвѣ группа н.-совъ была, повидимому, очень слаба, но въ университетѣ также образовалась особая студенческая группа н.-совъ.

Наконецъ въ провинціи только изъ Пензы сообщалось, что тамъ обра-

зовалась группа н.-совъ, но о проявленіи ея политической дѣятельности извѣстій не поступало.

Такимъ образомъ, осенью 1906 года образовались небольшія группы партіи; 20-го сентября петербургскому градоначальнику было заявлено о томъ, что въ Петербургѣ образовано общество подъ названіемъ „Организаціонный комитетъ народно-соціалистической партіи“, поставившее цѣлью содѣйствіе образованію политической партіи того же названія. Въ числѣ учредителей были поименованы главные сотрудники „Русск. Бог.“: Н. Ѳ. Анненскій, В. А. Мякотинъ, А. В. Пѣшехоновъ, А. Б. Петрищевъ и нѣсколько другихъ лицъ. Съ такими силами, средствами и задачами группа вступила въ избирательную кампанію во вторую Государственную Думу.

Обладая ничтожными организованными силами, партія н-с-овъ располагала значительными литературными силами и вліятельнымъ журналомъ „Русск. Бог.“, съ прочно установившейся репутаціей и нѣсколькими ораторами, имѣвшими въ избирательной кампаніи значительный успѣхъ. Поэтому вступленіе партіи въ избирательную кампанію если и не повело къ укрѣпленію организаціи партіи, то во всякомъ случаѣ обезпечило ей нѣкоторый успѣхъ.

Петербургская группа въ ноябрѣ 1906 года вынесла резолюцію, въ которой признавала единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія въ Россіи созывъ учредительнаго собранія, а Государственную Думу органомъ, не являющимся правильнымъ выраженіемъ народной воли. Группа находитъ, что въ избирательной кампаніи примутъ участіе всѣ активныя силы страны, что Дума сдѣлается ареной общественной борьбы, что Государственная Дума и избирательная кампанія могутъ быть использованы для пропаганды идей н.-с-овъ и организаціи его силъ. Въ виду этого группа рѣшила принять участіе въ избирательной кампаніи.

Наибольшую дѣятельность въ избирательной кампаніи проявила петербургская группа н.-с-овъ, организовавшая многолюдныя предвыборныя собранія [1]), на которыхъ ораторы н.-с-овъ вели борьбу главнымъ образомъ съ к-д-тами. Рѣшивши принять участіе въ избирательной кампаніи, н.-с-ы должны были рѣшить и вопросъ объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Принципіально вопросъ рѣшенъ былъ такимъ образомъ, что н.-с-ы вступаютъ въ соглашенія съ партіями не правѣе партіи к.-д. Практически на мѣстахъ вопросъ, въ рамкахъ этого рѣшенія, рѣшался различно.

Благодаря тому, что въ странѣ, особенно въ провинціи, политическія

---

1) Организованное н.-с-ами 15 января собраніе въ театрѣ Неметти было переполнено и большая толпа не могла проникнуть въ залъ. 20 января на организованномъ н.-с-ами въ помѣщеніи Калашниковской биржи собраніи присутствовало до 2.000 человѣкъ и т. д.

организаціи были слабы, выборы депутата большею частію происходили не столько на основаніи его партійной платформы, сколько на основаніи оцѣнки его *личности* и общаго представленія о его политической физіономіи. Принадлежность значительнаго количества интеллигентовъ въ провинціи къ тому теченію, которое пропагандировалось „Русск. Богатствомъ“, несмотря на организаціонную слабость партіи, дала возможность пройти значительному количеству интеллигентныхъ депутатовъ, примкнувшихъ къ партіи н.-с-овъ. Всего во вторую Государственную Думу было избрано 14 депутатовъ, организовавшихъ фракцію партіи н.-с-овъ.

Избранная въ Государственную Думу группа депутатовъ н.-с-овъ оказалась въ трудномъ положеніи не столько вслѣдствіе своей малочисленности, сколько въ силу неопредѣленности тѣхъ границъ, которыя были между нею и трудовиками—съ одной стороны, и с-рами—съ другой. Въ сущности группа н-с-овъ почти ничѣмъ не отличалась отъ группы трудовиковъ на почвѣ парламентской дѣятельности кромѣ названія „соціалистической“ и кромѣ старо-народническаго оттѣнка нѣкоторыхъ рѣчей, который трудно даже уловить. Точно такъ же с.-ры на парламентской почвѣ не могли проявить свой боевизмъ, которымъ они главнымъ образомъ отличались отъ н.-с-овъ. Поэтому выступленія н.-с-овъ могли быть болѣе или менѣе талантливыми, могли быть. болѣе или менѣе эффектными, но не могли выдвинуть въ Государственной Думѣ партіи н.-с-овъ, какъ особую группу, чѣмъ-нибудь существеннымъ отличающуюся отъ группы трудовиковъ или с.-р-овъ. Тѣ тактическія и программныя различія (о значеніи подполья, о „неурѣзанной“ программѣ и т. п.), которыми н.-с-ы отличались отъ с.-р-овъ и о которыхъ такъ много было полемики въ печати, въ дѣятельности думскихъ фракцій не имѣли значенія, такъ какъ обѣ фракціи дѣйствовали на думской открытой аренѣ. Отдѣльные депутаты фракціи н.-с-овъ выдвигались или своей трудоспособностью, или какъ ораторы (Волкъ-Карачевскій), но ничего своеобразнаго н.-с-ы какъ фракція, въ думскую дѣятельность не внесли.

Въ своихъ первыхъ думскихъ выступленіяхъ н.-с-ы вмѣстѣ съ трудовиками и с.-р-ами шли за конституціонно-демократической партіей и отвѣтили „демонстративнымъ“ молчаніемъ въ отвѣтъ на декларацію министерства. Послѣ этого перваго опыта „береженія Думы“, н.-с-ы уже менѣе довѣрчиво отнеслись къ парламентской тактикѣ к.-д-товъ и вмѣстѣ съ с.-демократами, трудовиками и с.-рами старались удержать большинство Государственной Думы отъ компромиссовъ и отъ „сдачи позицій“.

По мѣрѣ развитія думской дѣятельности н.-с-ы все болѣе и болѣе отрицательно относятся къ „законодательной дѣятельности“ к.-д-товъ и уже черезъ мѣсяцъ, въ началѣ апрѣля, въ своемъ органѣ „Общественное дѣло“

ведутъ рѣзкую полемику съ тактикой думскаго центра, которымъ были к.-д-ты.

„Не въ работѣ, а въ борьбѣ заключается настоящее дѣло народнаго представительства", а отъ борьбы кадеты „планомѣрно и сознательно уклоняются.

Органъ партіи относится отрицательно къ готовности к.-д-товъ утвердить бюджетъ, относится отрицательно къ лозунгу „беречь Думу". Критика н.-с-овъ кадетской тактики дѣлается настолько рѣзкой и настойчивой,—что П. Милюковъ не безъ раздраженія называетъ нападки н.-с-овъ „нападеніемъ съ тылу".

Думская фракція н-с-овъ также начинаетъ все съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ относиться къ стремленію кадетовъ отодвигать наиболѣе важные и острые вопросы и законодательствовать на почвѣ рѣшенія мелкихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ правительствомъ для рѣшенія Государственной Думы.

Поскольку было возможно, фракція н.-с-овъ стремилась къ осуществленію задачи, поставленной партіей,—организаціи населенія. Несомнѣнно, дѣйствіемъ въ этомъ направленіи является предложеніе фракціи, которая, присоединяясь къ предложенію объ организаціи особаго комитета для контроля по продовольственной помощи населенію, предложила все продовольственное дѣло и снабженіе хлѣбомъ населенія передать въ его руки. Фракція предложила выработать законопроектъ объ образованіи особыхъ сельскихъ продовольственныхъ комитетовъ, избранныхъ на началахъ прямого, тайнаго и всеобщаго голосованія.

При разсмотрѣніи государственнаго бюджета фракція народныхъ соц. внесла предложеніе о примѣненіи дѣйствующихъ правилъ, о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи. Для расширенія правъ Государственной Думы фракція предложила: 1) отмѣнить 6, 8 и 9 ст. правилъ, по которой значительная часть государственныхъ расходовъ изъята изъ разсмотрѣнія Государственной Думы. 2) Измѣнить нѣкоторыя статьи правилъ съ цѣлью изъятія изъ вѣдѣнія Государственнаго Совѣта разсмотрѣніе части государственной росписи доходовъ и расходовъ; и 3) чтобы никакіе расходы не производились иначе, какъ по испрошеніи кредитовъ черезъ Государственную Думу.

По аграрному вопросу фракція н.-с-овъ цѣликомъ присоединилась къ аграрному проекту трудовой группы, выработанному, какъ упомянуто, н.-с-ами. Но въ виду дѣйствія земельнаго закона, изданнаго правительствомъ въ междудумье 9 ноября, фракція предложила издать временный законъ.

Основныя положенія этого временнаго закона, предложеннаго группой н.-с-овъ, заключаются въ слѣдующемъ:

Онъ долженъ измѣнить, пріостановить и вовсе отмѣнить законы, дѣйствіе которыхъ можетъ осложнить и затруднить планомѣрное рѣшеніе земельнаго вопроса народнымъ представительствомъ.

Для этого предлагается отмѣнить указы 12-го августа о распродажѣ удѣльныхъ земель, 27 авг. о распродажѣ казенныхъ земель, 9-го ноября объ укрѣпленіи надѣловъ и 15-го ноября о законѣ надѣльныхъ земель; прекратить скупку крестьянскимъ банкомъ частновладѣльческихъ земель; упразднить землеустроительныя комиссіи и для подготовки земельной реформы и завѣдыванія земельными дѣлами учредить мѣстные земельные комитеты, избранные на демократической основѣ и съ широкими полномочіями по землеустройству и регулированію земельныхъ отношеній.

Кромѣ перечисленныхъ самостоятельныхъ выступленій фракціи съ проектами законодательства, ею было выработано нѣсколько формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ по различнымъ запросамъ. По своему характеру предлагавшіяся формулы были аналогичны формуламъ другихъ соціалистическихъ партій. Въ общемъ, за короткій періодъ существованія фракціи н.-с-овъ въ Государственной Думѣ ея дѣятельность тѣсно примыкала къ дѣятельности с.-р-овъ съ одной стороны и трудовиковъ—съ другой, и важныхъ основаній для существованія этой фракціи отдѣльно отъ трудовиковъ не было.

Послѣ роспуска второй Государственной Думы и измѣненія избирательнаго закона партія н.-с-овъ, въ сущности, исчезла и политически ничѣмъ себя не проявляла.

П. П. Масловъ.

Ф. ДАНЪ и Н. ЧЕРЕВАНИНЪ.

Союзъ 17 Октября.

Ф. ДАНЪ и Н. ЧЕРЕВАНИНЪ.

Союзъ 17 октября.

I.

Ядро „Союза 17 октября“ сформировалось окончательно въ октябрѣ-ноябрѣ 1905 года и выступило впервые, какъ организованная группа, на ноябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей того же года.

Это выступленіе не было неожиданнымъ. Формированіе элементовъ, получившихъ впослѣдствіи названіе „октябристскихъ“, совершалось, подъ многосторонними и противорѣчивыми вліяніями бурной эпохи 1904—5 г.г., не всегда прямолинейно, но послѣдовательно и неуклонно. Элементы эти зародились прежде всего въ *земско-дворянской* средѣ. Къ нимъ примкнули впослѣдствіи извѣстные *торгово-промышленные* слои. И, наконецъ, въ дни октябрьско-декабрьской революціи и послѣ-декабрьской контръ-революціи въ „октябризмъ“ широкою струею хлынули элементы, сгруппированные, подъ руководствомъ *бюрократіи*, въ различныя „партіи порядка“,— „партіи“, вся задача которыхъ исчерпывалась непосредственною борьбою съ революціоннымъ движеніемъ и которыя имѣли задачею нащупать въ соціальныхъ и политическихъ интересахъ различныхъ классовъ тенденціи, пригодныя для содѣйствія старой власти въ дѣлѣ утвержденія контръ-революціоннаго „порядка“. Изъ взаимодѣйствія этихъ различныхъ элементовъ и приспособленія ихъ къ ходу общественнаго движенія и сложился „октябризмъ“.

Основное русло этого будущаго „октябризма“ ведетъ свое начало отъ такъ называемаго *„меньшинства“ ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904 года*, меньшинства, вождей котораго (Д. Шиловъ, А. Хомяковъ и др.) мы встрѣчаемъ впослѣдствіи въ числѣ основателей „союза 17 окт.“ Одинаково съ большинствомъ этого съѣзда, меньшинство заняло рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ бюрократическому „средостѣнію“, банкротство котораго было слишкомъ очевидно демонстрировано неудачною войною; одинаково съ большинствомъ, оно отстаивало необходимость элементарныхъ гражданскихъ свободъ. Но, въ отличіе отъ большинства, оно въ

особомъ мнѣніи высказалось рѣшительно противъ законодательнаго народнаго представительства и за законосовѣщательное; въ отличіе отъ большинства оно выступило рѣшительнымъ противникомъ всеобщаго и пр. избирательнаго права по отношенію какъ къ центральному народному представительству, такъ и къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, и добилось того, что въ резолюціяхъ съѣзда вопросъ объ избирательномъ правѣ былъ оставленъ безъ разрѣшенія; наконецъ, его же вліянію слѣдуетъ въ значительной степени приписать полное умолчаніе о соціальныхъ вопросахъ, какъ рабочемъ, такъ и крестьянскомъ, приданіе всѣмъ постановленіямъ съѣзда характера вѣрноподданнической манифестаціи настроенія узкихъ слоевъ имущаго общества и, наоборотъ, тщательное избѣганіе всего, что могло бы придать ноябрьскому акту смыслъ апелляціи къ широкому народному движенію или выраженія солидарности съ требованіями и методами этого движенія.

Такимъ образомъ, отличительной чертой „меньшинства“ была его значительно меньшая податливость напору начинавшагося уже въ это время демократическаго движенія и даже рѣшительная враждебность демократіи, съ одной стороны, соціальный и политическій консерватизмъ, крѣпко цѣпляющійся за свои позиціи и лишь послѣ упорнаго сопротивленія сдающій ихъ шагъ за шагомъ, съ другой. Отклики земскихъ собраній на резолюціи ноябрьскаго съѣзда, какъ и вся послѣдующая исторія земско-дворянскаго либерализма, показываютъ, что, составляя меньшинство на съѣздѣ „идеологовъ“ этого либерализма, выдвинутыхъ его предшествующимъ 40-лѣтнимъ развитіемъ, эти консервативные элементы, въ дѣйствительности, болѣе вѣрно и полно отражали подлинныя настроенія, начавшіяся складываться въ земле-владѣльческо-дворянской массѣ подъ вліяніемъ первыхъ же проблесковъ революціоннаго движенія вообще и крестьянскаго движенія въ частности.

Этотъ консерватизмъ былъ вынужденъ къ значительнымъ уступкамъ событіями первой половины 1905 года, когда, съ одной стороны, день 9 января и послѣдовавшая за нимъ волна всеобщихъ забастовокъ, демонстрацій и т. п. обнаружили рѣшительное намѣреніе народныхъ массъ активно вмѣшаться въ политическую тяжбу между „бюрократіей“ и имущимъ обществомъ, болѣе или менѣе пассивнымъ свидѣтелемъ которой онѣ были до тѣхъ поръ, а, съ другой,—рядъ новыхъ военныхъ неудачъ, завершившихся грандіозной катастрофой флота при Цусимѣ (14—15 мая), внесъ панику въ ряды „бюрократіи“ и вскрылъ ея полное банкротство. Собравшійся черезъ 10 дней послѣ гибели эскадры Рождественскаго новый, „коалиціонный“ съѣздъ, на которомъ впервые, на-ряду съ старымъ земскимъ штабомъ, появились новые делегаты, выбранные земскими собраніями, а также и городскіе дѣятели, въ своемъ извѣстномъ адресѣ, поднесенномъ

депутаціею 6 іюня, учелъ измѣнившееся положеніе въ томъ смыслѣ, что ввелъ въ число своихъ пожеланій равное и всеобщее избирательное право для выборовъ въ народное представительство, умолчавъ, впрочемъ, ради достиженія единогласія, о характерѣ этого представительства. Такимъ образомъ, всеобщее избирательное право явилось первою вынужденною уступкою консервативнаго крыла земско-городскихъ съѣздовъ напору демократическаго движенія. А дальнѣйшее развитіе событій привело къ тому, что бывшее „меньшинство“ ноябрьскаго съѣзда 1904 года и новые примкнувшіе къ нему элементы увидѣли себя вынужденными отказаться и отъ второго устоя своей политической программы — законосовѣщательнаго характера будущаго народнаго представительства.

Наоборотъ, въ соціальныхъ вопросахъ, особенно—крестьянскомъ, консервативное крыло земскаго либерализма обнаруживаетъ большое упорство. Резолюціи сентябрьскаго съѣзда 1905 г. по земельному и рабочему вопросамъ встрѣтили съ его стороны рѣшительную оппозицію. Онѣ были поэтому формулированы крайне обще, а составленное съѣздомъ воззваніе къ избирателямъ оговаривало, въ сущности, необязательность и этихъ общихъ рѣшеній ссылкой на то, что они касаются вопросовъ, „рѣшать которые придется только впослѣдствіи“.

Въ основное, дворянско-землевладѣльческое, русло консерватизма начала мало-по-малу вливаться новая замѣтная струя — *консерватизма торгово-промышленнаго*. Эта струя даетъ уже сильно знать себя на сентябрьскомъ съѣздѣ 1905 года, гдѣ глашатаемъ извѣстной части крупной буржуазіи выступаетъ А. И. Гучковъ. Эта часть буржуазіи сравнительно легко шла на уступки требованію демократизаціи избирательнаго права и болѣе или менѣе пассивно отнеслась къ постановкѣ на очередь аграрнаго вопроса. Ея консерватизмъ сказался пока въ другой плоскости или въ другой идейной оболочкѣ, чѣмъ консерватизмъ землевладѣльческій, — въ оболочкѣ имперіалистическихъ и націоналистическихъ тенденцій. Какъ ни слабо намѣчались эти тенденціи въ эпоху, для ихъ открытаго проявленія столь неблагопріятную, все же А. Гучковъ уже на сентябрьскомъ съѣздѣ открыто высказалъ, что для него критеріемъ политической „вражды“ или „союза“ служатъ такіе вопросы, какъ вопросъ объ автономіи Польши и вообще о „децентрализаціи законодательства“. Откликъ, встрѣченный этой націоналистической нотой и въ землевладѣльческой части съѣзда, былъ достаточно силенъ, чтобы побудить и побѣдившее большинство отказаться отъ внесенія имъ же принятыхъ резолюцій по указаннымъ вопросамъ въ воззваніе съѣзда къ избирателямъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ націоналистическая окраска программъ уже въ сентябрѣ 1905 г. явственно намѣтилась, какъ возможная идейная

платформа для объединенія всѣхъ элементовъ консерватизма, какъ крупно-капиталистическаго, такъ и землевладѣльческаго.

На слѣдующемъ—ноябрьскомъ (послѣднемъ) съѣздѣ 1905 года этотъ процессъ сближенія дворянскаго и крупно-буржуазнаго консерватизма на почвѣ болѣе или менѣе націоналистической программы намѣтился еще отчетливѣе. Но этому съѣзду предшествовали бурныя октябрьскія событія, крайне обострившія не только политическую, но и соціальную борьбу, ускорившія процессъ сплоченія однородныхъ элементовъ и вызвавшія къ жизни новыя политическія группировки.

Торгово-промышленная буржуазія не осталась въ сторонѣ отъ этого процесса и попыталась создать рядъ своихъ — „среднихъ", „умѣренныхъ" по политическому направленію — партій, которыя, послѣ короткаго періода самостоятельнаго или параллельнаго существованія, растворились въ „Союзѣ 17 октября" или, по крайней мѣрѣ, ввели въ его русло значительную часть собранныхъ ими подъ своимъ знаменемъ элементовъ.

Еще въ октябрѣ 1905 года бюро іюльскаго московскаго *съѣзда петербургскихъ и московскихъ торговцевъ и промышленниковъ* публикуетъ свою „программу". Здѣсь мы находимъ требованіе свободъ, всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права—съ двусмысленной оговоркой: для „полноправныхъ" гражданъ, отвѣтственности министерства передъ народнымъ представительствомъ, равноправія національностей и вѣроисповѣданій и т. д., и т. д. Эта программа еще не носитъ печати явно-агрессивной позиціи по отношенію къ народному движенію. Ея специфическій характеръ сказывается лишь въ умѣренности политическихъ требованій и формулировкѣ требованій экономическихъ и соціальныхъ. Въ экономической области программа стоитъ на почвѣ „покровительства промышленности", таможеннаго и тарифнаго. Въ области рабочаго вопроса опредѣленно выражено лишь требованіе свободы коалицій, государственнаго страхованія, распространенія законодательной охраны труда на сельское хозяйство и ремесло, но самое содержаніе и объемъ этой охраны оставлены совершенно въ тѣни. Наконецъ, въ аграрномъ вопросѣ программа стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости всяческаго поощренія подворнаго и личнаго землевладѣнія.

Нѣсколько иной, явно-агрессивный и контръ-революціонный характеръ носятъ „программы" различныхъ „торговопромышленныхъ" партій, возникшихъ или оформившихся въ разгаръ революціоннаго движенія. Какъ бы различны ни были эти программы — особенно въ области политической, — остріе ихъ, какъ и остріе партійной тактики направлено непосредственно противъ революціонныхъ партій и противъ рабочаго класса. Начинающаяся прикровенная реакція буржуазныхъ классовъ ищетъ подходящаго идейнаго знамени и находитъ его въ имперіализмѣ и націонализмѣ, тоже еще при-

кровенныхъ, допускающихъ признаніе равноправія всѣхъ національностей, отводящихъ широкую сферу примѣненію національныхъ языковъ и т. д., но придающихъ особенно „боевой“ смыслъ лозунгу „единства и недѣлимости Россіи“.

Наиболѣе слабо выражены этого рода тенденціи въ программѣ *„Торгово-промышленнаго союза“*. Эта партія, возникшая въ октябрѣ—ноябрѣ 1905 г. (программа утверждена 704 голосами 11 ноября), объединила въ своихъ рядахъ среднее петербургское купечество (главнымъ образомъ, торговцевъ Апраксина рынка и Гостинаго двора). Въ извѣстныхъ, крайне узкихъ, предѣлахъ, „не угрожающихъ единству Имперіи и ея общему управленію“, она допускаетъ даже „автономію“ окраинъ, но съ непремѣннымъ изъятіемъ изъ сферъ ея дѣйствія арміи, основныхъ законовъ, почты, монетнаго дѣла, внѣшней политики, системы государственныхъ налоговъ и высшаго кассаціоннаго суда. Въ то же время „политическимъ идеаломъ“ своимъ партія выставляетъ „водвореніе среди гражданъ Имперіи здороваго, основаннаго на свободахъ, патріотизма, какъ залога внѣшняго и внутренняго могущества страны“.

Экономическая программа „союза“ крайне бѣдна и носитъ на себѣ яркую печать своего происхожденія: она почти исключительно посвящена вопросамъ торговли. Зато въ политической области „союзъ“ обнаруживаетъ достаточный радикализмъ, требуя для первой Думы права „самоорганизаціи“, т.-е. широкихъ учредительныхъ функцій, обязательности всѣхъ законовъ, принятыхъ двумя послѣдовательными Думами, министерства, „опирающагося на большинство Думы и утверждаемаго Государемъ“, и т. д. Но всѣ эти широкія права (въ томъ числѣ выработка окончательнаго избирательнаго закона) должны быть, по мнѣнію авторовъ программы, предоставлены первой Думѣ, избранной на основѣ Булыгинскаго закона 6 августа, и дѣйствительный ходъ ихъ мыслей виденъ изъ мотивировки, которую они даютъ своему требованію о предоставленіи Думѣ права „самоорганизаціи“: „лишить Г. Д. права самоорганизаціи равносильно признанію необходимости созыва *учредительнаго собранія*, въ которое вошли бы элементы *крайнихъ политическихъ партій*, чуждые знанія нашей народной жизни и практически творческаго духа“. Такимъ образомъ идея программы сводится къ созданію—въ лицѣ Думы — *цензоваго* учредительнаго собранія на основѣ положенія 6 авг., какъ оплота противъ революціи.

Аналогичная „торгово-промышленному союзу“ московская *„умѣренно-прогрессивная партія“* имѣетъ, какъ сама заявляетъ, программу, „по многимъ вопросамъ сходственную съ программой к.-д. партіи“. Но — „мы рѣшительно противъ автономіи и федераціи“ и „иначе относимся къ нѣкоторымъ вопросамъ рабочаго законодательства“.

Послѣ сказаннаго выше, пояснить значеніе этихъ оговорокъ программы, какъ и ея протеста противъ „неумѣренныхъ требованій крайнихъ радикальныхъ партій“, нѣтъ надобности.

На-ряду съ только-что названными двумя партіями, представлявшими попытку организаціи средняго купечества, тѣ же октябрьско-ноябрьскіе дни положили начало—въ Петербургѣ и Москвѣ—возникновенію двухъ партій крупнаго промышленнаго и торговаго капитала. Петербургская *„прогрессивная экономическая партія“*, во главѣ которой стали будущіе „октябристы“—М. Н. Трипolитовъ, Я. П. Бѣляевъ и др.—еще 21 октября, въ дни колоссальнаго общественнаго возбужденія, выпускаетъ воззваніе съ призывомъ „не къ упоенію свободой, не къ радости и торжеству успѣха“, а къ „серьезному, дѣловому, патріотическому настроенію“, а также къ подготовкѣ къ выборамъ въ Думу съ опредѣленной цѣлью борьбы съ „крайними партіями“. „Нельзя допустить, чтобы... вопросы (въ Думѣ) рѣшались людьми, чуждыми практическому дѣлу, и надо употребить всѣ усилія, чтобы провести въ Думу надежныхъ людей, понимающихъ истинный смыслъ хозяйственныхъ отношеній“. Въ особомъ обращеніи къ „людямъ труда“ партія ставила во главу угла своей программы лозунгъ: „Россія и ея окраины нераздѣльны“ и рѣзко нападаетъ на „людей смуты и мятежа“, мечтающихъ „о какомъ-то „пролетарскомъ“ государствѣ и „забывающихъ“ вѣковые историческіе устои великаго нашего народа, всегда полагавшаго свое основное благополучіе въ общеніи съ Царемъ“.

Въ остальномъ экономическая и политическая программа партіи совпадаетъ съ программой „бюро московскаго съѣзда“, съ тѣмъ дополненіемъ, что въ экономической части, на-ряду съ протекціонизмомъ, требуется передача казенныхъ заказовъ исключительно отечественной промышленности, а въ политическую вписано требованіе „широкой амнистіи“.

Еще болѣе опредѣленную контръ-революціонную позицію занимаетъ съ самаго начала возникшая позже московская *„торгово-промышленная партія“*, воззваніе которой подписано почти всѣми королями промышленности московскаго раіона съ Г. А. Крестовниковымъ, однимъ изъ основателей „Союза 17 октября“, во главѣ. Партія „требуетъ прежде всего возстановленія и соблюденія въ странѣ законнаго *порядка*... требуетъ, чтобы всѣ жизненные вопросы государства и народа рѣшались въ Государственной Думѣ, а не вырывались до ея осуществленія путемъ смутъ, возмущеній, буйства, забастовокъ“.

Всякое дальнѣйшее движеніе за предѣлы Государственной Думы и манифеста 17 октября рѣшительно отвергается и очередной задачей выдвигается поддержка министерства гр. Витте. „Необходимо быстро соединиться лицамъ правопорядка“, говоритъ воззваніе партіи къ избирателямъ (12 ноя-

бря)... „для содѣйствія правительственной власти въ дѣлѣ успокоенія страны и проведенія въ жизнь возвѣщенныхъ новыхъ основъ“ [1]).

Соотвѣтственно этому и вся программа партіи исчерпывается четырьмя пунктами: „I. Полное содѣйствіе правительству по проведенію въ жизнь новыхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября 1905 г., и по огражденію законномѣрнаго правопорядка. II. Сохраненіе цѣлости Россіи [2]) III. Регулированіе дарованныхъ манифестомъ 17 октября населенію правъ... законами, гарантирующими цѣлость государства и ограждающими какъ личность отдѣльныхъ гражданъ, такъ и вообще населеніе [3]). IV. „Созидательная дѣятельность Государственной Думы“, которая, въ свою очередь, рисуется авторамъ программы, какъ посвященная исключительно вопросамъ народнаго просвѣщенія, налоговымъ [4]), вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, покровительства промышленности, рабочему [5]) и крестьянскому [6]).

Но ярче, чѣмъ программой, обрисовывается соціально-политическій характеръ партіи и смыслъ ея дѣятельности въ описываемую эпоху „дополненіемъ къ программѣ № 1“, посвященнымъ, между прочимъ, вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ. Тезисы, формулированные партіей по вопросу о томъ, съ кѣмъ она „не можетъ сойтись“ на выборахъ, настолько характерны—и притомъ не только для торгово-промышленной партіи, а, значительной частью, и для всѣхъ тѣхъ пластовъ, которые начали собираться какъ разъ въ это время подъ знамя „октябризма“,—что мы позволимъ себѣ привести довольно длинную выдержку изъ упомянутаго „дополненія“.

Итакъ, 1) „мы не можемъ сходиться съ тѣми партіями, которыя проводятъ въ своихъ программахъ недовольство дарованнымъ Государемъ Императоромъ манифестомъ 17 октября и требуютъ или его отмѣны и возвращенія къ старымъ порядкамъ, или же иного, а не конституціоннаго строя. Къ послѣднимъ принадлежатъ партіи соціалдемократовъ и революціонеровъ... Они хотѣли отнять всякую собственность у людей, какъ они говорили, націонализировать ее... Въ своихъ программахъ они большею

---

[1]) „Отзовитесь, люди, жаждущіе прекращенія смуты, желающіе возстановленія порядка!“—восклицаетъ объяснительная записка къ программѣ партіи.—„Присылка только открытаго письма (съ записью въ члены) отъ каждаго изъ васъ можетъ послужить къ спасенію отечества“ (Sic!).

[2]) „У насъ есть автономная Финляндія, но другимъ окраинамъ автономіи давать нельзя“. „Объясн. зап“.

[3]) Необходимо „установленіе строгихъ наказаній за злоупотребленія свободой, напр., за „снятіе“ рабочихъ, „желающихъ продолжать работу“. Ib.

[4]) Программа высказывается за „прогрессивный подоходный налогъ“. Ib.

[5]) „Установленіе условій труда, быта и рабочихъ организацій въ соотвѣтствіи съ результатами, достигнутыми въ болѣе развитыхъ промышленныхъ странахъ. Ib.

[6]) „Главное наше несчастіе, главное зло, доведшее нашихъ крестьянъ до общаго обнищанія, заключается въ общинномъ землевладѣніи“. Ib

частью говорятъ пока только о націонализаціи (отобраніи въ казну) *земли* помѣщичьей, удѣльной и кабинетской, но это только для начала, а затѣмъ они будутъ требовать и отобранія отъ всѣхъ въ казну всякаго другого имущества. Поэтому мы не можемъ сходиться со всѣми тѣми, кто говоритъ о надѣлѣ даромъ крестьянъ землею, объ отобраніи земли у помѣщиковъ".

2) „Мы не можемъ сойтись со всѣми тѣми, кто говоритъ о созывѣ *Учредительнаго Собранія*, или кто изъ перваго собранія Гос. Думы хочетъ сдѣлать только учредительное собраніе... Въ Россіи имѣется *Государственный Совѣтъ*... и всякое измѣненіе въ положеніи о Гос. Думѣ должно проходить черезъ оба эти высшія государственныя учрежденія порядкомъ, впередъ строго опредѣленнымъ".

3) „Мы не можемъ сойтись со всѣми тѣми, кто высказывается за *расчлененіе Россіи*, кто соглашается предоставить автономное управленіе (со своимъ сеймомъ и со своими законами) Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ и т. д... Мы стоимъ за равноправіе всѣхъ русскихъ подданныхъ, за право каждаго народа учиться, судиться, говорить на своемъ языкѣ".

4) „Мы не можемъ сойтись со всѣми тѣми, кто сулитъ рабочимъ *8-часовой рабочій день*. Это требованіе тѣхъ же соціалистическихъ партій, желающихъ производить надъ Россіей опыты примѣненія своихъ несбыточныхъ теорій." И, наконецъ,

5) „Мы не можемъ сойтись со всѣми тѣми, кто требуетъ полнаго сложенія или пониженія *таможенныхъ пошлинъ*, иными словами, кто считаетъ, что для страны все равно, будутъ ли въ ней продаваться товары своего издѣлія или иностраннаго".

Въ этомъ наивно-откровенномъ изложеніи символа вѣры, одинаковымъ, ультимативно-отрицательнымъ отношеніемъ объемлющаго и предполагаемое стремленіе соціалистическихъ партій къ „отобранію въ казну" всего имущества, и „пониженіе таможенныхъ пошлинъ", рѣзко сказывается преобладающее контръ-революціонное настроеніе, прокладывающее мостъ къ сближенію между извѣстными слоями буржуазіи и дворянскаго землевладѣнія.

Правда, въ программахъ партій буржуазіи прорывается и извѣстный антагонизмъ къ дворянству. Такъ, та-же „торговопромышленная партія" заявляетъ, что „земство изъ сословнаго съ громаднымъ преобладаніемъ дворянства должно быть превращено въ учрежденіе безсословное", а, напр., „торгово-промышленный союзъ" и въ болѣе общей формѣ протестуетъ противъ „привилегій дворянъ". Но ни въ одной программѣ нѣтъ и рѣчи о непримиримой борьбѣ съ дворянствомъ, какъ сословіемъ, и, наоборотъ, во всѣхъ защита имущественныхъ интересовъ этого сословія усиленно подчеркивается, какъ необходимая мѣра борьбы съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціи. А переходъ и значительной части дворянства на точку зрѣнія не

укрѣпленія и сохраненія общины, а быстраго разрушенія ея, какъ единственнаго способа ослабить движеніе крестьянства и обезпечить наиболѣе выгодныя для дворянства условія ликвидаціи земельной собственности, сохраненію которой въ рукахъ помѣщиковъ грозила серьезная опасность,— дѣлаетъ и земельную программу партій буржуазіи вполнѣ пріемлемой для значительнаго слоя землевладѣльцевъ. При такихъ условіяхъ частные антагонизмы, какъ и протекціонизмъ, прикрываемый націоналистическимъ флагомъ заботъ о товарахъ „отечественнаго“ издѣлія, не могли, разумѣется, служить помѣхою для политическаго сближенія двухъ соціальныхъ группъ, ни одна изъ которыхъ не имѣла еще, подъ кровомъ „стараго порядка“, исторической возможности всесторонняго самоопредѣленія, въ моментъ, когда имъ обѣимъ—хотя и съ разныхъ сторонъ—угрожало бурное народное движеніе.

Борьба съ народными массами и опиравшимися на нихъ крайними партіями заслоняла собою въ данный моментъ всѣ другіе интересы и заставляла значительную часть привилегированныхъ классовъ враждебно ощетиниваться „налѣво“ и, наоборотъ, обнаруживать большую податливость ко всему, что лежало „направо“ и, въ тѣхъ или другихъ интересахъ, готово было къ рѣшительной борьбѣ съ революціей. Въ только-что цитированныхъ тезисахъ „торгово-промышленной партіи“ мы видѣли, какъ мягко эта партія упоминаетъ о тѣхъ, кто „требуетъ его (манифеста 17 октября) отмѣны и возвращенія къ старымъ порядкамъ“, чтобы затѣмъ совершенно забыть о нихъ и направить всю силу своихъ ударовъ налѣво. Это настроеніе создавало опять-таки новый мостъ—къ старой бюрократіи и организованнымъ ею „партіямъ порядка“, а черезъ нихъ сближало данные буржуазно-дворянскіе слои и съ такъ называемымъ „черносотенствомъ“— прямымъ орудіемъ нарождавшагося союза старой государственной власти съ открыто-реакціоннымъ помѣщичьимъ дворянствомъ.

Такихъ „партій порядка“ возникло въ описываемую эпоху и въ столицахъ, и въ провинціи безчисленное множество, и программы ихъ были безконечно разнообразны—примѣнительно къ тому слою населенія, на уловленіе котораго данная „партія“ была разсчитана. Такъ среди „партій“, назначеніемъ которыхъ было облегчить контръ-революціонную мобилизацію тѣхъ слоевъ, о которыхъ шла рѣчь выше, мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, *„Демократическій союзъ конституціоналистовъ“* съ программой, во многихъ частяхъ совпадающей съ программой к.-д. партіи, и, съ другой,— *„народно-хозяйственную партію“*, политическій символъ вѣры которой исчерпывается признаніемъ Государственной Думы и провозглашеніемъ принципа: „православной *вѣрѣ*—духовное господство, другимъ вѣрамъ—свобода почитанія; русской государственной *народности*—всеобъединяющее преобла-

даніе, всѣмъ областямъ—свобода хозяйственнаго благоустроенія во всемъ, что не противорѣчитъ нераздѣльному единству русскаго государства".

Но, какъ бы ни были различны программы этихъ „партій", дѣятельность ихъ почти цѣликомъ исчерпывается непосредственной борьбою съ революціоннымъ движеніемъ, рабочимъ—въ городѣ, крестьянскимъ—въ деревнѣ. Типичной является въ этомъ отношеніи *„партія правового порядка"*, возникшая въ Петербургѣ въ серединѣ октября 1905 года и насчитывавшая въ числѣ своихъ учредителей будущихъ основателей (Н. Н. Перцовъ, графъ В. А. Тизенгаузенъ) и видныхъ членовъ (А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ, Половцовъ, и др.) „Союза 17 октября" [1]).

И программа п. п. п. выдвигаетъ на первый планъ требованіе „сильной государственной власти", „усовершенствованія военныхъ силъ", „единства и недѣлимости Россіи", какъ „пункта, при настоящихъ обстоятельствахъ, самаго важнаго въ программѣ", и т. п. Но, въ общемъ и цѣломъ программа стоитъ на почвѣ конституціонной монархіи и умѣреннаго либерализма. Подъ прикрытіемъ этой программы „партія", съ перваго же дня своего возникновенія, пытается внести междуусобіе въ рабочее движеніе, подбираетъ кадръ штрейкбрехеровъ, поставляетъ замѣстителей (съ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ во главѣ) бастующихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и, какъ впослѣдствіи (въ воззваніи отъ 18 дек.) разоблачаетъ одинъ изъ ея основателей, прис. пов. В. П. фонъ-Эгертъ, организуетъ „цѣлый штатъ тайныхъ агентовъ для наблюденія и оперированія среди рабочихъ на заводахъ, для выслѣживанія тамъ дѣйствій соціалдемократовъ". Роль „партіи", руководящій персоналъ которой въ значительной долѣ состоитъ изъ чиновниковъ, какъ соединительнаго звена между крупно-капиталистическимъ міромъ, съ одной стороны, міромъ старой бюрократіи, охранной полиціи и „черносотенства", съ другой,—совершенно очевидна.

Такъ, съ трехъ разныхъ сторонъ,—со стороны дворянскаго консерватизма, вынужденнаго поступиться своими славянофильскими мечтаніями, со стороны капиталистической буржуазіи, напуганной народнымъ движеніемъ, и со стороны бюрократической демагогіи, готовой на словахъ присягнуть любой „программѣ",—стекаются элементы, сплоченіе которыхъ создаетъ „Союзъ 17 октября". Ярко выраженное контръ-революціонное настроеніе является цементомъ, скрѣпляющимъ соединеніе этихъ разнородныхъ элементовъ, а имперіалистская и націоналистическая окраска программы — ихъ общимъ идейнымъ знаменемъ, дающимъ возможность сближенія и кооперації и съ тѣми отрядами контръ-революціонной арміи, которые расположены дальше „направо".

---

[1]) Къ „партіи прав. пор." тяготѣли и сливались съ нею однородныя провинціальныя организаціи, возникавшія подъ благовидными названіями „прогрессивныхъ", „народно-прогрессивныхъ" и т. п. партій.

II.

Ноябрьскій земско-городской съѣздъ 1905 года собрался, когда революціонное движеніе еще далеко не исчерпало себя и не разрушило стоявшихъ передъ нимъ задачъ, но въ то же время, захватывая новыя сферы и новые соціальные пласты, успѣло уже вскрыть наличность глубокихъ противорѣчій въ рядахъ „освободительной“ арміи.

Съѣзду предстояло занять опредѣленную позицію по отношенію къ революціи и контръ-революціонной борьбѣ министерства Витте-Дурново. И если значительное большинство съѣзда не считало возможнымъ окончательно порвать нити, связывавшія его съ революціоннымъ движеніемъ, и даже, въ лицѣ болѣе экспансивныхъ ораторовъ своихъ, готово было заявить, что „отрекаться намъ отъ революціи значитъ отрекаться отъ самихъ себя“ (И. И. Петрункевичъ), то небольшая группа членовъ только-что возникшаго „Союза 17 октября“ выступила рѣшительною сторонницею контръ-революціи и поддержки министерства.

Еще до съѣзда и до окончательнаго конституированія „Союза 17 октября“ гр. Витте велъ переговоры съ будущими видными членами „союза“ (Д. Шиповымъ, А. Гучковымъ, гр. Гейденомъ и др.), какъ и съ нѣкоторыми членами другихъ партій (напр. кн. Е. Трубецкимъ), по своему политическому складу примыкавшими къ „октябристамъ“. Вступленіе этихъ „общественныхъ дѣятелей“ въ министерство не состоялось, какъ можно заключить изъ недавней газетной полемики между А. Гучковымъ и гр. Витте, изъ-за упорнаго желанія послѣдняго дать постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, обезпечивъ такимъ образомъ сохраненіе полицейскаго аппарата въ рукахъ старой бюрократіи и обрекая „общественныхъ дѣятелей“ на роль пассивныхъ соучастниковъ политики, направляемой этимъ аппаратомъ.

Но, какъ бы то ни было, разрывъ переговоровъ о вступленіи въ министерство не помѣшалъ тому, что „октябристы“, отказавшіеся во второй половинѣ октября безоговорочно поддерживать политику Витте-Дурново извнутри кабинета, уже въ первой половинѣ ноября выражаютъ полную готовность оказать такую поддержку, не покидая своихъ „общественныхъ“ постовъ. Отдѣльныя лица изъ ихъ среды, правда, выступаютъ на съѣздѣ съ жалобами на двуличіе правительства, дающаго „конституцію“ и продолжающаго „называть верховную власть самодержавной“; выражаютъ недовѣріе направленію дѣятельности отдѣльныхъ министерствъ, какъ, напр., м-ва юстиціи; и даже протестуютъ противъ такихъ, ничѣмъ не вызванныхъ мѣръ репрессіи, какъ введеніе военнаго положенія въ Польшѣ (гр. Гейденъ). Но

это — лишь отдѣльные голоса людей, не съумѣвшихъ еще оріентироваться въ различіи сегодняшней своей позиціи отъ вчерашней и потому вносящихъ нѣкоторый диссонансъ въ общій тонъ заявленій „октябристской“ группы.

Въ общемъ же члены этой группы выступаютъ безъ колебаній. Напрасно „глумятся надъ учрежденіемъ сатрапій, какъ средства борьбы съ аграрными безпорядками“, заявляетъ саратовскій делегатъ А. О. Немировскій; „но пусть укажутъ конституціонное средство противъ такого явленія. Когда вспыхнулъ пожаръ, надо его тушить, не раздумывая долго надъ средствами. Не время заниматься и оцѣнкой дѣятельности гр. Витте... Ему приходится вести войну на два фронта, — и противъ реакціи, и противъ крайнихъ партій. Ему нужна поддержка со стороны общества, и мы должны дать ему эту поддержку“. О томъ же говоритъ рязанскій делегатъ, кн. Волконскій: „пора принять протянутую намъ правительствомъ руку“ и „оказать ему содѣйствіе“. Ему вторятъ и псковскій делегатъ Неклюдовъ („не будемъ мѣшать правительству, ставя условіемъ содѣйствія ему разныя требованія, да еще такія, какъ 4-членное избирательное право“), и харьковскій Кучеровъ, который „считаетъ программу гр. Витте подходящей къ средпнному теченію въ земской средѣ“ и выражаетъ готовность „поддержать гр. Витте въ проведеніи его программы“. Наконецъ, и лидеръ „Союза 17 октября“ выступаетъ съ заявленіемъ объ образованіи новой „политической группы, отвергающей учредительное собраніе и требующей скорѣйшаго созыва Государственной Думы“. Поясняя программу этой группы, А. И. Гучковъ говоритъ: „намъ нужно всеобщее (но не прямое) избирательное право, конституціонная монархія, осуществленіе свободъ“, а переходя къ критикѣ министерства Витте-Дурново, данной въ предложенномъ бюро съѣзда проектѣ резолюціи, выражаетъ убѣжденіе, что „ни одна страна въ исключительные моменты не обходится безъ военнаго положенія. Представители Польши говорятъ, что введеніе его у нихъ ничѣмъ не вызвано. Но это не такъ, я знаю: въ Польшѣ вооруженное возстаніе. Далѣе, что подразумѣвается въ резолюціи словами объ огражденіи отъ насилій? Вѣдь, насилія начались со стороны революціонеровъ. Если говорить объ огражденіи, такъ надо ограждать съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ одну сторону предлагаютъ наказывать, другую — амнистировать... Мы руки крайнимъ партіямъ, конечно, не протянемъ!“ Въ духѣ этой рѣчи и вноситъ М. А. Стаховичъ отъ имени своего, кн. Голицына, Н. И. и А. И. Гучковыхъ, кн. Волконскаго и др. контръ-проектъ резолюціи, заканчивающійся предложеніемъ „оказывать правительству содѣйствіе въ поддержаніи порядка“.

Контръ-революціонное настроеніе было самымъ отличительнымъ признакомъ „новой политической группы“, вождемъ которой выступалъ на съѣздѣ А. И. Гучковъ. Націоналистическая окраска ея давала себя знать

еще сравнительно слабо, высказывалась осторожно. Въ эту пору, когда національнзмъ не смѣлъ еще провозгласить открыто безпощадное культурно-политическое подавленіе „инородцевъ“, онъ, естественно, обращается, въ первую голову, не противъ обычнаго и самого доступнаго объекта національнстической травли—евреевъ, а противъ національностей, объединенныхъ территоріально и имѣющихъ извѣстныя традиціи своей, національной „государственности“. Не „господствующее положеніе русской народности“, а „недѣлимость Россіи“ является въ эту эпоху боевымъ лозунгомъ октябристскаго національнзма; не евреи, а поляки,—такъ какъ съ особымъ положеніемъ Финляндіи приходится до поры, до времени мириться,—его главнымъ „внутреннимъ врагомъ“.

По еврейскому вопросу съѣздъ не только *единогласно* высказывается за немедленное уравненіе евреевъ въ правахъ и немедленное же прекращеніе дѣйствія всѣхъ ограничительныхъ законовъ, правилъ и циркуляровъ, но столь же единогласно „признаетъ безусловно необходимымъ актомъ справедливости, чтобы государство пришло на помощь населенію (еврейскому), лишившемуся средствъ къ существованію“ „вслѣдствіе погромовъ, совершавшихся при полномъ бездѣйствіи властей“. Болѣе того. Защита евреевъ отъ національнаго угнетенія является даже въ устахъ октябристовъ лишнимъ аргументомъ противъ автономіи Польши. „Развѣ вся Польша представлена здѣсь?“—спрашиваетъ П. И. Гучковъ. „А спросили мы евреевъ, другія народности въ Польши, другія партіи, кромѣ четырехъ здѣсь представленныхъ, какая автономія имъ нужна?“ Точно такъ же и А. И. Гучковъ думаетъ, что „нельзя бросить въ котелъ польской автономіи и литовцевъ, и евреевъ, и русскихъ“.

Но и въ постановкѣ борьбы противъ требованія „автономіи Польши“ замѣчается какъ будто нѣкоторое колебаніе. На сентябрьскомъ съѣздѣ А. И. Гучковъ ставилъ вопросъ объ „автономіи“ крайне рѣзко и затѣмъ, вмѣстѣ еще съ 11 лицами, рѣшительно протестовалъ (въ „Моск. Вѣдомостяхъ“) противъ резолюціи съѣзда, высказавшагося въ пользу автономіи Польши, какъ выраженія явнаго стремленія къ расчлененію Россіи. Теперь, въ разгаръ революціонныхъ событій, передъ лицомъ необходимости противоставить революціи сплоченіе всѣхъ элементовъ консерватизма, хотя бы и „инородческаго“, отношеніе къ вопросу объ „автономіи“ становится гораздо болѣе осторожнымъ. А. И. Гучковъ уже опредѣленно заявляетъ, что „не думаетъ, чтобы тенденція къ автономіи Польши повела къ полному отдѣленію ея отъ Россіи“. Ему вторятъ и другіе октябристы, которые идутъ еще дальше, предлагая „отложить“ рѣшеніе вопроса объ „автономіи Польши“ до Думы. Такъ Н. И. Гучковъ говоритъ: „взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я не рѣшаюсь подавать голосъ за требованіе автономіи Польши и предлагаю отло-

жить рѣшеніе этого вопроса до Думы". Въ томъ же духѣ высказываются Арцыбашевъ (Казань), Красовскій (Петербургъ) и др. Наконецъ, извѣстный отпечатокъ на аргументацію противъ „автономіи Польши" накладываетъ и то обстоятельство, что въ эту пору застрѣльщикомъ борьбы за „недѣлимость Россіи" является не столько дворянско помѣщичья [1]), сколько торгово-промышленная половина „Союза 17 октября". Для А. И. Гучкова противъ автономіи говоритъ то обстоятельство, что при ней „наша связь съ Польшей будетъ такъ слаба, что всѣ выгоды этой связи будутъ на ихъ сторонѣ, а тягости—на нашей". Немировскій тоже высказывается противъ автономіи „по соображеніямъ экономическаго характера": „Польша болѣе развита экономически и культурно, чѣмъ Россія, и можетъ во многихъ отношеніяхъ обездолить послѣднюю," и т. д. [2]). Оборонительная позиція культурно-низкаго капиталистическаго хозяйства, опасающагося конкурренціи высшей культуры нѣкоторыхъ окраинъ, сказывается въ этихъ заявленіяхъ такъ же отчетливо, какъ и отсутствіе возвеличенія „русской" культуры насчетъ культуры „инородческой", столь характернаго дня позднѣйшей эпохи [3]).

Попыткой подмѣнить требованіе амнистіи требованіемъ „пересмотра" дѣлъ политическихъ, религіозныхъ и т. д. и связать протестъ противъ смертной казни съ „безусловнымъ осужденіемъ насилія и убійства, какъ средствъ политической борьбы", дополняется характеристика позиціи, занятой на съѣздѣ „новой политической группой".

---

[1]) Какъ мы видѣли выше, гр. Гейденъ счелъ даже нужнымъ протестовать противъ введенія военнаго положенія въ Польшѣ, которое защищалъ А. И. Гучковъ.

[2]) Немировскій такъ пояснялъ свою мысль: „напр., допустимъ, что пудъ саратовской пшеницы доставляется въ Варшаву на 2—3 коп. дешевле, чѣмъ пудъ муки. Что изъ этого выйдетъ? Саратовскую пшеницу будутъ молоть въ Варшавѣ, и приволжскій людъ отъ этого пострадаетъ. Мнѣ возразятъ, что желѣзнодорожные тарифы будутъ устанавливаться общеимперскимъ законодательствомъ. Но есть рядъ другихъ пріемовъ (напр., поощреніе мѣстныхъ дорогъ), которыми можно добиться тѣхъ же результатовъ". Понятно, что въ *этой* плоскости русскіе дворяне-помѣщики быть „націоналистами" не могли: для нихъ болѣе высоко развитыя—экономически и культурно—окраины являются потребителями хлѣба, а не конкурентами.

[3]) Разительнымъ свидѣтельствомъ низкаго уровня „народной гордости" у тогдашнихъ октябристскихъ „націоналистовъ" служатъ, напр., слѣдующія соображенія Н. И. Гучкова противъ автономіи Польши: „Вопросъ объ автономіи кромѣ того вопросъ международный. Отъ польскихъ делегатовъ мы имѣемъ неоспоримыя свѣдѣнія о нотѣ, посланной изъ Берлина въ Петербургъ и запрещающей автономію. Это позорно для насъ, но это—фактъ. Не мы создали такое положеніе, какъ не мы начали войну съ Японіей, но платиться придется за все намъ". По вопросу же о „культурѣ" уже значительно позже, передъ самыми выборами въ 1-ю Думу, г. Петрово-Соловово, протестуя противъ ссылокъ въ защиту автономіи Польши на автономію англійскихъ колоній, заявляетъ: „дѣло въ томъ, что въ странахъ, гдѣ автономныя области въ культурномъ отношеніи стоятъ ниже метрополій, политическая автономія, какъ бы она ни была широка, не представляетъ опасности для государства, ибо въ силу соціальнаго закона высшая культура подчиняетъ своимъ авторитетомъ культуру низшую". (Брошюра „Союзъ 17 окт. и его критики". Москва 1906, изданіе Союза 17 окт. стр, 9).

Общія положенія программы „Союза 17 октября“ были изложены въ его „воззваніи“, подписанномъ членами московскаго (10 ноября 1905 г.) и петербургскаго (14 ноября) „центральныхъ комитетовъ“. Программа стояла на почвѣ конституціонной монархіи, на основѣ „общаго избират. права“, при чемъ, по мнѣнію ея авторовъ, „монархія именно при настоящихъ условіяхъ призвана осуществить свое предназначеніе—явиться умиротворяющимъ началомъ въ той рѣзкой борьбѣ, борьбѣ политической, національной и соціальной, для которой открывается нынѣ широкій просторъ провозглашеніемъ политической и гражданской свободы“. Признавая необходимость широкихъ и гарантированныхъ судебною защитою гражданскихъ правъ, „воззваніе“ высказывалось рѣшительно противъ учредительнаго собранія и за неотложный созывъ Гос. Думы. Оно давало и программу будущихъ работъ Думы въ видѣ перечисленія тѣхъ „вопросовъ первостепенной государственной важности“, которые Дума, „приступивъ къ органической созидательной работѣ“, „должна себѣ намѣтить для разработки и постепеннаго разрѣшенія“.

Первое мѣсто въ ряду этихъ вопросовъ занимаетъ вопросъ *крестьянскій*. „Воззваніе“ рѣшало его такъ, что, помимо заботъ о поднятіи производительности земледѣлія, рекомендовало регулированіе мелкой аренды, преобразованіе крестьянскаго банка, разселеніе и переселеніе, признаніе государственныхъ и удѣльныхъ земель фондомъ для надѣленія нуждающихся въ землѣ крестьянъ, разверстаніе чрезполосныхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель и, наконецъ, „при недостаточности этихъ мѣръ, допустимое въ случаяхъ государственной важности отчужденіе части частновладѣльческихъ земель на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія, устанавливаемыхъ законодательною властью“. При общей неопредѣленности этой аграрной программы бросается въ глаза, что въ ней отсутствуетъ борьба съ общиною и поддержка подворнаго и хуторскаго хозяйства, которымъ суждено было вскорѣ стать основными устоями октябристской программы по крестьянскому вопросу [1]).

Программа по *рабочему вопросу* крайне скудна и туманна и вся подчинена принципу, что рабочій вопросъ „не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно... безъ поддержки промышленности вообще“. Отсюда требованіе

---

[1]) Противообщинныхъ тенденцій незамѣтно вначалѣ и въ брошюрной литературѣ октябристовъ. См., напр., листовку «О землѣ», помѣченную 24 декабря 1905. Лишь съ начала 1906 г., послѣ того, какъ рабочее и крестьянское движенія были подавлены, и послѣ того, какъ январьскій съѣздъ предводителей дворянства высказался за подворное и хуторское землевладѣніе, борьба съ общиной становится во главу угла октябристской аграрной политики. См., напр., изданныя въ это время брошюры: А. Еропкинъ, Аграрныя проблемы; С. И. Яковлевъ, О землѣ и свободѣ (а также отдѣльный оттискъ изъ этой брошюры—«Объ общинѣ») и др.

„пересмотра, усовершенствованія и расширенія законодательства о рабочихъ въ соотвѣтствіи съ мѣстными особенностями отдѣльныхъ производствъ“; отсюда же,—на-ряду съ признаніемъ „свободы профессіональныхъ союзовъ и свободы стачекъ“, требованіе „законодательнаго регулированія экономической борьбы“ путемъ принятія „дѣйствительныхъ мѣръ“ къ предотвращенію „насилій“, съ одной стороны, выдѣленія въ „особую группу“ „производствъ, предпріятій и учрежденій, отъ которыхъ зависитъ жизнь и здоровье населенія, важные общественные и государственные интересы, безопасность государства, интересы обороны“, съ другой,—съ тѣмъ, чтобы для этой „особой группы“ свободы союзовъ и стачекъ не существовало.

Развитіе и укрѣпленіе началъ *мѣстнаго самоуправленія* „съ привлеченіемъ къ участію въ самоуправленіи возможно широкаго круга лицъ“; заботы о *народномъ образованіи* со „всеобщимъ начальнымъ обученіемъ“ въ перспективѣ; *реформы судебныя и административныя*; и, наконецъ, мѣры *экономическія и финансовыя*—исчерпывали намѣченный кругъ работъ будущей Гос. Думы. Нужно отмѣтить, что экономическая и финансовая программа „Союза 17 октября“, имѣвшая, между прочимъ, въ виду „развитіе прямыхъ налоговъ, на основѣ прогрессивнаго подоходнаго обложенія“, исходила изъ представленія, что въ виду „неотложныхъ и важныхъ культурныхъ задачъ, а также въ интересахъ государственной обороны въ дѣлѣ пересозданія нашихъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, нельзя разсчитывать на сокращеніе государственной смѣты расходовъ и на облегченіе общаго податного бремени“.

По *окраинному и національному вопросу* воззваніе выставляло лозунгъ: „сохраненіе единства и нераздѣльности Россійскаго Государства“, толкуя этотъ лозунгъ, какъ „сохраненіе за ея (Россіи) государственнымъ строемъ исторически сложившагося унитарнаго характера“, и допуская „извѣстное автономное государственное устройство“ лишь для Финляндіи. При этомъ, однако, оговаривалось, что „при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ Имперіи, при прочно установленныхъ основныхъ элементахъ гражданской свободы, при участіи равно всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія въ созданіи правительственной власти (sic!), при признаніи за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ нуждъ въ предѣлахъ, допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей, такое положеніе, отрицающее идею федерализма въ примѣненіи къ русскому государственному строю, вполнѣ допускаетъ объединеніе отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи въ областные союзы для разрѣшенія задачъ, входящихъ въ предѣлы мѣстнаго самоуправленія, и нисколько не препятствуетъ мѣстнымъ особенностямъ и ин-

тересамъ различныхъ національностей найти себѣ выраженіе и удовлетвореніе въ законодательствѣ и управленіи, основанныхъ на признаніи безусловнаго равенства въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ".

Въ данный моментъ, однако, въ опредѣленіи политической роли такой организаціи, какъ „Союзъ 17 октября", та или другая формулировка программы, съ ея неизбѣжными красивыми фразами и жестами, имѣла сравнительно второстепенное значеніе.

Это былъ моментъ самаго разгара ожесточенной схватки революціи и начавшей подымать голову контръ-революціи, и первостепенное значеніе пріобрѣталъ вопросъ, какую позицію займетъ новая организація по отношенію къ воюющимъ сторонамъ.

Какъ писалъ въ это время въ „Русск. Вѣд." кн. Е. Н. Трубецкой, не принадлежавшій къ „Союзу 17 октября", но идейно-политически стоявшій, несомнѣнно, на его почвѣ, „передъ русскимъ обществомъ въ настоящее время становится такая альтернатива: или идти тѣмъ насильственнымъ путемъ, коего неизбѣжный логическій конецъ—анархія, т. е. всеобщее уничтоженіе, или же попытаться мирнымъ путемъ пересоздать, улучшить и тѣмъ самымъ укрѣпить нынѣшнее *слабое*, непослѣдовательное и *постольку*, разумѣется, плохое правительство. Средняго пути быть не можетъ. Сѣсть между двумя стульями въ настоящее время всего опаснѣе: ибо какъ разъ между двумя стульями находится тотъ провалъ, который грозитъ поглотить сначала русскій либерализмъ, а затѣмъ всю русскую интеллигенцію и культуру... Занимая такое положеніе по отношенію къ правительству, мы тѣмъ самымъ, разумѣется, проводимъ рѣзкую демаркаціонную линію между нами и крайними партіями. Но пора, наконецъ, признать, что, поскольку мы не жертвуемъ нашими принципами, эта демаркаціонная линія неизбѣжна [1]).

Выраженное въ статьѣ кн. Трубецкого настроеніе начало получать въ это время довольно широкое распространеніе среди либераловъ, какъ тѣхъ, которые входили въ это время въ „Союзъ 17 октября", а впослѣдствіи частью образовали ядро партіи „мирнаго обновленія" (куда вошелъ и самъ кн. Трубецкой), такъ и тѣхъ, которые, состоя въ партіи к. д., начали группироваться вокругъ издаваемаго П. Струве журнала „Полярная Звѣзда".

Большинство этихъ либеральныхъ элементовъ (въ томъ числѣ и кн. Трубецкой), желая сочетать поддержку министерства Витте-Дурново въ его борьбѣ съ революціонной „анархіей" съ отстаиваніемъ либеральной программы, вынуждено было попасть въ то самое положеніе людей, сидящихъ „между двумя стульями", неудобства котораго предсказывалъ кн. Трубецкой. Зато лозунгъ *поддержки министерства* контръ-революціи во имя спа-

[1]) Цит. по „Началу", № 6 отъ 19 ноября 1905 г.

сенія либерализма и культуры далъ какъ нельзя болѣе удобное идейное прикрытіе для такихъ организацій, какъ „Союзъ 17 октября“, либерализмъ которыхъ былъ тѣмъ болѣе туманенъ, чѣмъ болѣе разнородны были случайные элементы, сплотившіеся подъ ихъ знаменемъ, прежде всего, именно ради безпощадной войны съ революціей.

Мы уже видѣли, какъ энергично и настойчиво проводили политику поддержки правительства лидеры „Союза 17 октября“ на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ. Теперь, въ своемъ „воззваніи“ они призывали „оказать содѣйствіе правительству, идущему по пути спасительныхъ реформъ, направленныхъ къ полному и всестороннему обновленію государственнаго и общественнаго строя Россіи“. Но еще знаменательнѣе этого призыва было полное отсутствіе въ „воззваніи“ хотя бы одного слова критики по адресу министерства Витте-Дурново, полное умолчаніе о режимѣ исключительныхъ положеній, административнаго произвола, арестовъ, ссылокъ, обысковъ и т. д., которыми это министерство начинало свою борьбу съ общественнымъ движеніемъ, борьбу, неизбѣжно ведшую къ массовымъ смертнымъ казнямъ и карательнымъ экспедиціямъ. Умѣренный либерализмъ программы союза стушевывался передъ готовностью активно поддерживать контръ-революцію въ ея истребительной войнѣ противъ народныхъ массъ.

III.

Разгромъ декабрьскаго движенія утвердилъ „С. 17 октября“ въ этой контръ-революціонной позиціи.

Правда, обстоятельства, сдѣлавшія окончательный исходъ исторической схватки еще неяснымъ, не только не благопріятствовали откровенному развертыванію реакціоннаго знамени, но и фактически замедляли поворотъ „Союза“ вправо, повышая удѣльный вѣсъ входившихъ въ составъ его представителей традицій стараго земскаго либерализма.

Еще въ концѣ ноября 1905 года, согласно показанію „правительственнаго сообщенія“, приглашенные въ засѣданіе совѣта министровъ „общественные дѣятели“, среди которыхъ были такіе видные члены „С. 17 октября“, какъ А. И. Гучковъ, М. А. Стаховичъ, Д. И. Шиповъ и др., высказались рѣшительно противъ представленныхъ министерствомъ проектовъ „новой избирательной системы“. Въ противовѣсъ этимъ проектамъ „общественные дѣятели“ высказались, между прочимъ, за „всеобщую избирательную систему“ и за „выборы прямые и равные для всѣхъ“.

Еще въ большей степени сказались проблески угасавшаго на дѣлѣ либеральнаго настроенія на засѣдавшемъ въ Москвѣ (8-12 февраля 1906 г.) первомъ съѣздѣ „Союза“, имѣвшемъ цѣлью подготовить выступленіе новой

партіи на выборахъ въ 1-ю Думу и потому вынужденномъ особенно считаться съ настроеніемъ широкой массы избирателей, не утратившихъ еще вѣры въ возможность скорой и легкой побѣды и до послѣдней степени озлобленныхъ эрой репрессій и карательныхъ экспедицій, смѣнившей недолгіе, но за то тѣмъ ярче вставшіе въ памяти, „дни свободы“.

Вотъ почему съѣздъ счелъ необходимымъ осудить „напрасную жестокость въ примѣненіи чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ“ и „смертную казнь, совершаемую безъ судебнаго приговора“, и даже выразить по этому поводу свое неодобреніе дѣятельности министерства Витте-Дурново. Насколько, однако, это неодобреніе относилось не къ самой политикѣ безпощаднаго подавленія народнаго движенія, практиковавшейся министерствомъ, а лишь къ ея „эксцессамъ“, съ точки зрѣнія октябристовъ „напрасно“ будоражившимъ населеніе, видно не только изъ самаго текста соотвѣтствующей резолюціи, но и, еще больше, изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея принятіе. Предложеніе бюро съѣзда включить въ эту резолюцію пожеланіе о повсемѣстной отмѣнѣ усиленной и чрезвычайной охраны повело къ тому, что вся резолюція была принята вначалѣ большинствомъ всего двухъ голосовъ (142 противъ 140)! „Мы только и заговорили при военномъ положеніи“, заявилъ одинъ изъ делегатовъ, а гр. Гейденъ признался, что „его лично пугаетъ не столько усиленная и чрезвычайная охрана, сколько произволъ тѣхъ, которые примѣняютъ ихъ“. Лишь послѣ разъясненій Шипова, что отмѣна исключительныхъ положеній предполагаетъ изданіе законовъ, которые „оградятъ отъ злоупотребленій“ свободою и „предоставятъ нѣкоторый просторъ администраціи“, — резолюція, при повторномъ голосованіи, была принята единогласно.

При этомъ съѣздъ оговаривался, что „исключительные случаи требуютъ, конечно, исключительныхъ мѣръ, на революціонныя насилія, на вооруженныя возстанія правительство обязано отвѣтить энергичнымъ подавленіемъ, оно можетъ даже ввести на срокъ военное положеніе“, но — „военное положеніе должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость“ [1]).

Что касается остальныхъ работъ съѣзда, то онѣ были посвящены, главнымъ образомъ, обсужденію программныхъ вопросовъ въ томъ духѣ, какъ они были поставлены въ изложенномъ уже выше воззваніи „Союза“.

Политическіе вопросы не вызвали особыхъ разногласій на съѣздѣ. За то разношерстный составъ „Союза“ далъ себя знать при обсужденіи соціально-экономическихъ частей программы. Такъ, большую часть предложеній своей *аграрной* комиссіи съѣздъ оставилъ совершенно безъ разсмо-

[1]) М. Б—овъ. «Партія чистой буржуазіи». Сборн. «Отклики Современности» № 1. СПБ. 1905.

трѣнія, отложивъ ихъ обсужденіе до будущаго съѣзда. И такой отказъ формулировать свою точку зрѣнія на самый острый вопросъ момента былъ достаточно знаменателенъ, показывая, что тутъ работы съѣзда уперлись въ пунктъ, который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ привести къ распаду образовавшагося блока на его составныя части, различныя по своей соціальной природѣ. По аграрному вопросу были приняты лишь двѣ резолюціи. Одна изъ нихъ настаивала на преобразованіи дѣятельности крестьянскаго банка съ предоставленіемъ рѣшающаго голоса въ его мѣстныхъ учрежденіяхъ „выборнымъ мѣстнымъ людямъ, представителямъ всѣхъ разрядовъ землевладѣнія и земледѣлія“. Другая — требовала образованія „мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій“, которыя должны были завѣдывать размежеваніемъ, переселеніемъ и разселеніемъ; содѣйствовать покупкѣ и продажѣ земли; организовать мелліоративный кредитъ и „обслѣдовать всѣ случаи, въ которыхъ необходимо обезпечить земледѣльцевъ землею путемъ увеличенія площади ихъ землевладѣнія“. Этими, ничего не говорящими, резолюціями, постановленія съѣзда по аграрному вопросу и исчерпались.

Не совсѣмъ гладко прошло обсужденіе и *рабочей* программы при всей ея туманности и преднамѣренной неопредѣленности. Одинъ изъ пунктовъ этой программы, первоначально гласившій, — согласно формулировкѣ „воззванія“,— что „рабочій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно безъ *поддержки* промышленности вообще“, былъ отвергнутъ *помѣщичьимъ большинствомъ* съѣзда, увидѣвшимъ тутъ указаніе на необходимость *протекціонизма*. Лишь на слѣдующемъ засѣданіи, по настоянію бюро, этотъ пунктъ былъ снова введенъ въ программу, но въ измѣненномъ видѣ: „рабочій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно въ интересахъ самихъ рабочихъ безъ улучшенія *условій*, обезпечивающихъ *процвѣтаніе* промышленности“.

Довольно много времени было посвящено съѣздомъ рѣчамъ на тему „объ единствѣ и нераздѣльности Россіи“ —въ поясненномъ выше смыслѣ— и *окраинному* вопросу.

Съѣздъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ автономіи окраинъ и даже въ финляндскомъ вопросѣ предоставилъ своимъ членамъ полную свободу воззрѣній, хотя, какъ пояснилъ А. Гучковъ, и исходилъ изъ признанія автономіи Финляндіи фактически существующею—res judicata. При разсмотрѣніи окраиннаго вопроса секціею ею было, между прочимъ, предложено съѣзду высказаться за *національныя куріи* на окраинахъ при выборахъ въ Г. Думу съ пропорціональнымъ представительствомъ національностей, при чемъ, однако, „русскому“ населенію должны были быть обезпечены по крайней мѣрѣ одинъ прѣдставитель отъ каждой окраинной губерніи и два отъ Царства Польскаго. Однако, это предложеніе вызвало отпоръ не только со стороны

меньшинства секціи, но и со стороны центральнаго комитета, главнымъ образомъ, въ виду желанія избѣжать отсрочки выборовъ, которую могъ бы повлечь за собою пересмотръ избирательнаго закона [1]).

Такимъ образомъ результаты „программныхъ“ работъ съѣзда были въ высшей степени скудны. Та *„программа“*, которая послѣ съѣзда была опубликована „утвердившимъ“ ее московскимъ центральнымъ комитетомъ [2]), впитала въ себя и всѣ программныя положенія, принятыя съѣздомъ или проектированныя его секціями, но, въ сущности, всею партіею въ цѣломъ никогда принята не была: „воззваніе“ осталось въ этомъ отношеніи единственнымъ аутентичнымъ документомъ.

Въ отдѣлѣ „Государственное устройство“ программа характеризуетъ Россійскую Имперію, какъ „наслѣдственную конституціонную монархію, въ которой Императоръ, какъ носитель верховной власти, ограниченъ постановленіями основныхъ законовъ“, и требуетъ „согласія народнаго представительства и утвержденія Императора для „всѣхъ вновь издаваемыхъ законовъ, въ томъ числѣ и основныхъ“. Такимъ образомъ въ эту эпоху „октябристы“ провозглашали и извѣстныя *учредительныя* права будущаго „народнаго представительства“. Отстаивая двухъпалатную систему съ Государственнымъ Совѣтомъ, наполовину выборнымъ (отъ органовъ самоуправленія, духовенства, учрежденій промышленности и торговли, высшихъ учебныхъ заведеній), наполовину назначеннымъ, программа требовала для Думы „преимущественнаго права въ вопросахъ финансоваго законодательства“. Она устанавливала также коллективную отвѣтственность министерства и личную—каждаго министра „передъ Императоромъ и народнымъ представительствомъ“ и настаивала, что министръ, преданный суду „по рѣшенію одной изъ палатъ“ за „нарушеніе закона и основныхъ правъ гражданъ“ или за нанесеніе „ущерба независимости и цѣлости Имперіи, ея финансамъ, конституціоннымъ гарантіямъ“, не могъ „въ этомъ случаѣ быть амнистированъ или помилованъ безъ согласія народнаго представительства“.

Характерное измѣненіе, по сравненію съ „воззваніемъ“, внесла „программа“ въ формулировку вопроса объ *избирательномъ правѣ*. Въ то время, какъ „воззваніе“ настаивало „на признаніи начала *общаго* избира-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, мартъ 1906 г. Внутр. обозр.

[2]) Программа «Союза 17 октября», утвержденная московскимъ центр. комитетомъ. Москва 1906. «Программа» эта заключаетъ въ себѣ отдѣлы: Государственное устройство, Права гражданъ, Народное просвѣщеніе, Крестьянскій и земельный вопросъ. Рабочій вопросъ, Часть судебная. Опубликованіе «2-ой части программы по мѣстному самоуправленію, экономическому и финансовому вопросамъ» было обѣщано «въ ближайшемъ будущемъ». Однако, эта «2-я часть» не опубликована и до сихъ поръ.

тельнаго права, открывающаго возможность *всѣмъ* русскимъ гражданамъ участвовать въ осуществленіи государственной власти", „программа" вносила въ это положеніе существенныя ограниченія: 1) сравнительно высокій возрастъ (25 лѣтъ) и 2) осѣдлость („мѣстожительство въ теченіе опредѣляемаго закономъ времени"). При этомъ прямые выборы требуются лишь въ „городахъ, имѣющихъ свое отдѣльное представительство", а для всѣхъ остальныхъ мѣстностей проектируются двустепенные выборы, хотя тоже „путемъ равной и закрытой подачи голосовъ".

Въ отдѣлѣ „*Права гражданъ*" требованіе всѣхъ свободъ формулировано самымъ опредѣленнымъ образомъ, при чемъ подчеркивается, что „всѣ россійскіе граждане, безъ различія *пола*, *національности* и *вѣроисповѣданія*, равны передъ закономъ", и требуется гарантія всѣхъ гражданскихъ правъ основными законами и судебной защитой.

Въ области вопросовъ „*народнаго просвѣщенія*" программа стоитъ за всеобщее, безплатное и, по возможности, обязательное обученіе, за отмѣну „стѣсненій къ поступленію въ государственную и общественную школу, связанныхъ съ происхожденіемъ и вѣрой", за „образованіе женщинъ на одинаковыхъ началахъ съ образованіемъ мужчинъ", и выставляетъ слѣдующій общій тезисъ: „ближайшей и важнѣйшей задачей школы, какія бы спеціальныя цѣли она не (ни?) преслѣдовала, является проведеніе въ жизнь *чисто просвѣтительныхъ* началъ. Всякое государственное вмѣшательство въ жизнь школы, имѣющее цѣлью пользоваться народнымъ образованіемъ, какъ средствомъ для упроченія или господства предвзятыхъ политическихъ принциповъ, должно быть признано излишнимъ и только вреднымъ".

Существенно отлична отъ позиціи „воззванія" позиція „программы" по „*крестьянскому и земельному вопросу*". Въ то время, какъ „воззваніе" признавало наличность „земельной нужды" и, какъ мы видѣли, допускало даже въ извѣстныхъ предѣлахъ „принудительное отчужденіе" частновладѣльческихъ земель для борьбы съ этой нуждою, въ „программѣ" борьба съ безземеліемъ и малоземеліемъ рѣшительно отступаетъ на задній планъ передъ основной задачей — „повышенія производительности земли". Главнымъ способомъ выполненія этой задачи выставляется „содѣйствіе къ образованію мелкой земельной собственности на отрубахъ или хуторскихъ участкахъ" (о чемъ „воззваніе" совершенно не упоминало), разселеніе, уничтоженіе чрезполосицы, развитіе кредита, переселеніе и т. п.

По „*рабочему вопросу*" программа вноситъ мало новаго въ неопредѣленныя формулировки „воззванія". Стоитъ только отмѣтить, что „обязательное страхованіе" „съ отнесеніемъ издержекъ за счетъ предпринимателей" требуется на случай не только „несчастій", но и „профессіональныхъ заболѣваній", а „за счетъ рабочихъ и предпринимателей"—„на случай обыкновенной

болѣзни". Программа проектируетъ распространеніе всѣхъ охранительныхъ мѣръ „по возможности на ремесленную и кустарную промышленность и на прочія отрасли наемнаго труда". Возбудившій столько преній на съѣздѣ пунктъ о промышленности формулированъ въ программѣ еще осторожнѣе, чѣмъ въ резолюціи, принятой съѣздомъ: „Всѣ перечисленныя мѣропріятія должны проводиться не упуская изъ вида промышленной конкурренціи другихъ странъ". Въ вполнѣ понятныхъ цѣляхъ къ этому добавлено: „и безъ отягченія слабѣйшаго сельско-хозяйственнаго крестьянскаго населенія въ пользу промышленныхъ рабочихъ".

Въ *„части судебной"* программы формулировано требованіе „твердаго и послѣдовательнаго" проведенія „начала равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ"; „безсословности" мѣстнаго суда и „выборнаго порядка замѣщенія судей"; устраненія „всякаго участія административныхъ органовъ (земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ и т. п.)" въ отправленіи суда и т. п.

Такова была, въ общихъ чертахъ, политическая физіономія „Союза 17 октября" передъ вступленіемъ въ „думскій" періодъ его исторіи, когда окончательно опредѣлилось направленіе его дѣятельности.

Ф. Данъ.

Процессъ самоопредѣленія октябристовъ.

1. Отъ перваго февральскаго съѣзда до открытія первой Госуд. Думы.

На октябристскую партію, на весь ея обликъ положили рѣзкую печать два обстоятельства.

Во-первыхъ то, что среди элементовъ, ставшихъ подъ ея знамя, видное мѣсто занялъ классъ—торгово-промышленная буржуазія, который только непосредственно передъ революціей началъ политически самоопредѣляться, сильно отставши въ этомъ отношеніи отъ массы профессіональной интеллигенціи, отъ болѣе развитаго меньшинства городскихъ рабочихъ, отъ того меньшинства землевладѣльцевъ, которое сорганизовалось на почвѣ земствъ. Этотъ слабый уровень политическаго развитія торгово-промышленной буржуазіи сдѣлалъ возможнымъ тотъ своеобразный сплавъ значительной ея части съ землевладѣльческими и даже дворянско-землевладѣльческими элементами, который и легъ въ основу октябристской партіи.

Партія октябристовъ затѣмъ слагалась въ эпоху революціи, а это зна-

читъ, что она слагалась и самоопредѣлялась подъ вліяніемъ тѣхъ специфическихъ переживаній, которыя испытывали имущіе классы при различныхъ перипетіяхъ борьбы между революціей и реакціей. А переживанія эти были различны, иногда даже противоположны.

Движеніе напр. петербургскихъ рабочихъ 9 января, которое открыло собой революцію, было встрѣчено почти всеобщимъ сочувствіемъ даже среди имущихъ классовъ, потому что это было революціонное движеніе только по результатамъ, а не по отправнымъ своимъ стремленіямъ, и потому что непосредственно оно было направлено только противъ правительства, не угрожая интересамъ имущихъ классовъ.

Къ слѣдующему крупному этапу революціонной борьбы, къ октябрьской забастовкѣ, отношеніе было уже менѣе единодушнымъ. Забастовка, какъ орудіе борьбы, не особенно улыбалась буржуазіи, а на отношеніе землевладѣльцевъ къ революціи въ сильнѣйшей степени успѣло повліять разгромное крестьянское движеніе, начавшееся весной 1905 г. и съ особенной силой вспыхнувшее осенью того же года, какъ разъ ко времени октябрьской забастовки.

Дальнѣйшее же развитіе революціоннаго движенія—послѣ октябрьской забастовки—вызывало уже крайне интенсивный и непрерывный ростъ вражды имущихъ классовъ къ революціи.

Революція явно намѣрена была идти дальше манифеста 17 октября и на знамени ея стояли серьезныя соціальныя преобразованія — 8-часовой рабочій день, передача помѣщичьей земли крестьянамъ. При подавленіи декабрьскаго возстанія поэтому симпатіи имущихъ классовъ, въ особенности крупной буржуазіи и подавляющаго большинства землевладѣльцевъ были уже на сторонѣ правительства.

Параллельно съ этимъ тѣ конституціонныя стремленія, которыми прониклась къ началу революціи торгово-промышленная буржуазія, значительная часть землевладѣльцевъ, подъ вліяніемъ паники, вызываемой революціей, постепенно тускнѣли и ослабѣвали. Но нѣкоторыя условія въ первое время послѣ подавленія декабрьскаго возстанія еще поддерживали и питали эти стремленія.

Манифестъ 17 октября оставался въ значительной степени только въ области обѣщаній, онъ еще не былъ осуществленъ, и поэтому оставалось поле для надежды, что дѣйствительное осуществленіе обѣщаній этого манифеста утишитъ разбушевавшіяся страсти и внесетъ успокоеніе въ страну. Съ другой стороны подавленіе декабрьскаго возстанія еще не давало никакихъ гарантій того, что движеніе массъ не вспыхнетъ снова съ удвоенной силой. И передъ лицомъ безпощадной расправы правительства съ населеніемъ послѣ декабрьскаго возстанія, расправы, не разбирающей ни правыхъ,

ни виноватыхъ, буржуазію и значительную часть землевладѣльцевъ начиналъ охватывать страхъ, какъ бы не была слишкомъ перетянута струна, какъ бы излишнія репрессіи не повели къ новымъ, еще болѣе сильнымъ революціоннымъ вспышкамъ.

Въ этотъ періодъ—въ первую половину 1906 года—имущіе классы боялись одновременно и народа и правительства, боялись продолженія борьбы между ними и въ дѣйствительномъ и немедленномъ осуществленіи манифеста 17 октября видѣли якорь спасенія, видѣли необходимое условіе для возстановленія мира между правительствомъ и народомъ.

Въ этомъ настроеніи и собрался первый съѣздъ октябристовъ въ началѣ февраля 1906 г. На этомъ съѣздѣ зазвучали рѣзкія ноты по адресу правительства.

Изъ отчета цен. ком., прочитаннаго на съѣздѣ Ю. Милютинымъ, оказалось, что дѣятельность министерства Витте уже давно смущаетъ центральный комитетъ. Но выступать противъ кабинета Витте цен. ком. все-таки не рѣшался. Не рѣшался, потому что у него „не было надежды на образованіе лучшаго кабинета“. Наоборотъ онъ предполагалъ, что „всякій другой кабинетъ по всѣмъ вѣроятіямъ былъ бы еще хуже“. Довольно оригинальная позиція, не свидѣтельствовавшая во всякомъ случаѣ объ особенной смѣлости центральнаго комитета. Но прошелъ еще мѣсяцъ послѣ этого оригинальнаго рѣшенія, и чаша октябристскаго терпѣнія переполнилась. Явившись на съѣздъ, члены центральнаго комитета заговорили рѣшительнѣе. „Манифестъ 17 октября, говорилъ лидеръ октябристовъ А. И. Гучковъ на съѣздѣ, постигла та же участь, какъ и многія другія царскія намѣренія по пословицѣ: „Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь“. И на этотъ разъ псари не пожаловали“...

„Мы приближаемся, сказалъ въ заключеніе своей рѣчи А. И. Гучковъ, къ окончательному кризису. Мы должны возвысить свой голосъ и сказать: врачеваніе неотложно. И еще мы должны сказать: дѣло этого врачеванія теперь находится въ ненадлежащихъ рукахъ. Не настоящій составъ правительства, не настоящій кабинетъ выведетъ Россію на путь спасенія“.

За Гучковымъ въ томъ же духѣ говорилъ цѣлый рядъ ораторовъ. Горячая оппозиціонная рѣчь М. Стаховича такъ наэлектризовала собраніе, что, увлеченный ею, г. Пиленко даже заявилъ: „рѣчь г. М. Стаховича дала партіи идеалъ, за который стоитъ бороться изо всѣхъ силъ, за который можно идти на все, если потребуется, даже смерть“.

Рѣзкимъ диссонансомъ съ этими рѣчами прозвучала рѣчь К. Головина, припомнившаго, что и во Франціи были массовыя политическія казни безъ суда, и что поэтому „намъ нечего краснѣть передъ Европой“.

Но что К. Головинъ былъ не совсѣмъ одинокъ на съѣздѣ, показалъ

тотъ трудный процессъ, который понадобился вождямъ союза, чтобы довести съѣздъ до единодушнаго принятія предложенной ими оппозиціонной резолюціи въ духѣ рѣчей гг. Гучкова, Стаховича и др.

Сначала резолюція голосовалась en bloc съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ отверженія ея подвергнуть голосованію отдѣльныя ея части. При голосованіи резолюція была принята большинствомъ только 142 голосовъ противъ 140. Не удовлетворившись такимъ, болѣе чѣмъ страннымъ, результатомъ, вожди партіи предложили поименное голосованіе. Тогда за резолюцію оказалось 157 голосовъ, а противъ 141. И этотъ результатъ руководители съѣзда нашли неудовлетворительнымъ и предложили баллотировать резолюцію по частямъ.

И только когда отдѣльныя части были приняты единогласно, вся резолюція была тоже принята почти единогласно — большинствомъ противъ 2 голосовъ. Въ чемъ же заключалась эта отпугнувшая въ началѣ половину съѣзда резолюція?

Резолюція обвиняетъ совѣтъ министровъ въ томъ, что „онъ не проводитъ въ жизнь началъ, положенныхъ въ основу манифеста 17 октября“, что онъ „неизмѣнно старается дать этимъ началамъ наиболѣе узкое и несоотвѣтствующее ихъ сущности примѣненіе“. Резолюція не противъ рѣшительной борьбы съ революціей. „На революціонное насиліе, на вооруженное возстаніе правительство обязано отвѣтить энергичнымъ подавленіемъ; оно даже можетъ ввести на срокъ военное положеніе“.

„Но, полагаетъ резолюція, нельзя не осудить тѣ случаи, когда правительственными лицами съ вѣдома совѣта министровъ допускались произвольныя дѣйствія, напрасное жестокое примѣненіе чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ“.

Резолюція сейчасъ же и объясняетъ, почему такая политика нежелательна. „Такое направленіе дѣятельности совѣта министровъ увеличитъ еще недовольство и тѣмъ грозитъ Россіи и Государю возможностью новой опасности“.

„Скорѣйшій созывъ Думы, утверждаетъ резолюція, является единственнымъ надежнымъ средствомъ вернуть государственной власти ея пошатнувшійся авторитетъ; это самый вѣроятный путь успокоить страну“.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, общее собраніе делегатовъ союза 17 окт. признало, „что неотложная государственная необходимость требуетъ: 1) ускорить всѣми мѣрами выборы въ Госуд. Думу, 2) опредѣлить точный и близкій срокъ ея созыва—не позднѣе 25 апрѣля сего года, 3) издать безотлагательно временныя правила, обезпечивающія установленныя манифестомъ 17 окт. свободы и ограждающія отъ злоупотребленія пользованіе ими, отмѣнивъ одновременно положеніе объ усиленной и чрезвычайной

охранахъ, какъ мѣрахъ неправосудныхъ, возбуждающихъ въ странѣ всеобщее недовольство, не достигающихъ цѣли, 4) введеніе военнаго положенія можетъ быть вызвано только вооруженнымъ возстаніемъ или приготовленіемъ къ нему и должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость; не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ жестокимъ правомъ, а еще менѣе злоупотреблять его примѣненіемъ тамъ, гдѣ оно по необходимости примѣнено. Во всякомъ случаѣ примѣненіе смертной казни безъ приговора въ какихъ бы то ни было случаяхъ должно быть немедленно прекращено".

Интересно отмѣтить, что въ первоначальномъ проектѣ резолюціи, предложенномъ наканунѣ, говорилось просто о немедленной отмѣнѣ положеній объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, но послѣ сдѣланныхъ возраженій противъ такой рѣшительной мѣры, для успокоенія съѣзда—отмѣна охранъ поставлена въ связь съ изданіемъ временныхъ правилъ, обезпечивающихъ свободы „и ограждающихъ отъ злоупотребленія пользованіе ими".

Для характеристики тѣхъ настроеній, которыми была проникнута въ это время октябристская среда, интересный матерьялъ даетъ корреспонденція изъ Самары, помѣщенная вскорѣ послѣ закрытія съѣзда въ газетѣ „Наша жизнь". Корреспонденція разсказываетъ о собраніи „Самарской группы партіи порядка на основахъ манифеста 17 окт." На собраніи этомъ какъ разъ докладывалось и о съѣздѣ октябристовъ.

На собраніи присутствовало до 600 человѣкъ, большинство оптовые и мелкіе торговцы, ихъ служащіе, затѣмъ чиновники, духовенство, рантьеры. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, губернскаго предводителя дворянства А. И. Наумова, делегата на съѣздѣ партіи. Вспоминая „ужасы декабрьскаго революціоннаго хаоса" и выражая радость, что „всѣ эти ужасы счастливо миновали насъ", г. Наумовъ трогательно разсказалъ о своей провиденціальной встрѣчѣ... съ московскимъ генералъ-губернаторомъ Дубасовымъ. „Судьба—сказалъ онъ—столкнула меня съ тѣмъ, кому по царскому велѣнію была довѣрена защита Московскаго Кремля съ его святынями. Я воспользовался минутой, чтобы выразить отъ лица Самары наше искреннее спасибо (голосъ изъ публики, изумленно: „Отъ лица Самары?!"). Терроризированное общество сочувствовало репрессіямъ, хотя и тогда благоразумная часть его высказывалась за то, чтобы въ эту сферу были внесены чувство мѣры и политическій тактъ, которые обезпечили бы осуществленіе возвѣщенныхъ свободъ".

Тѣмъ не менѣе и этому, достаточно опредѣленному, г. Наумову пришлось въ дальнѣйшемъ успокаивать болѣе ретиваго Дормидонтова, веревочнаго торговца, требовавшаго смертной казни для революціонеровъ и включенія смертной казни въ партійную программу. Г. Наумовъ, возражая ему,

замѣтилъ, что съѣздъ союза 17 октября, хотя принципіально высказался за смертную казнь, но призналъ необходимымъ, чтобы смертная казнь примѣнялась не иначе, какъ по судебному приговору. Это возраженіе только раздразнило каннибала г. Дормидонтова. „Предать суду!“ злобно иронизировалъ онъ.—„Безпорядки можно подавить только силой. Какъ начали ихъ разстрѣливать, мы, слава Богу, пріободрились духомъ. Только смертная казнь и утихомирила Россію“.

Дормидонтовъ, конечно, представлялъ тутъ крайнее правовое крыло октябризма. Его центръ былъ представленъ г. Наумовымъ. Наумовъ проникнутъ тоже лютой ненавистью къ революціи и революціонерамъ, онъ готовъ благодарить Дубасова за самую жестокую расправу съ ними, но... боится въ то же время и правительства, боится, какъ бы оно не зашло слишкомъ далеко. Поэтому для дальнѣйшей репрессивной дѣятельности правительства онъ считаетъ необходимымъ поставить нѣкоторыя границы, напр., чтобы разстрѣливать не иначе, какъ по суду, и т. п.

Показателемъ этой безграничной вражды октябристской среды ко всему, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ революціи, явился походъ октябристовъ въ цѣломъ рядѣ земскихъ собраній, происходившихъ въ это время, противъ третьяго элемента, за его революціонность, за его участіе въ забастовкѣ. Управы звались къ отвѣту за то, что онѣ не боролись съ его революціонными выступленіями и не усмиряли ихъ репрессіями. Сраженія на этой почвѣ даны были управамъ въ это время въ цѣломъ рядѣ земствъ—саратовскомъ, симбирскомъ, полтавскомъ, костромскомъ, бессарабскомъ и др. И въ большинствѣ случаевъ собранія оказывались противъ управъ. Это было начало того похода противъ кадетскихъ управъ, который въ слѣдующемъ году закончился полнымъ разгромомъ ихъ, вытѣсненіемъ кадетовъ изъ среды земствъ, замѣной ихъ октябристскими и правыми элементами.

Среди конфликтовъ, происходившихъ въ это время, самымъ яркимъ былъ конфликтъ въ московскомъ земствѣ. Съ одной стороны, стояла кадетская управа съ предсѣдателемъ Ѳ. А. Головинымъ во главѣ, съ другой собраніе, идущее противъ нея подъ предводительствомъ А. И. Гучкова. Это столкновеніе показало, что прежніе товарищи по земскимъ съѣздамъ говорятъ теперь на совершенно разныхъ языкахъ.

Ѳ. А. Головинъ прочелъ докладъ о невозможномъ положеніи, въ которое ставитъ администрація земство—неожиданными арестами, высылками, увольненіями земскихъ служащихъ. Въ заключеніе доклада Ѳ. А. Головинъ отъ лица управы внесъ слѣдующее предложеніе:

„Признавая, что увольненіе земскихъ служащихъ по требованію администраціи, не основанному на рѣшеніи суда, противорѣчитъ смыслу манифеста 17 октября и наноситъ существенный ущербъ земскому дѣлу, и при-

нимая во вниманіе, что такія требованія администраціи являются слѣдствіемъ примѣненія законовъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, губернское земское собраніе заявляетъ о необходимости немедленной отмѣны исключительныхъ законовъ".

Противъ принятія этого предложенія выступилъ А. И. Гучковъ, сказавшій чрезвычайно характерную рѣчь, которую мы приводимъ цѣликомъ по отчету „Русскаго Слова".

„Сейчасъ мы находимся, говорилъ онъ, у конца перваго періода вспышки революціоннаго движенія; въ первой ея стадіи и центральные органы губернскаго земства, и цѣлый рядъ другихъ учрежденій въ Москвѣ примкнули къ этому движенію; оно стремилось въ лицѣ однихъ своихъ сторонниковъ къ водворенію республиканскаго и соціальнаго (?) строя въ странѣ, въ другихъ смягчалась требованіемъ только учредительнаго собранія.

Ни для кого не тайна, что мы снова наканунѣ новой революціонной вспышки, и поэтому намъ нужно занять опредѣленную позицію и сказать, какъ мы относимся къ такому движенію. Мы знаемъ, какъ относятся къ нему различныя партіи, мы всѣ сами—къ партіямъ, и надо намъ, какъ представителямъ населенія, опредѣленно высказаться—сочувствуемъ ли мы этому движенію, или нѣтъ. Первой нашей резолюціей должна быть не та, которую предлагала управа, а приблизительно слѣдующая: „Безусловно осуждая политическія забастовки, какъ средство политической борьбы, мы считаемъ недопустимымъ участіе земскихъ учрежденій и отдѣльныхъ служащихъ въ политическихъ забастовкахъ и просимъ управу принять мѣры къ предупрежденію и пресѣченію такихъ забастовокъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Я понимаю, что управа будетъ въ двойственномъ положеніи: вѣдь большинство членовъ управы принадлежитъ къ извѣстной партіи, открыто отстаивающей забастовочное движеніе. Что касается вмѣшательства администраціи, то можно сказать, что ни одно правительство въ мірѣ не въ состояніи было бы справиться нормальными мѣрами съ подобнымъ положеніемъ, и потому лишать правительство права пользоваться въ исключительные моменты исключительными мѣрами нельзя".

Тутъ впервые обнаружилось рѣзкое разномысліе между А. И. Гучковымъ и его товарищемъ по руководительству Союзомъ 17 октября Д. Н. Шиповымъ.

Д. Н. Шиповъ занялъ болѣе умѣренную позицію. Онъ предлагалъ только осудить забастовки, но „никакихъ порученій управѣ по надзору не дѣлать".

Земское собраніе оказалось болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Д. Н. Шиповъ. Оно всецѣло пошло за Гучковымъ и, отвергнувши резолюцію, предложенную управой, приняло вмѣсто нея резолюцію, предложенную Гучковымъ.

Конфликтъ, получившійся въ результатѣ этого, между управой и собраніемъ, въ концѣ концовъ благополучно (для управы) закончился. Г. Гучковъ далъ успокоительныя разъясненія своей резолюціи, и управа по просьбѣ собранія, въ явный ущербъ своему достоинству, согласилась остаться. Но для насъ эти перипетіи конфликта между управой и собраніемъ сейчасъ неинтересны. Для насъ интересенъ сейчасъ Гучковъ, ведущій за собою земское собраніе въ походъ противъ кадетской управы, противъ защищаемыхъ ею служащихъ. Для насъ интересно то знамя, которое развернулъ въ данномъ случаѣ Гучковъ. Это—знамя непримиримой вражды къ общественному движенію, вызвавшему къ жизни манифестъ 17 октября, тотъ самый манифестъ, который сталъ программой партіи Гучкова.

Тутъ съ полной ясностью и выпуклостью выступила та линія, которая въ дальнѣйшемъ должна была сводить на нѣтъ всѣ конституціонныя стремленія октябристовъ.

Отказываясь самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ всякой солидарности съ тѣми общественными силами, которыя нанесли въ октябрѣ 1905 г. пораженіе старому режиму, заранѣе отмежевываясь отъ всякой дальнѣйшей ихъ борьбы съ этимъ режимомъ, они тѣмъ самымъ явно протягивали руку реакціи и, защищая на словахъ манифестъ 17 октября, фактически впрягались въ колесницу тѣхъ, кто направлялись въ походъ противъ этого манифеста.

Но страхъ передъ новой революціонной вспышкой, которая—казалось г. Гучкову—уже надвигается, умѣрялъ еще пока его реакціонное усердіе. Г. Гучкову и октябристамъ было не ясно, кто сильнѣе—сторонники стараго режима или революція, и у нихъ оставалась поэтому почва для мечты. Казалось, что если они, умѣренные сторонники конституціонныхъ началъ, подкрѣпятъ собой бюрократію, навяжутъ ей свою помощь и свое содѣйствіе, имъ удастся тогда добиться и нѣкотораго политическаго обновленія Россіи, а тѣмъ самымъ предотвратить и новую, иначе неизбѣжную, революціонную вспышку. Въ этомъ неопредѣленномъ настроеніи, въ которомъ рѣзкая непримиримая вражда къ революціи соединялась съ нежеланіемъ стать опредѣленно на сторону реакціи, октябристы и пошли на выборы въ I Думу.

2. Октябристы въ первой Государственной Думѣ.

На выборахъ въ I Думу октябристы и правые вмѣстѣ съ правительствомъ потерпѣли пораженіе. Побѣдилъ союзъ городской демократіи съ крестьянствомъ.

Преобладающее мѣсто въ Думѣ заняла к.-д. партія. Отъ крестьянъ прошли трудовики. Кадеты, трудовики и соціалъ-демократы составили болѣе $^3/_5$ членовъ Думы, изъ остальныхъ $^2/_5$ огромное большинство были

безпартійные, настроенные почти всѣ оппозиціонно, и только 31—32 человѣка изъ 499 депутатовъ принадлежали къ группѣ умѣренныхъ.

При этомъ правыхъ, правѣе октябристовъ какъ будто совсѣмъ не было въ этой Думѣ. Развѣ вотъ только екатеринославскій депутатъ Способный. Онъ одинъ только изрѣдка шелъ противъ всей Думы, не соглашаясь, напр., съ необходимостью полной отмѣны смертной казни. Вообще же вождями небольшой группы умѣренныхъ были въ 1-й Думѣ—гр. Гейденъ и М. Стаховичъ, будущіе отщепенцы октябристовъ, а въ этотъ моментъ представители крайняго лѣваго крыла ихъ.

1-я Дума явно застигла врасплохъ имущіе классы, землевладѣльцевъ и крупную буржуазію. Они не успѣли сорганизоваться на выборахъ и провести въ Думу даже то число своихъ сторонниковъ, которое они могли провести при дѣйствующей избирательной системѣ. А тѣ, которые попали въ Думу, какъ-то растерялись передъ напоромъ крестьянскихъ и демократическихъ тенденцій въ Думѣ. 1-я Дума была настолько ярко выражена и въ то же время она казалась настолько спаянной съ массой населенія, что даже бороться съ ней было какъ будто невозможно. Крестьянство измѣнило реакціи, крестьянство единодушно поддерживаетъ городъ, передъ лицомъ этого факта особенно рѣзкое отстаиваніе землевладѣльческихъ интересовъ, отстаиваніе ихъ въ полномъ размѣрѣ казалось почти безнадежнымъ дѣломъ. И умѣренные и уступчивые въ этомъ отношеніи гр. Гейденъ и М. Стаховичъ оказались при такихъ условіяхъ естественными вождями тѣхъ октябристовъ и правыхъ, которые попали въ Думу.

Въ высшей степени характерно, что въ основномъ и главномъ пунктѣ дѣятельности 1-й Думы, въ томъ всеподданнѣйшемъ адресѣ, который былъ такъ непопуляренъ впослѣдствіи въ средѣ октябристовъ, правое крыло Думы въ лицѣ его вождей М. А. Стаховича и особенно гр. Гейдена рѣзко не расходилось съ подавляющимъ большинствомъ Думы.

Такъ въ коренномъ вопросѣ адреса, земельномъ, когда обсуждался относящійся сюда пунктъ объ „удовлетвореніи острой земельной нужды“... „путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и принудительнаго отчужденія земель частныхъ“, гр. Гейденъ добивался только того, чтобы придать принудительному отчужденію нѣсколько болѣе условный характеръ. Вмѣсто послѣднихъ словъ „и принудительнаго отчужденія земель частныхъ“ онъ предлагалъ поставить: „не останавливаясь даже предъ принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческой земли“.

Позднѣе при выработкѣ въ Думѣ аграрнаго законопроекта, гр. Гейденъ подробнѣе развилъ свою точку зрѣнія на аграрный вопросъ и представилъ свой аграрный проектъ. Въ его проектѣ земельная нужда удовлетворяется

прежде всего казенными, удѣльными и проч. землями, если ихъ окажется недостаточно, то частновладѣльческими, въ слѣдующей постепенности:

а) земли черезполосныя или мѣшающія хозяйственной цѣльности владѣній;

б) земли, заявленныя ихъ владѣльцами въ продажу;

в) земли, обычно сдаваемыя въ аренду земледѣльческому населенію, обрабатывающему землю личнымъ трудомъ, отчужденіе коихъ не вноситъ черезполосицы и не нарушаетъ хозяйственной цѣльности владѣній;

г) земли, могущія имѣть хозяйственное значеніе, но не обрабатываемыя;

д) крупныя земельныя владѣнія (латифундіи) въ части, превышающей извѣстные размѣры, опредѣляемые въ каждой мѣстности отдѣльно и утверждаемые въ законодательномъ порядкѣ.

„Принудительное отчужденіе“ у гр. Гейдена несомнѣнно менѣе рѣшительно, чѣмъ у к.-д. Въ аграрномъ проектѣ к.-д. партіи всѣ тѣ земли, которыя гр. Гейденъ готовъ отдать только въ извѣстной постепенности, должны обязательно отойти къ крестьянамъ, и въ то же время у нихъ предполагается возможнымъ, если этихъ земель окажется недостаточнымъ, отчужденіе и остальныхъ земель, не сдаваемыхъ въ аренду и не превышающихъ извѣстныхъ установленныхъ для данной мѣстности размѣровъ. И только образцовыя хозяйства, имѣющія показательное для населенія значенія, безусловно не подлежатъ у нихъ ликвидаціи.

Проектъ гр. Гейдена такимъ образомъ уже проекта к.-д., но оба проекта все-таки не отдѣляетъ непроходимая пропасть; принципъ принудительнаго отчужденія и притомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ признается и проектомъ гр. Гейдена.

Что касается другого основного требованія всеподданнѣйшаго адреса— отвѣтственнаго передъ Думой министерства, то и тутъ правое крыло Думы не выступало съ рѣзко противоположной позиціей. М. А. Стаховичъ, не возражая противъ требованія отвѣтственнаго министерства по существу, находилъ его только несвоевременнымъ. „Нельзя, говорилъ онъ, класть оружіе въ руки раздраженнаго человѣка. Отвѣтственность передъ палатой требуетъ спокойнаго опредѣленія и группировки всѣхъ партій“.

Въ общемъ гр. Гейденъ, М. Стаховичъ и ихъ сторонники настолько мало были настроены къ рѣшительной оппозиціи противъ основныхъ тенденцій Думы, что, не найдя для себя возможнымъ голосовать за всеподданнѣйшій адресъ, они не только не голосовали противъ него, но предпочли даже не воздерживаться отъ голосованія, а уйти изъ залы. При этомъ гр. Гейденъ передъ уходомъ выступилъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что крайне желательно (при обращеніи съ адресомъ) единодушіе. Будучи во многомъ согласны съ текстомъ отвѣтнаго

адреса, мы, тѣмъ не менѣе, не считаемъ себя въ правѣ поддерживать его цѣликомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая нарушать единогласіе Думы, мы удаляемся изъ залы засѣданія". Но и на этотъ шагъ съ гр. Гейденомъ и Стаховичемъ пошли еще только 5 человѣкъ, и послѣ ухода ихъ адресъ былъ принятъ единогласно.

Но если тѣ представители землевладѣльческаго класса, которые сумѣли попасть въ I Думу, въ значительной степени спасовали въ ней передъ напоромъ крестьянскихъ и демократическихъ тенденцій ея подавляющаго большинства, то не спасовала бюрократія. На капитуляцію она не сдалась, какъ того требовала Дума. Предсѣдатель Совѣта министровъ г. Горемыкинъ выступилъ съ заявленіемъ, которымъ признавалъ основныя требованія Думы неприемлемыми. Сравнительно мягко еще онъ отнесся къ вопросу объ измѣненіи избирательнаго закона въ смыслѣ установленія всеобщаго избирательнаго права. Тутъ онъ протестовалъ только противъ немедленнаго обсужденія этого пункта, такъ какъ „у Госуд. Думы не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія". Не вполнѣ непримиримъ онъ былъ и относительно амнистіи, считая невозможной въ данный моментъ только полную амнистію, которой добивалась Дума. Зато г. Горемыкинъ безусловно отвергъ немедленную отмѣну исключительныхъ положеній и совершенно непримиримо отнесся къ требованіямъ о принудительномъ отчужденіи земли и отвѣтственномъ передъ Думой министерствѣ. „Принуд. отчужденіе частновладѣльческихъ земель" онъ призналъ „безусловно недопустимымъ", а вопросы объ отвѣтственномъ министерствѣ, упраздненіи Госуд. Совѣта и расширеніи предѣловъ законодательной дѣятельности Думы,—стоящими, въ силу основныхъ законовъ, внѣ компетенціи Думы и поэтому не подлежащими обсужденію.

На это заявленіе Дума отвѣтила резолюціей, выражающей недовѣріе министерству и требующей его отставки. Какъ же отнеслось правое крыло Думы къ этой резолюціи? Гр. Гейденъ голосовалъ *за* нее, М. А. Стаховичъ *противъ* и вмѣстѣ съ Стаховичемъ голосовали противъ резолюціи только 11 человѣкъ.

Въ теченіе дальнѣйшей дѣятельности Думы отъ времени до времени гр. Гейденъ и Стаховичъ поднимали свои голоса противъ слишкомъ рѣшительныхъ въ ихъ глазахъ дѣйствій и постановленій Думы. Такъ напр. М. Стаховичъ горячо протестовалъ противъ обвиненій высшаго правительства въ содѣйствіи бѣлостокскому погрому и считалъ невозможнымъ „объявлять всенародно, что гражданскія и военныя власти не только бездѣйствовали, но даже содѣйствовали погрому, и что низшіе агенты власти производили грабежи, насилія и убійства". Онъ полагалъ, что „униженіе государственной власти", достигаемое подобными заявленіями, можетъ оставить „такой ужастный слѣдъ", какъ „никакія другія несчастья".

Настроеніе большинства Думы въ этомъ случаѣ, также какъ и во многихъ другихъ, рѣзко расходилось съ настроеніемъ Стаховича и его приверженцевъ. И въ результатѣ, при повышенномъ общественномъ настроеніи въ то время, гр. Гейденъ и М. Стаховичъ казались широкимъ кругамъ демократіи крайними, отъявленными реакціонерами. Въ дѣйствительности же, какъ мы видѣли, они сплошь и рядомъ отступали передъ натискомъ демократическаго большинства Думы, не рѣшаясь въ основныхъ вопросахъ занимать противъ него рѣзко противоположную позицію.

Даже въ послѣднемъ актѣ I Думы, въ обращеніи къ народу, которое было предупреждено роспускомъ Думы, они были очень близки къ тому, чтобы голосовать за это обращеніе. Это обращеніе должно было быть отвѣтомъ на правительственное сообщеніе, сообщавшее о предположеніяхъ правительства и полемизировавшее съ взглядами Думы.

Сначала обращеніе къ народу предполагалось въ болѣе рѣшительномъ духѣ, для гр. Гейдена и М. Стаховича непріемлемомъ. Но когда кадеты это обращеніе соотвѣтственно обработали и обращеніе вылилось въ форму предложенія населенію „спокойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельнаго закона“, такъ какъ „Госуд. Дума стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ“, то гр. Гейденъ выразилъ свое сочувствіе этому обращенію. И если въ итогѣ во время голосованія обращенія—при воздержаніи отъ голосованія соціалъ-демократовъ и трудовиковъ—противъ обращенія оказалось 53 члена Думы, то получилось это, повидимому, только въ силу принятой незначительнымъ большинствомъ поправки Петрункевича, исключившей по формальнымъ основаніямъ въ пунктѣ о „принудительномъ отчужденіи“ слова „по справедливой оцѣнкѣ“. Эта поправка, повидимому, привела къ тому, что противъ обращенія голосовали не только гр. Гейденъ и его сторонники, но и часть кадетовъ.

3. Во время междудумья — послѣ роспуска первой и до открытія второй Думы.

I Дума своимъ общимъ духомъ и всѣми своими выступленіями вызывала къ себѣ вражду среди тѣхъ слоевъ, которые шли за октябристами, среди торгово-промышленной буржуазіи, среди землевладѣльцевъ, особенно среди послѣднихъ. Но въ то же время I Дума, пока она дѣйствовала, казалась огромной силой, и при такихъ условіяхъ могло казаться, что гр. Гейденъ и М. Стаховичъ, со своей скромной и умѣренной оппозиціей большинству Думы, дѣлали все, что было возможно, для защиты интересовъ имущихъ классовъ. Самый фактъ ихъ оппозиціи былъ достаточенъ, чтобы поддерживать имъ ши-

рокую популярность въ тѣхъ кругахъ, которые боялись дальнѣйшаго развитія революціи и жаждали ея прекращенія.

Роспускъ Думы существенно измѣнилъ положеніе. Сначала это былъ прыжокъ въ неизвѣстное. Сначала было неясно, выйдетъ ли правительство побѣдителемъ изъ той борьбы, въ которую оно вступило съ населеніемъ, выбравшимъ I Думу. Но когда побѣда правительства стала несомнѣнной, симпатіи тѣхъ слоевъ, интересамъ которыхъ угрожала I Дума, рѣшительно склонились въ сторону правительства. Яркимъ выразителемъ этого мѣняющагося настроенія имущихъ классовъ явился въ это время А. И. Гучковъ.

Гр. Гейденъ и М. А. Стаховичъ находили ошибкой роспускъ I Думы, не сочувствовали ему. Но вотъ сотрудникъ „Русской Земли“ непосредственно послѣ роспуска Думы обратился къ А. И. Гучкову, вернувшемуся въ этотъ моментъ изъ Женевы, съ вопросомъ, какъ онъ относится къ роспуску. И отвѣтъ А. И. Гучкова былъ до послѣдней степени уклончивый. „Пока, заявилъ онъ, я держусь мнѣнія, что съ роспускомъ Думы поторопились. Были признаки, что дѣла слагаются скорѣе благопріятно, чѣмъ неудовлетворительно. Явился расколъ въ „кадетской партіи“, начались рѣзкія несогласія между „кадетами“ и трудовиками“... „Но, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ оговаривается А. И. Гучковъ, я слышу разсказы другихъ лицъ, которымъ извѣстно настоящее положеніе дѣлъ,—они говорятъ прямо, что пропаганда, которой явно покровительствовала Дума, была такъ вредна и опасна, что дальше терпѣть подобный порядокъ не дозволялъ просто здравый смыслъ. Можетъ-быть, что и такъ,—не знаю“.

Также двусмысленно было и его поведеніе при переговорахъ со Столыпинымъ, когда послѣдній, непосредственно послѣ роспуска первой Думы, началъ переговоры съ нѣкоторыми общественными дѣятелями о вступленіи ихъ въ министерство.

Д. И. Шиповъ, гр. Гейденъ, Н. Н. Львовъ, какъ это видно было потомъ изъ ихъ заявленія въ газетахъ, разошлись съ П. А. Столыпинымъ главнымъ образомъ изъ-за отношенія къ роспуску I Думы. Они добивались, чтобы П. А. Столыпинъ призналъ этотъ роспускъ ошибкой и исправилъ ее возможно болѣе скорымъ созывомъ новой Думы. Чего добивался А. И. Гучковъ, осталось неизвѣстнымъ. Его подписи подъ заявленіемъ г.г. Шипова, Гейдена, Львова не было. Сотруднику же „Русскаго Голоса“ онъ сказалъ, что общественные дѣятели съ П. А. Столыпинымъ „въ сущности разошлись въ деталяхъ“.

Въ моментъ переговоровъ со Столыпинымъ разногласія между А. И. Гучковымъ съ одной стороны и гр. Гейденомъ, М. Стаховичемъ, Д. И. Шиповымъ съ другой были во всякомъ случаѣ еще въ зачаточномъ состояніи. Но они назрѣвали уже, и извѣстное стремленіе къ обособленію отъ г. Гучкова сказа-

лось въ это время у гр. Гейдена и М. Стаховича въ образованіи вмѣстѣ съ бывшимъ кадетомъ Н. Н. Львовымъ партіи мирнаго обновленія. Образовывая эту партію, они, впрочемъ, тѣмъ самымъ еще не рвали съ Союзомъ 17 октября, такъ какъ Союзъ не былъ въ этотъ моментъ единой партіей, а представлялъ собою союзъ отдѣльныхъ группъ и партій. Но партія мирнаго обновленія прямо не вошла въ Союзъ 17 октября и не спѣшила опредѣлять своихъ отношеній съ нимъ, хотя гр. Гейденъ и М. Стаховичъ вначалѣ и не заявляли о своемъ выходѣ изъ Союза. Напротивъ, въ рядахъ Союза, повидимому, боялись обособленія партіи „Мирнаго Обновленія", и А. И. Гучковымъ и его сторонниками дѣлались шаги къ объединенію этой партіи съ Союзомъ.

Первымъ политическимъ шагомъ новой партіи было воззваніе къ избирателямъ, появившееся въ „Новомъ Времени" черезъ нѣсколько дней послѣ роспуска, и подписанное гр. П. А. Гейденомъ, Н. Н. Львовомъ и М. А. Стаховичемъ.

„Мы, говорится въ этомъ воззваніи, въ глубинѣ своей совѣсти сознаемъ, что когда мы отстаивали въ Госуд. Думѣ увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, уравненіе всѣхъ въ свободахъ и передъ закономъ, мы этимъ стремились оправдать возложенныя на насъ полномочія. Но со стороны стоящаго у власти правительства мы встрѣтили не помощь, а противодѣйствіе, вовлекшее насъ въ борьбу съ нимъ, при которой совмѣстная работа явилась невозможной".

Заявивши такимъ образомъ въ началѣ воззванія полную солидарность съ дѣятельностью 1-й Думы, они тѣмъ съ большимъ усердіемъ отгораживаются отъ заключительнаго акта 1-й Думы—отъ выборгскаго воззванія. Въ противоположность выборгскому воззванію, они считаютъ роспускъ Думы актомъ вполнѣ закономѣрнымъ и конституціоннымъ. У нихъ выходитъ даже, что этимъ актомъ конституція какъ будто еще больше укрѣплена. „Государю, говорятъ они, было угодно смѣнить министерство и путемъ новыхъ выборовъ въ новый составъ Думы провѣрить соотвѣтствіе нашихъ заявленій съ дѣйствительными желаніями народа и созывъ Думы назначенъ на 20 февраля. Манифестомъ 9 іюля Государь еще разъ подтвердилъ, что конституціонный строй сохраняется въ Россійской монархіи, что народные представители будутъ созваны и права ихъ не будутъ умалены".

Представивши въ такомъ идиллическомъ свѣтѣ роспускъ Думы, они въ заключеніе подробно распространяются о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ могутъ привести „насилія, безпорядки и нарушенія закона", и заканчиваютъ воззваніе призывомъ „спокойно подчиниться закономѣрной волѣ Царя и продолжать мирную и упорную работу отстаиванія нуждъ, правъ и свободы русскаго народа".

Соотвѣтствовало ли это воззваніе настроенію тѣхъ имущихъ слоевъ,

которые шли до сихъ поръ за партіей октябристовъ? Вторая половина воззванія безусловно отвѣчала ихъ настроенію. Что касается первой части, то тутъ у октябристской массы все зависѣло отъ представленія о силѣ демократіи, о способности ея добиться своихъ требованій. Хотя роспускъ 1-й Думы прошелъ сравнительно благополучно, но положеніе оставалось все-таки не яснымъ. И разъ возможность новыхъ волненій и новаго движенія рабочей массы не была исключена, позиція, занятая партіей мирнаго обновленія, представляла большія выгоды. Призывъ къ подчиненію и спокойствію, сдѣланный послѣ заявленія о солидарности съ дѣятельностью 1-й Думы, несомнѣнно очень выигрывалъ въ своей силѣ. Получался своего рода подлогъ, чрезвычайно выгодный для порядка и спокойствія. Люди, выступающіе въ первой части воззванія, какъ представители 1-й Думы, прямо, какъ будто говорящіе отъ ея лица, обращаются къ населенію, сочувствующему дѣятельности 1-й Думы, съ убѣжденіями, что роспускъ Думы вполнѣ закономѣрный актъ и что ничего не остается, какъ подчиниться ему и спокойно ждать созыва новой Думы. Вѣдь дѣло идетъ, какъ остроумно сочинили авторы воззванія, только о провѣркѣ, дѣйствительно ли требованія Думы соотвѣтствуютъ желаніямъ народа. И если окажется, что соотвѣтствуютъ, то очевидно они будутъ исполнены.

Такъ или иначе, воззваніе это пришлось по сердцу дѣятелямъ Союза 17 октября. И въ московскомъ телефонѣ „Рѣчи“ отъ 20 іюля мы читаемъ: „Центральный комитетъ Союза 17 октября отправилъ сегодня во всѣ иногородніе отдѣленія Союза, за подписью бар. Корфа и А. И. Гучкова, циркулярную телеграмму, въ которой комитетъ, находя извѣстное воззваніе „партіи мирнаго обновленія“ соотвѣтствующимъ программѣ Союза 17 октября и отвѣчающимъ требованіямъ даннаго момента, предлагаетъ провинціальнымъ комитетамъ принять мѣры къ распространенію этого воззванія“.

Вслѣдъ за этимъ центральный комитетъ Союза 17 октября предпринимаетъ шаги для объединенія Союза съ „партіей мирнаго обновленія“. Въ „Рѣчи“ отъ 10 августа мы читаемъ: „Центральный комитетъ Союза 17 октября занятъ сопоставленіемъ программы партіи мирнаго обновленія и новой программы Союза. Сводка будетъ разослана во всѣ отдѣлы Союза“. Въ той же газетѣ отъ 23 августа сообщается: „Въ настоящее время центральные комитеты Союза 17 октября и партіи мирнаго обновленія получаютъ отъ большинства провинціальныхъ отдѣловъ Союза увѣдомленія о томъ, что они всецѣло присоединяются къ программѣ и тактическимъ пріемамъ партіи и вступаютъ въ нее“.

А въ московскомъ телефонѣ газеты слѣдующаго дня сообщается уже о томъ, что „въ Петербургѣ состоится общеимперскій съѣздъ членовъ партіи мирнаго обновленія и Союза 17 октября. На съѣздѣ предполагается поста-

вить на обсужденіе вопросы о прекращеніи дѣятельности Союза 17 октября, о переходѣ членовъ Союза въ партію мирнаго обновленія и *объ измѣненіи нѣкоторыхъ положеній разработанной бывшими депутатами программы партіи мирнаго обновленія*".

Итакъ дѣло шло какъ будто къ полному сліянію Союза 17 октября и партіи мирнаго обновленія. Для этого требовались повидимому только „нѣкоторыя измѣненія" въ программѣ партіи мирнаго обновленія, вѣроятно, въ аграрной ея части, измѣненія, принятіе которыхъ, вѣроятно, было обезпечено, иначе не организовывался бы общій съѣздъ партіи и Союза.

Но въ тотъ же день, когда въ „Рѣчи" появилось сообщеніе о предполагаемомъ съѣздѣ, было опубликовано правительственное сообщеніе, положившее рѣзкую межу между готовыми къ объединенію союзниками.

Правительственное сообщеніе 24 августа было отвѣтомъ на цѣлый рядъ покушеній и экспропріацій, имѣвшихъ мѣсто въ то время, напр. покушенія на самого Столыпина на Аптекарскомъ островѣ 12 августа, убійство генерала Мина 13 августа и проч.

Начинается это сообщеніе исторіей революціоннаго движенія и констатируетъ, что послѣ того какъ рядъ попытокъ произвести вооруженное возстаніе потерпѣлъ неудачу, „революціонныя группы рѣшили путемъ уничтоженія высшихъ должностныхъ лицъ произвести впечатлѣніе въ странѣ и на правительство навести панику". Указывая дальше на необходимость „противопоставить насилію силу" и на то, что „мѣстнымъ властямъ на этотъ счетъ даны самыя опредѣленныя указанія", сообщеніе находитъ, что „обыкновенное судебное производство не вполнѣ приспособлено къ обстоятельствамъ настоящаго времени". „Поэтому, говоритъ сообщеніе, признано необходимымъ издать временныя правила о военно-полевомъ судѣ для сужденія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны".

Рядомъ съ этимъ чрезвычайнымъ нововведеніемъ, уничтожающимъ для ряда преступленій всякія гарантіи правосудія, правительственное сообщеніе объявляетъ также объ изданіи временныхъ правилъ объ усиленіи наказаній за пропаганду въ войскахъ.

Развернувши программу новыхъ репрессій, сообщеніе, въ какомъ-то явномъ, вопіющемъ противорѣчіи съ ними, заявляетъ о необходимости „идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумнопонятой свободѣ". Дальше идетъ развитіе положительной программы. Она чрезвычайно скудна и неопредѣленна. Прежде всего она касается земельнаго вопроса. Она напоминаетъ о передачѣ Высочайшимъ повелѣніемъ крестьянскому поземельному банку удѣльныхъ и оброч-

ныхъ статей и указываетъ, что это дастъ землеустроительнымъ комиссіямъ возможность развернуть свою дѣятельность для удовлетворенія земельной нужды. И это—все по земельному вопросу. По части же свободъ сообщеніе указываетъ на предположеніе отмѣнить нѣкоторыя отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ, и нѣкоторыя отжившія ограниченія, касающіяся евреевъ. Въ заключеніе сообщается о внесеніи въ смѣту будущаго года $5^1/_2$ милл. руб. для расширенія сѣти народныхъ школъ и улучшенія матеріальнаго положенія народныхъ учителей.

Въ дополненіе ко всему этому сообщается еще длинный перечень подготовляемыхъ къ Думѣ законопроектовъ, который самъ по себѣ не говоритъ абсолютно ничего, такъ какъ не даетъ никакого представленія о характерѣ самихъ этихъ законопроектовъ.

Вотъ и вся положительная программа. Для всякаго безпристрастнаго человѣка, казалось бы, должно было быть ясно, что эта положительная программа представляла собой просто пустую отписку, не имѣющую никакого реальнаго значенія. Нѣкоторое значеніе могла имѣть развѣ только передача крестьянскому банку удѣльныхъ земель, но она состоялась раньше этого сообщенія и сама по себѣ тоже не представляла серьезной мѣры для рѣшенія земельнаго вопроса, такъ какъ удѣльныя земли передавались банку не для безвозмезднаго надѣленія крестьянъ, а для продажи имъ. Положительная программа была пуста и безсодержательна, а программа репрессій была ярка до послѣдней степени.

Мы видѣли выше, какъ возмущались октябристы на своемъ первомъ февральскомъ съѣздѣ нежеланіемъ правительства Витте проводить въ жизнь начала манифеста 17 октября и его политикой репрессій. Теперь тотъ произволъ, который практиковался съ попраніемъ законовъ — легализировался. Прежде—при подавленіи волненій—разстрѣливали безъ суда. Теперь для разстрѣла создавалась явная фикція суда, вводился судъ, не имѣющій никакихъ признаковъ суда. Казалось бы, что люди, которые недавно такъ возмущались разстрѣломъ безъ суда, должны были еще больше возмутиться введеніемъ этого разстрѣла въ практику подъ личиной суда. И нѣкоторые возмутились. Возмутились основатели партіи мирнаго обновленія, гр. Гейденъ и М. А. Стаховичъ, возмутился Д. И. Шиповъ. Но не возмутился главный лидеръ октябристовъ А. И. Гучковъ. Напротивъ, въ газетномъ интервью онъ привѣтствовалъ декларацію правительства во всѣхъ ея частяхъ вплоть до военно-полевыхъ судовъ.

Казалось какъ будто, что онъ воспользовался этой декларацiей, чтобы бросить вызовъ всѣмъ слабымъ, всѣмъ нерѣшительнымъ членамъ партіи, всѣмъ, считающимся со старыми принципами партіи и неспособнымъ поспѣвать за стремительнымъ бѣгомъ по пути реакціи правительства.

Заявленіе А. И. Гучкова въ мирнообновленческихъ и октябристскихъ кругахъ произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Крайняя лѣвая октябристовъ, та, которая работала надъ образованіемъ партіи мирнаго обновленія, была возмущена, большинство же октябристовъ было смущено неожиданностью и смѣлостью заявленій А. И. Гучкова, боясь, какъ бы они не повредили партіи.

Кн. Е. Н. Трубецкой, всѣ симпатіи котораго къ этому моменту были на сторонѣ партіи мирнаго обновленія и который впослѣдствіи вступилъ въ ея ряды, въ „Русск. Вѣд.“ обратился къ А. И. Гучкову съ ироническимъ вопросомъ, къ какой партіи онъ принадлежитъ, къ партіи мирнаго или военнаго обновленія, и въ заключеніе бросилъ крылатое слово, которое потомъ привилось къ октябристамъ, что если вѣрно газетное интервью съ Гучковымъ, то его партію изъ „партіи мирнаго обновленія“ слѣдуетъ переименовать въ „партію послѣдняго правительственнаго сообщенія“.

Въ отвѣтъ на эту статью кн. Трубецкого А. И. Гучковъ выступилъ съ обширнымъ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ въ „Новомъ Времени“ и перепечатаннымъ во всѣхъ газетахъ. Этимъ письмомъ онъ совершенно подтвердилъ газетное интервью, отчасти даже усилилъ его. Тутъ впервые онъ выступаетъ съ открытымъ сочувствіемъ роспуску I Думы. Вопросомъ, по его мнѣнію, можетъ являться въ данномъ случаѣ только, „насколько удачно былъ выбранъ самый моментъ роспуска“. Въ неработоспособности же I Думы, по его мнѣнію, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Затѣмъ относительно положительной программы декларацiи онъ заявляетъ, что правительственное сообщеніе „излагало весьма обширную и по характеру своему весьма прогрессивную программу“.

Допуская въ программѣ „нѣкоторую неполноту“ и „извѣстную такъ сказать робость“, онъ находитъ, что она представляетъ „тотъ мостъ между правительственными взглядами и ожиданіями разныхъ группъ, на которомъ могло бы состояться мирное соглашеніе“.

И такъ какъ далѣе, по его мнѣнію,—„въ настоящій моментъ революція, а не правительство, является помѣхой къ обновленію нашего отечества“, то онъ считаетъ допустимыми для подавленія революціи самыя крайнія мѣры вплоть до военно-полевыхъ судовъ.

Ключъ же къ объясненію всей позиціи, занятой въ данномъ случаѣ г. Гучковымъ, даетъ слѣдующее интересное мѣсто его письма:

„Какъ это ни странно, говоритъ онъ, но наши политическія группировки опредѣляются въ настоящій моментъ не столько внутреннимъ содержаніемъ партій, ихъ задачами и программами, сколько внѣшнимъ фактомъ того или иного отношенія къ революціи, къ революціонному способу борьбы, къ революціоннымъ организаціямъ“.

Согласенъ ли былъ въ данномъ случаѣ „Союзъ 17 октября“ со своимъ вождемъ? Сначала шли извѣстія, что центральный комитетъ Союза несогласенъ, совершенно несогласенъ съ нимъ. И напр. въ петербургскомъ телефонѣ газеты „Русское Слово“ отъ 12 сент. сообщалось со словъ газеты „Сегодня“ что, „центральный комитетъ Союза 17 октября, подобно московскому комитету, находитъ письмо А. И. Гучкова крупной политической ошибкой, крайне вредной для политическаго авторитета партіи. Въ виду этого на-дняхъ будетъ опубликовано сообщеніе центр. ком. партіи о томъ, что письмо Гучкова ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить показателемъ взглядовъ „Союза 17 окт.“.

Но подобнаго рода сообщенія свидѣтельствовали въ дѣйствительности только о сильномъ замѣшательствѣ въ рядахъ центральнаго комитета, отъ которыхъ до серьезнаго намѣренія выступить противъ А. И. Гучкова было еще очень далеко. Что это намѣреніе отсутствовало, явствовало съ очевидностью изъ того, что центральный комитетъ допустилъ уходъ изъ союза Д. И. Шипова и только, въ отвѣтъ на его мотивированное письмо объ уходѣ, счелъ себя вынужденнымъ выступить съ заявленіемъ довольно при этомъ двусмысленнаго характера.

Мотивированное заявленіе Д. И. Шипова объ его выходѣ изъ союза, посланное имъ въ центр. ком., было настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ союза.

„Я былъ, говоритъ онъ въ своемъ письмѣ, однимъ изъ учредителей союза, былъ предсѣдателемъ его центр. комитета въ Москвѣ и принималъ живое участіе въ дѣятельности партіи. Союзъ всегда ставилъ себѣ главною задачей — содѣйствовать мирному преобразованію нашего государственнаго строя на твердыхъ основаніяхъ конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г.“.

Онъ напоминаетъ затѣмъ, что когда стало ясно, что министерство гр. Витте „по-прежнему придерживается традицій бюрократическаго абсолютизма и административнаго произвола, то съѣздъ союза высказалъ громкое осужденіе такой тактикѣ правительства и открыто заявилъ, что образъ дѣйствій министерства исключаетъ возможность какой-либо поддержки со стороны союза“.

„Оставаясь вѣрнымъ этимъ принципамъ, продолжаетъ онъ, я не считаю возможнымъ, чтобы союзъ могъ быть въ настоящее время солидаренъ съ министерствомъ П. А. Столыпина. Министерство П. А. Столыпина есть министерство роспуска Думы. Министерство, создавшееся на почвѣ конфликта пережившаго себя бюрократическаго режима съ народнымъ представительствомъ. Поэтому политика настоящаго кабинета можетъ быть только реакціонной, о чемъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ ежедневно многочисленные факты

проявленія административнаго произвола. Хотя министерская декларація и заявляетъ, что правительство борется не съ обществомъ, а только съ врагами общества, но при этомъ врагами общества, повидимому, признаются всѣ, не одобряющіе дѣйствій правительства. Путь усиливающихся репрессій является для настоящаго правительства неизбѣжнымъ и уже привелъ его къ широкому примѣненію военно-полевыхъ судовъ".

Указывая затѣмъ, что эта мѣра можетъ привести только къ „развитію процесса деморализаціи и одичанія въ обществѣ", Д. Н. Шиповъ оканчиваетъ свое заявленіе словами: „Расходясь съ предсѣдателемъ центральнаго комитета въ оцѣнкѣ декларація министерства, я, въ виду коренного разногласія, не нахожу возможнымъ оставаться членомъ „Союза 17 октября" и выхожу изъ его состава".

Что же отвѣтилъ центральный комитетъ союза на этотъ обвинительный актъ, направленный противъ него однимъ изъ видныхъ его членовъ?

Въ декларація, выпущенной имъ въ отвѣтъ на заявленіе Д. Н. Шипова, онъ прежде всего покрылъ Гучкова. Онъ согласенъ съ Шиповымъ, что главной задачей союза является—„содѣйствовать мирному преобразованію нашего государственнаго строя на твердомъ основаніи конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г.". Но онъ полагаетъ, что дѣятельность союза не отступала и не отступаетъ отъ этой основной задачи и что „ничто ей не противорѣчитъ и въ недавно опубликованныхъ заявленіяхъ нынѣшняго предсѣдателя московскаго центральнаго комитета А. И. Гучкова".

Итакъ цен. ком. согласенъ съ выступленіями Гучкова? Нѣтъ, не совсѣмъ. Сначала онъ какъ будто сочувственно констатируетъ, что „настоящее правительство приступило къ рѣшительному подавленію анархіи и развивающагося на почвѣ революціи разбойничества, не останавливаясь передъ такими крайними мѣрами, какъ недавно изданный законъ о военно-полевыхъ судахъ". Но вслѣдъ за этимъ ц. к. считаетъ нужнымъ оговориться слѣд. обр.: „Допуская среди своихъ членовъ возможность различной оцѣнки тѣхъ или другихъ мѣръ, принимаемыхъ для этого правительствомъ, союзъ въ своемъ цѣломъ полагаетъ, что тяжелая необходимость можетъ заставить въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, но мѣры эти должны непремѣнно быть точно ограничены въ своемъ примѣненіи и обставлены всѣми гарантіями правосудія, равно безопасными для мирныхъ гражданъ".

Д. Н. Шиповъ затѣмъ считаетъ недопустимой съ точки зрѣнія принциповъ союза поддержку правительства Столыпина, какъ правительства роспуска Госуд. Думы, какъ правительства, политика котораго является реакціонной и неизбѣжно должна остаться реакціонной.

На это ц. к. отвѣчаетъ: „Союзъ 17 окт., какъ независимая конституціонная партія, могъ бы ставить себѣ задачею общую поддержку лишь такого министерства, которое стояло бы на почвѣ основныхъ началъ программы „союза“. Условія этого въ данномъ случаѣ „союзъ“ не усматриваетъ, а потому сохраняетъ за собой полную свободу относиться съ одобреніемъ или съ осужденіемъ къ отдѣльнымъ правительственнымъ дѣйствіямъ“.

Эта „свобода“, какъ мы видѣли, выразилась въ томъ, что союзъ ничего не рѣшился осудить въ дѣйствіяхъ правительства, даже военно-полевые суды прямо не осудилъ. Но зато ц. к. рѣшительно осуждаетъ „неистовую травлю“ правительства со стороны крайнихъ партій.

„Именно въ силу своего конституціонализма Союзъ 17 окт. не можетъ примкнуть къ неистовой травлѣ стоящаго у власти правительства, которую ведутъ крайнія партіи въ переживаемую пору, впредь до предстоящаго новаго созыва народнаго представительства, когда политическое положеніе не даетъ никакой вѣроятности замѣны существующаго бюрократическаго кабинета другимъ, изъ независимыхъ либеральныхъ дѣятелей. Огульныя нападки на правительство, полагаетъ ц. к., могутъ повести далѣе выставляемой цѣли; онѣ могутъ въ сознаніи народномъ колебать государственное начало и тѣмъ самымъ ослабить всякую будущую власть, и, такимъ образомъ, играя въ руку анархіи, быть можетъ, надолго задержать конституціонное развитіе Россіи“.

Позиція ц. к. союза тутъ совершенно ясна. Бюрократическое правительство нельзя сейчасъ замѣнить другимъ. Оно борется съ революціей. Пока революція окончательно имъ не раздавлена, нежелательно ни въ какомъ случаѣ ослаблять позицію правительства нападками на него. Вотъ почему ц. к. союза рѣшительно отгородился отъ „неистовой травли“ правительства со стороны крайнихъ партій, охотно разстался съ Д. Н. Шиповымъ, рѣзко осуждающимъ правительство, и напротивъ покрылъ А. И. Гучкова, самъ же, со своей стороны, поклявшись въ вѣрности своему старому знамени, не бросилъ въ то же время ни слова осужденія по адресу попирающаго всякія свободы и всякія гарантіи правосудія правительства.

Послѣ этого происходитъ рѣзкое размежеваніе между партіей мирнаго обновленія и Союзомъ 17 октября. Д. Н. Шиповъ, выйдя изъ союза, вступаетъ въ партію мирнаго обновленія. Вмѣстѣ съ нимъ вступаютъ въ партію кн. Е. Н. Трубецкой, кн. В. М. Голицынъ, С. М. Четвериковъ, П. П. Рябушинскій, кн. Г. Н. Трубецкой, И. Ф. Огневъ, А. С. Вишняковъ, гр. К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ. Часть изъ этихъ лицъ участвовала раньше въ Союзѣ 17 окт.

Вмѣстѣ съ этимъ центр. ком. партіи мирнаго обновленія по поводу запроса о томъ, можетъ ли членъ Союза 17 октября участвовать и въ

партіи мирнаго обновленія, заявляетъ въ „Русск. Вѣд.“, что партія будетъ дѣйствовать самостоятельно и въ ряды своихъ членовъ не будетъ включать лицъ, состоящихъ одновременно членами другихъ партій.

Позиція партіи мирнаго обновленія въ отличіе какъ отъ партій, стоящихъ влѣво отъ нея, такъ и отъ Союза 17 октября, выступаетъ со всей рѣзкостью въ воззваніи партіи, принятомъ на совѣщаніи 22—23 окт., въ результатѣ котораго въ партію и вступили Д. Н. Шиповъ и другія перечисленныя лица.

Самымъ характернымъ мѣстомъ въ этомъ воззваніи является слѣдующее: „Двѣ разрушительныя силы препятствуютъ созидательной работѣ, направленной къ обновленію родины: пережитки приказнаго строя и революціонная анархія крайнихъ партій. Обѣ эти силы одинаково опасны, одинаково враждебны свободѣ и культурѣ. Поэтому, выступая на политическое поприще, партія мирнаго обновленія считаетъ себя обязанной высказать рѣшительное осужденіе обѣимъ этимъ силамъ“.

Итакъ, борьба, одинаково непримиримая борьба и съ правительствомъ и съ революціей, вотъ позиція новой партіи. Позиція эта была въ тотъ моментъ достаточно безжизненной и, какъ показали выборы во II Думу, за этой позиціей, кромѣ небольшой интеллигентной горсти изъ имущихъ классовъ, никто не пошелъ. Вообще же тѣмъ имущимъ слоямъ, которые проникнуты были въ началѣ революціи конституціонными стремленіями и которые не склонны были поэтому стать подъ знамя крайней реакціи, вражда къ революціи и боязнь ея диктовали другую позицію, принятую Союзомъ 17 окт.—противъ революціи рука объ руку съ правительствомъ, а если понадобится — и вмѣстѣ съ крайними реакціонными партіями.

Вскорѣ послѣ опубликованія воззванія партіи мирнаго обновленія, какъ бы въ отвѣтъ на него, А. И. Гучковъ на общемъ собраніи членовъ Спб. отдѣла Союза 17 окт. 5 ноября выступилъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что налѣво отъ союза стоятъ оппозиціонныя партіи съ ихъ „лживыми пріемами“, съ ихъ надеждой сдѣлать изъ революціи орудіе для проведенія аграрной программы, а направо монархисты, не желающіе признавать манифестъ 17 октября, считающіе, что у насъ по-прежнему абсолютная монархія. Это отрицаніе конституціи отдѣляетъ октябристовъ отъ крайнихъ правыхъ. Но все-таки, заявляетъ Гучковъ, въ Думѣ тѣ и другіе пойдутъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ по цѣлому ряду вопросовъ. У нихъ общая любовь къ родинѣ и общее пониманіе интересовъ національнаго, опирающагося на сильную, хотя и реорганизованную, армію. „Когда начнется штурмъ на прерогативы монархической власти, мы будемъ союзниками“.

Тутъ характерно, между прочимъ, выставленіе національнаго, какъ цемента, сплачивающаго октябристовъ съ крайними правыми партіями. Борьба

съ революціей естественно раздувала и разжигала этотъ національнизмъ у имущихъ классовъ, потому что угнетенныя національности чрезвычайно подкрѣпляли и усиливали революцію и потому, что, разжигая ненависть къ нимъ со стороны массы темнаго русскаго населенія, можно было надѣяться отвести въ эту сторону то недовольство, которое въ немъ будили экономическія причины. Поэтому борьба съ аграрной программой, которую выдвигали оппозиціонныя партіи, и борьба съ инородцами, поддерживавшими эти партіи въ сознаніи имущихъ классовъ, естественно сливались между собой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собранія октябристовъ—9 ноября былъ опубликованъ на основаніи 87 ст. чрезвычайно важный законъ, стремящійся отвести рѣшеніе аграрнаго вопроса совершенно въ другое русло и знаменующій собой настоящую революцію въ аграрныхъ отношеніяхъ.

Законъ этотъ насильственно разрушалъ общину, превращая наличное владѣніе землей въ собственность, раздувалъ вражду между болѣе состоятельными и менѣе состоятельными слоями крестьянства и на мѣсто единаго стремленія всѣхъ крестьянъ къ увеличенію своей земельной площади открывалъ возможность увеличить свои владѣнія болѣе сильнымъ крестьянамъ, въ значительной степени на счетъ болѣе слабыхъ.

Естественно, что землевладѣльческіе элементы, чрезвычайно сильные въ партіи 17 октября, могли только горячо привѣтствовать эту мѣру. Ободренный аграрными мѣропріятіями правительства, Союзъ 17 окт. почувствовалъ потребность окончательно размежеваться съ рѣшеніями аграрнаго вопроса по принципу принудительнаго отчужденія, не исключая и самаго скромнаго изъ нихъ,—проекта партіи мирнаго обновленія. Такъ въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 26 ноября 1906 г. мы читаемъ слѣдующее сообщеніе: центр. ком. Союза 17 окт. подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, разсмотрѣвъ аграрную программу, представленную особымъ комитетомъ союза, нашелъ, что „теперь изъ общей программы союза отдѣлъ по аграрному вопросу можно совсѣмъ упразднить: всѣ пожеланія по этой части уже разрѣшены и осуществлены правительствомъ въ своихъ законахъ“.

Законъ 9 ноября, такимъ образомъ, еще тѣснѣе сближаетъ Союзъ 17 окт. съ правительствомъ Столыпина. и партія октябристовъ, послѣ этого, все больше превращается въ правительственную партію, въ партію П. А. Столыпина.

Рядомъ съ этимъ, союзъ въ это время начинаетъ принимать болѣе опредѣленный партійный характеръ въ организаціонномъ смыслѣ, превращаясь изъ союза партій въ единую партію. Къ этому времени относится, напримѣръ, полное раствореніе въ союзѣ торгово-промышленной партіи. Одновременно съ сообщеніемъ комитета партіи мирнаго обновленія о несовмѣстимости одновременнаго участія въ партіи и Союзѣ 17 окт. появилось въ га-

зетахъ сообщеніе и о томъ, что „центр. ком. Союза 17 окт. включилъ въ свой составъ весь центр. ком. торгово-промышленной партіи и разослалъ всѣмъ отдѣламъ предложеніе обсудить вопросъ о включеніи мѣстныхъ комитетовъ торгово-промышленной партіи въ составъ мѣстныхъ комитетовъ Союза 17 октября".

За то обособленно въ это время держится близкая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ Союзу 17 окт. партія правового порядка.

Въ своемъ обращеніи къ избирателямъ, въ началѣ октября центр. ком. партіи правового порядка называетъ I Думу „законопреступной", членовъ ея „дѣятелями смуты", которые „не только не выражали порицанія грабителямъ, поджигателямъ и убійцамъ, но даже требовали для нихъ амнистіи". Далѣе въ воззваніи говорится, что члены Думы „проявляли особыя заботы объ инородцахъ, а наипаче объ евреяхъ, что они аграрной своей программой „пошатнули въ народѣ понятіе о собственности", что „они въ лицѣ своихъ „главарей" на гельсингфорскомъ съѣздѣ вступили на путь явнаго мятежа" и т. д. Въ виду этого роспускъ Думы ц. к. считаетъ своевременнымъ.

Далѣе по отчету „Рѣчи" въ числѣ требованій выставляется: „единство и цѣлость Россіи", „недопустимость автономіи окраинъ", „сохраненіе исконнаго національнаго характера нашего государства", „возвращеніе Финляндіи на путь объединенія съ прочими частями имперіи", „усиленіе національнаго направленія въ школѣ", „поощреніе еврейской эмиграціи", лишеніе евреевъ чуть ли не всѣхъ человѣческихъ правъ и т. д. При этомъ въ обращеніи партіи, называющей себя „конституціонной", нѣтъ ни единаго слова о правахъ гражданъ, о конституціонныхъ началахъ и т. п.

Партія правового порядка, какъ видимъ, носила настолько явно черносотенный характеръ, что Союзу 17 окт., несмотря на энергичную его эволюцію вправо въ это время, все-таки трудно было объявить себя солидарнымъ съ этой партіею. Въ началѣ ноября (телефонъ „Русск. Сл." отъ 8 ноября) партія правового порядка вступила въ блокъ съ „союзомъ истинно-русскихъ людей" и предложила вступить въ блокъ Союзу 17 окт. Предложеніе это ц. к. союза отклонилъ и вообще рѣшилъ ни въ какія соглашенія съ партіей правового порядка не входить, о чемъ увѣдомилъ всѣ провинціальные отдѣлы".

Затѣмъ въ петербургской телеграммѣ „Русскаго Слова" отъ 1 декабря мы читаемъ снова: „на послѣднемъ засѣданіи ц. к. Союза 17 октября единогласно, по словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", еще разъ было подтверждено рѣшеніе союза выступить въ предвыборной кампаніи вполнѣ самостоятельно, не входя въ блоки ни съ какой партіей".

Но фактически это рѣшеніе осталось только на бумагѣ, въ провинціи

октябристы въ большинствѣ мѣстъ шли рука объ руку, въ тѣсномъ блокѣ съ союзниками, а подъ конецъ дрогнулъ и центр. ком. союза. Такъ „Рѣчь“ отъ 3 февраля сообщаетъ со словъ газеты „Слово“, что центр. ком. Союза 17 октября рѣшилъ пересмотрѣть свою резолюцію о предвыборномъ соглашеніи и заключить блокъ съ партіей правового порядка, союзомъ русскихъ людей и русскимъ собраніемъ“.

Рѣшительное движеніе октябристовъ въ сторону союза съ правительствомъ и съ правыми партіями находилось въ это время въ полной гармоніи съ той эволюціей, которую переживало тогда земство. Земская среда терпѣла радикальныя измѣненія. Подъ вліяніемъ вражды къ революціи и крестьянскому движенію измѣнялось настроеніе прежнихъ либеральныхъ земскихъ дѣятелей, въ то же время въ земскую среду проникали новые элементы прямо и явно реакціонные. Это рѣзкое измѣненіе настроенія земской среды, какъ мы видѣли въ первой главѣ, сказалось еще на земскихъ собраніяхъ начала 1906 года, происходившихъ до созыва первой Государственной Думы.

Послѣ роспуска I Думы новое настроеніе земствъ проявилось въ отношеніи земскихъ собраній къ исключенію изъ числа гласныхъ б. членовъ I Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе. Устраненіе ихъ въ большинствѣ случаевъ совершалось безъ всякихъ возраженій. Пренія и попытки протеста можно констатировать только въ Курскомъ, Костромскомъ, Ярославскомъ и Харьковскомъ земствахъ.

Вообще „исторія земства“,—говоритъ его историкъ Б. Б. Веселовскій, не знаетъ болѣе мрачной эпохи, чѣмъ 1906—1907 г.г. На ряду съ массовыми адресами и телеграммами аггрессивнаго политическаго характера шла борьба по всему фронту противъ своихъ политическихъ противниковъ, какъ среди гласныхъ, такъ и среди „третьяго элемента“; упразднялись и разрушались цѣлыя отрасли земскаго хозяйства, чѣмъ-либо навлекшія на себя подозрѣніе въ неблагонадежности („Исторія земства“ т. IV с. 49). Въ качествѣ обращика разрушительной дѣятельности въ это время земства можно привести напр. постановленія о закрытіи книжныхъ складовъ, принятыя на земскихъ собраніяхъ: Вятскимъ, Самарскимъ, Нижегородскимъ, Пермскимъ, Саратовскимъ, Тульскимъ, Курскимъ, Новгородскимъ и Тверскимъ.

Это рѣшительное реакціонное настроеніе уживалось у значительной, по крайней мѣрѣ, части земцевъ съ остатками прежнихъ конституціонныхъ стремленій, и формула А. И. Гучкова — союзъ съ правительствомъ одновременно и на почвѣ борьбы съ революціей и на почвѣ осуществленія манифеста 17 октября—находила поэтому довольно широкое сочувствіе у новыхъ земцевъ. Насколько полонъ въ этомъ отношеніи былъ контактъ между А. И. Гучковымъ

и массой тогдашнихъ земцевъ, показываютъ напр. выступленія земствъ по поводу покушенія 12 авг. на П. А. Столыпина (взрывъ на Аптекарскомъ островѣ).

Телеграммы на имя П. А. Столыпина были отправлены, по подсчету Б. Б. Веселовскаго, 157 уѣздными и 18 губернскими земскими собраніями, т. е. приблизительно половиною общаго ихъ числа.

При этомъ во всѣхъ почти телеграммахъ рядомъ съ осужденіемъ террористическихъ актовъ, сочувствіемъ къ борьбѣ Столыпина противъ „анархіи“ и выраженіями надеждъ на то, что онъ внесетъ „успокоеніе“ въ страну, выражалась также увѣренность, что правительство Столыпина осуществитъ необходимыя реформы, при чемъ во многихъ телеграммахъ говорилось опредѣленно о реформахъ „возвѣщенныхъ Высочайшимъ манифестомъ 17 окт. 1905 г.“.

Ростущее противорѣчіе между проникшимися новымъ настроеніемъ земскими собраніями и старыми, въ значительной своей массѣ, „кадетскими“ управами, закончилось на земскихъ собраніяхъ конца 1906 и начала 1907 г. разгромомъ управъ и измѣненіемъ ихъ состава путемъ выборовъ. Какъ радикально этотъ составъ былъ измѣненъ, показываетъ слѣдующая интересная табличка распредѣленія предсѣдателей губернскихъ управъ между партіями при старомъ и новомъ ихъ составѣ.

Партіи.	Предс. прежнихъ управъ.	Предс. новыхъ управъ.
Конст.-демократы. .	15	1
Прогрессисты . . .	6	3
Октябристы	13	19
Правые	—	11
Всего . .	34	34

Табличка эта говоритъ о новыхъ пришельцахъ въ земство —правыхъ, которые въ старомъ земствѣ отсутствовали, а въ новомъ завоевали треть предсѣдательскихъ мѣстъ, и она же говоритъ о значительномъ усиленіи октябристовъ, изъ меньшинства ставшихъ большинствомъ въ земствѣ. Новая тактика октябристовъ получила, такимъ образомъ, признаніе и санкцію со стороны измѣнившагося по составу и настроенію земства.

4. Отъ созыва II Государственной Думы до 3 іюня.

Вторая Государственная Дума по составу своему очень существенно отличалась отъ первой. Отъ выборовъ въ I Думу крайнія партіи устранились, былъ объявленъ выборамъ бойкотъ, это вынуждало многихъ избирателей, не примкнувшихъ къ бойкоту, голосовать за кадетовъ. Въ выборахъ

во II Думу приняли участіе рядомъ съ кадетами и трудовиками также соціалъ-демократы, соціалисты-революціонеры и народные соціалисты. Участіе ихъ въ выборахъ привело къ усиленію лѣваго крыла Думы.

Съ другой стороны подъ вліяніемъ непрекращающихся террористическихъ фактовъ и экспропріацій и въ то же время явнаго ослабленія революціонной активности массъ, среди имущихъ классовъ рѣзко усилилось за это время реакціонное настроеніе. Это само по себѣ должно было уже вести къ нѣкоторому усиленію праваго крыла Думы. Со своей же стороны и правительство самымъ энергичнымъ образомъ помогло его усиленію. Существенную роль тутъ сыграли сенатскія разъясненія, лишившія цѣлые разряды избирателей избирательныхъ правъ. Особенно значительную роль тутъ сыграло разъясненіе относительно мелкихъ землевладѣльцевъ, по которому крестьяне, пріобрѣвшіе землю при помощи крестьянскаго банка, выкидывались изъ землевладѣльческой куріи. Усилившееся реакціонное настроеніе среди имущихъ классовъ, подкрѣпленное разъяснительной дѣятельностью Сената, привело къ значительному усиленію и праваго крыла Думы.

Измѣнилось правое крыло Думы и по своему составу. Теперь въ немъ видное мѣсто заняли крайніе правые, которые въ I Думѣ почти отсутствовали. Въ то же время количественно усилились и октябристы. По подсчету „Голоса Москвы“ отъ 17 февраля число октябристовъ съ 17-ти в I Думѣ, поднялось до 42 во II-й.

Данныя о результатахъ выборовъ выборщиковъ, сгруппированныя въ „Рѣчи“, дадутъ намъ возможность судить о классовой основѣ, на которую опирались октябристы и правые. Вотъ таблички процентнаго распредѣленія партій по тремъ съѣздамъ выборщиковъ по 51 губерніи Европейской Россіи.

Выбрано въ %%

	Отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ.	Отъ городскихъ съѣздовъ (кромѣ городовъ съ отд. предст.).	Отъ съѣздовъ уполномоченные отъ волостей.
Лѣвые, кадеты, прогрессисты	24,4	84,1	55,2
Октябристы	18,1	4,2	1,9
Умѣренные	5,7	0,8	7,0
Правые	47,1	8,9	24,9
Безпартійные	4,7	2,1	11,0
Итого . .	100,0	100,0	100,0

Таблица эта говоритъ прежде всего объ ярко реакціонномъ настроеніи землевладѣльцевъ. Одни крайніе правые имѣютъ за собой тамъ около

половины выборщиковъ. Но рука объ руку съ ними шли и октябристы и умѣренные, вмѣстѣ съ этими партіями умѣренной реакціи, на сторонѣ реакціи оказывается всего около $^3/_4$ всѣхъ землевладѣльческихъ выборщиковъ. Въ противоположность землевладѣльческой куріи, всѣ реакціонныя партіи въ городской куріи даютъ ничтожный $^0/_0$, но въ этой куріи крупная буржуазія потонула совершенно въ массѣ представителей мелкой буржуазіи и профессіональной интеллигенціи.

Наконецъ въ крестьянской куріи партіи реакціи имѣютъ за собой, хотя и меньшинство, но замѣтное меньшинство—приблизительно до трети всѣхъ выборщиковъ.

Что касается въ частности октябристовъ, то никакихъ корней они явно не имѣли тогда въ средѣ крестьянства. Даже если причислить къ нимъ умѣренныхъ, то получимъ среди крестьянскихъ выборщиковъ только 8,9$^0/_0$ октябристовъ. Но какъ разъ именно среди крестьянъ врядъ ли умѣренныхъ можно причислить къ октябристамъ. Скорѣе ихъ можно причислить къ безпартійнымъ. Другое дѣло въ землевладѣльческой куріи. Тамъ умѣренные съ извѣстнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ октябристамъ. Принимая это во вниманіе, мы получаемъ приблизительное такое распредѣленіе землевладѣльческихъ выборщиковъ: половина на сторонѣ крайней реакціи, четверть на сторонѣ октябристовъ и четверть на сторонѣ партій лѣвѣе октябристовъ.

Только тутъ въ землевладѣльческой куріи октябристы являются замѣтной величиной. Вѣроятно еще болѣе замѣтной величиной они оказались бы въ торгово-промышленной куріи, если бы таковая была выдѣлена изъ городской куріи.

Что касается распространенія октябристовъ по отдѣльнымъ губерніямъ и городамъ, то слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что среди выборщиковъ отъ городскихъ съѣздовъ, при общемъ низкомъ процентѣ, они и въ отдѣльныхъ мѣстахъ почти нигдѣ не достигаютъ сколько-нибудь замѣтной величины. Въ очень многихъ губерніяхъ они совершенно отсутствуютъ среди городскихъ выборщиковъ, въ другихъ даютъ совершенно ничтожный процентъ. Больше $^1/_{10}$ городскихъ выборщиковъ, но меньше $^1/_5$ они составили только въ губерніяхъ — Владимірской, Московской, Тверской, Рязанской, Тамбовской, Херсонской. Въ этихъ 6 губерніяхъ изъ общаго числа 218 выборщиковъ, о партійномъ характерѣ которыхъ удалось собрать свѣдѣнія „Вѣстнику партіи народной свободы“, на долю октябристовъ придется 37, или 17$^0/_0$.

Въ городахъ, имѣвшихъ тогда отдѣльное представительство, положеніе октябристовъ было еще болѣе плачевно. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ они завоевали 3 выборщиковъ изъ 80 и въ Кіевѣ 1 изъ 82, въ другихъ же мѣстахъ не завоевали ни одного. Между тѣмъ правые въ городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ одержали кое-гдѣ крупныя побѣды, напримѣръ въ Казани завоевали 36 выборщиковъ изъ 80-ти, въ Пензѣ 46

изъ 81, въ Кіевѣ 41 изъ 82, въ Кишиневѣ 47 изъ 80. Очевидно городское мѣщанство, тамъ, гдѣ оно не подпало подъ вліяніе оппозиціонныхъ партій, становилось подъ знамя крайней реакціи, минуя октябристовъ.

Что касается землевладѣльческой куріи, то тутъ октябристы были замѣтно представлены въ гораздо большемъ числѣ мѣстъ. Больше $^1/_{10}$ выборщиковъ они завоевали среди землевладѣльцевъ въ 33 губ., больше $^1/_5$ въ 22-хъ, больше $^1/_3$ въ 11 губ., въ четырехъ же завоевали абсолютное большинство.

Если мы возьмемъ тѣ губерніи, въ которыхъ октябристы (вмѣстѣ съ умѣренными) составили болѣе $^1/_5$ всѣхъ выборщиковъ, то по районамъ мы получимъ такую картину распространенія октябристовъ.

Въ *московскопромышленномъ* районѣ мы находимъ ихъ сильно представленными въ землевладѣльческой куріи въ Московской губ. (б. $^1/_2$ выбор.), Смоленской ($^1/_2$ выб.) и Калужской (б. $^1/_4$).

Въ *сѣверо-западномъ* краѣ они замѣтно представлены въ Гродненской губ. (б. $^1/_2$ землевл. выб.), Могилевской (б. $^1/_4$) и Витебской ($^1/_5$).

Въ *Прибалтійскомъ* краѣ родственная октябристамъ балтійско-конст. партія завоевала всѣ мѣста выборщиковъ въ Эстляндской губ.

Изъ *сѣверныхъ* губ. октябристы оказались сильно представленными въ Олонецкой губ. (б. $^1/_2$) и Новгородской (ок. $^1/_2$).

Изъ губерній *центральнаго чернозема* октябристы заняли видное мѣсто среди землевл. выб. въ губерніяхъ: Рязанской (б. $^1/_3$), Тамбовской (б. $^1/_3$), Воронежской (ок. $^1/_2$), Орловской (б. $^1/_5$), Харьковской (б. $^1/_3$), Пензенской (б. $^1/_3$), Симбирской ($^1/_4$).

Въ *Юго-Западномъ* краѣ они составили замѣтную величину въ Волынской губ. (б. $^1/_4$ земл. выб.).

Изъ губерній *новороссійскихъ* и *юговосточныхъ* сильно были представлены октябристы въ Бессарабской губ. (б. $^1/_3$), Таврической ($^1/_3$), Екатеринославской (б. $^1/_5$), Донской (б. $^1/_5$) и Самарской ($^1/_4$).

Обращаясь теперь къ дѣятельности октябристовъ во II Думѣ, необходимо отмѣтить, что она была тутъ до послѣдней степени безцвѣтна. Господствующей партіей, несмотря на сильное ослабленіе и тутъ, благодаря своему центральному положенію, была партія к.-д. Но достигать этого господства ей приходилось посредствомъ труднаго и не всегда удававшагося лавированія между двумя крайними крыльями Думы. То вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ оно подавляло правое, то вмѣстѣ съ правымъ—лѣвое. И роль октябристовъ почти исключительно сводилась къ роли голосующихъ автоматовъ тамъ, гдѣ кадетамъ приходилось бороться съ „революціонными“ выступленіями лѣвыхъ.

Такъ напр. въ вопросѣ о продовольственной комиссіи октябристы помогли кадетамъ провалить поправки лѣвыхъ, расширявшія функціи комиссіи, предо-

ставлявшія ей на мѣстахъ изслѣдовать организацію продовольственной помощи, собирать въ своихъ рукахъ свѣдѣнія о голодающихъ и безработныхъ и активно вмѣшиваться въ дѣло помощи голодающимъ.

Или въ вопросѣ о функціяхъ комиссіи безработныхъ октябристы вмѣстѣ съ министромъ торговли и значительной частью кадетовъ хотѣли помощь ограничить исключительно пострадавшими отъ промышленнаго кризиса, возмущаясь самой мыслью, что эта помощь можетъ быть оказана людямъ, лишившимся работы по своимъ убѣжденіямъ. Но на этотъ разъ побѣдили лѣвые, и поправка ихъ, выкидывающая слова, ограничивающія помощь пострадавшими отъ промышленнаго кризиса, прошла большинствомъ 223 пр. 202 при 11 воздержавшихся.

Референтъ октябристской газеты „Голосъ Москвы“ (начала издаваться съ декабря 1906 года) истолковалъ принятіе этой поправки слѣдующимъ образомъ: „по мнѣнію большинства оказывается, что всякій рабочій, посвятившій себя революціонной пропагандѣ, имѣетъ право на постоянную помощь со стороны государственнаго казначейства“.

А въ передовой отъ 20 марта „Голосъ Москвы“ писалъ: спорятъ между собой съ одной стороны революція, а съ другой законъ и порядокъ. 9 марта (въ вопросѣ о продовольственной комиссіи) перетянулъ на свою сторону законъ 15 марта (въ вопросѣ о пом. безработнымъ)—революція.

Какъ видимъ изъ этой выдержки, симпатіи октябристовъ были всецѣло на сторонѣ тактики кадетовъ. Значительная часть передовыхъ статей „Голоса Москвы“ вертится въ это время вокругъ вопроса о новой кадетской тактикѣ. Съ удовольствіемъ газета регистрируетъ всѣ факты расхожденія кадетовъ съ лѣвыми и не разъ обращается къ кадетамъ съ призывами порвать съ лѣвыми и объединиться съ конституціоналистами праваго крыла Думы.

Еще 13 февраля забрасываетъ на этотъ счетъ удочку нѣкій К. въ статьѣ „Кто провелъ въ Думу крайнихъ лѣвыхъ“. Авторъ утверждаетъ, что только въ трехъ губерніяхъ соціалисты и трудовики прошли безъ помощи кадетъ (Саратовская, Симбирская и Ставропольская). Въ остальныхъ (перечислено 17 губ.) они проходили въ блокѣ съ кадетами. Статья заканчивается словами:

„Если кадеты искренно хотятъ блага родины, то для нихъ есть еще возможность исправить свой тяжкій грѣхъ. Они должны отказаться отъ поддержки соціалистовъ въ Думѣ и протянуть руку умѣреннымъ партіямъ“. Послѣ этого такого рода призывы раздаются много разъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ отъ 4 марта Петрово-Соловово сочувственно цитируетъ призывъ кн. Евг. Трубецкого подъ страхомъ надвигающейся опасности со стороны лѣвыхъ къ сплоченію всѣхъ искреннихъ конституціоналистовъ безъ различія партій. Петрово-Соловово полагаетъ, что члены Союза 17 октября должны сдѣлать

„все отъ нихъ зависящее, чтобы это сплоченіе могло состояться для дружнаго отпора революціоннымъ элементамъ Думы".

Обрадованный тактикой кадетовъ по вопросу о продовольственной комиссіи, „Голосъ Москвы" въ передовой отъ 11 марта снова обращается къ к.-д. съ призывомъ идти рука объ руку съ октябристами для проведенія въ жизнь конституціоннаго строя.

Но отъ надежды на союзъ съ кадетами „Голосъ Москвы" періодически переходитъ къ отчаянію въ возможности этого союза. Главнымъ препятствіемъ является к.-д. аграрная программа.

На этой почвѣ соглашеніе между к.-д. и октябристами оказывается совершенно невозможнымъ, такъ какъ даже къ гораздо болѣе скромной аграрной программѣ партіи мирнаго обновленія въ этотъ моментъ октябристы относятся уже совершенно непримиримо. Такъ въ статьѣ, посвященной этой программѣ еще въ номерѣ отъ 25 янв., мы находимъ такія строки: „Земельныя реформы, подобныя мирнообновленческой, являются смертнымъ приговоромъ для частновладѣльческаго хозяйства, и съ этой точки зрѣнія эта программа должна быть признана если не революціонной (по словамъ В. М. Петрово-Соловово), то во всякомъ случаѣ архирадикальною".

Въ передовой статьѣ отъ 4 марта „Голосъ Москвы" цитируетъ мнѣніе „Рѣчи", что „октябристы и польское коло, безъ всякихъ соглашеній, будутъ поддерживать кадетовъ". „Но, приводится дальше выдержка изъ „Рѣчи", дѣло не въ этой фактической поддержкѣ, которая все равно обезпечена при проведеніи главныхъ очередныхъ вопросовъ *политической* реформы. Дѣло въ *соціальномъ* законодательствѣ Думы, которое составляетъ другую великую задачу Думы и по которому мнѣнія упомянутыхъ группъ рѣшительно расходятся". Приведя эту выдержку, „Голосъ Москвы" замѣчаетъ: „Мы боимся, что то соціальное законодательство, для проведенія котораго кадеты заключаютъ союзъ съ лѣвыми, и станетъ какъ разъ причиною „ликвидаціи второй Думы".

Отчаяніемъ въ возможности союза съ кадетами въ виду ихъ аграрной программы звучитъ передовая отъ 27 марта.

„Безъ экспропріаціи, говорится тамъ, не возможна не жизнь вообще, а жизнь кадетской партіи, это пожалуй вѣрно. Если они сойдутся съ октябристами и скажутъ, что отчужденіе помѣщичьихъ земель не существенно важно и допустимо не въ видѣ общаго правила, а въ видѣ исключенія, они потеряютъ свою лѣвизну и революціонную славу. Тогда ихъ причислятъ къ правымъ, они сдѣлаются настоящими конституціоналистами и ничѣмъ не будутъ отличаться отъ другихъ сторонниковъ манифеста 17 октября, а это для кадетовъ смерть".

Но если къ кадетамъ октябристы считаютъ возможнымъ обращаться съ

призывами, надѣясь въ первое время существованія Думы на возможность соглашенія съ ними, то къ лѣвымъ партіямъ они относятся все время съ самой непримиримой ненавистью.

Такъ Петрово-Соловово въ цитированной нами уже статьѣ отъ 4 марта пишетъ: „для крестьянства, которое по дѣйствующему избирательному закону имѣетъ наибольшее вліяніе на выборы, наиболѣе желательными кандидатами будутъ тѣ, кто обѣщаетъ землю на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Кадеты предлагаютъ ее съ разными ограниченіями, а революціонеры великодушно отдаютъ ее безъ всякихъ оговорокъ. Понятно, что послѣдніе предпочитаются первымъ. *Пока будетъ дѣйствовать законъ, отдающій законодательные выборы въ руки некультурныхъ массъ* (курсивъ мой), или пока въ этихъ массахъ не пробудится сознаніе, что улучшеніе своего матерьяльнаго положенія недопустимо насильственнымъ захватомъ чужой собственности, — до тѣхъ поръ нельзя ожидать Думы, отражающей не корыстныя побужденія извѣстныхъ классовъ, а государственные интересы цѣлаго народа“.

Рѣшительная аграрная программа лѣвыхъ партій затѣмъ неразрывно была связана у нихъ съ революціонной тактикой. Принудительное отчужденіе земли даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно фигурируетъ въ кадетской программѣ, могло бы быть осуществлено только при наличности серьезныхъ политическихъ преобразованій, а послѣднія въ свою очередь были мыслимы тогда только при активной поддержкѣ крестьянства, заинтересованнаго въ аграрной реформѣ. Это не совсѣмъ ясно представляли себѣ кадеты, но очень хорошо понимали октябристы и дарили поэтому одинаковой ненавистью и аграрную программу лѣвыхъ партій и ихъ думскую тактику.

Съ этой стороны чрезвычайно характерна передовая статья „Голоса Москвы“ отъ 24 марта.

„Слухи о роспускѣ Думы, говорится тамъ, не прекращаются, но опасность грозитъ вовсе не со стороны правительства, какъ стараются увѣрить злонамѣренные люди. Гораздо опаснѣе сила, которую могутъ пріобрѣсти въ Думѣ лѣвыя партіи, и ихъ стремленіе дѣйствовать внѣ Думы...

... Трудовики продолжаютъ увѣрять, что вся дѣятельность трудовой группы въ Думѣ должна быть направлена къ тому, чтобы связать Думу съ народомъ...

... При каждомъ удобномъ случаѣ въ Думѣ повторяется все тотъ же припѣвъ, что необходимо произвести разслѣдованіе на мѣстахъ и что Дума должна способствовать развитію революціи...

... Какую же роль играетъ Дума для революціи? Соціалъ-демократы отвѣчаютъ на это слѣдующимъ образомъ: фракціи революціонныхъ партій получаютъ возможность черезъ окно Думы открыто говорить къ народу, онѣ

встрѣчаются лицомъ къ лицу съ бюрократически-самодержавнымъ правительствомъ и противопоставляютъ его военно-полевой политикѣ свои программы народовластія...

... Депутаты, сидящіе на лѣвыхъ скамьяхъ, боятся не конфликта съ правительствомъ, а конфликта съ народомъ, т.-е. съ тѣмъ воображаемымъ народомъ, который они представляютъ себѣ сплошь революціоннымъ.

Страхъ, какъ бы не упустить революцію, неминуемо приведетъ къ роспуску Думы".

Двѣ эти послѣднія статьи, съ которыми мы познакомили читателей, какъ бы обѣщаютъ заранѣе правительству въ случаѣ его агрессивныхъ шаговъ противъ Думы сочувствіе и поддержку со стороны октябристовъ и идущихъ за ними слоевъ населенія. Онѣ прямо подсказываютъ правительству роспускъ Думы, а статья Петрово-Соловово подсказываетъ и необходимость измѣненія избирательнаго закона.

Ненависть октябристовъ къ лѣвымъ партіямъ при явномъ нежеланіи кадетовъ рѣшительно повернуться противъ лѣвыхъ и тѣснѣе сблизиться съ октябристами, поддерживала и укрѣпляла тѣсный союзъ октябристовъ съ правыми. На выборахъ они, въ общемъ, шли рука объ руку. По окончаніи выборовъ 18 февр. состоялось соединенное совѣщаніе членовъ Госуд. Думы, принадлежащихъ къ умѣреннымъ партіямъ. Тутъ были октябристы, представители союза русск. народа, партіи правового порядка и т. д. Былъ даже одинъ мирнообновленецъ, М. А. Стаховичъ, который вообще во время размежеванія партіи мирнаго обновленія и Союза 17 окт. держался очень двусмысленно и котораго октябристы и во второй Думѣ продолжали считать своимъ, хотя оффиціально онъ вышелъ изъ Союза. На совѣщаніи этомъ произошли бурныя схватки по вопросу о конституціи. Тѣмъ не менѣе рѣшено было поддерживать взаимную связь и образовать собственный безпартійный клубъ. Выбранъ былъ и организаціонный комитетъ, въ который вошли представители всѣхъ правыхъ партій и Союза 17 окт.

Но вскорѣ—въ началѣ марта—на совѣщаніи правыхъ, умѣренныхъ и октябристовъ, послѣдніе заявили первымъ, что они рѣшили образовать свою фракцію октябристовъ и дальнѣйшія общія совѣщанія съ правыми они прекращаютъ, не отказываясь по отдѣльнымъ вопросамъ входить въ сношенія только съ бюро правыхъ фракцій.

Это сообщеніе было напечатано въ № „Голоса Москвы" отъ 11 марта, а въ номерѣ отъ 18 марта мы читаемъ: „объединенная группа умѣренныхъ и правыхъ постановила, раздѣлившись на двѣ фракціи—октябристовъ и правыхъ — всѣ вопросы послѣ раздѣльнаго обсужденія въ фракціонномъ комитетѣ подвергать разсмотрѣнію сообща и вносить въ Думу отъ имени объединенной группы умѣренныхъ и правыхъ". Такимъ образомъ тѣсное

объединеніе октябристовъ съ правыми сохранилось и послѣ сформированія думской октябристской фракціи.

Такъ же какъ въ первой Думѣ правое крыло второй Думы выступало въ качествѣ сплоченнаго цѣлаго, но въ то время какъ въ первой Думѣ гегемонія въ правой группѣ принадлежала октябристамъ и даже крайнимъ лѣвымъ октябристамъ, впослѣдствіи вышедшимъ изъ Союза 17 окт., гр. Гейдену и М. А. Стаховичу, во второй Думѣ гегемонія перешла къ крайнимъ правымъ—Пуришкевичу и Крушевану. Въ то время какъ октябристы были совсѣмъ незамѣтны въ Думѣ и рѣдко напоминали о себѣ рѣчами, крайніе правые выступали съ страстными рѣчами противъ лѣвыхъ и съ шумными скандалами. И октябристы въ этомъ случаѣ, конечно, дарили ихъ своимъ сочувствіемъ. Такъ напр., думскій референтъ „Голоса Москвы", реферируя пренія о бюджетѣ, пишетъ въ № отъ 25 марта: „Вниманіе привлекла и рѣчь Пуришкевича. Этотъ ораторъ возбуждаетъ интересъ большій, чѣмъ рѣчи крайнихъ лѣвыхъ... Какъ бы ни относиться къ программѣ и тактикѣ крайнихъ правыхъ, но несомнѣнно, что въ Думѣ они являются превосходнымъ противоядіемъ, ослабляющимъ вліяніе революціонныхъ фракцій".

За все время существованія II Думы только одинъ разъ октябристы выступили обособленно отъ правыхъ, это—при обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Въ то время какъ правые въ лицѣ Шульгина и Пуришкевича выступили рѣшительно противъ этого законопроекта, лидеръ октябристовъ во II Думѣ проф. Капустинъ выступилъ съ рѣчью въ защиту законопроекта и закончилъ ее заявленіемъ: „Я всецѣло присоединяюсь къ предложенію объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ и уполномоченъ заявить, что къ этому присоединяется и вся парламентская фракція Союза 17 окт., которая полагаетъ, что вмѣстѣ съ отмѣной этихъ судовъ должны быть выработаны пути и способы правильнаго суда по тѣмъ или инымъ исключительнымъ преступленіямъ".

Это заявленіе, несмотря на подозрительный свой конецъ, было покрыто шумными аплодисментами центра (партіи к.-д.) и нѣкоторой части лѣвой. Но какъ бы желая уничтожить всякія возможныя иллюзіи насчетъ вражды октябристовъ къ военно-полевымъ судамъ, слѣдующіе ораторы изъ октябристовъ, г.г. Варунъ-Секретъ и Люцъ, постарались смягчить и поправить заявленіе Капустина.

Въ рѣчахъ ихъ зазвучала явная симпатія къ военно-полевымъ судамъ, несмотря на то, что они оговаривались о своемъ несочувствіи имъ.

„Конечно, говорилъ *Варунъ-Секретъ*, юридическая конструкція этихъ судовъ неудовлетворительна, имъ никто не сочувствуетъ, но объ этомъ можно говорить лишь тогда, когда законодательная власть дастъ правительственной власти дѣйствительныя средства правомѣрной борьбы. Военно-полевые суды

подорвали не устои государственности, какъ говорятъ, а устои революціи, и если они не достигли цѣли, то во всякомъ случаѣ частично они помогли подавленію анархіи".

А *Люцъ*, говоря въ томъ же тонѣ, обращалъ вниманіе Думы, что „революція не прекратилась, акты ея продолжаются".—„Поэтому, говорилъ онъ, я обращаюсь къ представителямъ-юристамъ отъ партіи народной свободы, внесшей это предложеніе, съ вопросомъ, какимъ же судамъ они дадутъ возможность осуществить возвѣщенные Царемъ-Освободителемъ принципы суда скораго, праваго и милостиваго? Гдѣ гарантіи суда скораго? Не въ общихъ же судахъ они его найдутъ? Не станутъ же эти юристы отрицать, что общіе суды наши завалены работой и стонутъ отъ дѣла?"

Явная симпатія къ военно-полевому суду, какъ къ суду „скорому", звучитъ въ этихъ словахъ.

Голосовать противъ законопроекта объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ октябристы все-таки не рѣшились. Эту смѣлость проявили только 14 правыхъ—Пуришкевичъ, Крушеванъ, гр. В. Бобринскій, Крупенскій и др.

Не многимъ менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до роспуска второй Думы (6 мая) собрался 2-ой съѣздъ октябристовъ. Съѣздъ конечно очень сильно отражалъ на себѣ думскую жизнь и думскія впечатлѣнія. Такъ первое же засѣданіе было посвящено вопросу о порицаніи политическихъ убійствъ. Этотъ вопросъ настойчиво выдвигался во второй Думѣ правыми. Крайніе лѣвые—соціалистическія группы—шли имъ навстрѣчу и готовы были подвергнуть вопросъ обсужденію.

Но кадеты, находя въ этомъ случаѣ поддержку со стороны трудовиковъ, всячески уклонялись отъ обсужденія этого вопроса и въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ трудовиками въ засѣданіи 15 мая отклонили разсмотрѣніе заявленія о порицаніи террора, убійствъ и насилій.

Для октябристовъ же это—былъ боевой вопросъ. Принятіе подобной резолюціи кадетами дало бы октябристамъ тотъ минимумъ контръ-революціонности, безъ наличности котораго какое-либо соглашеніе съ кадетами для нихъ въ этотъ моментъ было немыслимо.

На первомъ засѣданіи съѣзда (6 мая) была предложена сначала резолюція, выражающая надежду, что Гос. Дума выразитъ порицаніе политическимъ убійствамъ. Но съѣздъ отвергъ эту резолюцію, какъ будто предвидя, что Дума не оправдаетъ его надежду. Вмѣсто этой резолюціи была принята другая, которая, послѣ выраженія собственнаго негодованія по поводу политическихъ убійствъ, выражаетъ сожалѣніе, что Дума этого негодованія до сихъ поръ не выразила.

На второмъ засѣданіи съѣздъ занялся аграрнымъ вопросомъ. Докладчики Кулешовъ и Коссовичъ напирали на то, что центръ тяжести аграрнаго

вопроса въ поднятіи культуры, а не въ увеличеніи землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи они встрѣтили противодѣйствіе со стороны нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ на съѣздѣ. „Самое первое, говорилъ крестьянинъ Микулинъ, что нужно, это прибавить земли, а потомъ учить работать по-новому".

Затѣмъ была принята аграрная программа, которая въ общемъ можетъ быть названа правительственной программой П. А. Столыпина.

Первые пункты говорятъ о содѣйствіи къ образованію мелкой земельной собственности на отрубныхъ или хуторскихъ участкахъ и о землеустроительныхъ мѣрахъ для устраненія черезполосицы и длинноземелія. Дальше говорится о развитіи кредита, о содѣйствіи крестьянскаго банка покупкѣ крестьянами земли у частныхъ владѣльцевъ, о переселеніяхъ и наконецъ 11 п. выдвигаетъ и принудительное отчужденіе. Въ этомъ пунктѣ программа октябристовъ идетъ какъ будто немножко дальше Столыпина.

Въ декларацiи по аграрному вопросу, прочитанной въ Думѣ 10 мая, Столыпинъ тоже допускалъ въ исключительныхъ случаяхъ обязательное отчужденіе частновладѣльческой земли, но не количественнаго, а только качественнаго характера—для того, чтобы обезпечить крестьянамъ водопой, устроить выгонъ, пастбища, устроить дороги, избавиться отъ вредной черезполосицы. Въ октябристской программѣ принуд. отчужденіе выдвигается какъ будто въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ.

11 п. программы говоритъ о „принудительномъ отчужденіи для цѣлей землеустройства, въ случаяхъ государственной важности и при недостаточности всѣхъ остальныхъ мѣръ земельной помощи населенію, части частновладѣльческихъ земель для надѣленія ею мѣстныхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ на условіяхъ, устанавливаемыхъ законодательной властью".

3-ье засѣданіе было посвящено вопросу о береженіи Думы. Въ виду полученныхъ извѣстій, что соціалъ-демократическій съѣздъ въ Лондонѣ будто бы постановилъ не беречь Думы, съѣздъ счелъ нужнымъ принять слѣдующую резолюцію: „принимая во вниманіе, что политическій моментъ страшно осложнился новою думскою тактикой крайнихъ лѣвыхъ партій—перестать беречь Гос. Думу; принимая во вниманіе, что 7 мая демонстративное отсутствіе лѣвыхъ партій во время обсужденія въ Думѣ привѣтствія Государю Императору было проявленіемъ этой тактики; сознавая, какою опасностью грозитъ существованію Думы поведеніе противоконституціонныхъ партій,—съѣздъ Союза 17 окт. постановилъ: просить парламентскую фракцію Союза всѣми доступными ей мѣрами содѣйствовать тому, чтобы сберечь Думу, дабы никакая часть отвѣтственности за могущее произойти нарушеніе парламентскаго теченія жизни не пала на представителей Союза 17 окт.".

Резолюція эта была, конечно, насквозь проникнута лицемѣріемъ, какъ

это очень скоро обнаружилось. Въ душѣ октябристы ненавидѣли вторую Думу и съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда ее распустятъ. Своей резолюціей они просто заранѣе, какъ Пилатъ, умывали руки: не наша вина, дескать, если Дума въ концѣ концовъ будетъ распущена, мы сдѣлали все отъ себя зависящее, чтобы ее сохранить. Среди делегатовъ съѣзда нашелся одинъ откровенный человѣкъ, Н. Д. Красильниковъ, который началъ убѣждать съѣздъ не принимать этой резолюціи.

„Неужели, спрашивалъ онъ съѣздъ, васъ удовлетворяетъ эта Дума? Ея составъ не соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, и „поэтому въ нашихъ интересахъ ея разгонъ и созывъ новой Думы". Откровенность эта пришлась не по душѣ многимъ делегатамъ съѣзда и, рядомъ съ аплодисментами, раздались послѣ его рѣчи свистки и шиканье. Возражавшій ему А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ политично предложилъ „вѣрить монарху, который стоитъ за Думу и который знаетъ, когда ее нужно распустить". Резолюція въ заключеніе была принята почти единогласно.

На четвертомъ засѣданіи съѣзда обсуждали вопросъ государственнаго устройства. Поднятъ былъ вопросъ о парламентаризмѣ. Парламентаризмъ былъ, конечно, отвергнутъ. Послѣ сдѣланныхъ возраженій его даже не ставили на голосованіе. По вопросу объ организаціи народнаго представительства была принята двухпалатная система. При этомъ съѣздъ счелъ возможнымъ допустить назначеніе членовъ въ Госуд. Совѣтъ и призналъ только необходимымъ, чтобы число назначенныхъ членовъ не превышало половины общаго числа членовъ (п. 7). За Думой было признано преимущественное право въ вопросахъ финансоваго законодательства (п. 5).

Избирательная система въ Думѣ была принята болѣе демократическая, чѣмъ та, которая дѣйствовала до сихъ поръ. „Члены Гос. Думы, гласилъ п. 6 принятаго съѣздомъ отдѣла программы по гос. устр. Россіи, избираются полноправными гражданами, имѣющими въ данной мѣстности мѣстожительство въ теченіе опредѣленнаго закономъ времени изъ числа всѣхъ избирателей не моложе 25 лѣтъ, путемъ равной и закрытой подачи голосовъ, прямой въ городахъ, имѣющихъ свое отдѣльное представительство, и двухстепенной въ остальныхъ мѣстностяхъ".

Закончилъ свои занятія съѣздъ націоналистическими нотами. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи съѣздъ принялъ двѣ резолюціи—одну по польскому, другую по еврейскому вопросу. Въ первой резолюціи съѣздъ выражаетъ надежду, что „Госуд. Дума безотлагательно и недвусмысленно исполнитъ свой долгъ, отвергнувъ внесенный нѣсколькими членами ея законопроектъ объ автономіи Польши и тѣмъ пресѣчетъ въ корнѣ первую прямую попытку къ расчлененію Россіи".

Резолюція по еврейскому вопросу была составлена чрезвычайно остро-

умно. Начало ея гласило такъ: „Признавая за всѣми россійскими гражданами безъ различія національностей и вѣроисповѣданія равенство передъ закономъ, съѣздъ Союза 17 окт., въ виду экономическихъ и культурныхъ условій нашей родины, не находитъ возможнымъ немедленное и безусловное разрѣшеніе еврейскаго вопроса". Вторая половина фразы тутъ очевидно ограничиваетъ первую, и фактически съѣздъ призналъ своей резолюціей, хотя и не рѣшился этого прямо сказать, равенство передъ закономъ за всѣми гражданами *кромѣ* евреевъ. Признавши невозможнымъ „немедленное и безусловное разрѣшеніе еврейскаго вопроса", съѣздъ во второй половинѣ резолюціи въ виду того, что „дѣйствующее русское законодательство объ евреяхъ способствуетъ обособленію еврейства", призналъ необходимымъ „поставить на очередь пересмотръ этого законодательства во всемъ его объемѣ". Защищая эту резолюцію, А. И. Гучковъ пояснялъ ее слѣдующимъ образомъ;

„Надо разсматривать стѣсненіе за стѣсненіемъ, и гдѣ оно служитъ къ обособленію, тамъ его отмѣнять". Итакъ просто равенство передъ закономъ за евреями несомнѣнно не признается, и законодательство объ евреяхъ предлагается пересмотрѣть только въ цѣляхъ уничтоженія или ослабленія обособленія еврейства.

Незадолго до октябристскаго съѣзда—въ концѣ апрѣля—засѣдалъ въ Москвѣ монархическій съѣздъ, который проходилъ въ гораздо болѣе энергичныхъ тонахъ, чѣмъ съѣздъ октябристовъ. Рѣчь напр. Пуришкевича на первомъ засѣданіи съѣзда, направленная противъ Думы, была покрыта единодушными криками:

„Долой Думу! Требовать разгона!"

На съѣздѣ раздавались рѣзкія негодующія рѣчи по адресу правительства за его нерѣшительность въ подавленіи крамолы. Раздавались также нападки на манифестъ 17 окт. и приписывалось ему вредное вліяніе на населеніе. Рѣчи эти напугали октябристовъ, и „Голосъ Москвы" помѣстилъ длинную негодующую статью по адресу монархистовъ. Но правительство онѣ, конечно, не напугали. Смѣлыя черносотенныя рѣчи и резолюціи „монархистовъ" сказали ему то же, что сказали осторожныя и лицемѣрныя рѣчи резолюціи октябристскаго съѣзда—то, что въ походѣ на вторую Думу и на лежащій въ ея основѣ избирательный законъ правительство будетъ имѣть за собой единодушное сочувствіе и одобреніе тѣхъ слоевъ населенія, которые идутъ за правыми и октябристами. Учитывая это сочувствіе, покойный Столыпинъ и пришелъ къ мысли о разгонѣ второй Думы и такомъ измѣненіи избирательнаго закона, которое отдало бы народное представительство въ руки дворянства и крупной буржуазіи.

Помогло этому плану и дало для осуществленія его благовидные

предлоги охранное отдѣленіе. Въ то время какъ засѣдали монархическій и октябристскій съѣзды, оно плело уже свои провокаціонныя сѣти, стараясь уловить въ нихъ соціалъ-демократическую фракцію второй Думы. Какъ теперь уже безусловно установлено, дѣло о заговорѣ, которое было возбуждено противъ соціалъ-демократической фракціи Думы, является дѣломъ рукъ провокаторовъ Бродскаго и Шорниковой.

Когда ихъ усиліями была сфобрикована видимость уликъ противъ соціалъ-демократической фракціи, противъ ея было формально возбуждено дѣло, и Столыпинъ потребовалъ отъ Думы немедленной выдачи членовъ соціалъ-демократической фракціи для ареста ихъ. Дума выбрала комиссію и поручила ей въ двухдневный срокъ представить докладъ по вопросу объ обвиненіи с.-д. фракціи въ заговорѣ. Но прежде чѣмъ комиссія успѣла представить этотъ докладъ, Дума была распущена 3 іюня, и соціалъ-демократическіе депутаты арестованы.

Само собою разумѣется, что поспѣшный роспускъ Думы—до выслушанія доклада выбранной ею комиссіи—не вызвалъ у октябристовъ никакого противорѣчія. Вмѣстѣ съ правительствомъ они обрадовались, что нашелся предлогъ для разгона Думы.

Не вызвало, конечно, у нихъ никакого противорѣчія и произведенное вмѣстѣ съ разгономъ Думы измѣненіе избирательнаго закона, несмотря на принятіе ими на съѣздѣ незадолго передъ этимъ пункта о всеобщемъ избирательномъ правѣ и несмотря на то, что измѣненіе избирательнаго закона произошло съ явнымъ нарушеніемъ той „конституціи“, которой они клялись до сихъ поръ.

„Случилось то, писалъ „Голосъ Москвы“ въ передовой отъ 3 іюня, что можно было предвидѣть, какъ только сталъ извѣстенъ составъ второй Думы...

... Спрашивается, должно ли было правительство ждать, когда думскіе революціонеры подготовляли массовое выступленіе, или должно оно было энергично вмѣшаться во внѣдумскую дѣятельность депутатовъ, хотя бы пришлось распустить Думу? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Революція несовмѣстима съ конституціей“.

3 іюня въ клубѣ общественныхъ дѣятелей состоялось соединенное засѣданіе центр. ком. Союза 17 октября, парламентской фракціи союза и группы членовъ Гос. Совѣта; засѣданіе, прошедшее подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, выработало воззваніе отъ лица Союза 17 окт.

Въ этомъ воззваніи прежде всего указывается, что октябристы съ своей стороны берегли Думу (недаромъ незадолго передъ этимъ была принята на съѣздѣ соотвѣтственная резолюція) и содѣйствовали обновленію русской жизни путемъ мирныхъ преобразованій. „Не по ихъ винѣ, замѣчаетъ воз-

званіе, эта задача оказалась невыполненной". Вина воззваніемъ слагается на „дѣятельность непримиримыхъ враговъ нашего молодого правового строя".

Воззваніе высказываетъ затѣмъ лицемѣрное сожалѣніе о допущенномъ нарушеніи основныхъ законовъ, но признаетъ его „прискорбной необходимостью".

Октябристы такимъ образомъ поставили свою печать на государственномъ переворотѣ, произведенномъ П. А. Столыпинымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно закончили ту эволюцію, которая, какъ мы видѣли, послѣдовательно и постепенно происходила въ нихъ передъ лицомъ борьбы между революціей и реакціей.

Передъ первой Думой на своемъ первомъ февральскомъ съѣздѣ они пытаются еще занять положеніе одинаково враждебное и революціи и реакціи. Они выступаютъ съ рѣзкимъ осужденіемъ по адресу министерства Витте и требуютъ для успокоенія населенія скорѣйшаго созыва Думы.

Въ первой Думѣ, которая такъ сильно обманула ихъ ожиданія, они готовы видѣть своихъ представителей въ лицѣ гр. Гейдена и М. А. Стаховича, несмотря на сильныя уступки, которыя они дѣлаютъ настроенію большинства Думы и несмотря на „принудительное отчужденіе" въ довольно широкихъ размѣрахъ въ аграрномъ законопроектѣ, внесенномъ гр. Гейденомъ.

Послѣ разгона первой Думы октябристы первое время не рѣшаются стать опредѣленно на сторону правительства въ его борьбѣ съ населеніемъ, такъ какъ еще не увѣрены, на чьей сторонѣ будетъ окончательная побѣда. Гучковъ, правда, высказывается довольно двусмысленно о роспускѣ Думы. Но вслѣдъ за этимъ Союзъ 17 октября рѣшаетъ содѣйствовать распространенію воззванія партіи мирнаго обновленія, въ которомъ гр. Гейденъ и М. А. Стаховичъ заявляютъ себя солидарными съ первой Думой, рѣшаетъ содѣйствовать, потому что это воззваніе подъ флагомъ I Думы призываетъ населеніе къ спокойствію, къ терпѣливому ожиданію созыва новой Думы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ Союза дѣятельно обсуждается вопросъ о сліяніи Союза съ вновь образовавшейся партіей мирнаго обновленія несмотря на „революціонную", какъ послѣ ее нашелъ Петрово-Соловово, аграрную программу этой партіи.

Проходитъ еще мѣсяцъ. Слабость революціи, несмотря на партизанскія дѣйствія всякаго рода, и укрѣпленіе положенія правительства дѣлается все болѣе очевидными. И правительственная декларація 24 августа съ военно-полевыми судами даетъ Гучкову поводъ путемъ смѣлыхъ и рѣзкихъ заявленій начать размежеваніе съ слишкомъ принципіально настроенными членами Союза въ родѣ гр. Гейдена, Д. Н. Шипова и пр. и повести Союзъ по

рѣшительному пути реакціи навстрѣчу безпощадно расправляющемуся со своими врагами правительству. Съ этого момента начинается тѣсное сближеніе между Союзомъ 17 окт. и правительствомъ Столыпина. Сближеніе это усиливается и укрѣпляется опубликованнымъ на основаніи 87 ст. закономъ 9 ноября.

Во вторую Думу октябристы уже входятъ въ сущности въ качествѣ правительственной партіи, въ качествѣ партіи Столыпина. Они въ это время гораздо болѣе соотвѣтствуютъ настроенію бюрократіи, чѣмъ крайніе правые, такъ какъ революціонная гидра еще какъ будто не вполнѣ раздавлена и бюрократіи поэтому не выгодно еще становиться на почву ликвидаціи обѣщаній манифеста 17 окт. Позиція октябристовъ, объявляющая революцію единственнымъ препятствіемъ для установленія обновленнаго строя, чрезвычайно выгодна въ данный моментъ бюрократіи, обезпечивая ей при водвореніи „порядка“ сочувствіе даже умѣренно-конституціонно настроенныхъ элементовъ имущихъ классовъ. А сочувствіе крайнихъ правыхъ? За нимъ дѣло не станетъ. Оно будетъ возрастать по мѣрѣ успѣшности работы бюрократіи по подавленію „смуты“.

Актъ 3 іюня окончательно сплачиваетъ октябристовъ съ бюрократіей и ея представителемъ, министерствомъ Столыпина. Послѣ того какъ у Столыпина рушатся окончательно надежды приручить къ себѣ кадетовъ и сдѣлать изъ второй Думы послушное орудіе въ своихъ рукахъ, а у октябристовъ исчезаютъ всякія иллюзіи насчетъ возможности тѣснаго блока съ кадетами, Столыпинъ и октябристы подаютъ другъ другу руки на почвѣ нарушенія конституціи, на почвѣ насильственнаго измѣненія избирательнаго закона въ интересахъ крупной буржуазіи и землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ послѣднихъ.

Съ этого момента октябристы окончательно впрягаются въ побѣдную колесницу Столыпина и незамѣтно для себя теряютъ свое лицо, обезцвѣчиваются, подъ предводительствомъ Столыпина сливаются въ одну общую реакціонную массу съ правыми и крайними правыми, и въ третьей Думѣ являютъ изъ себя печальную картину людей, окончательно позабывшихъ свои принципы и усердно помогающихъ проведенію въ жизнь совершенно противоположныхъ имъ началъ.

Это полное обезцвѣчиваніе октябристовъ, эта потеря ими своего лица въ концѣ концовъ приводятъ къ потерѣ ими всякаго вліянія среди имущихъ слоевъ города. Торгово-промышленная буржуазія перестаетъ наконецъ видѣть въ октябристахъ своихъ представителей и явно стремится къ разрыву того неестественнаго союза своего съ дворянско-землевладѣльческими элементами, который легъ въ основу октябристской партіи. На выборахъ въ четвертую Думу октябристы терпятъ жестокое пораженіе въ I городской куріи. Отходятъ

отъ нихъ и буржуазные элементы деревни. И въ итогѣ всей своей безславной дѣятельности, октябристы появляются въ четвертой Думѣ въ значительно ослабленномъ видѣ, лишенные живой связи съ какими бы то ни было слоями населенія и достаточно развращенные своимъ долгимъ союзомъ съ бюрократіей, чтобы найти въ себѣ силы и способность къ стойкой и энергичной борьбѣ за начала манифеста 17 октября, которая одна могла бы имъ вернуть симпатіи прежнихъ ихъ избирателей.

Н. Череванинъ.

К. ЗАЛЕВСКІЙ.

Національныя партіи въ Россіи.

К. ЗАЛЕВСКІЙ.

Національныя партіи въ Россіи.

Польша.

Польскія партіи.

I.

Тяжелыя условія, въ которыхъ развивались народы, населяющіе Россію, сказались на характерѣ не только національныхъ движеній вообще, но и въ частности національныхъ партій.

Это выразилось между прочимъ въ томъ, что въ процессѣ буржуазно демократической революціи и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ у нѣкоторыхъ націй, какъ, напримѣръ, у поляковъ, евреевъ, грузинъ, политическія группы, идейно представлявшія тамъ буржуазную демократію, сыграли очень незначительную роль по сравненію даже съ русской партіей к.-д., а у другихъ, какъ у армянъ, буржуазная демократія должна была прикрываться соціалистическимъ знаменемъ.

Это—все продуктъ политическаго недоразвитія буржуазныхъ классовъ. Національный гнетъ сплотилъ между собой буржуазные и феодальные элементы этихъ націй для совмѣстнаго отстаиванія ихъ культурнаго развитія отъ посягательствъ на него со стороны феодальныхъ элементовъ господствующей націи. Тотъ же національный гнетъ сдѣлалъ буржуазію угнетенныхъ націй оппортюнистской въ отношеніи къ угнетателямъ. Развитіе политическаго рабочаго движенія еще болѣе усилило этотъ оппортюнизмъ. Въ результатѣ создалась въ періодъ революціоннаго подъема — слабость буржуазной демократіи и крупная демократическая роль рабочаго класса, а въ годы упадка революціи —полная изолированность этого класса и сила контрреволюціоннаго движенія.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Польши.

Такъ какъ количество политическихъ партій тамъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, то естественно, что намъ придется удѣлить больше всего мѣста польскимъ національнымъ партіямъ, тѣмъ болѣе, что

нѣкоторыя изъ нихъ сыграли видную роль въ общероссійскомъ политическомъ движеніи 1905—1907 годовъ.

Какъ мы уже отмѣтили въ статьѣ о національныхъ движеніяхъ, самой вліятельной партіей въ Польшѣ въ періодъ революціоннаго оживленія была с.-д. Ц. П. и Л., въ періодъ же контрреволюціи—національ-демократическая партія—н.-д. Такъ какъ характеристика с.-д. Ц. П. и Л. не входитъ въ нашу задачу, то прежде всего займемся анализомъ н.-д.

Эта партія, ни по своей политической программѣ, ни по мѣсту въ процессѣ развитія польской политической мысли, ни по своей дѣятельности не можетъ считаться буржуазно-демократической.

Источникомъ, изъ котораго почерпнули свои силы въ Польшѣ и рабочая и буржуазная демократія, было идейное теченіе, извѣстное подъ названіемъ „варшавскаго позитивизма“. Оно было реакціей противъ политической романтики предыдущихъ десятилѣтій, противъ политиканства польскихъ феодальныхъ элементовъ. Какъ таковое оно не создало политической программы, а лишь программу общественной дѣятельности, такъ называемую, „программу органическаго труда“. „Позитивизмъ“ былъ идейнымъ отраженіемъ капиталистическаго развитія, и его представители подвергли глубокой критикѣ тактику національныхъ возстаній съ точки зрѣнія интересовъ именно этого развитія. Выдвигая „программу органическаго труда“, онъ противопоставилъ политикѣ чувства дѣятельность, основанную на научномъ анализѣ потребностей народа и преслѣдующую задачу его внутренняго возрожденія, какъ лучшее средство отстоять его культурную самостоятельность.

Первой же польской партіей, выставившей политическую программу и то впрочемъ въ очень общей формѣ, была развившаяся подъ вліяніемъ идей „позитивизма“ соц.-революціонная партія „Пролетаріатъ“. Партія эта, правда, и теоретически стояла на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, и практически работала надъ развитіемъ классоваго сознанія рабочихъ, но, возникнувъ въ то время, когда въ средѣ послѣднихъ было еще очень слабо не только политическое сознаніе, но даже сознаніе повседневныхъ экономическихъ интересовъ, она фактически сыграла роль не столько соціалистической, сколько демократической партіи. „Пролетаріатъ“ сдѣлалъ очень мало въ дѣлѣ организаціи рабочихъ для борьбы за ихъ классовые интересы, но онъ своей энергичной дѣятельностью заронилъ въ широкіе слои общества идею политической борьбы и притомъ борьбы въ рядахъ всероссійскаго революціоннаго движенія за политическое обновленіе Россіи на началахъ автономіи всѣхъ странъ и народовъ, входящихъ въ ея составъ. Изъ его рядовъ вышли дѣятели, создавшіе „Союзъ польскихъ рабочихъ“, поставившій себѣ задачей сплоченіе рабочихъ массъ для борьбы за ихъ классовые интересы, а нѣ-

сколько лѣтъ спустя образовавшіе соціалъ-демократію Ц. П. и Л.; изъ нея вышли также лица, организовавшія польскую соціалистическую партію (п. п. с.).

Въ 80 годахъ наступилъ періодъ реакціи противъ идей „позитивизма". Въ этотъ періодъ возникли двѣ крупныя политическія партіи: н.-д. и п. п. с.

Причины перелома въ духовной жизни польскаго народа были двоякія: 1) общія, къ каковымъ относится вызванная ростомъ капитализма въ Россіи націоналистическая политика правительства, выразившаяся въ преслѣдованіи поляковъ и, между прочимъ, въ прекращеніи имъ доступа къ государственнымъ и нѣкоторымъ общественнымъ должностямъ; 2) мѣстныя: упадокъ среднезажиточныхъ дворянскихъ хозяйствъ вслѣдствіе земледѣльческаго кризиса, вызваннаго конкурренціей сѣверо-американскаго хлѣба, и что слѣдуетъ за этимъ, усиленіе оппозиціонныхъ и революціонныхъ тенденцій въ этой средѣ и притокъ дворянъ въ ряды профессіональной интеллигенціи. Все это вызвало ростъ націонализма среди активныхъ элементовъ народа и поворотъ къ политическимъ идеаламъ періода революціонной романтики. Въ 1888 г. образовалась „Польская Лига", получившая впослѣдствіи, въ 1897 г., нынѣшнее названіе — націоналъ-демократической партіи. Ея организаторами и первыми идеологами были: С. Балицкій, Я. Поплавскій, Т. Т. Ежъ (С. Милковскій), Р. Дмовскій. Въ ея составъ вошли: 1) значительная часть интеллигенціи; 2) среднезажиточные землевладѣльцы, какъ изъ дворянъ, такъ равно изъ крестьянъ и мѣщанъ; 3) часть мелкой буржуазіи. Основной ея политической задачей была подготовка національнаго возстанія съ цѣлью возстановленія независимаго польскаго государства.

Пути къ этому „Лига" видѣла: 1) въ укрѣпленіи внутренняго единства польскаго народа; 2) патріотической пропагандѣ; 3) подъемѣ культурнаго уровня массъ; 4) пропагандѣ и агитаціи въ войскахъ. Съ самаго момента своего возникновенія „Лига" была организаціей націоналистической, антисемитской. Такъ представлялась ея политическая физіономія въ ея литературѣ. Одинъ же изъ ея организаторовъ—Р. Дмовскій, въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ заглавіемъ „Анахронизмы" въ газетѣ „Głos Warszawski" за май 1909 г., защищая н.-д. отъ обвиненія ея въ революціонности, которое онъ нашелъ въ брошюрѣ идеолога партіи реальной политики — Э. Пильца, категорически заявляетъ, что главной политической задачей н.-д., а раньше „Лиги" всегда была борьба не съ правительствомъ, а съ подрывающимъ принципъ національнаго единства соціализмомъ, за освобожденіе изъ-подъ вліянія послѣдняго широкихъ слоевъ народа и интеллигенціи. Эту именно цѣль, по его словамъ, преслѣдовала его партія, противоставляя соціалистической программѣ программу независимости Польши, майскому же празднику рабочихъ соціалистовъ демонстрацію 3 мая; эту цѣль преслѣдовали ея дѣятели, идя въ тюрьмы и ссылку. Несомнѣнно, что г. Дмовскій нѣ-

сколько сгущаетъ здѣсь краски, но все же его свидѣтельство очень цѣнно и проливаетъ свѣтъ на вопросъ, еще недавно для многихъ подлежавшій сомнѣнію. Онъ констатируетъ въ высшей степени интересный фактъ, что революціонный нѣкогда лозунгъ возстановленія Польши былъ при нынѣшнихъ общественныхъ условіяхъ извлеченъ изъ историческаго архива съ тѣмъ, чтобы прикрывать собой контрреволюціонныя стремленія дворянства и мелкой буржуазіи въ ихъ борьбѣ съ рабочимъ движеніемъ, являющимся главнымъ факторомъ борьбы за національное освобожденіе польскаго народа. Все же въ теченіе 12 лѣтъ „Лига“ вела борьбу противъ обрусительской политики правительства.

Съѣздъ 1897 г. закрѣпилъ первоначальную позицію „Польской Лиги“. Онъ, между прочимъ, въ интересахъ подготовки національнаго возстанія призвалъ членовъ н.-д. къ дѣятельности на почвѣ гминнаго самоуправленія, чтобы содѣйствовать развитію самодѣятельности въ широкихъ массахъ населенія. Но когда въ теченіе 1899—1901 годовъ стало развиваться самостоятельное политическое рабочее движеніе подъ знаменемъ с.-д., въ н.-д. наступаетъ поворотъ. Еще въ 1899 г. мы встрѣчаемъ въ органѣ н.-д.— „Przegląd Wszechpolski“ заявленіе, что освобожденіе отчизны будетъ добыто „огнемъ и желѣзомъ“; въ 1902 г. тотъ же „Przegląd Wszechpolski“ уже находитъ, что если тайная общественная дѣятельность н.-д. можетъ ускорить развитіе въ странѣ революціоннаго движенія, то лучше совсѣмъ отказаться отъ нея. Въ другомъ № того же органа говорится, что принципіально нельзя отказываться ни отъ одного пути къ осуществленію національныхъ идеаловъ, что, слѣдовательно, путь „угоды“ (примиренія съ правительствомъ) настолько же законенъ, насколько и всѣ другіе пути.

Съѣздъ н.-д. въ 1903 г. фактически уже формулировалъ, правда еще очень осторожно, новую позицію партіи. Онъ дѣлаетъ попытку ликвидировать программу революціонной борьбы за независимость страны, но выдвигаетъ націонализмъ, какъ средство борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Въ принятой имъ политической программѣ говорится, что исходной точкой своей дѣятельности—н.-д. считаетъ существующія общественныя и политическія условія и государственный строй Россіи, но что, въ виду вполнѣ своеобразной культуры Царства Польскаго, она, не отказываясь отъ своего политическаго идеала возстановленія Польши, въ данный историческій моментъ считаетъ нужнымъ стремиться къ завоеванію для нея лишь возможно большей самостоятельности въ предѣлахъ Россіи. Далѣе съѣздъ указываетъ на необходимость: 1) изоляціи польскаго народа отъ тлетворнаго вліянія чуждыхъ его духу теченій, возникшихъ на русской почвѣ; 2) борьбы съ еврейскимъ элементомъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности

и 3) поддержки католической церкви во имя польскихъ національныхъ традицій и идеаловъ.

Начинается „весна“. Н.-д. дѣлаетъ исключеніе изъ своего правила, что слѣдуетъ изолировать Польшу отъ вредныхъ революціонныхъ вліяній, и принимаетъ участіе въ извѣстной Парижской конференціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій Россіи, впрочемъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью борьбы съ соціалистами за вліяніе на народныя массы. Несомнѣнно тѣ же мотивы руководили н.-д., когда въ декабрѣ 1904 г. она начинаетъ „борьбу за право“, а именно за возстановленіе пріостановленнаго въ дѣйствіи русской администраціей закона объ употребленіи польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя—борьбу за польскую школу. „Борьба за право“ развивалась очень успѣшно: на 1 января 1905 г. въ ней приняло участіе 130 гминъ, т. е. 10% всѣхъ гминъ края.

Но вотъ наступаютъ январьскія событія въ Петербургѣ и находятъ немедленно откликъ въ Польшѣ. Здѣсь во главѣ борьбы становится с.-д. ц. П. и Л.

Это рѣшающимъ образомъ вліяетъ на отношеніе н.-д. къ движенію.

Н.-д. въ началѣ 1905 г. составляла уже солидную силу. Ея партійная организація состояла изъ „Національной Лиги“, крестьянской организаціи, національнаго рабочаго союза, „лиги распространенія просвѣщенія среди народа“. Она издавала рядъ легальныхъ и нелегальныхъ органовъ, какъ-то: „Gazeta Warszawska“ (Варшавская Газета), „Przegląd Wszechpolski“ (Всепольское Обозрѣніе), „Polak“ (Полякъ), „Pochodnia“ (Факелъ), „Kilinski“ (Килинскій).

Политика н.-д. въ періодъ 1905—1907 г.г. на первый взглядъ напоминаетъ политику русскихъ либераловъ, но лишь на первый взглядъ. Правда, эта партія борется съ революціей и въ то же время предъявляетъ правительству свои просьбы, указывая на грозящую ему со стороны революціи опасность. Но н.-д. прежде всего партія націоналистическая. Ея политика отличается и крайней враждой къ революціи, и оппортюнизмомъ по отношенію къ правительству, и извѣстной долей авантюризма. Она всегда стремится къ обособленію Польши отъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Слѣдствіемъ ея сепаратизма является индифферентизмъ ея къ вопросамъ внутренней политики Россіи; этотъ сепаратизмъ играетъ и роль орудія контрреволюціи.

Н.-д., какъ партія землевладѣльцевъ, особенно враждебно относится къ охватившимъ Россію аграрнымъ волненіямъ.

Уже въ первыхъ своихъ изданіяхъ 1905 г.—воззваніяхъ центральнаго комитета „Національной Лиги“, редакціи „Polaka“, № 1, „Przeglądu

Wszechpolskiégo“—н.-д. возбуждаетъ въ обществѣ недовѣріе къ революціонному движенію, отказываетъ ему въ правѣ на названіе революціи, представляетъ его то какъ провокацію русскаго правительства, то какъ плодъ интригъ германскаго правительства, желающаго создать подобіе права на занятіе Царства Польскаго своими войсками. Въ воззваніи же редакціи „Polaka“ прямо говорится: „Смотрите зорко за подстрекателями и, въ случаѣ надобности, проучите ихъ“.

Въ то же время н.-д. поддерживаетъ борьбу за польскую школу, выставляетъ рядъ политическихъ требованій, критикуетъ мѣры правительства и между прочимъ рескриптъ 18 февраля 1905 г.

Главнымъ основнымъ ея требованіемъ является требованіе автономіи Польши. Въ его постановкѣ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся политика н.-д.

Вѣрная своимъ сепаратистскимъ тенденціямъ, н.-д. не связываетъ своего требованія автономіи съ судьбами процесса преобразованія государственнаго строя Россіи. Она смотритъ на этотъ процессъ, какъ на внѣшнее явленіе, могущее, конечно, оказать благотворное вліяніе на исходъ борьбы за автономію. Она неоднократно заявляетъ, что считаетъ возможнымъ лишь постепенное проведеніе въ жизнь автономіи и что не надѣется на ея осуществленіе въ ближайшій моментъ. Но фактически вожди н.-д. мечтаютъ о возможности дарованія Польшѣ автономіи нынѣшними вершителями судебъ Россіи и это толкаетъ ихъ на путь примиренія съ послѣдними и угодливой по отношенію къ нимъ политики.

Въ изданномъ въ апрѣлѣ 1905 года манифестѣ н.-д. выясняетъ, какую автономію считаетъ необходимой, и между прочимъ отмѣчаетъ средства къ завоеванію ея: 1) Польша получаетъ собственный учредительный сеймъ, собственную администрацію и бюджетъ; 2) Царство Польское объединяется съ Россіей: a) властью императора, b) рядомъ общихъ для обѣихъ странъ учрежденій и дѣлъ, какъ-то: иностранная политика, монета, войско, таможенная политика, акцизъ, желѣзная дорога, телеграфъ, участіе Польши въ общегосударственномъ парламентѣ; 3) языкъ въ дѣлопроизводствѣ—польскій, члены администраціи—поляки; 4) автономіи н.-д. будетъ добиваться независимо отъ того или иного измѣненія политическаго строя Россіи; 5) Лучшими средствами къ ея завоеванію она считаетъ: a) ослабленіе или удаленіе современнаго правительства, если революція будетъ въ силахъ это совершить, b) вліяніе на общественное мнѣніе россійской оппозиціи, c) организація общественнаго мнѣнія въ родѣ „борьбы за право“, d) манифестаціи, e) организація общественнаго самоуправленія собственными силами и захватъ его органами функцій русскихъ властей. Въ теченіе всего лѣта и осени 1905 г. н.-д. сохраняетъ свою двойственную позицію: она рѣзко

осуждаетъ революцію и въ то же время молчаливо потворствуетъ „борьбѣ за право“ и за польскую школу.

Когда правительствомъ былъ изданъ манифестъ о созывѣ Булыгинской Думы, н.-д. рѣшаетъ принять въ ней участіе. Манифестъ 17 октября она привѣтствуетъ, какъ конституціонный актъ, и принимаетъ энергичное участіе въ организаціи извѣстной демонстраціи, выражающей правительству благодарность; черезъ посланнаго же спеціально съ этой цѣлью въ Петербургъ Р. Дмовскаго она пытается войти въ переговоры съ гр. Витте, надѣясь выторговать для Польши автономію въ обмѣнъ за активное содѣйствіе въ дѣлѣ подавленія революціи.

Одновременно н.-д. энергично занимается организаціонною дѣятельностью, стараясь использовать „дни свободы“. Происходитъ партійный съѣздъ н.-д., крестьянскій съѣздъ въ Варшавѣ съ участіемъ 2.000 человѣкъ, публикуется программа партіи, спеціально по аграрному и рабочему вопросамъ; организуются легальные, такъ назыв. „польскіе“ профессіональные союзы, общество Польской школьной Матицы, гимнастическое общество „Соколовъ“ Главныя требованія опубликованной программы слѣдующія: 1) изданіе спеціальнаго закона, регулирующаго сервитуты; 2) повсемѣстное въ Польшѣ введеніе ипотекъ; 3) усиленіе колонизаціонной и парцеляціонной дѣятельности; 4) установленіе minimum'а крестьянскихъ участковъ, неподлежащихъ продажѣ, и отмѣна закона, воспрещающаго продажу земли лицамъ другого сословія; 5) запрещеніе созданія ординацій; 6) опека надъ эмигрантами; 7) организація дешеваго амортизаціоннаго кредита для крестьянъ и ремесленниковъ; 8) постепенное повышеніе заработной платы въ промышленности и земледѣліи; 9) постепенное сокращеніе рабочаго дня; 10) гигіена фабрикъ, мастерскихъ, рабочихъ квартиръ; 11) страхованіе на старость; 12) законы противъ монополіи въ доставкѣ продуктовъ первой необходимости; 13) реформа фабричной инспекціи; 14) организація рабочихъ профес. союзовъ; 15) организація кооперативовъ; 16) организація дарового пріисканія заработка рабочимъ; 17) всеобщее, безплатное, элементарное обученіе, профессіональное и общее; 18) организаціи просвѣтительныхъ обществъ.

Крестьянскій съѣздъ принялъ политическую и экономическую программу н.-д. Онъ между прочимъ призналъ необходимымъ требованіе отъ правительства гарантіи опубликованныхъ 17 октября свободъ и организацію борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Основанные въ декабрѣ 1905 г. профессіональные „польскіе“ союзы развивались очень успѣшно: въ 1907 г. они насчитывали около 45.000 членовъ; это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что они были первыми легальными союзами.

Не менѣе успѣшно развивалось Общество Польской Матицы. По от-

четамъ его правленія отъ 1907 г. оно за годъ слишкомъ дѣятельности сгруппировало въ своей средѣ 405.000 членовъ, въ организованныхъ ею школахъ обучаются 63.000 человѣкъ.

Чѣмъ болѣе усиливалась н.-д., тѣмъ энергичнѣе она выступала противъ революціоннаго движенія. Уже въ февралѣ 1905 г., когда аграрные безпорядки усилились въ Россіи, а въ Польшѣ начались преслѣдованія помѣщиковъ и крестьянъ, участвовавшихъ въ „борьбѣ за право“, одинъ изъ видныхъ дѣятелей н.-д.—помѣщикъ Хелховскій, по соглашенію съ русскими властями, отправился въ Новогеоргіевскую крѣпость, гдѣ содержались арестованные крестьяне, и уговорилъ ихъ выразить раскаяніе и дать властямъ обѣщаніе, что впредь въ „незаконныхъ“ выступленіяхъ участвовать не будутъ. Это не мѣшало н.-д. въ другихъ мѣстахъ въ то же самое время и поддерживать „борьбу за право“. Въ декабрѣ члены Рабочаго Національнаго Союза уже съ оружіемъ въ рукахъ заставляютъ бастующихъ рабочихъ возобновлять работу. Но только въ 1906 г. борьба н.-д. съ революціей достигаетъ апогея. Новый кличъ къ ней даетъ съѣздъ землевладѣльцевъ, имѣвшій мѣсто въ январѣ этого года. Борьба ведется Національнымъ Рабочимъ Союзомъ, „Соколами“, членами отдѣльныхъ профес. союзовъ и разнаго рода добровольцами. Когда органъ партіи реальной политики „Słowo“ (Слово) лѣтомъ 1906 г. указываетъ н.-д. на необходимость объединенія съ правительствомъ для болѣе успѣшной борьбы съ революціей, органъ н.-д.—„Dzwon“ (Колоколъ) отвѣчаетъ, что и своихъ силъ хватитъ на это дѣло и что объединеніе съ правительствомъ было бы возможно только въ случаѣ надѣленія Царства Польскаго автономіей. Лѣтомъ н.-д. направляетъ свои боевыя силы въ деревню противъ бастующихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ имѣніи Горбово Люб. губ. происходитъ нападеніе на забастовщиковъ боевой дружины изъ „Соколовъ“ подъ руководствомъ деп. Наконечнаго, который собственноручно ранитъ изъ револьвера двоихъ рабочихъ; въ ординаціи гр. Замойскаго „Соколы“ выступаютъ противъ администраціи, желавшей пойти на уступки забастовщикамъ; въ м. Чемерникахъ Кѣлецкой губ. члены Нац. Раб. Союза и „Соколы“ совмѣстно устраиваютъ избіеніе соціалистовъ и евреевъ. Осенью ареной борьбы становятся города, особенно Лодзь, гдѣ въ октябрѣ въ теченіе одной недѣли боевыя дружины н.-д. убиваютъ около 20 соціалистовъ. Наконецъ, н.-д. принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи Лодзинскаго и др. локаутовъ.

Въ виду всего этого неудивительно, что Дмовскій въ одной изъ своихъ рѣчей во время избирательной кампаніи гордо заявилъ, что его партія самоотверженно боролась съ „анархіей“, не останавливаясь ни передъ какими средствами, даже передъ „пролитіемъ братской крови“.

И эта энергичная борьба значительно содѣйствовала усиленію н.-д.

Крупная промышленная буржуазія, раньше тяготѣвшая къ партіи реальной политики, переходитъ подъ знамя н.-д., какъ наиболѣе сильной и дѣятельной изъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Къ ней примыкаютъ и малосознательные рабочіе, измученные голодомъ и военнымъ положеніемъ, уставшіе въ непосильной борьбѣ съ русской и польской реакціей.

Менѣе успѣшна была дѣятельность н.-д. въ Государственной Думѣ. Тамъ, передъ лицомъ русскаго правительства и русскихъ націоналистовъ различныхъ категорій, она должна была вести болѣе послѣдовательную, чѣмъ въ собственной странѣ, оппозиціонную политику, если желала сохранить свой авторитетъ и въ средѣ польской буржуазіи, а тѣмъ болѣе широкихъ народныхъ массъ, и передъ лицомъ Россіи и всего міра. И въ Думѣ, несмотря на всю свою безпринципность и вражду къ революціи, н.-д. иногда вопреки волѣ своихъ представителей, играла на руку дѣлу ненавистнаго ей освободительнаго движенія.

Однако задачи ея думской дѣятельности крайне осложнялись и разнородностью состава н.-д., и специфическими чертами индивидуальности ея вождей—крайнихъ націоналистовъ, реакціонеровъ, оппортюнистовъ и въ то же время авантюристовъ-романтиковъ.

Идя въ Думу, н.-д., исходя изъ своей сепаратистской позиціи, рѣшаетъ вести тамъ политику „свободныхъ рукъ“, т.-е. не входить въ постоянныя соглашенія ни съ правой, ни съ лѣвой Думы, ни съ центромъ, но лишь отъ случая къ случаю поддерживать выступленія той или другой партіи. Веденіе этой дипломатической линіи было поручено Дмовскому, который выполнялъ свою задачу раньше въ роли инструктора при Коло 1-й Думы, а затѣмъ въ роли его лидера во 2 и 3 Думѣ.

Другимъ основнымъ принципомъ н.-д. въ ея думской политикѣ было—всѣми силами хранить безопасность Думы, но лишь постольку, поскольку это не подрываетъ ея достоинства. Ко времени первой избирательной кампаніи н.-д. была уже крупной политической партіей. Несмотря на это, она во время избирательной борьбы не брезгала никакими средствами и сплошь и рядомъ прибѣгала къ клеветѣ, угрозамъ, террору и другимъ незаконнымъ дѣйствіямъ. Особенно характерны два ея воззванія: 1) къ избирателямъ Воли (предмѣстія Варшавы), и 2) къ избирателямъ г. Калиша. Въ первомъ говорится о евреяхъ, что они находятся въ сговорѣ противъ поляковъ съ врагами польскаго народа, что они—виновники нищеты населенія Воли, что если они будутъ злоупотреблять терпѣніемъ польскаго народа и изберутъ въ Думу еврея, то можетъ повториться 1882 г. Во второмъ читаемъ: „не забывайте (обращеніе къ евреямъ), что вамъ грозитъ

сила, отъ которой никто не сможетъ васъ защитить; это—сила кулака польскаго крестьянина и т. д.". Консервативая газета „Sxowo" называетъ поведеніе н.-д. во время выборовъ неэтичнымъ; радикальная „Dzień dobry" утверждаетъ, что во время выборовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ящикахъ оказывалось больше записокъ н.-д., чѣмъ было выдано легитимаціонныхъ картъ; даже органъ н.-д. „Gazeta Polska" сообщаетъ, что во время избирательной кампаніи были въ ходу палки и револьверы, но поясняетъ, что виной тому—поведеніе соціалистовъ.

Во время второй избирательной кампаніи н.-д. вошла въ блокъ съ партіей реальной политики и польской прогрессивной партіей, составивъ т. наз. „Національную Концентрацію".

Причины блока коренились: 1) въ желаніи н.-д. раздѣлить отвѣтственность за дѣйствія въ Думѣ съ другими партіями и избѣгнуть упрековъ демократическихъ элементовъ общества, рѣзко критиковавшихъ Коло 1-й Думы; 2) выступать въ Думѣ формально отъ имени всей страны (поскольку при существующей избирательной системѣ можетъ быть рѣчь о представительствѣ всей страны); 3) упрочить то могущество, какого партія къ тому времени достигла.

Участіе въ „Концентраціи" налагало на ея членовъ обязанность солидарнаго выступленія въ Думѣ по всѣмъ вопросамъ.

Конечно, н.-д. не сомнѣвалась, что ей всегда удастся провести свою линію. Но зато во время выборовъ во 2-ю Думу она вынуждена была вести себя сдержаннѣе, чѣмъ во время 1-й избирательной кампаніи.

Какъ извѣстно, въ 1-ю Думу, за исключеніемъ двухъ „реалистовъ" [1]) прошли всѣ члены н.-д. Во 2-й Думѣ членовъ н.-д. было — 27, „реалиста" 2; „прогрессиста" 3. Въ Варшавѣ за кандидатовъ н.-д. было подано во время 1-й избирательной кампаніи—53% всѣхъ голосовавшихъ, во время 2-й избирательной кампаніи—30.637 голосовъ, что̀ составитъ тотъ же процентъ.

Наиболѣе характерна для н.-д. ея дѣятельность во 2-й и 3-й Думахъ. Въ 1-й Думѣ она еще не успѣла развернуть своей политической линіи, но и тамъ она уже въ общихъ чертахъ обнаружила ея сущность. Польское Коло 1-й Думы вело оппозиціонную политику, но крайне сдержанную. Н.-д. объясняла это въ своемъ органѣ „крайней революціонностью" въ этой Думѣ к.-д., единственной партіи, съ которой сближеніе было для Коло возможнымъ. Правда, Коло высказалось за амнистію и внесло декларацію, требующую автономіи Польши, основывая, впрочемъ, это требованіе главнымъ образомъ на историческомъ правѣ. Но оно уклонилось отъ подписи адреса и не приняло участія въ дебатахъ по поводу запроса о дѣятельности военнаго

[1]) Члены партіи реальной политики.

прокурора—Павлова. Позиція Коло въ аграрномъ вопросѣ была крайне неопредѣленна. Оно не высказалось прямо противъ принципа принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, но признало необходимымъ разрѣшеніе этого вопроса на мѣстахъ органами областного самоуправленія; отъ голосованія же воздержалось.

Когда 1-я Дума была распущена, Польское Коло, какъ извѣстно, уклонилось отъ подписи выборгскаго воззванія. Въ письмѣ, посланномъ черезъ своихъ представителей въ Выборгъ и прекрасно иллюстрировавшемъ контрреволюціонность сепаратизма н.-д., оно объяснило свое поведеніе слѣдующимъ образомъ; „...мы желаемъ констатировать свою солидарность съ освободительнымъ движеніемъ россійскихъ гражданъ... Но мы не властны вмѣшиваться въ ваши дѣла и разсматривать тѣ шаги, которые вамъ теперь слѣдуетъ дѣлать. Избраніе соотвѣтствующаго образа дѣйствій въ интересахъ вашего народа должно быть вашимъ собственнымъ дѣломъ".

Во 2-й Думѣ политика Коло была болѣе оппозиціонной. Н.-д. объясняла это тогдашнимъ политическимъ благоразуміемъ к.-д.; намъ кажется однако, что во 2-й Думѣ Коло вынуждено было считаться больше всего съ крупной ролью с.-д. фракціи. Не осталось безъ вліянія на политику Коло и то обстоятельство, что ко времени 2-й Думы н.-д. окрѣпла въ Польшѣ и что Коло, какъ въ виду этого, такъ и въ виду того, что, вслѣдствіе присутствія въ немъ „реалистовъ" и „прогрессистовъ", оно имѣло подобіе общенаціональнаго представительства, сочло необходимымъ дѣйствовать болѣе рѣшительно. Все же и во 2-й Думѣ оно не стало опредѣленно въ ряды оппозиціи. Въ его дѣятельности сказалось сильное вліяніе землевладѣльческихъ элементовъ; оно не было послѣдовательно не только съ точки зрѣнія демократіи, но и съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ крупной промышленной и торговой буржуазіи. Здѣсь къ главнымъ выступленіямъ Коло относятся: внесеніе имъ проекта автономіи Польши; его позиція во время дебатовъ по поводу бюджета и въ запросной дѣятельности Думы. Основной чертой проекта автономіи является взглядъ, выраженный въ § 2: „Царство Польское, составляя неотъемлемую часть государства, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляется при помощи отдѣльныхъ учрежденій на основѣ собственныхъ законовъ". Этотъ свой взглядъ н.-д. въ спеціальномъ „Меморіалѣ", выясняющемъ характеръ автономіи, мотивируетъ слѣдующимъ образомъ. Цѣль реформъ 1905 г.—упроченіе государства путемъ замѣны механической связи его частей духовной. Вслѣдствіе размѣровъ государства на государственной власти должны лежать лишь функціи блюстителя интересовъ и выполнителя общегосударственныхъ задачъ; всѣ же мѣстныя дѣла и задачи должны быть выполняемы мѣстными общественными элементами.

Каждая территорія должна получить самоуправленіе, предѣлы котораго

должны быть пропорціональны степени культурной обособленности населенія и правосознанія послѣдняго. Широкая автономія Польши диктуется и обособленностью культуры ея населенія, и высокой ступенью развитія этой культуры, и особымъ гражданскимъ законодательствомъ, основаннымъ на Кодексѣ Наполеона I, и спеціальнымъ характеромъ гминнаго самоуправленія, и высокой ступенью промышленнаго развитія, и укрѣпившимся въ Польшѣ институтомъ частной собственности, и правосознаніемъ населенія, и, наконецъ, достаточно обнаружившеюся несостоятельностью политики правительства въ Польшѣ. Предѣлы компетенціи автономнаго сейма въ общемъ тѣ же, которые были намѣчены партіей въ 1905 г.

Въ опредѣленіи же частностей обнаружился оппортюнизмъ Коло по отношенію къ русскому правительству. Говоря о войскѣ, авторы проекта не только не требуютъ милиціи, но даже не выставляютъ требованія права польскихъ гражданъ отбывать воинскую повинность въ собственной странѣ. Согласно проекту, изъ компетенціи автономныхъ властей изъемлется уголовное законодательство по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Насколько чуждъ законопроекту демократическій принципъ, видно изъ того, что въ немъ санкціонируется избирательная система, установленная для Государственной Думы закономъ 11 декабря 1905 г., и что только для выборовъ въ первый автономный сеймъ требуется всеобщее избирательное право. Рѣчь Дмовскаго по аграрному вопросу—хотя и развиваетъ лишь мысль, высказанную Коло 1-й Думы, но все же является иллюстраціей вліянія дворянства на политику даже Коло 2-й Думы. Во время общихъ дебатовъ о бюджетѣ представители Коло, Стецкій и Жуковскій, выступали, какъ послѣдовательные буржуазные конституціоналисты-демократы. „Польское Коло—говорилъ Стецкій—считаетъ нецѣлесообразнымъ ограниченіе бюджетныхъ правъ Думы и приметъ участіе въ голосованіи надъ бюджетомъ только потому, что таковое будетъ выражать степень вліянія народа на правительство“. Давъ общую характеристику положенія угнетенныхъ народовъ въ Россіи, онъ отмѣтилъ необходимость надѣленія Польши автономіей и польскаго народа—равноправіемъ на протяженіи всего россійскаго государства, и слѣдующимъ образомъ формулируетъ задачи Коло: „Польскій народъ въ борьбѣ за свои національные интересы присоединяется къ тѣмъ, которые стремятся къ преобразованію политическаго и общественнаго строя государства на началахъ равноправія и справедливости. Наша задача здѣсь состоитъ въ выясненіи сущности современнаго положенія. Поляки желаютъ это сдѣлать въ согласіи съ представителями всѣхъ оппозиціонныхъ группъ“.

Жуковскій произнесъ блестящую рѣчь. Онъ подвергъ глубокой критикѣ финансовую политику правительства, съ богатымъ статистическимъ матеріаломъ въ рукахъ, выяснилъ пагубное вліяніе бюрократическаго строя на бюджетъ

и какъ на единственный выходъ изъ тяжелаго финансоваго положенія государства указалъ на необходимость преобразованія его строя на началахъ широкаго областного самоуправленія. Функціи послѣдняго по его мнѣнію должны быть распространены на финансовое хозяйство.

Но во время дебатовъ по вопросу объ увеличеніи контингента новобранцевъ въ поведеніи Коло уже не замѣтно той послѣдовательности, которая обнаружилась въ рѣчахъ двухъ вышеуказанныхъ его представителей. Трудную задачу выясненія его позиціи въ этомъ вопросѣ Коло поручаетъ прогрессисту Коницу, но послѣдній, несмотря на крупный ораторскій талантъ, не былъ въ состояніи избѣгнуть ряда противорѣчій. Онъ обнаружилъ крайне поверхностное пониманіе задачъ демократіи; выяснивъ весь вредъ милитаризма для Польши, онъ все же призналъ долгомъ поляковъ, какъ гражданъ Россіи, голосовать за бюджетъ. Что касается другихъ выступленій Коло, то слѣдуетъ отмѣтить его голосованіе по вопросу о деклараціи правительства и о помощи голодающимъ, солидарное съ к.-д., и поддержу имъ с.-д. противъ к.-д. въ дѣлѣ о срочности запроса объ истязаніи рабочихъ въ Петербургѣ, на фабрикѣ Чешера, поддержку, вызванную исключительно временнымъ конфликтомъ его съ к.-д.

Коло и само внесло рядъ запросовъ, а именно, по поводу: сѣдлецкаго погрома, безпорядковъ въ м. Зальва Гродн. губ., военнаго положенія въ Польшѣ, стѣсненія дѣятельности „Польской Школьной Матицы“. Когда всталъ на очередь вопросъ о выдачѣ Думой суду членовъ с.-д. думской фракціи, Коло забыло о своемъ принципѣ беречь Думу лишь постольку, поскольку это совмѣстимо съ ея достоинствомъ. Оно не рѣшилось отказать правительству. Желая соблюсти законность, оно приняло рѣшеніе требовать у правительства слѣдственнаго матеріала и лишь въ томъ случаѣ, если таковой будетъ содержать данныя о преступной дѣятельности с.-д. депутатовъ, голосовать за выдачу ихъ въ руки правосудія. Роспускъ II Думы и сокращеніе втрое числа депутатовъ отъ Польши не вызвали ни малѣйшаго протеста со стороны н.-д. Равно съ поразительнымъ смиреніемъ она перенесла закрытіе Общества Польской Школьной Матицы.

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ она постепенно стала на путь примиренія съ существующимъ въ Россіи политическимъ порядкомъ. Періодъ дѣятельности III Думы—это для н.-д. періодъ полнаго подчиненія ея идеологіи идеологіи дворянства и сближенія съ феодальными элементами Россіи.

Какъ далеко она зашла въ этомъ отношеніи, легко судить между прочимъ на основаніи извѣстныхъ статей Р. Дмовскаго „Анахронизмы“, характеристику которыхъ мы привели въ началѣ настоящей главы. Сепаратизмъ былъ открыто провозглашенъ н.-д. средствомъ борьбы за сохраненіе своего вліянія на населеніе страны. Но ни болѣе или менѣе удачное опе-

рированіе этимъ средствомъ, ни исканіе убѣжища подъ знаменемъ неославизма не въ состояніи были предотвратить разложенія н.-д.

Ее покинула крупная промышленная буржуазія, сгруппировавшись вокругъ Московскаго Совѣта съѣздовъ: н.-д. потеряла въ ея глазахъ всякое значеніе, ибо въ рабочемъ движеніи, съ которымъ успѣшно боролась эта партія, наступилъ застой, ея же думская дѣятельность не принесла буржуазіи никакой реальной пользы.

Неославизмъ дискредитировалъ н.-д. въ глазахъ группировавшихся вокругъ нея народныхъ массъ.

Еще въ 1906 г. въ рядахъ н.-д. намѣтилось оппозиціонное теченіе, извѣстное подъ названіемъ „Фронды“, представителями котораго являются Т. Гружевскій (Топоръ) и В. Студницкій. Его основу составляютъ мелкобуржуазные элементы н.-д. Политическая платформа „Фронды“ въ общемъ сводится къ слѣдующему. Н.-д. должна держаться старой своей позиціи. Она должна сосредоточить вниманіе: 1) на культурной дѣятельности; 2) пропагандѣ постулята возстановленія Польши; 3) готовиться къ борьбѣ за его возстановленіе; 4) Дума могла бы сыграть роль арены для разоблаченія антипольской политики правительства; но послѣ того, какъ польское Коло опозорило себя своей оппортюнистской дѣятельностью, слѣдуетъ отказаться отъ участія въ ней. Органами „Фронды“ являются: „Goniec“ („Курьеръ“) и „Rzecz Pospolita“ („Рѣчь Посполитая“). Неославистская политика н.-д. дала толчекъ „Фрондѣ“ къ полному разрыву съ нею. Она оттолкнула отъ нея также и „Національный Рабочій Союзъ“. Послѣдній, послѣ его съѣзда, состоявшагося осенью 1908 г., на которомъ рѣшено было выступленіе его изъ н.-д., издалъ „Манифестъ“, въ которомъ изъявлялъ раскаяніе въ томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служилъ орудіемъ въ рукахъ „карьеристовъ“, „враговъ рабочаго народа“.

Бывали случаи, когда въ выступленіяхъ членовъ самаго Коло проявлялись царящія внутри его разногласія; къ таковымъ относится отчетъ деп. Парчевскаго передъ избирателями въ началѣ 1909 г.; элементы разногласій можно найти и въ рѣчахъ либераловъ изъ Коло Гарусевича и Стецкаго и въ невсегда выдержанныхъ съ точки зрѣнія Коло выводахъ деп. Жуковскаго изъ его серьезныхъ, богатыхъ по содержанію рѣчей.

Въ борьбѣ за вліяніе на массы н.-д., послѣ неудачнаго эксперимента съ неославизмомъ, прибѣгла къ антисемитской агитаціи, въ расчетѣ отвлечь отъ себя недовольство общества и сосредоточить таковое на евреяхъ. Этотъ ходъ оказался удачнѣе предыдущаго: онъ не только временно поднялъ престижъ н.-д. въ средѣ націоналистовъ, но и внесъ раздоръ въ ряды враждебныхъ ей прогрессистовъ. Выступленія Коло по Холмскому вопросу снова сильно дискредитировали н.-д.

Но періодъ реакціи и апатіи еще не миновалъ; пульсъ общественной и политической жизни въ Польшѣ бьется очень слабо. Вслѣдствіе этого не только до сихъ поръ не наступило объединеніе всѣхъ буржуазныхъ элементовъ, недовольныхъ политикой п.-д., но даже не создалась платформа, на почвѣ которой таковое могло бы состояться.

Только это и даетъ возможность п.-д. фигурировать въ качествѣ болѣе или менѣе серьезной польской буржуазной партіи.

II.

Послѣ с.-д. ц. П. и Л. и п.-д. самой вліятельной партіей въ Польшѣ въ разсматриваемый нами періодъ была п. п. с. (польская соціалистическая партія). Но въ то время, какъ п.-д. была опорой контрреволюціи, роль п. п. с. была революціонна; въ ея идеологіи въ теченіе 1905—1907 г.г. произошелъ радикальный переломъ.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ выяснить, съ одной стороны, роль п. п. с. какъ польской національной партіи въ россійскомъ освободительномъ движеніи, съ другой стороны, вліяніе этого движенія на развитіе польской политической мысли, необходимо бросить взглядъ на идеологію п. п. с. въ моментъ ея выступленія на арену политической дѣятельности.

П. п. с. образовалась въ 1893 г., въ періодъ реакціи противъ идей „позитивизма“, и составляла лѣвое крыло этой реакціи, п.-д. же (въ то время Польская Лига) была ея правымъ крыломъ.

Различіе въ политической физіономіи п.-д. и п. п. с. обусловливается характеромъ той общественной среды, стремленія которой выражала каждая изъ этихъ партій.

О классовомъ составѣ п.-д. мы говорили въ предыдущей главѣ. П. п. с. вышла изъ рядовъ польской профессіональной интеллигенціи.

Этотъ общественный слой игралъ крупную роль въ развитіи соціалистическихъ партій всѣхъ странъ, но въ Польшѣ его роль особенно велика. Здѣсь соціалистическое движеніе зародилось въ средѣ учащейся молодежи въ то время, когда рабочія массы не только не обладали политическимъ сознаніемъ, но даже выказывали очень слабое пониманіе своихъ повседневныхъ экономическихъ интересовъ. Поэтому большинство активныхъ элементовъ „пролетаріата“ и даже „союза польскихъ рабочихъ“ рекрутировалось изъ среды интеллигенціи и поэтому „пролетаріатъ“, несмотря на то, что высоко держалъ знамя международнаго соціализма, фактически сыгралъ роль буржуазной демократіи. Въ Польшѣ при томъ профессіональная интеллигенція очень многочисленна, что объясняется притокомъ въ ея ряды выходцевъ изъ

среды очень многочисленной мелкой шляхты, а равно и мелкой буржуазіи, толкаемой туда быстрымъ горячечнымъ развитіемъ капитализма, лишающимъ ее средствъ производства. Усиленіе въ 80-хъ г.г. антипольской политики русскаго правительства нанесло сильный ударъ экономическимъ и духовнымъ интересамъ польской профессіональной интеллигенціи, и она стала массами стекаться подъ знамя соціализма какъ наиболѣе революціонной идеологіи.

Но, воспріявъ идеи соціализма, она измѣнила ихъ соотвѣтственно своимъ политическимъ стремленіямъ и идеаламъ, унаслѣдованнымъ ею у мелкой шляхты и мелкой буржуазіи, лелѣющихъ традиціи польскихъ національныхъ возстаній, въ которыхъ эти общественныя группы играли наиболѣе дѣятельную роль.

Тяжелая же атмосфера политической реакціи, окутавшая въ 80-хъ г.г. и Россію и Польшу, благопріятствовала гегемоніи національныхъ традицій въ польскомъ національномъ движеніи. Вышеприведенными причинами объясняется возникновеніе въ Польшѣ въ 80-хъ г.г. партіи національ-соціалистовъ (Socialistow narodowych), органомъ которой былъ издававшійся въ Парижѣ журналъ „Pobudka“ (Кличъ), а въ началѣ 90-хъ г.г. образованіе п. п. с.

Въ составъ послѣдней вошли оставшіеся отъ арестовъ 1892 г. члены „Пролетаріата“ и „Союза польскихъ рабочихъ“, а равно и партія соціал-національстовъ. Центральнымъ пунктомъ программы п. п. с. является постулятъ возстановленія Польши. П. п. с. именно, какъ говорится въ ея программѣ, стремится къ возстановленію независимой польской демократической республики на слѣдующихъ началахъ: А) въ политическомъ отношеніи—широкихъ гражданскихъ и политическихъ правъ... В) въ экономическомъ: 1) охраны труда (въ самомъ широкомъ значеніи этого слова); 2) постепенной соціализаціи средствъ производства.

П. п. с. говоритъ отъ имени польскаго пролетаріата; его интересами объясняетъ выставленіе постулята возстановленія Польши.

По словамъ ея идеологовъ [1]), въ виду оживленія среди польскихъ рабочихъ массъ, нашедшихъ свое выраженіе въ Лодзинскихъ майскихъ событіяхъ 1892 г., и полнаго застоя въ русскомъ революціонномъ движеніи, необходимо отдѣленіе Польши отъ Россіи, принадлежность къ которой, какъ къ государству отсталому, тормозитъ развитіе польской культуры и классовой борьбы польскихъ рабочихъ.

Но о политическихъ партіяхъ слѣдуетъ судить не по субъективнымъ стремленіямъ ихъ идеологовъ, а по политической роли этихъ партій. Объективный анализъ причинъ возникновенія п. п. с., ея программы и ея дѣятельности говоритъ намъ совершенно другое, чѣмъ ея идеологи. Идеологія п. п. с. отнюдь

---

[1]) См. Przedswit 1892 г. Статьи С. Мендельсона по поводу брошюры Степняка «Начало конца».

не выдвинута развитіемъ польскаго пролетарскаго движенія. Она не выражаетъ сознательныхъ стремленій польскихъ рабочихъ массъ, такъ какъ въ моментъ ея возникновенія польское рабочее движеніе находилось въ зародышѣ и только впервые переживало періодъ массовой экономической борьбы и въ то же время полнаго индифферентизма къ вопросамъ политической жизни. Выставивъ же постулятъ возстановленія Польши, п. п. с. порвала съ традиціями польской соціалистической мысли—съ наслѣдіемъ „Пролетаріата“ и „Союза польскихъ рабочихъ“, строго державшихся принциповъ международнаго соціализма. Еще первые польскіе марксисты К. Длусскій и В. Пекарскій [1]) отмѣтили несоотвѣтствіе программы возстановленія Польши тенденціямъ капиталистическаго развитія этой страны и порождаемой этимъ развитіемъ классовой борьбы пролетаріата, а самый талантливый тогда соціалистическій публицистъ С. Мендельсонъ подвергъ рѣзкой критикѣ идеологію польскихъ возстаній въ статьѣ „nec locus, ubi Troia fuit“, охарактеризовавъ этими словами заглавія отношеніе пролетаріата къ постуляту возстановленія Польши. Впослѣдствіи Л. Кржижицкій и Р. Люксембургъ углубили и развили мысли, высказанныя К. Длусскимъ и В. Пекарскимъ.

Программа п. п. с. — естественный продуктъ того историческаго періода, въ который она была формулирована, и скорѣе всего отражаетъ тогдашнія стремленія польской профессіональной интеллигенціи и наиболѣе революціонной части мелкой буржуазіи.

Идеологи партіи соціалистовъ-націоналистовъ обосновывали свою программу съ точки зрѣнія естественнаго права; идеологи же п. п. с. пытались обосновать свою—съ точки зрѣнія марксизма; эту цѣль преслѣдовали въ своихъ статьяхъ К. Краузъ, Зборовичъ, Перль, С. Вронскій. Но методъ всѣхъ этихъ публицистовъ не діалектическій, а субъективный. Они доказываютъ необходимость возстановленія Польши не на основаніи анализа тенденцій капиталистическаго развитія страны, а на основаніи чисто субъективной оцѣнки интересовъ польскаго пролетаріата. Насколько имъ чуждъ духъ марксизма, видно изъ того, что въ программѣ п. п. с. задача возстановленія Польши не связывается съ другой задачей, изъ которой она должна бы вытекать—съ задачей внутренняго возрожденія народа: она стоитъ особнякомъ отдѣльно отъ всей экономической и духовной жизни страны и націи, хотя о послѣдней много говорится. Идеологіи п. п. с. чуждъ монизмъ, присущій марксистскому міровоззрѣнію [2]).

---

[1]) «Мастеръ Вспѣклица и К°» К. Длусскаго и В. Пекарскаго.

[2]) Изъ трудовъ идеологовъ п. п. с. заслуживаютъ вниманія лишь произведенія К. Крауза (М. Люспи). Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается генезисъ и вся идеологія п. п. с., начиная съ ея возникновенія вплоть до послѣднихъ выступленій рев. фракціи п. п. с. Краузъ марксистъ, но его марксизмъ крайне своеобразенъ; онъ

Отсюда же ведутъ свое начало и заговорщическая организація и тактика п. п. с. Естественно, что идеологи этой партіи видѣли единственный путь къ возстановленію Польши въ подготовленіи національнаго возстанія. Ея организація состояла изъ небольшихъ, законспирированныхъ кружковъ во главѣ съ ц. к., который былъ избираемъ на съѣздѣ имъ же назначаемыхъ довѣренныхъ лицъ (mazowie Zaupania) и этому съѣзду отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности. Главными органами п. п. с. были—теоретическій—

марксистъ-метафизикъ. Краузъ не отличаетъ роли производительныхъ силъ отъ роли экономической структуры въ цѣломъ—въ процессѣ общественнаго развитія: хотя въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ вѣрно опредѣляетъ эти понятія, но не умѣетъ справиться съ ними, когда пытается разсматривать ихъ динамически. Благодаря этому онъ создалъ т. н. «законъ соціологической ретроспекціи» съ цѣлью пополнить марксизмъ въ вопросѣ о развитіи идеологіи, но все же самъ этотъ законъ онъ пытается, правда, неудачно, вывести изъ основныхъ положеній марксизма. Современный экономическій строй содержитъ въ себѣ лишь отрицательные элементы, но не содержитъ элементовъ соціалистической собственности—основъ соціалистическаго идеала. Эти отрицательныя стороны капитализма заставляютъ идеологовъ пролетаріата искать источниковъ для своего общественнаго идеала за предѣлами капитализма—въ далекомъ прошломъ, въ первобытной коммунистической общинѣ, оставившей глубокій отпечатокъ въ психикѣ людей. Современный соціализмъ это—синтезъ идей первобытнаго коммунизма и завоеваній новѣйшей культуры. Краузъ также какъ нѣкогда Ленинъ въ своей брошюрѣ «Что дѣлать» приходитъ къ заключенію, что соціалистическое сознаніе развивается не въ нѣдрахъ рабочаго движенія подъ непосредственнымъ вліяніемъ объективныхъ условій быта рабочихъ массъ, а внѣ его—въ средѣ идеологовъ, при чемъ Краузъ гораздо дальше отходитъ отъ марксизма, создавая съ цѣлью пополненія его—спеціальную выше охарактеризованную нами теорію—«законъ соціологической ретроспекціи». Онъ не учитываетъ въ ея цѣломъ творческой роли капитализма; для него эта роль сводится къ количественному росту пролетаріата. На пролетаріатъ же Краузъ смотритъ какъ на общественную силу, независимую въ своихъ выступленіяхъ отъ условій, въ которыхъ онъ ведетъ свою борьбу, и предоставляющую лишь готовый матеріалъ для экспериментовъ идеологовъ. Онъ не учитываетъ того, что развитіе производительныхъ силъ, порождая обобществленіе труда, такимъ образомъ создаетъ въ пролетарскихъ массахъ основы развитія соціалистической техники, а затѣмъ и соціалистическаго сознанія. Естественно, что отъ исканія въ прошломъ основъ соціализма недалеко до исканія въ прошломъ образцовъ политической программы. Этотъ общій характеръ міровоззрѣнія Крауза проливаетъ свѣтъ на позицію его и представляемой имъ п. п. с. въ области польскаго вопроса. Въ независимой Польшѣ классовая борьба развивалась бы успѣшнѣе, чѣмъ теперь—это у него вполнѣ достаточный мотивъ для выставленія постулята возстановленія Польши. Когда Р. Люксембургъ доказала, что развитіе капитализма въ Польшѣ, происходящее на счетъ сбыта польскихъ товаровъ на восточныхъ и русскихъ рынкахъ, сковываетъ Польшу съ Россіей въ одно экономическое цѣлое, то онъ не понялъ, что здѣсь рѣчь идетъ о нынѣшнихъ тенденціяхъ капиталистическаго развитія, и силился доказать, что: 1) возстановленіе Польши поведетъ къ объединенію всѣхъ трехъ частей б. Польши и къ улучшенію положенія польскихъ крестьянъ и такимъ образомъ создастъ внутренній рынокъ для сбыта польскихъ товаровъ, и 2) что пролетаріатъ составляетъ все усиливающійся по мѣрѣ развитія капитализма классъ, въ сопоставленіи со стремленіями котораго вопросъ о рынкахъ имѣетъ столько же значенія, сколько листъ бумаги, поставленный на пути бурнаго порока. Эти взгляды ведутъ къ заговорщическому типу организаціи и заговорщической тактикѣ.

„Przedswit“ и для рабочихъ—„Robotnik“. П. п. с. получила вліяніе на рабочихъ не благодаря своей программѣ, а вслѣдствіе того, что, располагая средствами, успѣшно удовлетворяла запросы повседневной жизни рабочихъ, издавая листки, поддерживая забастовки, распространяя литературу.

Дѣятельность п. п. с. имѣла двоякія послѣдствія. Съ одной стороны развивала въ разныхъ слояхъ народа революціонное настроеніе и распространяла идеи соціализма; съ другой стороны, выступая во имя общенаціональныхъ требованій въ рѣзко націоналистическомъ духѣ, парализовала развитіе политическаго сознанія и рабочихъ и буржуазіи.

Но п. п. с. была плодомъ политическаго индифферентизма. Поэтому можно было предположить, что съ наступленіемъ оживленія въ общественной жизни Россіи и Польши она приметъ характеръ болѣе отвѣчающій тенденціямъ развитія этой страны и интересамъ ея пролетаріата. Уже въ самомъ началѣ дѣятельности п. п. с., лѣтомъ 1893 г. принятіе ея вождями постулята возстановленія Польши и нѣкоторыя ихъ націоналистическія выступленія вызвали въ ея средѣ расколъ. Въ п. п. с. осталась интеллигенція и небольшой кружокъ рабочихъ, главное же ядро ея рабочей организаціи, порвавъ сношенія съ редакціей „Przedswit'a“ и ея агентами, объявило себя соціалдемократіей Царства Польскаго. Этотъ расколъ сдѣлалъ п. п. с. очень осторожной: она въ теченіе нѣкотораго времени воздержалась отъ пропагандированія программы возстановленія Польши на столбцахъ „Robotnik“, дѣлая это лишь въ „Przedswit'ѣ“. Только, когда въ 1895 г. с.-д. Ц. П. была разбита арестами, п. п. с. начала широкую агитацію въ духѣ своей программы.

Но затѣмъ $1^1/_2$ года спустя присоединеніе къ ней остатковъ с.-д. и возникновеніе въ Польшѣ рабочихъ еврейскихъ организацій, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ „Бунда“, заставили п. п. с. обратить вниманіе на агитацію на почвѣ повседневныхъ экономическихъ интересовъ рабочихъ. Впрочемъ дѣятельность въ этомъ направленіи продолжалась недолго. Лишь только п. п. с. пріобрѣла вліяніе на рабочія массы, она начала организовывать ихъ политическія выступленія и настолько занялась этимъ дѣломъ, что забастовочное движеніе въ Варшавѣ въ концѣ 1899 г. застало ее совершенно не подготовленной къ руководству имъ.

Это вызвало недовольство рабочихъ и дало толчокъ къ распаденію п. п. с. Въ 1900 г. изъ нея выдѣлились двѣ политическія группы. Кружокъ варшавскихъ рабочихъ, объединившись съ рабочимъ Союзомъ Литвы, положилъ основаніе соц.-дем. Царства Польскаго и Литвы; кружокъ интеллигенціи за границей съ Л. Кульчицкимъ во главѣ далъ инициативу образованію партіи „Пролетаріатъ“.

* * *

Внутренній кризисъ въ п. п. с. сильно обострился рядомъ внѣшнихъ обстоятельствъ: ей былъ нанесенъ жестокій ударъ арестами; націонализмъ ея германской части вызвалъ острый конфликтъ между п. п. с. и с.-д. партіей Германіи и ея споры съ с.-д. Ц. П. и Л. изъ-за мандатовъ возстановили противъ нея большинство международнаго соціалист. конгресса въ Парижѣ. Все это вмѣстѣ взятое вызвало броженіе въ рядахъ п. п. с., усилилось стремленіе къ строго классовой дѣятельности, стало обнаруживаться критическое отношеніе къ ея націонализму и къ тону ея организаціи, особенно же къ диктатурѣ заграницы. Въ теченіе времени съ 1900 по 1905 г. въ средѣ п. п. с. неоднократно происходили конфликты, во время которыхъ сплотился кружокъ ея будущихъ преобразователей и намѣтились общіе контуры особаго теченія, извѣстнаго впослѣдствіи подъ названіемъ теченія „молодыхъ“.

Послѣднее еще въ 1904 г. было слабо и не имѣло вполнѣ опредѣленной политической физіономіи. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до 9 января 1905 г. въ „Przedswit'ѣ“ высказывался взглядъ о невозможности политическаго революціоннаго движенія среди русскихъ рабочихъ. П. п. с. не оставляла мысли о національномъ возстаніи и старалась создать благопріятныя условія для него. Это она дѣлала двоякимъ образомъ, содѣйствуя ослабленію Россіи и извнѣ, и извнутри. Когда началась русско-японская война, ц. к. п. п. с. обратился съ воззваніемъ къ солдатамъ полякамъ, служившимъ въ русской арміи, призывая ихъ уходить изъ русскаго лагеря въ японскій. Въ концѣ же 1904 г. она, на-ряду съ п.-д., приняла участіе въ парижской конференціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій Россіи и подписала ея политическую декларацію, хотя въ ней даже не упоминалось о постулятѣ возстановленія Польши; это объясняется тѣмъ, что п. п. с. смотрѣла на русское революціонное движеніе, лишь какъ на внѣшнее благопріятное условіе для подготовки національнаго возстанія.

Петербургскія событія застали все же п. п. с. врасплохъ.

Она обладала уже тогда солиднымъ организаціоннымъ аппаратомъ; ея организаціи существовали: въ Варшавѣ, Лодзи, Сосновицахъ, Домбровѣ, Люблинѣ, Радомѣ, Кѣльцахъ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Гроднѣ, на югѣ Россіи, за границей; она издавала, кромѣ „Przedswit'a“ и „Robotnika“, также: „Swiatlo“, „Gornik“, „Gazeta Ludowa“, „der Arbeiter“, „Kurjerek Zakordonowy“, „Lodzianin“, „Białostoczanin“ [1]), „Walka“ (Виленскій)“ „Kaliski Kurjerek Robotniczy“, (Калишъ), „Echo robotnicze Zawiercia“ (Заверце) „Вѣстникъ п. п. с.“, „Le Bulletin de la p. p. s“.

На Петербургскія событія раньше другихъ откликнулся Варшавскій комитетъ п. п. с. Января 25 (12) онъ призвалъ рабочихъ Варшавы къ

[1]) „Свѣтъ“, „Горнорабочій“, „Крестьянская газета“, „Рабочій“, „Зарубежный курьеръ“, „Лодзянинъ“, „Бѣлосточанинъ“.

забастовкѣ съ цѣлью выразить солидарность съ выступленіемъ Петербургскихъ рабочихъ, при чемъ, не выставляя политическихъ требованій, выставилъ рядъ экономическихъ. Только три дня спустя появилась политическая декларація Варшавскаго Комитета п. п. с., содержавшая слѣдующія требованія: 1) свободы слова, печати, союзовъ, собраній, совѣсти; 2) равноправія всѣхъ гражданъ безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія; 3) неприкосновенности личности и квартиръ; 4) введенія въ городахъ и селахъ общественнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ; 5) безплатнаго обязательнаго обученія; 6) неограниченной свободы національной жизни; 7) гарантіи свободы культурной жизни евреямъ и другимъ національнымъ меньшинствамъ; 8) свободы стачекъ; 9) 8 час. рабочаго дня. 10) Страхованія рабочихъ на старость и на случай болѣзни. 11) Фабричный инспекторъ, избираемый рабочими. Для реализаціи же всѣхъ этихъ требованій п. п. с. считаетъ необходимымъ созывъ избраннаго на демократическихъ началахъ польскаго автономнаго сейма. Аналогичныя требованія были выставлены и провинціальными комитетами п. п. с.; въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ фигурировалъ, правда, постулятъ независимой польской республики, но лишь какъ политическій идеалъ отдаленнаго будущаго. Приблизившись идейно къ с.-д., она въ теченіе 1905 г. очень мало отличалась отъ нея и по своей дѣятельности; п. п. с. принимала живое участіе и въ іюньской баррикадной борьбѣ рабочихъ въ Лодзи, и въ октябрьской и декабрьской забастовкахъ; когда объявлено было учрежденіе, такъ назыв., булыгинской Думы, она, на-ряду съ с.-д., рѣшила ее бойкотировать.

Говоря о дѣятельности п. п. с., необходимо отмѣтить ея участіе въ борьбѣ за польскую школу и въ „борьбѣ за право“ и рядъ совершенныхъ ею террористическихъ актовъ, какъ, напр., покушенія на генералъ-губ. Максимовича, на варшавскаго оберъ-полицеймейстера, а также экспропріацій.

П. п. с. вела также энергичную агитацію и пропаганду среди солдатъ.

Но главной ея заслугой была организація борьбы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и крестьянъ. Въ деревнѣ она была единственной болѣе или менѣе серьезной революціонной силой и какъ таковая оказывала вліяніе даже на ту часть крестьянъ, которая находилась подъ руководствомъ н.-д., толкая ее на борьбу за право, въ то время, когда н.-д. уже пыталась прекратить таковую. Въ теченіе времени съ мая по августъ п. п. с. выпустила и распространила по городамъ и деревнямъ—170 изданій въ количествѣ—свыше 600.000 экз. Въ процессѣ борьбы п. п. с. поняла необходимость координаціи дѣйствій съ с.-д. Ц. К. и Л. и „бундомъ“, но попытка, сдѣланная ею въ этомъ направленіи, не увѣнчалась успѣхомъ, что̀ объясняется крайне обострившимися въ теченіе долголѣтней идейной борьбы взаимными отношеніями между этими тремя партіями.

То же самое сказалось, но уже въ позиціи п. п. с., во время майскихъ демонстрацій: она не только не приняла участія въ организованной с.-д. и будомъ демонстраціи въ день 1 мая, но даже призвала рабочихъ воздержаться отъ участія въ забастовкѣ—протестѣ противъ избіенія участниковъ перво-майской демонстраціи.

Какъ видимъ, уже первыя выступленія рабочихъ массъ на арену политической борьбы, независимо отъ степени политическаго ихъ сознанія, заставили п. п. с. выставить лозунги, отвѣчающіе тенденціямъ россійскаго освободительнаго движенія. Лишь только ей пришлось выйти изъ подполья и стать, на-ряду съ другими соціалистическими партіями во главѣ открытой борьбы рабочихъ, она фактически, хотя и не формально, отказалась отъ программы возстановленія польскаго государства и заговорила настоящимъ политическимъ языкомъ, она выдвинула задачу борьбы въ рядахъ россійской революціи за созывъ автономнаго сейма въ Варшавѣ—за требованіе, непосредственно вытекающее изъ задачи политическаго раскрѣпощенія Россіи, такъ какъ демократизація государственнаго строя послѣдней можетъ совершиться только на началахъ учета специфическихъ особенностей входящихъ въ ея составъ окраинъ и, прежде всего, Польши, какъ наиболѣе развитой изъ нихъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніи.

Въ январьской декларации В. К. п. п. с. новая позиція партіи была выражена еще въ очень общей формѣ, но чѣмъ болѣе разгоралась борьба, тѣмъ болѣе п. п. с. освобождалась отъ пережитковъ національнизма, пока, наконецъ, послѣ длившейся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эволюціи, не стала с.-д партіей въ полномъ значеніи этого слова. Состоявшійся въ мартѣ VII съѣздъ п. п. с. обнаружилъ съ одной стороны въ области программы нѣкоторый поворотъ назадъ: на немъ принято было требованіе созыва для Польши особаго учредительнаго собранія, чѣмъ были выдвинуты передъ польскимъ пролетаріатомъ особыя задачи. Съ другой стороны, въ области организаціоннаго вопроса онъ сдѣлалъ шагъ впередъ; съѣздъ постановилъ создать спеціальныя группы: 1) для изданія литературы; 2) для агитаціи: a) среди рабочихъ; b) среди крестьянъ; c) среди интеллигенціи; 3) техническую, и 4) боевую.

Въ іюнѣ собрался партійный совѣтъ; онъ въ развитіи идеологіи п. п. с. составляетъ шагъ впередъ по сравненію съ VII съѣздомъ. Совѣтъ констатируетъ, что революція въ Польшѣ является составной частью общероссійскаго движенія, и что завоеваніе какихъ бы то ни было политическихъ правъ для Польши нуждается въ соотвѣтствующихъ предварительныхъ измѣненіяхъ въ самой Россіи. Совершающійся нынѣ въ Россіи переворотъ—читаемъ въ отчетѣ Совѣта—не слѣдуетъ разсматривать какъ одну лишь схватку со старымъ режимомъ, которая можетъ произойти по напередъ задуманному плану и сразу дости-

гнуть намѣченной цѣли. Онъ равно не можетъ походить на прежнія польскія возстанія, онъ не можетъ также разрѣшиться путемъ одной лишь непродолжительной баррикадной борьбы; это – сложный общественный процессъ, разложенный на долгій промежутокъ времени, состоящій изъ ряда все усиливающихся нападеній на старый режимъ. Благодаря политической незрѣлости польской буржуазіи, Совѣтъ игнорируетъ ея роль не только въ Польшѣ, но и въ Россіи и видитъ единственную силу, способную совершить переворотъ,— въ пролетаріатѣ. Сознавая всю важность организаціи этого класса, онъ поручаетъ ц. к. немедленно приступить къ разслѣдованію и разрѣшенію вопроса о созданіи открытыхъ, но нелегальныхъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Все же въ п. п. с. еще были сильны элементы заговорщической идеологіи. Это видно изъ отношенія Совѣта къ террору: осудивъ экономическій терроръ, онъ призналъ необходимымъ—политическій, разсматривая таковой, какъ: 1) средство самообороны; 2) средство устраненія особенно вредныхъ представителей власти.

Во время октябрьскихъ и декабрьскихъ дней п. п. с., по интенсивности своей дѣятельности, не уступала с.-д. Въ дни свободъ, которые въ Польшѣ были короче, чѣмъ въ остальной Россіи, п. п. с. энергично старалась использовать всѣ легальныя возможности. Во главѣ ея тогда уже стояли „молодые“; націоналисты находились въ партіи въ меньшинствѣ. И тѣ и другіе издавали легальные органы. Первые—Kurjer Codzienny (Ежедневный Курьеръ), другіе „Nowe Zycie“ (Новая Жизнь). Въ первомъ пропагандировалась дѣятельность, совмѣстная съ русскимъ рабочимъ классомъ, хотя и выставлялся лозунгъ особаго учредительнаго Собранія; во второмъ—русское революціонное движеніе разсматривалось, какъ внѣшнее благопріятное условіе для борьбы за возстановленіе Польши.

Организовывались профессіональные союзы безпартійные, но тайные; въ этой дѣятельности принимали участіе представители обоихъ теченій. Не переставая мечтать о національномъ возстаніи, націоналисты постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ буржуазномъ обществѣ росло недовольство забастовками, сами стали выступать противъ таковыхъ, какъ раскалывающихъ, по ихъ мнѣнію, революціонныя силы польскаго народа и затрудняющихъ дѣло организаціи національнаго возстанія. Въ самый разгаръ декабрьскихъ событій одинъ изъ ихъ сторонниковъ депутатъ австрійскаго рейхстата—И. Дашинскій обратился къ ц. к п. п. с. съ открытымъ письмомъ, въ которомъ силился доказать вредное вліяніе забастовочной борьбы на развитіе польской промышленности и положеніе рабочихъ и убѣждалъ отказаться отъ этого метода борьбы. Ц. к. п. п. с., а особенно одинъ изъ его членовъ—Ковенскій самымъ рѣшительнымъ образомъ осудили выступленіе Дашинскаго въ двухъ брошюрахъ, изданныхъ въ отвѣтъ на его письмо. Состоявшійся въ 1906 г.—

въ февралѣ VIII съѣздъ п. п. с., а затѣмъ въ іюнѣ ея II Совѣтъ подвели итоги ея дѣятельности за время съ начала освободительной борьбы. VIII съѣздъ отмѣтилъ первостепенную роль въ этой борьбѣ всеобщей политической забастовки, указавъ, однако, что таковая можетъ привести къ полной ликвидаціи стараго режима Россіи, только перейдя въ вооруженное возстаніе пролетарскихъ массъ. Онъ категорически констатировалъ, что совершающійся въ Россіи политическій переворотъ ни въ коемъ случаѣ не ведетъ къ возстановленію Польши, хотя и создастъ возможныя условія для реализаціи этого идеала. Въ будущемъ, идея національнаго возстанія—гласитъ резолюція съѣзда—утопична, такъ какъ польскіе господствующіе классы не ведутъ и не хотятъ вести революціонной борьбы; тенденціямъ же пролетарской борьбы она не отвѣчаетъ, такъ какъ польскій пролетаріатъ опирается на солидарныя выступленія пролетаріата всей Россіи. Въ цѣляхъ организаціи дальнѣйшей борьбы съѣздъ постановилъ: войти въ сношенія съ соціалистическими партіями остальной Россіи для подготовленія населенія...; принять рядъ мѣръ по боевой подготовкѣ населенія, и наконецъ организовать безпартійные профессіональные союзы. На партійномъ Совѣтѣ рѣшено принять мѣры къ демократизаціи партіи и съ этой цѣлью установлены постоянныя организаціонныя группы, какъ основныя ячейки партійныхъ организацій, между прочимъ избирающія мѣстные партійные комитеты. Естественнымъ слѣдствіемъ развитія въ массахъ самодѣятельности и проведенія въ партійной организаціи демократическаго принципа было совершившееся въ это время обособленіе организаціи п. п. с. въ Литвѣ въ соціалъ-демократическую партію Литвы, слившуюся впослѣдствіи съ Литовской соціалъ-демократіей. Такимъ образомъ, въ теченіе одного года подъ вліяніемъ россійскаго освободительнаго движенія, въ которомъ польскіе робочіе и съ ними п. п. с. приняли дѣятельное участіе, произошло сильное измѣненіе позиціи этой послѣдней и въ области программныхъ, и въ области организаціонныхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно увеличилось и количество ея членовъ, и количество издаваемой литературы. П. п. с. насчитывала тогда именно около 40.000 членовъ; что же касается литературы, то, на-ряду съ прежними органами появился рядъ новыхъ, какъ-то: 1) политическіе: „Robotnica“, „Pobudka“ (Люблинъ), Brzask“ (Плоцкъ), „Swit“ (Ченстоховъ), „Na barykady“, „die letzte Nachrichten“, „Солдатская доля“; 2) профессіональные „Ruch Zawodowy“, Metalowiec“, „Czerwony Sygnal“ (желѣзнодорожный органъ).

Дальнѣйшее развитіе п. п. с. нуждалось въ освобожденіи ея отъ націоналистическихъ элементовъ, которые сильно тормозили ея дѣятельность. Правда, во время выборовъ въ I Госуд. Думу партія дружно проводила тактику бойкота; оба теченія признавали необходимость его; при этомъ въ изданіяхъ п. п. с. въ качествѣ мотивовъ приводились не только характеръ

избирательной системы и невозможность вести избирательную компанію въ виду военнаго положенія, но и то обстоятельство, что Дума не польское учрежденіе (см. Robotnik № 73), а—общегосударственное. Въ день созыва Думы п. п. с. пыталась организовать всеобщую забастовку—протестъ, но успѣхъ ея въ этомъ былъ очень незначителенъ.

Послѣ роспуска I Думы совмѣстная дѣятельность сторонниковъ обоихъ теченій становилась съ каждымъ днемъ все болѣе невозможной. Соціалистическое большинство партіи склонялось къ тому, чтобы медленно постепенно подготовлять рабочія массы къ будущему революціонному подъему; націоналистическое меньшинство стало высказываться о Россіи, какъ о дикой странѣ, не способной къ обновленію, и выдвигать на очередь дня вопросъ о немедленной подготовкѣ національнаго возстанія. Такъ какъ націоналисты оказались во главѣ боевой организаціи п. п. с., то они усилили ея дѣятельность, видя въ ней лучшее средство къ реализиціи своей очередной задачи. Самымъ крупнымъ боевымъ актомъ было нападеніе боевой дружины 2 (15) августа на всѣ полицейскіе посты г. Варшавы. Выступленія этого рода боевой дружины п. п. с. въ другихъ городахъ были весьма незначительны и не произвели особеннаго эффекта. За „кровавой средой“ террористическія покушенія и экспропріаціи стали повторяться все чаще. Боевая организація становилась постепенно „партіей въ партіи“. Она расходилась съ ц. к. по цѣлому ряду вопросовъ. Прежде всего, она упрекала партійное большинство въ слишкомъ узкомъ толкованіи классовой борьбы пролетаріата. По мнѣнію ея идеологовъ п. п. с. должна была вернуться къ старому лозунгу возстановленія Польши и привлечь къ борьбѣ крестьянъ и мелкую буржуазію. Долженъ былъ быть составленъ подробный планъ національнаго возстанія. Боевую организацію слѣдуетъ поставить во главѣ партіи и преобразовать внутреннее устройство послѣдней по образцу арміи, которая въ назначенный срокъ начала возстаніе. Между центромъ боевой организаціи и ц. к. происходили постоянныя тренія. Когда ц. к. рѣшилъ казнить организаторовъ Сѣдлецкаго погрома, боевая организація не выполнила этого. Зато она организовала нападеніе на желѣзнодорожный поѣздъ около ст. Рогово, вопреки запрещенію ц. к. За это члены ея правленія были временно отрѣшены отъ своихъ обязанностей и преданы партійному суду. Въ это время собрался IX съѣздъ п. п. с. Очень интересенъ полный отчетъ о дѣятельности партіи, сообщенный на этомъ съѣздѣ; изъ него мы узнаемъ слѣдующее. П. п. с. въ моментъ съѣзда насчитывала 2.387 организаціонныхъ группъ и 636 кружковъ самообразованія, въ общемъ — 3.023 организаціи съ 50.000 слишкомъ членовъ. Изъ этого числа на Лодзь приходится 18.677, на Варшаву—8.000, Домброво—4.000 и т. д., сельскую организацію—4.750.

Количество экземпляровъ партійныхъ изданій за время съ апрѣля по

октябрь 1906 г.—1.225.000. Въ это время издавались органы: „Robotnik“, „Robotnica“, „Gazeta Ludowa“, „Robotnik wiejski“, „Trybuna“, „Na Barykadu“, „Arbeiter“, „Солдатская Доля“, „der deutscher Arbeiter in Polen“, Górnik“, „Lodzianin“, „Bialostoczanin“, „Kielczanin“, „Pobudka“ (Люблинъ), „Naprod“ (Сѣдлецъ), „Brzask“ (Плоцкъ), „Swit“ (Ченстохово), „Wici“ (Радомъ), „Kaliski Kurjerek Rabotniczy“ (Калишъ), „Ostrowiecki Kurjerek Robotniczy“ (Островецъ), „Kurjerek Rob. Zawiercia (Заверце), „Haslo“ (Украина) „Walka“ (Вильно); кромѣ того — профессіональные органы: „Ruch Zawodowy“, Metalowiec“, „Sygnal Czerwony“ (органъ желѣзнодорожниковъ) [1]).

Ежемѣсячно партія въ среднемъ созывала въ разныхъ городахъ и деревняхъ края — 620 митинговъ; особенно тщателенъ былъ отчетъ съѣзду о дѣятельности деревенской группы; въ деревнѣ въ теченіе $^1/_2$ года были распространены 600.000 экз. различныхъ изданій. Въ теченіе же всего времени съ 12 января 1905 г. по октябрь 1906 г. п. п. с. организовала забастовки въ 3.000 помѣстій. Въ результатѣ рабочій день былъ сокращенъ на 25%, заработная плата увеличена на 80% слишкомъ. Незадолго до съѣзда окончилась конференція боевой организаціи. Она выработала и предъявила съѣзду рядъ ультимативныхъ требованій; между прочимъ, она требовала обращенія ея въ милицію и передачи руководства таковой тому самому ея правленію, которое находилось подъ партійнымъ судомъ за дезорганизаторскую дѣятельность. Исполнить это требованіе значило санкціонировать существованіе въ партіи автономной группы, рѣзко расходящейся съ ней по основнымъ и программнымъ и тактическимъ вопросамъ и создать условія для полной дезорганизаціи партіи. II съѣздъ нашелъ, что дѣйствія боевой организаціи, а особенно ея ультимативныя требованія несовмѣстимы съ элементарными основами партійной дисциплины. 28 голосами противъ 11 при 2 воздержавшихся имъ была принята резолюція, гласящая, что правленія б. о. поставило себя внѣ партіи. Это дало толчекъ къ расколу. П. п. с. распалась на двѣ партіи: 1) Лѣвицу п. п. с. — соціалистическую и 2) революціонную фракцію п. п. с.—націоналистическую.

* * *

---

1) Трибуна, Рабочій, Нѣмецкій Рабочій въ Польшѣ, Горнорабочій, Лодзянинъ, Бѣлосточанинъ, Кольчанинъ, Призывъ, Впередъ, Свиданіе, Заря, Сигналы, Калишскій Рабочій Курьеръ, Островецкій Рабочій Курьеръ, Рабочій Курьеръ Заверця, «Лозунгъ», Борьба, Профессіональное Движеніе, Металистъ, Красный Сигналъ.

„Лѣвица“ юридически была единственной преемницей п. п. с., ибо послѣдняя путемъ постепенной внутренней эволюціи покидала прежнюю націоналистическую программу и преобразовывалась въ соціалистическую партію; но фактически она идейно представляла совершенно другую партію. На сторонѣ Лѣвицы оказалось громадное большинство организованныхъ рабочихъ. Общее число ея членовъ равнялось приблизительно 31.000; изъ этого числа на Лодзь пришлось—9.000; на Варшаву—около 7.000.

Она издавала тѣ же органы, которые издавала п. п. с. до раскола, прибавивъ къ нимъ научный органъ „Mysl Socialistyczna“ (Соціалистическая Мысль), призванный сыграть видную роль, такъ какъ, освободившись отъ націоналистическихъ элементовъ, п. п. с. усердно занялась обоснованіемъ своей идеологіи. Извѣщеніе о расколѣ содержало въ себѣ требованіе для Польши автономіи федеративнаго типа. Но для того, чтобы партія могла начать вполнѣ опредѣленную политическую дѣятельность, она должна была выяснить свое отношеніе къ постуляту возстановленія Польши, находившемуся на знамени п. п. с. съ момента ея выступленія на политическую арену. По этому вопросу была открыта дискуссія на страницахъ „Mysl Socialistyczna“. Въ ней приняли участіе и литераторы, и практики. Нѣкоторые высказались за удержаніе этого постулята, какъ политическаго идеала болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Но въ наиболѣе всесторонней большой статьѣ, подписанной А. В. и М. К. и вѣрнѣе другихъ отражавшей взгляды громаднаго большинства партіи, вопросъ былъ поставленъ иначе, чѣмъ онъ ставился до тѣхъ поръ.

Авторы прежде всего отмѣтили, что послѣ того, какъ партія категорически высказалась на своихъ съѣздахъ и совѣтахъ противъ національнаго возстанія, постулятъ возстановленія Польши, формально оставленный въ программѣ, сталъ не болѣе какъ платоническимъ пожеланіемъ. Въ программѣ minimum для него нѣтъ мѣста. Въ программѣ maximum — тѣмъ болѣе. Независимость на почвѣ реализованнаго уже соціализма была бы простой фразой, не логичной, не нужной, вредной, ибо выставленіе того или иного политическаго постулята сказывается на практической дѣятельности партіи. Оставлять независимость Польши на случай перемѣны соотношенія общественныхъ силъ,— нѣтъ смысла, ибо, если бы таковое наступило, партія не замедлила бы возстановить этотъ постулятъ.

Въ началѣ лѣта 1907 г. п. п. с. уже энергично готовилась къ своему X съѣзду.

Съ этой цѣлью, между прочимъ, были составлены три проекта политической ея программы и переданы на обсужденіе мѣстнымъ организаціямъ. Одинъ изъ нихъ, составленный А. и Z., содержалъ требованіе автономіи Польши на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи; другой —

проектъ В. имѣлъ федералистическій характеръ; третій содержалъ требованіе возстановленія Польши. Громадное большинство организацій высказалось за первый—автономистскій проектъ; двѣ организаціи—за второй; что же касается третьяго, то во многихъ мѣстахъ рабочіе высказали неудовольствіе по поводу постановки его на обсужденіе, какъ проекта, совершенно несогласнаго съ тенденціями политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Освободившись отъ пережитковъ націонализма, п. п. с. стала освобождаться и отъ присущихъ ей раньше заговорщическихъ тенденцій. Она усердно принялась за дѣятельность, направленную на использованіе легальныхъ возможностей. Стали издаваться легально популярный политическій органъ и профессіональный. Начали легализироваться безпартійные классовые профессіональные союзы. Это очень благопріятно отразилось и на интересахъ партіи, и на интересахъ профессіональныхъ союзовъ. Число членовъ послѣднихъ возросло до 50.000, т. е. почти вдвое въ теченіе $^1/_2$ года. У партіи же упрочилась связь съ широкими массами, съ источникомъ, изъ котораго она съ тѣхъ поръ постоянно черпаетъ свои силы, непрерывно ихъ обновляя. Все же въ дѣятельности п. п. с. иногда проявлялся тотъ метафизическій элементъ, который былъ присущъ ея идеологіи въ моментъ выступленія ея на арену политической борьбы.

Она, напримѣръ, долго не могла понять важной роли избирательной кампаніи въ дѣлѣ развитія классоваго сознанія рабочихъ. Она и до сихъ поръ не понимаетъ того, что отсутствіе въ Польшѣ буржуазной демократіи является плодомъ недоразвитія политическаго сознанія польской буржуазіи, а отнюдь не вытекаетъ изъ интересовъ этого класса.

Выборы во II Думу Лѣвица п. п. с. бойкотировала заодно съ револ. фракціей п. п. с. Въ мотивировкѣ же ею бойкота сказались и заговорщическія и, въ то же время, оппозиціонистскія тенденціи. Въ № 203 „Robotnika“, въ статьѣ, посвященной этому вопросу, говорится, что „пусть лучше въ Думу пройдетъ н.-д., чѣмъ с.-д. — пусть ѣдутъ туда нахудшіе: „это поможетъ намъ отвлечь массу изъ-подъ контрреволюціонныхъ знаменъ“; въ статьѣ же, помѣщенной въ № 204, въ качествѣ одного изъ мотивовъ бойкота выставляется то обстоятельство, что во время выборовъ побѣда невозможна.

Попутно осуждается выставленіе р. с.-д. р. п. спеціальной аграрной программы и особенно ея соглашенія съ либералами. Однако въ теченіе 1907 г. отношеніе п. п. с. къ Думѣ измѣняется. Она сознаетъ революціонное значеніе избирательной кампаніи и во время выборовъ въ III Думу принимаетъ въ таковой дѣятельное участіе. Результаты выборовъ въ рабочей куріи обнаруживаютъ сильное вліяніе п. п. с. въ рабочей средѣ. Въ уполномоченные проходятъ — 164 приверженца п. п. с., 169 — н.-д., 134—с.-д., въ выборщики: 11—п. п. с., 11—с.-д., 7—н.-д. Изъ 164 уполномоченныхъ

п. п. с. приходится: 39 человѣкъ на Варшаву, 25—на Лодзь, остальные—на провинціальные города.

При такихъ условіяхъ въ концѣ 1907 г. собрался X съѣздъ п. п. с. Это былъ въ развитіи партіи моментъ „перехода количества въ качество“: X съѣздъ формулировалъ основы новой, назрѣвшей въ теченіе ряда лѣтъ идеологіи п. п. с., прямо противоположной ея прежней идеологіи. Въ новой программѣ, выработанной на этомъ съѣздѣ, мы находимъ въ качествѣ ближайшей задачи польскаго пролетаріата его борьбу въ рядахъ пролетаріата всей Россіи за демократизацію государственнаго строя послѣдней и широкую автономію Польши на почвѣ этой демократизаціи съ сеймомъ въ Варшавѣ, обладающимъ компетенціей въ области законодательной, культурной и административной. Устраненіе же прежняго постулята возстановленія Польши мотивируется тѣмъ, что „капиталистическое развитіе сковало каждую изъ трехъ частей б. Польши съ тѣми странами и народами, съ которыми онѣ вмѣстѣ преобразовывались въ современное капиталистическое общество“,—тѣмъ, что (какъ говорится въ статьѣ въ „Robotnik'ѣ“, комментирующей резолюціи X съѣзда) этотъ постулятъ не лежитъ на линіи историческаго развитія Польши. Исходя изъ того положенія, что политическое освобожденіе Польши, равно какъ и Россіи, можетъ-быть лишь слѣдствіемъ борьбы широкихъ рабочихъ массъ, съѣздъ принимаетъ рядъ рѣшеній, преслѣдующихъ задачу организаціи этихъ массъ. Въ основу партійной организаціи кладется демократическій принципъ.

Признается необходимымъ созданіе легальныхъ классовыхъ безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ, образовательныхъ обществъ, кооперативовъ. Съѣздъ считаетъ необходимымъ дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи въ Госуд. Думу и установленіе тѣсной связи съ думской с.-д. фракціей, въ которой видитъ единственное представительство въ Думѣ интересовъ польскаго пролетаріата. Наконецъ, въ интересахъ дальнѣйшаго развитія польскаго соціалистическаго движенія, поручается ц.-к. принять мѣры къ объединенію съ с.-д. Ц. П. и Л.

Наоборотъ рев. фракціи п. п. с. съѣздъ не придаетъ серьезнаго значенія, считая ее лишь продуктомъ пореволюціоннаго распада.

Послѣ X съѣзда п. п. с. въ своей дѣятельности строго держалась с.-д. линіи, поскольку на это ей позволяли условія, въ которыхъ ей приходилось работать. Это обнаружилось въ ея идейной борьбѣ съ польскимъ національнымъ—въ частности съ револ. фракціей п. п. с., и въ организаціи политическихъ и экономическихъ выступленій рабочихъ, и въ области ея организаціоннаго строительства, и въ ея отношеніи къ думской с.-д. фракціи.

Въ организаціонномъ вопросѣ, подъ ударами контръ-революціи замѣчается нѣкоторое колебаніе; такъ, напр., на конференціи п. п. с. въ февралѣ 1909 г.

во главу дѣятельности было поставлено отстаиваніе открытыхъ профессіональныхъ и другихъ организацій. На конференціи же, состоявшейся осенью 1909 г. принимается резолюція о необходимости организаціи тайныхъ профессіональныхъ группъ и союзовъ. Все же при каждомъ удобномъ случаѣ п. п. с. старается прорваться наружу и отстоять легальное существованіе той или иной организаціи. Поддерживая постоянную тѣсную связь съ думской с.-д. фракціей, а въ послѣднее время энергично занявшись организаціей въ Польшѣ петиціонной кампаніи на пользу свободы коалицій, п. п. с. фактически стала въ ряды р. с.-д. р. п.

* * *

Совершенно иная судьба постигла революц. фракцію п. п. с. Она послѣ раскола послѣдовательно подвигалась по пути революціонной романтики до тѣхъ поръ, пока отъ ея соціализма осталась одна лишь терминологія.

Судя по отчету ц.-к. рев. фракціи п. п. с. къ ея X съѣзду число членовъ этой группы равнялось — 19.000, изъ каковаго числа на Лодзь съ окрестностями приходилось — 11.000. Она издавала органы того же названія, что и Лѣвица п. п. с., да еще возобновила старый теоретическій органъ, — „Przedswit“.

Революціонная фракція п. п. с. это — идейная наслѣдница прежней п. п. с. Она переняла у нея ея программу и вполнѣ послѣдовательно сдѣлала изъ нея выводы въ области животрепещущихъ нынѣ политическихъ вопросовъ. Однако разница между ними громадна. Дореволюціонная п. п. с. отвѣчала тогдашнему уровню политическаго сознанія широкихъ круговъ польской профессіональной интеллигенціи.

Этого нельзя сказать о революц. фракціи п. п. с.

Съ одной стороны программа возстановленія Польши въ теченіе времени, прошедшаго съ ея возрожденія въ 80 г. г., обнаружила свою несостоятельность; съ другой — уровень политическаго сознанія профессіональной интеллигенціи съ тѣхъ поръ повысился. Теперь рев. фракція п. п. с. пользуется нѣкоторой популярностью въ этой средѣ какъ вслѣдствіе того тяжелаго пореволюціоннаго періода, который переживаетъ Польша, такъ и въ частности вслѣдствіе того, что профессіональной интеллигенціи не отвѣчаетъ пролетарская соціалистическая идеологія, польская же буржуазная демократія не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ политической жизни. Револ. фракція п. п. с. игнорируетъ всю совокупность національной жизни, сводя всѣ задачи этой жизни къ одной задачѣ — организаціи національнаго возстанія; она неоднократно высказывается, какъ объ измѣнѣ народному дѣлу, о всякомъ проявленіи легальной общественной дѣятельности, несмотря на то, что громадное большинство культурной работы ведется легально. Рев. фракція п. п. с. это —

призракъ отжившей политической группы, плодъ болѣзненной пореволюціонной атмосферы, безъ всякихъ данныхъ на будущее. Какъ группа націоналистическая она и по своимъ лозунгамъ и по всей своей дѣятельности—содѣйствуетъ изоляціи польскихъ народныхъ массъ отъ политической жизни Россіи, неразрывную часть которой Польша составляетъ, и, такимъ образомъ, вопреки собственной волѣ дѣйствуетъ на пользу всероссійской и въ частности польской реакціи.

Долголѣтняя пропаганда націоналистическихъ требованій, которую вела п. п. с., и разжиганіе въ массахъ націонализма рев. фракціей п. п. с. въ значительной мѣрѣ подготовили почву гегемоніи н.-д. и питали ту „братоубійственную“ войну, которую во имя націонализма вела н.-д. съ польскимъ рабочимъ движеніемъ въ 1906—1907 г. г. Такова роль всѣхъ политическихъ группъ, выступающихъ съ программой возстановленія Польши.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій націонализма рев. фракціи п. п. с. являются ея выступленія въ области еврейскаго вопроса. На столбцахъ ея теоретическаго органа „Przedswit'a“ былъ выставленъ лозунгъ: „долой евреевъ изъ среды польскихъ соціалистовъ“. Критикуя с.-д. Ц. П. и Л., какъ организацію, по ихъ мнѣнію еврейско-литвацкую, литераторы этого органа фактически этой критикой разжигали въ обществѣ ненависть къ евреямъ. Въ циклѣ статей „Соціалъ-литвачество“ бросались обвиненія еврейской соціалистической интеллигенціи въ томъ, что будто она подготовляла погромы польскихъ рабочихъ евреями.

Какъ группа націоналистическая, рев. фракція п. п. с. бойкотировала и II и III Думу. Мало того, она въ своихъ изданіяхъ старалась представить въ самыхъ темныхъ краскахъ дѣятельность думской с.-д. фракціи. Извѣстно, напр., ея выступленіе противъ с.-д. фракціи и въ частности ея представителя Гогечкори за позицію послѣдней въ вопросѣ о допущеніи поляковъ къ судебнымъ должностямъ и голосованіе противъ бюджета, выступленіе, получившее рѣшительный отпоръ со стороны с.-д. Ц. П. и Л. и лѣвицы п. п. с. и заклеймленное передъ лицомъ всей Европы.

Револ. фракція п. п. с. сосредоточила все свое вниманіе на подготовкѣ національнаго возстанія. Желая привлечь на свою сторону крестьянъ, она выработала на своемъ X съѣздѣ аграрную программу, согласно которой всѣ земельные участки свыше 120 морговъ должны перейти въ руки польскаго правительства для передачи ихъ во владѣніе малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ за вознагражденіе собственниковъ въ размѣрѣ, отвѣчающемъ ихъ жизненнымъ потребностямъ.

Лучшимъ средствомъ подготовки національнаго возстанія рев. фракція п. п. с. считаетъ партизанскую борьбу и на ней сосредоточила всѣ свои силы. Какъ энергично эта борьба велась, указываетъ фактъ, что въ теченіе

трехъ мѣсяцевъ послѣ раскола были организованы 33 выступленія. Но борьба эта, между прочимъ, благодаря тому, что она происходила въ періодъ съ каждымъ днемъ усиливающейся реакціи, привела боевыя дружины фракціи къ полному нравственному вырожденію.

Годъ спустя послѣ раскола ц.-к. рев. фракція п. п. с., въ своемъ циркулярѣ къ партійнымъ организаціямъ, заявляетъ, что онъ вынужденъ распустить самую сильную свою организацію—въ Лодзи, насчитывавшую 11.000 членовъ и дававшую 5.000 руб. годового дохода, такъ какъ въ ея рядахъ деморализація настолько сильна, что даже въ такомъ партійномъ учрежденіи, какъ окружной партійный комитетъ, „трудно было отличить товарища отъ обыкновеннаго мошенника, грабителя“. Но этотъ урокъ не заставилъ рев. фракцію п. п. с. опомниться. Она продолжаетъ партизанскую дѣятельность. Имѣя постоянно въ виду организацію національнаго возстанія, она создаетъ богатую литературу для ознакомленія народныхъ массъ съ военнымъ дѣломъ.

Вотъ, напр., названія ея изданій этой категоріи: „Команда и маневры“, „Браунингъ“, „Маузеръ“, „Уроки стрѣльбы“, „Ружья, употребляемыя въ русскомъ войскѣ“, „Способъ уничтоженія орудій русскаго войска“, „Внутренняя организація русской арміи“, „Русскія крѣпости“, „Развѣдочная служба“, „Взрывчатыя вещества“, „Расположеніе русскихъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ“, „Милитарная географія Царства Польскаго“. Австрійскія военныя сферы внимательно слѣдятъ за этими изданіями и въ австрійскихъ военныхъ органахъ нерѣдко появляются лестные отзывы о многихъ изъ нихъ.

Революціонная фракція п. п. с. почти совершенно отказалась отъ веденія экономической борьбы рабочихъ *массъ*.

Это было слѣдствіемъ двухъ обстоятельствъ; съ одной стороны вытекало непосредственно изъ идеи національнаго возстанія: *группа* не желала обострять отношеній между различными классами польскаго общества; съ другой стороны, увлеченіе партизанской борьбой не дало ей возможности взять на себя защиту экономическихъ интересовъ рабочихъ. Но жизнь сыграла съ ней злую шутку: отказавшись отъ организаціи забастовочной борьбы, но не желая потерять вліянія на рабочихъ, она пришла къ идеѣ экономическаго террора, чѣмъ запугала буржуазію и возстановила противъ себя значительные ея слои.

Въ поискахъ союзниковъ въ борьбѣ за возстановленіе Польши револ. фракція п. п. с. останавливаетъ свои взоры на австрійскомъ правительствѣ, строя свои расчеты въ этомъ отношеніи на противорѣчіи интересовъ Россіи и Австріи.

Это ведетъ къ модификаціи самой программы рев. фракціи п. п. с.; ея XI съѣздъ выдвигаетъ въ качествѣ ближайшей очередной задачи борьбу

за возстановленіе Польши въ предѣлахъ лишь русскаго захвата, разсматривая объединеніе всѣхъ трехъ ея частей какъ идеалъ болѣе отдаленнаго будущаго. Одинъ же изъ видныхъ литераторовъ этой группы—Viator Polonus въ своей брошюрѣ, посвященной этому вопросу, пытается доказать польскимъ революціонерамъ необходимость использованія австро-русскаго конфликта и координированія своихъ силъ со всѣми общественными элементами, враждебными Россіи.

Послѣднимъ словомъ идеологіи рев. фракціи п. п. с. является идея „польской арміи“, выдвинутая М—имъ въ книгѣ „Armja polska“. По мнѣнію автора, главной задачей момента является организація повсюду, гдѣ живутъ поляки, отрядовъ польской арміи; въ эти отряды должны поступать всѣ поляки, способные носить оружіе, независимо отъ ихъ партійныхъ убѣжденій, и обучаться военному искусству съ тѣмъ, чтобы, когда наступитъ моментъ выступленія, явиться на мѣсто, назначенное главнымъ революціоннымъ комитетомъ.

Проведеніе въ жизнь этого плана вызвало въ послѣднее время расколъ въ средѣ рев. фракціи п. п. с. Когда ц. к. приступилъ къ этому дѣлу, то противъ него выступила партійная боевая дружина, не пожелавшая объединяться съ „буржуазными“ элементами. Вокругъ нея сгруппировалось нѣсколько литераторовъ, образовавъ особую фракцію, органомъ которой является выходящій во Львовѣ журналъ „Placówka“ (арена) и которая по своей политической платформѣ родственна революціонной фракціи п. п. с., расходясь съ послѣдней лишь въ частностяхъ.

Расколъ этотъ убійственно отразился на положеніи револ. фракціи п. п. с., и безъ того влачившей въ послѣднее время жалкое существованіе. Такова судьба п. п. с.

Все же п. п. с. въ теченіе долголѣтней своей дѣятельности и въ особенности въ періодъ 1905—1907 г. оказала сильное содѣйствіе освободительной борьбѣ. До раскола она фактически играла роль буржуазной демократіи, лишь дезорганизуя своими выступленіями старый режимъ. Роль пролетарской демократіи она стала играть только послѣ раскола въ лицѣ Лѣвицы п. п. с., ставшей на точку зрѣнія международной с.-д.

Революціонная же фракція п. п. с. содѣйствовала лишь въ незначительной мѣрѣ дезорганизаціи административно-бюрократическаго аппарата. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она дезорганизовала самое себя, внося разладъ въ ряды всего освободительнаго движенія. И объективный ходъ событій, вызвавъ расколъ въ ея средѣ, постепенно устраняетъ изъ арены политической борьбы эту группу, какъ выразительницу соціалнаціонализма, не отвѣчающаго тенденціямъ экономическаго и общественнаго развитія Польши и опредѣляющимся въ процессѣ этого развитія интересамъ польскаго пролетаріата.

III.

Партія реальной политики, прогрессивно-демократическая, польская прогрессивная партія (п. п. п.), польская соціалистическая партія „Пролетаріатъ“ и крестьянскій (народный) союзъ съиграли въ 1905—1907 гг. гораздо меньшую роль, чѣмъ н.-д. и п. п. с.

Партія реальной политики—это организація землевладѣльческой и торгово-промышленной плутократіи. Она образовалась изъ т. н. „угодовцевъ“ (примирителей), составлявшихъ правое крыло эпигоновъ „варшавскаго позитивизма“. Склонность къ союзу съ русскимъ правительствомъ замѣчалась въ Польшѣ среди магнатовъ еще въ XVIII ст. Ея причины коренились, съ одной стороны, въ общности интересовъ феодальныхъ элементовъ Польши и Россіи въ виду зарожденія новаго буржуазнаго строя и пробужденія самодѣятельности въ средѣ городского населенія, съ другой стороны—въ потребностяхъ этого новаго строя, еще слабаго и нуждавшагося въ опекѣ сильной государственной власти, отсутствовавшей въ Польшѣ. Развитіе капитализма въ Россіи въ Царствѣ Польскомъ, начиная съ половины XIX в., создало благопріятныя условія для распространенія идей „угоды“ среди крупнаго дворянства и буржуазіи. Въ началѣ 80-хъ гг. въ Варшавѣ сталъ выходить журналъ „Chwila“ (моментъ), а нѣсколько лѣтъ спустя въ Петербургѣ „Kraj“ (Край). Въ нихъ была намѣчена программа „угодовцевъ“. Согласно этой программѣ, поляки должны отказаться отъ стремленія къ возстановленію Польши и отъ политики вообще, чтобы такимъ путемъ снискать довѣріе русскаго правительства и получить отъ него гарантію свободы культурнаго развитія своего народа. Во главѣ этого теченія стояли: В. Спасовичъ и Э. Пильцъ.

Чѣмъ больше торгово-промышленныя сношенія связывали Польшу съ Россіей, чѣмъ больше развивалась польская промышленность подъ вліяніемъ благопріятной для ея развитія таможенной политики русскаго правительства и сбыта польскихъ товаровъ на восточныхъ рынкахъ, чѣмъ болѣе распространялись въ низахъ общества идеи соціализма, тѣмъ болѣе вліянія получали „угодовцы“ среди польской буржуазіи.

Угодовцы—это убѣжденные консерваторы. Будучи непримиримыми противниками соціализма и даже демократіи, они, какъ большинство идеологовъ землевладѣльческой и торгово-промышленной аристократіи, чужды того узкаго національнаго и боевого антисемитизма, который присущъ напр. н.-д. Но зато у „угодовцевъ“ слабѣе пониманіе новыхъ запросовъ жизни. Надежды на мирное разрѣшеніе польскаго вопроса, охватившія польскіе зажиточные

классы со вступленіемъ на престолъ Николая II, дали толчекъ къ сплоченію „угодовцевъ“ въ партію (конечно нелегальную). Въ 1897 г., во время посѣщенія Государемъ Варшавы, они подали ему адресъ отъ имени всего населенія города; въ адресѣ же этомъ заявляли, что польскій народъ, видя залогъ процвѣтанія страны въ самодержавной власти, проситъ объ облегченіи его участи. Но надежды не сбылись, и вліяніе „угодовцевъ“ на буржуазію ослабло; они уступили мѣсто н.-д., пріобрѣвшей репутацію радикальной патріотической партіи. Когда началась русско-японская война, органы „угодовцевъ“ провозгласили общность интересовъ правительства и польскаго общества на Дальнемъ Востокѣ и усердно собирали средства въ пользу русской арміи. Исходя изъ основныхъ положеній своей программы, „угодовцы“ во время „весны“ 1904 г. первые попытались использовать моментъ въ интересахъ польскаго народа. По ихъ иниціативѣ была подана правительству, т. н., докладная записка 23. Ея авторы заявляли въ ней, что, оставаясь вѣрными тропу и Монарху и исходя изъ интересовъ государства и страны, они, въ тяжелый моментъ внѣшней борьбы, считаютъ необходимыми: 1) гарантію правительствомъ равноправія польскаго народа, 2) введеніе въ Польшѣ городского и земскаго самоуправленія, суда присяжныхъ; и 3) прекращеніе преслѣдованія польскаго языка и католической религіи. Эти мѣры, по мнѣнію авторовъ записки, обезпечивъ страну отъ административнаго произвола, упрочатъ вѣрноподданническія чувства населенія и будутъ лучшимъ средствомъ противъ разрушительной дѣятельности крайнихъ его элементовъ. Когда вспыхнуло революціонное движеніе, н.-д., благодаря своей демагогіи, опять получила преобладаніе въ средѣ богатыхъ классовъ. Между тѣмъ, печать „угодовцевъ“ отнеслась къ этому движенію сначала съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ н.-д.

Въ январѣ 1905 г. „угодовцы“ образовали партію реальной политики. Въ ея учредительномъ съѣздѣ громадное большинство составляло крупное дворянство. Въ своей программѣ партія требуетъ: 1) всероссійскаго народнаго представительства, избраннаго на основѣ имущественнаго ценза, но обладающаго компетенціей западно-европейскихъ парламентовъ и 2) широкаго мѣстнаго и областного самоуправленія съ областнымъ сеймомъ для Польши, какъ высшей административной единицы, а также 3) равноправія національностей и вѣроисповѣданій и введенія польскаго языка въ школахъ и дѣлопроизводствѣ края. Отношеніе партіи реальной политики къ вопросу о самоуправленіи нашло свое выраженіе въ проектѣ городского самоуправленія въ Польшѣ, составленномъ подъ ея вліяніемъ особой, созданной для этой цѣли въ октябрѣ 1905 г. при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ комиссіей; согласно этому проекту должны быть учреждены два главныхъ органа самоуправленія: 1) Совѣтъ, какъ руководящій органъ и 2) Управленіе, какъ исполнительный; членовъ Совѣта должно быть: въ Варшавѣ—144, въ Лодзи—96; избирательными пра-

вами пользуются: a) жители города, снимающіе собственную квартиру; b) умѣющіе читать и писать по-польски. Источники дохода органовъ самоуправленія: a) налоги на привозимые въ городъ товары; b) налогъ на недвижимое имущество. Въ области аграрныхъ отношеній партія выдвинула: 1) парцелляцію крупныхъ помѣстій при помощи операцій крестьянскаго банка и 2) поднятіе культуры земли, что объясняется нуждами польскихъ помѣщиковъ, имѣнія которыхъ мѣстами такъ задолжены, что не приносятъ собственникамъ ничего кромѣ убытка [1]).

Органами партіи реальной политики были: „Słowo“ (Слово) и „Kraj“. Не признавая революціонныхъ методовъ борьбы, партія однако сначала смотрѣла на январьское забастовочное движеніе, какъ на выраженіе недовольства народныхъ массъ существующимъ политическимъ строемъ и видѣла въ нихъ подтвержденіе настоятельности требуемыхъ ею реформъ. Но по мѣрѣ развитія аграрныхъ волненій она стала настолько враждебно относиться ко всѣмъ проявленіямъ революціонной борьбы, что ея органъ „Słowo“ повторялъ созданную н.-д. легенду о томъ, что эта борьба—плодъ германской интриги. Лѣтомъ же 1906 г. партія въ Słowo“ подняла вопросъ о необходимости содѣйствія всѣми силами правительству въ его борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ. Но въ то время какъ реалисты создавали проекты и печатали призывы къ борьбѣ съ революціей, н.-д. вела энергично таковую еще съ декабря 1905 г. И поэтому буржуазія и даже значительная часть землевладѣльцевъ дворянъ перешли подъ знамя послѣдней. Партія реальной политики признала необходимымъ участіе не только въ I и II Думѣ, но и въ булыгинской. Но ко времени I избирательной кампаніи ея вліяніе въ Польшѣ настолько ослабло, что ей удалось провести въ I и во II Думу лишь по 2 своихъ кандидата.

Въ Думѣ реалисты вошли въ Польское Коло и, подчинившись его дисциплинѣ, совершенно утратили свою партійную индивидуальность, что еще больше подорвало авторитетъ партіи въ обществѣ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ ихъ политическая линія сблизила ихъ съ октябристами. Несмотря на союзъ реалистовъ съ н.-д. въ Думѣ, ихъ печать занимала совершенно самостоятельную позицію. „Słowo“ клеймило н.-д. и за ея уступчивость „лѣвымъ“ въ области аграрнаго вопроса, и за ея безпринципность, и за незаконное поведеніе во время выборовъ. Оно критиковало и правительство, когда послѣднее уклонялось съ законнаго пути. Вотъ, что пишетъ „Słowo“ по поводу Сѣдлецкаго погрома: „Мы должны громко протестовать противъ ничѣмъ не оправдываемыхъ организованныхъ погромовъ. Протестовать должны именно мы—непримиримые про-

[1]) См. «Обществ. Движеніе», т. IV, ч. II и Приложеніе къ «Аграрному вопросу» П. Масловъ, т. II.

тивники насильственныхъ дѣйствій и всѣхъ проявленій анархіи, какъ источника золъ и несчастій. Крикъ протеста долженъ раздаваться настолько громко, чтобы насъ услышалъ весь цивилизованный міръ".

Въ періодъ всевластно господствующей реакціи—въ 1909 г. одинъ изъ вождей партіи реальной политики Э. Пильцъ, дѣйствуя несомнѣнно согласно съ партіей или, по крайней мѣрѣ, съ ея большинствомъ, обратился къ правительству съ открытымъ письмомъ, изданнымъ въ видѣ объемистой брошюры подъ заглавіемъ „Русская политика въ Польшѣ". Онъ подвергъ обстоятельной критикѣ эту политику, доказывая, что она нецѣлесообразна и вредна не только для поляковъ, но и для самаго правительства, ибо: 1) преслѣдуемая правительствомъ польская культура успѣшно развивается; 2) своими преслѣдованіями правительство лишь усиливаетъ умирающее въ Польшѣ естественной смертью безпочвенное тамъ революціонное движеніе. Въ концѣ авторъ указываетъ на необходимость полнаго равноправія поляковъ и введенія мѣстнаго самоуправленія. „Россія", давая отчетъ о брошюрѣ Пильца, замѣтила, что о требуемыхъ имъ реформахъ можетъ-быть рѣчь лишь тогда, когда не въ воображеніи автора, а на самомъ дѣлѣ революціонное движеніе въ Польшѣ будетъ окончательно подавлено. Во время разгула антисемитизма реалисты высказались за энергичную культурную борьбу съ евреями, но противъ ограниченія ихъ правъ законодательнымъ путемъ.

По мѣрѣ ослабленія н.-д., партія реальной политики начинаетъ нѣсколько усиливаться. Но несоотвѣтствіе ея позиціи интересамъ буржуазіи въ ихъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока въ Россіи существуетъ диктатура феодальныхъ элементовъ, даетъ возможность предположить, что она будетъ имѣть успѣхъ лишь среди крупнаго дворянства.

Въ то время какъ партія реальной политики сыграла сравнительно незначительную роль въ виду того, что, будучи продуктомъ минувшей эпохи, не была въ состояніи учесть всѣхъ запросовъ новой общественной обстановки, роль прогрессивно-демократической партіи была ограничена, въ значительной мѣрѣ, вслѣдствіе того, что, выступивъ на арену политической борьбы въ моментъ высшаго революціоннаго подъема, она выставила программу, выражающую интересы польской буржуазіи въ ихъ цѣломъ, до пониманія которыхъ послѣдняя не доросла, программу, слѣдовать которой у нея самой не хватило ни силъ, ни умѣнія. Партія эта охватывала буржуазную интеллигенцію и часть финансовой буржуазіи. Она была зародышемъ польской буржуазной демократіи. Несмотря на участіе въ ея учредительномъ собраніи представителей утопической тогда, но уже сильной п. п. с., ея идеологія получила въ ея программѣ выраженіе, въ формѣ, согласной съ тенденціями общественнаго развитія Польши.

Прогрессивно-демократическая партія, извѣстная въ началѣ подъ названіемъ прогр.-демокр. союза, а обыкновенно называемая п.-д., издавала еженедѣльный органъ „Prawda“ и ежедневную газету—„Nowa Gazeta“ (Новая газета). Наиболѣе видные ея представители: А. Свентоховскій, И. Лыпацевичъ и Г. Коницъ.

Партія эта, объединивъ элементы, составлявшіе лѣвое крыло эпигоновъ „позитивизма“, вмѣстѣ съ тѣмъ хранитъ наслѣдіе демократическаго общества 30 г.г. XIX ст., учитывая запросы и тенденціи современной жизни. Центральнымъ пунктомъ ея политической программы является требованіе демократической конституціи для Россіи съ широкой автономіей Польши. 1) Царству Польскому—гласитъ эта программа—долженъ быть возвращенъ тотъ политическій характеръ, которымъ отличалось его устройство до окончательнаго его присоединенія къ Россіи; 2) оно должно обладать собственными основными законами, установленными избраннымъ на демократическихъ началахъ автономнымъ сеймомъ; 3) въ остальной части государства полякамъ должно быть гарантировано полное гражданское и національное равноправіе; 4) впредь до реализаціи этихъ требованій, п.-д. считаетъ необходимымъ: a) введеніе польскаго языка въ школахъ и дѣлопроизводствѣ; b) упраздненіе всѣхъ ограниченій и привилегій, связанныхъ съ происхожденіемъ и религіей; c) гарантіи свободы слова, печати, собраній и т. д., неприкосновенности личности и жилища, d) объявленіе полной амнистіи по дѣламъ политическимъ и вѣроисповѣднымъ; e) введеніе земскаго и городского самоуправленія на основѣ всеобщаго избирательнаго права; f) всеобщее обязательное безплатное обученіе. Въ области аграрныхъ отношеній—п.-д. стоитъ за принудительный выкупъ частно-владѣльческихъ задолженныхъ земель и передачу ихъ въ долгосрочную аренду малоземельнымъ и безземельнымъ участками въ 10 морг. каждый. Въ теченіе 1905 г. п.-д. поддерживала революціонное рабочее движеніе, борьбу за право и школу, организовала собранія, союзы, петиціи интеллигентныхъ тружениковъ, пропагандировала требованіе автономіи Польши и въ самой Польшѣ и среди русскихъ общественныхъ дѣятелей. По иниціативѣ представителей этой партіи русско-польскій съѣздъ въ Москвѣ принялъ резолюцію, заключающую требованіе автономіи Польши при сохраненіи государственнаго единства Россіи, а равно уничтоженія всѣхъ ограниченій національностей, населяющихъ Россію. Конференція же русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей высказала пожеланіе созыва польскаго автономнаго сейма съ учредительными функціями въ области школьнаго дѣла, судопроизводства, администраціи.

Когда былъ объявленъ манифестъ о созывѣ булыгинской думы, п.-д. рѣшила принять въ ней участіе, считая долгомъ политической партіи использованіе каждаго завоеванія, сдѣланнаго въ борьбѣ общественныхъ элемен-

товъ. По выборы въ I Думу она рѣшила бойкотировать, не находя возможнымъ участіе въ избирательной кампаніи, происходящей подъ охраной военнаго положенія.

Замѣтивъ, однако, что шансы бойкота слабы и что Польша можетъ быть представлена въ Думѣ однимп п.-д., она съ цѣлью противодѣйствовать этому, входитъ въ блокъ съ еврейскимъ избирательнымъ комитетомъ и принимаетъ участіе въ выборахъ; но было уже поздно, и п.-д. не удалось провести ни одного кандидата. Ея уже непримиримая демократическая позиція и сближеніе съ евреями вызвали расколъ въ ея средѣ. Изъ п.-д. выдѣляется т. н. польская прогрессивная партія съ Г. Конпцемъ во главѣ, которая выставила платформу, компромиссную съ п.-д.

Во время обѣихъ избирательныхъ кампаній п.-д. придерживалась принципа, согласно которому, въ виду того, что Дума не является настоящимъ народнымъ представительствомъ, польскіе депутаты въ ней обязаны лишь: 1) выразить тамъ протестъ противъ компетенціи Думы, избранной на основѣ ограничительнаго ценза; 2) поддерживать всѣ выступленія оппозиціи, преслѣдующія задачу демократизаціи Россіи; 3) бороться за автономію Царства Польскаго въ предѣлахъ программы партіи; 4) во время же обсужденія остальныхъ вопросовъ оставить Думу. Во вторую избирательную кампанію п.-д. пытается создать т. н. лѣвый блокъ, въ составъ котораго входятъ кромѣ нея также еврейскій избирательный комитетъ, п. с. п., „пролетаріатъ“ и безпартійные соціалисты. Но на пути къ полному осуществленію этой задачи стала тогдашняя тактика самой п.-д.

Въ борьбѣ съ п.-д. за вліяніе на буржуазные элементы она начала конкуррировать съ ней въ травлѣ „анархіи“, какъ обыкновенно послѣ объявленія октябрьскаго манифеста польская буржуазія называла революціонное рабочее движеніе; она рѣзко выступаетъ противъ забастовокъ и с.-д. Ц. П. и Л., въ которой видитъ главную ихъ виновницу. Это заставляетъ кандидата безпартійныхъ соціалистовъ—Л. Крживицкаго выступить изъ блока и публично заклеймить тактику п.-д.

Все же блоку, благодаря его энергичной дѣятельности, удалось собрать за своего кандидата въ Варшавѣ—27.000 голосовъ. Въ теченіе избирательныхъ кампаній и засѣданій Думъ печать п.-д. подвергаетъ критикѣ и мѣры правительства, и погромную дѣятельность бюрократіи, и въ еще большей степени безпринципность, оппортюнизмъ и антисемитизмъ п.-д. и тактику с.-д. Ц. П. и Л. и п. п. с. Когда въ Думѣ былъ поставленъ на очередь вопросъ объ амнистіи, правленіе п.-д. по телеграфу выразило отъ имени партіи свою солидарность съ думской оппозиціей. Во всѣхъ вопросахъ общегосударственнаго характера партія эта занимала позицію, тождественную съ позиціей кадетовъ.

Послѣ роспуска I Думы „Prawda“ клеймитъ Польское Коло за уклоненіе отъ подписи Выборгскаго манифеста.

Ко времени роспуска II Думы п.-д. значительно ослабла. Государственный переворотъ, совершенный бюрократіей, произвелъ на нее подавляющее вліяніе. „Prawda“ заговорила объ оставленіи политической дѣятельности и сосредоточеніи всѣхъ силъ на содѣйствіи дѣлу культурнаго развитія страны, мотивируя это незрѣлостью польскаго общества и неподготовленностью его къ политической жизни. И въ области культурной работы ея члены проявили много энергіи; при участіи п.-д. были организованы и успѣшно развивались: „Университетъ для всѣхъ“, „Общество Польской Культуры“, Люблинское Общество „Свѣтъ“ (Swiatło) и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія въ Варшавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Калишѣ и др. городахъ. П.-д. содѣйствовала развитію кооперативовъ въ городѣ и деревнѣ и объединенію прогрессивныхъ кооперативовъ для борьбы не только съ частными предпринимателями, но и съ католическими кооперативами. Во время III Думы п.-д. не играла болѣе или менѣе замѣтной политической роли въ странѣ. Правда, въ 1909 г. къ ней примкнуло большинство членовъ прогрессивной партіи, въ виду чего она приняла названіе „Прогрессивнаго Единенія“ (Zjednoczenie Postępowe). Но усиленіе въ обществѣ реакціи не благопріятствовало ея дѣятельности. Наоборотъ, само “Единеніе“ подверглось вліянію времени.

Оно рѣзко выступило противъ культурнаго и политическаго еврейскаго движенія во имя идеала ассимиляціи евреевъ и пріобщенія ихъ къ польской культурѣ. Почва для такой позиціи п.-д. была подготовлена съ одной стороны ростомъ въ обществѣ реакціи и антисемитизма, съ другой конкурренціей „жаргонной“ прессы съ польской прогрессивной, которая съ ея появленіемъ стала терять подписчиковъ въ еврейской средѣ. И вотъ, „Прогрессивное Единеніе“ въ своей декларациі по еврейскому вопросу заявляетъ, что полонизація евреевъ и „поддержка ими всѣхъ политическихъ стремленій польскаго народа является условіемъ мирнаго сожительства поляковъ и евреевъ“, что „польскій народъ никогда не допуститъ раздѣла своей земли съ евреями“, и что у него „найдется достаточно силъ, чтобы побороть съ ихъ стороны подобнаго рода стремленія“.

Въ послѣдніе годы замѣчается въ рядахъ пр. ед. нѣкоторое оживленіе, но главнымъ образомъ въ деревнѣ, гдѣ оно усилило свою дѣятельность. Оно пріобрѣтаетъ постепенно вліяніе на зажиточныхъ крестьянъ, работая въ крестьянскихъ кружкахъ имени С. Сташица. Эти кружки имѣютъ прогрессивный характеръ, успѣшно развиваются и въ 1910 г., судя по отчетамъ ихъ съѣзда, они насчитывали свыше 3.000 членовъ. Но все же въ дѣятельности п.-е. замѣчается нерѣшительность и неумѣніе быстро оріентиро-

ваться въ политической ситуаціи, вслѣдствіе чего трудно предположить, чтобы оно, безъ сильнаго содѣйствія извнѣ превратилось въ настоящую буржуазно-демократическую партію.

Роль отдѣлившейся отъ п.-д. польской прогрессивной партіи въ политической жизни Польши очень незначительна. Правда, она во время II избирательной кампаніи вошла въ блокъ съ партіей реальной политики и п.-д. и при ихъ содѣйствій провела въ II Думу Г. Коница. Но это было ея „Пиррово“ торжество. Коницъ не только не занялъ въ Думѣ самостоятельной позиціи, но, какъ мы видѣли выше, въ своемъ выступленіи по вопросу объ увеличеніи контингента новобранцевъ, проявилъ еще больше оппортюнизма, чѣмъ п.-д.—взялъ на себя роль, отъ которой дипломатически уклонились вожди Кола. Послѣ раскола въ п. п. п. въ 1909 г. она обратилась въ маленькій кружокъ, не играющій никакой роли. Но компромиссная программа этой группы при политической отсталости польской буржуазіи можетъ въ будущемъ усилить ея значеніе, когда начнется процессъ объединенія либеральныхъ буржуазныхъ элементовъ въ Польшѣ.

* * *

Мало замѣтна въ процессѣ событій 1905—1907 г.г. была и роль польской Соціалистической партіи „Пролетаріатъ“, оказавшей въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своей дѣятельности значительное содѣйствіе дѣлу развитія классоваго сознанія рабочихъ.

Какъ уже отмѣчено, эта партія была плодомъ разложенія п. п. с. Образовавшись въ 1900 г., она издавала сначала лишь одинъ органъ „Proletaryat“ (Пролетаріатъ), а впослѣдствіи и другой — „Do boju“ (на борьбу). Ея программа и статьи ея органовъ отражаютъ въ себѣ отсутствіе дѣльнаго міровоззрѣнія у ея идеологовъ; на послѣднихъ оказали вліяніе: и періодъ варшавскаго позитивизма, и тактическая позиція стараго „Пролетаріата“, и та общественная обстановка, въ которой они самостоятельно выступили на арену политической дѣятельности, и марксизмъ и субъективная соціологія. Авторы программы „Пролетаріата“ еще въ 1901 г. выставили тѣ же политическія требованія, которыя впослѣдствіи мы находимъ въ программѣ Лѣвицы п. п. с. послѣ ея IX съѣзда.

Не отказываясь отъ идеала возстановленія Польши, „Пролетаріатъ“ въ данный моментъ выдвигаетъ задачу борьбы за: 1) демократизацію государственнаго строя Россіи на началахъ ея децентрализаціи и 2) широкую политическую автономію Польши. Конституція послѣдней должна быть выработана польскимъ автономнымъ сеймомъ по соглашенію съ общероссійскимъ парламентомъ. 3) Послѣднимъ должна быть гарантирована полная свобода культурнаго развитія всѣмъ народамъ на территоріи Россіи и Польши.

въ томъ числѣ и евреямъ, что́ должно найти конкретное выраженіе въ надѣленіи ихъ экстерриторіальной культурно-національной автономіей. Въ области аграрнаго вопроса партія выработала программу муниципализаціи земли на началахъ тождественныхъ съ принятыми на Стокгольмскомъ съѣздѣ р. с.-д. р. п. Въ области тактики и организаціи „Пролетаріатъ“ находился подъ сильнымъ вліяніемъ традицій прошлаго. Онъ показалъ, что только путемъ синтеза массоваго движенія и заговора рабочій классъ можетъ достигнуть политическаго и экономическаго освобожденія. Его борьбой должна руководить тѣсная заговорщическая организація. „Пролетаріатъ“ видитъ одно изъ лучшихъ средствъ борьбы въ индивидуальномъ террорѣ. Что касается уличныхъ демонстрацій, то „Пролетаріатъ“ признаетъ лишь вооруженныя, находя, что мирныя демонстраціи, во время которыхъ рабочіе не даютъ отпора нападающимъ на нихъ полиціи и войскамъ, имѣютъ деморализирующее значеніе, и поэтому противодѣйствовалъ ихъ организаціи. Дѣятельность партіи до революціи состояла въ агитаціи и пропагандѣ путемъ устнаго и печатнаго слова. Изданіе ряда брошюръ изъ теоріи и практики соціализма является важной ея заслугой; изъ таковыхъ изданій упомянемъ здѣсь о нѣсколькихъ произведеніяхъ Л. Кульчицкаго [1]), а равно богатой переводной литературѣ, состоящей изъ произведеній: К. Каутскаго, Жореса, Геда, Плеханова, Парвуса, и др.

Когда наступили событія 1905 г., „Пролетаріатъ“ по количеству членовъ и сферѣ вліянія значительно уступалъ с.-д. Ц. П. и Л. и п. п. с. Все же онъ сразу началъ живую дѣятельность, выставивъ лозунги, соотвѣтствующіе его политической программѣ. Онъ въ большинствѣ случаевъ выступалъ солидарно съ с.-д. Ц. П. и Л. и бундомъ. Кромѣ того, его членами было совершено нѣсколько террористическихъ актовъ.

Въ дни свободы „Пролетаріатъ“ издавалъ легальный органъ „Proletaryusz“ (Пролетарій), который затѣмъ печатался въ Варшавѣ тайно, и принималъ участіе въ организаціи безпартійныхъ легальныхъ профессіональныхъ союзовъ. Онъ выдвинулъ вопросъ объ объединеніи дѣятельности польскихъ соціалистическихъ элементовъ и пытался организовать совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но традиціонная вражда п. п. с. и с.-д. Ц. П. и Л. стала на пути къ осуществленію этихъ задачъ. Признавая необходимымъ использованіе съ агитаціонной цѣлью выборовъ въ булыгинскую думу, „Пролетаріатъ“ бойкотировалъ I Думу, не считая возможнымъ вести избирательную кампанію при существованіи военнаго положенія. Во время выборовъ во II Думу онъ принимаетъ участіе въ избирательной кампаніи, войдя въ лѣвый блокъ, организованный п.-д. Этимъ своимъ шагомъ онъ дискре-

---

[1]) Л. Кульчицкаго (М. Мазовецкаго) „Исторія соціализма въ Польшѣ“ и др.

дитировалъ себя во глазахъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что его союзъ съ буржуазіей наступилъ въ моментъ сильнаго обостренія классовыхъ антагонизмовъ; травля же соціалистовъ въ органахъ п.-д., за которую онъ фактически взялъ на себя моральную отвѣтственность, еще усилила отрицательное отношеніе къ нему. Мало того, идеологи „Пролетаріата“ подпали подъ вліяніе буржуазной идеологіи и сами выступили съ рѣзкой критикой забастовочнаго движенія, хотя въ принципѣ они его никогда не отрицали. Все это настолько ослабило „Пролетаріатъ“, что послѣ арестовъ его членовъ въ 1907 г. ему уже не удалось возстановить своей организаціи и онъ превратился лишь въ заграничную издательскую группу.

Образованіе же Лѣвицы п. п. с., сгруппировавшей вокругъ себя десятки тысячъ рабочихъ во имя политическихъ требованій, аналогичныхъ съ выставляемыми „Пролетаріатомъ“, нанесло ему окончательный ударъ. Съ 1909 г. прекращается и его издательская дѣятельность.

* * *

Движеніе 1905—1906 г.г., всколыхнувъ широкія крестьянскія массы Польши, вызвало образованіе польскаго крестьянскаго союза[1]). Онъ существовалъ лишь въ теченіе двухъ лѣтъ и сыгралъ роль больше организаціонную, чѣмъ идейную, такъ какъ въ идейномъ отношеніи польскія крестьянскія массы находились подъ вліяніемъ или п. п. с., или п.-д. или с.-д. Ц. П. и Л. Дифференціація же крестьянства и развитіе въ его средѣ классовой борьбы не благопріятствовали развитію общекрестьянской организаціи. Программа польскаго крестьянскаго союза дѣлится на три части; въ первой—политической—выставляется требованіе законодательной и административной автономіи Польши, основанной на собственныхъ основныхъ законахъ, выработанныхъ сеймомъ, избраннымъ на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія и утвержденныхъ всероссійскимъ собраніемъ народныхъ представителей; во второй—„соціальной“ части говорится о необходимости широкой организаціи культурныхъ и хозяйственныхъ обществъ, какъ напр., союзовъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, обществъ взаимнаго кредита по типу Рейффедена, крестьянскихъ обществъ для совмѣстнаго сбыта сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ, земледѣльческихъ продуктовъ... Въ третьей—„экономической“ части крестьянскій союзъ ставитъ себѣ задачей объединеніе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ обширные земледѣльческіе союзы для совмѣстнаго веденія крестьянами главнѣйшихъ хозяйственныхъ операцій. Цѣль союза — обратить крестьянское населеніе Польши въ организованную силу трудовой демократіи.

Дѣятельность его состояла въ поддержкѣ забастовокъ, организаціи борьбы

---

1) Польское названіе этой организаціи—„Polski Związek Ludowy“.

за право, устной и письменной агитаціи, веденіи избирательной кампаніи въ I и во II Думу, организаціи намѣченныхъ въ программѣ обществъ. Этой своей дѣятельностью онъ развивалъ политическое сознаніе крестьянъ, стремленіе къ самодѣятельности, шелъ прямо къ намѣченной имъ цѣли и содѣйствовалъ развитію всероссійскаго освободительнаго движенія, создавая основы несуществующей пока въ Польшѣ общественно-политической силы—буржуазной демократіи. Все же роль крестьянскаго союза была незначительна, что объясняется отмѣченными нами выше обстоятельствами. Когда въ 1907 г. часть его руководителей была арестована, а часть бѣжала за границу, „союзъ“ прекратилъ свое существованіе. Работавшіе въ немъ дѣятели изъ среды крестьянъ-хозяевъ вошли въ сношенія съ п.-д. Группа же интеллигентовъ-литераторовъ начала издавать легальный органъ „Zaranie“ (Раннее Утро).

Отдѣльные члены союза продолжали его дѣятельность, организуя различныя крестьянскія общества, пропагандируя его идеи, между прочимъ, въ рядахъ крестьянскихъ организацій п.-д.

Въ результатѣ образовались крестьянскіе кружки имени С. Сташица, прогрессивные, избравшіе своимъ лозунгомъ „сами для себя“. Какъ извѣстно, въ 1910 г. число ихъ членовъ достигло 3.000. Паденіе авторитета п.-д. въ крестьянской средѣ содѣйствовало въ послѣдніе годы усиленію этихъ кружковъ.

Въ настоящее время Польша находится накапунѣ возникновенія новыхъ буржуазныхъ партій. Крестьянскій союзъ подготовилъ почву для образованія демократической партіи. Но это отнюдь не будетъ крестьянская демократія, къ созданію которой онъ стремился.

Вслѣдствіе обостренія въ деревнѣ, подъ вліяніемъ событій 1905 г., классовыхъ антагонизмовъ, крестьяне - рабочіе станутъ подъ знамя с.-д., хозяева же объединятся съ демократическими элементами городской буржуазіи и создадутъ буржуазно-демократическую партію.

Дальнѣйшій ходъ событій опредѣлитъ ея характеръ и ея отношеніе къ либеральнымъ элементамъ буржуазіи.

Прибалтійскій край.

I.

Латышскія партіи.

Ни въ одной части государства классовые антагонизмы не достигли столь сильной степени развитія, какъ въ Латышскомъ краѣ—странѣ съ интенсивно развитымъ капиталистическимъ производствомъ.

Это съ особенной яркостью обнаружилось въ политической физіономіи Латышскихъ партій.

Соціалдемократія выступала тамъ во время событій 1905 г. въ качествѣ единственной, а въ послѣдующіе годы въ качествѣ главной активной силы; она была единственной послѣдовательной до конца и, въ то же время, самостоятельной демократической партіей. Буржуазныя партіи дѣлятся на два лагеря, на буржуазно-демократическій и на реакціонно-націоналистическій. Къ первому принадлежатъ партіи: 1) Латышская конституціонно-демократическая; 2) Латышскій соціалдемократическій союзъ; 3) демократическая партія.

Ко второму: 1) Латышская народная партія и 2) Балтійская конституціонная (нѣмецкая) партія. Относя послѣднія къ реакціонно-націоналистическимъ партіямъ, мы не думаемъ идентифицировать ихъ съ реакціонными русскими организаціями, какъ партіи націй, не пользующихся равноправіемъ съ русскимъ населеніемъ Россіи, онѣ въ процессѣ своей дѣятельности неоднократно силой вещей ставятся въ необходимость содѣйствовать дѣлу прогресса въ развитіи государственныхъ формъ Россіи; но въ большинствѣ случаевъ онѣ выступали въ роли союзниковъ отжившаго политическаго строя въ его борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ.

Всѣ эти партіи, за исключеніемъ Балтійской конституціонной, вышли изъ рядовъ „Рижскаго Латышскаго общества“,—первой національной организаціи Латышскаго народа, образовавшейся въ 1868 г. и много сдѣлавшей для развитія его культурныхъ силъ; большинство изъ нихъ образовалось только въ 1905 г.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Латышской конституціонно-демократической, наиболѣе правой, но наиболѣе самостоятельной буржуазно-демократической партіи [1]). Это—организація латышской капиталистической буржуазіи.

---

[1]) Характеристика с.-д. Латышскаго края будетъ дана въ другой статьѣ. *Ред.*

Она окончательно сформировалась въ 1905 г., а съ января 1906 г. стала издавать органъ — „Latwija“ (Латышскій Край).

Въ ея составъ вошли всѣ лучшія силы „Рижскаго Латышскаго общества“. Главныя политическія требованія л. к.-д. п. слѣдующія: 1) широкое мѣстное и областное самоуправленіе, основанное на имущественномъ цензѣ и платежѣ коммунальныхъ налоговъ; 2) введеніе латышскаго языка въ дѣлопроизводство и школьное преподаваніе; 3) сосредоточеніе въ рукахъ самоуправленія завѣдыванія школьнымъ дѣломъ; 4) передача крестьянамъ всей находящейся въ ихъ пользованіи земли; 5) нормированная законодательнымъ порядкомъ такса для земельныхъ выкуповъ; 6) безвозмездная отмѣна дворянскихъ привилегій; 7) страхованіе рабочихъ; 8) свобода стачекъ, слова, печати, союзовъ; въ области общегосударственныхъ вопросовъ л. к.-д. раздѣляетъ всецѣло позицію кадетовъ.

Въ теченіе 1905 г. л. к.-д. поддерживала с.-д.

Послѣ 17 октября стала обнаруживать тенденціи къ сближенію съ націоналистами для совмѣстной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Въ программной статьѣ № 1 „Latwija“ мы находимъ слѣдующее, очень интересное мѣсто, характерное и для л. к.-д. вообще, и для ея тактической позиціи въ началѣ 1906 г. въ частности: „Заступаясь за миръ и порядокъ и способствуя всякой позитивной работѣ, „Latwija“ не будетъ глядѣть безчувственно и относиться равнодушно къ той борьбѣ, которая теперь кипитъ вокругъ насъ. Признавая конституціонную монархію самой полезной въ настоящій моментъ формой правленія въ Россіи, „Latwija“ будетъ защищать конституцію отъ революціонеровъ, которые однимъ ударомъ хотятъ на мѣсто самодержавія поставить соціалдемократическую республику. Такой переворотъ могъ бы привести Россію не только къ полной анархіи и расчлененію, но, прежде всего, къ полной дезорганизаціи въ области ея хозяйственной жизни. И, что не менѣе опасно, все это могло бы поднять такую смуту, что произошелъ бы рядъ попытокъ къ возстановленію абсолютизма“.— Но во время думскаго періода, л. к.-д. опять на время принимаетъ послѣдовательно оппозиціонный характеръ.

Во время выборовъ въ I Государственную Думу партія эта вступила въ блокъ со всѣми латышскими и еврейскими организаціями въ краѣ для борьбы съ Балтійской конституціонной партіей. Это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Въ Ригѣ, напр., блокъ получилъ 62,1% всѣхъ голосовъ, въ то время какъ б. к. п.—всего 37,8%; большинство депутатовъ прошло изъ л. к.-д. п.; между прочимъ, былъ избранъ одинъ изъ главныхъ ея лидеровъ— Гросвальдъ.

Въ Думѣ они присоединились къ русскимъ кадетамъ: ко времени созыва I Думы л. к.-д. п., подъ вліяніемъ сильно обострившейся къ тому времени

борьбы между контрреволюціонными и революціонными силами страны, начинаетъ опять приближаться къ первымъ, вслѣдствіе чего значительно слабѣетъ, уступая мѣсто, съ одной стороны, болѣе, чѣмъ она, послѣдовательнымъ реакціоннымъ элементамъ—„Латышской народной партіи“, съ другой—болѣе послѣдовательнымъ демократическимъ—„Демократической партіи“. Она проводитъ все же одного изъ своихъ членовъ, выступая также какъ и во время первой избирательной кампаніи въ рядахъ блока. На-ряду съ политической нельзя не отмѣтить культурно-просвѣтительной дѣятельности л. к.-д. п. Она совмѣстно съ с.-д. и демократической партіей принимаетъ участіе въ организаціи обществъ трезвости, пѣвческихъ прогрессивныхъ обществъ, она собственными силами создаетъ одно изъ трехъ драматическихъ обществъ.

Но по мѣрѣ усиленія контрреволюціи и созданнаго ею настроенія въ средѣ Латышскаго населенія л. к.-д. п. переходитъ окончательно на точку зрѣнія русскихъ октябристовъ и преобразовывается въ т. н. „Латышскую партію Реформистовъ“. Во время выборовъ въ III Думу обнаруживаются послѣдствія этого перелома; она выступаетъ изъ блока и присоединяется къ Балтійской конституціонной партіи, благодаря чему послѣдняя въ двухъ мѣстахъ проводитъ всѣхъ кандидатовъ.

Латышскій Соціалдемократическій Союзъ.

Латышскій с.-д. союзъ вышелъ изъ рядовъ первой с.-д. организаціи Латышскаго края, возникшей въ половинѣ 90 г.г., послѣ происшедшаго въ ней въ 1901 г. раскола. Дѣятельность его была особенно оживленной въ 1905 г., въ послѣдующіе же годы онъ замѣтно слабѣетъ и сходитъ съ арены политической жизни.

Политическая программа „Союза“ носитъ на себѣ отпечатокъ той націоналистической реакціи, которая во второй половинѣ 80 г.г. охватила всѣ угнетенные народы Россіи. Л. с.-д. союзъ это — группа профессіональной интеллигенціи, пополненная очень немногочисленными выходцами изъ рабочихъ и крестьянъ, группа, пытающаяся примирить идеи соціализма съ націонализмомъ, заговорщическая по своей дѣятельности и типу организаціи. Ея главный политическій постулятъ — созданіе латышскаго независимаго демократ. государства. Въ случаѣ же если бы реализація этого постулята въ ближайшемъ будущемъ оказалась невозможной, „Союзъ“ считалъ допустимымъ содѣйствіе борьбѣ за демократизацію государственнаго строя Россіи съ тѣмъ, чтобы въ основу послѣдняго былъ положенъ федеративный принципъ.

Л. с.-д. союзъ старался использовать въ своихъ цѣляхъ россійское революціонное движеніе и, имѣя это въ виду, вошелъ въ близкія организа-

ціонныя сношенія съ родственными ему въ томъ или иномъ отношеніи партіями: с.-р., „революціонной фракціей п. п. с.“, „Серпомъ“, „Дашнакцютюнъ“, партіей „грузинъ соціалистовъ-федералистовъ“.

Но сепаратистскія стремленія „Союза“ отражались на его тактикѣ, и его агитація неоднократно принимала рѣзко-націоналистическій характеръ, а въ своихъ выступленіяхъ онъ рѣдко считался съ тенденціями россійскаго революціоннаго движенія. Въ 1905 г. его дѣятельность сводилась, главнымъ образомъ, къ партизанской борьбѣ и террористическимъ покушеніямъ. Благодаря своимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ выступленіямъ, онъ временно пріобрѣлъ вліяніе на значительную часть крестьянъ. Но это вліяніе было болѣе организаціонное или, лучше сказать, чисто механическое, чѣмъ идейное. Во многихъ мѣстахъ массы начинали бороться по призыву „Союза“ или будучи наэлектризованы его дѣятельностью, но выставляемыя имъ политическія требованія не отвѣчали занимаемой имъ позиціи. Въ громадномъ большинствѣ идейно руководила революціонной борьбой с.-д. Латышскаго края. Поэтому въ резолюціяхъ, принимаемыми на митингахъ и собраніяхъ въ разныхъ городахъ и деревняхъ, выставлялось требованіе латышскаго областного сейма и политическаго и гражданскаго равноправія латышскаго народа на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи, и только резолюція, принятая на митингѣ въ Нитауренъ, приближалась, по своему характеру, къ программѣ „Союза“, но лишь приближалась, ибо въ ней были замѣтны федералистскія стремленія. Вліянію „Союза“ на крестьянъ, насколько таковое проявлялось, содѣйствовала его аграрная программа, сводящаяся къ требованію передачи помѣщичьихъ земель крестьянамъ. Взгляды его въ этой области, лучше всего, обнаружились въ изданномъ имъ воззваніи—„ко всѣмъ сельскимъ людямъ“, въ которомъ говорится:—„Собирайтесь всѣ вмѣстѣ и голосуйте, нужна ли вамъ земля или нѣтъ. Какъ одинъ человѣкъ вы отвѣтите: „нужна“. Но гдѣ взять земли?—Можно взять казенную, можно взять и помѣщичью. Но какъ обрабатывать ее? Раздѣлить ли по участкамъ или взять большимъ участкомъ и обрабатывать сообща? Вы подумаете и, зная, что одному нѣтъ возможности пріобрѣтать машины и другія средства производства, вы организуете „земледѣльческія трудовыя общества“.

Однако, чѣмъ больше развивалось, среди массъ, политическое сознаніе, —а это дѣло въ процессѣ революціонной борьбы подвигалось быстро,—тѣмъ больше онѣ подпадали подъ вліяніе с.-д. Латышскаго края, тѣмъ быстрѣе „Союзъ“ терялъ почву подъ ногами. Въ то же время массовые разстрѣлы и казни уносили въ могилу наиболѣе энергичныхъ и смѣлыхъ его борцовъ. „Союзъ“ таялъ съ каждымъ днемъ. Это обстоятельство толкало его все дальше, по разъ занятой линіи: онъ обратился въ союзъ боевыхъ дружинъ, забросивъ совершенно всѣ другія категоріи дѣятельности. Признавая въ

принципѣ необходимость широкой массовой организаціи рабочихъ и въ частности объединеніе въ открытые классовые профессіональные союзы, онъ въ дни свободы абсолютно ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Когда наступили выборы въ I Госуд. Думу, „Союзъ“ бойкотировалъ таковые. Ко времени же выборовъ во II Думу онъ настолько ослабъ, что не былъ въ состояніи участвовать въ нихъ.

Въ 1907 г. онъ представлялъ изъ себя небольшой кружокъ, связанный кой-гдѣ съ сельскими рабочими, и пересталъ играть роль въ событіяхъ политической жизни [1]).

Демократическая партія.

Къ тому времени, когда „Латышскій с.-д. союзъ“ фактически пересталъ существовать, пріобрѣла широкое вліяніе на массы городской и сельской мелкой буржуазіи — „Латышская демократическая партія“, образовавшаяся еще въ началѣ 1905 г. Ея роль въ этой средѣ была значительнѣе, чѣмъ „Союза“, и это по слѣдующимъ причинамъ: 1) она не выставляла сепаратистскихъ требованій, а формулируя свою политическую программу, строго считалась съ тенденціями общественнаго развитія Россіи; 2) она не выступала подъ знаменемъ соціализма, чуждымъ интересамъ тѣхъ массъ, среди которыхъ работала, что̀ именно въ значительной мѣрѣ тормозило дѣятельность „Союза“; 3) именно въ виду этого, л. д. п. связалась прочно съ массами населенія и могла въ своей дѣятельности опираться на нихъ.

Политическая программа л. д. п. можетъ быть изложена слѣдующимъ образомъ: 1) всеобщее избирательное право безъ ценза, какъ для общегосударственнаго представительства, такъ и для органовъ самоуправленія мѣстнаго и областного; 2) полная свобода слова, печати, совѣсти, союзовъ, забастовокъ, собраній и т. д.; 3) латышскій языкъ въ школахъ и всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ края; въ низшихъ школахъ въ качествѣ языка преподаванія, въ среднихъ — въ качествѣ преподаваемаго; 4) раздѣленіе Лифляндской губерніи сообразно экономическому и племенному составу населенія съ присоединеніемъ эстонской части къ однородной по составу Эстляндской губерніи; 5) введеніе суда присяжныхъ; 6) расширеніе правъ органовъ крестьянскаго самоуправленія и упраздненія дворянскихъ привилегій; 7) расширеніе крестьянскаго землевладѣніе; съ этой цѣлью предоставленіе органамъ самоуправленія права принудительно покупать, раздроблять и продавать мелкимъ землевладѣльцамъ крупныя имѣнія какъ обще-

1) Въ послѣднее время «Союзъ» прекратилъ самостоятельное существованіе заявивъ о вступленіи въ партію с.-р.

ственныя, такъ и частныя; 8) третейскіе суды для установленія арендъ; крестьянскій банкъ; 9) законодательство для охраны труда городскихъ и сельскихъ рабочихъ; инспектора изъ рабочихъ; 10) государственное финансированіе школъ; 11) отдѣленіе церкви отъ государства и передача ея имущества органамъ самоуправленія.

Основой политическихъ организацій партій были ея экономическія организаціи: созданные ею кооперативы, ссудо-сберегательныя кассы, сельско-хозяйственныя общества, которыми ей удалось завладѣть во многихъ мѣстахъ, а равно культурно-просвѣтительныя общества.

Органомъ партіи былъ „Baltija Wetsties“. („Прибалтійскій Вѣстникъ“).

Въ 1905 г. „латышскіе демократы“ принимали участіе въ революціонной борьбѣ; въ дни свободы сосредоточили всѣ усилія на использованіи всѣхъ легальныхъ возможностей; тогда и было организовано большинство выше отмѣченныхъ обществъ. Во время первой избирательной кампаніи л. д. п. поддержала латышскіе элементы противъ балтійской конституціонной партіи.

Во время выборовъ во II Думу партія занимала ту же позицію, при томъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вошла въ соглашеніе съ с.-д-ією. Въ провинціи ей удалось провести тогда двухъ своихъ кандидатовъ, выступавшихъ въ Думѣ солидарно съ кадетами. Но періодъ контрреволюціи постепенно оказываетъ вліяніе и на эту наиболѣе демократическую буржуазную партію, и къ концу 1907 г. въ ея выступленіяхъ замѣчается все болѣе враждебное отношеніе къ с.-д. и по временамъ даже тенденціи къ сближенію съ другими партіями для борьбы съ ней.

Латышская народная партія.

Усиленіе реакціи вызвало въ 1907 г. быстрый ростъ націоналистической народной партіи. Органомъ послѣдней была „Rigas Awise“. Наиболѣе видными ея идеологами извѣстный публицистъ-націоналистъ — Вейнбергъ и поэтъ Нѣдра.

Образовалась эта партія еще до революціи изъ праваго, націоналистическаго крыла „Рижскаго латышскаго общества“; въ ея составъ вошли: богатые домовладѣльцы, пасторы, наиболѣе реакціонная часть капиталистической буржуазіи, часть городской и сельской мелкой буржуазіи. По своимъ программнымъ требованіямъ л. н. п. очень близка къ л. к-д. п. Но по тактикѣ—правѣе ея. Всѣ свои стремленія она мнитъ осуществить на пути компромиссовъ съ правительствомъ. Осью ея политики является борьба съ революціоннымъ движеніемъ и въ частности съ с.-д., рука объ руку съ

правительствомъ, при помощи разжиганія въ народныхъ массахъ національнализма и, такимъ образомъ, дезорганизированія ихъ. Даже въ 1904 г. л. н. п. находилась въ полномъ контактѣ съ бюрократіей; она вполнѣ одобряла ея политику на Дальнемъ Востокѣ. Когда же появился рескриптъ, извѣщающій объ учрежденіи Государственной Думы, „Rigas Awise“ показывала необходимость установленія высокаго избирательнаго ценза; она мотивировала свое требованіе: 1) некультурностью широкихъ массъ населенія, 2) необходимостью охраненія Думы отъ проникновенія въ нее революціонныхъ элементовъ. Наиболѣе подходящимъ она считала цензъ, принятый при выборахъ въ органы коммунальнаго самоуправленія, лишающій избирательныхъ правъ громадное большинство населенія.

Въ теченіе 1905 г., вплоть до 17 октября, латышская народная партія не поддерживала, правда, революціоннаго движенія, но и не боролась съ нимъ активно. Она ограничивалась тѣмъ, что въ своихъ изданіяхъ представляла с.-д-ію, какъ банду грабителей и разрушителей. Но въ то же время, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ правительства, она предъявляла ему свои пожеланія относительно надѣленія полноправіемъ латышскаго народа, полагая, что въ такой моментъ легче всего будетъ выклянчить кой какія уступки.

Но вотъ издается манифестъ 17 октября.

У буржуазіи является надежда на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей въ предѣлахъ политическаго строя, намѣченнаго этимъ манифестомъ. Революціонное рабочее движеніе становится для нея лишь врагомъ и при томъ единственнымъ опаснымъ врагомъ въ ея представленіи.

Латышская народная партія сосредоточиваетъ всѣ свои силы для борьбы съ нимъ. Она не ограничивается клеветой на него въ печати, а начинаетъ горячо призывать общество къ активной борьбѣ съ нимъ. Отъ правительства она требуетъ объявленія въ краѣ военнаго положенія и снаряженія карательныхъ экспедицій для усмиренія латышскихъ народныхъ массъ.

Если въ области національнаго вопроса л. н. п. добивалась отъ правительства нѣкоторыхъ реформъ, то въ области соціальныхъ отношеній она была строго консервативна.

Она стремилась къ успокоенію народныхъ массъ ради самаго успокоенія, а вовсе не разсматривала такового, какъ условія соціальныхъ реформъ; она не выставляетъ особыхъ требованій ни въ защиту рабочихъ, ни для упорядоченія аграрныхъ отношеній; мало того — она даже высказывается противъ ограниченій привилегій бароновъ.

Сгруппировавъ въ своихъ рядахъ значительные слои мелкой буржуазіи, конкуррирующей съ еврейскимъ элементомъ на разныхъ поприщахъ экономической и общественной жизни, л. н. п. отличается не только національ-

момъ вообще, но и антисемитизмомъ. Еврейскіе погромы не только не вызываютъ въ ней возмущенія, но, напротивъ, встрѣчаютъ съ ея стороны горячее сочувствіе.

Однако, военные суды и карательныя эспедиціи до извѣстной степени удовлетворили л. н. п.,—и дали ей возможность болѣе объективно оцѣнивать отношенія, въ которыхъ ей приходилось работать, чѣмъ это она дѣлала въ концѣ 1905 г.

Когда наступаютъ выборы въ I Государственную Думу, она входитъ въ блокъ со всѣми демократическими партіями всѣхъ народовъ, населяющихъ Прибалтійскій Край, для успѣшной борьбы съ балтійской конст. партіей.

Такую же политику она ведетъ и во время второй избирательной кампаніи.

Но при распредѣленіи кандидатовъ л. н. п. оказывается еще столь слабой, что ей не удается получить ни одного мѣста въ Думѣ.

II.

Балтійская конституціонная партія.

Балтійская конституціонная партія оффиціально образовалась въ октябрѣ 1905 г. Въ ея составъ вошли элементы, которые въ теченіе многихъ лѣтъ группировались вокругъ газеты „Düna Zeitung“.

Эта газета стала ея органомъ. Кромѣ того, при ея содѣйствіи издаются въ Петербургѣ „Herold“ и „Petersburger Zeitung“.

Партія выражаетъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ,—въ частности и главнымъ образомъ—нѣмецкихъ бароновъ. Они, правда, входятъ въ ея составъ въ незначительномъ количествѣ, что̀ объясняется существованіемъ особой дворянской профессіональной, сословной организаціи, которая сосредоточила въ себѣ всѣ дворянскіе элементы. Но они фактически руководятъ ею.

Цифровой составъ партіи слѣдующій: фабрикантовъ—400; чиновниковъ и литераторовъ—1.300; купцовъ—560; приказчиковъ—1.300; мелкихъ буржуа, служащихъ и ремесленныхъ подмастерьевъ—2.000.

Б. к. п. старалась охватить буржуазные элементы не только нѣмецкіе, но и другихъ націй, но успѣла въ этомъ отношеніи очень мало. Въ декабрѣ 1906 г. изъ 6.500 ея членовъ было: русскихъ—189, латышей—139; остальные—нѣмцы.

Она имѣетъ свои организаціи не только въ Лифляндіи и Курляндіи, но и въ Эстляндіи.

По своей идеологіи б. к. п. приближается къ русскимъ октябристамъ. Ея идеалъ—твердая государственная власть; ея программныя требованія: 1) избирательная система, обезпечивающая доступъ къ выборамъ всѣмъ классамъ народа, но основанная на цензѣ; 2) свобода слова, печати etc.; 3) равноправіе всѣхъ гражданъ независимо отъ національности, вѣроисповѣданія, происхожденія, 4) широкое областное самоуправленіе; 5) передача въ его руки школьнаго дѣла; 6) право преподаванія на родномъ языкѣ каждой націи въ школахъ; 7) реформа налоговой системы; 8) введеніе высшаго судебно-правительственнаго учрежденія и аппеляціонной камеры.

Въ развитіи партіи надо различать два періода: 1) до и 2) послѣ 17 октября 1905 г. До 17 октября она—партія оппозиціонная.

Она считаетъ необходимымъ установленіе въ Россіи прочнаго правового порядка и отказъ правительства отъ руссификаторской политики. Первыя революціонныя событія б. к. п. использовала для указанія правительству на необходимость широкихъ реформъ.

Когда былъ изданъ рескриптъ 18 февраля, „Düna Zeitung“ писала: „Такъ правдиво, какъ въ этомъ манифестѣ, положеніе Россіи еще никогда не было представлено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, положенъ конецъ всякой страусовой политикѣ. Такъ обстоятъ дѣла и только общая совмѣстная работа можетъ возвратить Россіи миръ и спокойствіе“. Мѣсяцъ спустя, когда революціонное движеніе значительно усилилось, „D. Zeit“, призываетъ правительство къ борьбѣ съ нимъ. Она указываетъ, что главной его виновницей является с.-д., что наиболѣе опасные ея агенты это—народные учителя, и пишетъ: „Виновники безпорядковъ и смущенная ими толпа должны быть, наконецъ, приведены къ убѣжденію, что всякое покушеніе прикоснуться къ государственному порядку и собственности будетъ со стороны властей подавлено съ неумолимой строгостью.

Помѣщики, которымъ въ первую очередь угрожаетъ опасность, имѣютъ право ожидать, со стороны властей, всѣхъ доступныхъ мѣръ, направленныхъ на защиту ихъ безопасности“.

Когда вышелъ манифестъ 17 октября, партія привѣтствовала его съ восторгомъ и заявила, что стоитъ всецѣло на почвѣ выдвинутой имъ политической платформы.

Въ высшей степени характерна для б. к. п. позиція, занятая ею еще въ маѣ 1905 г. на совмѣстной конференціи нѣмецкихъ и латышскихъ бюргеровъ. На этой конференціи были подняты, между прочимъ, 3 вопроса: 1) о введеніи земствъ, 2) объ упорядоченіи аграрныхъ отношеній и 3) о школахъ. По первому партія высказалась за предоставленіе органамъ земствъ широкой компетенціи и за допущеніе къ выборамъ ихъ состава лишь плательщиковъ налоговъ; по второму она признала возможной отмѣну лишь нѣкоторыхъ барон-

скихъ привилегій, какъ, напр., права охоты, устройства мельницъ и то за соотвѣтственное вознагражденіе; что касается школьнаго вопроса, то партія высказалась за допущеніе латышскаго и эстонскаго языковъ въ начальныя школы въ качествѣ языковъ преподаванія.

Объявленіе манифеста 17 октября отразилось на ней не меньше, чѣмъ на латышской народной партіи. Она рѣшила употребить всѣ средства, чтобы положить предѣлъ развитію революціоннаго движенія. „D. Zeit.“, съ одной стороны, стала требовать отъ правительства введенія военнаго положенія и карательныхъ экспедицій, съ другой стороны открыто звать землевладѣльцевъ организовать вооруженныя дружины для борьбы съ революціей или, какъ выражалась „D. Zeit“, „для защиты жизни и имущества“ отъ „своеволья революціонныхъ массъ“.

Характеръ расправъ этихъ дружинъ съ латышскими революціонерами, одной изъ лучшихъ иллюстрацій которыхъ служитъ общеизвѣстный фактъ убійства баронами революціонера Ролау [1]), уже неоднократно описывался въ русской и иностранной печати, и поэтому мы здѣсь не будемъ на нихъ останавливаться.

Но вотъ начался думскій періодъ.

Балтійская конст. партія мобилизовала всѣ свои силы.

Вотъ отрывокъ изъ одного изъ воззваній партіи этого періода: „граждане, други! Развѣ вы не видите, что большинство кандидатовъ въ выборщики въ Госуд. Думу выставляются крайними партіями, что они чужды нашей партіи, чужды нашей культурѣ, чужды вамъ?! Воистину они вами лично желаютъ воспользоваться для опыта проведенія ьъ жизнь ихъ разнузданныхъ вожделѣній! Или вы думаете, что они будутъ въ состояніи сдержать то, что обѣщаютъ? Никогда! Вспомните неудачи политическихъ забастовокъ и бойкотовъ!

Вспомните всѣ насилія, всѣ ужасы террора! Что дали вамъ эти „подвиги“ нашихъ радикаловъ, кромѣ оскудѣнія, горя и ненависти?!“

Но, несмотря на энергію, на капиталы бароновъ и крупныхъ промышленниковъ, на клевету противъ с.-д., Балтійской конст. партіи не удалось провести своего кандидата ни въ I-ую, ни во II Думу. Ея усилія разбились о дружный натискъ блока латышскихъ партій, правильно понявшихъ, что для успѣшнаго развитія культурныхъ силъ латышскаго народа необходимо разрушеніе той феодальной силы, которую представляетъ баронство. Размѣръ вліянія партіи можетъ быть приблизительно опредѣленъ изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ о выборахъ по г. Ригѣ. Во время первой избирательной кампаніи ея кандидатъ собралъ 37,8% голосовъ, а во время второй—34,5%.

Но дальнѣйшее развитіе силъ контрреволюціи внесло расколъ въ ряды

---

1) Одного изъ руководителей Лат. с.-д. Союза.

латышскаго блока; во время выборовъ въ III Думу латышская реформатская партія перешла на сторону б. к. п. и послѣдней удалось провести въ Думу двухъ своихъ кандидатовъ, которые тамъ присоединились къ фракціи октябристовъ.

III.

Эстонскія партіи.

Въ Эстоніи, составляющей наиболѣе культурную часть Россіи, такъ же какъ и въ остальныхъ ея частяхъ пролетаріатъ и партія, выражающая его интересы, играетъ главную роль въ національномъ движеніи. Другая крупная общественная сила—городская и сельская плутократія является въ періодъ 1905—1907 г.г. по существу своему контрреволюціонной, хотя, вслѣдствіе несоотвѣтствія политики бюрократіи ея классовымъ интересамъ, и остается оппозиціонной въ сферѣ общегосударственныхъ отношеній. Буржуазная демократія очень слаба и въ періодъ 1905—1907 г.г. большею частью выступала солидарно съ с.-д. противъ плутократіи.

На стражѣ интересовъ послѣдней стоитъ т. н. „Эстонская Свободомыслящая Прогрессивная партія“ съ органомъ „Postimees“ (Почтальонъ), издаваемымъ въ г. Дерптѣ г. Тенисономъ.

Интересы буржуазной демократіи выражаетъ „Демократическая партія“ съ органомъ „Päeralecht“ (Ежедневный листокъ).

Въ процессѣ революціонной борьбы 1905 г. на-ряду съ с.-д. появилась еще группа, составлявшая промежуточное звено между нею и „Демократическою партіей“, извѣстная подъ названіемъ радикально-соціалистической, но она не пользовалась болѣе или менѣе широкимъ вліяніемъ на массы населенія и ея значеніе въ общественной жизни страны и націи очень незначительно.

Источникомъ, изъ котораго черпали свои духовныя силы всѣ эстонскія политическія партіи, была образовавшаяся въ концѣ 70 г.г. группа эстонскихъ „просвѣтителей“ съ Карломъ Робертомъ Якобсономъ во главѣ. Это было время промышленно-торговаго подъема на всемірномъ рынкѣ, и Якобсонъ, пользуясь этимъ, создалъ широкую программу культурной дѣятельности, направленной на содѣйствіе развитію матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа: имѣлось въ виду устройство школъ, кооперативовъ, банковъ и даже торговаго пароходства; былъ созданъ съ этой цѣлью основной фондъ.

Но экономическій застой и политическая реакція, воцарившаяся въ Россіи въ 80 г.г., парализовала широкіе планы „просвѣтителей“ и вызвала къ жизни реакцію противъ послѣднихъ въ лицѣ органа „Olevik“, вокругъ котораго группировалась городская и сельская мелкая буржуазія.

Наконецъ, дальнѣйшее развитіе капитализма и новый промышленный подъемъ внесли сильное оживленіе въ Эстонское общество, и на фонѣ этого оживленія въ половинѣ 90-хъ г.г. образуются и с.-д., и двѣ вышеотмѣченныхъ буржуазныхъ партіи. Разсмотримъ ихъ общественный составъ, ихъ политическія программы и дѣятельность.

Подъ знаменемъ „Эстонской свободомыслящей прогрессивной партіи“ объединились: 1) аграріи: пасторы—эстонцы, крупные землевладѣльцы крестьяне, арендаторы нѣмецкихъ крупныхъ помѣстій, и 2) крупные финансисты и фабриканты. До революціи очагомъ этой партіи было т. н. „Общество дерптскихъ студентовъ“, образовавшееся изъ праваго крыла „просвѣтителей“, въ которомъ господствовалъ идеализмъ въ области философіи и консерватизмъ въ политикѣ. Къ русскому правительству она предъявляетъ требованіе введенія эстонскаго языка въ школы въ качествѣ языка преподаванія, во всѣ государственныя и общественныя учрежденія, а равно расширенія правъ Думы и Эстлянскаго сейма путемъ надѣленія ихъ правомъ контроля надъ бюджетомъ и администраціей. До революціи всѣ элементы, входившіе въ составъ э. с. п. п., были объединены стремленіемъ къ захвату пасторатовъ, являющихся крупными богатыми помѣстіями, у владѣвшихъ ими тогда нѣмецкихъ бароновъ. Борьба за пасторатъ окончилась успѣшно для эстонскихъ аграріевъ, главнымъ образомъ, крестьянъ.

Когда же началась революція, то партія выставила требованіе полноправія эстонскаго народа, но въ то же время взяла на себя роль организатора активной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Первымъ крупнымъ предпріятіемъ ея въ этой области былъ созывъ по соглашенію съ министромъ Витте, въ ноябрѣ 1905 г.,—общенаціональнаго эстонскаго съѣзда. Предполагалось, что на немъ реакціонные элементы окажутся въ большинствѣ и во имя общенаціональныхъ интересовъ заставятъ революціонеровъ прекратить борьбу. Но результаты оказались противоположными. Представители демократіи въ числѣ 650 заставили уйти со съѣзда Тенисона и 150 его приверженцевъ, учредили національное бюро—фактически бывшее областнымъ временнымъ правительствомъ, и призвали массы къ дальнѣйшей революціонной борьбѣ. Тогда э. с. п. п. заключила блокъ съ нѣмецкими баронами, совмѣстно съ ними образовала боевые отряды для борьбы съ эстонской революціей и потребовала отъ правительства карательныхъ экспедицій.

Но когда внутренній врагъ былъ обузданъ, и была созвана I Государственная Дума, партія въ ней въ лицѣ своихъ депутатовъ объединилась съ партіей к.-д., поддерживая во всѣхъ выступленіяхъ правое ея крыло, а послѣ разгона I Думы даже Тенисонъ подписалъ Выборское воззваніе, за которое

впослѣдствіи отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Ту же политику э. с. п. п. ведетъ и во II Думѣ.

Относительно силъ ея можно лишь судить потому, что „Почтальонъ“ въ 1906 г. имѣлъ 10.000 слишкомъ подписчиковъ.

Если „Эстонская свободомыслящая прогрессивная партія“ составляла правое крыло эпигоновъ „просвѣщенія“, то демократическая—лѣвое, а с.-д.—крайнее лѣвое.

Въ составъ „Демократической партіи“ входятъ громадное большинство фабрикантовъ и купцовъ, мелкая буржуазія и широкія массы интеллигенціи.

Ея очагомъ до революціи была группа интеллигенціи г. Ревеля. Въ области философіи она стояла на точкѣ зрѣнія новѣйшаго матеріализма; въ политикѣ строго хранила всѣ завѣты демократіи.

Она энергично поддерживала борьбу за пасторатъ, о которой мы упомянули выше. Въ области національныхъ требованій отличилась отъ э. п. п. лишь большей выдержанностью демократической позиціи.

На Ревельскомъ съѣздѣ онѣ составили два вражескихъ лагеря; послѣ съѣзда эти лагери вступили въ ожесточенную борьбу. Въ Думѣ же, какъ I, такъ и II „Демократическая партія“ вошла въ составъ к.-д. думской фракціи, поддерживая ея лѣвое крыло.

Литва.

Литовскія партіи.

I. Литовская соціал-демократическая партія.

Въ Литвѣ въ періодъ 1905—1907 г.г. народныя массы группировались вокругъ трехъ политическихъ партій: 1) литовской соціал-демократической (л. с.-д.), 2) литовской демократической (л. д. п.) и союза литовскихъ христіанскихъ демократовъ (с. л. х. д.).

Первая изъ нихъ пользовалась самымъ широкимъ вліяніемъ. Въ теченіе своей десятилѣтней дѣятельности она, какъ и соціалистическія организаціи у нѣкоторыхъ другихъ народовъ Россіи, скорѣе играла роль демократической, чѣмъ соціалистической партіи.

Ея значеніе, какъ таковой, объясняется слѣдующими причинами: 1) почти полнымъ отсутствіемъ національнаго литовскаго дворянства и принадлежностью такового въ странѣ къ польской и русской національ; 2) національ-

нальнымъ гнетомъ и вызываемой имъ необходимостью революціонной борьбы; 3) сплоченностью общественныхъ элементовъ, обусловленной антагонизмомъ между литовцами и, съ одной стороны, русскимъ правительствомъ и администраціей, съ другой—инородными по своему происхожденію господствующими классами.

Самымъ слабымъ былъ союзъ литовскихъ христіанскихъ демократовъ (с. л. х. д.), что вытекаетъ изъ тѣхъ же причинъ.

Всѣ три партіи такъ или иначе ведутъ свое происхожденіе отъ періода „просвѣщенія", начало котораго въ Литвѣ относится къ первой половинѣ 80-хъ г.г. Идеи „просвѣщенія" нашли тогда свое выраженіе въ издававшемся въ Тильзитѣ, въ Прусской Литвѣ, журналѣ („Ausrza") „Заря".

Несмотря на то, что взгляды, пропагандируемые въ этомъ органѣ, были въ значительной мѣрѣ плодомъ объективнаго научнаго анализа, въ нихъ все же проглядывали національнистическія и антисемитскія тенденціи. Послѣднія были порождены, какъ общимъ положеніемъ литовцевъ въ Россіи, усиливающимъ присущій мелкобуржуазнымъ классамъ національнизмъ, такъ въ частности издавна существовавшимъ противорѣчіемъ между интересами молодой литовской мелкой буржуазіи и старой богатой еврейской буржуазіи. „Аушра" группировала подъ своимъ знаменемъ первые кадры вышедшей изъ крестьянской среды литовской интеллигенціи во имя лозунга культурной дѣятельности, направленной на содѣйствіе матеріальному и духовному возрожденію литовскаго народа.

Политическіе вопросы ее интересовали лишь постолько, посколько культурная дѣятельность власти ставила ихъ на очередь дня.

Въ послѣднемъ случаѣ ею высказывались пожеланія: 1) свободы слова, печати, 2) литовской школы, 3) употребленія литовскаго языка въ школьномъ преподаваніи и дѣлопроизводствѣ.

Опредѣленной политической программы „просвѣтители" не формулировали.

Таковой мы не видимъ и въ органѣ „Varpas", издававшемся непосредственными наслѣдниками идей просвѣщенія. Но все же политическіе взгляды этого журнала гораздо опредѣленнѣе.

„Аушра" издавалась лишь въ теченіе 3 лѣтъ: съ 1883 по 1886 г., когда изъ среды ея приверженцевъ выдѣлились двѣ политическія группы: прогрессивная съ вышеупомянутымъ органомъ „Varpas" во главѣ и клерикальная, издававшая журналъ „Apzwalga".

Впослѣдствіи изъ первой образовалась л. с. д., а затѣмъ л. д.; вторая же стала источникомъ, изъ котораго черпалъ свои силы литовскій христіанско-демократическій союзъ.

Позиція „Varpas'a" можетъ быть охарактеризована слѣдующимъ образомъ.

Литовскія народныя массы должны и въ борьбѣ за свои экономическіе интересы, и въ борьбѣ за національное освобожденіе разсчитывать только на свои собственныя силы. Для этого онѣ должны освободиться отъ вліянія духовенства, сковывающаго ихъ индивидуальность, и вести непримиримую борьбу съ русскимъ правительствомъ, которое уступитъ только передъ силой. Онѣ также должны употребить всѣ усилія, чтобы вырваться изъ когтей ростовщиковъ и торговцевъ. Въ области политической жизни „Varpas“ требовалъ для литовскаго народа политическаго и гражданскаго полноправія на почвѣ демократизаціи всего государственнаго строя Россіи. Въ немъ мы не встрѣчаемъ точнаго опредѣленія государственныхъ формъ, устанавливающихъ отношеніе между Литвой и остальной Россіей; однако въ отдѣльныхъ статьяхъ за собственной подписью, постоянные его сотрудники высказываются за полную политическую автономію края по типу Финляндіи.

Освобожденіе литовскаго народа „Varpas“ считаетъ возможнымъ только при условіи совмѣстныхъ солидарныхъ дѣйствій активныхъ его элементовъ съ активными элементами остальныхъ народовъ Россіи и въ томъ числѣ русскаго. Что касается евреевъ, то въ „Varpas'ѣ“ мы встрѣчаемъ антисемитскія статьи лишь какъ исключеніе: какъ выраженіе индивидуальныхъ взглядовъ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) его сотрудниковъ.

На страницахъ этого органа по временамъ попадаются и статьи въ соціалдемократическомъ духѣ, иногда это переводныя рѣчи или статьи Энгельса, Бебеля, Каутскаго. Это—отраженіе постепеннаго нагроможденія подъ его знаменіемъ соціалистическихъ элементовъ, что объясняется дѣятельностью группы въ средѣ сельскаго пролетаріата и малоземельнаго крестьянства [1]). Въ 1895 г. всѣ эти элементы, не порывая связи съ организаціей „Varpas'a“, образуютъ автономную ея группу подъ названіемъ „Kuopa“ (полное названіе „Lietuviu Socialdemocratu Kuopa“). Но это лишь одна изъ составныхъ частей будущей л. с. д. Главное ея ядро составляетъ группа литовскихъ соціалдемократовъ, работавшая въ Вильнѣ и окрестностяхъ въ средѣ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ и состоявшая изъ лицъ, которыхъ взгляды сложились съ одной стороны подъ вліяніемъ русскихъ с.-д., съ другой—п. п. с., а равно и „Varpas'a“.—Въ маѣ 1896 г. въ Вильнѣ состоялся съѣздъ обѣихъ вышеотмѣченныхъ соціалистическихъ литовскихъ организацій и на немъ именно образовалась л. с. д.

Политическая ея программа сложилась въ теченіе 1896—1897 г. г. подъ сильнымъ вліяніемъ п. п. с., и съ момента возникновенія партіи до ея съѣзда 1907 г. имѣетъ соціалнаціоналистическій характеръ.

---

1) Первымъ проявленіемъ соціалистическихъ тенденцій въ рядахъ литовскихъ демократовъ былъ издаваемый въ Америкѣ Иваномъ Шлюпасомъ въ 80-хъ г.г. органъ „Naya Gadina“.

Основнымъ требованіемъ этой программы является требованіе „самостоятельнаго демократическаго государства, состоящаго изъ Литвы, Польши, Украйны и др., объединенныхъ на федеративныхъ началахъ“. Для осуществленія этого своего требованія л. с.-д. считала необходимымъ: 1) установленіе самой тѣсной связи съ революціонными пролетарскими организаціями Польши, Литвы, Украйны съ цѣлью совмѣстной борьбы за національное освобожденіе каждаго изъ этихъ народовъ; 2) распространеніе среди всѣхъ угнетенныхъ націй взгляда, что всѣ они должны выставить въ своихъ программахъ требованіе свободной демократіи, на федеративныхъ началахъ. Что касается россійской конституціи, то партія заявляетъ, что она приметъ участіе въ борьбѣ за нее, буде таковая борьба вспыхнетъ раньше учрежденія независимаго демократическаго государства, но лишь съ тѣмъ, чтобы создать благопріятныя условія для борьбы за осуществленіе ея идеала, ибо она находитъ, что „свободное развитіе рабочаго класса всѣхъ странъ и народовъ Россіи нуждается въ раздѣлѣ этого государства.

Что касается тактической позиціи л. с.-д., то она признавала единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ политическаго освобожденія своей страны и народа борьбу народныхъ массъ. Организаціонная ея дѣятельность состояла въ образованіи партійныхъ политическихъ группъ и не принадлежащихъ къ ней, но находящихся съ ней въ нѣкоторой организаціонной связи—профессіональныхъ тайныхъ, классовыхъ союзовъ. Органами л. с.-д. были „Литовскій Рабочій“, „Рабочее Эхо“, оба—на польскомъ и литовскомъ языкахъ. Съ начала же 1906 г. послѣднее стало выходить легально, принявъ впослѣдствіи названіе „Топоръ“ (Торог).

Партійныя организаціи существовали: 1) въ Вильнѣ, 2) Ковнѣ, 3) Ригѣ, 4) Либавѣ, 5) Митавѣ, 6) Вилейкѣ, 7) Сувалкахъ etc., а также во многихъ деревняхъ. Въ нихъ составъ входили сначала, главнымъ образомъ, наемные рабочіе ремесленнаго и сельскохозяйственнаго производства, а впослѣдствіи и фабрично-заводскаго.

Одновременно съ л. с.-д. возникла и другая с.-д. организація—„Рабочій Союзъ Литвы“, выставившій въ программѣ требованіе демократизаціи государственнаго строя Россіи и гарантій свободнаго развитія всѣхъ силъ литовскаго и другихъ народовъ.

Дѣятельность „Союза“ была сосредоточена главнымъ образомъ въ средѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ Вильны, Минска, Сморгони, Нѣмана. Въ 1900 г. онъ соединился съ с.-д. Ц. П. и Л. Въ виду этого его характеристика не входитъ въ нашу задачу.

Дѣятельность л. с.-д. до революціи сводилась: 1) къ организаціи классовой борьбы литовскихъ рабочихъ и 2) культурной дѣятельности, между

прочимъ, къ распространенію литовской грамотности среди городскихъ рабочихъ, которыхъ она считала не поляками, а ополячившимися литовцами.

Чѣмъ сильнѣе развивался капитализмъ, тѣмъ болѣе усиливались въ ней с.-д. элементы, тѣмъ скорѣе она освобождалась отъ національнализма; но процессъ этотъ происходилъ медленно и съ нѣкоторыми отклоненіями отъ линіи, по которой онъ двигался.

Въ 1904 г. л. с.-д. еще находилась въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ п. п. с., чѣмъ съ р. с.-д. р. п.; она вела энергичную борьбу противъ войны; въ одно лишь лѣто 1904 г. ею было выпущено около 50.000 экз. воззваній; въ теченіе же всего года она издала болѣе 70.000 экз., брошюръ — 36,181 экз.

Но вотъ наступили событія 1905 г. Л. с.-д. вмѣстѣ съ с.-д. Ц. П. и Л., р. с.-д. р. п. и „Бундомъ“ призвала рабочихъ къ революціонной борьбѣ.

Но въ процессѣ революціи ея національнистическіе элементы нѣсколько разъ пытаются использовать движеніе въ интересахъ своихъ политическихъ стремленій. Уже въ воззваніяхъ, изданныхъ ея ц. к. въ январѣ 1905 г., мы находимъ преобладаніе сепаратистскихъ тенденцій; тамъ выставляются требованія: 1) независимаго федеративнаго государства; 2) созыва съ этой цѣлью, наряду съ петербургскимъ, также особаго учредительнаго собранія въ Вильнѣ.

Но въ теченіе 1905—1907 г.г. партія проявляетъ кипучую дѣятельность; ею организуется рядъ политическихъ и экономическихъ забастовокъ, митинговъ, демонстрацій во многихъ городахъ и деревняхъ, какъ-то: Вильно, Ковно, Рига, Либава, Сувалки, Шавли, Поневѣжъ, Купишки, Оникшты и мн. др. Она принимаетъ дѣятельное участіе въ бойкотѣ русской администраціи и школы, а также въ подготовкѣ и работѣ Литовскаго національнаго съѣзда, хотя и отказалась отъ участія въ организаціонномъ комитетѣ послѣдняго.

И именно, по мѣрѣ развитія революціонныхъ событій и выступленій въ нихъ л. с.-д., ея національнистическіе элементы постепенно все больше теряютъ вліяніе и на народныя массы и на судьбы самой партіи. Такъ, напр., на многихъ митингахъ, созванныхъ л. с.-д., были приняты резолюціи, не соотвѣтствовавшія этой программѣ: въ однихъ изъ нихъ требовалась автономія Литвы, въ другихъ созывъ учредительнаго собранія въ Петербургѣ и законодательнаго сейма въ Вильнѣ; въ Россіенахъ было выставлено требованіе демократической конституціи въ Россіи, автономіи Польши и самоуправленія Литвы; въ Купишкахъ: автономіи Литвы, литовской школы для литовцевъ, еврейской—для евревъ, польской для поляковъ.

Въ іюнѣ 1905 г. произошелъ съѣздъ партіи, и на немъ были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ ея программѣ. Но измѣненія эти были крайне раз-

нородны и иногда разнорѣчивы, какъ бы отражая въ себѣ разнородность состава партій. Такъ еще болѣе рѣзко были подчеркнуты ея сепаратисткія тенденціи: вмѣсто требованія демократическаго государства, составленнаго изъ Литвы, Польши и другихъ странъ, объединенныхъ на федеративныхъ началахъ, было принято требованіе литовской демократической республики, объединенной на федеративныхъ началахъ съ Польшей, Украйной и другими странами, входящими въ составъ Россійскаго государства. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ и партія изъ національной стала территоріальной и была названа с.-д. Литвы.

Очень существеннымъ дополненіемъ къ ея программѣ, отчасти вытекающимъ изъ ея новой позиціи, было введеніе требованія „пропорціональнаго культурнаго бюджета"—на культурныя потребности евреевъ и другихъ народовъ, населяющихъ Литву.

Но ослѣпленная успѣхами пролетарскаго движенія, партія совершенно не приняла особыхъ требованій въ защиту интересовъ крестьянства, не учитывая, такимъ образомъ, роли аграрнаго вопроса въ дѣлѣ политическаго преобразованія Россіи.

Всѣ вышеуказанныя измѣненія не удовлетворили значительной части партійныхъ элементовъ, и въ началѣ осени изъ л. с.-д. выдѣлилась группа, наименовавшая себя Литовской с.-д. рабочей партіей, издававшая органъ „Draugas". Въ № 3 послѣдняго, въ статьѣ „Почему мы выступили", указываются между прочимъ слѣдующія причины раскола: 1) отсутствіе въ л. с.-д. демократизма, абсолютизмъ центровъ и оторванность ихъ отъ рабочихъ массъ; 2) сектантство партіи въ ея отношеніи къ п. п. с. и неспособность ея использовать для революціи буржуазныя партіи и буржуазные элементы вообще; 3) необходимость съ точки зрѣнія „Драугаса" ограничить дѣятельность ея исключительно рабочими, говорящими на литовскомъ языкѣ, предоставивъ остальныхъ вліянію соціалистическихъ партій другихъ національностей; 4) неумѣстность постулята независимости Литвы; 5) необходимость спеціальной аграрной программы. Особенно опаснымъ для с.-д. идеологіи партіи „драугасисты" считали псевдо-радикализмъ ея, проявляющійся въ стремленіи подчинить этой идеологіи буржуазные элементы и соотвѣтствующіе таковому методы борьбы съ л. д. п., такъ какъ этотъ „радикализмъ" могъ повести къ постепенному превращенію л. с.-д. въ организацію буржуазно-демократическую. Напротивъ, „Драугасъ" находилъ необходимыми соглашенія съ л. д. п., но въ то же время и критику ея, но съ точки зрѣнія ея демократическихъ задачъ, а не чуждыхъ ей соціалистическихъ. Въ 1906 г. обѣ партіи объединились опять, при чемъ въ послѣдующей дѣятельности л. с.-д. учла позицію „Драугаса". Отчасти благодаря этому именно въ томъ же году наступило объединеніе ея съ с.-д. Литвы—Литовской организаціей п. п. с. Вслѣдствіе этого

ускорился темпъ процесса освобожденія ея отъ пережитковъ національнзма. Впрочемъ въ послѣднемъ еще болѣе видную роль сыграли: 1) резолюціи Литовскаго національнаго съѣзда, обнаружившія, что широкія массы народа чужды сепаратизма и считаютъ лучшимъ средствомъ разрѣшенія литовскаго вопроса реализацію автономіи Литвы на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи и 2) упроченіе связи партіи съ широкими массами населенія въ виду начатой ею въ дни свободъ открытой массовой организаціонной дѣятельности. Въ теченіе 1906—1907 г.г. по ея иниціативѣ образуются безпартійные открытые классовые профессіональные союзы; она принимаетъ участіе во всѣхъ культурно-просвѣтительныхъ и во многихъ кооперативныхъ обществахъ.

Профессіональная дѣятельность сближаетъ л. с.-д. съ р. с.-д. р. п. и „Бундомъ“, работающими въ этой области на аренѣ одной съ ней территоріи, и усиливаетъ настоятельность организаціоннаго объединенія съ этими партіями, что въ свою очередь благопріятно отражается на дѣлѣ освобожденія ея отъ національзма.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ на партію и ея участіе въ избирательной кампаніи.

Во время выборовъ въ I Госуд. Думу л. с.-д. занимаетъ бойкотистскую позицію. Во второй же избирательной кампаніи она обнаруживаетъ энергичную дѣятельность, при чемъ для успѣшной борьбы съ реакціонными партіями входитъ въ соглашеніе съ л. д. п., р. с.-д. р. п., с.-д. Ц. П. и Л., сіонистами соціалистами. Въ результатѣ проводитъ во II Думу 5 своихъ членовъ, которые входятъ съ правомъ совѣщательнаго голоса въ Думскую с.-д. фракцію, какъ автономное ея подотдѣленіе. Изданное депутатами с.-д. отъ Литвы воззваніе къ избирателямъ является по своему содержанію выраженіемъ поворота партіи въ сторону строго с.-д. позиціи. Въ немъ депутаты заявляютъ, что они будутъ бороться за: 1) преобразованіе Г. Думы въ демократически избранное законодательное Собраніе; 2) автономію Литвы съ особымъ законодательнымъ сеймомъ въ Вильнѣ; 3) введеніе литовскаго языка въ дѣлопроизводство и школьное преподаваніе; 4) признаніе въ Литвѣ равныхъ правъ языкамъ: поляковъ, бѣлоруссовъ, русскихъ и др.

Весной 1907 г. состоялась конференція л. с.-д., на которой рѣшено войти въ р. с.-д. р. п. и на автономныхъ началахъ, идентичныхъ съ тѣми, на какихъ вошла с.-д. Латышскаго края, а на Лондонскомъ съѣздѣ р. с.-д. р. п. присутствовалъ въ роли гостя представитель л. с.-д., привѣтствовавшій отъ ея имени съѣздъ. Въ томъ же году состоялся и партійный съѣздъ л. с.-д., завершившій ея эволюцію, происходившую въ области ея программы въ революціонный періодъ. На немъ постулятъ независимости Литвы былъ замѣненъ постулятомъ россійскаго демократическаго государства и автономіи Литвы съ

опредѣленіемъ компетенціи литовскаго сейма слѣдующимъ образомъ: 1) культурныя дѣла; 2) аграрный вопросъ; 3) областная администрація; 4) налоги на нужды края; 5) судъ; 6) милиція.

Съ тѣхъ поръ начинается новый періодъ въ развитіи л. с.-д.: она работаетъ въ Литвѣ, какъ классовая организація пролетаріата, выступающая подъ знаменемъ международнаго соціализма.

II. Литовская демократическая партія.

Въ 1902 г., т.-е. 6 лѣтъ спустя послѣ образованія л. с.-д., организуется Литовская демократическая партія (л.-д. п.). Нельзя не отмѣтить, что уже съ момента ея образованія національный вопросъ,—въ частности отношеніе къ Россіи,—былъ поставленъ въ ея программѣ правильнѣе, чѣмъ ставился въ то время въ л. с.-д. Партія, признавая конечнымъ политическимъ идеаломъ литовскаго народа независимость Литвы, находитъ необходимымъ для его осуществленія предварительное развитіе всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, условіемъ же такового развитія считаетъ демократическую конституцію въ Россіи и, какъ ея слѣдствіе, — широкую автономію Литвы въ ея этнографическихъ границахъ.

Правда, въ 1903 г. партія, быть можетъ, изъ демагогическихъ соображеній, подчеркиваетъ значеніе постулата независимости Литвы. Но уже въ началѣ 1906 г., когда она распространила свое вліяніе на широкіе слои крестьянства и несомнѣнно подъ вліяніемъ событій 1905 г., а особенно позиціи, занятой въ національномъ вопросѣ общелитовскимъ съѣздомъ, опять выдвигаетъ на первый планъ требованіе автономіи этнографической Литвы на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Далѣе, мы видимъ требованія: введенія литовскаго языка въ дѣлопроизводство и школьное преподаваніе; демократизаціи школъ; отдѣленія церкви отъ государства и отъ школы; полныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ для литовцевъ и всего населенія Литвы.

Партія заявляетъ, что она выступаетъ на борьбу за интересы не одного какого-либо класса, а всего народа.

Принимая же во вниманіе необходимость экономіи силъ въ дѣлѣ этой борьбы, а равно успѣшность дѣятельности л. с.-д. въ средѣ литовской рабочей массы, она считаетъ необходимымъ, не создавая конкурренціи послѣдней, сосредоточить всѣ свои силы на дѣятельности среди интеллигенціи, крестьянъ и городской буржуазіи. Въ защиту интересовъ крестьянъ л. д.-п. выставила спеціальную программу. Сначала требованія въ этой области—слѣдующія: 1) упраздненіе выкупныхъ платежей, повинностей въ натурѣ,

ограниченія правъ поляковъ и католиковъ въ дѣлѣ покупки земель; 2) раздѣлъ правительственныхъ земель между безземельными; 3) мѣры къ облегченію для крестьянъ парцеляціоннаго и меліораціоннаго кредита; 4) разрѣшеніе крестьянамъ организоваться во всякаго рода общества; 5) уравненіе крестьянъ во всѣхъ правахъ съ остальными гражданами страны. Но въ началѣ 1906 г. подъ знаменемъ партіи образуется крестьянскій союзъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позиція ея въ области аграрнаго вопроса становится радикальнѣе; въ ея программѣ 1906 г. сеймъ признается верховнымъ собственникомъ всей земли и имѣетъ право распоряжаться ею по собственному усмотрѣнію; онъ опредѣляетъ maximum размѣра земледѣльческаго хозяйства; для удовлетворенія потребностей малоземельныхъ и безземельныхъ— образуетъ національный земельный фондъ, въ который входятъ: 1) земли и лѣса—государственные и кабинетскіе; 2) частновладѣльческія земли, получаемыя въ наслѣдство отъ дальнихъ родственниковъ; 3) составляющія излишекъ по сравненію съ опредѣленнымъ раньше размѣромъ; 4) частновладѣльческія земли, выкупленныя за счетъ страны; 5) всѣ лѣса.

Для успѣшной борьбы за политическое и національное освобожденіе народа л. д.-п. пропагандируетъ идею объединенія съ революціонными и оппозиціонными элементами всей Россіи. Въ основу организаціи партіи положены кружки со спеціальными функціями: пропаганды и агитаціи, изданія и распространенія политической литературы; для развитія въ массахъ самодѣятельности; таковы:

Кружки грамотности, гимнастическія, устройства любительскихъ представленій и т. д.

Органами ея были: „Varpas“—для политическаго руководства партіей и „Ukinikas“ для пропаганды и агитаціи среди крестьянъ.

Въ революціонный періодъ л. д. п. поддерживала дѣятельность л. с.-д.; между ними заключались или временныя боевыя соглашенія, или болѣе или менѣе прочные блоки.

Въ организаціи литовскаго національнаго съѣзда л. д. п. играла главную роль.

Ко времени этого съѣзда энергичная борьба литовскихъ крестьянъ съ одной стороны и возникновеніе Всероссійскаго крестьянскаго союза съ другой—привели часть партіи къ заключенію о необходимости созданія въ Литвѣ спеціальной крестьянской организаціи. Для реализаціи этой задачи образовался изъ ея членовъ особый комитетъ, принявшій участіе въ подготовкѣ національнаго съѣзда, которымъ онъ и воспользовался, положивъ во время него основы крестьянской организаціи, какъ спеціальнаго автономнаго отдѣленія л. д. п.

Л. д. п. безспорно содѣйствовала развитію политическаго сознанія

литовскихъ народныхъ массъ, своей открытой легальной дѣятельностью. Уже вскорѣ послѣ отмѣны стѣсненій литовскаго языка, главнымъ образомъ, благодаря ея дѣятельности возникли легальныя періодическія изданія; въ 1905—1906 г. она стала источникомъ, изъ котораго черпали свои силы культурно-просвѣтительныя и кооперативныя общества, какъ напр., „Свѣтъ“ (Swicza), „Маріампольское земледѣльческое общество“, крестьянскіе земледѣльческіе кружки. Она поняла сразу важное значеніе—для дѣла политическаго освобожденія—Государственной Думы и приняла живое участіе въ первой избирательной кампаніи, въ которой одержала побѣду надъ всѣми націоналистическими и клерикальными литовскими и польскими элементами и провела въ Думу 4 своихъ кандидатовъ, при чемъ и три остальныхъ депутата приближались къ ней по общему характеру своихъ взглядовъ и дѣятельности. Во второй избирательной кампаніи, какъ извѣстно, побѣдила л. с.-д., но все же л. д. п. удалось провести двухъ своихъ видныхъ приверженцевъ—Булата и Леонаса.

Послѣ того, какъ въ 1907 г. крестьянская организація л. д. п. была разбита арестами, партія эта приняла болѣе умѣренный характеръ, но все же и теперь ея позиція—значительно лѣвѣе кадетской и въ крестьянской средѣ за ней сохранилось сильное вліяніе.

Остальныя литовскія организаціи.

Третья литовская политическая партія—„Союзъ литовскихъ христіанскихъ демократовъ“, образовавшійся въ 1905 г., былъ центромъ реакціонныхъ литовскихъ элементовъ. Онъ ведетъ свое происхожденіе отъ появившагося въ Тильзитѣ въ 1890 г. журнала „Apzwalga“. Послѣдній выражалъ теченіе, считавшее возможнымъ политическое и національное освобожденіе литовскаго народа только подъ знаменемъ католической церкви. Когда въ 1896 г. „Apzwalga“ прекратилъ свое существованіе, начатое имъ дѣло велъ дальше журналъ „Tevynas Sorgas“ (Отечественный Стражъ). Наконецъ въ 1905 г. организовался с. л. х. д.

Въ опубликованномъ въ 1907 г. въ журналѣ „Драугасъ“ проектѣ программы с. л. х. д. выставлены требованія: демократизаціи государственнаго строя Россіи и автономіи этнографической Литвы, а также полнаго равноправія всѣхъ гражданъ, независимо отъ націи, происхожденія, профессіи, вѣроисповѣданія, свободы монастырей, культа, конгрегацій, братствъ, введенія литовскаго языка въ дѣлопроизводство и въ начальныя школы, а въ среднія въ качествѣ преподаваемаго.

Относительно тактики партіи мы узнаемъ изъ вышеотмѣченнаго доку-

мента лишь то, что она исключаетъ изъ средствъ своей дѣятельности— „непримиримую борьбу“ съ противниками и правительствомъ.

С. л. х. д. не удалось охватить широкихъ массъ, и въ теченіе 1905—1907 г.г. онъ влачилъ жалкое существованіе. Это объясняется отсутствіемъ у литовцевъ болѣе или менѣе сильнаго дворянскаго элемента, ибо живущее на территоріи литвы дворянство въ громадномъ своемъ большинствѣ—польскаго происхожденія. И „Союзъ“ до сихъ поръ остается организаціей духовенства и наиболѣе невѣжественной части крестьянъ, главнымъ образомъ, зажиточныхъ.

По тѣмъ же причинамъ не развились и двѣ другія реакціонныя партіи: 1) образовавшаяся въ началѣ 1906 г.—литовская національдемократическая партія и 2) организованная въ Вильнѣ въ томъ же году по иниціативѣ еп. Роопа—конституціонно-католическая.

Обѣ онѣ по общему своему характеру приближаются къ польской н.-д. партіи, которая, впрочемъ, тоже имѣетъ свои отдѣленія въ Литвѣ, поддерживаемая тамъ польскими помѣщиками; разница въ томъ, что 1) литовскіе н.-д.—націоналисты литовскіе, враждебно относящіеся къ полякамъ; 2) к.-к.—партія не національная литовская, но территоріальная; но она обладаетъ большей дозой клерикализма, чѣмъ польская или литовская н.-д.

Не долго просуществовали и не сыграли почти никакой роли въ жизни Литвы и двѣ либеральныя польскія организаціи этого края—„Польскій демократическій союзъ Литвы и Бѣлоруссіи“, и „Польскій союзъ общественной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи“. Причина упадка послѣднихъ кроется, главнымъ образомъ, въ томъ, что и развитіе капитализма, и развитіе классовой борьбы, а равно литовскаго національнаго движенія, сдѣлали польское дворянство въ Литвѣ, среди котораго пытались работать обѣ организаціи, крайне реакціоннымъ и совершенно недоступнымъ для либеральныхъ тенденцій; на крестьянство же онѣ не могли опереться, такъ какъ 1) польское крестьянство въ Литвѣ—малочисленно; 2) крестьянство не довѣряло имъ въ виду ихъ компромисснаго, утопическаго отношенія къ помѣщикамъ.

Только л. с.-д. и л. д. п. до сихъ поръ являются выразительницами политическихъ стремленій литовцевъ, поскольку такія стремленія проявляются.

Украина.

Украинскія партіи.

Въ періодъ 1905—1907 г.г. главную роль въ политической жизни украинскаго народа играли: 1) Украинская „Спілка“ р. с.-д. р. п., 2) Украинская с.-д. партія и 3) Украинская радикально-демократическая партія. Такія же группы, какъ группы народовцевъ и особенно примирителей, вліяніемъ на широкія народныя массы не пользовались, и ихъ роль въ политическихъ событіяхъ очень ограничена. Это объясняется слѣдующими причинами: 1) крупный капиталъ на Украинѣ находится въ рукахъ русскихъ, поляковъ, евреевъ и отчасти иностранцевъ: дворянское сословіе незначительно и опять-таки принадлежитъ къ польской и русской народности; громадное большинство населенія состоитъ изъ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, деревенскихъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ и интеллигенціи; 2) долголѣтній національный гнетъ выработалъ у украинцевъ, такъ же, какъ и у другихъ народовъ съ подобнымъ же составомъ населенія, склонность къ воспріятію революціонныхъ, въ частности соціалистическихъ идей; 3) зажиточные классы, не принадлежа къ украинской національности, примкнули къ русскимъ либеральнымъ и консервативнымъ партіямъ.

Всѣ украинскія партіи вышли изъ рядовъ т. наз. „украинофильскаго“ теченія, начавшагося въ сороковыхъ и развившагося въ 80-хъ—90-хъ г.г. XIX столѣтія.

Источникомъ трехъ вышеотмѣченныхъ партій—„Спілки“, украинской с.-д. и радикально-демократической была украинская революціонная партія [1]) (р. у. п.), образовавшаяся въ 1901 г. изъ лѣваго крыла украинофиловъ, въ то время, когда эпигоны ихъ праваго крыла уже въ теченіе 10 слишкомъ лѣтъ работали въ Галиціи и отчасти въ русской Украинѣ, выступая какъ партія народовцевъ. Р. у. п. однако сразу стала единственной вліятельной партіей въ русской Украинѣ и привлекла къ себѣ самые разнородные элементы, начиная отъ с.-д. и кончая приближающимися по своимъ идеаламъ и тактикѣ къ народовцамъ.

Послѣдніе старались взять въ свои руки руководство партіей, но без-

[1]) Я не говорю здѣсь о т. наз. Украинской соціалистической партіи, образовавшейся въ 1900 г., ибо она была лишь украинской секціей націоналистической тогда. п. п. с. и фактически никакой силы не представляла; впослѣдствіи она вошла въ р. у. п.

успѣшно. Правда, первая ея программная брошюра „Самостійная Украина“ имѣетъ узко-національнический характеръ, но она сразу вызвала недовольство значительной части р. у. п., а годъ спустя послѣ ея выхода партія отъ нея совершенно отказалась. Ея органами становятся „Гасло“ и „Селянинъ“.

На-ряду съ ними, она издала много соціалистическихъ брошюръ, самаго разпороднаго содержанія, начиная съ научныхъ—соціологическихъ и историческихъ—переводныхъ съ нѣмецкаго, и кончая агитаціонными изданіями для широкихъ крестьянскихъ массъ. Ея классовой составъ: интеллигенція, крестьянская средняя и мелкая буржуазія и рабочіе, главнымъ образомъ, сельскохозяйственные.

Строго опредѣленной программы она не имѣла, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своей дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ ея соціалистическія тенденціи не воспринимались идущими за нею массами.

Р. у. п.—это первая украинская вліятельная буржуазно-демократическая партія. „Гасло“ въ первыхъ своихъ №№ заявило, что „цѣль соціализма для него—ничто, а движеніе, политическая и національная борьба—все“. Политическія требованія ея, несмотря на различную формулировку ихъ въ разное время, въ общемъ и цѣломъ сводились къ переустройству Россіи на демократическихъ и федеративныхъ началахъ и установленію федеративныхъ отношеній между Украиной и остальными частями Россійскаго государства.

Въ виду быстрой политической дифференціаціи, происходившей въ періодъ 1903—1907 г.г. во всемъ россійскомъ разноплеменномъ населеніи, и р. у. п. въ теченіе 1903—1905 г.г. подвергается цѣлому ряду измѣненій и дифференціаціи. Сначала изъ нея выступаютъ наиболѣе національническіе элементы и, сообща съ нѣкоторыми приверженцами галиційской партіи народовцевъ, организуются въ чисто-самостоятельную мѣстную, совершенно автономную по отношенію къ галиційской организаціи, укр. народную партію.

Въ концѣ 1904 г. изъ р. у. п. выдѣляется группа революціонныхъ с.-д., недовольная наличностью въ партіи мелкобуржуазныхъ элементовъ, и присоединяется къ р. с.-д. р. п., принявъ названіе „Украинской Спілки р. с.-д. р. п.“. Въ р. у. п. остаются: 1) мелкобуржуазные элементы, 2) часть сельскаго пролетаріата и 3) соціалистическая интеллигенція, склонная къ сотрудничеству, во имя національныхъ интересовъ, съ революціонной частью буржуазіи.

Подъ давленіемъ событій 1905 г. партія эта все болѣе освобождается отъ пережитковъ націонализма и становится на точку зрѣнія классовой политики пролетаріата. Это приводитъ къ новому расколу. Р. у. п. распадается на три части: 1) украинскую с.-д. р. п.; 2) укр. демократическую

и 3) украинскую радикальную партіи. Двѣ послѣднихъ вскорѣ объединяются въ одну радикально-демократическую партію, впитавъ въ себя при этомъ лѣвое крыло народной партіи.

I. Украинская с.-д. рабочая партія.

Въ основу программы у. с.-д. р. п. взяты были теоретическія положенія эрфуртской программы с.-д. партіи Германіи. Политическая ея позиція выражена въ требованіяхъ: 1) автономіи Украины на почвѣ переустройства государственнаго порядка Россіи; 2) націонализаціи школъ; 3) передачи національному сейму завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ; 4) введенія украинскаго языка во всѣ государственныя и общественныя учрежденія страны.

Характерной чертой у. с.-д. р. п., также какъ и нѣкоторыхъ другихъ національныхъ с.-д. организацій, является сосредоточеніе ею вниманія въ гораздо большей степени на національномъ вопросѣ, чѣмъ на злободневныхъ вопросахъ изъ области политики, тактики и организаціи.

По вопросу объ автономіи Украины ею была принята на съѣздѣ слѣдующая резолюція:—„Принимая во вниманіе, что процессъ экономической централизаціи является лишь одной стороной экономической эволюціи, другой же ея стороной слѣдуетъ считать экономическую децентрализацію, которая ведетъ за собой децентрализацію политическую; что политическія формы въ процессѣ своего развитія приспособляются къ экономическимъ, индивидуальнымъ, бытовымъ, психологическимъ и культурнымъ особенностямъ каждой націи; что демократизація государственнаго строя нуждается въ децентрализаціи въ области законодательства, администраціи, судопроизводства; что въ интересахъ уничтоженія національнаго гнета, поскольку это возможно въ предѣлахъ капиталистическаго строя, является передача всѣхъ тѣхъ функцій общественной жизни, въ которыхъ проявляется національный гнетъ, въ руки представительнаго собранія національно-территоріальной единицы, II съѣздъ у. с.-д. р. п., въ интересахъ развитія классовой борьбы и производительныхъ силъ Украины, принимаетъ въ свою программу постулятъ автономіи Украины съ областнымъ законодательнымъ сеймомъ, компетентнымъ во всемъ, что касается населенія Украины“.

Принявъ с.-д. программу, У. с.-д. р. п. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила объединиться съ р. с.-д. р. п., что съ самаго начала года диктовалось развитіемъ политической борьбы. Но объединеніе она считала нужнымъ лишь на „федеративныхъ началахъ“.

И въ области аграрнаго вопроса У. с.-д. р. п. приблизилась къ р. с.-д. р.

п.: она, по ея собственному заявленію, приняла т. н. программу муниципализаціи, принятую годъ спустя Стокгольмскимъ съѣздомъ р. с.-д. р. п.

Согласно ея толкованію этой программы вся земля: государственная, кабинетная и частновладѣльческая должна перейти въ руки областного автономнаго сейма.

Органомъ партіи былъ журналъ „Праця“ (Трудъ).

Во время событій 1905 г. раньше р. у. п., а затѣмъ у. с.-д. р. п. выступали солидарно съ р. с.-д. р. п.

Въ нѣкоторыхъ городахъ она входила въ соглашеніе съ ея организаціями съ цѣлью координаціи дѣйствій.

Въ процессѣ борьбы она расширила предѣлы своего вліянія. Къ концу 1905 г. у. с.-д. р. п. имѣла организаціи въ слѣдующихъ городахъ: Житомирѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ на Дону, Полтавѣ, на Кубани и во многихъ мѣстечкахъ, имѣніяхъ и деревняхъ Украины.

Послѣ 17 октября партія старалась использовать всѣ легальныя возможности. Къ сожалѣнію, это ей не всегда удавалось. Такъ, напр., въ области организаціи она безсознательно пошла по линіи наименьшаго сопротивленія, въ предположеніи, что поступаетъ согласно принципамъ наиболѣе революціоннаго с.-д. теченія: она признала необходимой организацію партійныхъ профессіональныхъ союзовъ.

Зато гораздо болѣе продуктивной была ея легальная издательская дѣятельность. Въ началѣ 1906 г. у. с.-д. р. п. стала издавать въ Петербургѣ теоретическій органъ—„Вільна Украина“ и основала тамъ же издательство „Боротьба“. Органъ былъ закрытъ на № 6; издательство—послѣ выпуска 6 брошюръ, изъ которыхъ большинство было конфисковано. Въ маѣ стала выходить партійная легальная газета въ Кіевѣ подъ названіемъ „Боротьба“, но послѣ изданія 4 №№ была пріостановлена администраціей. Послѣ еще нѣсколькихъ этого рода попытокъ партія перешла къ изданію нелегальнаго органа—„Соціалъ-демократъ“. Она также приняла дѣятельное участіе въ организаціи культурно просвѣтительныхъ обществъ—„Просвіты“. Что касается Государственной Думы, то первую Думу у. с.-д. р. п. бойкотировала.

Но послѣ разгона I Думы состоялась конференція у. с.-д. р. п., которая рѣшила участвовать во II избирательной кампаніи на томъ основаніи, что „конституціонныя иллюзіи“ были достаточно разсѣяны фактомъ разгона, участіе же въ выборахъ можетъ принести большую пользу дѣлу развитія классоваго сознанія.

Что касается тактики на время выборовъ, то у. с.-д. р. п. входила во временныя соглашенія со всѣми тѣми политическими группами, которыя по своей программѣ и тактикѣ стояли не правѣе к.-д., а именно: съ р. с.-д. р. п.,

„Будомъ“, с.-с., п.-ц., „Серпомъ“, радикально-демократической, „Трудовой“, к.-д. Благодаря энергичной дѣятельности, партіи, несмотря на крайне неблагопріятныя условія избирательной кампаніи, все же удалось провести въ Думу одного своего представителя, а именно Вовчинскаго, отъ Кіевской губ., который въ Думѣ вошелъ въ думскую с.-д. фракцію.

Участіе въ выборахъ, по мнѣнію самой у. с.-д. р. п., еще болѣе содѣйствовало росту ея, чѣмъ борьба 1905 г.; въ 1907 г. она насчитывала свыше 3.000 членовъ въ своихъ политическихъ организаціяхъ; 500—въ профессіональныхъ союзахъ.

Постоянная же дѣятельность среди широкихъ рабочихъ массъ содѣйствовала дальнѣйшему освобожденію ея отъ націонализма и сближенію съ р. с.-д. р. п.

Въ этомъ отношеніи очень интересны два слѣдующихъ документа: 1) резолюція III ея съѣзда, происходившаго весной 1907 г., объ отношеніи къ дѣятельности „Украинской Трудовой Громады“ и 2) резолюція того же съѣзда объ объединеніи съ р. с.-д. р. п.

Содержаніе первой слѣдующее: a) у. с.-д. р. п. считаетъ вредной національную группировку въ рядахъ „Громады“ разнородныхъ въ классовомъ отношеніи элементовъ; b) она находитъ необходимой рѣзкую критику ея мелкобуржуазной позиціи и откалываніе отъ нея съ цѣлью присоединенія къ думской с.-д. фракціи всѣхъ пролетарскихъ элементовъ; c) все же она высказывается за поддержку тѣхъ выступленій „Громады“, которыя согласны съ интересами и стремленіями пролетаріата; d) націоналистической позиціи „Громады“ партія будетъ противоставлять свою, строго классовую точку зрѣнія въ области національнаго вопроса; e) она считаетъ невозможной принадлежность депутатовъ с.-д. къ „Громадѣ“.

Объединеніе же съ р. с.-д. р. п. признается возможнымъ на началахъ автономіи; при этомъ: a) у. с.-д. р. п. входитъ въ р. с.-д. р. п. въ качествѣ ея національной, украинской организаціи; b) она имѣетъ свое представительство въ ц. к. р. с.-д. р. п.; c) мѣстные комитеты у. с.-д. р. п. создаются на основѣ пропорціональныхъ выборовъ, d) р. с.-д. р. п. признаетъ постулятъ автономіи Украины.

Послѣднимъ событіемъ въ жизни у. с.-д. р. п. въ описываемый нами періодъ было ея участіе въ Штутгартскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ.

Въ 1908 и 1909 г.г. у. с.-д. р. п. развила дальше свою программу въ области національнаго вопроса, высказавшись за экстерриторіальную автономію національныхъ меньшинствъ.

II. Украинская Радикально-Демократическая партія.

Радикально-демократическая партія по своей политической программѣ приближается къ программѣ minimum у. с.-д. р. п.

Она формулируетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Мы стремимся къ тому, чтобы Россія стала конституціонно-демократическимъ государствомъ въ настоящемъ значеніи этого слова.

Государственная Дума должна гарантировать населенію свободу слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ, вѣроисповѣданій, а равно отмѣнить смертную казнь.

Слѣдуетъ ввести законъ, согласно которому никто не долженъ быть ни обысканъ, ни арестованъ безъ соотвѣтствующаго постановленія суда. Должна быть объявлена всеобщая амнистія. Наши депутаты въ Думѣ должны требовать введенія всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго голосованія при выборахъ въ Думу. Дума должна имѣть право разрѣшать, съ согласія Государя, всѣ вопросы законодательнаго и административнаго характера. Ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ безъ Думы; безъ ея согласія не могутъ быть производимы государственные займы. Срокъ военной службы долженъ быть сокращенъ. Солдаты должны отбывать воинскую повинность въ своей родной странѣ. Идеаломъ будущаго является упраздненіе постояннаго войска и замѣна его милиціей. Слѣдуетъ немедленно установить обязательное безплатное обученіе съ облегченіемъ болѣе способнымъ дѣтямъ полученія дальнѣйшаго образованія. Украинскія дѣти должны обучаться на украинскомъ языкѣ, какъ въ низшихъ, такъ равно въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Украинскій языкъ долженъ быть введенъ въ дѣлопроизводство. Въ виду размѣровъ и разноплеменности населенія Россіи, каждая изъ входящихъ въ ея составъ странъ, отличающаяся особымъ составомъ населенія, должна быть надѣлена автономіей".

Украина должна имѣть свой національный совѣтъ.—„Когда нужды всѣхъ народовъ будутъ удовлетворены, тогда государство окрѣпнетъ, ибо не только ни одинъ народъ не захочетъ оторваться отъ него—читаемъ мы въ программѣ у. р.-д. п.,—но, наоборотъ, всѣ будутъ его защищать отъ враговъ". Далѣе партія требуетъ: широкаго мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ; введенія вмѣсто всѣхъ нынѣ существующихъ налоговъ—одного прогрессивно-подоходнаго. Полагая, что современемъ все производство станетъ общественнымъ, у. р.-д. п. въ настоящій моментъ требуетъ широкаго фабричнаго законодательства, охраняющаго жизнь и здоровіе рабочихъ и устанавливающаго 8 ч. рабочій день.

Въ области аграрныхъ отношеній партія, считая необходимымъ переходъ

всей земли — государственной, удѣльной, кабинетской и за соотвѣтствующее вознагражденіе частновладѣльческой въ руки автономнаго сейма для передачи ея въ пользованіе крестьянамъ, въ настоящій моментъ, въ качествѣ временнаго паліатива требуетъ: 1) упорядоченія аренды, 2) уменьшенія арендной платы, 3) расширенія правъ мелкихъ арендаторовъ-землевладѣльцевъ.

Въ составъ у. р.-д. п. входятъ крестьяне мелкіе и средніе собственники, городская мелкая и средняя буржуазія и значительные слои интеллигенціи. Ея органомъ была издаваемая легально газета „Рідный Край".

Въ 1905 г. элементы, вошедшіе впослѣдствіи въ р.-д. п., поддерживали всѣ революціонныя выступленія пролетаріата и крестьянства; сначала они это дѣлали подъ знаменемъ р.-у. п., потомъ — двухъ отдѣльно существовавшихъ партій: укр. радикальной и укр. демократической.

Ея дѣятельность носила всегда страстный національный характеръ, но элементъ націоналистическій былъ въ ней очень слабъ.

Несмотря на то, что у. р.-д. п. опиралась на мелкую буржуазію и крестьянство, сталкивающіеся на почвѣ экономической дѣятельности съ еврейскимъ элементомъ, она все же не имѣла антисемитскаго характера. Такъ, напр., послѣ бѣлостокскаго погрома разныя ея организаціи приняли резолюціи, протестующія противъ этого событія и его виновниковъ; для характеристики ихъ отмѣтимъ здѣсь содержаніе полтавской резолюціи.

Организація у. р.-д. п. заявляетъ въ ней, что она выражаетъ свое глубокое негодованіе по поводу бѣлостокскаго погрома, отмѣчаетъ активную роль въ немъ правительственныхъ агентовъ и, выражая свое горячее сочувствіе еврейскому народу, констатируетъ, что погромы страшны не только для евреевъ, но и для русскихъ, такъ какъ они развращаютъ послѣднихъ, возбуждая въ нихъ звѣрскія чувства. Начались выборы въ I Думу. Пролетарскія партіи „Спілка" и у. с.-д. р. п. приняли тактику бойкота.

Это отразилось и на у. р.-д. п. Въ ея средѣ возникли разногласія по вопросу объ избирательной кампаніи, и партія успѣла очень мало, такъ какъ ея дѣятельность была очень слабо организована и лишена планомѣрности.

Все же въ I Думѣ оказалось свыше 30 украинцевъ, среди которыхъ преобладали радикалы и демократы, и была организована національная украинская фракція.

Но роспускъ Думы не далъ ей возможности проявить своей дѣятельности.

Какъ въ I, такъ и во II Думѣ члены у. р.-д. п. выдвигали лозунгъ отвѣтственнаго министерства. Во второй избирательной кампаніи у. р.-д. п. выступила во всеоружіи. Она для проведенія своихъ кандидатовъ входила въ избирательныя соглашенія съ соціалдемократическими и радикальными

элементами, а мѣстами съ к.-д. Въ результатѣ изъ 40 депутатовъ-украинцевъ свыше 30 оказалось оффиціально или неоффиціально принадлежавшими къ у. р.-д. п. Украинскіе депутаты сразу образовали національную „Громаду“ и сначала вошли на автономныхъ началахъ въ группу трудовиковъ, потомъ же, подъ вліяніемъ избирателей, выступили изъ нея и образовали вполнѣ самостоятельную организацію.

„Украинская Громада“ II Думы издавала свой спеціальный органъ: „Рідна Справа“. Изъ ея выступленій слѣдуетъ отмѣтить два: 1) изданіе ею своей декларацін и 2) позицію, занятую сю въ вопросѣ о народномъ образованіи.

Въ декларацін она прежде всего заявляетъ, что, выставляя требованіе автономіи Украины, она тѣсно связываетъ его осуществленіе съ дѣломъ демократизаціи Россіи и въ виду этого будетъ поддерживать всѣ оппозиціонные элементы, къ какой бы національности они ни принадлежали. Затѣмъ въ ней изложены требованія, цитированныя уже нами въ программѣ у. р.-д. п.

Только въ области аграрныхъ требованій сдѣлано измѣненіе. „Громада“ заявляетъ, что она считаетъ необходимымъ принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, превышающихъ трудовую норму, не упоминая о вознагражденіи ихъ нынѣшнихъ собственниковъ. Это плодъ съ одной стороны наказовъ, присылаемыхъ крестьянами-избирателями, съ другой — вліянія лѣваго крыла Думы вообще, а трудовой группы въ частности.

Когда министерство народнаго просвѣщенія внесло въ Думу законопроектъ относительно народнаго образованія, „Украинская Громада“ предложила къ нему слѣдующія поправки: 1) преподаваніе въ школахъ должно вестись на родномъ языкѣ учащихся; 2) полиція не должна вмѣшиваться въ дѣла образованія; 3) должны быть устроены курсы для учителей съ преподаваніемъ въ нихъ: украинскаго языка, исторіи, литературы; 4) преподаваніе украинскаго языка должно быть введено въ учительскихъ семинаріяхъ; 5) необходимы каѳедры украинскаго языка, литературы, исторіи въ университетахъ: Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ.

На-ряду съ этимъ „Украинская Громада“ собирала матеріалъ для законопроектовъ объ автономіи, мѣстномъ самоуправленіи, судѣ, но роспускъ II Думы не далъ ей возможности закончить эту дѣятельность.

Дѣятельность „Укр. Громады“ II Думы завершаетъ характеристику укр. радик.-демокр. партіи, какъ политической организаціи. Намъ остается еще указать на ея культурную дѣятельность.

Послѣдняя проявилась главнымъ образомъ въ организаціи: 1) образовательныхъ обществъ—„Просвіты“ и 2) кооперативовъ.

III. Реакціонные элементы украинскаго народа.

1) Украинская народная партія; 2) правые.

Какъ мы уже замѣтили выше, „Украинская народная партія“ не играла болѣе или менѣе замѣтной роли въ политическихъ событіяхъ 1905—1907 г.г. Мы указали и причины этого. Теперь мы должны лишь обратить вниманіе на ея общій характеръ и программныя требованія. Въ составъ „Укр. народной партіи“ вошли узконаціоналистическіе элементы интеллигенціи и мелкой буржуазіи. Причина ея образованія—національный гнетъ, которому въ теченіе многихъ лѣтъ подвергался украинскій народъ. Ея основатели имѣли въ виду созданіе общенаціональной, націоналистической партіи по образцу польской н.-д. или галиційской украинской партіи народовцевъ. Но въ русской Украинѣ условія для таковой были крайне неблагопріятныя, какъ по указаннымъ уже нами причинамъ, такъ равно и по слѣдующимъ: 1) развитіе капитализма здѣсь вызвало: съ одной стороны, большую взаимную близость буржуазныхъ элементовъ русскихъ и украинскихъ, что содѣйствовало болѣе скорой, чѣмъ въ Галиціи, ассимиляціи послѣднихъ; 2) культурная близость была другимъ факторомъ, облегчающимъ ассимиляцію; 3) капиталистическое развитіе обострило классовые антагонизмы и сдѣлало невозможнымъ объединеніе въ одну партію представителей разныхъ классовъ, тѣмъ болѣе, что господствующіе классы разнились между собой въ культурномъ отношеніи.

Основной политическій постулатъ программы укр. н. п.—независимое украинское демократическое государство. До революціи она ничего не ожидала отъ россійской конституціи. Но, когда движеніе 1905 г. предстало предъ ней во всемъ своемъ могуществѣ, она, на-ряду съ независимымъ украинскимъ государствомъ, какъ болѣе отдаленнымъ своимъ политическимъ идеаломъ, выставила требованіе полной автономіи Украины.

По своей тактикѣ у. н. п.—группа узко націоналистическая. Ея основной чертой было стремленіе къ полному отдѣленію украинскаго политическаго движенія отъ движенія другихъ націй и къ возможному освобожденію украинскихъ народныхъ массъ отъ вліянія соціализма, по крайней мѣрѣ международнаго. Она обыкновенно вела открытую борьбу именно съ этимъ послѣднимъ, ибо себя считаетъ партіей соціалистически-націоналистической, хотя соціализмъ ея сводится лишь къ нѣсколькимъ требованіямъ на пользу рабочихъ и крестьянъ, выставленнымъ, главнымъ образомъ, изъ тактическо-демагогическихъ соображеній. Образчиками ея націонализма служатъ, между прочимъ, устроенное ею осенью 1904 г. въ Харьковѣ поку-

шеніе на взрывъ динамитомъ памятника Пушкина и изданная ею брошюра „10 заповѣдей“. Покушеніе это партія мотивировала тѣмъ, что Пушкинъ въ поэмѣ „Полтава“ нарушилъ честь Украины, и что недопустимо фигурированіе памятника русскаго писателя на украинской землѣ въ то время, когда тамъ не разрѣшается воздвигать памятниковъ украинскимъ писателямъ.

Въ брошюрѣ же „10 заповѣдей“, одной изъ наиболѣе характерныхъ для нея, она также какъ и во всѣхъ своихъ изданіяхъ, видитъ главную причину всѣхъ бѣдствій украинскаго народа въ „эксплоатаціи“ его поляками, русскими и евреями; въ одномъ мѣстѣ брошюры эта мысль выражена слѣдующимъ образомъ: —„Всѣ люди—твои братья, но москали, ляхи, жиды, венгерцы, румыны—враги; они враги нашего народа и останутся таковыми до тѣхъ поръ, пока будутъ насъ эксплоатировать“.

Все же въ теченіе 1905 г. у. н. п. вынуждена была неоднократно выступать рука объ руку и съ „москалями“, „ляхами“, „жидами“ и съ приверженцами международнаго соціализма.

Послѣ 17 октября она въ своей враждѣ къ революціи не зашла такъ далеко, какъ польская н.-д., или латышская народная партія; она стала слабѣть, уступая мѣсто болѣе выдержаннымъ и рѣшительнымъ элементамъ: съ одной стороны, болѣе реакціоннымъ, съ другой—болѣе демократическимъ, чѣмъ она. Въ думскій періодъ ея дѣятельность ограничивается главнымъ образомъ, составленіемъ резолюцій и наказовъ думской украинской фракціи.

Одна изъ нихъ, составленная по аграрному вопросу, указываетъ, какъ сильно отразились матеріальные интересы большинства народа даже на выступленіяхъ такой доктринерской націоналистической группы, какъ у. н. п. Въ ней предлагается думской „Украинской Громадѣ“ требовать, чтобы Дума приняла законопроекты: 1) о надѣленіи Украины автономіей; 2) о принудительномъ отчужденіи какъ казенныхъ, такъ и частновладѣльческихъ крупныхъ участковъ земли и передачи ихъ украинскому сейму для раздѣла въ долгосрочную аренду крестьянамъ безземельнымъ и малоземельнымъ.

Какъ мы уже отмѣтили, у. н. п. охватила лишь часть націоналистической украинской интеллигенціи. Другая часть осталась внѣ партій, поддерживая тѣсныя сношенія съ галиційской партіей украинцевъ-народовцевъ и пропагандируя свои политическіе взгляды въ газетѣ „Рада“ и другихъ изданіяхъ. Эти элементы старались постепенно подготовить почву для созданія одной всеукраинской, либеральной общенаціональной партіи.

* * *

Что касается примирительныхъ по отношенію къ правительству элементовъ украинскаго народа, то и они такъ же, какъ и націоналисты, дѣлятся на двѣ категоріи: одни остались неорганизованными, другіе примкнули къ русскимъ правымъ партіямъ. По своему общественному положенію это главнымъ образомъ купцы, священники, отчасти зажиточные крестьяне. Однако эти—„правые“ отличаются специфическими особенностями; они являются сторонниками націонализаціи (украинизаціи) школы и считаютъ необходимымъ хотя бы частичное отчужденіе земель казенныхъ и частныхъ въ пользу крестьянъ.

* * *

Въ III Думу отъ Украины прошли главнымъ образомъ правые—русскіе и украинцы. Это обстоятельство объясняется не только избирательнымъ закономъ 3 іюня, сильно сузившимъ контингентъ избирателей, но и упадочнымъ настроеніемъ въ украинскомъ обществѣ, являющимся слѣдствіемъ усиленія контрреволюціи во всей Россіи. Симпатіи же украинскаго населенія находятся на сторонѣ демократическихъ теченій и будутъ находиться до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся тѣ условія, въ которыхъ оно нынѣ живетъ. Только гарантія свободнаго культурнаго и политическаго развитія создастъ почву для рѣзкой и глубокой политической дифференціаціи этого населенія.

Кавказъ.

Армянскія партіи.

I. Армянская революціонная федерація „Дашнакцютюнъ“.

Единственной армянской національной партіей, сыгравшей видную роль въ разсматриваемый нами періодъ времени (1905—1907 г.г.), является Армянская революціонная федерація, извѣстная подъ названіемъ „Дашнакцютюнъ“.

Она образовалась въ 1890 г. въ Турецкой Арменіи, но постепенно распространила свою дѣятельность на русскую и персидскую.

На Кавказѣ она работала систематически съ 1903 г., когда она впервые выступила открыто, организуя борьбу противъ конфискаціи правительствомъ армянскаго національнаго фонда, по 1908 г. Въ 1907 г. многочисленные

аресты ея членовъ сильно ослабили ее. Затѣмъ персидская и турецкая революціи, сосредоточившія на себѣ вниманіе „Дашнакцютюнъ“, отвлекли почти всѣ ея силы, оставшіяся послѣ арестовъ, отъ дѣятельности въ Русской Арменіи. И съ 1908 г. роль ея въ политической жизни Кавказа становится очень незначительной.

Образованіе партіи „Дашнакцютюнъ“ было слѣдствіемъ развитія самодѣятельности среди широкихъ массъ населенія, обусловленнаго развитіемъ капитализма во всѣхъ частяхъ Арменіи. Ея выступленію на аренѣ политической жизни предшествовала дѣятельность двухъ другихъ политическихъ группъ: 1) прогрессивной съ органомъ „Мшакъ“ (Труженикъ) и 2) націоналистической съ органомъ „Наръ-Даръ“ (Новый Вѣкъ) во главѣ. Первая была непосредственной наслѣдницей идей армянскаго „просвѣщенія“; она выражала интересы буржуазныхъ элементовъ. Главную ея задачу составляла дѣятельность на пользу внутренняго обновленія армянскаго народа. На страницахъ ея печати удѣлялось больше мѣста критикѣ армянскаго націонализма, чѣмъ бюрократическаго режима. Въ области политической жизни партія прогрессистовъ, не выставляя никакихъ спеціальныхъ національныхъ требованій, пропагандировала идею гражданскаго и политическаго равноправія всего населенія Россіи и въ томъ числѣ армянъ. Націоналистическая партія была выразительницей феодальной реакціи противъ идей просвѣщенія. Она стремилась къ возстановленію въ общественной жизни народа авторитета армяно-грегоріанской церкви. Ближайшую политическую задачу видѣла въ завоеваніи широкой автономіи для всѣхъ частей Арменіи.

Партія „Дашнакцютюнъ“ вышла изъ родовъ прогрессистовъ; но ея идеологія является какъ бы синтетомъ политическихъ идей обѣихъ партій, заключая въ себѣ притомъ новѣйшія соціалистическія тенденціи. Она была образована группой интеллигенціи, которой взгляды сложились съ одной стороны подъ вліяніемъ національнаго гнета, подъ игомъ котораго изнемогала турецкая, равно какъ и русская Арменія, а также потребностей переживаемаго ею капиталистическаго момента, съ другой—подъ вліяніемъ условій политической жизни Западной Европы. Національный гнетъ поставилъ на очередь вопросъ о возможно скоромъ національномъ освобожденіи армянъ; идея же послѣдняго облеклась у „Дашнакцютюнъ“ въ форму стремленія къ объединенію всѣхъ частей Арменіи въ одно независимое государство. Это объясняется какъ тѣмъ, что турецкая Арменія связана лишь механически съ Турціей, гдѣ капитализмъ еще очень молодъ, вслѣдствіе чего еще мало проявились въ ея общественно-политической жизни его централистическія тенденціи, такъ и тѣмъ, что капиталистическое развитіе вызвало въ русской Арменіи потребность расширенія рынковъ сбыта продуктовъ тамошняго производства. Въ этомъ вопросѣ впрочемъ въ „Дашнакцютюнъ“ существуютъ

различныя теченія; одни считаютъ созданіе армянскаго независимаго государства задачей ближайшаго будущаго, другіе — болѣе далекимъ идеаломъ, выставляя въ настоящій моментъ требованіе широкой автономіи каждой изъ частей этой страны. Вся дѣятельность „Дашнакцютюнъ“ направлена была на борьбу за національное освобожденіе. И потому, несмотря на соціалистическія тенденціи, она вскорѣ стала общенаціональной партіей, чему, между прочимъ, много содѣйствовали ея выступленія во время вышеупомянутой борьбы противъ конфискаціи національнаго фонда. И въ 1905 г. въ рядахъ „Дашнакцютюнъ“ объединились: и широкіе слои интеллигенціи, и значительная часть буржуазіи, и крестьяне, и тѣ рабочіе элементы, которые не сознали еще необходимости отдѣльной классовой политики, и часть люмпенпролетаріата, составившая дружины т. наз. „земворовъ“.

„Дашнакцютюнъ“ сыграла въ Арменіи роль не соціалистической, но буржуазно-демократической партіи. Она стала подъ знамя соціализма въ виду: 1) революціоннаго значенія соціализма и потребности привлеченія къ борьбѣ за національное освобожденіе—рабочихъ массъ; 2) значенія аграрнаго вопроса въ общественной жизни страны и своеобразнаго пониманія его армянской интеллигенціей—въ духѣ идей русскаго народничества; 3) создавшейся, благодаря условіямъ развитія армянскаго національнаго движенія, склонности его дѣятелей къ наиболѣе далеко идущимъ идеаламъ и постулатамъ. Дѣятельность же ея не имѣла соціалистическаго характера по слѣдующимъ причинамъ: 1) условія въ странѣ для этого не назрѣли; 2) „Дашнакцютюнъ“, по словамъ ея собственныхъ идеологовъ, приходилось тратить массу силъ и энергіи на созданіе боевой готовности народа, его вооруженіе и руководство его борьбой; 3) послѣдняя дѣятельность сплотила между собой во имя ближайшей задачи самые разнородные элементы; 4) соціалистическіе взгляды ея идеологовъ не представляли стройной системы и не имѣли глубокаго научнаго обоснованія. Конечно, въ русской Арменіи условія были благопріятнѣе для соціалистической дѣятельности, чѣмъ въ турецкой, но и здѣсь преслѣдованія армянъ правительствомъ искусственно сплачивали между собой рабочихъ и буржуазію и тормозили процессъ развитія классоваго сознанія первыхъ. Не осталась безъ вліянія и организаціонная связь русской части партіи съ турецкой, вынужденной работать въ болѣе отсталой общественно экономической обстановкѣ. Что же касается соціализма „Дашнакцютюнъ“, то его утопическій характеръ лучше всего обнаружился въ постановкѣ ею аграрнаго вопроса; „въ своей аграрной программѣ—говоритъ представитель этой партіи на конференціи національныхъ партій въ 1907 г.—партія признаетъ безвыкупную экспропріацію частновладѣльческихъ земель, соціализацію ихъ и передачу общинамъ на началахъ уравнительнаго землепользованія; соціализація тамъ тѣмъ болѣе имѣетъ шансовъ, что общинная

форма землевладѣнія и водовладѣнія въ центральномъ Закавказьѣ—обычное и повсемѣстно-распространенное явленіе".

Такой соціализмъ не могъ оттолкнуть буржуазіи отъ „Дашнакцютюнъ". Напротивъ, возможное проведеніе его въ жизнь могло бы временно содѣйствовать повышенію благосостоянія крестьянскихъ массъ и, слѣдовательно, расширенію рынка сбыта для продуктовъ ея промышленныхъ заведеній; тѣмъ болѣе, что, какъ мы узнаемъ изъ вышеуказаннаго источника, „права дворянъ-собственниковъ на ихъ земли болѣе чѣмъ сомнительны", ибо исторически они не были собственниками земли, а получили таковую отъ правительства лишь въ 1846 г., такъ какъ, далѣе, помѣщичьихъ хозяйствъ тамъ не имѣется, а всѣ дворянскія земли обрабатываются крестьянами, и „Дашнакцютюнъ" даже надѣется, что „ни армянское, ни татарское дворянство никакихъ возраженій ни экономическаго, ни правового характера привести не могли бы противъ экспропріаціи".

Но всѣ отрицательныя стороны той объективной обстановки, въ которой работаетъ „Дашнакцютюнъ", какъ-то: слабый уровень развитія капитализма, слабая дифференціація общества, національный гнетъ, особенно сильно обнаружились въ характерѣ ея политической программы. Несмотря на то, что капиталистическое развитіе, сдѣлавшее въ Россіи болѣе крупные успѣхи, чѣмъ въ Турціи, съ каждымъ годомъ все сильнѣе сплачиваетъ Кавказъ и въ частности Арменію съ Россіей въ цѣломъ, программа партіи не только въ турецкой Арменіи, но и въ русской, заключаетъ въ себѣ сепаратистскія тенденціи, что обнаруживается въ положенномъ въ ея основу федеративномъ принципѣ. „Дашнакцютюнъ" прежде всего требуетъ преобразованія Россіи въ федеративное государство, въ составъ котораго входило бы Закавказье въ качествѣ самостоятельной демократіи; ихъ взаимная связь должна была бы быть установлена въ вопросахъ, касающихся защиты государства, внѣшней политики, монетной и таможенной системы; независимымъ же Закавказье остается во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; оно имѣетъ свой парламентъ, избранный путемъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. Закавказье высылаетъ также въ парламентъ всероссійскій своихъ представителей, избранныхъ по той же избирательной системѣ. Далѣе слѣдуютъ требованія гражданскихъ свободъ и экономическихъ улучшеній въ жизни народныхъ массъ, а равно: права націй на свободное самоопредѣленіе, полнаго равенства всѣхъ національностей и религіозныхъ группъ, всеобщаго обязательнаго безплатнаго первоначальнаго обученія, преобразованія духовныхъ школъ въ свѣтскія, преподаванія на родномъ языкѣ, распредѣленія бюджета на просвѣтительныя цѣли въ государствѣ и кантонахъ пропорціонально численности различныхъ національностей, учрежденія спеціально избранныхъ для этой цѣли органовъ, которые бы слѣдили за примѣ-

неніемъ этого бюджета, равно какъ и за организаціей самаго просвѣщенія; наконецъ, обязательнаго для администраціи всего края знанія, на-ряду съ государственнымъ, также двухъ главныхъ мѣстныхъ языковъ. Въ области общеполитическихъ вопросовъ и рабочаго законодательства партія „Дашнакцютюнъ“ не отличается по своей позиціи отъ всѣхъ соціалистическихъ и послѣдовательно демократическихъ партій; она требуетъ для населенія страны гражданскихъ и политическихъ правъ, замѣны постоянной арміи милиціей, 8-ч. рабочаго дня, воспрещенія ночного труда, страхованія рабочихъ отъ старости и отъ увѣчій.

Организація партіи основана на федеративныхъ началахъ. Она дѣлится на части: турецкую, персидскую, закавказскую и европейскую, каждая съ руководящимъ бюро во главѣ. Затѣмъ каждая часть дѣлится на округа, округа—на группы. Всѣхъ округовъ въ 1907 г. было—21; группъ: въ турецкой организаціи—693, на Кавказѣ—2.211, въ Персіи—90, въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова—48, въ Америкѣ 51. Округа притомъ состоятъ изъ отдѣловъ: рабочаго и крестьянскаго. Общая сумма членовъ „Дашнакцютюнъ“ въ 1907 г. достигала, по отчетамъ партіи, 165.000; изъ нихъ рабочихъ—23.300. На-ряду съ чисто-политическими организаціями партія имѣетъ также—культурно-просвѣтительные и профессіональные союзы. Послѣдніе имѣютъ чисто-національный характеръ и основаны на принципѣ партійности; число ихъ членовъ—10.990 [1]); число членовъ крестьянскихъ организацій—67. Бюджетъ партіи возрасталъ слѣдующимъ образомъ: въ 1890 г.—130.000 франковъ, въ 1895—98 г.г.—800.000 фр., въ 1907—1.000.000 фр. Изъ этой суммы употреблялось на: 1) политическую дѣятельность—30%; 2) пропаганду и литературу—20%; 3) вооруженіе народа—35%; 4) организаціонные расходы—15%. Заграничное Бюро издаетъ въ Женевѣ центральный органъ партіи—„Дрошакъ“, который печатается въ 14.000 экз. На Кавказѣ издается ежедневная газета въ 7.000 экз. Кромѣ того выходятъ періодическія изданія: для Юга Россіи, Балканскаго полуострова, колоній въ Америкѣ—на армянскомъ и для защиты армянскихъ интересовъ передъ лицомъ Западной Европы—на французскомъ языкѣ. Слѣдуетъ также отмѣтить рядъ непериодическихъ изданій, состоящихъ главнымъ образомъ изъ брошюръ, между которыми попадаются произведенія: Лассаля, Энгельса, Жореса.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности „Дашнакцютюнъ“ въ періодъ времени 1903—1907 г.г.

---

[1]) Всѣ цифры взяты изъ отчета „Дашнакцютюнъ“ Штутгартскому международному соціалист. конгрессу.

II.

Уже изъ того, что сказано до сихъ поръ объ общемъ характерѣ „Дашнакцютюнъ“, ясно, что это соціалистическая партія лишь номинально. Это замѣчается и въ ея дѣятельности. Она выступаетъ въ защиту интересовъ рабочихъ лишь постольку, поскольку это необходимо для нея, чтобы удержать на нихъ свое вліяніе и использовать ихъ въ интересахъ національнаго освобожденія. Въ ея программѣ, какъ мы видѣли, фигурируютъ требованія въ защиту труда; она иногда поддерживаетъ забастовки, но она не защищаетъ интересовъ рабочихъ, какъ класса. Ея политика не классовая, а національнстическая; это проявляется и въ ея политическихъ выступленіяхъ, и въ ея внутренней жизни, и въ ея отношеніи къ с.-д. Вторая конференція кавказскихъ с.-д. организацій, происходившая въ концѣ 1905 г., постановила по отношенію „Дашнакцютюнъ“: допускать съ ней техническія соглашенія, но въ то же время бороться съ ней, какъ съ партіей національнстической. И дѣйствительно, партія эта проявила не мало энергіи и рѣшимости въ борьбѣ съ проявленіями бюрократическаго произвола. Съ цѣлью организаціи планомѣрной борьбы за политическое освобожденіе Россіи она приняла участіе въ Парижской конференціи россійскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій и подписала выработанныя этой конференціей резолюціи. Но во время татаро-армянской рѣзни 1905 г. ярко обнаружился ея національнзмъ и ея выступленія имѣли, на-ряду съ положительными, и крайне отрицательныя послѣдствія. Ея организаціи, особенно крестьянскія, доставили армянамъ возможность самозащиты. И по даннымъ отчета къ Штутгартскому межд. соц. конгрессу, а равно рѣчи представителя „Дашнакцютюнъ“—Тюна на конференціи національныхъ организацій, она не только блестяще руководила самозащитой армянскихъ крестьянъ отъ нападенія татаръ, но и „неуклонно стремилась установить отношенія солидарности съ татарскимъ крестьянствомъ, выясняя ему солидарность его интересовъ съ интересами армянскихъ крестьянъ“. Но армянскіе и грузинскіе соціалдемократы выдвигаютъ противъ „Дашнакцютюнъ“ цѣлый рядъ серьезныхъ обвиненій. Такъ, они утверждаютъ, что во время вышеупомянутыхъ событій „Дашнакцютюнъ“, пользуясь своими дружинами, составленными изъ „земворовъ“—хулигановъ, повсюду начинала сама рѣзню съ татарами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ армянское населеніе составляло большинство; какъ примѣръ приводятъ, между прочимъ, случай, имѣвшій мѣсто въ Тифлисѣ въ октябрѣ 1905 г. Но этимъ обвиненія не ограничиваются. Такъ, во время большихъ забастовокъ „Дашнакцютюнъ“ не принимала въ нихъ дѣятельнаго участія,

а лишь рекомендовала армянскимъ рабочимъ выступать солидарно съ соціалдемократами и соціалистами-революціонерами. Ея сдержанность одинъ изъ теоретиковъ грузинской с.-д. объясняетъ тѣмъ, что она „боялась раздражать русское правительство, чтобы оно не приняло стороны враговъ армянъ—татаръ и турокъ“, вслѣдствіе чего она больше боролась противъ отдѣльныхъ представителей власти, чѣмъ противъ правительства, какъ такового. Когда въ декабрѣ 1905 г. въ Тифлисѣ было составлено Бюро всѣхъ революціонныхъ организацій, она, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, ушла изъ такового. Противники „Дашнакцютюнъ“ находятъ фактъ ея пассивности крайне печальнымъ, ибо считаютъ ее сильной партіей, имѣющей и свою армію, и значительныя матеріальныя средства.

Но „Дашнакцютюнъ“ не ограничивалась пассивностью. Она, какъ сообщаютъ армянскія и грузинскія с.-д. газеты, находя вредной с.-д. дѣятельность, неоднократно старалась активно парализовать таковую. Такъ, напр., въ Александрополѣ въ 1905 и 1906 г.г. ея дружины съ оружіемъ въ рукахъ разгоняли соціалдемократическіе митинги; въ августѣ 1905 г. дружины „Дашнакцютюнъ“ избили соціалдемократовъ въ оградѣ армянскаго собора за раздачу прокламацій и агитаціонныя рѣчи; въ Батумѣ члены этой партіи нанесли одному своему бывшему партійному товарищу 70 ранъ кинжаломъ за то, что тотъ перешелъ въ соціалдемократическую организацію.

Изъ дѣятельности „Дашнакцютюнъ“, направленной на мобилизацію общественныхъ силъ для политической борьбы, заслуживаетъ особаго вниманія созывъ ею въ августѣ 1906 г. общенаціональнаго армянскаго съѣзда въ Эчміадзинѣ, который, выразивъ пожеланіе надѣленія Кавказа автономіей, принялъ рядъ требованій по школьному вопросу, какъ-то: всеобщаго обязательнаго свѣтскаго обученія, преподаванія во всѣхъ школахъ на армянскомъ языкѣ, обезпеченія поступленія въ учебныя заведенія всѣмъ безъ различія націи и вѣроисповѣданія, и т. д...

Очень энергичной была террористическая борьба, которую вела партія. Вотъ списокъ „казней“, произведенныхъ ею съ 1904 по 1907 г., приведенный въ ея отчетѣ Штутгартскому международному соціалистическому конгрессу: елизаветпольскій вице-губернаторъ генералъ Андреевъ, князь Накашидзе, комендантъ Богуславскій, комендантъ Быковъ, генералъ Сахаровъ, масса низшихъ чиновниковъ, агентовъ тайной полиціи, провокаторовъ, жандармовъ, приставовъ и т. д.; наконецъ ген. Алихановъ и Лоладзе.

Нельзя не отмѣтить и культурно-просвѣтительной дѣятельности „Дашнакцютюнъ“.

---

[1]) О томъ говорилъ въ своей рѣчи на конф. національныхъ партій—Сидоровъ, представитель с. р.

Намъ остается еще сказать объ отношеніи „Дашнакцютюнъ“ къ Государственной Думѣ.

Выборы въ I Думу она бойкотировала, во II же избирательной кампаніи приняла дѣятельное участіе и въ 85% округовъ провела своихъ выборщиковъ. Въ Государственной Думѣ депутаты, примыкающіе къ ней по своей тактикѣ, были ближе всего къ депутатамъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, съ которой она находится въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Это, конечно, не значитъ, что они не имѣли своей индивидуально-групповой физіономіи.

Именно въ выступленіяхъ армянскихъ депутатовъ въ Думѣ обнаружилось, что сепаратистическій элементъ въ программѣ „Дашнакцютюнъ“ лишь плодъ реакціи противъ національнаго гнета. Они выступали, какъ послѣдовательные выразители интересовъ населенія своей страны и притомъ какъ послѣдовательные россійскіе демократы, связывая неразрывно во всѣхъ своихъ рѣчахъ дѣло освобожденія армянскаго народа съ дѣломъ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Рѣчь деп. Тиграньяна по школьному вопросу—самая содержательная и блестящая рѣчь въ этой области, и подъ нею въ одинаковой мѣрѣ можетъ подписаться и армянскій, и польскій, и литовскій, и русскій демократы.

„...Школьный режимъ и положеніе школъ въ странѣ—говорилъ д. Тиграньянъ—самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ общимъ политическимъ режимомъ“. Современное русское правительство—„безотвѣтственное, бюрократическое правительство“ и поэтому оно „не выступило ни съ однимъ, сколько-нибудь широко задуманнымъ проектомъ реформированія школъ“. Да и то, что оно дѣлаетъ въ этой области, оно дѣлаетъ лишь для того, чтобы себя не дискредитировать, ибо вопросъ просвѣщенія и пріобщенія массъ къ культурѣ—вопросъ не только чуждый, но и опасный для него, строющаго свое господство на невѣжествѣ этихъ массъ. И всѣ правительственныя предпріятія въ области школьнаго дѣла имѣютъ въ виду прежде всего полицейскія задачи“. Ораторъ критикуетъ систему экзаменовъ, отмѣчаетъ также постыдную полицейскую роль школьнаго персонала въ Польшѣ и высказывается за децентрализацію школьнаго дѣла и демократизацію и національизацію школъ. „Общества, общественныя самоуправленія, организованныя какъ территоріально, такъ и экстерриторіально, всѣ общественныя организаціи вполнѣ компетентны, я могу сказать болѣе компетентны—говоритъ онъ—чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, вести дѣло народнаго образованія“... „Школа—заканчиваетъ свою рѣчь деп. Тиграньянъ—должна быть близка къ населенію и соотвѣтствовать потребностямъ различныхъ народностей. Каждой народности, которая живетъ въ Россіи, должны быть даны право и возможность имѣть такую школу, какая желательна этой

народности, этой національности въ виду историческихъ и бытовыхъ ея условій существованія. Для возможности существованія такихъ школъ обязательно должна быть оказываема поддержка изъ государственныхъ средствъ каждой мѣстности и національности соотвѣтственно ея численности и общей суммѣ учебнаго бюджета страны, чтобы всѣ народности Россіи имѣли столько школъ и такія школы, какія нужны данной народности".

Изъ послѣднихъ выступленій „Дашнакцютюнъ" слѣдуетъ отмѣтить ея участіе: 1) въ Штутгартскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ и 2) въ конференціи національныхъ партій въ Россіи, на которую, впрочемъ, она не выслала спеціальныхъ делегатовъ, а была тамъ представлена лишь случайно присутствовавшимъ видным своимъ дѣятелемъ—Тюномъ.

Уже этотъ краткій обзоръ программы и дѣятельности „Дашнакцютюнъ" указываетъ на то, что она полна противорѣчій. Это обстоятельство объясняется вышеотмѣченной крайней разнородностью входящихъ въ ея составъ элементовъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ не могъ не наступить періодъ дифференціаціи этой партіи. Съ одной стороны, изъ нея стали выступать тѣ буржуазные элементы, которые были недовольны ея радикализмомъ и соціалистическими тенденціями, несмотря на слабость послѣднихъ и непослѣдовательность партіи въ этой области. Съ другой стороны возникла въ ея рядахъ соціалистическая оппозиція противъ націонализма господствующаго теченія, извѣстная подъ названіемъ группы „молодыхъ дашнакцакановъ". Оппозиція эта упрекаетъ большинство партіи въ томъ, что она соціалистическая лишь номинально, что ея соціализмъ блекнетъ передъ ея боевымъ націонализмомъ, парализующимъ не только соціалистическую, но и демократическую ея дѣятельность. Они съ своей стороны видятъ необходимость не только въ удаленіи изъ партіи буржуазныхъ элементовъ, но прежде всего въ отдѣленіи русской ея части отъ турецкой, ибо, какъ справедливо утверждаетъ эта оппозиція, эти двѣ части имѣютъ совершенно различныя задачи.

Такъ какъ турецкая Арменія стоитъ въ экономическомъ отношеніи ниже русской, то работающая въ ней часть партіи тормозитъ дѣло освобожденія кавказской ея части отъ вліянія мелкобуржуазной идеологіи и ея дѣятельности подъ знаменемъ „Классовой борьбы армянскаго пролетаріата и крестьянства", которое „молодые" хотятъ водрузить на мѣсто нынѣшняго—націоналистическаго.

Поскольку намъ извѣстны выступленія этой „соціалистической оппозиціи", они не даютъ намъ права разсматривать ее, какъ чисто-пролетарское теченіе. Она представляетъ лишь выдержанное и болѣе, чѣмъ „Дашнакцютюнъ" въ цѣломъ, радикальное теченіе. Но—что̀ хуже всего—въ разсматриваемый нами періодъ „оппозиція" ни въ чемъ не проявила себя во-внѣ,

а только содѣйствовала до нѣкоторой степени обузданію національнзма и фанатизма партіи.

Такъ или иначе, „Дашнакцютюнъ“ въ періодъ 1905—1907 г.г. сыграла видную роль въ національномъ движеніи армянъ.

II. Армянская соціалдемократія.

(Группа „Ганчакистовъ“).

Непормальныя условія развитія армянскаго народа и прежде всего національный гнетъ, вызвавшій сильное развитіе національнзма, особенно ярко отразились на физіономіи другой демократической армянской организаціи—„Армянской соціалдемократіи“, извѣстной обыкновенно подъ названіемъ группы „Ганчакистовъ“. Эта группа выступила въ началѣ 90-хъ г.г. на арену политической борьбы подъ знаменемъ марксизма и притомъ ортодоксальнаго. Сначала она образовалась за границей и оттуда завела сношенія съ русской и турецкой Арменіей, а равно среди армянскихъ рабочихъ Болгаріи, Америки и другихъ странъ, и въ процессѣ своей дѣятельности, подъ вліяніемъ армянской дѣйствительности, она постепенно изъ соціалдемократической обратилась въ національстическую. Ея органомъ былъ журналъ „Handes“, издававшійся въ Женевѣ, а затѣмъ другой—„Banvor“ (Рабочій). Ея дѣятельность состояла, главнымъ образомъ, въ изданіи и распространеніи ея органа и разныхъ оригинальныхъ и переводныхъ брошюръ и пропагандѣ въ нихъ, а также устно соціалистическихъ идей, а равно критикѣ русскаго и турецкаго правительствъ.

Въ своемъ докладѣ Амстердамскому международному соціалистическому конгрессу группа „Ганчакистовъ“ слѣдующимъ образомъ изложила свое политическое credo:

Основную задачу партіи составляетъ дѣятельность, направленная на содѣйствіе развитію армянской культуры, путемъ организаціи классовой борьбы армянскихъ рабочихъ подъ знаменемъ международной соціалдемократіи. Рабочій классъ составляетъ главную активную силу армянскаго народа, а борьба этого класса—главный двигатель армянскаго національнаго движенія. Требованія партіи: 1) полное гражданское и политическое равноправіе армянъ на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи; 2) широкое областное самоуправленіе Кавказа; 3) автономія турецкой Арменіи.

Требованіе національной автономіи для армянъ на Кавказѣ, по ея мнѣнію, отнюдь не вытекаетъ изъ потребностей армянскаго пролетаріата и армянской культуры и служитъ лишь орудіемъ въ рукахъ буржуазныхъ

армянскихъ національстовъ въ ихъ политикѣ—„divide et impera“; поэтому таковой программа „Ганчакистовъ“ и не предусматриваетъ.

Но, признавая полную тождественность своихъ политическихъ требованій съ россійскими с.-д., она отличается отъ р. с.-д. р. п. въ области организаціоннаго вопроса. Согласно ея принципамъ, которые могутъ быть названы федералистическими, армянская с.-д. партія должна быть организована на слѣдующихъ началахъ: 1) Во всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ армянскіе рабочіе, образуются с.-д. армянскія организаціи. 2) Всѣ онѣ объединяются между собой и съ мѣстными с.-д. организаціями другихъ націй на федеративныхъ началахъ. 3) На Кавказѣ армянская с.-д. партія составляетъ федеративную часть россійской с.-д. рабочей партіи; она пользуется правомъ: a) имѣть особые мѣстные и районные комитеты; b) имѣть свой главный комитетъ; c) созывать свои съѣзды; d) имѣть своего представителя въ ц. к. р. с.-д. р. к. и на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ.

Такова была программа „Ганчакистовъ“.

Но когда они начали свою дѣятельность въ Закавказьи, то условія послѣдней сказались на ея тактикѣ. Національный гнетъ со стороны русскаго правительства толкнулъ въ ея ряды значительные слои мелкой буржуазіи и отдѣльныя ея организаціи стали выступать какъ національныя, конкуррируя въ этомъ отношеніи съ „Дашнакцютюнъ“. Все же въ ихъ средѣ было и много классовыхъ пролетарскихъ элементовъ; поэтому сплошь и рядомъ бывали случаи солидарныхъ выступленій „Ганчакистовъ“ съ р. с.-д. р. п. Такъ, напр., въ декабрѣ 1905 г. во время забастовки въ Баку „тамошняя организація „Ганчакистовъ“ приняла участіе въ демонстраціи организованной мѣстнымъ комитетомъ р. с.-д. р. п., въ то время, какъ „Дашнакцютюнъ“ отъ участія въ ней отказалась. Совмѣстныя выступленія „Ганчакистовъ“ съ партіей имѣли мѣсто въ теченіе всего 1905 г. Эта группа была представлена на Амстердамскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, гдѣ поддержала въ вопросѣ о мильерандизмѣ революціонное крыло конгресса.

Однако, въ общемъ и цѣломъ у „Ганчакистовъ“ незамѣтно болѣе или менѣе выдержанной с.-д. тактической линіи.

Эта организація, въ виду разнородности ея состава, прекратила свое существованіе съ началомъ революціи, когда классовые антагонизмы значительно обострились. Ея рабочіе элементы перешли частью къ организаціямъ р. с.-д. р. п., частью къ „Армянскому с.-д. союзу“; остальные присоединились къ разнымъ буржуазнымъ партіямъ.

III. Армянская соціалдемократическая рабочая организація.

На долю этой организаціи выпала болѣе серьезная роль, чѣмъ та, которую сыграла партія „Ганчакистовъ", но все же ея сфера вліянія была гораздо уже, чѣмъ у кавказскихъ организацій р. с.-д. р. п. или у армянской „Дашнакцютюнъ". Правда, изданія „Группы Освобожденія Труда", а съ ними соціалдемократическія идеи проникли въ Арменію еще въ 80-хъ г.г. Но нѣкоторые изъ приверженцевъ этой группы примкнули къ вышеупомянутымъ организаціямъ р. с.-д. р. п., другіе же ко времени революціи отстали отъ политическаго движенія; развитіе же національнаго, обусловленное національнымъ гнетомъ, какъ мы уже отмѣтили выше, сильно затормозило развитіе соціалдемократическаго движенія. Армянская с.-д. организація (А. с.-д. р. о.) образовалась въ 1904 г., главнымъ образомъ, благодаря усиліямъ молодой с.-д. армянской интеллигенціи, взгляды которой тоже сложились подъ вліяніемъ русской с.-д. литературы. Она окончательно сформировалась на первой своей конференціи въ 1905 г. Ея программа въ общемъ и цѣломъ идентична съ программой р. с.-д. р. п. Въ интересахъ армянской національной культуры она требуетъ широкаго областного самоуправленія Кавказа и гражданскаго, а равно политическаго равноправія армянъ на-ряду съ равноправіемъ всѣхъ другихъ націй.

Въ области же организаціоннаго вопроса она считаетъ необходимымъ объединиться съ р. с.-д. р. п. на началахъ широкой автономіи, идентичныхъ тѣмъ, на какихъ объединилась с.-д. Латышскаго края, что̀ и было принято Лондонскимъ съѣздомъ р. с.-д. р. п., состоявшимся въ маѣ 1907 г.

А. с.-д. р. о. имѣетъ право участія въ международныхъ с.-д. съѣздахъ и международномъ соціалистическомъ Бюро.

Общее число ея членовъ—свыше 3.000.

Въ своей повседневной дѣятельности она безпрестанно натыкалась на препятствія со стороны „Дашнакцютюнъ", какъ это видно и изъ того, что̀ нами передано въ очеркѣ послѣдней А. с.-д. р. о. въ ея докладѣ Штутгартскому международному конгрессу.

Къ главнымъ проявленіямъ этой дѣятельности относятся: 1) усилія, направленныя на прекращеніе татарско-армянской рѣзни; 2) совмѣстная съ р. с.-д. р. организація революціонныхъ выступленій 1905 г. и избирательной кампаніи въ I и II Думы; 3) пропаганда соціализма; 4) экономическая и политическая агитація; 5) изданіе и распространеніе съ этой цѣлью брошюръ и прокламацій; 6) организація безпартійныхъ классовыхъ профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ изъ рабочихъ всѣхъ національностей, живущихъ на Кавказѣ.

Въ отчетѣ, представленномъ на Штутгартскій международный соціалистическій конгрессъ, А. с.-д. р. о. сообщаетъ слѣдующія данныя, касающіяся ея дѣятельности за время съ 1906 по 1907 г.г. Ею было созвано 217 митинговъ съ участіемъ 24.400 рабочихъ; въ одномъ Баку было организовано 23 дискуссіи, на которыхъ перебывало 2.440 рабочихъ; число членовъ профессіональныхъ союзовъ превышало 2.000; центрами послѣдняго были: Баку, Батумъ, Александрополь. Бакинскій комитетъ А. с.-д. р. о. организовалъ 30 забастовокъ, изъ которыхъ всѣ были удачны. Свои взгляды группа эта излагала въ органахъ: 1) „Соціалистъ“, издававшемся въ Женевѣ, и затѣмъ 2) „Жизнь“, выходившемъ въ Тифлисѣ. На-ряду съ оригинальными изданіями появились брошюры переводныя съ нѣмецкаго, русскаго и другихъ языковъ.

II. Грузинскія партіи.

Партія соціалистовъ федералистовъ Грузіи.

Группировка общественныхъ элементовъ въ политическія партіи въ Грузіи напоминаетъ таковую въ Арменіи. Дворянство и капиталистическая буржуазія не выдѣлили здѣсь изъ своей среды особыхъ грузинскихъ политическихъ партій. Правительство, съ одной стороны, заботясь въ своихъ же собственныхъ интересахъ о развитіи въ Грузіи промышленности, съ другой — не нарушая правъ городской и сельской плутократіи, привлекло эти элементы на свою сторону. Въ виду этого, въ ихъ средѣ интересъ къ вопросамъ политической жизни очень слабъ. Та же часть этихъ классовъ, которая сознаетъ свои политическіе интересы въ ихъ цѣломъ, присоединилась отчасти къ русскимъ оппозиціоннымъ партіямъ, отчасти къ радикальнымъ элементамъ грузинскаго народа.

Наоборотъ, рабочіе и значительная часть крестьянства примкнули къ р. с.-д. р. п.

Этому способствовала близорукая политика бюрократіи на окраинахъ, а въ частности ея націоналистическая политика. Благодаря послѣдней освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было совершено въ Грузіи въ еще менѣе удовлетворительной формѣ, чѣмъ въ остальной Россіи; тамъ образовался многочисленный слой временно обязанныхъ крестьянъ и создались условія для острой классовой борьбы въ деревнѣ. Крестьянскія массы, нуждаясь въ содѣйствіи рабочихъ, какъ наиболѣе сильнаго и революціоннаго элемента, сгруппировались вокругъ одной съ ними политической партіи. Въ средѣ профессіональной интеллигенціи, мелкой буржуазіи городской и деревенской и мелкаго дворянства, національный гнетъ вызвалъ сильное раз-

витіе національнаго, вслѣдствіе чего эти слои населенія выдвинули изъ своей среды націоналистическую демократическую партію — „соціалистовъ-федералистовъ“, которая въ погонѣ за вліяніемъ на трудящіяся массы, стала подъ знамя соціализма. Къ ней и примкнули наиболѣе недовольные элементы плутократіи. Въ кругъ нашихъ задачъ входитъ характеристика только этой одной партіи.

Партія соціалистовъ-федералистовъ образовалась въ концѣ 90-хъ г.г. Въ области аграрныхъ отношеній она заняла позицію идентичную съ „Дашнакцютюнъ“. Въ области національнаго вопроса она требуетъ преобразованія Россіи въ федеративное демократическое государство и полной автономіи для территоріи, населенной грузинами, съ гарантіей правъ грузинскаго народа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грузины находятся въ меньшинствѣ. Подъ таковой гарантіей партія разумѣетъ: пропорціальное предоставительство въ мѣстномъ сеймѣ, равноправіе языковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется смѣшанное населеніе, предоставленіе полной свободы всякимъ союзамъ меньшинства для достиженія культурно-національныхъ цѣлей, права на часть автономнаго бюджета и т. д.

Органами партіи были: до 1905 г. — „Сакартвело“, а послѣ, ежедневная газета, издававшаяся легально въ Грузіи.

Партія соціалистовъ-федералистовъ, также, какъ и „Дашнакцютюнъ“, можетъ считаться соціалистической лишь номинально.

Правда: сношенія ея съ партіей с. р. были еще тѣснѣе, чѣмъ у партіи ея армянскихъ союзниковъ; она не вела столь острой, какъ та, активной борьбы съ с.-д.; мало того, за немногими исключеніями, она не отказывалась отъ совмѣстныхъ выступленій съ партіей рабочаго класса во время политическихъ всеобщихъ забастовокъ и демонстрацій. Но она не организовала классовой борьбы рабочихъ, а къ политической борьбѣ призывала ихъ во имя общенаціональнаго, но не ихъ классовыхъ интересовъ. Изъ ея выступленій слѣдуетъ, между прочимъ, отмѣтить ея участіе въ „конференціи національныхъ партій Россіи“. Во время выборовъ въ I Госуд. Думу партія соціалистовъ-федералистовъ формально держалась тактики бойкота, фактически же приняла участіе въ избирательной кампаніи и, вступивъ въ блокъ съ к.-д., провела въ Думу своего кандидата, который, впрочемъ, не сыгралъ тамъ болѣе или менѣе видной роли. Во время второй избирательной кампаніи она, совмѣстно съ буржуазными партіями, вела непримиримую борьбу противъ с.-д., но борьба эта не увѣнчалась успѣхомъ, и ей не удалось провести ни одного изъ своихъ кандидатовъ.

Однако ея вліяніе среди буржуазныхъ элементовъ Грузіи въ описываемый нами періодъ было очень значительно: въ ея рукахъ находились: городскія думы въ Кутаисѣ, Батумѣ и нѣсколькихъ уѣздныхъ городахъ,

промышленныя, культурно-просвѣтительныя общества, кредитныя общества, банки и пр.

Но по мѣрѣ своего роста, она растворялась въ буржуазной средѣ и все болѣе освобождалась отъ соціалистическихъ тенденцій; въ настоящее же время партія соц.-федералистовъ является буржуазно-демократической партіей въ полномъ значеніи этого слова.

Еврейскія партіи.

I.

Изъ еврейскихъ партій въ событіяхъ 1905—1907 г.г. главная роль принадлежитъ на-ряду съ „Бундомъ“ [1]) „Союзу достиженія полноправія евреевъ“, „Россійской организаціи сіонистовъ“ и „Еврейской народной группѣ“. Кромѣ нихъ на аренѣ политической борьбы выступали еще: „Сіонистско-соціалистическая рабочая партія“, „Еврейская соціалистическая рабочая партія“ („Серпъ“), „Еврейская с.-д. рабочая партія“ (Поалей-Ціонъ) и „Еврейская народная партія“ (Volkspartei).

Начнемъ съ „Союза достиженія полноправія евреевъ“, предпославъ ему краткую характеристику общественныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его составъ, за періодъ, предшествовавшій революціи.

Развитіе еврейскихъ общественно-политическихъ теченій неразрывно связано съ періодомъ просвѣщенія въ духовномъ развитіи еврейскаго народа, извѣстнымъ подъ названіемъ „маскилизма“, о которомъ говорилось и въ статьѣ Е. Ленскаго и въ нашей, помѣщенной во II ч. IV т. настоящаго изданія.

„Маскилизмъ“ сыгралъ крупную роль въ исторіи евреевъ, пробивъ стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ западно-европейской культуры, и тѣмъ оказалъ благотворное вліяніе на духовное развитіе народа, хотя и отличался нѣкоторою односторонностью, заключавшеюся въ недостаточномъ учетѣ специфическихъ національныхъ еврейскихъ интересовъ; онъ былъ идеологіей мало дифференцированнаго еврейскаго общества, отражая процессъ европеизаціи еврейскаго капитала.

Наслѣдниками этого періода являются тѣ слои интеллигенціи, которые сгруппировались вокругъ журнала „Восходъ“. Но условія жизни евреевъ въ Россіи вскорѣ заставили эту интеллигенцію удѣлить еврейскому національному вопросу больше вниманія, чѣмъ ему удѣляли ея предшественники. Ея политическая физіономія неопредѣленна, но, въ общемъ, ихъ стремленія

---

[1]) О „бундѣ“ см. ст. Мартова „Соц.-дем. раб. партія“.

сводятся къ обновленію государственнаго строя Россіи и достиженію на этой почвѣ полноправія евреевъ.

Это одно теченіе, послужившее источникомъ для образованія въ 1905 г. „Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи".

Другое теченіе, это — сіонизмъ. Его происхожденіе — совершенно иное.

Его источникъ — наступившая въ концѣ 80 г. реакція противъ идей просвѣщенія. Она развилась подъ знаменемъ національнализма.

Причиной этой реакціи были гоненія, которымъ подверглись евреи въ Россіи въ 80 и 90 г.г. Условія ея развитія кроются въ происходящемъ, по мѣрѣ развитія капитализма, обостреніи конкурренціи между евреями и представителями другихъ націй въ разныхъ отрасляхъ экономической дѣятельности, особенно сильной въ средѣ мелкой буржуазіи, отраженіемъ интересовъ которой и является еврейскій національнализмъ. Въ послѣднемъ имѣются два теченія: 1) сіонистическое, составляющее громадное большинство, и 2) т. н. „Дубновское", во главѣ которыхъ стоялъ историкъ Дубновъ и изъ котораго въ 1906 г. образовалась „Еврейская народная партія" (Volkspartei).

Правительственныя репрессіи съ одной стороны, погромы — съ другой — создали въ еврейскихъ массахъ настроеніе, благопріятствующее развитію сіонизма, и послѣдній завоевываетъ себѣ сочувствіе не только въ средѣ мелкой буржуазіи и интеллигенціи, но и среди рабочихъ и даже въ нѣкоторыхъ слояхъ капиталистической буржуазіи, гдѣ однако „Восходъ" успѣшно конкуррируетъ съ сіонизмомъ.

До 1904 г. образовавшаяся еще въ 1897 г. „Россійская организація сіонистовъ" не ставитъ вовсе на очередь дня вопроса объ улучшеніи положенія евреевъ въ Россіи. Она занята исключительно пропагандой переселенія евреевъ въ Палестину и дипломатіей, направленной на его осуществленіе. Всякая дѣятельность, преслѣдующая задачу улучшенія быта евреевъ на мѣстахъ, считалась сіонистами жалкимъ оппортюнизмомъ. По мѣрѣ расширенія сферы вліянія сіонизма, въ его средѣ, на-ряду съ палестинскимъ большинствомъ, развилось нѣсколько менѣе фантастическое „территоріалистское" теченіе, пропагандирующее созданіе полноправнаго еврейскаго государственнаго организма не непремѣнно въ Палестинѣ, но на какой бы то ни было территоріи,—тамъ, гдѣ это будетъ возможно.

Но вотъ началось русское либеральное движеніе; наступила „весна"; появилась надежда на конституцію. Это вызываетъ среди еврейскихъ народныхъ массъ стремленіе къ улучшенію своего положенія въ Россіи, что отражается и на характерѣ дѣятельности сіонистовъ. Слабое раньше въ нхъ средѣ демократическое теченіе быстро усиливается; его приверженцы сплачиваются. Уже вскорѣ послѣ Кишиневскаго погрома сіонисты, на-ряду съ соціалистическими организаціями, создаютъ группы самообороны. Въ 1904 г.

они, рука объ руку со сторонниками „Восхода“, принимаютъ участіе въ либеральномъ движеніи, выступаютъ на митингахъ, участвуютъ въ составленіи петицій.

Объективныя условія оказываются сильнѣе субъективныхъ идеаловъ сіонистовъ.

Въ 1905 г. въ февралѣ еврейскими общественными дѣятелями разныхъ теченій созывается въ Вильнѣ съѣздъ, на которомъ образуется „Союзъ достиженія полноправія евреевъ въ Россіи“.

Инціатива его организаціи принадлежитъ приверженцамъ „Восхода“, большинство которыхъ къ тому времени вошло въ русскій „Союзъ освобожденія“. На ряду съ ними къ союзу полноправія примыкаютъ и сіонисты, и „дубновцы“. Естественно, что объединеніе столь разнородныхъ издавна элементовъ было механическимъ, что „Союзъ полноправія“ былъ не политической партіей въ надлежащемъ значеніи этого слова, а чѣмъ-то въ родѣ Лиги, образовавшейся для опредѣленной конкретной цѣли—борьбы за полноправіе евреевъ въ Россіи, подъ давленіемъ необходимости солидарныхъ выступленій. Онъ образовался въ періодъ высшаго подъема революціоннаго движенія, онъ былъ продуктомъ послѣдняго, и можно было уже тогда предполагать, что упадокъ революціоннаго движенія приведетъ къ его распаденію. Его программа была развитіемъ идей „Восхода“, а сіонисты вынуждены были примкнуть къ нему, такъ какъ ихъ идеологія обанкротилась; притомъ, примыкая къ „Союзу“, они отнюдь не лишались права принадлежности къ Россійской сіонистической организаціи, которая, къ слову сказать, въ 1905 и 1906 г. вела очень жалкое существованіе. „Союзъ полноправія“ сталъ на это время „единственнымъ“ представителемъ еврейскаго буржуазнаго общества.

Органами его были „Еврейская жизнь“ и „Хроника еврейской жизни“. Разнородность состава „союза“ отразилась въ его программѣ, выработанной на его учредительномъ съѣздѣ и отличающейся очень общимъ характеромъ. „Союзъ достиженія полноправія евреевъ въ Россіи“ поставилъ тамъ собѣ слѣдующія задачи:

1) объединеніе всего русскаго еврейства въ видѣ правильно функціонирующей организаціи, которая могла бы представлять и отстаивать интересы всего еврейскаго народа безъ различія классовъ и профессій; 2) воздѣйствіе на общественные элементы Россіи въ смыслѣ ознакомленія ихъ съ сущностью еврейскаго вопроса; 3) энергичная борьба за полноправіе.

Имѣя въ виду реализацію послѣдней главной задачи, „Союзъ“ требуетъ: 1) отмѣны законовъ, ограничивающихъ права евреевъ; 2) фактическаго участія евреевъ въ народномъ представительствѣ, въ подготовительныхъ совѣщаніяхъ, а равно въ послѣдующихъ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ; 3) свободы культурно-національнаго самоопредѣленія

во всѣхъ его проявленіяхъ, въ частности широкой автономіи общинъ, свободы языка и школьнаго обученія; 4) упраздненія, въ связи съ организаціей еврейской общины, всѣхъ, тяготѣющихъ надъ евреями, спеціальныхъ налоговъ и сборовъ съ предоставленіемъ отчисленій по этимъ сборамъ въ распоряженіе мѣстныхъ еврейскихъ общинъ.

II Петербургскій съѣздъ „Союза", состоявшій наполовину изъ сіонистовъ и состоявшійся въ ноябрѣ того же года, пошелъ дальше перваго. Онъ принялъ требованіе: „въ цѣляхъ осуществленія во всей полнотѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ евреевъ въ Россіи, безотлагательнаго созыва на началахъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права,—всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ и принциповъ его національнаго самоопредѣленія и основъ внутренней его организаціи".

Что касается дѣятельности „Союза достиженія полноправія евреевъ", то она состояла въ 1905 г. въ организаціи петицій и протестовъ, участіи въ организаціи забастовокъ, въ организаціи самообороны. Такъ, напр., имъ былъ организованъ протестъ противъ исключенія евреевъ изъ Булыгинской Думы. Участвуя въ забастовкахъ, „Союзъ" обыкновенно не выставлялъ спеціальныхъ требованій. Когда былъ объявленъ манифестъ 17 октября, „Союзъ" отнесся къ нему очень сдержанно. Его идеологи въ „Хроникѣ Евр. жизни" заявили, что, правда, манифестъ „произвелъ революцію въ политической жизни Россіи", но что евреямъ онъ не далъ ничего и для нихъ „безусловно необходимъ созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, такъ какъ только оно съ корнемъ вырветъ вѣковые гиганты государственнаго антисемитизма". Однако, „Союзъ" хорошо понялъ, что Госуд. Дума является важной ареной борьбы, и рѣшилъ принять въ ней участіе. Въ 1906 г. онъ сосредоточиваетъ около нея всю свою дѣятельность.

III съѣздъ „Союза" принимаетъ въ февралѣ 1906 г. по этому поводу слѣдующую резолюцію:

1) „Союзъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности въ Думѣ своей программой и резолюціями своихъ съѣздовъ; 2) онъ долженъ настаивать на разрѣшеніи въ Думѣ еврейскаго вопроса въ связи съ основными статьями конституціи и вопросомъ о введеніи элементарныхъ общегражданскихъ свободъ".

Во время избирательной кампаніи сіонисты совершенно не выставляли своей старой платформы и въ выступленіяхъ своихъ почти ни въ чемъ не выдѣлялись изъ среды остальныхъ членовъ союза. Это, однако, неблагопріятно отразилось на исходѣ для нихъ выборовъ; банкротство сіонистскихъ мечтаній было слишкомъ очевидно въ виду насущнаго живого дѣла обновленія Россіи и борьбы за полноправіе евреевъ въ ея предѣлахъ. И сіонистамъ,

имѣвшимъ до революціи широкое вліяніе на массы, удалось провести лишь 6 своихъ депутатовъ изъ числа 12 депутатовъ-евреевъ.

Въ Думѣ еврейскіе депутаты составили Еврейскую думскую группу съ цѣлью координаціи дѣйствій. Ея тактика была по своему характеру близка къ тактикѣ к.-д.; по всѣмъ общегосударственнымъ вопросамъ она заняла позицію, идентичную съ ними. Еврейскій вопросъ разсматривала въ свѣтѣ общегосударственныхъ интересовъ; національное освобожденіе евреевъ связывала съ дѣломъ политическаго освобожденія всей Россіи. Это очень важная заслуга группы и въ виду освободительнаго движенія Россіи и въ виду интересовъ еврейскаго народа, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь же коренится и причина иногда излишней сдержанности ея членовъ въ дѣлѣ защиты еврейскихъ интересовъ. Такъ, обыкновенно приводится взглядъ лидера группы—Винавера, высказанный имъ на IV съѣздѣ „Союза“, взглядъ, который онъ въ теченіе нѣкотораго времени проводилъ въ жизнь: „необходимо позаботиться, чтобы еврейскій вопросъ въ Думѣ прошелъ возможно глаже, не встрѣтивъ на своемъ пути особенныхъ треній и препятствій. Тактическое поведеніе должно сплачивать евреевъ-депутатовъ. Оно выражается не только въ томъ, чтобы во время говорить, но и въ томъ, чтобы умѣть во-время молчать“. Дѣйствительно, еврейскіе депутаты долго молчали въ I Думѣ объ интересахъ еврейскаго народа. И несомнѣнно, ихъ послѣдующія дѣльныя выступленія имѣли бы болѣе моральнаго значенія, если бы они открыто высказали свои задачи въ самомъ началѣ засѣданій Думы. Рѣчи же Винавера по вопросу о гражданскомъ равенствѣ, и особенно по поводу бѣлостокскаго погрома, принадлежатъ къ лучшимъ рѣчамъ въ I Думѣ.

Въ первой изъ указанныхъ рѣчей онъ, отмѣтивъ, что революція, сплотивъ между собой націи, населяющія Россію, тѣмъ самымъ упрочила фундаментъ, на которомъ зиждется государство, и связала дѣло еврейскаго народа съ дѣломъ демократизаціи государственнаго строя, указалъ на то, что освобожденіе евреевъ, какъ и всякаго другого изъ этихъ народовъ, есть общее дѣло всей Россіи, и заявилъ, что евреи „сливаютъ свои голоса со всѣми тѣми, кто говоритъ „уходите!“—министрамъ, желающимъ по-старому править страной“. Когда наступили дебаты о бѣлостокскомъ погромѣ, этотъ же ораторъ въ началѣ, вѣроятно, изъ дипломатическихъ соображеній, сталъ ревностно проводить границу между революціонерами и народомъ, но затѣмъ, развернувъ яркую картину беззаконій властей, перешелъ по отношенію къ послѣднимъ въ прокурорскій тонъ, обнажая преступныя дѣйствія и не менѣе преступную „слабость“, „безпомощность“, „трусливость“ обвиняемаго. Онъ отчетливо доказалъ буржуазіи всѣхъ націй, населяющихъ Россію, что „правительство должно уйти“, ибо оно не въ силахъ защищать интересы страны, не въ состояніи даже поддержать въ ней порядокъ, что,

наоборотъ, его дѣйствія готовятъ почву для „анархіи“ въ самомъ худшемъ значеніи этого слова, такъ какъ, пользуясь арміей въ цѣляхъ борьбы съ революціонерами незаконными средствами, оно вноситъ развратъ въ ея среду. Винаверъ закончилъ свою рѣчь, отмѣтивъ противорѣчіе между интересами и отношеніемъ къ евреямъ народныхъ массъ и правительства, назвавъ министровъ „кликой, желающей для своей цѣли возстановить противъ евреевъ народъ“, выразивъ довѣріе послѣднему и указавъ на то, что только его освободительная борьба приведетъ къ господству законности и равноправія.

Характерно, что выступленія сіонистовъ по своему содержанію отнюдь не отличались отъ выступленій Винавера и его единомышленниковъ. Они такъ же, какъ и тѣ, занимаются живо общегосударственными дѣлами, выступая рука объ руку съ оппозиціей. Такъ, напр., виленскій депутатъ Ш. Левинъ, во время дебатовъ по вопросу о смертной казни, рѣзко осуждаетъ правительство и настаиваетъ на томъ, что Дума должна вести себя съ достоинствомъ, принимать законопроекты, какъ представительница законодательной власти, и не вдаваться въ препирательство съ министрами. Во время дебатовъ о свободѣ личности и гражданскомъ равенствѣ онъ заявляетъ, что не отдѣляетъ еврейскаго вопроса отъ вопроса объ обновленіи всей Россіи и освобожденіи всѣхъ живущихъ въ ней народовъ, и высказывается за постановку въ первую очередь вопроса о гражданскомъ равенствѣ. Когда на очередь дня встаетъ бѣлостокскій погромъ, Левинъ въ посвященной ему рѣчи разсматриваетъ его, какъ одно изъ проявленій борьбы контрреволюціи съ освободительнымъ движеніемъ, и, высказывая свою солидарность съ его стремленіями, настаиваетъ на спѣшности запроса, подчеркивая, что онъ руководствуется не желаніемъ возбудить жалость къ евреямъ — шестимилліонный-де народъ въ таковой не нуждается,—а требуетъ справедливости. Во второй своей рѣчи, по вопросу о бѣлостокскомъ погромѣ, онъ призываетъ русское общество на борьбу съ погромами во имя общегосударственныхъ интересовъ, такъ какъ погромы парализуютъ дѣло обновленія Россіи и возстановленія ея могущества.

Такой же характеръ носятъ выступленія минскаго депутата, одного изъ лидеровъ сіонизма С. Я. Розенбаума.

Когда I Дума была распущена, еврейскіе депутаты, солидарно съ всероссійской оппозиціей, участвуютъ въ изданіи выборгскаго воззванія.

Еврейская думская группа не могла послѣдовательно защищать интересовъ еврейскаго пролетаріата. Мало того, присутствіе въ Думѣ представителей этого пролетаріата отразилось бы благопріятно и на защитѣ интересовъ еврейской культуры и на дѣятельности группы вообще, такъ какъ, при наличности ихъ, ея выступленія стали бы тверже, энергичнѣе.

Постепенное ослабленіе темпа революціоннаго движенія, волна погро-

мовъ и ростъ въ еврействѣ національнзма, а въ то же время гегемонія въ „Союзѣ“ „восходовскаго“ меньшинства не могли не отразиться на судьбахъ „Союза“. Съ осени 1906 г. начинается его постепенное разложеніе.

Первый выстрѣлъ въ него раздается изъ стана сіонистовъ. Они пытаются вернуться къ періоду самостоятельной политической дѣятельности, освободившись отъ гегемоніи враждебныхъ имъ элементовъ, съ которыми они лишь временно объединились.

Но они, не совершивъ надъ собой самоубійства, не могутъ отказаться отъ роли политической партіи, принимающей дѣятельное участіе въ политической борьбѣ, направленной на измѣненіе государственнаго строя Россіи. Стремленія сіонистовъ находятъ свое выраженіе въ резолюціяхъ ихъ III съѣзда, происходившаго въ Гельсингфорсѣ въ концѣ 1906 г.

Со времени этого съѣзда россійская организація сіонистовъ опять выступаетъ на арену общественной жизни, но уже какъ самостоятельная политическая партія. Вскорѣ изъ „Союза“ выдѣляется еврейская народная партія. Наконецъ, въ началѣ 1907 г. „восходовскіе“ элементы объединяются въ Еврейскую народную группу. „Союзъ“ постепенно начинаетъ падать.

На мѣстѣ его появляются три вышеуказанныя политическія партіи, изъ которыхъ послѣдняя часто выступаетъ еще подъ его флагомъ. Къ концу 1907 г. онъ прекращаетъ свое существованіе.

II.

Россійская организація сіонистовъ выступаетъ какъ самостоятельная политическая партія со времени гельсингфорскаго съѣзда. На немъ она образовалась какъ таковая, на немъ опредѣлилась ея позиція въ области еврейскаго вопроса и общегосударственной жизни Россіи; онъ санкціонировалъ ея участіе въ послѣдней и въ то же время положилъ начало ея вполнѣ самостоятельной политической дѣятельности. Въ средѣ противниковъ сіонизма существуетъ взглядъ, что рѣшенія гельсингфорскаго съѣзда были приняты имъ лишь механически, что они представляли собой лишь дипломатическій пріемъ лидеровъ сіонизма. Несомнѣнно, что въ этомъ есть доля истины. Пока въ программѣ партіи находится на лицо фантастическая цѣль — переселеніе въ Палестину, она не сможетъ послѣдовательно держаться новой политической линіи: ея дѣятельность будетъ отличаться національномъ; она не сможетъ сосредоточить своихъ силъ на дѣятельности въ „Голусѣ“. Но нельзя забывать, что организація сіонистовъ обнимаетъ широкія массы населенія и что раньше, чѣмъ она окончательно измѣнитъ свою политическую физіономію, въ ея нѣдрахъ будутъ лишь постепенно наростать

новые элементы. Гельсингфорскій съѣздъ, между прочимъ, оказалъ содѣйствіе этому паростанію и, хотя его результаты и дѣло преобразованія сіонистской организаціи могутъ долго тормозиться въ виду сложности процесса развитія сознанія еврейскихъ народныхъ массъ, все же это не уменьшитъ его политическаго значенія.

Какъ съѣздъ сіонистовъ, онъ прежде всего опредѣлилъ свое отношеніе къ главной ихъ конечной цѣли.

Онъ поручилъ исполнительнымъ органамъ партіи неуклонно, энергично и планомѣрно работать надъ созданіемъ благопріятныхъ условій для развитія естественной иммиграціи евреевъ въ Палестину и обезпеченіемъ тамъ за ними преобладающаго вліянія въ сферахъ культурной, хозяйственной и общественной жизни; для проведенія этого въ жизнь съѣздъ призналъ необходимымъ учрежденіе въ Палестинѣ спеціальнаго института подъ руководствомъ центральныхъ учрежденій партіи. Онъ далѣе поручаетъ имъ озаботиться объ: 1) улучшеніи въ Палестинѣ школьнаго дѣла; 2) основаніи тамъ земледѣльческаго банка и института добровольнаго ипотечнаго кредита; 3) образованіи тамъ промышленныхъ синдикатовъ и плантаціоннаго общества.

На-ряду съ вышеупомѣченными Гельсингфорскій съѣздъ призналъ ближайшей политической задачей первостепенной важности дѣятельное участіе въ политической жизни Россіи, а именно борьбу совмѣстно съ революціонными и оппозиціонными ея элементами за: 1) демократизацію всего ея государственнаго строя на началахъ парламентаризма, широкой политической свободы, автономіи національныхъ областей, гарантіи правъ національнаго меньшинства; 2) признаніе еврейской національности какъ единаго цѣлаго съ правами самоуправленія во всѣхъ дѣлахъ національнаго быта; 3) полную и безусловную равноправность еврейскаго населенія; 4) созывъ всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для выработки основъ національной организаціи; 5) право на замѣну субботнимъ отдыхомъ воскреснаго; 6) національныя права еврейскаго населенія во всѣхъ областяхъ жизни устанавливаются общегосударственными законодательными властями на основаніи петиціи всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія; эти права не могутъ быть измѣняемы отдѣльными областными законодательствами. Евреемъ съѣздъ считаетъ всякаго, кто является таковымъ по происхожденію и не заявилъ о своемъ выступленіи изъ еврейской націи. Главной ареной борьбы за осуществленіе всѣхъ вышеприведенныхъ постулатовъ, по мнѣнію съѣзда, является Госуд. Дума. Для избирательной кампаніи и потомъ для дѣятельности въ Думѣ онъ выработалъ спеціальную тактику, согласно которой: 1) тамъ, гдѣ безусловно обезпечена побѣда еврейскаго кандидата, кампанія должна вестись совершенно самостоятельно; 2) гдѣ же таковая не обезпечена, сіонисты составляютъ съ другими элементами коалиціонный изби-

рательный комитетъ, дѣйствуя внутри его, какъ особая партія; 3) послѣ выясненія ситуаціи, голосуютъ за кандидата большинства, если онъ — не ассимиляторъ; 4) отъ кандидатовъ требуется признаніе какъ демократическихъ, такъ и національныхъ лозунговъ въ духѣ Гельсингфорскаго съѣзда; если они евреи, то они должны вступить въ еврейскую думскую группу, которая должна сорганизоваться на федералистическихъ началахъ. Что касается организаціоннаго вопроса, то партія дѣлится на мѣстныя организаціи, обладающія широкой автономіей въ своихъ внутреннихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Во главѣ ея стоитъ центральный комитетъ изъ 7 членовъ съ мѣстопребываніемъ въ г. Вильнѣ. Дѣятельностью въ Польшѣ руководитъ особое областное бюро.

Наступили выборы во II Думу. Сіонисты начали энергичную дѣятельность. Но послѣдняя заключала въ себѣ гораздо больше противорѣчій, чѣмъ ихъ дѣятельность во время выборовъ въ I Думу. Правда, въ своемъ воззваніи къ избирателямъ ц. к. сіонистовъ выставилъ политическую платформу Гельсингфорскаго съѣзда. Но прежде всего надо замѣтить, что въ отдѣльныхъ статьяхъ и воззваніяхъ мы встрѣчаемъ различныя ея интерпретаціи. Такъ, напр., въ предисловіи къ отдѣльному изданію этой платформы и въ статьяхъ, помѣщавшихся въ журналѣ „Разсвѣтъ“, говорится, что демократизація государственнаго строя Россіи необходима для евреевъ „только въ цѣляхъ успѣшной организаціи экзода“; въ иныхъ статьяхъ того же органа евреи именуются „чужаками“, „принципіальными эмигрантами“, „неосѣдлыми жителями чужбины“. Когда же еврейская Народная Группа отмѣтила вышеуказанное отношеніе сіонистовъ къ вопросу о положеніи евреевъ въ Россіи, тотъ же „Разсвѣтъ“ заявилъ, что его плохо поняли, что его оклеветали, и въ доказательство указалъ на содержаніе политической платформы своей партіи. Отличительной чертой Россійской Организаціи сіонистовъ, характеризующей всѣ ея выступленія, является ея націонализмъ. Въ своемъ воззваніи къ избирателямъ Ц. К. Организаціи заявляетъ съ гордостью, что сіонисты первые провозгласили идею единства еврейскаго народа. Во имя этого единства, сіонисты ведутъ ожесточенную борьбу, съ одной стороны, со всѣмъ, что не еврейское, съ другой съ тѣми организаціями въ еврействѣ, которыя или пропагандируютъ ассимиляторскія идеи, или „разжигаютъ въ его средѣ классовую рознь“. Эта борьба, хотя ц. не принимаетъ нигдѣ столь рѣзкаго характера, какъ у Н.-Д. въ Польшѣ,—что, впрочемъ объясняется, какъ придавленностью еврейскихъ буржуазныхъ элементовъ, такъ равно тяжестью переносимаго евреями національнаго гнета,—все же часто тормозитъ развитіе борьбы съ непосредственнымъ угнетателемъ буржуазіи.

Правда, во многихъ мѣстахъ сіонисты входятъ въ соглашенія съ к.-д. и даже съ крайними лѣвыми партіями.

Такъ, напр., въ С.-Петербургѣ избирательный комитетъ сіонистовъ объединяется съ трудовиками и упрекаетъ Евр. Народную Группу, что та предпочитаетъ к.-д.—лѣвымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы заключаются ими избирательныя соглашенія съ литовскими с.-д. Но, на-ряду съ этимъ, практикуется крайне свободное толкованіе гельсингфорскихъ рѣшеній о соглашеніяхъ для оправданія соглашеній съ консервативными элементами.

Въ Одессѣ на этомъ основаніи поднимается вопросъ о соглашеніи съ мирнообновленцами. Извѣстный сіонистскій литераторъ Ахадгаамъ высказывается за поддержку октябристовъ, если они признаютъ необходимость надѣленія евреевъ равноправіемъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Польши заключались соглашенія съ реакціонной, антисемитской Н.-Д-ією.

На съѣздѣ въ Полонахъ Волынской губерніи сіонисты высказались за блокъ съ помѣщиками. Очень характерно также выступленіе во время второй избирательной кампаніи Розенбаума, депутата отъ Минска въ I Думу, предсѣдателя Ц. К. сіонистовъ, выступленіе, совершенно не гармонирующее съ его позиціей въ Думѣ. Въ открытомъ письмѣ своемъ къ выборщику И. Я. Герцыку, г. Розенбаумъ рѣзко противоставитъ интересы еврейскаго и нееврейскаго населенія и предлагаетъ Герцыку не идти въ Думу, на томъ основаніи, что онъ избранъ, благодаря поддержкѣ не-еврейскихъ и соціалистическихъ элементовъ.

Какъ извѣстно, въ результатѣ вражды еврейской и не-еврейской оппозиціи въ Минскѣ прошелъ въ Гос. Думу крайній правый. Борьба сіонистовъ съ пролетарскими организаціями получила самое яркое выраженіе въ выступленіяхъ г.г. Жаботинскаго и Пасманика, между прочимъ сваливавшихъ нерѣдко въ своихъ рѣчахъ на еврейскихъ соціалистовъ отвѣтственность за погромы. Несмотря на свою энергичную дѣятельность, на свою гибкость и безпринципность, несмотря на ростъ въ еврейской средѣ націонализма, сіонистамъ все же удалось провести въ Г. Думу лишь одного члена своей организаціи. За то уже къ 20 февраля, когда даже еще не выяснились результаты выборовъ въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Могилевской и нѣкоторыхъ польскихъ, было однако уже выбрано 81 сіониста въ выборщики.

До сихъ поръ мы говорили о сіонистахъ-палестинцахъ, теперь намъ приходится сказать нѣсколько словъ о территоріалистахъ. Эти послѣдніе составили лишь двѣ политическія организаціи, изъ которыхъ только сіонистско-соціалистическая рабочая партія сыграла извѣстную роль въ политической борьбѣ характеризуемаго здѣсь нами періода. Другая же, сгруппировавшаяся вокругъ журнала „Еврейскій Голосъ“, имѣла характеръ буржуазно-демократическій, но была лишь незначительнымъ кружкомъ, не имѣвшимъ почти

никакого вліянія на ходъ событій, несмотря на то, что журналъ хорошо редактировался и давалъ читателю довольно отчетливое представленіе о томъ, „что и какъ говорится и дѣлается на еврейской улицѣ“.

Подводя итоги сказанному о Россійской Организаціи сіонистовъ, нельзя не придти къ заключенію, что ея роль въ освободительномъ движеніи не можетъ считаться положительной не только съ точки зрѣнія пролетаріата, но и буржуазной демократіи. Ея націонализмъ и особенно ея фантастическій идеалъ не далъ ей возможности сыграть роль еврейской либеральной партіи. Но, какъ показали дѣятельность сіонистовъ въ 1904—1906 г.г., резолюціи ихъ Гельсингфорскаго съѣзда, выступленія отдѣльныхъ сіонистскихъ группъ во время выборовъ во II Думу, въ нѣдрахъ этой организаціи совершается постепенный процессъ преобразованія. Каковы будутъ его результаты, этого не только невозможно было опредѣлить тогда, но невозможно даже и въ настоящее время.

III.

Еврейская Народная партія по своей программѣ занимаетъ среднее мѣсто между Россійской организаціей сіонистовъ и Еврейской Народной группой.

Но намъ не придется на ней долго останавливаться, ибо въ интересующій насъ періодъ она вовсе не проявила болѣе или менѣе серьезной дѣятельности.

Ея программа съ одной стороны отражаетъ вліяніе на нее россійскаго освободительнаго движенія и въ частности позиціи, занятой еврейскимъ пролетаріатомъ въ области политическихъ и національныхъ требованій, съ другой стороны, носитъ на себѣ явные слѣды мелкобуржуазнаго націонализма и сепаратизма. Политическія требованія Еврейской Народной партіи могутъ быть изложены слѣдующимъ образомъ:

1) демократизація народнаго представительства; 2) полное осуществленіе гражданскихъ и политическихъ свободъ; 3) гарантія демократическимъ народнымъ представительствомъ всѣмъ народамъ свободы національнаго самоопредѣленія; 4) автономія областей и національностей; 5) прочная гарантія парламентомъ автономіи всѣхъ народныхъ меньшинствъ; 6) созывъ особыхъ областныхъ и національныхъ учредительныхъ собраній; 7) созывъ еврейскихъ учредительныхъ національныхъ собраній; 8) органомъ еврейскаго самоуправленія должна быть община, преобразованная на демократическихъ началахъ; для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ общинъ—созывъ съѣзда ихъ представителей и учрежденіе ихъ союза съ періодическими съѣздами и испол-

нительнымъ комитетомъ; 9) органы еврейскаго самоуправленія получаютъ права юридическихъ лицъ, между прочимъ, право спеціальнаго обложенія еврейскаго населенія; 10) это право ихъ въ частности состоитъ изъ: a) распоряженія народнымъ просвѣщеніемъ, b) завѣдыванія дѣлами взаимной и трудовой помощи, c) руководства переселеніемъ, d) веденія дѣлъ благотворительности; 11) полнаго равноправія евреевъ; 12) права пользоваться народнымъ языкомъ въ школахъ и государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; 13) отчисленія изъ государственнаго бюджета суммъ на начальныя школы съ преподаваніемъ на еврейскомъ языкѣ.

IV.

Совершенно иной была роль еврейской народной группы. Это—настоящая еврейская либеральная партія, въ программѣ и дѣятельности которой замѣтны и положительныя качества еврейской интеллигенціи и отрицательное вліяніе еврейской буржуазіи. Ея организаторы пользовались въ еврейской средѣ громаднымъ вліяніемъ еще въ 1904—1906 г.г. Когда же она выступила какъ самостоятельная политическая партія, то, несмотря на свою малочисленность, играла видную роль въ политическихъ выступленіяхъ евреевъ въ 1907 г.

Еврейская группа выступила, какъ таковая, съ цѣлью бороться съ вреднымъ вліяніемъ сіонистовъ: такъ гласитъ изданное ею воззваніе. Но отнюдь невѣрно то положеніе, высказываемое ея противниками, что якобы вышеуказанная борьба составляла единственную или главную ея задачу; сознаніе ея необходимости дало лишь толчекъ образованію группы. Политическія же задачи послѣдней, согласно ея платформѣ, опубликованной въ 1907 г. въ ея органѣ „Свобода и Равенство“, слѣдующія: 1) борьба за гражданское, политическое и національное полноправіе евреевъ; 2) развитіе экономическихъ силъ еврейства; 3) развитіе духовныхъ силъ еврейства; 4) организація борьбы противъ антисемитизма

Еврейская народная группа исходитъ изъ положенія, что судьбы русскаго еврейства неразрывно связаны съ политическими судьбами Россіи и что основная задача ея можетъ быть достигнута только при условіи полной демократизаціи ея государственнаго строя и утвержденія политической свободы.

Не являясь политической партіей въ тѣсномъ значеніи этого слова, она включаетъ въ себя всѣ сходящіеся на указанныхъ принципахъ элементы, какъ принадлежащіе къ общеполитическимъ партіямъ, такъ и стоящіе внѣ ихъ.

Руководящая нить группы—развитіе культурно-національной индиви-

дуальности еврейства. Она поэтому приглашаетъ всѣ демократическіе элементы еврейства для совмѣстной борьбы за реализацію вышеуказанныхъ задачъ.

Исходя изъ этихъ задачъ, еврейская народная группа требуетъ: I) въ области политической: 1) полнаго уравненія евреевъ во всѣхъ правахъ гражданскихъ и политическихъ; 2) предоставленія имъ права пользоваться роднымъ языкомъ на правахъ всѣхъ другихъ миноритетныхъ національностей; 3) узаконенія реорганизованной на демократическихъ началахъ еврейской общины и признанія за нею права на опредѣленную долю изъ общаго и муниципальнаго или областного бюджета; 4) признанія за еврейскими общинами права соединяться въ свободный союзъ; 5) полной демократизаціи муниципальнаго строя и гарантіи правъ меньшинства; 6) обезпеченія общеимперскимъ закономъ правъ миноритетныхъ національностей въ тѣхъ областяхъ, которымъ будетъ предоставлена автономія; II) въ области экономической: 1) демократизаціи и децентрализаціи нынѣ существующихъ учрежденій для поднятія экономическаго быта евреевъ; 2) учета специфическихъ еврейскихъ интересовъ при проведеніи общихъ мѣръ этой категоріи; 3) расширенія области примѣненія еврейскаго труда; свободы образованія профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ; 4) раціональной организаціи разселенія трудового еврейскаго населенія, не находящаго приложенія своему труду въ старомъ мѣстѣ жительства; 5) организаціи изслѣдованія экономическаго положенія евреевъ; III) въ сферѣ духовныхъ интересовъ: 1) широкаго доступа еврейскихъ массъ къ общему образованію, а равно политическому, соціальному; 2) національзаціи воспитанія и обученія въ смыслѣ культивированія языка, исторіи, этическихъ идеаловъ еврейства.

Группа также обстоятельно разработала программу преобразованія еврейской общины. Согласно этой программѣ: 1) въ общину входитъ все еврейское населеніе данной мѣстности; 2) органомъ ея управленія и представительства служитъ совѣтъ, избранный на демократическихъ началахъ; 3) совѣтъ избираетъ спеціальныя комиссіи; 4) въ компетенцію общины входятъ: заботы о школахъ, благотворительность, заботы объ учрежденіяхъ, вызванныхъ религіозными потребностями; 5) сборъ коробочный и свѣчной отмѣняются; расходы покрываются изъ средствъ, выдѣленныхъ въ распоряженіе ея изъ бюджета областного и муниципальнаго; 6) до осуществленія такого порядка, а равно для пополненія нужныхъ суммъ, послѣ его осуществленія назначается прогрессивно-подоходный налогъ.

Въ области школьнаго дѣла община должна пользоваться полной свободой обученія и открытія школъ съ правомъ выбора языка; община именно опредѣляетъ типъ и языкъ преподаванія въ школахъ начальныхъ; она имѣетъ право на возмѣщеніе расходовъ изъ государственнаго, област-

ного и муниципальнаго бюджета; преподаваніе же еврейскихъ знаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ возмѣщается изъ государственнаго бюджета.

Какъ видно изъ органа евр. нар. группы, она предпочитаетъ общія школы сепаратнымъ. Она находитъ, что послѣднія вносятъ отчужденность евреевъ отъ остальныхъ націй, населяющихъ однѣ съ ними территоріи; сепаратныя школы требуютъ также удвоенія расходовъ на зданія, библіотеки, лабораторіи, пособія и т. д. Группа считаетъ также опаснымъ и учрежденіе еврейскаго сейма, ибо слѣдствіемъ такового можетъ быть расколъ въ еврействѣ. А между тѣмъ — говорятъ ея идеологи — преподаваніе еврейскихъ предметовъ возможно и въ общихъ школахъ, и демократическое правительство охотно передастъ въ руки евреевъ организацію и контроль этого дѣла.

Однако, бываютъ условія, при которыхъ евр. нар. группа не считаетъ возможнымъ руководствоваться опасностью отчужденія. Такъ, напр., евреи должны, по ея мнѣнію, сплотиться и противоставить себя рѣзко антисемитскимъ тенденціямъ въ сферѣ экономической жизни.

Но еврейство извлечетъ пользу изъ дѣятельности защищающихъ его политическихъ организацій только въ томъ случаѣ, если послѣднія будутъ держаться строго демократической позиціи. И поэтому она считаетъ для себя необходимымъ руководствоваться этимъ соображеніемъ во время выборовъ въ Гос. Думу, провозглашая, что лучше завоевать меньше мѣстъ въ Гос. Думѣ, лишь бы не отступить отъ демократизма.—И именно поэтому она признала, во время предстоявшихъ выборовъ во II Думу, необходимымъ воздѣйствовать на крестьянъ и стараться изъ нихъ сдѣлать себѣ союзниковъ, но избѣгать, хотя — какъ говорится въ платформѣ — лишь по мѣрѣ возможности, соглашеній съ помѣщиками.

Къ сожалѣнію, группѣ не удалось избѣгнуть таковыхъ; соглашеніе съ помѣщиками произошло у нея именно въ той же Волынской губерніи, гдѣ нѣсколькими недѣлями раньше состоялось у сіонистовъ. Въ общемъ же и цѣломъ еврейская народная группа по своей тактической линіи была солидарна съ партіей к.-д. Многіе изъ ея членовъ, а въ томъ числѣ и ея лидеръ Винаверъ состоятъ въ то же время и членами этой партіи. Во время выборовъ во II Госуд. Думу она выступала во многихъ случаяхъ подъ знаменемъ союза достиженія полноправія евреевъ. И во время этихъ выборовъ она шла рука объ руку съ к.-д., лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вступая въ соглашенія съ партіями лѣвѣе к.-д. и въ исключительныхъ случаяхъ съ болѣе правыми элементами. По числу своихъ членовъ или вполнѣ опредѣленныхъ сторонниковъ еврейская народная группа очень незначительна, но: 1) въ теченіе 1905—1907 г.г. ея идеямъ принадлежала гегемонія въ средѣ еврейскихъ буржуазныхъ элементовъ; подъ вліяніемъ этихъ идей происходилъ и сіонистскій Гельсингфорскій съѣздъ; 2) въ ея рядахъ сгруппировались лучшія

силы еврейской буржуазной интеллигенціи; и поэтому, несмотря на дружную кампанію, которую противъ нея вела еврейская и еврейско-русская печать всѣхъ теченій, результаты выборовъ для нея оказались болѣе благопріятны, чѣмъ для сіонистовъ.

V.

На-ряду съ россійской организаціей сіонистовъ — партіей мелкобуржуазной въ подлинномъ значеніи этого слова, среди русскаго еврейства мы встрѣчаемъ также три политическія партіи, которыя, выступая подъ флагомъ соціализма, находятся въ болѣе или менѣе тѣсной генетической связи съ сіонизмомъ. Это вышеотмѣченныя: 1) сіонистско-соціалистическая рабочая партія (с.-с.); 2) еврейская с.-д. рабочая партія (Поалей-Ціонъ или просто — п.-ц.), и 3) еврейская соціалистическаа рабочая партія (серпъ). Всѣ онѣ вышли изъ рядовъ Allgemeine Syonisten. Онѣ образовались изъ элементовъ двухъ категорій: 1) рабочихъ и интеллигентовъ, которые подъ вліяніемъ условій хозяйственнаго развитія постепенно переживаютъ эволюцію отъ сіонизма къ соціализму — отъ мелкобуржуазной къ пролетарской идеологіи; и 2) сіонистовъ, преданныхъ фантастической идеѣ сіонизма, ставшихъ подъ знамя соціализма съ тѣмъ, чтобы вдохнуть въ эту идею новую жизнь и удержать рабочихъ подъ ея знаменемъ. Съ одной стороны, медленное развитіе классоваго сознанія рабочихъ и тяжелое положеніе евреевъ въ Россіи, съ другой стороны, оппортюнизмъ буржуазныхъ сіонистовъ по отношенію къ бюрократіи и ихъ индифферентизмъ къ политикѣ являлись благопріятными условіями для развитія соціалистическаго сіонизма.

Піонеры соціалистическаго сіонизма вышли изъ среды демократическихъ элементовъ сіонизма вскорѣ послѣ Базельскаго сіонистскаго съѣзда.

Въ 1901 г. впервые появилась программа этого теченія въ изданной въ Берлинѣ по иниціативѣ д-ра Н. Сыркина брошюрѣ: „Воззваніе къ еврейской молодежи группы соціалистовъ-сіонистовъ“. Изложенные въ послѣдней взгляды по общему своему характеру представляютъ своеобразную интерпретацію марксизма въ духѣ ревизіонизма бернштейновскаго типа. Вскорѣ появился и органъ теченія „Hamoin“.

Два года спустя былъ изданъ за границей журналъ „Возрожденіе“, приближающійся по своему направленію къ идеологіи соціалистовъ-революціонеровъ. Изъ перваго теченія вышли с.-с. и п.-ц.; изъ второго—„серпъ“. Почти одновременно съ появленіемъ новыхъ теченій за границей, въ Россіи возникъ рядъ кружковъ, главнымъ образомъ рабочихъ, родственныхъ по духу этимъ тремъ теченіямъ; эти кружки мы видимъ въ Екатеринославѣ,

Полтавѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Одессѣ; они носятъ названія: рабочіе сіонисты (п.-ц.), с.-с., с.-с. п.-ц. и т. д. Постепенно они раздѣлились на два лагеря: 1) минскіе п.-ц., которые отрицали необходимость политической борьбы, отчасти благодаря присутствію въ ихъ средѣ рабочихъ, вышедшихъ изъ зубатовскихъ кружковъ и порвавшихъ съ этими кружками, но не освободившихся еще отъ ихъ идеологіи; 2) всѣ остальные, ведшіе съ первыми непримиримую борьбу. Органомъ первыхъ былъ „Arbeiter Zionist“; органомъ вторыхъ—выходившая въ Одессѣ „Еврейская Рабочая Хроника“. Споры палестинцевъ съ территоріалистами, охватившіе послѣ VI общесіонистскаго съѣзда широкіе слои сіонистовъ въ Россіи, дали толчокъ дифференціаціи группъ с.-с. въ этой плоскости, а начавшееся вслѣдъ за тѣмъ сильное оживленіе въ политической жизни Россіи — къ сплоченію отдѣльныхъ организацій въ партіи. Въ 1905 г. образуются: 1) палестинская е. с.-д. р. п. (п.-ц.) и 2) территоріалистская с.-с. р. п. (с.-с.), а въ началѣ 1906 г.—„Серпъ“, не отрицающая территоріалистскаго идеала, но особенно рѣзко подчеркивающая политическія задачи момента. По отчетамъ этихъ партій можно судить, что п.-ц. къ серединѣ 1906 г. имѣла около 16.000 членовъ; с.-с. 24.000; серпъ—7.000.

П.-ц. издавала органы: 1) „Еврейская Рабочая Хроника“ въ Полтавѣ, затѣмъ „Молотъ“ — въ Симферополѣ; 2) „der Proletarischer Gedank“ и 3) „Vorwaerts“—въ Вильнѣ; 4) „das judisches Arbeiter Wort“ — въ Варшавѣ; кромѣ того, она въ своей дѣятельности пользовалась органами того же направленія, издававшимися въ разныхъ странахъ Европы и Америки, какъ-то, напр., выходящимъ въ Лембергѣ въ теченіе 8 лѣтъ журналомъ „Judischer Arbeiter“. Раньше п.-ц. употребляла главнымъ образомъ русскій языкъ, съ 1906 г. стала пользоваться повсемѣстно жаргономъ.

С.-с. въ теченіе интересующаго насъ періода издавала: 1) der judischer Proletarier“ (1905), какъ центральный органъ; 2) „Vorwaerts“— органъ варшавской организаціи с.-с.; 3) Funken—органъ лодзинской организаціи; 4) съ апрѣля 1906 г. „der neuer Weg“ и „das neue Wort“; 5) въ Лодзи въ 1906 г. издавалась „Хроника Профессіональнаго Движенія“; органомъ „Серпа“ была газета „Volksstimme“.

Давъ эту общую характеристику трехъ партій, перейдемъ теперь къ характеристикѣ и оцѣнкѣ ихъ программы, тактики, организаціи и дѣятельности.

Вышедши изъ рядовъ мелкобуржуазнаго теченія, всѣ онѣ сохранили въ своей идеологіи его элементы, въ большей или меньше степени, въ зависимости отъ состава ихъ и условій ихъ дѣятельности. Ихъ идеологія—это не идеологія пролетаріата, конституировавшагося въ классъ, сознающій свои интересы, но идеологія рабочихъ, еще не освободившихся отъ идейной ге-

гемоніи мелкой буржуазіи -у с.-с. и п.-ц.; это — идеологія интеллигенціи, ставшей подъ знамя соціализма, какъ наиболѣе демократическаго теченія— у „серпа".

Правда, представители двухъ первыхъ партій причисляютъ себя къ ортодоксальнымъ марксистамъ. Но методъ, которымъ они пользуется, обосновывая платформы своихъ партій, это не марксистскій, діалектическій, а субъективный методъ; въ литературѣ с.-с. и п.-ц. мы встрѣчаемъ и марксистскую терминологію и марксистскіе взгляды, часто передаваемые вполнѣ правильно, но не видимъ общей марксистской точки зрѣнія. И с.-с. и, еще въ большей степени п.-ц., чисто субъективно опредѣляютъ необходимость сосредоточенія евреевъ на одной территоріи и созданія самостоятельнаго еврейскаго государственнаго организма, въ то время какъ въ настоящій историческій моментъ въ эмиграціи вообще, и въ частности въ еврейской, замѣчаются совершенно противоположныя тенденціи, также какъ и въ развитіи государствъ. Признавая, что производство и обмѣнъ въ настоящее время принимаютъ международный характеръ, они въ то же время утверждаютъ, что общественное хозяйство является все же національнымъ и что еврейскій пролетаріатъ можетъ конституироваться въ классъ и успѣшно вести борьбу за полное свое классовое освобожденіе только тогда, когда будетъ образовано еврейское національное государство: въ Палестинѣ ли, какъ этого хотятъ п.-ц., на другой ли какой бы то ни было территоріи, какъ полагаютъ с.-с. Не учитывая того, что въ области національной жизни замѣчаются въ развитіи матеріальной культуры тенденціи централистическія, а въ развитіи духовной—децентралистическія, идеологи с.-с. и п.-ц., желая обосновать, по-марксистски, какъ они полагаютъ, свое требованіе права національнаго самоопредѣленія евреевъ, игнорируютъ международный характеръ современной матеріальной культуры. Одинъ изъ теоретиковъ с.-с. Я. Лещинскій въ своей книгѣ „Der judischer Arbeiter in Russland" старается научно обосновать то положеніе с.-с. и п.-ц., что безъ созданія еврейскаго національнаго государства немыслимо еврейское соціалистическое движеніе, доказывая, что европ-рабочіе не допускаются въ настоящее время къ участію въ машинномъ производствѣ, а сосредоточены лишь въ ремеслѣ, и что вслѣдствіе этого въ средѣ еврейскаго народа развивается не пролетаризація, но пауперизація. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ критика отмѣтила, что богатый статистическій матеріалъ, приведенный Л. въ его книгѣ, очень слабо провѣренъ имъ критически и поэтому не можетъ быть признанъ достаточнымъ аргументомъ въ пользу основныхъ положеній автора и его единомышленниковъ. Разсужденія Лещинскаго страдаютъ тѣми же недостатками, что и всѣхъ литераторовъ этого теченія: 1) игнорированіемъ зависимости современнаго производства отъ всемірнаго рынка; 2) тѣмъ, что онъ временное явленіе, порожденное въ Россіи

отсталостью ея государственнаго строя и ея законодательства, разсматриваетъ, какъ что-то постоянное. Такъ, напр., говоря о томъ, что евреи работаютъ лишь въ ремесленныхъ мастерскихъ или въ фабрикахъ, принадлежащихъ евреямъ же, авторъ упускаетъ изъ виду, что и ремесла и еврейскія фабрики составляютъ лишь часть производства даннаго государства и производятъ на всемірный рынокъ; отрицая возможность разселенія евреевъ въ Россіи послѣ упраздненія „черты“ осѣдлости, на томъ основаніи, что русская промышленность яко бы стоитъ выше промышленности „черты“ и имѣетъ достаточное количество собственныхъ рабочихъ, онъ игнорируетъ тотъ фактъ, что развитіе капитализма вызываетъ разселеніе рабочихъ по всему земному шару, а не отдѣленіе капиталистическихъ странъ другъ отъ друга китайской стѣной.

Какъ платформы с.-с. и п.-ц., такъ и взгляды Лещинскаго обнаруживаютъ крайне одностороннее пониманіе основъ марксизма.

Однако, обѣ партіи, будучи связаны съ рабочими массами, вынуждены были въ моментъ подъема рабочаго движенія сосредоточить свое вниманіе на дѣятельности, диктуемой интересами этихъ массъ, на борьбѣ за демократизацію Россіи и права, гарантирующія еврейской культурѣ свободное развитіе.

И с.-с., и п.-ц. должны были вести, и, на самомъ дѣлѣ, вели ее солидарно съ революціонными элементами Россіи.

Обѣ онѣ выставили въ сферѣ общегосударственныхъ отношеній одно и то же ближайшее политическое требованіе: созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія, и преобразованія нынѣшняго образа правленія на демократическій.

Въ области еврейскихъ національныхъ требованій для улучшенія быта евреевъ въ Россіи, с.-с. и п.-ц. расходятся. Первые, мечтая объ еврейскомъ государствѣ на особой территоріи, вполнѣ послѣдовательны, ограничиваясь въ этой сферѣ слѣдующими требованіями: „принимая во вниманіе, что еврейскій пролетаріатъ въ странахъ діаспорры въ состояніи удовлетворить только тѣ изъ своихъ требованій, которыя состоятъ въ полученіи образованія на родномъ языкѣ, что еврейская буржуазія необходимо будетъ бороться противъ еврейскаго языка, какъ языка школы, во имя мѣстнаго, а также древне-еврейскаго языка, что пролетаріатъ вынужденъ знать также и мѣстный языкъ, что учрежденія, необходимыя вообще для удовлетворенія національныхъ потребностей, изъ-за экономическихъ потребностей въ еврейскомъ народѣ, не могутъ у него обладать фактической принудительной силой, съѣздъ находитъ: что еврейскій пролетаріатъ долженъ выставить требованіе передачи дѣла еврейскаго народнаго образованія обязательно-субсидируемымъ школьнымъ союзамъ, въ которые будутъ организоваться опредѣленныя общественныя группы. Наши

другія національныя требованія, поскольку они осуществимы при ненормальномъ положеніи еврейскаго народа, заключаются въ нашихъ общедемократическихъ требованіяхъ, какъ гражданскаго равноправія, равноправія языковъ и т. д., требованія, которыя, будучи чисто-демократическими, имѣютъ для насъ и національное содержаніе".

Впослѣдствіи, послѣ II конференціи с.-с., въ партійной литературѣ было выяснено, что опредѣленіе языка преподаванія въ школахъ должно быть дѣломъ мѣстнаго школьнаго союза, сообразно потребностямъ данной общины, что такимъ можетъ быть признанъ въ одномъ мѣстѣ „жаргонъ", въ другомъ— русскій, польскій или древнееврейскій языки.

Но нельзя не отказать въ послѣдовательности п.-ц., которая въ своей платформѣ, на-ряду съ требованіями гражданскаго равноправія, равноправія языковъ и др., выставляетъ требованіе для еврейскаго народа, въ этомъ временномъ, по ихъ мнѣнію, его мѣстопребываніи,—въ Россіи, также и „національно-политической автономіи съ широкой экономической и культурной компетенціей во всѣхъ внутреннихъ національныхъ дѣлахъ"... и пока „пропорціональнаго представительства въ учредительныхъ и административныхъ органахъ".

Громкое требованіе „политической" автономіи не можетъ быть обосновано путемъ научнаго анализа тенденцій развитія общественной жизни русскихъ евреевъ и относится къ чуждой пролетарской идеологіи области громкихъ словъ. Напротивъ, постановка спеціальныхъ требованій въ пользу еврейскаго пролетаріата въ связь съ интересами и требованіями въ пользу пролетаріата другихъ національностей Россіи и съ вопросомъ о преобразованіи государственнаго строя послѣдней очень выгодно отличаетъ позицію обѣихъ партій и дѣлаетъ возможной для пролетарскихъ с.-д. партій координацію дѣйствій съ ними. Однако на пути къ осуществленію таковой иногда стоитъ тактическая позиція с.-с. и п.-ц. въ вопросахъ дня. Тактическіе взгляды обѣихъ этихъ партій носятъ на себѣ нѣкоторый отпечатокъ того субъективизма, которымъ отличается самъ методъ и программныя построенія ихъ идеологовъ. Такъ, напр., с.-с. р. п. въ резолюціи своего съѣзда о террорѣ разсматриваетъ самодержавіе въ 1906 г., какъ не опирающееся ни на одинъ изъ общественныхъ классовъ, и поэтому считаетъ терроръ допустимымъ, хотя, какъ отмѣчается въ мотивировочной части резолюціи, онъ вреденъ съ точки зрѣнія массоваго пролетарскаго движенія. Поале-Ціонъ же только съ 1909 г. порываетъ связи съ общесіонистскимъ движеніемъ. Все же въ большинствѣ вопросовъ дня обѣ партіи сходятся съ р. с.-д. р. п.

Такъ, въ 1905 г. всѣ с.-с. и п.-ц. организаціи, не исключая минскихъ п.-ц., вскорѣ вошедшихъ въ составъ с.-с. р. п., принимаютъ живое участіе во всеобщихъ политическихъ забастовкахъ и вообще въ забасто-

вочномъ движеніи. Во время бунта на „Потемкинѣ“ онѣ выступали рука объ руку съ р. с.-д. р. п. Правда, участіе этихъ организацій вмѣстѣ со всѣми сіонистами въ чествованіи памяти Герцеля обнаруживаетъ въ ихъ средѣ сильныя національнстическія тенденціи и на время создаетъ напряженныя отношенія съ с.-д. элементами. Но уже во время декабрьской забастовки представители обѣихъ партій участвуютъ въ коалиціонныхъ комитетахъ въ разныхъ городахъ Россіи, на-ряду съ с.-д. и с.-р.

Равнымъ образомъ происходитъ объединеніе комитетовъ с.-с. и п.-ц. съ комитетами с.-д. и даже „Бунда“ во время погромовъ для самообороны.

Во время выборовъ въ I Госуд. Думу, и с.-с. и п.-ц. придерживаются тактики бойкота. Но во второй избирательной кампаніи принимаютъ участіе. Въ избирательной платформѣ, принятой с.-с. р. п. на ея II конференціи, эта партія призываетъ идти въ Думу, не дѣлая себѣ никакихъ иллюзій въ оцѣнкѣ ея значенія. На-ряду съ требованіями, находящимися въ платформѣ р. с.-д. р. п., она включаетъ также слѣдующія, спеціально-еврейскія: 1) немедленной отмѣны всѣхъ ограничительныхъ законовъ противъ евреевъ; полнаго равноправія еврейскаго народа и еврейскаго языка; 2) передачи дѣла народнаго образованія въ вѣдѣніе еврейскихъ школьныхъ союзовъ, сообразно языку, признаваемому послѣдними языкомъ преподаванія, финансируемыхъ государствомъ; 3) законодательной защиты еврейской эмиграціи. Платформа заканчивается приглашеніемъ „посылать“ въ Думу с.-д., голосовать за кандидатовъ с.-с. р. п.

По вопросу объ избирательныхъ соглашеніяхъ конференція признала таковыя возможными лишь съ тѣми партіями, которыя видятъ въ Думѣ только арену для революціонной пропаганды, а слѣдовательно: 1) съ р. с.-д. р. п., 2) с.-р.; 3) „Бундомъ“; 4) трудовиками; соглашенія съ союзомъ достиженія и родственными ему организаціями допускаются только съ особаго на это каждый разъ рѣшенія ц. к. партіи. Своихъ кандидатовъ въ Думу партія ставила въ Ковнѣ и Слонимѣ Гродн. губ. Въ цѣляхъ агитаціи, подсчета силъ и закрѣпленія связей съ массами организаціи с.-с. часто устраивали плебисцитъ; таковой выяснилъ, что въ Слонимѣ эта партія была самой вліятельной. Въ Ковенской же губерніи, въ г. Поневѣжѣ 300 избирателей, главнымъ образомъ, изъ мѣстной мелкой буржуазіи, поручили своему представителю на съѣздѣ выборщиковъ—Фридману голосовать за кандидата с.-с. р. п.—д-ра Н. Сыркина. Но ни въ одномъ, ни въ другомъ мѣстѣ кандидатъ с.-с. р. п. не прошелъ. Еврейскія буржуазныя партіи вели съ с.-с. непримиримую борьбу. Характерно, что, когда организаціямъ союза полноправія приходилось выбирать между „Бундомъ“ и с.-с. р. п.; то онѣ всегда охотнѣе поддерживали первый. Блокъ съ р. с.-д. р. п. былъ

заключенъ въ нѣсколькихъ городахъ Россіи, между прочимъ въ Волынской губ. Единственной ареной, на которой с.-с. р. п. считала возможнымъ выступать вмѣстѣ съ еврейскими буржуазными элементами, являются учрежденія, ставящія своей задачей регулированіе еврейской эмиграціи. По этому вопросу II конференція партіи приняла резолюцію, въ которой говорится: „конференція констатируетъ, что еврейская эмиграція достигла такой степени и приняла такой характеръ, который требуетъ съ необходимостью и дѣлаетъ возможнымъ вмѣшательство организаціи съ цѣлью концентрировать эмигрирующія массы на свободной территоріи; что концентрація и колонизація еврейскихъ эмигрантовъ можетъ быть осуществлена народной организаціей, ставящей себѣ территоріалистскія цѣли и опирающейся въ своей дѣятельности на всѣ заинтересованные въ территоріализмѣ слои еврейскаго народа; что планомѣрное овладѣваніе эмиграціей является однимъ изъ моментовъ въ реализаціи территоріализма; что лозунгъ учредительнаго съѣзда въ Россіи для созданія территоріалистскаго союза можетъ стать организующимъ для заинтересованныхъ въ территоріализмѣ широкихъ еврейскихъ массъ; что еврейскій пролетаріатъ, какъ наиболѣе заинтересованный, долженъ принять активнѣйшее участіе въ территоріалистскомъ рѣшеніи еврейской эмиграціонной проблемы; что вмѣшательство государства въ эмиграцію содѣйствуетъ успѣшному овладѣнію ею,—конференція высказывается за широкую агитацію въ смыслѣ необходимости организаціи народнаго территоріалистскаго союза“... „Конференція находитъ, что ц. к. долженъ открыть и организовать дискуссію по всѣмъ вопросамъ, касающимся формъ территоріалистской политики, въ частности времени созыва территоріалистскаго съѣзда, характера функцій территоріалистскаго союза и взаимоотношенія между нимъ и государствомъ“.

Что касается внутренней организаціонной дѣятельности с.-с. р. п., то изъ ея органа „Der neue Weg“ мы узнаемъ слѣдующее. Въ теченіе 1906—1907 г.г. на-ряду съ общепартійной конференціей были также созываемы областныя и районныя, указывающія сферу вліянія партіи. На партійной конференціи, резолюціи которой по вопросамъ о выборахъ и эмиграціи мы привели выше, обнаружилось, что партія с.-с. имѣла 16 районовъ Въ районныхъ конференціяхъ было представлено мѣстностей: 1) въ Двинской—20; 2) въ Могилевской — 11; 3) въ Виленской — 22. Къ концу 1906 г. с.-с. р. п. значительно ослабѣла, благодаря арестамъ и эмиграціи ея членовъ. Что касается послѣдней, то въ теченіе 8 мѣсяцевъ эмигрировало 224 человѣка ($^4/_5$ изъ нихъ за границу). Изъ одного только Мстиславля уѣхало 47 человѣкъ изъ 180 членовъ организацій с.-с. Партія вела также энергичную организаціонную дѣятельность и въ области профессіональнаго движенія. Уже на первомъ своемъ съѣздѣ с.-с. р. п. при-

знала наиболѣе цѣлесообразными внѣпартійные, легальные профессіональные союзы, признающіе принципъ классовой борьбы. И, надо ей отдать справедливость, она энергично работала надъ созданіемъ союзовъ такого типа, но дѣятельность ея ограничивалась большею частью маленькими городками и ремесленнымъ производствомъ; такъ въ Вильнѣ, Варшавѣ, Лодзи, Кіевѣ с.-с. организовали лишь приказчиковъ, мѣстами сапожниковъ, печатниковъ да рабочихъ очень незначительныхъ производствъ, по количеству работающихъ въ нихъ, какъ, напр., въ Варшавѣ—бронзовщиковъ (около 100 чел.), шорниковъ, цвѣточницъ (около 400); въ Петроковѣ—приказчиковъ, заготовщиковъ.

Въ средѣ рабочихъ крупнаго производства, какъ напр., кожевниковъ, щетинщиковъ с.-с. р. п. почти вовсе не имѣла успѣха. Наиболѣе успѣшно велась дѣятельность по организаціи профессіональныхъ союзовъ въ слѣдующихъ городахъ: Могилевѣ, Житомірѣ, Двинскѣ, Гомелѣ, Мозырѣ, Кобринѣ, Пинскѣ, Ченстоховѣ, Черкасахъ, Ковнѣ, Лубнахъ, Воложинѣ, Черниговѣ, Смѣлѣ и Купишкахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ области профессіональнаго движенія с.-с. р. п. выступала солидарно съ р. с.-д. р. п. противъ „Бунда“, придерживавшагося принципа партійности.

На соціалистическомъ международномъ конгрессѣ въ Штутгартѣ с.-с. р. п. пыталась провести своего представителя въ международное бюро, но это ей не удалось вслѣдствіе протеста „Бунда“.

V.

Дѣятельность поалей-ціонъ была въ громадномъ большинствѣ случаевъ идентичной съ дѣятельностью с.-с. р. п. Таково, напр., было ея отношеніе ко II Госуд. Думѣ. Но въ избирательной платформѣ п.-ц. нѣсколько отличается отъ с.-с. Она выставила въ ней всѣ свои политическія и національныя требованія, которыя мы характеризовали выше.

П.-ц. отрицала всякія соглашенія съ буржуазными партіями во время этой избирательной кампаніи. Но нельзя сказать, чтобы она не считала возможнымъ сотрудничество съ буржуазіей. Такъ, напр. въ резолюціи состоявшейся въ концѣ 1906 г. конференціи п.-ц. говорится, что партія „должна принимать участіе въ конгрессахъ общесіонистской организаціи, чтобы использовать таковые въ интересахъ еврейскаго рабочаго. Признавая необходимымъ участіе въ конгрессахъ, партія подчеркиваетъ, что „наше участіе въ нихъ тогда только имѣетъ значеніе, когда мы сами предпринимаемъ какую-нибудь самостоятельную реальную работу въ Палестинѣ“. Далѣе въ той же резолюціи находимъ, что „партія считаетъ желательнымъ

основаніе всемірнаго п.-ц. бюро, которое регулировало бы наши отношенія къ общесіонистской организаціи". Ко времени выборовъ во II Госуд. Думу п.-ц. имѣла свои организаціи въ слѣдующихъ городахъ: Варшавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Кѣльцахъ, Бендзинѣ, Влоцлавскѣ, Кутно, Плонскѣ, Вильнѣ, Брестъ-Литовскѣ, Гроднѣ, Кіевѣ, Миргородѣ, Полтавѣ, Симферополѣ, Черниговѣ, Харьковѣ. Своихъ кандидатовъ въ Думу п.-ц. не выставляла, но въ Полтавѣ, Симферополѣ, Харьковѣ ей удалось провести по одному выборщику. Въ Варшавѣ она предлагала с.-д. Ц. П. и Л. и „Бунду" создать соціалистическій избирательный комитетъ, но получила отказъ. Въ Полтавѣ вошла въ блокъ со „Спілкой"; въ одномъ южномъ городѣ—съ п. с.-р. Въ Варшавѣ и Лодзи поддерживала с.-д.

На-ряду съ политической дѣятельностью, п.-ц., какъ и с.-с., вела и профессіональную. Она признавала единственно-цѣлесообразными внѣпартійные, классовые профессіональные союзы. Въ отличіе отъ с.-с., она организовала еврейскихъ рабочихъ въ таковые не только въ ремесленномъ, но и въ фабричномъ производствѣ, какъ-то въ целлюлоидныхъ фабрикахъ въ Ченстоховѣ, въ фабрикахъ мыловаренныхъ и кожевенныхъ въ Варшавѣ; въ ткацкихъ—въ Лодзи и Томашовѣ. Все же большинство рабочихъ, объединенныхъ въ профессіональные союзы при участіи п.-ц., принадлежитъ къ ремесленнымъ и торговымъ рабочимъ. И въ сферѣ профессіональной дѣятельности п.-ц. старались координировать дѣйствія соціалистическихъ организацій, такъ, напр., въ Варшавѣ она предлагала с.-д. и „Бунду" образовать междупартійное бюро по профессіональнымъ дѣламъ; но с.-д. и „Бундъ" отнеслись отрицательно къ этому предложенію.

Только въ Лодзи ей въ отдѣльныхъ случаяхъ удалось провести на этой почвѣ объединеніе соціалистическихъ силъ, но лишь на короткое время.

Въ 1907 г. передъ Штутгартскимъ конгрессомъ п.-ц. предложила международному бюро создать особую еврейскую секцію, объясняя таковое свое предложеніе крайне своеобразными условіями развитія еврейскаго рабочаго движенія; при этомъ русская организація п.-ц. выступала въ этомъ дѣлѣ совмѣстно съ п.-ц. другихъ государствъ. Но ни международное бюро, ни впослѣдствіи Штутгартскій конгрессъ не сочли возможнымъ принять ихъ предложенія.

Съ того времени, которое мы здѣсь характеризуемъ, въ политической позиціи поалей-ціонъ произошли значительныя измѣненія. Она не только сама отказалась отъ участія въ сіонистическихъ конгрессахъ, но старается отвлечь отъ таковаго и п.-ц. другихъ государствъ. Эта партія также на послѣдней своей конференціи рѣшила завязать тѣсныя сношенія съ с.-д. фракціей III Думы, выборы въ которую она нѣсколько лѣтъ тому назадъ

энергично бойкотировала. Наконецъ, среди нѣкоторыхъ элементовъ п.-ц., главнымъ образомъ въ Польшѣ, стало замѣтно критическое отношеніе къ упомянутой выше теоріи непролетаризаціи еврейскихъ народныхъ массъ.

VI.

Что касается еврейской соціалистической рабочей партіи („Серпа"), то въ ея развитіи замѣчаются два періода: 1) до учредительнаго съѣзда партіи (т. е. отъ 1903 до апрѣля 1906 г.); это періодъ „Возрожденія", и 2) отъ учредительнаго съѣзда по настоящій моментъ—періодъ партіи. Въ то время какъ „Возрожденіе" выдвинуло передъ еврейской интеллигенціей задачу организаціи „народной еврейской революціонной партіи, которая охватила бы всѣ интересы еврейскаго народа въ его настоящемъ, въ исторической эволюціи и въ связи съ задачами и идеалами будущаго", „Серпъ", выступивъ въ роли политической партіи, объявилъ себя пролетарской организаціей, заявивъ, что стоитъ на точкѣ зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата. Эта перемѣна въ идеологіи характеризуемаго здѣсь нами теченія объясняется прежде всего той крупной ролью, которую пролетаріатъ россійскій вообще и еврейскій въ частности сыгралъ въ событіяхъ 1905 г. Все же такія перемѣны не происходятъ внезапно. И въ идеологіи „Серпа" легко найти пережитки прошлаго, элементы прежней стадіи ея развитія, доказывающіе, что эта партія еще не стала классовой организаціей пролетаріата, не только по своему составу, но и по своимъ общественно-политическимъ взглядамъ, а лишь находится въ процессѣ перехода на классовую, пролетарскую точку зрѣнія.

Идеологи „Серпа" не причисляютъ себя къ лагерю марксистовъ. Въ ихъ взглядахъ замѣтно вліяніе Штамлера, особенно ярко обнаруживающееся въ статьяхъ Бенъ-Адера. Они къ марксизму относятся критически. Но, критикуя марксизмъ, они представляютъ его себѣ совершенно своеобразно. Такъ, въ то время, какъ основнымъ положеніемъ марксизма является взглядъ Маркса, что люди сами дѣлаютъ свою исторію, но не въ произвольно избранной обстановкѣ, а въ конкретныхъ условіяхъ, созданныхъ раньше ими самими или предшествовавшими имъ поколѣніями, напротивъ въ представленіи „серпистовъ" производительныя силы, якобы по представленію марксистовъ, являются какой-то внѣшней, фаталистической силой; „серписты" въ борьбѣ съ этимъ міровоззрѣніемъ отождествляютъ марксистскій детерминизмъ съ фатализмомъ. Изъ мнимой несостоятельности марксизма они выводятъ заключеніе, что „соціальная революція не вытекаетъ съ желѣзной необходимостью изъ развитія общества". Конечной политической цѣлью еврейскихъ

трудящихся массъ „Серпъ“ считаетъ, подобно с.-с. р. п., созданіе самостоятельнаго общественнаго еврейскаго организма на особой территоріи. Осуществленіе этой цѣли „серписты“, вѣроятно, считаютъ дѣломъ очень далекаго будущаго, ибо, какъ видно изъ всѣхъ проявленій ихъ дѣятельности, главную задачу современнаго момента они видятъ въ совмѣстной съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ борьбѣ за преобразованіе государственнаго строя Россіи на началахъ демократіи и федерализма. Съ этой цѣлью они требуютъ созыва учредительныхъ собраній трехъ категорій: 1) всероссійскаго, 2) территоріальныхъ и 3) національныхъ.

„Серпъ“ требуетъ не только для отдѣльныхъ окраинъ, но и для всѣхъ націй политической автономіи. Желая же научно обосновать это свое требованіе, онъ въ лицѣ своихъ литераторовъ Бенъ-Адера, Житловскаго, Ратнера, ссылается на то, что нація и въ настоящее время — единица хозяйственная, допуская ту же ошибку, которую мы отмѣтили у с.-с. р. п. и п.-ц. Но уже въ опредѣленіи компетенціи автономныхъ національныхъ сеймовъ (требованіе которыхъ вызвало названіе „серпистовъ“ также „сеймистами“) замѣчается несостоятельность взглядовъ „серпистовъ“ въ области національнаго вопроса, фантастичность ихъ требованій; оказывается, что этому, требуемому ими *политическому*, національному сейму должны подлежать лишь: 1) организація народнаго образованія (устройство и завѣдываніе низшими и средними школами); 2) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры (устройство библіотекъ, музеевъ и т. д.); 3) организація соотвѣтствующихъ предпріятій для концентраціи еврейской эмиграціи на свободной незаселенной территоріи.

„Серпъ“, какъ и большинство партій, которыхъ пролетарская идеологія находится лишь въ процессѣ развитія, отличается тѣмъ, что ея классовой пролетарскій характеръ чаще обнаруживается въ практикѣ, чѣмъ въ теоріи.

Если націоналистическія и антидетерминистскія построенія „Серпа“ являются у него пережиткомъ прошлаго, остатками мелкобуржуазной идеологіи, то его проповѣдь солидарности рабочихъ всѣхъ національностей относится къ элементамъ новой пролетарской идеологіи. Къ положительнымъ сторонамъ его относится также почти вся его организаціонная дѣятельность, а равно его солидарныя съ всероссійскимъ революціоннымъ движеніемъ выступленія въ 1905 г. Къ концу 1905 г. „Серпъ“ имѣлъ уже свои организаціи: въ Витебскѣ, Вильнѣ, Могилевѣ, Двинскѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Бердичевѣ, Харьковѣ, Смоленскѣ, Маріуполѣ, Павлоградѣ, Черкасахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи всеобщей политической забастовки, и съ этой цѣлью старался входить въ соглашенія съ организаціями р. с.-д. р. п., „Бунда“, п. с.-р. Это, къ сожалѣнію, не всегда ему удавалось. Такъ, напр., согласно сообщенію „Серпа“ въ его

докладѣ на международный соц. конгрессъ въ Штутгартѣ, „вслѣдствіе ультимативнаго требованія „Бунда“, дошло до того, что въ Екатеринославѣ онъ „вынужденъ былъ, на-ряду съ существовавшимъ тамъ общимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, организовать отдѣльный еврейскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ которомъ были представлены нѣсколько тысячъ еврейскихъ рабочихъ“.

Но бывало и иначе. Въ Харьковѣ, напр., „Серпъ“ участвовалъ въ коалиціонномъ комитетѣ; тоже въ Маріуполѣ, въ Могилевѣ Подольскомъ, Смоленскѣ, Крыму, въ Павлоградѣ, Витебскѣ, Велижѣ, Черкасахъ, Вилькомірѣ объединялся съ с.-д., „Бундомъ“, с.-р. для цѣлей самообороны.

На-ряду съ массовыми выступленіями „Серпъ“ признаетъ также терроръ однимъ изъ средствъ политической борьбы; онъ пользовался имъ, между прочимъ, въ борьбѣ съ погромами. Какъ общій характеръ его идеологіи, такъ и въ частности его отношеніе къ террору сближаютъ его съ партіей соц.-революціонеровъ. И онъ объединился съ нею на федеративныхъ началахъ, и, какъ часть этой партіи, получилъ представительство въ международномъ соціалистическомъ бюро.

Выборы въ I Госуд. Думу „Серпъ“ бойкотировалъ. Во второй же избирательной кампаніи принялъ дѣятельное участіе, считая таковое необходимымъ въ интересахъ революціонной агитаціи среди широкихъ рабочихъ массъ. Соглашенія признавалъ лишь съ революціонными партіями, съ буржуазными же—въ видѣ исключенія—ради борьбы съ черносотенной опасностью.

Соглашенія со всѣми соціалистическими организаціями, за исключеніемъ „Бунда“, состоялись: въ Витебскѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ. Въ Витебскѣ по его иниціативѣ былъ образованъ рабочій избирательный комитетъ, избранный путемъ всеобщаго, равнаго и т. д. голосованія профессіональными союзами, фабриками, мастерскими. Комитетъ этотъ руководилъ избирательной кампаніей, а впослѣдствіи занимался выработкой наказовъ въ Думу. Партіей были выставлены 6 кандидатовъ въ Госуд. Думу, но вслѣдствіе разъясненій администраціи и начатыхъ послѣдней противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ преслѣдованій, не прошелъ ни одинъ. Въ Екатеринославѣ 5 серповскихъ выборщиковъ, такъ равно какъ и с.-д. выборщики, отдали свои голоса трудовику Караваеву, который и прошелъ въ Думу оттуда. Съ буржуазными элементами, а именно съ еврейскимъ избирательнымъ комитетомъ „Серпъ“ заключилъ соглашенія въ Витебскѣ, Могилевѣ и на Волыни и объяснялъ этотъ свой шагъ тѣмъ, что онъ былъ вынужденъ его сдѣлать вслѣдствіе заключенія „Бундомъ“ блока съ к.-д. противъ с.-с., и его—„Серпа“. Въ 1907 г. по иниціативѣ „Серпа“ была созвана партіей с.-р. конференція тѣхъ національныхъ соціалистическихъ партій, которыя

примыкаютъ другъ къ другу по характеру своей программы и тактики, а на немъ былъ избранъ секретаріатъ и намѣчена задача созданія россійской соціалистической федераціи.

Заслугой „Серпа“ по отношенію къ еврейскому пролетаріату является то обстоятельство, что имъ впервые былъ поставленъ на очередь дня вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ еврейской общинѣ, которую онъ разсматривалъ прежде всего какъ арену для классовой борьбы, находя, что послѣдняя должна привести къ демократизаціи общины, этого исконнаго оплота еврейской реакціи, и за этимъ къ развитію дѣятельности общины въ сферѣ народнаго образованія.

„Серпъ“ работалъ и въ области профессіональнаго движенія, гдѣ онъ является сторонникомъ междупартійности. Но условія, особенно на югѣ, заставили „серповцевъ“ предпочесть этому типу союзовъ—классовые безпартійные съ партійными ячейками внутри. „Серпъ“ работалъ въ вышеуказанномъ направленіи въ Крыму, Екатеринославской губерніи, Витебскѣ, Подольской губерніи, больше всего среди печатниковъ и приказчиковъ, что легко замѣтить изъ содержанія отчета о всероссійскомъ съѣздѣ приказчиковъ. На почвѣ дѣятельности въ сферѣ профессіональнаго движенія ему иногда случалось выступать совмѣстно съ р. с.-д. р. п., противъ „Бунда“, какъ сторонника партійности союзовъ.

К. Залевскій.

В. ЛЕВИЦКІЙ.

Правыя партіи.

В. ЛЕВИЦКІЙ.

Правыя партіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Соціальная характеристика контрреволюціоннаго движенія начала XX вѣка.

Освободительное движеніе въ Россіи на зарѣ XX вѣка, подобно всякой буржуазной революціи, вызвало послѣ себя реакцію въ видѣ контрреволюціоннаго движенія, которое приняло обширные размѣры и создало почву для политической агитаціи и организаціоннаго строительства партій реакціонно-монархическаго направленія.

Въ томъ сложномъ историческомъ явленіи, какое представляетъ собой контрреволюціонное движеніе періода 1905—07 гг., переплелось множество самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ комбинацій различныхъ экономическихъ, соціальныхъ, національныхъ элементовъ. Передъ изслѣдователемъ этого движенія встаетъ, поэтому, трудная задача: отдѣлить въ этой пестрой картинѣ существенное отъ второстепеннаго, основное отъ производнаго, характерное отъ случайнаго. Чтобы понять и исторически-правильно оцѣнить контрреволюціонное движеніе, необходимо вскрыть его основныя соціальныя пружины, освобождая ихъ отъ прикрывающей и, до извѣстной степени, затемняющей ихъ классовое содержаніе своеобразной идеологіи; вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователь долженъ сумѣть ориентироваться въ отдѣльныхъ теченіяхъ контрреволюціоннаго потока, опредѣляя соціальное происхожденіе слившихся въ немъ второстепенныхъ струй и ручейковъ и наложившихъ свой отпечатокъ на его общемъ характерѣ.

Контрреволюціонное движеніе 1905—07 гг. не было движеніемъ, исключительно инсценированнымъ правительствомъ въ интересахъ самообороны. Россійская правительственная реакція, начавшая свое наступательное шествіе на другой же день послѣ октябрьскаго манифеста, опиралась на контрреволюціонное движеніе опредѣленныхъ *соціальныхъ группъ* и дѣйствовала подъ ихъ непосредственнымъ давленіемъ. Наши партіи праваго лагеря, при всей ихъ зависимости отъ правительства, не были простымъ придаткомъ къ нему; онѣ представляли объединеніе различныхъ группъ и ка-

тегорій общества. объятыхъ страхомъ передъ надвинувшейся революціей и прибѣгшихъ къ ея методу борьбы—организаціи своихъ силъ.

Въ настоящее время врядъ ли кто-нибудь будетъ оспаривать тотъ фактъ, что главнымъ двигателемъ контрреволюціоннаго движенія въ Россіи было *помѣстное дворянство, классъ крупныхъ и отчасти среднихъ землевладѣльцевъ.* Классъ этотъ составлялъ опору стараго режима, поддержанія котораго требовали его соціально-экономическіе интересы: только при сохраненіи феодально-сословнаго строя, обезпечивавшаго ему политическія привилегіи, этотъ классъ могъ не допустить, вѣрнѣе задержать, процессъ своего экономическаго паденія, которое началось еще съ „эпохи великихъ реформъ“ въ силу, ставшаго исторически-необходимымъ, развитія Россіи въ буржуазно-капиталистическомъ духѣ. И общественное движеніе 1905—07 гг., которое явилось результатомъ и наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого развитія, которое объективно направлялось противъ дворянской собственности, неизбѣжно должно было вызвать контрреволюціонное реакціонное движеніе земельнаго дворянства.

Но соціальный смыслъ контрреволюціоннаго движенія вскрылся не сразу. Подобно тому, какъ объективно-*буржуазный* характеръ революціи долгое время оставался затемненнымъ для большинства ея участниковъ тѣми политическими формами, въ которыхъ она протекала, такъ и чисто *аграрно-дворянскій* характеръ контрреволюціи предсталъ въ обнаженномъ видѣ лишь послѣ окончательнаго пораженія революціоннаго движенія, когда стала извѣстна реакціонная роль „Совѣта объединеннаго дворянства“, и открытая защита дворянскихъ интересовъ стала оффиціальнымъ знаменемъ восторжествовавшей реакціи.

Процессъ постепеннаго самоопредѣленія контрреволюціоннаго движенія лучше всего находитъ себѣ выраженіе въ смѣнѣ ролей, какія играли въ немъ на протяженіи его развитія различныя политическія партіи: если въ разгарѣ революціи на авансценѣ контрреволюціи стоялъ „всесословный“, своего рода „демократическій“ „Союзъ русскаго народа“ и подобныя ему организаціи, то послѣ побѣды реакціи надъ революціоннымъ движеніемъ, во главѣ контрреволюціи мы видимъ чисто-сословную организацію „объединенныхъ дворянъ“, которые взяли фактически въ свои руки кормило правленія и наложили свою землевладѣльческую классовую печать на всѣ проявленія реакціи въ странѣ.

Отъ „демократическаго“ союза русскаго народа къ аристократическому „Совѣту объединеннаго дворянства“—такова краткая формула эволюціи, продѣланной въ теченіе 2-хъ лѣтъ нашимъ контрреволюціоннымъ движеніемъ; отъ реакціоннаго общественнаго движенія *различныхъ* соціальныхъ

группъ къ политической диктатурѣ привилегированной кучки дворянъ крѣпостниковъ и дворянъ аграріевъ.

Но если дворянство, соціальнымъ интересамъ котораго непосредственно угрожала побѣда революціи, было *главной* силой контрреволюціоннаго движенія, то оно не было все же *единственной* его опорой. На-ряду съ земельнымъ дворянствомъ, на защиту стараго режима стали и другія соціальныя группы. Нѣкоторую, хотя и очень незначительную, роль въ контрреволюціонномъ движеніи играла часть буржуазіи. Это, прежде всего, тѣ ея элементы, которые наиболѣе тѣсно связаны были съ самодержавнымъ режимомъ, т. е. поставщики правительственныхъ учрежденій, концессіонеры, всякаго рода монополисты и т. п., предпочитавшіе конституціонному порядку — патріархальный укладъ абсолютистскаго строя, при которомъ имъ легче было получать сверхсмѣтную прибыль, и въ твердой самодержавной власти видѣвшіе лучшую опору въ борьбѣ съ развивавшимся экономическимъ движеніемъ пролетаріата. Съ другой стороны, это были домовладѣльцы, крупные торговцы, — а также промышленники болѣе отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи районовъ провинціи [1]). Однако, всѣ эти элементы буржуазіи, входя въ нѣкоторыя изъ монархическихъ партій, не наложили своего классового отпечатка ни на ихъ идеологіи, ни вообще на ихъ дѣятельности. Интересы буржуазіи, какъ класса, отражали не правыя партіи, а частью лишь на половину реакціонныя партіи, въ родѣ „Союза 17-го октября“, „Торгово-промышленной партіи“, частью оппозиціонныя партіи.

Значительно большую, чѣмъ реакціонные буржуазные элементы, роль играли въ контрреволюціонномъ движеніи представители самой бюрократіи —высшей и низшей, военной и гражданской. Вмѣстѣ съ дворянствомъ бюрократія поставляла главные кадры контрреволюціонной арміи. Представители бюрократіи—одни за страхъ, другіе за совѣсть, становятся иниціаторами, вдохновителями, руководителями, участниками и покровителями реакціонныхъ организацій. Но большею частью дворянское происхожденіе и обладаніе крупными земельными участками заставляли представителей высшей бюрократіи такъ же опасаться за свои экономическіе, соціальные и сословные интересы, какъ и представителей не бюрократическаго дворянства. Къ этому присоединялось и ихъ служебное положеніе: побѣда революціоннаго движенія означала для бюрократіи потерю того независимаго и безконтрольнаго положенія, какое они занимали при самодержавно-бюрократическомъ режимѣ, лишая ихъ доходныхъ мѣстъ и безгрѣшныхъ доходовъ. Эта угроза

---

[1]) Напр. промышленники и торговцы средняго калибра центральнаго промышленнаго района (глав. обр. Костромского и Иваново-Вознесенскаго округовъ) еще въ началѣ 1905 г. представившіе правительству докладную записку крайне реакціоннаго содержанія въ отвѣтъ на либеральную записку моск. промышленниковъ.

толкала многочисленные кадры чиновничества и офицерства въ лагерь активныхъ дѣятелей контрреволюціи [1]). Что касается низшей категоріи администраціи, то она проявляла свой контрреволюціонный пылъ въ цѣляхъ карьеры, такъ какъ близкое отношеніе къ „патріотическимъ“ организаціямъ давало легкую возможность повышенія по службѣ. По мѣрѣ развитія и усиленія контрреволюціоннаго движенія, реакціонныя партіи пріобрѣтали все большее вліяніе на отдѣльныхъ представителей власти, вплоть до министровъ, а представители власти, въ свою очередь, все болѣе становились простыми исполнителями воли патріотическихъ организацій.

Третьимъ, вслѣдъ за дворянствомъ и бюрократіей, главнымъ составнымъ ядромъ контрреволюціонной арміи было православное духовенство. По соціальному своему положенію оно отличается рядомъ чертъ, сближающихъ его отчасти съ дворянствомъ, отчасти съ бюрократіей. Высшее бѣлое и черное духовенство является собственникомъ или пользователемъ крупныхъ земельныхъ угодій, приносящихъ солидный доходъ. Революція, покушаясь на земли дворянъ, направлялась и противъ церковныхъ и монастырскихъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ православное духовенство, подобно бюрократіи, исторически самымъ тѣснымъ образомъ было связано съ самодержавною властью, представляя своего рода „служилое“ сословіе, находящееся отъ нея въ самой непосредственной зависимости. Подчиненіе духовенства такому чисто бюрократическому учрежденію, какъ Св. Синодъ, не могло не окрасить въ опредѣленный политическій реакціонный цвѣтъ его психологію, въ особенности его верховъ. Роль православнаго духовенства въ контрреволюціонномъ движеніи аналогична поэтому роли въ немъ бюрократіи. Если видными дѣятелями контрреволюціоннаго движенія, съ одной стороны были генералы Богдановичъ, Думбадзе и Толмачевъ, то не менѣе крупную роль въ этомъ движеніи играли епископы Гермогенъ, Платонъ, Евлогій, Антоній и другіе [2]).

Роль духовенства—бѣлаго и чернаго — въ контрреволюціонномъ движеніи была тѣмъ болѣе значительна, что по самому своему положенію оно находилось ближе къ народу, который въ ходѣ революціи становился все болѣе необходимъ, въ качествѣ физической силы, даже для партій реакціи.

---

1) Достаточно указать на такихъ извѣстныхъ администраторовъ, какъ генералы Думбадзе и Толмачевъ, губернаторы и градоначальники: Хвостовъ, Лауницъ, Дубасовъ, Рейнботъ, и на многихъ другихъ, состоявшихъ явными членами или тайными покровителями «Союза русскаго народа» и иныхъ монархическихъ организацій.

2) Тяжелое экономическое положеніе низшаго духовенства, въ особенности сельскаго, и соціальная близость его къ народу создавали въ эпоху революціи значительное количество священниковъ типа Гр. Петрова, членовъ Думы: Тихвинскаго, Афанасьева и др., примыкавшихъ къ оппозиціи; но и среди бюрократіи встрѣчались бѣлые вороны, какъ лейтенантъ Шмидтъ, поруч. Кузьминъ, вице-губернаторъ Наливкинъ, губернаторъ Старосельскій, генералъ Субботичъ и т. п.

Священники (сельскіе и городскіе) съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ другіе дѣятели контрреволюціоннаго блока, могли выполнять функціи народныхъ агитаторовъ, увлекавшихъ за собой темныя народныя массы своей полу-духовной, полу-политической агитаціей. Роль эта облегчалась благодаря сравнительно высокому авторитету, которымъ пользовались представители православнаго духовенства въ народныхъ низахъ. Особенно полезны были священники въ борьбѣ съ „инородцами“. Поэтому, лишь только изъ разрозненныхъ реакціонныхъ организацій стали складываться болѣе широкія объединенія контрреволюціонныхъ силъ, чисто духовныя организаціи, въ родѣ „обществъ хоругвеносцевъ“ и различныхъ православныхъ „братствъ“, были поглощены отдѣлами „Союза русскаго народа“. Въ свою очередь каждая патріотическая организація стремилась имѣть въ лицѣ своего предсѣдателя или почетныхъ членовъ мѣстнаго епископа, миссіонера, или другое духовное лицо. Въ самой дѣятельности черносотенныхъ организацій освященіе знаменъ союза, крестные ходы, молебствія, панихиды и другіе чисто религіозные обряды занимаютъ обычно не меньше мѣста, чѣмъ патріотическія манифестаціи, посылка всеподданнѣйшихъ телеграммъ и т. п. Этимъ контрреволюціонныя организаціи отдаютъ почетную дань играющему въ нихъ крупную роль духовенству. Не случайно также, что наиболѣе популярными вождями контрреволюціоннаго движенія, поскольку оно выходило за предѣлы узкихъ дворянскихъ круговъ, были духовныя лица: о. Восторговъ, іеромонахъ Иліодоръ, еп. Евлогій, Антоній Волынскій, еп. Гермогенъ, миссіонеръ Айвазовъ и мн. другіе.

Роль народныхъ агитаторовъ, на-ряду съ лицами духовнаго званія, играютъ въ черносотенномъ движеніи и представители профессіональной интеллигенціи, которые здѣсь, какъ и въ другихъ политическихъ партіяхъ, выступаютъ преимущественно въ качествѣ идеологовъ и непосредственныхъ вожаковъ. Среди этой профессіональной интеллигенціи можно встрѣтить и убѣжденныхъ монархистовъ - реакціонеровъ, типа Грингмута и Пихно или юдофоба Шмакова, и озлобленныхъ неудачниковъ, въ родѣ доктора Дубровина, адвоката Булацеля, литератора Крушевана и студента Сырокомли-Сопоцько, и карьеристовъ въ стилѣ Б. Никольскаго; рядомъ съ ними дѣйствуютъ просто продажные люди, въ силу своей неинтеллигентности пригодные въ лучшемъ случаѣ для редактированія безграмотныхъ погромныхъ листковъ, а въ худшемъ для совершенія разнаго рода болѣе или менѣе уголовныхъ дѣяній (типъ Казаринова, Казакова, Юскевича-Красковскаго, Казанцева, Тополева — Гамзѣя Гамзѣича). Въ числѣ лицъ интеллигентныхъ профессій, игравшихъ замѣтную роль въ контрреволюціонномъ движеніи, приходится отмѣтить и „студентовъ-академистовъ“, какъ напр. Шенкенъ въ Петербургѣ, Голубевъ въ Кіевѣ и др.

Таковы были соціальныя группы, которыя составили активную силу контрреволюціоннаго движенія 1905 — 07 г.г. и которыя вырабатывали для него своего рода идеологію. Но, если бы реакціонное движеніе ограничилось только этими привилегированными слоями, оно не смогло бы принять тѣхъ *относительно широкихъ размѣровъ*, какихъ оно въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи достигло. Для контрреволюціи „народъ“ или покрайней мѣрѣ его видимость—*масса* были почти столь же необходимы, какъ и для революціоннаго движенія.

Пытаться прочно *завоевывать* народныя массы—крестьянъ и рабочихъ, приходившихъ къ сознанію и составлявшихъ главную физическую силу революціи—было дѣломъ явно безнадежнымъ и заранѣе обреченнымъ на неудачу для вождей контрреволюціоннаго движенія. Имъ не оставалось поэтому ничего другого, какъ частью путемъ подкупа и насилія, частью при помощи грубой демагогіи, спекулирующей на темные инстинкты массъ, временно увлекать за собой наиболѣе отсталые и некультурные элементы народной массы, вплоть до городскихъ отбросовъ—лумпенпродетаріата.

Благопріятную среду для антисемитской и вообще демагогической агитаціи черносотенныхъ дѣятелей представляли прежде всего промежуточные невѣжественные слои городского мѣщанскаго населенія: мелкіе торговцы, ремесленники, мелкіе домовладѣльцы, низшее чиновничество, однимъ словомъ, тотъ мелкій людъ, который, въ особенности въ провинціи, отличается абсолютнымъ невѣжествомъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи, косностью и утопическою реакціонностью въ соціальномъ, воспріимчивостью къ демагогіи въ идеологическомъ отношеніи.

Когда рѣка тронулась и въ Россіи начался революціонный ледоходъ, даже эти отсталые элементы пришли въ движеніе. Война и связанная съ нею промышленная депрессія ухудшила ихъ экономическое положеніе, вызывая въ нихъ смутное недовольство. Пораженіе русской арміи на Дальнемъ Востокѣ нанесло тяжелый ударъ элементарному національному чувству этихъ распыленныхъ, разрозненныхъ людей, живущихъ еще въ условіяхъ мелкобуржуазнаго патріархальнаго уклада жизни, въ которомъ капитализмъ не успѣлъ еще пробить значительныхъ брешей. Все это накопляло въ этихъ слояхъ населенія раздраженіе, не находившее себѣ выхода. Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе ихъ малой культурности, приверженности къ монархическимъ традиціямъ и консерватизму, пропаганда оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, ихъ программы и идеи не могли задѣть ихъ за живое, оказать сколько-нибудь глубокое вліяніе. Уму и чувству этихъ обывательскихъ элементовъ гораздо больше говорила агитація монархическихъ и контрреволюціонныхъ организацій съ преданностью историческимъ завѣтамъ, преклоненіемъ передъ православною церковью, приписывавшая всѣ бѣды и смуты

„жидамъ“, „инородцамъ“ и интеллигенціи, чуждой имъ по всему своемъ складу и обиходу. И, поскольку, даже эти темные, отсталые слои всей окружающей обстановкой толкались къ политикѣ, они попадали въ объятія черносотенныхъ демагоговъ. По указаніямъ послѣднихъ, этотъ разношерстный городской людъ устраиваетъ сперва погромы противъ евреевъ и интеллигенціи, въ которыхъ выливаетъ свое чувство неоформленнаго протеста, а потомъ, когда потрясенная жизнь снова начала приходить въ порядокъ, опъ въ той или иной формѣ,—личнымъ участіемъ и матеріальной поддержкой участвуетъ въ дѣятельности правыхъ организацій, составляя *массу* ихъ членовъ, ихъ „народъ“. Но въ сущности роль этихъ промежуточныхъ слоевъ—именно въ силу ихъ промежуточнаго и соціальнаго положенія —не могла не быть чисто пассивной. Все ихъ вліяніе на характеръ контрреволюціоннаго движенія проявилось исключительно въ томъ, что, примѣнительно къ уровню ихъ пониманія, вожди контрреволюціи приспособляли свою идеологію.

Пассивность этихъ слоевъ сказалась, между прочимъ, въ томъ, что они являлись наиболѣе непостоянной, самой *текучей* составной частью правыхъ партій. Стоило только ослабнуть дѣятельности вождей или начаться между ними раздорамъ, какъ „массы“ членовъ черносотенныхъ организацій столь же быстро покидали послѣднія, какъ незадолго до того записывались въ нихъ. Лишь только революцію можно было офиціально считать законченной, съ 1907 г., число членовъ правыхъ партій начинаетъ таять съ невѣроятной быстротой. Временная армія поспѣшно начала покидать своихъ генераловъ. Съ наступленіемъ „успокоенія“ эти слои теряли всякій интересъ къ политикѣ; поскольку же послѣдній сохранялся у наиболѣе активныхъ и подвижныхъ элементовъ этой среды, они постепенно преодолѣвали черносотенство и, втянувшись въ политику, начинали воспринимать взгляды тѣхъ или иныхъ оппозиціонныхъ партій, выясняя дѣйствительныя причины своего недовольства. Разочарованію въ черносотенныхъ партіяхъ не мало содѣйствовалъ тотъ внутренній маразмъ и моральная нечистоплотность, которыя царили въ большинствѣ контрреволюціонныхъ организацій и стали обнаруживаться, по мѣрѣ спаденія революціонной волны. Уходъ массъ изъ правыхъ организацій оставлялъ ихъ вождей въ самомъ неприглядномъ видѣ: ихъ подкупность и зависимость отъ власти становилась ясной даже слѣпому. Ибо отрицательныя задачи, скрѣплявшія контрреволюціонный блокъ, были осуществлены, а положительныхъ у него не было.

Аналогичную психологію, что и у городского мѣщанства, мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ черносотенцамъ удалось свить себѣ болѣе или менѣе прочныя гнѣзда. Впрочемъ, крестьянство, соціальные интересы котораго были прямо противоположны интересамъ руководителей реакціи, еще пассивнѣе, чѣмъ городское мѣщанство, относилось къ черносотенной

агитаціи, еще менѣе было захвачено ею. Только въ мѣстахъ съ пестрымъ національнымъ составомъ населенія, особенно въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ (черта еврейской осѣдлости) сравнительно значительные слои крестьянъ примыкали къ правымъ организаціямъ и принимали участіе въ ихъ дѣятельности. Здѣсь сложность національныхъ отношеній, стихійный антисемитизмъ и ненависть къ евреямъ—торговцамъ и скупщикамъ хлѣба—представляли благодарную почву для антисемитской и черносотенной агитаціи и для вербовки народныхъ массъ въ правый лагерь. Дѣятельность почаевскаго (Волынск. губ.) братства, бессарабскихъ отдѣловъ союза русс. народа, еп. Евлогія въ Люблинской губ., кіевскихъ, полтавскихъ и екатеринославскихъ союзниковъ показываетъ, какіе обильные плоды націоналистической травли и контрреволюціонной демагогіи можно было взрастить на разрыхленной національными антагонизмами почвѣ.

Впрочемъ и въ городскихъ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ національнымъ составомъ, на окраинахъ прежде всего, благодаря наличности національныхъ трепій, искусственно раздуваемыхъ усиленной агитаціей контрреволюціонныхъ организацій, послѣднія въ значительно большей степени, чѣмъ въ коренной Россіи, имѣли успѣхъ среди самыхъ различныхъ слоевъ населенія, не исключая интеллигенціи и рабочихъ. Здѣсь присутствіе „инородческаго“ элемента и создавшееся представленіе о его „засильѣ“, затушевывая нерѣдко дѣйствительный характеръ происходящей соціальной и политической борьбы, бросало въ лагерь крайней реакціи группы населенія, которыя въ другихъ мѣстахъ поддерживали въ своей массѣ оппозиціонныя или революціонныя партіи.

Не совсѣмъ безуспѣшна была мѣстами агитація дѣятелей контрреволюціи и среди рабочихъ. Мы не говоримъ уже о небольшихъ провинціальныхъ городахъ (какъ Курскъ, Воронежъ, Царицынъ), гдѣ рабочіе, живя въ условіяхъ докапиталистическаго, мѣщанскаго города, по своей психологіи мало отличаются отъ вышеохарактеризованнаго городского мѣщанства,—но и въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Тифлисѣ—дѣятелямъ контрреволюціонныхъ организацій удавалось привлекать въ свои ряды десятки и сотни рабочихъ. Долгое время Путиловскій заводъ въ Петербургѣ и Брянскій въ Екатеринославѣ считались опорными пунктами черносотенной агитаціи; среди убійцъ депутата Герценштейна были бывшіе рабочіе-путиловцы. Однимъ подкупомъ объяснить этого нельзя. Въ рабочемъ классѣ въ 1905—07 г.г. были, какъ есть и теперь, отсталые слои, только еще вышедшіе изъ деревни или уѣзднаго города, съ психологіей ихъ обитателей. Революція разбудила ихъ, подобно мѣщанству и крестьянству, отъ полнаго индифферентизма, по причинъ своего тяжелаго положенія они понять еще не могли, т. к. до классового самосознанія еще не доросли. Черносотенные агитаторы ука-

зывали имъ на евреевъ, интеллигенцію и соціалистовъ, какъ на виновниковъ забастовокъ, раззоряющихъ промышленность, порождающихъ безработицу и ухудшающихъ ихъ положеніе. Эта агитація встрѣчала откликъ въ этихъ слояхъ рабочихъ, которые записывались въ правыя организаціи, гдѣ при помощи связей имъ доставляли мѣста на заводахъ. Только постепенно большая часть этой категоріи рабочихъ освобождалась изъ-подъ вліянія черносотенной демагогіи (отказъ отъ званія союза рус. народа, передача значковъ союза на митингахъ въ 1906—07 г.г. въ Петербургѣ, покаянія на страницахъ рабочихъ газетъ), въ то время, какъ меньшая ихъ часть, развращаясь водкой, деньгами и атмосферой союзническихъ чайныхъ, поставляла кадры наемныхъ убійцъ, погромщиковъ и штрейкбрехеровъ.

Намъ остается сдѣлать непосредственный переходъ къ самой отсталой группѣ членовъ контрреволюціонныхъ организацій. Это люмпенпролетаріатъ— городское отребье, босяки и золоторотцы, ненавидящіе трудъ и работающіе только постольку, поскольку это необходимо, чтобы просуществовать, когда нельзя поживиться на чужой счетъ, своровать и т. п. Эти люди поставляли главные кадры для боевыхъ, погромныхъ и т. п. дружинъ черной сотни. Ихъ просто подкупаютъ; въ ихъ дѣятельности нѣтъ и слѣда идеализма и идеологіи, тутъ царитъ голая корысть: они идутъ за тѣми, кто больше платитъ.

Когда промелькнули „прекрасные дни Аранжуэца“, когда наемнымъ бандитамъ стало нечѣмъ платить и ихъ промыселъ сталъ не всегда безопасенъ, боевыя дружины пришлось распустить, а ихъ члены частью снова ушли на то дно, откуда они вызваны были потребностями контрреволюціоннаго движенія, частью пошли на полицейскую службу, въ качествѣ городовыхъ, сыщиковъ и провокаторовъ. Только мѣстами (напр. въ Одессѣ), гдѣ въ силу децентрализаціи власти, установившейся въ Россіи послѣ акта 3-го іюня 1907 г., черносотенцы продолжали держать въ своихъ рукахъ власть, эти хулиганы играли и играютъ до настоящаго времени роль. Но и тамъ число ихъ, по мѣрѣ разложенія контрреволюціонныхъ организацій, уменьшается съ каждымъ годомъ.

Черносотенныя банды, сыгравъ роль мавра для контрреволюціонныхъ дворянскихъ слоевъ, постепенно стали сходить со сцены, по мѣрѣ того, какъ дворянская диктатура, которой они служили, начала воплощаться въ жизни на развалинахъ революціоннаго движенія.

---

*

I.

Зарожденіе первыхъ контрреволюціонныхъ партій (до 17-го октября 1905 года).

Партіи реакціонно-монархическія въ Россіи представляютъ собой явленіе болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ партіи революціонныя и либеральныя. Старый бюрократически-самодержавный порядокъ не признавалъ никакихъ общественныхъ организацій, которыя въ самомъ существѣ своемъ представляютъ собой его отрицаніе. Это не значитъ, конечно, что въ дореволюціонной Россіи не было въ наличности идеологіи и элементовъ, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли бы положить начало политическимъ организаціямъ охранительнаго направленія. Еще съ середины 60-хъ годовъ, послѣ польскаго возстанія и первыхъ проблесковъ революціонно-соціалистическаго движенія, печать реакціоннаго направленія, во главѣ съ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ М. Н. Катковымъ, рѣшительно встала на защиту правительства и повела борьбу съ революціонерами. Вліяніе этой реакціонной печати на политику правительства, временами, напр., въ 80-ые годы, была чрезвычайно велика. Въ виду отсутствія въ то время какихъ бы то ни было политическихъ организацій, политическія газеты, какъ реакціонныя, такъ и либеральныя, до нѣкоторой степени замѣняли ихъ, являясь выраженіемъ общественнаго мнѣнія наиболѣе активныхъ круговъ русскаго общества.

Нельзя считать политическими организаціями возникшія въ 80-хъ гг. для борьбы съ террористами „Тайную лигу по охранѣ“ и знаменитую „Священную лигу“. Ибо онѣ представляли собой не столько *политическія* партіи, сколько тайныя, *заговорщическія* организаціи сторонниковъ правительства, при чемъ первая изъ указанныхъ организацій въ сущности была филіальнымъ отдѣленіемъ полицейской охраны, преслѣдуя цѣли политическаго сыска, а вторая, имѣвшая въ виду борьбу съ революціоннымъ терроромъ, состояла исключительно изъ высшихъ сановниковъ и отставныхъ бюрократовъ, будучи лишена какой бы то ни было опоры въ обществѣ. Въ 80-ые годы еще не настало время для политическихъ партій реакціоннаго направленія... Необходимой предпосылкой созданія такихъ партій было общественное движеніе классовъ, антагонистичныхъ тѣмъ, чьимъ соціальнымъ интересамъ соотвѣтствовала ихъ идеологія, а такое движеніе началось только въ эпоху революціи.

Возникновеніе первыхъ организацій праваго лагеря относится поэтому только къ началу перваго десятилѣтія XX-го столѣтія. Они явились непо-

сродственнымъ отвѣтомъ на начавшееся политическое пробужденіе страны и, въ частности, на рабочее движеніе конца 90-хъ и начала 1900 гг. Но пока объективная цѣль революціи—уничтоженіе помѣщичьяго феодализма въ интересахъ свободнаго развитія капиталистическаго производства — оставалась затушеванной *политической* формой общественнаго движенія, выдвинувшаго своимъ лозунгомъ замѣну самодержавнаго строя конституціей, пока дворянскія усадьбы не запылали въ огнѣ аграрнаго движенія, подъ знаменемъ реакціи стали безъ разбора группироваться всѣ перечисленные въ введеніи элементы, которые были заинтересованы въ сохраненіи стараго бюрократическаго порядка. Только впослѣдствіи среди нихъ началась своего рода дифференціація, соціальная и идеологическая размежовка.

1) „Русское собраніе".

Зародышемъ первой организаціи реакціоннаго направленія было „Русское Собраніе", сыгравшее замѣтную роль въ начальномъ періодѣ контрреволюціоннаго движенія и лишь впослѣдствіи оттѣсненное на задній планъ другими, болѣе соотвѣтствовавшими моменту, монархическими организаціями. „Русское Собраніе" зародилось въ Петербургѣ еще осенью (октябрь-ноябрь) 1900 года; уставъ его официально былъ утвержденъ 26 янв. 1901 года. Такъ какъ „Русское Собраніе" возникло въ эпоху, когда самое занятіе „политикой" считалось государственнымъ преступленіемъ, независимо отъ того, о правой или лѣвой „политикѣ" шла рѣчь, то оно въ своемъ уставѣ такимъ образомъ формулировало свои цѣли: „Ознакомить общество со всѣмъ, что сдѣлано важнаго и своеобразнаго русскими людьми во всѣхъ областяхъ научнаго и художественнаго творчества. Русское живописное и звуковое искусство должно быть постояннымъ источникомъ нашихъ бесѣдъ и общественныхъ удовольствій. Русское зодчество должно украшать русскій домъ, въ которомъ современемъ будетъ помѣщаться Русское Собраніе. Наконецъ, русская одежда, приведенная художественнымъ вкусомъ къ удовлетворенію потребностей настоящаго времени, должна появиться сначала на праздничныхъ вечерахъ собранія, а потомъ выйти за его предѣлы".

Первоначально „Русское Собраніе" носило, такимъ образомъ, культурно-художественный характеръ, хотя реакціонный, націоналистически-славянофильскій духъ его учредителей даетъ себя чувствовать уже въ приведенныхъ словахъ его устава. Самое возникновеніе общества мотивировалось на учредительномъ собраніи опасностью, грозящей вслѣдствіе распространившейся „космополитичности высшихъ слоевъ нашего общества".

Въ первое время дѣятельность „Русскаго Собранія" ограничивалась устройствомъ „бесѣдъ" на различныя темы по русской исторіи и русскому на-

ціональному искусству, а также литературно-музыкальныхъ вечеровъ. На учредительномъ собраніи присутствовало 120 человѣкъ, собравшихъ между собой сумму въ 5 т. руб, составившую основной фондъ организаціи. Впослѣдствіи, число членовъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ еженедѣльныхъ „Извѣстій Русскаго Собранія", начавшихъ выходить въ 1903 г., дошло до 1500 человѣкъ. Составъ ихъ довольно разношерстенъ: тутъ и видные бюрократы и саповники, и интеллигенты, и священники, и помѣщики [1]).

Съ ростомъ революціоннаго движенія дѣятельность „Русскаго Собранія" начинаетъ принимать болѣе опредѣленный характеръ; собранія его становятся болѣе многолюдными и оживленными,—на нихъ обсуждаются злободневные политическіе вопросы. Одновременно дѣятельность „Русск. Собранія" начинаетъ распространяться и на провинцію. Такъ въ 1902 г. открывается отдѣленіе „Русскаго Собранія" въ Харьковѣ при ближайшемъ участіи профессора мѣстнаго университета А. С. Вязигина, который вскорѣ началъ издавать ежемѣсячный журналъ „Мирный Трудъ" (при участіи В. Пуришкевича, Никольскаго и др.) и популярныя брошюры реакціоннаго направленія. Въ 1904 году отдѣленія возникаютъ въ Кіевѣ, Варшавѣ, Оренбургѣ, Казани, Перми и Вильнѣ. Въ концѣ 1904 г. при петербургскомъ „Русск. Собраніи" открывается подъ руководствомъ Б. Никольскаго „Кружокъ русскихъ студентовъ", положившій начало реакціоннымъ студенческимъ организаціямъ „академистовъ" [2]), и общество приступаетъ къ изданію популярныхъ брошюръ (генерала Богдановича и др.) Въ февр. 1905 г. организуется отдѣлъ „Рус. Собр." въ Одессѣ [3]), издающій газету „Русс. Рѣчь" и погромные листки. Въ отдѣлѣ предсѣдательствуетъ Б. Пеликанъ.

31 декабря 1904 г. въ эпоху „весны" кн. Святополка-Мирскаго „Русское Собраніе" посылаетъ депутацію къ Царю съ всеподданнѣйшимъ адресомъ въ составѣ кн. Д. Голицына, ген.-маіора Золотарева, кн. Мордви-

---

1) Управлявшій обществомъ «Совѣтъ» состоялъ изъ 18 человѣкъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ многихъ видныхъ дѣятелей русской реакціи: романиста кн. Д. Голицына, бывшаго предсѣдателемъ «Р. Собр.» въ 1906 г., кн. М. Л. Шаховскаго (тоже состоявшаго предсѣдателемъ общества), гр. Апраксина, кн. Куракина, землевладѣльцевъ: Кашкарова, Чемодурова; епископа Серафима, редактора реакціонной газ. «Свѣтъ» В. В. Комарова, писателя-нововременца Н. Энгельгардта, адвоката Булацеля, приватъ-доцента Б. Никольскаго, игравшаго наиболѣе видную роль въ «Русск. Собр.», В. Величко — поэта и извѣстнаго русификатора-армянофоба на Кавказѣ, В. Пуришкевича; генераловъ: Мордвинова и Золотарева. Въ числѣ членовъ-соревнователей общества «Извѣстія Рус. Собр.» упоминаютъ извѣстнаго артиста Имп. театровъ—К. Варламова.

2) Въ 1907 г. „Русск. Собр." открыло въ Петербургѣ существующую до настоящаго времени собственную гимназію для дѣтей „истинно-русскихъ" людей.

3) Впослѣдствіи одесскій отдѣлъ соединяется съ одесскимъ отдѣломъ «Союза Русскаго Народа".

нова, М. Н. Волконскаго и Н. А. Энгельгардта. Въ адресѣ этомъ, между прочимъ, говорилось:

„Русское Собраніе возникло въ тѣ дни, когда обозначилась для русскихъ людей необходимость сплотиться ради мирной работы и духовнаго противодѣйствія чуждымъ нашему общественному укладу теченіямъ... Въ духовномъ единеніи со всѣми истинно русскими людьми „Рус. Собр.“ знаетъ, что мощь нашей родины зиждется на нераздѣльныхъ святыняхъ православія, самодержавія и народности... Мощь Россіи—въ укрѣпленіи русскаго духа“.

Депутація встрѣтила милостивый пріемъ и выслушала въ отвѣтъ на адресъ пожеланія „дальнѣйшаго развитія“ дѣятельности „Русск. Собр.“

Послѣ этого перваго публичнаго выступленія политическаго характера „Русское Собраніе“ заняло въ реакціонныхъ кругахъ мѣсто общепризнанной, пока еще единственной, организаціи праваго направленія. Въ эту именно пору наиболѣе вліятельный реакціонный органъ „Московскія Вѣдомости“ характеризуетъ дѣятельность „Русск. Собр.“, какъ голосъ, звучащій „рѣзкимъ диссонансомъ въ прогрессивномъ концертѣ“. Лѣтомъ 1905 года „Русское Собраніе“ посылаетъ вторую депутацію къ Царю, а въ ноябрѣ 1905 года, послѣ октябрьскихъ дней, опубликовываетъ свою *избирательную программу*.

Программа эта, ставшая политическимъ знаменемъ для цѣлаго ряда реакціонно монархическихъ организацій, какъ „Лига Моск. патріотовъ“, „Бессарабская патріотическая лига“, общества націоналистовъ Кіева и Одессы, „Русское вѣче“ (въ Вильнѣ), партія „Мининъ и Пожарскій“ въ Ниж. Новгородѣ, и многочисленные провинціальные отдѣлы „Рус. Собр.“, характерна для славянофильской идеологіи этой вѣтви контрърреволюціоннаго движенія. Принципіальная часть программы гласитъ: „Русск. Собраніе“ считаетъ, что Царское Самодержавіе не отмѣнено манифестомъ 17 октября 1905 г. и продолжаетъ существовать на Руси и при новыхъ порядкахъ, и что Государственная Дума не призвана и ни въ коемъ случаѣ не можетъ измѣнять что-либо въ основныхъ законахъ. Признавая задачею Думы *дѣловую* разработку и обсужденіе законодательныхъ предположеній и *дѣловой* надзоръ за дѣйствіями исполнительныхъ властей, Русское Собраніе полагаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать выбору въ Гос. Думу всѣхъ раздѣляющихъ этотъ взглядъ“.

Изъ детальныхъ пунктовъ программы приведемъ наиболѣе характерныя: § 1. „Православная Церковь должна сохранить въ Россіи господствующее положеніе... Голосъ ея долженъ быть выслушиваемъ законодательной властью въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ“. § 2 „Царское Самодержавіе должно основываться на постоянномъ единеніи Царя съ народомъ“. § 3 „Самодержавный Царь не тождественъ въ глазахъ рус-

скаго народа съ правительствомъ, и послѣднее несетъ на себѣ отвѣтственность за всякую политику, вредную православію, царскому самодержавію и русскому народу." § 8 „Племенные вопросы въ Россіи должны разрѣшаться сообразно степени готовности отдѣльной народности служить Россіи и русскому народу въ достиженіи общегосударственныхъ задачъ. ...Всѣ попытки къ расчлененію Россіи подъ какимъ бы то ни было видомъ не должны быть допускаемы". § 9 „Еврейскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ законами и мѣрами управленія особо отъ другихъ племенныхъ вопросовъ, въ виду продолжающейся стихійной враждебности еврейства къ христіанству и не-еврейскимъ національностямъ и стремленія евреевъ къ всемірному господству". § 13 „Верховнымъ мѣриломъ дѣятельности государственнаго управленія *подъ самодержавнымъ Царемъ въ единеніи его съ народомъ должно быть народное благо*, при чемъ государство, открывая достаточный просторъ для *мѣстнаго самоуправленія*, должно блюсти, чтобы это самоуправленіе нигдѣ не клонилось къ ущербу русскихъ народныхъ интересовъ религіозныхъ, умственныхъ, хозяйственныхъ, правовыхъ и политическихъ".

„Русское Собраніе" развило довольно широкую литературную дѣятельность. Въ теченіе 1904—07 г.г. его отдѣлами, а также организаціями родственнаго ему „Союза русскихъ людей", издавались слѣдующіе періодическіе органы: „Извѣстія Русскаго Собранія", „Сельскій Вѣстникъ", „Пахарь", „Русское Дѣло" (послѣдніе два органа подъ редакціей Шарапова), „Мирный Трудъ" Вязигина, „Дѣятель", „Русь православная и самодержавная" (въ Казани), „Русскій Листокъ", „Русская рѣчь" (въ Одессѣ). Близокъ къ „Рус. Собр." и петербургскій „Свѣтъ" В В. Комарова.

2) „Русская монархическая партія".

За исключеніемъ „Русскаго Собранія" и его отдѣловъ, мы не встрѣчаемъ до начала 1905 года серьезныхъ попытокъ организаціи контрреволюціонныхъ силъ. День 9 января, подготовлявшійся всѣмъ предыдущимъ развитіемъ рабочаго движенія и оппозиціонныхъ настроеній общества, сыгралъ роль рубежнаго пункта не только для революціонныхъ, но и для соціально-реакціонныхъ партій. Послѣ 9-го января какъ для сторонниковъ, такъ и для противниковъ стараго режима, стало ясно, что не можетъ быть рѣчи о компромиссѣ между нимъ и выросшими потребностями прогрессивныхъ классовъ общества, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только прямымъ состязаніемъ враждебныхъ силъ. Вслѣдъ за начавшейся быстрымъ темпомъ послѣ 9-го января консолидаціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, и нѣсколько отставая отъ нея, идетъ объединеніе реакціонныхъ

элементовъ, исторически связанныхъ со старою властью и заинтересованныхъ въ ея сохраненіи. Прежде всего политически самоопредѣляться началъ классъ дворянъ-землевладѣльцевъ. До начала революціи большинство этого привиллегированнаго сословія не занималось политикой, предпочитая пассивно отсиживаться въ своихъ „убѣжищахъ Монрепо“ и предоставляя самодержавной власти, при помощи аппарата полицейскаго государства, охранять его покой и соціальныя привилегіи. Оно спокойно предоставляло своему болѣе культурному и экономически прогрессивному меньшинству заниматься земской дѣятельностью и, спустя рукава, смотрѣлана его либеральную фронду. Пораженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ подорвало довѣріе реакціоннаго дворянскаго класса къ силѣ правительства, а 9-ое января рѣзко измѣнило его настроеніе.

Обнажившійся послѣ 9-го января демократически-революціонный смыслъ всего движенія заставилъ дворянство серьезно обезпокоиться. Разлившееся бурнымъ потокомъ по всей странѣ массовое движеніе вызвало съ его стороны стремленіе къ активной поддержкѣ подорваннаго въ своей силѣ правительства, твердая власть котораго являлась для него единственной надежной гарантіей того „порядка“, при которомъ только могли сохраняться его экономическія и политическія привиллегіи. А широкая волна аграрнаго движенія послѣ 9-го января вызвала у землевладѣльцевъ основательныя опасенія насчетъ неприкосновенности ихъ *частной собственности.*

Уже въ январѣ 1905 г. при выработкѣ всеподданнѣйшаго адреса въ московскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи одерживаетъ верхъ текстъ славянофильской группы (Самаринъ), въ которомъ указывается на необходимость сохраненія самодержавія, продолженія войны съ Японіей и признанія несвоевременности преобразованій. Эта же самаринская группа составила реакціонное меньшинство на мартовскомъ съѣздѣ (1905 г.) губернскихъ предводителей дворянства, представившее особое мнѣніе. Лѣтомъ того же года состоялись еще двѣ реакціонно-дворянскія депутаціи къ Царю: 20 іюня депутація курскихъ дворянъ, во главѣ съ гр. Доррером и Н. Е. Марковымъ, требующая сословнаго представительства въ Высочайше обѣщанномъ законносовѣщательномъ учрежденіи, и 21-го іюня депутація отъ „русскихъ людей“, въ составѣ А. Нарышкина, П. Шереметева и А. Бобринскаго, которые домогаются неприкосновенности самодержавія, сословнаго представительства, національнаго неравноправія и почетнаго мира съ Японіей.

Вторая изъ этихъ депутацій была рѣшена, въ качествѣ противовѣса земской депутаціи (6-го іюня), руководимой С. Трубецкимъ, на собраніи 14-го іюня въ Москвѣ, созванномъ т. наз. „Шереметьевскимъ кружкомъ“ и „Отечественнымъ союзомъ“ (гр. Бобринскій, К. Головинъ, Н. Хвостовъ), при участіи представителей изъ провинціи.

Но всѣ эти дворянско-сословныя выступленія не имѣли еще характера выступленій *политической партіи*. Одновременно съ ними изъ тѣхъ же дворянскихъ круговъ предпринимаются первые шаги къ организаціи реакціонно-монархической партіи. Мы имѣемъ въ виду образованіе „Русской монархической партіи“ и „Союза русскихъ людей“, члены котораго были инициаторами упомянутой выше депутаціи 21-го іюня.

Внѣшнимъ толчкомъ къ ихъ образованію послужилъ Высочайшій рескриптъ отъ 18 февраля, на имя министра Булыгина, возвѣщавшій созывъ въ близкомъ будущемъ совѣщательнаго народнаго представительства. Немедленно вслѣдъ за его опубликованіемъ „Московскія Вѣдомости“, занимавшія въ это время передовой постъ въ реакціонной публицистикѣ и выполнявшія задачу выработки политической идеологіи для дворянскихъ реакціонныхъ круговъ, поднимаютъ усиленную кампанію въ пользу организаціи монархической партіи. Уже въ № отъ 2-го марта въ передовой статьѣ: „Организація монархической партіи“ газета писала, указывая на организацію въ странѣ революціонныхъ силъ и на легальную возможность послѣ 18-го февраля организоваться въ политическія партіи: „Для организаціи монархической партіи у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано“. И далѣе: „Всюду нынѣ уже громко раздаются голоса, настойчиво высказывающіеся за необходимость объединяться; сплотимся, составимъ общую всероссійскую дружину вокругъ царскаго престола для того, чтобы общими силами отразить начавшійся штурмъ на твердыню самодержавія...

Итакъ, съ Божію помощью, приступимъ къ этому великому дѣлу!“

Въ № той же газеты отъ 22-го апрѣля въ ст. „Монархическая партія“ читаемъ: „По всей Россіи образуются теперь „партіи“, но нигдѣ этотъ процессъ, ставшій необходимымъ послѣ рокового 18 го февраля 1905 г., не проявляетъ такого лихорадочнаго напряженія, какъ въ Москвѣ“. А въ маѣ газеты уже сообщаютъ [1]): „Монархическая партія одновременно организуется въ различныхъ городахъ и селахъ Россійской Имперіи; центръ ея находится въ Москвѣ, органъ ея „Моск. Вѣдомости“, при редакціи которыхъ организовано на первое время центральное бюро, сосредоточившее пріемъ заявленій о присоединеніи къ монархической партіи“. Фактическими вожаками этой партіи стали редакторъ-издатель „Моск. Вѣдомостей“ Грингмутъ и протоіерей І. Восторговъ. Русская монархическая партія выдѣляется изъ другихъ возникшихъ въ это время правыхъ партій привилегированнымъ положеніемъ своихъ членовъ. Ея главные дѣятели—сановники и высшіе іерархи, крупные землевладѣльцы и чиновники [2]). Партія въ началь-

---

1) Цитир. по газ. «Право» за 1905 г.

2) Кн. Д. Долгоруковъ, бар. Розенъ, Л. Генрика, дворяне: Павловъ, Водиско, Озноблишинъ, кн. Цертелевъ, прот. Восторговъ, свящ. Востоковъ и др.

номъ періодѣ своего развитія носитъ замкнутый дворянскій характеръ. На народъ, въ отличіе отъ позднѣе возникшихъ правыхъ организацій, она смотритъ по барски—сверху внизъ. Презрѣніе къ буржуазіи проникаетъ всю ея литературу [1]). Лишь впослѣдствіи, когда успѣхи революціоннаго движенія заставили реакцію сдѣлать попытку опереться на народные низы, монархическая партія начала отказываться отъ своего барско-дворянскаго характера, что выразилось, между прочимъ, въ ея тѣсномъ объединеніи съ „демократическимъ“ „Союзомъ русскаго народа“—этимъ типичнымъ политическимъ образованіемъ эпохи контрреволюціоннаго движенія, во внѣшнихъ формахъ во многомъ подражавшимъ революціоннымъ партіямъ. Впрочемъ, уже первые провинціальные отдѣлы монархической партіи съ самаго начала имѣли болѣе „демократическій“ составъ и весь, вообще, обликъ, чѣмъ ихъ московскій главный штабъ. Русская-монархическая партія больше всѣхъ другихъ реакціонныхъ партій является отзвукомъ прошлаго: въ ней сильнѣе чувствуется старая дворянско-бюрократическая *дореволюціонная Русь*; новая *черносотенная* Русь формируется подъ знаменемъ другихъ организацій и объединяется вокругъ „Союза русскаго народа“. Только впослѣдствіи въ ходѣ борьбы карты перепутываются и контрреволюціонное движеніе окрашивается въ единую масть безъ тонкаго различія оттѣнковъ.

Въ общемъ и цѣломъ оффиціальная программа „Русской монархической партіи“ не отличается существенно отъ программъ другихъ, позднѣе возникшихъ, реакціонныхъ партій. Въ ней мы имѣемъ требованіе неприкосновенности царскаго самодержавія и сословнаго строя, привиллегированнаго положенія для православной церкви и для великорусской національности, участія въ управленіи „лучшихъ людей“ по выбору Государя; воспитанія народа и юношества въ религіозно-нравственномъ направленіи; отверженія всякихъ западно-европейскихъ-конституціонныхъ новшествъ; защиты политическихъ привилегій дворянства и его земельной собственности [2]).

Но въ идеологіи руководителей монархической партіи есть пункты,

---

[1]) Кромѣ «Моск. Вѣд.» ея органомъ является ежемѣсячникъ «Русск Вѣстникъ».

[2]) Введеніе къ программѣ русск. мон. партіи гласитъ: «Монархическая партія имѣетъ главной своей задачей сохраненіе Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей. Монархическая партія ставитъ себѣ первой по времени задачей способствовать всѣми законными мѣрами прекращенію внутренней смуты, въ томъ убѣжденіи, что никакія внутреннія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія.—Когда Верховная Власть восторжествуетъ надъ внутренней смутой, тогда настанетъ, по убѣжденію монарх. партіи, наиболѣе удобное время для основательныхъ, зрѣло-обдуманныхъ, государственныхъ реформъ». Программа эта была опубликована 15 окт. 1905 г. за два дня до Высочайшаго манифеста, въ качествѣ избирательной платформы для выборовъ въ Булыгинскую Думу.

присущіе только ей одной. Это прежде всего рѣшительное отрицаніе самаго принципа народнаго представительства, даже въ видѣ законосовѣщательнаго земскаго собора, за который ратуютъ реакціонеры изъ другихъ партій, и какихъ бы то ни было уступокъ революц. движенію. Этотъ взглядъ неоднократно развивается на страницахъ „Моск. Вѣдомостей“. Въ № отъ 5 февр. газета писала: „Моск. Вѣд. въ теченіе болѣе 40 лѣтъ всегда неизмѣнно называли политику уступокъ правительства передъ революціонными требованіями — политикой *жалкаго безсилія*, вызывающей не уменьшеніе, а болѣе дерзкое усиленіе этихъ требованій“. А послѣ рескрипта 18 февр. мы читаемъ въ той же газетѣ: „Монархическая партія самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое выборное учрежденіе, которое могло бы себѣ присвоить значеніе „представительства“ народа, „голоса“ или „мнѣнія“ народа. Излюбленный лозунгъ нашихъ славянофиловъ: „народу мнѣніе — Царю власть“ — не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики“. Ибо, какъ утверждаютъ въ другой статьѣ „Моск. Вѣд.“, *Самодержецъ* (вездѣ, гдѣ таковые имѣются, т. е. на всемъ Востокѣ и нигдѣ на Западѣ) *есть представитель и единственный представитель* своего народа“... [1])

Сообразно этой точкѣ зрѣнія, альфой и омегой всей государственной премудрости для монархической партіи является твердая самодержавная власть, опирающаяся на сильную бюрократію и преданное престолу дворянство, и безпощадно подавляющая крамолу. Поэтому, если монархисты въ чемъ-либо упрекаютъ правительство, то только въ слабости и пасованіи передъ революціей.

Изъ этого отношенія къ власти вытекаетъ и тактика монархической партіи. Въ разсматриваемое нами время она не ставитъ своей цѣлью сплоченіе вокругъ себя народа и вообще созданіе *общественнаго мнѣнія* въ пользу самодержавія. Она обращается не къ обществу, а къ власти, стараясь *запугать* ее все растущимъ революціоннымъ движеніемъ и заставить принять рѣшительныя мѣры.

Говоря о Земскомъ Соборѣ, „Моск. Вѣд.“ (въ ст. отъ 1 февр. „Опасное недоразумѣніе“) предостерегаютъ правительство, напоминая ему о печальномъ историческомъ примѣрѣ французскихъ генеральныхъ штатовъ 1789 г. Послѣ убійства вел. кн. Сергія соціалистомъ-революціонеромъ Каляевымъ, органъ Гринмута писалъ: „Неужели и послѣ потрясающаго

---

[1]) Такой же точки зрѣнія на зем. соборъ придерживаются и близкіе къ моск. монархистамъ петерб. члены «Рус. Собр.». Такъ 28 янв. Б. Никольскій прочелъ докладъ въ «Р. Собр.» на тему о земск. соборѣ, въ которомъ говорилъ: „Соборъ является взрывомъ по всѣмъ нашимъ историческимъ швамъ и рубцамъ. Болѣе опаснаго и прискорбнаго шага представить себѣ нельзя»

событія,—объявшаго ужасомъ всю Москву—въ Петербургѣ будутъ еще забавляться такой дѣтской затѣей, какъ земскій соборъ?“ и дальше: „передъ правительствомъ два пути: или немедленное, безпощадное уничтоженіе крамолы или ...но о второмъ пути страшно и подумать“. Въ № отъ 6 февр. газета высказывается за смертную казнь, а 7-го февр. на ея страницахъ А. Весьегонскій писалъ: „Надо призвать къ власти людей рѣшительныхъ и истинно-русскихъ. Должно быть ясно возвѣщено, что уступокъ негодяямъ не будетъ ни въ какомъ случаѣ“. Черезъ нѣсколько дней газета указываетъ правительству главные очаги крамолы: печать; высшія учебныя заведенія; общественныя организаціи и учрежденія; рабочая среда; крамольныя земскія учрежденія. И по поводу все того же рескрипта 18 февр. „М. В.“ утверждаютъ: „Надо *сперва* возстановить порядокъ, а *потомъ* уже проводить реформы“ (въ № отъ 21 февр.). Такимъ образомъ знаменитая Столыпинская формула 1907 г.: „Сперва успокоеніе, а потомъ реформы“ была за два слишкомъ года до этого отчетливо формулирована лейбъ-органомъ московскихъ охранителей. Послѣдніе предвосхищаютъ также военно-полевую практику болѣе поздняго времени, требуя (въ ст. „Мѣры противъ безпорядковъ“) *децентрализаціи* власти, учрежденія генералъ-губернаторовъ и, какъ самаго сильно дѣйствующаго средства,—диктатуры. Впослѣдствіи этотъ лозунгъ становится лейтмотивомъ всей агитаціи московскихъ монархистовъ.

Будучи по преимуществу партіей дворянско-правительственной, стремящейся активно поддерживать власть, въ то же время запугивая ее и вліяя на нее при помощи личныхъ связей, русская монархическая партія въ своей агитаціи и дѣятельности отводитъ крупную роль православію и представителямъ господствующей церкви. Ея активными членами состоятъ духовныя лица, какъ І. Восторговъ, св. Востоковъ, М. Гнѣвушевъ, и она находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ всесильнаго въ то время о. Іоанна Кронштадтскаго. Страницы „Моск. Вѣд.“ постоянно испещрены проповѣдями и „словами“ различныхъ духовныхъ лицъ. При благосклонномъ участіи русской монархической партіи церковная каѳедра превращается въ политическую трибуну и съ амвоновъ церквей произносятся рѣчи, обличающія крамолу и зовущія на борьбу съ ней. Служители церкви становятся такимъ образомъ прислужниками дворянской реакціи. Въ этомъ отношеніи „русскіе монархисты“ дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ Св. Синодомъ, который еще въ 1904 г. и особенно въ 1905 г. (послѣ 9-го января) выступалъ неоднократно съ обращеніями къ народу политическаго характера. Съ этихъ поръ церковные проповѣдники становятся необходимой принадлежностью каждой контрреволюціонной организаціи.

3) „Союзъ русскихъ людей“.

Если аристократически дворянская и церковно-правительственная русская монархическая партія напирала на первые два члена тріединой патріотическо-славянофильской формулы „самодержавіе, православіе и народность“, то возникшій почти одновременно съ нею „Союзъ русскихъ людей“, какъ и позднѣе его выступившій и съ успѣхомъ продолжавшій его дѣло „Союзъ русскаго народа“, наряду съ этими двумя лозунгами, выдвинулъ и третій членъ формулы—„народность“, понимая подъ ней стремленіе организовать при помощи демагогической агитаціи народные низы для борьбы съ революціей. Эти два „союза“ (въ особенности второй), вобравшіе въ себя въ теченіе первой половины 1906 года всѣ провинціальныя патріотическія организаціи „демократическаго“ типа, получившія значительное распространеніе въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г., объединили и оформили то контрреволюціонное движеніе, которое получило ставшее вскорѣ популярнымъ названіе *черносотенства*.

„Союзъ русскихъ людей“, подобно русской монархической партіи, возникъ въ Москвѣ весной 1905 г. (въ мартѣ) изъ такъ наз. „шереметевскаго“ кружка московскихъ дворянъ и по составу своему мало отличался отъ грингмутовской партіи [1]) и отъ петербургскаго „Русскаго Собранія“. Нѣкоторые изъ его руководителей входятъ одновременно и въ одну изъ вышеназванныхъ организацій. Но во взглядахъ и въ программѣ этой организаціи есть характерная черта, создающая различіе между нею и напр. русской монархической партіей.

Программа „Союза русс. людей“ была формулирована въ концѣ марта 1905 года въ воззваніи шереметевскаго кружка такимъ образомъ: 1. „Россія и Самодержавіе нераздѣлимы. 2. Содѣйствіе установленію между престоломъ и народомъ тѣснаго и живого общенія на возвѣщенныхъ 18 февр. Государемъ Императоромъ основаніяхъ. 3. Противодѣйствіе всѣми законными средствами теченіямъ, стремящимся навязать Россіи чуждыя ей формы правленія“.

Подобно программамъ другихъ монархическихъ партій, и „Союзъ русс. людей“ стоитъ за незыблемость самодержавія. Но въ это понятіе „русскіе люди“ вкладываютъ иное содержаніе, чѣмъ московскіе монархисты. Для послѣ-

---

[1]) Главными дѣятелями „Союза русс. людей“ можно считать: архіепископа Анастасія, братьевъ. Павла и Петра Шереметьевыхъ, Θ. Голицына, Н. Бакунина, Тучкова, В. Урусова, Шетохина, Серг. Шарапова, Н. Павлова, В. Волконскаго, гр. Гудовича, кн. Мещерскаго (ред. изд. „Гражданина“), Олсуфьева, Г. Щербатова, П. Трубецкого, Н. Бартенева, историка Иловайскаго, кн. Гагарина, Н. М. Петрово-Соловово.

дпихъ это исторически существующая самодержавно-бюрократическая власть, для первыхъ—идеальная, никогда въ дѣйствительности не существовавшая царская власть, связанная черезъ посредство законносовѣщательнаго Земскаго Собора съ „землей“, съ простымъ пародомъ.

Это идеологія утопистовъ-славянофиловъ, утверждавшихъ, что царь и народъ—едино суть.[1])

Поклонники „стараго“ московскаго самодержавія ненавидятъ бюрократію, дѣлая ее отвѣтственной за пораженія на войнѣ и за внутреннюю разруху Но еще въ большей степени они ненавидятъ „европейскія новшества“—конституцію, парламентаризмъ, Госуд. Думу, которой они противополагаютъ „истинно-русское“ учрежденіе — Земскій Соборъ. Интеллигенція, какъ и бюрократія, по ихъ утвержденіямъ, состоитъ изъ „жидовъ“ или людей, подкупленныхъ „жидами“, и отъ этой революціонной по своему существу интеллигенціи всѣ бѣды на Руси. Народъ, напротивъ того, преданъ царю и самодержавію. Необходимо поэтому „постоянное и тѣсное общеніе Верховной Власти съ землей черезъ мѣстныхъ выборныхъ людей“. [2])

„Народность“ „Союза русс. люд.“ хорошо выражена въ проектѣ программы „Русской народной партіи“, которую предполагали создать „русскіе люди“ и которая не была организована. Третій отдѣлъ этой программы „*Русская національная государственность и народная самобытность*“ гласитъ:

„Русскому племени, какъ создателю огромнаго и могущественнаго государства и собирателю земли, должна принадлежать и главная роль въ государственномъ строительствѣ. Это не право и не привилегія, не гегемонія, основанная на властолюбіи, а міровое призваніе Россіи и ея тяжкая историческая повинность. За собираніемъ собственно русскихъ земель должно итти освобожденіе и собираніе въ одинъ культурный и государственный организмъ нынѣ разрозненныхъ и несамостоятельныхъ славянскихъ и православныхъ племенъ, родственныхъ намъ по крови, по вѣрѣ, по идеаламъ, или по культурѣ“ и т. д.

Православіе тоже занимаетъ видное мѣсто въ программѣ „С. р. л.“, но и оно пріобрѣтаетъ въ ней своеобразный оттѣнокъ. Въ церковное управленіе должно быть введено выборное начало; необходима организація прихода, въ которомъ духовенство имѣло бы рѣшающее вліяніе на общегражданскія и свѣтскія дѣла, а населеніе ближе стояло къ жизни церкви. Церковная реформа должна быть завершена Церковнымъ Соборомъ, избираемымъ представителями мѣстнаго духовенства, при чемъ въ Земскомъ Соборѣ также

---

[1]) Славянофильскій душокъ характеризуетъ впрочемъ и программу „Русс. Собр.“,выработанную послѣ программы „С. р. л.“ и, несомнѣнно, подъ ея вліяніемъ.

[2]) См. напр. ст. идеолога „С. р. л.“ С. Шарапова въ 35 № издававшагося имъ вмѣстѣ съ кн. Щербатовымъ органа „Русское Дѣло“ за 1905 г.

должны быть представители отъ церковныхъ приходовъ. Вмѣсто бюрократическаго синода должно быть возстановлено московское патріаршество; самая реформа церкви должна быть проведена на соборѣ существующихъ въ настоящее время архіереевъ. Вышецитированный проектъ программы „Русск. народ. партіи“ заявляетъ о необходимости „вѣротерпимости“ и гражданскаго полноправія иновѣрцевъ. Но—прибавляетъ онъ—„господствующій характеръ православія долженъ выражаться въ томъ, что только ему одному должно принадлежать право миссіонерства, недопустимое для другихъ исповѣданій въ отношеніи къ православію“.

Что касается „инородцевъ“, то они, по мнѣнію „русскихъ людей“, представляютъ собою наростъ на русскомъ тѣлѣ. Особенно вредны, конечно, евреи. „Евреи—писалъ въ „Русск. Дѣлѣ“ С. Шараповъ—останутся вѣчными и непримиримыми врагами Самодержавія, ибо оно сразу парализуетъ ихъ усилія покорить себѣ Россію“. А проектъ программы „Рус. нар. партіи“ содержалъ такую фразу: „Мы съ радостью привѣтствовали бы братство и равноправіе съ евреями, если бы исторія всего міра неопровержимыми фактами не доказывала, что народъ Израильскій во всѣ времена своей самостоятельной ли государственной жизни, или въ качествѣ пришельца, являлся народомъ, преслѣдующимъ свои исключительныя права на міродержавство и принципіально враждебнымъ всѣмъ другимъ племенамъ, на которыя онъ изъ своей національной общины смотрѣлъ только, какъ на предметъ всесторонней эксплуатаціи, руководясь при этомъ явно антисоціальными побужденіями“. Ибо „еврейская національность—человѣконенавистническая по религіи, паразитная по расовымъ свойствамъ“.

Характерный для всѣхъ реакціонныхъ организацій антисемитскій оттѣнокъ, выражающій инстинктивную ненависть и презрѣніе класса землевладѣльцевъ къ специфическимъ представителямъ капитала и вообще города—евреямъ, не случайно пріобрѣтаетъ въ программѣ „С. р. л.“ боевой, погромный характеръ; онъ тѣсно связанъ съ его „демократическимъ“ характеромъ. Въ отличіе отъ русской монархической партіи перваго періода какъ и отъ другихъ чисто дворянскихъ организацій, „Союзъ Русскихъ Людей“ стремился распространить свое вліяніе на возможно болѣе широкіе круги, вовлекая въ кругъ своего вліянія низшіе слои населенія. [1]) Для этого ему, разумѣется, при-

---

1) Въ Москвѣ „С. Р. Л.“ еженедѣльно по пятницамъ устраиваетъ собранія при значительномъ количествѣ участниковъ; въ Петербургѣ гр. Шереметьевъ въ іюнѣ устраиваетъ бесѣду съ рабочими, на которой присутствуетъ болѣе 300 человѣкъ. Насколько велико стремленіе „русскихъ людей“ проникать въ массу, показываетъ распространеніе ими въ массовомъ количествѣ прокламацій и воззваній къ народу; такъ, воззваніе „С. р. л.“ о пріемѣ царемъ организованной имъ депутаціи было отпечатано въ количествѣ 200 тысячъ экз. Такое массовое распространеніе патріотическихъ прокламацій (какъ и „простыхъ рѣчей“ ген. Богдановича, издававшихся

ходилось прибѣгать къ самой грубой демагогіи, льстить предразсудкамъ толпы, приноровляться къ невѣжеству и инстинктамъ темныхъ массъ. А наилучшей формой этого приспособленія къ массамъ является подъ разными широтами боевой національнизмъ и антисемитизмъ—этотъ „соціализмъ дураковъ“—спекулирующій на зоологическіе инстинкты темныхъ массъ.

Антисемитская агитація—въ самой грубой и примитивной ея формѣ—погромной—была лучшимъ средствомъ для разжиганія ненависти къ революціонерамъ среди темнаго некультурнаго городского мѣщанства, столь же невѣжественныхъ слоевъ крестьянскихъ мелкихъ собственниковъ, городскихъ отбросовъ—босяковъ и хронически безработныхъ рабочихъ. Эта, мелкобуржуазная по своей психологіи, среда легко поддается убѣжденію, что носителемъ всѣхъ бѣдъ является еврей, котораго она въ жизни встрѣчаетъ въ образѣ купца, ростовщика, скупщика хлѣба, интеллигента—адвоката и т. д., что безъ евреевъ въ Россіи жилось бы всѣмъ хорошо, какъ въ доброе старое время, не было бы войны, кризиса, разоренія, смуты. Этой психологіей умѣло воспользовались реакціонные агитаторы, чтобы въ сознаніи отсталыхъ слоевъ расцвѣтить яркими красками вредоносность еврейства, заполонившаго якобы торговлю, свободныя профессіи, учебныя заведенія и даже проникшаго въ ряды правительства и подкупающаго все и всѣхъ въ своихъ паразитическихъ интересахъ.

Уничтожьте еврея—и все придетъ въ порядокъ. Таковъ припѣвъ всей антисемитской агитаціи „Союза русскихъ людей“, какъ впослѣдствіи „Союза русск. народа“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что какъ программа, такъ и тактика „С. р. л.“ нѣсколько отличаются отъ описанныхъ нами ранѣе другихъ монархическихъ организацій. Интересно будетъ поэтому отмѣтить отношеніе къ новой организаціи „Моск. Вѣдомостей“—органа чисто-дворянской партіи. Послѣ появленія программы „С. р. л.“ они писали: „Программа ближе всего подходитъ къ программѣ нашей *монархической* партіи, но „С. р. л.“ интересуется, какъ и либералы, однимъ лишь Высочайшимъ рескриптомъ 18 февр. и толкуетъ его почти также, какъ и наши либералы“. Въ этой характеристикѣ сказывается непримиримость крайней реакціонной монархической партіи, не желающей и слышать о какихъ бы то ни было представительныхъ, хотя бы и совѣщательныхъ, учрежденіяхъ, признаваемыхъ сторонниками принципа „единеніе царя съ народомъ“. На практикѣ, разумѣется, эти „принципіальныя“ различія очень скоро стерлись и какъ „монархисты“, такъ

„Русск. Собраніемъ“) было возможно въ финансовомъ отношеніи только благодаря тѣмъ крупнымъ средствамъ, которыя имѣлись всегда въ распоряженіи правыхъ организацій.

и „русскіе люди“ повели съ равной энергіей борьбу противъ молодого народнаго представительства въ лицѣ I-ой и II-ой Думы; какъ тѣ, такъ и другіе пытались противопоставить голосу народа голосъ „истинно-русскаго“ черносотенства, организуя и возбуждая отсталые слои русскаго населенія. Взаимное сближеніе различныхъ вѣтвей контрреволюціоннаго движенія лучше всего замѣтно по той эволюціи, какую продѣлало отношеніе „Русской монархической партіи“ къ еврейству. Первоначально она не культивировала боевого антисемитизма, присущаго „демократическимъ“ реакціоннымъ организаціямъ, ограничившись недопущеніемъ въ свой составъ евреевъ. И только впослѣдствіи, когда послѣ погрома въ концѣ 1905 г., еврейскій вопросъ выдвинулся на первый планъ, антисемитизмъ сталъ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ всей агитаціи московскихъ монархистовъ. Впрочемъ, и тогда ихъ органъ „М. Вѣд.“ воздерживается отъ того черносотенно-погромнаго тона, который характеризуетъ, напр. „Русское Знамя“ и другія погромныя газеты. Московская дворянская партія предпочитаетъ не апеллировать непосредственно къ плебсу, предоставляя это дѣло болѣе подходящимъ для этого людямъ и организаціямъ.

4) Черносотенное движеніе и черносотенныя организаціи.

Отмѣченныя нами въ предыдущемъ изложеніи тенденціи части реакціоннаго дворянства опереться на народъ, вызвавъ и организовавъ контрреволюціонное движеніе низовъ, объясняется не идейнымъ ея стремленіемъ къ сліянію съ народомъ, вытекавшимъ изъ ея идеологіи, но, напротивъ, вполнѣ *объективной* причиной, заставившей дворянъ сознательно или безсознательно вводить въ программу своихъ партій „всесословные“ и „демократическіе“ пункты. Этой объективной причиной было смутно ощущаемое предугадываніе того, что дѣло контрреволюціи безнадежно проиграно безъ того или иного участія народа, что силы одной бюрократіи недостаточно для сопротивленія революціонному движенію.

Русь тронулась! Безконечные города и городки „Окуровы“ проснулись отъ вѣковой спячки: что-то надломилось, началось всеобщее броженіе. Въ зависимости отъ мѣста и условій это броженіе проявлялось въ различныхъ формахъ. Если въ большинствѣ случаевъ это самопроизвольное движеніе широкихъ пластовъ народныхъ массъ шло на пользу освободительно-революціоннаго движенія, подтачивая и безъ того расшатанныя основы стараго режима и поддерживая борьбу революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, то нельзя упускать изъ вида и того, что въ этомъ общемъ потокѣ была струя—правда незначительная по сравненію съ общими размѣрами движенія,—носившая опредѣленно-реакціонный характеръ.

Въ введеніи мы характеризовали тѣ промежуточные въ соціальномъ отношеніи элементы, которые въ силу своей распыленности и несознательности, легче всего могли стать пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ активныхъ дѣятелей контрреволюціи, той физической силой, массой, которую эти послѣдніе должны были попытаться противопоставить массовому революціонному движенію. Вмѣстѣ съ движеніемъ всей Россіи пришли въ движеніе и эти косные элементы, выражая смутное недовольство и безпокойство. Задачей руководителей контрреволюціонныхъ партій было направить это недовольство въ желательную сторону и это было успѣшно сдѣлано при помощи націоналистическо-антисемитской отравы, которая съ этихъ поръ широкой волной вливается въ темныя массы городского мѣщанства, крестьянства, войска и даже пролетаріата изъ многочисленныхъ дешевыхъ черносотенныхъ газетъ и прокламацій.

Такова была соціальная основа того *черносотеннаго* движенія, которое началось еще до 17-го октября и которое руководящія контрреволюціонныя партіи, въ родѣ „С. р. л." и „Союза русскаго народа" использовали впослѣдствіи, для созданія обширной, широко-развѣтвленной контрреволюціонной организаціи. Но объединительная и организаціонная дѣятельность этихъ партій началось не на пустомъ мѣстѣ: ей предшествовали попытки черносотенной агитаціи и организаціи на мѣстахъ, въ которыхъ, на-ряду съ „патріотами" частными, принимаютъ энергичное участіе правительственные чиновники и священники.

Перечислимъ вкратцѣ эти разрозненныя попытки черносотенной агитаціи и патріотической организаціи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи въ періодъ съ 9-го января 1905 г. до октябрьскихъ дней, заранѣе отказываясь отъ того, чтобы дать полный ихъ перечень.

24-го февраля въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появляется воззваніе „За Россію" за подписью „Борецъ". Воззваніе это и по содержанію и по стилю весьма характерно для *боевой* реакціонной литературы. Приведемъ поэтому изъ него нѣкоторыя выдержки: „Мы должны сплотиться... Теперь пришло время. Поднимайтесь! Государь зоветъ васъ... За дѣло! Поднимемъ нашъ стягъ противъ крамолы, противъ измѣнниковъ и безумцевъ... Отзовитесь, огласите свои имена, заявите открыто о своей готовности послѣдовать призыву Царя... Всюду, во всѣхъ городахъ, сходитесь, узнавайте другъ друга и сплачивайтесь во имя церкви православной, Царя Самодержавнаго и народа русскаго и враги не одолѣютъ васъ".

Въ февралѣ въ с. Лопатинѣ, Петров. у. *Саратовской* губ. организуется „Дружина борьбы съ крамолой", душой которой являются мѣстный священникъ, приставъ и начальникъ вольной пожарной дружины. Одновременно съ этимъ въ Саратовѣ усиленно распространяются листки противъ интеллигенціи и евреевъ. Еще раньше, въ январѣ, *Воронежскія* губернскія

вѣдомости опубликовываютъ воззваніе противъ соціалдемократовъ въ защиту самодержавія.

Въ февралѣ „Общество націоналистовъ городовъ Кіева, Николаева, Одессы, Херсона, Кишинева, Бендеръ, Аккермана и др.“ распространяетъ въ большомъ количествѣ прокламаціи, утверждающія, что революція дѣлается инородцами. Одновременно въ *Николаевѣ* появляется прокламація, призывающая избивать „соціалистовъ, жидовъ, студентовъ и профессоровъ“. Въ мартѣ газета „Вечерняя почта“ сообщаетъ: „Крайняя правая политическая партія, имѣющая своихъ главныхъ вожаковъ въ Москвѣ, формируется въ боевую организацію. При Чудовомъ монастырѣ учреждается братство на началахъ православія, самодержавія и народности. Учредителями этой партіи являются преосв. Никонъ, Гринтмутъ, проф. Георгіевскій“ [1]). Въ *Херсонѣ* образуется *тайное* общество для „поддержанія устоевъ существующаго режима“, а въ *Екатеринодарѣ* „братство кречетовъ“. Въ *Житомірѣ* и *Кишиневѣ* энергично дѣйствуетъ Крушевановская „Бессарабская патріотическая лига“ [2]), а въ сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края „Кружокъ борьбы съ крамолой“, ставящій себѣ непосредственныя сыскныя цѣли. Въ *Твери* въ маѣ образуется „Народный Союзъ“, распространившій воззванія къ солдатамъ и рабочимъ, въ которыхъ говорилось: „Соединимся же въ кружки, составимъ списки всѣмъ крамольникамъ и бунтовщикомъ въ городахъ и селахъ и будемъ бить ихъ, кому какъ и чѣмъ удобнѣе, ночью изъ-за угла, черезъ окна. Противъ негодяевъ всѣ средства хороши“. Въ это же время петербургское отдѣленіе московской патріотической лиги передаетъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ составленный имъ списокъ крамольниковъ изъ 3-хъ тыс. лицъ.

Въ городахъ и мѣстечкахъ Западнаго края, какъ и въ Приднѣпровьѣ въ теченіе всего лѣта распространяются погромные листки и воззванія. Въ *Харьковѣ* въ іюлѣ разбрасываются прокламаціи: „Долой евреевъ“; въ *Тифлисѣ* и *Батумѣ* возникаетъ „патріотическая лига“ (въ Тифлисѣ ей удается привлечь къ себѣ значительное количество желѣзнодорожныхъ рабочихъ). Въ *Курскѣ* „Народный Союзъ“ призываетъ на борьбу съ „инородцами, жидами, революціонерами“. Въ *Царицынѣ* погромная агитація

---

[1]) Связь этой организаціи съ „Русской монарх. партіей“ несомнѣнна.

[2]) Гектографированный уставъ „Бессарабской патріотической лиги“, выработанный въ началѣ 1905 г., содержитъ такія строки: „Лига, имѣетъ цѣлью служить интересамъ правительства и быть подмогой администраціи въ борьбѣ за сохраненіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя“. Средствами для ея дѣятельности служатъ: „пропаганда, критика членовъ революціонныхъ партій, *возбужденіе въ массахъ враждебнаго отношенія къ агитаціи революціонныхъ партій; сообщеніе полиціи о преступной дѣятельности членовъ революц. партій*“. *Извѣстно, что руководители „лиги“* были главными иниціаторами кишиневскаго погрома 1903 г.

ведется помѣщиками среди крестьянъ; въ *Каменецъ-Подольскѣ* распространяются воззванія, привезенныя изъ Москвы. Въ *Богодуховѣ*, Харьковской губ. возникаетъ „Братство борьбы съ крамолой“; въ *Муромѣ*— „Комитетъ истинно-русскихъ патріотовъ“, въ *Ѳеодосіи*—„Лига патріотовъ“. Въ *Холмѣ*, Люблинской губ. образуется общество союза русскихъ людей Холмской губ. „Самодержавіе и церковь“, цѣль котораго: „слѣдить за каждымъ шагомъ нашихъ холмскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, частныхъ лицъ и евреевъ и перехватывать ихъ жертвы—неопытныхъ лицъ, увлекшихся и т. д.“.

Большинство этихъ и подобныхъ имъ организацій носитъ совершенно эфемерный характеръ: ни одна изъ нихъ не пережила октября 1905 г. Всѣ они немногочисленны, представляя изъ себя тайные заговорщическіе кружки, терпимые и покровительствуемые властью. Цѣль ихъ вызвать погромъ, послѣ котораго эти организаціи обыкновенно распадаются. Въ большинствѣ случаевъ эти организаціи имѣютъ полицейско-провокаторское происхожденіе.

Но въ нихъ уже подвизаются дѣятели, которые впослѣдствіи пріобрѣли громкую извѣстность (Крушеванъ въ Бессарабіи, Иліодоръ въ Ярославлѣ).

Весной и лѣтомъ 1905 года въ связи съ агитаціей этихъ реакціонныхъ подпольныхъ организацій и при ихъ непосредственномъ участіи по всей Россіи прокатилась волна погромовъ (въ Казани, Балашовѣ, Курскѣ, Вологдѣ, Новочеркасскѣ, Мелитополѣ, Псковѣ, Рязани, Баку, Твери, Нижнемъ-Новгородѣ и друг. городахъ), направленныхъ частью противъ евреевъ, (въ Баку противъ армянъ), частью противъ интеллигенціи. Кучки черносотенцевъ, придравшись къ тому или другому поводу (антиправительственная манифестація), или безъ всякаго повода избиваютъ при бездѣйствіи, а иногда и при содѣйствіи полиціи, евреевъ, студентовъ и даже гимназистовъ (Псковъ, Курскъ, Новочеркасскъ). Интересно отмѣтить отношеніе реакціонной прессы къ этимъ первымъ боевымъ выступленіямъ черносотенныхъ дружинъ. По поводу погрома въ Балашовѣ „Моск. Вѣд.“ писали отъ 26-го іюля: „Если патріотизмъ видитъ *безнаказанное* оскорбленіе своей Родины и своего Государя, то онъ будетъ безчувственнымъ дикаремъ, если отнесется равнодушно къ этому возмутительному зрѣлищу и самъ не приметъ мѣръ къ его прекращенію и къ наказанію виновныхъ“. А дворянинъ П. А. Павловъ, въ связи съ проявленною во время этого же погрома саратовскимъ губернаторомъ Столыпинымъ „распорядительностью“, писалъ въ той же газетѣ: „Такихъ десять Столыпиныхъ во главѣ правительства еще сегодня спасутъ Россію и остановятъ революцію и распаденіе государства“. О нижегородскомъ погромѣ органъ московскихъ монархистовъ

отозвался так. образомъ: „Народъ проснулся; онъ самоотверженно бросается толпой на бунтовщиковъ, бьется съ ними и усмиряетъ ихъ". По поводу того же балашовскаго погрома руководимый Шараповымъ и Щербаковымъ органъ „Союза русс. людей", „Русское Дѣло" писалъ: „Россія русская начинаетъ просыпаться и довольно чувствительно „учить" Россію интеллигентскую и еврейскую... Разумѣется, радикальныя и еврейскія газеты заголосили на тему „хулигановъ", „черной сотни" и т. под. Но пробужденія оскорбленнаго чувства въ оскорбленномъ народѣ скрыть не удастся... и авось хоть эта народная поднимающаяся волна усмиритъ нашихъ бунтарей и покажетъ воочію, что для революціи почва у насъ не въ народѣ, а развѣ... въ Петербургѣ". Въ другой ст. въ той же газетѣ писалось: „Итакъ, народное движеніе и контрреволюція начались. Нижній Новгородъ далъ толчекъ. Патріотическое, умное, здоровое, народное движеніе растетъ".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „М. Вѣд." съ оговорками, а „Русс. Дѣло" открыто привѣтствуютъ погромное движеніе, ибо, потерявъ надежду на твердую власть („М. В." все время передъ этимъ требовали диктатуры), монархисты, въ особенности типа „русскихъ людей", начинаютъ возлагать всѣ свои упованія на контрреволюціонное движеніе темныхъ, натравленныхъ на инородцевъ и интеллигентовъ народныхъ массъ.

Путь крайне-правой реакціи былъ такимъ образомъ намѣченъ первыми черносотенными погромами весны и лѣта 1905 года.

Перечисляя различныя проявленія контрреволюціоннаго движенія до октября 1905 г. и попытки организаціи реакціонныхъ силъ, нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ полу-духовныхъ, полусвѣтскихъ организацій, руководимыхъ духовенствомъ, которыя сыграли довольно замѣтную роль въ ряду другихъ правыхъ организацій.

Еще 30-го января 1905 года въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ епископа Серафима состоялось открытіе при князе-Владимирскомъ храмѣ перваго „Общества Хоругвеносцевъ". По его примѣру въ провинціи возникаетъ множество подобныхъ организацій (общ. хоругвеносцевъ, „братствъ"), при участіи высшаго и низшаго духовенства и представителей мѣстной правительственной власти. Впослѣдствіи большинство этихъ организацій растворилось въ болѣе широкихъ черносотенныхъ организаціяхъ: московское „Общество Хоругвеносцевъ" въ 1905—06 г. оказываетъ содѣйствіе русской монархической партіи [1]), а многочисленныя провинціальныя общества хоруг-

---

1) Представители московскаго духовенства тотчасъ же послѣ 9-го янв. организуютъ рядъ чтеній по богословію для рабочихъ. Въ этихъ чтеніяхъ, оффиціально организуемыхъ русской монарх. партіей, дѣятельное участіе принимаетъ прот. І. Восторговъ, а на одномъ изъ нихъ выступаетъ москов. митрополитъ Владимиръ, произнесшій вступительное слово къ рабочимъ противъ революціонеровъ (ноябрь

веносцевъ сливаются съ мѣстными отдѣлами „Союза русскаго народа“. Толчкомъ къ реакціонному движенію среди духовенства послужило, несомнѣнно, воззваніе Св. Синода отъ 14 янв. по поводу событія 9-го янв., въ которомъ указывалось, что рабочіе были подкуплены японцами.

Активное участіе духовенства (въ особенности провинціальнаго) въ контрреволюціонномъ движеніи съ благословенія высшихъ духовныхъ и при поддержкѣ свѣтскихъ властей проявляется, между прочимъ, въ принятіи въ этотъ періодъ времени многочисленными сельскими сходами приговоровъ и всеподданнѣйшихъ адресовъ въ реакціонно-монархическомъ духѣ. Такъ, напр., въ началѣ февраля 1905 г. черезъ Побѣдоносцева подается Всеподданнѣйшій адресъ крестьянъ Новгородской губ. и уѣзда—причтовъ нѣсколькихъ церквей, въ которомъ говорится: „Кликни свой кличъ и мы будемъ съ Тобою, чтобы итти на общаго врага“. 4-го февр. крестьяне Ковымовской вол. Аткарск. у. Сарат. губ. на сходѣ выносятъ приговоръ противъ безпорядковъ и революціонныхъ листковъ въ защиту самодержавія. Въ теченіе всего февраля на многихъ сельскихъ сходахъ Саратовской губ. (уѣздовъ: Кузнецкаго и Аткарскаго) выносятся подобные приговоры и постановляется отслужить молебствіе о дарованіи русскимъ побѣды надъ японцами. Патріотическіе приговоры выносятся крестьянами и въ другихъ губерніяхъ. Такъ, 1-го апрѣля крестьяне Тысяцкой вол. Новоторжскаго у. Тверской губ. выносятъ приговоръ противъ „дерзкихъ враговъ, посягающихъ на самодержавіе и православіе“. Въ приговорѣ крестьянъ Калужской губ., Перемышльскаго у. говорится о „лукавыхъ подпольныхъ смутьянахъ“. То же мы читаемъ въ приговорахъ крестьянскихъ сходовъ Московской, Тверской и др. губерній.

Печатая эти приговоры, „Моск. Вѣд.“ писали: „Мы печатаемъ рядъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, въ которыхъ ярко проявляется сила русскаго народа, его истинныя вѣрованія, его чаянія“ (№ отъ 22-го марта 1905 г.).

Одновременное почти вынесеніе однородныхъ приговоровъ въ различныхъ волостяхъ одной и той же губерніи, равно какъ и стиль ихъ, испещренный стереотипными фразами о „злодѣяхъ, смутьянахъ“ и т. п., изобличаютъ ихъ не крестьянское происхожденіе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вдохновителями и иниціаторами всѣхъ подобныхъ всеподданнѣйшихъ адресовъ и приговоровъ крестьянскихъ сходовъ были сельскіе священники и дѣятели различныхъ патріотическихъ и черносотенныхъ организацій, пытавшіеся въ это время въ связи съ аграрными безпорядками рас-

---

1905 г.). При участіи свящ. Восторгова и Востокова въ этотъ періодъ времени организуется также спеціальная комиссія для устройства „общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы“.

пространять свою дѣятельность на деревню и собиравшіе крестьянскія подписи подъ *своими* резолюціями.

II.

Организаціонное оформленіе контрреволюціонныхъ партій (октябрь 1905—весна 1906 г.).

Если революціонное движеніе еще до достиженія имъ кульминаціоннаго пункта вызвало зачатки монархическихъ организацій, то октябрьско-декабрьскія событія ускорили процессъ ихъ окончательной консолидаціи. Декабрьское пораженіе, бывшее въ сущности пораженіемъ всей революціи и отправной точкой безоглядной правительственной реакціи, заставило организующіяся въ этотъ моментъ контрреволюціонныя силы перейти отъ обороны къ наступленію.

Періодъ съ октября 1905 г. и по начало весны 1906 г. былъ именно временемъ окончательнаго оформленія и закрѣпленія контрреволюціонныхъ силъ, которое нашло себѣ внѣшнее выраженіе въ рядѣ съѣздовъ объединенныхъ монархическихъ группъ и организацій.

Въ этотъ періодъ окончательно сформировывается „Русская монархическая партія“, возникновеніе которой было описано въ предыдущей главѣ. Въ началѣ осени „М. Вѣд.“ писали, что партія „имѣетъ свои центры болѣе, чѣмъ въ 60 провинціальныхъ городахъ“. Считая даже эту цифру значительно преувеличенной, нельзя все же отрицать распространенія организацій партіи въ провинціи (подгородныя московскія мѣстечки, Астрахань; мелкіе провинціальные города Рязанской, Воронежской, Тамбовской и др. губ.). 1-го сентября состоялось первое частное (для членовъ) [1]) собраніе рус. мон. партіи, которое рѣшило придать партіи боевую организацію для борьбы на предстоящихъ выборахъ по булыгинскому положенію о Г. Думѣ; 9 сент. партія выбираетъ избирательный комитетъ, опубликовавшій ранѣе цитированную нами программу. 9 окт. по призыву „Р. мон. партіи“ организуется крестный ходъ вокругъ Кремля въ воспоминаніе объ избавленіи Москвы отъ непріятеля въ 1812 г. Демонстрація эта оказалась, впрочемъ, мало внушительной. Вмѣстѣ съ тѣмъ тонъ „М. Вѣд.“ дѣлается весьма рѣшительнымъ и заносчивымъ по отношенію къ правительству. Особенно рѣзко газета нападаетъ на гр. Витте, обвиняя его въ потачкахъ революціонерамъ и въ зависимости отъ денежныхъ мѣшковъ международнаго еврейства. „М. Вѣд.“ неустанно бьютъ въ набатъ, призываютъ правительство къ

1) Открытыя съ цѣлью агитаціи собранія „Р. мон. партія“ начинаетъ устраивать значительно позже: съ весны 1906 г.

твердости, требуютъ отъ него безпощаднаго искорененія революціи и объявленія военнаго и даже осаднаго положенія.

„*Военная диктатура*—вотъ въ чемъ слились теперь всѣ надежды, всѣ упованія москвичей“ („М. В.“ № отъ 15-го окт.). Одновременно съ этимъ гришмутовская газета перепечатываетъ воззваніе „группы московскихъ патріотовъ“ подъ громкимъ названіемъ „Вставай подымайся московскій народъ!“, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ „Долой забастовки и ихъ подстрекателей! Всѣхъ подстрекателей ловите и передавайте начальству!“

Манифестъ 17-го окт. „М. Вѣд.“ нѣсколько дней замалчиваютъ, а потомъ заявляютъ, что не провозглашеніе свободъ, а прочитанное по церквамъ 16-го окт. по распоряженію московск. епархіальнаго начальства „Слово“, успокоило народъ.

Одновременно съ „Рус. мон. партіей“ на болѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ, широкую арену дѣятельности пытается вступить и „Союзъ рус. людей“. Въ своемъ заявленіи, напечатанномъ 14 окт. въ „М. В.“, московскіе русскіе люди сообщаютъ, что въ виду произведенной желѣзнодорожной забастовкой дезорганизаціи, „С. р. л.“ постановилъ: „1) взять на себя починъ *организаціи*, предлагая образовать русскимъ людямъ повсюду „*мѣстные приходскіе комитеты порядка*, которые должны немедленно приступить къ возстановленію нарушеннаго смутою общественнаго порядка“; 2) для этого, „въ воскресенье 16-го окт. всѣ благомыслящіе жители столицы должны собраться въ свои приходскіе храмы къ литургіи и послѣ молебствія произвести избраніе между присутствующими въ члены приходскаго комитета не менѣе 10 лицъ на каждый приходъ, прося настоятеля прихода войти въ составъ комитета и дать у себя помѣщеніе для его дѣлопроизводства, если не будетъ пріискано иного помѣщенія; 3) произвести „запись всѣхъ желающихъ вступить въ образуемыя при каждомъ приходѣ *дружины порядка*, имѣющія своимъ назначеніемъ личную и непосредственную борьбу со смутой“; 4) выбрать „Общее совѣщаніе для образованія главнаго комитета“.

Изъ этихъ торжественныхъ, характерныхъ для „русскихъ людей“ церковно-политическихъ выборовъ, разумѣется, ничего не вышло, тѣмъ болѣе, что растерявшееся въ тѣ дни начальство отнеслось къ этой идеѣ не особенно благосклонно. Но идея воззванія „С. р. л.“ о созданіи боевыхъ дружинъ была реализована какъ въ Москвѣ въ октябрьско-декабрьскіе дни (черносотенныя банды, убивавшія революціонеровъ въ октябрѣ—Баумана напр.,—оказывавшія услуги полиціи въ періодъ декабрьскаго возстанія), такъ позднѣе въ Петербургѣ и въ провинціи.

Одновременно съ Москвой силы контрреволюціи организуются и въ Петербургѣ. Въ концѣ октября здѣсь открывается докторомъ Дубровинымъ „Союзъ русскаго народа“,—организація, занявшая исключительное положеніе во всемъ контрреволюціонномъ движеніи. Раздѣляя крайне реакціонную патріотическую программу, „Союзъ русскаго народа“ сумѣлъ, слѣдуя духу времени, придать своей организаціи демократическую внѣшность, позволившую объединить вокругъ нея „всесословные“ контрреволюціонные элементы и собрать подъ своимъ боевымъ знаменемъ самыя разнообразныя организаціи, начиная отъ чисто дворянскихъ, какъ „Союзъ русскихъ патріотовъ“ и „Союзъ землевладѣльцевъ“, такъ и „демократическія“ организаціи типа „Обществъ хоругвеносцевъ“, „Общества активной борьбы съ революціей и анархіей“ (организаторы: Дезобри и В. Н. Степанова), возникшаго почти одновременно съ „С. р. н.“, или провинціальныхъ черносотенныхъ организацій въ родѣ нижегородскаго „Бѣлаго знамени“.

Съ первыхъ же шаговъ „С. р. н.“ развилъ энергичную дѣятельность, отодвинувъ на задній планъ другія реакціонныя организаціи, которыя постепенно начали либо хирѣть, либо подпадать подъ гегемонію вскорѣ ставшаго всесильнымъ и распространившагося при посредствѣ своихъ отдѣловъ по всей Россіи „С. р. народа“. [1]) Основателями и главными руководителями „С. р. н.“, въ первое время кромѣ А. И. Дубровина, были А. А. Майковъ (сынъ поэта), бывшій товарищемъ предсѣдателя, В. М. Пуришкевичъ, Б. Никольскій, кн. Гагаринъ, Булацель, Е. А. Полубояринова, субсидировавшая союзъ огромными суммами. Офиціальными органами союза были: „Русское Знамя“ и „Объединеніе“, а впослѣдствіи также копѣечная „Гроза“.

Программа „С. р. н.“ опредѣляется въ одномъ изъ первыхъ его воззваній слѣд. образомъ: „Конечная цѣль, къ достиженію которой долженъ стремиться „С. р. н.“—введеніе строгаго, прочнаго—правового порядка на слѣд. основаніяхъ: единство и нераздѣльность Россійской Имперіи и незыблемость основныхъ началъ русской государственности, ибо только твердая царская власть, основанная на непосредственномъ единеніи Царя съ народомъ, въ лицѣ избранныхъ народомъ представителей, можетъ дать безусловныя гарантіи прочнаго правового порядка въ такомъ разноплеменномъ государствѣ, какъ Россія“.

Такимъ образомъ, подобно московскимъ монархистамъ и петербургскому „Русс. собранію“, „С. р. н.“ стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости твердой царской власти; во 2-мъ пунктѣ устава „С. р. н.“ прямо говорится: „Само-

---

[1]) Въ Москвѣ отдѣлъ «С. р. н.» открылся 22-го янв. 1906 года, подъ предсѣдательствомъ Н. Н.Ознобишина. На открытіи присутствовали представители русск. монарх. партіи и Союза русск. людей.

державіе русское создано народнымъ разумомъ, благословенно Церковью и оправдано исторіей; самодержавіе наше—въ единеніи Царя съ народомъ". Но это славянофильское толкованіе понятія самодержавія, какъ и у „Союза русскихъ людей", заставляетъ „С. р. н." признавать совѣщательное народное представительство въ лицѣ Государственной Думы и мотивировать его необходимость существующимъ между Царемъ и народомъ средостѣніемъ въ лицѣ бюрократіи [1]). Выступая съ рѣзкой критикой бюрократіи, скомпрометтировавшей себя неудачами во время войны и неумѣніемъ успокоить смуту, „С. р. н." привлекалъ въ свои ряды малосознательные элементы мѣщанства, крестьянства и даже рабочихъ, настроенныхъ патріотически, смутно недовольныхъ и склонныхъ винить во всѣхъ неурядицахъ русской жизни отдѣльныхъ представителей бюрократіи (гр. Витте, напр.).

Эта ненависть къ бюрократіи не помѣшала „Союзу русскаго народа" использовать послѣднюю въ своихъ интересахъ по мѣрѣ надобности для полученія субсидій, проведенія тѣхъ или иныхъ желательныхъ ему мѣръ, устраненія политическихъ противниковъ. Но даже въ періоды наибольшого своего признанія властью и своего почти полнаго господства „Союзъ русс. народа" не оставлялъ своего рѣзко вызывающаго тона по отношенію, если не ко всей бюрократіи, то къ отдѣльнымъ ея представителямъ (об.-прокур. синода Толстому, мин. землед. Кутлеру, мин. нар. просв. Герасимову и др.).

Изъ остальной программы „Союза Р. Нар." отмѣтимъ такіе явно демагогическіе пункты, разсчитанные на демократическіе слои населенія какъ „сохраненіе общиннаго землевладѣнія", „уравненіе положенія всѣхъ вообще трудящихся классовъ безъ различія профессій, въ частности рабочихъ", „отвѣтственность должностныхъ лицъ", „увеличеніе надѣловъ малоземельныхъ крестьянъ", „содѣйствіе переселенію" и т. п.

Членами „Союза" по уставу могутъ быть только „природные русскіе люди обоего пола, всѣхъ сословій и состояній, преданные цѣлямъ союза, давшіе признаніе, что они твердо освѣдомлены о цѣляхъ союза и давшіе при поступленіи обѣщаніе не вступать въ общеніе съ какими-либо тайными сообществами, а также какими-либо организаціями, преслѣдующими цѣли, несогласныя съ задачами союза". Примѣчаніе къ этому пункту гласитъ, что

---

[1]) См. примѣч. къ ст. II устава „С. р. н.": „Убѣжденно исповѣдуя, что благо родины въ самодержавномъ единеніи Русскаго Царя съ народомъ, Союзъ отмѣчаетъ, что современный министерскій бюрократическій строй, заслонившій свѣтлую личность Русскаго Царя отъ народа и присвоившій себѣ часть правъ, составлявшихъ исконную принадлежность русской Самодержавной власти, привелъ отечество наше къ тяжелымъ бѣдствіямъ, и потому подлежитъ коренному измѣненію". Далѣе уставъ подчеркиваетъ, что „С. р. н." стоитъ только за *совѣщательную* Думу и что за послѣдней онъ не можетъ признать никакихъ „конституціонныхъ или вообще учредительныхъ" функцій.

„евреи въ члены союза не допускаются“ (аналогичный пунктъ имѣется и въ программѣ „Рус. мон. партіи“) [1]).

Октябрьскіе дни и провозглашеніе манифеста вызвали новую вспышку контрреволюціоннаго движенія въ видѣ патріотическихъ манифестацій и погромовъ, описанныхъ въ другомъ мѣстѣ [2]).

Какъ и въ весенніхъ погромахъ 1905 г., въ октябрско-ноябрьскихъ принимали активное участіе нѣкоторые, правда немногочисленные, слои городского населенія (мѣщанство, босячество). Черносотенныя прокламаціи, исходили, какъ показали разоблаченія Лопухина и кн. Урусова, изъ центра. Какъ извѣстно, въ центрѣ всероссійской организаціи правыхъ стояли Грингмутъ и Дубровинъ. Они главнымъ образомъ и организовали широкое распространіе погромной агитаціи. Но и въ провинціи дѣятельность правыхъ все болѣе и болѣе оживляется. Кое-гдѣ призывавшія къ погрому прокламаціи исходили

---

1) Къ числу правыхъ партій, возникшихъ или зарегистрированныхъ въ это же время, слѣдуетъ отнести «партію правового порядка». Партія эта неофиціально сложилась незадолго до октябрьскихъ дней и легализовалась на общемъ собраніи 15-го октября 1905 г., на которомъ приняла программу, носящую конституціонно-монархическій характеръ. Правопорядцы признаютъ конституцію и требуютъ скорѣйшаго созыва Думы, но въ то же время они являются сторонниками сильной государственной власти и рѣшительными противниками революціи, считая необходимымъ бороться одновременно на два фронта—съ реакціей и революціей. Составъ этой, никогда не достигавшей вліянія, партіи пополнялся преимущественно представителями крупной буржуазіи, буржуазной интеллигенціи, умѣренно-реакціонной бюрократіи и т. п. По словамъ учредителей партіи въ ноябрѣ она насчитывала свыше 5 тыс. членовъ. Единственнымъ крупнымъ ея выступленіемъ за все время была предпринятая ею депутація 21-го ноября къ гр. Витте (проф. Янжулъ, Воейковъ, Боровитиновъ, инженеръ Васильковскій, Алтуховъ), которая просила о скорѣйшемъ созывѣ Думы въ виду тревожнаго положенія въ странѣ и предлагала услуги членовъ партіи правового порядка для замѣщенія бастовавшихъ въ то время почтово-телеграфныхъ служащихъ. Послѣднее предложеніе было принято и члены партіи во время этой забастовки выступили въ качествѣ активныхъ штрейкбрехеровъ. Въ концѣ декабря 1905 г. состоялся общеимперскій съѣздъ этой неудачной партіи, на которомъ присутствовали также представители столь же ничтожныхъ организацій, какъ п. прав. пор., какъ: „Всероссійская отечественная партія“, „Братство свободы и порядка“ (въ Петербургѣ), „Партія центра“ (въ Москвѣ), „Псковское общество законности и порядка“, „Орловскій съѣздъ законности“ и т. п. Послѣ съѣзда партія правового порядка не предпринимала никакихъ активныхъ шаговъ. Во время выборовъ въ первую Думу большинство ея мѣстныхъ отдѣловъ выступало совмѣстно съ правыми и монархистами, меньшинство вмѣстѣ съ октябристами, но во всѣхъ случаяхъ подъ лозунгами реакціи. Въ дальнѣйшемъ партія, получившая въ общежитіи ироническое названіе партіи „трехпокоевъ“ (п. п. п.), какъ таковая распалась, и ея члены разсѣялись по различнымъ реакціоннымъ партіямъ. Лѣвое крыло партіи пыталось въ 1906 г. организовать „конст.-монарх. правовой союзъ“, но неудачно.

2) См. „Общ. движ. въ Росс. въ нач. XX в.“ т. II ч. I ст. Евг. Маевскаго, стр. 6—104.

отъ мѣстныхъ черносотенныхъ организацій [1]). Вообще въ черные погромные дни черносотенныя боевыя организаціи, только еще слагавшіяся въ эту пору, впервые обнаружили свое существованіе для широкихъ круговъ населенія.

Погромное движеніе, обнаруживъ способность черносотенныхъ бандъ расправляться съ вооруженными революціонерами и беззащитнымъ еврейскимъ населеніемъ, обнажило также *политическую* слабость контрреволюціонныхъ организацій и отсутствіе вліянія въ массахъ. Въ этомъ смыслѣ первое нападеніе контрреволюціонныхъ группъ было отбито. Инсценировка патріотическихъ манифестацій и „народной расправы“ съ революціонерами преслѣдовала цѣль заставить правительство стать на путь рѣшительной реакціи и показать обществу чуждость конституціи русскому народу. Но этого именно реакціонеры не добились. Народное движеніе не было остановлено погромами; напротивъ того, обстановка, въ которой они происходили, лишили довѣрія къ правительству многихъ, кто до тѣхъ поръ ему еще вѣрилъ.

При такихъ условіяхъ, когда правительство вынуждено было еще считаться съ продолжающимся движеніемъ и вести двусмысленную политику, руководителямъ контрреволюціоннаго движенія не оставалось ничего иного, какъ итти путемъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій — путемъ организаціи своихъ силъ для давленія на власть. Черносотенцы не оставляютъ своей „боевой“ дѣятельности, но ихъ дружины и организаціи типа „активной борьбы съ революціей и анархіей“ и „каморры народной расправы“ ютятся гдѣ-то на заднемъ дворѣ, проявляя себя время отъ времени актамъ бѣлаго террора (убійства рабочихъ агитаторовъ черносотенными дружинниками въ Петербургѣ и Москвѣ), въ то время, какъ лидеры „идутъ въ народъ“ и путемъ агитаціи пытаются привлечь на свою сторону массы.

Особенную энергію проявлятъ въ этомъ направленіи петербургскій „Союзъ Русс. Народа“ и отчасти московская „Русск. Монархическая Партія“. 21-го ноября въ Петербургѣ въ огромномъ помѣщеніи Михайловскаго

---

1) Типичной для этого рода литературы является прокламація „Александровской рускоѣ боевой дружины“, предшествовавшая погрому въ г. Александровскѣ, Екатеринославск. губ., въ началѣ 1906 г. Въ прокломаціи этой, озаглавленной „Ко всѣмъ истинно-русскимъ людямъ“, читаемъ: „Мы, русскіе люди, погибнемъ, если сейчасъ же не соединимся въ дружины и дружными напорами не отразимъ нашего врага, соціалъ-демократовъ и жидовъ“... „вставай, подымайся, великій русскій народъ, образуй дружины, запасайся оружіемъ, косами, вилами и иди на защит своего царя, родины и вѣры православной... Кто за царя, родину и вѣру православную, тотъ по первой же тревогѣ собирайтесь съ оружіемъ, косами и вилами на площади у народнаго дома и вступайте подъ русскія трехцвѣтныя знамена сформированной Александровской русской боевой дружины, которая ринется съ портретомъ царя и святой иконой на враговъ нашихъ—краснофлажниковъ“.

манежа д-ръ Дубровинъ созываетъ первый публичный митингъ „С. Р. Народа“. На митингѣ союзниками произносятся громовыя рѣчи противъ избирательной „четырехвостки“, противъ организаціи Союза Союзовъ, противъ революціи вообще. Впрочемъ, народа на этомъ весьма торжественно обставленномъ „народномъ“ митингѣ было весьма мало; по словамъ прогрессивныхъ газетъ, митингъ состоялъ изъ „жандармовъ, полицейскихъ, военныхъ и штатскихъ, монаховъ, дворниковъ и членовъ русскаго собранія“. Одновременно д-ръ Дубровинъ не безъ успѣха выступаетъ на агитаціонныхъ собраніяхъ, на которыхъ присутствуютъ рабочіе, мелкіе мѣщане и вообще простонародье.

Агитаціонная и организаціонная работа черносотенцевъ идетъ интенсивно и въ провинціи. Въ Курскѣ гр. Дорреръ, кн. Касаткинъ-Ростовскій, Н. Е. Марковъ (будущій депутатъ III и IV Думы) организуютъ „Курскую народную партію“ и издаютъ рѣзко погромный листокъ „Курская быль“ [1]). Въ Москвѣ монархическая партія и Союзъ русскихъ людей устраиваютъ многочисленныя собранія, энергично агитируя противъ конституціи. На собраніи Русской монархической партіи 20-го ноября постановлено устраивать регулярныя (еженедѣльныя) собранія; рѣшено также разослать по всѣмъ городамъ Россіи, гдѣ имѣются члены партіи, делегатовъ „для соединенія ихъ въ мѣстныя организаціи“; обсуждается также вопросъ о соединеніи съ другими монархическими организаціями и объ обращеніи къ Царю съ просьбой о сохраненіи самодержавія. Черезъ нѣсколько дней—24 ноября—въ Москвѣ же состоялось общее собраніе Союза русскихъ людей съ участіемъ представителей Русской монархической партіи, Союза землевладѣльцевъ, московской добровольной охраны и московскаго общества хоругвеносцевъ (всего около 300 чел.), подъ предсѣдательствомъ князя А. Г. Щербатова. На этомъ собраніи принята челобитная къ Царю о созывѣ Земскаго Собора вмѣсто Думы; постановлено бороться съ забастовками и интеллигенціей (тутъ же 40 чел. охотниковъ вызывается безвозмездно замѣщать почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ). Наконецъ, рѣшено образовать временное объединеніе всѣхъ правыхъ организацій въ видѣ „Всенароднаго русскаго союза“ съ постояннымъ совѣтомъ во главѣ. А на слѣдующій день „Союзъ русс. людей“ публикуетъ воззваніе: „Пробуждайся московскій народъ“, въ которомъ рекомендуется „собираться въ кружки, выбирать старшихъ поразумнѣе, одного съ каждой сотни—ждите знака призывнаго, и тогда приходите“. Во время декабрьскаго востанія

---

1) Программа этой партіи гласитъ: „Партія организуется для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ и для противодѣйствія гибельной дѣятельности мятежниковъ, стремящихся насильственно навязать русскому народу республиканскую форму правленія и произвести соціальный переворотъ съ уничтоженіемъ всякой собственности“.

подъ руководствомъ кн. А. Г. Щербатова организуется милиція для отпора революціонерамъ.

1-го декабря въ Царскомъ селѣ Императоръ принялъ депутацію представителей московскихъ правыхъ организацій [1]). Кн. Щербатовъ поднесъ Царю икону и челобитную отъ „русскихъ людей“ съ просьбой созвать въ Москвѣ Земскій Соборъ. Грингмутъ говорилъ о необходимости твердой власти, и крестьянину Богачеву въ уста была вложена слѣд. рѣчь: „Государь! Такъ дольше продолжаться не можетъ, ибо руководители нашей смуты стремятся къ гибели нашей Родины. Нужны рѣшительныя и немедленныя мѣры... Только окончательное запрещеніе, подъ страхомъ строжайшей кары, по законамъ военнаго времени, всеобщихъ забастовокъ можетъ остановить конечное обнищаніе и гибель Россіи“. Н. А. Павловъ жаловался на установившееся безвластіе, а Шараповъ утверждалъ, что „вся русская, такъ называемая, революція, есть одинъ великій и сплошной обманъ и ничего болѣе“, говорилъ о томъ, что народъ своимъ самосудомъ —погромами выразилъ свою волю. Депутація получила отвѣтъ, что воля Царя неприкосновенна и что манифестъ 17-го октября долженъ быть осуществленъ.

Черезъ три недѣли, отдѣленныхъ московскимъ возстаніемъ и его пораженіемъ, 23-го декабря, во дворцѣ была принята другая депутація— Союза русс. народа, во главѣ съ д-ромъ Дубровинымъ, Майковымъ, Булацелемъ и Тришатнымъ. Депутація принята была милостиво и Царь принялъ поднесенный ему значекъ „Союза русскаго народа“ для себя и наслѣдника. Въ отвѣтъ на рѣчь купца Баранова, просившаго не давать равноправія евреямъ, Государь отвѣтилъ: „я подумаю“. Интересно отмѣтить, что въ составѣ депутаціи находился рабочій путиловскаго завода Кузьминъ; вообще по внѣшности депутація носила „всесословный характеръ“ (крестьяне, мѣщане, рабочіе, купцы, дворяне, интеллигенты—всего 23 чел.). Еще позднѣе, а именно 16-го февраля при пріемѣ иваново-вознесенскихъ монархистовъ Государемъ была произнесена фраза: „Самодержавіе мое останется такимъ, какимъ оно было встарь“—которая стала лозунгомъ объединенныхъ реакціонныхъ организацій.

За нѣсколько дней до декабрьскаго возстанія московскіе монархисты устроили крестный ходъ и демонстрацію на Кремлевской площади. Несмотря на благожелательное отношеніе властей (привѣтственная рѣчь демонстрантамъ Дубасова), демонстрація вышла ничтожной по размѣрамъ и про-

---

1) Отъ Союза русскихъ людей—кн. Щербатовъ, отъ русс. монарх. партіи—Грингмутъ, отъ Союза землевладѣльцевъ—дворяне Чемодуровъ, Павловъ, Шараповъ-Булацель и Ознобишинъ; отъ моск. обществъ хоругвеносцевъ и добровольной охраны—крестьяне; крестьянинъ Богачевъ—отъ редакціи журнала „Русское крестьянство“; отъ синодальной миссіи—игуменъ Арсеній.

извела жалкое впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Москвѣ была объявлена всеобщая забастовка и начали строиться баррикады.

Пораженіе декабрьскаго возстанія и твердый курсъ Дурново, смѣнившій двусмысленную политику гр. Витте, противъ котораго монархическая печать вела энергичную кампанію, окрылили дѣятелей контрреволюціи. Они получали теперь возможность серьезнаго вліянія на государственныя дѣла. Впереди оставалось еще одно только серьезное препятствіе—наслѣдіе „бурнаго“ года—Гос. Дума. Ближайшей своей задачей реакціонныя партіи ставятъ поэтому *завоеваніе* Думы. Отсюда то кажущееся противорѣчіе, что правыя партіи, программы которыхъ отрицаютъ законодательную Думу, призываютъ своихъ приверженцевъ къ дѣятельному участію въ выборахъ и ведутъ избирательную кампанію. Для задачи завоеванія Думы, какъ и для непосредственнаго вліянія на правительство, равно необходима организація собственныхъ силъ. Поэтому первые мѣсяцы 1906 г. контрреволюціонныя организаціи заняты собираніемъ своихъ кадровъ, объединеніемъ воедино различныхъ черносотенныхъ и монархическихъ организацій, продолжая попытки, предпринятыя съ этою цѣлью московскими монархистами и „русскими людьми“. Организовавшись для борьбы за Думу, реакціонеры, потерпѣвъ пораженіе на выборахъ какъ въ первую, такъ и во вторую Думу, направили свои объединившіяся къ тому времени силы *противъ* Думы.

Остановимся на трехъ важнѣйшихъ объединительныхъ съѣздахъ, послужившихъ собиранію контрреволюціонныхъ силъ: на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ Русскаго Собранія (8—11-го февр. 1906 г.), на всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ людей въ Москвѣ, образовавшемъ „Всенародный русскій союзъ“ (6—12-го апр. 1906 г.) и, наконецъ, на первомъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ дворянскихъ обществъ (22-го мая 1906 г.).

Первымъ объединительнымъ съѣздомъ былъ созванный въ Петербургѣ 8—12 февр. 1906 г. Русскимъ Собраніемъ съѣздъ, названный „Моск. Вѣд.“ „первымъ опытомъ Всероссійскаго Собора истинно-русскихъ людей“. Съѣздъ этотъ былъ не особенно многочисленъ, — онъ принялъ только платформу соглашенія и намѣтилъ формы мѣстныхъ организацій, отложивъ обсужденіе текущихъ политическихъ вопросовъ до слѣдующаго съѣзда. Сущность принятой имъ платформы сводилась къ нижеслѣдующему: „Манифестомъ 17-го октября не введена конституція. Самодержавіе неограниченно. Царская власть остается въ полной силѣ“. Россія должна быть недѣлима; учредительное собраніе недопустимо. Необходимо земельное благоустройство крестьянъ, но „безъ ущерба для прочихъ исторически сложившихся классовъ населенія“. Необходимо оставить въ силѣ исключительные законы и примѣнять твердую власть на окраинахъ (особенно въ Финляндіи). Холмская

Русь должна быть выдѣлена изъ Царства Польскаго; необходимо русскимъ людямъ дать исключительныя права на окраинахъ.

Изъ этого бѣглаго перечня рѣшеній съѣзда видно, что онъ начерталъ общее направленіе программы, которая впослѣдствіи съ успѣхомъ проводилась правительствомъ Столыпина и его преемника.

Всероссійскій съѣздъ русскихъ людей, состоявшійся 6—12 апр. 1906 г. въ Москвѣ, значительно полнѣе представлялъ контрреволюціонное движеніе, чѣмъ февральскій съѣздъ. На немъ была представлена какъ никакъ 51 организація и получены привѣтствія отъ 19 [1]). На съѣздѣ присутствовало около 300 человѣкъ, въ томъ числѣ всѣ наиболѣе видные дѣятели русскаго контрреволюціоннаго движенія. Съѣздъ былъ открытъ молебствіемъ при участіи видныхъ представителей высшаго московскаго духовенства (митрополита Владимира) и рѣчью прот. Восторгова. Почетнымъ предсѣдателемъ былъ избранъ кн. Щербатовъ. Рѣшенія съѣзда свелись къ слѣд.: возбу-

---

[1]) Перечислимъ ихъ, чтобы дать представленіе о территоріальномъ распредѣленіи контрреволюціонныхъ организацій. На съѣздѣ изъ *Москвы* были представители: 1) всероссійскаго союза землевладѣльцевъ, 2) добровольной народной охраны, 3) кружка дворянъ, 4) кружка моск. монархич. молодежи, 5) кружка москвичей, 6) моск. отд. с. р. н., 7) об-ва монархич. огородниковъ, 8) об-ва хоругвеносцевъ, 9) об-ва русск. патріотовъ, 10) Русск. монарх. партіи, 11) святого правосл. крещенія согласія, 12) союза русск. людей. Изъ *Петербурга*: отъ 1) кружка русск. дѣятелей въ Финляндіи, 2) кружка русскихъ студентовъ, 3) русской партіи народнаго центра, 4) русск. собранія, 5) союза рус. народа. Изъ *Кіева* отъ: 1) кіевской торгово промышл. партіи, 2) кіевск. отдѣла рус. монарх. партіи, 3) кіевскаго русск. братства. Изъ *Одессы* отъ: 1) одесс. отд. русс. собранія, 2) отд. с. р. л., 3) отд. с. р. нар. Изъ *Харькова*: отъ 1) харьковск. отд. рус. собр., 2) харьковск. отд. с. р. нар. Кромѣ того были представлены слѣд. орг.: 1) богородское об-во монархистовъ, 2) брянская торгово-промышленная партія, 3) варшавскій отд. рус. собр., 4) виленскій отд. русс. собр., 5) владимирскій патріот. союзъ, 6) вологод. союзъ рус. нар., 7) гомельскій отдѣлъ всероссс. парт. патріотовъ, 8) егорьевская монарх. парт., 9) екатеринославс. с. р. н., 10) иваново-вознесенская самодержавно-монарх. партія, 11) козловскій союзъ рус. людей, 12) коломенскій отд. с. р. л., 13) нижегородскій союзъ „Бѣлое Знамя“, 14) орловскій союзъ законности и порядка, 15) павлопосадская монарх. партія, 16) ростовск. (Яросл. губ.) отд. с. р. н., 17) рузскій отд. мон. парт., 18) рузск. отд. с. р. н., 19) саратовская народно-монархическая партія, 20) сибирская экономич. группа ж. д. служащихъ въ Иркутскѣ и Харбинѣ, 21) славянск. союзъ с. р. нар. (Харьк. губ.), 22) тамбовскій союзъ р. л., 23) тульская дружина за вѣру и Царя, 24) царскосельскій отд. союза рус. нар., 25) шуйскій союзъ парт. русск. правосл. людей, 26) ярослав. отд. с. р. н.

Привѣтствія съѣзду были отъ реакціонныхъ организацій слѣд. городовъ: Архангельска, Астрахани, Бердичева, Житомира, Казани, Кіева, Корсуни, Костромы, Курска, Петербурга, Самары, Саратова, Сергіевскаго посада, Сѣдлеца, Тифлиса.

Разумѣется, очень многія изъ перечисленныхъ организацій представляли совершенно фиктивныя или эфемерныя величины; многія организаціи въ одномъ и томъ же городѣ нерѣдко состояли изъ однихъ и тѣхъ же дѣятелей, но все же приведенный списокъ указываетъ на довольно широкія связи, имѣвшіяся у вождей контрревол. движенія, и на распространеніе по всей Россіи хотя бы маленькихъ монархическихъ кружковъ.

дить ходатайство передъ Государемъ и митрополитами о скорѣйшемъ созывѣ Собора всѣхъ епископовъ православной церкви; далѣе всѣмъ организаціямъ предложено заняться выработкой программы къ 2-му всероссійскому съѣзду по важнѣйшимъ вопросамъ, а также устраивать повсемѣстно собранія членовъ монархическихъ партій и чтенія для народа. Рѣшено возбудить ходатайство объ особомъ представительствѣ въ Гос. Думѣ русскихъ отъ окраинъ и добиваться всюду господства русскаго языка. Съѣздъ высказался, далѣе, противъ автономіи Польши и за выдѣленіе Холмщины, за уравненіе евреевъ съ иностранными подданными; за закрытіе имъ доступа на государственную службу, въ армію, въ правительственныя учебныя заведенія, за лишеніе ихъ избирательныхъ правъ и удаленіе изъ періодической печати; за сохраненіе черты осѣдлости. Наконецъ, съѣздъ потребовалъ уничтоженія самостоятельности Финляндіи, признанія неприкосновенности земельной и всякой иной собственности, сохраненія смертной казни, избавленія отъ иностраннаго капитала и финансоваго покровительства сельскому хозяйству.

Никакихъ опредѣленныхъ организаціонныхъ рѣшеній съѣздъ не принялъ, передавъ рѣшеніе этого вопроса слѣдующему съѣзду.

Первый всероссійскій съѣздъ русскихъ людей, созванный по иниціативѣ москов. монархич. партіи и москов. союза рус. людей, носитъ на себѣ отпечатокъ идеологіи этихъ организацій. *Ихъ* именно дѣятели играли главную роль на съѣздѣ (Щербатовъ, Восторговъ, Грингмутъ), *ихъ* духъ вѣетъ надъ всѣми работами съѣзда. И именно поэтому на рѣшеніяхъ съѣзда лежитъ вполнѣ ясно выраженный *дворянскій* отпечатокъ. Голосъ черносотенныхъ „демократовъ“ типа Дубровина еще слишкомъ мало слышенъ на этомъ съѣздѣ. Здѣсь, несмотря на присутствіе „демократическихъ“ провинціальныхъ организацій, гегемонія все еще оказывается въ рукахъ организацій, пропитанныхъ насквозь дворянскимъ духомъ.

Но именно въ это время уже окончательно сформировалась чисто дворянская, сословно-классовая обособленная организація, которая отдѣляла дворянъ отъ другихъ элементовъ контрреволюціоннаго движенія, съ этого времени начавшихъ объединяться вокругъ боевой всесословной и „демократической“ организаціи „Союза рус. народа“ и подъ его гегемоніей.

Первыя попытки самостоятельной дворянско-землевладѣльческой организаціи датируютъ еще съ начала 1905 г. Вскорѣ послѣ Высочайшаго рескрипта 18 февр. саратовскій предводитель дворянства, членъ русской монархической партіи, В. Озлобишинъ обратился въ „Моск. Вѣд“ (3 мая) съ открытымъ письмомъ къ губернскихъ предводителямъ дворянства съ призывомъ къ сплоченію разрозненныхъ силъ дворянства. Этотъ призывъ встрѣтилъ откликъ со стороны дворянства различныхъ губерній. 14-го сентября того же 1905 г. состоялось въ Саратовѣ собраніе учредителей „Все-

россійскаго союза землевладѣльцевъ всѣхъ сословій и состояній", на самомъ дѣлѣ принявшаго чисто сословно-дворянскую программу [1]). Программа эта высказывается за православіе и самодержавіе, за совѣщательный характеръ Гос. Думы; ею подчеркивается необходимость „твердой и неуклонной со стороны гос. власти защиты права собственности" (на землю); крестьянское малоземелье можетъ быть, по мнѣнію учредителей Союза, устранено путемъ „расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія... естественнымъ экономическимъ путемъ—путемъ пріобрѣтенія въ собственность, исключительно по свободному соглашенію, съ устраненіемъ всякаго понужденія,—всѣхъ свободныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель, какъ въ коренной Россіи, такъ и на окраинахъ". Самый учредительный съѣздъ „Всероссійскаго союза землевладѣльцевъ" состоялся въ Москвѣ 17-го ноября подъ предсѣд. самарск. предв. дворянства Чемодурова. Съѣздъ этотъ избралъ постоянный совѣтъ. Послѣдній въ концѣ декабря 1905 г. опубликовалъ записку по текущимъ политическимъ вопросамъ, въ которой обвинялъ правительство за покровительство „свободамъ" и за недостаточное охраненіе „неприкосновенной собственности". Записка рекомендуетъ правительству самое жестокое подавленіе революціи.

До начала 1906 г. дворянская организація обнимала главнымъ образомъ помѣщиковъ приволжскихъ губерній (Самарской, Саратовской, Симбирской), что объясняется развитіемъ и обостреніемъ аграрнаго движенія въ этомъ именно районѣ. Въ 1906 г. дворянское движеніе, въ отвѣтъ на принявшее почти всероссійскіе размѣры аграрное движеніе, захватываетъ болѣе широкіе круги землевладѣльцевъ и ведетъ весною 1906 г. къ организаціи представителей дворянскихъ обществъ.

12 февр. въ Москвѣ состоялся 2-ой всероссійскій съѣздъ землевладѣльцевъ. На немъ реакціонный характеръ и сословныя вожделѣнія его участниковъ выразились еще съ бо́льшей полнотой. Первымъ дѣломъ этого съѣзда было выраженіе признательности агентамъ правительства, проявившимъ наибольшую энергію въ подавленіи революціи (Дурново, мин. юст. Акимову, Дубасову). Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ потребовалъ, чтобы „всѣ землевладѣльцы, которыхъ государственная власть не оградила отъ разгрома при такъ называемыхъ аграрныхъ безпорядкахъ, были вознаграждены этою же государственной властью", и чтобы политическія преступленія подчинены были военному суду. По существу аграрнаго вопроса на съѣздѣ обнаружились три теченія: часть стояла за сохраненіе стараго общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія; часть, во главѣ съ докладчикомъ по этому вопросу—Н. А. Павловымъ—за переходъ къ новой системѣ землеустрой-

[1]) Главные его участники: Сабуровъ, Исѣевъ, Кропотовъ, Н. А. Павловъ, А. А. Чемодуровъ, В. Н. Озноби́шинъ.

ства на началахъ частной собственности, но съ нѣкоторыми ограниченіями; за расширеніе операцій крестьянскаго банка; за выдачу изъ него ссудъ крестьянамъ; наконецъ, меньшинство стояло за введеніе самыхъ широкихъ началъ въ дѣлѣ крестьянскаго землепользованія. Въ виду разногласій съѣздъ не принялъ никакихъ рѣшеній по аграрному вопросу, если не считать чисто отрицательнаго характера резолюціи, заявляющей, что не въ малоземельи сущность аграрнаго вопроса.

Характерной черточкой этого съѣзда, какъ и послѣдующихъ дворянскихъ съѣздовъ, слѣдуетъ признать появленіе антисемитскихъ потокъ, вполнѣ опредѣленно зазвучавшихъ въ докладѣ Кисловскаго объ еврейскомъ засильѣ и въ принятой по этому докладу резолюціи о необходимости сохраненія всѣхъ ограничительныхъ законовъ противъ евреевъ и ограниченія ихъ въ правахъ по выборамъ въ Гос. Думу.

22-го апр., наканунѣ открытія первой Гос. Думы, въ Москвѣ состоялся съѣздъ „кружка дворянъ“, состоявшаго въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ отношеніяхъ къ русской монарх. партіи (Извольскій, Чемодуровъ, Павловъ, гр. Дорреръ, кн. Щербатовъ, кн. Голицынъ, Салтыковъ). Съѣздъ этотъ высказался за признаніе земельной собственности дворянства *заповѣдной*, за совѣщательный характеръ созываемой Гос. Думы; послалъ телеграмму Царю о необходимости военной диктатуры, высказался противъ амнистіи и постановилъ (по докладу кн. Цертелева, ближайшаго сотрудника „Моск. Вѣд.“) обратиться ко всѣмъ дворянскимъ обществамъ съ призывомъ объединиться на общемъ дворянскомъ съѣздѣ [1]). Во исполненіе этого послѣдняго рѣшенія 22-го мая 1906 г. въ С.-Петербургѣ въ домѣ главноуправляющаго земледѣлія и землеустройства Стишинскаго состоялся первый съѣздъ уполномоченныхъ отъ дворянскихъ обществъ (29) въ составѣ 122 ч. подъ предсѣд. гр. А. А. Бобринскаго, положившій начало регулярнымъ дворянскимъ съѣздамъ и постоянному „Совѣту Объединеннаго Дворянства“, постепенно ставшаго главнымъ органомъ дворянской контръ-революціи.

Программа этого перваго офиціальнаго съѣзда дворянъ была въ сущности предрѣшена работами вышеперечисленныхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ и выросла эта дворянская сословная организація. Это ничѣмъ не прикрытое отстаиваніе сословно-дворянскихъ и классово-аграрныхъ интересовъ и, ради нихъ, безпощадная борьба съ революціей при помощи правительства, а, въ случаѣ крайности, и противъ него. Характернымъ для перваго съѣзда является выработанный имъ всеподданнѣйшій адресъ, бывшій прямымъ отвѣтомъ на признаніе въ Гос. Думѣ принципа принудительнаго отчужденія земельной собственности.

---

[1]) 29 губернскихъ дворянскихъ обществъ отвѣтили согласіемъ; 6—не отвѣтили вовсе.

„Проведеніе земельнаго закона—говорится въ адресѣ—на началахъ принудительнаго отчужденія частнаго владѣнія поколеблетъ въ корнѣ одинъ изъ наиболѣе твердыхъ устоевъ государственной жизни—неприкосновенность права собственности.... Проповѣдь отчужденія земли скрываетъ за собой и служитъ первымъ шагомъ къ побѣдѣ идеи соціализма... Обезземеленіе означаетъ подпаденіе подъ власть всемогущей силы международнаго капитала". И заканчивается адресъ словами: „Трудовое земельное дворянство не броситъ своихъ гнѣздъ, Государь, и до конца выдержитъ трудную борьбу съ революціей"...

Первымъ дворянскимъ съѣздомъ мы можемъ закончить главу о политическомъ и организаціонномъ оформленіи контрреволюціонныхъ силъ. Къ описываемому нами времени—веснѣ 1906 г.—мы имѣемъ такимъ образомъ налицо организующіяся силы контрреволюціи, объединенныя страхомъ передъ „краснымъ призракомъ" и боязнью лишиться своихъ политическихъ и соціальныхъ привилегій. Подавленіе революціи въ декабрѣ 1905 г. и рѣзко оппозиціонный составъ первой Думы, собравшейся въ апрѣлѣ 1906 г., побудили эти контрреволюціонныя организаціи перейти отъ обороны къ наступленію. Съ этого момента реакціонеры начинаютъ вести систематическую агитацію противъ „крамольной" Гос. Думы и за необходимость установленія военной диктатуры и вообще системы кровавыхъ репрессій.

III.

Дѣятельность контрреволюціонныхъ организацій.

Въ предыдущемъ изложеніи мы выяснили причины, вызвавшія на свѣтъ въ 1905—96 г.г. появленіе контрреволюціонныхъ организацій, и прослѣдили ихъ зарожденіе и первые шаги къ объединенію. Теперь намъ придется отступить отъ того хронологическаго порядка, въ которомъ до сихъ поръ вели изложеніе, чтобы разсмотрѣть главнѣйшія проявленія дѣятельности контрреволюціонныхъ партій и опредѣлить ту энергію, которую имъ удалось развить въ самыхъ многообразныхъ формахъ.

Мы остановимся на устной и печатной агитаціи контрреволюціонныхъ партій; на формахъ организаціи ихъ силъ; на публичныхъ оказательствахъ и давленіи на правительство и его отдѣльныхъ представителей, къ которымъ прибѣгали въ своей дѣятельности монархисты; на съѣздахъ различныхъ контрреволюціонныхъ организацій; на боевой—погромной и заговорщически-террористической—дѣятельности черносотенцевъ; наконецъ, въ отдѣльной главѣ мы коснемся участія правыхъ партій въ избирательной кампаніи на выборахъ въ первую и вторую Думу и дѣятельности ихъ представителей въ первыхъ двухъ законодательныхъ учрежденіяхъ Россіи.

1) Устная агитація контрреволюціонныхъ партій.

Въ героическій періодъ своего формированія и самоопредѣленія, продолжавшійся приблизительно до роспуска 1-ой Государственной Думы (іюнь 1906 г.), организаціи правыхъ партій удѣляютъ значительное вниманіе пропагандѣ своихъ идей и вербовкѣ новыхъ членовъ. Въ этотъ періодъ правительство еще колеблется между путемъ самой безоглядной реакціи и попытками столковаться съ тѣми или другими „общественными дѣятелями"; оно дѣйствуетъ въ это время независимо отъ правыхъ партій и временами вступаетъ съ ними въ конфликты. Поэтому для борьбы съ революціонными и оппозиціонными партіями, контрреволюціонныя партіи также вынуждены апеллировать къ *массамъ* путемъ устной и печатной агитаціи въ народныхъ низахъ, идущей параллельно съ усиленнымъ организаціоннымъ строительствомъ партійныхъ ячеекъ на протяженіи всей Россіи.

Въ дѣлѣ устной агитаціи главную роль играютъ центральныя организаціи праваго лагеря—Русская монархическая партія, Союзъ русскихъ людей, Русское Собраніе и Союзъ русскаго народа. При чемъ сообразно съ индивидуальными особенностями, присущими каждой изъ перечисленныхъ организацій, онѣ и агитацію свою ведутъ нѣсколько различными пріемами.

Русская монархическая партія, возникшая въ Москвѣ [1]), какъ партія контрреволюціонныхъ привиллегированныхъ группъ, до начала 1906 г. ограничивалась устройствомъ замкнутыхъ членскихъ собраній, на которыхъ вожди партіи: Грингмутъ, о. Восторговъ, Шмаковъ, Н. А. Павловъ, Назаревскій и др. читали лекціи и доклады, послѣ которыхъ принимались резолюціи, преслѣдовавшія не столько цѣли агитаціи, сколько непосредственнаго вліянія на власть. Съ началамъ избирательной компаніи въ 1-ую Думу (янв.—февр. 1906 г.) и московскіе монархисты вынуждены обращаться къ низамъ. 5 февраля 1906 г. въ Москвѣ происходитъ первое публичное собраніе русской монархической партіи (по сообщенію „Моск. Вѣд." на немъ присутствовало 800 чел.). Такія собранія съ этихъ поръ происходятъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ на ряду съ закрытыми членскими собраніями [2]). Собранія эти имѣютъ уже чисто *агитаціонный* политическій характеръ. На нихъ приглашается „простой народъ"; ораторы стараются говорить популярно,

---

[1]) См. I главу нашей работы.

[2]) Съ октября 1906 г. закрытыя собранія принимаютъ видъ систематически устраиваемыхъ „бесѣдъ" русскаго монархическаго собранія, по образцу „бесѣдъ" петербургскаго русскаго собранія, носящихъ интимный характеръ.

приспособляясь къ своей невзыскательной и некультурной аудиторіи. Темами этихъ собраній служатъ преимущественно предстоящіе выборы, критика оппозиціонныхъ партій (к.-д. и соціалистовъ), а послѣ открытія Думы—необходимость ея роспуска. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній довольно многолюдны, а во время избирательной кампаніи во вторую Думу на нихъ выступаютъ и рабочіе-соціалисты, вступающіе въ полемику съ монархистами. Такой же агитаціонный характеръ носятъ обычно и учредительныя собранія открываемыхъ русской монархической партіей пригородныхъ и провинціальныхъ отдѣленій. Къ открытію по правилу пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ московскихъ лидеровъ (Орловъ, Назаревскій, иногда самъ Гринмутъ), произносящій рѣчь на тему о значеніи объединенія монархическихъ элементовъ, читающій привѣтствіе отъ партіи и т. п. По большей части на подобныхъ широкихъ собраніяхъ принимаются Высочайшія телеграммы и ходатайства, резолюціи и челобитни и т. п.

Кромѣ такихъ политическихъ публичныхъ собраній, русская монархическая партія еще съ осени 1905 г. занялась устройствомъ въ помѣщеніи Императорскаго Историческаго Музея спеціальныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ. Первоначально собранія эти носятъ скорѣе академическій характеръ: здѣсь священники читаютъ лекціи по богословію, другіе лектора по медицинѣ и отечественной исторіи; но въ 1906 г., рядомъ съ такого рода лекціями, все чаще и чаще встрѣчаются лекціи о соціализмѣ и соціальномъ вопросѣ; лекціи по исторіи также пріобрѣтаютъ болѣе злободневный характеръ (подбираются такія темы, какъ самодержавіе на Руси; славянофильство и т. п.). Всего за второе полугодіе 1905 г. и первое полугодіе 1906 г. въ историческомъ музеѣ было прочитано лекцій: по богословію—43; по русской исторіи—9; по русской литературѣ—16; по русскому искусству—1; по всеобщей исторіи—2; по естествознанію—3; по гигіенѣ—3; по географіи Европы—5; по политической экономіи—8; по технологіи—4; по публицистикѣ—1. За первое полугодіе 1907 г. въ 7 аудиторіяхъ для рабочихъ было прочитано 316 лекцій и распространено среди слушателей 100 тыс. экз. 23 популярныхъ брошюръ праваго направленія. Главными лекторами въ этихъ чтеніяхъ являются: священникъ О. Арсеній, Б. Назаревскій, Н. Бартеневъ, Л. Тихомировъ и предсѣдатель московскаго Союза русскихъ людей кн. Щербатовъ. Одновременно съ чтеніями для рабочихъ московскіе монархисты устраиваютъ для ихъ дѣтей увеселительные вечера.

Въ особо важныхъ случаяхъ, для приданія большей внушительности своимъ выступленіямъ, Русская монархическая партія организовывала общія собранія съ другими правыми партіями—главнымъ образомъ съ „Союзомъ русскихъ людей“, съ которымъ она все тѣснѣе сближается, по мѣрѣ того,

какъ сбрасываетъ съ себя свое чисто дворянское обличье и становится партіей, ведущей агитацію среди народа; иногда съ московскимъ „Союзомъ русскаго народа“ или „обществомъ русскихъ патріотовъ“. На этихъ объединенныхъ собраніяхъ произносились рѣчи и выносились постановленія о необходимости роспуска Думы, введенія диктатуры и военно-полевыхъ судовъ; принимались всеподданнѣйшія телеграммы и протесты по поводу того или иного политическаго событія и т. д. [1]). На такихъ собраніяхъ часто присутствуютъ и петербургскіе гости (Булацель, Крушеванъ и т. п.).

Что касается московскаго Союза русскихъ людей, то время отъ времени онъ устраиваетъ свои самостоятельныя собранія, которыя почти прекращаются съ роспускомъ первой Думы, когда эта организація фактически перестаетъ существовать, какъ самостоятельное цѣлое, слившись съ другими монархическими организаціями въ Москвѣ. По существу собранія моск. русск. людей мало чѣмъ отличаются отъ собраній Русской монархической партіи. Для нихъ характерно только особое вниманіе, которое удѣляется на ихъ пропагандѣ идеи земскаго и церковнаго собора, а также антисемитизма. Главными ораторами на собраніяхъ „Русскихъ людей“ являются кн. Щербатовъ и адвокатъ Шмаковъ.

Переходя къ Петербургскимъ правымъ организаціямъ, укажемъ, что дѣятельность „Русскаго собранія“ сводилась преимущественно къ закрытымъ „бесѣдамъ“, подобнымъ закрытымъ членскимъ собраніямъ Русской монархической партіи въ Москвѣ, при чемъ на этихъ еженедѣльныхъ бесѣдахъ (по пятницамъ) разрабатывались преимущественно академическіе и чисто теоретическіе вопросы, въ родѣ лекцій кн. Щербатова о денежномъ обращеніи, бесѣдъ о сѣверныхъ окраинахъ и этнографіи Россіи, историко-литературныхъ докладовъ „хозяина“ пятницъ Б. Никольскаго и т. п. [2]). Но, постепенно, политика начинаетъ проникать въ стѣны и этой первоначально чисто академической организаціи, объединяющей любителей русской старины и древляго благочестія. Объединеніе съ насквозь политическимъ „Союзомъ русскаго народа“, начало которому было положено предвыборнымъ соглашеніемъ на выборахъ въ 1-ую Думу, вызвало обсужденіе на бесѣдахъ Русскаго собранія злободневныхъ вопросовъ текущей политики. Такъ напр., послѣ избранія во 2-ую Думу нѣкоторыхъ вождей правыхъ (Крушевана, Пуришкевича, еп. Евлогія) „Русское собраніе“ устроило 10 марта 1907 г. тор-

---

[1]) Интересно отмѣтить принятую 26 янв. 1907 г. на общемъ собраніи московскаго Союза русс. народа и общества русскихъ патріотовъ привѣтственную телеграмму германскому императору Вильгельму по случаю пораженія германской соціалдемократіи на парламентскихъ выборахъ.

[2]) Такихъ бесѣдъ съ 6 окт. 1906 г. по 1 іюня 1907 г. было устроено „Русскимъ собраніемъ“—39; за тотъ же періодъ времени было организовано всего 4 политическихъ бесѣды.

жественный обѣдъ для правыхъ и крестьянскихъ депутатовъ (150 присутствующихъ), на которомъ политическія рѣчи въ числѣ другихъ произносили епископъ Евлогій, кн. Шаховской, Б. Никольскій, Д. Бодиско, В. М. Пуришкевичъ, Ушаковъ, іеромонахъ Иліодоръ. Наканунѣ, 9 марта, въ томъ же Русс. собр. Пуришкевичъ и Никольскій выступали съ рѣчами о необходимости немедленнаго роспуска Думы въ виду прочитанной въ ней И. Церетелли отъ имени с.-д. фракціи деклараціи. 14-го апрѣля В. Пуришкевичъ тамъ же читаетъ свой докладъ „Три мѣсяца борьбы на южной окраинѣ“ (о томъ, какъ онъ проходилъ въ 2-ую Думу).

Несмотря, однако, на отдѣльныя политическія выступленія, Русское собраніе не можетъ отрѣшиться отъ всего первоначальнаго характера и не занимается широкой устной агитаціей. И въ Петербургѣ ему нѣтъ надобности въ этомъ: это дѣло беретъ на себя „Союзъ русскаго народа“, развивающій въ теченіе перваго полугодія 1906 г. весьма интенсивную дѣятельность и превзошедшій въ этомъ отношеніи всѣ другія правыя организаціи.

Помимо общихъ собраній, устраиваемыхъ время отъ времени Союзомъ русскаго народа въ Петербургѣ въ большихъ помѣщеніяхъ, въ родѣ Михайловскаго или Конногвардейскаго манежа, и обставляемыхъ большой торжественностью (освященіе знаменъ и т. п.), на которыхъ выступаютъ лидеры союза (Дубровинъ, а съ весны 1906 г. и Пуришкевичъ), Союзъ рус. народа организуетъ въ рабочихъ районахъ и въ своемъ помѣщеніи (на 4-ой ротѣ) менѣе внушительныя собранія, на которыхъ члены союза вербуютъ сторонниковъ среди рабочихъ и простонародья, агитируя за свои основные принципы — самодержавіе, православіе и народность. Тѣмъ же агитаціоннымъ цѣлямъ служатъ открываемыя Союзомъ русскаго народа въ рабочихъ кварталахъ отдѣленія и чайныя-читальни, въ которыхъ черносотенцы распространяютъ свои газеты и воззванія, ведутъ устную агитацію, раздаютъ значки—символъ союза—и снабжаютъ завербованныхъ членовъ оружіемъ—револьверами, кастетами и т. п. [1]). Агитаторы союза выступаютъ также на собраніяхъ въ пригородныхъ отдѣлахъ (колпинскомъ, нарвскомъ, царскосельскомъ). Союзъ рус. народа дѣлаетъ въ февралѣ и мартѣ попытку привлечь къ себѣ мелко-буржуазные элементы, путемъ организаціи кассы взаимопомощи. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ два собранія мелкихъ торговцевъ

---

[1]) Во время первой Думы, т.-е. весной-лѣтомъ 1906 г. въ Петербургѣ существовали 4 чайныхъ—читальни С. р. н.: въ Спасскомъ, Коломенскомъ, Литейномъ и Петербургскомъ районахъ. Одна изъ этихъ чаенъ (Коломенская) организована собственно говоря не Союзомъ русс. нар., но „Обществомъ активной борьбы съ анархіей и революціей“, зарегистрированнымъ еще въ сентябрѣ 1905 г. и находившимся въ самыхъ тѣсныхъ, не вполнѣ выясненныхъ отношеніяхъ къ Союзу русс. народа. Въ тотъ же періодъ времени въ Петербургѣ существовали два районныхъ отдѣленія С. р. н.—выборгское и василеостровское.

и разносчиковъ, на которыхъ руководящую роль играетъ казначей союза купецъ И. И. Барановъ [1]). Но изъ этой попытки, очевидно, ничего не вышло, т. к. послѣ этихъ двухъ собраній въ правыхъ газетахъ ничего объ этой кассѣ болѣе не сообщалось. Столь же неудачна попытка союза организовать „Народный концертъ", назначенный на 21-го апрѣля; этотъ концертъ сперва откладывается, а потомъ и вовсе отмѣняется.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что, несмотря на энергичную дѣятельность петербургскихъ вождей Союза, устраиваемыя имъ собранія посѣщаются, за малыми исключеніями, не особенно охотно. Это обнаруживается въ особенности во время избирательной кампаніи въ первую и вторую Думу, когда собранія союзниковъ, какъ правило, блистали отсутствіемъ избирателей, въ то время, какъ собранія, организуемыя кадетами и лѣвыми, не всегда могли вмѣстить всѣхъ желающихъ.

Объясняется это тѣмъ, что даже тѣ элементы, которые подпадали подъ вліяніе правыхъ, были настолько пассивны и некультурны, что требовались слишкомъ большія усилія, чтобы затащить ихъ на собранія. Другое дѣло— чайныя: здѣсь нерѣдко союзникамъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи (Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ), удавалось группировать вокругъ себя десятки и сотни рабочихъ, босяковъ, дворниковъ, извозчиковъ, мелкихъ торговцевъ и т. п.

Въ провинціи устная агитація ведется правыми организаціями въ томъ же направленіи, что и въ столицахъ. Тутъ мы тоже наталкиваемся на болѣе торжественныя собранія съ освященіемъ знаменъ и хоругвей, раздачей союзническихъ значковъ, принятіемъ телеграммъ на Высочайшее имя, и рядовыя агитаціонныя собранія, нерѣдко съ пріѣзжимъ изъ столицъ докладчикомъ [2]). Изъ провинціальныхъ правыхъ организацій выдѣляются своей энергіей: Ярославскій отдѣлъ с. р. народа, во главѣ съ докторомъ Кацауровымъ, іеромонахами Иліодоромъ и Арсеніемъ [3]), Одесскій отдѣлъ союза рус. народа, руководимый гр. Коновницынымъ, и Одесскій же отдѣлъ союза русскихъ людей, предсѣдателемъ котораго былъ Пеликанъ (нѣсколько позднѣе эти обѣ организаціи слились воедино), Кіевская русская монархическая партія (предсѣд. Б. Юзефовичъ), Кіевскій отдѣлъ с. р. н. (предс. Постный), Екатеринославскій отдѣлъ с. р. н. (предс. Шереметьевъ), Астраханская русская самодержавно-монархическая народная партія (предс. Тихановичъ-

---

[1]) Подобную же цѣль—привлеченіе новыхъ членовъ—преслѣдуетъ устроенная въ Петербургѣ С. р. н. школа кройки и шитья.

[2]) Объѣздъ южныхъ отдѣловъ осенью 1906 г. д-ромъ Дубровинымъ въ сопровожденіи ред. „Рус. Знамени" Булацеля послужилъ поводомъ къ торжественнымъ собраніямъ и демонстраціямъ союзниковъ въ Одессѣ и др. южныхъ городахъ.

[3]) Отдѣлъ этотъ распространяетъ свою дѣятельность на уѣздъ, гдѣ въ деревняхъ ему удается организовать рядъ сельскихъ подотдѣловъ: нѣкоторый успѣхъ имѣла также его агитація среди рабочихъ.

Савицкій), Кишиневскій отд. с. р. н. [1]) (предсѣдатель до избранія его въ 2-ю Думу П. Крушеванъ) и нѣк. другіе. Всѣ эти организаціи устраиваютъ собранія по поводу крупнѣйшихъ явленій политич. жизни (рѣшенія правительства, террористическіе акты, постановленія Думы), заканчивающіяся принятіемъ резолюціи, всеподданнѣйшей телеграммы или телеграммы на имя кого-либо изъ министровъ или предсѣдателя Гос. Думы и т. п.

Изъ организацій, развивавшихъ усиленную агитаціонную дѣятельность среди крестьянъ, укажемъ на „Почаевское братство“ въ Волынской губ.

2) Литература праваго лагеря.

Контрреволюціонныя партіи использовали печатное слово въ цѣляхъ агитаціи не въ меньшей степени, чѣмъ враждебныя имъ оппозиціонныя и революціонныя партіи. Въ настоящее время нѣтъ даже возможности просто перечислить все то, что было издано партіями реакціи за разсматриваемый нами краткій періодъ времени. Усиленное вниманіе, удѣляемое правыми печатной агитаціи, объясняется двумя моментами. Прежде всего при ограниченности *активныхъ* силъ, которыми располагало большинство правыхъ организацій, и при пассивности и малой способности къ организаціи тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ вожди контрреволюціи надѣялись обрѣсти свою „массу“, литературное воздѣйствіе казалось средствомъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и обезпечивающимъ успѣхъ. Съ другой стороны, необходимыя для изданія денежныя средства у дѣятелей реакціи всегда находились въ избыткѣ, какъ благодаря состоятельности многихъ изъ нихъ, такъ и вслѣдствіе получаемыхъ ими изъ различныхъ „темныхъ“ источниковъ субсидій. Только будущій историкъ сумѣетъ опредѣлить, какъ велики были тѣ средства, которыя временами, какъ изъ рога изобилія, сыпались сверху въ кассы патріотическихъ организацій. Но уже теперь изъ разоблаченій самихъ видныхъ служителей реакціи выяснилось, что правыя организаціи и въ особенности правая печать систематически пользовалась субсидіей и прямой поддержкой, какъ отъ отдѣльныхъ оффиціальныхъ представителей правительства, такъ и отъ разныхъ придворныхъ и высокопоставленныхъ частныхъ кружковъ [2]). Если къ этому прибавить, что газеты и брошюры

---

[1]) Бывшая „Бессарабская патріотическая лига“, о кот. см. гл. I. Въ это же время начинаетъ выдѣляться и аккерманскій отд. с. р. н., которымъ руководитъ В. М. Пуришкевичъ, съ весны 1906 г. переселяющійся въ Петербургъ, гдѣ онъ становится тов. предсѣдателя глав. совѣта с. р. н.

2) Одинъ интересный фактъ бросаетъ яркій свѣтъ на матеріальную сторону существованія патріотическихъ организацій. Въ началѣ августа 1906 г. В. М. Пуришкевичъ (бывшій тогда же предс. глав. совѣта с. р. н.) сообщаетъ на стр. органа союза, „Русскаго Знамени“, что имъ разосланы 25 отдѣламъ союза въ видѣ „поощренія“ за проявленную ими энергичную дѣятельность суммами отъ 50 до 500 р.

праваго лагеря почти не подвергались преслѣдованіямъ и что напротивъ, агенты правительства во многихъ случаяхъ обезпечивали ихъ сбытъ, закупая ихъ для арміи и для оффиціальныхъ учрежденій, поощряя, нерѣдко при помощи принудительныхъ мѣръ, ихъ распространеніе въ народѣ, то неудивительно, что при небольшомъ относительно читательскомъ спросѣ на черносотенную литературу, она могла издаваться и распространяться въ огромныхъ количествахъ.

Всю литературу праваго лагеря можно раздѣлить на 1) журналы; 2) газеты; 3) брошюры и воззванія. Мы оставляемъ при этомъ совершенно въ сторонѣ объемистыя книги, не получавшія большого распространенія и не имѣвшія, слѣдовательно, вліянія на дѣятельность и развитіе правыхъ партій.

Въ области журнальной дѣятельности монархисты не могутъ похвалиться особенно крупными успѣхами. Изъ журналовъ праваго направленія слѣдуетъ выдѣлить московскій „Русскій Вѣстникъ“ (ред. Грингмутъ, Л. Тихомировъ), редактировавшійся въ духѣ „Моск. Вѣдомостей“ и не имѣвшій широкаго распространенія, и ежемѣсячный же харьковскій „Мирный Трудъ“ (ред. проф. Вязигинъ), органъ харьковскаго отдѣла Русскаго Собранія, развивавшій принципы славянофильства въ самой ихъ реакціонной формѣ. Изъ другихъ журналовъ можно упомянуть церковные „Вѣра и Церковь“, „Душеспасительное чтеніе“, „Кормчій“ (журналъ о. Іоанна Кронштадтскаго); московскую „Зарю“ (Ярмонкина) и различные полу-политическіе, полу-сельскохозяйственные журналы, издававшіеся С. Шараповымъ, въ родѣ „Пахаря“.

Изъ еженедѣльныхъ газетъ-журналовъ надо отмѣтить, прежде всего, одинъ изъ старѣйшихъ реакціонныхъ органовъ — „Гражданинъ“ кн. В. Мещерскаго. Но органъ этотъ не можетъ въ настоящее время интересовать насъ, т. к. кн. Мещерскій, типъ дворянина-бюрократа, близкаго къ „сферамъ“, всегда оставался независимымъ, „безпартійнымъ“, и взгляды развивавшіеся имъ не характерны для различныхъ направленій реакціонной мысли [1]). Изъ другихъ еженедѣльниковъ отмѣтимъ „Изв. Русск. Собранія“ и „Объеди-

---

каждому, всего 5300 р., при чемъ рекомендуется и другимъ отдѣламъ, не получившимъ субсидіи, заслужить ее своей энергичной дѣятельностью. Черезъ 10 дней, въ „Русск. Знам.“ снова сообщается о посылкѣ новымъ 10 отдѣламъ еще 2750 р. Подобныя субсидіи оказывались лицамъ, стоявшимъ во главѣ союза, въ различное время. Такъ Крушеванъ офиціально заявляетъ въ 1907 г. о полученіи отъ властей 5 тыс. руб. на поддержку „русскаго дѣла“ въ Бессарабіи; Екатеринославская газета „Русская Правда“ сообщаетъ о 20 тыс., полученныхъ ею отъ правительства; Варшавскій Союзъ нст. рус. людей въ янв. 1907 г. получилъ 1 т. руб. на изданіе газ. отъ мин. вн. дѣлъ и т. д.

[1]) Тоже относится къ издававшемуся имъ въ 1906 07 г.г. популярному и довольно широко распространявшемуся изданію для народа „Дружескія Рѣчи“.

неніе", издававшееся съ начала 1906 г. въ Петербургѣ „Союзомъ рус. народа".

Гораздо большую роль играли въ контрреволюціонномъ движеніи ежедневныя газеты, которыя, въ періодъ наибольшаго развитія и вліянія правыхъ организацій, въ большинствѣ случаевъ становились оффиціальными органами этихъ организацій.

Наибольшее значеніе среди газетъ праваго лагеря имѣли „Московскія Вѣдомости" и петербургское „Русское Знамя"—первыя—съ конца 1905 г.—органъ Русской монархической партіи, а послѣ объединенія всѣхъ правыхъ организацій въ „Всенародный русскій союзъ" въ его оффиціальный органъ, (съ 27 мая 1906 г.); второе—сперва органъ „Совѣта союза русскаго народа", а потомъ, какъ значится въ его подзаголовкѣ, „органъ Союза русскаго народа".

Характеристика „Моск. Вѣдомостей" дана была уже нами въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь надо только добавить, что, по мѣрѣ развертыванія революціонныхъ событій и усиленія колебаній правительства (особенно въ періодъ первой Думы), тонъ этой газеты временами становился крайне рѣзкимъ по адресу правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ „М. Вѣд." все болѣе рѣшительно нападаютъ и на революцію, требуя для революціонеровъ, включая въ ихъ число и кадетовъ, самыхъ жестокихъ каръ, не доходя, впрочемъ, въ этихъ требованіяхъ до той кровожадности, которую обнаруживаютъ органы, подобные „Русскому Знамени", „Вѣчу" и др. Антисемитская нота также постепенно усиливается въ „М. В", но и она не переходитъ въ погромный тонъ, какъ во многихъ другихъ правыхъ изданіяхъ. Вообще при всей крайней реакціонности направленія, при нерѣдкой грубости тона помѣщаемыхъ въ нихъ статей, „М. Вѣд." представляютъ изъ себя большую политическую газету, ведущуюся Гринмутомъ не безъ литературнаго умѣнія.

Нельзя того же самаго сказать о другихъ правыхъ газетахъ и прежде всего о „Русскомъ Знамени", издававшемся вождемъ Союза русс. народа д-ромъ А. И. Дубровинымъ, подъ редакціей П. Булацеля, и при ближайшемъ участіи В. Дроздъ-Бонячевскаго, Бутми, А. Тришатнаго, а съ весны 1906 г. и В. М. Пуришкевича.

1-ый номеръ „Русскаго Знамени" вышелъ 27-го ноября 1905 г., съ слѣдующимъ программнымъ заявленіемъ отъ редакціи: „Послѣ манифеста 17-го октября мы имѣемъ право свободно говорить о своихъ нуждахъ; 8 часовой рабочій день теперь нельзя ввести, а объ остальныхъ вашихъ нуждахъ мы черезъ своихъ представителей сами заявимъ въ Государственную Думу. Довольно крови и насилій! Долой „Совѣтъ рабочихъ депутатовъ", долой ораторовъ—смутьяновъ, появляющихся на заводахъ для нашей гибели". Въ другой программной статьѣ заявляется, что „Русское

Знамя" стоитъ на «народной почвѣ», за правительство и за преобладаніе крестьянъ въ Думѣ. Вначалѣ «Р. Зн.» выходитъ еженедѣльно, но уже съ половины декабря оно стало выходить ежедневно по цѣнѣ 2 коп. и сразу сдѣлалось органомъ боевого черносотенства. Газета не располагала литературными силами и въ первый годъ ея существованія въ ней часть статей является простой перепечаткой изъ другихъ реакціонныхъ органовъ—изъ „Моск. Вѣд.", „Кіевлянина", крушевановскаго „Друга", „Колокола", „Объединенія", даже „Новаго Времени". Но сила „Русскаго Знамени" не въ его литературныхъ качествахъ, а въ томъ, что онъ является органомъ центральной организаціи принимающаго все большее распространеніе Союза русскаго народа. Здѣсь помѣщаются руководящія статьи, служащія лозунгомъ для иногородныхъ отдѣловъ союза, немедленно реагирующихъ на эти статьи посылкой соотвѣтствующихъ всеподданнѣйшихъ телеграммъ, принятіемъ резолюцій и т. д. На страницахъ „Русс. Знамени" изо дня въ день ведется кампанія противъ тѣхъ, кого эта газета считаетъ врагами, съ одинаковой яростью противъ гр. Витте и евреевъ, противъ соціалистовъ и октябристовъ, противъ к. д. партіи и террористовъ, противъ отдѣльныхъ, недостаточно рѣшительныхъ, представителей власти и противъ Государственной Думы. Здѣсь же сообщается о всѣхъ публичныхъ выступленіяхъ отдѣловъ Союза русскаго народа и другихъ реакціонныхъ организацій, а также регистрируются и преподносятся читателю подъ надлежащимъ соусомъ проявленія революціоннаго движенія.

Стиль „Русскаго Знамени" улично-базарный. Его сотрудники не останавливаются передъ крѣпкимъ словцомъ, передъ самымъ вульгарнымъ сравненіемъ, лишь бы поразить противника и пойти навстрѣчу низменнымъ вкусамъ своего неприхотливаго читателя: мелкаго лавочника, дворника или сѣраго рабочаго. Отстаивая принципъ самодержавія и реакціи, „Русс. Знамя" щеголяетъ передъ читателемъ изъ простонародья своимъ демократизмомъ. Оно утверждаетъ, что „Союзъ русск. народа" является чисто народной организаціей, охватывающей до „600 тыс. коренного населенія Россіи", оно утверждаетъ, что именно „Союзъ русс. народа", являющійся не партіей, но самимъ организованнымъ народомъ, а не революціонеры или кадеты, отстаиваетъ интересы крестьянъ и рабочихъ. Заигрывая съ демократіей, „Рус. Зн." не устаетъ бичевать бюрократію, далеко стоящую отъ народа и не знающую его нуждъ, а попутно и интеллигенцію, не понимающую народной „души" и идущей на поводу у „жидовъ" и иныхъ инородцевъ.

Приведемъ на удачу нѣсколько выдержекъ изъ „Рус. Зн.", характерныхъ для его политической и литературной физіономіи. Вотъ, въ № 14 ст. „Россія для русскихъ"—„Русскій народъ бѣденъ и поэтому не можетъ

противиться происканъ инородцевъ и русскихъ отщепенцевъ"... и далѣе „напрасно мы будемъ надѣяться на чиновниковъ", есть де среди нихъ хорошіе люди, но у нихъ „нѣтъ опоры". Или передовая въ № отъ 22 янв., въ которой говорится: „Единеніе Царя съ народомъ выражается въ созывѣ Думы. И это не умаляетъ власти Самодержца, а усиливаетъ, такъ какъ даетъ Ему возможность лично знать объ нуждахъ своего народа отъ самого народа, а не отъ бюрократовъ, которые изъ за своихъ выгодъ говорятъ Ему неправду".

По мѣрѣ успѣха оппозиціи на выборахъ въ первую Думу и усиленія террористическихъ актовъ, тонъ „Р. Зн." становится все болѣе рѣзкимъ. Теперь уже все чаще газета прибѣгаетъ по адресу революціонеровъ къ угрозамъ погромомъ и народнымъ самосудомъ. Въ этомъ, по мнѣнію газеты, должна вылиться народная энергія, съ трудомъ сдерживаемая с. р. н. Нѣтъ такого ругательства, такого обвиненія, которыми не осыпали бы союзные писатели дѣятелей освободительнаго движенія. На ряду съ обличеніемъ идетъ и сатира, въ области которой особенно подвизается въ стихахъ и прозѣ В. М. Пуришкевичъ, редактировавшій начавшее выходить съ лѣта 1906 г. еженедѣльное приложеніе къ газетѣ [1]), и нѣкто, пишущій подъ псевдонимомъ „Дядя Шпыняй", который въ хлесткихъ, но балаганныхъ маленькихъ фельетонахъ высмѣиваетъ гр. Витте, кадетовъ и прочихъ враговъ с. р. н., не брезгуя залѣзать въ ихъ личную жизнь.

При всемъ своемъ литературномъ и идейномъ убожествѣ „Рус. Знамя" занимаетъ вліятельное положеніе среди органовъ правой печати, будучи широко распространеннымъ, являясь идейнымъ вдохновителемъ и руководящимъ центромъ для иногородныхъ организацій союза русскаго народа.

Остальные періодическіе органы правой печати можно раздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ одна по типу своему приближается къ „Моск. Вѣд.", другая къ „Рус. Знамени". Къ первой изъ этихъ группъ принадлежитъ сравнительно незначительное количество газетъ и притомъ болѣе давняго происхожденія; ко второй значительное большинство. Къ первой группѣ относится старая монархическая газета „Кіевлянинъ" (Б. Юзефовичъ, Пихно, Савенко), становящаяся органомъ кіевской монархической партіи, или комаровскій „Свѣтъ"; ко второй — черносотенные листки, въ родѣ кишиневскаго „Друга" (Крушеванъ), московскаго „Вѣче" (Оловенниковъ, Тороповъ), одесскихъ „Русской Рѣчи" или „За Царя и родину". Эти и подобные органы представляютъ изъ себя не столько газеты,

---

[1]) Задача этого приложенія формулирована такимъ образомъ: въ немъ „будутъ отмѣчаться и разоблачаться наиболѣе „безобразныя передержки и выдумки органовъ „освободительнаго движенія".

сколько погромные боевые листки, которые преслѣдуютъ цѣли обличенія противниковъ и возбужденія противъ нихъ читателей.

Среди органовъ праваго направленія были и такіе, которые имѣли промежуточный характеръ [1]).

Несмотря на щедрыя субсидіи, получаемыя правыми органами, большинство ихъ просуществовало не болѣе 1—2 лѣтъ; многіе изъ нихъ жили еще меньшее время. По мѣрѣ паденія интереса къ правымъ партіямъ, уменьшался спросъ на ихъ изданія; но и въ періодъ расцвѣта контрреволюціоннаго движенія, тиражъ большинства правыхъ газетъ, какъ правило, былъ очень не великъ. Только благодаря принудительному распространенію ихъ при посредствѣ агентовъ правительства и субсидіямъ органы эти могли существовать. Правда, сами правыя газеты распространяютъ другъ о другѣ фантастическіе разсказы на этотъ счетъ. Такъ, о ничтожной московской га-

---

1) Кромѣ характеризованныхъ въ текстѣ главныхъ органовъ правой печати, дадимъ простой перечень различныхъ черносотенныхъ изданій, выходившихъ въ 1905—07 гг., не претендуя на его абсолютную полноту: въ *Петербургѣ*: „Доброе Слово“ (еженед.), „Зорька“ (для крестьянъ); „Колоколъ“, удѣлявшій очень видное мѣсто вопросамъ церкви (ред. Скворцовъ), „Окраины Россіи“ (еженед.), „Плювіумъ“ (еженед., сатирич.); „Русское Чтеніе“, „Черные милліоны“ (газета-брошюра), „Черный Соколъ“ (3 р. въ недѣлю; ред. Степановъ, членъ общ. акт. борьбы съ револ. и анархіей); „Земля“ (3 р. въ нед.), „Нева“ (ред. ген. Богдановичъ), „Народный Голосъ“ (Башмаковъ); въ *Москвѣ*: „Русское Дѣло“ (Шараповъ, еженед.), „Кремль“ (ред. Д. Иловайскій); „Медвѣдь“ (еженед., одинъ изъ самыхъ грубыхъ, уличныхъ черносотенныхъ листковъ); „Временникъ Союза Рус. Людей“ (ежемѣс.), „Русскій Стягъ“ (орг. моск. с. р. людей); „Славянинъ“ (2 р. въ мѣсяцъ), „Русское крестьянство“, „Голосъ Русскаго“, „День“ (Берга), „Родная Рѣчь“ (ежем.), „Маякъ“, „Моск. листокъ“, „Народная газета“, „Виттова Пляска“ (юморист.); въ *Астрахани*: „Русская Правда“ (еженед.); въ *Варшавѣ*: „Недѣля окраины“; въ *Вильнѣ*: „Бѣлая Русь“ (еженед.), „Сѣверо-Западное русское Вѣче“, „Виленскій военный листокъ“; въ *Вольскѣ*: „Вѣра Россіи“, въ *Иваново-Вознесенскѣ*: „Ивановскій листокъ“; въ *Иркутскѣ*: „Сибирякъ“; въ *Житомірѣ*: „Волынская жизнь“; въ *Казани*: „Газета правыхъ“, „Русь православная и самодержавная“, „Дѣятель“, „Православіе, самодержавіе и народность“; въ *Каменецъ-Подольскѣ*: „Подольскій Голосъ“; въ *Кіевѣ*: „Кіевъ“, „Правдивое слово“, „Право и порядокъ“ (орган. парт. „прав. порядка“, 2 р. въ мѣс.), „Самодержавіе“ (1 р. въ 2 нед.), „Законъ и правда“; въ *Кишиневѣ*: „Другъ“ (Крушевана); въ *Курскѣ*: „Курская быль“; въ *Николаевѣ*: „Русскій богатырь“ (еженед.); въ *Нижнемъ Новгородѣ*: „Мининъ“, „Бѣлое знамя“; въ *Полтавѣ*: „Полтавскія вѣсти“; въ *Почаевѣ Волынск. губ.*: „Почаевскія извѣстія“ и „Почаевскій листокъ“ (еженед.); въ *Одессѣ*: „Русская Рѣчь“ (ежедн.), „За Царя и родину“ (еженед., ред. гр. Коновницынъ), „Резина“ (Глобачевъ); въ *Рязани*: „Голосъ Рязани“; въ *Самаркандѣ*: „Русская Окраина“; въ *Старицѣ*: „Тверское поволжье“ (3 р. въ нед.); въ *Симферополѣ*: „Таврическій“ и „Крымское Слово“, „Набатъ“; въ *Томскѣ*: „Томская газета“; въ *Харьковѣ*: „Харьковскія губернскія вѣдомости, „Жало“ (еженед., сатирич.); въ *Екатеринославѣ*: „Русская Правда“ и „Правда“; въ *Севастополѣ*: „Севастопольская газета“; въ *Елисаветградѣ*: „Союзъ“; въ *Ярославлѣ*: „Русскій Народъ“; въ *Саратовѣ*: „Православная Россія“; въ *Тифлисѣ*: „Голосъ Кавказа“. Всего такимъ образомъ мы насчитываемъ около сотни органовъ реакціоннаго направленія. Большинство ихъ—въ особенности въ провинціи—издавалось мѣстными отдѣлами „Союза русскаго народа“ и другихъ контрреволюціонныхъ организацій.

зеткѣ Берга „День“, „Русс. Зн.“ пишетъ, что она распространяется въ „десяткахъ тысячъ экземпляровъ“. По поводу 25-лѣтія изданія „М. Вѣд“, то-же „Рус. Зн.“ сообщаетъ о 25-тысячномъ тиражѣ. О распространеніи самого „Рус. Знамени“ В. М. Пуришкевичъ на 2-омъ съѣздѣ объед. дворянъ утверждалъ, что газета имѣетъ 15 т. однихъ только подписчиковъ. Разумѣется, въ дѣйствительности тиражъ даже наиболѣе распространенныхъ черносотенныхъ газетъ былъ значительно ниже.

Непопулярность въ 1905—07 гг. газетъ среди массъ городского населенія проявилась между прочимъ въ томъ, что лѣвымъ партіямъ и рабочимъ удавалось съ успѣхомъ проводить бойкотъ правыхъ изданій и газетчиковъ, продающихъ ихъ. Въ Петербургѣ въ 1906 г. бойкотъ этотъ былъ столь удаченъ, что „Русское Знамя“ вынуждено было завести собственную артель газетчиковъ, т. к. остальные газетчики отказывались продавать эту газету. И неоднократно на столбцахъ дубровинскаго органа раздаются жалобы на нетерпимость лѣвыхъ къ распространенію правыхъ газетъ и угрозы Пуришкевича расправой съ рабочими, бойкотирующими газетчиковъ, держащихъ „Рус. Знамя“. Въ Москвѣ послѣ убійства депутата 1-ой думы—Іоллоса рабочіе провели и успѣшно осуществили бойкотъ черносотенной газ. „Вѣче“, издателя которой Торопова подозрѣвали въ прикосновенности къ этому убійству. Въ Одессѣ, какъ и въ другихъ южныхъ городахъ, черносотенцы добиваются у властей монопольнаго права держать газетные кіоски; позднѣе они добиваются этого по отношенію къ желѣзнодорожнымъ газетнымъ кіоскамъ по всей Россіи.

И, несмотря на эти и подобныя мѣры, газеты правыхъ распространяются мало. Гораздо шире распространяется ими прокламаціонная и популярная брошюрная литература, которая направляется главнымъ образомъ въ армію, въ рабочую и крестьянскую среду. Значительное количество этой литературы раздается безплатно, а часто даже разбрасывается, подобно революціонной литературѣ [1]). Популярныя брошюры издавались главнымъ образомъ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“ и петербургскимъ „Союзомъ Русскаго Народа“. Это брошюры, вродѣ „обличительныхъ рѣчей“ Бутми, „Правды о кадетахъ“ Васильева, антисемитскихъ брошюръ Шмакова, носятъ характеръ обличенія враговъ русскаго народа—евреевъ, революціонеровъ, интеллигенціи. Другой типъ популярныхъ брошюръ—излагаетъ принципы самодержавія, значеніе Государственной Думы и т. п., вообще носитъ пропагандистски-разъяснительный характеръ; сюда же относятся патріотическія брошюры генерала Богдановича и др.

---

1) Укажемъ, напр., на то, что д-ръ Дубровинъ въ 1906 г. разъѣзжая на автомобилѣ по Петерб. губ., разбрасывалъ по деревнямъ прокламаціи.

Въ отличіе отъ брошюръ, прокламаціи и воззванія черносотенцевъ носятъ агитаціонный и нерѣдко призывно-погромный характеръ, „возбуждающій одну группу населенія противъ другой“. Такія воззванія въ изобиліи печатаются главнымъ совѣтомъ и провинціальными отдѣлами „Союза Русс. Народа“, а также харьковскимъ отдѣломъ „Русскаго Собранія“. Передъ нами лежитъ цѣлый рядъ прокламацій этой послѣдней организаціи, изданныхъ въ періодъ 1-ой Думы, изъ которыхъ мы приведемъ нѣсколько характерныхъ для этого рода литературы выдержекъ. Въ прокламаціи, подъ заголовкомъ: „Что такое революція, кто ее дѣлаетъ, какъ и для чего?“, наверху которой значится посвященіе „Обманутымъ рабочимъ и молодежи“, доказывается, что революцію дѣлаютъ евреи, которымъ она нужна въ ихъ интересахъ и которые въ Зап. Европѣ, въ лицѣ соціалдемократовъ, мутятъ простой народъ и рабочихъ. „Евреи—говорится тамъ дальше—хотятъ селиться свободно по всѣмъ городамъ и деревнямъ. И крестьянамъ, чтобы была полная свобода продать свою землю, заложить ее все равно, какъ бы и помѣщику. А чтобы у каждаго крестьянина было побольше, чего продать и чего заложить, евреи понасылали по деревнямъ тоже агитаторовъ-подстрекателей, чтобы грабили помѣщиковъ и чтобы добивались отъ помѣщиковъ передачи имъ помѣщичьей земли... Всю эту-то землю очень скоро евреи мало-по-малу у крестьянъ и поскупятъ... Такимъ-то образомъ и кончится „свобода“ соціальной демократіи, потому что евреи очень хорошо знаютъ, что соціальная демократія это только сказка, придуманная ими, чтобы одурачить темный народъ и неучей-мальчишекъ, а чтобы ловчѣй это удавалось, они закупили всѣ почти газеты въ Россіи, понанимали для этого особыхъ писакъ, которымъ платятъ громадныя деньги, всѣмъ главарямъ и делегатамъ платятъ также большія деньги“. И въ такомъ же духѣ на нѣсколькихъ страницахъ идетъ обличеніе евреевъ-соціаддемократовъ. Прокламація эта подписана: „Рабочіе въ числѣ 6 человѣкъ“.

Другая прокламація—„Письмо 1-ое къ русс. рабочимъ“ доказываетъ, что вся революція производится на еврейскія деньги; въ ней указывается, что и въ республиканской Франціи при 8 час. рабочемъ днѣ въ шахтахъ происходятъ катастрофы и рабочихъ усмиряютъ во время стачекъ оружіемъ. Революціонеры—„орудіе въ рукахъ таинственной, но грозной силы, которая преслѣдуетъ цѣли, не имѣющія ничего общаго съ благомъ народнымъ. Цѣли эти въ послѣднее время довольно прозрачно намѣчаются; капиталистамъ всякаго рода ради извлеченія наибольшихъ барышей нужна власть надъ народомъ; инородцамъ—автономія, евреямъ—равноправіе. Для достиженія этихъ цѣлей необходима была смута, революція; для революціи нужна была грубая сила, „пушечное мясо“ и такимъ „пушечнымъ мясомъ“ въ рукахъ господъ, добивающихся власти и новыхъ правъ, явился темный рабочій

людъ". Остальныя прокламаціи харьковскихъ русскихъ людей написаны въ томъ же духѣ.

Прокламаціи другихъ организацій также посвящены агитаціи противъ евреевъ, обличенію террора, и Государственной Думы. Нерѣдко онѣ распространяются въ огромномъ количествѣ. Такъ по газетнымъ сообщеніямъ, за одинъ только авг. 1906 г. „Рус. Знаменемъ" распространено прокламацій къ рабочимъ, крестьянамъ, старообрядцамъ и городскимъ обывателямъ въ количествѣ 5 милл. экз. Погромныя прокламаціи, печатавшіяся въ деп. полиціи въ 1905—1906 г.г. и распространявшіяся черезъ охранныя отдѣленія, также расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Брошюра „Горитъ Россія", изданная Яросл. отд. с. р. н. (авторъ іеромонахъ Иліодоръ?) распространена была въ 20 тыс. экз. На 2-мъ съѣздѣ объединенныхъ дворянъ Пуришкевичъ утверждалъ, что съ мая по ноябрь 1906 г. глав. совѣтъ с. р. н. отпечаталъ 13 милл. экз. различныхъ брошюръ и воззваній.

Характерной для стиля прокламацій „Союза Рус. Народа" является „Воззваніе къ Рус. Народу". Вотъ что мы читаемъ въ немъ: „Знаете-ли, братцы рабочіе и крестьяне, что жиды всего міра, ненавидящіе Россію, армяне и Англія составили союзъ и рѣшили раззорить Россію до тла, раздѣлить ее на мелкія царства и раздать ее врагамъ народа русскаго, отобрать землю у мужика, а самого его обратить въ раба жидовскаго, поповъ его разстричь, а православныя церкви и монастыри превратить въ жидовскіе хлѣвы и свинятники". И далѣе перечисляется рядъ мѣръ для обезвреженія евреевъ, вплоть до переселенія всѣхъ евреевъ въ Якутскую область съ безплатнымъ надѣленіемъ по 15 дес. земли и т. п.

Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ любопытной прокламаціи, изданной въ періодъ I-ой Думы и подписанной „Безпартійными членами Гос. Думы отъ крест. сходовъ", и разными фиктивными крестьянскими и рабочими организаціями. Прокламація эта, обращенная „Ко всему россійскому крестьянству", говоритъ, что „въ Гос. Думѣ, за немногими исключеніями, оказались евреи и другіе инородцы, а изъ русскихъ большинство продавшихся евреямъ: Всѣ они цѣпко ухватились за 10-рублевую плату въ день изъ народнаго кармана, выдаваемую членамъ Думы". Далѣе депутаты Думы, особенно кадеты, обличаются за неповиновеніе царю. И кончается прокламація призывами: „Долой беззаконныхъ мятежниковъ! Имъ никто не имѣетъ права подчиняться! Исполнять ихъ требованія преступно. Вездѣ и всюду народъ долженъ уничтожать крамольниковъ и на помощь себѣ звать Царскихъ слугъ, вездѣ и всюду отбирать и отдавать въ руки правительства этихъ обманщиковъ и предателей".

Выше мы указывали, что газеты праваго направленія по общему пра-

вилу пользовались покровительствомъ властей. Но нѣтъ правилъ безъ исключенія. Были случаи—крайне, впрочемъ, немногочисленные,—когда и черносотенная литература подвергалась репрессіямъ. Это бывало обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая черносотенная газета позволяла себѣ какое-нибудь черезчуръ рѣзкое выраженіе по адресу того изъ представителей правительства, съ которымъ она почему либо была не въ ладу. Такъ напримѣръ, редакторъ Московской черносотенной газеты „Вѣче“ Оловенниковъ былъ въ началѣ 1907 г. высланъ изъ Москвы и газета его закрыта въ административномъ порядкѣ послѣ его рѣзкихъ нападокъ на петербургскаго митрополита Антонія: газета назвала его „измѣнникомъ“ за то, что онъ заявилъ о своемъ отрицательномъ отношеніи къ дѣятельности „Союза русскаго народа“, сказавъ, что не одобряетъ „праваго террора“. Впрочемъ, Оловенникову вскорѣ было разрѣшено вернуться въ Москву и газета его была вновь открыта. И однако въ то же самое почти время, 6—7 дек. 1906 г., по этому же случаю докторъ Дубровинъ выступилъ съ крайне рѣзкимъ открытымъ письмомъ къ митрополиту Антонію, въ которомъ писалъ: „или станьте на высоту политики, или уйдите“. И кары никакой за это не послѣдовало.

Другой случай преслѣдованія черносотенцевъ относится къ тому самому воззванію „С. р. народа“, которое мы выше приводили въ выдержкахъ. Прокламація эта была конфискована и въ редакціи „Рус. Зн.“ 28 февр. 1906 г. былъ произведенъ обыскъ, что вызвало бурю негодованія во всей правой печати. Но эти и нѣкоторые аналогичные случаи преслѣдованія черносотенной литературы были рѣдкими исключеніями [1]).

3) Организаціи правыхъ.

Расцвѣтъ контрреволюціонныхъ организацій приходится на 1906 г.; уже въ 1907 г., особенно во второй его половинѣ, число членовъ ихъ начинаетъ замѣтно таять; многія организаціи распадаются, наблюдается ослабленіе прозелитизма. Напротивъ того, въ теченіе всего 1906 г. реакціоныя газеты ежедневно регистрируютъ открытіе и первыя выступленія все новыхъ и новыхъ правыхъ организацій. Подсчитать точно количество этихъ организацій, ихъ территоріальное распространеніе, какъ и опредѣлить дѣйствительное число ихъ членовъ въ данное время, не представляется возможнымъ, такъ какъ большинство свѣдѣній, какими мы располагаемъ въ этой области, исходитъ отъ самихъ правыхъ, явно заинтересованныхъ въ преувеличеніи

1) Укажемъ еще на привлеченіе къ суду газ. „Объединеніе“ и „Вѣче“ за нарушеніе правилъ о придворной цензурѣ и привлеченіе ред. „М. В.“ Гринмута за его вызывающее „Открытое письмо къ правительству“.

своихъ силъ и сознательно это дѣлавшихъ. Въ воззваніяхъ и всеподданнѣйшихъ телеграммахъ объединенной организаціи правыхъ „Всенароднаго русскаго союза“ въ 1906 г. заявляется, что онъ включаетъ въ свой составъ болѣе 100 монархическихъ организацій. Пуришкевичъ на стр. „Рус. Знамени“ и на дворянскомъ съѣздѣ (II-омъ) говоритъ о „205 крупныхъ отдѣлахъ по селамъ и деревнямъ и тысячѣ подотдѣловъ“. А „Почаевскія извѣстія“ утверждаютъ о существованіи въ Волынской губ. 109 крестьянскихъ подотдѣловъ.

Мы, на основаніи свѣдѣній правыхъ газетъ, насчитали на протяженіи 1906 и первой половины 1907 г. около 200 названій различныхъ монархическихъ организацій, при чемъ совершенно невозможно было установить, какія изъ этихъ организацій были фиктивны.

Наибольшую организаціонную, какъ и агитаціонную, дѣятельность развилъ Союзъ русскаго народа. Ему удалось распространить свои отвѣтвленія и имѣть своихъ представителей по всей территоріи Россіи. Мы насчитали болѣе сотни его отдѣловъ. Не только въ столицахъ и крупнѣйшихъ центрахъ, какъ Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Екатеринославъ, Ростовъ, Саратовъ, Самара, Кишиневъ, но и почти во всѣхъ губернскихъ и массѣ уѣздныхъ городовъ существовали или числились по имени отдѣленія Союза русскаго народа [1]) „Союзъ русскаго народа“ былъ распространенъ по всей Россіи съ явнымъ преобладаніемъ на югѣ и юго-западѣ. Напротивъ того, меньшее количество отдѣловъ „Русской Монархической Партіи“ преимущественно сконцентрировано въ центральномъ московскомъ районѣ. Отдѣлы монархической партіи имѣются, кромѣ Кіева, еще въ Егорьевскѣ (Ряз. губ.), Богородскѣ (Моск.), Раненбургѣ и Михайловѣ (Ряз. г.), Костромѣ, Владимірѣ,

---

1) Изъ губернскихъ городовъ мы встрѣчаемъ отдѣлы „С. р. н.“ въ Воронежѣ, Калугѣ, Тулѣ, Тверп, Смоленскѣ, Симферополѣ, Пензѣ, Черниговѣ, Тамбовѣ, Житомірѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Полтавѣ, Орлѣ, Уфѣ, Владикавказѣ, Сѣдлецѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, Томскѣ, Иркутскѣ; изъ уѣздныхъ—въ Корсуни, Николаевѣ, Екатеринодарѣ, Выш. Волочкѣ, Умани, Зарайскѣ, Мелитополѣ‘ Севастополѣ, Ялтѣ, Оршѣ, Кобелякахъ, Новой Ладогѣ, Елисаветградѣ, Балтѣ, Аккерманѣ, Лубнахъ, Зарайскѣ, Екатеринбургѣ, Дорогобужѣ, Новоторжскѣ, Александровѣ (Влад. г.), Александровскѣ (Екатериносл. г.), Ковровѣ, Торопцѣ, Елани, Никополѣ, Большомъ Токмакѣ, Конотопѣ, Юзовкѣ, Елатьмѣ, Глазовѣ (Вятской губ.), Боровичахъ, Славянскѣ, Усмани, Керчи, Ельцѣ, Гомелѣ, Сычевкѣ, Двинскѣ, Бобруйскѣ, Поневѣжѣ, Златоустѣ, Овручѣ, Рыбинскѣ, Пошехоньѣ, Павлоградѣ, Кременчугѣ, Ромнахъ, Ряжскѣ, Богородскѣ, Пинскѣ, Купянскѣ, Луганскѣ, Волчанскѣ, Могилевѣ (Подольск.), Стар. Осколѣ, Вытегрѣ, Валкѣ, Вязникахъ, Изюмѣ, Переяславлѣ, Миргородѣ, Сызрани, Бахмутѣ, Михайловѣ (Рязан. г.), Царскомъ Селѣ, Колпинѣ, Нарвѣ, Чигиринѣ, Сочи, Рѣжицѣ, Вельскѣ, Бендерахъ, Рузѣ и мн. др. Наконецъ, мы встрѣчаемъ множество сельскихъ отдѣловъ и подотдѣловъ с. р. н., въ особенности въ южной и юго-западной Россіи—Кіевской, Екатеринославской, Полтавской, Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской и Таврической губ., а также въ мелкихъ мѣстечкахъ Московской, Ярославской, Рязанской губ.

Рыбинскѣ и Ростовѣ (Яросл.), Даниловѣ (Яросл.), Красномъ (Костр.), Серпуховѣ (Моск.) и въ нѣсколькихъ пригородахъ и предмѣстьяхъ Москвы (Дорогомилово, Лефортово, Сергіевъ посадъ) и т. п. „Союзъ Русск. людей“ имѣлъ незначительное количество отдѣловъ (Одесса, Козловъ, Коломна, Могилевъ и еще два-три) [1]).

Кромѣ этихъ провинціальныхъ отдѣловъ центральныхъ столичныхъ монархическихъ организацій мы наталкиваемся на самостоятельныя или носящія самостоятельное названіе монархическія организаціи. Таковы, напр., Астраханская и Саратовская „Народно-монархическая партія“, „Иваново Вознесенскаяса модержавно-народно-монархическая партія“, „Екатеринославское общество мирной борьбы съ революціей“, Петербургск. и Моск. общ.„ активной борьбы съ революцій и анархіей“, Нижегородская организація „Бѣлое знамя“, Виленскій и Минскій отдѣлы „Окраиннаго русскаго союза“, Тифлисское „Патріотическое общество“, Екатеринбургскій „Всенародный Русскій Союзъ“, „Общ. моск. патріотовъ“ и нѣкоторыя другія. Въ ходѣ событій многія изъ вышеперечисленныхъ организацій сливались въ единыя организаціи, многія отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть, но и при всемъ томъ нашъ далеко не полный перечень указываетъ на повсемѣстность распространенія черносотенныхъ организацій.

Каково же было количество членовъ во всѣхъ этихъ организаціяхъ?— Разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ милліонахъ членовъ, о которыхъ утверждали демагоги праваго лагеря; не было, конечно, и сотенъ и даже десятковъ тысячъ, такъ какъ выборы и въ первую, и во вторую Думу (см. объ этомъ слѣд. главу) съ достаточною ясностью показали полное отсутствіе вліянія правыхъ организацій на *широкія* массы, а тѣмъ болѣе отсутствіе у нихъ сколько-нибудь значительныхъ организованныхъ кадровъ. Такимъ образомъ мы, вѣроятно, не отступимъ отъ дѣйствительности, если скажемъ, что всѣ контрреволюціонныя организаціи, даже въ періодъ своего наивысшаго расцвѣта, располагали нѣсколькими тысячами, maximum1-2 десятками тысячъ на всю Россію постоянныхъ, организованныхъ членовъ. Но при тѣхъ средствахъ, которыми располагали эти нѣсколько тысячъ, при томъ покровительствѣ властей, которое имъ оказывалось, они могли составить силу, значительно превышавшую ихъ дѣйствительную численность и способную въ періодъ начавшагося спаденія общественной волны терроризировать общество, а временами и власть, внушая о себѣ представленіе, какъ о могущественной и вліятельной организаціи [2]).

---

[1]) О провинціальныхъ отдѣлахъ „Рус. Собр.“ см. въ I гл.

[2]) Показанія самихъ правыхъ о числѣ членовъ ихъ организацій далеко не соотвѣтствуютъ нарисованной нами только что картинѣ. Такъ, они утверждали, что число членовъ Русской монархической партіи по всей Россіи достигало 30 тысячъ,

Знакомясь съ дѣятельностью монархическихъ организацій (типичны въ этомъ отношеніи отдѣлы „Союза рус. народа"), получаешь такое приблизительно представленіе объ ихъ внутреннемъ строѣ. Каждый провинціальный отдѣлъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ активныхъ людей, которые развиваютъ на мѣстѣ дѣятельность въ духѣ получаемыхъ изъ центра директивъ и указаній. Они вербуютъ новыхъ членовъ, распространяютъ присылаемую изъ столицъ или изготовляемую на мѣстѣ литературу, сносятся со своими центральными организаціями или сосѣдними отдѣлами, устраиваютъ собранія, выносятъ отъ имени отдѣла, частью по своей иниціативѣ, частью по предписанію изъ центровъ, телеграммы на Высочайшее имя и на имя министровъ, публикуютъ резолюціи отъ имени своей организаціи и т. д. Благодаря тѣснымъ и дружественнымъ отношеніямъ съ представителями мѣстной правительственной власти, этимъ нѣсколькимъ человѣкамъ, а въ иныхъ случаяхъ, одному человѣку удается надѣлать въ своемъ городѣ много шума, произвести впечатлѣніе, терроризировать населеніе и внушить о себѣ представленіе, какъ о мощной политической организаціи. На самомъ же дѣлѣ нерѣдко вся организація мѣстнаго отдѣла фактически ограничивается главнымъ штабомъ его руководителей. Остальные десятки, сотни и тысячи членовъ организаціи представляютъ изъ себя частью просто фиктивныя величины, частью *пассивный текучій* элементъ, записывающійся (нерѣдко противъ своей воли, подъ давленіемъ непосредственнаго начальства или „страха ради іудейска") въ организацію, посѣщающій ея собранія и даже подписывающійся подъ ея резолюціями, носящій значекъ союза, но очень быстро оставляющій организацію. Конечно, не вездѣ дѣло обстоитъ такъ: въ нѣкоторыхъ крупныхъ центрахъ, равно какъ и въ городахъ и городкахъ черты осѣдлости, гдѣ сказывается вліяніе національныхъ антагонизмовъ, вокругъ мѣстной монархической организаціи осѣдаетъ значительно болѣе плотный слой активныхъ членовъ. Эти элементы занимаются тогда открытіемъ районныхъ, пригородныхъ или сельскихъ подотдѣловъ, выслѣживаніемъ революціонеровъ и доносомъ на нихъ по начальству, агитаціей среди мѣстныхъ рабочихъ (напр. Одесса, отчасти Петербургъ, Екатеринославъ) или окрестныхъ крестьянъ (Полтавская, Кіевская, Ярославская, Саратовская, Волынская, Бессарабская и др. губ.), формированіемъ боевыхъ дружинъ,

---

гр. Коновницынъ утверждалъ въ 1907 г., что число членовъ руководимаго имъ Одесск. Союза р. н. доходило до 22 тысячъ; Астраханская народно-монархическая партія хвасталась своими 10 тысячами членовъ («съ семьями—40 тысячъ»); ярославскій отдѣлъ С. р. н., говоря о себѣ, называлъ ту же цифру, и т. д; Булацель, Пуришкевичъ и Дубровинъ, говоря о числѣ членовъ С. р. н., называютъ различныя цифры: то 3 милл., то 600 тыс. Мелкія провинціальныя черносотенныя организаціи идутъ за своими вождями и о какой нибудь незначительной организаціи въ Аккерманѣ утверждаютъ, что число его членовъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ и т. п.

устройствомъ погромовъ и избіеній (резинщики, желторубашечники въ Одессѣ, впослѣдствіи „двухглавцы“ въ Кіевѣ). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ члены монархическихъ организацій находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ власти, они притягиваютъ къ себѣ многочисленные безыдейные обывательскіе элементы, которые черезъ посредство патріотической организаціи добиваются мѣстъ и должностей въ канцеляріяхъ и при полиціи, въ качествѣ чиновниковъ, городовыхъ и сыщиковъ.

Въ введеніи мы уже говорили о дѣятельности черносотенныхъ организацій среди рабочихъ. Кое-гдѣ эта дѣятельность принимала сравнительно крупные размѣры и на короткое время имѣла нѣкоторый успѣхъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія дѣятельность Союза русскаго народа. Вербовка имъ въ члены рабочихъ началась послѣ декабрьскаго пораженія 1905 года—въ періодъ разочарованія нѣкоторыхъ, болѣе отсталыхъ, слоевъ рабочихъ въ революціи и вызванныхъ кризисомъ безработицы и локаутовъ. Черносотеннымъ демагогамъ удавалось кое-гдѣ использовать это настроеніе рабочихъ: они внушали послѣднимъ мысль о томъ, что въ забастовкахъ виноваты соціалисты, что передъ рабочими открывается путь для законнаго удовлетворенія своихъ „справедливыхъ нуждъ“—черезъ Госуд. Думу, которая осуществитъ „единеніе Царя съ народомъ“, если только въ нее будутъ избраны „истинно-русскіе“ люди, а не „жиды“ и иные крамольные „инородцы“, подбивающіе рабочихъ на революцію въ интересахъ всемірнаго еврейскаго кагала и масонства. Если къ этому прибавить еще, что рабочимъ, носящимъ значекъ Союза русскаго народа, легко удавалось въ это безработное время найти заработокъ, благодаря близкимъ отношеніямъ вождей черносотенной организаціи съ всякаго рода начальствомъ, то неудивительно, что уже весной 1906 г. многіе отдѣлы Союза насчитывали въ своихъ рядахъ десятки и сотни членовъ-рабочихъ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже спеціальные рабочіе (а также „желѣзнодорожные“) подотдѣлы. Наконецъ, отбросы рабочаго класса, его хулиганскіе, босяцкіе элементы, просто *продавались* союзникамъ, пополняя за деньги его боевыя и погромныя дружины, и угощаясь водкой за счетъ патріотическихъ организацій.

Особенныхъ успѣховъ достигла черносотенная агитація среди рабочихъ въ Одессѣ. Одесса—это типичный портовый городъ съ многочисленными буйными элементами люмпенъ-пролетаріата, не признающаго ничего святого, готоваго за рюмку водки продать отца родного. Этотъ элементъ представлялъ изъ себя благодарную почву для той демагогической агитаціи, которую развивалъ гр. Коновницынъ и другіе одесскіе союзники. Громилы и „желторубашечники“ легко вербовались вождями одесскихъ союзниковъ изъ среды этого безпокойнаго элемента. Въ 1907 г. одесскій отдѣлъ Союза

русс. народа образовалъ спеціальную профессіональную организацію рабочихъ судовыхъ командъ, въ противовѣсъ существовавшей ранѣе въ Одессѣ „регистраціи“ моряковъ (проф. союзъ, стоявшій на классовой точкѣ зрѣнія). Этотъ черносотенный союзъ сорвалъ въ концѣ 1907 г. забастовку судовъ, выставивъ 1300 штрейкбрехеровъ[1]). Такую же роль штрейкбрехеровъ и доносчиковъ на соціалистовъ рабочихъ и на агитаторовъ играли и черносотенныя рабочія дружины въ Екатеринославѣ (особенно на Брянскомъ зав.), Кіевѣ и Харьковѣ (въ желѣзнод. мастерскихъ), въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Тамбовѣ и Петербургѣ.

Въ Петербургѣ въ 1905 и 1906 г.г. сотни рабочихъ примыкаютъ къ организаціи доктора Дубровина. Для нихъ устраиваются чайныя и районныя отдѣленія; ихъ угощаютъ и одариваютъ одеждой, деньгами и оружіемъ; они составляютъ боевыя дружины союза и участвуютъ въ террористическихъ актахъ контрреволюціи. Половневъ, Ларичкинъ, Казанцевъ, Александровъ—замѣшанные въ разныхъ террористическихъ дѣйствіяхъ—это все рабочіе или бывшіе рабочіе. Больше всего гнѣздятся рабочіе-союзники въ Петербургѣ на Путиловскомъ заводѣ, гдѣ ихъ организуетъ правая рука и ближайшій совѣтникъ докт. Дубровина—Юскевичъ—Красковскій. Между рабочими-союзниками и рабочими-соціалистами въ Петербургѣ нерѣдко происходятъ столкновенія, кончающіяся убійствомъ.

Нерѣдки и случаи убійствъ изъ-за угла. Въ періодъ съ октября по декабрь въ Петербургѣ убито рабочими черносотенцами нѣсколько рабочихъ соціалдемократовъ. 27 января 1906 г. взорвана революціонерами харчевня „Тверь“ за Невской заставой въ Спб., гдѣ въ то время происходило засѣданіе рабочихъ черносотенцевъ; въ результатѣ 2 убито и 6 тяжело раненыхъ (въ числѣ ихъ видный черносотенный рабочій Лавровъ), а всего 18 пострадавшихъ, въ апрѣлѣ того же года убитъ рабочій Семянниковскаго завода—союзникъ Снѣсаревъ и т. д.

Вліяніе союзниковъ на рабочихъ въ Петербургѣ было крайне непродолжительно. Уже во время первой Думы, на открытыхъ митингахъ и въ печати рабочіе-союзники каются передъ товарищами за участіе „по несознательности“ въ черносотенныхъ организаціяхъ. Они тутъ же на митингахъ возвращаютъ свои значки, рвутъ членскіе билеты и черносотенную литературу. На выборахъ въ 1-ую Думу вліяніе С. р. н. среди рабочихъ оказывается совершенно ничтожнымъ. Впослѣдствіи рабочіе-черносотенцы въ Петер-

---

[1]) По этому поводу вождь одесскихъ союзниковъ гр. Коновницынъ послалъ слѣд. телеграмму въ „Рус. Знамя“: „С. р. н. сорвалъ въ Одессѣ портовую забастовку вслѣдствіе закрытія регистраціи, удручавшей самихъ рабочихъ. Всѣ судовыя команды пароходныхъ обществъ и рабочіе въ порту большею частью состоятъ членами с. р. н.“. Въ отвѣтъ на это В. Пуришкевичъ отъ имени главн. сов. с. р. н. выслалъ въ Одессу 500 р. для раздачи „бѣднымъ членамъ союза“.

бургѣ являются одиночками и не составляютъ никакой организаціи, если не считать кружка „независимцевъ“—„ушаковцевъ“, сконцентрировавшагося въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Даже послѣ 3 іюня 1907 г. черносотенцы не дѣлаютъ въ Петербургѣ серьезныхъ попытокъ агитаціи въ рабочей массѣ.

Изъ провинціальныхъ союзническихъ отдѣловъ среди рабочихъ въ реакціонныхъ газетахъ упоминается о 400 желѣзнодорожныхъ рабочихъ-союзникахъ въ Тамбовѣ (сент. 1906 г.), о 4 тыс.(!) черносотенныхъ рабочихъ въ Костромѣ, о 1200 раб. желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Уфѣ, о 1000 желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Тулѣ, организованныхъ „Союзомъ за Царя и Порядокъ“, о 2 тыс. жел.-дор. раб. въ г. Славянскѣ (Харьк. г.), принадлежащихъ къ союзу рус. людей, объ иваново-вознесенскихъ рабочихъ, грозившихъ лѣтомъ 1906 г. рабочимъ Ярославскихъ ж.-д. мастерскихъ кулачной расправой въ случаѣ забастовки, о кіевскомъ патріотическомъ рабочемъ союзѣ и т. п.

Не приходится сомнѣваться въ томъ, что только что приведенныя цифры значительно преувеличены, но несомнѣнно и то, что во всѣхъ перечисленныхъ городахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, черносотенцамъ удавалось увлекать за собой болѣе отсталые элементы рабочихъ. Эти попавшіе въ союзническія организаціи рабочіе по большею частью не долго въ нихъ оставались: слишкомъ чужды рабочему классу и его интересамъ были эти организаціи, слишкомъ явствененъ былъ ихъ зависимый характеръ отъ власти, слишкомъ опредѣленными реакціонерами и просто авантюристами были ихъ вожди.

Контрреволюціонная пресса все время сознательно замалчивала рабочій вопросъ. А поскольку она все же занималась этимъ вопросомъ, то, что она писала, не могло привлечь къ ней симпатіи рабочихъ. 17 авг. 1906 г. „М. Вѣд.“ писали, напр.: „Забастовки ведутъ къ *понижению* заработной платы, угнетаютъ рынокъ“; въ нихъ повинна „масонско-еврейская инородческая революція“, а по поводу правительственнаго проекта государственнаго страхованія рабочихъ, взявшаго себѣ образцомъ германскій законъ, органъ Гришмута писалъ: „Основная ошибка нынѣшняго законопроекта заключается въ его теоретичности, въ приспособленіи къ условіямъ не русскаго, а германскаго пролетаріата“. „Русское Знамя“ просто замалчиваетъ рабочій вопросъ: для этого органа—все сводится къ истребленію крамолы, а тамъ уже „Союзъ русск. народа“ все, что нужно, сдѣлаетъ. Только въ періодъ избирательной кампаніи во 2-ую Г. Думу „Р. Знамя“ заводитъ „рабочій отдѣлъ“, въ которомъ информируетъ своихъ читателей о происходящихъ въ Петербургѣ забастовкахъ, сочувственно отзываясь объ экономическихъ нуждахъ рабочихъ и обвиняя въ эксплуатаціи евреевъ и

нѣмцевъ-мастеровъ и инженеровъ, и въ то же время съ возмущеніемъ сообщаетъ о выступающихъ на рабочихъ митингахъ „еврейскихъ агитаторахъ-соціалистахъ.

Неудивительно поэтому, что начиная приходить къ сознанію рабочіе быстро и легко разочаровывались въ своихъ черносотенныхъ вождяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ ихъ идеяхъ. Въ этомъ отношеніи характерно открытое письмо иваново-вознесенскихъ рабочихъ кн. Щербатову, помѣщенное въ „М. В." 17 фев. 1906 г., въ отвѣтъ на его брошюру подъ названіемъ „Чего должны добиваться въ Думѣ фабричные и заводскіе рабочіе". Въ брошюрѣ этой вождь „Союза русск. людей" высказывался за необходимость сословнаго строя и заявлялъ, что „виновники стачекъ, до вооруженнаго возстанія включительно, никто-какъ фабричные инспектора". Въ своемъ отвѣтѣ иваново-вознесенскіе рабочіе писали: „Намъ желательно было бы, чтобы насъ писанной бумагой не угощали, а побольше бы дѣла давали, которымъ мы заинтересованы, но никто-либо изъ другихъ классовъ населенія. Вамъ не безызвѣстно В. Сіятельство, что если рабочимъ живется хорошо, то и въ странѣ спокойно всѣмъ".

Таково было взаимоотношеніе между черносотенными организаціями и рабочими. Что касается до крестьянъ, то здѣсь дѣло обстояло еще проще. Въ значительной своей части крестьяне, примыкавшіе къ союзническимъ организаціямъ, дѣйствовали по принужденію, пассивно давая свои имена и подписи подъ всякія телеграммы союзническихъ организацій, покровительствуемыхъ властью. Только этимъ можно объяснить, что подъ многими союзническими телеграммами и заявленіями были подписи цѣлыхъ волостей и деревень. Исключеніе составляютъ опять-таки союзническія организаціи юго-западнаго края, гдѣ благодаря національнымъ предразсудкамъ и конфликтамъ, нѣкоторая часть крестьянства могла до извѣстной степени идейно примыкать къ реакціоннымъ организаціямъ. Впослѣдствіи уже послѣ 1907 г. приманкой для крестьянъ служили организуемыя въ большомъ числѣ на югѣ союзниками сельскіе кооперативы и ссудо-сберегательныя товарищества, подобно тому, какъ со вступленіемъ на постъ мин. путей сообщенія Рухлова, приманкой для желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ при вступленіи въ Союзъ русск. народа служило обезпеченное всякому союзнику мѣсто на казенной желѣзной дорогѣ.

Крупное значеніе играли въ дѣятельности патріотическихъ организацій ихъ студенческіе отдѣлы и кружки. Подъ флагомъ „академистовъ" студенческія организаціи составляли важные подсобные кадры контрреволюціонной арміи. Возникшіе яко бы для огражденія студентовъ, желающихъ учиться, отъ забастовщиковъ и для борьбы съ забастовками, эти организаціи фактически занимались контрреволюціонной агитаціей не только среди студенче-

ства, но и внѣ стѣнъ университета. Особенно активную роль играли студенты черносотенцы въ Петербургѣ, Одессѣ и Кіевѣ. Они находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ властями, получали отъ нихъ постоянныя субсидіи и доносили на организаторовъ студенческихъ сходокъ и ораторовъ, выступавшихъ на нихъ. Они же препятствовали забастовкамъ и студенческой обструкціи, составляли клаку для изгоняемыхъ студентами профессоровъ и т. п. Для характеристики внѣакадемической дѣятельности студенческихъ черносотенныхъ организацій достаточно будетъ привести хотя бы такой фактъ: „Кружокъ русскихъ студентовъ“ въ Петербургѣ, по словамъ его отчета въ собраніи отъ 2 февр. 1906 г., занимался распространеніемъ брошюръ въ арміи (до 20 тыс. экз.); всего онъ распространилъ различныхъ брошюръ до 100 тыс.

Таковы были главные кадры союзническихъ организацій.

До сихъ поръ мы говорили главнымъ образомъ о дѣятельности мѣстныхъ организацій. Что касается до центральныхъ контрреволюціонныхъ организацій—„главныхъ совѣтовъ“ Союза рус. народа и Русской монархической партіи, то, кромѣ дѣятельности, однородной съ дѣятельностью провинціальныхъ организацій, они были заняты сношеніями съ высшими властями и съ кружками, стоящими за кулисами правительственной реакціи, хлопотами о разнаго рода субсидіяхъ и воспособленіяхъ, перепиской съ провинціальными отдѣлами, устройствомъ всероссійскихъ съѣздовъ, разсылкой агитаціонной литературы, указаніемъ паролей для Всеподданнѣйшихъ телеграммъ и другихъ оказательствъ мѣстнымъ отдѣламъ.

4) Публичныя оказательства правыхъ организацій.

Публичныя оказательства правыхъ организацій сводятся, главнымъ образомъ, къ принятію и посылкѣ Всеподданнѣйшихъ адресовъ и телеграммъ, телеграммъ на имя министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а гакже къ устройству торжественныхъ собраній и уличныхъ манифестацій.

Первоначально Всеподданнѣйшія телеграммы и адреса носили до извѣстной степени общій, безпредметный характеръ. Обычно каждая вновь возникавшая монархическая организація, каждый новый мѣстный отдѣлъ Союза русскаго народа или Русской монархической партіи считалъ своимъ долгомъ послать телеграмму на Высочайшее имя съ извѣщеніемъ о своемъ открытіи и съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Но впослѣдствіи, съ открытіемъ засѣданій I-ой Государственной Думы, телеграммы на Высочайшее имя и на имя предсѣдателя совѣта министровъ (сперва И. Л. Горемыкина, потомъ П. А. Столыпина) стали принимать *политическій* характеръ: въ нихъ даются указанія, что правительство должно сдѣлать и

чего оно дѣлать не должно. Самая посылка такихъ телеграммъ и ихъ содержаніе принимаетъ планомѣрный, организованный характеръ. Обыкновенно дѣло происходитъ такимъ образомъ: послѣ ряда призывныхъ статей въ „Русскомъ Знаменіи“ или „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу того или иного дѣйствія Государственной Думы или вообще политическаго событія, одна за другой начинаютъ сыпаться телеграммы провинціальныхъ отдѣловъ съ аналогичнымъ содержаніемъ. Иногда, впрочемъ, нѣкоторые отдѣлы берутъ на себя инициативу въ возбужденіи какого-либо вопроса. Такую инициативу въ особенности проявлялъ ярославскій отдѣлъ Союза русскаго народа и астраханская народно-монархическая партія.

Стоило только I-ой Государственной Думѣ высказаться въ пользу амнистіи и противъ смертной казни, какъ начали посылаться Всеподданнѣйшія телеграммы о недопустимости амнистіи и необходимости смертной казни.

Въ числѣ многочисленныхъ телеграммъ по этому поводу выдѣляется телеграмма одесскаго союза русскаго народа (3803 подписи) и телеграмма отъ главнаго совѣта союза русскаго народа, выступившаго отъ имени своихъ 51 отдѣловъ, а также телеграмма съ просьбой о сохраненіи смертной казни, исходящая якобы отъ „9 тысячъ крестьянъ Суджанской волости“. Рѣзкія выступленія членовъ Думы противъ отдѣльныхъ министровъ и выдвинутое Думой требованіе отвѣтственнаго министерства вызвало новую вспышку телеграммъ на Высочайшее имя, усматривающихъ въ этомъ послѣднемъ требованіи умаленіе Царской власти.

Хроническій конфликтъ, въ который I-ая Дума вступила съ правительствомъ, вызываетъ въ маѣ и особенно въ іюнѣ усиленную отправку телеграммъ съ требованіемъ ея роспуска, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединяется требованіе введенія военной диктатуры.

Такъ на собраніи 6-го іюня въ Москвѣ была принята и отправлена на имя Горемыкина слѣд. телеграмма: „Собравшіеся въ Москвѣ представители отдѣловъ с. р. н. и союзныхъ единомышленныхъ организацій считаютъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что съ трудомъ сдерживая справедливое негодованіе вѣрноподданныхъ Самодержавнаго Царя своихъ единомышленниковъ отъ стихійнаго взрыва и самосуда надъ врагами Православной Церкви, Государя и Русской народности, они вынуждены настоятельно просить правительство о немедленномъ принятіи твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію: какъ незаконныхъ партійныхъ дѣйствій Думы, возбуждающей населеніе къ революціи и ниспроверженію всего, что свято и дорого русскому народу, такъ и преступно-лживой и нахально-клеветнической печати, разжигающей низменные инстинкты толпы и подрывающей въ корнѣ уваженіе къ существующимъ законамъ и властямъ.

Слѣдующія за этой телеграммы уже опредѣленно говорятъ о необходи-

мости роспуска Думы, а нѣкоторыя и о введеніи военной диктатуры (напр. телеграмма на имя Горемыкина екатеринославскаго союза р. нар. отъ 7-го іюля); во многихъ телеграммахъ содержится также указаніе на необходимость „обузданія революціонной печати“. Послѣ роспуска первой Думы летятъ всеподданнѣйшія телеграммы съ выраженіемъ благодарности за роспускъ „крамольной“ Думы, а также привѣтствія Столыпину за его крутую расправу съ революціонерами. Тотчасъ же послѣ роспуска Думы объединенная организація всѣхъ монархическихъ партій—„Всенародный русскій союзъ“, выступающій отъ имени „болѣе, чѣмъ 100 организацій“, 12-го іюля обращается къ Монарху со слѣд. телеграммой: „Нельзя проводить реформы, нельзя перестраивать зданіе во время пожара. Твердой смѣлой рукой затуши пожаръ, зажженный повсемѣстно врагами Россіи; умиротвори страну и только тогда собери новую Думу, но призови на совѣтъ не евреевъ и ихъ слугъ, а однихъ русскихъ православныхъ людей“.

Покушеніе на Столыпина вызвало рядъ сочувственныхъ телеграммъ и всеподданнѣйшихъ адресовъ о необходимости военной диктатуры. Въ нѣкоторыхъ телеграммахъ реакціонеры заговариваютъ объ измѣненіи избирательнаго закона. Если телеграмма общ. собранія русской монархической партіи въ Москвѣ 8-го авг. говоритъ объ измѣненіи избирательнаго закона „въ крайнемъ случаѣ“, то вскорѣ послѣ этого 14 тульскихъ дворянъ прямо ходатайствуютъ объ измѣненіи избирательнаго закона въ своей телеграммѣ, а всеподданнѣйшая телеграмма отъ имени объединенныхъ кіевскихъ монархистовъ отъ 8-го февр. 1907 г. за подписью Б. Юзефовича говоритъ: „Мы не увлекаемся примѣромъ Запада, намъ чужды парламентскіе пріемы, а при законѣ, обошедшемъ сословность, не въ силахъ дать тебѣ столь истинныхъ представителей своихъ“.

Осенью 1906 г. уже послѣ роспуска Думы, многочисленные отдѣлы с. р. н., въ виду слуховъ о предстоящемъ расширеніи правъ евреевъ, въ телеграммахъ на Высочайшее имя и на имя Столыпина протестуютъ противъ еврейскаго равноправія.

Происхожденіе этой телеграфной кампаніи противъ еврейскаго равноправія разъяснено Пуришкевичемъ, тов. предс. глав. сов. с. р. н., въ рѣчи его на второмъ дворянскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1906 г. „Когда—говорилъ онъ—нѣсколько дней тому назадъ въ совѣтѣ министровъ былъ принципіально задѣтъ вопросъ о расширеніи черты еврейской осѣдлости, главный совѣтъ, обратившись къ отдѣленіямъ союза, предложилъ имъ просить Государя Императора воздержаться отъ утвержденія проекта совѣта. Господа, обратите вниманіе на дисциплину, которая царитъ въ этихъ 205 отдѣлахъ!

По прошествіи 24-хъ часовъ у ногъ его Императорскаго Величества было 205 телеграммъ“ [1]).

Этотъ способъ давленія на власть путемъ единовременной посылки Всеподданнѣйшихъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи практиковался с. р. н. неоднократно. Такъ въ № „Рус. Знамени“ отъ 10-го сент. того же года Пуришкевичъ отъ имени главнаго совѣта выражаетъ въ видѣ приказа по арміи циркулярную благодарность 89 отдѣламъ союза за „отчетливое, умѣлое и энергичное выполненіе циркулярнаго предложенія глав. совѣта“ (въ это время велась усиленная кампанія привѣтствій за введеніе военно-полевыхъ судовъ).

Наконецъ, въ своей книгѣ „Вторая Дума“ П. Н. Милюковъ (стр. 173—174) приводитъ выдержки изъ тайнаго циркуляра, разосланнаго 28 февр. 1907 г. Пуришкевичемъ по провинціальнымъ отдѣламъ Союза. Разсылка этого циркуляра сопровождалась слѣд. указаніемъ: „Настоящій циркуляръ главнаго совѣта, по ознакомленіи съ нимъ наиболѣе серьезныхъ членовъ совѣта отдѣла, *сжечь*, приступивъ къ выполненію его предложеній въ указанное время“. Самый циркуляръ этотъ гласилъ: „Съ того момента, какъ въ органѣ Союза „Русс. Знамени“ на первой страницѣ появится знакъ креста, тотчасъ же начать обращаться съ настойчивыми телеграммами къ Государю Императору и къ предсѣдателю совѣта министровъ Столыпину и въ телеграммахъ настойчиво просить и *даже требовать*: а) немедленнаго роспуска Думы, растлѣвающей народныя массы, а не созидающей народное благосостояніе, и б) измѣненія во что бы то ни стало избирательнаго закона, безъ чего Государственная Дума не окажется трудоспособной, ибо будетъ всегда въ большей своей части состоять изъ общественныхъ отбросовъ и преступниковъ“; и далѣе: „Въ день роспуска Думы или въ одинъ изъ ближайшихъ дней устроить въ *самыхъ широкихъ* размѣрахъ патріотическую манифестацію послѣ молебна, съ выносомъ знамени, а гдѣ его еще нѣтъ, хоругви отдѣла. Значеніе этой манифестаціи, умѣло обставленной, будетъ исторической заслугой передъ Россіей, ибо докажетъ не только благомыслящей, но и колеблющейся въ чувствахъ долга и присяги части населенія, и въ *особенности крестьянству* и *войскамъ*, что они не одни; что революціонная часть населенія, которая постарается безпорядками и кровопролитіемъ выразить негодованіе противъ роспуска Думы, не есть русскій народъ, а лишь малая часть его отбросовъ, грязный осадокъ русской жизни“.

Первыя же засѣданія второй Думы вызвали новую полосу телеграммъ, требовавшихъ роспуска этой Думы, недопущенія съ ея стороны оскорбленій

---

[1]) См. «Труды второго съѣзда уполномоч. дворян. общ. 31 губ. 14—18 нояб. 1906 г.» стр. 52.

Государя, измѣненія избирательнаго закона, преданія суду крамольныхъ депутатовъ и т. п., протестующихъ противъ рѣчей Церетели, Зурабова и т. д. Характерной для всѣхъ этихъ телеграммъ является Всеподданнѣйшая телеграмма Дорогомиловскаго (подмосковнаго) отд. с. р. п. отъ 1-го апр. 1907 года, гласившая: „Великій Государь! Распусти Думу и не созывай больше никакой Думы, ибо всякая Дума при грѣховности и испорченности человѣческой природы будетъ всегда стремиться къ захвату Царской власти“ [1]).

Послѣ роспуска 2-й Думы отдѣлы посылаютъ привѣтствія Государю и благодарность за измѣненіе избирательнаго закона... Однако патріотическихъ манифестацій, о которыхъ говорилось въ вышеприведенномъ циркулярѣ отъ 28 февр., не воспослѣдовало, хотя черный крестъ и появился 16 марта 1907 г. на стр. „Русс. Знамени“ (о значеніи этого креста ниже).

Кромѣ телеграммъ на Высочайшее Имя и на имя министровъ, имѣвшихъ цѣлью оказать давленіе на общій ходъ правительственной политики, отдѣльныя правыя организаціи пользовались ими, какъ средствомъ борьбы съ неугоднымъ администраторами или достиженія какихъ-нибудь частныхъ цѣлей. Такъ минскіе союзники жалуются въ глав. сов. на запрещеніе губернаторомъ крестнаго хода изъ боязни еврейскаго погрома (лѣто 1906 г.), а Пуришкевичъ немедленно телеграфно запрашиваетъ предсѣд. совѣта министровъ по этому поводу. Такое же запрещеніе крестнаго хода въ Кіевѣ (весн. 1906 г.) вызываетъ аналогичный протестъ кіевскихъ объединенныхъ монархистовъ Московскіе монархисты, а вслѣдъ за ними многіе провинц. отдѣлы монарх. партіи и Союза русс. народа, протестуютъ противъ привлеченія Гришмута къ суду за воззваніе передъ выборами во 2 Думу. Кишиневскіе союзники, а по ихъ примѣру монархисты другихъ городовъ, телеграфно ходатайствуютъ передъ Государемъ о помиловаиіи лицъ, осужденныхъ за участіе въ еврейскихъ погромахъ. Большинство этихъ ходатайствъ удовлетворяется, какъ и хлопоты московскихъ монархистовъ о помилованіи убійцы с.-д. Баумана—Михалина и пом. прист. Ермолова, застрѣлившаго приватъ-доцента Моск. ун. Воробьева.

Кромѣ всеподданнѣйшихъ телеграммъ, распространенія литературы и съѣздовъ монархическихъ организацій (о нихъ см. ниже), главнымъ проявленіемъ публичной дѣятельности правыхъ организацій были уличныя манифестаціи и торжественныя собранія. Что касается до манифестацій, то союзники прибѣгаютъ къ нимъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, памятуя о неудачныхъ монархическихъ манифестаціяхъ въ октябрѣ-декабрѣ 1905 г. въ Петербургѣ и Москвѣ (на Красной площади). Только въ такихъ городахъ,

---

[1]) Отмѣтимъ еще протестъ Тамбовскаго с. р. п. противъ преданія финляндскому суду убійцъ депутата I. Гос. Думы Герценштейна.

какъ Кіевъ и Одесса, гдѣ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, союзники стали вполнѣ реальной силой и фактическими господами положенія, они иногда устраиваютъ уличныя манифестаціи. Такъ, въ Одессѣ командующій войсками ген. Каульбарсъ, вопреки мнѣнію одесскаго градоначальника, разрѣшилъ союзникамъ 4-го февр. 1906 г. торжественную процессію для перенесенія знаменъ изъ чайной С. р. н. въ церковь. Въ январѣ 1907 г. кіевскіе союзники, съ разрѣшенія властей, устраиваютъ шествіе по городу со своими знаменами и хоругвями. Подобныя же демонстраціи происходятъ отъ времени до времени и въ другихъ южныхъ городахъ: въ январѣ 1907 г. была организована демонстрація союзниковъ въ Елисаветградѣ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Полтавѣ по случаю освященія хоругвей. Всѣ эти демонстраціи очень немногочисленны: на нихъ присутствуетъ больше полиціи и офиціальныхъ лицъ, чѣмъ дѣйствительныхъ членовъ монархическихъ партій; обыкновенно онѣ оканчиваются небольшимъ погромомъ: битьемъ стеколъ въ редакціяхъ прогрессивныхъ газетъ и разгромомъ еврейскихъ лавчонокъ, избіеніемъ десятка-другого евреевъ или студентовъ.

Эти уличныя манифестаціи наглядно показываютъ незначительность *активныхъ* и *организованныхъ* силъ союза. Тамъ, гдѣ уличныя демонстраціи устраивать было невозможно—въ силу ли недостатка для нихъ человѣческаго матеріала, или полицейскаго запрещенія, тамъ для публичнаго напоминанія о себѣ и въ агитаціонныхъ цѣляхъ союзники устраивали торжественныя собранія: это или полу-духовныя собранія съ освященіемъ знаменъ и хоругвей, на которыхъ присутствуютъ представители высшей бюрократіи и духовенства, нерѣдко произносящіе приличествующія случаю рѣчи или проповѣди, или собранія для выслушанія какого-ниб. заѣзжаго докладика изъ лидеровъ монархическихъ организацій. Этимъ, собственно говоря, и исчерпывалась вся публичная дѣятельность монархическихъ организацій, такъ какъ даже предвыборныя собранія во многихъ случаяхъ устраивались какъ закрытыя, при чемъ на нихъ нерѣдко даже не допускались представители печати.

5) Съѣзды контрреволюціонныхъ организацій.

Въ главѣ II-ой нашей работы мы разсказали о первыхъ объединенныхъ съѣздахъ (въ Петербургѣ и Москвѣ) монархическихъ организацій, на которыхъ оформилось объединеніе контрреволюціонныхъ организацій и опредѣлилось ихъ направленіе, а также о первомъ съѣздѣ дворянскихъ обществъ, положившемъ начало организаціи новаго типа—сословной дворянской организаціи, которая постепенно стала руководящимъ органомъ дворянской контрреволюціи. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ двумя послѣдующими

„всероссійскими“ съѣздами „Русскихъ людей“ (въ окт. 1906 г. и въ апр. маѣ 1907 г.) и съ двумя дворянскими съѣздами (ноябрь 1906 и мартъ-апр. 1907 г.), происходившими въ періодъ между роспускомъ первой и второй Думы.

Третій всероссійскій съѣздъ Русскихъ людей засѣдалъ съ 1-го октября 1906 г въ Кіевѣ въ помѣщеніи Кіевскаго купеческаго собранія подъ предсѣдательствомъ лидера кіевскихъ монархистовъ—Б. Юзефовича. Съѣздъ торжественно открылся молебномъ при участіи представителей высшаго Кіевскаго духовенства (митрополитъ Флавіанъ, епископы: Платонъ и Агапитъ) и былъ привѣтствованъ кіевскимъ губернаторомъ, генераломъ Веретенниковымъ. Съѣздъ этотъ собрался послѣ роспуска 1-ой Думы и введенія военно-полевыхъ судовъ, т.-е. въ моментъ, когда политическіе шансы реакціонеровъ значительно поднялись и они могли надѣяться на успѣшность своего давленія на правительство въ контрреволюціонномъ направленіи. Первымъ шагомъ съѣзда была посылка телеграммы предсѣдателю совѣта министровъ П. А. Столыпину, благодарящая его „за твердую, мужественную рѣшимость вести борьбу противъ смуты въ нашемъ отечествѣ всею государственною мощью“ и за введеніе военно-полевыхъ судовъ [1]); съѣздъ вынесъ также рѣзкій протестъ противъ посѣщенія Россіи депутаціей англійскихъ парламентаріевъ.

На кіевскомъ съѣздѣ были представлены 72 монархическія организаціи, пославшія 450 делегатовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ всѣхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей монархическихъ организацій: Б. Никольскій, Н. Энгельгардтъ (отъ Рус. Собранія въ Петербургѣ), кн. М. Н. Волконскій (объявившій себя „представителемъ болѣе $1^1/_2$ тыс. петербургскихъ рабочихъ“), А. И. Дубровинъ (отъ глав. совѣта С. р. п.), В. Грингмутъ, прот. І. Восторговъ (отъ моск. монарх. парт.), кн. М. Л. Шаховской, С. Шараповъ, кн. Щербатовъ (послѣдніе двое отъ моск. Союза рус. люд.), проф. Вязигинъ (харьк. рус. собр.), В. М. Пуришкевичъ, проф. Залѣсскій, проф. Пихно (кіев. мон. парт.), кн. Касаткинъ-Ростовскій и гр. Дорреръ (главные руководители „Курской народной партіи“) и мн. др. Съѣздъ единодушно выразилъ привѣтствіе д-ру Дубровину въ резолюціи, говорившей, что онъ, „когда послѣ 17-го октября встала масса черной сотни неорганизованной толпой, организовалъ ее въ Петербургѣ“.

Въ порядкѣ дня кіевскаго съѣзда стояли три основныхъ вопроса: 1) Объединеніе всѣхъ организацій, представленныхъ на съѣздѣ, въ одинъ союзъ; 2) выработка политической программы; 3) выработка избирательной системы для выборовъ въ Гос. Думу (вмѣсто закона 11-го дек. 1905 г.).

---

[1]) Отвѣтная телеграмма Столыпина выражала полную благожелательность къ организаціямъ, представленнымъ на съѣздѣ.

Обсужденіе перваго пункта порядка дня вызвало жаркія пренія. Часть съѣзда стояла за объединеніе всѣхъ монархическихъ организацій въ единый центральный союзъ, но большинство высказалось за сохраненіе трехъ самостоятельныхъ крупныхъ организацій: Союза русскаго народа, Русскаго Собранія и Всенароднаго русскаго союза [1]). Въ этомъ проявились центробѣжныя тенденціи нѣкоторыхъ монархическихъ организацій, боязнь подавленія ихъ специфическихъ особенностей, сказался антагонистичный характеръ и духъ „демократическихъ“ организацій типа „С. р. н.“ и аристократическо-бюрократическихъ, типа „Русскаго собр.“ и „Рус. мон. партіи“. Характерной въ этомъ отношеніи представляется попытка Пуришкевича сгладить это объективное противорѣчіе: онъ предлагалъ установить своего рода двоецентріе, объединивъ въ „Русскомъ собраніи“, а „силы ума“, въ „Союзѣ рус. нар.“ и „Всенар. рус. союзѣ“— „народныя силы“. Послѣ резюмирующей рѣчи Гримгмута, утверждавшаго, что „объединительной идеѣ мѣшаетъ обширность Россіи и разнообразіе мѣстныхъ условій“, Кіевскій съѣздъ постановилъ, что единственной и достаточной формой объединенія являются постоянные всероссійскіе съѣзды монархическихъ организацій и дѣйствующій въ промежуткахъ между ними объединительный исполнительный органъ. Въ качествѣ такого органа было постановлено образовать въ Петербургѣ въ составѣ 3-хъ лицъ „Главную управу объединеннаго русскаго народа“, избираемую такимъ образомъ: по одному лицу отъ совѣтовъ Союза рус. народа и Русск. Собранія, которые избираютъ по соглашенію третьяго. Главная управа, согласно постановленію Кіевскаго съѣзда, не пользуется дискреціонною властью: мѣстныя организаціи сохраняютъ свою автономію и могутъ не подчиняться ея директивамъ; въ обязанности главной управы входитъ: устройство всероссійскихъ и областныхъ съѣздовъ, организація всероссійскихъ молебновъ, манифестацій, собраній, депутацій, подача всероссійскихъ адресовъ, телеграммъ; устройство бюро печати и изданіе патріотической литературы; подготовка народныхъ ходоковъ для распространенія идей и организаціи монархическихъ союзовъ на мѣстахъ; составленіе предвыборныхъ воззваній, программъ и выработка тактическихъ пріемовъ, и веденіе предвыборной борьбы. Для объединенія мѣстныхъ организацій по районамъ, Кіевскій съѣзъ постановилъ организовать 28 областныхъ (губернскихъ) центровъ [2]).

Главная управа объед. рус. народа составилась изъ А. И. Дубровина

---

[1]) Руководящая роль въ этомъ послѣднемъ, образованномъ послѣ 2-го моск. съѣзда 1906 г., принадлежала москов. организ. „Рус. мон. партіи“, органъ которой „Моск. Вѣдом.“ постановленіемъ совѣта „Всенарод. рус. союза“ отъ 27-го мая 1906 г. былъ объявленъ его офиціальнымъ органомъ.

[2]) Фактически областныя управы были организованы только въ Москвѣ, Ярославлѣ, Тамбовѣ, Казани, Иркутскѣ и Ростовѣ на Дону.

(Глав. сов. союза рус. нар.), кн. М. Л. Шаховскаго (Сов. рус. собранія) и кооптированнаго ими о. І. Восторговъ (членъ „Русск. мон. партіи“ и „Сов. всенар. рус. союза“).

По второму пункту порядка дня Кіевскій съѣздъ призналъ выработку программы преждевременной, рѣшивъ ограничиться единой избирательной платформой, которую было предоставлено выработать главной управѣ, по соглашенію съ областными. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ призналъ наиболѣе соотвѣтствующей своимъ взглядамъ программу „Союза русскаго народа“, которая объявлена наиболѣе желательной для отдѣльныхъ организацій.

Наконецъ, по вопросу о выработкѣ новаго избирательнаго закона, съѣздъ постановилъ ходатайствовать передъ Монархомъ о такомъ законѣ, который „долженъ быть основанъ на русско-національномъ и сословно-бытовомъ началѣ, при чемъ избраніе представителей отъ крестьянъ-землепашцевъ должно быть пріурочено не къ волости, а къ приходу“. Евреи должны быть лишены избирательнаго права.

Кромѣ рѣшеній по 3-мъ пунктамъ порядка дня съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ министровъ о недопущеніи евреевъ на государственную службу и объ ограниченіи прочихъ инородцевъ 5% числа всѣхъ чиновниковъ; постановилъ о сліяніи различныхъ монархическихъ организацій на мѣстахъ, о созывѣ слѣд. съѣзда на декабрь 1906 г., объ устройствѣ повсемѣстно монархическими организаціями чайныхъ по образцу устраиваемыхъ Союзомъ рус. народа. Кіевскому съѣзду объединенныхъ монархическихъ организацій предшествовалъ созванный въ Петербургѣ въ сент. 1906 г. съѣздъ уполномоченныхъ С. р. н.. Съѣздъ этотъ выработалъ избирательную программу, докладную записку мин. вн. дѣлъ, которая не была оглашена въ печати, единообразный организаціонный уставъ для мѣстныхъ отдѣловъ; установилъ единый типъ знаменъ С. р. н.; обсуждалъ вопросы о финансовомъ положеніи, объ организаціи союзническихъ чаенъ-читаленъ, объ организаціи самоохраны („боевыхъ дружинъ“), объ издательской дѣятельности союза и о мѣстныхъ органахъ печати, о мѣрахъ борьбы съ препятствіями, кот. ставитъ С. р. н. мѣстная администрація и т. д.

Одновременно въ Москвѣ состоялись также съѣзды Русской монархической партіи и Союза русскихъ людей, также преслѣдовавшіе главнымъ образомъ объединительныя задачи въ избирательной борьбѣ; въ сентябрѣ же 1906 г. въ Кіевѣ происходилъ областной съѣздъ южныхъ монархическихъ организацій, постановившій ходатайствовать передъ Императоромъ о новомъ избирательномъ законѣ и законосовѣщательномъ характерѣ Г. Думы.

Какъ видно изъ рѣшеній, принятыхъ кіевскимъ съѣздомъ, на немъ доминирующую роль игралъ „Союзъ рус. народа“, который, благодаря количеству своихъ организацій, средствъ и связямъ съ властями, пріобрѣлъ къ

этому времени первенствующее положеніе среди другихъ монархическихъ организацій; неудивительно, что и программа его была признана на съѣздѣ наиболѣе соотвѣтствующей духу „истинно-русскихъ“ людей. „Московскія Вѣдомости“ въ № отъ 13 окт. въ ст. „Итоги кіевскаго съѣзда“ такъ формулировали его значеніе: „*Петербургскій* съѣздъ явился какъ бы торжественнымъ „заглавіемъ“ или „введеніемъ“ въ великую книгу исторіи объединенія русскаго народа для борьбы съ современной крамолой... *Московскій* съѣздъ представляется какъ бы обширнымъ „оглавленіемъ“ или перечнемъ *всѣхъ* современныхъ жизненныхъ вопросовъ Россіи... Съ *Кіевскаго* съѣзда начинается уже подробная, тщательная разработка *отдѣльныхъ группъ* этихъ вопросовъ для того, чтобы дать на нихъ точные, опредѣленные отвѣты“.

Послѣ кіевскаго съѣзда учрежденная имъ „Главная управа объединеннаго русскаго народа“ дѣйствовала очень вяло [1]); изъ предположенныхъ областныхъ управъ тоже ничего не вышло; немногія, начавшія дѣйствовать, проявляли мало энергіи [2]). Назначенный первоначально на декабрь IV всероссійскій съѣздъ пришлось перенести на весну 1907 г. какъ въ виду подготовки къ выборамъ во 2-ую Думу, такъ и потому, что въ этотъ періодъ колебаній въ политикѣ правительства не было увѣренности, что съѣздъ будетъ разрѣшенъ. Съѣздъ былъ перенесенъ поэтому на апрѣль-май 1907 г., т.-е. послѣ созыва II-ой Думы. Незадолго до его созыва— 19 апр. 1907 г. состоялось соединенное засѣданіе совѣтовъ только что объединившихся организацій „Русск. собр.“ и „Союза рус. народа“ (Дубровинъ, Пуришкевичъ, Шаховской, Булацель и др.), на которомъ была констатирована полная бездѣятельность Главной управы, въ виду отсутствія у нея власти и средствъ, и безсмысленность ея существованія въ такомъ видѣ [3]). По предложенію гр. Апраксина было рѣшено предложить уничтожить глав. управу, а для объединенія дѣятельности монархическихъ организацій образовать учрежденіе изъ 30—40 наиболѣе вліятельныхъ ихъ руководителей.

IV съѣздъ объединеннаго народа или всероссійскій съѣздъ русскихъ людей засѣдалъ въ Москвѣ съ 26 апр. по 1 мая 1907 г., т.-е. въ періодъ дѣятельности 2-ой Гос. Думы и ея остраго, почти безпрерывнаго, конфликта

---

[1]) 18 апр. 1907 г. наканунѣ созыва IV всероссійскаго съѣзда рус. людей въ Петербургѣ зарегистрирована организація „Объединеннаго русскаго народа“, состоявшая изъ „Союза рус. народа“ и „Рус. собранія“.

[2]) Наиболѣе жизнеспособными изъ нихъ оказались Московская, составлявшая и распространявшая избират. воззванія во время изб. камп. при выборахъ во 2-ую и Ярославская.

[3]) Въ своихъ рѣчахъ Дубровинъ и Пуришкевичъ противопоставляли безсильной главной управѣ могущественный С. р. н., имѣющій по всей Россіи „900 отдѣловъ“.

съ правительствомъ. На съѣздъ были приглашены: 1) „организаціи, примкнувшія къ „Объединенному русскому народу“ въ лицѣ своихъ представителей и членовъ; 2) всѣ единомышленныя имъ патріотическія организаціи, стоящія за Православную Церковь, Самодержавнаго русскаго Царя и за русскій народъ; 3) всѣ русскіе люди, искренно преданные этимъ основнымъ тремъ началамъ; 4) представители всѣхъ патріотическихъ (правыхъ) изданій“.

IV Съѣздъ отличался необычайнымъ многолюдствомъ: на немъ присутствовало около 800 чел. и фигурировало 130 привезенныхъ мѣстными организаціями хоругвей и знаменъ (въ томъ числѣ знамя рабочихъ Кіевскаго С. р. н.) [1]). Съѣздъ собрался при нѣсколько повышенномъ настроеніи его членовъ. Исходъ выборовъ во 2-ую Думу, оказавшейся еще лѣвѣе первой, съ сильнымъ соціалистическимъ лѣвымъ крыломъ; продолжающееся и все усиливающееся аграрное движеніе, безсиліе правительства справиться съ революціоннымъ движеніемъ—все это заставляло монархистовъ думать, что безъ коренного измѣненія избирательнаго закона, безъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства революція будетъ продолжаться и неминуемо превратится въ соціальную. При такомъ положеніи вещей реакціонеры склонны были винить правительство въ бездѣятельности и нерѣшительности, и временами на съѣздѣ это проявлялось въ рѣзкомъ и оппозиціонномъ тонѣ по отношенію къ власти. Для монархистовъ дѣло стояло такъ, что необходимо перейти отъ обороны отъ революціи къ наступленію на нее и продиктовать правительству программу его политики.

Передовая „Моск. Вѣд.“ отъ 26-го апрѣля „Задачи русскаго народа“, посвященная открывающемуся съѣзду, такъ формулировала ихъ: „Мы не сомнѣваемся, что IV Всерос. съѣздъ исполнитъ задачу указать Россіи, *что должно дѣлать*. Но засимъ русскому народу надлежитъ подняться на *третью* ступень своей исторической миссіи: передъ нимъ немедленно является не менѣе важный вопросъ; какъ, *какими средствами*, русскій народъ можетъ достигнуть осуществленія того, чего необходимость будетъ установлена созданной имъ программой“.

Недовольство правительствомъ выразилось въ выступленіяхъ многихъ ораторовъ. Такъ, напр., дворянинъ Пасхаловъ говорилъ: „по нынѣшнимъ временамъ было бы лучше, если-бы правительства не было; тогда весь народъ позаботился бы о своей охранѣ“.

Ю. Бартеневъ развилъ цѣлую программу дѣятельности для правитель-

---

[1]) Среди представленныхъ на съѣздѣ организацій, кромѣ обычно фигурирующихъ на всѣхъ съѣздахъ, отмѣтимъ: новую кіевскую организацію „Двуглавый Орелъ“, москов. „кружекъ Александра III“ „Царское народное общество“ въ Казани; общ. „Кречетъ“ (Москва).

ства, включающую роспускъ Думы и измѣненіе избирательнаго закона, установленіе военной диктатуры и обузданіе печати. Бутурлинъ, Дубровинъ и Родзевичъ также требовали диктатуры; Пуришкевичъ настаивалъ на томъ, что С. р. п. долженъ быть противопоставленъ Думѣ; Гр. Коновницынъ говорилъ о еврейскомъ засильѣ; кн. Щербатовъ—по земельному вопросу; Шелестовъ—изъ Екатеринослава—объ отпорѣ русскихъ рабочихъ революціи; Крушеванъ протестовалъ противъ запрещенія офицерамъ и солдатамъ посѣщать собранія союза рус. народа.

Постановленія IV съѣзда свелись къ слѣдующему:

По вопросу о мѣрахъ въ интересахъ государственной безопасности, признано необходимымъ:

1) Немедленно распустить крамольную Г. Думу; 2) отмѣнить положеніе о Думѣ и выборахъ, замѣнивъ ее законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, составъ котораго „пополнялся бы по системѣ сочетанія выборовъ, жребія и Царскаго созыва“; 3) организовать комиссію изъ вѣрныхъ сыновъ для выработки новаго положенія о выборахъ; 4) не допускать къ выборамъ неблагонадежныхъ лицъ; 5) учредить должности безотчетныхъ генералъ—губернаторовъ „съ правомъ надзора и контроля за всѣми учрежденіями и должностными лицами и съ правомъ ихъ устраненія впредь до успокоенія страны“; 6) повсемѣстно ввести военное положеніе; 7) возстановить военно-полевые суды; 8) взыскивать штрафы за революціонныя дѣйствія, причемъ въ отношеніи евреевъ и прочихъ инородцевъ налагать штрафы на цѣлыя мѣстности и группы населенія; 9) разоружить евреевъ, кавказцевъ и поляковъ; 10) легализировать охранныя дружины союза русск. народа и вооружить ихъ; 11) издать указъ о запрещеніи чиновникамъ участвовать въ нелегализованныхъ партіяхъ; 12) принять самыя строгія мѣры противъ революціонной печати: ввести образовательный и имущественный цензъ для редакторовъ; установить самыя строгія взысканія за распространеніе ложныхъ свѣдѣній и подстрекательство къ преступленіямъ; предоставить преслѣдованіе виновныхъ въ частномъ порядкѣ; не допускать возобновленія запрещенныхъ изданій; 13) озаботиться (правительству) созданіемъ національной и патріотической печати; 14) уничтожить институтъ выборныхъ судей; 15) передать чайныя, читальни и народные дома правительственныхъ попечительствъ о народной трезвости съ ассигнованіемъ средствъ патріотическимъ организаціямъ; 16) запретить евреямъ, хотя бы и крещенымъ, поступать на военную и государственную службу и въ адвокатуру; 17) запретить евреямъ содержать банки, банкирскія конторы и ссудныя кассы, принимать участіе въ казенныхъ подрядахъ, косвенно пріобрѣтать и арендовать землю; 18) ограничить евреевъ въ правѣ торговли и занятій промышленности.

По *школьному* вопросу съѣздъ высказался за уничтоженіе университетской автономіи, студенческихъ сходокъ, партій и землячествъ и за закрытіе въ случаѣ безпорядковъ учебныхъ заведеній; за широкую сѣть среднихъ городскихъ ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ, химическихъ и др. профессіональныхъ школъ безъ права перехода въ высшія учебныя заведенія, за религіозно-національное воспитаніе, за преимущество школъ церковно-приходскаго типа. Для проведенія этой программы долженъ быть назначенъ „истинно-русскій министръ", учителя должны вербоваться только изъ русскихъ, но не евреевъ.

По *земельному* вопросу съѣздъ вынесъ слѣдующую резолюцію: „4-ый всероссійскій съѣздъ полагаетъ, что, при разнообразіи мѣстныхъ условій, нуждъ и способовъ ихъ удовлетворенія, только одинъ Государь Императоръ, при помощи освященнаго всесословнаго земскаго собора, собраннаго только изъ православныхъ и старообрядцевъ и крестьянъ по одному отъ каждаго уѣзда, можетъ справедливо и безобидно устранить главную причину переживаемаго нами земельнаго нестроенія". Должны быть сохранены въ неприкосновенности „бытовыя особенности" крестьянства, въ видѣ неотчуждаемости надѣльной земли и сохраненія общины; выходъ изъ общины допускается только при передачѣ надѣльной земли общинѣ.

По *рабочему* вопросу резолюція, принятая съѣздомъ, такова: „Въ виду тяжелаго общаго положенія, необходимо всѣмъ рабочимъ русскимъ объединяться въ союзы и общества на началахъ взаимопомощи и самодѣятельности въ экономическомъ отношеніи и на началахъ Православія, Самодержавія и Народности—въ политическомъ". Далѣе резолюція говоритъ о необходимости рабочимъ организаціямъ принять „практическое направленіе" и пользоваться кредитомъ изъ „національнаго банка" и о созывѣ „Рабочаго Съѣзда представителей отъ всѣхъ союзовъ, обществъ русскихъ рабочихъ для обсужденія исключительно экономическихъ условій жизни и труда".

По *окраинному* вопросу принята резолюція, требующая, чтобы окраинами управляли „православные русскіе по духу люди", чтобы на окраинахъ въ школѣ и въ судѣ, вездѣ, кромѣ семьи, литературы и церкви былъ русскій.

Резолюціи четвертаго всероссійскаго съѣзда монархическихъ организацій показываютъ рѣшимость контрреволюціонной партіи заставить правительство вступить на путь самой безоглядной реакціи, не считающейся ни съ законами, ни съ логикой экономическаго развитія. Для монархистовъ въ эту историческую минуту ставился вопросъ: быть или не быть. Быть—значило для нихъ добиваться своего господства цѣной самой безпощадной репрессіи и пріостановки всякой общественной жизни въ Россіи; не быть —значило дать совершаться историческому процессу, подготовленному всѣмъ предыдущимъ развитіемъ въ

Россіи, нашедшему свое выраженіе въ манифестѣ 17-го октября и обрекшему ихъ на потерю своего политическаго и соціальнаго привилегированнаго положенія. Выбора при такихъ условіяхъ у дѣятелей контрреволюціи быть не могло. И дальнѣйшія событія показали, что рѣшительной политикой въ духѣ постановленій IV съѣзда и правительство, и стоявшія за его спиной соціальныя группы на нѣкоторое время могли еще сохранить за собой политическія привилегіи и экономическое господство.

Кромѣ политическихъ рѣшеній, съѣздъ принялъ также рядъ постановленій частью организаціоннаго, частью тактическаго характера. По вопросу объ объединеніи патріотическихъ организацій съѣздъ принялъ слѣдующую знаменательную для роли въ этотъ періодъ Союза р. народа резолюцію: „Въ виду преобладающаго значенія „С. р. н.“, имѣющаго въ настоящее время болѣе 900 отдѣловъ, союзу этому предоставляется забота о возможномъ объединеніи остальныхъ монархическихъ организацій, не вошедшихъ въ Союзъ русск. народа. Желательно, чтобы отдѣльныя патріотическія организаціи вступали въ сношенія съ главн. сов. С. р. н.“ Так. обр. вмѣсто коалиціоннаго органа—Главн. Управы объед. рус. народа—центральной организаціей всѣхъ контрреволюціонныхъ организацій объявлялся офиціально главн. сов. союза р. народа. Докторъ Дубровинъ и его ближайшіе друзья одержали большую побѣду надъ своими конкурентами—единомышленниками.

Съѣздъ постановилъ далѣе увѣковѣчить память „мучениковъ“, гибнущихъ на посту въ борьбѣ съ крамолой и образовать Всероссійскій Національный Фондъ для борьбы съ крамолой, въ правленіе котораго были избраны: кн. Щербатовъ, д-ръ Дубровинъ, Пуришкевичъ, І. Восторговъ, Крушеванъ и Грингмутъ; въ фондъ этотъ тутъ же среди членовъ съѣзда собрано было 35 тыс. рублей. Наконецъ, съѣздъ постановилъ проводить бойкотъ евреевъ въ области торговли, содѣйствуя русской торговлѣ, и призналъ „неблаговременною“ депутацію къ Царю, ограничившись посылкой привѣтственной телеграммы, въ отвѣтъ на которую получена была доброжелательная телеграмма.

Монархическія партіи аристократическаго типа остались не вполнѣ довольны результатами съѣзда—побѣдой дубровинскаго направленія. По крайней мѣрѣ „М. В.“ посвятили рѣшеніямъ съѣзда меньше вниманія, чѣмъ это бывало до тѣхъ поръ, а „Вѣстникъ Русскаго Собранія“ писалъ: „Первые два съѣзда были—*интеллигентными*, вторые 2 болѣе народными“. При этомъ онъ жаловался на обиліе делегатовъ (болѣе 700), ихъ некультурность и на то, что съѣздъ превратился въ митингъ, доказывая необходимость упорядоченія представительства на будущихъ съѣздахъ; слѣдуетъ выбирать по возможности „наиболѣе культурные“ элементы; только тогда съѣзды станутъ работоспособны.

Аристократическіе—дворянскіе элементы монархическихъ партій спасовали передъ численностью и натискомъ союзнической арміи д-ра Дубровина.

Параллельно съ съѣздами черносотенной „всесословной“ контрреволюціи происходили съѣзды представителей сословной дворянской реакціи, въ лицѣ съѣздовъ уполномоч. дворянскихъ обществъ, которая, по мѣрѣ распространенія аграрнаго движенія, все болѣе оформлялась и использовала въ своихъ соціальныхъ и политическихъ интересахъ тѣ побѣды и успѣхи, которыхъ въ борьбѣ съ революціей добились соціально недифференцированныя силы монархическихъ партій.

2-ой съѣздъ уполномоченныхъ дворянскихъ съѣздовъ—14—18 ноября 1906 г. состоялся подъ предсѣдательствомъ гр. А. А. Бобринскаго. На немъ присутствовало 77 уполномоченныхъ отъ 30 дворянскихъ обществъ и 44 дворянина съ совѣщательнымъ голосомъ; среди этихъ 121 членовъ съѣзда мы находимъ многихъ видныхъ представителей различныхъ монархическихъ партій (гр. Дорреръ, кн. Касаткинъ-Ростовскій, кн. Цертелевъ, Н. А. Павловъ, А. Чемадуровъ, С. Бехтѣевъ, Исѣевъ, В. М. Пуришкевичъ, В. Н. Озпобишинъ, Олсуфьевъ, А. А. Нарышкинъ, А. И. Зыбинъ, С. Шараповъ, П. Крупенскій и др.).

Съѣздъ отвергъ предложеніе нѣкоторыхъ делегатовъ о слияніи съ безсословнымъ союзомъ земельныхъ собственниковъ на томъ основаніи, что дворяне должны сохранять свою *сословную* организацію и ихъ съѣзды должны и впредь носить характеръ официальнаго представительства дворянства. Пославъ телеграмму привѣтствія Столыпину по случаю покушенія на него и выразивъ одобреніе его политикѣ, дворянскій съѣздъ высказалъ благодарность гр. Дорреру и другимъ курскимъ дворянамъ, взявшимъ на себя починъ изгнанія изъ дворянскаго общества депутатовъ 1-ой Г. Думы—дворянъ, подписавшихъ выборгское воззваніе.

Два основныхъ вопроса стояли въ порядкѣ дня работъ съѣзда—объ измѣненіи существующаго избирательнаго закона и о борьбѣ съ аграрными безпорядками—вопросы выдвинутые самою жизнью. Въ рѣчахъ большинства выступавшихъ по первому вопросу ораторовъ высказывалась та мысль, что пока не будетъ измѣненъ избирательный законъ въ духѣ сословности, дворянство не будетъ имѣть надлежащаго представительства въ Государственной Думѣ. Опытъ первой Думы блестяще доказалъ это. Въ отвѣтъ на указанія нѣкоторыхъ делегатовъ, утверждавшихъ, что дворянство должно подчиниться волѣ Государя, послышались очень характерные для настроенія дворянъ того времени мотивы. Дворянинъ А. А. Дубенскій, напр., заявилъ: „Подчиняясь закону, мы обязаны заявить, что законы 6-го августа и 11-го декабря не даютъ русскому народу дѣлового представительства и благодаря ему въ Думу вошли элементы, которые ввергли Россію въ такую

бездну, изъ которой ей трудно выйти. Элементъ собственниковъ, всецѣло подавленный на выборахъ элементомъ пролетарскимъ, не можетъ играть надлежащей роли, и на избирательномъ съѣздѣ можно было услышать отъ массы владѣльцевъ нѣсколькихъ саженъ земли возмутительную аттестацію крупныхъ землевладѣльцевъ: это была настоящая революція на законномъ основаніи. Необходимо выдѣлить всю массу пролетаріевъ въ одну группу и твердо заявить, что Россія есть страна собственниковъ. а пролетарскому направленію, созданному закономъ, въ ней нѣтъ мѣста". Еще рѣшительнѣе говорилъ дв. Исѣевъ: „...Совершенно невѣрно высказанное здѣсь положеніе, что если правительство объявитъ, что дворянство болѣе ненужно, то дворянство должно съ этимъ примириться: дворянство жило не одну сотню лѣтъ и не при одномъ *Государѣ*, вѣроятно переживетъ еще многихъ и преждевременно ему изображать изъ себя барана, обреченнаго на закланіе". А дв. А. А. Нарышкинъ, указывая, что дворянство, будучи на выборахъ въ меньшинствѣ, все же должно бороться, закончилъ свою рѣчь слѣд. образомъ: „если же умирать въ политической борьбѣ, то, вспомнивъ 1793 годъ, я скажу, что предпочелъ бы умереть съ Вандейцами, чѣмъ входить въ стачку съ *Якобинцами*" [1]).

Большія пренія вызвалъ вопросъ о томъ, должны ли дворяне дѣйствовать на выборахъ, какъ самостоятельная сила, или же примкнуть къ той или иной политической партіи. Вопросъ этотъ, въ виду разногласій, остался неразрѣшеннымъ и предложенія Пуришкевича, усиленно рекламировавшаго на съѣздѣ Союзъ р. н., о соединеніи съ этой организаціей, были отклонены. По вопросу же объ избирательномъ законѣ съѣздъ единогласно призналъ существующій избир. законъ 11 дек. 1905 г. *неудовлетворительнымъ*, но въ виду указаній многихъ ораторовъ, что правительство этого закона не измѣнитъ, постановилъ *не* ходатайствовать объ его измѣненіи, а только выразилъ пожеланіе (предложеніе совѣта) объ его измѣненіи въ „сословно-групповомъ" направленіи и о томъ, чтобы отдѣльныя группы населенія (крестьяне, крупные землевладѣльцы, мелкіе землевладѣльцы и горожане) выбирали отдѣльно своихъ представителей въ Г. Думу. Далѣе „къ свѣдѣнію" для выборовъ принято предложеніе кн. Абамелекъ-Лазарева, чтобы дворянскія общества и отдѣльные дворяне на избирательныхъ собраніяхъ не проводили „отдѣльныхъ программъ, не давали обѣщанія, не опровергали крайнія программы, а сосредоточили всѣ усилія на томъ, чтобы мѣшать успѣху крайнихъ партій путемъ указанія, что тотъ или другой изъ ихъ кандидатовъ не можетъ быть избранъ, т. к. онъ идетъ противъ Царя и присяги".

По второму вопросу—о мѣрахъ борьбы съ аграрными безпорядками и

---

[1]) Труды 2-го съѣзда уполн. двор. общ. 14—18 ноября 1906 г. стр. 22—26.

о вознагражденіи пострадавшихъ отъ нихъ дворянъ, послѣ преній, въ которыхъ нѣкоторые дворяне жаловались на бездѣйствіе власти, на безнаказанность революціонеровъ и т. п., по предложенію совѣта, приняты слѣд. пожеланія: 1) признать необходимымъ властное возстановленіе авторитета закона и права введеніемъ усиленной уголовной отвѣтственности за аграрно-революціонныя преступленія; 2) признать необходимымъ усиленіе полицейской стражи въ уѣздахъ; 3) признать, что возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ землевладѣнію разгромами и всякими иными насиліями революціоннаго свойства, лежитъ на обязанности государства, и такой единогласный взглядъ съѣзда поручить совѣту довести до свѣдѣнія правительства; 4) поручить совѣту обратить вниманіе правительства на тѣ стороны дѣятельности судебныхъ учрежденій, которыя, вслѣдствіе слабости надзора со стороны министра юстиціи, препятствуютъ осуществленію твердой политики правительства, направленной къ подавленію смуты и аграрныхъ безпорядковъ; 5) поручить совѣту настоять предъ правительствомъ на измѣненіи политики Крестьянскаго Банка, раззорительной для государства и вредной для культуры страны; 6) поручить совѣту просить правительство обратить вниманіе на злоупотребленіе свободой слова прессой революціоннаго направленія". При обсужденіи вопроса о злоупотребленіи органами печати свободой слова было отвергнуто предложеніе Пуришкевича отъ имени С. р. н. пожертвовать 1000 р. въ фондъ для созданія дворянской газеты, при чемъ съѣздъ, выразивъ ему благодарность, постановилъ вопросъ о созданіи своего печатнаго органа и о средствахъ на него передать на обсужденіе отдѣльныхъ дворянскихъ обществъ.

Мы видимъ, что 2-ой съѣздъ объединенныхъ дворянъ въ области *политической* не рѣшался еще играть самостоятельной роли: дворянство не надѣялось убѣдить правительство въ необходимости измѣнить избирательный законъ и ограничилось одною его критикой; оно отказалось отъ офиціальнаго присоединенія къ как.-нибудь политической партіи и отъ денежной зависимости отъ С. р. н. Для открытой политической роли дворянства въ контрреволюціонномъ процессѣ время еще не пришло: оно еще переживало въ этомъ отношеніи подготовительный періодъ. Зато въ области защиты своихъ непосредственныхъ *экономическихъ* и *соціальныхъ* интересовъ дворяне уже на 2-мъ съѣздѣ обнаружили настойчивость и твердую рѣшимость, несмотря ни на что, не уступать ни пяди своихъ земель. На почвѣ такой защиты дворянами своей собственности и сложилась политическая роль, пріобрѣтенная постепенно организаціей объединенныхъ дворянъ.

3-ій съѣздъ объединенныхъ дворянъ, происходившій весной 1907 г., уже послѣ выборовъ во 2-ую Думу и послѣ того, какъ направленіе ея дѣятельности вполнѣ опредѣлилось, отражалъ полную растерянность дворянскаго сословія. Оно чувствовало, что почва уходитъ у него изъ-подъ ногъ и въ

то же время не рѣшалось активно предпринять тѣ или другіе шаги для своего спасенія. По многимъ вопросамъ на съѣздѣ среди дворянъ обнаружились колебанія и разногласія.

Центральнымъ пунктомъ порядка дня было обсужденіе выработаннаго совѣтомъ устава организаціи объединенныхъ дворянъ. Послѣ продолжительныхъ преній уставъ этотъ въ редакціи совѣта былъ принятъ, при чемъ послѣ этого представители Воронежской, Псковской и С.-Петербургской губ. заявили протестъ противъ пункта устава, допускающаго общеполитическую дѣятельность дворянскихъ съѣздовъ и умаляющаго роль отдѣльныхъ губернскихъ собраній, указавъ, что при такихъ условіяхъ они не могутъ оставаться въ составѣ членовъ дворянскихъ съѣздовъ.

По вопросу объ аграрныхъ безпорядкахъ, вызвавшему оживленные и наиболѣе страстные дебаты, 3-ій съѣздъ отвергъ предложеніе нѣкоторыхъ делегатовъ объ обращеніи къ Монарху съ просьбой о защитѣ земельной собственности и ограничился резолюціей: „Съѣздъ, признавая принципъ неприкосновенности собственности краеугольнымъ камнемъ существованія государства, о чемъ Государю Императору неоднократно благоугодно было возвѣстить съ высоты престола, не усматриваетъ основаній къ возбужденію нынѣ какихъ-либо ходатайствъ и поручаетъ совѣту ревниво оберегать историческіе устои государства и при первой встрѣченной необходимости рѣшительно выступить въ ихъ защиту передъ Его императорскимъ Величествомъ". Возраженія противъ адреса Монарху съ просьбой о подтвержденіи принципа неприкосновенности собственности мотивировались такого рода аргументами: Н. Ф. Сухомлиновъ: „Если мы будемъ вліять на то, чтобы Государь сказалъ свое слово теперь же, то представители лѣвыхъ партій достигнутъ того, чего желаютъ. Они стремятся дискредитировать Государя въ глазахъ населенія; они этимъ воспользуются и скажутъ народу, что Дума желаетъ дать ему землю, а Царь не согласится"... Секретарь совѣта А. И. Зыбинъ: „Государь неоднократно говорилъ и обѣщалъ это (подтвержденіе неприкосновенности частной собственности *В. Л.*) выполнить. Всякое дальнѣйшее ходатайство будетъ признакомъ недовѣрія со стороны дворянства къ словамъ, сказаннымъ Государемъ, и недовѣрія, основаннаго на такихъ фактахъ, которые недостаточно сильны".

Напротивъ того, сторонники подачи адреса ссылались на необходимость подтвержденія принципа неприкосновенности частной собственности съ высоты Престола въ виду все разростающагося аграрнаго движенія и пропаганды принципа принудительнаго отчужденія земли оппозиціонными фракціями 2-ой Думы. Нѣкоторые при этомъ доказывали необходимость роспуска 2-ой Думы, поощряющей аграрное движеніе [1]).

[1]) Труды 3-го съѣзда уполном. двор. общ. 32-хъ губ. съ 27-го марта по 2 апр. 1907 г. Стр. 255—267.

Съѣздъ принялъ далѣе резолюцію по вопросу о средней и высшей школѣ, осудивъ университетскую автономію и потребовавъ отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ безпорядками въ высшей школѣ, и выразивъ пожеланіе о воспитаніи молодежи „въ вѣрѣ, преданности Престолу и отечеству, въ уваженіи къ законности, порядку и подчиненіи дисциплинѣ".

По вопросу о мѣстной реформѣ 3-ій съѣздъ высказался за предварительное обсужденіе законопроектовъ о ней въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, прежде чѣмъ они встанутъ на обсужденіе законодательныхъ учрежденій. Наконецъ, по вопросу о дѣятельности крестьянскаго банка съѣздъ принялъ пожеланіе „объ уничтоженіи спекулятивнаго характера дѣятельности банка и придачи ей характера попечительнаго и культурнаго двигателя".

Такъ. образомъ на третьемъ съѣздѣ объединенные дворяне стоятъ еще на распутьи; они еще не рѣшаются стать тѣмъ „преддумьемъ", каковымъ они стали впослѣдствіи, послѣ акта 3-го іюня 1907 г.; они еще только высказываютъ „пожеланія" и даютъ совѣты правительству, не рѣшаясь оказывать на него рѣшительнаго давленія, хотя по адресу его отдѣльныхъ представителей (напр. мин. земледѣлія, кн. Васильчикова) изъ устъ многихъ делегатовъ срываются крайне рѣзкія выраженія, и отказываются пока отъ обращенія къ Монарху, которое способно вызвать конфликтъ между нимъ и Думой. Для дворянъ еще не окончательно выяснена возможность измѣненія избирательнаго закона, хотя характеръ революціи, покушающейся на ихъ собственность, вырисовывается для нихъ вполнѣ опредѣленно.

Чтобы покончить съ дѣятельностью дворянскихъ организацій въ этотъ періодъ времени, необходимо упомянуть, что уже во время дѣятельности во второй Думѣ дворянство и особенно его крайніе правые элементы — начинаютъ складываться въ политическую силу въ Гос. Совѣтѣ, гдѣ засѣдаютъ видные участники дворянскихъ съѣздовъ: Нарышкинъ, Бехтѣевъ, Олсуфьевъ, Нейдгардтъ и др. Впрочемъ, только при третьей Думѣ аграрно-дворянское представительство въ Гос. Совѣтѣ совокупно съ Совѣтомъ объединеннаго дворянства превращается въ силу, которая диктуетъ правительству линію его поведенія въ вопросахъ текущей политики.

6) Погромы и контреволюціонные террористическіе акты.

О первой волнѣ анти-еврейскихъ и анти-интеллигентскихъ погромовъ весны и осени 1905 г. мы уже писали. Послѣ подавленія декабрьскаго возстанія, когда, казалось, революція потерпѣла рѣшительное пораженіе, правыя организаціи стали возлагать всѣ свои надежды на благопріятный для нихъ исходъ выборовъ въ Думу, разсчитывая, что преобладающее вліяніе

крестьянства на выборахъ по закону 11-го декабря 1905 г. дастъ побѣду консервативнымъ элементамъ. Поэтому въ періодъ избирательной кампаніи правыя партіи распространяютъ въ массовомъ количествѣ популярную литературу, воздерживаясь отъ какихъ либо боевыхъ дѣйствій. Лишь по мѣрѣ того, какъ изъ хода избирательной кампаніи на протяженіи всей Россіи стало обнаруживаться, что на побѣду правыхъ группъ нѣтъ никакой надежды, контреволюціонныя организаціи возобновляютъ погромную агитацію.

„Русское Знамя“ начинаетъ свою погромную кампанію тотчасъ послѣ взрыва революціонерами харчевни „Тверь“ за Невской заставой въ СПБ. 27-го янв. 1906 г. Газета посвящаетъ этому событію нѣсколько рѣзкихъ статей, въ одной изъ которыхъ говорилось: „Видно силенъ С. р. н., если революціонеры уже начали бросать бомбы въ чайное заведеніе, въ которомъ нашъ союзъ кормитъ бѣдныхъ русскихъ рабочихъ, оставшихся безъ заработка вслѣдствіе гнусной забастовки..... Народъ разыщетъ убійцъ! Они разбудили народъ; пусть же сами пеняютъ потомъ на себя... Появятся фанатики среди приверженцевъ самодержавія“. (Ст. П. Булацеля). Въ такомъ же духѣ пишется рядъ статей и произносятся рѣчи на похоронахъ убитыхъ союзниковъ[1]). 13 февраля органъ монархической партіи въ Кіевѣ „Самодержавіе“, писалъ: „Нельзя держать бѣшенную собаку на свободѣ въ томъ соображеніи, что при встрѣчѣ съ ней каждый воленъ посторониться“. А 10-го марта „Рус. Знамя“, утверждая, что союзники вооружаются для самообороны, а не для насилій, прибавляло: „Статьи, направленныя противъ Союза русскаго народа возбуждаютъ такое негодованіе среди членовъ союза, что можетъ настать минута, когда С. р. н. окажется не въ силахъ сдержать это негодованіе..... и что тогда будетъ съ лицами, такъ или иначе прикосновенными къ революціонному движенію, *а эти господа почти всѣ уже извѣстны массѣ народа*“. А 23-го марта 1906 г., послѣ снятія въ Бѣлостокѣ военнаго положенія и убійства полиціймейстера, передовая „Рус. Знамени“ „Горе побѣжденнымъ“ недвусмысленно писала: „Гдѣ же ты, наконецъ, Мститель за русскую кровь? Гдѣ русское правительство, обязанное стать на защиту русскихъ гражданъ“. 1-го іюня въ Бѣлостокѣ разразился еврейскій погромъ, отъ котораго пострадало нѣсколько сотъ человѣкъ.

Чѣмъ ближе къ открытію засѣданій Думы, тѣмъ погромный топъ черносотенныхъ писаній слышится все явственнѣе. 29-го марта Аполлонъ Майковъ (сынъ поэта) угрожаетъ на стр. „Р. Зн.“: „Трепещите, когда народъ русскій станетъ плечомъ къ плечу и властно заявитъ, что, кромѣ него, у

---

[1]) „Русское Знамя“ открыло тотчасъ же подписку въ пользу жертвъ взрыва 27 янв. и ихъ семей съ призывомъ къ патріотамъ жертвовать. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль подписка эта дала 882 р. 55 к.

кормила правленія нѣтъ мѣста никакимъ партіямъ, что онъ одинъ хозяинъ въ своей землѣ и найдетъ доводы, чтобы поддержать свое заявленіе и заставить себѣ повиноваться".

Въ концѣ апрѣля, послѣ взрыва бомбы въ Кишиневѣ на частной квартирѣ, газета П. Крушевана „Другъ" помѣстила ст. подъ характернымъ заглавіемъ „Дѣдушка Линчъ! Пожалуйте", въ которой читаемъ такія строки: „*Провозглашаю законъ Линча.* И предупреждаю всѣхъ „бомбистовъ", что если кто-нибудь попытается помѣшать мнѣ и другимъ примѣнять его, тотъ взлетитъ на воздухъ".... А редакція прибавила къ этой угрозѣ отъ себя: „Квартиры бомбистовъ извѣстны. Надо только сразу. Конечно, если попытку сдѣлать....", то „*линчевать всѣхъ 16*". Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣ подобныя угрозы и погромные призывы на столбцахъ черносотенныхъ газетъ.

Еще откровеннѣе, чѣмъ въ газетахъ, погромные призывы въ спеціальныхъ прокламаціяхъ. Приведемъ выдержку изъ одной изъ нихъ, типичной. Это прокламація „Центральнаго всероссійскаго патріотическаго комитета", вышедшая съ разрѣшенія цензуры: „Русскіе защитите Ваши святыни. Часъ пробилъ, довольно! Разите враговъ безъ жалости. Насъ заставили взяться за оружіе, поднимайся же русскій народъ, бей и уничтожай! Смерть врагамъ, да здравствуетъ народный самосудъ надъ крамольниками". А въ прокламаціяхъ къ солдатамъ: „Товарищи—молодцы" содержатся такія строки: „не щадите оружіемъ лицъ освободительнаго движенія" [1]).

Эти двѣ прокламаціи распространялись въ концѣ апрѣля и первыхъ числахъ мая. А въ маѣ и іюнѣ 1906 г., въ отвѣтъ на рабочія демонстраціи 1-го мая, по Россіи прокатилась новая волна погромовъ (въ Вологдѣ, Муромѣ, Симбирскѣ—1 мая; въ Александровскѣ избіенія евреевъ въ началѣ мая; 1-го іюня въ Бѣлостокѣ, 9 іюля въ Ниж.-Новгородѣ [2]) и др.). Въ теченіе всего лѣта, во время засѣданій Думы и послѣ ея роспуска, газеты пестрятъ сообщеніями о вооруженіи союзниковъ и о ихъ нападеніяхъ на улицахъ на мирныхъ гражданъ. Въ Тулѣ союзъ „За вѣру и Царя" вооружаетъ своихъ членовъ; въ Курскѣ организуется дружина до 500 чел., по сообщеніямъ правыхъ газетъ. Погромныя прокламаціи въ усиленномъ количествѣ распространяются въ Варшавѣ, Кременчугѣ, Орлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Севастополѣ и др. городахъ. Въ Суджѣ, Черниговск.

---

[1]) Одинъ изъ авторовъ и распространителей подобныхъ погромныхъ прокламацій д. с. с. Лавровъ былъ привлеченъ къ суду за возбужденіе населенія и присужденъ къ штрафу въ 100 руб.

[2]) Погромы эти большею частью происходятъ при участіи мѣстной полиціи, а кое-гдѣ и войскъ (Бѣлостокъ). Еще ранѣе надо отмѣтить погромъ въ Гомелѣ въ январѣ и въ Ялтѣ 13-го марта. По поводу Гомельскаго погрома „Р. Зн." писало: „Гомельское пожарище—это месть народная" (за убійство пом. прист. Асонова).

губ., такія прокламаціи распространяются воинскимъ начальникомъ; въ Полтавѣ, Кишиневѣ и Курскѣ погромныя прокламаціи распространяются среди солдатъ. Въ Одессѣ прокламаціи заканчиваются призывомъ: „Бей жидовъ“. 10-го іюля въ Одессѣ члены Союза русс. народа производятъ небольшой еврейскій погромъ [1]).

Передъ роспускомъ 1-й Думы, по сообщенію газ. „Право“ (1906 г. № 28), Союзъ русскаго народа (глав. совѣтъ) усиленно печатаетъ въ тайной типографіи черносотенныя прокламаціи и тайно отправляетъ ихъ въ провинцію. Прокламаціи о разгонѣ Думы и объ избіеніяхъ евреевъ и всѣхъ крамольниковъ отправляются на имя предсѣдателей провинціальныхъ отдѣловъ С. р. н. Больше всего направляется погромной литературы въ Николаевъ, Одессу, Екатеринославъ, Кіевъ, Гомель, Варшаву, Вильно, Саратовъ.

Въ отвѣтъ на заявленіе Столыпина о недопущеніи еврейскихъ погромовъ тов. предсѣд. гл. сов. С. р. н. Тришатный писалъ въ № „Рус. Зн.“ отъ 20 іюня: „Есть предѣлъ... Не помогутъ никакія грозныя предостереженія, подобныя сдѣланнымъ мин. вн. дѣлъ по поводу еврейскихъ погромовъ и адресованныя почему-то къ *русскому* населенію. Никакими силами не сдержать тогда страшнаго взрыва народнаго негодованія“. А Крушеванъ въ „Другѣ“ по поводу этого же заявленія Столыпина помѣстилъ статью подъ названіемъ „Министръ Столыпинъ зарывается“ [2]).

26-го августа въ Сѣдлецѣ произошелъ погромъ еврейскаго населенія. „Рус. Зн.“, „Моск. Вѣд.“ и другія патріотическія газеты увѣряли, что разстрѣлъ жителей явился въ результатѣ планомѣрнаго „нападенія“ евреевъ на войско.

Послѣ роспуска Первой Думы, позиціи правыхъ партій усилились: вѣдь, было удовлетворено ихъ домогательство.

Власти все болѣе начинаютъ считаться съ отдѣлами Союза русскаго народа, члены котораго чувствуютъ себя теперь безнаказанными [1]). Теперь массовые еврейскіе погромы, къ которымъ высшія власти стали относиться неодобри-

---

[1]) По поводу весеннихъ погромовъ „Р. Зн.“ писало въ № отъ 18 мая „Въ народѣ уже ростетъ неудержимо тоже своего рода „освободительное“ движеніе отъ всѣхъ этихъ новыхъ, слишкомъ кровавыхъ „свободъ“ и ихъ апостоловъ. Въ опасную игру играете, господа“. А послѣ бѣлостокскаго погрома д-ръ Дубровинъ 7 іюня обвинялъ евреевъ, „которые своими преступленіями довели до преступленія русскій народъ“.

[2]) Въ это же время собраніе всѣхъ кіевскихъ монархическихъ партій (Русск. Мон. Партія; Рус. Собр.; Русск. Братство; Торг.-пром. партія; Партія правового порядка; Союзъ 17-го окт.; Союзъ Рус. Народа и Патріотич. содружество рабочихъ) вырабатываютъ докладную записку кіевскому генералъ-губернатору, въ которой грозятъ еврейскимъ погромомъ въ случаѣ, если не будутъ обузданы евреи и революціонеры.

[3]) Къ этому времени относятся первыя Высочайшія ходатайства союзниковъ о помилованіи погромщиковъ.

тельно послѣ сдѣланныхъ въ 1-й Думѣ разоблаченій относительно Кишиневскаго и Бѣлостокскаго погромовъ, смѣняются частичными избіеніями черносотенцами отдѣльныхъ лицъ изъ среды интеллигенціи, учащихся и особенно евреевъ. Такія избіенія дѣлаются повседневнымъ явленіемъ въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, Одесса и другихъ мѣстахъ черты еврейской осѣдлости, гдѣ члены боевыхъ дружинъ, подъ названіемъ „резницковъ", „желторубашечниковъ", „бѣлогвардейцевъ" и др. производятъ ежедневную уличную расправу съ „крамольными" элементами. Въ Ярославлѣ члены С. р. н. съ кинжалами и нагайками нападаютъ на солдатъ, рабочихъ и обывателей. Распространеніе прокламацій съ призывомъ къ избіенію и истребленію евреевъ и крамольниковъ идетъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны властей. На югѣ (Харьковъ, Одесса и др.) усиленное распространеніе такой литературы совпадаетъ съ агитаціонной поѣздкой доктора Дубровина по южнымъ отдѣламъ С. р. н. Въ Симферополѣ, Екатеринославѣ и др. городахъ союзники избиваютъ газетчиковъ, отказывающихся продавать черносотенныя газеты („Вѣче" и др.).

Послѣ покушенія на Столыпина—на Аптекарскомъ островѣ—„С. р. н." снова начинаетъ говорить о народномъ самосудѣ. „Если правительство уступитъ евреямъ—писало послѣ этого покушенія „Русс. Знамя"—то всему міру будетъ ясно, что Россіею управляютъ трусы"; тогда-то начнется, по словамъ газеты, „дѣйствительно *русская* (а не еврейская) революція". 13-го сент. „Рус. Знамя", призывая правительство на рѣшительную борьбу съ революціонерами, аргументировало фактами народной расправы съ крамольниками и писало: „Избави насъ Богъ отъ этихъ ужасовъ народнаго самосуда! Пока еще у насъ есть правительство и будемъ надѣяться, что оно сумѣетъ возстановить миръ и порядокъ на Руси".

10-го ноября, въ связи съ проникшими въ печать слухами о предстоящемъ расширеніи правъ евреевъ, глав. совѣтъ „Союза рус. народа" послалъ нижеслѣдующее офиціальное заявленіе правительству: „Союзу р. народа въ лицѣ его главнаго совѣта и мѣстныхъ отдѣловъ до сего времени приходилось прилагать не мало усилій къ тому, чтобы предотвратить проявленія дикаго насилія и самосуда со стороны угнетеннаго евреями и крайне негодующаго населенія, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, и так. образомъ евреи въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязаны мирнымъ исходомъ недоразумѣній исключительно сдерживающему вліянію С. р. н. Въ случаѣ расширенія правъ евреевъ, которое несомнѣнно вызоветъ сильнѣйшій взрывъ негодованія въ русскомъ населеніи, главный совѣтъ Союза, не будучи уже болѣе въ состояніи сдерживать проявленія этого негодованія, снимаетъ съ себя *отвѣтственность* за могущія произойти послѣдствія". Въ другомъ обращеніи черносотенцевъ къ правительству въ связи съ слухами о еврейскомъ равно-

правіи прямо говорилось: „Не губите Россію, пока не поздно, не *толкайте* насъ на погромъ".

Начало избирательной кампаніи во 2-ю Гос. Думу ознаменовалось новой серіей избіеній союзниками евреевъ. На этотъ разъ дѣло не доходило до погромовъ, въ виду ясно выраженнаго желанія центральныхъ властей, чтобы погромовъ не было. Но отчаявшись, при сохраненіи избирательнаго закона, на основаніи котораго избрана была первая „крамольная" Дума, одержать побѣду при свободныхъ выборахъ, союзники разсчитывали путемъ угрозъ евреямъ и ихъ избіеній добиться избранія своихъ кандидатовъ. На всемъ юго-западѣ союзники открыто грозятъ евреямъ погромомъ, если они будутъ участвовать въ выборахъ. Въ Одессѣ черносотенцы обращаются съ прокламаціей къ евреямъ, требуя воздержанія отъ голосованія [1]) въ Александровскѣ, Екатеринослав. губ. угрозы союзниковъ заставляютъ большинство еврейскихъ избирателей воздержаться отъ участія въ выборахъ. Въ Кишиневѣ сторонники Крушевана разгоняютъ собранія прогрессивныхъ избирателей. Въ Лубнахъ и Черкассахъ черносотенцы на улицѣ отбираютъ у еврейскихъ избирателей бюллетени и при этомъ избиваютъ ихъ. Въ Одессѣ 21 янв. 1907 г. послѣ предвыборнаго собранія союзниковъ, на которомъ, по словамъ одесскаго корреспондента одной изъ прогрессивныхъ газетъ, „произносились каннибальскія рѣчи, бѣлогвардейцы разсыпались вооруженными бандами по всему городу, избивали и подкалывали ножами и кинжалами множество народа". Такія же избіенія въ теченіе избирательной кампаніи (янв.-февр. 1907 г.) происходили въ Одессѣ не разъ. Въ меньшихъ размѣрахъ мы наблюдаемъ подобное же явленіе въ періодъ избирательной кампаніи въ Симферополѣ, Мелитополѣ, Елисаветградѣ и нѣкоторыхъ другихъ южныхъ городахъ. Въ Гомелѣ въ день выборовъ союзники избиваютъ евреевъ. Въ Бендерахъ союзники грозятъ избіеніемъ евреевъ въ случаѣ „неудачи", а въ Екатеринославѣ и Александровскѣ послѣ провала на выборахъ союзники избиваютъ евреевъ, при чемъ въ Екатеринославѣ они выбиваютъ каменьями стекла въ редакціяхъ прогрессивныхъ газетъ „Южная Заря" и „Приднѣпровскій Край".

Послѣ созыва 2-ой Думы избіенія, какъ правило, прекращаются и союзники обращаютъ свое главное вниманіе на борьбу съ новой, еще болѣе „революціонной", чѣмъ первая, Думой.

Утверждая въ своихъ офиціальныхъ торжественныхъ заявленіяхъ, что они являются рѣшительными противниками всякихъ насилій, всякаго террора [2]), контрреволюціонныя партіи, въ особенности Союзъ русскаго

---

[1]) Въ Смоленскѣ у евреевъ требуетъ воздержанія отъ выборовъ мѣстная полиція.

[2]) Послѣ убійства деп. 1-ой Думы (Герценштейна (к. д.), „Русс. Знамя", напр. заявило: „Мы принципіально отвергаемъ всякія политическія убійства, лѣвыя или

народа, какъ мы уже видѣли, на дѣлѣ прибѣгали къ насилію въ видѣ избіеній и погромовъ своихъ противниковъ и просто мирнаго населенія и въ острые моменты борьбы въ своей литературѣ открыто призывали къ самосуду и погромамъ.

Теперь намъ придется остановиться на другой формѣ насилія, какъ средства политической борьбы—на актахъ индивидуальнаго (бѣлаго) террора, примѣнявшихся въ ходѣ революціи и контрреволюціи дѣятелями правыхъ организацій.

Когда отдѣльныя организаціи правыхъ стали съ конца 1906 и начала 1907 г. образовывать при себѣ боевыя дружины и вооружать ихъ оружіемъ, официально они мотивировали это необходимостью самообороны отъ революціонеровъ. Таковъ же былъ официальный мотивъ существованія такой специфической организаціи, какъ Общество активной борьбы съ революціей и анархіей. Но на самомъ дѣлѣ еще съ конца 1905 г. въ Петербургѣ, Москвѣ и др. городахъ члены союзническихъ дружинъ употребляли свое оружіе не столько для самообороны, сколько для нападенія на революціонеровъ: въ Петербургѣ и Москвѣ происходитъ рядъ убійствъ рабочихъ-соціалистовъ, въ провинціи (Одессѣ, Кіевѣ и др.) эти дружинники нерѣдко являются активными участниками еврейскихъ и интеллигентскихъ погромовъ и избіеній. Послѣ одного изъ столкновеній рабочихъ-соціалистовъ съ рабочими-союзниками возлѣ союзнической чайной въ Петербургѣ (на Пет. сторонѣ) тов. предсѣдателя глав. совѣта С. р. н. Пуришкевичъ на страницахъ „Русск. Знамени“ (22 іюля 1906 г.) предупреждалъ революціонеровъ, что союзническіе дружинники хорошо вооружены и что всякій, кто осмѣлится напасть на нихъ, будетъ, по его приказанію, *публично высѣченъ*. Во многихъ провинціальныхъ городахъ обыватели вынуждены были хлопотать передъ администраціей о разоруженіи союзниковъ въ виду творимыхъ ими безчинствъ.

Несмотря на эти факты [1]), монархическія организаціи продолжали отрицать участіе своихъ членовъ въ убійствахъ. Дѣло Герценштейна открыло, наконецъ, глаза тѣмъ, кто вѣрилъ этимъ утвержденіямъ. Представитель отъ Москвы въ 1-ой г. Думы, М. Я. Герценштейнъ, принадлежалъ къ числу

правыя безразлично“. Подобныя же заявленія неоднократно дѣлались органами и другихъ монархическихъ партій.

1) Отмѣтимъ еще нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что союзники не только примѣняли террористическія средства борьбы, но не брезгали даже такимъ орудіемъ разрушенія, какъ бомбы. Въ началѣ іюня 1906 г. у предсѣдателя гомельскаго отдѣла С. р. н. Давыдова при обыскѣ найдена снаряженная бомба; 27 сент. того же года у задержаннаго на одномъ изъ московскихъ вокзаловъ союзника Рознатовскаго обнаружены бомба и 49 револьверовъ; наконецъ, въ маѣ 1907 г. въ помѣщеніи союзнической чайной въ Петербургѣ на Пет. ст. (въ ватерклозетѣ) отъ неизвѣстной причины взорвалась бомба.

самыхъ ненавистныхъ для реакціонныхъ партій депутатовъ за отстаиваніе съ трибуны Государственной Думы принципа принудительнаго отчужденія земли и за дѣятельное участіе въ думской комиссіи по аграрному вопросу. Въ многочисленныхъ статьяхъ органы правой печати дѣлали Герценштейна отвѣтственнымъ за аграрное движеніе, называя его подстрекателемъ къ „иллюминаціямъ“ (такъ въ одной рѣчи назвалъ онъ разгромы крестьянами дворянскихъ помѣстій).

18 іюля 1906 г. черезъ недѣлю послѣ роспуска 1-ой Гос. Думы Герценштейнъ былъ убитъ въ Теріокахъ (въ Финляндіи) револьверными выстрѣлами неизвѣстныхъ людей [1]). Слѣдствіе обнаружило, что передъ убійствомъ въ Теріоки пріѣхало пятеро неизвѣстныхъ лицъ (нѣкоторые были загримированы), исчезнувшихъ тотчасъ послѣ убійства. Далѣе обнаружилось, что за 6 часовъ до убійства союзникъ Трухачевъ сообщилъ московской газетѣ „Маякъ“ о томъ, что Герценштейнъ убитъ.

Несмотря на это, реакціонныя газеты утверждали, что въ убійствѣ Герценштейна виновны евреи и революціонеры. „М. В“. писали при извѣстіи объ убійствѣ Герценштейна: „Съ тяжкимъ чувствомъ услыхали мы вѣсть объ убійствѣ быв. чл. Г. Д. М. Я. Герценштейна“, и тутъ же намекали на участіе въ этомъ убійствѣ евреевъ. А петербургская черносотенная газ. „Объединеніе“, напомнивъ, что Герценштейнъ стоялъ за принудительное отчужденіе земли, заявило: „Свершилось преступленіе и, какъ таковое, оно не можетъ не заслуживать порицанія. Личная ли месть, опасенія ли за будущее Россіи или какія иныя причины послужили поводомъ къ убійству, пока неизвѣстно. Убитъ одинъ изъ величайшихъ враговъ Россіи... Смерть Герценштейна нанесла кадетской партіи сильнѣйшій ударъ“. Впослѣдствіи во время выборовъ во 2-ую Думу 28 дек. моск. обл. упр. объед. рус. народа, за подписями Грингмута и Восторгова, офиціально заявила, въ опроверженіе утвержденіямъ газ. „Вѣче“, что „Патріотическія организаціи рѣшительно осуждаютъ всякій терроръ“.

Слѣдствіе [2]) по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна, начатое финляндскими властями, очень скоро напало на слѣдъ дѣятелей петербургскаго Союза русскаго народа. Неудивительно поэтому, что на Высочайшее Имя посыпались телеграммы отъ провинціальныхъ отдѣловъ С. р. н. съ протестомъ противъ разбора дѣла объ убійствѣ Герценштейна въ Финляндіи и съ требованіемъ передачи его въ русскій судъ. Эти домогательства не

---

[1]) За нѣсколько времени до смерти Герценштейнъ, какъ и другіе видные дѣятели к.-д. партіи, получилъ угрожающія письма.

[2]) Во время слѣдствія вдова Герценштейна получила письмо, вымогающее отъ нея деньги, за подписью „Камора народной расправы“ и съ изображеніемъ черепа и 2-хъ сложенныхъ на крестъ костей.

имѣли однако успѣха и финляндскому суду удалось установить, что непосредственнымъ убійцей Герценштейна былъ рабочій, членъ С. р. н. Ларичкинъ, — что убійство это онъ совершилъ по порученію начальника боевой дружины С. р. н. Н. М. Юскевича-Красковскаго, ближайшаго помощника д-ра Дубровина; что Юскевичъ-Красковскій организовалъ это убійство, привезя въ Теріоки накладныя бороды, очки и прочія принадлежности грима. Остальными участниками убійства были рабочіе-союзники Александровъ, Половневъ („Сашка Косой", раб. Путиловскаго завода и ближайшій помощникъ руководителя „Общ. активной борьбы съ революціей и анархіей"— Дезобри), Казанцевъ, Тополевъ (онъ же „Гамзѣй Гамзѣевичъ"). На судѣ вскрылись изъ показаній Ларичкина, Александрова, а также рабочихъ-союзниковъ: Лаврова и Зорина, подробности относительно боевой дѣятельности С. р. н. Они показали, что Ларичкинъ въ 1905 г. убилъ по приказанію Юскевича-Красковскаго рабочаго-соціалиста Мухина, что тотъ же Юскевичъ-Красковскій подбивалъ рабочихъ убить директора Семянниковскаго зав. Гинзбурга, что за убійство Герценштейна Ларичкинъ получилъ 1000 р. и новую одежду, и что послѣ совершенія Ларичкинымъ убійства д-ръ Дубровинъ его расцѣловалъ въ помѣщеніи С. р. н. и т. д. [1]). Финляндскій судъ осудилъ всѣхъ попавшихъ въ его руки убійцъ (Ларичкина, Александрова, Половнева, Юскевича) къ тюремному заключенію на различные сроки. Впрочемъ, Юскевичъ-Красковскій былъ впослѣдствіи помилованъ. [2]Дубровинъ, вызывавшійся въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу, на судъ не явился и привлеченъ къ дѣлу не былъ.

Разоблаченія союзниковъ на финляндскомъ процессѣ доказали прикосновенность даже вождей С. р. н. къ террористическимъ убійствамъ. Одновременно съ разборомъ дѣла объ убійствѣ Герценштейна въ мартѣ 1907 г. другой фактъ подтвердилъ эту прикосновенность. Мы имѣемъ въ виду убійство депутата 1-ой Думы Іоллоса (к.-д.) въ Москвѣ. 14-го марта 1907 г. Іоллосъ былъ убитъ на улицѣ возлѣ дома Торопова, члена областной управы союза русскаго народа и предсѣдателя московскаго „союза активной борьбы съ революціей и анархіей"; изъ этого дома, въ которомъ помѣщалась ред. газ. „Вѣче", областная управа „Объед. Рус. народа". и штабъ-квартира московскихъ черносотенцевъ, выбѣжалъ убійца. Какъ выяснилось потомъ, за нѣсколько дней до убійства къ Іоллосу приходилъ союзникъ Лебедевъ, предупреждавшій его о готовящемся на него покушеніи. Черносотенныя газеты по поводу убійства Іоллоса выступили со статьями противъ политическихъ убійствъ, дѣлая намеки на то, что Іоллосъ палъ

---

[1]) Свидѣтель—союзникъ Крикъ (солдатъ) утверждалъ на судѣ что Дубровинъ и Булацель предлагали дружинникамъ въ его присутствіи убить Петрункевича.

жертвой революціонеровъ. А между тѣмъ въ день убійства Іоллоса—16-го марта—на 1-ой стр. „Русскаго знамени“ былъ помѣщенъ черный крестъ [1]), который, согласно цитированному нами выше тайному циркуляру главнаго совѣта С. р. н., долженъ былъ послужить сигналомъ къ посылкѣ провинціальными отдѣлами С. р. н. телеграммъ о роспускѣ 2-ой Думы и устройству на мѣстахъ патріотическихъ манифестацій.

Долгое время не удавалось обнаружить дѣйствительныхъ виновниковъ убійства Іоллоса. Впослѣдствіи дѣло, однако, обнаружилось и вскрылась подоплека этого убійства. Оказалось, что убійцей Іоллоса былъ рабочій Василій Ѳедоровъ, сознавшійся впослѣдствіи въ убійствѣ; убилъ онъ Іоллоса по наущенію рабочаго-союзника Казанцева, принимавшаго, какъ мы уже знаемъ, участіе въ убійствѣ Герценштейна, представившагося ему революціонеромъ и выдавшаго ему Іоллоса въ качествѣ человѣка, измѣнившаго партіи соціалистовъ-революціонеровъ и максималистовъ и растратившаго деньги, полученныя отъ произведенной партіей экспропріаціи. Узнавъ о своей ошибкѣ, Ѳедоровъ рѣшилъ отомстить Казанцеву и убилъ его 27-го мая того же года въ лѣсу на ст. Ржевкѣ Ириновк. жел. дороги, возлѣ Петербурга. Разоблаченія Ѳедорова пролили свѣтъ на все это кошмарное дѣло [2]). Они же дали нить, по которой удалось установить, кѣмъ подготовлялись два неудавшіяся покушенія на гр. Витте. Казанцевъ, убѣдившій Ѳедорова убить Іоллоса, проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ управляющаго домомъ нѣкого графа Буксгевдена, чиновника особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ и руководителя московской добровольной охранной организаціей. Слѣдствіе по дѣлу объ Іоллосѣ установило близкія отношенія Казанцева и Буксгевдена, тѣсно связаннаго съ руководителями московскаго „подотдѣла активной борьбы съ анархіей и революціей“; оно обнаружило далѣе, что непосредственно послѣ убійства Іоллоса матеріальныя дѣла гр. Буксгевдена, одно время находившіяся въ очень шаткомъ положеніи, сразу значительно поправились; что Казанцевъ получилъ отъ Буксгевдена деньги за выслѣживаніе революціонеровъ и съ его вѣдома жилъ по чужому паспорту на имя Каз. Олейко, полученному имъ непосредственно изъ охраннаго отдѣленія и т. п. Разоблаченія Ѳедорова установили также, что Казанцевъ былъ организаторомъ неудававшагося покушенія противъ гр. Витте въ началѣ 1907 г. (попытка спустить черезъ крышу его дома адскую машину), при чемъ

---

[1]) Такой же самый черный крестъ былъ помѣщенъ въ моск. газ. „Вѣче“ въ день убійства деп. Герценштейна.

[2]) Въ журналѣ „Русс. мысль“ за 1914 г. (№ 2) помѣщена ст. Л. Львова „Семь лѣтъ назадъ“, основанная на офиціальныхъ документахъ и выясняющая обстоятельства убійства Іоллоса, какъ и неудавшагося покушенія на гр. Витте въ томъ же 1907 году.

Казанцевъ принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, подготовлялъ вторичное покушеніе на Витте, уже послѣ убійства Іоллоса, но которое не довелъ до конца, т. к. былъ наканунѣ убійства убитъ Ѳедоровымъ.

Покушенія на Витте столь же характерны для боевыхъ черносотенцевъ Дубровинскаго и Буксгевденскаго типа, какъ и убійства депутатовъ изъ оппозиціи, ибо гр. Витте въ глазахъ правыхъ партій всѣхъ оттѣнковъ былъ авторомъ ненавистнаго имъ манифеста 17-го октября, „покровителемъ“ евреевъ и потворщикомъ революціонерамъ.

Разоблаченія Ѳедорова о покушеніяхъ на убійство гр. Витте равно какъ и слѣдственный матеріалъ по этимъ дѣламъ, проливаютъ яркій свѣтъ на подпольную работу черносотенныхъ организацій и на отношеніе къ ней властей. На слѣдствіи по дѣлу о покушеніи на гр. Витте, 30 янв. 1907 г. свидѣтель рабочій Александръ Тхорь показалъ слѣдующее: „Я состоялъ членомъ С. р. н. съ 7 авг. 1906 г. по 1 янв. 1907 г.; изъ союза я вышелъ добровольно, вслѣдствіе того, что мнѣ, когда я ознакомился съ дѣятельностью союза, не понравилось его направленіе, а особенно мнѣ не понравилось, что въ союзѣ по цѣлымъ днямъ говорилось и обсуждалось о побояхъ и убійствахъ. Я слышалъ тамъ объ убійствѣ Герценштейна; тамъ же я слышалъ разговоры о необходимости убить Винавера и Родичева; когда былъ убитъ градоначальникъ ф.-деръ-Лауницъ, то по телефону вызывали редакцію „Рѣчи“ члены С. р. н. И. И. Комиссаровъ и конторщикъ Федотовъ, которые по телефону пригрозили что „за Лауница будете имѣть дѣло съ нами, это дѣло вашихъ рукъ“... Въ ноябрѣ или декабрѣ 1906 г. въ конторѣ союза въ кв. по 4-й ротѣ д. № 6, кв. 27, гдѣ были Власовъ, И. Комиссаровъ, Федотовъ и еще два конторщика, зашелъ разговоръ о гр. Витте слѣд. содержанія: Власовъ:—гр. Витте виновникъ всего движенія; Федотовъ: его бы пристрѣлить я бы пошелъ съ удовольствіемъ; Власовъ: кого назначатъ, тотъ и пойдетъ“.

А когда петерб. градонач. ф.-д. Лауница еще осенью 1906 г. предупреждали о готовившемся покушеніи на гр. Витте, онъ сказалъ что „онъ не въ силахъ предотвратить этого“ (показ. кн. Андроникова).

Второе покушеніе на гр. Витте было задумано Казанцевымъ весною 1907 г. Онъ предложилъ Ѳедорову бросить бомбу въ графа, когда тотъ поѣдетъ на засѣданіе 26 мая 1907 г. Департаментъ полиціи получилъ извѣщеніе о готовящемся покушеніи и засѣданіе Совѣта было отмѣнено. А на слѣдующій день послѣ этого Ѳедоровъ убилъ Казанцева.

Интересно еще привести показаніе на слѣдствіи бывшаго секретаря „Р. Зн.“ Пруссакова. Онъ показалъ, что въ декабрѣ 1906 г. Дубровинъ просилъ его достать планъ дома гр. Витте, нужный де одной особѣ для изобличенія Витте и похищенія компрометтирующихъ его документовъ. Далѣе Пруссаковъ заявилъ, что за нѣсколько дней до покушенія 30 янв. 1907 г.

онъ видѣлъ въ ред. „Р. Зн.“ черновой набросокъ статьи о состоявшемся покушеніи въ котор. указывалось, что покушеніе—дѣло рукъ революціонеровъ. А когда нужное покушеніе состоялось, „Р. Зн.“ съ негодованіемъ писало о „кровожадныхъ“ революціонерахъ.

Если въ дополненіе къ приведеннымъ фактамъ мы напомнимъ, что уже при существованіи 3-й Думы въ Екатеринославѣ союзниками былъ убитъ депутатъ 2-й Думы трудовикъ д-ръ Караваевъ, какъ это выяснилось изъ разоблаченій союзника-охранника Казакова; если прибавимъ, что во время 1-й 2-й Думъ наиболѣе видные депутаты оппозиціи неоднократно получали угрожающія письма съ обѣщаніемъ расправы съ ними, то останется внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что руководители и вожди нашего черносотеннаго движенія 1905—07 г. не брезгали и террористическими пріемами борьбы, устраняя такимъ путемъ наиболѣе опасныхъ съ ихъ точки зрѣнія противниковъ и въ то же время стремясь запугать революціонныя партіи.

Впрочемъ, какъ и всякій терроръ, терроръ контрреволюціонный не приводилъ къ цѣли, поставленной себѣ его вдохновителями: онъ только разоблачалъ въ глазахъ многихъ изъ сторонниковъ правыхъ партій ихъ внутреннее безсиліе и противорѣчіе между ихъ словами и дѣлами.

7) Черносотенцы и власть.

Говоря о различныхъ формахъ дѣятельности правыхъ партій, намъ неоднократно приходилось указывать на благожелательное и покровительственное отношеніе къ нимъ представителей высшей и низшей правительственной власти. Черносотенныя организаціи то и дѣло обращаются съ телеграммами къ Государю, министрамъ, губернаторамъ и т. д. и получаютъ отвѣтныя телеграммы и иные знаки вниманія. Съѣзды и совѣщанія правыхъ партій получаютъ привѣтствія и благодарность отъ представителей мѣстной власти и отъ высокопоставленныхъ лицъ.

Послѣ роспуска 2-й Думы д-ръ Дубровинъ получаетъ телеграфный отвѣтъ на Всеподданнѣйшую телеграмму, въ которомъ говорилось: „Увѣренъ, что теперь всѣ истинно-вѣрные и русскіе беззавѣтно любящіе свое отечество сыны сплотятся еще тѣснѣе и, постоянно умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ достичь мирнаго обновленія нашей святой и великой Россіи и усовершенствованія быта великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ союзъ русскаго народа надежной опорой, служа для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка“.

Черносотенныя организаціи рядомъ телеграммъ на Высочайшее имя добиваются помилованія лицъ, осужденныхъ за погромы и т. п. Но сочув-

ствіе властей правымъ организаціямъ не ограничивается этимъ. По мѣрѣ того, какъ курсъ правительственной политики все болѣе сталъ отклоняться *вправо* (въ особенности послѣ роспуска 1-ой Думы и занятія поста премьера П. А. Столыпинымъ), представители правительства болѣе активно начинаютъ поддерживать организаціи правыхъ. Мы не говоримъ здѣсь о неофиціальныхъ субсидіяхъ имъ, о чемъ упоминали раньше, но имѣемъ въ виду совершенно *явную* поддержку контррев. организацій. Приведемъ нѣкоторые, наиболѣе яркіе факты.

Моск. градоначальникъ ген. Рейнботъ поздравляетъ Ярославскій отдѣлъ С. р. н. съ успѣшной дѣятельностью. Въ *Самарѣ* архіерей и губернаторъ (янв. 1906 г.) избраны въ члены С. р. н. Губернаторъ обращается при этомъ съ рѣчью къ союзникамъ, въ которой говоритъ: „Въ единеніи съ союзомъ я думаю послужить вѣрой и правдой". Передъ выборами въ первую и вторую Думу многіе губернаторы офиціально рекомендуютъ для распространенія черносотенныя газеты. Въ январѣ *Кіевскій* генералъ-губернаторъ выражаетъ благодарность предсѣдателю и членамъ С. р. н. за содѣйствіе полиціи во время парада. Въ *Москвѣ* члены черн. орг. образуютъ добровольно охрану во время различныхъ торжествъ. 13 марта 1906 г. въ Одессѣ раб. Алексѣевъ отъ имени Од. отд. с. р. н. подноситъ генералъ губернатору Карангозову значекъ союза, кот. тотъ принимаетъ, обѣщая бороться съ кромолой. Въ *Двинскѣ* въ началѣ 1907 года происходитъ перенесеніе союзническаго знамени на квартиру генералъ-губернатора. Въ *Полтавѣ* осенью 1906 г. администрація запрещаетъ газетамъ касаться дѣятельности союзниковъ. Въ *Одессѣ* ген. Каульбарсъ въ началѣ 1907 г. выдаетъ Елисаветградскимъ союзникамъ 10 винтовокъ и одновременно съ этимъ угрожаетъ пришедшей къ нему депутаціи изъ прогрессивныхъ дѣятелей погромомъ. Въ *Екатеринославѣ* общество стрѣлковъ черносотенцевъ получаетъ отъ администраціи разрѣшеніе упражняться въ стрѣльбѣ. Въ Одессѣ, Павлоградѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ члены союза рус. народа вмѣстѣ съ полиціей производятъ обыски, арестуютъ „неблагонадежныхъ" лицъ.

Вслѣдъ за свѣтской администраціей покровительство правымъ организаціямъ оказываетъ и духовенство. Въ Севастополѣ еще въ началѣ 1906 г. еп. Алексѣй рекомендуетъ священникамъ посѣщать собранія „Союза рус. народа"; въ Олонецкой губ. епархіальное начальство распространяетъ союзническіе листки. Въ Кишиневѣ въ началѣ 1907 г. консисторія предписываетъ священникамъ по всей Бессарабіи водрузить повсемѣстно стяги с. р. н. въ церквахъ. Въ Воронежѣ монахи распространяютъ черносотенныя прокламаціи и т. д. и т. д.

Вліяніе и значеніе правыхъ организацій достигаетъ такой силы, что

имъ удается кое-гдѣ заставлять городское самоуправленіе идти имъ на встрѣчу. Въ Кіевѣ и Екатеринославѣ отдѣлы с. р. н. добиваются постановки въ городскомъ театрѣ оперы „Жизнь за Царя“ (въ Кіевѣ во время всероссійскаго съѣзда патріотическихъ организацій). Въ Кишиневѣ городская дума ассигнуетъ 5 тыс. руб. въ пользу Союза русск. нар. (янв. 1907 г.); Луганская городская дума постановляетъ объ отдачѣ своего помѣщенія подъ собранія союза русск. народа.

Покровительство союзникамъ со стороны властей повышаетъ ихъ требовательность и нерѣдко отдѣлы союза рус. народа обращаются съ запросами, носящими иногда чуть не угрожающій характеръ, къ тѣмъ или другимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Такъ, напр., цѣлый рядъ мѣстныхъ отдѣловъ с. р. п. и монарх. партіи, не ограничившись Высочайшей телеграммой по поводу привлеченія къ судеб. отвѣтственности В. Грингмута за его, крайне рѣзкое, „открытое письмо къ правительству“, обращаются къ министру юстиціи съ протестомъ противъ этого привлеченія. А отдѣлъ с. р. н. мѣст. Кимры, не получивъ отвѣта отъ предсѣдателя 2-ой Г. Думы Головина на телеграмму, въ которой запрашивалось, какъ онъ допускаетъ въ Думѣ оскорбленія Государя, посылаетъ на его имя 16 коп. для отвѣта. Еще раньше выборщикъ по Бессарабской губ. въ 1 Думу антисемитъ Щербанъ телеграфно запрашиваетъ предсѣдателя 1-ой Думы Муромцева, будетъ ли примѣнена амнистія къ тѣмъ, кто убьетъ депутатовъ Винавера, Герценштейна, Острогорскаго и Муромцева [1]). Нерѣдки были также случаи, когда правымъ организаціямъ удавалось добиться смѣщенія того или другого администратора, стоявшаго имъ на пути (Одесс. градон. Григорьевъ).

Мы не будемъ повторять о многочисленныхъ телеграммахъ къ правительству и Государю съ требованіемъ сохраненія смертной казни, недопущенія амнистіи, роспуска 1-ой и 2-ой Думы и т. п.

Злоупотребленія, практикуемыя отдѣлами С. р. н. манерой посылать телеграммы по любому поводу на имя начальствующихъ лицъ, вынудили главн. сов. с. р. н. постановить 5 дек. 1906 г., чтобы мѣстные отдѣлы впредь воздерживались: 1) отъ посылки телеграммъ на Высочайшее имя безъ предварительнаго совѣта съ главн. совѣтомъ и 2) воздерживались отъ

---

1) Только рѣдкіе изъ администраторовъ рѣшались съ достоинствомъ отвѣчать на притязанія „патріотовъ“. Такъ адмиралъ Скрыдловъ въ отвѣтъ на грубую телеграмму Таврич. отд. с. р. н. по поводу каторжнаго (а не смертнаго) приговора с.-д. Канторовича, участника Шмитовскаго ноябр. (1905 г.) возстанія въ Севастополѣ, послалъ слѣд. телеграмму: „Въ виду полученія мною телеграммы отъ с. р. п., позволяющей себѣ критиковать мои распоряженія и предрѣшать мои будущія дѣйствія, предлагаю союзу воздержаться отъ вмѣшательства въ мои дѣйствія и распоряженія“.

выраженія благодарности или порицанія лицамъ и учрежденіямъ, дѣятельность которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ губерніи.

Одного этого постановленія достаточно, чтобы видѣть, какъ широко развернулись непосредственныя сношенія черносотенныхъ организацій съ представителями власти и какъ далеко нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи заходили.

IV.

Дѣятельность правыхъ партій на выборахъ и въ первыхъ двухъ Думахъ.

1) Выборы въ первую Думу.

Хотя наши контрреволюціонныя партіи стояли на точкѣ зрѣнія принципіальнаго отрицанія Думы, обладающей законодательными правами, однако онѣ приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи и въ выборахъ въ 1-ую Думу, мотивируя это необходимостью подчиниться волѣ Монарха. Но монархисты не скрывали того, что они идутъ на выборы въ надеждѣ побѣдить и черезъ Думу осуществить свои пожеланія. Надежда эта основывалась на томъ, что, во-первыхъ, избирательная кампанія въ 1-ую Думу началась немедленно послѣ декабрьскаго разгрома, когда революція казалась обезглавленной и окончательно поверженной въ прахъ, и, что, во-вторыхъ, выборы происходили по закону 11 дек. 1905 г., дававшему перевѣсъ крестьянству, на поддержку котораго крайніе правые—какъ ихъ дворянскіе, такъ и демагогическіе элементы,—въ то время разсчитывали. Надо имѣть въ виду, что въ эту пору аграрное движеніе не развернулось еще во всю ширь и какъ правительство, такъ и реакціонныя партіи по традиціи считали крестьянство надежной опорой въ борьбѣ за сохраненіе историческихъ завѣтовъ.

Вступая въ избирательную кампанію, контрреволюціонныя организаціи сдѣлали попытку объединиться для борьбы на выборахъ. 6 янв. въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ появилось воззваніе „Всенароднаго русскаго союза“, призывавшее избирателей записываться въ избирательные списки. Въ составъ этой организаціи вошли союзы и партіи, „исповѣдующіе Православную вѣру, нерушимость самодержавной власти Государя и единство Русск. земли“, а именно: „Союзъ русскихъ людей“, „Русская монархическая партія“, „Союзъ русскаго народа“, „Союзъ землевладѣльцевъ“, „Союзъ русскихъ патріотовъ“ и др. болѣе мелкія группы. Одновременно съ этимъ 11 янв. въ Петербургѣ въ газ. „Рус. знамя“ появилось воззваніе

къ избирателямъ, въ которомъ сообщалось, что „Рус. собр. и С. р. н. объединились для цѣлей выборной борьбы, о чемъ извѣщаютъ своихъ членовъ и всѣхъ сочувствующихъ избирательной программѣ „Русскаго собранія“ (см. гл. II). Воззваніе приглашало единомышленниковъ сообщать свои адреса, имена, фамиліи, званіе и т. д. Позднѣе, въ началѣ марта въ предвыборный союзъ двухъ наиболѣе значительныхъ петербургскихъ правыхъ организацій вступаетъ третья—„Русская партія народнаго центра“. Въ провинціи тоже происходятъ предвыборныя соединенія различныхъ правыхъ партій: такъ, напр. въ Иваново-Вознесенскѣ объединяются отдѣлъ С. р. н. и комитетъ самодержавно-монархической партіи; въ Шуѣ „партія русскихъ правыхъ людей“ растворяется въ мѣстномъ отдѣлѣ С. р. н.; въ Кіевѣ объединяются всѣ монархическія организаціи, включая отд. „партіи правового порядка“ и „торгово-промышленной партіи“; въ Екатеринославѣ крайніе монархисты проводятъ избирательную кампанію въ блокѣ съ октябристами и т. п.

Напротивъ того, въ обѣихъ столицахъ крайнія правыя партіи рѣшительно отгораживаются отъ союза 17-го октября. Выставляя въ своей избирательной программѣ трехчленную формулу „Православіе, Самодержавіе и Народность“, петербургскіе и московскіе (а вслѣдъ за ними и многіе провинціальные) монархисты настаиваютъ на томъ, что октябристы партія конституціонная, признающая ограниченіе царской власти Гос. Думой, стоящая на почвѣ виттевскаго манифеста 17 окт. и его конституціоннаго толкованія. Въ многочисленныхъ статьяхъ „М. Вѣд.“ нападаютъ на октябристовъ. Такъ въ № отъ 10 янв. газета писала: „Союзъ 17-го окт. и прочіе *конституціонныя* партіи идутъ *противъ* царской воли, такъ какъ они хотятъ *свергнуть царское самодержавіе* и замѣнить его *конституціей*. Государь же въ Манифестѣ 17-го октября, именуя себя, какъ всегда, „Самодержцемъ“ ни единымъ словомъ *отъ самодержавія не отрекался и никакой конституціи не объявлялъ*“. Въ такомъ же духѣ органъ русск. мон. партіи полемизировалъ и съ „Торгово-промышл. партіей“, обвиняя ее въ томъ, что она стоитъ не за самодержавнаго царя, а за „полуцаря“. Газета Дубровина не отставала въ борьбѣ съ октябристами отъ органа Грингмута.

Петербургскій Союзъ рус. народа на столбцахъ „Рус. знамени“ усиленно призывалъ рабочихъ принять участіе въ выборахъ въ Думу. Лозунгомъ избирательной кампаніи газета объявляетъ „Россія для русскихъ“[1]), въ которомъ объединены всѣ основные лозунги бытія русскаго народа: „за вѣру, царя и отечество“.... „Евреямъ, финляндцамъ, полякамъ, армянамъ и проч. инородцамъ совершенно не нужно никакого царя въ Россіи, они

---

[1]) № „Р. Зн.“ отъ 17 янв.

желаютъ сами управлять собою и страною, но русскій человѣкъ не можетъ себѣ представить Россіи безъ самодержавнаго царя. Въ немъ они видятъ своего заступника, своего верховнаго судью и вождя, который относется къ нимъ съ отеческой заботою и справедливостью". Въ другихъ статьяхъ, посвященныхъ будущей Думѣ, „Рус. Знамя" говоритъ о необходимости уравненія низшихъ сословій въ правахъ, распространеніи просвѣщенія, занятіи полицейскихъ и другихъ низшихъ должностей людьми изъ народа: „уничтожить монопольное положеніе интеллигенціи, поставить на подобающее мѣсто русскій народъ—вотъ задача каждой послѣдовательно мыслящей и дѣйствующей русской партіи".

Изъ другихъ избирательныхъ воззваній, помѣщаемыхъ въ изобиліи въ этотъ періодъ времени на страницахъ правыхъ газетъ, отмѣтимъ еще воззваніе „Союза рус. людей", характерное для этой организаціи. Въ этомъ воззваніи (янв. 1906 г.) рекомендовалось: „для устраненія смуты и для объединенія русской народности необходимо *передъ выборами* въ Думу созвать Земскій соборъ отъ населенія русскихъ губерній и областей съ преобладаніемъ выборныхъ отъ крестьянства". Московскіе „русскіе люди" остаются вѣрными себѣ и своему лозунгу совѣщательнаго Земскаго собора.

Организаціонная работа правыхъ партій во время избирательной кампаніи значительно отставала отъ ихъ агитаціонной дѣятельности, да и послѣдняя почти исключительно сводилась къ распространенію избирательныхъ воззваній и популярныхъ брошюръ. Что касается до устной агитаціи, то только еще въ столицахъ правыми партіями была развита довольно значительная дѣятельность: Русская монархическая партія въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ организовала въ теченіе января и февраля рядъ избирательныхъ собраній, на которыхъ иногда присутствовало по нѣсколько сотъ человѣкъ; въ Петербургѣ „Союзъ рус. народа", кромѣ большого торжественнаго собранія въ Михайловскомъ манежѣ, организовалъ два-три районныхъ избирательныхъ собранія, на самомъ большомъ изъ которыхъ (на Выборгской сторонѣ) присутствовало всего 200 человѣкъ. Въ провинціи дѣла крайнихъ правыхъ были еще хуже—тамъ, если такія собранія и назначались, то отличались крайнимъ немноголюдствомъ.

Несмотря на это, правыя газеты старались убѣдить своихъ читателей, пока окончательные результаты выборовъ были еще неизвѣстны, что побѣждаютъ на выборахъ повсюду монархисты. Этой версіи содѣйствовали и сообщенія офиціальнаго петербургскаго агентства, сообщавшаго объ избраніи „монархистовъ", „православныхъ", „русскихъ". 21-го марта Всенародный русскій союзъ выставилъ списокъ кандидатовъ въ выборщики по г. Москвѣ. Составъ ихъ очень характеренъ для привилегированнаго характера Русской монархической партіи, занимавшей доминирующее положеніе въ этомъ союзѣ.

Изъ 120 кандидатовъ въ выборщики было 29 лицъ духовнаго званія, 13 статскихъ и военныхъ генераловъ, 5 статскихъ совѣтниковъ, 5 придворныхъ чиновъ, 1 членъ Государственнаго Совѣта, 2 цензора, 65 купцовъ, торговцевъ и домовладѣльцевъ (въ ихъ числѣ много церковныхъ старостъ). Въ составѣ этого списка фигурировали, между другими, историкъ Д. Иловайскій, Ѳ. Самаринъ, проф. Васнецовъ, прис. пов. Шмаковъ. Списокъ этотъ на выборахъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, собравъ всего 2 съ небольшимъ тысячи голосовъ изъ общаго числа около 40 тыс. участвовавшихъ въ голосованіи; даже октябристы собрали значительно большее число голосовъ. Такое же пораженіе потерпѣли монархисты и по Московской губерніи.

Въ Петербургѣ объединенный списокъ кандидатовъ въ выборщики, выставленый „Рус. собр.“, „Союз. рус. народа“ и „Партіей народ. центра“ 17-го марта, былъ болѣе разнообразенъ по своему составу, чѣмъ московскій, что соотвѣтствовало „всесословному“ характеру руководящей блокомъ организаціи С. р. н. Въ него входили рядомъ съ 7 священниками, 16 тайными, статскими и дѣйствительными статскими совѣтниками, 8 отставными военными, 3 придворными, 1 членомъ Гос. Совѣта, 11 потомств. дворянами, 2 баронами, 1 графомъ, 4 домовладѣльцами, 11 купцами и 9 мелкими чиновниками,—29 крестьянъ, 5 рабочихъ, 4 ремесленника и 10 лицъ свободныхъ профессій (литераторы, врачи, инженеры, художникъ, профессора). Въ спискѣ правыхъ выборщиковъ мы встрѣчаемъ имена многихъ видныхъ дѣятелей контрреволюціи: А. И. Дубровина, П. Булацеля, кн. Д. П. Голицына, проф. Соболевскаго гр. Апраксина, двор. Бехтѣева, купцовъ Баранова и Чекалова, Н. А. Энгельгардта, художника А. А. Малькова, Юскевича-Красковскаго, Половнева (послѣдніе двое-будущіе участники убійства Герценштейна).

Списокъ объединенныхъ правыхъ организацій потерпѣлъ въ Петербургѣ еще большее пораженіе, чѣмъ въ Москвѣ, собравъ всего нѣсколько сотъ голосовъ, такъ что „Русское Знамя“ не нашло даже нужнымъ сообщить своимъ читателямъ объ исходѣ выборовъ. Та же участь постигла правыхъ на выборахъ въ подавляющемъ количествѣ городовъ съ отдѣльнымъ представительствомъ [1]).

Пораженій въ Петербургѣ и Москвѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ, было достаточно, чтобы вожди правыхъ организацій немедленно перемѣнили фронтъ по отношенію къ Госуд. Думѣ.

21 марта „Русск. Знамя“ въ ст. „Дождались“ писало, констатируя побѣды на выборахъ к.-д. партіи: „И если такая наглость (побѣда враговъ

---

[1]) Изъ общаго количества выборщиковъ въ городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ—1761 чел., правые завоевали всего 76 мѣста.

отечества) не встрѣтитъ должнаго и дружнаго отпора, то, право, лучше сейчасъ спустить Русское Знамя и объявить, что Великая Россійская Монархія перестала существовать. Тогда, по крайней мѣрѣ, всѣ русскіе люди получатъ свободу почина и дѣйствій, и, не ожидая ничьей поддержки, сами, какъ въ 1613 г., отвратившись отъ малодушныхъ и равнодушныхъ, возсоздадутъ ту мощную православную Русь, которую когда-то называли Святою Русью". А 23-го марта въ ст. „Выборы" та же газета писала: „со всѣхъ сторонъ сообщаются свѣдѣнія о томъ, что продажа Вѣры, Царя и Родины въ Петербургѣ шла успѣшно, но только цѣны сильно колебались". Въ послѣдующихъ статьяхъ встрѣчаются указанія на то, что к.-д., евреи и Витте подкупали избирателей. Въ ст. отъ 28-го марта Булацель въ томъ же „Рус. Зн." прямо требовалъ ареста „нѣсколькихъ сановниковъ и дѣятелей, про которыхъ всѣ знаютъ, что они руководили революціей".

Подобное же объясненіе пораженіямъ давали и „Моск. Вѣд.": въ № отъ 27-го марта, послѣ московкихъ выборовъ, онѣ утверждали, что „таково ужъ свойство всякихъ выборовъ: гдѣ борются между собою *частные* люди *безсовѣстные*, побѣда *всегда* останется за послѣдними". Въ другой статьѣ того же № „Московскій позоръ", редакція писала: „мы всѣхъ убѣждали принимать участіе въ выборахъ и употребляли всѣ усилія для того, чтобы русскіе люди попытались выбрать чистыхъ, лучшихъ выборщиковъ. Но мы ни на минуту не сомнѣвались, что на выборахъ обманъ одержитъ верхъ надъ правдой, ибо въ этомъ и заключается основная сущность выборовъ: въ самомъ дѣлѣ вѣдь выборы основаны на нелѣпѣйшей теоріи „большинства и меньшинства", по которой *сто* дураковъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ *одинъ* мудрецъ". А 30-го марта, когда Дума еще не собралась, моск. органъ реакціонеровъ пускаетъ первый пробный шаръ пасчетъ роспуска Думы, „если она пойдетъ противъ Государя".

Но въ своемъ кругу реакціонеры иначе объясняли свое пораженіе. На всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ людей, происходившемъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1906 г., т. е. непосредственно послѣ московскаго пораженія, Л. Тихомировъ откровенно говорилъ, что „на выборахъ столкнулись дезорганизованный монархизмъ съ организованнымъ конституціонализмомъ". Ему вторилъ на стр. „Рус. Знамени" (2-го апр.) тов. предс. глав. сов. с. р. и. Тришатный: „Болѣе, чѣмъ когда либо намъ „русскимъ людямъ необходимо объединиться", какъ сказалъ намъ самъ Государь на пріемѣ депутаціи 23 дек. 1905 г., объединяться въ прочный неразрывный союзъ во имя Вѣры Православной, Царя Самодержавнаго, неограниченнаго и народа русскаго, необходимо *всѣми силами защищать неограниченность царской власти, которая только одна сможетъ спасти Россію отъ неминуемой гибели!*"

Открытіе Гос. Думы оба главныхъ органа контрреволюціи встрѣтили съ явнымъ недоброжелательствомъ и ненавистью. В. Пуришкевичъ въ ст. „Наканунѣ“ („Р. Зн.“ 22 апр.) патетически восклицалъ: „Вакхическое шествіе развращенной черни, съ такими усиліями остановленное въ декабрьскіе дни, вступитъ во вторую стадію своего развитія. „Избранники народа“, вчерашніе „товарищи“, въ сознаніи своей неприкосновенности пойдутъ безнаказанно разрушать плоды тысячелѣтней созидательной работы угасшихъ поколѣній. Настанетъ пора не власти, а тиранніи лѣвыхъ, той тиранніи, по сравненію съ которой деспотизмъ бюрократическаго режима будетъ казаться невинной забавой“.

28 апр., въ передовой „Новое революціонное орудіе“ „М. Вѣд.“ такъ отвѣчали на вопросъ объ отношеніи монархистовъ къ Думѣ: „Дума, какъ *учрежденіе*, явилась по волѣ Государя, а мы, монархисты, не можемъ не подчиняться этой волѣ. Мы поэтому молча ей подчиняемся“. Но такъ какъ, говорилось далѣе въ статьѣ, нынѣшняя Дума по своему составу явилась на свѣтъ противъ воли Государя, т. к. она состоитъ изъ *худшихъ* людей, то монархисты будутъ съ ней бороться.

Дѣйствительно, составъ Думы не предвѣщалъ ничего хорошаго для монархистовъ. Подавляющее большинство въ ней составляли кадеты и трудовики; на долю октябристовъ досталось всего 13 мѣстъ (изъ нихъ одинъ — екатеринославскій депутатъ Способный былъ избранъ отъ блока правыхъ съ октябристами и былъ единственнымъ депутатомъ въ 1-ой Думѣ, выступившимъ въ защиту смертной казни), умѣренно-прогрессивной и торгово-промышленной партій—всего 2 мѣста; правыхъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ какой-либо контрреволюціонной организаціи, въ Думу не прошло ни одного; депутаты умѣренно-правыхъ воззрѣній (преимущественно крестьяне) [1]) не

---

[1]) Крестьянскіе выборщики праваго направленія прошли въ большомъ количествѣ въ Думу отъ губерній: Олонецкой, Псковской, Калужской, Московской, Нижегородской и Тамбовской (въ послѣдней выборы, впрочемъ, были кассированы Думой, въ виду обнаруженныхъ злоупотребленій). Характерно, что за исключеніемъ Нижегородской губ. всѣ эти губерніи не земледѣльческія.

Интересно остановиться на результатахъ для правыхъ организацій выборовъ по рабочей куріи. Какъ извѣстно, лѣвыя партіи бойкотировали выборы въ 1-ую Думу; бойкотъ въ общемъ принялъ довольно широкіе размѣры и тамъ, гдѣ выборы происходили, въ нихъ принимали участіе малосознательные элементы. Это не могло не усилить позицій черносотенцевъ. И дѣйствительно кое-гдѣ имъ удалось провести своихъ уполномоченныхъ отъ рабочей куріи въ Петерб. губ., а также въ Иваново-Вознесенскѣ: здѣсь отъ рабочихъ были избраны уполномоченными активные члены Союза рус. народа, „гордо носившіе значки этого союза“ (см. М. Б-овъ и Ф. Данъ „Рабочіе депутаты въ 1-ой Г. Д.“ стр. 41); изъ нихъ двое прошли въ выборщики отъ губерніи. Въ Саратовѣ отъ рабочей куріи выборщикомъ прошелъ тоже черносотенецъ. Но въ общемъ въ составѣ уполномоченныхъ по всей Россіи черносотенцы-рабочіе составляли ничтожный процентъ.

составили никакой фракціи, оставшись въ качествѣ безпартійныхъ; попытка депутата отъ Гродненской губ., земскаго начальника Ерогина, сорганизовать правыхъ крестьянъ, при помощи общежитія для нихъ, потерпѣла рѣшительное фіаско. Такимъ образомъ контрреволюціоннымъ организаціямъ пришлось съ самаго начала отказаться отъ мысли проводить свои взгляды черезъ Думу, или, хотя бы использовать ее, какъ агитаціонную трибуну. Имъ оставалось поэтому только заняться организаціей своихъ силъ *внѣ* Думы, для борьбы *противъ нея*.

Мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, что именно въ періодъ послѣ выборовъ въ 1-ую Думу контрреволюціонныя партіи, во главѣ съ Союзомъ русскаго народа, развили энергичную организаціонную дѣятельность, что отдѣлы монархическихъ и патріотическихъ организацій на протяженіи всего 1906 года множились и расли по всей Россіи, какъ грибы послѣ дождя. Главное вниманіе этихъ организацій обратилось прежде всего на Думу: по поводу каждаго акта Думы, имѣвшаго значеніе, изъ провинціи отъ мѣстныхъ отдѣловъ С. р. н., монархической и др. контрреволюціонныхъ партій стали сыпаться телеграммы на Высочайшее имя, на имя министровъ и предс. главнаго совѣта С. р. н. Дубровина, съ протестомъ противъ амнистіи, отмѣны смертной казни, противъ требованія отвѣтственнаго министерства, равноправія евреевъ и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ реакціонная печать начала изо дня въ день травлю противъ Думы. Уже съ начала мая „Моск. Вѣд.“ требуютъ роспуска Думы и выдвигаютъ лозунгъ диктатуры, какъ единственнаго средства борьбы съ революціей, поощряемой Гос. Думой. Совѣтъ „Всенароднаго рус. союза“, фактически слившійся съ редакціей „М. В.“, все время выноситъ постановленія противъ Гос. Думы [1]). Характерно демагогическое воззваніе Всенар. рус. союза отъ 1-го іюля, въ которомъ московскіе монархисты жаловались, что Дума „посвящаетъ свою дѣятельность исключительно борьбѣ съ правительствомъ съ цѣлью захватить верховную власть въ свои руки... члены Думы совершенно не затронули до сихъ поръ *рабочаго* вопроса и не дали никакого дѣльнаго отвѣта по самому важному, интересующему все крестьянство, вопросу *земельному*“. По поводу выдвинутаго принципа принудительнаго отчужденія земли „М. Вѣд.“ писали, что „Дума хочетъ поселить на землю евреевъ и всѣхъ иныхъ инородцевъ и разночинцевъ, т. е. попросту хочетъ прибрать землю къ рукамъ не крестьянскимъ“. А нѣсколько дней раньше въ ст. „Крестьяне въ Г. Думѣ“, газета Грингмута откровенно при-

1) 7 го іюня Всен. р. с. постановилъ; „Въ виду того, что Г. Д. присвоила себѣ право посылать своихъ комиссаровъ для освѣщенія различныхъ мѣстныхъ событій въ интересахъ своихъ временно господствующихъ партій. С. вс. р. с. постановилъ посылать, когда онъ найдетъ нужнымъ, своихъ уполномоченныхъ для изслѣдованія мѣстныхъ событій на одинаковыхъ правахъ съ комиссіей Г. Д.“

знавалась, что „послѣдняя капля надежды русскихъ людей нынѣ рушится!“ Многіе думали, что члены Думы изъ крестьянъ могутъ оказаться противовѣсомъ кадетамъ, но „надежды эти оказались обманчивыми, въ чемъ мы, впрочемъ, никогда и не сомнѣвались“. Послѣднее утѣшеніе напоминаетъ аналогичное утвержденіе газеты послѣ выборовъ, что она не сомнѣвалась въ ихъ неблагопріятномъ для правыхъ исходѣ.

Потерявъ окончательно надежду на Думу и крестьянство, органъ моск. монархистовъ ежедневно сталъ взывать къ диктатурѣ. Въ № отъ 5 іюля мы читаемъ: „спасеніе Россіи возможно, очевидно, лишь при неотложномъ учрежденіи *военной диктатуры*.... Диктатура нужна лишь въ такіе моменты, когда требуется безтрепетно провести самыя энергичныя мѣропріятія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и памятуя болѣе всего не обычныя юридическія нормы, но тѣ *великія цѣли національнаго существованія*, для которыхъ только и существуютъ въ нормальное время узаконенныя юридическія нормы“. 7-го іюля, за два дня до роспуска Думы, передовая газеты „Пугачевщина“ говорила еще болѣе рѣшительнымъ языкомъ. „Пора же, наконецъ, положить предѣлъ всему этому ненормальному и опаснѣйшему положенію, а это возможно только при *упраздненіи Думы* и введеніи военной муравьевской *диктатуры*... Пусть пострадаютъ сотни виновныхъ, но *будутъ спасены милліоны невинныхъ людей*“. 8 іюля „М. В.“ напечатали постановленіе совѣта „Всенарод. рус. союза“ по поводу земельнаго сообщенія Г. Думы, въ которомъ заявлялось: „Дѣйствіе Думы есть шагъ революціонный, разсчитанный прямо и неприкровенно на возбужденіе бунта и возстанія въ народѣ, особенно по такому острому вопросу, какъ аграрный“. А въ день роспуска, вѣроятно зная уже о принятомъ правительствомъ рѣшеніи, „М. В.“ помѣстили ст. „Двѣ диктатуры“, въ которой пророчески заявлялось: *„Всѣ пути теперь ведутъ къ диктатурѣ, она все равно стала неизбѣжной.* Вопросъ только въ томъ, какая диктатура водворится въ Россіи: революціонная или антиреволюціонная“.

„Демократическое“ Рус. Знамя“ не отставало отъ аристократическихъ „М. Вѣд.“ въ травлѣ Думы. Впрочемъ, различіе между обѣими газетами сводилось главнымъ образомъ къ тому, что въ то время, какъ Грингмутъ и его друзья все время взывали къ твердой власти, Дубровинъ, Пуришкевичъ, Тришатный и прочіе „союзники“ апеллировали къ народному самосуду, угрожая имъ. Въ № отъ 3 мая въ передовой „Р. Зн.“ „Подстрекатели“ дубровинцы писали: „Уже нѣсколькихъ членовъ С. р. н. отправили на тотъ свѣтъ революціонеры. Но до сихъ поръ никто изъ членовъ союза *еще* не мстилъ врагамъ за пролитую кровь, хотя главари республиканской партіи извѣстны всѣмъ“. Въ это именно время помѣщена была кровожадная ст. Крушевана „Дѣдушка Линчъ“, которую мы цитировали въ предыдущей главѣ;

23 мая „Р. Зн.“ напечатало демагогическое воззваніе къ рус. народу: „Терпи русскій народъ. Випаверы, Герценштейны и др. еврейскіе представители русскаго народа уже начали его распинать... Черезъ нѣсколько дней Дума проведетъ законъ о всеобщемъ обрѣзаніи и ожидовленіи русскаго народа“. По поводу воззванія 14 рабочихъ депутатовъ къ рабочимъ д-ръ Дубровинъ 28 мая выступилъ со своимъ обращеніемъ къ русскимъ рабочимъ, въ которомъ утверждалъ, что думскіе представители рабочихъ предались евреямъ и зовутъ ихъ къ „новымъ безпорядкамъ, новому братоубійственному кровопролитію“.

Одновременно страницы „Р. Знамени“ пестрятъ телеграммами и ходатайствами провинціальныхъ отдѣловъ С. р. н. о роспускѣ крамольной Думы. 31-го мая газета Дубровина угрожаетъ депутатамъ: „Не просчитайтесь г.г. депутаты. Устраивая столкновеніе съ правительствомъ, бойтесь, какъ бы не устроить столкновенія со всѣмъ „русскимъ“ народомъ, въ этомъ столкновеніи вы проиграете“. 17 іюня „Р. Зн.“ призывало правительство *„распустить Г. Д. и ограничить свободу союзовъ, стачекъ*, собраній и водворить въ предѣлы благоразумія и законности печать, которою евреи такъ ловко пользуются для насажденія недовольства противъ правительства, для подстрекательства рабочихъ и даже войска“. А близкое къ „Р. Зн.“ еженедѣльное „Объединеніе“ писало за нѣсколько дней до того о диктатурѣ: „Она подниметъ мечъ, сама даруетъ себѣ прерогативы высшей власти, чтобы, уничтоживъ зло, чтобы утопивъ его въ крови, смогла передать эту власть... тому, кому повелѣлъ быть носителемъ этой власти самъ Богъ... *мы ждемъ военной диктатуры, воспрянувшей и инициативной*“...

На роспускъ Думы „Моск. Вѣд.“ реагировали статьей „Радостная вѣсть“, въ которой говорилось: „Итакъ этой Думы нѣтъ. Но будетъ *вторая* Дума. Будетъ ли она лучше первой? Она будетъ несомнѣнно еще *хуже* первой, если выборы въ новую Думу будутъ проводиться на тѣхъ же основаніяхъ“. 27 іюля органъ московскихъ монархистовъ рекомендуетъ правительству „1) выставить свою собственную ясно опредѣленную „царскую“ программу; 2) преобразовать весь личный составъ своей администраціи въ духѣ этой программы; 3) произвести выборы не прежде, чѣмъ въ Россіи будетъ возстановленъ *полный порядокъ*“. Въ одной изъ слѣдующихъ передовицъ (отъ 2-го авг.) „М. В.“ высказываются за необходимость *измѣнить систему думскихъ выборовъ*, а м. б. и самое положеніе о Г. Думѣ“ и доказываютъ правомѣрность этого, т. к. разъ Государь далъ манифестъ 17-го октября, то онъ можетъ дать и другой избирательный законъ. Въ ст. же отъ 4-го авг. „Кому нужна Дума“, „М. Вѣд.“, утверждаютъ, что Дума нужна „гр. Витте, всѣмъ внѣшнимъ врагамъ Россіи, всѣмъ рус-

скимъ, вѣрнѣе еврейскимъ, революціонерамъ, всѣмъ окраиннымъ сепаратистамъ", что „всякое выборное законодательное собраніе несовмѣстимо съ неограниченною властью русскихъ царей". Газета предостерегаетъ, тѣмъ не менѣе, избирателей отъ бойкота выборовъ, т. к. „монархисты примутъ самое дѣятельное и энергичное участіе въ думскихъ выборахъ для того, чтобы по возможности ослабить вредное вліяніе законодательной Думы, въ ожиданіи, что Государю Императору, по собственному Его Величества усмотрѣнію, благоугодно будетъ положить конецъ этому несомнѣнному злу". И въ соотвѣтствіи съ этимъ еще 21 іюля на стр. „М. В." появляется воззваніе съ призывомъ участвовать въ выборахъ во 2-ую Думу.

На выборгское воззваніе, кронштадтское и свеаборгское возстанія вся контрреволюціонная пресса отвѣтила усиленными призывами къ военной диктатурѣ и жестокимъ репрессіямъ.

2) Періодъ междудумья и выборы во 2-ую Думу.

Распыленіе общественнаго движенія, наступившее послѣ роспуска Думы, и выразившееся въ возобновленіи террористическихъ актовъ, экспропріаціяхъ и въ принявшемъ массовый характеръ разгромномъ аграрномъ движеніи, прекратившемся во время засѣданій 1-ой Думы, вызвало новую аттаку контрреволюціонеровъ, требовавшихъ диктатуры, безпощадной репрессіи, смертныхъ казней. В. Пуришкевичъ въ „Р. Зн." (отъ 14 авг.) писалъ: „Диктатура, одна диктатура, исходъ изъ того, куда привела Россію дряблая воля лукавыхъ царедворцевъ". „М. В." привѣтствовали введеніе военно-полевыхъ судовъ и законъ 18 авг. (объ усиленіи наказаній за пропаганду въ арміи): „На законъ 18 авг., такъ же, какъ и на законъ объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ, мы смотримъ, какъ на первый робкій шагъ". А послѣ взрыва на Аптекарскомъ островѣ (покушеніе на Столыпина) та же газета писала: „Выбора нѣтъ. Другого исхода, кромѣ страшной грозы власти — нѣтъ". „Р. Знамя" въ этотъ періодъ усиленно занято печатаніемъ многочисленныхъ Всеподданнѣйшихъ телеграммъ различныхъ отдѣловъ С. р. н., привѣтствующихъ правительство за военно-полевые суды, требующихъ безпощадной борьбы съ революціонерами, измѣненія избирательнаго закона. Въ статьѣ отъ 24 авг. „Россія для русскихъ" въ „Рус. Зн." читаемъ слѣд. строки: „Необходимо намъ всѣми силами добиваться измѣненія избирательнаго закона въ томъ смыслѣ, чтобы полноправными членами Гос. Думы могли быть *исключительно* коренные русскіе люди". Въ другой ст. „Р. Зн." жаловалось, что „мы, представители союза, число членовъ котораго возросло до 3-хъ милліоновъ людей, не можемъ добиться, чтобы голосъ нашъ доходилъ до Царя... Наши письма, наши телеграммы скрываются".

Привѣтствуя законодательство въ порядкѣ 87 ст. осн. законовъ, поскольку дѣло касалось военно-полевыхъ судовъ, „М. В.“ рѣшительно выступили противъ законодательства по той же 87-ой ст. въ области аграрной (законъ 9 ноября). Еще 2 окт. „М. В.“ писали, что „крестьяне должны помнить Государеву о нихъ заботу и не поддаваться всякимъ лживымъ ученіямъ и бреднямъ, никогда и нигдѣ неосуществимымъ“. 17 окт. появляется характерная для „Моск. Вѣд.“ статья: „Обреченное сословіе“, въ которой говорилось: „Землевладѣльцамъ, у которыхъ все имущество погибло отъ огня, не выплачивается даже страховыхъ премій... правительство какъ будто закрываетъ глаза на это ужасное и постыдное положеніе... Это обреченіе цѣлаго сословія на истребленіе заживо — безнравственное и позорное дѣло, которое ляжетъ чернымъ пятномъ на государственную власть, какъ бы ни была полезна и производительна ея дѣятельность на другихъ поприщахъ государственнаго управленія“. 10 нояб. „М. В.“, утверждаютъ, что „только усиленіе наказаній за разгромы и поджоги усадебъ можетъ, въ связи съ принятыми мѣрами къ успокоенію деревни, совершенно остановить аграрные безпорядки“. Послѣ же изданія закона 9 ноября 1906 г. органъ Грингмута оцѣнилъ его такимъ образомъ: „Петербургскія канцеляріи сейчасъ же вмѣшались въ дѣло и искуственными мѣрами стараются разрушить то, что привилось вѣками и что онѣ же сами сохраняли годъ — два назадъ... Законъ 9-го ноября составленъ такъ, что вызоветъ большія недоразумѣнія и даже столкновенія“.

Избирательная кампанія во вторую Думу началась съ осени 1906 г., причемъ правыя организаціи приступили къ ней съ большей энергіей, чѣмъ на выборахъ въ первую Думу; столбцы правыхъ газетъ въ этотъ періодъ наполнены статьями, связанными съ предстоящими выборами и перемежающимися статьями, въ которыхъ требуется еще большее усиленіе репрессій, вплоть до примѣненія тѣлеснаго наказанія къ революціонерамъ (ст. Бодиско въ „М. В.“), закрытія дверей при всѣхъ политическихъ процессахъ и т. п.

5 Сент. въ „М. В.“ были помѣщены „Основныя положенія С. р. людей для выборовъ въ Г. Д.“, которыя сводились къ поддержанію принциповъ православія и церкви, самодержавія — единенія царя съ народомъ, которое должно выражаться „въ постоянномъ участіи сословныхъ выборныхъ въ совѣтѣ Царскомъ, т. е. Г. Д. и Зем. Соб.... Земскіе соборы созываются для повсемѣстнаго обсужденія Царемъ и его народомъ основныхъ законовъ, чрезвычайныхъ событій въ госуд. жизни и общаго направленія внутренняго управленія... Сословное дѣленіе русскаго народа есть основа гос. строя“. Далѣе программа „Союза рус. людей“ предоставляетъ нерусскимъ народностямъ, входящимъ въ составъ Имперіи, „права самоуправленія, насколько они не нарушаютъ державныхъ правъ русскаго народа“; наконецъ она требуетъ, чтобы госуд. банкъ былъ независимъ отъ министерства финансовъ и

содѣйствовалъ „увеличенію производительности и выгодности для русскаго населенія народнаго труда“, чтобы была осуществлена свобода печати.

Нѣсколько иной характеръ носитъ опубликованная одновременно въ „Рус. Знам.“ избирательная платформа, выработанная съѣздомъ уполномоченныхъ С. р. н. въ сентябрѣ: она по обыкновенію болѣе „демократична“ но и болѣе демагогична, будучи проникнута соціальнымъ антисемитизмомъ. Выдвигая въ качествѣ основныхъ положеній принципы православія, самодержавія и народности, платформа эта въ общей части требуетъ недѣлимости Россіи и цѣлаго ряда ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ: уравненія ихъ въ правахъ съ иностранцами, безъ существующихъ для послѣднихъ привилегій, недопущенія ихъ ни въ армію, ни на правительственную службу, ни на мѣста фельдшеровъ и фармацевтовъ; замѣны воинской личной повинностью денежной; возстановленія черты осѣдлости и отмѣны привилегій евреевъ по образованію и ремеслу, недопущенія евреевъ въ учебныя заведенія съ учениками—христіанами и запрещенія устраивать собственныя среднія и высшія учебныя заведенія; лишенія евреевъ права быть учителями (сельскими и домашними), редакторами и издателями, участвовать въ выборахъ въ Гос. Думу и Гос. Совѣтъ; все имущество евреевъ, уличенныхъ въ преступленіи, должно подлежать конфискаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ платформа требуетъ образованія въ Палестинѣ еврейскаго государства для переселенія туда евреевъ.

Въ земельномъ вопросѣ платформа союзниковъ стоитъ за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, сокращеніе общиннаго землепользованія; передачу малоземельнымъ крестьянамъ земли на выгодныхъ условіяхъ; продажу крестьянамъ по дешевымъ цѣнамъ скупаемыхъ земель; развитіе переселенческаго дѣла; улучшеніе обработки земли; уничтоженіе передѣловъ въ общинахъ, не производившихъ ихъ въ теченіе 24 лѣтъ; урегулированіе арендныхъ отношеній; выкупъ сервитутнаго права; устройство элеваторовъ для крестьянскаго хлѣба; организацію мелкаго с.-хоз. кредита; государственныя ссуды крестьянамъ и т. д. Для рабочихъ с. р. н. требуетъ: сокращенія рабочаго дня, развитія русской государственной промышленности; организаціи артелей, государственнаго страхованія на случай смерти, увѣчья, болѣзни и упорядоченія договора найма.

Наконецъ, сентябрьская платформа требовала безплатнаго народнаго образованія, воспитанія въ религіозно-нравственномъ духѣ; освобожденія торговли отъ евреевъ; казенныхъ заказовъ для отечественной промышленности и прекращенія „покровительства“ революціи.

22 ноября 1906 г. Главный совѣтъ Союза рус. нар. опубликовалъ слѣд. призывъ къ членамъ Союза: „Мы наканунѣ новыхъ выборовъ въ Гос. Думу. Прислушайтесь же, гдѣ бы вы ни находились, къ словамъ Гл.

сов. союза, объединяющаго васъ и служащаго вамъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Въ дни выборовъ въ первую Думу вы были разбиты. Наши избранники, за рѣдкими исключеніями, не прошли. Пропойцы, звавшіе себя трудовиками, земли не видавшіе, никогда на землѣ не сидѣвшіе, заговорили отъ имени вашего и попали въ „лучшіе люди“... Всякій въ Думѣ „требовалъ“, молчалъ лишь одинъ ошеломленный, забытый и забитый русскій человѣкъ, пахарь крестьянинъ, случайно, какъ бы чудомъ въ Думу попавшій. Еврей верховодилъ всѣмъ, т. к., соблазнивъ темнаго избирателя, гдѣ посулами, а гдѣ и хабарами, еврей провелъ въ Думу голь кабацкую, перекатную, безъ роду и племени, безъ чести и совѣсти, безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ родинѣ и къ Царю. Русскіе люди хотите ли срама вторичнаго?... Врагъ нашъ еврей и слуги его капиталовъ побили насъ потому, что дружно работали противъ насъ, всѣ какъ одинъ, а мы шли въ разбродъ, разбивали голоса.

26 ноября въ Петербургѣ въ Михайловскомъ манежѣ состоялось торжественное предвыборное собраніе Союза русск. народа; на собраніи этомъ по словамъ реакціонныхъ газетъ присутствовало до 30 (!?) тысячъ человѣкъ; другіе органы печати опредѣляли цифру собравшихся всего въ 3 тысячи. На этомъ собраніи докторъ Дубровинъ говорилъ объ измѣнническої дѣятельности 1-ой Думы и призывалъ посылать во 2-ую Думу „русскихъ богатырей“. Пуришкевичъ говорилъ о значеніи дѣятельности С. р. н., о томъ, что „мы стоимъ за самое широкое просвѣщеніе русскаго народа, за существенное улучшеніе его быта, *законнымъ* путемъ, чуждымъ разбойничьяго своеволія“. На этомъ собраніи выступалъ и о. Іоаннъ Кронштадтскій, обличавшій 1-ую Думу, которую онъ сравнивалъ съ гнойнымъ нарывомъ [1]); послѣ своей рѣчи онъ, окропивъ хоругвь и знамя, снова передалъ ихъ въ руки Дубровина и Юскевича-Красковскаго. Послѣ этого присутствовавшіе дали клятву въ вѣрности Союзу. На этомъ собраніи выступали и рабочіе-союзники. Но ни это торжественное собраніе, ни поѣздка съ агитаціонными цѣлями Дубровина и Булацеля по югу Россіи въ концѣ сентября не могли затушевать того, что крайніе правые не имѣли никакихъ серьезныхъ шансовъ въ избирательной борьбѣ. Еще 15 окт. „Рус. Знамя“ призывали союзниковъ къ дѣятельности, обвиняя монархистовъ въ томъ, что они въ избирательной агитаціи сильно отстаютъ отъ оппозиціонныхъ партій.

„Моск. Вѣд.“ все время предостерегали избирателей отъ подачи голоса за оппозицію и даже за октябристовъ, утверждая относительно пер-

---

[1]) „Честь и слава А. И. Дубровину—говорилъ о. Іоаннъ.—Онъ воочію показалъ Петербург. жидамъ, либеральнымъ бюрократамъ и прочимъ рептиліямъ гр. Витте, что время ихъ миновало, что началась у насъ народная эра, что собрался народъ ль о „Русь идетъ“.

выхъ, что они „сами бомбъ не бросаютъ, но поощряютъ бомбистовъ, какъ „піонеровъ“ революціоннаго движенія“ [1]). По мѣрѣ приближенія къ выборамъ, тонъ „Моск. Вѣд.“ становится все болѣе нервнымъ; въ статьяхъ ихъ все болѣе чувствуется увѣренность въ пораженіи на выборахъ контрреволюціи. Вѣра въ крестьянъ, на которыхъ разсчитывали при первыхъ съѣздахъ, исчезла подъ вліяніемъ непрекращающагося аграрнаго движенія. Монархистамъ остается вѣрить только въ силу репрессій и давленія власти на избирателей. Этимъ духомъ проникнуты въ періодъ избир. кампаніи всѣ статьи „Моск. Вѣд.“. Въ теченіе всего сентября и октября лейтмотивъ газеты—необходимость военной диктатуры. Девизомъ монархической партіи газета выставляетъ: „Сперва порядокъ, *потомъ реформы*“ (№ отъ 27 сент.).

15 ноября В. А. Грингмутъ обращается на страницахъ своей газеты съ крайне рѣзкимъ „открытымъ письмомъ правительству“, въ которомъ обвиняетъ правительственную газету „Россія“ за ея статьи по еврейскому вопросу, которая „своей безтактностью и легкомысліемъ подрываетъ то довѣріе и то уваженіе, которымъ Императорское правительство должно пользоваться въ глазахъ русскаго народа“, и далѣе: „*за* евреевъ говорятъ въ Россіи люди легкомысленные или продажные; *противъ* нихъ говорятъ тѣ, кто серьезно изучилъ исторію евреевъ и исторію Россіи.“

За это письмо номеръ газеты былъ конфискованъ, а Грингмутъ, какъ редакторъ, привлеченъ къ отвѣтственности и исключенъ изъ избирательныхъ списковъ, что вызвало рядъ протестовъ на имя Государя, Столыпина и м-ра юстиціи Щегловитова отъ многочисленныхъ провинціальныхъ отдѣловъ Русской монархической партіи и Союза рус. народа.

Въ концѣ декабря въ Москвѣ былъ созванъ областной съѣздъ монархическихъ организацій для обсужденія вопросовъ избирательной кампаніи.

4 янв. „Моск. Вѣд.“ за нѣсколько недѣль до выборовъ обращаются къ избирателямъ съ такимъ воззваніемъ: „Что можемъ мы обѣщать вамъ за ваше мужество, за вашу бодрость? Ничего! Никакой награды, никакой помощи земной; и *пока* никакой даже побѣды.“ А 6 янв. газета писала: „Пока революція не будетъ подавлена въ корнѣ, надо подождать съ постоянными важными законами, а тѣмъ болѣе подождать съ созывомъ Думы, ибо никакого толку изъ нея не выйдетъ“. 9 янв. газета въ статьѣ свящ. Востокова взываетъ къ духовенству: „Настала духовенству горячая пора сказать родному народу слово святой правды, слово искреннее, задушевное,

---

[1]) „Рус. Зн.“ обвиняло октябристовъ въ томъ, что они являются сторонниками еврейскаго равноправія.

м. б., *самоотверженное* слово...“ Одновременно съ этимъ органъ Кіевскихъ монархистовъ „Кіевлянинъ“ доказывалъ, что собирать новую Думу нѣтъ никакой надобности.

Характернымъ является, что въ разгарѣ избирательной борьбы московскіе монархисты выдвинули на первый планъ окраинный вопросъ: слѣдуя своей обычной тактикѣ, они стремятся *запугать* правительство опасностью сепаратистскихъ стремленій на окраинахъ Россіи и тѣмъ побудить его къ безпощадной репрессіи и, быть можетъ, къ уничтоженію Думы или, по крайней мѣрѣ, отсрочкѣ ея созыва. Изо дня въ день въ „М. Вѣд.“ помѣщаются пространныя статьи о Польшѣ, Финляндіи, Кавказѣ и т. п., которыя рисуютъ въ фантастическихъ краскахъ картину развивающагося тамъ сепаратизма. Приведемъ одну только иллюстрацію: въ № отъ 28 дек. „М. В.“ двор. Павловъ писалъ: „Авось тогда наконецъ совершится пробужденіе русскаго правительства—русскій народъ уже проснулся и прозрѣлъ,—когда финское войско въ полномъ вооруженіи станетъ у воротъ Петербурга. Авось тогда правительство тоже прозрѣетъ и пойметъ необходимость вторично и уже окончательно *безъ фразъ* завоевать Финляндію, да кстати уже и Кавказъ съ Польшею. Лишь послѣ этого акта мужества можно будетъ надѣяться, что правительство и въ центрѣ Россіи выйдетъ изъ своей летаргіи и положитъ начало ея національному возрожденію“.

Какъ во время выборовъ въ 1-ую Думу, крайніе правые элементы въ избирательной кампаніи во время выборовъ во 2-ую Думу шли обособленно, рѣшительно отгораживаясь даже отъ октябристовъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ правые объединялись на мѣстахъ съ октябристами, впрочемъ, только тамъ, гдѣ послѣдніе по своему существу стояли ближе къ нимъ, чѣмъ къ руководителямъ октябризма. Такъ, въ Двинскѣ состоялся предвыборной блокъ мѣстныхъ комитетовъ октябристовъ и С. р. народа, то же было и въ Могилевѣ; въ Орлѣ С. р. н. заключаетъ блокъ съ „Союзомъ законности и порядка“; въ Минскѣ фигурировалъ подъ именемъ „русскаго комитета“ блокъ всѣхъ правыхъ элементовъ. По правилу же, крайніе правые выступаютъ совершенно самостоятельно.

Но на выборахъ во вторую Думу контрреволюціонныя партіи пріобрѣли себѣ союзника, въ лицѣ правительственной администраціи, активно помогавшей имъ. Если на выборахъ въ 1-ую Думу правительство сохраняло по крайней мѣрѣ хоть видимость нейтралитета, надѣясь на благопріятное для себя голосованіе крестьянскихъ массъ и желая показать свое безпристрастіе, то послѣ опыта съ 1-ой Думой, оно не рѣшилось повторить своей ошибки. Правительство Столыпина выступило на выборахъ почти офиціально въ качествѣ стороны, открыто поддерживавшей союзническія и другія монархическія организаціи. Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ

репрессивныхъ мѣръ, предпринятыхъ наканунѣ и во время выборовъ по отношенію къ представителямъ оппозиціонныхъ партій и тѣхъ „разъясненій“ избирательнаго закона, которыя ставили своей цѣлью склонить на выборахъ чашу вѣсовъ въ пользу партій реакціонныхъ[1]). Мы остановимся здѣсь только на нѣсколькихъ фактахъ, иллюстрирующихъ открытое содѣйствіе правымъ партіямъ на выборахъ. Въ *Кіевѣ* губернаторъ Курловъ приказалъ городскому головѣ пополнить составъ избирательной комиссіи черносотенцами. Въ *Одессѣ* союзники массами незаконно вносились въ избирательные списки; въ *Елисаветградѣ*, *Ельцѣ*, *Ростовѣ* союзническіе списки кандидатовъ безвозбранно расклеивались по городу, тогда какъ списки другихъ партій было запрещено расклеивать; въ *Рыбинскѣ* городскіе избиратели вмѣстѣ съ бюллетенями получали по почтѣ безплатно брошюру ген. Богдановича о Гос. Думѣ. Въ *Житомірѣ* высшая администрація официально предложила своимъ подчиненнымъ всячески помогать „истинно-русскимъ“ организаціямъ во время выборовъ. Въ *Воронежѣ* о. Анастасій громилъ съ амвона интеллигентовъ—крамольниковъ. Въ *Болховѣ* протоіерей убѣждалъ паству „избирать неученыхъ истинно-русскихъ“. Полиція открыто распространяла во многихъ городахъ предвыборныя воззванія правыхъ партій. Въ *Кишиневѣ* сторонники Крушевана массами были незаконно включены въ избирательные списки; въ *Кіевѣ* въ числѣ избирателей оказалось много полицейскихъ и жандармовъ; полицейскіе были зарегистрированы въ качествѣ избирателей и въ Ардатовѣ Нижегор. губ. Объ угрозахъ избіеніями евреямъ, если они будутъ участвовать въ выборахъ, и объ осуществленіи этихъ угрозъ въ многихъ городахъ черты еврейской осѣдлости мы уже сообщали въ другой связи. Въ многихъ городахъ отъ мелкихъ чиновниковъ начальство требовало подавать голоса за правыхъ или октябристовъ[2]). Что касается духовенства, то Синодъ обязалъ всѣхъ священниковъ явиться на выборы, а высшія духовныя лица, какъ мы уже говорили, агитировали паству за крайнихъ правыхъ.

Несмотря, однако, на всѣ принятыя правительствомъ мѣры, на „разъясненія“ закона, на преслѣдованія оппозиціонныхъ партій и стѣсненіе ихъ предвыборной агитаціи, на давленіе власти на выборы, на покровительство правымъ партіямъ, результаты ихъ для послѣднихъ были неблагопріятны. Какъ и на первыхъ выборахъ, побѣдителемъ изъ избирательной борьбы вышла оппозиція.

Общій результатъ выборовъ во 2-ую Думу можно охарактеризовать

---

1) Рядъ этихъ мѣръ перечисленъ въ ст. Ф. Дана „Общая политика правительства и измѣненія въ госуд. организаціи въ періодъ 1905—07 г.г. въ IV т. „Общ. движ.“ ч. II.

2) Множество фактовъ давленія пр-ва на выборы приведено въ брошюрѣ А. Смирнова „Какъ прошли выборы во 2-ую Думу“ Спб. 1907 г. Изд. „Общ. Польза“.

какъ одновременное усиленіе обоихъ крайнихъ крыльевъ за счетъ партій центра; усиленіе правыхъ элементовъ объясняется какъ той системой давленія на выборы, съ которой мы познакомились выше, такъ и большей организованностью правыхъ партій по сравненію съ временемъ выборовъ въ первую Думу. Напротивъ того, усиленіе лѣвыхъ явилось протестомъ противъ окончательно опредѣлившагося реакціоннаго правительственнаго курса и результатомъ активнаго участія лѣвыхъ партій (с.-д. и с.-р.), бойкотировавшихъ первые выборы.

Во 2-ую Думу прошло 10 правыхъ и монархистовъ, 44 умѣренныхъ включая и октябристовъ (вмѣсто 38 въ 1-ую Думу). При этомъ въ числѣ правыхъ и умѣренныхъ прошло много офиціальныхъ кандидатовъ контрреволюціонныхъ организацій, въ томъ числѣ многіе ихъ вожди: Крушеванъ (отъ Кишинева), Пуришкевичъ, Синадино, Крупенскій (отъ Бессарабской губ.), Шульгинъ отъ Волынской губер., еп. Платонъ (отъ г. Кіева), проф. Созоновичъ (Могил. губ.), гр. В. А. Бобринскій (тульской), Келеповскій (Херсон. губ.), еписк. Евлогій (рус. насел. Сѣдлец. и Люб. губ). Много прошло и безпартійныхъ, примыкавшихъ къ правымъ, въ особенности среди крестьянъ юго-западныхъ и отчасти сѣверо-западныхъ губерній.

Интересно прослѣдить результаты выборовъ для правыхъ по отдѣльнымъ избирательнымъ куріямъ [1]).

Рабочая курія. По рабочей куріи правымъ не удалось провести *ни одного* выборщика; даже безпартійныхъ прошло въ выборщики всего 4 остальные опредѣленно принадлежали къ соціалистическимъ партіямъ. Что касается до уполномоченныхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ правымъ, то они проходили, какъ рѣдкое исключеніе; въ Москвѣ ихъ прошло всего двое, въ Кіевѣ тоже; въ Одессѣ—3; въ Екатеринославѣ—1 и т. д.

Крестьянская курія. Здѣсь, благодаря большему давленію на выборы и меньшей сознательности крестьянъ, результаты для правыхъ оказались болѣе благопріятными: по подсчетамъ г. Смирнова, изъ 2480 крестьянскихъ выборщиковъ, партійность которыхъ была имъ установлена, 574, т.-е. немного менѣе 25%, пришлось на долю правыхъ. Число уполномоченныхъ крестьянъ доходило всего до 10%. Большинство правыхъ (вмѣстѣ съ умѣренными) среди крестьянскихъ выборщиковъ оказалось въ губерніяхъ: Бессарабской, Волынской (58 изъ 69), Калужской, Могилевской, Олонецкой, Орловской и Пермской.

Наиболѣе благопріятно было положеніе монархистовъ въ *Землевладѣльческой* куріи: здѣсь изъ 1932 выборщиковъ на ихъ долю пришлось, 813, т.-е. около 40% (умѣренныхъ 98). Правое большинство оказалось

---

[1]) Нижеслѣдующія данныя заимствованы нами изъ выше названной книги А. Смирнова „Какъ прошли выборы во 2-ую Думу“ и т. д.

въ губерніяхъ: Виленской, Владимірской, Вологодской, Волынксой, Екатеринославской, Калужской, Курской, Лифляндской, Минской, Нижегородской, Подольской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской, Тульской, Херсонской и Черниговской [1]). Общее число уполномоченныхъ въ этой куріи достигло 31%, т.-е. менѣе $^1/_3$, вмѣстѣ съ умѣренными около 40.

Курія городскихъ избирателей. Въ этой куріи, гдѣ больше всего развертывалась на выборахъ партійная борьба, конкурировали партійные списки, происходили предвыборныя собранія, побѣда почти всюду выпадала на долю оппозиціи. Тутъ мы не находимъ, какъ и въ рабочей куріи, *ни одной* губерніи, въ которой большинство выборщиковъ оказалось правымъ; даже меньшинство выборщиковъ - монархистовъ было крайне незначительнымъ по всѣмъ губерніямъ. Изъ всѣхъ 1346 городскихъ выборщиковъ правыхъ оказалось всего 119, умѣренныхъ 11. Разсмотримъ болѣе детально данныя о выборахъ по городской куріи. По 80 городамъ (наиболѣе крупнымъ) блокъ правыхъ партій собралъ всего 10.647 голосовъ, отдѣльныя правыя партіи—41.927 (итого 52 съ небольшимъ тысячи), тогда какъ к.-д. въ этихъ же городахъ собрали 86 тыс., т.-е. почти вдвое больше, лѣвые 49.504 гол. и блокъ прогресивныхъ партій—83.117 гол.; октябристы получили—47.592 гол.

Изъ городовъ, въ которыхъ правые получили абсолютное или относительное большинство выборщиковъ, отмѣтимъ Кишиневъ, Тулу, Казань, Кіевъ. Количество голосовъ, полученныхъ кандидатами правыхъ по городской куріи, рѣдко гдѣ превышало 1000—1500 (даже въ столицахъ), большей же частью они собрали всего нѣсколько сотенъ голосовъ.

Въ результатѣ выборовъ членовъ Думы въ губернскихъ собраніяхъ правые депутаты прошли отъ губ. Бессарабской, Витебской, Волынской, Гродненской, Калужской, Кіевской (меньшинство), Могилевской, Новгородской, Полтавской, Тамбовской (меньшинство), Тульской, Херсонской.

Несмотря на большее количество правыхъ, прошедшихъ во 2-ую Думу, по сравненію съ 1-ой, и на прохожденіе нѣкоторыхъ вождей контрреволюціоннаго движенія, правыя партіи остались крайне недовольны результатами выборовъ. Для нихъ повторный опытъ показалъ, что при *данномъ* избирательномъ законѣ, несмотря ни на какое давленіе, реакціонной и даже просто правительственной Думы не создать. Отсюда вытекала необхо-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что въ то время, какъ правые выборщики отъ крестьянъ проходили преимущественно или въ губ. черты еврейской осѣдлости (Бессарабская, Волынская, Могилевская) или въ не земледѣльческихъ губ. (Олонецкая Пермская, Калужская), правые выборщики отъ землевлад. куріи проходили главнымъ образомъ отъ земледѣльческихъ губерній.

димость нападать не столько на эту Думу, сколько на законъ, на основаніи котораго она избирается.

Уже на другой день послѣ пораженія на выборахъ городскихъ выборщиковъ по Москов. губ., 23 янв. 1907 г. „Моск. вѣд“. писали: „Побѣда, какъ и слѣдовало ожидать, осталась за лѣвыми партіями. Это понятно, если принять во вниманіе, что неотмѣненный неразумный законъ не могъ дать благопріятныхъ результатовъ“. Черезъ нѣсколько дней, въ день выборовъ по г. Москвѣ, „М. В.“ въ передовой „Выборы“ предупреждали своихъ читателей о предстоящемъ пораженіи въ такихъ словахъ: „Какимъ ничтожнымъ представляется настоящій выборный „эпизодъ“ въ сравненіи съ тысячелѣтней исторической судьбой Россіи, съ великими ея міровыми задачами, съ предстоящимъ ей, послѣ настоящихъ и грядущихъ терзаній, великимъ ея національнымъ возрожденіемъ“. А послѣ пораженія въ Москвѣ, когда списокъ монархистовъ собралъ 3164 голоса противъ 21.366, поданныхъ за к. д., 5.185 за лѣвыхъ и 9 791 за октябристовъ, „М. В.“ писали (29 и 31 янв.): „*Другого исхода выборовъ нельзя было ожидать*, и мы его давно уже предсказывали вмѣстѣ со всѣми честными серьезными русскими людьми... Въ силу избирательнаго закона роль „обездоленнаго“ выпадаетъ, полностью на долю господствующаго (!) народа, тогда какъ пришельцы и даже иновѣрцы становятся законодателями въ пріютившей ихъ тюрьмѣ“. Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе органы контрреволюціонной печати, т. к. такія побѣды, какъ въ Кіевѣ или Кишиневѣ, не могли подсластить горечи отъ повсемѣстнаго пораженія.

Теперь правымъ не оставалось ничего другого, какъ начать кампанію противъ новой Думы и за отмѣну избирательнаго закона. И эту кампанію они начали одновременно и извнѣ и извнутри Думы. Уже 26 февр. въ статьѣ „Пестрая Дума“ „М. В.“ предрекали: „Въ новую Думу прошли монархисты, которые не будутъ молчать, которые смѣло и громко возвысятъ свой голосъ въ защиту бѣдной истерзанной страны и измученнаго народа. Это единственная утѣшительная страна въ новой Г. Д.“ А. В. Пуришкевичъ, немедленно послѣ своего избранія, телеграфировалъ московскимъ монархистамъ: „Выступлю въ Г. Д. подъ знаменемъ нашимъ: Самодержавіе, православіе и народность“.

3) Правые во 2-ой Думѣ.

Оказавшись въ Г. Думѣ въ ничтожномъ меньшинствѣ, въ положеніи „безотвѣтственной“ оппозиціи, правые постарались использовать ее въ качествѣ агитаціонной трибуны для пропаганды своихъ идей и обличенія

оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, въ ней засѣдавшихъ, которыя они все время стремились дискредитировать въ глазахъ правительства и народа. Представляя изъ себя небольшую кучку, ораторы правыхъ во 2-ой Думѣ одинъ за другимъ брали слово по каждому важному вопросу, стремясь нерѣдко своими выступленіями затормозить и дезорганизовать работу думскаго большинства. Изъ правыхъ депутатовъ чаще другихъ выступали: В. М. Пуришкевичъ, Крупенскій, В. А. Бобринскій и епископъ Евлогій.

Первымъ крупнымъ выступленіемъ правыхъ во 2-ой Думѣ были ихъ рѣчи въ преніяхъ по деклараціи, прочтенной предс. сов. мин. Столыпинымъ. Въ этихъ преніяхъ приняли участіе всѣ наиболѣе видные ораторы правыхъ. Смыслъ ихъ рѣчей былъ тотъ, что они пришли въ Думу, какъ убѣжденные монархисты, противники насильственныхъ дѣйствій и погромовъ (еп. Платонъ, Крушеванъ), что они сторонники мирныхъ реформъ (Синадино) и необходимости постепеннаго разрѣшенія аграрнаго вопроса (гр. Бобринскій). Въ предложенной отъ имени правыхъ формулѣ перехода Шульгинъ предлагалъ признать, что „всѣ силы какъ учрежденій законодательныхъ, такъ и правительства, должны быть направлены къ подавленію безумнаго и злобнаго движенія, стремящагося опрокинуть вѣру въ собственность, Царскій Престолъ и самую Россію, и въ надеждѣ, что за этой смутной годиной откроются свѣтлые дни обновленія и кипучей мирной работы на благо всѣмъ вѣрноподданнымъ русскаго Государя“.

Одною изъ главныхъ задачъ правыхъ во 2-ой Думѣ было добиться отъ нея постановки на очередь вопроса объ осужденіи революціоннаго террора. Подобное предложеніе много разъ вносилось правыми депутатами (въ первый разъ — 13-го марта), какъ въ связи съ обсужденіемъ вопроса объ амнистіи, такъ и по другимъ поводамъ. Ораторы праваго стана (Крупенскій, Пуришкевичъ, еп. Евлогій, Шульгинъ) произносили горячія рѣчи, говоря объ огромномъ количествѣ жертвъ революціоннаго террора, цитируя террористическія прокламаціи партіи с.-р. и доказывая, что пока не будетъ пріостановленъ терроръ, до тѣхъ поръ немыслима ни амнистія, ни отмѣна смертной казни и военно-полевыхъ судовъ. Ту же цѣль преслѣдовалъ и В. М. Пуришкевичъ, выступивъ въ одномъ изъ засѣданій съ предложеніемъ о почтеніи памяти убитыхъ революціонерами городовыхъ. Отказъ большинства Думы въ постановкѣ на очередь вопроса объ осужденіи террора вызвалъ крайнее негодованіе на правыхъ скамьяхъ.

Значительны были выступленія правыхъ депутатовъ и по аграрному вопросу. Выступали гр. Бобринскій, Крупенскій, Пуришкевичъ, Синадино, Шульгинъ, Келеповскій, Святополкъ-Мирскій. Правые ораторы стремились всячески отложить обсужденіе аграрнаго вопроса; когда же въ Думу

поступили аграрные проекты соціалистическихъ и оппозиціонныхъ партій они выступили съ рѣчами умѣреннаго характера, въ которыхъ, высказываясь за неприкосновенность частной земельной собственности, доказывали, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса заключается въ интенсификаціи земледѣлія, урегулированіи условій аренды, переселеніи, уничтоженіи общиннаго землевладѣнія (всѣ эти требованія заключены въ положеніяхъ, формулированныхъ Пуришкевичемъ въ концѣ его рѣчи). Одинъ изъ депутатовъ правой Шульгинъ, въ своей рѣчи по аграрному вопросу, внесъ юмористическую поправку къ земельному проекту партіи с.-р-овъ, требуя уравнительнаго принципа по отношенію къ денежнымъ капиталамъ.

Изъ другихъ выступленій депутатовъ правыхъ надо отмѣтить ихъ рѣчи въ защиту правительства при запросахъ к.-д. и прочихъ лѣвыхъ (напр. объ истязаніяхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ).

Наконецъ, въ послѣдніе историческіе дни 2-й Думы, когда надъ с.-д. фракціей повисло обвиненіе въ участіи въ заговорѣ противъ Царя, представители правыхъ поддерживали к.-д. въ ихъ желаніи продолжать обсужденіе вопроса о мѣстномъ судѣ, вмѣсто того, чтобы въ оставшіеся немногіе часы существованія Думы, принять рядъ принципіальныхъ рѣшеній, какъ того требовали с.-д., с.-р., нар. соц. и трудовики.

Чтобы покончить съ дѣятельностью правыхъ во 2-й Думѣ, отмѣтимъ еще, что уже въ ней они стали прибѣгать къ думскимъ скандаламъ, ругательствамъ по адресу своихъ политическихъ противниковъ — пріемамъ, пріобрѣвшимъ окончательно право гражданства въ 3-й Думѣ. Депутаты правой были первыми членами русской Думы, подвергшимися исключенію изъ засѣданій Думы. Такъ депутаты Келеповскій, Созоновичъ и Пуришкевичъ 4 мая были удалены на 15 засѣданій за скандалъ, устроенный ими въ отвѣтъ на произнесеніе однимъ изъ депутатовъ мусульманской фракціи фразы о конституціонномъ строѣ Россіи, и за отказъ подчиниться распоряженію предсѣдателя. Пуришкевичъ былъ удаленъ изъ засѣданія 29 марта за грубость по адресу предсѣдателя Думы, а деп. Шульгинъ за заявленіе о томъ, что онъ не увѣренъ, не имѣется ли у каждаго лѣваго депутата по бомбѣ въ карманѣ.

Послѣ исключенія Шульгина изъ засѣданія, всѣ правые демонстративно удалились изъ думскаго зала

Перечисленнымъ исчерпывалась дѣятельность правыхъ депутатовъ въ Думѣ, если не считать еще нѣсколькихъ, болѣе мелкихъ выступленій.

Въ то время, какъ правые депутаты стремились взорвать извнутри Думу, провоцируя ее на шаги, враждебные правительству (напр. отказъ отъ

осужденія террора), контрреволюціонныя организаціи и ихъ пресса вели неустанную агитацію противъ нея внѣ Думы. Съ перваго дня существованія 2-ой Думы противъ нея начинается травля на столбцахъ правыхъ органовъ печати и въ резолюціяхъ и всеподданнѣйшихъ телеграммахъ различныхъ отдѣловъ и организацій контрреволюціонныхъ партій. Особенно, какъ всегда, усердствуютъ въ этомъ отношеніи „М. Вѣд.“. Еще 24 февр., т.-е. на 3-ій день засѣданія Думы, газета эта писала: „Съ открытіемъ II-ой Думы Россія снова вступила въ острый революціонный періодъ, который, все болѣе разгораясь, кончится лишь съ ея закрытіемъ... При *полновластномъ* Царскомъ Самодержавіи спасеніе Россіи возможно *во всякое время*. А при отсутствіи его—гибель Россіи можетъ наступить въ любой изъ переживаемыхъ нами тяжелыхъ дней“. 28 февр. и 1 марта появляются статьи, доказывающія необходимость роспуска Думы, т. к.: „стоило депутатамъ II-ой Думы войти въ Таврическій дворецъ, и тотчасъ по всей Россіи, какъ по мановенію волшебнаго жезла, всѣ элементы анархіи закипѣли, словно спущенные съ цѣпи хищные звѣри“. Въ „Моск. Вѣд.“ начинается изъ дня въ день критика виттевскаго бюрократическаго избирательнаго закона. 6-го марта органъ Гришмута снова взываетъ: „Намъ нуженъ *одинъ военный диктаторъ*, который однимъ ударомъ сломилъ бы адскую силу крамолы“.

Рѣчь с.-д. Церетелли въ отвѣтъ на декларацію Столыпина заставила „М. В.“ снова требовать разгона Думы (статьи 8 и 9 марта), при чемъ газета успокаиваетъ себя, что „если удалось евреямъ и крамольникамъ дважды обмануть правительство и избирателей, то въ третій разъ это сдѣлать не удастся“.

Одновременно съ этой газетной кампаніей мѣстные отдѣлы С. р. н. и монархической партіи посылаютъ телеграммы на Высочайшее имя съ требованіемъ роспуска Думы, измѣненія избирательнаго закона, прекращенія революціонной дѣятельности Думы.

Начиная съ 24-го марта ежедневно, до самаго дня роспуска 2-ой Думы, въ „М. Вѣд.“ на первой страницѣ печатается жирнымъ шрифтомъ аншлагъ: *„А прежде всего Дума должна быть распущена“*.

Отклоненіе 2-ой Думой введеннаго въ междудумье въ порядкѣ 87 ст. закона о военно-полевыхъ судахъ вызываетъ неистовую статью въ „М. В.“ „Гг. убійцы и ихъ защитники въ Г. Д. добились-таки своего: военно-полевые суды и смертная казнь фактически отмѣнены“. Такого же рода статьи помѣщаются при отклоненіи обсужденія предложенія правыхъ объ осужденіи террора.

Такъ наз. „Зурабовскій“ инцидентъ вызвалъ появленіе статьи, въ которыхъ Дума обвиняется въ оскорбленіи арміи, и многіе офицеры-монархисты вызываютъ с.-д. депутата на дуэль. Во время весенняго аграрнаго

движенія въ „М. В.“ появилась статья „Снова иллюминаціи“, въ которой говорилось „Устроителями этихъ „зрѣлищъ“ попрежнему является наш темное, истрепавшееся матеріально и нравственно крестьянство, но главными вдохновителями выступаютъ уже не укрывающіеся въ подпольяхъ политическіе недоноски, а тѣ т. наз. „лучшіе люди“, которые защищены броней „неприкосновенности“ и потому могутъ на виду у всѣхъ безнаказанно разносить по странѣ проповѣдь съ призывомъ къ кровавому разрушенію нашего государственнаго уклада“.

Обвиненіе членовъ с.-д. фракціи въ заговорѣ вызываетъ рядъ кровожадныхъ статей въ реакціонной прессѣ. И въ то время, какъ вожди С. р. н. и Сов. объединенныхъ дворянъ вели закулистные переговоры черезъ т. наз камарилью о роспускѣ Г. Думы, „М. В“ требовали выдачи головой не только 38 с.-д., но и другихъ „крамольныхъ“ депутатовъ.

23 марта Б. Назаревскій писалъ въ „М. В.“: „Для долгаго парламента, для совѣта пятисотъ нужны были желѣзные солдаты Кромвеля и Наполеона. Наши народные представители прекрасно сознаютъ, что для нихъ вполнѣ достаточно простого добродушнаго городового съ винтовкой у воротъ Таврическаго дворца, чтобы кончились ихъ думскіе веселые дни. Они то это понимаютъ, но когда же это поймутъ наше провительсто“.

Роспускъ 2-ой Думы и актъ 3-го іюня „М. В.“ встрѣтили статьей „Самодержавное слово“; статья эта начинается словами: „2-ая крамольная Дума распущена! Камень свалился съ сердца русскаго народа“, и далѣе въ ст. доказывалось, что Царь хочетъ, чтобы Дума была, „русской по духу“. 6 іюня газета призывала готовиться къ выборамъ по новому закону, который „основанъ на болѣе равномѣрномъ представительствѣ классовыхъ интересовъ, тѣсно связанныхъ съ мѣстною хозяйственною дѣятельстью“.

10 іюня на состоявшемся въ Москвѣ общемъ собраніи Рус. мон. парт. и моск. отд. С. р. н. при участіи Дубровина и Грингмута была послана привѣтственная телеграмма Государю за роспускъ Думы. Начался новый, третьеіюньскій періодъ новѣйшей русской исторіи...

Заключеніе.

Измѣненіемъ избирательнаго закона путемъ акта 3-го іюня 1907 г. была достигнута та непосредственная цѣль, которую ставили себѣ контрреволюціонныя партіи въ періодъ первой и второй Думъ. Возвратъ къ чистому абсолютизму даже имъ не казался теперь необходимымъ: опытъ первыхъ Думъ показалъ, какое значеніе можетъ имѣть для ихъ классовыхъ интересовъ народное представительство, если только избирательный законъ обезпечитъ имъ въ немъ господствующее положеніе. Откровенно-реакціонно-націоналистическій курсъ, принятый правительствомъ Столыпина послѣ роспуска

2-ой Думы, измѣненія избират. закона и осужденія с.-д. депутатовъ, приходился какъ нельзя болѣе по вкусу дворянской контрреволюціи, а аграрная политика правительства, начало которой было положено еще изданнымъ въ порядкѣ 87 ст. въ первое междудумье закономъ 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины, также стала находить себѣ многочисленныхъ приверженцевъ среди земельнаго дворянства, какъ наилучшій способъ разрѣшенія запутаннаго аграрнаго вопроса.

Казалось бы, что теперь, когда побѣда надъ революціей была окончательной, контрреволюціонные элементы могли торжествовать вмѣстѣ съ начатой правительствомъ эпохой „успокоенія“ и ихъ организаціи должны были расти и умножаться. На самомъ же дѣлѣ тотчасъ вслѣдъ за формальной побѣдой контрреволюціи, каковой былъ актъ 3-го іюня, мы начинаемъ наблюдать разложеніе въ ея собственныхъ рядахъ. Середина 1907 г. оказалась кульминаціоннымъ пунктомъ силы контрреволюціонныхъ организацій, послѣ котораго начинается ихъ паденіе.

Тѣ различные, взаимно антагонистичные элементы, которые, какъ мы видѣли, составляли кадры контрреволюціонной арміи въ періодъ ея оборонительной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, немедленно вступили между собой въ конфликтъ на другой день послѣ того, какъ побѣда была достигнута, и надо было переходить къ „положительной“ дѣятельности. Тутъ-то и сказалась та искусственная связь, которая скрѣпляла воедино всѣ эти разношерстные элементы въ годы оборонительной борьбы.

Разложеніе контрреволюціонныхъ элементовъ началось по нѣсколькимъ направленіямъ.

Прежде всего оно проявилось внутри самой крайней правой: часть крайнихъ правыхъ, во главѣ съ Пуришкевичемъ, поняла значеніе народнаго представительства для своихъ цѣлей и отказалась отъ чисто самодержавнаго принципа, „приняла“ Гос. Думу (по закону 3-го іюня), отвергла внѣдумскую погромную и террористическую тактику д-ра Дубровина, слишкомъ скомпрометтированную въ прежніе годы, и пошла на компромиссъ съ властью. Напротивъ того, другая часть крайнихъ монархистовъ, подъ предводительствомъ д-ра Дубровина, осталась вѣрна прежней программѣ и тактикѣ и выступила въ качествѣ оппозиціи справа правительству Столыпина, который старался до извѣстной степени поддерживать декорумъ конституціонныхъ формъ (поскольку, впрочемъ, 3-ья Дума шла ему и его политикѣ на встрѣчу). Отсюда возникла борьба между дубровинцами и сторонниками Пуришкевича, между непримиримымъ „Союзомъ рус. народа“ и субсидируемой „Палатой Архангела Михаила“. Въ борьбѣ этой, въ которой вчерашніе союзники не брезгали грязными разоблаченіями, обнажились всѣ язвы контрреволюціонныхъ организацій, ихъ зависимость отъ власти и пря-

мая продажность ихъ вождей. Это не могло не заставить отшатнуться отъ черносотенныхъ партій всѣхъ сколько-нибудь искреннихъ ихъ сторонниковъ и оставить своихъ вождей, потерявшихъ свои арміи. Къ этому надо добавить, что поскольку боевая армія д-ра Дубровина и многочисленные провинціальные отдѣлы с. р. н., въ свое время игравшіе роль „черносотеннаго“ народа, сослужили свою службу, на ихъ содержаніе и организацію перестали отпускаться надлежащія средства, и эти организаціи одна за другой (за немногими исключеніями, въ родѣ Одессы и Кіева) стали хирѣть и таять, терять средства и членовъ, покровительство и субсидіи. Такъ „3-хъ-милліонная армія“ с. р. н. въ ближайшіе годы послѣ акта 3 го іюня превратилась въ ничтожную величину, хотя въ провинціи званіе члена С. р. н. продолжало еще долгое время давать право на безпрепятственное устройство скандаловъ и дебошей, на командованіе мѣстной администраціей, на полученіе казенныхъ мѣстъ и т. п.

Разложеніе пошло и въ другомъ направленіи. Пойдя на измѣненіе избирательнаго закона и рѣшивъ сохранить Гос. Думу, какъ учрежденіе, ставшее необходимымъ въ интересахъ внѣшней и финансовой политики правительства, Столыпинъ долженъ былъ попытаться создать себѣ въ новой, третьей Думѣ, послушное большинство. И, поскольку правые были въ этомъ отношеніи ненадежны и могли компрометтировать собою и своимъ прошлымъ, а октябристы въ иныхъ случаяхъ казались слишкомъ „лѣвыми“, Столыпину, необходимо было создать *свою* правительственную партію, всегда послушную ему и защищающую его. Такую партію онъ обрѣлъ въ лицѣ чисто *дворянско*-землевладѣльческой партіи націоналистовъ, отколовшихся частью отъ правыхъ, частью отъ октябристовъ (Крупенскій, В. А. Бобринскій, Шульгинъ). При помощи этой партіи, объединявшейся для борьбы съ оппозиціей съ своими сосѣдями — октябристами и правыми, съ которыми они составляли большинство въ 3-ей Думѣ, Столыпинъ могъ проводить свою націоналистическую политику въ лояльныхъ формахъ законодательствованія совмѣстно съ 3 ей Думой.

Выдѣленіе партіи націоналистовъ еще болѣе обезкровило партію крайнихъ правыхъ, оставивъ среди нея только дикихъ помѣщиковъ—зубровъ (Пуришкевичъ, Марковъ II), черносотенныхъ интеллигентовъ (Замысловскій) или фанатичныхъ священниковъ.

Расколъ и распри среди правыхъ вызвали полное разложеніе недавно еще казавшихся могущественными правыхъ организацій, закрытіе ихъ многочисленныхъ органовъ печати, моральный развалъ. Черносотенцы сдѣлали свое дѣло, сыграли свою роль и, получивъ плату, могли спокойно уходить.

На мѣсто ихъ выдвинулась другая *классовая* сила—организація объединеннаго дворянства въ лицѣ его съѣздовъи его постояннаго Совѣта и большинства

Гос. Совѣта. Эта организація отживающаго экономически, но сохраняющаго въ своихъ рукахъ политическія привилегіи, класса начинаетъ съ этихъ поръ играть роль того преддумья, того политическаго центра, съ которымъ вынуждено считаться въ своей политикѣ правительство, не могущее итти противъ „первенствующаго сословія“. Въ періодъ политической реакціи окончательно наступившей послѣ 3-го іюня, правительство могло опереться только на этотъ отживающій классъ, который одну за другой диктуетъ ему всѣ репрессивныя мѣры, и съ которымъ правительство вынуждено считаться даже тогда, когда видѣло, что это вымирающее сословіе заходитъ слишкомъ далеко („націонализація кредита“).

Но политическое господство объединеннаго дворянства сняло послѣдній флеръ, который носило еще хозяйничанье „всесословнаго“ С. р. н. Классовый и даже узко-сословный характеръ объединенныхъ дворянъ не скрытъ болѣе даже для самыхъ непроницательныхъ людей. Третьеіюньская реакція официально превратилась въ политическую диктатуру отживающаго и обреченнаго ходомъ экономическаго развитія класса. Въ этомъ именно и заключалась шаткость всего „порядка“, установившагося вмѣсто „реформы“ въ столыпинской Россіи. Его дальнѣйшее развитіе впередъ неизбѣжно должно было привести къ внутреннимъ треніямъ и противорѣчіямъ въ станѣ побѣдителей, которыя проявились впервые въ 1910 г. во время такъ назыв., „столыпинскаго кризиса“ въ связи съ введеніемъ земства въ западныхъ губ. и неоднократно обнаруживались и впослѣдствіи. Переживаемый въ настоящее время подъемъ общественнаго движенія снова упирается въ это основное противорѣчіе русской жизни: въ политическое господство класса, не имѣющаго корней въ экономическомъ развитіи.

Внѣшняя побѣда и даже торжество контрреволюціонныхъ элементовъ послужили только первымъ шагомъ къ ихъ внутреннему разложенію; она означала начало ихъ конца. Контрреволюціонное движеніе, явившееся отвѣтомъ на революціонное движеніе 1904 — 07 гг., исчерпало себя, лишь только это послѣднее было окончательно подавлено. Послѣ этого оно могло еще нѣсколько лѣтъ влачить жалкое существованіе, раздираемое на части, борясь за свое существованіе, питаясь паразитически крохами со стола дворянъ-побѣдителей. Но отъ него давно уже не осталось ни его „демократическаго“, ни его „всесословнаго“ характера, ни видимости того идеологическаго плаща, который прикрывалъ ранѣе его наготу. Побѣда силъ стараго порядка надъ первой россійской *буржуазной* революціей неминуемо должна была обнажить и обнажила *дворянскій* характеръ контрреволюціоннаго движенія.

Б. И. ГОРЕВЪ

Аполитическія и анти-парламентскія группы.

Б. И. ГОРЕВЪ.

Аполитическія и антипарламентскія группы.

(Анархисты, максималисты, махаевцы).

Объединеніе въ одну категорію всѣхъ упомянутыхъ выше группъ (къ которымъ нужно еще отнести не успѣвшихъ у насъ оформиться революціонныхъ синдикалистовъ, бывшихъ въ тѣсномъ родствѣ съ анархизмомъ синдикалистскаго толка) является неизбѣжнымъ при всякой попыткѣ дать очеркъ дѣятельности этихъ группъ въ революціонный и пореволюціонный періодъ, указать ихъ происхожденіе и роль въ массовомъ движеніи 1904—1908 годовъ.

Правда, максималисты всячески отмежевывались отъ анархистовъ, а „махаевцы“ и тѣхъ, и другихъ объявляли врагами рабочаго класса, наравнѣ со всѣми соціалистическими партіями. Правда и то, что максималисты считали себя „государственниками“, рѣзко отличаясь этимъ отъ анархистовъ. Но народное представительство они признавали лишь въ формѣ „трудовой республики“, а до ея осуществленія самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергали участіе соціалистовъ въ парламентахъ, и парламентскую дѣятельность европейскихъ соціалистовъ оцѣнивали такъ же, какъ анархисты и махаевцы. Характерная для махаевцевъ вражда къ соціалистической интеллигенціи проявлялась довольно замѣтной струйкой и у анархистовъ, и максималистовъ. Наконецъ, общая тактика (перманентный боевизмъ, экономическій терроръ и принципіальное оправданіе экспропріаторства) роднили ихъ всѣхъ, особенно максималистовъ и анархистовъ, до такой степени, что на практикѣ ихъ часто очень трудно бывало различить, и это давало имъ не разъ возможность устраивать общія предпріятія и мѣстами быть въ тѣсной организаціонной связи.

Далѣе, различно происхожденіе этихъ группъ, различна была степень ихъ распространенія и продолжительность существованія.

Махаевцы были и остались крайне немногочисленной сектой доктринеровъ-фанатиковъ, а „махаевщина“, какъ законченная теорія, зародившаяся

въ далекомъ углу Сибири, задолго до начала революціоннаго движенія, объединяющая и обобщающая всѣ нападки анархистовъ разныхъ странъ на „вождей“ и „парламентаріевъ“,—въ этой своей „законченности“ представляетъ въ своемъ родѣ единственное явленіе въ исторіи соціализма. Но „методъ“ этой теоріи, ея quasi-научный характеръ сложился цѣликомъ подъ вліяніемъ марксизма, и къ „махаевцамъ“ переходили обыкновенно рабочіе-соціалдемократы.

Максимализмъ, духовное дѣтище соц.-революціонеровъ, наиболѣе типичное воплощеніе бакунистскаго народничества, промелькнулъ быстрымъ метеоромъ въ эпоху распада революціи 906—7 годовъ и захватилъ собою значительную часть с.-революціонеровъ, хотя въ сравнительно небольшомъ рядѣ городовъ.

Наконецъ, анархисты, просуществовавшіе дольше всѣхъ другихъ родственныхъ группъ (они появились въ Россіи впервые въ 903 г. и, еще въ 908 г. дѣйствовали отдѣльныя группы ихъ), черпали свой идейный багажъ и свой „человѣческій матеріалъ“ какъ у с.-д., такъ и у с.-р., и въ періодъ расцвѣта ихъ дѣятельность проявлялась въ огромной части Россіи.

Но, при всѣхъ этихъ различіяхъ, *историческая основа* всѣхъ трехъ теченій въ ту эпоху, когда они пользовались наибольшимъ распространеніемъ и вліяніемъ, и, слѣдовательно, имѣли нѣкоторую почву подъ собой,—одна и та же: *неудача революціи* и близко связанные съ этой неудачей *кризисъ и безработица* (разумѣется, при общемъ низкомъ уровнѣ культуры и промышленности, при отсутствіи у массъ какихъ бы то ни было политическихъ и организаціонныхъ традицій и навыковъ). Поэтому, несмотря на различіе происхожденія и идейныхъ основъ, всѣ три теченія находятся въ тѣснѣйшемъ психологическомъ взаимодѣйствіи: если махаевщина и максимализмъ теоретически сложились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ европейскаго анархо-соціализма и отчасти русскаго анархизма и у нихъ заимствовали всѣ свои аргументы противъ „парламентарныхъ“ соціалистовъ, то въ Россіи, на практикѣ, махаевцы и максималисты неоднократно сами становились анархистами и во всякомъ случаѣ подготовляли почву для анархизма, какъ наиболѣе упрощеннаго и легко воспринимаемаго ученія. Въ Одессѣ первая анархистская группа „непримиримыхъ“ возникла изъ махаевской группы; въ Екатеринославѣ, выражаясь поэтическимъ языкомъ корреспондента журнала „Анархистъ“ (№ 1, стр. 29), „плоды всего, насажденнаго максималистами, были тщательно сжаты анархистами и собраны въ безвластныя житницы“. А одинъ изъ виднѣйшихъ вождей максимализма, бывшій с.-р., Владиміръ Мазуринъ, по свидѣтельству В. Чернова, заявилъ передъ казнью: „Я умираю анархистомъ“.

Анархисты.

Между старымъ анархизмомъ русскихъ семидесятниковъ и современнымъ европейскимъ анархизмомъ очень мало общаго. Анархизмъ революціонеровъ-народниковъ, какъ отчасти и своеобразный анархизмъ Толстого, являлся теоретическимъ выраженіемъ того протеста, который, по ихъ мнѣнію, должна была бы питать русская *деревня* противъ закрѣпостившаго ее государства и разрушающаго ея основы капитализма; новѣйшій же анархизмъ, напротивъ, является цѣликомъ продуктомъ современнаго города, съ его поражающими противорѣчіями ослѣпительной роскоши и мрачной нищеты, съ его хронической безработицей, отсутствіемъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, постоянной нервной тревогой. И тѣмъ не менѣе, не говоря уже о томъ, что теоретикъ русскихъ бунтарей — Бакунинъ — считается практическимъ родоначальникомъ европейскаго анархизма,—между этими двумя теченіями до настоящаго времени сохранилась и живая личная связь, въ лицѣ стараго анархиста-народника Кропоткина. И этотъ же Кропоткинъ можетъ съ полнымъ правомъ считаться вдохновителемъ русскаго анархизма девятисотыхъ годовъ.

Въ самомъ началѣ десятилѣтія анархизмъ еще совершенно неизвѣстенъ въ Россіи и мало проявляетъ себя въ русской политической эмиграціи, болѣе или менѣе широко захватывая лишь еврейскихъ рабочихъ изъ Россіи въ такихъ городахъ, какъ Лондонъ или Нью-Іоркъ. Въ это время образуется за границей русская издательская группа, выпускающая нѣсколько анарх. брошюръ, переводныхъ и оригинальныхъ (въ томъ числѣ Кропоткина и Черкезова). А лѣтомъ 1903 г., при постоянномъ сотрудничествѣ Кропоткина, группа его учениковъ начинаетъ издавать въ Женевѣ ежемѣсячный журналъ „Хлѣбъ и Воля“, положившій официальное начало русскому анархизму. Правда, въ теченіе почти года журналъ занимается лишь европейскимъ анархизмомъ, и только въ № 10, отъ іюля 1904 г., появляется краткая первая корреспонденція изъ Россіи; но съ тѣхъ поръ эта связь съ Россіей уже не порывается, и для перваго періода русскаго анархизма, до „дней свободы“ включительно, журналъ является незамѣнимымъ источникомъ. А въ концѣ 1904 г. эта же группа „Хлѣбъ и Воля“, при несомнѣнномъ участіи Кропоткина, созываетъ въ Лондонѣ первое частное совѣщаніе русскихъ анархистовъ, принимающее рядъ опредѣленныхъ резолюцій. Резолюціи эти считаютъ невозможнымъ отдѣленіе политической революціи въ Россіи отъ соціальной и рекомендуютъ добиваться сразу

осуществленія коммунистическаго строя. Для этого онѣ совѣтуютъ готовиться къ всеобщей революціонной стачкѣ въ городахъ и деревняхъ, въ качествѣ средствъ борьбы рекомендуютъ какъ массовыя выступленія, такъ и терроръ во всѣхъ его видахъ, и въ организаціонномъ отношеніи рѣшительно отвергаютъ всякую централизацію, предлагая взамѣнъ ея лишь добровольныя группы и союзы группъ, объединенные только общностью идей и могущіе въ любой моментъ распасться.

Но еще до появленія 1-го № „Хлѣба и Воли", весной 1903 г., возникаетъ въ Россіи, въ Бѣлостокѣ, первая анархистская группа, организованная пріѣхавшимъ изъ Лондона анархистомъ; а одновременно съ этимъ первымъ номеромъ, въ концѣ лѣта того же года, независимо отъ Бѣлостока, но въ непосредственной связи съ группой „Хлѣба и Воли"—появляются анархисты и въ Нѣжинѣ. И въ то время, какъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, въ которомъ совершенно нѣтъ промышленнаго пролетаріата, пропаганда анархизма направляется въ среду учащейся молодежи, для подготовки кадровъ анархистской интеллигенціи, а вскорѣ послѣ того захватываетъ и отдѣльныхъ окрестныхъ крестьянъ,—въ Бѣлостокѣ, среди еврейскихъ рабочихъ, издавна привыкшихъ къ соперничеству п. п. с., п. с.-д., Бунда, а затѣмъ и с.-р-овъ, анархисты сразу встрѣчаютъ подходящія условія и довольно быстро начинаютъ пользоваться нѣкоторымъ успѣхомъ. Имъ удается сорганизовать группу изъ рабочихъ, недовольныхъ мѣстными организаціями соц. партій, и эта группа проявляетъ энергичную дѣятельность, ведя агитацію, устраивая собранія, участвуя въ стачкахъ и распространяя немногія анархистскія брошюры того времени и гектографированныя прокламаціи. Мѣстные с.-д. были, повидимому, мало подготовлены для борьбы съ анархистами, и черезъ годъ, если вѣрить заявленіямъ анархистовъ, вся бундовская „оппозиція" („73 человѣка", какъ съ точностью отмѣчаетъ корреспондентъ „Хлѣба и Воли") переходитъ къ анархистамъ. (Впослѣдствіи, впрочемъ, къ анархистамъ переходили, главнымъ образомъ, рабочіе с.-р-ы). Это въ значительной мѣрѣ объясняется разразившимся съ особенной силой въ Бѣлостокѣ въ 1904 г. кризисомъ и безработицей, а также тѣмъ успѣхомъ, какимъ, какъ мы увидимъ послѣ, всегда сопровождались у насъ *на первыхъ порахъ* анархистскіе методы борьбы, въ частности экономическій терроръ,—среди малосознательныхъ рабочихъ. Лѣтомъ 1904 г. толпа на базарѣ, подъ предводительствомъ 18-тилѣтняго анархиста Нисана Фарбера, нападаетъ на булочныя и лавки, забираетъ хлѣбъ, мясо и пр. Вскорѣ затѣмъ тотъ же Фарберъ ранитъ кинжаломъ въ синагогѣ фабриканта Кагана, главнаго организатора въ борьбѣ хозяевъ съ забастовавшими рабочими, выписавшаго штрейкбрехеровъ изъ Москвы. Еще въ 1903 г. были первыя анархистскія покушенія на полицейскихъ, а осенью 1904 г.

появилась и первая анархистская бомба, брошенная въ полицейскій участокъ все тѣмъ же Фарберомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пропаганда анархизма выходитъ за предѣлы Бѣлостока, и анарх. группки возникаютъ въ цѣломъ рядѣ промышленныхъ мѣстечекъ Гродн. губ., окружающихъ Бѣлостокъ. Наконецъ, изъ Бѣлостока же исходитъ первая попытка завязать сношенія съ другими анарх. группами въ Россіи, именно съ Одесской группой „непримиримыхъ", возникшей въ началѣ 1904 г. изъ существовавшей тамъ „махаевской" группы. Кромѣ Одессы, въ томъ же 1904 г. появляется анарх. группа и въ Житомірѣ, организованная двумя рабочими-анархистами, пріѣхавшими изъ Австріи. Эта группа въ концѣ года участвуетъ въ стачкѣ заготовщиковъ. Тогда же происходитъ въ Одессѣ первый крупный арестъ анархистовъ съ вооруженнымъ сопротивленіемъ.

До самаго конца 1904 г. это были единственныя анарх. группы въ Россіи (если не считать группы въ Екатеринбургѣ, просуществовавшей очень недолго и перешедшей къ с.-р.). Январскія событія 1905 г. и особенно экономическія стачки въ февралѣ и мартѣ и сопровождавшая ихъ массовая безработица дали сильный толчекъ распространенію анархизма.

Весной 1905 г. уже существуютъ анарх. группы въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ (гр. „анархистовъ-общинниковъ"), Кіевѣ („южно-русская гр. комм.-анархистовъ"), Екатеринославѣ. Въ Петербургѣ распространяются анарх. прокламаціи при помощи особыхъ „ракетъ". Въ Москвѣ и Ригѣ выходятъ первомайскіе листки. Прокламаціи къ крестьянамъ разбрасываются изъ оконъ поѣздовъ. Лѣтомъ анархисты принимаютъ энергичное участіе во всеобщихъ стачкахъ Одессы, Екатеринослава и особенно Бѣлостока, гдѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ ожесточенную борьбу съ соціалист. организаціями, главнымъ образомъ, съ Бундомъ, въ то же время устраивая рядъ покушеній противъ полиціи и войска. Наконецъ, тогда же организуются первыя анарх. группы въ Польшѣ (въ Варшавѣ и Ломжинской губ.) и на Кавказѣ, въ Грузіи. Къ осени анархисты появляются въ Гроднѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Бердичевѣ, цѣломъ рядѣ мѣстъ Черниговской губ. и на Уралѣ.

Наряду съ этимъ распространеніемъ анархизма начинается и его дифференціація. Прекращается безраздѣльное идейное господство группы „Хлѣба и Воли", или „Хлѣбовольцевъ". Возникаетъ группа „Безначаліе", издающая въ теченіе весны и лѣта 1905 г. за границей три номера „Листка группы Безначаліе" и рядъ прокламацій въ Россіи и проповѣдующая самый неистовый боевизмъ, поджоги, разрушеніе и захватъ буржуазной собственности, физическое истребленіе всѣхъ „классовыхъ враговъ" пролетаріата, а также борьбу не на животъ, а на смерть съ „демократическими" (т. е. соціалистическими) партіями. Въ качествѣ реакціи противъ крайностей

этой группы появляется въ октябрѣ первый и единственный номеръ журнала „Новый Міръ“. Въ ноябрѣ прекращается изданіе „Хлѣба и Воли“ (на 24-мъ №), а въ декабрѣ выходитъ „Черное Знамя“ (единственный номеръ), положившее начало „чернознаменскому“ направленію въ русскомъ анархизмѣ. Всѣ эти изданія распространяются въ Россіи.

Въ самой Россіи возникли за этотъ періодъ анарх. типографіи возлѣ Нѣжина, въ Бѣлостокѣ („Анархія“), въ Москвѣ („типографія анархистовъ-общинниковъ“) и еще нѣкоторыя, издававшія большое количество прокламацій. Лѣтомъ 1905 г. у нѣжинской группы явилась мысль издавать въ Россіи анарх. органъ. Редакція его должна была находиться въ Кіевѣ и завязала сношенія съ одесскими, бѣлостокскими и екатеринославскими анархистами. Первый номеръ газеты „Набатъ“ былъ уже набранъ, но въ августѣ типографія, находившаяся во дворѣ одного священника, въ селѣ Куриловкѣ Нѣжинскаго уѣзда, была арестована, и газета не могла выйти. Вскорѣ послѣ того была арестована и бѣлостокская типографія „Анархія“.

Въ теченіе этого же періода (еще до октябрьскихъ дней) учащаются случаи анархистскаго террора въ Варшавѣ, во время стачки пекарей анархисты примѣняютъ саботажъ. Бомбы бросаются въ Бѣлостокѣ, Одессѣ и Екатеринославѣ. Въ Нѣжинѣ, въ сентябрѣ, имѣетъ мѣсто громкое вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Въ Одессѣ въ іюнѣ происходитъ первый судебный процессъ анархистовъ.

Въ „дни свободы“ вліяніе анархистовъ проявляется очень слабо. Отдѣльные анарх. ораторы выступаютъ на митингахъ въ учебныхъ заведеніяхъ (въ Петербургѣ, въ Кіевѣ), появляются они и на рабочихъ митингахъ въ нѣкоторыхъ городахъ, но не встрѣчаютъ большого успѣха; и даже про Бѣлостокъ, гдѣ они къ тому времени пользовались наибольшимъ вліяніемъ, въ сравненіи съ другими городами, они должны съ горечью констатировать (см. анархистскій „Альманахъ“, стр. 18): „До сихъ поръ мы разсчитывали, что въ моментъ общероссійскаго подъема рабочее движеніе въ нашемъ городѣ пойдетъ впередъ еще скорѣе. И вдругъ мы увидѣли, что намъ приходится начинать сначала. Октябрьскіе дни принесли и намъ *политическую* стачку... Рабочіе забастовали, не предъявивъ никакихъ экономическихъ требованій, объявивъ, такимъ образомъ, хозяевамъ перемиріе на время борьбы съ самодержавіемъ“.

Но зато тотчасъ по окончаніи перваго мѣсяца „свободъ“ объ анархистахъ начинаютъ говорить повсюду: взрывы бомбъ въ гостиницѣ „Бристоль“ въ Варшавѣ (ноябрь) и въ кафэ Либмана въ Одессѣ (декабрь) открываютъ новую полосу въ русскомъ анархизмѣ—„безмотивный“ или „антибуржуазный“ терроръ, споры о которомъ рѣзко раздѣляютъ съ этихъ поръ анархистовъ на два лагеря. Затѣмъ, въ теченіе зимы 1906 г. анархисты

въ однихъ мѣстахъ просто исчезаютъ, разгромленные реакціей, въ другихъ— проявляютъ себя лишь въ мелкихъ экспропріаціяхъ, которыя въ это время впервые становятся „нормальнымъ“ средствомъ ихъ дѣятельности (Екатеринославъ, Одесса, Кавказъ), а также въ мелкомъ антиполицейскомъ террорѣ. Весна, вмѣстѣ съ ослабленіемъ реакціи и массовой безработицей, приноситъ и новый подъемъ дѣятельности анархистовъ, какъ въ смыслѣ распространенія по Россіи, такъ и въ смыслѣ интенсивности.

Весна и лѣто 1906 г.—время, когда анархизмъ въ Россіи достигъ наибольшей степени развитія. Къ упомянутымъ выше городамъ, гдѣ имѣлись анарх. группы, прибавился цѣлый рядъ новыхъ. Въ Крыму, во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Кавказа, на Уралѣ, въ Прибалт., Западномъ и Юго-Западномъ Краѣ, на Украйнѣ (особенно среди крестьянъ), наконецъ, въ рядѣ городовъ средней Россіи, какъ Рязань, Тула, Нижній-Новгородъ съ Сормовымъ, Пенза, Казань,—корреспонденты анарх. журналовъ отмѣчаютъ существованіе группъ, акты политич. и экономич. террора и экспропріаціи, рѣже—выступленія на митингахъ и участіе въ забастовкахъ.

Повидимому, совершенно неизвѣстнымъ остался анархизмъ, какъ сколько-нибудь замѣтное явленіе,—въ *Сибири* (если не считать далекихъ мѣстъ ссылки, какъ, напр., Якутскъ, гдѣ въ 1907 г. выходилъ рукописный анарх. журналъ „Мятежникъ“, и велась пропаганда среди учащихся, или Туруханскій край, гдѣ въ 1908 г. оперировала громкая группа экспропріаторовъ), и это въ значительной мѣрѣ можно объяснить рѣзко-политическимъ характеромъ революціоннаго движенія въ Сибири и отсутствіемъ среди сибирскихъ рабочихъ той острой безработицы, которая царила во все время контрреволюціи въ главнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ Европейской Россіи [1]).

Въ теченіе этого же періода до значительныхъ размѣровъ возросла и анархич. литература. Въ Женевѣ въ іюлѣ 1906 г. появляется 1-й номеръ новаго анарх. журнала „Буревѣстникъ“, который скоро становится главнымъ идейнымъ центромъ русскаго анархизма, впослѣдствіи, впрочемъ, исключительно синдикалистскаго направленія (выходившіе въ теченіе 1906—7 г.г. въ Лондонѣ Кропоткинскіе „Листки Хлѣбъ и Воля“ расходились по большей части за-границей и въ Россіи имѣли мало вліянія). Въ Россіи, кромѣ множества мелкихъ типографій, у анархистовъ была большая, хорошо оборудованная типографія въ пещерѣ, въ имѣніи Оріанда возлѣ Ялты. Она поставляла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прокламаціи на весь югъ

---

[1]) Что же касается Ташкента, о которомъ въ концѣ 1908 г. упоминаетъ корреспондентъ „Буревѣстника“, то анарх. группа возникла тамъ тогда, когда во всей Россіи анархизмъ шелъ на убыль, имѣла интеллигентскій составъ и случайный характеръ.

Россіи и собиралась издавать первый выходящій въ самой Россіи органъ анархизма „Бунтарь“. Но, выданная провокаторомъ, типографія была арестована въ августѣ 1906 г., и „Бунтарь“, цѣликомъ написанный въ Россіи, вышелъ за-границей въ декабрѣ того же года.—Въ декабрѣ же былъ изданъ въ *Одессѣ* единственный номеръ органа анарх.-синдикалистовъ— „Вольный Рабочій“. Кромѣ нелегальныхъ типографій, анархисты часто пользовались, для печатанія прокламацій, и насильственнымъ захватомъ частныхъ типографій.

Наконецъ, въ этотъ же періодъ появляется и *легальная* анарх. литература. Первое предложеніе легализаціи анархизма внесла небольшая пріѣхавшая изъ-за границы группа въ *Бѣлостокѣ*, вскорѣ послѣ октябрьскихъ дней. Такъ какъ огромное большинство бѣлостокскихъ анархистовъ были чернознаменцы, т. е. признавали исключительно боевую и бунтарскую дѣятельность, то это предложеніе успѣха не имѣло, а самая группа просуществовала недолго. Но весной 1906 г., главнымъ образомъ, въ *Москвѣ*, былъ изданъ въ легальныхъ типографіяхъ такъ называемымъ „явочнымъ“ порядкомъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, оригинальныхъ и переводныхъ, излагающихъ анархистскіе взгляды или трактующихъ объ анархизмѣ. Эти книги получили довольно широкое распространеніе и служили долгое время средствомъ пропаганды для анархистовъ. А въ *Тифлисѣ*, той же весной 1906 г., стали выходить и *легальныя анарх. газеты* на грузинскомъ языкѣ, одна еженедѣльная (всего 14 номеровъ) и двѣ смѣнившія другъ друга ежедневныя (одной вышло 8 номеровъ, другой—60); всѣ онѣ просуществовали, съ перерывами, въ общей сложности съ конца марта по іюнь 1906 г., несмотря на то, что открыто излагали свои взгляды.

Къ попыткамъ легализаціи анархистовъ въ 1906 г. относится и участіе анархистовъ въ легальныхъ професс. союзахъ въ *Москвѣ* и *Одессѣ* (въ послѣдней—особенно въ знаменитой „регистраціи“ моряковъ); потомъ они почти сливались съ зачатками группъ „революціонно-синдикалистскаго“ направленія въ собственномъ смыслѣ слова.

Главными центрами анархизма, гдѣ онъ пользовался извѣстнымъ успѣхомъ, въ 1906 г. были: Екатеринославъ и его промышленный округъ, Одесса, Кавказъ, Уралъ, Москва и Польша. Бѣлостокъ потерялъ уже прежнее значеніе; послѣ дней свободы вліяніе анархистовъ на рабочую массу тамъ сильно упало, а съ весны 1906 г., послѣ одной неудачной стачки (объ этомъ подробнѣе будетъ разсказано ниже), анархисты, по ихъ собственнымъ словамъ, потерпѣли полный *моральный крахъ*. Съ конца 1906 г., наряду съ провокаціей и массовыми провалами, анархисты начинаютъ терпѣть подобный же моральный крахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1907 г. изъ упомянутыхъ выше центровъ остаются лишь Екатеринославъ, Одесса,

Уралъ и Варшава. Изъ другихъ мѣстъ получаются лишь извѣстія объ одиночныхъ террористическихъ актахъ и экспропріаціяхъ. Страницы анарх газетъ (одновременно съ „Буревѣстникомъ“ съ 1907 г. сталъ выходить заграницей органъ черпознаменцевъ „Анархистъ“, а съ мая 1908 г.—„Бунтарь“), кромѣ очерковъ *прошлаго* движенія, все болѣе и болѣе пестрятъ только вооруженными сопротивленіями и некрологами.

Въ 1908 г. единственнымъ городомъ, гдѣ существовала постоянная анархистская группа, ведшая пропаганду и агитацію среди рабочихъ (и отчасти крестьянъ), оставался Екатеринославъ (съ окрестными поселками), городъ, въ которомъ, послѣ Бѣлостока, анархисты находили наибольшій откликъ въ массахъ. Во второй половинѣ 1908 г. они, повидимому, исчезаютъ и тамъ [1]).

Въ своей агитаціи анархисты, кромѣ рабочихъ, обращались и къ крестьянамъ. Уже въ первомъ періодѣ анархистской работы, въ 1903 и 4 годахъ группа въ Нѣжинѣ вела пропаганду среди крестьянъ Черниговской губ. Весной и лѣтомъ 1905 г. ведется агитація среди экономическихъ крестьянъ возлѣ одного изъ мѣстечекъ Ломжинской губ., а также распространяется по Россіи (изъ окопъ вагоновъ) „Манифестъ анархистовъ-общинниковъ“, изданный въ Петербургѣ и дающій подробныя указанія, „какъ поджигать помѣщичьи стога“. Эта же прокламація перепздается и распространяется тогда же екатеринославской группой. Но и эта агитація особенно развивается въ 1906 и отчасти 1907 годахъ. Она ведется и въ центральной Россіи (въ Московской, Рязанской губ. и возлѣ Брянска), и въ Западномъ краѣ, въ частности, возлѣ Бѣлостока, гдѣ анарх. корреспонденты указываютъ на существованіе крестьянскихъ группъ анарх.-коммунистовъ, и въ Херсонской губ., и, особенно, въ Малороссіи. Въ Кіевской и Полтавской губ. въ 1907 г. образовались даже „федераціи вольнаго крестьянскаго союза“, но какихъ-либо подробностей его дѣятельности анархистскіе источники не указываютъ. Зато про Херсонскую губ. они пишутъ уже въ концѣ 1907 или началѣ 1908 г., т. е. тогда, когда, по ихъ же словамъ, въ городахъ „анархистское движеніе несомнѣнно пошло на убыль“ („Анархистъ“, № 2, стр. 21): „Всѣ послѣднія боевыя выступленія въ деревняхъ Херсонской губ., начиная съ массоваго нападенія на усадьбу Келеповскихъ, убійство помѣщика Бурачка... дѣло сознательныхъ крестьянъ-анархистовъ“. А лѣтомъ 1908 г. и екатеринославскіе анархисты снова завязываютъ сношенія съ окрестными крестьянами и распространяютъ среди нихъ прокламаціи.

Любопытнымъ, хотя совершенно одинокимъ, фактомъ вліянія анархист-

---

1) Объ упоминаемой въ письмѣ *Богрова* (см. Бурцевское „Будущее“, № 3), кіевской группѣ а.-к., существовавшей будто бы еще въ серединѣ 1908 г., конечно серьезно говорить не приходится.

скихъ идей на крестьянъ—является, если вѣрить „Анархисту“, попытка одного села на Кавказѣ, въ Тифл. губ. (въ 1906 г.), вести коммунистическое хозяйство. Подъ вліяніемъ анархич. идей и одного сочувствовавшаго анархизму помѣщика, крестьяне этого села, „рѣшивъ владѣть землей на коммунальныхъ началахъ, уничтожили межи и заборы, раздѣляющіе поля и виноградники, прогнали сельскихъ властей и выстроили общественные дома и пекарни; въ городѣ они пріобрѣли земледѣльческія орудія для веденія коллективной обработки земли... Эта коммуна просуществовала около 9 мѣсяцевъ, пока правительство не разрушило ея; организаторы были посажены въ тюрьму, а общественные дома превращены въ казачьи казармы“ („Анархистъ“, № 1, стр. 36; знатокъ кавказскаго анархизма Оргеіани не упоминаетъ объ этомъ фактѣ)

О существованіи анархистскихъ группъ среди крестьянъ, кромѣ сообщеній корреспондентовъ анарх. газетъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторые судебные процессы послѣдняго времени, особенно процессъ анарх. Херсонской губ. (Присяжнюкъ и др.). Но подобныя группы, повидимому, мало отличались отъ обыкновенныхъ разбойничьихъ крестьянскихъ дружинъ, въ родѣ „лѣсныхъ братьевъ“ Сердобскаго уѣзда Сарат. губ., шайки Савицкаго, Лбова и другихъ.

Наконецъ, кромѣ мѣстныхъ, городскихъ и крестьянскихъ, группъ слѣдуетъ еще упомянуть о существованіи чисто-боевыхъ группъ, не связанныхъ съ какимъ-либо городомъ или мѣстностью. Самой извѣстной изъ такихъ группъ была оперировавшая на югѣ въ 1907 г. „Боевая Интернаціональная группа анарх.-коммунистовъ“, та самая, грандіозный провалъ которой въ началѣ 1908 г. приписывается кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ *Богрову* [1]). Въ первомъ номерѣ „Анархиста“ эта группа помѣстила слѣдующее заявленіе: „Боев. Интерн. гр. анарх.-комм. ставитъ себѣ цѣлью: 1. Организацію экономич. и политич. террорист. актовъ. 2. Организацію крупныхъ экспропріацій для снабженія русскихъ и заграничныхъ группъ деньгами и оружіемъ. 3. Помощь людьми группамъ при всякихъ мѣстныхъ боевыхъ дѣлахъ. Б. И. Г. А.-К. внѣфракціонна. Она оказываетъ помощь всякой идейной и способной къ практич. работѣ группѣ а.-к. Первымъ дѣломъ Б. И. Г. А.-К. была экспропріація почты на ст. Верхнеднѣпровскъ Екат. губ. въ сентябрѣ сего (1907) года. Взято 60.000 р.“. Затѣмъ слѣдуетъ отчетъ, въ которомъ, между прочимъ, фигурируетъ 250 р., выданные „крестьянскому анархистскому союзу“.

Уже изъ существованія подобной группы видно, что между анархистами разныхъ городовъ имѣлась довольно тѣсная связь. Но на это имѣются и прямыя указанія. Еще въ 1904 г. представитель бѣлостокской группы

---

1) Впрочемъ, судя по послѣднимъ даннымъ, это обвиненіе, вѣроятно, ложно.

отправился въ Одессу, чтобъ завязать сношенія съ тамошней группой и получить у нея литературу и денегъ, что ему и удалось, правда, случайно. Но съ конца 1905 г. анархисты, особенно боевики, часто мѣняютъ города и, несмотря на отсутствіе и на принципіальное отрицаніе централизованной организаціи, вездѣ находятъ нужныя связи съ мѣстными группами. Особенно оживленны были сношенія между тремя главными центрами анархизма—Бѣлостокомъ, Екатеринославомъ и Одессой, и на почвѣ распространенія литературы, весной 1906 г., и съ Москвой. Обозрѣватель московскаго анархизма въ „Альманахѣ“ указываетъ даже на своеобразное „раздѣленіе труда“ между разными городами, о которомъ онъ повѣствуетъ наивно-восторженнымъ тономъ средневѣковаго хроникера. Москва „снабжала всю имперію богатой литературой, посылала въ сосѣдніе районы... агитаторовъ и пропагандистовъ... Всюду у анарх.-коммунистовъ были свои единомышленники, съ которыми они, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ, обмѣнивались революціонными услугами. *Въ замѣнъ литературы изъ Тулы получалось холодное и огнестрѣльное оружіе, изъ Екатеринослава взрывчатыя вещества*“. („Альманахъ“, стр. 48. Курсивъ мой. Б. Г.).

Наконецъ, у анархистовъ были и *съѣзды*.

Еще въ январѣ 1906 г. собрался въ Кишиневѣ „многолюдный“ съѣздъ террористовъ-„безмотивниковъ“. На немъ присутствовало *21 человѣкъ* [1]) изъ всѣхъ важнѣйшихъ центровъ анархизма, главнымъ образомъ, изъ Бѣлостока и Екатеринослава. „Это были, по словамъ „Альманаха“ (стр. 24), большею частью рѣшительные боевики и вдумчивые люди. Были среди нихъ Гелникеръ, Стрига, Ѳедосѣй Зубарь, Николай Дѣденко. Наряду съ актами „безмотивнаго“ террора на этомъ съѣздѣ было рѣшено предпринять и цѣлый рядъ актовъ противъ организующейся буржуазіи (какъ, напр., противъ съѣзда горнопромышленниковъ)“. На съѣздѣ были уже и роли распредѣлены между его участниками и образована террористическая группа, которая могла собрать вокругъ себя 60 боевиковъ. Душой съѣзда былъ Владиміръ Стрига (Лапидусъ, бывшій заграничный студентъ, сперва с.-д., потомъ неопредѣленный террористъ, махаевецъ и, наконецъ, одна изъ виднѣйшихъ фигуръ русскаго анархизма). „Стрига выбралъ для себя террористическое покушеніе заграницей (повидимому, на парижскаго Ротшильда. Б. Г.) по причинамъ, которыя онъ подробно изложилъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ“ (какъ извѣстно, онъ былъ убитъ при взрывѣ бомбы, во время опытовъ въ Венсенскомъ лѣсу, въ Парижѣ, лѣтомъ 1906 г.). Но ни одно предпріятіе, задуманное на съѣздѣ, не осуществилось, и почти всѣ его участники были впослѣдствіи казнены, убиты или покончили съ собой во время вооруженныхъ со-

1) А не 60, какъ ошибочно утверждаетъ авторъ статьи „Анархизмъ въ Россіи“ въ № 3 сборника „С.-Р.“

противленій при арестѣ. Этотъ съѣздъ и образованная имъ террорист. группа отняли много силъ отъ мѣстной работы, на что неоднократно жалуются хроникеры анарх. движенія разныхъ городовъ.

Изъ другихъ анархистскихъ съѣздовъ въ Россіи извѣстны лишь два областныхъ: „конференція уральскихъ группъ а.-к.“, происходившая въ концѣ апрѣля 1907 г., и „конференція а.-к. Польши и Литвы“ въ іюнѣ того же года. Первая высказалась противъ индивидуальныхъ экспропріацій, противъ воровства и шантажа, противъ помощи воровъ и приняла резолюцію „о синдикализмѣ“, которая ставитъ главной задачей „организовать нелегальные интерпартійные союзы между рабочими, крестьянами и солдатами“, но допускаетъ и участіе анарх. въ существующихъ професс. союзахъ, добиваясь лишь ихъ безпартійности. Кромѣ того, конференція постановила образовать федерацію мѣстныхъ группъ и издавать федеративный органъ „для разбора тактич. и организаціонныхъ вопросовъ“ („Листки Хлѣбъ и Воля“, № 18, стр. 6).

Что же касается конференціи анарх. Польши и Литвы, желавшей связать тѣснѣе группы въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Ковнѣ и Вильнѣ, то она была организована *при дѣятельномъ участіи провокатора*, благодаря чему немедленно послѣ конференціи произошли массовые провалы въ этихъ городахъ („Анархистъ“, № 3).

Осенью 1907 г. нѣкоторыя анарх. группы предполагали созвать „въ ближайшемъ будущемъ“ „съѣздъ россійскихъ анархистовъ“. Но редакція и группа „Буревѣстникъ“, равно какъ и „Боевая Интерн. Гр. А.-К.“ помѣстили въ № 8 этого журнала заявленіе, что, „принимая во вниманіе кризисъ, переживаемый въ настоящій моментъ анарх. движеніемъ въ Россіи, повсемѣстные провалы группъ, сильно развившуюся за послѣднее время провокацію“, онѣ считаютъ необходимымъ прежде всего заняться возрожденіемъ мѣстной работы и очисткой группъ отъ подозрительныхъ элементовъ; до тѣхъ же поръ, пока это не сдѣлано, съѣздъ будетъ не только преждевременнымъ, но и чрезвычайно опаснымъ.

Къ анархистскимъ съѣздамъ слѣдуетъ отнести и происходившую осенью 1906 г. въ Лондонѣ, при участіи Кропоткина, конференцію группы, рѣшившей издавать органъ—Листки „Хлѣбъ и Воля“. На этой конференціи представлены были доклады: *Кропоткина*—„Политическая и экономическая революція“ и „Работа въ рабочихъ союзахъ“; *Забрежнева*—„О террорѣ“, *Корнъ*—„Вопросы организаціи“, *Вѣтрова*—„Отношеніе къ другимъ партіямъ“ и *Изидина*—„Всеобщая стачка“.

Изъ принятыхъ резолюцій слѣдуетъ отмѣтить резолюцію, рекомендующую анархистамъ принимать дѣятельное участіе въ рабочихъ союзахъ, революціонизируя ихъ и ведя въ нихъ борьбу противъ полит. партій. За-

тѣмъ конференція выразила неодобреніе экспропріаціямъ, какъ простому переходу собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, хотя особой резолюціи и не приняла, не желая порицать тѣхъ, кого преслѣдовали военно-полевые суды.

Наконецъ, русскіе анархисты приняли участіе въ *международномъ конгрессѣ анархистовъ въ Амстердамѣ* въ концѣ августа 1907 г. Въ офиціальномъ отчетѣ русской делегаціи, напечатанномъ въ № 6—7 „Буревѣстника“, указаны, въ качествѣ городовъ и областей, группы которыхъ „такъ или иначе отозвались и выразили свою солидарность конгрессистамъ“,— *Петербургъ, Бѣлостокъ, Екатеринославъ, Грузія.* Представлены были на конгрессѣ и заграничныя литературныя группы, какъ, напр., группа „Буревѣстника“. Делегатами изъ Россіи были: Н. Рогдаевъ, Каминскій, Софья Воднева, Марголинъ и В. Забрежневъ. Рогдаевъ представилъ доклады „О различныхъ теченіяхъ въ русскомъ анархизмѣ“ и о профессіон. движеніи въ Россіи, гдѣ онъ, между прочимъ, указалъ, „что рабочіе и крестьяне, еще задолго до появленія въ ихъ рядахъ чистыхъ анархистовъ,—примѣняли *анархистскую тактику* (курсивъ автора отчета. Б. Г.), въ формѣ экономическихъ всеобщихъ стачекъ, сопровождаемыхъ саботажемъ и терроромъ, убійствъ фабрикантовъ, насильственныхъ захватовъ земель и пр., и пр.“. Забрежневъ представилъ докладъ „Объ индивидуализмѣ“. Русскіе делегаты поддержали резолюцію большинства конгресса о необходимости участвовать въ рабочихъ синдикатахъ.

Чтобы дать болѣе конкретную картину дѣятельности русскихъ анархистовъ, остановимся нѣсколько подробнѣе на ихъ работѣ въ важнѣйшихъ центрахъ: Бѣлостокѣ, Екатеринославѣ и Одессѣ, отчасти также на Кавказѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ. При всемъ однообразіи анархистскихъ методовъ, каждое изъ перечисленныхъ мѣстъ представляло и нѣкоторыя особенности, болѣе ярко проявляло тѣ или другія типическія черты русскаго анархизма.

Въ Бѣлостокѣ анархисты, наряду съ массой мелкихъ экспропріацій у лавочниковъ, которыя они называли „захватомъ продуктовъ“, проявляли себя, главнымъ образомъ, экономическимъ терроромъ, особенно во время стачекъ, и нападеніями на полицію и военные патрули.

Проповѣдь экспропріацій и экономическаго террора, повидимому, встрѣчала нѣкоторое сочувствіе среди рабочихъ, особенно во время безработицы, такъ какъ, не говоря уже о разсказахъ самихъ анарх. обозрѣвателей и корреспондентовъ, мѣстный комитетъ Бунда уже съ 1904 г. долженъ былъ не разъ въ своихъ прокламаціяхъ выступать противъ анархистовъ. Кажущійся успѣхъ экономич. террора, выражавшійся въ томъ, что напуганные убійствами

и угрозами фабриканты уступали требованіямъ стачечниковъ (особенно лѣтомъ 1905 г., когда вліяніе анархистовъ было наиболѣе сильнымъ),—привелъ къ тому, что даже мѣстные с.-ры и члены П. П. С. поддались вліянію анархистовъ и стали примѣнять этотъ методъ борьбы, подъ угрозой массоваго перехода ихъ сторонниковъ на сторону анархистовъ. Что касается Бунда, то онъ долженъ былъ выдерживать долгую и упорную борьбу съ демагогіей анархистовъ, выступавшихъ на ежедневныхъ импровизированныхъ митингахъ, или на знаменитой бѣлостокской „биржѣ“, и добившихся того, что бундовцы вынуждены были перенести свою „биржу“ на другую улицу. И тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству даже самихъ анархистовъ („Альманахъ“), дѣятельность анарх. группы въ Бѣлостокѣ, гдѣ она наиболѣе была связана съ массой, не превратилась въ анархистское движеніе, а была все время чѣмъ-то постороннимъ движенію пролетаріата. Такъ, въ пору своего наивысшаго вліянія, въ маѣ 1905 г. бѣлостокская группа состояла изъ 60 вполнѣ сознательныхъ анархистовъ (стр. 9), и рабочіе смотрѣли на эту группу, какъ на что-то „вродѣ бюро для поставки стачечной удачи“ (стр. 15), а въ октябрьскіе дни, какъ мы уже указывали выше, вся предшествовавшая работа анархистовъ сошла на нѣтъ, и рабочіе, по призыву соціалист. партій, объявили всеобщую *политическую* стачку. И послѣ того, констатируетъ анарх. обозрѣватель, „попрежнему масса продолжала проявлять очень мало боевой инициативы, попрежнему ея пассивность возмѣщалась дѣятельностью анархической группы“. И вотъ, когда лѣтомъ 1906 г., во время забастовки питярей, несмотря на рядъ бомбъ, брошенныхъ анархистами въ квартиры фабрикантовъ, эти послѣдніе, хотя и убѣжали за границу, „но, чувствуя за собой моральную поддержку всего, что было въ Бѣлостокѣ имущаго, твердо стояли на своемъ и не уступали“,—рабочіе, „вмѣсто того, чтобы нападать на фабрики, ждали, что сдѣлаютъ анархисты“ (стр. 25). Въ результатѣ „стачка потерпѣла пораженіе, вмѣстѣ съ нею тяжкое, если не смертельное пораженіе понесла и наша группа“ (стр. 26). Если прибавить къ этому, что непрерывныя нападенія анархистовъ на полицію и солдатъ вызывали не разъ кровавыя репрессіи на головы всего беззащитнаго населенія, то „моральное пораженіе“ бѣлостокскихъ анархистовъ станетъ еще понятнѣе [1]). И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ бѣлост. группа не играетъ уже никакой роли, а съ 1907 г. „всѣ силы уходятъ на борьбу съ провокаторами“. „Провокація побѣдила“, и „группа распалась послѣ того, какъ всѣ ея активные участники были арестованы“ (стр. 28).

Послѣ Бѣлостока главнымъ центромъ русскаго анархизма сталъ *Екатеринославъ*. Въ немъ анархисты держались дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни

---

[1]) Во время одного изъ столкновеній „биржи“ съ казаками, лѣтомъ 1905 г., анархисты бросили бомбу, несмотря на присутствіе толпы рабочихъ. Бомба убила видную пропагандистку бундовку.

было въ Россіи, но съ массой они были связаны еще меньше, чѣмъ въ Бѣлостокѣ, хотя и тутъ пользовались сочувствіемъ, главнымъ образомъ, на окрестныхъ заводахъ. Послѣ краткаго періода агитаціи на массовкахъ и митингахъ они уже 4-го окт. 1905 г. совершаютъ первый актъ экономич. террора, убиваютъ директора машино-строительнаго завода „за неудачную забастовку". И съ тѣхъ поръ непрерывной чередой тянутся акты экономич. и антиполицейскаго террора, смѣняясь лишь время отъ времени болѣе или менѣе крупными экспропріаціями и вымогательствами. При чемъ, въ то время какъ въ Бѣлостокѣ анархисты вмѣшались въ экономич. борьбу рабочихъ, и нападенія на фабрикантовъ имѣли цѣлью вынудить уступки во время стачекъ, въ Екатеринославѣ убійства мастеровъ, директоровъ и управляющихъ на заводахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ носили характеръ *мести* за увольненіе стачечниковъ, дурное обращеніе и эксплуатацію вообще. Былъ случай и „безмотивнаго террора": собираясь бросить бомбу въ министерскій поѣздъ и узнавъ, что министръ не проѣдетъ, анархисты бросили бомбу въ обыкновенный вагонъ 1-го класса, въ „буржуазію вообще". Но наибольшее количество нападеній было сдѣлано на низшую полицію (околодочныхъ, городовыхъ, стражниковъ) и на казаковъ. Въ заявленіи, посланномъ екатериносл. группой анархистовъ Амстердамскому конгрессу, сказано, что за годъ съ лишнимъ „работы" ею „было совершено около 70 террорист. актовъ, кромѣ вооруженныхъ сопротивленій, побѣговъ и экспропріацій" („Бурев." № 6—7, стр. 29). Вмѣстѣ съ тѣмъ анархисты распространяли много литературы, на экспропріированныя деньги устраивали типографіи, въ частности, большую типографію въ пещерѣ, возлѣ Ялты.

Смѣлость екатериносл. анархистовъ, совершаемыя ими убійства полицейскихъ и ненавистныхъ мастеровъ привлекали къ нимъ сочувствіе менѣе сознательныхъ заводскихъ рабочихъ, а рабочіе с.-р.-ы стали къ нимъ переходить съ самаго начала ихъ дѣятельности. Но уже со второй половины 1906 г. начинается разгромъ екатерин. группы, отъ котораго она немного оправилась лишь къ веснѣ 1907 г. Послѣ того дѣятельность анархистовъ ослабѣла, но у нихъ все же были связи во всемъ районѣ, и террористическіе акты продолжались до самой середины 1908 г. Однако, несмотря на энергію, съ какой анархисты боролись противъ с.-д., несмотря на отдѣльные случаи сочувствія къ нимъ со стороны рабочихъ, *масса* екатериносл. пролетаріата шла за с.-д., что наглядно показали выборы въ три Думы.

Если бѣлостокскіе анархисты послѣ „дней свободы" принадлежали „черезнаменскому" направленію, а екатеринославская группа въ вышеупомянутомъ заявленіи Амстердамскому конгрессу называетъ себя внѣ-фракціонной, то въ *Одессѣ* съ конца 1905 г. рѣзко обозначились два теченія: черезнаменцы и анарх.-синдикалисты. Первые отрицательно относились къ какимъ бы

то ни было рабочимъ организаціямъ, вѣрили исключительно „въ чудодѣйственную силу террора“, по выраженію одного анархистскаго писателя, устроили знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана, который долженъ былъ означать начало „безмотивнаго“ или „антибуржуазнаго“ террора, а впослѣдствіи занимались почти исключительно мелкими экспропріаціями, „налетами“ и „мандатами“, т. е. разсылкой угрожающихъ писемъ съ требованіями денегъ. Эти „налеты“, весьма часто провокаторскаго происхожденія, выродились въ обыкновенный бандитизмъ, и очень трудно бывало различить, гдѣ кончается идейный анархистъ, и гдѣ начинается обыкновенный хулиганъ, сутенеръ или провокаторъ. Даже въ тюрьмѣ, по свидѣтельству анархиста Михаила Знаменскаго, эти анархисты вступали въ тѣсный союзъ съ уголовными и натравливали ихъ на политическихъ заключенныхъ („Альманахъ“ стр. 152).

Другое теченіе—синдикалисты,—во главѣ которыхъ лѣтомъ 1905 г. стоялъ Гершковичъ, а въ 1906 г. талантливый анархистъ Новомірскій, издавшій за-границей въ окт. 1905 г. газету „Новый міръ“, а въ Одессѣ въ 1906 г. одинъ № газеты „Вольный рабочій“,—рѣзко отличались отъ черезнаменцевъ. Они вступали въ безпартійныя рабочія организаціи и признавали борьбу за частичныя улучшенія, но, конечно, при помощи экон. террора Они прославились участіемъ въ забастовкѣ моряковъ одесскаго порта, вызванной закрытіемъ такъ называемой „регистраціи“, т. е. профессіональнаго союза моряковъ. Что они пользовались сочувствіемъ моряковъ, видно изъ того, что ихъ представитель былъ введенъ въ стачечный комитетъ, несмотря на протесты соц.-демократовъ. Принявъ участіе въ стачкѣ, они стали примѣнять въ грандіозныхъ размѣрахъ саботажъ, т. е. взрывы пароходовъ, а также экономич. терроръ. Ихъ вліяніе было такъ велико, что с.-р-ы должны были согласиться на взрывъ одного изъ пароходовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ актъ „можетъ сойти за актъ политич. террора“ (Бурев. № 10—11 стр. 19—22). Но эта же забастовка наглядно показала рабочимъ всю безрезультатность экономич. террора. Забастовка окончилась пораженіемъ и вліяніе анарх.-синдикалистовъ сразу исчезло. Анарх.-синдикалисты совершили также нѣсколько крупныхъ и громкихъ экспропріацій. Но вотъ что пишетъ объ этомъ упомянутый Мих. Знаменскій („Альманахъ“, стр. 151): „Если черезнаменцевъ погубило отсутствіе средствъ, необходимость ряда мелкихъ экспропріацій, то наоборотъ, причиной гибели группы синдикалистовъ явилась наличность крупныхъ денежныхъ суммъ. Лишь только, послѣ крупной экспропріаціи на пароходѣ „Софія“, лучшіе изъ нихъ были выбиты изъ строя, въ ихъ группѣ начался „денежный развратъ“. Группа разлѣзлась, деньги уплыли, и въ первую половину 1907 г. группа „анархистовъ-синдикалистовъ“ прекратила свое существованіе“. Такимъ образомъ, три главныхъ центра русскаго анархизма, Бѣлостокъ, Екатеринославъ и Одесса создали и три нап-

болѣе распространенныхъ типа русскихъ анархистовъ: еврейскаго ремесленника, по большей части почти мальчика, нерѣдко искренняго идеалиста и смѣлаго террориста; заводскаго рабочаго-боевика, непосредственную натуру, который, какъ екатеринославецъ Ѳедосѣй Зубарь, „ни одной книги не прочелъ, но въ душѣ—анархистъ“, ненавидѣвшій всякую власть „до боевого стачечнаго комитета включительно“ („Бурев.“, № 9, стр. 21), и наконецъ, одесскаго „налетчика“—прожигателя жизни. Бѣлостокскіе анархисты съ гордостью разсказываютъ, что имъ удалось профессіональнаго вора (Шпиндлеръ, впослѣдствіи казненный) превратить въ идейнаго анархиста; зато въ Одессѣ анархисты становились часто вульгарными бандитами и ворами. Если мы къ этимъ тремъ типамъ прибавимъ еще интеллигента, обыкновенно бывшаго с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина, какъ Михаилъ Рыбакъ, поджигающаго помѣщичьи усадьбы или вступающаго въ шайку „лѣсныхъ братьевъ“, то галлерея анархистскихъ типовъ будетъ почти исчерпана.

Соединеніе разновидностей одесскаго и бѣлостокскаго анархизма мы находимъ въ Варшавѣ. Еще въ 1905 г. анархисты участвовали тамъ, въ громкой стачкѣ пекарей, при чемъ примѣняли саботажъ, взрывая печи и обливая тѣсто керосиномъ. Имъ удалось даже захватить въ свои руки одну пекарню. Испуганные хозяева уступили. Зимой того же года была брошена бомба въ банкирскую контору, а затѣмъ въ кофейню гостиницы Бристоль. Эти акты „безмотивнаго“ террора приписывались въ свое время провокаціи. Зимой 1906 г. анархисты снова примѣняли саботажъ и экономич. терроръ при стачкѣ портныхъ. То же самое произошло при стачкѣ механическихъ сапожниковъ лѣтомъ 1907 г., при чемъ рабочіе захватывали въ свою пользу обувь и матеріалъ, а въ квартиры хозяевъ былъ брошенъ рядъ бомбъ. Терроризированные хозяева въ обоихъ случаяхъ пошли на уступки; но вслѣдъ за экономическими уступками слѣдовали жестокія полицейскія репрессіи. По количеству казненныхъ анархистовъ съ Варшавой могутъ соперничать лишь Екатеринославъ и Одесса. Въ январѣ 1906 г. въ Варшавѣ было даже казнено, послѣ страшныхъ пытокъ, 16 анархистовъ *безъ суда*.—Варшавскіе анархисты имѣли и свой органъ на польскомъ языкѣ—„Glos rewolusyjny“, чернознаменскаго направленія (№ 1 вышелъ за-границей въ концѣ 1906 г.).

Отъ боевого и экспропріаторскаго анархизма южной Россіи и Польши сильно отличался центръ „сѣвернаго“ анархизма—Москва, въ которой съ 1905 до 1907 г. смѣнили другъ друга нѣсколько группъ („Свобода“, „Свободная коммуна“, „Безвластіе“ и др.). Мы уже видѣли, что Москва была центромъ литературно-издательской дѣятельности анархистовъ, выпустившихъ здѣсь въ легальныхъ типографіяхъ довольно много книгъ и брошюръ. Среди рабочихъ московскіе анархисты, имѣвшіе много общаго съ синдикалистами, вели устную пропаганду, выступали на митингахъ, а также участвовали въ

„союзѣ безработныхъ“. Но попытки вооружать безработныхъ и раздача имъ помощи изъ экспропріированныхъ денегъ встрѣтили рѣзкій отпоръ со стороны рабочихъ соц.-демократовъ. Попытки экспропріацій и террорист. актовъ были уничтожены полиціей еще до 1908 г.

Наконецъ, на Кавказѣ, въ частности въ Грузіи и Баку, мы встрѣчаемъ всѣ виды анархизма: и мирно-пропагандистскій, до легальныхъ газетъ включительно, и экспропріаторско-боевой, переходящій въ мелкое разбойничество и вымогательство. Въ грузинскомъ анархизмѣ знатокъ его Оргеіани („Альманахъ“) различаетъ двѣ полосы: въ „дни свободы“ широко развилась идейная пропаганда анархизма, особенно въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, гдѣ въ то время *хозяевами положенія* были соц.-демократы. При наступленіи реакціи, анархизмъ выродился въ безпринципное экспропріаторство. Новый подъемъ анархизма наступилъ весной и лѣтомъ 1906 г.—это періодъ легальныхъ газетъ. Но онъ продолжался недолго, и со второй половины этого года почти совершенно исчезъ, уступивъ мѣсто грузинскому націонализму.—Въ Баку же гдѣ анархизмъ, при своемъ появленіи, въ 1906 г., имѣлъ шумный успѣхъ, онъ очень скоро выродился въ „анархизмъ“ одесскаго типа, осложненный кавказскими условіями: къ „эксамъ“ и „мандатамъ“ присоединилось похищеніе дѣтей, для полученія выкупа,—и все это при несомнѣнномъ участіи полиціи и провокаціи.

Какой общій выводъ можно сдѣлать относительно распространенности анархизма въ Россіи, въ періодъ его расцвѣта? Въ виду того, что свѣдѣнія объ этомъ можно найти только у анархистовъ, а это—источникъ крайне ненадежный, такъ какъ они болѣе всѣхъ другихъ революціонныхъ партій склонны къ преувеличеніямъ и къ переоцѣнкѣ своей роли и значенія, — отвѣтъ можетъ быть весьма неопредѣленный и приблизительный. Конечно, можно лишь съ улыбкой относиться къ такимъ, напр., заявленіямъ анарх. корреспондентовъ, что въ *Петербургѣ* лѣтомъ 1906 г. „идеи анархическаго коммунизма въ настоящее время окончательно привились къ широкимъ массамъ. Такіе два революціонныхъ и многолюдныхъ завода, какъ Рѣчкинскій и Семяниковскій... являются ячейками самостоятельныхъ организацій рабочихъ анарх.-коммунистовъ“ („Буревѣстникъ“ № 3; это говорится про Петербургъ, гдѣ анархизмъ никогда не игралъ сколько-нибудь замѣтной роли, быть можетъ, благодаря большей культурности и политической зрѣлости петерб. пролетаріата); конечно, такъ же преувеличены сообщенія о Екатеринославѣ или Москвѣ, гдѣ анархизмъ будто бы тоже „окончательно“ овладѣлъ умами рабочихъ, или о Баку, гдѣ послѣ 3-хъ мѣсяцевъ работы въ рядахъ анархистовъ оказалось 2800 рабочихъ. Болѣе вдумчивые анархисты сами должны были признать уже лѣтомъ 1906 г., т. е. послѣ эпохи наивысшаго подъема анархистской агитаціи, что „послѣ двухлѣтней,

упорной и крайне тяжелой работы въ подсчетѣ оказался слѣдующій, весьма плачевный результатъ: въ Россіи имѣется довольно много анархистовъ, но нѣтъ анархистическаго движенія“ („Буров.“ № 2). И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти оговорки, нужно признать, на основаніи всего имѣющагося матеріала, что анархизмъ въ 1906—7 годы былъ гораздо болѣе распространенъ у насъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и составлялъ серьезную опасность для рабочаго движенія. Однимъ изъ внѣшнихъ, объективныхъ показателей количества анархистовъ можетъ служить ихъ тюремная статистика. Такъ, въ Екатеринославѣ весной 1908 г. находилось въ тюрьмѣ больше ста „групповиковъ“, т. е. членовъ мѣстной анарх. группы, и много „сочувствующихъ“. Въ Одессѣ за 1906 и 7 годы было осуждено военными судами 167 анархистовъ, изъ нихъ 28 было казнено. Въ томъ числѣ 99 человѣкъ были черезнаменцы, а 12—синдикалисты, при чемъ около 80 приговоровъ было вынесено за экспропріаціи и вымогательство („Буров.“ № 10—11). Въ концѣ 1907 г. большой процентъ составляли анархисты и въ цѣломъ рядѣ другихъ тюремъ (напр. въ Кіевѣ—83 чел.) [1]). Между тѣмъ соц.-дем. пресса, хотя и вела съ ними борьбу (напр., въ районѣ Бунда, а также въ Москвѣ, Екатеринославѣ, на Кавказѣ), но недостаточно оцѣнивала размѣры ихъ вліянія и, можетъ быть, по тактическимъ соображеніямъ, даже сознательно замалчивала его.

Чтобы найти причины этого быстраго и сравнительно широкаго распространенія анархизма въ Россіи, недостаточно ограничиться общими условіями даннаго времени: хроническимъ кризисомъ и безработицей, вызванными войной и контръ-революціей, а также видимой неудачей политическаго освободительнаго движенія, распадомъ и разложеніемъ революціи, благодаря чему находилась почва для проповѣди о безцѣльности политической борьбы. Эти условія, объясняющія въ общемъ и цѣломъ кратковременный успѣхъ всѣхъ аполитическихъ ученій въ эпоху 1906—7 годовъ, не могутъ объяснить ни того, почему анархизмъ сталъ распространяться еще до революціи, ни той легкости, съ какой многіе с.-д., а особенно с.-р. становились анархистами.

Чтобы понять эти явленія, надо вспомнить прежде всего, что предреволюціонные и революціонные годы застали рабочія *массы* въ Россіи на крайне низкой ступени развитія, и что разрушительныя формы борьбы, свойственныя элементарнымъ, примитивнымъ формамъ рабочаго движенія (физическія насилія надъ хозяевами, разгромъ фабрикъ и т. д.), были и раньше довольно распространены у насъ, что и дало поводъ анархисту Рогдаеву на амстердамскомъ конгрессѣ указывать на Россію, какъ на страну,

---

[1]) Хотя, конечно, на каторгѣ и въ ссылкѣ процентъ анархистовъ *весьма незначителенъ* въ сравненіи съ с.-д. и с.-р.

особенно благопріятную для развитія анархизма. Культурный уровень рабочихъ въ такомъ, напр., центрѣ, какъ Бѣлостокъ, гдѣ уже много лѣтъ велась пропаганда соціалистическими партіями,—былъ такъ низокъ въ 1903—4 годахъ, что, по свидѣтельству профессіональнаго органа Бунда (цитирую по русскому переводу въ „Пролет.“, № 29), даже „реабилитація воровства“, которой занялись тамъ анархисты, встрѣтила благодарную почву среди малосознательныхъ рабочихъ, и „кража товаровъ съ фабрики стала дѣломъ обычнымъ и освященнымъ пропагандой бѣлостокскихъ анархистовъ“ (стр. 8). Это же отсутствіе сознательности и организаціонныхъ навыковъ объясняетъ какъ ту легкость, съ какою рабочіе признавали экономическій терроръ, въ качествѣ наиболѣе вѣрнаго средства борьбы, особенно, когда запуганные капиталисты (что бывало чаще всего съ *мелкими* хозяйчиками) на время уступали—такъ и, наоборотъ, то быстрое разочарованіе и уныніе, какое овладѣвало тѣми же рабочими, если капиталисты не поддавались на угрозы и терроръ или же отвѣчали локаутами. Эту смѣну вѣры въ спасительность экономическаго террора, проповѣдуемаго анархистами, рѣзкимъ разочарованіемъ и даже злобой противъ тѣхъ же анархистовъ,—при первыхъ неудачахъ, — можно наблюдать во всѣхъ центрахъ русскаго анархизма.

Мы уже видѣли, со словъ самихъ анархистовъ, какую роль игралъ экономическій терроръ въ Бѣлостокѣ. Это подтверждаетъ и вышеупомянутая статья въ бундовскомъ органѣ „Профессіональная Жизнь“: „Анархисты сдѣлались грозою мѣстныхъ хозяевъ. Достаточно было упомянуть, что стачкой руководитъ „группа“—хозяинъ или удовлетворялъ требованіямъ, или покидалъ городъ. Престижъ анархистскаго кулака поднялся и въ глазахъ рабочей массы. Толковали, что по части веденія стачекъ пальма первенства принадлежитъ „группистамъ“, что, благодаря примѣненію „энергичныхъ“ мѣръ со стороны послѣднихъ, всякая забастовка кончается успѣхомъ“ („Пролет.“, № 29, стр. 8). Но вотъ зато, по свѣдѣніямъ Бунда, какова была конкретная картина того „моральнаго пораженія“ послѣ неудачной стачки прядильщиковъ лѣтомъ 1906 г., о которомъ глухо говоритъ не разъ уже цитированный сотрудникъ анарх. „Альманаха“: „Выброшенные на улицу рабочіе подняли бурю, изливая гнѣвъ на анархистовъ, считая ихъ виновниками своего пораженія. Рабочіе дошли до того, что пресмыкались передъ хозяевами, молили объ открытіи фабрикъ, обѣщая вести себя тише воды, ниже травы. Одному фабриканту, уступившему мольбамъ рабочихъ, устроили цѣлую овацію: качали, кричали „ура“ и т. д.“ („Пролет.“, тамъ же).

Въ Екатеринославѣ и особенно въ его предмѣстьяхъ рабочіе говорили: „Соціалдемократы сколько лѣтъ работаютъ, все ничего сдѣлать не могутъ, анархисты только что появились, а ужъ сколько сдѣлали!“ („Буревъ.“, прилож. къ № 6—7, стр. 12). А митингъ рабочихъ Брянскаго завода вы-

несъ даже будто бы резолюцію въ пользу экон. террора и противъ с.-д. („Анархистъ“, № 1, стр. 29—30; о подобныхъ резолюціяхъ см. также „Листки Х. и В.“, № 11, стр. 6). Но лѣтомъ 1908 г. корреспондентъ „Бурев.“ долженъ признать печальныя послѣдствія экономич. и политич. террора въ томъ же Екатеринославѣ, проявившіяся въ формѣ угрозъ локаутами и погромами, и трудность вести какую-либо работу, хотя, дескать, у нихъ не было „вакханаліи грабежей и налетовъ à la Одесса, дезорганизовавшихъ мало-по-малу мирное, массовое движеніе на руку правительственной реакціи“ („Бурев.“, № 13, стр. 19). Отмѣтивъ мимоходомъ столь странно звучащее въ устахъ анархиста неодобреніе дезорганизаціи „мирнаго, массоваго движенія“ въ Одессѣ, перейдемъ къ этой послѣдней. Мы уже отмѣтили популярность экон. террора въ забастовкѣ моряковъ; указали и на то, какъ неуступчивость хозяевъ повела къ полному паденію престижа анархистовъ среди моряковъ. Но раньше того убійство рабочимъ-анархистомъ Покотиловымъ директора Южно-Русскаго общества печатнаго дѣла Кирхнера, стоявшаго по убѣжденіямъ „лѣвѣе кадетовъ“ („Листки Х. и В.“, № 7, стр. 6—7), заставило акціонеровъ уступить требованіямъ бастовавшихъ рабочихъ; это такъ увеличило популярность анархистовъ, что работницы одесской городской прачешной послали имъ наивное и трогательное письмо, какъ „товарищамъ болѣе вліятельнымъ на этихъ сволочей, которые пьютъ кровь изъ бѣдныхъ рабочихъ и работницъ“; въ этомъ письмѣ, жалуясь на притѣсненія завѣдующаго, онѣ просили „этому паразиту прислать отдѣльно письмо угрожающее“, не „оставить ихъ безъ защиты“ и „хоть напужать нашихъ паразитовъ, пьющихъ нашу кровь“ („Бурев.“, № 8, стр. 22). Помѣщая это посланіе, редакція „Бурев.“ была принуждена снабдить его комментаріемъ, гдѣ говоритъ, что задача анархистовъ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣйствовать *„вмѣсто* самихъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ“. Наконецъ, кіевская группа а.-к., по тому же вопросу объ экон. террорѣ, пришла къ заключенію, „что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ террорист. выступленій слѣдовало увольненіе рабочихъ, закрытіе предпріятія и пр., та же самая масса, въ которой отзывчивые товарищи готовы были видѣть друзей анархизма, немедленно обращалась въ его враговъ“ („Анархистъ“, № 3, стр. 31).

Привлекая малосознательныхъ или доведенныхъ до отчаянія рабочихъ мнимыми успѣхами экономическаго террора, а подчасъ и смѣлыми нападеніями на полицію, анархисты въ своей пропагандѣ среди членовъ соціал. партій нерѣдко успѣшно пользовались дѣйствительными слабостями этихъ послѣднихъ (равно какъ и ихъ взаимной борьбой). Прежде всего, интеллигентскій составъ „комитетовъ“ и централизмъ соц. организацій не разъ и до появленія анархистовъ вызывали созданіе разныхъ „оппозицій“, „рабочихъ волъ“ и т. д. И хотя въ составъ этихъ оппозиціонныхъ организацій

далеко не всегда входили лучшіе элементы соціалист. рабочихъ, но несомнѣнно главною причиною ихъ появленія было отсутствіе *гибкости* соціал. организацій, неумѣніе претворять въ себѣ оппозиціонные элементы. Этимъ и воспользовались анархисты. Въ огромномъ большинствѣ мѣстъ къ анархистамъ переходили именно эти „оппозиціонныя“ группы с.-д. и с.-р. Озлобленіе противъ „комитетчиковъ“, противъ „генеральства“ чаще всего выставляется въ анархистскихъ корреспонденціяхъ въ качествѣ причины перехода къ нимъ части „партійныхъ“ рабочихъ.

Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что русскіе с.-д., а особенно с.-р-ы въ своей политической агитаціи слишкомъ розовыми красками описывали европейскія „свободы“. Конечно, въ с.-д. пропагандистскихъ брошюрахъ излагалось истинное положеніе рабочаго класса въ Западной Европѣ, но въ повседневной агитаціи часто не соблюдалась надлежащая перспектива. И вотъ, цѣлый рядъ біографій русскихъ анархистовъ, не только рабочихъ, но и интеллигентовъ приводитъ, въ качествѣ рѣшающаго момента ихъ перехода отъ соціализма къ анархизму, именно ихъ пріѣздъ за границу и ознакомленіе съ политическимъ режимомъ европейскихъ государствъ и съ положеніемъ въ нихъ пролетаріата. Наиболѣе экспансивныя натуры надѣялись найти въ Европѣ осуществленіе многихъ своихъ идеаловъ и, разочарованные, не умѣя оцѣнить всю колоссальную разницу европейскихъ и русскихъ порядковъ, склонны были обвинять своихъ учителей въ обманѣ и часто становились анархистами. Пріѣзжая въ Россію, они, конечно, свою анархистскую агитацію подкрѣпляли личными „наблюденіями“ и производили впечатлѣніе на рабочихъ. Чрезвычайно любопытный образчикъ этого вліянія „заграницы“ на недостаточно развитыхъ соціалистовъ съ боевымъ темпераментомъ—представляетъ помѣщенная въ № 5 „Бурев.“ статья извѣстнаго потемкинца Матюшенко: „Своимъ бывшимъ учителямъ“. Разсказывая о своей высадкѣ въ Румынію, онъ говоритъ: „Сталъ я возлѣ своихъ вещей и задумался... Я не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ соціалъ-демократъ докторъ Раковскій. „Я васъ давно ищу“, заговорилъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо, „васъ нужно поздравить: вы теперь въ свободной странѣ“. Мы поцѣловались. Посмотрѣлъ я на окружившую насъ толпу румынъ. Вижу — не свободные это люди: свободный человѣкъ высоко и гордо держитъ голову... Кругомъ насъ стояла толпа людей съ измученными лицами, грязная, оборванная; не похожа она была на свободныхъ людей, скорѣе можно было подумать, что это рабы... Гдѣ же свобода?—сказалъ я Раковскому,—не вижу я ея: развѣ въ свободной странѣ могутъ быть богатые и бѣдные? Развѣ въ свободной странѣ люди не живутъ, какъ братья? Развѣ въ свободной странѣ должны быть полиція и войско?.. Не такой свободы

хотѣли мы; избави насъ, Господи, отъ такой свободы у насъ въ Россіи, такой свободы вездѣ, сколько хочешь".

Такіе факты, какъ разстрѣлъ рабочихъ войсками въ Лиможѣ лѣтомъ 1905 г., давали анархистамъ матеріалъ для десятка статей и прокламацій противъ политической свободы и соціалистич. партій. Одна изъ такихъ прокламацій, выпущенная группой „Безначаліе" еще лѣтомъ 1905 г., оканчивается такъ: „Блаженъ тотъ, кто броситъ бомбу въ земскій соборъ въ первый же день открытія его засѣданій!" И въ устной пропагандѣ и агитаціи анархисты, по ихъ же словамъ, начинали съ того, что старались посѣять недовѣріе къ политическимъ свободамъ, за которыя приглашали бороться соціалистич. партіи. Неудача революціи и крушеніе тѣхъ надеждъ, какія питала въ революціонные мѣсяцы агитація соціалистовъ, конечно, главнымъ образомъ, содѣйствовали успѣху анархистовъ въ 1906—7 гг., но немалую долю этого успѣха надо отнести и насчетъ недостаточности соціалистическаго воспитанія и образованія не только у рядовыхъ с.-д. (не говоря ужъ о соц.-револ.), но и у большинства „комитетчиковъ". Какъ ни относиться къ чудовищнымъ подчасъ преувеличеніямъ и хвастовству анархистскихъ корреспондентовъ, но все же несомнѣнно, что соц.-д-ты часто бывали не на высотѣ положенія, ставились въ тупикъ пріѣзжавшими изъ-за границы анархистскими ораторами и не умѣли должнымъ образомъ отвѣчать на ихъ демагогическую агитацію... И неудивительно, что такіе даровитые анархисты, какъ Стрига въ Бѣлостокѣ, Гросманъ въ Екатеринославѣ или Новомірскій въ Одессѣ, производили „опустошенія" въ партійныхъ рядахъ...

Впрочемъ, въ борьбѣ съ „демократическими" партіями, т. е. главнымъ образомъ, съ соц.-демократами, анархисты не останавливались ни передъ какими средствами, а „безначальцы" проповѣдывали прямо истребительную войну противъ нихъ. Дѣло доходило до того, что уже лѣтомъ 1905 г. московская группа анархистовъ, выражая свое сочувствіе группѣ „Безначаліе", тѣмъ не менѣе протестовала противъ того, что *всѣхъ* соціалистовъ безъ различія фракцій она называла „политическими шулерами". Соц.-демократы, конечно, не оставались въ долгу и мелкія экспропріаціи, совершаемыя анархистами, называли обыкновеннымъ воровствомъ и бандитизмомъ, что нерѣдко, впрочемъ, бывало вполнѣ заслуженно, какъ впослѣдствіи констатировали и многіе анархистскіе корреспонденты и обозрѣватели. Борьба доходила и до физическихъ насилій. Одинъ изъ корреспондентовъ анарх. органовъ съ гордостью разсказываетъ, что анархисты небольшого города западнаго края бросили бомбу въ окно одного „буржуа", въ квартирѣ котораго въ это время засѣдалъ мѣстный комитетъ Бунда: бомба упала на колѣни одному изъ „комитетчиковъ", но не разорвалась. Въ Кутаисѣ, разсказываетъ Оргеіани („Альманахъ", стр. 94), анархисты съ оружіемъ въ

рукахъ ворвались въ редакцію соц.-демократ. газеты „Шикрики“ и взяли съ нея „штрафъ“ въ 500 руб. „за распространеніе завѣдомо ложныхъ клеветъ противъ людей, преслѣдуемыхъ реакціей и находящихся въ опасности“ (вѣроятно, „клеветы“ эти были такого же рода, какъ тѣ, которыя въ той же статьѣ бросаетъ самъ Оргеіани, говоря, что для многихъ „анархистовъ“ экспропріаціи просто служили выгоднымъ ремесломъ, „хотя и сопряженнымъ съ большимъ рискомъ“ (стр. 103—104).

Анархисты много писали и рѣзко возмущались по поводу убійства въ Польшѣ нѣсколькихъ анархистовъ своими бывшими товарищами, рабочими-членами р. р. s., которые видѣли въ нихъ „воровъ и эксистовъ“ (см., напр., „Glos rewolucyiny“, № 1, стр. 9). Но сами же они ставятъ себѣ въ заслугу убійство на Кавказѣ двухъ рабочихъ с.-д. и одного—члена партіи Дашнакцутюнъ „за шантажъ“ („Бур.“, № 4, стр. 16). Наконецъ, въ Баку между анархистами и дашнакцутюнами происходила настоящая кровопролитная война. Анархисты убили директора завода, „чуть ли не члена партіи Дашнакцутюнъ“. Его товарищи изъ мести убили „руководителя анархистовъ“, литератора, и, кромѣ того, „разстрѣляли“ нѣсколькихъ анархистовъ за экспропріаціи. Тогда анархисты „объявили войну партіи Дашнакцутюнъ, въ результатѣ которой было убито 17 членовъ партіи и 11 рабочихъ анархистовъ“. Рабочая масса была, по словамъ корреспондента, на сторонѣ анархистовъ, и на похороны убитыхъ анарх. стеклось множество народа („Анархистъ“, № 1, стр. 37).

Несмотря, однако, на шумный успѣхъ русскаго анархизма въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за революціей, онъ съ самаго начала носилъ въ себѣ неизбѣжные элементы своего будущаго вырожденія и разложенія [1]). Мы уже видѣли, что непрерывный экономическій терроръ приводилъ въ концѣ концовъ къ закрытію фабрикъ, локаутамъ и къ озлобленію рабочихъ противъ анархистовъ. Массовый политическій, главнымъ образомъ, антиполицейскій терроръ вызвалъ такія репрессіи, обрушившіяся на всѣхъ рядовыхъ обывателей, что и анархистамъ стало невозможно проявлять свою дѣятельность. При этомъ такъ называемая „децентрализація“ террора не спасла анархистовъ отъ такихъ грандіозныхъ проваловъ, какъ одновременный арестъ въ разныхъ городахъ 75 человѣкъ по дѣлу „Боевой Интери. Гр. А.-К.“. Само собою разумѣется, что рѣшающую роль въ этихъ провалахъ сыграла провокація, которая всегда является неизбѣжнымъ спутникомъ боевыхъ и террористическихъ организацій, и которая уже въ 1906 г., а особенно съ 1907 г. свила себѣ прочное гнѣздо почти во всѣхъ анархистскихъ группахъ.

---

[1]) И это независимо отъ общихъ условій контрреволюціонной эпохи, отъ которыхъ такъ тяжело пострадали всѣ демократическія и соціалистическія партіи.

Но больше всего содѣйствовали быстрому разложенію русскаго анархизма экспропріаціи и вымогательства. Это констатируютъ почти всѣ безъ исключенія анарх. писатели, на это уже съ конца 1906 г. настойчиво указываютъ многіе корреспонденты анарх. газетъ, жалуясь на „печальныя послѣдствія эксовъ“. Прежде всего, экспропріаціи, особенно мелкія, какъ „дѣятельность“ наиболѣе доступная и дающая наиболѣе „осязательные“ результаты, больше всего привлекали къ себѣ анархистовъ, а къ анархистамъ—массу темныхъ личностей. Какъ ни отгораживали себя отъ обыкновенныхъ грабителей и вымогателей разныя анархистскія группы,—въ прессѣ, прокламаціяхъ и на судахъ, какъ ни боролись онѣ съ „индивидуальнымъ экспропріаторствомъ“, т. е. съ присвоеніемъ захваченныхъ денегъ въ пользу самихъ „экспистовъ“, доходя до угрозъ смертью и убійствъ включительно,— все было напрасно: по собственному признанію многихъ анархистовъ, ихъ все труднѣе становилось отличать отъ простыхъ бандитовъ и хулигановъ [1]). Кромѣ того, какъ это выяснилось изъ позднѣйшихъ судебныхъ процессовъ, провокаторы принимали участіе въ анархистскихъ „актахъ“ и „дѣлахъ“ не только для того, чтобы выдать ихъ полиціи, но и для того, чтобы самимъ воспользоваться захваченнымъ добромъ и „прожигать жизнь“ вмѣстѣ со своими „товарищами“, какъ это было, напр., въ петербургской студенческой группѣ „анархистовъ“, основанной провокаторомъ, процессъ которой обнаружилъ столько скандальныхъ подробностей. Такъ было и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ. Наконецъ, „денежный развратъ“ проникалъ и въ среду настоящихъ анархистовъ. Безконтрольное распоряженіе крупными суммами все болѣе соблазняло неустойчивыя натуры. „Послѣ каждой крупной экспропріаціи“, пишутъ изъ Одессы „Буревѣстнику“ (№ 10—11, стр. 23), „группа увеличивалась, и часто такими „товарищами“, у которыхъ только разгорались аппетиты легкой наживы и спокойнаго отдыха“. Дальше приводится рядъ примѣровъ, какъ такіе „товарищи“ подъ разными предлогами забирали себѣ крупныя суммы и уходили въ „мирное житіе“. И если одесская группа а.-с. ограничилась вынесеніемъ смертнаго приговора одному такому „товарищу“, то симферопольская убила двухъ своихъ членовъ за „растрату групповыхъ денегъ“ („Буревѣстникъ“, № 8, стр. 21) [2]).

---

[1]) Вотъ одно изъ многочисленныхъ признаній такого рода, любопытное по своей наивности; „Рабочій синдикатъ тифлисскихъ анарх.-коммунистовъ доводитъ до свѣдѣнія товарищей и общества, что отнынѣ онъ отказывается отъ экспропріаціи капиталовъ путемъ бланковъ и писемъ. Опытъ показалъ, что такая тактика, не достигая цѣли, плодитъ лишь шантажистовъ“. („Листки Х. и В.“, № 3, отъ 28 ноября 1906 г., стр. 6).

[2]) Присвоеніе анархистами „групповыхъ“ средствъ было такимъ распространеннымъ явленіемъ, что уже въ *первомъ* № „Буревѣстника“, отъ іюля 1906 г., говорится объ этомъ слѣдующее: „А тутъ еще одно неизбѣжное слѣдствіе пропаганды воров-

Такимъ образомъ, несмотря на множество отдѣльныхъ самоотверженныхъ и смѣлыхъ актовъ, несмотря на рядъ фигуръ съ чрезвычайно тонкой и чуткой нравственной организаціей, русскій анархизмъ разложился и сгнилъ *морально*, раньше чѣмъ онъ былъ истребленъ правительствомъ. Но и процессомъ своего разложенія онъ повредилъ русскому рабочему движенію не меньше, чѣмъ своими успѣхами. И, можетъ быть, немалая доля истины заключается въ похвальбѣ екатеринославскихъ анархистовъ, высказанной лѣтомъ 1908 г., что они, наравнѣ съ правительствомъ, содѣйствовали распаду мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ („Бурев.“, № 13, стр. 18). Относительно Бѣлостока эту же мысль высказываетъ и Бундъ весной того же года въ вышецитированной статьѣ: „слѣды деморализаціи и разложенія, внесенныхъ „группой“ въ рабочую массу, остались; довѣріе къ какой либо партіи вытравлено. Настроеніе большей части рабочихъ подавленное“.

Теоретическія основы русскаго анархизма въ общемъ представляли мало оригинальнаго и очень немногимъ отличались отъ анархизма общеевропейскаго. Это и неудивительно, такъ какъ главное теченіе европейскаго анархизма, такъ называемое „бакунинско-кропоткинское“,—и было то, на которомъ воспитались первыя „поколѣнія“ русскихъ анархистовъ девятисотыхъ годовъ: его они и распространяли въ Россіи какъ черезъ посредство собственныхъ сочиненій Бакунина и Кропоткина, такъ и въ статьяхъ ряда молодыхъ анархистовъ, какъ Вѣтровъ, Новомірскій, Гроссманъ, Рогдаевъ, Раевскій, Дубинскій, Оргеіани и др.

Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же „критику“ соціализма (состоящую, главнымъ образомъ, въ томъ, что вмѣсто подлиннаго соціализма читателю рисуютъ продуктъ собственнаго воображенія, съ которымъ, конечно, побѣдоносно расправляются), то же возвеличеніе „люмпенпролетаріата“, босяковъ, ту же проповѣдь немедленной соціальной революціи, то же отношеніе къ политической борьбѣ, къ парламентаризму, демократіи и т. д. При этомъ такъ же, какъ у ихъ европейскихъ собратьевъ, во всѣхъ теоретическихъ и программныхъ построеніяхъ русскихъ анархистовъ уже царитъ полная анархія: каждый изъ нихъ изображаетъ какъ взгляды соціалистовъ (которыхъ они называютъ „авторитарными“ или „государственными“ соціалистами), такъ и анархистскіе идеалы,—согласно собственной фантазіи. Въ одномъ, правда, всѣ они сходятся: это въ томъ, что соціалисты являются ярыми поклонниками государственной власти, желаютъ современное государство сохранить на

ства. Многіе, даже изъ хорошихъ и въ общемъ сознательныхъ работниковъ, считали себя вполнѣ правыми, если большую часть изъ денегъ, экспропріируемыхъ для групповыхъ нуждъ, они клали себѣ въ карманъ. Среди группъ развивалось самаго низкаго пошиба дебоширство“ (стр. 10).

вѣчныя времена и въ соціалистическомъ строѣ предполагаютъ оставить экономическое неравенство. Главное отличіе „анархическаго коммунизма“ отъ „авторитарнаго“ соціализма или „коллективизма“ (т. е. современнаго научнаго соціализма), всѣ безъ исключенія русскіе анархисты видятъ въ томъ, что анархизмъ отрицаетъ всякую государственную власть и на мѣсто якобы соціалистическаго принципа распредѣленія: „всякому по труду“ — ставитъ „коммунистическій“: „отъ всякаго по способностямъ, всякому по потребностямъ“. Вотъ какъ изображается соціализмъ въ „научномъ“ анархистскомъ произведеніи (И. Вѣтровъ, „Очеркъ соціальной экономіи съ точки зрѣнія анархич. коммунизма“):

„Авторитарные соціалисты совершенно правильно полагаютъ, что производство общественно-необходимыхъ вещей должно быть устроено на централистическихъ основаніяхъ, но они не могутъ себѣ представить правильно и хорошо функціонирующаго централистическаго промышленнаго или научнаго предпріятія безъ бдящаго ока жандармовъ, полиціи, суда и даже народной милиціи. Они считаютъ всѣхъ людей прирожденными лѣнтяями и злодѣями вопреки фактамъ ежедневной жизни даже текущаго дня“ (стр. 36).

„Соціализмъ“, пишетъ Новомірскій („Новый Міръ“, № 1, стр. 5), „оставляетъ наемный трудъ и неравенство заработковъ; а, главное, онъ оставляетъ государственную власть и тѣмъ сохраняетъ послѣднюю антагонистическую форму дѣленія людей на управляющихъ и управляемыхъ, правителей и подданныхъ. Онъ готовъ наложить свою руку на частнаго капиталиста, но почтительно останавливается передъ полицейскимъ и чиновникомъ“. Дальше начинается „анархія“: Новомірскій, въ своей критикѣ соціализма, становится цѣликомъ на точку зрѣнія „махаевцевъ“, а „Бунтарь“, „Буревѣстникъ“, „Листки Хлѣбъ и Воля“ энергично выступаютъ противъ этой теоріи. „Бунтарь“ (№ 1, 1906 г., стр. 13) говоритъ про „коллективизмъ“, что онъ „вноситъ духъ торгашества не только тѣмъ, что *оставляетъ „мое и „твое“*, но и тѣмъ, что способствуетъ лѣни (?), опошливаетъ великій царь человѣка — трудъ“; а Вѣтровъ, напротивъ, въ вышеупомянутой книжкѣ (стр. 39) возводитъ на соціализмъ слѣдующее изумительное обвиненіе: онъ, дескать, не только стремится уничтожить частную собственность на средства производства, но и „хочетъ всѣ предметы подчинить институту общественной собственности, — не только землю и орудія труда, но и домашнюю мебель, любимыя каждымъ книги, письменныя принадлежности, комнатныя украшенія, карманныя вещи и т. п.“. Совсѣмъ, какъ въ вульгарномъ буржуазномъ памфлетѣ, разсчитанномъ на самаго невзыскательнаго читателя.

Правда, иногда наши анархисты, находящіеся подъ вліяніемъ марксизма (самые талантливые изъ нихъ даже вышли изъ рядовъ соц.-демократіи), сами вынуждены признать, что марксисты разсматриваютъ государство,

какъ организацію классового господства, сами цитируютъ слова Энгельса о будущемъ исчезновеніи государства; но въ такихъ случаяхъ они объясняютъ это лицемѣріемъ и желаніемъ обмануть рабочихъ. Такъ же поступаютъ они и съ вопросомъ о „неравенствѣ заработковъ“ въ соціалистическомъ обществѣ. Указывая, что Марксъ и многіе марксисты конечнымъ идеаломъ соціализма считали распредѣленіе продуктовъ „по потребностямъ“, а распредѣленіе „по труду“ разсматривали лишь, какъ переходную мѣру, они и тутъ видятъ желаніе усыпить рабочихъ картиной туманнаго идеала, съ тѣмъ, чтобы въ конкретной дѣйствительности ввести „неравенство“. Любопытно, что это обвиненіе соціализма въ желаніи сохранить „неравенство доходовъ“ въ будущемъ обществѣ оказалось самымъ сильнымъ козыремъ въ рукахъ нашихъ анархистовъ, къ которому они постоянно прибѣгали и въ литературѣ, и въ устной агитаціи, особенно охотно цитируя при этомъ Каутскаго, какъ „принципіальнаго“ сторонника распредѣленія „по труду“, хотя всякому должно быть ясно, что та или иная форма распредѣленія есть лишь простой вопросъ цѣлесообразности, съ которымъ легко справилось бы освобожденное отъ классоваго строя общество: на различіи принциповъ распредѣленія нельзя строить отличіе анархизма отъ соціализма; можно, оставаясь убѣжденнымъ соціалистомъ, не соглашаться со взглядами Каутскаго, изложенными въ его книгѣ „На другой день послѣ соціальной революціи“, можно, въ качествѣ переходной мѣры, принципъ равенства въ распредѣленіи считать болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ распредѣленіе по труду; можно наконецъ, вмѣстѣ съ Кропоткинымъ указывать, что удовлетвореніе важнѣйшихъ потребностей гражданъ должно съ самаго же начала стать безплатной общественной функціей и т. д., и т. д.: во всемъ этомъ нѣтъ ничего „анархическаго“, и если анархистамъ удавалось иногда разыгрывать въ этихъ вопросахъ роль торжествующихъ критиковъ, то лишь потому, что представители научнаго соціализма на вопросы распредѣленія, какъ на производные, обращали меньше вниманія и ограничивались общими положеніями.

Но, посвящая чрезвычайно много энергіи и усилій весьма мало добросовѣстной критикѣ научнаго соціализма и соціалистическаго идеала, теоретики и публицисты русскаго анархизма крайне скупы на точныя и подробныя опредѣленія того, что они считаютъ анархическимъ идеаломъ общежитія. Мы слышимъ отъ нихъ очень часто про то, чего они *не* хотятъ, но очень мало освѣдомлены на счетъ того, чего они хотятъ. И какъ разъ тѣ вопросы, которые особенно много мѣста занимали въ спорахъ болѣе развитыхъ анархистовъ другъ съ другомъ и съ соц.-демократами,—вопросы о формахъ будущаго общества и его отношеніи къ личности, объ организаціи производства, словомъ, о томъ, что такое *анархическая коммуна*,—совершенно почти не разработаны въ литературѣ нашихъ анархистовъ. Очевидно, теоретики

ихъ, вкусившіе отъ марксистскаго древа познанія добра и зла, понимали всю рискованность для самой идеи анархизма детальнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ. И тамъ, гдѣ они рѣшались все же подходить къ нимъ, получались или общія мѣста, въ родѣ заявленія, что буржуазное государство превратится „не въ соціальную республику, а въ рабочее общество, въ свободный союзъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій“ („Новый Міръ“, I. стр. 5),—или же... знакомая намъ „анархія“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, по мнѣнію Вѣтрова, „авторитарные соціалисты совершенно правильно полагаютъ, что производство общественно-необходимыхъ вещей должно быть устроено на *централистическихъ* основаніяхъ“; а Максимъ Дубинскій изъ „Буревѣстника“ (№ 6—7, стр. 14) считаетъ основными производственными единицами будущаго общества „группы, слагающіяся изъ лицъ одного ремесла и симпатизирующихъ другъ другу“, при чемъ „этотъ послѣдній фактъ, т. е. группировка не только по *профессіямъ*, но и по *симпатіямъ* (курсивъ автора. Б. Г.), не случайный, не придаточный элементъ коммунизма; онъ одинъ изъ фундаментовъ, одно изъ коренныхъ условій, безъ котораго сама анархистская коммуна немыслима“. Такимъ образомъ, „современное общество распадается на составные элементы: централизованная страна дѣлится на независимыя области, дробящіяся въ свою очередь на еще болѣе мелкія территоріальныя единицы, коммуны“, а коммуны и образуются изъ союза основныхъ группъ, подобранныхъ по „симпатіямъ“. Далѣе, коммуны этого впавшаго въ варварство общества обмѣниваются между собою своими излишками, слѣдовательно, все необходимое изготовляютъ для себя сами. Наконецъ, въ „рѣшеніяхъ анархистской коммуны не можетъ быть и рѣчи о большинствѣ и меньшинствѣ“: члены ея, подобно англійскимъ присяжнымъ, должны всѣ вопросы рѣшать единогласно, а при отсутствіи единогласія откладывать вопросы до возникновенія такового.

Это—едва ли не единственное мѣсто во всѣхъ органахъ русскихъ анархистовъ, гдѣ дается опредѣленіе анархической коммуны; но какъ можно согласовать съ этой патріархально-идиллической картиной необходимость, по Вѣтрову, *централистическаго производства*,—это врядъ ли объяснитъ намъ самый искусный анархистскій діалектикъ.

Правда, есть одно анархистское произведеніе, гдѣ дается подробный анализъ понятія анархической коммуны, съ экономической, политической и правовой точекъ зрѣнія; но этотъ анализъ *убійственъ* для анархизма. Мы имѣемъ въ виду появившуюся въ 1907 г. книжку „*Что такое анархизмъ?*“ Новомірскаго, основателя и дѣятельнаго участника „Южно-русской группы анархистовъ-синдикалистовъ“. Издавъ въ 1905 г. № газеты „Новый Міръ“, а въ 1906 г. въ Одессѣ „Вольный Рабочій“ (синдикалистскаго направленія), онъ пришелъ въ концѣ концовъ къ довольно туманному анар-

хическому индивидуализму. Но эта новая точка зрѣнія дала ему возможность взглянуть на анархическій коммунизмъ съ такихъ сторонъ, которыя рѣзко раскрываютъ всѣ его слабыя мѣста, обнаруживаютъ всю его внутреннюю несостоятельность. Вообще говоря, индивидуалистическій анархизмъ, которымъ у насъ одно время сильно увлекались разочаровавшіеся въ революціи интеллигенты, имѣетъ то преимущество, что онъ, подобно солипсизму въ идеалистической философіи, наиболѣе неуязвимъ и недоступенъ логической критикѣ; но зато же онъ абсолютно неприложимъ въ дѣйствительной жизни и потому совершенно безобиденъ и никакого вліянія на рабочихъ не имѣлъ [1]). Другое дѣло интересная и талантливо написанная книжка Новомірскаго: она поучительна для насъ тѣмъ, что составлена анархистомъ-теоретикомъ, публицистомъ и виднымъ практикомъ, и даетъ жестокую критику именно тѣхъ сторонъ анархическаго коммунизма, которыя, по мнѣнію нашихъ анархистовъ, столь выгодно отличаютъ ихъ отъ „авторитарныхъ“ соціалистовъ: таковы—абсолютная свобода личности, идея свободы договора, отсутствіе судовъ и наказаній и т. д. Поэтому мы считаемъ полезнымъ привести изъ нея довольно длинныя выдержки.

„Отрицаетъ ли анархическій коммунизмъ идею наказанія?“—спрашиваетъ Новомірскій. „Ни въ коемъ случаѣ. Отрицается идея *физической* кары, но никогда анархисты-коммунисты не отрицали да и не могутъ отрицать, оставаясь коммунистами, *нравственнаго* порицанія, которое обладаетъ уже теперь неимовѣрной карательной силой. Наконецъ, остается про запасъ еще такое ужасающее средство репрессіи, какъ изгнаніе изъ коммуны. Нужна непростительная доля легкомысленной наивности, чтобъ не видѣть въ этомъ изгнаніи кары, иногда равносильной смертной казни. Смѣшными должны поэтому казаться анархистамъ-коммунистамъ всѣ сѣтованія и лицемѣрныя жалобы соціалистовъ, что анархическая коммуна беззащитна противъ „произвола“ отдѣльной личности. Коммунистическое общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе страшное оружіе въ борьбѣ съ „преступностью“, чѣмъ современная буржуазія“ (стр. 43).

И далѣе: „Нарушеніе обычая или договора раньше, чѣмъ подлежать наказанію, должно быть доказано и констатировано. Поэтому, свободный договоръ, обычай—мертвая буква безъ суда. Анархическій коммунизмъ, рѣзко отрицая современный классовый судъ, создаетъ и укрѣпляетъ другую форму суда—*судъ третейскій*“ (43—44). Но напрасно, по мнѣнію автора, многіе анархисты „хотятъ увѣрить себя, что третейскій судъ не

[1]) Анархистъ Забрежневъ на амстердамскомъ конгрессѣ посвятилъ главнымъ представителямъ индивид. анархизма въ Россіи, особенно Боровому, отдѣльный докладъ, гдѣ доказывалъ, что это ученіе не является ни послѣдовательнымъ индивидуализмомъ, ни послѣдовательнымъ анархизмомъ; но критика его въ значительной мѣрѣ бьетъ мимо цѣли.

авторитарное учрежденіе, а совѣщательное". Нѣтъ, „третейскій судъ не только судъ, но и таитъ въ себѣ самые ужасные пороки этого позорнаго учрежденія". Мало того: „третейскій судъ беретъ на себя непростительную, безстыдную дерзость дѣлать свои рѣшенія окончательными", роется въ нашихъ чувствахъ и т. д. „Но можетъ ли анархическая коммуна отказаться отъ третейскаго суда? Нѣтъ, не можетъ, потому что онъ краеугольный камень этого общественнаго строя жизни".—„Какъ бы общество ни относилось терпимо къ свободѣ личностей, составляющихъ его... оно въ интересахъ самосохраненія, въ интересахъ самихъ личностей, должно создать нѣкоторую узду для произвола его (ихъ?)" (54 и 55). Да и самая идея свободнаго договора есть идея правовая: *„всякій договоръ необходимо предполагаетъ правовое разграниченіе интересовъ и внѣшнее принужденіе по отношенію къ правонарушителю.* Ясно даже слѣпому, что анархическій коммунизмъ не имѣетъ никакого основанія говорить объ уничтоженіи права" (стр. 53; курсивъ автора).

Иллюзіей является и „безпредѣльная свобода союзовъ въ анархической коммунѣ", такъ какъ „всѣ союзы для производства неизбѣжно ограничены условіями этого производства. Коммуна, какъ идеальная организація коллективнаго производства, можетъ допустить небывалую свободу слова, печати, свободу во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, *кромѣ* одной экономической: кромѣ базы коммуны—коммунальнаго производства. Въ этой сферѣ коммуна даже противъ своей воли должна будетъ ступить на путь регламентаціи"; ей придется бороться съ разными „безсмысленными мечтаніями", и потому, „раньше чѣмъ быть принятымъ въ коммуну и стать полноправнымъ членомъ, всякій союзъ будетъ подвергнутъ строгому разслѣдованію: будетъ и должна будетъ (?) точно установлена его цѣль, его составъ, его средства, его потребности, его полномочія и т. д.". И, конечно, если коммуна сочтетъ вступленіе этого союза невыгоднымъ для себя, онъ напрасно станетъ „взывать къ вѣчной справедливости" и „даже къ уставу коммуны, гдѣ „явно и точно" обезпечена свобода союзовъ"... (стр. 48—49).

Наконецъ, не болѣе свободна и отдѣльная личность въ союзѣ. Она вынуждена подчиняться его регламенту, и если „можетъ выбирать между различными союзами", то „этотъ выборъ напоминаетъ то положеніе на войнѣ, когда деликатный побѣдитель предоставляетъ побѣжденной сторонѣ самой выбрать способъ почетной сдачи" (50).

Такъ описываетъ всѣ прелести „анархической коммуны" компетентный анархистъ-коммунистъ, ставшій индивидуалистомъ. Весьма рѣшительны и выводы, къ которымъ онъ приходитъ: *„Хотя коммунизмъ есть относительная необходимость, анархическій коммунизмъ есть абсолютная невозможность, внутреннее противорѣчіе, экономическая нелѣпость"*

(стр. 48; курсивъ автора). Если вы признаете „соціальное производство, организованное планомѣрно, согласно даннымъ современной науки — тогда имѣйте мужество отказаться отъ анархизма“ (47). И въ заключеніе: „Анархизмъ, какъ мы его понимаемъ, не есть разновидность соціализма, а безпощадный врагъ его. Наоборотъ, анархическій коммунизмъ есть чисто-соціалистическое ученіе“, и „сбивчивый и противорѣчивый терминъ „анархическій коммунизмъ“ гораздо лучше было бы замѣнить словами: „безгосударственный соціализмъ“ (стр. 64).

Но если мы примемъ во вниманіе, что „государственность“ въ соціалистическомъ идеалѣ есть изобрѣтенный анархистами жупелъ; если, съ другой стороны, мы вспомнимъ, что наши анархисты отрицаютъ не только государственную власть, но и какое бы то ни было приспособленіе „меньшинства“ къ „большинству“, т. е., въ сущности, всякія нормы общежитія (что они и проявляли на практикѣ, не признавая „власти“ предсѣдателей собраній или тюремныхъ „старостъ“, или нарушая изъ принципа устанавливаемыя ихъ товарищами по заключенію „камерныя конституціи“ и т. д.), — то мы придемъ къ заключенію, что *теоретически* русскій анархизмъ въ общемъ и цѣломъ представлялъ не „безгосударственный соціализмъ“, а безпринципное смѣшеніе специфическаго „революціонизма“ европейскихъ синдикалистовъ и анархистовъ съ совершенно индивидуалистическимъ бунтарствомъ. И поэтому наиболѣе серьезные и вдумчивые изъ русскихъ анархистовъ, какъ Раевскій, Оргеіани и нѣкоторые другіе, предпочитаютъ вовсе не касаться „теоріи“ анархизма въ собственномъ смыслѣ и все рѣшительнѣе склоняются къ обыкновенному революціонному синдикализму.

Зато въ области *тактики* русскій анархизмъ проявилъ гораздо больше „самобытности“. Правда, появившись въ до-революціонную и революціонную эпоху и особенно развившись въ эпоху распада революціи, онъ въ значительной мѣрѣ дѣлалъ то же, что и другія „боевыя партіи“: количество актовъ *политическаго* террора, въ частности борьба съ полиціей, жандармами, охранными отдѣленіями и такъ называемое у анархистовъ „шпикобойство“, въ огромной степени превышало у нихъ количество террористическихъ актовъ экономическаго характера и нерѣдко мало отличало ихъ, напр., отъ с.-р-овъ и особенно максималистовъ. Но та же революціонная эпоха, „работа“ въ крайне напряженной и взбудораженной грандіозными событіями средѣ необычайно увеличила и „размахъ“ собственно анархистской дѣятельности. Она же сообщила нашимъ анархистамъ и такую смѣлость фантазіи, о которой и мечтать не рѣшаются ихъ европейскіе собратья. И потому европейско-американскій анархизмъ не нравился русскимъ анархи-

стамъ, казался имъ чуть не крохоборствомъ, трусливо-мирной пропагандой и т. д. Ихъ боевизмъ не могъ примириться съ мыслью, что во Франціи минули времена Апри, Вальяна и Равашоля; а въ некрологѣ анархиста Нотки Бахраха („Бунтарь“ 1906 г., стр. 34) разсказывается, что онъ поѣхалъ-было въ Америку, „но чисто-литературный, бумажно-рефератный анархизмъ Америки противенъ душѣ Нотки“. И, дѣйствительно, перманентный боевизмъ — это характерная черта въ тактикѣ всѣхъ русскихъ анархистовъ, безъ различія теченій; а ихъ практика, какъ мы уже видѣли, не расходилась съ ихъ теоріей въ этомъ отношеніи. Экономическій терроръ, доведенный до послѣднихъ предѣловъ (анархисты съ удовлетвореніемъ передаютъ, напр., случай, когда изъ мести къ фабриканту они убили *трехъ его сыновей*!), саботажъ, захватъ или попросту кража хозяйскихъ матеріаловъ или продуктовъ, захватъ — во время бѣгства хозяина — всего его заведенія и, наконецъ, безчисленныя „экспропріаціи“ — отъ самыхъ крупныхъ до ограбленія мелкихъ торговокъ — все это, вмѣстѣ съ непрерывной войной съ полиціей, составляло значительную часть „работы“ анархистскихъ группъ и, конечно, должно было представляться недостижимымъ идеаломъ для самыхъ пылкихъ европейскихъ анархистовъ.

Но въ обоснованіи этой „тактики“ и того мѣста, которое она должна занимать въ анархистской дѣятельности вообще, обнаружились у нашихъ анархистовъ довольно сильныя разногласія. Если въ области общей теоріи и программныхъ вопросовъ — русскихъ анархистовъ нельзя почти дѣлить на какія-либо опредѣленныя группы, то по вопросамъ *тактики*, послѣ перваго, подготовительнаго, или „хлѣбовольческаго“ періода, уже начиная съ середины 1905 г., русскіе анархисты дѣлятся на три все болѣе дифференцирующіяся группы: въ 1906 г. онѣ окончательно опредѣляются, какъ „безначальцы“, „чернознаменцы“ и „синдикалисты“ разныхъ толковъ, при чемъ среди послѣднихъ съ 1907 г. преобладаютъ „буревѣстниковцы“ (выраженіе Новомірскаго). И изданія всѣхъ трехъ направленій („безначальцы“ издали въ 1905 г. 3 номера „Листка группы Безначаліе“, а въ Россіи тогда и позже рядъ прокламацій; „чернознаменцы“ — одинъ номеръ „Чернаго знамени“ въ 1905 г. и одинъ номеръ — особенно важный и интересный — „Бунтаря“ въ 1906 г.; ихъ эпигоны въ 1907—9 годахъ издавали журналы „Анархистъ“ и „Бунтарь“) даютъ намъ много матеріала, особенно въ своей полемикѣ, для характеристики анархистской тактики.

„*Безначальцы*“ въ своемъ органѣ (№ 2—3, стр. 3) сами опредѣляютъ свои задачи слѣдующимъ образомъ: „Долой трэдъ-юніонизмъ, синдикализмъ и парламентаризмъ, ибо всѣ они имѣютъ цѣлью продлить агонію умирающаго врага“. Далѣе, проповѣдуя „бунтарство“ и „безпощадную гражданскую войну“, въ частности, созданіе „вольныхъ боевыхъ дружинъ“

и экспропріаціи, они рекомендуютъ „полный индифферентизмъ къ современному русскому демократическому движенію“ и собираются заняться „разоблаченіемъ буржуазнаго облика всѣхъ партій, стремящихся свести классовую борьбу къ антипролетарской по духу борьбѣ за профессіональные интересы наиболѣе обезпеченныхъ пролетарскихъ слоевъ, за реформизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ“. Все это еще очень неопредѣленно и характеризуетъ не однихъ безначальцевъ. Но уже въ рядѣ прокламацій родственныхъ „безначальцамъ“ группъ въ Петербургѣ и Москвѣ, выпущенныхъ весной 1905 г., рекомендуются массовыя убійства, поджоги, грабежи и, наконецъ, созданіе анархическихъ коммунъ, послѣ того, какъ „*всѣхъ* (! курсивъ мой. Б. Г.) нашихъ живодеровъ *поджогами и оглоблями* со свѣту сживемъ“ (тамъ же, стр. 9).

Болѣе подробно характеризуется позиція „Безначальцевъ“ въ „Бунтарѣ“ 1906 г. и въ „Буревѣстникѣ“. По мнѣнію „безначальцевъ“, говоритъ „Бунтарь“ (стр. 7), „пролетаріатъ можетъ и долженъ предъявить капиталистическому обществу лишь одно требованіе—требованіе перестать существовать вовсе“. Поэтому борьба за какія бы то ни было частичныя улучшенія должна быть рѣшительно отвергнута, какъ „буржуазная по существу своему“. По словамъ „Буревѣстника“, „безначальцы“ „всю свою тактику строятъ на убѣжденіи въ чудодѣйственной силѣ террора и въ участіи анархистовъ въ повседневной борьбѣ пролетаріата видятъ измѣну принципамъ анархизма“ (№ 9, стр. 2). „Въ лицѣ „безначальцевъ“ мы имѣемъ дѣло съ возрожденіемъ нечаевскихъ взглядовъ, нечаевской тактики. Анархистскія группы должны совмѣстно съ люмпенпролетарскими элементами (босяки, по мнѣнію „безначальцевъ“, это прирожденные анархисты pur sang) организовать нападенія на частную собственность, рядъ террорист. актовъ... Этого, по ихъ мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы вызвать соціальную революцію“ (№ 8, стр. 3). Наконецъ, въ то время, какъ другіе анархисты открещивались отъ „индивидуальныхъ экспропріацій“ и даже вели борьбу съ ними, „сторонники „безначальцевъ“ въ Кіевѣ и Петербургѣ *пытались пропагандировать грабежъ, какъ тактику*“ (заявленіе группы анархистовъ въ „Листкахъ Х. и В.“ № 3, стр. 6; курсивъ авторовъ), или, какъ сообщаетъ Рогдаевъ въ своемъ докладѣ Амстерд. конгрессу, „рекомендовали пролетаріямъ бросать работу на заводахъ и жить исключительно личными экспропріаціями“ („Буревѣстникъ“ № 8, стр. 11, прим.). Правда, другіе анархисты увѣряютъ, что „безначальцы“ имѣли мало вліянія, и вообще нѣсколько конфузятся за нихъ: Рогдаевъ заявляетъ, что это теченіе существовало лишь въ Кіевѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и отчасти Минскѣ и Тамбовѣ (сюда надо, какъ мы увидимъ позже, прибавить и Уфу). Но вся исторія русскаго анархизма показываетъ, что на *практикѣ* онъ весь значительно былъ про-

никнутъ духомъ этого теченія, и что оно особенно сильно положило отпечатокъ на самую многочисленную и вліятельную фракцію нашихъ анархистовъ-„*чернознаменцевъ*“.

Въ самомъ дѣлѣ, первый (и единственный) номеръ „Чернаго Знамени“ охотно перепечатываетъ наиболѣе „боевыя“ мѣста изъ прокламацій „Безначалія“. А Расвскій изъ „Буревѣстника“ прямо заявляетъ, что „чернознаменцы при своемъ зарожденіи мало чѣмъ отличались отъ „безначальцевъ“; и хотя „съ теченіемъ времени, соприкоснувшись съ жизнью рабочихъ массъ, они стали нѣсколько трезвѣе смотрѣть на взаимоотношеніе между анархистскимъ движеніемъ и повседневной борьбой пролетаріата“ и стали признавать участіе въ экономической борьбѣ рабочихъ, но все же „вся ихъ тактика построена на оптимистическомъ предположеніи о постоянной готовности находящихся въ аморфномъ состояніи рабочихъ массъ возстать по почину застрѣльщиковъ соціальной революціи—анархистскихъ группъ. При такой наивной вѣрѣ въ бунтовской духъ неорганизованныхъ массъ представляется излишней, а съ извѣстной древней точки зрѣнія—„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“—даже вредной организація массъ на профессіональныхъ началахъ“ (№ 8, стр. 3). Главный теоретикъ антисиндикализма А—ъ (Гроссманъ) считаетъ, что „синдикализмъ, проповѣдуемый анархистами... является опаснымъ, можетъ стать роковымъ для анархизма, такъ какъ отвлекаетъ часть нашихъ, еще столь малочисленныхъ, силъ на дѣло, не только чуждое, но и вредное для анархизма“ (№ 6—7, стр. 2), вредное потому, что „факторомъ революціоннаго воспитанія, школой активной революціонной воли синдикатъ такъ же мало служитъ, какъ и парламентъ“, являясь „органомъ взаимнаго страхованія рабочихъ и капиталистовъ“ (стр. 3 и 4). Къ европейскому анархизму, по свидѣтельству Рогдаева („Борев.“, № 8, стр. 12), „чернознаменцы относились отрицательно, упрекая его „въ оппортюнизмѣ и половинчатости, въ расплывчатости и гуманитаризмѣ“, а также въ томъ, что онъ размѣнивается на частности. Если они и признали въ концѣ концовъ образованіе тайныхъ анархистскихъ синдикатовъ, то къ вступленію въ безпартійные рабочіе союзы, особенно легальные, относились крайне враждебно, и на этой почвѣ должны были раскалываться съ анарх.-синдикалистами.

Родственный „безначальцамъ“ боевизмъ „чернознаменцевъ“ слѣдующимъ образомъ характеризуется въ главномъ ихъ органѣ, „Бунтарѣ“ 1906 г.: „Развить и углубить духъ бунтарства и разрушенія—вотъ наша цѣль... Борьба *противъ* всѣхъ законовъ *незаконными* средствами—это наша тактика“ (стр. 2). „*Частота и степень насильственныхъ дѣйствій* пролетаріата противъ буржуазіи — вотъ лучшій показатель классовой борьбы“ (с. 6; курсивъ вездѣ принадлежитъ авторамъ). Безработнымъ дается слѣдующій лозунгъ: „Организуйтесь и вооружайтесь! Нападайте на

магазины и организованно берите предметы первой необходимости!“ (с. 2). Какъ мы видимъ, эта „тактика“ немногимъ отличается отъ той, которую проповѣдывали „безначальцы“.

Изъ среды „чернознаменцевъ“ вышли и двѣ наиболѣе „оригинальныя“ группы русскихъ анархистовъ: „безмотивники“ и „коммунары.“ Обѣ онѣ возникли въ концѣ 1905 г., когда массы были захвачены политической борьбой, и анархисты захотѣли „сдѣлать нѣчто такое, что бы заставило „на мигъ“ оглянуться рабочія массы, задуматься и увидѣть, что буржуазія раскидываетъ передъ ними новыя, адски-хитро сплетенныя сѣти—сѣти буржуазной революціи“ („Бунтарь“, с. 21). И вотъ, они рѣшили сказать „анархическое слово“ и „сказать его такъ, чтобы услыхала его многомилліонная народная масса, чтобы затрепетала и содрогнулась въ ужасѣ буржуазія“ (тамъ же). Результатомъ и явилось образованіе двухъ названныхъ группъ. „Безмотивники“ видѣли свою задачу въ томъ, чтобы устраивать рядъ террористическихъ актовъ противъ представителей буржуазіи „не только за ту или иную частичную, конкретную вину“ передъ пролетаріатомъ, а просто потому, что они буржуа. „Пусть не будетъ среди нихъ „невиновныхъ“. Да не знаютъ они покоя“ (тамъ же). Какъ извѣстно, „безмотивники“ бросили бомбу въ ресторанъ Бристоль въ Варшавѣ и пять бомбъ въ кафэ Либмана въ Одессѣ. Конечно, эти „акты“ лишь оттолкнули отъ нихъ многихъ приверженцевъ, и собравшемуся въ январѣ съѣзду „безмотивниковъ“ ничего сдѣлать не удалось. Но „идея“ эта долго жила среди анархистовъ, служила предметомъ оживленныхъ споровъ и литературной полемики и несомнѣнно вдохновила не одинъ актъ „экономическаго“ террора.

„Коммунары“ исходили изъ тѣхъ же посылокъ, что и „безмотивники“, но они желали индивидуальному террору противопоставить „массовый анархическій актъ — попытку возстанія во имя безгосударственной коммуны“ (тамъ же). Само собою понятно, что это имъ не удалось, такъ какъ „устроить возстаніе“ труднѣе, чѣмъ бросить бомбу. Въ декабрѣ 1905 г. Стрига съ группой „коммунаровъ“ отправился въ Екатеринославъ, чтобъ поднять тамъ возстаніе и образовать анархическую коммуну, но. . „внезапный арестъ почти всей группы пресѣкъ ея начинанія въ самомъ зародышѣ“ (тамъ же), и больше подобныхъ попытокъ не дѣлалось. При всей однако кажущейся „оригинальности“ этихъ группъ надо вспомнить (что и дѣлаетъ Рогдаевъ въ своемъ докладѣ), что акты „безмотивнаго“ террора (какъ бомба въ кафэ въ Парижѣ или убійство австрійской императрицы) бывали и въ Западной Европѣ, но были оставлены анархистами, какъ явно нелѣпые и вредные для нихъ самихъ. Кромѣ того, чѣмъ отличается „безмотивный“ терроръ чернознаменцевъ отъ проповѣди „безначальцевъ“—истреблять всѣхъ вообще буржуа? Послѣдняя только смѣлѣе и рѣшительнѣе... Что же касается

идеи „коммунаровъ“, то „безначальцы“ еще лѣтомъ 1905 г. предлагали немедленный захватъ городовъ и учрежденіе анархическихъ коммунъ. Итакъ, на наиболѣе яркихъ проявленіяхъ „творческой“ работы „чернознаменцевъ“, какъ и на всемъ ихъ міросозерцаніи видно явное вліяніе „безначальцевъ“.

Отъ „безначальцевъ“ и „чернознаменцевъ“ рѣзко отличались анархисты-синдикалисты всѣхъ оттѣнковъ („хлѣбовольцы“, группа Новомірскаго и сторонники „Буревѣстника“). Всѣ они безусловно осуждали „безмотивный“ терроръ и *мелкія* экспропріаціи, какъ тактику, которая не только „нисколько не содѣйствуетъ прояснению сознанія“ массъ, но, наоборотъ, отталкиваетъ ихъ отъ анархистовъ, а въ среду послѣднихъ вноситъ развращающее вліяніе. Они понимали значеніе планомѣрной пропаганды и организаціи и рекомендовали анархистамъ вступать въ безпартійные профессіональные союзы, не пугаясь даже ихъ „легальности“. Но потому они и были сравнительно мало вліятельны и немногочисленны и проявили себя, главнымъ образомъ, въ Одессѣ, отчасти на Уралѣ и въ Москвѣ, гдѣ они почти сливались въ своей дѣятельности съ зародышами чисто-синдикалистскихъ группъ. Дѣйствовавшая въ Одессѣ „Южно-русская группа анархистовъ-синдикалистовъ“ (теченіе Новомірскаго) въ изданной ею программѣ („Листки Х. и В.“, № 5) точно формулируетъ свои тактическіе принципы. Между прочимъ, „группа стремится всѣми средствами отвлечь рабочія массы отъ участія въ выборахъ въ какія-либо государственныя учрежденія, какъ мѣстныя, такъ и центральныя“, и притомъ „независимо отъ избирательной системы, лежащей въ ихъ основѣ“. Далѣе, группа „организуетъ тайные анархическіе профессіональные союзы..., которые ставятъ себѣ цѣлью не только полное освобожденіе рабочаго класса..., но и ведутъ борьбу съ хозяевами за частичныя улучшенія условій труда“. „Кромѣ того, члены тайныхъ анархическихъ союзовъ входятъ въ легальные не партійные професс. союзы съ цѣлью пропаганды своихъ анархическихъ идей“ и борьбы съ соціалистическими партіями. „Анархисты, входящіе въ легальные непартійные союзы, ставятъ себѣ цѣлью *уничтожить обязательность денежныхъ взносовъ* (курсивъ мой. Б. Г.), бюрократизмъ въ завѣдываніи дѣлами союза, всякіе компромиссы съ хозяевами и стремятся превратить всякій профессіональный союзъ въ свободную и истинно-революціонную ассоціацію производителей, чуждую торгашескаго духа, вѣрящую только въ свою собственную революціонную самодѣятельность и дѣйствующую только путемъ захватнаго права“.

Мы нарочно привели такую длинную цитату, чтобы показать, что и тутъ анархизмъ остался вѣренъ своей подлинной природѣ, духу „безначальцевъ“, такъ какъ подобное „участіе“ въ профессіональныхъ союзахъ, конечно, равносильно сознательному ихъ разрушенію (впрочемъ, анархисты

типа „Буревѣстника“, какъ Оргеіани или Раевскій, повидимому, начали, хотя и поздно, цѣнить рабочее движеніе и рабочія организаціи и самихъ по себѣ и, какъ мы уже указали, стали склоняться къ „революціонному“ синдикализму; а въ сравненіи съ нашимъ анархизмомъ даже это является большимъ прогрессомъ).

Во всякомъ случаѣ, отличіе анарх.-синдикалистовъ отъ черезнаменцевъ было такъ велико, что совмѣстная работа ихъ стала невозможна, и редакція „Борев.“ въ особомъ обращеніи „къ товарищамъ“ (№ 13) должна была это заявить. „Попытки совмѣстной работы въ Россіи“, говорится тамъ, „анархистовъ этихъ двухъ направленій только яснѣе обнаружили пропасть, принципіальную и практическую, существующую между этими двумя тактиками. Опытъ пятилѣтней работы обнаружилъ безпочвенность индивидуальнаго, оторваннаго отъ массоваго движенія бунтарства, и еще болѣе укрѣпилъ въ представителяхъ рабочаго коммунистическаго анархизма убѣжденіе, что лишь *массовой* организаціи, *массовой* пропагандѣ и агитаціи, активной борьбѣ *совмѣстно съ пролетаріатомъ* стоитъ отдавать немногочисленныя уцѣлѣвшія драгоцѣнныя силы нашихъ группъ“ (писано въ октябрѣ 1908 г.; курсивъ вездѣ принадлежитъ авторамъ Б. Г.)

И, дѣйствительно, мы находимъ указанія на борьбу этихъ двухъ теченій и на Кавказѣ, и въ Бѣлостокѣ, Минскѣ и др. мѣстахъ. Въ Одессѣ, какъ мы уже указывали, синдикалисты и черезнаменцы обособились въ двѣ отдѣльныя, враждебныя другъ другу, группы. А въ Уфѣ, гдѣ тоже существовали двѣ группы, онѣ даже выпускали другъ противъ друга прокламаціи. „Уфимская группа а.-к.“, какъ сообщаетъ корреспонденція № 8 „Борев.“, „выпустила листокъ „Къ рабочимъ“, въ которомъ рѣзко осуждаетъ экспропріацію, какъ шантажъ, и въ частности вымогательство 1000 р. у Прокофьева, совершенное второй существующей въ Уфѣ т. н. „Уральской группой а.-к.“ (безначальцы). Послѣдняя группа отвѣтила аналогичнымъ листкомъ, въ которомъ защищала свою позицію“ (стр. 23).

Съ распадомъ анархистскихъ группъ въ Россіи, борьба эта переносится за границу, гдѣ принимаетъ самыя отвратительныя формы. Такъ, въ № 9, „Борев.“, отъ февраля 1908 г., читаемъ: „16-го января текущаго года мѣстная группа „Бунтарь“ обратилась къ группѣ „Буревѣстникъ“ съ требованіемъ выдать ей 500 р. на какое-то дѣло. Обладая слишкомъ ограниченными средствами съ одной стороны, а съ другой имѣя достаточно основаній относиться съ недовѣріемъ къ предпріятіямъ мѣстныхъ бунтарцевъ, группа „Борев.“ отказалась исполнить это требованіе“. Три дня спустя вечеромъ въ ея типографіи „было выломано окно, и произведенъ форменный разгромъ“.—„Сначала мы думали, что эта ночная экспедиція—дѣло рукъ русскихъ хулигановъ и шпіоновъ, имѣющихся и здѣсь; но на завтра же мы

получили два письма отъ авторовъ разгрома, заявляющихъ, что своимъ поступкомъ они отплатили группѣ „Бурев.“ за ея отказъ въ деньгахъ“...

Такъ анархисты изъ „Бурев.“ пожали то, что посѣяли. Они такъ долго проповѣдывали борьбу всѣми средствами противъ соц.-дем. за ихъ „буржуазность“ (вспомнимъ экспропріацію, совершенную подъ видомъ „штрафа“ съ кутаисской с.-д. газеты, о чемъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ разсказываетъ Оргеіани), что рано или поздно, въ качествѣ „оппортунистовъ“ анархизма, должны были и на себѣ испытать воздѣйствіе своихъ болѣе „лѣвыхъ“ товарищей...

Максималисты.

Хотя максималисты, какъ отдѣльная организація, возникли у насъ лишь въ 1906 г. и просуществовали всего около года, но *максимализмъ*, какъ идейное теченіе, какъ отрицаніе программы-минимумъ и вѣра въ возможность въ близкомъ будущемъ соціалистической или полусоціалистической революціи въ Россіи, былъ присущъ всѣмъ почти направленіямъ народническаго соціализма, а въ 1905—6 г.г. захватилъ даже отдѣльныхъ соціалдемократовъ; что же касается максималистскаго *настроенія*, то въ революціонные мѣсяцы 1905 г. оно несомнѣнно владѣло умами многихъ передовыхъ рабочихъ. Уже это одно, наряду съ широкой извѣстностью самаго имени максималистовъ, благодаря громкимъ террористич. актамъ, совершеннымъ ими, дѣлаетъ необходимымъ остановить на нихъ вниманіе, при изученіи тѣхъ партій и группъ, которыя дѣйствовали въ революціонные годы. Но, кромѣ того, максималисты интересны и тѣмъ, что создали довольно стройную теорію, въ которой доведены до логическаго конца всѣ слабыя стороны нашего народническаго соціализма, отъ бакунизма до партіи соц.-рев.

Изъ этой послѣдней партіи и выдѣлился, какъ отдѣльная организація, „*союзъ соц.-рев. максималистовъ*“, возникшій въ результатѣ двухъ расколовъ: идейнаго, на почвѣ программы и тактики, и организаціоннаго, создавшаго въ 1905 и началѣ 1906 г. сильную „оппозицію“ офиціальнымъ комитетамъ соц.-рев. въ цѣломъ рядѣ городовъ, во главѣ которыхъ стояла Москва.

Первое проявленіе организованной оппозиціи офиціальнымъ вождямъ и теоретикамъ с.-рев. представляла собою возникшая въ концѣ 1904 г. группа „аграрныхъ террористовъ“. Основатель ея, будущій главный организаторъ „союза с.-р.-макс.“, М. Н. Соколовъ, привлекъ на свою сторону

почти всю с.-р-ую молодежь въ Женевѣ, проповѣдуя необходимость для партіи взять на себя руководство всѣми формами аграрнаго террора, чтобы, съ одной стороны, овладѣть стихійнымъ крестьянскимъ движеніемъ, а съ другой— аграрнымъ терроромъ сразу рѣзко оттолкнуть отъ партіи все буржуазное общество и сдѣлать, такимъ образомъ, будущую революцію неизбѣжно и явно антибуржуазной, соціалистической.

Вожди партіи с.-р-овъ считали эти взгляды еретическими и опасными для партіи, хотя въ рядѣ статей „Рев. Р.“, полемизируя противъ с.-д., указывала на антибуржуазный характеръ будущей революціи, на невозможность для партіи связывать себя программой минимумъ, осуществимой лишь въ буржуазномъ обществѣ,— и хотя еще въ 1902 и 1903 г.г. партія распространяла въ Россіи изданія аграрно-соціал. Лиги, приглашавшія крестьянъ къ политическому и экономическому террору.

Лѣтомъ 1905 г. сформировалась уже опредѣленная группа „молодыхъ с.-р.“, издавшая въ Женевѣ три номера „Вольнаго Дискуссіоннаго Листка“, гдѣ подвергалась критикѣ программа-минимумъ партіи, дѣлались нападки на парламентаризмъ и проповѣдывалась соціализація фабрикъ и заводовъ; а въ декабрѣ вышелъ за границей, повидимому, въ связи съ той же группой, иначе называвшейся тогда „устиновцами“ (по имени ея главнаго вдохновителя), одинъ номеръ журнала „Коммуна“, органа „союза рев. соціалистовъ“, выступавшаго уже противъ республики и предлагавшаго подробный планъ немедленнаго образованія *„рабочихъ коммунъ“* съ диктатурой пролетаріата (впрочемъ, чистые „устиновцы“ впослѣдствіи слились съ „махаевцами“).

Въ Россіи, въ Сѣверо Зап. области, уже въ началѣ 1905 г. Соколовъ („Медвѣдь“) организовалъ „Союзъ с.-р.“, который въ выпущенной имъ много нашумѣвшей прокламаціи призывалъ къ захвату и соціализаціи фабрикъ и заводовъ. Въ ноябрѣ, на съѣздѣ с.-р. организацій Сѣв.-Зап. обл. этотъ вопросъ много дебатировался и находилъ убѣжденныхъ защитниковъ. Въ то же время, событія октября и ноября и особенно московское возстаніе укрѣпили въ умахъ значительнаго числа рабочихъ с.-р-овъ вѣру въ близость соціалистической революціи, и во многихъ мѣстахъ они выносили резолюціи о „соціализаціи фабрикъ“. Относительно осторожная тактика Ц. К-та и принятое имъ въ ноябрѣ рѣшеніе пріостановить терроръ вызвали въ рядѣ мѣстныхъ организацій недовольство и даже озлобленіе. Къ этому присоединился начавшійся среди московскихъ с.-р-овъ организаціонный расколъ, вызванный оппозиціей „периферіи“ или „низовъ“—централистической политикѣ комитета. Всѣ попытки со стороны Ц. К. уладить конфликтъ не привели ни къ чему: почти вся московская организація перешла въ „оппозицію“ и ускользала отъ контроля „центровиковъ“, или „ортодоксовъ“.

Происходившій въ декабрѣ первый съѣздъ соц.-рев., на которомъ лишь одинъ делегатъ высказался за соціализацію фабрикъ и заводовъ (хотя максималистскіе взгляды были уже настолько распространены, что при правильныхъ выборахъ они несомнѣнно были бы представлены гораздо сильнѣе), занялъ „минималистскую“ позицію въ оцѣнкѣ революціи и, кромѣ того, высказался противъ экспропріаціи *частнаго имущества.* Это подлило лишь масла въ огонь разгоравшагося раскола. Начавшаяся экспропріаторская волна легко захватила „оппозицію“ с.-р-овъ и расколъ организаціонный понемногу превратила въ идейный, сближая „оппозицію“ съ идейными максималистами. А грандіозная экспропріація въ московскомъ обществѣ взаимнаго кредита, организованная вождемъ „оппозиціи“ (впослѣдствіи максималистомъ) Владимиромъ Мазуринымъ, дала этой оппозиціи колоссальныя средства и стала привлекать на ея сторону такія же „оппозиціи“ въ рядѣ другихъ городовъ: Рязани, Петербургѣ, Екатеринославѣ, Ставрополѣ, Сѣв. Кавк. области [1]).

Еще въ январѣ 1906 г. Соколовъ, принимавшій до того видное участіе въ московскомъ возстаніи, узнавъ о результатахъ партійнаго съѣзда, собралъ небольшую конференцію, которая рѣшила „подготовить условія для созданія въ самомъ скоромъ времени самостоятельной максималистской организаціи“ (сборникъ „Воля труда“, стр. 178).

Наряду съ этой организаціонной работой, максималисты проявляютъ, начиная съ весны 1906 г., довольно интенсивную литературную дѣятельность, выпуская рядъ легальныхъ брошюръ и статей. Таковы: „Принципы трудовой теоріи“ — Е. Таг—ина, „Отвѣтъ В. Чернову“—его же, брошюры и статьи Свѣтлова, Энгельгардта и др., а впослѣдствіи, зимой 1906—07 г. нѣсколько объемистыхъ сборниковъ подъ общимъ заглавіемъ „Воля труда“.

Но и организаціонная, и пропагандистская дѣятельность отступали на задній планъ передъ подготовкой террористическихъ актовъ, и образованная Соко-

---

1) Вотъ какъ по словамъ максималиста Нестроева („Изъ дневника максималиста“, и „Максимализмъ и макс-ты передъ судомъ В. Чернова“, стр. 84—85 и 33), распредѣлены были экспропріированныя деньги: московской оппозиціи—200.000 р., максималистамъ—100.000, на вооруженіе Петербурга (боевой орг-іи максималистовъ)—50.000, въ партію с.-р.—свыше 100.000, Сѣв.-Зап. обл. К. на крестьянск. дѣло—20.000, петерб. террор. группѣ с.-р.—20.000, на освобожд. каторжанъ—10.000, екатериносл. орг-іи П. с.-р.—3.000, желѣзнодорожному союзу—3.000, крест. союзу—2.000, крест. союзу п. с.-р.—1.000, захвачено Бѣленцовымъ—45.000.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Чернова, что оппозиція „покупала“ парт. организаціи, Нестроевъ говоритъ: „Если покупала, значитъ и продавались“, и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ подпольныхъ организаціяхъ „низы“ всегда находятся въ матеріальной зависимости отъ „верховъ“ которые, въ случаѣ уклоненія „низовъ“ въ „еретичество“ воздѣйствуютъ на нихъ „на матеріальной почвѣ“: поэтому, лишь только у моск. оппозиціи появились деньги, всѣ элементы, недовольные партіей, стали примыкать къ ней (стр. 32).

ловымъ боевая организація неизбѣжно поглотила всѣ силы и средства максималистовъ. Рядъ покушеній, совершенныхъ членами этой организаціи, особенно взрывъ дачи министра Столыпина въ августѣ 1906 г. и экспропріація въ Фонарномъ переулкѣ въ октябрѣ того же года, сдѣлали имя максималистовъ извѣстнымъ и въ Россіи, и за границей. Но эти же акты были кульминаціоннымъ пунктомъ ихъ дѣятельности, которая вскорѣ послѣ того начинаетъ падать и сводится къ ряду мелкихъ экспропріацій и политическихъ убійствъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ анархистскихъ.

Правда, тотчасъ послѣ экспр. въ Фонарномъ переулкѣ, собралась довольно многолюдная конференція максималистовъ, на которой, по свидѣтельству біографа Соколова („Воля труда", стр. 178), были представители областей: Центральной, Сѣверо-Западной, Южной и Уральской. На этой конференціи, продолжавшейся девять дней, обсуждались вопросы программы, тактики и организаціи, образованъ былъ официально „Союзъ с.-р.-максималистовъ", какъ вполнѣ самостоятельная организація, и принятъ рядъ резолюцій, опубликованныхъ въ особомъ „Извѣщеніи". Но проводить эти резолюціи въ жизнь было уже некому. По возвращеніи съ конференціи Соколовъ былъ арестованъ въ Петербургѣ (1-го декабря) и на слѣдующій же день казненъ. А вскорѣ послѣ того провалилась и вся боевая организація, выданная, повидимому, провокаторомъ. Всѣ попытки оставшихся на свободѣ максималистовъ возстановить ее оказались безрезультатными. По ихъ собственнымъ словамъ, лишенные „диктатора", въ лицѣ Соколова [1]), они лишились также инициативы и творческаго духа и, скорѣе всего, прибавимъ отъ себя, вѣры въ свое дѣло. А раскрывшіяся сношенія одного изъ ихъ главарей, Рысса, съ охраннымъ отдѣленіемъ окончательно деморализовали центральную максималистскую группу, въ которой, послѣ казни и ареста наиболѣе выдающихся ея членовъ, какъ Мазуринъ, Виноградовъ, Соколовъ, Климова и др., поселилось взаимное недовѣріе, подозрѣнія въ присвоеніи экспропріированныхъ денегъ и т. д. Новые провалы и неудачныя экспропріаціи довершили дѣло разложенія. И хотя „историкъ" максимализма Нестроевъ пытается найти причины быстраго исчезновенія его въ томъ, что „боевая" дѣятельность была развита раньше и въ ущербъ массовой организаціи, но дѣло, очевидно, не въ этомъ, а въ томъ, что съ укрѣпленіемъ контръ-революціи исчезла вѣра въ соціалистическую революцію, которая создала успѣхъ максималистскихъ идей у значительной части рабочихъ с.-р-овъ. Если тотъ же Нестроевъ указываетъ, что „массовая" работа въ духѣ максимализма на-

[1]) „Все дѣлалось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Болѣе того, часто онъ дѣлалъ такъ, какъ никто изъ его товарищей не хотѣлъ". И далѣе: „Есть факты, указывающіе на слишкомъ небрежное отношеніе его къ вопросу о подборѣ членовъ б. о., *куда попадали многіе, которымъ мѣсто гдѣ угодно, но не въ террористической организаціи*" (Нестроевъ, „Изъ дн. макс.", стр. 64. Курсивъ мой. Б. Г.).

чалась среди рабочихъ очень поздно, послѣ провала центральной группы, и потому будто бы не могла развиваться, если, по его словамъ, въ Петербургѣ, въ концѣ апрѣля 1907 г. максим. рабочая организація насчитывала 400 чел., и были также группы въ Брянскѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, въ Бѣлостокѣ и на Уралѣ, то онъ же приводитъ достаточно данныхъ для утвержденія, что *этотъ* новый рабочій максимализмъ питался тѣми же условіями контръ-революціонной эпохи, что и анархизмъ, и въ сущности *ничѣмъ отъ него не отличался*. Вотъ какъ характеризуетъ, напр., Нестроевъ главнаго представителя и организатора петерб. группы рабочихъ-максималистовъ начала 1907 г. („Изъ дп. макс.“, стр. 79—80): „Всѣ вопросы того момента онъ рѣшалъ единообразно: вопросы безработицы путемъ систематическихъ экспропріацій денегъ, пищи, одежды. Вопросы борьбы съ организованнымъ капиталомъ—экономическимъ терроромъ. Вопросы политической борьбы—политическимъ терроромъ“. Такъ, соціализація фабрикъ и заводовъ и трудовая республика на дѣлѣ превратились въ концѣ концовъ въ мелкія экспропріаціи и мелкій полицейскій и экономическій терроръ. И, дѣйствительно, съ середины 1907 г. максималистскія группы, какъ отдѣльное цѣлое, перестали существовать, отчасти исчезнувъ, отчасти слившись съ анархистами.

До какой степени у нѣкоторыхъ максималистовъ были распространены чисто-анархистскіе взгляды, показываетъ любопытный рукописный планъ, найденный полиціей при арестѣ одного максималиста и фигурировавшій въ процессѣ московскихъ максималистовъ (цитирую по статьѣ В. Чернова въ № 1 „С. Р.“, стр. 227). „...Захватъ теперь же не только земли, но и всѣхъ орудій труда—фабрикъ, заводовъ, машинъ въ руки трудового народа... Всякое правительство въ такомъ случаѣ дѣлается совершенно излишнимъ, а остаются свободныя общины, которыя устраиваютъ жизнь по общему согласію на такомъ основаніи: каждый работаетъ, сколько можетъ, и беретъ, сколько ему нужно“... Такова программа. А вотъ тактика: „Убивать высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, не щадить и низшихъ слугъ правительства. Рабочіе пусть поступаютъ такъ же со своей фабричной администраціей... Крестьяне пусть не щадятъ помѣщиковъ... пусть жгутъ ихъ помѣстья, чтобъ выжить ихъ изъ ихъ паучныхъ гнѣздъ“... Какъ видимъ, это самый послѣдовательный анархизмъ, въ духѣ „безначальцевъ“. Правда, въ своей полемикѣ съ Черновымъ историкъ и теоретикъ максимализма Нестроевъ справедливо указываетъ, что нельзя, для характеристики цѣлаго направленія, ссылаться на рукописи отдѣльныхъ лицъ. Правда и то, что Черновъ совершенно неправильно объявляетъ всю *теорію* максимализма, которая, какъ мы увидимъ, является лишь послѣдовательнымъ и логичнымъ развитіемъ взглядовъ и программы самихъ с.-р-овъ, плохимъ сколкомъ съ анархизма. Но, если въ *теоріи*, въ обоснованіи своей *программы* максималисты вообще представляютъ пол-

ную противоположность анархистамъ, оставаясь *государственниками* и *коллективистами*, то *тактика* ихъ (не говоря уже о практикѣ), поскольку она обоснована въ резолюціяхъ ихъ конференціи и въ рядѣ статей въ сборникахъ „Воля Труда", вышедшихъ уже послѣ конференціи,—дѣйствительно, мало оригинальна, и ее очень трудно отличить отъ тактики анархистской.

Таково, прежде всего, ихъ отношеніе къ парламентаризму. Въ „Извѣщеніи" о состоявшейся конференціи („Сборн. статей", стр. 7) мы читаемъ: „Вѣруя непоколебимо въ творчество и самодѣятельность трудового класса, с.-р.-макс. относятся безусловно отрицательно ко всякаго рода представительнымъ учрежденіямъ въ предѣлахъ буржуазнаго строя, каковы: Дума, парламентъ", такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „эти учрежденія лишь разряжаютъ атмосферу ненависти и злобы, культивируютъ въ массахъ мѣщански-консервативную психологію" и т. д. Таково и вообще отношеніе къ легальной работѣ: „Въ рамкахъ буржуазнаго строя, вплоть до его окончательнаго уничтоженія, соціально-революц. партія не должна вести никакой легальной, законной борьбы. Приспособленіе къ законнымъ формамъ борьбы самоубійственно для соціально-рев. цѣлей" („Организація нашихъ силъ и соц. революція", тамъ же, стр. 13). Такимъ образомъ, въ вопросѣ о „легальности" максималисты идутъ дальше многихъ анархистовъ синдикалистскаго направленія. Далѣе, нападая самымъ рѣзкимъ образомъ на соціалист. партіи въ Россіи и въ Европѣ [1]), максималисты съ своей стороны проповѣдуютъ непрерывную гражданскую войну, непрерывный процессъ дезорганизаціи современнаго общества, при чемъ, говоря много о воспитаніи воли, о революціонной энергіи и т. д., они, конечно, огромное значеніе придаютъ „пропагандѣ дѣйствіемъ", роли „иниціативнаго меньшинства".

Особое мѣсто занимаетъ у максималистовъ вопросъ объ экспропріаціяхъ. Ихъ конференція, 17-ю голосами противъ 16, приняла резолюцію, въ которой она „высказывается за экспропріацію казенныхъ и общественныхъ капиталовъ въ цѣляхъ пополненія кассъ, по постановленію мѣстныхъ организацій союза. Экспропріація же капиталовъ частныхъ лицъ съ этой же цѣлью допустима лишь съ согласія Центр. Исп. Бюро Союза С.-Р.-М." Меньшинство, по свидѣтельству Нестроева, вполнѣ признавая *принципъ* экспропріаціи, предостерегало отъ проповѣди ея въ массахъ, такъ какъ „лишь сознательные революціонеры могутъ осторожно пользоваться всѣми видами. ея и не бояться превращенія экспропріаціи въ бандитизмъ" (Нестроевъ, отвѣтъ Чернову, стр. 60). Но въ статьѣ объ экспр-яхъ, написанной *послѣ*

1) „Максимализмъ" восклицаетъ Нестроевъ (отвѣтъ Чернову, стр. 66), „это разрывъ съ *современнымъ* (курсивъ автора) „Интернаціоналомъ". И далѣе: „Успокойтесь, В. Черновъ!.. Мы въ *вашъ* интернаціоналъ не полѣземъ".

конференціи, максималистскій „Сборникъ статей“ (стр. 51-60) рекомендуетъ экспропріаціи, *какъ средство борьбы съ современнымъ обществомъ*: „Экспропріація вообще, въ частности, *экспр-ція частной собственности* служитъ самымъ лучшимъ средствомъ уничтоженія фетишизма собственности, который вспоенъ въ трудовомъ народѣ долгими вѣками буржуазнаго господства... Принципіально мы должны признать экспр-цію капиталовъ и продуктовъ *во всякое время* (курсивъ мой. Б. Г.). Тѣмъ болѣе мы должны ее признавать теперь, когда она создаетъ ту психологическую обстановку, безъ которой трудно возвести новое зданіе“. И когда послѣ такого принципіальнаго обоснованія экспр-цій, подъ которымъ охотно подписался бы самый крайній анархистъ-безначалецъ, авторъ въ концѣ статьи упоминаетъ объ ихъ отрицательныхъ сторонахъ и потому совѣтуетъ „проповѣдывать экспр-цію не для экспр-цій, а для пополненія кассы“, то здѣсь или совершенно непонятная непослѣдовательность, или вынужденная уступка буквѣ принятой резолюціи. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ автору остроумно и зло полемизировать съ с.-р-ами, доказывая, что всѣ ихъ нападки на *частныя* экспр-іи (за ихъ разлагающее и развращающее вліяніе *внутри* организаціи) цѣликомъ относятся и къ экспр-ціямъ „казеннымъ“, которыя с.-р-ы признавали [1]).

Наконецъ, если мы прибавимъ къ этому резолюцію конференціи о всеобщей стачкѣ, во время которой она рекомендуетъ „экспропріацію пищевыхъ запасовъ и прочихъ предметовъ первой необходимости“, то мы получимъ всѣ элементы анархистской тактики. И неудивительно поэтому, что еще лѣтомъ 1906 г., когда эта тактика только намѣчалась, и большинство будущихъ максималистовъ называло себя „молодыми с.-р-ами“, органъ анархистовъ-чернознаменцевъ „Бунтарь“ помѣстилъ „Открытое письмо молодымъ соц.-революціонерамъ“, въ которомъ, сожалѣя о томъ, что они *еще* „коллективисты и государственники“, онъ хвалитъ ихъ за ихъ революціонную тактику и гордится этимъ ихъ первымъ шагомъ въ сторону анархизма, какъ своей побѣдой. „Это наша побѣда,—это побѣда и революціоннаго класса“ (? „Бунтарь“ 1906 г., стр. 16).

Теорія максимализма является продолженіемъ и логическимъ завершеніемъ народническаго соціализма. И поскольку с.-р-ы, прямые духовные отцы максималистовъ, вынуждены были не разъ отступать отъ традицій стараго народничества, какъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ уроковъ жизни и марксистской критики, такъ и въ результатѣ появленія максимализма, ко-

---

[1]) При этомъ дѣлается рядъ намековъ (которые впослѣдствіи Нестроевъ замѣнилъ прямыми утвержденіями, съ указаніемъ на цифры) на то, что, втайнѣ отъ „кадетской Марьи Алексѣевны“, с.-ры не отказывались пользоваться и плодами „частныхъ“ экспропріацій...

торый имъ казался карикатурой на нихъ самихъ—максималисты съ полнымъ основаніемъ видѣли *въ себѣ* истинныхъ носителей старыхъ традицій Земли и Волп, Народной Волп, Лаврова и Михайловскаго, а с.-р-овъ считали отступниками. При этомъ они столь же справедливо указывали на многочисленныя противорѣчія въ теоретическихъ выступленіяхъ самихъ с.-р-овъ, особенно Чернова, въ разныя эпохи ихъ дѣятельности, и еще больше на противорѣчія между ихъ офиціальной программой и содержаніемъ той агитаціи, которую они несли въ массы.

Такъ прежде всего обстоитъ дѣло съ *основнымъ теоретическимъ положеніемъ* максималистовъ, на которомъ особенно настаиваетъ ихъ главный теоретикъ Таг—инъ, и которое подвергаютъ рѣзкой и насмѣшливой критикѣ с.-р-ы Черновъ и др. Это положеніе гласитъ: „Возможность матеріальной побѣды со стороны трудового класса"... *„тѣмъ меньше, чѣмъ дольше существуетъ строй эксплоатаціи, чѣмъ больше обогащается и чѣмъ лучше организуется и вооружается классъ эксплоататоровъ. По мѣрѣ развитія капитализма шансы на трудовой строй падаютъ, а не увеличиваются"* (сборникъ „Воля труда", стр. 104; курсивъ автора). Или иначе, въ другомъ сборникѣ (стр. 73—74): „Въ предѣлахъ капиталистическаго строя трудящіеся дальше отстоятъ отъ своего освобожденія, чѣмъ въ предѣлахъ мелкаго хозяйства, когда матеріальная сила господствующаго класса была ничтожна". Современнымъ с.-р-амъ это положеніе кажется парадоксальнымъ до смѣшного; но они, очевидно, забываютъ, что всѣ упованія стараго народничества, начиная съ Герцена и Огарева, сознательно покоились на этомъ именно положеніи. И мало того: критикѣ Чернова и офиціальной программѣ с.-р-овъ, въ которыхъ развитіе капитализма считается главной и необходимой предпосылкой для возможности наступленія соціалистическаго строя, максималисты вполнѣ справедливо противоставляютъ рядъ статей самого же Чернова, въ которыхъ онъ за капитализмомъ не признаетъ никакой положительной роли. Къ этому и другимъ приводимымъ ими примѣрамъ того, что с.-р-ы не всегда держались марксистскаго взгляда на капитализмъ, они могли бы прибавить еще одинъ, *наиболѣе любопытный и выразительный*: покойный Л. Шишко, одинъ изъ важнѣйшихъ и офиціальнѣйшихъ теоретиковъ п. с.-р., помѣстилъ въ майской книжкѣ „Русск. Бог." за *1906 г.*, т. е. *послѣ* принятія съѣздомъ с.-р-овъ ихъ нынѣшней программы,—статью [1]), въ которой приходитъ почти буквально къ тѣмъ же выводамъ, какіе имѣются въ вышецитированныхъ положеніяхъ максималиста Таг—ина, т. е., что развитіе капитализма, увеличивая силу буржуазіи, чрезвычайно затрудняетъ для пролетаріата его борьбу за полное освобожденіе,

[1]) „Старый марксизмъ и современная соціал-демократія".

особенно при производствѣ на внѣшній рынокъ, и что „въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, въ этомъ отношеніи, находятся тѣ болѣе отсталыя, въ смыслѣ экономическаго развитія, страны, которыя... принуждены довольствоваться въ главной степени внутреннимъ сбытомъ“ („Р. Б.“, V., 1906, стр. 221).

Точно такъ же максималисты послѣдовательны и вѣрны старымъ традиціямъ революціоннаго народничества и въ своемъ пренебреженіи къ программѣ-минимумъ, и въ своемъ главномъ лозунгѣ: *соціализація фабрикъ и заводовъ*. Вполнѣ понимая программу-минимумъ с.-д-тіи, какъ возможный максимумъ того, что осуществимо въ буржуазномъ обществѣ, они указываютъ на противорѣчивость въ программныхъ построеніяхъ с.-р-овъ, которые своей программой-минимумъ желаютъ *подрывать самыя основы* капиталистич. строя и въ то же время не хотятъ отказаться отъ нея. Далѣе, соціализація земли, говорятъ максималисты, въ томъ значеніи, которое придаютъ этому слову с.-р-ы, была бы столь грандіозной и глубокой соціальной революціей, что совершившему ее „трудовому народу“ ничего не стоило бы взять въ свою собственность и фабрики, и заводы; болѣе того, эта послѣдняя „соціализація“ стала бы неизбѣжной, была бы экономической необходимостью [1]). И максималисты отмѣчаютъ, что въ своихъ *агитаціонныхъ* брошюрахъ сами с.-р-ы, подобно старымъ народникамъ, не придерживаются этого различія и, говоря о революціи и ея послѣдствіяхъ, соединяютъ *вмѣстѣ* соціализацію земли съ одной стороны и фабрикъ и заводовъ—съ другой. Правда, с.-р-ы отвѣчаютъ, что соціализація земли не есть еще соціализація сельско-хозяйственнаго производства, но, по мнѣнію максималистовъ, и „при соціализаціи фабрикъ и заводовъ *все и всѣ* остаются на своихъ мѣстахъ,— кто велъ производство, тотъ на первыхъ порахъ и будетъ вести. Лишь вмѣсто отдѣльныхъ собственниковъ выступаетъ одинъ— *трудовой народъ*“ (сборн. „Воля труда“, стр. 65; курсивъ автора).

Конкретно программа максималистовъ и, въ частности, соціализація фабрикъ и заводовъ, излагается въ ихъ планѣ „*трудовой республики*“, представляющемъ довольно оригинальный продуктъ самобытнаго творчества и на которомъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ максималисты, призывая рабочихъ итти „прямо къ цѣли“ [2]), подъ этой цѣлью разумѣли соціалистическую революцію и соціализмъ. Но позднѣе, введя въ свою программу понятіе „тру-

---

[1]) Черновъ, говоритъ Таг—инъ („Отвѣтъ“, стр. 28), „считаетъ возможнымъ организовать въ „общественное“ хозяйство 13 млн. мелкихъ хозяйствъ, считаетъ возможнымъ побѣдить 150 тысячъ россійской страны землевладѣльцевъ, ...но считаетъ недопустимой побѣду надъ 19 тысячами русскихъ капиталистовъ“.

[2]) Названіе одной изъ максималистскихъ брошюръ.

довой республики", они не разъ и категорически подчеркивали, что „трудовая республика" *не есть* соціализмъ, а лишь *этапъ* на пути къ нему. „Отъ трудовой республики до перехода власти въ руки соціалист. партіи — дистанція порядочнаго размѣра" (сб. „В. Т.", стр. 30). Но такъ какъ „трудовое крестьянство", согласно общей концепціи всѣхъ с.-р-овъ, есть носитель соціализма [1]), то въ мыслимой ими демократической республикѣ, въ которой политическая власть будетъ находиться въ рукахъ этого „трудового крестьянства", никто и ничто, по мнѣнію максималистовъ, не помѣшаетъ пролетаріату захватить фабрики и заводы.

Итакъ, „трудовая республика характеризуется одновременнымъ переходомъ въ руки трудового народа политической власти, земли, фабрикъ и заводовъ" (сб. „В. Т.", стр. 35). Отъ демократической респ. она отличается тѣмъ, что для перехода къ соціализму въ ней не потребуется больше революцій, переходъ этотъ совершится мирнымъ, эволюціоннымъ путемъ. Конечно, такой строй возможенъ только при полной побѣдѣ народа, но возможенъ именно только онъ или же полное пораженіе революціи. Для доказательства этой мысли, максималисты ссылались и на Маркса, который въ своей статьѣ „Итоги 48-го года" писалъ, что „въ Германіи немыслима чисто-буржуазная революція и основаніе господства буржуазіи въ формѣ конституціонной монархіи, что возможна только феодальная абсолютистская контръ-революція или революція соціально-республиканская"; и на Каутскаго, Р. Люксембургъ и Ленина, высказывавшихъ мысль, что въ результатѣ революціи получится въ Россіи не просто буржуазное государство, а нѣчто „среднее" между капитализмомъ и соціализмомъ. Въ отвѣтъ на обвиненія въ утопичности максималисты ссылались на извѣстное уже намъ положеніе, что „все и всѣ остаются на своихъ мѣстахъ", и что къ „соціализаціи земли" с.-р-овъ присоединяется лишь то, что фабрики и заводы, согласно одной части максималистовъ, передаются *рабочимъ артелямъ*, а согласно другой — *коммунамъ* или муниципалитетамъ. Въ трудовой республикѣ остается *обмѣнъ*, т. е. торговля, въ ней поэтому возможны и *кризисы*. Для развитія отечественной промышленности предлагается даже ввести таможенныя пошлины (впрочемъ, противъ этого предложенія Таг—ина высказывается Нестроевъ, говоря, что большинство „трудового народа"—крестьянство не согласится на такую мѣру, такъ какъ будетъ заинтересовано въ полученіи болѣе дешевыхъ товаровъ). Отъ программы-минимумъ с.-р-овъ трудовая республика, слѣдовательно, будетъ отличаться только отсутствіемъ

---

[1]) „Никакого спеціально-пролетарскаго соціалист. движенія", говоритъ с.-р-ъ Рудинъ въ сборникѣ „Коллективистъ" (стр. 27), „какъ чего-то отличнаго по существу отъ крестьянскаго движенія, мы не можемъ признавать".

наемнаго труда въ городахъ, подобному тому, какъ „соціализація земли", по предположенію с.-р-овъ, уничтожитъ его въ деревнѣ.

Но, увлекаясь доказательствами осуществимости трудовой республики, максималисты заходятъ несомнѣнно дальше, чѣмъ желали бы сами, и приходятъ къ довольно неожиданнымъ выводамъ. Если Нестроевъ на стр. 14 сб. „В. Т." говоритъ: „Мы считаемъ, согласно взгляду партіи с.-р., что трудовое крестьянство—одинъ изъ носителей соціалистической идеи, одна изъ силъ соціалист. переворота", то на стр. 65 той же статьи онъ уже ссылается на *индивидуализмъ* крестьянъ для доказательства того, что они не будутъ препятствовать „соціализаціи фабрикъ и заводовъ": „ни ремесленники, ни крестьяне не могутъ быть по своей *психикѣ индивидуалистовъ* противниками принципа: каждому по труду" (курсивъ автора. Б. Г.). Еще болѣе любопытныя вещи говоритъ объ этой „трудовой" психикѣ Таг—инъ въ своемъ „Отвѣтѣ В. Чернову": „Между трудовой и соціалистической психикой значительная разница.... Трудовая психика предполагаетъ психику индивидуалиста, который въ соціализмѣ видитъ свой *личный* интересъ, интересъ трудовой личности... Его требованіе: отдай *мнѣ мой* трудъ—чисто-эгоистическое... Трудовой человѣкъ только потому не скручиваетъ другихъ въ баранiй рогъ, что по своему классовому положенію лишенъ этой возможности" (стр. 32 и 33; курсивъ автора). При такомъ довѣріи къ „трудовой психикѣ", неудивительно, что Таг—инъ совѣтуетъ торопиться съ захватомъ фабрикъ и заводовъ, такъ какъ потомъ будетъ поздно: „Разъ крестьяне захватятъ землю и волю, то тѣмъ самымъ они избавятся отъ самыхъ главныхъ орудій *ихъ* эксплоатаціи. Въ моментъ захвата ими (?) рабочіе получаютъ активную поддержку съ ихъ стороны въ своей борьбѣ съ капиталомъ; *послѣ* же захвата они могутъ получить отъ крестьянства *только* пассивную поддержку". Но, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ строкъ, именно теперь можно ожидать отъ крестьянъ лишь пассивной поддержки, а дальше можетъ начаться и *сопротивленіе*: „Не упускайте моментъ", заканчиваетъ авторъ. „Ни одинъ крестьянинъ *сейчасъ* не будетъ бороться противъ вашего посягательства на собственность буржуазіи" („Принципы трудовой теоріи", стр. 92, курсивъ вездѣ принадлежитъ автору).

И этому-то крестьянству, которое въ „трудовой республикѣ" составляло бы огромное большинство населенія и потому фактически имѣло бы въ рукахъ всю политическую и экономическую власть, максималисты ввѣряютъ судьбу пролетаріата. Уничтожая наемный трудъ своей соціализаціей фабрикъ и заводовъ, ихъ программа на самомъ дѣлѣ отдаетъ промышленныхъ рабочихъ въ наймы мужицкому государству, основу котораго составляетъ тотъ „трудовой человѣкъ", который, по собственному признанію максималистовъ, „только потому не скручиваетъ другихъ въ баранiй рогъ, что по

своему классовому положенію лишенъ этой возможности". Безсознательно для себя, максималисты дали и любопытную иллюстрацію того положенія, въ которомъ находились бы рабочіе „соціализованныхъ" фабрикъ и заводовъ, составляющихъ собственность колосса-государства. Признавая одною изъ основъ своей будущей „конституціи"—„право возстанія" (что, кстати, противорѣчитъ „мирной эволюціи" къ соціализму), Нестроевъ считаетъ *ненужнымъ право стачекъ*. „Мы... не можемъ, говоритъ онъ, требовать свободы стачекъ, ибо всѣ желанія народа, всѣ необходимыя мѣропріятія могутъ быть осуществлены законодательнымъ путемъ" (сб. „В. Т.", стр. 42). Но при этомъ забывается, что законодательствовать будутъ тогда все тѣ же крестьяне, которымъ ихъ „классовое положеніе" ужъ не помѣшаетъ „скручивать другихъ въ бараній рогъ"...

Подобная перспектива испугала и с.-р-овъ, и предъ опасностью этого „мужицкаго царства" они забыли о томъ, что „трудовое крестьянство" является носителемъ соціалистическаго идеала, и высказали по поводу программы максималистовъ рядъ вполнѣ вѣрныхъ соображеній, которыя, однако, подрываютъ въ корнѣ и ихъ собственную программу, такъ какъ цѣликомъ относятся и къ пресловутой „соціализаціи земли".

Въ № 1 „Сознательной Россіи", въ статьѣ „Къ вопросу о программѣ-максимумъ и программѣ-минимумъ" с.-р-ъ Вадимовъ писалъ: „Что такое максималистская „трудовая республика", призванная осуществить соціалистическіе порядки?—Это государство съ огромнымъ большинствомъ мелкихъ производителей, въ рукахъ которыхъ будетъ политическая власть и экономическое господство" (стр. 44), при чемъ, продолжаетъ онъ далѣе, „оазисы общественнаго хозяйства" не только не ассимилируютъ этой массы мелкихъ производителей, но сами могутъ быть поглощены ими: „возможно и очень вѣроятно поглощеніе этого оазиса и возстановленіе того полу-буржуазнаго, полу-трудового (но не соціалистич.) строя, который вырисовывался довольно ясно изъ раньше нами разобраннаго проекта г. Таг—ина" (стр. 45). Поэтому „переходъ отъ такого строя—отъ такого удивительнаго „соціализма вразбродъ"—къ дѣйствительно соціалистическому—еще менѣе вѣроятенъ, чѣмъ тотъ фантастическій прыжокъ въ царство соціализма (настоящаго), о которомъ мечтаютъ „чистые", такъ сказать, максималисты, вѣрящіе въ возможность немедленнаго его водворенія" (стр. 38). И, наконецъ, что особенно странно звучитъ въ устахъ с.-р-а: „И чѣмъ больше будетъ лицъ и группъ, которыя не только избавятся отъ эксплоатаціи, но и довольно хорошо устроятся при новомъ строѣ, обезпечивающемъ имъ „соединеніе труда и собственности въ однѣхъ рукахъ" [1]), тѣмъ труднѣе будетъ убѣ-

1) Любопытно, что здѣсь въ ироническія ковычки ставится знаменитая формула Михайловскаго.

дить ихъ въ необходимости отказаться отъ своей собственности въ пользу всего общества, тѣмъ бо́льшимъ обособленіемъ и замкнутостью, бо́льшимъ развитіемъ противообщественныхъ инстинктовъ и вражды, какъ между отдѣльными лицами и группами внутри двухъ намѣченныхъ нами частей общества, такъ и между этими частями будетъ сопровождаться этотъ „соціалистическій порядокъ“ (тамъ же, стр. 39).

Послѣ такой оцѣнки „трудовой республики“, этого логическаго вывода изъ народническаго взгляда на крестьянство, оцѣнки, въ которой ясно виденъ испугъ с.-р-овъ передъ ихъ собственнымъ отраженіемъ въ максималистскомъ зеркалѣ, намъ остается добавить лишь слѣдующее: максимализмъ, питавшійся вначалѣ соціалистическими иллюзіями, а впослѣдствіи анархической дезорганизаціей *городскихъ* рабочихъ, имѣвшій въ своей практикѣ и тактикѣ много общихъ чертъ съ анархизмомъ и „революціоннымъ“ синдикализмомъ, — подъ вліяніемъ *народническихъ теорій*, вѣрнымъ истолкователемъ и продолжателемъ которыхъ онъ являлся, создалъ оригинальную утопію, которой нельзя отказать въ извѣстной стройности и логичности, но которая (если бы предположить на мигъ ея осуществленіе) была бы шагомъ не *къ* соціализму, а назадъ *отъ* соціализма.

„Махаевцы“, или „группа рабочаго заговора“.

Такъ называемые „махаевцы“, повидимому, нигдѣ въ Россіи, ни въ революціонный, ни въ пореволюціонный періодъ, не создали сколько-нибудь прочныхъ, длительныхъ организацій, да и вообще дѣятельность ихъ, помимо чисто-литературной, непосредственная дѣятельность среди рабочихъ, если таковая была, держится ими въ глубокой тайнѣ, и слѣды ея можно найти лишь косвеннымъ путемъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ теоріи, ихъ анти-интеллигентская кампанія и ожесточенная борьба противъ соціализма, встрѣчая почву въ инстинктивномъ недовѣріи многихъ рабочихъ къ „господамъ“ и въ извѣстномъ уже намъ озлобленіи противъ „комитетчиковъ“, въ свою очередь усиливали это недовѣріе и озлобленіе, давали имъ видимость теоретической обоснованности и снабжали аргументами многихъ, примыкавшихъ къ анархизму или синдикализму. Результаты пропаганды „махаевцевъ“, въ ея чистомъ, такъ сказать видѣ, сказывались особенно тамъ, гдѣ рабочіе и интеллигенты соціалисты бывали отрѣзаны отъ непосредственной работы, т. е. въ тюрьмахъ, ссылкѣ и эмиграціи. Но и въ самой Россіи, при всемъ отсутствіи видимыхъ и осязательныхъ плодовъ этой пропаганды, она *несомнѣнно* была однимъ изъ разлагающихъ, деморализующихъ факторовъ контръ-революціон-

ной эпохи, дававшихъ оправданіе политическому индиферентизму рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ „махаевщина“ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія наряду съ другими аполитическими и антидемократическими группами. Кромѣ того, хотя „махаевщинѣ“ повезло въ нашей литературѣ, и о ней много писали и с.-д., и анархисты, и даже г. Ивановъ-Разумникъ, выведшій ее въ „широкую“ публику [1]),—не всѣ ея литературныя выступленія были использованы, и далеко не все о нихъ было сказано, что слѣдовало и можно было сказать.

Теорія „махаевцевъ“ зародилась въ далекомъ углу Сибири, въ Вилюйскѣ, гдѣ творецъ ея въ 1898 г. написалъ первую часть своей книги „Умственный рабочій“, носящую спеціальное заглавіе—„Эволюція соціалдемократіи“, и читалъ ее въ видѣ рефератовъ своимъ товарищамъ по ссылкѣ, при чемъ тогда же ему удалось создать маленькую группу адептовъ. Онъ не сразу выработалъ основы своей теоріи, и вначалѣ задачей его было лишь показать, что между современнымъ ортодоксальнымъ марксизмомъ и ревизіонизмомъ нѣтъ никакой принципіальной разницы, такъ какъ и тотъ, и другой являются оппортунистическимъ отступленіемъ и даже измѣной настоящему пролетарскому соціализму, главнымъ образомъ, потому, что чисто-рабочія требованія желаютъ замѣнить требованіями политическими, демократическими и боятся настоящей рабочей революціи. Въ слѣдующемъ году была написана вторая часть книги, подъ особымъ названіемъ „Научный соціализмъ“. Здѣсь уже соціализмъ, *какъ таковой*, объявлялся чудовищнымъ обманомъ рабочихъ со стороны *интеллигенціи*. Обѣ части были изданы тогда же, въ Якутской области, на гектографѣ, а послѣ ареста ихъ переизданы въ 1901 г. въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Въ 1904 г. была напечатана въ Женевѣ 3-я часть „Умственнаго рабочаго“, а въ 1905—напечатаны и первыя двѣ (черезъ годъ онѣ были изданы легально въ Россіи). Повидимому, все тѣмъ же авторомъ были изданы брошюры: „Банкротство соціализма XIX столѣтія“ и „Буржуазная революція и рабочее дѣло“ (въ 1905 и 6 г.г.) и, наконецъ, въ самомъ началѣ 1908 г., за границей, сборникъ статей подъ названіемъ: „Рабочій заговоръ, № 1“. Начиная съ 1907 г., у махаевцевъ появился новый писатель, Е. Лозинскій, издавшій легально рядъ книгъ и брошюръ („Что же такое, наконецъ, интеллигенція“, „Итоги парламентаризма“, „Чего ждать русскимъ рабочимъ отъ всеобщаго избирательнаго права“) и три номера общественно сатирическаго журнальчика „Противъ Теченія“. Въ 1909 г. тотъ же Лозинскій издалъ большую книгу „Итоги и перспек-

---

[1]) Это, впрочемъ, и неудивительно: при той крупной роли, которую до послѣднихъ лѣтъ играла „интеллигенція“ въ общественныхъ, въ частности революціонныхъ, движеніяхъ въ Россіи,—теорія, поставившая себѣ цѣлью—„разоблачать“ эту интеллигенцію, естественно, должна была обратить на себя вниманіе.

тивы раб. движенія на Западѣ и въ Россіи", въ которой теорія махаевцевъ получила наиболѣе полное и законченное выраженіе.

Правда, авторъ „Умственнаго рабочаго" какъ будто не признаетъ себя солидарнымъ съ Лозинскимъ; да и этотъ послѣдній, отмѣчая свои „научныя" заслуги, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ и вскользь упоминаетъ о Вольскомъ (псевдонимъ Махайскаго). Но основы ихъ теоріи—однѣ и тѣ же, и если въ первыхъ ихъ сочиненіяхъ не было никакой программы дѣйствій, никакихъ конкретныхъ, практическихъ указаній того, что, по ихъ мнѣнію, должны дѣлать рабочіе, и потому можно было допускать ихъ расхожденіе въ этой области,—то съ появленіемъ сборника „Рабочій заговоръ" съ одной стороны, и „Итоговъ и перспективъ" Лозинскаго, съ другой,—и тутъ должны были исчезнуть всякія сомнѣнія: ихъ практическія указанія, ихъ, если можно такъ выразиться, „программа"—*буквально одна и та же*. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить о нихъ, какъ о представителяхъ *одного и того же теченія*.

Между тѣмъ, уже въ 1902 г., когда „основатель секты" сидѣлъ въ тюрьмѣ, группа его послѣдователей выпустила въ Иркутскѣ первомайскую прокламацію, въ которой совѣтовала рабочимъ не вѣрить соціалистической интеллигенціи, говоря, что она желаетъ по спинамъ рабочихъ добраться до тепленькихъ мѣстечекъ въ конституціонномъ строѣ, и жестоко осмѣивала всякія „политическія свободы". Прокламація была написана въ такомъ черносотенно-демагогическомъ тонѣ, что казалась нѣкоторымъ подозрительнаго происхожденія. Это было первое выступленіе махаевцевъ въ области непосредственной агитаціи. Затѣмъ, лишь въ 1904 г. появляется группа махаевцевъ въ *Одессѣ*, первоначально дѣйствовавшая вмѣстѣ съ анархистами. Вотъ что сообщаетъ о ней анархистскій „Бунтарь" 1906 г.: „Группа тогда (въ 1904 г. Б. Г.) была не чисто-анархическая; въ ней замѣчалось нѣкоторое вліяніе „махаевцевъ". Общей программой было—борьба съ интеллигенціей, борьба съ попыткой втянуть пролетаріатъ въ буржуазно-демократическую борьбу. Вліяніе махаевцевъ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что объ „идеалахъ" умалчивали или говорили недостаточно опредѣленно" (стр. 30). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 33) про махаевцевъ говорится, что „нынѣ эта группа носитъ названіе „Рабочій заговоръ"; изъ этого можно заключить, что еще лѣтомъ 1905 г. въ Одессѣ существовала отдѣльная группа махаевцевъ; но о дѣятельности ея ничего не извѣстно. Далѣе, въ годы революціи группа махаевцевъ существовала и въ Варшавѣ („Zmowa robotnicza"); членами ея были рабочіе, ушедшіе изъ П. С.-Д. и проповѣдывавшіе экономическій терроръ и экспропріаціи. Наконецъ, въ 1906 и началѣ 1907 г. существовала группа „Раб. заговора" и въ Петербургѣ и на нѣкоторыхъ рабочихъ собраніяхъ предлагала свои резолюціи, направленныя

противъ соціалдемократіи; но онѣ всегда неизмѣнно проваливались рабочими. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя удалось собрать изъ случайныхъ газетныхъ замѣтокъ о непосредственной, сколько-нибудь организованной дѣятельности махаевцевъ въ Россіи. Но несомнѣнно, ихъ сочиненія, особенно легальныя книги Лозинскаго, захватывали *гораздо большій кругъ рабочихъ*, чѣмъ практическая работа ихъ маленькихъ группъ, и, хотя и не приводили къ созданію какой-либо оформленной организаціи, все же дѣлали свое разрушительное дѣло.

Теорія махаевцевъ, въ сущности, очень проста (при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ), но положенія ея повторяются ими съ утомительнымъ однообразіемъ десятки разъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Раньше, чѣмъ приступить къ разбору важнѣйшихъ изъ нихъ, мы воспользуемся очень удачнымъ изложеніемъ всей теоріи, сдѣланнымъ анархистами изъ „Бунтаря“: у нихъ было то преимущество, что они сталкивались съ махаевцами непосредственно и излагаютъ не только то, что было въ 1906 г. (когда составлялся „Бунтарь“) въ литературѣ махаевцевъ, но и содержаніе ихъ устной пропаганды. Итакъ, вотъ теорія махаевцевъ въ пересказѣ „Бунтаря“ (стр. 7): „Все зло въ идеологіи, въ идеалахъ. Въ продолженіе всей исторіи, всегда, когда народныя массы подымались на борьбу, приходила притворно-правдивая, обманчиво-искренняя интеллигенція и совлекала ихъ съ истиннаго пути борьбы. Классъ бѣлоручекъ, интеллигенція—этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, это коварное дитя буржуазіи, въ теченіе многихъ, долгихъ вѣковъ опутывала рабочія массы тонкой сѣтью призрачныхъ идеаловъ, хитрой сказкой несбыточныхъ утопій. Народныя массы шли за ними; проливали кровь свою; гибли, боролись. И на мѣсто старыхъ цѣпей появлялись новыя, лишь слегка позлащенныя, но еще болѣе крѣпкія и прочныя. И еще тяжелѣе и мучительнѣе становилось рабство, невыносимѣе гнетъ неволи“. Такова философія исторіи. А вотъ практическіе лозунги: „Долой идеалы! Долой идеалы демократіи, соціализма, анархизма! Лишь борьба за *конкретныя*, повседневныя требованія, борьба за улучшеніе матеріальнаго положенія массъ, за болѣе короткій день, болѣе санитарныя условія труда, за лишнюю копѣйку—отвѣчаетъ интересамъ массъ. Путемъ цѣлаго ряда такихъ требованій рабочій классъ добьется своего конечнаго, конкретнаго требованія—*равнаго дохода для всѣхъ*. Онъ добьется того, что пролетарій, капиталистъ-буржуа и чиновники-правители будутъ получать равные доходы“. Добившись этого, рабочіе выставятъ свое послѣднее требованіе—„*равнаго образованія для всѣхъ*“,—и тогда „уничтожится разница въ образованіи... Наука станетъ достояніемъ не только буржуазіи, но и въ равной мѣрѣ—рабочаго класса“.

Трудно повѣрить, что это—не карикатура, а подлинная теорія махаевцевъ, что этотъ доморощенный историческій пессимизмъ и особенно этотъ

изумительный „будущій строй“, въ которомъ волки и овцы ѣдятъ изъ одного корыта, гдѣ сохраняются капиталисты и наемные рабочіе, но съ *равными доходами и равнымъ образованіемъ*,—что все это выдается за научныя открытія. Между тѣмъ—это, дѣйствительно, такъ: въ изложеніи „Бунтаря“ нѣтъ ни шаржа, ни иронія.

Прежде всего разберемся въ наиболѣе очевидныхъ изъ противорѣчій, которыми полна „доктрина“ махаевцевъ. Съ одной стороны интеллигенція обвиняется въ томъ, что она дурачитъ и обманываетъ рабочихъ идеаломъ соціализма, что соціализмъ, какъ и анархизмъ,—это новая религія, которая, обѣщая рай въ загробной жизни, или въ царствѣ соціализма, на самомъ дѣлѣ хочетъ лишь одного: чтобъ *теперь* голодные терпѣливо переносили свою участь. (При этомъ та же интеллигенція оказывается и противницей соціализма, такъ какъ лишь очень небольшая часть представителей „умственнаго“ труда до сихъ поръ примкнула къ соціализму и рабочему движенію, а главная масса ихъ находится въ буржуазныхъ партіяхъ и явно враждебно этому движенію). Съ другой стороны,—соціализмъ—не только не миѣ, но наоборотъ *очень реальное будущее*, въ которомъ классъ „умственныхъ работниковъ“, экспропріировавъ, съ помощью одурачепныхъ рабочихъ, теперешнихъ хозяевъ положенія, капиталистовъ,—самъ захватитъ власть. Пользуясь своей монополіей образованія, интеллигенція въ новомъ, соціалистическомъ строѣ, въ которомъ орудія труда будутъ общественной собственностью и производство—коллективистическимъ, станетъ на мѣсто теперешнихъ капиталистовъ, а для рабочихъ создастъ новое рабство, еще болѣе утонченное и на этотъ разъ вѣчное. При этомъ Вольскій говоритъ что-то неразборчивое о какой-то „семейной собственности“, которую будто бы соціалисты желаютъ сохранить въ будущемъ обществѣ и которая, вмѣстѣ съ монополіей образованія, и послужитъ будто бы основой будущаго мірового владычества интеллигенціи. Въ другомъ мѣстѣ (во 2-й части своего „Умств. рабочаго“; и это почти единственное мѣсто изъ сочиненій Вольскаго, о которомъ упоминаетъ Лозинскій) онъ на десяткахъ страницъ, при помощи необычайно запутанныхъ разсужденій доказываетъ, что Марксъ написалъ 2-й томъ „Капитала“ со спеціальною цѣлью—оправдать господство интеллигенціи въ соціалист. строѣ; суть обвиненія въ томъ, что, по Марксу, часть общественнаго годичнаго труда должна идти на возмѣщеніе истрачеппаго постояннаго капитала, цѣнность котораго воспроизводится въ продуктѣ, т. е., другими словами, что во всякомъ общественномъ строѣ, не исключая и соціалистическаго, не весь продуктъ труда можетъ быть потребленъ производителями: часть его должна идти на сохраненіе и увеличеніе *средствъ производства*. Изъ этого махаевцы какимъ-то образомъ выводятъ „дьявольски-хитрый“ замыселъ интеллигенціи,—обобществивъ производство, выдавать рабочимъ только часть продукта ихъ

труда, а остальную, въ видѣ „обобществленныхъ средствъ производства“, присвоить себѣ и, такимъ образомъ, заставить рабочихъ содѣйствовать увеличенію ея власти и могущества [1]). Поэтому-то, безчисленное число разъ рабочіе приглашаются, пока не поздно, бороться „не съ кучкой капиталистовъ, а со всѣмъ образованнымъ обществомъ“. Правда, въ другихъ мѣстахъ махаевцы и на рабочихъ ужъ возлагаютъ мало надеждъ: квалифицированные рабочіе заинтересованы въ сохраненіи своего теперешняго, болѣе привилегированнаго положенія; массы рабочихъ, находящіяся подъ вліяніемъ соціализма, уже одурачены и глубоко развращены имъ; остаются лишь безработные, босяки и... хулиганы. Да, хулиганы! Именно они берутся подъ особенную защиту и Вольскимъ, и Лозинскимъ, именно отъ нихъ ждутъ они революціонизированія усыпленнаго соціализмомъ пролетаріата. Уже въ брошюрѣ „Буржуазная революція и рабочее дѣло“, на стр. 50 мы читаемъ: „Политическая революція неизбѣжно должна была готовить противъ себя черныя сотни изъ голодныхъ русскихъ массъ. Буржуазная революція ничего не можетъ дать этимъ людямъ: *въ черныхъ сотняхъ или хоть предоставляютъ иногда богатые инородческіе магазины*“. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ махаевцевъ эта мысль выражена еще ярче и откровеннѣе. „Для рабочей революціи никакого перевоспитанія всероссійскаго „хулиганства“ не требуется... Необходимо, чтобы всѣхъ рабочихъ столь же невозможно было соблазнить политической свободой, какъ и хулигановъ. Необходимо, чтобы рабочіе требовали отъ образованной буржуазіи, какъ это дѣлаютъ хулиганы, не политическихъ правъ, не красивыхъ идей и воспитанія, не краснобайства, а самыхъ настоящихъ денегъ“, и тогда... „хулиганство уничтожитъ безработицу“ („Раб. Заговоръ“, стр. 25—26). „Свободный, по одному ужъ своему отчаянному положенію, отъ всевозможныхъ профессіональныхъ, кооперативныхъ и тому подобныхъ увлеченій и одуряющихъ воздѣйствій со стороны нашей либеральной и соціалистич. интеллигенціи; равнодушный ко всякой „политикѣ“ и вѣрнымъ чутьемъ предугадывающій въ лицѣ всѣхъ современныхъ краснобайствующихъ политикановъ своихъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ; съ сосредоточеннымъ вниманіемъ вокругъ одного лишь пункта, но основоположнаго, все остальное обусловливающаго, — пункта *карманнаго*, экономическаго, воинствующій „хулиганъ“ способенъ внести и во всю остальную рабочую среду живую, отрезвляющую струю здраваго пролетарскаго смысла, разгадавшаго, наконецъ, гдѣ раки зимуютъ и что *надо* дѣлать и чего *не* дѣлать въ интересахъ пролетарскаго освобожденія“ (Лозинскій, „Итоги и перспективы“, стр. 351—352, курсивъ автора).

---

[1]) При чемъ остается непонятнымъ, зачѣмъ же соціалисты разоблачаютъ свои планы.

Далѣе, заимствовавъ изъ арсенала анархистовъ всѣ нападки на „политиканствующую интеллигенцію“, всѣ анекдоты о „вождяхъ“, обманывающихъ рабочихъ, воспринявъ анархистское ученіе о безработныхъ, босякахъ и хулиганахъ, махаевцы мѣстами и тактику рекомендуютъ анархистскую: „Поймутъ тогда нынѣшніе „сознательные“ рабочіе, что въ стихійномъ *стремленіи всякій бунтъ* безработныхъ, всякое столкновеніе хозяина съ рабочимъ, сытаго съ голоднымъ *развить во всеобщее нападеніе на грабительскую организацію* бѣлоручекъ съ требованіемъ немедленно раскошелиться,—въ этомъ стремленіи и заключается вся особая „политика“ пролетаріата“ („Раб. Загов.“, 46, курсивъ автора). Однако, это не мѣшаетъ имъ третировать анархистовъ (какъ, впрочемъ, и максималистовъ, и синдикалистовъ) не лучше, чѣмъ особенно ненавистныхъ имъ с.-д. „Такъ какъ анархисты вслѣдъ за другими соціалистами увѣряютъ рабочихъ, что *суть* ихъ рабства не въ самомъ рабскомъ пайкѣ, что путь къ ихъ освобожденію не въ грошевой борьбѣ, не въ повышеніи заработной платы, а въ разныхъ обобществленіяхъ, захватахъ,—*не ежедневнаго продукта труда, а лишь орудій его* [1]),—то такимъ путемъ они дѣйствительно ввели бы современныхъ рабочихъ въ самые свои коммунистическіе строи (!) все въ тѣхъ же цѣляхъ голодной платы, приговаривающей къ исключительно черному труду“ [2]). Здѣсь, какъ и вездѣ почти у махаевцевъ, безполезно искать доказательствъ: ихъ замѣняютъ недопускающіе сомнѣній афоризмы. Но, повидимому, преобладающей тактикой махаевцевъ является не фраза о „всеобщемъ нападеніи на грабительскую организацію бѣлоручекъ“, а именно „грошевая борьба“, „ибо такая простая, обыденная борьба за „пятачекъ“ скрываетъ въ себѣ самую настоящую непрекращающуюся рабочую революцію, имѣющую уже по самой своей природѣ лишь одинъ предѣлъ—полное имущественное равенство“ (Лозинскій, „Итоги перс.“, 344). Это и дало поводъ анархистскому „Бунтарю“ окрестить ихъ „революціонными трэдъ-юніонистами“, что, впрочемъ, невѣрно, такъ какъ махаевцы самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаютъ профессіональную организацію рабочихъ, считая ее столь же вредной, какъ и политическую. Кромѣ того, въ противоположность анархистамъ, махаевцы признаютъ государственную власть и именно къ ней рекомендуютъ рабочимъ обращаться со своими требованіями [3]).

---

[1]) Курсивъ мой. Ср. выше критику марксовой теоріи постояннаго капитала. Б. Г.

[2]) Тамъ же, стр. 42—43.

[3]) Во 2-й части „Умственнаго рабочаго“ Вольскій еще мечталъ, что „пролетаріатъ путемъ своей міровой конспираціи и *диктатуры* (курсивъ мой. Б. Г.) достигнетъ господства надъ государственной машиной... чтобы *захватить имущество* (курсивъ автора. Б. Г.) господствующаго образованнаго общества, имущество ученаго міра“ (!) и „употребить конфискованное имущество на организацію общественнаго воспитанія“ (стр. 55). Впослѣдствіи эта мысль была оставлена. О захватѣ власти махаевцы больше не думаютъ, какъ не думаютъ и объ организаціи произ-

„Раб. Заговоръ“ дѣлаетъ это, говоря о безработныхъ, при чемъ обвиняетъ анархистовъ въ томъ, что они „въ своемъ пустомъ и безсодержательномъ фразерствѣ совѣтуютъ вообще рабочимъ не „требовать“, а „самимъ брать“ и убѣждаютъ, что „прежде всего нужно всякую власть немедленно уничтожить“ (стр. 80—81). А Лозинскій въ своихъ „Итогахъ и перспективахъ“ устанавливаетъ и общее правило: „При каждомъ своемъ крупномъ выступленіи пролетаріатъ будетъ обращаться со своими требованіями преимущественно къ государству, имѣя въ виду интересы всего своего класса. При этомъ ему будетъ въ высокой степени безразлично, какую форму будетъ имѣть это государство, т. е. будетъ ли оно самодержавно-монархическимъ, республиканскимъ или соціалистическимъ. И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ государство это будетъ оставаться классовымъ, т. е. самодержавнымъ строемъ“ (стр. 347).

Итакъ, пролетаріатъ непрерывными экономическими стачками добьется увеличенія своей заработной платы „насчетъ богатствъ“ милліонеровъ. Потомъ, „расправившись“ съ ними, онъ заставитъ „урѣзать и всѣ... интеллигентскіе доходы“. И „тогда у дѣтей ручныхъ рабочихъ будутъ тѣ же средства на образованіе, что и у дѣтей бѣлоручекъ“ („Раб. Заг.“, 63). Къ этому прибавляетъ Лозинскій, что сущность соціальнаго вопроса для рабочаго „въ большей или меньшей наличности его кошелька“, и „когда эта наличность станетъ равняться *наличности имущихъ классовъ* (! курсивъ мой. Б. Г.), можно будетъ совмѣстно съ ними помечтать о разныхъ — столь, повидимому, дорогихъ имъ — высокихъ матеріяхъ и идеалахъ“ („Ит. и персп.“, 343—344). Вотъ до какой изумительной нелѣпости, похожей на явное издѣвательство надъ читателемъ, договорился Лозинскій, хвалящійся непрестанно своими „научными открытіями“ и „неумолимой логикой“. Оказывается, въ „будущемъ строѣ“ махаевцевъ останутся какіе-то *„имущіе классы“*, со всѣми ихъ атрибутами, но *доходы которыхъ будутъ равны доходамъ рабочихъ*! Въ чемъ будетъ заключаться тогда ихъ „имущество“, и зачѣмъ они будутъ нужны рабочимъ,—это вопросы, которые махаевцы считаютъ ниже своего достоинства. Не приходитъ имъ въ голову усомниться и въ кротости этихъ „имущихъ классовъ“, которые сперва будутъ уступать рабочимъ одну за другой части своихъ доходовъ, а потомъ удовлетворятся ролью импрессаріо (на рабочемъ жалованьѣ!) при этихъ рабочихъ, исполняя всѣ правительственныя и хозяйственныя функціи капиталистическаго или „соціалистическаго“ общества. Да оно и понятно: вѣдь если отказаться отъ предположенія объ этой кротости и признать, что рано или поздно „имущіе классы“ перестанутъ уступать и попытаются силой смирить рабочихъ, то,

---

водства, „чтобы не выводить изъ затрудненія, изъ анархіи и банкротства хозяйственный строй“ капиталист. общества (тамъ же).

какъ справедливо замѣчаетъ М. Р—скій въ № 10—11 „Буревѣстника“,— „теорія“ махаевцевъ была бы спасена *лишь въ случаѣ пораженія рабочихъ*; а въ случаѣ ихъ побѣды неизбѣжно произошла бы экспропріація столь ненавистныхъ Вольскому „орудій производства“, и рабочіе вынуждены были бы приняться и за не менѣе ему ненавистную „организацію производства“.

Такова та „теорія“, которую махаевцы преподносятъ рабочимъ, вмѣсто обманывающей ихъ „религіи соціализма“. Въ центрѣ ея стоитъ вопросъ объ *интеллигенціи*, сводящійся къ немногимъ декретированнымъ афоризмамъ, съ особенной подробностью развитымъ Лозинскимъ въ его книгахъ: „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“ и „Итоги и перспективы и т. д.“. Положенія эти вкратцѣ слѣдующія. Интеллигенція есть особый общественный классъ, характеризуемый особымъ источникомъ доходовъ—знаніями и противоположностью своихъ интересовъ интересамъ другихъ классовъ, главнымъ образомъ, классу ручныхъ рабочихъ. Это есть классъ *паразитическій*, не создающій никакихъ цѣнностей и живущій на счетъ труда ручныхъ рабочихъ. Это есть классъ хищническій, стремящійся къ господству надъ всѣмъ обществомъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этого мірового господства интеллигенціи служитъ *соціализмъ*, при которомъ въ рукахъ интеллигенціи останется монополія знаній и, слѣдовательно, все управленіе общественнымъ производствомъ. Ибо, какъ говоритъ Лозинскій въ своей книгѣ объ интеллигенціи, „весь огромный и все болѣе сложный производственный механизмъ современнаго общества, построенный на научной техникѣ и требующій для своего руководства массы знаній, становится для физическаго рабочаго все большей тайной, доступной лишь образованному меньшинству и всему его потомству. Такимъ образомъ готовится грядущее міровое господство интеллигенціи“ (стр. 172).

Конечно, для опроверженія всѣхъ этихъ, по внѣшности столь грозныхъ, положеній не требуется большихъ усилій, и отчасти это уже дѣлалось неоднократно въ русской литературѣ. „Интеллигенція“, съ экономической точки зрѣнія, *не есть* особый общественный классъ, такъ какъ умственный трудъ, не отдѣлимый, впрочемъ, отъ физическаго, есть лишь одинъ изъ видовъ квалифицированнаго труда вообще. Интеллигенція не есть также въ массѣ своей элементъ паразитическій, такъ какъ умственный трудъ является необходимымъ факторомъ въ общественномъ процессѣ производства. Къ „господству“ стремятся, правда, близкіе къ буржуазіи слои интеллигенціи, исполняющіе функціи управленія и надзора, но не *черезъ* соціализмъ, а *противъ* соціализма. Наконецъ, если даже предположить у всей „интеллигенціи“ тѣ коварные замыслы, которые приписываютъ ей махаевцы, то особенно нелѣпымъ является предположеніе, что эти замыслы могутъ осуществиться. Ма-

хаевцы изображаютъ интеллигенцію и теперь и въ будущемъ, когда реализуется ея „господство“,—чѣмъ-то въ родѣ жреческой касты въ древнемъ Египтѣ, ревниво оберегающей свои тайныя знанія отъ непосвященнаго плебея. Но махаевцамъ, конечно, небезызвѣстно, что *теперь нѣтъ больше научныхъ тайнъ*, и всѣ научныя свѣдѣнія публикуются и имѣются въ библіотекахъ для общаго пользованія. Вообще у нихъ выходитъ, что пролетаріатъ, совершивъ соціальную революцію, покорится своей участи—остаться въ невѣжествѣ, такъ какъ только при общемъ невѣжествѣ массъ и могла бы осуществиться фантазія махаевцевъ о новомъ міровомъ господствѣ „образованнаго общества“ надъ „окончательно порабощеннымъ“ пролетаріатомъ... Если отбросить всѣ эти ребяческія разсужденія махаевцевъ, которымъ придаетъ глубокомысленную внѣшность примѣненіе quasi марксистскаго метода и особенно теоріи классовъ,—то остаются лишь фактическія указанія на „колоссальные интеллигентскіе гонорары“, а также заимствованныя у анархистовъ и приведенныя въ систему обвиненія по адресу с.-д. въ желаніи сохранить на вѣчныя времена неравенство оплаты разныхъ видовъ труда. При этомъ приводится марксово опредѣленіе квалифицированнаго труда, какъ „помноженнаго простого“, и объясненіе его болѣе высокой оплаты необходимостью вознаградить рабочаго за издержки обученія. Значитъ, злорадно заключаютъ махаевцы, Марксъ возводилъ въ законъ неравенство оплатъ и подготовлялъ привилегированное положеніе для „умственныхъ рабочихъ“ и въ соціалистическомъ строѣ.

Не будемъ распространяться о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что разница оплаты умственнаго и физическаго труда сильно преувеличена махаевцами, такъ какъ крупные, буржуазные гонорары получаетъ лишь небольшое привилегированное меньшинство „интеллигенціи“, огромная же масса народныхъ учителей, конторщиковъ, мелкихъ чиновниковъ и даже неудачниковъ изъ „свободныхъ профессій“ получаютъ въ среднемъ „гонораръ“ немногимъ выше пролетарской заработной платы; остановимся лишь на экономическомъ объясненіи высшей оплаты умственнаго труда, какъ и всякаго труда квалифицированнаго. Говоря, что этотъ трудъ требуетъ болѣе высокаго вознагражденія, Марксъ лишь *объясняетъ* это явленіе, такъ же, какъ онъ объясняетъ *экономическую закономѣрность* прибыли и ренты. Очевидно, высшая оплата квалифицированнаго, въ частности, умственнаго труда, оправдываемая необходимостью вознаградить работника за издержки обученія, имѣетъ смыслъ лишь при сохраненіи частно-капиталистическаго способа производства. Когда же „обученіе“ всѣхъ видовъ и *степеней* будетъ даваться *обществомъ* всѣмъ его членамъ *безплатно*, то это общество будетъ имѣть право на равную оцѣнку *всякаго вида труда*, который будетъ отличаться лишь степенью своей легкости или пріятности. И при этомъ, какъ и во

многихъ другихъ случаяхъ, махаевцы безъ малѣйшей попытки доказательствъ объявляютъ своимъ собственнымъ открытіемъ, отличающимъ ихъ отъ соціалистовъ и анархистовъ всѣхъ направленій, *азбучную истину* о необходимости *равнаго образованія* для всѣхъ членовъ общества. Но это „требованіе“ равнаго образованія повторяется махаевцами столько разъ, и всегда съ угрозами противъ соціалистовъ, что неосвѣдомленный человѣкъ въ концѣ концовъ можетъ быть сбитъ съ толку. А на это махаевцы, очевидно, и разсчитываютъ...

Единственный выводъ, который напрашивается изъ краткаго анализа этой смѣси наивности, недоразумѣній и сознательныхъ искаженій истины, выдаваемой за новое, „дѣлающее эпоху“ научное открытіе,—слѣдующій: каковы бы ни были субъективныя психологическія предпосылки, изъ которыхъ исходятъ махаевцы, будетъ ли это искренняя манія Вольскаго, или же холодноразсчитанная, глубоко-лицемѣрная демагогія Лозинскаго,—объективный результатъ махаевской пропаганды и агитаціи долженъ быть одинъ: отвлеченіе рабочихъ отъ *всякихъ* политическихъ и экономическихъ организацій, внесеніе глубокой смуты и разложенія въ ихъ сознаніе и сближеніе ихъ психологіи съ психологіей черносотенной...

Мы прослѣдили происхожденіе, развитіе и дѣятельность важнѣйшихъ „аполитическихъ и антипарламентскихъ“ группъ въ Россіи, при чемъ въ разсматриваемый нами періодъ всѣ онѣ прошли полный „круговоротъ“, успѣвъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и зародиться и погибнуть, частью насильственной, частью естественной смертью. Мы ознакомились съ ихъ теоріями и—поскольку позволяли имѣющіеся матеріалы съ ихъ разлагающимъ вліяніемъ на рабочихъ, которыхъ эти группы, по мѣрѣ своихъ силъ, отвлекали отъ настоящей экономической и политической борьбы. Въ заключеніе остается лишь напомнить въ нѣсколькихъ словахъ о томъ *отраженномъ вліяніи*, какое эти группы, особенно анархисты и максималисты, или, вѣрнѣе, тѣ общія и частныя условія, которыя ихъ породили и создали имъ временный успѣхъ,—оказывали и на соціалистическія партіи.

Мы уже видѣли, какъ легко с.-р-ы становились максималистами и анархистами. Не избѣжали этого отраженнаго вліянія и с.-д. Кромѣ отдѣльныхъ, довольно многочисленныхъ случаевъ перехода с.-д. къ анархистамъ и махаевцамъ,—увлеченіе партизанствомъ у извѣстной части с.-д., признаніе и оправданіе ими экспропріаціи, равно какъ „бойкотизмъ“, „отзовизмъ“ и другія подобныя явленія,—все это отраженіе, въ большей или меньшей степени, *анархистской психологіи*.

Неменьшую роль сыгралъ и *максимализмъ*, подъ косвеннымъ влія-

ніемъ котораго все та же часть соціалдемократіи сдѣлала рядъ серьезныхъ уступокъ народническому міровоззрѣнію, порвавъ, такимъ образомъ, со старыми традиціями русскаго марксизма. Сюда относится представленіе о происходившей революціи, какъ о чемъ-то стоящемъ на порогѣ буржуазнаго и соціалистическаго строя (Роза Люксембургъ), сюда же относится и популярный одно время лозунгъ: „диктатура пролетаріата и крестьянства“. Мы уже видѣли изъ анализа максималистской „трудовой республики“ и оцѣнки ея самими с.-р-ми, что этотъ лозунгъ на дѣлѣ долженъ былъ превратиться въ диктатуру крестьянства *надъ* пролетаріатомъ.

Б. Горевъ.

Л. М—ОВЪ.

Соціалдемократія
1905—1907 гг.

Л. М—ОВЪ.

Соціалдемократія 1905—1907 гг.

Къ началу 1905 года соціалдемократія въ Россіи была представлена слѣдующими самостоятельными политическими организаціями: 1) Россійской с.-д. рабочей партіей, состоявшей изъ ряда „комитетовъ“ и „группъ“, разсѣянныхъ на всемъ протяженіи Имперіи отъ Варшавы до Харбина и Владивостока, отъ Баку и Асхабада до Архангельска. Ядро этой партіи составляли организаціи, дѣйствовавшія въ мѣстностяхъ съ преимущественно-русскимъ населеніемъ и на Кавказѣ; но и на другихъ инородческихъ окраинахъ имѣлись организаціи р. с. д. р. п., объединявшія элементы, которые во имя интернаціональныхъ принциповъ отказывались примыкать къ національно-соціалдемократическимъ организаціямъ. Формально образованная въ 1898 году (съѣздъ въ Минскѣ), р. с. д. р. п. на II своемъ съѣздѣ (1903 г., Брюссель-Лондонъ) выработала свою программу и приняла уставъ, но на томъ же съѣздѣ раскололась на 3 части, изъ которыхъ одна („Бундъ“) оффиціально вышла изъ партіи, другія же двѣ, оставаясь въ ея рамкахъ, составили двѣ совершенно обособленныя фракціи „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“.

2) „Бундомъ“ или „всеобщимъ еврейскимъ рабочимъ союзомъ въ Россіи и Польшѣ“. Образованный въ 1897 году, онъ по выходѣ изъ состава р. с. д. р. п. составлялъ совершенно самостоятельную политическую партію, къ 1905 году обладавшую наиболѣе стройной и законченной организаціей среди всѣхъ нелегальныхъ партій. Районъ его дѣятельности распространялся на губерніи Литвы, Бѣлоруссіи и Польши, юго-западной и южной Россіи и Прибалтійскаго края.

3) „С. Д. Польши и Литвы“. Образованная въ 1894 году польскими рабочими кружками, отдѣлившимися отъ національно-сепаратистской „Польской соціалист. партіи“, эта организація, руководимая марксистами во главѣ съ Розой Люксембургъ, вскорѣ временно сошла со сцены, но съ 1901 года вновь возродилась, объединившись съ марксистскими группами на Литвѣ. Съ 1904 года ея вліяніе на рабочія массы Польши начинаетъ сильно возрастать.

4) „Соціалдемократіей Латышскаго края“ съ райономъ дѣятельности въ прибалтійскихъ губерніяхъ. 5) „Революціонной украинской партіей“, выдѣлившейся изъ радикально-украинскихъ партій и усвоившей марксистскую программу. 6) „Армянской с.-д. организаціей“,—слабой группой, дѣйствовавшей преимущественно въ Баку. 7) „Литовской соціалдемократіей“—организаціей, выросшей на почвѣ національно-демократическаго крестьянскаго движенія и представлявшей собою въ литовскихъ губерніяхъ значительную политическую силу. Постепенно въ 1900-хъ гг. она проникается марксистскими тенденціями и сближается съ другими с. д. партіями.

На перепутьи между соціалдемократіей и менѣе опредѣленными въ классовомъ отношеніи революціонными партіями стоятъ армянская національно-революціонная партія „Гнчакъ“ и польская соціалистическая партія „Пролетаріатъ“, выдѣлившаяся въ 1900 году изъ „П. С. П.“ и тяготѣвшая то къ русскимъ с. д., то къ с. р.

По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ общественнаго подъема расширялись политическія задачи соціалдемократіи, вопросъ объ ея организаціонномъ объединеніи становился все болѣе настоятельнымъ. Фактическій расколъ въ р. с. д. р. п. являлся главнымъ препятствіемъ для присоединенія въ ней національно-окраинныхъ организацій.

Этотъ расколъ, дошедшій до кульминаціоннаго пункта весною 1905 года, когда обѣ части партіи формально санкціонировали свои отдѣльныя организаціи, вскорѣ уже сталъ настолько чувствительно стѣснять практическую дѣятельность обѣихъ фракцій, что имъ пришлось, сначала на мѣстахъ, а потомъ и въ центрѣ, создавать между собою федеративную организаціонную связь. Эти федеративныя общія учрежденія подготовили дѣло формальнаго объединенія между фракціями, для санкціонированія котораго былъ созванъ „объединительный съѣздъ въ Стокгольмѣ весной 1906 года. На томъ же съѣздѣ были заложены основы объединенія р. с. д. р. п. съ Бундомъ, латышской и польской с.-д., а въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ осуществилось и самое присоединеніе этихъ организацій. Вопросъ объ объединеніи съ украинской, армянской и литовской организаціями поднимался затѣмъ неоднократно, но не находилъ себѣ практическаго разрѣшенія, лишь благодаря начавшемуся съ 1907 года развалу всей партійной организаціи с.-д. Но уже на выборахъ во II-ю Гос. Думу эти организаціи дѣйствовали солидарно съ р. с. д. р. п., и во второй с.-д. фракціи участвовали кандидатъ рев. укр. партіи и 5 кандидатовъ литовской с.-д. (послѣдніе въ качествѣ примыкающихъ къ фракціи).

Въ событіяхъ 1905—1907 гг. россійской соціалдемократіи было суждено сыграть весьма замѣчательную роль. Въ теченіе продолжительнаго времени проявленія ея дѣятельности привлекали къ себѣ вниманіе страны въ

большей мѣрѣ, чѣмъ выступленія какой бы то ни было изъ русскихъ политическихъ партій. Ея литература пользовалась наибольшимъ распространеніемъ въ странѣ, даваемые ею политическіе лозунги пріобрѣтали чрезвычайную популярность, ея дѣятелямъ чаще, чѣмъ представителямъ другихъ политическихъ партій, удавалось непосредственно вліять на ходъ событій и становиться во главѣ широкихъ массовыхъ движеній.

Такая первенствующая роль соціалдемократіи въ событіяхъ бурныхъ лѣтъ явилась неожиданной не только для ея враговъ и представителей иныхъ теченій политической мысли, но въ извѣстной мѣрѣ и для нея самой. И это несмотря на то, что къ началу общественнаго кризиса уже успѣло почти общимъ мѣстомъ стать то положеніе, что россійская соціалдемократія завоевала себѣ прочную позицію въ русской дѣйствительности и является крупнымъ факторомъ ея поступательнаго развитія. Въ рядахъ самихъ соціалдемократовъ большой популярностью пользовалось и часто повторялось положеніе о роли „гегемона“ въ освободительномъ движеніи страны, которую должны сыграть рабочій классъ и рабочая партія. Но при всѣхъ нюансахъ въ пониманіи этой роли „гегемона“, отличавшихъ различные оттѣнки соц.-дем. мысли, при всей склонности отдѣльныхъ группъ къ преувеличенному оптимизму въ этой области, — меньше всего наканунѣ 1905 года соціалдемократія могла ожидать и ожидала, что ей удастся въ короткое время завоевать себѣ такое исключительно-вліятельное положеніе въ странѣ. Именно въ послѣдніе годы передъ наступленіемъ кризиса быстро оформились и стали пріобрѣтать значительное вліяніе въ демократическихъ массахъ другія лѣвыя партіи: „соціалисты-революціонеры“, „освобожденцы“, партіи національно-революціонныя. Въ общественномъ движеніи 1904 года голоса всѣхъ этихъ партій звучали особенно громко. Совершившееся вскорѣ послѣ убійства В. Плеве ихъ общее тактическо-программное соглашеніе (на парижской конференціи осенью 1904 года), казалось, подчеркивало оттѣсненіе соціалдемократіи на задній планъ политической сцены. И это происходило въ то время, какъ громадная организаціонная сила, какою самой себѣ и частью постороннимъ представлялась соціалдемократія, оказалась въ значительной степени величиной не реальной, а самое ея стремленіе выработать такую силу въ партійно-оформленныхъ рамкахъ—задачей, при данныхъ условіяхъ внутренне-противорѣчивой. Обнаруженіе этого противорѣчія привело въ 1903 году къ длительному расколу партіи, сильно ее дезорганизовавшему. Значительную часть своихъ силъ партія въ теченіе 1904 года затрачивала на междоусобную борьбу, которая сама по себѣ должна была ослаблять ея вліяніе на народныя массы и подрывать ея престижъ. И оба основныя направленія соціалдемократіи, расходясь между собою въ рядѣ другихъ вопросовъ, сходились на признаіи того, что въ ближайшее время ея роль въ общественныхъ событіяхъ, какъ силы не-

посредственно—направляющей, должна быть сравнительно скромной. Для „меньшевиковъ“, анализировавшихъ и вскрывшихъ внутреннія противорѣчія прогресса партійнаго развитія соціалдемократіи, очередной задачей являлось „готовить пролетаріатъ“ къ ожидавшимся событіямъ путемъ систематическаго воспитанія въ его передовомъ слоѣ тѣхъ навыковъ мысли и дѣйствія, которые оставались въ зачаточномъ состояніи, благодаря именно „интеллигентскому“ и „заговорщическому“ налету на прежней работѣ соціалдемократіи. „Большевики“, въ свою очередь, констатируя тщету громадныхъ усилій „искровцевъ“ создать изъ наличныхъ элементовъ могучее и внутренне-сплоченное организаціонное орудіе,—эту, по ихъ мнѣнію, необходимую предпосылку систематической наступательной борьбы пролетаріата,—и не соглашаясь съ „меньшевистскими“ объясненіями причинъ этого фіаско, стремились заново рѣшить задачу, поставленную „искровцами“, путемъ еще болѣе суроваго подбора единомышленниковъ, еще большаго суженія подлежащихъ организаціи кадровъ, еще большей концентраціи всей партійной активности и самодѣятельности въ партійныхъ верхахъ; поэтому, главная энергія „большевиковъ“ въ теченіе 1904 года направилась въ сторону вопросовъ внутри-партійной жизни. Появившійся въ концѣ 1904 года ихъ женевскій органъ „Впередъ“ на первый планъ передъ соціалдемократіей выдвигалъ именно задачу организаціи партійныхъ силъ, завѣщанную „Искрой“.

Поэтому, сами соціалдемократы обѣихъ фракцій не могли не отмѣтить, что бурныя петербургскія событія январьскихъ дней 1905 года прошли не только внѣ непосредственнаго руководства соціалдемократіи, но и безъ замѣтнаго участія ея, какъ организованнаго цѣлаго. Тѣмъ болѣе естественно, что для посторонннихъ наблюдателей этихъ событій послѣднія казались началомъ періода, въ которомъ не сможетъ уже быть и рѣчи о монопольномъ или даже только преобладающемъ вліяніи соціалдемократіи на пробуждавшіяся народныя массы. На самомъ же дѣлѣ, именно съ этого момента это вліяніе соціалдемократіи начинаетъ расти съ чрезвычайной быстротой, опережая вліяніе всѣхъ другихъ направленій. Преобладаніе этого вліянія становится къ концу 1905 года настолько очевиднымъ и настолько видимопрочнымъ, что его уже почти не пытаются оспаривать въ той средѣ, гдѣ оно пустило наиболѣе глубокіе корни,—въ пролетаріатѣ крупной промышленности.

Объясненія этому явленію приходится искать въ рядѣ моментовъ. Прежде всего къ 1905 году соціалдемократія являлась единственной силой, которая въ теченіе болѣе, чѣмъ десятилѣтія, вела систематически болѣе или менѣе широкую политическую агитацію въ народныхъ массахъ и дѣлала попытки организаціи этихъ массъ. Какъ ни стѣснялась эта агитація полицейскими условіями, какъ ни была непрочна эта организаціонная работа,—

агитаціонная и организаціонная дѣятельность соціалдемократіи оставляла глубокіе слѣды, зароняя въ массы потребность въ политической борьбѣ и разсѣивая по всей странѣ многочисленныя группы партійныхъ единомышленниковъ.

Во вторыхъ, эта длительная работа соціалдемократіи обезпечила ей перевѣсъ надъ другими политическими направленіями постольку, поскольку выработала среди ея адептовъ извѣстные навыки въ дѣлѣ агитаціи и организаціи въ русскихъ условіяхъ, которые какъ нельзя болѣе пригодились ей съ развитіемъ широкаго общественнаго движенія.

Въ третьихъ, періодъ господства марксистской идеологіи въ рядахъ интеллигентской демократіи, хотя и закончился къ началу столѣтія, но, тѣмъ не менѣе, оставилъ соціалдемократіи значительное вліяніе на интеллигентскую среду и обезпечилъ возможность успѣшно конкуррировать въ годы общественнаго кризиса съ другими партіями во вліяніи на эту среду, которой въ 1905 году приходилось, рядомъ съ пролетаріатомъ, играть видную роль въ развитіи событій.

Въ четвертыхъ, громаднымъ преимуществомъ соціалдемократіи передъ другими прогрессивными партіями являлся ея *интернаціонализмъ*, обусловившій единство ея программы и ея дѣятельности, несмотря на ея національно-организаціонное раздробленіе. Общественный кризисъ обнажилъ, рядомъ съ соціальными, и всѣ національныя противорѣчія русской жизни, вызвавъ тѣмъ самымъ наружу многочисленныя національно оппозиціонныя движенія. Ихъ центробѣжныя и сепаратистскія тенденціи стояли, однако, въ противорѣчіе съ властно выдвигавшейся передъ всѣми народами Россіи исторической задачей, которая требовала тѣснаго сближенія и политическаго единства между ними. Въ этихъ условіяхъ существованіе организованной соціалдемократіи во всѣхъ историческихъ областяхъ Россіи являлось существеннымъ факторомъ успѣха общественнаго движенія, и это обстоятельство не могло не поднимать престижа соціалдемократіи.

Въ пятыхъ, наконецъ, вытекающая изъ ея интернаціонализма активная роль соціалдемократіи въ дѣлѣ агитаціи противъ войны, въ свою очередь, подняла ея престижъ и, въ частности, обусловила извѣстное вліяніе ея на оппозиціонные элементы арміи.

Всѣ эти факторы могли имѣть значеніе, разумѣется, лишь постольку, поскольку въ годы крайняго обостренія общественныхъ противорѣчій соціалдемократія выступала, какъ наиболѣе послѣдовательная демократическая сила, въ каждомъ вопросѣ отстаивающая наиболѣе коренное рѣшеніе, и поскольку самое положеніе промышленнаго пролетаріата обезпечивало голосу его политическихъ представителей достаточный резонансъ въ странѣ. Политическая отсталость средней буржуазіи, полная распыленность мелко-мѣщан-

скихъ массъ, преобладающій стихійный характеръ крестьянскихъ движеній,— все это выдвигало сильно сконцентрированный пролетаріатъ крупной промышленности на первый планъ въ ряду народныхъ массъ, тѣмъ самымъ создавало возможность крупнаго политическаго вліянія для партіи, объединявшей его передовые элементы.

I.

Отъ 9-го января по 17-ое октября.

Захваченная врасплохъ январьскими событіями, соціалдемократія могла лишь принять въ нихъ посильное участіе, выступая на митингахъ, устраиваемыхъ „гапоновцами“, и используя эти свои выступленія для того, чтобы примирить съ идеями соціалдемократіи и съ нею самой тѣ рабочія массы, которыя Георгіемъ Гапономъ были мобилизованы внѣ и частью противъ революціонной интеллигенціи вообще и соціал-демократіи въ частности. Эта задача ей въ значительной степени удалась, благодаря энергіи ея агитаторовъ и самому ходу событій, быстро разсѣивавшему реакціонныя иллюзіи массъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ с.-д. агитаціи, „гапоновцы“ усваиваютъ отсутствовавшее первоначально въ ихъ проектахъ обращенія къ Монарху требованіе учредительнаго собранія и вводятъ его въ петицію. Самъ Георгій Гапонъ и его ближайшіе помощники въ послѣдніе дни передъ 9-мъ января почувствовали потребность сближенія съ с.-д. агитаторами и имѣли совѣщанія съ нѣкоторыми изъ „меньшевиковъ“, дѣйствовавшихъ въ Невскомъ районѣ. Въ шествіи 9-го января с.-д. агитаторы и организованные рабочіе приняли участіе, равно какъ и въ немногихъ попыткахъ организовать сопротивленіе послѣ начавшихся разстрѣловъ (ими были, напр., захвачены оружейный магазинъ и типографія на Васильевскомъ островѣ). При этихъ попыткахъ были убиты нѣкоторые члены партіи: М. Бердичевская, К. Архангельскій и др.

Болѣе активную и иниціативную роль партія сыграла въ дѣлѣ перенесенія январьскаго движенія въ провинцію. Еще до 9-го января всеобщая стачка была начата въ *Саратовѣ* по постановленію с.-д. комитета. Послѣ 9-го января забастовочное движеніе разлилось по всей Россіи, возникая частью стихійно, подъ вліяніемъ извѣстій о петербургскихъ событіяхъ. частью по призыву и при организованномъ воздѣйствіи с.-д. организацій, Лучше другихъ организованные „Бундъ“, польская и латышская партіи и кавказскіе с.-д. комитеты съ самаго начала явились иниціаторами мѣстныхъ забастовокъ и манифестацій и организаціонно руководили ими. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовала соціалдемократія въ Сибири, нѣкоторыхъ

мѣстахъ Юга и Поволожья. Подъ вліяніемъ соціалдемократіи (отчасти и пережитаго петербургскимъ пролетаріатомъ опыта), январьское движеніе въ провинціи прошло безъ всякихъ слѣдовъ той реакціонной романтики, которая его окрашивала въ столицѣ.

Наименѣе замѣтнымъ вліяніе соціалдемократіи въ эти дни оказалось въ Москвѣ и ея промышленномъ районѣ и на Уралѣ. Здѣсь всего слабѣе былъ и откликъ массъ на девятое января.

Слѣдуетъ особо отмѣтить роль, сыгранную въ январскихъ событіяхъ соціалдемократей Польши и Литвы. Эта организація въ теченіе десяти лѣтъ дѣйствовала въ общественной средѣ, насквозь пропитанной націонализмомъ, заражавшимъ собою и рабочія массы. Выступая въ защиту общности интересовъ и задачъ польскаго и русскаго пролетаріата, польскіе марксисты очень медленно пробивали себѣ дорогу къ рабочимъ массамъ, среди которыхъ большимъ успѣхомъ пользовалась „польская соціалистическая партія“ (P. p. s.), поставившая въ центрѣ агитаціи національныя задачи польской демократіи и противопоставлявшая ихъ политическимъ задачамъ русскаго рабочаго класса. Съ началомъ японской войны, когда p. p. s., подобно всему польскому націонализму, стала базировать свои чаянія на военномъ разгромѣ Россіи и дальнѣйшихъ международныхъ осложненіяхъ, которыя позволили бы польской націи возобновить борьбу за національную независимость, линіи p. p. s. и польской соціал-демократіи, выдвигавшей общія политическія требованія лѣвыхъ русскихъ партій (демократизація Россіи и автономія Польши), еще болѣе разошлись. Событіе 9-го января, вызвавшее среди рабочихъ Варшавы взрывъ энтузіастическаго сочувствія, помогло польскимъ соціалдемократамъ нанести рѣшительный ударъ сепаратистской традиціи: лозунгомъ всеобщихъ стачекъ въ Польшѣ стала поддержка требованій петербургскихъ рабочихъ, какъ требованій всего рабочаго класса Россіи.

Съ еще большимъ блескомъ роль соціалдемократіи, какъ фактора, вносящаго единство среди враждебно сталкивающихся національныхъ стихій, выступила на Кавказѣ. Въ теченіе 6—9 февраля въ г. Баку происходили звѣрскія избіенія, погромы и убійства армянъ, производившіяся татарскими фанатиками при установленномъ впослѣдствіи ревизіей сенатора Кузьминскаго попустительствѣ мѣстныхъ властей. Городъ охваченъ былъ паникой. Мѣстные соціалдемократы, пользовавшіеся широкимъ вліяніемъ какъ среди русскихъ рабочихъ массъ, такъ и среди многочисленной пришлой интеллигенціи, а не задолго передъ тѣмъ (въ декабрѣ 1904 г.) проведшіе въ лицѣ мѣстной „меньшевистской“ организаціи (т. н. „с. д. организація балаханскихъ и бибиэйбатскихъ рабочихъ“) продолжительную всеобщую стачку нефтяныхъ рабочихъ, взяли на себя инициативу организаціи всего общества, возмущеннаго

погромными ужасами. Было созвано собраніе представителей рабочихъ и промышленниковъ, общественныхъ учрежденій и политическихъ партій (до 500 человѣкъ), на которомъ единогласно была принята резолюція, обвиняющая власть и существующій режимъ въ совершившихся событіяхъ, призывающая различныя народности къ объединенію и, какъ на практическое средство остановки погромнаго движенія, указывающая на непрерывныя собранія горожанъ. Таковыя при содѣйствіи промышленниковъ и были организованы въ видѣ своеобразнаго „вѣча“, на которомъ ораторы различныхъ національностей вели анти-націоналистическую агитацію и разсѣивали смущавшіе темныя массы слухи. Та же резолюція признала необходимой политическую забастовку протеста. Промышленники обязались допускать рабочихъ на эти ежедневные митинги, обѣщали даже содержать на свои средства постоянныхъ агитаторовъ крайнихъ партій, уполномоченныхъ слѣдить за настроеніемъ массъ и происками реакціонныхъ агитаторовъ. Благодаря этимъ энергичнымъ мѣрамъ и произведенному ими впечатлѣнію, въ Баку наступило успокоеніе. Престижъ с.-д. возросъ среди всѣхъ слоевъ населенія.

Отвѣтомъ правительства на разлившееся по всей странѣ движеніе было назначеніе коммиссіи сенатора Шидловскаго, которой при посредствѣ выбранныхъ петербургскими рабочими делегатовъ было поручено выяснить нужды рабочаго класса столицы. Правительство спекулировало на возможность путемъ этого бюрократическаго эксперимента вновь раздѣлить пролетаріатъ, объединенный январьскими событіями, оторвавъ тѣ умѣренно настроенные элементы, которые такъ неудачно и такъ непадолго были организованы Гапономъ. Этихъ явныхъ намѣреній правительства было достаточно, чтобы боевые элементы пролетаріата отнеслись крайне-недовѣрчиво въ коммиссіи. Въ рядахъ петербургской соціалдемократіи учрежденіе коммиссіи встрѣтило различное отношеніе. Въ большевистскомъ „комитетѣ“, какъ впослѣдствіи на съѣздѣ фракціи признался его членъ Филипповъ, „споровъ не было, что надо бойкотировать коммиссію“.[1]). Но, какъ констатировали другіе члены того-же съѣзда петербургскій комитетъ „прозѣвалъ“ нужный моментъ для начала кампаніи противъ какого бы то ни было участія рабочихъ въ выборахъ и началъ свою агитацію тогда, когда часть выборщиковъ была уже избрана рабочими. „Поневолѣ приходилось агитировать за участіе въ выборахъ и отказъ въ работахъ коммиссіи“ [2]), и это упущеніе самимъ Филипповымъ объясняется тѣмъ, что „стремленіе со стороны рабочихъ участвовать въ выборахъ было несомнѣнно. Намъ предстояло или стоять въ сторонѣ отъ предвыборной агитаціи или показать на дѣлѣ фальшивость и обманчивость“ бюрократической политики. Такимъ образомъ, настроеніе широкихъ

[1]) „Третій очередный съѣздъ. р. с. д р. п. Женева 1905, стр. 156.
[2]) Ibid., стр. 151 (рѣчь делегата Лѣскова).

массъ не складывалось въ пользу бойкота выборовъ, что и вызвало колебанія среди „большевиковъ“ и помѣшало имъ сыграть активную роль въ этомъ эпизодѣ петербургскихъ событій.

„Меньшевики“, напротивъ, съ радостью ухватились за возможность организовать широкія рабочія массы и вступить въ тѣсное общеніе съ ними на почвѣ выборовъ въ комиссію. Поэтому, съ самаго начала они выступили противъ „бойкота“ и стали указывать массамъ на необходимость провести организованно выборы уполномоченныхъ и бороться за право провести эти выборы свободно и независимо отъ давленія администраціи и предпринимателей. Заграничная „Искра“ шла дальше и настаивала на томъ, что экспериментъ съ коммиссіей даетъ соціалдемократіи удобный случай не только широко вести агитацію, но и положить начало прочному организаціонному сплоченію рабочихъ. Газета указывала на возможность при помощи сѣти „уполномоченныхъ“ внести организующее начало въ экономическую борьбу и двинуть впередъ дѣло профессіональнаго объединенія. Она совѣтовала провинціальнымъ комитетамъ повести агитацію за то, чтобы мѣстные рабочіе требовали включенія въ коммиссію своихъ представителей. Кое-гдѣ— въ Харьковѣ, Одессѣ,—такія требованія рабочими отдѣльныхъ заводовъ были правительству предъявлены. Словомъ, центръ тяжести вопроса „Искра“ склонна была видѣть въ возможности положить начало длительной открытой организаціи массъ вообще и профессіональной организаціи въ особенности.

Эта тенеднція „Искры“ шла, однако, въ разрѣзъ съ преобладающими настроеніями не только „большевистыхъ“, но и „меньшевистыхъ“ рабочихъ и массы партійныхъ дѣятелей. Политически-агитаціонная точка зрѣнія всецѣло господствовала среди нихъ—точка зрѣнія использованія всякаго новаго факта общественной жизни для расширенія и углубленія агитаціи противъ падающаго режима. Задача организаціоннаго закрѣпленія успѣховъ массоваго движенія игнорировалась одними, другими-же сплошь и рядомъ приносилась фактически въ жертву агитаціонной задачѣ. Въ этомъ отношеніи, „меньшевики“ лишь къ томъ—очень важномъ, впрочемъ—отношеніи шли впереди „большевиковъ“, что, далекіе отъ упрощенія самыхъ задачъ политической агитаціи, они легче „большевиковъ“ схватывали жизненный нервъ возникавшихъ въ массѣ стихійныхъ процессовъ и безъ труда усваивали ту конкретную форму, въ которую могла вылиться агитація въ связи съ новыми фактами. Поэтому, петербургская меньшевистская „группа“, въ составъ которой въ то время входилъ рядъ видныхъ партійныхъ работниковъ, быстро оріентировалась въ положеніи и, отвергнувъ мысль о „бойкотѣ“ выборовъ въ комиссію Шидловскаго, съ успѣхомъ бросила въ массы лозунгъ организованныхъ переговоровъ рабочихъ съ сенаторомъ относительно самыхъ условій выбора членовъ коммиссіи и ея будущаго функціонированія.

Такимъ образомъ, с.-д. агитація естественно заострилась на вопросѣ о предоставленіи рабочимъ свободы собраній и слова для выбора делегатовъ, о нестѣсненіи дѣятельности послѣднихъ и объ ихъ неприкосновенности. Въ рядѣ митинговъ рабочіе формулировали соотвѣтствующія требованія и, выбирая уполномоченныхъ первой степени, давали имъ соотвѣтствующія инструкціи. Предъявленный выборщиками Шидловскому ультиматумъ, содержавшій упомянутыя требованія, былъ правительствомъ, какъ извѣстно, отвергнутъ и выборщикамъ оставалось лишь отказаться отъ избранія членовъ комиссіи. Послѣдняя была „сорвана“, бойкотъ комиссіи фактически осуществленъ, несмотря на участіе въ выборахъ. Такой ходъ кампаніи примирилъ съ нею и „большевиковъ“, которые приняли участіе въ выборной агитаціи. Длительная кампанія въ всероссійскомъ масштабѣ, рисовавшаяся „Искрѣ“, такимъ образомъ, не осуществилась, но дружные выборы рабочими массами почти исключительно „лѣвыхъ“ уполномоченныхъ, ихъ стойкое выступленіе съ требованіями свободы собраній и неприкосновенности личности, наконецъ, проведенный меньшевистской группой въ собраніи уполномоченныхъ манифестъ, формулировавшій мысль о непримиримости интересовъ пролетаріата съ существованіемъ абсолютизма,—все это вмѣстѣ образовало внушительную и яркую политическую манифестацію, оказавшую несомнѣнно сильное вліяніе на развитіе самосознанія петербургскихъ рабочихъ массъ. Въ то же время опытъ открытой организаціи массовыхъ выборовъ въ связи съ комиссіей сыгралъ свою роль въ дѣлѣ подготовки столичнаго пролетаріата къ тѣмъ формамъ организаціи, изъ которыхъ въ октябрѣ выросли „Совѣты рабочихъ депутатовъ“, а выдвинувшіеся во время этой агитаціи вліятельные рабочіе, по различнымъ причинамъ стоявшіе внѣ подпольныхъ партійныхъ организацій (напр., недавно умершій П. А. Злыдневъ), стали съ этого именно времени играть роль важнаго фактора въ с.-д. движеніи.

Вызванная январьскими событіями, волна экономическихъ забастовокъ зародила впервые среди широкихъ слоевъ русскаго пролетаріата мысль о постоянной организаціи своихъ силъ на профессіональной почвѣ. „Меньшевики“, всегда придававшіе большое значеніе развитію зачатковъ профессіональной организаціи, а послѣ 9-го января стремившіеся использовать все, что могло бы внести организующее начало въ возбужденныя массы, обратили вниманіе на это новое явленіе. Возникающіе въ теченіе первой половины 1905 года въ Петербургѣ профессіональные союзы работниковъ печатнаго дѣла, конторщиковъ и бухгалтеровъ, фармацевтовъ, приказчиковъ, часовщиковъ, портныхъ, сапожниковъ, организуются при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи отдѣльныхъ соціалдемократовъ-меньшевиковъ. 3-го мая 1905 года, подъ впечатлѣніемъ неудачи, которую потерпѣла меньшевистская организація въ своей попыткѣ вызвать въ день 1 мая крупную политическую

манифестацію, собраніе входившихъ въ эту организацію агитаторовъ городского района, связывая данную неудачу съ недостаточнымъ вниманіемъ, оказывавшимся со стороны партіи экономической борьбѣ, постановляетъ:

„Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ участія въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой,—партіи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочимъ классомъ профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ с.-д. задачами... Для этой цѣли партіи необходимо не только принять самое дѣятельное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя инпціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій".

Подъ вліяніемъ инпціаторовъ этой резолюціи, въ теченіе лѣта 1905 г. „меньшевиками" велась въ Петербургѣ усиленная работа по организаціи профессіональныхъ союзовъ, частью нелегальныхъ, частью дѣйствовавшихъ на основѣ „захватнаго права".

Первопачальное отношеніе „большевиковъ" къ профессіональному движенію было существенно отличнымъ отъ того, которое было проявлено „меньшевиками". Стремясь концентрировать силы соціалдемократіи на активной политической борьбѣ, которая въ этотъ періодъ представлялась въ видѣ тщательно подготовленныхъ все болѣе активныхъ по формѣ выступленій, „большевики" не придавали существеннаго значенія процессу профессіональнаго объединенія рабочихъ массъ и цѣнили его только какъ подготовительную школу, черезъ которую отсталые слои пролетаріата приходятъ къ политической борьбѣ. Поскольку же профессіональное движеніе, не вмѣщаясь въ рамки подполья, стремилось къ открытой организаціи, постольку большевики считали нежелательнымъ активное участіе соціалдемократіи въ этомъ движеніи, какъ могущее ослабить боевой характеръ партійной организаціи. Поэтому, въ своемъ органѣ „Впередъ", они, признавая неизбѣжность и прогрессивность возникающихъ въ массахъ процессовъ профессіональнаго объединенія, предлагали предоставить организаціонную инпціативу въ этомъ движеніи „либераламъ", то есть дѣйствующимъ на легальной аренѣ демократическимъ элементамъ. Однако, среди русскихъ практиковъ-„большевиковъ" эта точка зрѣнія не вездѣ встрѣчала полное признаніе и они, увлеченные стихійной тягой массъ къ профессіональной организаціи, принимали мѣстами активное участіе въ основаніи профессіональныхъ союзовъ.

Въ теченіе весны и лѣта 1905 года въ Москвѣ, по инпціативѣ „меньшевиковъ", рабочіе различныхъ отраслей производства стали объединяться на профессіональной почвѣ. Къ сентябрю 1905 года въ Москвѣ насчитывается уже 26 болѣе или менѣе оформленныхъ профессіональныхъ объединеній. Въ Харьковѣ соціалдемократы поддерживали стремленія про-

грессивной части вліятельнаго „общества взаимопощи“ сдѣлать это общество центромъ боевой профессіональной организаціи. Имъ удается увлечь общество на путь открытой поддержки забастовокъ и отдѣльныхъ политическихъ оказательствъ. Еще крупнѣйшимъ успѣхомъ было рѣшеніе „Общества“— единственнаго въ то время легальнаго союза рабочихъ, независимаго отъ полиціи и предпринимателей,—взять на себя иниціативу всероссійскаго профессіональнаго съѣзда. Въ различныхъ профессіяхъ харьковскому с.-д. комитету удалось организовать постоянныя выборныя „комиссіи“, явившіяся общепризнанными центрами стачечной борьбы и, въ качествѣ таковыхъ, во многихъ случаяхъ санкціонированныя властями и предпринимателями. Эти же комиссіи послужили ядрами для начавшихъ организовываться осенью 1905 года открытыхъ профессіональныхъ союзовъ. Въ подобномъ же направленіи работали соціалдемократы въ Нижнемъ Новгородѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ. Во многихъ мѣстахъ дѣлались попытки преобразовать и втянуть въ классовую борьбу легальныя организаціи взаимопомощи печатниковъ и приказчиковъ, созданныя въ свое время подъ патронатомъ капиталистовъ и всегда консервативно-настроенныя. Въ Москвѣ удалось придать соціалистическій характеръ дѣятельности нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ отъ общаго развала, „зубатовскихъ“ обществъ.

Съ другой стороны, нѣкоторые комитеты основывали нелегальные партійные профессіональные союзы. Таковы союзы желѣзнодорожниковъ въ Москвѣ, Тулѣ, Харьковѣ, печатниковъ въ Саратовѣ и т. д. Основанный еще въ концѣ 1903 года въ Москвѣ с.-д. союзъ печатниковъ продолжалъ работать и въ 1905 году.

Вся эта работа соціалдемократіи въ теченіе 1905 года объясняетъ въ значительной мѣрѣ тотъ фактъ, что послѣ 17 октября профессіональные союзы стали повсюду расти, какъ грибы послѣ дождя, и въ короткое время охватили свыше 200 тысячъ рабочихъ.

Немедленно послѣ 9-го января въ лагерѣ соціалдемократовъ возникаютъ страстные споры о дальнѣйшемъ ходѣ событій и о соотвѣтствующей имъ тактикѣ самой партіи.

Перчатку бросила редакція „Искры“. Въ первомъ же номерѣ газеты, выпущенномъ ею послѣ 9-го января (№ 84), она пишетъ: „Какой урокъ тѣмъ утопистамъ „конспиративной“ организаціи, которые считали возможнымъ во имя привычки къ повиновенію, во имя формально-организаціонной дисциплины, механическимъ рычагомъ „агентуры“ двигать по своему усмотрѣнію милліонную армію рабочаго класса“. Противопоставляя планамъ „подготовки“ рѣшительной битвы старому режиму идею „развязыванія“ стихіи народнаго возмущенія путемъ открытой агитаціи, газета даетъ тактическій лозунгъ: широкія организаціи, на улицу, къ массамъ!

„Январьская эпопея“, говорится въ № 85, „сразу создаетъ для нашей работы такой широкій базисъ, какого у насъ еще никогда не было... Чтобы наша работа шла успѣшно и чтобы „духъ Маркса“ никогда не отлеталъ отъ нея, она должна идти въ томъ же *направленіи*, въ какомъ она развивалась послѣдніе мѣсяцы. Темпъ долженъ быть неизмѣримо болѣе быстрымъ, масштабъ практическихъ цѣлей каждаго дня уже сталъ болѣе крупнымъ, но принципы тактики и ея методы остаются тѣми же самыми... Мобилизацію массъ мы... совершаемъ путемъ сплоченія и организаціи передовыхъ пролетаріевъ въ сознательно „самостоятельно выступающую во всѣхъ событіяхъ общественной жизни пролетарскую партію“.

Въ основѣ этого и аналогичныхъ разсужденій лежитъ признаніе того, что непосредственное практическое руководство выступающими въ событіяхъ массами не можетъ и не должно быть обязательной задачей партіи и притомъ партіи, втиснутой въ рамки нелегальной организаціи; что партія должна сохранять за собою лишь возможность политическаго вліянія на массы и *политическаго* руководства ихъ выступленіями. Эта тенденція „Искры“ покоится на убѣжденіи въ томъ, что въ наступающихъ событіяхъ субъектомъ дѣйствія явится отнюдь не одинъ лишь, проникнутый соціалдемократизмомъ, пролетаріатъ, но широкія демократическія массы, не могущія быть объединены однимъ партійнымъ знаменемъ. Необходимость для соціалдемократіи отказаться отъ оффиціальнаго руководства обще-народнымъ движеніемъ подсказывалась интересами развитія самого движенія, какъ такого, объективно-историческое содержаніе котораго носитъ не пролетарски-классовый, не соціалистическій, а только буржуазно-демократическій характеръ „Нелѣпо мечтать о монополіи активной роли“ въ грядущихъ выступленіяхъ, говорится въ томъ же № 85. Эта „монополія“ на активную и руководящую роль въ движеніи представлялась многимъ соціалдемократамъ неизбѣжно вытекающей изъ плохой организованности всѣхъ другихъ, кромѣ соціалдемократіи, партій, изъ оторванности буржуазно-демократическихъ группъ отъ народа, изъ преобладающей роли пролетаріата въ движеніи и его сильнаго тяготѣнія къ соціалистическому знамени. „Искра“ считала нужнымъ предостерегать отъ преувеличенія силы соціалдемократіи. „Пусть горячѣе течетъ кровь въ жилахъ“, читаемъ въ передовой № 86, „пусть чаще бьется охваченное гнѣвомъ и радостной надеждой сердце, пусть злобно сжимаются кулаки... Но пусть не кружится голова! Тотъ не политическій дѣятель, не слуга пролетаріата, кто въ минуту высокаго душевнаго подъема теряетъ изъ виду ту положительную цѣль, которая ярко свѣтила намъ на всемъ протяженіи нашего пути“. Эта цѣль—буржуазный переворотъ, демократическое преобразованіе государственнаго строя, осуществляемое всѣми соціально-прогрессивными силами страны при возможно болѣе значительномъ вліяніи на нихъ

партіи пролетаріата. Такая формулировка ближайшей политической цѣли соотвѣтствовала всѣмъ традиціямъ русской соціалдемократіи, программнымъ заявленіямъ „Группы освоб. труда“ и программѣ, принятой на 2-мъ съѣздѣ.

Въ статьѣ „Врозь идти, вмѣстѣ быть“, помѣщенной въ № 87 „Искры“, Г. В. Плехановъ проводитъ ту мысль, что тактика, разсчитанная на рѣшеніе политическаго вопроса путемъ открытаго соизмѣренія силъ, предполагаетъ со стороны руководящей партіи сознательное стремленіе изолировать реакцію и обезпечить, если не сотрудничество, то, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ всѣхъ потенціально-прогрессивныхъ или только въ данный моментъ оппозиціонныхъ группъ. „Партія пролетаріата можетъ обезпечить себѣ поддержку прогрессивныхъ элементовъ „общества“, ни на волосъ не измѣняя самой себѣ. Намъ нужно только на виду у всѣхъ ясно и отчетливо поставить свою ближайшую политическую задачу и рѣшительно воздерживаться отъ тѣхъ безтактныхъ выходокъ, которыя принимаются иными за проявленія крайняго соціалистическаго радикализма, но на самомъ дѣлѣ болѣе всего вредятъ именно послѣднему“.

Тактическіе взгляды „меньшевиковъ“ побуждали ихъ выдвигать задачу координаціи дѣйствій всей демократіи — соціалистической и буржуазной — и признавать эту координацію достижимой при условіи признанія несоціалистическими партіями демократическихъ требованій, выставленныхъ пролетаріатомъ. Такая постановка вопроса была принята еще II съѣздомъ партіи (1903 г.) въ т. н. резолюціи Старовѣра, признававшей возможность политическихъ соглашеній между соціальной и либеральной демократіей на основѣ признанія послѣдней всеобщаго и равнаго избирательнаго права и поддержки ею борьбы рабочаго класса противъ стараго режима. Въ духѣ этой резолюціи редакція „Искры“ съ наступленіемъ „весны“ и земской кампаніи призвала рабочія организаціи къ поддержкѣ земско-оппозиціоннаго движенія и къ давленію на него въ цѣляхъ демократизаціи его политическихъ требованій.

Но отношенія съ непролетарской демократіей, поскольку они предусматривались партійными постановленіями, регулировались не только резолюціей Старовѣра, но и двумя другими резолюціями того же II съѣзда — резолюціями Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Первая, обязывавшая партію бороться съ анти-демократическими тенденціями, находившими выраженіе въ дѣятельности „Освобожденія“ П. Б. Струве, теряла свое практическое значеніе по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ нараставшаго народнаго движенія, „освобожденцы“ вынуждались къ болѣе опредѣленной демократической линіи и болѣе или менѣе послѣдовательно отстаивали всеобщее и равное избирательное право. Вторая же резолюція, опредѣлявшая отношеніе партіи къ „соціалистамъ — революціонерамъ“, была проникнута тенденціей сузить

сферу совмѣстныхъ дѣйствій соціалдемократіи и этой партіи въ виду конкретнаго характера идеологіи и дѣятельности лѣваго, народническаго, крыла русской непролетарской демократіи. Соціально-реакціонныя тенденціи его аграрной программы и особенно авантюристко-заговорщическій характеръ его тактики (терроръ) побуждали соціалдемократію къ рѣзкому отмежеванію отъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ и къ борьбѣ противъ ихъ вліянія на рабочіе и демократическіе круги, тяготѣющіе къ ней. Резолюція П. Б. Аксельрода, исходя изъ того положенія, что террористическая и бунтарская дѣятельность с.-р. не только вноситъ дезорганизацію въ рабочее движеніе, но и тормозитъ политическое развитіе самой буржуазной демократіи, отвергаетъ въ принципѣ длительную совмѣстную дѣятельность съ партіей с.-р. и подчиняетъ особому контролю партійнаго центра возможныя частныя соглашенія с.-д. организацій съ организаціями с.-р.

Ростъ общественнаго движенія сопровождался, однако, и ростомъ политическаго вліянія и значенія партіи с.-р., и передъ соціалдемократіей все чаще вставалъ на практикѣ вопросъ о координаціи дѣйствій съ нею, какъ съ организаціей наиболѣе крайнихъ элементовъ не пролетарской демократіи. Двойственное положеніе, которое с.-демократія заняла со времени II съѣзда по отношенію къ этой партіи, какъ къ передовой партіи буржуазной демократіи, съ одной стороны, и какъ къ главному въ Россіи центру авантюристко-заговорщическихъ методовъ дѣйствія, съ другой,—вынуждало „меньшевиковъ“, которые въ это, именно, время вели борьбу противъ вліянія этихъ методовъ на дѣятельность самой с.-д. партіи, къ крайней осторожности и подчасъ нерѣшительности въ дѣлѣ принципіально ими признаннаго „боевого объединенія“ всей демократіи въ борьбѣ съ разваливающимся режимомъ.

Такъ, когда въ августѣ 1904 г., немедленно послѣ убійства Плеве, состоялась въ Парижѣ извѣстная „конференція оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій“, созванная финляндскими „активистами“ для выработки общей боевой платформы и объединившая не только всевозможныя національно-революціонныя группы, но и правое крыло оппозиціоннаго лагеря—„Союзъ освобожденія“ и польскую „народовую демократію“,—соціалдемократическія партіи, по иниціативѣ „меньшевиковъ“, наотрѣзъ отказались отъ участія въ этомъ политическомъ предпріятіи, въ которомъ съ достаточнымъ основаніемъ усматривали попытку втянуть русскія революціонныя партіи въ опасную авантюристскую игру нѣкоторыхъ націоналистическихъ группъ, спекулировавшихъ, какъ это было сказано въ мотивировкѣ с.-д. отказа, на военныя пораженія Россіи на дальнемъ Востокѣ. Соглашеніе на парижской конференціи, какъ извѣстно, состоялось, но безъ участія с.-д. и безъ ихъ вліянія на выработанную конференціей платформу.

Позже, Г. В. Плехановъ возбудилъ вопросъ о сепаратномъ политическомъ соглашеніи между с.-д. и с.-р. для объединенія всей наступательной дѣятельности обѣихъ партій противъ стараго режима. Это соглашеніе должно было дать партіи с.-р. новую санкцію на продолженіе ея дѣятельности, направленной къ дезорганизаціи власти. Однако, предложеніе, отстаивавшееся Г. В. Плехановымъ въ совѣтѣ с.-д. партіи, встрѣтило рѣшительный протестъ со стороны представителей редакціи „Искры“ (П. Б. Аксельрода и Л. Мартова), которые добились того, что уже принятое совѣтомъ постановленіе было отмѣнено имъ же и вопросъ снятъ съ обсужденія.

Борьба съ растущими внутри самой соціалдемократіи бунтарско-заговорщическими тенденціями сконцентрировалась немедленно послѣ 9 января на вопросѣ объ отношеніи къ такъ называемымъ „частичнымъ выступленіямъ“ рабочихъ массъ. Импульсъ, данный петербургскими событіями, вызвалъ во всѣхъ концахъ Россіи и особенно среди слоевъ пролетаріата, наиболѣе отсталыхъ, рядъ забастовочныхъ движеній на экономической почвѣ, естественно переходившихъ въ данныхъ условіяхъ въ движенія политическія. „Искра“ дала по отношенію къ этимъ движеніямъ лозунгъ: „развязывать революцію“, то-есть, способствовать расширенію этихъ частныхъ движеній, несмотря на ихъ взаимную некоординированность, какъ факторовъ, усиливающихъ общую дезорганизацію реакціонныхъ силъ и втягивающихъ въ начатую въ столицѣ рѣшительную борьбу новые слои народныхъ массъ. „Захватъ“ волнующимися массами тѣхъ правъ, въ которыхъ растерявшіяся власти не рѣшались имъ отказывать, указывался, какъ самый вѣрный при данныхъ условіяхъ методъ прочной и широкой организаціи народа въ процессѣ борьбы за измѣненіе политической структуры страны. Эта, рекомендованная „Искрой“, тактика опиралась на стихійныя тенденціи самого движенія какъ въ политической, такъ и въ экономической сферѣ: „захватнымъ“ порядкомъ рабочіе крупныхъ городовъ отвоевали себѣ нѣкоторую свободу митинговъ, фабричное представительство и т. д., и тѣмъ же порядкомъ съ февраля 1905 года крестьянское движеніе стало ломать исторически-сложившіяся аграрныя отношенія, тогда какъ на окраинахъ начала совершаться, рядомъ съ аграрной, „муниципальная революція“. Лозунгъ „революціоннаго самоуправленія“, даваемый при этихъ условіяхъ „меньшевиками“, вѣрно схватывалъ общую тенденцію переворота, опредѣлявшуюся многообразіемъ общественно-политическихъ условій страны и сравнительно-слабой централизованностью политической жизни, и въ то же время отвѣчалъ задачѣ развитія максимальной активности широкихъ народныхъ массъ, которыхъ вѣковая исторія отучила отъ общественной самодѣятельности.

Уязвимымъ пунктомъ этой тактики являлся сознательный отказъ отъ задачи организаціоннаго объединенія народныхъ движеній, признаніе такого

организаціоннаго объединенія технически-невыполнимымъ при отсутствіи объединяющаго государственнаго центра политической борьбы, при наличныхъ условіяхъ дѣятельности соціалистической партіи и при невозможности для послѣдней, поскольку она выполняетъ опредѣленную идейно-политическую миссію, раствориться въ боевомъ объединеніи всѣхъ активно-руководящихъ элементовъ революціи. Довѣряясь стихіи революціоннаго развитія, тактика „меньшевиковъ“ вызывала сомнѣнія относительно того расточенія народныхъ силъ въ частныхъ движеніяхъ, которое въ ихъ представленіяхъ должно было парализоваться процессомъ организаціи „самочиннаго“ самоуправленія, на практикѣ однако сильно отстававшаго отъ процесса разрушенія старыхъ общественныхъ устоевъ, благодаря именно слабому развитію въ массахъ навыковъ къ общественной самодѣятельности.

Эта слабая сторона единственно-возможной для рабочей партіи въ данныхъ историческихъ условіяхъ тактики вызвала не только рѣзкую критику ея со стороны „большевиковъ“, но и отколъ отъ меньшевистскаго литературнаго штаба виднаго его дѣятеля Н. Троцкаго и примыкавшаго къ меньшевикамъ Парвуса. Оба эти писателя уже во время спора „Искры“ съ большевиками о „земской кампаніи“ разошлись съ меньшевистскимъ органомъ, усмотрѣвъ въ его тактическихъ указаніяхъ тенденцію втиснуть развивающееся движеніе пролетаріата въ русло, пролагаемое борьбой буржуазной демократіи. Толчокъ, данный событіемъ 9 января, побудилъ ихъ къ дальнѣйшему политическому самоопредѣленію. Парвусъ подвергъ критикѣ идею „развязыванія“ событій во имя необходимости организовать стихійно-развертывающійся процессъ. Взаимоотношеніе общественныхъ силъ—подавляюще-руководящая политическая роль пролетаріата, аморфность крестьянства и отсутствіе послѣдовательно демократической революціонной струи въ движеніи не-пролетарской городской демократіи—дѣлаетъ одну лишь партію пролетаріата силой, способной организовать стихійный процессъ не только политически, но и технически, подготовивъ общій штурмъ, который, благодаря отсутствію на политической сценѣ серьезныхъ конкуррентовъ, неминуемо ей передастъ бразды правленія Къ тому-же выводу пришелъ и Троцкій въ статьяхъ, подобно статьѣ Парвуса, напечатанныхъ въ „Искрѣ“. Для Троцкаго въ Россіи нѣтъ общественныхъ силъ, которыя были бы достаточно могущественны, чтобы, развивая народное движеніе, въ то же время направить ходъ событій въ сторону какой-либо иной развязки, кромѣ самаго радикальнаго разрѣшенія политическаго кризиса: крестьянство распылено, неспособно къ самостоятельной организаціи и играетъ роль лишь фактора разрушенія; прогрессивные элементы городской демократіи вынуждены выбирать между слѣдованіемъ за пролетаріатомъ или поддержкой буржуазнаго либерализма, являющагося контрреволюціоннымъ. Если, такимъ образомъ, съ появленіемъ на политической

авансценѣ пролетаріата, задача коренного переворота становится въ порядкѣ дня, то и технически послѣ 9 января стихійное движеніе „массъ“, разбитыхъ въ уличной манифестаціи и политической забастовкѣ, „упирается“ вплотную въ „рѣшительное выступленіе“. Поэтому, рабочая партія должна сдѣлать это послѣднее центральнымъ пунктомъ своей агитаціи и своей организаціонной работы.

Неорганизованность и стихійность движенія зашевелившихся въ городѣ и деревнѣ широкихъ народныхъ массъ являются для обоихъ разсматриваемыхъ авторовъ доводомъ не противъ возможности въ близкомъ будущемъ успѣшнаго рѣшительнаго выступленія, но противъ предположенія, что въ послѣднемъ можетъ играть руководящую роль какая-нибудь другая общественная сила, рядомъ съ относительно-организованнымъ и достигшимъ значительно-большей политической сознательности пролетаріатомъ. Но при такихъ условіяхъ рѣшительная побѣда народа надъ старымъ режимомъ должна будетъ передать политическую власть въ руки пролетаріата. Парвусъ и Троцкій дѣлаютъ этотъ выводъ и въ дальнѣйшей полемикѣ по этому вопросу естественно дополняютъ его положеніемъ о томъ, что, ставъ у власти, пролетаріатъ ее используетъ не для совершенія только демократическаго преобразованія, но и для превращенія послѣдняго въ непосредственный прологъ коренного преобразованія соціальнаго. Тѣмъ самымъ оба автора совершенно порывали съ оффиціальной программой партіи, поскольку сходили съ лежащаго въ ея основѣ признанія неизбѣжности въ Россіи „буржуазной революціи“ и поскольку диктатуру пролетаріата переводили изъ программы-максимумъ въ программу-минимумъ (точнѣе отказывались отъ послѣдней).

Иную постановку вопросъ о ближайшемъ этапѣ движенія пріобрѣлъ у литераторовъ „большевистскаго“ направленія. И въ ихъ представленіяхъ исходнымъ пунктомъ, какъ и у Троцкаго и Парвуса, являлся колоссальный скачокъ впередъ, сдѣланный пролетаріатомъ 9-го января и однимъ ударомъ поставившій этотъ классъ значительно впереди всѣхъ втянутыхъ въ борьбу общественныхъ силъ. Воспринятый еще ранѣе „большевиками“ взглядъ на народныя движенія, какъ могущія быть всецѣло управляемыми централизованной конспиративной организаціей, диктовалъ при создавшемся послѣ 9 января положеніи дѣлъ задачи „технической подготовки“ рѣшительнаго выступленія, въ которомъ пролетаріатъ частью прямо поддерживается другими демократическими массами, частью пользуется дезорганизаціей защитнаго механизма стараго режима, производимой стихійными движеніями этихъ массъ. Въ отличіе отъ Парвуса и Троцкаго, Н. Ленинъ и другіе большевистскіе идеологи разсматриваютъ эти движенія непролетарскихъ массъ не какъ стихійно-разрушительный лишь факторъ, могущій быть просто, какъ пассивный объектъ

воздѣйствія использованнымъ сознательной силой пролетаріата. Въ гораздо большемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительной картиной соотношенія общественныхъ силъ въ 1905 году, Ленинъ и его единомышленники предвидятъ появленіе на политической авансценѣ громадной, по классовому своему характеру, мелкобуржуазной демократіи, объединяющей революціонные не пролетарскіе элементы города съ крестьянскими массами и именно поэтому долженствующей въ ходѣ событій стать не простымъ лишь придаткомъ къ пролетарскому движенію—какъ полагали Парвусъ и Троцкій—а самостоятельной политической силой, налагающей свою опредѣленную печать на характеръ переворота.

Эта схема отличалась—по сравненію съ схемой Парвуса-Троцкаго—значительно большей реалистичностью и болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ сущность историческаго момента. Она предусматривала то быстрое оформленіе крестьянскаго движенія и пропитаніе его интеллигентско-демократическими элементами, которое имѣло мѣсто въ теченіе 1905—7 г.г.: быстрое развитіе крестьянскаго союза, появленіе трудовой группы, превращеніе партіи с.-р. изъ технико-заговорщической организаціи въ обширную и вліятельную политическую партію. И, благодаря своей реалистичности, она могла до поры, до времени, не порывать—по крайней мѣрѣ, въ субъективномъ сознаніи ея авторовъ—съ теоретической традиціей партіи, опредѣлившей историческое содержаніе перелома русской жизни, характеристикой его, какъ „буржуазной революціи“. Для Н. Ленина именно предстоящее активное и политически самостоятельное выступленіе мелко-буржуазной демократіи является залогомъ того, что соціальное содержаніе переворота не выйдетъ за предѣлы буржуазной европеизаціи русскихъ общественныхъ отношеній; но въ то же время это ея активное и политически самостоятельное выступленіе создаютъ объективную возможность того, чтобы эта европеизація и съ ея соціальной, и съ ея политической стороны совершилась въ полной мѣрѣ и въ самыхъ крайнихъ формахъ; чтобы мелко-буржуазная демократія преодолѣла сдерживающія вліянія имущаго либерализма, заинтересованнаго въ компромиссномъ, „соглашательскомъ“ рѣшеніи политическихъ и соціальныхъ проблемъ буржуазной революціи. Тѣсный союзъ пролетаріата и мелкобуржуазной демократіи и упорная борьба съ либеральнымъ движеніемъ за полное освобожденіе демократіи изъ подъ его вліянія становятся основнымъ тактическимъ принципомъ „большевизма“, раздѣлъ политической власти между пролетаріатомъ и крестьянской демократіей—вѣроятнымъ и желательнымъ исходомъ политическаго кризиса. Отсюда въ разсматриваемый періодъ характерно для „большевиковъ“ тяготѣніе къ сближенію съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ и энергичная ихъ борьба противъ всѣхъ слоевъ буржуазной демократіи, не становящихся сразу и рѣшительно на точку зрѣнія коренного политическаго переворота и являющихся, въ глазахъ „большевиковъ“, политической опорой главнаго соперника въ борьбѣ за власть—„либерально-монархи-

ческой буржуазіи". Соотвѣтственно этому, большевики выдвигаютъ на первый планъ въ практической дѣятельности укрѣпленіе партійной организаціи, выдѣленіе спеціальныхъ боевыхъ организацій и вооруженіе рабочихъ, обращаютъ особое вниманіе на агитацію среди военныхъ, высказываются противъ массовыхъ экономическихъ движеній, возникшихъ послѣ 9 января, какъ могущихъ раздробить силы пролетаріата и затормозить дѣло организаціонной подготовки повсемѣстнаго и единовременнаго рѣшительнаго выступленія. Имъ же поднимается вопросъ о пересмотрѣ аграрной программы партіи, какъ не могущей удовлетворить подымающіяся крестьянскія массы.

Надо, однако, замѣтить, что на практикѣ дѣятельность той и другой фракцій во многихъ пунктахъ складывалась значительно болѣе сходно, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по рѣзко противоположнымъ тактическимъ формуламъ, дававшимся въ партійной литературѣ. Такъ, задачи вооруженія, образованія боевыхъ дружинъ—потребность въ которыхъ непосредственно вызывалась необходимостью самообороны противъ контрреволюціонныхъ погромщиковъ—и особенно „военныхъ" организацій съ неменьшей энергіей осуществлялись въ этотъ періодъ и меньшевистскими комитетами. Существенное различіе было только въ пониманіи той роли, которую партія удѣляетъ этимъ специфическимъ организаціямъ. Равнымъ образомъ, обѣ фракціи съ начала 1905 года одинаково энергично распространяютъ вліяніе своихъ организацій за предѣлы города и усиливаютъ свою дѣятельность въ деревнѣ, до сихъ поръ находившейся подъ воздѣйствіемъ почти исключительно однихъ с.-р. Въ Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской губерніяхъ, въ Бѣлорусскомъ районѣ, въ Малороссіи, Херсонской, Таврической губерніяхъ, на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Грузіи, а также въ Прибалтійскомъ краѣ с.-д. работа въ деревнѣ пріобрѣла значительные размѣры. И если на Кавказѣ руководимое соціалдемократами крестьянское движеніе развивалось преимущественно, какъ движеніе арендаторовъ, а въ Прибалтійскомъ краѣ и юго западныхъ губерніяхъ, какъ движеніе сельско-хозяйственнаго пролетаріата, то въ остальныхъ районахъ соціалдемократы обѣихъ фракцій, встрѣчаясь съ захватнымъ движеніемъ типичнаго русскаго крестьянства, на практикѣ выходили изъ рамокъ программы 1903 года и вели агитацію во имя передачи крестьянству всей земли.

Организаціонныя отношенія между обѣими фракціями пріобрѣтали все болѣе острый характеръ. Когда въ концѣ лѣта 1904 года „большевистскій" центр. комитетъ, чтобы положить конецъ партійной распрѣ, заключилъ договоръ съ комитетами, примыкавшими къ редакціи „Искры" и пополнилъ свой составъ тремя „меньшевиками",—Н. Ленинъ вышелъ изъ состава ц. к. и выступилъ противъ этого примирительнаго акта во имя большинства партіи, которое, по его мнѣнію, отвергало какіе-либо компромиссы съ „оппортуни-

стическимъ“ крыломъ партіи. Его сторонники, имѣя за собою комитеты Петербурга, Москвы, Риги, Одессы и восточныхъ губерній (въ общемъ, 22 мѣстныя организаціи) образовали своего рода конфедерацію, во главѣ которой стояло „Бюро комитетовъ большинства“ и которая требовала отъ ц. к. немедленнаго созыва экстреннаго съѣзда партіи для рѣшенія вопроса о направленіи партійной дѣятельности. Въ виду того, что объединившіеся комитеты не допускали къ работѣ въ организаціяхъ сторонниковъ „меньшевистской“ тактики и „примиренцевъ“-большевиковъ, оставшихся вѣрными ц. к-ту, послѣдніе образовали на мѣстахъ (Петербургъ, Рига, Одесса, Москва, Нижній Новгородъ) отдѣльныя организаціи подъ именемъ мѣстныхъ „группъ при ц. к.“ Въ свою очередь, сторонники Ленина въ главныхъ центрахъ Юга, гдѣ комитеты были „меньшевистскими“, образовывали также сепаратныя организаціи (Кіевъ, Харьковъ, Ростовъ, Екатеринославъ). Расколъ становился все болѣе рѣзко выраженнымъ.

Въ началѣ февраля 1905 года на квартирѣ у писателя Леонида Андреева въ Москвѣ были полиціей задержаны почти всѣ члены ц. к-та (нынѣ умершіе Дубровинскій и В. Н. Носковъ и другіе). Оставшіеся на свободѣ члены комитета, въ сознаніи его слабости и невліятельности между двухъ фракцій, вступили въ переговоры съ „Бюро большинства“ о совмѣстномъ созывѣ экстреннаго съѣзда. Но право созыва послѣдняго по уставу партіи принадлежало ея совѣту (составленному изъ представителей ц. к. и редакціи партійнаго органа „Искры“ подъ предсѣдательствомъ Г. В. Плеханова). Совѣтъ обязанъ былъ созвать съѣздъ при наличности требованія со стороны $^2/_3$ правомочныхъ комитетовъ. „Бюро“ утверждало, что требованіе со стороны такого большинства имѣется. Совѣтъ оспаривалъ это утвержденіе, ссылаясь на опротестованіе рѣшеній отдѣльныхъ комитетовъ со стороны „периферійныхъ“ группъ соотвѣтствующихъ мѣстныхъ организацій. При переговорахъ между совѣтомъ и ц. к-томъ первый предложилъ компромиссъ: созывъ съѣзда въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы выборы делегатовъ производились подъ контролемъ агентовъ совѣта, какъ учрежденія, въ которомъ представлены сторонники обѣихъ фракцій; только этотъ способъ, по мнѣнію совѣта, могъ устранить подозрѣнія въ подтасовкѣ съѣзда. Ц. к-тъ, связанный ультимативнымъ требованіемъ „Бюро большинства“, грозившаго, въ случаѣ отсрочки, созвать съѣздъ отъ своего имени, отклонилъ компромиссъ. Произошелъ полный разрывъ. Совѣтъ опубликовалъ постановленіе о недѣйствительности созываемаго съѣзда. Ц. к-тъ и фракція большевиковъ рѣзко выступили противъ „заграничнаго“ совѣта, обвиняя его въ узурпаціи партійной власти.

Меньшевистскіе комитеты отказались послать делегатовъ на съѣздъ и, по приглашенію редакціи „Искры“, делегировали своихъ представителей на

„обще-партійную конференцію“. Съѣхавшись за границей, меньшевистскіе делегаты обратились къ одновременно (въ маѣ 1905 г.) собравшемуся съѣзду съ предложеніемъ слить оба совѣщанія въ одну конференцію, рѣшенія которой—въ отличіе отъ рѣшеній созванныхъ на основѣ партійнаго устава съѣздовъ—не имѣли бы формально-обязательной силы. Предложеніе это большевистскими делегатами было отвергнуто и ихъ совѣщаніе конституировалось въ „III съѣздъ партіи“.

На этомъ съѣздѣ были представлены организаціи преимущественно городовъ сѣверной и центральной Россіи, Урала, Поволожья. Съѣздъ объявилъ себя законнымъ представительствомъ всей партіи, а отрицающія его компетентность группы—стоящими внѣ партіи, пересмотрѣлъ уставъ партіи, измѣнивъ его въ томъ смыслѣ, что уничтожилъ учрежденіе „Совѣта“, а всю партійную власть сосредоточилъ въ рукахъ центральнаго комитета, которому всецѣло была подчинена назначаемая имъ же редакція центральнаго органа. „Искра“ была объявлена органомъ оппортунистическимъ и лишалась званія центральнаго органа, а взамѣнъ ея постановлено основать органъ „Пролетарій“. § 1 стараго партійнаго устава, опредѣлявшій членство партіи, измѣненъ въ духѣ отстаивавшагося Ленинымъ болѣе узкаго опредѣленія понятія членства.

Въ своихъ тактическихъ рѣшеніяхъ большевистскій съѣздъ санкціонировалъ совершавшуюся послѣ 9 января эволюцію во взглядахъ этой части соціалдемократіи въ смыслѣ признанія очередной задачей организаціонную подготовку всеобщаго рѣшительнаго выступленія пролетаріата во главѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ и въ борьбѣ съ „либерально монархическими“ слоями общества. Цѣлью этого общаго выступленія признавалось временное завоеваніе власти и намѣчались условія вступленія с.-д. въ центральные органы власти. Въ дебатахъ объ отношеніи къ движенію крестьянства проявились различные оттѣнки взглядовъ отъ признанія необходимости самаго тѣснаго союза съ крестьянствомъ до опасеній, что всякое сближеніе съ крестьянскимъ движеніемъ ослабитъ пролетарскій характеръ партійной дѣятельности. Съѣздъ остановился на признаніи своевременнымъ поддержать всѣ стремленія крестьянъ къ захвату помѣщичьей земли. По вопросу о предстоявшихъ бюрократическихъ экспериментахъ съ созывомъ совѣщательно-представительнаго органа на съѣздѣ проявились значительныя колебанія: доминировала бойкотистская нота, но часть вождей, съ Ленинымъ во главѣ, не рѣшались связывать фракцію въ этомъ отношеніи и допускали возможность активнаго участія въ выборахъ. Опредѣленнаго рѣшенія принято не было.

Въ отношеніи къ другой части партіи, несмотря на участіе въ его составѣ нѣкоторыхъ „примиренскихъ“ элементовъ, съѣздъ занялъ рѣзко-

нетерпимую позицію, отвергнувъ всякое сближеніе съ нею, какъ съ равноправной стороной.

На меньшевистской конференціи, представлявшей Петербургъ, Ригу, Москву, Сормово, Вильну, Смоленскъ, Николаевъ, Одессу, Кіевъ, Харьковъ, Ростовъ, Донецкій бассейнъ, Крымъ, Кавказъ и Сибирь, рѣшено было оффиціально констатировать распадъ партіи на двѣ совершенно обособленныя части, дабы устранить разъ навсегда спорные вопросы о компетенціи учрежденій, попавшихъ въ руки той или иной фракціи, и вопросъ о возстановленіи единства освободить отъ всѣхъ наслоеній. Съ этой цѣлью, конференція постановила признать потерявшимъ свой raison d'être совѣтъ партіи, констатировала, что сама она объединяетъ лишь часть с.-д-ій и что „Искра" не можетъ считаться оффиціальнымъ органомъ всей партіи, а лишь органомъ ея опредѣленныхъ организацій и отказалась, подобно „большевистскому" съѣзду, назначить „центральный комитетъ": взамѣнъ послѣдняго она создала „организаціонный комитетъ", поручивъ ему вступить въ переговоры съ большевистской фракціей о возстановленіи единства. Этими рѣшеніями остался недоволенъ Г. В. Плехановъ, обвинявшій конференцію въ санкціонированіи распада партіи; въ знакъ протеста онъ вышелъ изъ редакціи „Искры" и до средины 1906 г. оставался въ сторонѣ отъ „меньшевиковъ".

Конференція высказалась противъ заговорщическихъ представленій объ „организаціи возстанія" и „захватѣ власти" соціалистами, подчеркнувъ, что если бъ внѣшнія обстоятельства навязали пролетаріату обладаніе властью, онъ долженъ былъ бы пытаться ее использовать не для демократическаго лишь, но и соціалистическаго преобразованія; установила прогрессивный характеръ крестьянскаго движенія и обязанность с.-д. поддерживать его захватныя тенденціи, отмѣтила важное значеніе создающихся въ процессѣ ломки стараго режима „временныхъ неоформленныхъ организацій рабочихъ" полулегальнаго характера, какъ ячеекъ будущей болѣе широкой классовой организаціи, и подчеркнула необходимость развивать такія ячейки, призвала къ строительству профессіональныхъ союзовъ и опредѣлила условія политическихъ соглашеній съ буржуазно-демократическими партіями въ духѣ резолюціи Старовѣра 1903 г., но съ повышенными требованіями въ смыслѣ болѣе значительнаго минимума демократическихъ гарантій. Въ области организаціонной конференція рекомендовала постепенную демократизацію подпольной организаціи. Однако, принятыя ею въ этой области постановленія не удовлетворили широкіе круги партійныхъ рабочихъ своею нерѣшительностью и незаконченностью, поскольку не доводили реформы до логическаго конца — выборности всѣхъ мѣстныхъ партійныхъ центровъ совокупностью членовъ партійныхъ организацій.

Немедленно послѣ съѣзда и конференціи, организаціонный к-тъ обра-

тился къ „центральному“ съ предложеніемъ обсудить вопросъ о возможности соглашенія обѣихъ фракцій. Предложеніе было отвергнуто. Однако въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ наростающая политическая волна вынуждала мѣстныя организаціи задуматься о постоянной связи между двумя лагерями. Сначала между мѣстными комитетами, а потомъ между ц. к. и о. к. создались федеративныя отношенія и осенью 1905 г. „федеративные комитеты“ все чаще руководили общими выступленіями.

Въ теченіе весны и лѣта 1905 года дѣятельность с. д. организаціи получила чрезвычайное развитіе въ связи съ все разроставшимся броженіемъ въ широкихъ народныхъ массахъ. Въ Петербургѣ меньшевистская „группа“ пыталась организовать широкое выступленіе рабочихъ въ день 1-го мая, предполагая его въ видѣ уличныхъ манифестацій и заводскихъ митинговъ, при чемъ рабочимъ рекомендовалось давать отпоръ въ случаѣ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны властей. По иниціативѣ группы организованные рабочіе заблаговременно обратились къ различнымъ общественнымъ организаціямъ съ требованіемъ поддержать предстоящее выступленіе пролетаріата путемъ предоставленія своихъ помѣщеній подъ рабочіе митинги, выраженія солидарности съ политическими лозунгами рабочихъ и направленія къ администраціи требованія о непрепятствованіи пролетаріату манифестировать. Эти обращенія имѣли извѣстный успѣхъ; въ союзѣ писателей, гдѣ предложенія с.-д. встрѣтили отрицательное отношеніе большинства, произошелъ на этой почвѣ расколъ. Но самая манифестація 1-го мая совершенно не удалась вопреки всѣмъ ожиданіямъ подготовлявшихъ ее „меньшевиковъ“ (большевистскій комитетъ относился къ ней отрицательно): на улицы вышли только сотни организованныхъ рабочихъ. Массы, очевидно, послѣ январьскаго столкновенія опасались выступать на улицу и, несмотря на то, что находились въ состояніи глубокаго броженія, выжидали для такого открытаго оказательства болѣе благопріятныхъ условій. Эта неудача петербургской организаціи чрезвычайно краснорѣчиво показала, какъ неприспособленъ нелегальный партійный аппаратъ къ организаціонному руководству массовыми движеніями и даже только къ правильному информированію партіи о процессахъ, происходящихъ въ массахъ. Этотъ опытъ оказалъ значительное вліяніе на формированіе организаціонно-фактическихъ взглядовъ „меньшевиковъ“ и въ частности на ихъ отношеніе къ выдвигавшейся „большевиками“ задачѣ организаціонно-техническаго руководства надвигающимися событіями.

Въ провинціи первое мая прошло также тихо. Только въ Польшѣ партійныя организаціи вызвали грандіозныя массовыя манифестаціи.

Изъ наиболѣе крупныхъ проявленій с.-д. дѣятельности въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ 1905 года надо упомянуть: 1) Руководство крестьянскимъ движеніемъ въ Гуріи и другихъ мѣстахъ Закавказья, гдѣ въ

это время произошло фактическое отстраненіе мѣстныхъ властей и введеніе революціоннаго самоуправленія; соціалдемократическимъ организаціямъ приходилось выполнять функціи судебныхъ учрежденій, органовъ охраны порядка и т. п. Партія руководила крестьянствомъ въ его организованныхъ политическихъ выступленіяхъ въ отвѣтъ на попытку правительства внести успокоеніе черезъ посредство объѣхавшаго Гурію либеральнаго бюрократа Крымъ—Гирея; она же организовала манифестаціи демократическихъ массъ въ отвѣтъ на устройство намѣстникомъ совѣщаній по вопросу о введеніи на Кавказѣ земствъ и руководила всѣмъ аграрнымъ движеніемъ, принудительно регулировавшимъ аренды и отмѣнявшимъ сохранившіеся пережитки крѣпостного права. Во время произведенной татарами рѣзни въ Тифлисѣ она стала во главѣ объединившихся для прекращенія кровопролитія общественныхъ силъ и подчинила своему вліянію городское самоуправленіе. 2) Въ Баку, продолжая, вмѣстѣ съ другими соціалистическими организаціями играть роль фактора, сдерживающаго проявленія національнаго фанатизма, с.-д-ія въ лицѣ „Союза бакинскихъ рабочихъ“ организовала, вопреки бойкотистской агитаціи большевиковъ, „дрошакистовъ“ и соц.-революціонеровъ, участіе рабочихъ массъ въ созванномъ въ Петербургѣ нефтепромышленномъ съѣздѣ, на который были посланы делегаты съ мандатомъ защищать, рядомъ съ кореннымъ измѣненіемъ условій быта промысловыхъ рабочихъ, опредѣленныя политическія требованія. 3) Въ начавшемся въ маѣ въ Одессѣ широкомъ забастовочномъ движеніи соц.-дем. организаціи вскорѣ явились руководящимъ центромъ и сдѣлали попытку придать движенію характеръ политическаго возстанія путемъ вовлеченія въ него мѣстныхъ войскъ и команды прибывшаго въ Одессу броненосца „Князь Потемкинъ“, во главѣ которой стали члены мѣстной „Группы“ Кириллъ и Фельдманъ. 4) Самая вспышка на броненосцѣ „Потемкинъ“, сопровождавшаяся присоединеніемъ къ возставшимъ командъ нѣкоторыхъ другихъ судовъ, явилась результатомъ интенсивной агитаціонной дѣятельности „Крымскаго союза“ партіи и входившей въ его составъ организаціи моряковъ. Послѣдняя, охватывая десятки матросовъ на всѣхъ боевыхъ единицахъ черноморскаго флота, вопреки сдерживающимъ вліяніямъ „Союза“, лихорадочно подготовляла общее возстаніе во флотѣ, Какъ это обыкновенно бываетъ съ заговорами въ военной средѣ, агитація, питавшаяся недовольствомъ нижнихъ чиновъ противъ офицерства и общимъ паденіемъ дисциплины, вызвала такое стихійное движеніе, овладѣть которымъ было не подъ силу тайной организаціи. Обыденное столкновеніе нижнихъ чиновъ съ офицеромъ на „Кн. Потемкинѣ“ вызвало „бунтъ“, въ результатѣ котораго броненосецъ очутился въ рукахъ команды. Тогда находившіеся въ ея составѣ соціалдемократы образовали комитетъ для политическаго руководства возставшими, чтобы вызвать на черноморскомъ побе-

режьѣ всеобщее движеніе. Попытка эта (см. II томъ I часть) не увѣнчалась, какъ извѣстно, успѣхомъ, но ея агитаціонное значеніе было громадно. Еще до того такая же неожиданная для руководителей движенія попытка военнаго возстанія имѣла мѣсто въ лагерѣ при Новой Александріи и была подавлена въ самомъ зародышѣ. Здѣсь также дѣйствовала примыкавшая къ с.-д. партіи „военно-революціонная организація“, членъ которой, с.-д. солдатъ Буробинъ былъ убитъ во время попытки; остальнымъ удалось скрыться. 5) Массовое забастовочное движеніе въ маѣ въ Иваново-Вознесенскѣ превратилось подъ руководствомъ мѣстныхъ с.-д. въ грандіозную политическую манифестацію, всколыхнувшую отсталый пролетаріатъ этого района и закончившуюся кровавыми столкновеніями съ войсками. 6) Такое же движеніе въ видѣ всеобщей забастовки въ Лодзи въ іюнѣ мѣсяцѣ подъ руководствомъ с.-д. организацій сопровождалось постройкой баррикадъ и еще большимъ, чѣмъ въ Ив.-Вознесенскѣ, кровопролитіемъ. 7) Въ Нижнемъ Новгородѣ и Сормовѣ въ теченіе всего лѣта соціалдемократія организовала непрерывные массовые политическіе митинги, съ которыми администрація оказалась безсильна бороться и которые создали здѣсь атмосферу „дней свободы“ еще до октябрьскаго манифеста. Контрреволюціонныя силы организовали въ отвѣтъ погромное движеніе, въ свою очередь, вызвавшее новыя революціонныя демонстраціи и давшее толчокъ организаціи въ сравнительно-широкихъ размѣрахъ боевыхъ дружинъ въ Сормовѣ. 8) Вообще, въ этотъ періодъ погромное контрреволюціонное движеніе даетъ сильный толчокъ вооруженію соціалдемократическихъ массъ, въ особенности въ мѣстахъ „черты осѣдлости“, гдѣ отряды „самообороны“ становятся довольно-внушительной силой. Такъ напр., передъ Тройцей въ виду слуховъ о погромѣ, слабая партійная группа въ Черниговѣ организовала „самооборону“ въ 200 человѣкъ, въ томъ числѣ 45 рабочихъ-христіанъ. Въ Маріуполѣ около того же времени самооборона насчитывала 100 человѣкъ; кіевская группа „Бунда“ организовала въ „самооборону“ 150 рабочихъ и 100 студентовъ; рижская—200 раб. и 100 интеллигентовъ; житомірская организація, имѣвшая „боевой отрядъ“ изъ 80 человѣкъ, собрала во время погрома для борьбы съ громилами 350 человѣкъ, кое-какъ вооруженныхъ; кишиневская организація имѣла въ „самооборонѣ“ 350 человѣкъ и т. д. Вызванныя преимущественно потребностями самообороны, боевыя организаціи въ отдѣльныхъ мѣстахъ (Кавказъ, Прибалтійскій край) начинаютъ играть самостоятельную активную роль (террористическіе акты на Кавказѣ, массовое освобожденіе заключенныхъ изъ рижской тюрьмы и т. д.

Указъ 6 августа о созывѣ „Булыгинской“ законосовѣщательной Думы концентрировалъ вниманіе всѣхъ партій и общественныхъ организацій на вопросѣ объ отношеніи къ выборамъ въ это учрежденіе. Въ то время, какъ

„освобожденцы“ не безъ колебаній высказались за участіе въ выборахъ въ цѣляхъ проведенія оппозиціонныхъ кандидатовъ въ Думу, въ болѣе лѣвыхъ кругахъ проявилось опредѣленно бойкотистское настроеніе, формулированное „Союзомъ союзовъ“. Въ соціалдемократической партіи это бойкотистское настроеніе отлилось въ лозунгъ „активнаго бойкота“ и „срыва“ законосовѣщательной Думы во имя требованія немедленнаго созыва учредительнаго собранія. Въ то время, какъ еще майскій съѣздъ большевиковъ оставилъ открытымъ вопросъ объ участіи въ выборахъ въ уже провозвѣщенное законосовѣщательное учрежденіе, теперь большевистская фракція энергично агитировала за бойкотъ, предлагая объявить войну всѣмъ общественнымъ элементамъ, готовымъ участвовать въ выборахъ; отношеніе къ выборамъ въ Думу должно было рѣзко разграничить два лагеря внутри оппозиціи: революціонный и „соглашательскій“; большевики, согласно своей схемѣ революціоннаго развитія, стремились на этомъ именно вопросѣ сплотить вокругъ выкинутаго пролетаріатомъ знамени „катастрофическаго“ рѣшенія политической проблемы всѣ рѣшительно—демократическіе элементы и противопоставить ихъ либерально демократическимъ „соглашателямъ“. Подобно большевикамъ рѣшали вопросъ и самостоятельныя національно-соціалдемократическія организаціи. Въ районѣ Бунда были случаи разгона предвыборныхъ собраній оппозиціонныхъ избирателей рабочими.

Предыдущіе тактическіе споры уже подготовили „меньшевистскую“ часть партіи къ попыткамъ въ иной формѣ реагировать на предстоящее политическое событіе. Созывъ законосовѣщательной Думы и предвыборный періодъ „меньшевики“ стремились „использовать“ для широкой организаціи демократическихъ силъ и развитія того, что на газетномъ жаргонѣ въ то время называлось „революціоннымъ самоуправленіемъ“ и „захватнымъ правомъ“—самочиннаго расширенія гражданскихъ вольностей и систематическаго парализованія органовъ власти. Съ этой точки зрѣнія „бойкотъ“ выборовъ отвергался: бойкотъ пассивный, въ смыслѣ воздержанія,—какъ сохраняющій распыленное состояніе массъ; бойкотъ активный, какъ отводящій движеніе демократическихъ элементовъ отъ непосредственной борьбы съ реакціей въ русло борьбы съ обывательской массой, ищущей выхода изъ кризиса въ использованіи первой уступки провительства. Во внутренней Россіи „меньшевики“ звали рабочихъ къ образованію агитаціонныхъ комитетовъ, къ предъявленію собраніямъ избирателей требованій о поддержкѣ лозунга учредительнаго собранія, къ попыткамъ самочинно расширить кругъ избирателей. На Кавказѣ, гдѣ с.-д. ія господствовала среди крестьянъ и мелкой буржуазіи и, слѣдовательно, не была исключена изъ круга избирателей, партія готовилась принять въ выборахъ непосредственно, участіе.

Редакція „Искры“ высгупила рѣшительно противъ бойкота, доказывая,

что пролетаріатъ одинаково критически долженъ отнестись къ обѣимъ тактикамъ, намѣтившимся въ рядахъ либерально-демократическаго блока, охватывающаго разнородные элементы отъ земцевъ-конституціоналистовъ до „Союза союзовъ“ и партіи с.-р. Если для либераловъ участіе въ выборахъ есть шагъ къ возможному „соглашенію“, то для лѣвой интеллигенціи бойкотъ— есть отказъ отъ борьбы съ умѣренно-либеральными вліяніями на той почвѣ, гдѣ впервые въ сферу активной политики могутъ быть втянуты широкія массы народа и преимущественно крестьянства. Этотъ отказъ объективно означаетъ готовность „лѣвыхъ“ удовлетвориться ролью только крайняго фланга единой оппозиціи, своими боевыми дѣйствіями лишь дополняющаго и подкрѣпляющаго ту основную работу перестройки государственнаго механизма, которую будетъ выполнять организующееся на почвѣ выборовъ и пріобрѣвшее на этой почвѣ вліяніе на массы ядро имущей оппозиціи. Въ противоположность обѣимъ тактикамъ, пролетаріатъ долженъ выступить, какъ самостоятельная политическая сила, поддерживающая всю оппозицію въ дѣлѣ борьбы за свободу выборовъ, но въ то же время требующая права на участіе въ выборахъ для себя и стремящаяся подчинить своему вліянію какъ слагающіяся въ ходѣ выборовъ коллегіи уполномоченныхъ и выборщиковъ, которыя могли бы, подобно избирательнымъ коллегіямъ 1789 года во Франціи, стать центрами народнаго движенія, такъ и самую Думу, если она будетъ избрана и завоевана оппозиціей. Въ статьѣ П. Б. Аксельрода („Народная Дума и рабочій съѣздъ“) развивался планъ всесторонней работы въ указанномъ направленіи, кульминаціонными пунктами которыхъ, въ случаѣ ея полнаго успѣха, явились бы, съ одной стороны, самочинный созывъ собранія, избраннаго всѣмъ народомъ и противопоставленнаго олигархической Думѣ, съ другой—организація всероссійскаго рабочаго съѣзда, подготовленнаго самодѣятельнымъ участіемъ рабочихъ въ выборной кампаніи и залагающаго основы открытой классовой рабочей партіи, въ которой растворились бы выросшія въ конспиративныхъ рамкахъ и интеллигентскія по своему составу фракціи-секты [1]).

На состоявшейся конференціи представителей центровъ всѣхъ организованныхъ, какъ отдѣльныя фракціи, частей соціалдемократіи (ц. к.-тъ, о. к.-тъ, центральныя учрежденія латышской, польской и украинской партіи и „Бунда“) тактика бойкота была санкціонирована всѣми делегатами, кромѣ делегатовъ организаціоннаго комитета, внесшихъ особое мнѣніе въ пользу участія въ выборахъ.

---

1) Развитый *Парвусомъ* въ „Искрѣ“ же планъ с.-д. участія въ выборахъ, основаннаго на соглашеніяхъ съ законными цензовыми избирателями о проведеніи опредѣленныхъ соціалистическихъ кандидатуръ, сочувствія среди меньшевиковъ не встрѣтилъ.

Сторонники „бойкота“ разсчитывали, что предварительная агитація противъ булыгинской Думы позволитъ соціалистическимъ партіямъ подготовить народныя массы къ новому общему рѣшительному выступленію въ моментъ, когда начнутся выборы въ Думу. Въ виду этого среди „бойкотистовъ“ наблюдалась тенденція удерживать массы, въ ожиданіи этого момента, отъ открытыхъ выступленій. Въ Петербургѣ „большевистская“ организація пыталась (см. корреспонденціи въ женевскомъ „Пролетаріи“) задержать обозначившееся въ октябрѣ движеніе на заводахъ, вызванное московскими событіями и началомъ стачки желѣзнодорожниковъ, убѣждая массы въ томъ, что было бы раціональнѣе отложить политическую забастовку до выборовъ въ Думу.

Но событія шли болѣе быстрымъ темпомъ. Тактическій споръ о „бойкотѣ“ не успѣлъ затронуть массы, когда передъ ними открылась возможность въ новой формѣ проявить свое растущее стремленіе къ политическимъ дѣйствіямъ.

Правительство открыло двери высшихъ учебныхъ заведеній, обѣщавъ имъ автономію и приглашая давно уже бастовавшее студенчество возобновить занятія. Носившаяся въ воздухѣ идея „бойкота“ подсказывала студентамъ отказъ отъ прекращенія забастовки въ виду политическаго ея характера и въ цѣляхъ подчеркнуть солидарность съ политическими требованіями демократіи. Революціонныя организаціи первоначально также склонялись къ тому, чтобы призывать студентовъ къ „бойкоту автономіи“. Противъ этого выступила „Искра“, указавшая, что измѣненіе политической обстановки превращаетъ бойкотъ въ факторъ застоя общественнаго движенія, тогда какъ прекращеніе академической забастовки можетъ, напротивъ, сильно подвинуть его впередъ. Слѣдуетъ только продолжать въ „автономныхъ“ учебныхъ заведеніяхъ, опираясь на автономію, борьбу, цѣлямъ которой до сихъ поръ служила забастовка.

Для этого студенчество должно быть призвано соціалдемократіей къ тому, чтобы „открыть залы университетовъ для народа“, предоставить рабочимъ и городской демократіи помѣщенія для митинговъ и тѣмъ содѣйствовать мобилизаціи и организаціи распыленныхъ силъ демократіи.

Въ моментъ, когда пассивная забастовка значительно утомила студенческія массы и грозила пойти на убыль при непримиримости студенческаго авангарда, эта идея [1]), развитая „Искрой“ и поддержанная „меньшевиками“ въ Россіи, счастливо открывала исходъ жаждущимъ дальнѣйшей борьбы элементамъ учащейся молодежи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывала на-

---

[1]) Инціатива ея принадлежала В. И. Засуличъ, а планъ разработанъ Ф. Даномъ.

роднымъ массамъ новыя точки приложенія для организаціи своихъ силъ и оформленія своей политической борьбы. „Бойкотъ“ учебныхъ заведеній, еще поддерживавшійся с.-р.-ами, былъ отвергнутъ. „Большевики“ и солидарная съ ними въ вопросѣ о бойкотѣ Думы часть соціалдемократіи послѣ колебаній присоединились къ новому лозунгу. Превращеніе аудиторій высшихъ учебныхъ заведеній въ своего рода народные политическіе клубы придало новый широкій размахъ движенію и, когда въ октябрѣ началась желѣзнодорожная забастовка, эти аудиторіи стали центрами воздѣйствія на зашевелившіяся массы.

II.

Организація с.-д.

Нѣкоторыя цифры — далеко неполныя, ибо регистрація партійной работы въ условіяхъ подполья никогда не могла вестись систематически — могутъ дать представленіе о размѣрахъ агитаціонной дѣятельности соціалдемократіи въ теченіе года, предшествовавшаго октябрьскимъ событіямъ.

Выходившій за границей органъ „Искра“ (ежедвухнедѣльно, а одно время — еженедѣльно) печатался въ 10 — 15000 экземплярахъ и отдѣльные №№ его перепечатывались въ Россіи, что, въ виду объема газеты, само уже свидѣтельствовало о сравнительно высокомъ развитіи организаціонной техники. Кромѣ „Искры“, меньшевики съ конца 1904 г. выпускали за границей же популярно-пропагандистскій „Соціалдемократъ“. Большевики имѣли органомъ „Впередъ“ и позднѣе „Пролетарій“ — оба за границей; съ лѣта 1905 г. ихъ Центр. К-тъ сталъ выпускать въ Россіи органъ „Рабочій“. На Югѣ меньшевиками (Одесской группой) выпускалось „Пролетарское дѣло“, въ Тифлисѣ (на груз. яз.) „Борьба Пролетаріата“; рядъ другихъ мѣстныхъ органовъ издавался обѣими фракціями, а украинская „Спілка“, входившая въ составъ Р. С. Д. Р. П., издавала (по-украински) „Правду“. Центральный органъ „Бунда“, выходившій въ Россіи (Arbeiterstimme) весьма регулярно, дополнялся мѣстными періодическими листками и выходившими за границей „Jüdischer Arbeiter“ и „Послѣднія Извѣстія“ (по-русски). Центральные органы латышской (Zihna) и польской с.-д. (Czerwony Sztandar) выходили также регулярно. Во второй половинѣ 1905 г. соціалдемократамъ удается кое-гдѣ взять въ свои руки органы легальной печати, въ которыхъ, конечно, точка зрѣнія партіи могла проводиться лишь не полно („Южный Курьеръ“ въ Керчи, „Коммерческая Газета“ въ Одессѣ, „Сѣверо-зап. Край“ въ Минскѣ, журналъ „Правда“ въ Москвѣ). Одновременно по иниціативѣ частныхъ лицъ возникаютъ издательства („Молотъ“, Алексѣевой, „Буревѣстникъ“ и др.), выпускающія на рынокъ въ значительныхъ количествахъ дотолѣ запрещенныя переводныя брошюры изъ библіотеки научнаго соціализма. Изда-

тельство Парамонова въ Ростовѣ на Дону также выпустило множество с.-д. брошюръ, распространявшихся въ значительномъ числѣ экземпляровъ.

Съ начала войны редакція „Искра“ періодически выпускала прокламаціи. посвященныя текущимъ событіямъ политики. болѣе или менѣе непосредственно связаннымъ съ войной. Перепечатка этихъ прокламацій типографіями мѣстныхъ комитетовъ централизовала эту главную форму партійнаго воздѣйствія на массы. Нѣкоторыя воззванія „Искры“ были переиздаваемы въ десяткахъ мѣстъ въ 100—200 тысячахъ экз. и болѣе.

За январь 1905 года мѣстными организаціями было выпущено:

	Кіевскимъ комитетомъ	26 листковъ	70.000 экз.
	Одесской группой	23 „	80.000 „
	Севастопольск. организаціей	„ „	16.410 „
	Симферопольск. организаціей	„ „	17.000 „
	Томскимъ комитетомъ	„ „	11.000 „
За январь и февраль.	*Астрахан. ком.*		15.150 „
	Казанск. ком.	40 листковъ	27.810 „
	Съвернымъ ком.	6 „	28.000 „
За январь—апрѣль.	*Рыбинской группой*		37.960 „
„ „	*Ком. Крымск. союза*	19 л.	232.000 „
„ „	*Армавирской группой*	18 „	7.690 „
„ „	*Кіевск. комитетомъ*	24 „	103.600 „
За 3 мѣс. (декабрь 1904, февр. и апрѣль 1905).	*Бакинск. комитетомъ*	55 „	176.000 „
За апрѣль—іюнь.	*Маріупольской группой*		17.645 „
	Ком. Донецк. союза	11 л.	69.080 „
За мартъ.	*Самарск. комитетомъ*	6 „	28.000 „
За февр.—апрѣль.	*Тверск. комитетомъ*	23 „	70.000 „
За май.	*Москов. комитетомъ*		84.029 „
„ „	*Одесск. комитетомъ*	23 „	28.340 „
„ „	*Съверн. комитетомъ*	8 „	39.500 „
„ „	*Астраханск. ком.*	11 „	13.160 „
Къ 1 мая.	*Ц. к-томъ „Бунда“*		130.000 „
За іюнь.	*Одесской группой*	23 „	28.340 „
За полугодіе 1 янв.—іюня.	*Съвернымъ бюро при Ц. комитетѣ*	22 „	50.000 „
„ „ „	*Союзомъ ком. Кавказа*	7 „	91.000 „
За іюль.	*Рижскимъ комитетомъ*	8 „	48.000 „
„ „	*Самарск. комитетомъ*	7 „	35.600 „
„ „	*Московск. комитетомъ*	„ „	56.810 „

листковъ.	*Тульск. комитетомъ*	6 л.	9.650 экз.
„ „	*Ярославск. к-томъ*	3 „	40.000 „
За май—іюль.	*К-томъ Крымск. Союза*	27 „	209.000 „

и т. д., и т. д.

Изъ этихъ, въ достаточной мѣрѣ случайно выбранныхъ, данныхъ видно, что партійная агитація выражалась *милліонами* прокламацій, распространявшимися въ народныхъ массахъ. Такіе комитеты, какъ комитетъ Крымскаго союза, ком. Донецкаго союза, Екатеринославскій, Кіевскій, Бакинскій, Московскій, Кубанскій, Тифлисскій, группы Петербургская и Одесская, Сибирскій союзъ, центральные комитеты „Бунда“ и Латыш. партіи и др., выпускали регулярно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ десятки тысячъ воззваній всякаго рода.

Такими же, по необходимости отрывочными и неполными данными, можетъ быть охарактеризована организаціонная сторона дѣятельности с.-д. партіи по *бюджетамъ* ея организаціи. По этимъ цифрамъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о размахѣ партійной работы, если принять во вниманіе ея подпольный, конспиративный характеръ.

Если мы возьмемъ „большевистскую“ часть с.-д., то для сильнѣйшаго изъ мѣстныхъ комитетовъ — *Московскаго* — за 1-е полугодіе 1905 года средняя цифра ежемѣсячнаго прихода равнялась 4.243 р. 14 коп. *Петербургскій* комитетъ за третью треть января 1905 г. собралъ 4.001 р. 50 к. (+1.111 р. 83 коп. на помощь стачкамъ); за половину іюля — 1.610 руб.; *Бакинскій* комитетъ въ теченіе зимы 1904 — 1905 г. имѣлъ средній ежемѣсячный приходъ 1.184 р. 88 коп. Бюджетъ остальныхъ комитетовъ былъ значительно болѣе скромный: *Казанскій* комитетъ 414 р. 16 коп., *Ярославская* группа 261 р. 37 коп., *Тульскій* комитетъ—104 р. 10 коп., *Самарскій*—361 р. 92 коп., *Костромская* группа — 394 р. 61 коп., *Тверской*—279 р. 57 коп., *Борисоглѣбская* группа — 95 р. 46 коп., *Либавская* группа—136 р. 24 к., *Вологодская*—45 р. 70 к. и т. д.

Въ „меньшевистской“ части партіи выдѣлялись по значительности бюджета: *Петербургская* группа, которая за первые 4½ мѣсяца 1905 г. насчитывала въ приходѣ 9.045 р. 50 коп. (въ среднемъ въ мѣсяцъ 2.010 р. 11 коп.) и собрала въ стачечный фондъ 11.580 р. 72 коп.; *Одесская* группа имѣла въ среднемъ за періодъ лѣта 1905 г. ежемѣсячно 1.722 р. 02 коп., *Батумскій* комитетъ—за первое полугодіе 1905 г. ежемѣсячно 923 р. 78 коп., комитетъ *Сибирскаго* союза за то же время—1.248 р. 75 коп., *Кіевскій*—ежемѣсячно 1.414 р. 71 коп., комитетъ *Крымскаго* союза—459 р. 38 коп., *Рижская* группа — 429 р. 22 коп., *Донской* комитетъ—531 р. 75 коп., *Астраханскій*—660 р. 68 коп., *Иркут-*

скій—570 р. 41 коп., *Воронежскій*—261 р. 37 коп., комитетъ *Донецкаго* союза—216 р. 85 коп., *Маріупольская* группа—147 р. 55 к., *Черниговская*—117 р. 01 коп., *Томскій* комитетъ—152 р. 73 коп., *Прикамская* группа—91 р. 15 к. и т. д. Бюджетъ центральнаго учрежденія этой части партіи („Орг. ком.“) составлялъ отъ 2 до 3 тыс. руб. ежемѣсячно).

Центральный комитетъ *„Бунда“* за 10 мѣсяцевъ (1 окт. 1904 г. по 1 авг. 1905 годъ) собралъ 26.380 руб. Изъ мѣстныхъ организацій „Бунда“ имѣли приходный бюджетъ (въ среднемъ за 1 мѣсяцъ): *Варшавскій* комитетъ 1.240 р. 25 коп., *Лодзинскій*—964 р. 31 коп., *Ковенскій*—295 р. 04 коп., *Гродненскій*—315 р. 99 коп., *Кіевская* группа—1.284 р. 33 коп., *Могилевскій* комитетъ—256 р. 42 коп., *Гомельскій*—214 р. 41 коп., *Бобруйская* орг.—184 р. 58 коп., *Либавская* орг.—188 р. 33 коп., *Кишиневская*—285 р. 66 коп., *Бѣлостокская*—170 р. 58 коп., *Житомірская*—182 р. 60 коп., *Сувалжская*—141 р. 87 коп., *Прилукская*—228 р. 10 к., *Ровенская*—227 р. 55 к., *Невельская*—120 р., *Пинская*—149 р., *Борисовская*—100 р., *Поневѣжская*—91 р. 10 к. и т. д. Заграничный комитетъ „Бунда“ за 1904 г. собралъ 65.458 франковъ.

Въ бюджетѣ организацій *членскіе взносы*, хотя бы и не регулярные, играли совершенно незначительную роль. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ *Бакинскаго* комитета за февраль 1905 г. изъ 1.382 р. 86 коп. прихода „отъ рабочихъ“ поступило всего 38 р. 93 коп. (около 3%); въ отчетѣ *Рижской* группы за августъ 1905 г. изъ 558 р. 79 коп. прихода на рубрику „отъ рабочихъ“ приходится 143 р. 47 коп. (22%); вдвое большій % (44) эта рубрика занимаетъ въ кассовомъ отчетѣ *форштатскаго* района той же группы. Въ отчетѣ *Севастопольскаго* комитета членскіе взносы даютъ 14%, *Маріупольской* группы—33%; болѣе значительный % находимъ—въ предѣлахъ собственно русской части с.-д.—лишь у *Иваново-Вознесенской* орг-ціи (53%). Болѣе благопріятное отношеніе встрѣчается въ организаціяхъ „Бунда“, латышскихъ и кавказскихъ (въ Грузіи). Въ *Лодзинской* орг-ціи „Бунда“ 50% доходовъ составляли членскіе взносы, а бюджеты небольшихъ группъ „Бунда“ въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, не превышавшіе обыкновенно 30—50 руб. въ мѣсяцъ, почти цѣликомъ составлялись изъ членскихъ взносовъ.

Ничтожная—особенно въ крупныхъ городахъ—доля членскихъ взносовъ отъ рабочихъ бросаетъ извѣстный свѣтъ на характеръ и структуру организацій с.-д. партіи. Въ теченіе всего 1905 года въ печати не перестаетъ обсуждаться вопросъ о слабости партійныхъ организацій и невозможности укрѣпить ее на прочномъ базисѣ. Полицейскія преслѣдованія, дѣлающія не-

возможными большія собранія, вынуждаютъ создавать множество мелкихъ группъ для того, чтобы организаціонно охватить всю массу примыкающихъ къ партіи рабочихъ. Получается крайне громоздкая, развѣтвленная и іерархически-расчлененная организація, которою крайне трудно руководить изъ одного центра и черезъ всѣ этажи которой почти невозможно проводить обсужденіе встающихъ передъ партіей проблемъ. Благодаря этому, нижнія ячейки организаціи хирѣютъ, ихъ дѣятельность не удовлетворяетъ болѣе зрѣлую часть рабочихъ и они отходятъ въ сторону отъ организаціи. Въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, гдѣ въ теченіе 1905 года фактически открылась возможность активной дѣятельности на широкой аренѣ (митинги, профессіональные союзы, делегатскія организаціи на заводахъ и т. д.), въ партійной организаціи остаются лишь рабочіе-„профессіоналы“, выполняющіе центральныя организаторскія функціи, и рабочая молодежь, вступающая въ партійные кружки въ цѣляхъ саморазвитія. Болѣе зрѣлый политически слой рабочихъ остается формально внѣ организаціи или только числится въ немъ, что самымъ отрицательнымъ образомъ отражается на связи организаціи и ея центровъ съ массами. Въ то же время массовый приливъ интеллигенціи къ партіи, при большей приспособленности формъ ея организаціи къ условіямъ быта интеллигентовъ, по сравненію съ рабочими (большій досугъ и возможность затрачивать значительное количество времени на „конспирацію“, жизнь въ центральныхъ частяхъ города, болѣе благопріятныхъ для ускользанія отъ надзора), дѣлаетъ то, что всѣ верхнія ячейки организаціи, живущія болѣе полной организаціонной жизнью и сохраняющія болѣе устойчивый характеръ, заполняются именно интеллигенціей, что, въ свою очередь, питаетъ психологическую ихъ оторванность отъ массового движенія. Отсюда—непрерывающіеся конфликты и тренія между „центрами“ и „периферіей“ и растущій антагонизмъ между рабочими и „интеллигенціей“, частью осложняющіе фракціонную борьбу, частью дающіе содержаніе ей, поскольку „меньшевизмъ“ связалъ свою критику бланкистско-заговорщическихъ тенденцій другого крыла съ отрицаніемъ „интеллигентской гегемоніи“ въ партіи и исторически сложившихся формъ ея организаціи. Эти тренія и конфликты, часто вызывающіе мѣстные расколы, въ свою очередь, парализовали ростъ и укрѣпленіе организаціи и усиливали текучій ея характеръ.

Девятое января, показавшее въ дѣйствіи громадную рабочую организацію, управляемую однимъ, постороннимъ пролетаріату, человѣкомъ, рядомъ съ которымъ, однако, стояли десятки вліятельныхъ рабочихъ, сильно обострило тенденцію рабочихъ-членовъ партіи къ послѣдовательному проведенію въ жизнь принциповъ организаціоннаго демократизма. Но партійная организація оказала этой тенденціи упорное и успѣшное противодѣйствіе. Ее къ этому побуждалъ непреодолимый факторъ—необходимость конспираціи.

Чѣмъ шире раздвигались, подъ вліяніемъ массоваго подъема, рамки организаціи, тѣмъ доступнѣе становились ея нижнія ячейки для сомнительныхъ или просто малоизвѣстныхъ верхамъ организаціи элементовъ. И поскольку эти верхи исторически сложились въ видѣ особаго интеллигентнаго мірка, внутренне спаяннаго общими бытовыми условіями, тѣснымъ взаимнымъ знакомствомъ и вытекающимъ отсюда взаимнымъ довѣріемъ, — постольку въ отношеніи къ внѣшнему для него міру этотъ тѣсный мірокъ фатально долженъ былъ обнаруживать крайнее недовѣріе и крайнюю осторожность, побуждавшія его, во имя организаціоннаго самосохраненія, оставлять въ своихъ рукахъ безапелляціонный контроль за притекающими къ организаціи новыми — слѣдовательно, преимущественно рабочими — элементами. У „большевиковъ“ эта тенденція, въ соотвѣтствіи съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ, мотивировалась интересами охраненія принципіальной чистоты и боевой способности организаціи и не могла вызывать остраго недовольства въ ея низахъ, ибо тяготѣвшіе къ нимъ элементы пролетаріата сами были настроены соотвѣтствующимъ образомъ и отсутствіе дѣйствительнаго организаціоннаго демократизма воспринимали, какъ необходимую оборотную сторону той „строго-выдержанной“ партіи — боевой руководительницы движенія, идеалъ которой они себѣ усвоили [1]). У меньшевиковъ же, выдвинувшихъ принципъ довѣрія къ классовому движенію и подчеркивавшихъ фактъ исторически-сложившейся организаціонной и духовной опеки революціонной интеллигенціи надъ рабочими, это, навязываемое внѣшними условіями, противодѣйствіе всесторонней демократизаціи организаціоннаго аппарата вызывало острое противорѣчіе между принципомъ и практикой и порождало постоянное недовольство рабочей „периферіей“. Нѣкоторые представители послѣдней — Бойковъ („Кузнецъ“), Драхановъ и другіе на югѣ, И. Желудковъ въ Петербургѣ — пытались измѣнить это положеніе, организуя рабочую „оппозицію“ для того, чтобы добиться коренной организаціонной реформы. На меньшевистской конференціи въ апрѣлѣ 1905 года вопросъ объ этой реформѣ былъ поставленъ, но состоявшее изъ интеллигентовъ большинство делегатовъ сочло возможнымъ лишь провозгласить полный демократизмъ организаціи конечной цѣлью организаціонный реформы, въ качествѣ же ближайшаго, теперь же осуществимаго, ея этапа установить выборность городскихъ комитетовъ ближайшей къ нимъ низшей организаціонной ячейкой — совокупностью районныхъ комитетовъ, которые уже сами пополняются на основѣ не выборнаго начала, а кооптаціи. Такъ какъ въ крупныхъ центрахъ движенія зачастую эти район-

---

[1]) До тѣхъ поръ, пока окончательная организаціонная размежевка на мѣстахъ между обѣими фракціями не произошла, борьба противъ антидемократическаго строя организаціи приводила къ отколу отъ большевистскихъ комитетовъ ихъ организаціонной „периферіи“ и присоединенію ихъ къ „меньшевикамъ“.

ные комитеты сами въ значительной мѣрѣ (хотя и меньше, чѣмъ городскіе комитеты), были интеллигентскими по составу, то эта реформа далеко не удовлетворила рабочихъ и тренія на почвѣ требованій полной реорганизаціи не прекращались.

Меньшевистская литература, въ свою очередь, считаясь съ тѣми организаціонными противорѣчіями, которыя были заложены въ строеніи партіи ея интеллигентскимъ происхожденіемъ и питались конспиративными условіями ея существованія, указывала рабочимъ на необходимость подняться надъ вопросомъ объ юридическихъ нормахъ, регулирующихъ организаціонную жизнь, и искать рѣшенія задачи въ коренной реформѣ самой тактики соціалдемократіи, въ ея приближеніи къ массовому движенію и полномъ освобожденіи отъ заговорщическихъ традицій и тенденцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ принципіальномъ измѣненіи отношенія партіи къ складывающимся рядомъ съ нею иного рода организаціоннымъ образованіямъ (профессіональные союзы, различныя „неоформленныя организаціи", стачечные комитеты и т. д.). Эта постановка вопроса обосновывалась въ статьяхъ П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и др. сотрудниковъ „Искры"; на меньшевистской конференціи она нашла свое выраженіе въ практическихъ резолюціяхъ о „неоформленныхъ организаціяхъ" и профессіон. союзахъ и лежала въ основаніи дѣятельности „меньшевиковъ", въ октябрьскіе дни, когда имъ была удачно разрѣшена задача образованія „Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ".

Въ менѣе крупныхъ центрахъ, гдѣ не такъ часто организаціи подвергались внѣшнимъ потрясеніямъ и гдѣ задача организаціоннаго сплоченія партійныхъ моментовъ, благодаря меньшему размаху работы, была сама по себѣ легче, этотъ организаціонный кризисъ чувствовался не такъ остро. Въ Грузіи, Прибалтійскомъ краѣ и районѣ „Бунда" положеніе дѣлъ, вообще, было инымъ, благодаря инымъ бытовымъ условіямъ и менѣе „интеллигентскому" составу организацій. Здѣсь мѣстныя организаціи носили болѣе массовой, прочный и стройный характеръ.

При такихъ условіяхъ опредѣленіе реальной силы партіи, какъ организованнаго цѣлаго, весьма затруднительно. Данныя о количественномъ составѣ отдѣльныхъ организацій, встрѣчающіяся въ литературѣ, часто противорѣчивы и субъективно окрашены. Принимая въ расчетъ только болѣе надежныя изъ этихъ данныхъ, мы получимъ такую картину организованныхъ силъ партіи (очень приблизительную): *На Съверѣ*. Въ *Петербургѣ* въ теченіе первой половины 1905 года безусловно сильнѣйшей изъ с.-д. организацій была меньшевистская „Группа", насчитывавшая отъ 1200 до 1300 организованныхъ рабочихъ. Большевистскій „Комитетъ" объединялъ нѣсколько сотъ рабочихъ. Ко времени октябрьской забастовки обѣ организаціи, повидимому, сравнялись въ силахъ. Къ каждой изъ нихъ при-

мыкали многочисленные кружки „интеллигентовъ“, выполнявшихъ пропагандистскія и техническія функціи, и еще болѣе многочисленныя организаціи учащихся во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ *Ригѣ* также имѣлись 2 организаціи р. с.-д. р. п.: „большевистскій“ к.-тъ и „меньшевистская“ группа; каждая имѣла за собой около 300 организованныхъ рабочихъ. Кромѣ того, имѣлись организаціи въ *Ревелѣ*, *Нарвѣ*, *Либавѣ*, *Псковѣ*, *Великихъ Лукахъ* (65 человѣкъ), *Новгородѣ*, *Вологдѣ*, *Архангельскѣ*.

Въ *Центральномъ* промышленн. районѣ: въ *Москвѣ* комитетъ (большевистскій) съ нѣсколькими стами организ. рабочихъ и болѣе слабая меньшевистская „Группа“. Въ *Иваново-Вознесенскѣ* комитетъ съ 600 организ. рабочими (больш.), *Костромской* к-тъ—150 орган. раб. и 200 учащихся (больш.), *Ярославскій*— 100 орг. раб. и 100 учащихся (больш.), *Тверской*—100 орг. раб. (больш.), *Тульскій* к-тъ около 100 (большев.), *Калужскій*—300 организ. въ городѣ и губерніи (меньш.), *Нижегородскій* к-тъ около 400 организ. (большев.), *Сормовская* орг-ція (меньш.) при основаніи въ началѣ 1905 г. имѣла 60 орг. раб., но въ теченіе лѣта во много разъ выросла; *Нижегородская группа* (меньш.). Кромѣ того, группы въ Вышнемъ Волочкѣ (60), многихъ селахъ Тверскаго и Новоржевскаго уѣздовъ, Рыбинскѣ, Ростовѣ (Ярославск.), Кинешмѣ, Кохмѣ (30 чел.), Шуѣ (30 чел.), Тейковѣ, Середѣ (30 чел.), Вичугѣ, Орѣхово-Зуевѣ, Богородскѣ, Коломнѣ (100 чел.), Кимрахъ, Егорьевскѣ, Серпуховѣ, Васильсурскѣ и селахъ Нижегородской губ. Въ большинствѣ группы эти примыкали къ большевистской фракціи.

Въ *центральномъ черноземномъ районѣ*: 2 организаціи (обѣихъ фракцій) въ *Воронежѣ*, организаціи въ Брянскѣ (100), Борисоглѣбскѣ (100), Тамбовѣ (40), Орлѣ, Пензѣ, Симбирскѣ. Большинство группъ—большевистской фракціи.

Въ *Сѣверо-западномъ районѣ*. Группы въ Вильнѣ (200 орг. раб.), Сморгони (175), Минскѣ (200 раб. и 150 учащихся), Бобруйскѣ (75), Витебскѣ (200), Двинскѣ (300), Копысѣ (120), Гомелѣ, Могилевѣ-губ. и еще 9 пунктахъ Полѣсскаго края, въ Смоленскѣ, Рославлѣ, Невелѣ (35), Велижѣ (25) и различныхъ сельскихъ районахъ Минской и Витебской губерній. Большинство группъ –меньшевистской фракціи. Къ послѣдней же примыкала военная организація въ Польшѣ, въ солдатскихъ кружкахъ которой находилось нѣсколько сотъ человѣкъ.

На Югѣ. Кіевскій комитетъ (500 орг. раб.), Уманьская орг. (150), Кременчугъ (300), Полтавскій (400), Харьковск. комитетъ, (300) Курская гр. (120), Николаевскій комитетъ (200), Одесскій комитетъ (большев.—300 чел.), Одесская группа (меньш.—700 орган.), Екатеринослав. к.-тъ

(около 1000 орг. раб.), Александровская группа (250), Каменская гр. (250), Донской к.-тъ (300 чел.), Кишиневская орг. (200 чел.), *Крымскій союзъ* съ организаціями въ Севастополѣ, Симферополѣ, Ѳеодосіи, Ялтѣ, Евпаторіи, Керчи, Бердянскѣ, Мелитополѣ (около 1000 орг. раб. и нѣсколько сотъ матросовъ), *Донецкій* союзъ съ орг-ціями въ Юзовѣ, Луганскѣ, Петровскѣ (30 чел.), Енакіевѣ (40), Бахмутѣ (50), Константиновкѣ, Юрьевкѣ и др. пунктахъ (около 300 чел.), сверхъ того группы въ Черниговѣ, Конотопѣ, Новозыбковѣ, Стародубѣ, Бердичевѣ, Житомірѣ, Елизаветградѣ, Херсонѣ, Ромнахъ, Лубнахъ, Новомосковскѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ и пр. У „большевиковъ“ имѣлись небольшія сепаратныя организаціи въ Ростовѣ на Д., Екатеринославѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. Значительное большинство южныхъ организацій примыкало къ меньшевистской фракціи.

На Востокъ Россіи: Казанскій к-тъ, Самарскій, Саратовскій, Астраханскій, Камышинская орг., группы въ Вольскѣ, Царицынѣ, Уфимскій к.-тъ, Златоустовская группа, Вятская группа (40 орг. раб. и 125 учащихся), крестьянскія группы въ Самарской, Саратовской и Вятской губерніяхъ, Прикамская орг-ція, Пермскій к.-тъ, Екатеринбургскій к-тъ и организаціи на нѣкоторыхъ уральскихъ заводахъ. Въ большинствѣ орг-цій преобладали „большевики“.

На Кавказѣ: комитеты и организаціи: въ Новороссійскѣ (435 организ.), Ейскѣ (20), Тихорѣцкой (20), Ставрополѣ (100), Екатеринодарѣ (80), ст. Кавказской (150), Майкопѣ (40), Армавирѣ (210), Минеральныхъ Водахъ (100). Казачья кубанская группа (55 чел.), группа въ Петровскѣ и Грозномъ, комитеты въ Батумѣ, Тифлисѣ, Баку, Кутаисѣ, во всѣхъ селеніяхъ Гуріи, въ многихъ пунктахъ Имеретіи и Мингреліи, въ Гори, Сухумѣ, въ Поти, Баку (большевистскій „комитетъ“ и меньшевистскій „союзъ“). Закавказскія организаціи охватывали нѣсколько тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Преобладающее направленіе—„меньшевистское“.

Въ *Сибири и Ср. Азіи*: *Сибирскій* союзъ имѣлъ комитеты и группы: въ Томскѣ, Барнаулѣ, Тюмени, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Благовѣщенскѣ, Харбинѣ, Владивостокѣ и рядѣ желѣзнодорожныхъ пунктовъ. Въ городахъ рабочія организаціи были слабы, но къ „союзу“ примыкали большія организаціи учащихся и военныя. Въ *Ташкентѣ* имѣлась организація (150 раб.), кромѣ того группы въ Петровскѣ, Черняевѣ, Самаркандѣ, Асхабадѣ, Чарджуѣ, Кизилъ-Арватѣ, Красноводскѣ (много военныхъ). Преобладали „меньшевики“.

Организаціи „*Бунда*“ существовали буквально во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Литвы и Бѣлоруссіи и въ значительномъ количествѣ пунктовъ Царства Польскаго, Малороссіи, Новороссіи и Прибалтійскаго края.

Такія организаціи, какъ Варшавская, Лодзинская, Виленская, насчитывали членовъ тысячами; крупныя организаціи имѣлись также въ Бѣлостокѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Бердичевѣ. Въ гор. Борисовѣ, Минск. губ., было 460 организованныхъ, въ Креславлѣ—325, Либавѣ—300, Слонимѣ—180, Полоцкѣ—200, Игуменѣ—110, Сувалкахъ—100. Примыкающій къ Кіеву районъ заключалъ въ 45 городахъ и мѣстечкахъ 2000 организов. членовъ. Въ Стародубѣ было 200 организованныхъ, въ Екатеринославѣ—150, въ Одессѣ—300. Организаціи „Бунда", по общему правилу, нашли болѣе прочный характеръ, чѣмъ с.-д. организаціи внутренней Россіи, и во многихъ мѣстахъ охватывали почти все наличное еврейское рабочее населеніе. Такой же массовой характеръ начинали принимать и организаціи латышской соціалдемократіи.

Въ общемъ и цѣломъ, въ теченіе періода, предшествовавшаго октябрьскимъ днямъ, соціалдемократія объединяла въ своихъ нелегальныхъ организаціяхъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ и нѣсколько тысячъ учащихся, солдатъ и крестьянъ; сфера же ея непосредственнаго организаціоннаго вліянія охватывала сотни тысячъ городского и сельскаго населенія. Громадно было ея политическое вліяніе на населеніе западныхъ окраинъ [1]) и части Кавказа, очень значительно въ Сибири и весьма замѣтно въ городахъ всей южной Россіи.

III.

Соціалдемократія въ теченіе „дней свободы"

Въ событіяхъ, разыгравшихся къ началу октября 1905 года, соціалдемократическія организаціи приняли самое непосредственное участіе.

Какъ только желѣзнодорожная забастовка начала охватывать одну линію за другою, с.-д. комитеты перестали колебаться между немедленнымъ дѣйствіемъ и отсрочкой выступленія до дней выборовъ въ Г. Думу (см. гл. I) и провозглашали всеобщую стачку въ городѣ. Открытыя уже въ сентябрѣ для митинговъ аудиторіи высшихъ учебныхъ заведеній были широко использованы для политической агитаціи и объединенія забастовки одними и тѣми же лозунгами.

Въ Петербургѣ соціалдемократической „Группѣ" (меньшевики) въ самомъ началѣ забастовки удалось осуществить ту идею „широкой безпартійной классовой организаціи", которая встала бы непосредственно во главѣ пролетаріата и стала бы руководящимъ центромъ общенароднаго движенія. По призыву „группы" рабочіе забастовавшихъ заводовъ выбрали делегатовъ,

[1]) Въ Польшѣ оно раздѣлялось ею съ п. с. п. (p. p. s.).

составившихъ знаменитый „Совѣтъ раб. депут.“. Его первымъ предсѣдателемъ былъ избранъ членъ группы Л. Зборовскій, рядъ вліятельныхъ рабочихъ-меньшевиковъ, во главѣ съ И. А. Злыдневымъ, были избраны въ его „Исполнит. комитетъ“. Въ Петербургѣ въ періодъ октябрьской забастовки соціалдемократіи уже приходилось выступать подъ прикрытіемъ „Совѣта“, ставшаго общепризнаннымъ центромъ рабочихъ.

Въ Москвѣ и провинціи вліяніе с.-д. организацій на ходъ событій проявлялось болѣе непосредственнымъ образомъ. Какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи соціалдемократы, рядомъ съ расширеніемъ движенія, преслѣдовали цѣль закрѣпленія его успѣховъ въ своего рода „муниципальной революціи“. Повсюду городскимъ думамъ предъявлялось—и во многихъ случаяхъ удовлетворялось—требованіе предоставленія общественныхъ помѣщеній подъ митинги. Требованіе объ организаціи городомъ милиціи или самообороны, предъявлявшееся обыкновенно послѣ черносотеннаго погрома или военнаго разстрѣла, также удовлетворялось во многихъ случаяхъ, но городскія самоуправленія, давая свою санкцію организаціи милицій, лишь рѣдко затрачивали городскія средства въ достаточномъ для дѣйствительнаго вооруженія размѣрѣ. Въ Севастополѣ организованная с.-д-тами и признанная Думой милиція распустилась, когда Дума отказалась выдать деньги на ея вооруженіе. Въ Одессѣ с.-д. ушли изъ „комитета общественной безопасности“, когда онъ отказался издать воззваніе къ народу. Въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ равнымъ образомъ произошелъ разрывъ между с.-д. и крупно-буржуазными элементами городскихъ думъ, не желавшими сойти съ почвы легальности. Наибольшаго-временнаго успѣха въ дѣлѣ вооруженія населенія достигли с.-д. въ Тифлисѣ, гдѣ, напуганныя черносотенной агитаціей и междунаціональной борьбой, мѣстныя власти вступили въ оффиціальные переговоры съ с.-д. комитетомъ о передачѣ ему нѣсколькихъ сотъ ружей для организаціи городской охраны. Ружья были представлены будущему с.-д. депутату I Думы И. Рамишвили, но этотъ шагъ намѣстника вызвалъ контрреволюціонное движеніе въ мѣстномъ офицерствѣ, руководимымъ ген. Грязновымъ, и соціалдемократы сочли нужнымъ удовлетворить требованіе офицеровъ и оружіе вернуть [1]).

Одновременно на городскія думы оказывалось давленіе въ цѣляхъ добиться отъ нихъ предъявленія правительству и мѣстнымъ властямъ требованій объ амнистіи, объ уводѣ войскъ, объ удаленіи опредѣленныхъ представителей власти. Во многихъ случаяхъ думы шли по указанному пути. Въ Севастополѣ городская дума требовала суда надъ виновниками разстрѣла манифестантовъ, удаленія войскъ и т. д. Въ Томскѣ дума потребовала по

---

[1]) Впослѣдствіи ген. Грязновъ былъ убитъ рабочимъ-соціалдемократомъ Джорджіашвили (казненъ).

приглашенію с.-д., увольненія полицеймейстера, освобожденія „политическихъ“ и постановила прекратить выдачу денегъ на полицію и содержаніе казачьихъ казармъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ городскія думы соглашались вводить въ свой составъ делегатовъ народа или революціонныхъ партій (Севастополь). Въ Иркутскѣ дума сама передала всѣ свои полномочія стачечному к-ту. Въ Томскѣ была сдѣлана попытка избрать „революціонную думу“ изъ 25 членовъ, избранныхъ на большомъ митингѣ (выбраны всѣ 25 кандидатовъ с.-д. комитета). Въ Прибалтійскомъ краѣ рабочіе и крестьяне ввели во многихъ уѣздахъ революціонное самоуправленіе, уничтоженное лишь въ декабрѣ.

Волна контрреволюціонныхъ погромовъ встрѣтила повсюду организованное сопротивленіе революціонныхъ партій и, главнымъ образомъ, соціалдемократовъ. Кое-гдѣ имъ удалось возстановить порядокъ; въ большинствѣ же случаевъ силы рабочихъ вооруженныхъ отрядовъ были раздавлены сильнѣйшимъ противникомъ. Цѣлый рядъ партійныхъ дѣятелей погибъ въ эти дни жертвой черносотенныхъ звѣрствъ: извѣстный дѣятель с.-д-іи Ник. Ев. Бауманъ и швейцарецъ П. Грожанъ убиты въ Москвѣ, одинъ изъ старѣйшихъ рабочихъ с.-д. ткачъ Федоръ Афанасьевъ и Ольга Генкина (послѣдняя уже въ ноябрѣ) были растерзаны черносотенцами въ Иваново-Вознесенскѣ, А. Г. Дубровинъ — въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, куда онъ явился внести организованность въ разгромное движеніе крестьянъ. Члены партіи И. Дмыхъ и В. Кадиковъ погибли въ огнѣ при сожженіи Томскаго жел.-дор. управленія, Прасковья Дугенцова была звѣрски замучена въ Армавирѣ.

Попытки перехода отъ политической стачки къ болѣе активнымъ формамъ борьбы имѣли мѣсто въ Харьковѣ, гдѣ „комитетъ борьбы“, образованный с.-д. и с.-р., организовалъ баррикадное сопротивленіе, окончившееся почетной и безкровной капитуляціей войскамъ, и въ Екатеринославѣ, гдѣ при защитѣ баррикадъ „дружинники“ с.-д. комитета бросали въ казаковъ бомбы, взрывомъ которыхъ нѣсколько казаковъ было убито. Въ Читѣ с.-д. рабочіе насильственно освободили политическихъ каторжанъ — матросовъ черноморскаго флота и другихъ.

По примѣру Петербурга, с.-д. организаціи во многихъ центрахъ провинціи вызвали къ жизни „Совѣты рабочихъ депутатовъ“, которые здѣсь находились въ болѣе тѣсной органической связи съ комитетами партіи (кромѣ Бѣлостока, гдѣ „Совѣтъ“ былъ въ рукахъ с.-р. и анархистовъ). Такіе „Совѣты“ возникли въ Твери, Костромѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Луганскѣ, Новороссійскѣ, Баку и др. городахъ. Въ Москвѣ образованіе „Совѣта“ означало для соціалдемократіи отдѣленіе пролетаріата отъ интеллигентско-мелкобуржуазныхъ элементовъ, организованныхъ въ образовавшемся во время забастовки „стачечномъ комитетѣ“, въ

которомъ гегемонія принадлежала демократамъ и соціалистамъ-революціонерамъ. Это отдѣленіе удалось с.-д-іи осуществить уже въ ноябрѣ.

Провозглашеніе манифеста 17 октября вызвало у соціалдемократіи стремленіе воспользоваться первой крупной уступкой для завоеванія и укрѣпленія существенныхъ для народа позицій, для чего необходимо было продлить забастовку, несмотря на начавшееся явное колебаніе примкнувшихъ къ движенію буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ. Этому помѣшала погромная волна. Изъ наступающей стороны организованный пролетаріатъ превратился въ обороняющуюся. Въ пунктѣ наибольшей дезорганизаціи реакціонныхъ силъ—въ Петербургѣ—ген. Треповъ счелъ возможнымъ оказать энергичное сопротивленіе дальнѣйшему росту движенія и воспретилъ назначенную С. Р. Д. грандіозную манифестацію—шествіе къ тюрьмамъ. Совѣтъ, объявившій продолженіе забастовки, счелъ себя вынужденнымъ отступить, а затѣмъ призвалъ къ прекращенію падавшей уже забастовки и къ систематической подготовкѣ новаго поступленія. Провинція послѣдовала за этимъ лозунгомъ и повсюду соціалдемократія, несмотря на удары, нанесенные ей погромами, отступила въ полномъ порядкѣ, призывая къ широкой организаціи народныхъ силъ на почвѣ провозглашенныхъ въ „Манифестѣ“ уступокъ.

Начавшійся періодъ открытой массовой организаціи и агитаціи знаменуется появленіемъ широко-распространяющейся с.-д. прессы.

27 октября вышелъ въ Петербургѣ № 1 „Новой Жизни“, органа, который „ставилъ своей задачей выражать политическіе и экономическіе интересы рабочаго класса“. Издательницей газеты была московская артистка М. Ф. Андреева, редакторомъ—поэтъ Н. Минскій, сотрудниками—П. Румянцевъ, А. Луначарскій, Н. Ленинъ, А. Богдановъ, Н. Рожковъ и другіе представители „большевизма“ на-ряду съ Максимомъ Горькимъ и рядомъ беллетристовъ, поэтовъ и публицистовъ, до тѣхъ поръ стоявшихъ въ сторонѣ отъ соціализма (К. Бальмонтъ, Тэффи, Г. Чулковъ, Леонидъ Андреевъ, Е. Чириковъ, Л. Галичъ, З. Венгерова). Въ приложеніи къ 1-му № газеты была издана программа р. с. д. р. п., немедленно конфискованная комитетомъ по дѣламъ печати.

Одновременно въ руки соціалдемократовъ перешла безцвѣтная копеечная „Русская Газета“ г. Дучинскаго. Ею руководили Парвусъ и Н. Троцкій, сотрудничали въ ней „меньшевики“. Тиражъ ея, и ранѣе значительный, сильно возросъ и отдѣльные экз. расходились въ 100 и болѣе тысячъ №№.

Нѣсколько позже (съ 13 ноября) стало выходить „Начало“. Перебравшееся послѣ 17 октября въ Петербургъ большинство редакціи „Искры“ соединилось для основанія руководящаго органа съ Парвусомъ и Троцкимъ. Издателемъ „Начала“, объявившаго себя открыто соціалдемократическимъ

органомъ, былъ С. Н. Салтыковъ (будущій депутатъ II Думы, сосланный на каторгу), редакторомъ—Д. М. Герценштейнъ, сотрудниками были Парвусъ, Троцкій, А. Мартыновъ, Ф. Данъ, А. Потресовъ, Л. Мартовъ, Л. Дейчъ, Н. Іорданскій, Е. Смирновъ, Д. Кольцовъ, М. Балабановъ и др. Въ № 1-мъ газеты было помѣщено заявленіе Орган. комиссіи о томъ, что, по соглашенію съ редакціей „Искры“ и „Соціалдемократа“, эти заграничные органы пріостанавливаются, а взгляды, отстаивавшіеся ими, будутъ представлены „Началомъ“. Изданная въ приложеніи къ № 4 программа р. с. д. р. п. была конфискована.

Въ Москвѣ большевики стали издавать „Борьбу“, (изд. С. Скирмунтъ), меньшевики—„Московскую Газету“ (въ качествѣ ея фактическаго редактора былъ впослѣдствіи осужденъ П. Масловъ). Въ провинціи также сдѣланъ былъ рядъ попытокъ издаватъ легальныя с.-д. газеты.

Первымъ вопросомъ, вставшимъ передъ с.-д. партіей послѣ прекращенія октябрьской забастовки, было опредѣленіе ея отношенія къ „Совѣту рабочихъ депутатовъ“, ставшему дѣйствительнымъ центромъ не только петербургскаго рабочаго движенія, но и всѣхъ революціонныхъ силъ страны вообще. Организованный, какъ упомянуто, по иниціативѣ с.-д.-меньшевиковъ, Совѣтъ по самому характеру своего образованія, какъ включающій въ свой составъ представителей всего рабочаго класса, являлся безпартійнымъ. По мысли иниціаторовъ, равно какъ и ставшаго во главѣ совѣта Хрусталева, онъ долженъ былъ и оставаться формально-безпартійнымъ и вполнѣ независимымъ по отношенію къ создавшей его соціалдемократической партіи. Эта формальная нейтральность подчеркивалась тѣмъ, что Совѣтъ въ свой составъ и въ составъ своего Исп. к-та ввелъ оффиціальныхъ представителей обѣихъ партій (с.-д. и с.-р.), въ лицѣ ихъ центральныхъ учрежденій и мѣстныхъ комитетовъ. Но эта формальная политическая нейтральность не мѣшала тому, что въ составѣ Совѣта большинство делегатовъ примыкало къ соціалдемократіи, а въ составѣ цен. к-та значительное большинство состояло изъ извѣстныхъ дѣятелей соціалдемократіи.

Формально-нейтральная позиція и безпартійность „Совѣта“ вызвали крайнюю тревогу въ рядахъ большевистской фракціи. Она, вообще, съ самаго начала косо смотрѣли на возникновеніе „Совѣта“, какъ на осуществленіе знакомой ей „меньшевистсткой“ идеи о (партійно и организаціонно) „неоформленныхъ классовыхъ организаціяхъ“, въ которыхъ меньшевики видѣли естественные центры классового сплоченія пролетаріата на открытой аренѣ и зародыши коммунальнаго, захватнымъ путемъ образующагося, самоуправленія, долженствующаго стать основой и исходнымъ пунктомъ новой демократической организаціи общества. Въ этомъ представленіи большевики усматривали, въ 1-хъ отказъ отъ идеи захвата власти въ ея центрѣ путемъ

одного или повторыхъ ударовъ; во 2-хъ, отказъ с.-д. партіи, какъ организованнаго дисциплинированнаго цѣлаго, отъ непосредственнаго практически-организаціоннаго руководства народнымъ движеніемъ и непосредственнаго претендентства на участіе въ новой власти. Не безъ основанія, кромѣ того, большевики полагали, что покоящаяся на непосредственномъ объединеніи класса организація въ своемъ практическомъ отношеніи къ другимъ общественнымъ силамъ, участвующимъ въ движеніи, будетъ руководствоваться не столько резолюціями партійныхъ съѣздовъ прошлаго, сколько непосредственными потребностями борьбы, почему и опасались, что въ этой борьбѣ руководимый Совѣтомъ пролетаріатъ сможетъ перешагнуть черезъ ту грань, которая была намѣчена ему схемой, требовавшей концентраціи вокругъ послѣдовательно-демократической программы однихъ лишь анти-буржуазныхъ элементовъ и ихъ рѣзкаго противопоставленія теперь-же всѣмъ, правѣе стоящимъ, общественнымъ группамъ. И, наконецъ, политическая личность Носаря-Хрусталева, нѣкогда участвовавшаго въ с.-д. организаціяхъ, затѣмъ въ серединѣ 1905 года принимавшаго участіе въ попыткахъ „освобожденцевъ, организовать несоціалистическую рабочую партію, а теперь ставшаго почти диктаторомъ стотысячной рабочей массы и средостѣніемъ между нею и анонимнымъ коллективомъ с.-д. организаціи, вызывала опасенія относительно того, въ какую сторону этотъ политическій дѣятель захочетъ направить сконцентрированную въ его рукахъ силу при первомъ поворотѣ событій.

Всѣ эти опасенія и соображенія привели къ тому, что „большевики“ начали опредѣленную кампанію противъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Имъ удалось склонить „Федеративный Совѣтъ“, составившійся изъ представителей мѣстныхъ комитета (большев.) и „Группы“ (меньшев.), предъявить Совѣту рабочихъ депутатовъ требованіе „стать подъ руководство росс. с.-д. раб. партіи“. Однако, это рѣшеніе не получило требовавшейся для него санкціи собранія членовъ районныхъ комитетовъ обѣихъ фракцій. На этомъ собраніи, состоявшемся 26 октября, „меньшевики“ отказались голосовать вынесенную Фед. Совѣтомъ резолюцію. „Большевикамъ“ пришлось вести кампанію противъ Сов. раб. деп. собственными силами при противодѣйствіи „меньшевиковъ“. Уже 24-го октября они провели на митингахъ Семяниковскаго и Металлическаго заводовъ резолюціи, требовавшія отъ „Совѣта“ признанія программы и тактики с.-д. партіи. Организаціонное бюро приказчиковъ соціалдемократовъ постановило запросить Совѣтъ объ его политической физіономіи. 29 октября Невскій районный комитетъ объявляетъ о недопустимости участія с.-д. въ „рабочемъ парламентѣ“, какимъ имѣетъ тенденцію стать Совѣтъ. Ту же мысль высказываетъ резолюція, принятая на митингѣ завода Семенова. Въ № 6 „Новой Жизни“ нѣкто Н. Менделеевъ излагаетъ

взглядъ коллегіи пропагандистовъ и агитаторовъ района Петербург. стороны. Согласно этому взгляду, „Совѣтъ долженъ стать чисто-профессіональной организаціей или перестать вовсе существовать". Если Совѣтъ захочетъ быть политической организаціей, соціалдемократы должны добиваться, чтобъ онъ принялъ с.-д. программу; но, въ случаѣ ея принятія, получится новая, параллельная оффиціальной, с.-д. организація, что недопустимо, а потому партійныя соціалдемократы должны будутъ выйти изъ нея или добиваться скорѣйшаго ея разрушенія. Редакція газеты оговорила, что не во всемъ согласна съ авторомъ. Между тѣмъ, агитація противъ „Совѣта" не прекращалась. Заводскій комитетъ снаряжательнаго отдѣла „остановилъ" выразить недовѣріе Совѣту р. деп., какъ политическому руководителю, и предложить ему стать Союзомъ профессіональныхъ организацій". Однако, новые успѣхи „Совѣта Р. Д."—особенно удачное проведеніе имъ второй (ноябрьской) политической забастовки—и явное тяготѣніе его большинства къ тактикѣ соціалдемократіи обезоружили постепенно „большевиковъ" и они на практикѣ стали склоняться къ идеѣ, выраженной въ „Началѣ" (№ 2 статья А. Мартынова), согласно которой организація типа Совѣта—естественный результатъ отсутствія открытой массовой организаціи и, пока она необходима, дѣло партіи—пріобрѣсти максимумъ вліянія на нее; задачей же партіи является реформироваться такъ, чтобы „сдѣлать ненужнымъ С. Р. Д.". Систематическая кампанія противъ Совѣта прекращается, хотя постоянно происходятъ мелкіе конфликты между отдѣлами (районными собраніями делегатовъ) Совѣта и районными секціями большевистской организаціи на почвѣ соперничества при сборѣ денегъ на стачки, вооруженіе и т. д. Въ провинціи при образованіи Совѣтовъ „большевики" стремятся съ самаго начала поставить ихъ подъ оффиціально-признанную опеку партійнаго комитета, что отчасти имъ и удается въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ центрахъ.

Взглядъ „меньшевиковъ" на Совѣтъ далеко не покрывался упомянутой дипломатической статьей А. Мартынова. Значительная ихъ часть видѣла въ Совѣтѣ не только естественный временный политическій центръ движенія, но и арену, на которой только и смогутъ выработаться кадры широкой рабочей партіи, становившейся возможной при измѣнившихся политическихъ условіяхъ.

Начиная съ ноябрьской забастовки, партійныя организаціи, такимъ образомъ, отказываются отъ стремленія оттѣснить „Совѣтъ" отъ практическаго руководства движеніемъ или отъ непосредственнаго подчиненія лидеровъ Совѣта партійнымъ центрамъ. Ихъ усилія направляются къ тому, чтобы поддерживать вокругъ „Совѣта" ту идейно-политическую атмосферу, которая обезпечивала опредѣленный курсъ его дѣятельности.

Прекращеніе октябрьской забастовки означало, по общему мнѣнію демократическихъ круговъ, лишь отсрочку болѣе рѣшительныхъ битвъ до болѣе

благопріятнаго для демократіи момента. Резолюція Московскаго комитета с.-д. отъ 22 октября постановляетъ: „немедленно готовиться къ новой рѣшительной битвѣ". Эта подготовка, по мнѣнію обѣихъ фракцій соціалдемократіи, включала въ себя: 1) усиленную организаціонную и агитаціонную работу среди пролетаріата на почвѣ завоеванной въ октябрѣ сравнительно-широкой свободы; 2) расширеніе работы по вооруженію массъ; 3) сближеніе рабочаго движенія съ крестьянскимъ; 4) сближеніе его съ арміей, 5) борьбу съ попытками остановить развитіе революціи на полпути во имя компромисса съ старой властью и „прекращенія анархіи".

Организація и агитація. Митинговая и печатная агитація во всѣхъ слояхъ пролетаріата и демократіи поведена была со всей энергіей. Самые отсталые слои трудящихся — почтово-телеграфные служащіе, мясники, домашняя прислуга, чернорабочіе — подверглись агитаціонному воздѣйствію с.-д. ораторовъ. Митинги за митингами каждодневные происходили въ Петербургѣ и Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, Ригѣ и Варшавѣ, Саратовѣ и Ростовѣ, Нижнемъ и Вильнѣ. Въ менѣе значительныхъ центрахъ эта агитація велась подчасъ не менѣе интенсивно. На этихъ митингахъ соціалдемократы почти не сталкивались съ политическими соперниками—кромѣ „соціалистовъ-революціонеровъ". Кое-гдѣ имъ противостояли національно-революціонныя, окрашенныя въ мелкобуржуазный соціализмъ, группы. Буржуазный же либерализмъ и радикализмъ почти не пытался противопоставить свою программу воздѣйствію соціалистовъ на массы. Не только его представители почти нигдѣ не являлись возражать на устроенные с.-д. митинги, но почти не пытались сами созывать политическія собранія. Политическая растерянность, овладѣвшая послѣ 17-го октября буржуазной оппозиціей, объясняетъ это ея отсутствіе на аренѣ широкой агитаціи, отнюдь не монополизированной, какъ это иногда потомъ пытались изобразить—крайними лѣвыми при помощи какихъ-либо махинацій. И это отсутствіе, конечно, лишь облегчило сплоченіе широкихъ городскихъ массъ вокругъ соціалдемократіи. Ея борьба съ соціалистами-революціонерами, которые, обладая многочисленными кадрами интеллигенціи, энергично взялись за митинговую агитацію, вертѣлась вокругъ вопроса объ отношеніи соціализма къ крестьянству, сильно волновавшаго рабочія массы, благодаря ихъ непорвавшейся связи съ деревней. Стремленіе с.-р. затушевать грани, раздѣляющія объективные интересы мелкихъ хозяевъ и пролетаріата, встрѣчали, въ общемъ и цѣломъ, сочувствіе въ рабочихъ массахъ и борьба съ „эс-эрами" въ Петербургѣ и Москвѣ давалась соціалдемократамъ нелегко, несмотря на то, что основное требованіе крестьянскаго движенія — передача земли крестьянамъ — въ той или иной формѣ къ этому моменту уже санкціонировалась всѣми соціалдемократами.

Организаціонная работа соціалдемократіи прежде всего должна была направиться на созданіе профессіональныхъ союзовъ. Вѣрный классовый инстинктъ толкалъ рабочія массы въ сторону образованія прочныхъ профессіональныхъ соединеній. Вожди Петерб. „Совѣта р. д.“, въ лицѣ Хрусталева, Симоновскаго, Сверчкова-Введенскаго, Вайнштейна-Звѣздина и другихъ, лично связанные съ профессіональнымъ движеніемъ послѣ январьскаго періода, всячески поощряли эти организаціонныя попытки, хотя на дѣлѣ самое существованіе Совѣта—этого всеобъемлющаго центра и руководителя движенія—мѣшало всестороннему развитію профессіональныхъ организацій. Изъ соціалдемократовъ „меньшевики“, какъ нами выше указывалось, имѣли за собою уже извѣстный опытъ въ профессіональномъ движеніи и опредѣленную позицію въ немъ. Они и явились главными иниціаторами строительства союзовъ въ Петербургѣ, Москвѣ. Саратовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Баку, Одессѣ и другихъ центрахъ движенія. Союзы повсюду принимаютъ классовой соціалдемократическій характеръ (попытки „с.-р.“ въ Кіевѣ добиться включенія въ союзъ мелкихъ хозяйчиковъ терпятъ пораженіе), но остаются формально-безпартійными, противъ чего пытаются кое-гдѣ бороться „большевики“. Въ серединѣ ноября на большомъ митингѣ въ московскомъ театрѣ „Олимпія“, посвященномъ вопросу о профессіональной организаціи, сторонники внѣпартійности союзовъ одержали побѣду надъ защитниками тактики большевистскаго Московскаго комитета, основавшаго нѣсколько опредѣленно-партійныхъ профессіональныхъ союзовъ (булочники, техники, столяры). Въ Поволжьѣ и на Югѣ основывались не-партійные союзы. Въ Западномъ краѣ „меньшевики“ боролись съ „Бундомъ“, отстаивавшимъ подчиненіе професс. союзовъ оффиціальному руководству организаціи. Позиціи руководящихъ органовъ обѣихъ фракцій въ данномъ вопросѣ сходились довольно близко. Хотя Н. Ленинъ (въ № 27 „Нов. жизни“ отъ 2-го декабря), какъ бы подводя итоги своей борьбѣ съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, выступаетъ въ самой общей формѣ противъ „безпартійности“ въ рабочемъ движеніи, провозглашая, что „безпартійный рабочій“ также не существуетъ для классовой борьбы пролетаріата, какъ и безпартійный крестьянинъ, но въ той же газетѣ Ю. Адамовичъ (№ 25) указываетъ на задачу соціалдемократіи путемъ пропаганды внутри широкихъ профессіональныхъ союзовъ способствовать ихъ превращенію въ союзы соціалдемократическіе. Въ № 8 „Начала“ Д. Кольцовъ развиваетъ аналогичную позицію „меньшевиковъ“, лишь ставя большее удареніе на признаніи цѣлесообразности и полезности формальной безпартійности союзовъ въ данный моментъ.

Рѣзкій переломъ, наступившій въ условіяхъ дѣятельности соціалдемократіи послѣ 17 октября, остро ставилъ вопросъ о реорганизаціи самой партіи. Стимуломъ къ быстрому и коренному рѣшенію этого вопроса для

„большевиковъ“ служилъ особенно фактъ концентраціи руководства движеніемъ въ рукахъ подозрительнаго, съ ихъ точки зрѣнія, „безпартійнаго“ Совѣта. Чтобы быть въ состояніи помѣриться съ нимъ во вліяніи на массы, партія сама должна была стать близкой къ массамъ и открытой. Это почувствовали агитаторы большевистской фракціи и отъ систематической осады Совѣта раб. депутатовъ обратились къ политической и профессіональной организаціи массъ. Но здѣсь имъ приходилось преодолѣвать психологическое противодѣйствіе „верховъ“ своей фракціи. Послѣ 17 октября женевскій ея центръ не спѣшилъ ликвидировать свое существованіе. Было выпущено еще 2 номера газеты „Пролетарій“, въ которыхъ дѣлались попытки удержать революціонную стихію въ предѣлахъ заговорщической „осмотрительности“ и конспираторскаго недовѣрія къ открытой дѣятельности и создаваемымъ ею опасностямъ. Но политическій центръ тяжести переходилъ изъ Женевы въ Петербургъ, во главѣ большевистской фракціи становилась „Новая жизнь“. Эмигранты подчинились необходимости, но съ характерной для умонастроенія вождей осторожностью объявили, что „Пролетарій“ переносится изъ заграницы въ Россію и сохраняется въ качествѣ органа, выходящаго нелегально, въ чемъ при „захваченной“ свободѣ печати не было, повидимому, никакой надобности, но въ чемъ вполнѣ очевидно выражалось стремленіе вождей фракціи имѣть законспирированный организаціонный „резервъ“ не столько противъ враговъ революціи, сколько противъ болѣе широкихъ и разношерстныхъ политическихъ и литературныхъ коллективовъ, которые послѣ 17 октября стали реально во главѣ организаціи. Напротивъ, меньшевистская фракція подчеркивала свой разрывъ съ организаціонными формами вчерашняго дня, когда, какъ мы выше упоминали, публиковала о переходѣ функцій „Искры“ къ „Началу“. Ея оффиціальный центръ—Орган. комиссія—въ этой газетѣ публиковалъ свои рѣшенія и черезъ газету возстановлялъ свою связь съ мѣстными организаціями.

Въ борьбѣ противъ инерціи организаціонныхъ навыковъ большевистскіе агитаторы въ рядѣ широкихъ массовыхъ собраній призывали къ выходу на арену открытой организаціи. „Долой подполье! мы долго задыхались въ немъ“ провозглашалъ на одномъ изъ такихъ собраній популярный агитаторъ Абрамъ (см. отчетъ въ № 6 „Н. Ж.“). Параллельно съ проповѣдью открытой организаціи, шла пропаганда ея демократизаціи. Въ томъ же направленіи работала мысль „меньшевиковъ“. Демократизація районныхъ организацій путемъ проведенія снизу до верху выборнаго начала и созданіе болѣе широкихъ с.-д. *клубовъ*, охватывающихъ и организующихъ всѣ элементы, тяготѣющіе къ с.-д-іи, стали проводиться обѣими фракціями съ большой энергіей. Первый (меньшевистскій) клубъ въ Петербургѣ былъ открытъ 15-го ноября на Балтійскомъ заводѣ. Присутствовало 120 чело-

вѣкъ. 16-го ноября открылся клубъ Выборгскаго района (объединенный) при наличности 300 человѣкъ; 20-го—клубъ Нарвскаго района; 24-го—клубъ Московскаго района (240 чел.). Еще раньше клубы стали организовываться въ провинціи. Нижегородскій объединившійся комитетъ организовалъ клубы во всѣхъ районахъ города. Въ Смоленскѣ с.-д. клубъ имѣлъ при основаніи 200 членовъ.

Одновременно болѣе тѣсная партійная организація начала функціонировать въ новыхъ формахъ. Въ основѣ ея въ Петербургѣ лежали районные союзы, обнимавшіе всѣхъ, платящихъ членскій взносъ, мѣстныхъ членовъ. (Невскій союзъ—меньшевиковъ—имѣлъ при открытіи 100 членовъ). Рядомъ съ ними, иногда при многолюдности района выступаютъ „заводскія собранія". Такъ, заводское собраніе с.-д. завода Лесснера насчитывало 70 членовъ. Представители районовъ составляли выборный и отвѣтственный передъ общегородской конференціей мѣстный центръ. Тотъ же типъ организаціи складывался въ провинціи. Въ Астрахани 27 го октября открылъ свою дѣятельность с.-д. союзъ въ составѣ 240 членовъ. „Легализація" организацій (явочнымъ путемъ) происходила не только въ крупныхъ центрахъ. Такъ, *Лохвицкая* группа въ № 16 „Нов. жизни" публикуетъ о своемъ рѣшеніи легализовать организацію.

Новыя формы организаціи не успѣли кристаллизоваться и упрочиться до новаго перелома, наступившаго въ декабрѣ. Въ дальнѣйшемъ внѣшнія условія вынудили партію, сохраняя формально-демократическую основу организаціи, подчинить ея проведеніе соображеніемъ конспираціи: массовыя собранія не терпѣлись полиціей и выборное начало, какъ и участіе организаціи въ выработкѣ тактики, могли осуществляться лишь путемъ многостепенной процедуры, что создало въ 1906—7 г.г. крайне громоздкій и малоподвижный партійный аппаратъ.

Демократизація партійнаго аппарата не рѣшала организаціоннаго вопроса для меньшевиковъ, которые въ предыдущій періодъ построили свою критику партійнаго развитія на констатированіи „интеллигентскаго" вырожденія партіи и факта концентраціи значительной части пролетарской интеллигенціи внѣ формальныхъ рамокъ партійной организаціи. Возникновеніе „Совѣтовъ" и быстрый ростъ профессіональныхъ союзовъ еще болѣе—для русской части партіи—раздробилъ с.-д. элементы пролетаріата, оставляя въ партійной организаціи лишь часть ихъ, группировавшуюся вокругъ основного ея интеллигентскаго ядра. Передъ „меньшевиками" стоялъ вопросъ: удастся ли демократизирующейся партійной организаціи поглотить при новыхъ условіяхъ всѣ эти элементы и, такимъ образомъ, установить въ своихъ рядахъ болѣе нормальное отношеніе между интеллигентской и пролетарской частью партіи? Политическія перспективы ближайшаго будущаго были очень неясны,

и постольку нельзя было придвидѣть, какой окончательный видъ приметъ партійная организація. При такихъ обстоятельствахъ среди меньшевиковъ обнаружился организаціонный разбродъ: въ то время, какъ часть ихъ пошла вмѣстѣ съ большевиками по пути непосредственной реформы партійной организаціи въ цѣляхъ собрать въ ея рядахъ всю наличную соціалдемократію, другая искала въ Совѣтахъ раб. депутатовъ и профессіональныхъ союзахъ рычаговъ для болѣе широкой перестройки организаціонныхъ формъ на новыхъ основаніяхъ.

Лозунгъ „рабочаго съѣзда“, выдвинутый П. Б. Аксельродамъ въ связи съ проектомъ Булыгинской Думы, указывалъ одинъ изъ возможныхъ путей такой перестройки въ процессѣ организованнаго политическаго выступленія пролетаріата. „Меньшевики“ пытались осуществить эту идею, побудивъ Харьковское „общество взаимопомощи“ взять на себя инициативу съѣзда рабочихъ обществъ. Послѣ 17 октября этотъ съѣздъ въ представленіи его организаторовъ принялъ естественно форму съѣзда профессіональныхъ союзовъ. Но руководящіе элементы меньшевистской фракціи, стремясь использовать эту организаціонную попытку для болѣе коренной задачи, не желали ограничивать ни программы съѣзда, ни его состава рамками профессіональнаго движенія. Доступъ на созывавшійся съѣздъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, быть открытъ и для Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, и для непосредственныхъ представителей всей рабочей массы опредѣленнаго предпріятія, и для политическихъ объединеній (клубовъ и т. п.). Здѣсь въ представленіяхъ меньшевиковъ задачи профессіональнаго объединенія, образованія охватывающей весь классъ временно-революціонной организаціи и реформы с.-д. партіи переплетались между собою и это переплетеніе тормозило практическое осуществленіе каждой. Декабрьскія событія отодвинули въ далекую перспективу съѣздъ рабочихъ организацій. Внушенная меньшевиками же Петерб. Совѣту р. д. идея созыва конференціи „Совѣтовъ“ для подготовки общаго политическаго выступленія (послѣ ноябрьскаго локаута) также не успѣла реализоваться.

Въ № 6 „Начала“ появилась статья, подписанная „Ф—ъ“, подъ названіемъ „Къ вопросу объ объединеніи“, авторъ которой пытался отвлечь меньшевистскую мысль отъ организаціонныхъ плановъ, занимавшихъ ее въ это время, въ сторону до-октябрьскихъ меньшевистскихъ начинаній. Констатируя, что вновь поднявшійся въ это время вопросъ объ объединеніи фракцій до сихъ поръ не могъ быть практически рѣшенъ въ силу общихъ недуговъ партіи, вскрытыхъ меньшевистской критикой, Ф-ъ предлагалъ воспользоваться переломомъ въ условіяхъ рабочаго движенія для того, чтобы созывать не объединительный съѣздъ б—ковъ и м—ковъ, а общерабочій *учредительный* съѣздъ съ участіемъ какъ партійныхъ организацій, такъ и

Совѣтовъ раб. деп. (авторъ предлагалъ приглашать не только опредѣленно-марксистскія организаціи, но и п. п. с., сдѣлавшую шагъ къ соціалдемократіи отказомъ отъ сепаратистской программы). Однако, эта статья шла уже настолько въ разрѣзъ съ настроеніемъ руководящихъ меньшевистскихъ группъ, что ея появленіе въ „Началѣ“ безъ редакціонныхъ оговорокъ вызвало рѣзкій протестъ организаціонной комиссіи. Послѣдняя принудила редакцію газеты помѣстить замѣтку о несогласіи съ нѣкоторыми мыслями Ф—а. Послѣднія дальнѣйшаго развитія въ печати не получили.

Реформа организаціи въ ея прежнихъ рамкахъ стала на ближайшій періодъ въ центрѣ вниманія меньшевиковъ. Этому способствовало то обстоятельство, что съ наступленіемъ октябрьскихъ дней принципіально-тактическіе споры о завтрашнихъ перспективахъ прекратились въ силу поглощенія вниманія практиковъ организаціей массъ и текущей агитаціей. Вмѣстѣ съ окончательнымъ отказомъ большевиковъ отъ противодѣйствія выборному началу и ослабленіемъ ихъ прямой борьбы противъ „Совѣтовъ“, слабѣло недовѣріе къ нимъ со стороны меньшевиковъ; въ свою очередь, неопредѣленная во многихъ пунктахъ тактики линія „Начала“, обусловленная союзомъ меньшевиковъ съ близкими въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ большевизму Троцкимъ и Парвусомъ, облегчала большевикамъ сближеніе съ другой фракціей. „Объединительное“ движеніе рѣзко обозначилось сейчасъ же послѣ октябрьскихъ дней и выразилось въ давленіи организаціонныхъ низовъ на фракціонные центры. Въ серединѣ ноября одесскіе рабочіе — соціалдемократы на общемъ собраніи (1500 чел.) постановили слить обѣ организаціи на основѣ демократическаго устава и призвать всю партію послѣдовать ихъ примѣру. То же было сдѣлано въ Саратовѣ и Перми. Въ столицахъ мѣстные комитеты и „группы“, федерировавшіеся передъ октябрьскими днями, разработали планъ постепеннаго объединенія организацій; однако, и въ Петербургѣ одинъ районъ—выборгскій—осуществилъ „самочинно“ полное сліяніе до того, какъ выработанный сообща мѣстными вождями организаціонный планъ получилъ общую санкцію. Ц. К—тъ большевиковъ и орг. к—ссія меньшевиковъ, также федеративно объединенные, обсуждали планъ окончательнаго общаго сліянія фракціи. Каждая изъ нихъ должна была созвать свой съѣздъ или конференцію и, обсудивъ организаціонный вопросъ, постановить созывъ сообща „объединительнаго“ съѣзда на однородныхъ основахъ. Состоявшіяся въ концѣ ноября конференціи обѣихъ фракцій приняли соотвѣтствующія рѣшенія; большевики приняли организацію на основѣ выборнаго начала, меньшевики отказались отъ § 1 стараго партійнаго устава (1907 г.), который исключалъ строгую партійную оформленность всей организаціи (не обязывая всѣхъ членовъ партіи вступать въ опредѣленные партійные коллективы [1]).

1) Меньшевистская конференція состоялась въ Петербургѣ, б-ская въ Финляндіи.

Поворотъ въ организаціонной политикѣ меньшевиковъ выразился въ спорахъ, которые на конференціи вызвало предложеніе о приглашеніи, на равныхъ съ организаціями партіи основаніяхъ, представителей Пет. Совѣта р. д. и центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ. Предложеніе это демонстративно было выдвинуто делегатами закавказскихъ и сѣверо-кавказскихъ организацій (въ томъ числѣ будущими депутатами II Думы А. Джапаридзе и Г. Ломтатидзе), обличавшими руководителей фракціи въ „примиренствѣ“ и отказѣ отъ меньшевистскихъ традицій. Напротивъ, делегаты южныхъ центровъ (Кіева, Харькова, Одессы, Екатеринослава)—главныхъ пунктовъ вліянія меньшевизма—и обѣихъ столицъ послѣдовательно отстаивали возможно большее сближеніе съ „большевиками“ и рѣзкое отграниченіе отъ непартійныхъ центровъ. Конференція рѣшила пригласить Хрусталева и председателя ц. бюро проф. союзовъ Смѣлова, съ совѣщательными голосами.

Начавшаяся въ обѣихъ фракціяхъ демократизація организаціи сама по себѣ удовлетворила ту часть рабочихъ с.-д., которая въ предыдущій періодъ тяготилась гегемоніей интеллигенціи въ партіи. Теперь въ реформированныхъ партійныхъ комитетахъ, въ Совѣтахъ раб. депутатовъ и профессіональныхъ союзахъ, активные элементы пролетаріата находили примѣненіе своимъ силамъ. Однако, общая политика партіи, складывавшаяся подъ давленіемъ ея долголѣтнихъ традицій, еще всецѣло опредѣлялась руководящими идеями, выработанными въ теченіе подпольнаго, чисто „интеллигентскаго“ періода ея развитія. Постольку въ передовыхъ кругахъ рабочаго класса—особенно въ Петербургѣ—тенденція, враждебная партійной традиціи, продолжала существовать и проявляться. Ея кристаллизаціи вокругъ или внутри ставшаго самостоятельной политической силой „Совѣта рабочихъ депутатовъ“ помѣшала политическая безпечность его вождя, Хрусталева-Носаря, который, послѣ нѣкотораго періода выжиданія, предпочелъ выйти изъ позиціи партійнаго нейтралитета, объявить о своей солидарности съ меньшевистскимъ крыломъ партіи, и проводить—съ извѣстною степенью самостоятельности—на практикѣ тактическую линію соціалдемократіи. Поэтому, элементы, настроенные „анти-интеллигентски“ и неудовлетворенные не внѣшними только формами, а общимъ направленіемъ дѣятельности с.-д. партіи въ прошлый періодъ, пытаясь сгруппироваться подъ знаменемъ „чисто-рабочаго“ движенія, дѣлали это не вокругъ „Совѣта“ а *противъ него*, заостряя свою критику противъ рѣзко-политическихъ тенденцій Совѣта и „якобинскаго“ характера его воздѣйствія на широкія массы. Такова была позиція нѣкоторыхъ элементовъ въ союзѣ рабочихъ печатнаго производства, которые, во главѣ съ И. Желудковымъ, П. Васильевымъ и Н. Горшковымъ [1]), основали еже-

[1]) Въ числѣ сотрудниковъ газеты былъ и печатникъ Дементьевъ, ставшій въ послѣ-революціонный періодъ однимъ изъ вліятельныхъ дѣятелей марксизма.

недѣльникъ „Рабочій голосъ“, какъ изданіе „группы рабочихъ-соціалдемократовъ“ съ девизомъ: „Освобожденіе рабочихъ—дѣло самихъ рабочихъ“. Къ нимъ примкнули дѣятели прежнихъ теченій с.-д. мысли, отброшенныхъ въ сторону побѣдой „Искровскаго“ направленія: В. Акимовъ, Токаревъ, В. Поссе, а также бывшій „рабочедѣлецъ“, присоединившійся къ „меньшевикамъ“ и вліятельный въ Совѣтѣ раб. депутатовъ профессіоналистъ Сомовъ, и лидеръ „анти-интеллигентскихъ“ элементовъ харьковскаго „Общества взаимопомощи“ А. А. Евдокимовъ. Впрочемъ, Сомовъ вскорѣ отошелъ отъ газеты. Послѣдняя, начавъ съ критики Совѣта и с.-д. интеллигенціи, пришла къ выставленію „революціонно-синдикалистскаго“ знамени и успѣха въ рабочихъ массахъ не имѣла. Впослѣдствіи И. Желудковъ свою борьбу съ соціалдемократіей повелъ подъ флагомъ буржуазной демократіи въ основанной к.-д. дешевой газетѣ „Реформа“. Аналогичная анти-партійная и революціонно-синдикалистская струя, но съ значительно большимъ успѣхомъ, развивалась въ Баку лидеромъ мѣстнаго Совѣта рабочихъ депутатомъ и с.-д. „Союза Бакинскихъ рабочихъ“, Львомъ Шендриковымъ, пользовавшимся значительной популярностью въ рабочей средѣ и демагогически проводившимъ „чисто-рабочую“ политику [1]).

Боевая дѣятельность с.-д. организацій выражалась въ усиленной вербовкѣ „дружинъ“ и заготовкѣ для нихъ оружія. Въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и частью въ Москвѣ въ этой области были достигнуты нѣкоторые результаты, но, въ общемъ, то, что было сдѣлано, давало возможность успѣшной замозащиты противъ черносотенныхъ бандъ, но отнюдь не агрессивныхъ революціонныхъ дѣйствій.

Агитація въ арміи, принявшая широкіе размѣры къ концу войны, теперь велась съ значительной энергіей. Въ Сибири с.-д. комитеты, при посредствѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ взяли на себя трудную работу по эвакуаціи манчжурскихъ войскъ и тѣмъ привлекли ихъ къ своему дѣлу. Повсюду при вспыхивавшихъ то здѣсь, то тамъ солдатскихъ безпорядкахъ соціалдемократы выступали въ роли агитаторовъ. Во время серьезной военной вспышки саперовъ въ Кіевѣ, с.-д. комитетъ вызвалъ для поддержки ея всеобщую забастовку. То-же сдѣлалъ Харьковскій комитетъ во время солдатскихъ манифестацій 18—19 ноября. Во время севастопольскаго возстанія „Очакова“ мѣстная с.-д. организація приняла энергичное участіе въ агитаціи и руководствѣ движеніемъ. Ея члены Генькинъ, Вороницынъ и Канторовичъ впослѣдствіи были осуждены на каторгу по процессу лейт. Шмидта.

Агитація въ деревнѣ приняла значительные размѣры въ Прибалтій-

1) Позднѣе онъ былъ обличенъ въ негласныхъ переговорахъ съ представителемъ Намѣстника и отвергнутъ рабочими.

скомъ краѣ, Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской губерніяхъ, въ Бѣлоруссіи, юго-западныхъ и малорусскихъ губерніяхъ, въ Закавказьѣ. Корреспонденція въ № 11 „Новой Жизни“ отмѣчаетъ попытку Саратовской крестьянской группы с.-д. организаціи овладѣть аграрнымъ движеніемъ въ Николаевскомъ городкѣ и, парализовавъ вліяніе „соціалистовъ-революціонеровъ“, устранить изъ него террористическій элементъ и ввести въ русло революціоннаго самоуправленія. Въ Гуріи, Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи соціалдемократы стояли во главѣ всего агрессивнаго движенія.

Крестьянскій вопросъ живо обсуждался въ с.-д. литературѣ. Его выдвигали какъ бурный подъемъ стихійнаго аграрнаго движенія, такъ и ростъ вліянія народнической агитаціи на городскія массы. Рѣшенія большевистскаго („третьяго“) съѣзда и меньшевистской („майской“) конференціи выдвинули принципъ поддержки соціалдемократіей крестьянскихъ требованій вплоть до требованія „всей земли“. Въ большевистской печати, Н. Ленинъ явился сторонникомъ безоговорочной поддержки этихъ требованій во имя направленнаго противъ стараго порядка и противъ буржуазіи боевого союза крестьянъ и рабочихъ; соотвѣтственно этой позиціи, онъ склонялся къ требованію націонализаціи земли, настаивая лишь на необходимости „разоблачать“ народническія иллюзіи относительно мнимо-соціалистическаго характера этого требованія. Противъ такого „крестьянофильства“ вождя фракціи выступилъ П. Ларіоновъ (№ 27 „Нов. Жизни“). Въ свою очередь, Н. Рожковъ отрицалъ возможность для соціалдемократіи ввести *въ программу* партіи требованіе „всей земли“, настаивая на томъ, что партія лишь условно можетъ поддерживать это крестьянское требованіе, пока оно можетъ играть прогрессивную роль въ развитіи народнаго движенія („Н. Ж.“ № 16), а Б. Авиловъ рѣзко высказывался противъ націонализаціи земли, которая „въ буржуазномъ государствѣ“ означаетъ увеличеніе силы и вліянія правительства, т. е. въ конечномъ счетѣ буржуазіи“ („Н. Ж.“, № 11).

Въ „Началѣ“ принципъ рѣшительной поддержки крестьянскаго движенія отстаивался съ оговорками о нецѣлесообразности „захватной“ тенденціи въ этомъ движеніи, шедшей объ руку съ его а-политическимъ характеромъ. Въ № 11 газеты намѣчается аграрная программа для соціалдемократіи: для культурныхъ имѣній предлагается отстаивать муниципализацію, для остальныхъ—раздѣлъ въ собственность крестьянъ. Въ выпускавшемся заграницей „Дневникѣ Соціалдемократа“ Г. В. Плехановъ рѣзко выступалъ противъ попытокъ ввести въ с.-д. программу требованіе націонализаціи земли, являвшееся съ его точки зрѣнія политически-реакціоннымъ и санкціонирующимъ „китайскія“ традиціи русской исторіи, тѣсно связанныя съ государственнымъ закрѣпощеніемъ крестьянства и всепоглощающимъ абсолютизмомъ.

Борьба за дальнѣйшее развитіе революціи, написанная на знамени с.-д-іи, прежде всего столкнула ее послѣ 17-го октября съ либерализмомъ. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ того общественнаго сочувствія, которымъ была встрѣчена октябрьская забастовка и которое выразилось въ революціонномъ топѣ либеральной печати въ первые „дни свободы", „Новая Жизнь" сначала измѣняетъ установившейся большевистской традиціи и въ № 1, отмѣчая призывы либераловъ къ объединенію всѣхъ прогрессивныхъ силъ, отвѣчаетъ на него формулой Плеханова: „врозь идти, вмѣстѣ бить", въ свое время направленной имъ противъ тактической позиціи большевиковъ. Но уже въ № 6 газета возвращается къ точкѣ зрѣнія женевскаго „Пролетарія", одинаково враждебной не только анти-демократическимъ проявленіямъ либерализма, но —едва ли не еще болѣе—проявленію въ немъ „воли къ власти" въ борьбѣ съ реакціей. Въ статьѣ Ю. Каменева (№ 6) носящей характерное заглавіе: „Они становятся рѣшительнѣе", разбирается идея газеты „Русь" о назначеніи временнаго правительства земско-городскимъ съѣздомъ, въ виду неспособности гр. Витте обезпечить реализацію манифеста 17 октября. Авторъ заявляетъ: „задумано безъ хозяина" и пророчитъ, что такое временное правительство пролетаріатъ свергнетъ. Въ № 7, Н. Минскій по второстепенному поводу пишетъ: „Между буржуазной политикой и соціалдемократической нѣтъ и не можетъ быть даже внѣшнихъ и формальныхъ точекъ соприкосновенія". Въ № 13 Галерка предсказываетъ „близость момента торговой сдѣлки бюрократіи съ земскимъ либерализмомъ", какъ величайшую опасность для революціи, а въ № 15 П. Румянцевъ констатируетъ совершеніе этой сдѣлки въ фактѣ рѣшенія съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей обѣщать правительству содѣйствіе, при условіи декретированія всеобщаго и равнаго избир. права, отмѣны усиленной охраны и осуществленія „свободъ". Пролетаріатъ, заявляетъ П. Румянцевъ, помѣшаетъ сдѣлкѣ на такой основѣ. Наконецъ, Н. Ленинъ, опять возвращаясь къ плану „Руси", признаетъ, что послѣ отказа гр. Витте, удовлетворить требованія земцевъ, „либеральная буржуазія, подъ давленіемъ пролетаріата дѣлаетъ шагъ влѣво" („Н. Ж." № 18), но изъ этого факта дѣлаетъ только тотъ выводъ, что пролетаріатъ не долженъ пускать въ временное правительство „ненадежные элементы".

Для большевиковъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ взглядами, выработанными ими въ теченіе предыдущаго года, отношеніе къ буржуазной оппозиціи опредѣлялось увѣренностью, что страна стоитъ передъ рѣшительной побѣдой надъ старымъ порядкомъ и что эта побѣда дастъ діаметрально-противоположные результаты въ зависимости отъ того, попадутъ ли ея плоды въ руки „либерально-монархической буржуазіи" или въ руки революціонныхъ партій, выражающихъ интересы пролетаріата и крестьянства. Въ первомъ случаѣ

развитіе Россіи пойдетъ „по-прусски“, во второмъ—„по-американски“. А потому, чѣмъ относительно-большія уступки демократизму готовъ былъ бы сдѣлать либерализмъ, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе популярнымъ могъ онъ стать въ странѣ, тѣмъ онъ становился опаснѣе и борьба съ нимъ необходимѣе.

Сложнѣе и лишенной внутренней цѣльности оказалась въ вопросѣ объ отношеніи къ либерализму позиція „Начала“, въ которомъ представители „меньшевизма“ объединились съ Парвусомъ и Троцкимъ, расцѣнивавшими буржуазный либерализмъ и буржуазную демократію не выше, чѣмъ большевики. Въ редакціонной статьѣ № 1-го, писанной Парвусомъ и носящей слѣды его личныхъ взглядовъ на характеръ предстоящаго переворота, съ полной ясностью формулирована обычная меньшевистская позиція: „въ интересахъ пролетаріата содѣйствовать буржуазіи въ ея либеральной оппозиціи. Мы не боимся успѣховъ либерализма; напротивъ, они—условіе нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ“. Борьба съ либерализмомъ становится необходимой, когда онъ начинаетъ отступать въ борьбѣ съ реакціей.

Съ этой точки зрѣнія было вполнѣ естественно, что „Начало“ съ крайней рѣзкостью, съ умышленнымъ сгущеніемъ красокъ, аттаковало еще окруженнаго ореоломъ штутгартской славы П. Б. Струве, когда онъ за собственный счетъ вступилъ въ дипломатическіе переговоры съ графомъ Витте. Здѣсь рѣчь явно шла о могущей лишь деморализовать общественное движеніе попыткѣ перекинуть мостъ между умѣренными его элементами и правительственной властью. „Начало“ назвало Струве „агентомъ Витте“, что вызвало взрывъ негодованія въ средѣ бывшихъ „освобожденцевъ“, нашедшій свое выраженіе въ негодующемъ письмѣ за подписью С. Н. Прокоповича, Н. Ф. Анненскаго, В. Хижнякова, Е. Д. Кусковой, Е. Репьевой, Л. Куприяновой, Л. Гуревичъ, В. Богучарскаго, Г. Ландау. Правота политической прозорливости и демократической стойкости оказалась не на сторонѣ группы протестантовъ, пытавшихся обѣлить актъ оппортюнистическаго партизанства, который открывалъ собою эру двусмысленныхъ отношеній между реакціей и представителями либеральной оппозиціи.

Но, когда „Начало“ въ статьѣ Е. Смирнова (№ 3), въ виду обнаруживаемыхъ либерализмомъ послѣ 17-го октября шатаній, объявляетъ, что либералы измѣнили народу раньше, чѣмъ этого ожидали, раньше, чѣмъ добыта дѣйствительная свобода,—оно дѣлаетъ несомнѣнную уступку большевистской постановкѣ вопроса, игнорируя тотъ фактъ, что объективныя условія еще не созрѣли для такой „измѣны“ либерализма и что, пока перемѣщенія реальной власти не произошло, строить всю тактику передовой партіи на борьбѣ съ тенденціями къ „измѣнѣ“ значитъ—какъ это доказывали „Искра“ и Плехановъ—вести азартную политическую игру. Еще бо́льшую

политическую ошибку и еще бо́льшее уклоненіе отъ прежней позиціи газета обнаружила, помѣщая въ томъ же № 3 статью В. Звѣздина, направленную противъ народническаго „Сына Отечества“, который назвалъ „реакціоннымъ“ требованіе земско-городского съѣзда передачи въ руки органовъ самоуправленія полиціи и образованія „комитетовъ общественнаго спасенія“. Усматривая въ этомъ требованіи попытку узурпаціи имущими классами власти въ ущербъ демократіи, Звѣздинъ видитъ въ шагѣ земцевъ актъ контрреволюціонной борьбы противъ народа, а не необходимый и важный этапъ въ дѣлѣ борьбы противъ стараго порядка. Либерализмъ—вопреки взгляду „Искры“—разсматривается, какъ сила, уже ставшая объективно-контрреволюціонной, уже не играющая другой роли, кромѣ роли союзника бюрократіи и дворянства. Въ передовой статьѣ № 8 по поводу отказа к.-д. партіи отъ требованія суверенаго учредительнаго собранія и признанія необходимости монархической санкціи для конституціи, „Начало“ заявляетъ: „революція прошла свой первый фазисъ. Земская оппозиція откололась и стала контрреволюціонной силой“. Эта формула настолько не соотвѣтствовала традиціонному представленію „меньшевизма“ о взаимоотношеніи классовъ въ періодъ еще несломленнаго политическаго господства старыхъ сословій, что уже въ слѣдующемъ (9-мъ) № газеты мы опять—по поводу отказа гр. Витте удовлетворить требованія земскаго съѣзда—читаемъ призывъ къ либераламъ о поддержкѣ народнаго движенія. Но въ слѣдующемъ же (10-мъ) № Парвусъ, подобно большевику Каменеву, выражаетъ крайнюю тревогу по поводу именно такого—не шедшаго далѣе столбцовъ „Руси“—политическаго плана, который, будучи реализованъ, означалъ бы поддержку народнаго движенія имущими классами въ наиболѣе рѣшительной формѣ: плана самочиннаго образованія „временнаго правительства“ или—точнѣе—центральнаго органа общественныхъ организацій для давленія на старую власть. Парвусъ опасается, что созданіе такого органа перенесетъ руководство народнымъ движеніемъ изъ Совѣта раб. деп. въ смѣшанную по составу организацію и тѣмъ ослабитъ движеніе. И такъ какъ, въ отличіе отъ „большевиковъ“, Парвусъ не обольщался возможностью искусственно и рѣзко раздѣлить въ этой стадіи движенія буржуазный либерализмъ и буржуазную демократію и, притянувъ послѣднюю къ пролетаріату, противопоставить ихъ союзъ либеральнымъ имущимъ классамъ, то онъ съ логическимъ безстрашіемъ приходитъ къ выводу о томъ, что пролетаріатъ можетъ, въ полномъ смыслѣ слова, самъ себѣ довлѣть. Пролетаріату, заявляетъ онъ, не нужна поддержка буржуазной демократіи не только для завоеванія власти, но даже и для остановки производства. Такимъ образомъ, если до 17 октября тактика, разсчитанная на политическую „изоляцію пролетаріата“, особенно рѣзко критиковалась въ „Искрѣ“ и была отвергнута на различныхъ кон-

ференціяхъ „меньшевистскихъ“ организацій, то теперь она принимается какъ неизбѣжный фактъ дѣйствительности. Въ 16-мъ (послѣднемъ) № „Начала“ дѣлается попытка обосновать тотъ окончательный разрывъ съ буржуазной оппозиціей, который газета связывала съ подмѣной лозунга „Учредит. Собраніе“ у к.-д. партіи лозунгомъ: „Дума съ учредит. функціями“. Газета соглашается, что практически-политическое значеніе этой разницы формулы не такъ ужъ велико и можетъ быть сглажено въ ходѣ воплощенія одного изъ нихъ въ жизнь; дѣло не въ томъ, объявляется ли созываемое собраніе съ самаго начала полновластнымъ или его полновластіе достигается въ результатѣ борьбы между реакціонными и прогрессивными силами. Принципіальное значеніе имѣетъ вопросъ: *кто созываетъ* и, въ зависимости отъ этого, созывается ли собраніе при условіи предварительно обезпеченнаго революціоннаго давленія *сверху* или нѣтъ, и именно по этой линіи должна происходить въ данный моментъ размежевка между контрреволюціонными и прогрессивными элементами. Такая постановка вопроса являлась по существу присоединеніемъ къ тактической формулѣ большевистскаго „третьяго“ съѣзда и плохо вязалась съ тактическими резолюціями меньшевистской конференціи, исходившей изъ необходимости для пролетаріата не разрывать окончательно съ буржуазной оппозиціей до момента перехода власти въ ея руки и отвергавшей, въ качествѣ единственнаго допустимаго для демократіи пути, путь къ „временному правительству“. Она какъ бы признавала уже совершенно законченной ту стадію общественнаго кризиса, въ которой разыгрывалась борьба за власть между буржуазной и дворянской частями имущихъ классовъ и законченной на условіяхъ полной капитуляціи первой передъ второй, — ту стадію, для всего протяженія которой „меньшевизмъ“ въ „Искрѣ“ тщательно разработалъ и марксистской теоріей обосновалъ цѣлесообразную тактику. Извѣстная аберрація политическаго зрѣнія произошла въ этомъ отношеніи и извиняющимъ „меньшевиковъ“ обстоятельствомъ являлись не тѣ шатанія и измѣны либерализма, которыя имѣли мѣсто въ теченіе всей свободы и въ которыхъ не было ничего неожиданнаго, но то его исчезновеніе съ политической арены, какъ политическаго фактора, борющагося за вліяніе на массы, которое является характерной чертой этого періода и которое, въ конечномъ счетѣ, объяснялось совершившимся въ теченіе этого времени процессомъ ликвидаціи *земско-дворянскихъ* основъ либерализма и необходимостью для либеральной партіи перестраивать свои ряды на иной классовой основѣ. Поразительная безпомощность либеральной партіи и сдача ею „лѣвымъ“ почти безъ боя всѣхъ позицій въ *народномъ* движеніи создавала возможность той иллюзіи, будто на политической аренѣ непосредственно соприкасаются два лагеря: правительственный и соціалисти-

ческій, между которыми лишь путаются безсильныя кучки буржуазныхъ идеологовъ.

Эта иллюзія должна была фатально отразиться на измѣненіи традиціоннаго взгляда на самое историческое значеніе и соціальное содержаніе переживаемаго кризиса. Уже, какъ мы видѣли, послѣ 9-го января Троцкій и Парвусъ раздѣлались съ программнымъ признаніемъ этого кризиса „буржуазной революціей“, а „большевики“ вступили въ непримиримое противорѣчіе между этимъ признаніемъ и провозглашеніемъ завоеванія власти пролетаріатомъ необходимымъ залогомъ успѣшности общественнаго движенія. Въ періодъ „дней свободы“ обѣ фракціи своей тактикой толкались къ болѣе рѣшительному пересмотру этого программнаго тезиса.

Въ программной статьѣ № 1-го „Начала“, принадлежащей перу *Парвуса*, эта „ревизіонистская“, по отношенію къ программѣ, тенденція сказывается только въ двусмысленномъ терминѣ „рабочая демократія“, которымъ авторъ обозначаетъ политическую цѣль движенія. Объясняя этотъ терминъ, онъ указываетъ, что соотвѣтствующій ему политическій строй формально покрывается ходячимъ терминомъ „буржуазной демократіи“, т. е. конституціи, всецѣло покоящейся на народномъ суверенитетѣ и политическомъ равенствѣ; только въ этой конституціи, въ отличіе отъ типичныхъ мѣщанскихъ демократій, особо ограждены, благодаря давленію сознательнаго рабочаго класса, спеціальные его интересы: неограниченность политическихъ „свободъ“, полная свобода коалицій, ограниченіе рабочаго дня и т. д. Съ № 7-го газеты начинаютъ яснѣе слышаться ноты такого „ревизіонизма“. Въ передовой статьѣ № 7, посвященной крестьянскому вопросу, указывается, что не исключена возможность такого затяжного хода общественнаго кризиса, при которомъ буржуазный переворотъ непосредственно превратится въ соціалистическій. Характеръ переворота лишь косвенно опредѣляется степенью развитія производительныхъ силъ: онъ ею опредѣляется черезъ посредство борьбы классовъ, а въ послѣдней извѣстную роль играетъ элементъ относительно-„случайный“. Здѣсь, не договаривая, авторъ повторялъ то, что говорила резолюція майской меньшевисткой конференціи о „захватѣ власти“: послѣдняя указывала что перипетіи гражданской войны могутъ передать власть пролетаріату и въ ходѣ буржуазнаго переворота и настаивала на томъ, что не стремясь къ полученію власти, пролетаріатъ, еслибъ такая комбинація имѣла мѣсто, былъ бы вынужденъ идти до конца и пытаться осуществлять полностью свою программу. Принимая эту резолюцію противъ взглядовъ „большевиковъ“ и Парвуса-Троцкаго, „меньшевики“ подчеркивали *трагическій* характеръ такой перспективы, которая могла бы стать реальностью лишь при условіи слабости и недозрѣлости тѣхъ слоевъ буржуазіи, политическое господство которыхъ предопредѣлялось данной степенью

развитія производительныхъ силъ. Передъ ними носилась перспектива новой парижской коммуны и они подчеркивали, что марксистская партія не можетъ ставить себѣ цѣлью овладѣніе государствомъ при условіяхъ неизбѣжности финала коммуны. Въ № 7 „Начала“ эта оборотная сторона медали оставляется въ тѣни, изъ „нужды“ дѣлается почти „добродѣтель“ и перспектива вѣрнаго пораженія изображается такъ, какъ еслибъ говорилось объ обезпеченной побѣдѣ. Въ № 10 Н. Троцкій дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ и говоритъ о „непрерывной революціи“, какъ принципѣ, лежащемъ въ основѣ соціалистической тактики. Эта непрерывность понимается отнюдь не какъ простое, присущее каждой передовой партіи, стремленіе довести переворотъ до его „логическаго конца“, опредѣляемаго основной исторической задачей, вытекающей изъ даннаго состоянія производительныхъ силъ. По Троцкому, „непрерывность революціи“, являющаяся „закономъ самосохраненія пролетаріата“, заключается въ томъ, что „между ближайшей и конечной цѣлью устанавливается революціонная непрерывность“. Въ № 23 „Новой Жизни“, въ свою очередь, шедшей отъ теоріи „третьяго съѣзда“ о „временной диктатурѣ пролетаріата и крестьянства“ къ идеѣ непосредственнаго соціалистическаго переворота, мысль Троцкаго подвергается конкретизаціи. „Революція будетъ непрерывной, концомъ же ея, несомнѣнно, будетъ диктатура пролетаріата“. Политическая демократія, прибавляетъ газета, „только этапъ“.

Словно нарочно, чтобы подчеркнуть отступленіе русскихъ соціалдемократовъ отъ теоретическихъ основъ ихъ программы, въ томъ же 10-мъ номерѣ „Начала“, гдѣ съ наибольшей необузданностью развиты утопическія идеи Троцкаго и Парвуса, помѣщена переведенная изъ „Die Neue Zeit“ статья Фр. Меринга о „непрерывной революціи“, въ которой нѣмецкій марксисткій теоретикъ, впервые примѣнившій къ русскимъ событіямъ этотъ терминъ К. Маркса изъ эпохи 1848 года, точно и ясно формурировалъ соотвѣтствующее духу научнаго соціализма пониманіе этой идеи. „Русскіе рабочіе“—заявляетъ Мерингъ,—„не властны перепрыгнуть черезъ ступени историческаго развитія и перейти по мановенію руки отъ абсолютизма къ соціалистическому строю. Но они могутъ сократить и сгладить путь своей борьбы за окончательное освобожденіе... Они не могутъ вписать въ конституцію пунктъ о диктатурѣ пролетаріата, но могутъ добиться всеобщаго избирательнаго права, права коалицій, законодательной нормировки рабочаго дня, неограниченной свободы слова и печати“. И самая „непрерывная революція“, по Рерингу, заключается въ томъ, что „пролетаріатъ ни на минуту не сложитъ оружія и не допуститъ, чтобы буржуазія сдѣлала хотя одинъ шагъ впередъ безъ того, чтобы и самъ онъ не продвинулся впередъ на одинъ шагъ“. Это значило, что расширеніе ближайшихъ цѣлей пролетаріата ставилась въ прямую и опредѣленную зависимость отъ широты

размаха движенія буржуазіи: чѣмъ дальше она пойдетъ по пути ломки стараго порядка, тѣмъ больше сможетъ отвоевать для себя пролетаріатъ. Но такая концепція, вполнѣ покрывавшая меньшевистскіе взгляды до-октябрьскаго времени, рѣшительно противорѣчила идеямъ самого „Начала“ о „непрерывной революціи“, предполагавшимъ, напротивъ, что, чѣмъ меньше „шаговъ впередъ“ сдѣлаетъ буржуазія по пути буржуазнаго переворота, тѣмъ дальше пролетаріатъ умчится въ направленіи къ своей конечной цѣли. Въ № 15 „Начала“ эта мысль выражена въ условной формѣ въ статьѣ „Революція—творецъ“. Революція, говорится здѣсь, можетъ оказаться непрерывнымъ процессомъ, идущимъ вплоть до соціалистическаго преобразованія, если демократія окажется безсильной утвердить свое господство. Здѣсь опять безсиліе буржуазной демократіи должно было вести не къ краху всего движенія, а къ его вящщей и болѣе полной побѣдѣ. Такъ даже у „меньшевиковъ“ въ концѣ 1905 года—какъ у большевиковъ и Парвуса—Троцкаго въ началѣ его—обнаруживался „рецидивъ“ того соціально-революціоннаго субъективизма, который за 25 лѣтъ до того обнаруживали Л. Тихоміровъ и другіе „народовольцы“, когда, констатируя безнадежное, на ихъ взглядъ, отсутствіе соціально-экономическихъ предпосылокъ для торжества буржуазнаго парламентаризма въ Россіи, дѣлали отсюда выводъ не о безнадежности немедленной побѣды надъ старымъ порядкомъ, но о неизбѣжности непосредственнаго перехода отъ него къ соціализму.

Если „меньшевиковъ“ къ отступленію отъ ихъ прежней позиціи толкало отсутствіе, какъ активной силы, буржуазнаго претендента на власть въ моментъ наибольшаго успѣха общественнаго движенія и наибольшаго развала старой государственности,—то „большевикамъ“ такое отступленіе навязывало аналогичное отсутствіе на политической аренѣ той сильной крестьянской партіи, которая, по ихъ представленіямъ, должна была, въ союзѣ съ рабочей партіей идти къ власти противъ дворянства и буржуазіи одновременно. Съ 23-го № „Новой Жизни“ начинаются попытки перекинуть мостъ отъ „диктатуры пролетаріата и крестьянства“ къ непосредственно-соціалистическому преобразованію. А. Луначарскій доказываетъ неизбѣжность обобществленія главныхъ отраслей производства. Въ № 26 тотъ же авторъ пытается это обобществленіе примирить съ прежними утвержденіями партіи о томъ, что переворотъ поведетъ къ всестороннему развитію капитализма. Возможно, говоритъ онъ, обобществленіе части капиталистическаго производства. Но громадное поле все же останется для частнаго капитализма—поле мелкаго производства. Такимъ образомъ, на экономическія основы господства буржуазіи партія не покусится. „Но политическаго господства капитала мы не должны допустить“, заявляетъ авторъ, становясь тѣмъ самымъ цѣликомъ на почву генри-джорджистовъ и другихъ западныхъ реформистовъ

мелкой буржуазіи, пытающихся именно совмѣстить господство мелкаго производства на основѣ частной собственности съ борьбой противъ политическаго господства капитала.

Въ конечномъ счетѣ шаткость теоретической позиціи обѣихъ фракцій въ „дни свободы“ опредѣлялась той мертвой точкой, къ которой пришло въ данный моментъ общенаціональное движеніе, одержавшее 17 октября крупнѣйшую принципіальную побѣду при условіяхъ, дѣлавшихъ невозможною реализацію этой побѣды въ полной мѣрѣ. Политическая слабость буржуазной оппозиціи и медленность наростанія крестьянскаго движенія и особенно политической его организованности ставили пролетаріатъ въ изолированное положеніе на той аванпостной позиціи, на которой ему приходилось отстаивать отъ организующейся контрреволюціи завоеванія предыдущаго движенія. И, въ свою очередь, шаткость теоретической позиціи, при отсутствіи нормально функціонирующей массовой организаціи у партіи, мѣшала ей явиться по отношенію къ находившимся въ авангардѣ массамъ въ роли организатора тѣхъ движеній и маневровъ, которые являлись необходимыми для подготовки будущихъ битвъ и для предотвращенія ихъ наступленія въ условіяхъ неблагопріятныхъ для побѣды.

Партія поняла, что залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ использованіи развала полицейской государственности для широкой организаціи силъ пролетаріата. Работа въ этомъ направленіи велась громадная. Но ея благотворные результаты парализовались политической безпомощностью соціалдемократіи передъ тѣми стихійными порывами, въ которыхъ проявлялось *метаніе* пролетарскихъ массъ, ихъ инстинктивное стремленіе продолжать во что бы то ни стало разъ начавшееся движеніе, идя по линіи наименьшаго психологическаго сопротивленія. Невозможность въ данный моментъ брать съ бою новыя *политическія* позиціи была ясна массамъ, онѣ бросались въ сторону непосредственно-экономической борьбы, внося въ нее тѣ пріемы, которые въ періодъ съ января по октябрь успѣшно были примѣнены въ борьбѣ политической. Съ конца октября въ Петербургѣ обозначается „захватное“ движеніе для немедленной реализаціи восьмичасоваго рабочаго дня. Передъ соціалдемократіей оно ставило вплотную вопросъ въ какой мѣрѣ это движеніе соотвѣтствуетъ политической задачѣ, формулированной при прекращеніи октябрьской забастовки—задачѣ подготовки слѣдующей крупной политической битвы? Носившіяся въ воздухѣ представленія о „непрерывной революціи“ въ томъ утопическомъ смыслѣ, въ которомъ эту идею развилъ Н. Троцкій, располагали въ пользу признанія этого „захватнаго“ движенія средствомъ углубленія соціально-революціоннаго содержанія общественнаго кризиса. Но и меньшевистскія представленія о преждевременности самоизоляціи пролетаріата въ начальной стадіи борьбы, и больше-

вистскія стремленія къ тому, чтобъ не расточать энергіи массъ въ частныхъ движеніяхъ въ періодъ подготовки „рѣшительнаго выступленія“ одинаково возставали противъ этого, синдикалистскаго уклона рабочаго движенія. И, дѣйствительно, вожди соціалдемократіи въ глубинѣ души опасались послѣдствій этого шага пролетаріата. Но неясность ихъ общей политической позиціи и упрощенность революціонной агитаціи, которою сама партія поддерживала въ это время броженіе въ массахъ, помѣшали имъ реализовать свое вліяніе на Совѣтъ раб. деп. для противодѣйствія стихійнымъ тенденціямъ. С.-д. пресса приняла движеніе, какъ фактъ, не пытаясь его предотвратить. Въ „Совѣтѣ“ представители партіи не поддержали голоса немногихъ рабочихъ, поставившихъ вопросъ о томъ, что „сначала надо справится съ однимъ врагомъ, а потомъ начинать борьбу противъ другого“. Движеніе было развязано и получило партійную санкцію. Оно кончилось крупнымъ—первымъ въ 1905 году—пораженіемъ пролетаріата: былъ объявленъ организованный по иниціативѣ бюрократіи стотысячный локаутъ. Капиталистическая буржуазія изъ состоянія все еще благожелательнаго политическаго нейтралитета перешла къ прямой поддержкѣ реакціи, силы столичнаго пролетаріата были страшно ослаблены, буржуазныя массы, впервые съ 9 января увидѣвшія пораженіе и отступленіе рабочихъ, укрѣпились въ недовѣріи къ силѣ революціи, а „Совѣтъ раб. деп.“, по справедливому замѣчанію Н. Череванина [1]), изъ нападающей стороны превратился въ обороняющуюся. Соціалдемократіи пришлось взять на себя санкцію отступленія и объяснять массамъ необходимость отсрочить дальнѣйшую борьбу за 8 час. раб. день. Но, связанная своей общей позиціей. она дѣлаетъ это въ достаточно половинчатой формѣ. Политическіе результаты проиграннаго сраженія не подчеркиваются, необходимость принимать бой лишь на той аренѣ, гдѣ при наличныхъ условіяхъ пролетаріатъ не останется изолированнымъ, не выясняется массамъ. Взамѣнъ того, партійная печать и Совѣтъ ограничиваются лишь выясненіемъ необходимости выжидать, организуясь, болѣе благопріятнаго момента для новаго нападенія, когда укрѣпится и расширится крестьянское движеніе, и не поддаваться на контрреволюціонную провокацію, стремящуюся преждевременно вызвать общее выступленіе пролетаріата.

Эта половинчатость позиціи партіи фатально вела къ тому, что рано или поздно подобное выступленіе должно было произойти при условіяхъ, когда подготовленность пролетаріата могла лишь *технически* оказаться выше, чѣмъ она была въ октябрѣ-ноябрѣ. Ибо весь опытъ общественнаго движенія училъ тому—и въ этомъ пунктѣ сходились всѣ оттѣнки соціал-

---

[1]) См. „Борьба обществ. силъ“ Москва 1907 г. выпускъ 2-ой.

демократіи—что *инициативной* политической роли крестьянское движеніе, во всякомъ случаѣ, играть не будетъ и что, слѣдовательно, политическая инициатива и въ дальнѣйшей борьбѣ должна принадлежать городу. Но, если такъ, то, совѣтуя пролетаріату собирать свои силы и подготовлять условія болѣе успѣшнаго наступленія, соціалдемократія должна была пріурочить послѣднее къ тому фазису общественнаго кризиса, когда, отступившіе послѣ 17 октября на задній планъ, городскіе элементы снова придутъ въ движеніе. Этотъ фазисъ намѣчался самъ собой—въ предстоявшихъ выборахъ въ Госуд. Думу, которые должны были снова призвать къ активности различные слои городской демократіи и буржуазіи и дать мощный толчокъ политическому оформленію сельской демократіи, ускоряя темпъ движенія послѣдней. „Задерживающая“ пропаганда, которую съ средины ноября ведетъ соціалдемократія, тѣмъ самымъ получила бы политическую цѣль и политическое оправданіе. Но этого вывода партія не дѣлала. Лишь въ № 14-мъ „Начала“ встрѣчается опредѣленное заявленіе о томъ, что партія „приметъ участіе въ избирательной кампаніи“. Это заявленіе остается совершенно изолированнымъ и явно противорѣчитъ общей линіи газеты, рисующей, если не на ближайшее, то на близкое время перспективу рѣшительнаго столкновенія между старымъ порядкомъ и одной лишь лѣвой демократіей съ пролетаріатомъ во главѣ. Но при такой постановкѣ задачъ самая позиція „задерживанія“ массъ и подготовки условій успѣха наталкивалась на внутреннія противорѣчія, о которыя и разбилась. Получилось то, что всегда случается съ „подготовкой рѣшительнаго боя“ въ условіяхъ самоизоляціи общественной силы, ведущей подготовку: она оказывается не въ состояніи выдержать тактику выжиданія, ибо удары, нанесенные ей противникомъ, фатально воспринимаетъ, какъ удары, нанесенные самому тому дѣлу, въ интересахъ котораго пропагандируется выжиданіе, и начинаетъ опасаться того, что при дальнѣйшемъ выжиданіи растеряетъ одну за другой свои боевыя позиціи. Это именно и случилось съ соціалдемократіей. Начавъ съ увѣщанія не поддаваться на провокацію контрреволюціонныхъ силъ и демонстраціей своего собственнаго одиночества поощривъ эти силы контрреволюціи къ усиленной провокаціи, она вскорѣ же очутилась передъ перспективой добровольнаго отступленія съ главныхъ, занятыхъ ею организаціонныхъ позицій, и, усмотрѣвъ въ этой перспективѣ опасность лишиться главныхъ орудій подготовки будущаго наступленія, бросила тактику выжиданія и открыла бой при условіяхъ, далекихъ отъ гарантіи успѣха. На разгромъ Совѣта депутатовъ и закрытіе лѣвыхъ газетъ она отвѣтила отказомъ отъ дальнѣйшаго удерживанія массъ и призывомъ къ новой всеобщей забастовкѣ, которая, какъ говорилось въ объединенномъ „Сѣверномъ Голосѣ“, смѣнившемъ закрытыя „Начало“ и „Н. Жизнь“, должна была не прекращаться

до удовлетворенія всѣхъ демократическихъ требованій и превратиться въ болѣе активное движеніе. Этимъ призывомъ партія лишь санкціонировала движеніе, которое началось бы безъ нея въ силу всей логики создавшагося для пролетаріата положенія, изъ котораго онъ, убѣжденный въ неизбѣжности и спасительности изоляціи его движенія отъ другихъ общественныхъ силъ (кромѣ крестьянства), не видѣлъ иного выхода, какъ въ выступленіи до того момента, когда всѣ организованные имъ центры будутъ по одиночкѣ разбиты.

Она его санкціонировала, далекая отъ увѣренности въ возможности политическаго успѣха при данномъ соотношеніи силъ—безъ энтузіазма и самообмана.

Въ декабрьскомъ движеніи организаціи партіи повсюду играли активную роль и добросовѣстно слѣдовали вездѣ, гдѣ имѣли для этого силы, паролю стремиться перевести его въ „высшую форму“ прямой вооруженной борьбы. Это участіе партіи въ возстаніяхъ переполнило каторжныя тюрьмы сотнями ея членовъ и стоило жизни десяткамъ другихъ—особенно въ Коломнѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Гуріи, Донецкомъ бассейнѣ и Восточной Сибири. Въ Коломнѣ, между другими, былъ разстрѣлянъ пом. пр. пов. Тарарыкинъ, въ Забайкальѣ—бывшій офицеръ Костюшко-Валюжаничъ, рабочій Ив. Бабушкинъ и мн. др., въ Екатеринославѣ, спустя еще 4 года, по приговорамъ военныхъ судовъ были казнены десятки рабочихъ-членовъ с.-д. партіи.

Разумѣется, ближайшимъ результатомъ стачки-возстанія былъ разгромъ с.-д. мѣстныхъ организацій, закрытіе клубовъ, союзовъ и газетъ. Но уже очень скоро обнаружилось, что партія менѣе всего можетъ считаться разбитой на голову. Уже въ февралѣ 1906 года организаціонная жизнь (въ нѣсколько менѣе открытыхъ формахъ) кипѣла ключемъ. И именно этотъ фактъ засвидѣтельствовалъ ту политическую аберрацію, въ которой пребывали въ декабрѣ вожди партіи, когда думали, что имѣютъ передъ собой, въ видѣ ареста Сов. р. д. и закрытія с.-д. газетъ, начало обдуманнаго систематическаго похода, имѣющаго цѣлью и могущаго разбить рабочую организацію по частямъ. Контрреволюція, несмотря на декабрьскую побѣду, не чувствовала себя въ силахъ пытаться устранить соціалистическія партіи съ политической арены,—тѣмъ менѣе ставила она себѣ эту цѣль, арестуя С. р. д. Шквалъ полицейскихъ репрессій, пронесшійся въ декабрѣ по всей странѣ, не коснулся легально жившихъ политическихъ руководителей соціалдемократіи—ея литературнаго штаба—и почти открыто существовавшихъ ея организаціонныхъ партійныхъ центровъ. Такимъ образомъ, есть основаніе утверждать, что въ началѣ декабря руководители партіи переоцѣнивали не только силы, которыя стояли за ними, но и степень той необходимости,

которая по ихъ мнѣнію, толкала рабочую партію на немедленное выступленіе [1]).

IV.

Отъ декабрьскаго пораженія до созыва I-ой Думы.

Какъ сказано, с.-д. организаціи относительно быстро стали оправляться отъ декабрьскаго разгрома, хотя послѣдній и вырвалъ изъ ихъ рядовъ тысячи работниковъ. Открытые политическіе клубы и „Совѣтъ депутатовъ“ исчезли, но часть профессіональныхъ союзовъ уцѣлѣла, а тайныя собранія членовъ партіи могли кое-какъ продолжаться. Ежедневныя партійныя газеты прекратились, но отдѣльныя періодическія изданія, вродѣ большевистскаго „Вѣстника Жизни“ и меньшевистскихъ „Откликовъ Современности“ въ Петербургѣ, продолжали выходить. На первомъ планѣ среди заботъ партіи стояла теперь задача созыва „объединительнаго“ съѣзда, рѣшеннаго на ноябрьскихъ конференціяхъ обѣихъ фракцій. Послѣдними былъ образованъ „Объединенный центральный комитетъ“ въ составѣ шести членовъ (по 3 отъ фракціи), который и занялся подготовкой съѣзда. Этому же центральному комитету пришлось рѣшать вставшій передъ всей прогрессивной частью общества вопросъ о выборахъ въ I-ую Госуд. Думу.

Этотъ вопросъ снова въ острой формѣ вызвалъ къ жизни разногласія между фракціями, затихшія во время „дней свободы“. Традиція меньшевиковъ, сложившаяся въ періодъ „Булыгинской“ Думы, была враждебна „бойкоту“. „Мы примемъ участіе въ избирательной кампаніи“, писало „Начало“ въ самый разгаръ своихъ надеждъ на близкую радикальную побѣду освободительнаго движенія. Лишь въ небольшой части „меньшевиковъ“ въ провинціи наблюдалось „бойкотистское“ настроеніе. Напротивъ, какъ среди большевиковъ, такъ и въ національныхъ с.-д. организаціяхъ, бойкотизмъ царилъ всецѣло. На большевистской конференціи въ ноябрѣ 1905 года Ленинъ и другіе лидеры склонялись къ признанію желательности участія въ выборахъ,

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, авторъ долженъ пояснить, что даваемая имъ критика поведенія соціалдемократіи является въ извѣстной мѣрѣ и *самокритикой* въ виду лично имъ сыгранной роли въ качествѣ оффиціальнаго представителя одной изъ с. д. фракцій. Авторъ полагаетъ, что почти 10 лѣтъ, прошедшихъ со времени описываемой эпохи, достаточный срокъ для того, чтобы не только обязать всѣхъ участниковъ событій 1905 года къ критическому освѣщенію ихъ, но чтобы и сдѣлать для нихъ самихъ *возможнымъ* объективное изслѣдованіе ихъ.

Считаю также нужнымъ указать здѣсь, что старѣйшіе изъ дѣятелей соціалдемократіи—Г. В. Плехановъ и П. Б. Аксельродъ (остававшійся заграницей) и В. И. Засуличъ—тогда же (въ ноябрѣ-декабрѣ 1905 г.) отрицательно отнеслись къ отмѣченнымъ мною отступленіямъ „меньшевиковъ“ отъ прежней тактики.

но сочли полезнымъ уступить делегатамъ Центра и Урала, рѣзко противопоставлявшимъ участіе въ выборахъ принципу непримиримой борьбы съ реакціей за полную демократизацію. Послѣ декабря для этой фракціи вопросъ о бойкотированіи выборовъ и Думы сталъ вопросомъ объ оправданіи ноябрьско-декабрьской тактики. Народъ, говорили ея представители, не разбитъ въ декабрѣ: напротивъ, декабрь обнаружилъ стремленіе пролетаріата перейти къ „высшей формѣ“ непосредственной борьбы. Генерализація этого стремленія, его распространеніе на всю демократію является очередной задачей, выполненію которой непримиримо противорѣчитъ участіе въ „комедіи выборовъ“ въ мнимо-конституціонное учрежденіе, имѣющей цѣлью обманъ народа путемъ контрреволюціонной сдѣлки между старой властью и буржуазіей. Участіе въ выборахъ можетъ лишь плодить „конституціонныя иллюзіи“ и тѣмъ тормозить дѣло мобилизаціи народныхъ силъ для прямой борьбы.

При этомъ такое участіе демократіи въ выборахъ можетъ лишь укрѣпить контрреволюціонную партію народной свободы, такъ какъ соціалисты окажутся не въ состояніи вести свободно агитацію и самый призывъ ихъ къ участію въ выборной кампаніи можетъ оказаться „провокаціей“. Разговоры о самостоятельномъ участіи въ выборахъ останутся фразой и рабочимъ придется своими голосами поддерживать к.-д., чтобы помѣшать побѣдѣ черной сотни. Надежды на прогрессивную роль самой Думы неосновательны: правительство „сдѣлаетъ“ выборы такъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ допустить въ качествѣ невліятельной крайней лѣвой, кучку к.-д. Поэтому, участію въ выборахъ долженъ быть соціалдемократіей противопоставленъ бойкотъ ихъ, имѣющій цѣлью вырыть пропасть между лженароднымъ представительствомъ и народными массами, отдѣлить контрреволюціонные „соглашательскіе“ элементы буржуазнаго либерализма отъ демократіи, способной къ дальнѣйшему движенію, и сплотить послѣднюю вокругъ пролетаріата.

Эту именно позицію защищалъ Н. Ленинъ въ статьѣ о бойкотѣ, помѣщенной въ № 2 „Партійныхъ Извѣстій“, изданныхъ объединеннымъ комитетомъ. Противоположную точку зрѣнія развилъ въ томъ же листкѣ Ф. Данъ. Съ пораженіемъ декабрьскаго движенія, политическій центръ переходитъ къ Госуд. Думѣ. Вокругъ нея сконцентрируются всѣ оппозиціонныя силы и, въ частности, неизрасходованныя еще въ битвахъ „дней свободы“ силы крестьянства и городской демократіи, только начинающія пробуждаться. Въ меньшинствѣ или въ большинствѣ, оппозиція въ Думѣ станетъ узловымъ пунктомъ еще неоформленныхъ соціально-политическихъ движеній. Ея борьба за власть или за уступки народу будетъ политически развивать отсталыя массы. Участвуя въ самомъ процессѣ выборовъ, соціалдемократія соберетъ вокругъ

выдвигаемыхъ ею крайнихъ демократическихъ лозунговъ тѣ общественные элементы, которые переросли политику „соглашательства“, и организуетъ, такимъ образомъ, политическую силу, способную двигать будущую Думу влѣво и не дать ей заключить съ старой властью контрреволюціонное соглашеніе. Въ создаваемыхъ многостепенной избирательной системой коллегіяхъ уполномоченныхъ и выборщиковъ общественное движеніе получаетъ новые естественные центры сплоченія, могущіе, какъ въ 1789 г. во Франціи, сыграть большую роль въ дѣлѣ борьбы за политическую свободу; для рабочаго же класса эти коллегіи могутъ стать, подобно октябрьскимъ „Совѣтамъ“, его признаннымъ классовымъ представительствомъ.

Дабы облегчить дѣло соглашенія съ другой фракціей, меньшевики оставляли открытымъ вопросъ о томъ, должно ли участіе въ выборахъ завершиться попыткой провести въ Думу кандидатовъ партіи, или должно быть использовано исключительно въ организаціонныхъ и агитаціонныхъ цѣляхъ? Какъ возможность, Ф. Данъ и другіе публицисты допускали, что дѣло ограничится участіемъ с.-д. въ коллегіяхъ уполномоченныхъ и выборщиковъ, которые откажутся выбирать въ Думу, предъявляя требованіе созыва суверреннаго и демократическаго представительнаго органа. Эта уступка была проведена еще дальше представителями меньшевиковъ въ объединенномъ центральномъ комитетѣ, который въ циркулярномъ письмѣ предложилъ организаціямъ проводить на мѣстахъ одинъ изъ двухъ, равно рекомендуемыхъ, плановъ: либо бойкотъ съ начала до конца, либо участіе во всѣхъ стадіяхъ выборовъ, кромѣ послѣдней, съ отказомъ выставлять кандидатуры въ самую Думу. Тѣмъ самымъ меньшевистская тактика лишалась законченности и весь планъ повисалъ въ воздухѣ. Благодаря этому, громадное большинство партійныхъ организацій избрали большевистскій планъ, какъ болѣе цѣльный и простой, тамъ же, гдѣ меньшевики отвергали бойкотъ, они либо съ самаго начала ставили себѣ цѣлью „дойти до конца“, либо, втянувшись въ избирательную кампанію съ намѣреніемъ оборвать ее по избраніи выборщиковъ, были вынуждены, считаясь съ желаніями избирателей, нарушить партійный запретъ.

Дискуссія объ участіи въ выборахъ и бойкотѣ оживила партійные круги и способствовала возрожденію разбитыхъ организацій. Въ то же время она заставила обѣ стороны формулировать свои взгляды на болѣе широкія тактическія проблемы. „Меньшевики“ пересмотрѣли свою линію поведенія въ „дни свободы“ и выправляли ее въ соотвѣтствіи съ прежней традиціей: борьбу за крайніе лозунги демократіи они теперь не противоставляли естественному ходу общественнаго кризиса, ставившаго въ политическомъ центрѣ органъ созываемаго старой властью представительства, а пытались вести, опираясь на этотъ процессъ. Соотвѣтственно этому, они вернулись къ до-

октябрьской тактикѣ въ отношеніи къ буржуазной оппозиціи и подчеркивали возможность для демократіи идти рядомъ съ ней до извѣстнаго пункта. Напротивъ, большевики формулировали партійную политику, какъ прямое и логическое продолженіе декабрьской попытки, переведшей борьбу демократіи въ плоскость „гражданской войны“, не допускающей ни хотя бы формальнаго сотрудничества съ силами реакціи въ легальныхъ учрежденіяхъ, ни хотя бы частнаго и временнаго согласованія дѣйствій съ буржуазіей, стоящей на почвѣ мирной борьбы.

Національныя с.-д. организаціи—польская, еврейская и латышская—цѣликомъ восприняли тактику бойкота.

Несмотря на оффиціальное рѣшеніе о бойкотѣ, отдѣльные рабочіе—соціалдемократы принимали избраніе въ уполномоченные и выборщики тамъ, гдѣ массы желали участвовать въ выборахъ. Такъ, по рабочей куріи въ Московской губерніи изъ 17 выборщиковъ было избрано 8 соціалдемократовъ, въ Москвѣ изъ 18—11 с.-д., въ Кіевской губ. изъ 7—2 с.-д. и т. д. Въ г. Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ была проведена тактика „частичнаго бойкота“, т. е. участія въ выборѣ уполномоченныхъ и отказа отъ дальнѣйшихъ выборовъ; здѣсь большинство уполномоченныхъ оказались с.-д. Въ Екатеринославской губ. намѣчена была партійной организаціей та же тактика, но избранные уполномоченные — соціалдемократы не пожелали остановиться на первой стадіи выборовъ и провели полный составъ с.-д. выборщиковъ, а послѣдніе добились избранія въ Думу своего представителя — горнорабочаго М. И. Михайличенко. Вмѣстѣ съ нимъ, въ Думу попалъ цѣлый рядъ рабочихъ депутатовъ, болѣе или менѣе тяготѣющихъ къ соціалдемократіи: Савельевъ въ Москвѣ, Чурюковъ—въ Москов. губ., Роговъ—въ Пензенской, Смирновъ—въ Костромской, Медвѣдевъ въ Воронежской, Диденко—въ Харьковской, Ильинъ—въ Херсонской, Выровой—въ Кіевской, Ершовъ—въ Казанской, Антоновъ—въ Пермской. Крестьянинъ-соціалдемократъ Шуваловъ былъ избранъ въ Самарской губ. Избраніе всѣхъ этихъ депутатовъ было возможно лишь вслѣдствіе той избирательной побѣды, которую одержали въ множествѣ губерній лѣвые крестьяне, образовывавшіе вмѣстѣ съ к.-д. большинство въ коллегіяхъ выборщиковъ и охотно удѣлявшіе мѣсто представителю рабочихъ.

Хотя въ Петербургѣ, Ригѣ, Варшавѣ, и цѣломъ рядѣ другихъ городовъ демонстрація „бойкота“ была проведена блестяще, результаты выборовъ явились наглядным свидѣтельствомъ ошибки, принятой с.-д. партіей тактики. Крестьянская и городская демократія, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ „большевиковъ“, сплотилась не вокругъ соціалистическихъ партій, звавшихъ къ бойкоту, а вокругъ кадетовъ, призывавшихъ къ участію въ Думѣ. Столь долго ожидавшаяся партія лѣваго крестьянства возникла не

въ ходѣ разрыва крестьянства съ Думой, а, напротивъ,—въ лицѣ „трудовиковъ“,—въ ходѣ пріобщенія крестьянства къ созданному созывомъ Думы новому политическому центру. Изолированной оказалась не „соглашательская“ буржуазная оппозиція, а соціалистическій пролетаріатъ.

Происходившіе въ теченіе апрѣля выборы на партійный съѣздъ отразили разочарованіе и недовольство „бойкотной“ тактикой: меньшевики получили перевѣсъ надъ большевиками какъ въ Петербургѣ, такъ и во всей Россіи. „Объединительный“ съѣздъ призналъ необходимость партійнаго участія въ выборахъ для тѣхъ губерній, въ которыхъ къ тому времени они еще не были произведены, чѣмъ развязалъ руки кавказскимъ организаціямъ, съ самаго начала стремившимся всесторонне использовать избирательную кампанію. Въ Кубанской и Терской областяхъ всѣ уполномоченные по рабочей куріи оказались с.-д. Въ Баку всѣ 3 мѣста выборщиковъ по рабочей куріи были завоеваны соціалдемократіей; по городской куріи—27 мѣстъ изъ 80-ти. Въ Тифлисѣ за кандидатовъ соціалдемократіи было подано 8078 голосовъ противъ 4173, поданныхъ за всѣ остальныя партіи, изъ 80 выборщиковъ 72 были с.-д.; ими въ Госуд. Думу былъ избранъ лидеръ кавказской соціалдемократіи Ной Жорданія. Въ Батумѣ с.-д. получили 2477 противъ 1031, поданныхъ за другія партіи. Отъ Тифлисской губерніи прошелъ въ Думу с. д. Церетели. Въ Кутаисской губерніи всѣ выборщики отъ крестьянъ были соціалдемократы. Въ г. Кутаисѣ за с.-д. кандидатовъ подано въ среднемъ 983 голоса противъ 639, поданныхъ за другія партіи. На губерискомъ собраніи всѣ 3 мѣста депутатовъ были завоеваны соціалдемократами (учителемъ Рамишвилли, врачемъ Гамартели и адвокатомъ Джапаридзе). Вездѣ на Кавказѣ избирательная компанія велась строго-партійно и съ большимъ воодушевленіемъ.

Въ Сибири избирательные успѣхи с.-д. выразились избраніемъ въ депутаты отъ Акмолинской губерніи д-ра Ишерскаго большинствомъ 14 выборщиковъ противъ 5.

Въ подготовительной работѣ къ „объединительному“ съѣзду, рядомъ съ вопросомъ объ отношеніи къ Госуд. Думѣ и тѣсно съ нимъ связаннымъ вопросомъ о политическихъ перспективахъ ближайшаго будущаго, существенную роль игралъ вопросъ *аграрный*. Если въ теченіе 1905 года большей частью соціалдемократіи былъ воспринятъ принципъ поддержки крестьянскихъ требованій вплоть до требованія экспропріаціи всей помѣщичьей земли, то въ вопросѣ о томъ, что дѣлать съ этой землей, мнѣнія рѣзко расходились. Одни считали единственно пріемлемымъ „раздѣлъ“ земли между малоземельными крестьянами въ полную собственность. Эта программа вызывала возраженія съ точки зрѣнія недопустимости для соціалистической партіи отстаивать расширеніе и укрѣпленіе частной собственности; ея сторонники

указывали, что такое расширеніе при данныхъ историческихъ условіяхъ, во всякомъ случаѣ, явится экономическимъ прогрессомъ, поскольку освободитъ земледѣліе отъ кабальныхъ отношеній. Н. Ленинъ, авторъ прежней аграрной программы с.-д., ограничивавшейся требованіемъ передачи крестьянамъ „отрѣзныхъ земель“, входившихъ до 1861 года въ составъ ихъ хозяйства, теперь рѣшительно выступилъ съ требованіемъ *націонализаціи всей земли*, какъ отчужденной отъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской надѣльной. Видя въ націонализаціи земельной ренты наиболѣе вѣрный способъ обезпечить капиталистическій прогрессъ въ земледѣліи, Ленинъ пріурочивалъ ее къ завоеванію политической демократіи, которой экономической базой она должна была явиться. Эта постановка вопроса явилась логическимъ выводомъ изъ теоріи „диктатуры пролетаріата и крестьянства“, выработанной въ 1905 году. Націонализованная земля должна была явиться могучимъ оружіемъ для удержанія передовой партіей той власти, которую ей, по мнѣнію „большевиковъ“, вручитъ ходъ событій. Тенденція крестьянскаго движенія, сплоченнаго вокругъ требованія земли, вновь распылиться и распасться на составные части, должна была быть парализованной посредствомъ этой мѣры, тогда какъ переходъ помѣщичьей земли въ частную собственность крестьянъ, удовлетворивъ послѣднихъ, порвалъ бы ихъ политическую связь съ пролетаріатомъ и сдѣлалъ бы ихъ опорой буржуазнаго режима. Съ критикой этихъ взглядовъ выступили П. П. Масловъ и особенно Г. В. Плехановъ. Послѣдній въ лозунгѣ „націонализаціи“ усматривалъ демагогическую спекуляцію революціонной партіи на тѣ традиціонныя идеи русскаго крестьянства, которыя, будучи выработаны вѣковымъ его *государственнымъ закрѣпощеніемъ*, питали его политическую приниженность и его абсолютистскія симпатіи. Выдвиганіе лозунга „націонализаціи“ во имя ея осуществленія при условіи полной демократизаціи государства укрѣпляетъ въ сознаніи народа „экономическую основу стараго порядка“ — принадлежность крестьянской земли государству. Всякая попытка реставраціи нашла бы въ институтѣ націонализаціи земли удобное средство приковать къ себѣ крестьянскія массы. Въ противовѣсъ программѣ Ленина, Плехановъ, допускавшій, какъ меньшее зло, раздѣлъ помѣщичьей земли, отстаивалъ, вмѣстѣ съ Масловымъ, выдвинувшимъ свой проэктъ еще въ 1902 году, программу „муниципализаціи“, то есть передачи государственныхъ и частновладѣльческихъ земель въ руки демократическихъ органовъ областнаго самоуправленія съ тѣмъ, чтобы соціалдемократія требовала сдачи въ аренду крестьянамъ этихъ земель за исключеніемъ капиталистически-организованныхъ имѣній, въ которыхъ должно было вестись общественное хозяйство. Программа „муниципализаціи“ встрѣчала особенную поддержку на Кавказѣ и въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ с.-д. имѣла опору въ сельскомъ пролетаріатѣ и мелкихъ арендаторахъ.

На основаніи соглашенія, состоявшагося между центрами обѣихъ фракцій (Цент. К-тъ и Организ. К-ссія), съѣздъ для объединенія партіи былъ созванъ въ Стокгольмѣ весною 1906 года. Всѣ организованные рабочіе должны были принять участіе въ выборахъ делегатовъ съ тѣмъ, чтобы 1 делегатъ представлялъ 300 избирателей. Выборы были обычно двухстепенными: собранія избранныхъ отъ небольшихъ собраній выборщиковъ назначали делегатовъ на съѣздъ. Первичные выборы происходили „по платформамъ“: обѣ фракціи выработали рядъ проэктовъ резолюцій по порядку дня съѣзда и результаты дискуссія по этимъ резолюціямъ какъ бы давали императивный мандатъ избранному защищать опредѣленную позицію во всѣхъ спорныхъ вопросахъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ обезпечивалось право меньшинства. Выборы происходили подъ взаимнымъ контролемъ обѣихъ фракцій, что не устранило, однако, оспариванія ряда мандатовъ на самомъ съѣздѣ. Представители Бунда, с.-д. Польши и Литвы, латышской и украинской с.-д-ій были приглашены на съѣздъ съ совѣщательными голосами для обсужденія на съѣздѣ вопроса объ ихъ вступленіи въ общую партію.

На съѣздѣ съ рѣшающими голосами было представлено 57 мѣстныхъ организацій 111-ью делегатами, а именно: изъ Сѣвернаго района 15 (11 отъ Петербурга, 1—отъ Риги, 1 отъ Ревеля и 2—отъ финляндской военной орг-ціи); изъ Западнаго— 7 (Смоленскъ, Вильна, Витебскъ, Двинскъ, Сморгонь, Могилевъ, Минскъ); Центральнаго—26 (Москва 13, московскій округъ—3, Тверь—1, Тула—1, Воронежъ—1, Владиміръ—1, Иваново-Вознесенскъ—2, Кострома—1, Кинешма—1, Ярославль 1, Орелъ и Брянскъ—1); изъ Волжскаго—6 (Нижній Новгородъ—2, Самара—2, Астрахань и Саратовъ по 1); Южнаго района—25 (Кіевъ—1, „Спілка“—2, Курскъ—1, Черниговъ—1, Полтава—1, Клинцы—1, Харьковъ—1, Екатеринославъ—3, Донецкій районъ—5, Ростовъ—1, Оеодосія—1, Мелитополь—1, Николаевъ—1, Одесса—3, Елизаветградъ—1, Кишиневъ—1); изъ Кавказа—25 (Тифлисъ 11, Гурія—3, Баку—3, Сѣвер. Кавказъ—3, Кутаисъ—2, Батумъ—1, Поти—1, Эривань—1); изъ уральскаго района—4 (Пермь, Воткинскій зав., Уфа, Тагильск. зав.); изъ Азіатскихъ владѣній—3 (Томскъ и Омскъ—1, Ташкентъ—1, Туркестанъ—1). Кромѣ того, представлены были съ совѣщательными голосами организаціи Казани, Калуги, Самарканда и центровъ Сибирскаго союза и южно-русскаго районовъ. Вмѣстѣ съ должностными лицами партіи и гостями, число участниковъ съѣзда дошло до 156.

Выборы на съѣздъ дали перевѣсъ въ 12—15 голосовъ „меньшевистскому“ направленію. Это обстоятельство объяснялось, главнымъ образомъ, опытомъ „дней свободы“, когда центрами движенія стали „Совѣты рабочихъ депутатовъ“, воплотившіе въ себѣ пропагандировавшуюся меньшеви-

ками идею открытыхъ массовыхъ организацій, и крахомъ тактики бойкота выборовъ, равно какъ образовавшейся, вопреки этой тактикѣ, группой рабочихъ депутатовъ въ I-ой Думѣ. Въ то же время на мѣстахъ замѣчалась извѣстная реакція противъ общей тенденціи къ форсированію событій, проявленной центрами обѣихъ фракцій и подвергшейся критикѣ Плеханова. Въ частности, меньшевики овладѣли большинствомъ представительства въ Петербургѣ (6 изъ 11). Ихъ главную силу составляли Югъ и Кавказъ, тогда какъ силу большевиковъ—центральный районъ и Уралъ.

Въ дебатахъ по аграрному вопросу, которыми начались занятія съѣзда, рѣзко столкнулись точки зрѣнія Н. Ленина, за которымъ, однако, шла лишь часть „большевиковъ“, и сторонниковъ Плеханова и Маслова. Главнымъ пунктомъ спора явился вопросъ о политическомъ значеніи противопоставленныхъ одна другой аграрныхъ программъ. Видя въ „націонализаціи“ одну изъ составныхъ частей коренного демократическаго преобразованія, проводимаго силами пролетаріата и крестьянства противъ всей буржуазіи, Ленинъ и поддерживавшій его Войновъ обвиняли „меньшевиковъ“ въ стремленіи дать рѣшеніе русскаго аграрнаго вопроса, могущее быть осуществленнымъ и при неполной побѣдѣ демократіи. Сторонники „муниципализаціи“ въ этомъ именно видѣли ея преимущество и жизненность. Кромѣ нѣкоторыхъ сторонниковъ „раздѣла“, на съѣздѣ отдѣльные делегаты обѣихъ фракцій высказывались противъ всякой аграрной *программы* вообще, настаивая на томъ, чтобы свое стремленіе поддержать требованіе крестьянства соціалдемократія облекла въ форму *тактической* резолюціи, подчеркивая этимъ временный и условный характеръ ея выступленія въ пользу этихъ требованій. Въ своемъ заключительномъ словѣ Плехановъ, указавъ на связь проекта „націонализаціи“ съ представленіями Ленина о „захватѣ власти“, заявилъ: „17-ое октября ничего не можетъ измѣнить въ нашей оцѣнкѣ идеи захвата власти... Такъ какъ предстоящее намъ теперь преобразованіе можетъ быть только мелко-буржуазнымъ, то мы обязаны отказаться отъ захвата власти. Энгельсъ говоритъ, что кто послѣ опыта 1848 года считаетъ, что соціалисты могутъ принять участіе въ временномъ буржуазномъ правительствѣ, тотъ или чрезмѣрно ограниченъ, или связанъ съ революціоннымъ дѣломъ только революціонной фразой... Но если мы считаемъ захватъ власти невозможнымъ, то спрашивается, какъ мы должны относиться къ тому проекту программы, который связанъ съ этимъ захватомъ. Если мы отрицаемъ захватъ власти, то должны отрицать и эту программу. Тѣ изъ васъ, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія марксизма, должны рѣшительно отвергнуть проектъ т. Ленина. Онъ падаетъ вмѣстѣ съ заговорщической идеей захвата власти“ [1]).

[1]) Протоколы; стр. 118.

При голосованіи 83 голосами противъ 21 (при 6 воздержавшихся) былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о принятіи аграрной программы. За проэктъ программы, выработанный П. Масловымъ и нѣсколько видоизмѣненный коммиссіей, голосовало 61, противъ 46, воздержалось 3. Вмѣстѣ съ программой, принята резолюція объ отношеніи къ крестьянскому движенію, объявляющая, что „крестьянское движеніе по существу своему мелкобуржуазно", но въ своей борьбѣ за землю имѣетъ революціонное значеніе, и, рядомъ съ поддержкой аграрныхъ требованій крестьянъ и содѣйствіемъ ихъ организаціи, провозглашающая необходимость самостоятельной организаціи сельско-хозяйственнаго пролетаріата, борьбы противъ аграрнаго террора и поджоговъ и перехода крестьянскаго движенія къ болѣе рѣшительнымъ формамъ политической борьбы.

Дебаты по вопросу о „современномъ моментѣ и классовыхъ задачахъ пролетаріата" дали возможность фракціямъ подвести итоги своему опыту „дней свободы". Докладчикъ „меньшевиковъ", А. Мартыновъ, заявилъ: „Большевики изображаютъ дѣло такъ, что мы поднимаемся со ступеньки на ступеньку: сначала была всеобщая стачка, потомъ наступила болѣе „уплотненная" форма борьбы—декабрьское возстаніе, теперь мы поднимаемся на 3-ью ступень — къ побѣдоносному рѣшительному выступленію. Изображать такъ ходъ революціи—значитъ прятать голову въ песокъ. Это—тактика Куропаткина. Спрашиваю товарищей-большевиковъ: входило ли въ ихъ стратегическіе разсчеты наше отступленіе, входили ли въ ихъ разсчеты карательныя экспедиціи, входило ли въ ихъ разсчеты, чтобы мы были разбиты и были вынуждены уйти въ подполье? Вы должны сказать рѣшительно: революція не разбита, но минувшій рѣшительный натискъ на старый режимъ закончился пораженіемъ" ибо... „у насъ не было еще на лицо благопріятнаго соотношенія общественныхъ силъ". Именно: къ моменту рѣшительнаго натиска не сформировалась и не стала въ центрѣ движенія буржуазная демократія потому, что „разложеніе абсолютизма шло гораздо быстрѣе, чѣмъ политическая организація общественныхъ силъ". Между тѣмъ, общественный кризисъ, являющійся по историческому содержанію буржуазнымъ, можетъ увѣнчаться побѣдой надъ старымъ порядкомъ лишь при условіи, что сформируется и въ центрѣ движенія станетъ буржуазная демократія. Поэтому, исходъ октябрьскихъ и декабрьскихъ дней „былъ предопредѣленъ". „Намъ теперь указываютъ, что въ эти дни меньшевики и большевики дѣйствовали вполнѣ солидарно. Это болѣе или менѣе вѣрно; мы говорили себѣ: le vin est tiré, il faut le boire. Когда наступилъ рѣшительный моментъ, надо дѣйствовать рѣшительно, тогда уже поздно разсуждать о благопріятности или неблагопріятности условій борьбы; разница заключалась въ томъ, что мы считали наше положеніе Zwangslage, большевики же къ такому

положенію стремились и считали его нормальнымъ". Политическая мобилизація буржуазной демократіи еще впереди, она будетъ отнынѣ совершаться въ связи съ Думой и, пока она еще впереди, буржуазному либерализму предстоитъ играть прогрессивную роль; поэтому, и бойкотистская тактика и радикальный разрывъ съ буржуазнымъ либерализмомъ должны быть отвергнуты [1]).

Кутаисскій делегатъ Картвеловъ говорилъ: „Московское возстаніе, по мнѣнію большевиковъ, потому было поражено, что не было въ техническомъ отношеніи подготовлено; меньшевики, наоборотъ, думаютъ, что причинъ пораженія нужно искать не въ отсутствіи технической подготовки, а совершенно въ другомъ. Послѣ октябрьскихъ событій на полѣ битвы остался одинъ пролетаріатъ, онъ былъ изолированъ... На авансцену не были еще выдвинуты новые слои мелкой городской и сельской буржуазіи... Для насъ послѣ декабрьскаго пораженія стало ясно, что необходимо выдвинуть на сцену новые слои мелкой городской буржуазіи и крестьянства, еще не затронутые движеніемъ. Этого можно было бы достичь, еслибъ наша партія использовала выборы въ Г. Думу" [1]). Тактику бойкота защищалъ представитель „Бунда", Абрамовичъ, говоря: „Наша тактика бойкота *еще теперь* не принесла непосредственно всѣхъ своихъ плодовъ; она еще оправдаетъ себя въ глазахъ народа, когда онъ прозрѣетъ", теперь же, говорилъ ораторъ, надо думать объ использованіи Думы [2]). Большевистскіе ораторы обличали „меньшевиковъ" въ отказѣ отъ надеждъ на радикальное разрѣшеніе кризиса и въ стремленіи къ мирному конституціонному развитію. „Плехановъ, говорилъ Войновъ, хотѣлъ бы поставить борьбу подъ знамя *старой вѣры*... Неужели подъ старой вѣрой разумѣютъ пугливое старообрядчество и неспособность подыматься до новаго положенія, какого с.-д. еще нигдѣ не переживала?" [3]) „Плехановъ, говорилъ П. Алексѣевъ радъ, что его хвалятъ либералы, такъ какъ этимъ, по его мнѣнію изолируется реакція, но. если либералы одобряли Плеханова, то, конечно, не за революціонность его позиціи, а за то, что онъ отдалялся отъ революціи" [4]). „Меньшевики, заявилъ Ленинъ, исходятъ изъ предпосылокъ подъема революціи, и въ тоже время рекомендуютъ средства, которыя соотвѣтствуютъ не подъему, а упадку ея. Этимъ они играютъ на руку кадетамъ" [5]). Развивая эту мысль, делегатъ Московской окружной организаціи, Васильевъ, сказалъ: „Наша партія бьется при попыткахъ стать при теперешнихъ событіяхъ на надлежащую высоту, но шаблонные пріемы организаціи на экономической и политической почвѣ тянутъ ее къ низу. Намъ не даютъ ничего новаго, намъ повторяютъ призывъ ... организовывать пролетаріатъ на почвѣ экономической и политиче-

[1]) Протоколы, стр. 163—165.
[1]) Ibid. стр. 177. [2]) стр. 135. [3]) стр. 168. [4]) стр. 169 [5]) стр. 202.

ской борьбы. Насъ привязываютъ этимъ къ старымъ шаблонамъ... Едва представились „легальныя возможности“, вся наша партія бросилась по линіи наименьшаго сопротивленія. Отвлекаясь отъ процесса организовыванія въ партійномъ масштабѣ массъ пролетаріата по необходимости на нелегальной почвѣ, мы бросились въ объятія легальности, мы открыли наши ряды—и партійная организація начала расплываться. И насъ снова зовутъ использовать всѣ легальныя возможности“ (ibid, 191).

Дебаты по „современному моменту“ не закончились принятіемъ резолюціи: большинство съѣзда опасалось, что при вскрывшихся непримиримыхъ разногласіяхъ принципіальная резолюція могла бы глубоко расшатать налаженное объединеніе. За вынесеніе резолюціи голосовали 44 делегата (большевики), противъ 62.

Дебаты по вопросу о „бойкотѣ“ возобновились при обсужденіи пункта порядка дня „объ отношеніи къ Госуд. Думѣ“. Докладчиками выступили П. Аксельродъ, Н. Ленинъ и Руденко. Въ своемъ обширномъ докладѣ П. Аксельродъ связалъ критику большевистскихъ взглядовъ на методы борьбы за полную побѣду демократіи съ критикой отношенія той же фракціи къ методамъ организаціи самого рабочаго движенія. Резолюція большевиковъ, говорилъ онъ, „требуетъ абсолютно отрицательнаго, безусловно враждебнаго отношенія къ Думѣ, какъ къ учрежденію, способному лишь питать «конституціонныя иллюзіи» и, стало быть, служить тормазомъ для революціи и для созданія общественной атмосферы, благопріятной“ дѣлу подготовки рѣшительнаго выступленія. Мы же исходили изъ убѣжденія, что Дума, хотя бы она очень короткое время просуществовала, послужитъ вольнымъ или невольнымъ орудіемъ для того именно, чтобы разсѣять въ населеніи «конституціонныя иллюзіи» и подготовить условія, благопріятныя для такого выступленія“. Большевики „потому не могутъ присоединиться къ нашей резолюціи, что не хотятъ признать примѣнительно къ данному случаю ея предпосылку, именно, что основнымъ двигателемъ русской революціи является непримиримый антагонизмъ насущныхъ жизненныхъ потребностей всего общества и національныхъ интересовъ капиталистическаго развитія Россіи съ сословно-абсолютистскимъ строемъ. Возлагая, поэтому, всѣ свои надежды и разсчеты на удачное вооруженное возстаніе, технически подготовленное заговорщическимъ путемъ, стремясь концентрировать все вниманіе и всѣ силы нашей партіи на такой подготовкѣ, они тѣмъ самымъ безсознательно толкаютъ ее на путь самаго что ни на есть буржуазнаго революціонизма“. Ибо этотъ путь „ведетъ къ политическому обезличенію пролетаріата, потому что, идя по нему, мы систематически готовили бы рабочія массы только къ роли боевой физической силы, не имѣющей собственной политической воли и организаціи. Послѣднія формируются наиболѣе успѣшно въ атмосферѣ широкой

соціальной борьбы, въ которой рабочія массы, руководимыя с.-д-ією, практически сталкиваются лицомъ къ лицу съ организованными силами другихъ классовъ". Съ этой точки зрѣнія, „съ точки зрѣнія развитія классового самосознанія и политической самодѣятельности пролетаріата, самый жалкій, даже каррикатурный парламентаризмъ—беру на себя грѣхъ утверждать это—представляетъ собою громадный плюсъ по сравненію съ тѣми ничтожными средствами политическаго развитія рабочихъ массъ, которыя до сихъ поръ были въ нашемъ распоряженіи". Участіе рабочей партіи въ избирательной кампаніи придало бы послѣдней болѣе широкій размахъ и болѣе глубокое содержаніе. „Съ вступленіемъ въ жизнь Г. Думы у насъ впервые создается почва для дѣйствительно широкой политической борьбы. Уже по одному этому мы не можемъ относиться къ Думѣ огульно отрицательно, т. е. чисто-нигилистически... Мы сдѣлали бы величайшую и грубую ошибку, еслибъ еще прежде, чѣмъ она успѣетъ чѣмъ нибудь проявить себя, устроили ей враждебную встрѣчу со стороны рабочихъ массъ. Хуже того, мы покрыли бы себя позоромъ, если бъ встрѣтили вступленіе Думы въ жизнь демонстраціями, возгласами вродѣ: эту ее!. Реакціоперы, разумѣется отъ души, поблагодарили бы насъ за такой актъ нашей «принципіальной выдержанности» [1])". Докладчикъ отстаивалъ проектъ резолюціи, выработанный имъ, Г. Плехановымъ и Ф. Даномъ и констатирующій, что созданная, какъ орудіе „поддѣльнаго конституціонализма", Дума объективными условіями будетъ вынуждена сыграть роль прогрессивнаго фактора, почему задачей с.-д-іи является использовать въ интересахъ демократіи какъ конфликты между правительствомъ и Думой, такъ и конфликты внутри нея. При наличности въ Думѣ соціалдемократовъ, подчиняющихся партіи, должна быть образована с.-д. фракція. Къ этой резолюціи Кавказскіе делегаты внесли дополненіе, констатирующее, что бойкотъ выборовъ привелъ къ самоустраненію соціалдемократіи съ политической арены, „къ которой было приковано вниманіе широкихъ массъ", и къ пріобрѣтенію к.-д. партіей вліянія на народныя массы, и обязывающее партію выставлять самостоятельныхъ кандидатовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще предстоятъ выборы.

Этой резолюціи большевики противопоставили свою, утверждавшую: 1) фактическую невозможность для соціалдемократіи участвовать въ выборахъ, благодаря „избирательному закону 11-го декабря и фактическимъ условіямъ выборовъ", 2) неминуемость „затемнѣнія строго классовой позиціи пролетаріата" въ случаѣ участія въ выборахъ, 3) правильность тактики бойкота, „давшей возможность с.-д. поддержать лозунгъ Учредит. собранія, возложить всю отвѣтственность за Думу на партію к.-д, и предостерегать пролета-

[1]) Протоколы, стр, 229—234.

ріатъ и крестьянскую демократію отъ констатуціонныхъ иллюзій. Вслѣдствіе этого резолюція признаетъ вредной попытку образованія с.-д. фракціи въ Думѣ, какъ могущую „скомпрометировать“ Р. с.-д. р. п., возложивъ на нее отвѣтственность за особенно вредный типъ парламентаріевъ, средній между с.-д. и к.-д. Говоря объ использованіи конфликтовъ въ Думѣ, резолюція въ отличіе отъ меньшевистской, отмѣчаетъ необходимость противопоставлять позицію соціалдемократіи позиціямъ не всѣхъ вообще оппозиціонныхъ партій, а лишь кадетской [1]).

Защищая большевистскую позицію, Ленинъ въ своемъ докладѣ заявилъ, что кадеты были совершенно правы, когда требовали, чтобы всѣ оппозиціонные избиратели голосовали за однихъ кандидатовъ, ибо выступленіе с.-д. съ особымъ спискомъ могло бы привести къ торжеству правыхъ, благодаря раздробленію голосовъ. Отсюда докладчикъ дѣлалъ тотъ выводъ, что при участіи въ выборахъ, рабочая партія, подъ угрозой сыграть въ руку черной сотнѣ, не могла бы выставлять самостоятельныхъ кандидатуръ. Ссылку на то, что дѣятельность с.-д. въ Думѣ создала бы имъ трибуну для широкой агитаціи, Ленинъ отводилъ вопросомъ: „чего стоятъ наши пожеланія относительно широкихъ и открытыхъ заявленій передъ массами, если у насъ, какъ теперь, будутъ „Партійныя извѣстія“ Центр. комитета противъ бездны кадетскихъ газетъ“. „Вы говорите, что правительство душитъ революцію, а забываете, что ка-де тоже обнаружили уже вполнѣ и всецѣло стремленіе тушить революцію. Кадетская Дума не можетъ не проявлять свойствъ кадетской партіи“ [2]).

„По нашему, Дума стоитъ на столбовой дорогѣ революціи“, отвѣчалъ Ленину въ дебатахъ Г. В. Плехановъ: соціалдемократія должна идти въ то учрежденіе, съ которымъ связали свои чаянія народныя массы. „Тактика бойкота“, заявлялъ Негоревъ, „была недопустима, она скомпрометировала, опозорила партію.... Она насъ поставила въ хвостѣ к.-д.“....

„Зачѣмъ искать средства для агитаціи теперь, когда на каждомъ шагу есть 1000 средствъ? Если участіе въ Думѣ вамъ нужно только, какъ способъ для агитаціи массъ, то у насъ есть много другихъ способовъ“, возражалъ меньшевикамъ представитель польской соціалдемократіи, Варшавскій. „Образованіе особой парламентской с.-д. фракціи въ теперешней Г. Думѣ считаю нежелательнымъ и недопустимымъ“, говорилъ членъ Ц. К-та Винтеръ, а его коллега Шмидтъ рисовалъ картину, которая должна будетъ имѣть мѣсто въ случаѣ вступленія с.-д. въ Думу: когда послѣдняя рѣшитъ заняться

---

1) На съѣздѣ была также оглашена резолюція „Бунда“, признающая тактику бойкота правильной и рекомендующая „поддерживать только тѣ дѣйствія оппозиціонныхъ элементовъ, которые направлены къ ниспроверженію Думы“.

2) Протоколы, стр. 240—241.

законодательствованіемъ, „фракція должна будетъ протествовать и покинуть Думу; но для этого не стоитъ образовывать фракціи“. Третій членъ Ц. К-та. Сергѣевъ шелъ дальше и заявлялъ: „Я увѣренъ, что рабочіе назовутъ тактику Аксельрода провокаціей въ тюрьму, въ ссылку, на висѣлицу“. „Логика жизни подводитъ меньшевиковъ къ кадетамъ“.

При голосованіи резолюція Плеханова, Аксельрода и Дана была принята 62 голосами противъ 46 при 3 воздержавшихся. При голосованіи редакціи отдѣльныхъ пунктовъ жаркій бой возгорѣлся по вопросу объ образованіи думской с.-д. фракціи. Этотъ пунктъ былъ принятъ 59 голосами противъ 33. Предложеніе же кавказцевъ о выставленіи партійныхъ кандидатовъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ еще не было произведено выборовъ, принято 77 голосами противъ 11 при 16 воздержавшихся, причемъ часть большевиковъ съ Ленинымъ во главѣ голосовала за это рѣшеніе, фактически ставившее крестъ на тактикѣ бойкота.

По вопросу о „рѣшительномъ выступленіи“ съѣздъ принялъ послѣ оживленныхъ дебатовъ 63 голосами противъ 40 резолюцію Плеханова, Череванина и Беріева, признающую, что политическое развитіе ведетъ къ рѣшительной борьбѣ за власть и что предпосылкой успѣха такой борьбы является участіе въ движеніи, рядомъ съ пролетаріатомъ, „широкихъ слоевъ городской буржуазіи и крестьянства“; что, поэтому, основной задачей партіи является вовлеченіе въ политическую борьбу широкихъ массъ „путемъ постояннаго вмѣшательства соціалдемократіи и руководимаго ею пролетаріата во всѣ проявленія политической жизни страны“, что именно этимъ путемъ подготовляются благопріятныя условія для рѣшительной битвы и что „на обязанности партіи лежитъ противодѣйствіе всѣмъ попыткамъ вовлечь пролетаріатъ въ вооруженное столкновеніе при неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ бы такія попытки ни вызывались“. Отказываясь отъ „возбуждающаго ложныя надежды обязательства вооруженія народа“, партія признаетъ необходимость организаціи „дружинъ“. Отвергнутая контррезолюція большевиковъ, признавая „рѣшительное выступленіе“ „не только необходимымъ средствомъ борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движенія, открывающей переходъ отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ“, рекомендуетъ соотвѣтствующія практическія мѣры подготовки къ этимъ дѣйствіямъ [1]).

Въ связи съ резолюціей по этому вопросу, съѣздъ принялъ резолюцію о т. н. „партизанскихъ дѣйствіяхъ“, которыя, въ видѣ террористическихъ актовъ боевыхъ дружинъ и экспропріацій, совершаемыхъ въ революціонныхъ цѣляхъ, стали быстро распространяться подъ флагомъ соціалдемократіи послѣ

[1]) Внесенная на съѣздъ В. Акимовымъ резолюція, принципіально отвергающая „вооруженное возстаніе“, собрала всего 2 голоса.

разгрома декабрьскаго движенія и разсѣянія по странѣ, травимыхъ полиціей, участниковъ военныхъ и рабочихъ возстаній. По этому вопросу съѣзду были представлены 2 противоположныя резолюціи. Меньшевистская, исходя изъ того, „что важнѣйшая сила революціи заключается въ ея морально-политическомъ вліяніи на массы, на общество и армію, что.... она ставитъ своей задачей не общественную анархію, а организацію общественныхъ силъ“ и что, напротивъ, задачей контрреволюціи является вызвать „борьбу каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго“, отвергаетъ совершаемые партійными организаціями и отдѣльными лицами „экспропріаціи“. Резолюція большевиковъ, напротивъ, признаетъ „партизанскія дѣйствія“ дезорганизующими реакцію и являющимися неизбѣжнымъ продолженіемъ декабрьскаго движенія; поэтому, резолюція рекомендуетъ „боевыя партизанскія дѣйствія“ и экспропріацію казенныхъ суммъ „подъ контролемъ партіи“ съ тѣмъ, чтобы „интересы населенія были возможно менѣе нарушаемы“. Въ коммисіи съѣзда резолюція большевиковъ была снята ея авторомъ, и резолюція, отвергающая партизанскія дѣйствія, принята почти единогласно. Безъ дебатовъ и единогласно была принята резолюція о профессіональныхъ союзахъ, признающая задачу образованія и укрѣпленія этихъ союзовъ своевременной и рекомендующая всѣмъ членамъ партіи вступить въ союзы, „принимая активное участіе во всей дѣятельности союза и постоянно укрѣпляя среди членовъ ихъ классовую солидарность и классовое сознаніе, чтобы органически, въ борьбѣ и агитаціи связать союзы съ партіей“. Борясь за полную свободу союзовъ, партія должна „пользуясь всѣми легальными возможностями и, въ частности, закономъ о проф. союзахъ, непрерывно расширять рамки легальности“. Наконецъ, резолюція „рѣшительно высказывается противъ принципа организаціи проф. союзовъ по національностямъ“. Такимъ образомъ, принципъ формальной непартійности былъ санкціонированъ, Точно также санкціонировано стремленіе меньшевиковъ „принять“ временныя правила 4 марта 1906 года путемъ регистраціи союзовъ, образовавшихся „явочнымъ порядкомъ“, противъ чего въ Петербургѣ и другихъ центрахъ професс. движенія боролись большевики.

Затѣмъ съѣздъ утвердилъ договоръ о вступленіи въ партію соціалдемократіи Польши и Литвы на основѣ областной автономіи этой организаціи, выработалъ такой же договоръ о вступленіи въ партію с.-д -ін Латышскаго края и „Бунда“*), причемъ первая также пріобрѣтала характеръ областной автономной организаціи и сохраняла право имѣть собственную аграрную программу; „Бундъ“ же признавался національной организаціей „не ограниченной районными рамками“, и сохранялъ автономію въ программѣ по національ-

---

1) Впослѣдствіи эти организаціи, утвердивъ договоръ, вступили въ р. с. р. п.

ному вопросу. На мѣстахъ комитеты „Бунда“ должны были составлять общіе комитеты съ другими организаціями партіи. Однако, этотъ пунктъ договора въ большинствѣ мѣстъ не былъ осуществленъ. Часть „меньшевиковъ“ во главѣ съ кавказскими делегатами требовали болѣе полнаго и тѣснаго сліянія „Бунда“ съ партіей, но осталась въ меньшинствѣ.

Работы съѣзда закончились принятіемъ устава партіи, установившаго ежегодный созывъ съѣзда, избирающаго Ц. к. и редакцію центр. органа; всѣ организаціи должны строиться „на началахъ демократическаго централизма“.

Съѣздъ выбралъ центр. комитетъ въ составѣ 10 членевъ, къ которымъ затѣмъ присоединились делегаты отъ латышск. с.-д. (1) и Бунда (2) и редакцію центральнаго органа. Въ составъ ц. к-та, рядомъ съ 7 меньшевиками, избрано 3 большевика.

Формальнымъ объединеніемъ партіи отнюдь не закончилась внутренняя борьба въ рядахъ соціалдемократіи. Она напротивъ, вспыхнула съ новой силой немедленно послѣ съѣзда и первымъ поводомъ къ ея возобновленію явились первые шаги партіи въ сферѣ *думской* дѣятельности.

V.

Соціалдемократія въ періодъ I-ой Думы и непосредственно послѣ ея роспуска.

Попавшіе въ Думу при бойкотѣ ея с.-д. партіей, рабочіе депутаты вошли въ тотъ пестрый конгломератъ, который назвалъ себя „трудовой группой“. Первымъ ихъ шагомъ къ политическому самоопредѣленію явилась выработка ими детальной программы по рабочему вопросу, которую они предложили трудовой группѣ. Программа была трудовой группой принята. Она требовала 8-ми час. раб. дня, 42-часового недѣльнаго отдыха, охраны женскаго и дѣтскаго труда, полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ, воспрещенія ночного труда, государственнаго страхованія за счетъ предпринимателей, уголовной отвѣтственности хозяевъ за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда, реорганизаціи фабричной инспекціи, безплатной врачебной помощи, надзора мѣстнаго самоуправленія за гигіеническими условіями жизни рабочихъ, примирительныхъ камеръ, обязательнаго внѣшкольнаго образованія для рабочихъ, устройства при фабрикахъ библіотекъ и читаленъ, уничтоженія штрафовъ, вычетовъ и обысковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, программа указывала на необходимость повсемѣстнаго возстановленія „Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ“ для подробной разработки мѣръ по рабочему вопросу.

Одновременно рабочіе депутаты, по иниціативѣ Михайличенка, всту-

пили въ сношенія съ меньшевистскими партійными кругами въ Петербургѣ и совѣщались съ ними объ образованіи отдѣльной думской фракціи. Въ ожиданіи опубликованія рѣшеній происходившаго въ то время съѣзда и результатовъ выборовъ на Кавказѣ было рѣшено отложить практическое рѣшеніе этого вопроса, ограничиваясь пока охраненіемъ автономіи рабочей группы внутри трудовой группы.

Первое самостоятельное политическое выступленіе рабочихъ депутатовъ произошло 4 мая при обсужденіи отвѣтнаго адреса Думы. Херсонскій депутатъ Ильинъ „отъ имени всего пролетаріата“ протестовалъ „противъ всего адреса“ въ виду того, что требованіемъ рабочихъ является Учредительное Собраніе. Это заявленіе повторилъ Михайличенко въ отвѣтъ на рѣчь лидера трудовой группы Аладьина, пытавшагося сбить рабочую группу фразой: „учредительнаго собранія не требуютъ — его устраиваютъ“. Ввиду того, что въ печати появились сообщенія о томъ, что отвѣтный адресъ принятъ единогласно, за исключеніемъ группы графа Гейдена, въ № 6 „Невской Газеты“ появилось отъ имени „рабочей группы — 15 человѣкъ“ письмо за подписью Михайличенка, Савельева и Диденка, разъяснявшее, что рабочая группа при этомъ голосованіи воздержалась, но „не хотѣла только устроить изъ своего отказа демонстрацію, чтобы не смѣшаться съ группой гр. Гейдена“.

Какъ только между Думой и правительствомъ обозначился острый конфликтъ—послѣдовалъ отвѣтъ правительства на думскій адресъ и выражено Думой недовѣріе кабинету—рабочая группа обратилась съ воззваніемъ „ко всѣмъ рабочимъ Россіи“. Въ этомъ воззваніи рабочіе призывались „поддержать Думу въ ея столкновеніи съ бюрократіей“. Воззваніе указывало что „рабочій классъ могъ бы еще много прибавить къ тому, что требовала Дума“, и выдвигало требованіе учредит. собранія, но заявляло, что „подготовить“ созывъ послѣдняго сможетъ именно Дума, поддержанная народомъ.

Воззваніе предостерегало рабочихъ отъ провокаціи и разрозненныхъ вспышекъ.

Его подписали 14 депутатовъ: Савельевъ, Чурюковъ, Ильинъ, Диденко, Михайличенко, Смирновъ, Роговъ, Выровой, Лебедевъ (Влад. губ.), Ершовъ, Антоновъ, Жигиль (Полтав. губ.), Остроносовъ (Черниг. губ.), Мироновъ (Тамбов. губ.). Изъ нихъ рабочіе депутаты Жигиль, Остроносовъ и Лебедевъ впослѣдствіи въ составъ с.-д. фракціи не вошли, оставаясь въ трудовой группѣ, а Мироновъ вскорѣ пытался объяснить свою подпись подъ воззваніемъ недоразумѣніемъ.

Въ отвѣтъ на воззваніе группы къ ней изъ десятковъ мѣстъ стали обращаться рабочіе массой съ привѣтствіями, резолюціями о поддержкѣ и наказами. Такимъ образомъ, рабочая группа, вошедшая въ Думу въ атмо-

сферѣ бойкотистскихъ настроеній среди передовыхъ рабочихъ и чувствовавшая себя, поэтому, въ фальшивомъ положеніи, очутилась въ центрѣ нѣкотораго массового движенія, что ускорило процессъ ея партійнаго самоопредѣленія. Съ пріѣздомъ въ Петербургъ кавказскихъ с.-д. депутатовъ вопросъ объ образованіи партійной фракціи подвинулся къ разрѣшенію. При участіи центр. к.-та с.-д. партіи былъ выработанъ уставъ организовавшейся с.-д. думской фракціи, сдѣлавшій ее „оффиціальнымъ органомъ партіи, дѣйствующимъ въ согласіи съ рѣшеніями партійныхъ съѣздовъ подъ постояннымъ руководствомъ и контролемъ ея центральныхъ учрежденій“. Въ составъ фракціи вошли, кромѣ 10 изъ депутатовъ, подписавшихъ воззваніе рабочей группы, всѣ депутаты: Медвѣдевъ (Воронеж. губ.), Шуваловъ (Самарск.), Жорданіа (Тифлис.), Церетели (Тифлис. губ.), Джапаридзе, Рамишвили и Гомартели (Кутаисск.), Ишерскій (Акмолин. обл.). Всего—18 человѣкъ.

Лишь 16-го іюня новая фракція оффиціально выступила въ Думѣ съ деклараціей, въ которой, мотивируя необходимость самостоятельнаго политическаго представительства рабочаго класса его конечными цѣлями и подчеркивая общедемократическую миссію рабочей партіи, провозглашала Гос. Думу „центромъ общенароднаго движенія“ противъ стараго порядка, а ея побѣду — „этапомъ въ борьбѣ“ за полновластное представительство, и обѣщала Думѣ поддержку „всѣхъ усилій подчинить себѣ государственную власть“. Но „пробнымъ камнемъ серьезности стремленій разныхъ партій“ къ демократическому строю декларація объявляла „ихъ готовность содѣйствовать массамъ въ дѣлѣ планомѣрной борьбы“ и обѣщала „всю свою силу направить противъ всякихъ стремленій затормозить народное движеніе обманомъ бумажныхъ уступокъ, ложью примиренія между хищниками реакціи и демократіей“.

При обсужденіи запросовъ о Сѣдлецкомъ и Бѣлостокскомъ погромахъ новая фракція внесла резолюціи о преданіи суду всего состава кабинетовъ Витте и Горемыкина и о самовооруженія населенія для самозащиты отъ погромовъ. Рѣзко выступила она въ лицѣ депутатовъ Рамишвили, Джапаридзе и Жорданіа противъ ограничительныхъ мѣръ въ внесенномъ въ Думу к.-д. фракціей законопроектѣ о свободѣ собраній. Въ вопросѣ о продовольственной помощи населенію голодающихъ губерній фракція предложила отказать правительству въ какихъ-либо кредитахъ и сосредоточить продовольственное дѣло въ рукахъ самой Думы съ образованіемъ комитетовъ на мѣстахъ, при чемъ для покрытія требуемыхъ расходовъ указала на уничтоженіе секретныхъ фондовъ, сокращеніе военныхъ расходовъ, уничтоженіе политическаго сыска, доходы съ кабинетскихъ, церковныхъ и т. п. земель и т. д.

По земельному вопросу фракція приготовила—но не успѣла внести въ Думу — записку съ критикой кадетскаго аграрнаго проекта и изложеніемъ

основныхъ началъ аграрной реформы въ духѣ программы, принятой Стокгольмскимъ съѣздомъ.

Въ теченіе всей своей дѣятельности въ 1-й Думѣ с.-д. фракція отстаивала необходимость для Думы выйти изъ рамокъ мнимаго парламентаризма и вступить на путь организаціи народныхъ массъ. Когда появилось извѣстное правительственное сообщеніе противъ Думы и большинство ея рѣшило выступить съ обращеніемъ къ народу, фракція поддержала этотъ шагъ. Но попятный ходъ, сдѣланный на слѣдующій день, когда к.-д. партія измѣнила уже принятый текстъ обращенія, побудилъ фракцію голосовать противъ новаго текста, подавъ заявленіе, въ которомъ обращеніе Думы характеризовалось, какъ „укоръ народу и призывъ къ спокойствію“.

Послѣ роспуска Думы с.-д. фракція сыграла активную роль въ дѣлѣ побужденія съѣхавшихся въ Выборгѣ депутатовъ къ изданію извѣстнаго воззванія. Большинство ея членовъ было осуждено по дѣлу о воззваніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, с.-д. фракція совмѣстно съ трудовой группой выработала воззванія къ крестьянству, арміи и флоту.

Паралельно съ думской работой, фракція развила и внѣ-думскую дѣятельность. При содѣйствіи центральнаго комитета партіи съ средины мая стали организовываться періодическія совѣщанія делегатовъ отъ рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ и отъ профессіональныхъ союзовъ, на которыхъ фракціей дѣлались доклады объ ея дѣятельности и обсуждалась тактика фракцій. Всѣхъ совѣщаній было шесть, на 1-мъ изъ нихъ участвовало 100, на послѣднемъ 270 делегатовъ. Въ результатѣ этихъ совѣщаній, на многихъ заводахъ образовались постоянные заводскіе комитеты изъ выборныхъ отъ всѣхъ рабочихъ. Въ связи съ совѣщаніями, устраивались съ участіемъ депутатовъ митинги. Депутаты Диденко, Выровой, Рамишвили и особенно Михайличенко ѣздили также въ провинцію и тамъ выступали на массовыхъ собраніяхъ.

Оживленіе рабочаго движенія, связанное съ общимъ народнымъ возбужденіемъ, которое породилъ созывъ Думы, снова создало почву для широкой дѣятельности с.-д. партіи и роста ея организаціи. Къ серединѣ мая въ Москвѣ организація комитета охватывала 3.260 рабочихъ, организація не слившейся еще съ нимъ меньшевистской группы—2.060 рабочихъ. Соотвѣтственные размѣры принимали с.-д. организаціи въ другихъ центрахъ. Всевозможныя конференціи, митинги, дискуссіонныя собранія поддерживали кипучую жизнь въ партійныхъ организаціяхъ. Послѣднія проявили значительную активность въ дѣлѣ подготовки празднованія 1 мая 1906 года и это празднованіе сошло съ невиданнымъ еще въ Россіи блескомъ во всѣхъ городахъ страны. Разлившееся массовое экономическое движеніе было использовано для усиленнаго

строительства профессіональныхъ союзовъ. Въ то же время возродилась партійная ежедневная печать. Въ Петербургѣ „Невская Газета“ (меньшевистская, замѣнившаяся затѣмъ „Курьеромъ“ и „Голосомъ Труда“) и большевистскіе „Волна“ (послѣ „Впередъ“ и „Эхо“) и руководимый частной группой большевиковъ „Призывъ“; въ Москвѣ „Свѣточъ“, въ Полтавѣ „Колоколъ“ и др.

Государственная Дума стояла въ центрѣ вниманія народа. Но при выявленіи тактики с.-д. партіи по отношенію къ Думѣ сразу же оффиціально объявленное въ Стокгольмѣ единство партіи пошатнулось и, чѣмъ далѣе, тѣмъ расшатывалось болѣе.

27 апрѣля—день открытія Г. Думы—силой событій сталъ національнымъ праздникомъ, объединившимъ „общество“ и „народъ“. Меньшевистская „Невская Газета“ приняла этотъ фактъ за данное и призывала рабочихъ придать празднику характеръ демократической политической манифестаціи. „Волна“ (см. № 3), напротивъ, объявила день открытія Думы праздникомъ „контрреволюціонной буржуазіи“ и призывала рабочихъ протестовать противъ закрытія въ этотъ день заводовъ капиталистами и требовать уплаты заработка за этотъ день; аргументировалась эта петиція необходимостью подчеркнуть правильность „бойкота“ выборовъ пролетаріатомъ. Кое-гдѣ такіе протесты раздавались изъ среды рабочихъ массъ.

Все вниманіе „большевиковъ“ по отношенію къ Думѣ было поглощено разслоеніемъ ея большинства на кадетское и крестьянское крылья; антагонизмъ между ними признавался единственнымъ источникомъ тѣхъ импульсовъ, которые дѣятельность Думы могла дать народному движенію; соотвѣтственно этому, вся тактика соціалдемократіи должна была быть направлена на „отрываніе трудовиковъ отъ к.-д.“ и связываніе первыхъ съ движеніемъ пролетаріата въ процессѣ борьбы противъ „соглашательства“ к.-д. части Думы.

Этой позиціи, отвергнутой Стокгольмскимъ съѣздомъ, центральный комитетъ партіи и „Нев. Газета“ и ея преемники противопоставляли организацію народныхъ массъ вокругъ Думы, какъ цѣлаго, использованіе ея конфликтовъ съ бюрократіей и давленіе на нее въ цѣляхъ превращенія ея въ непосредственное орудіе народнаго движенія и въ факторъ, втягивающій въ это движеніе новыя массы. Борьба съ либеральнымъ оппортюнизмомъ должна была подчиняться этой цѣли.

Однако, на первыхъ порахъ именно меньшевики, непосредственно направлявшіе дѣятельность рабочихъ депутатовъ, должны были рѣзко столкнуться съ оппортюнистической тенденціей думскаго большинства. Отказъ послѣдняго включить въ свой адресъ политическія требованія демократіи положилъ начало кампаніи газетной и митинговой, въ которой соціалдемократія организовывала протестъ рабочихъ и демократическихъ массъ противъ этого и аналогич-

ныхъ шаговъ Думы. Но очень скоро поднятая агитаціей меньшевиковъ волна стала грозить захлестнуть ихъ собственные тактическіе планы. Созываемые ими въ Петербургѣ митинги, благодаря участію вліятельной большевистской фракціи, превратились въ мѣсто односторонней борьбы съ кадетами и съ самой Думой, раздуванія утихавшихъ было бойкотистскихъ настроеній и пропаганды движенія впередъ мимо и противъ Думы къ повторенію декабрьскаго опыта. Возможность такого уклоненія давалась, между прочимъ, политикой правительства, которое съ очевиднымъ умысломъ представляло относительную свободу лѣвымъ собирать подобнаго рода митинги, въ то же время попрежнему преслѣдуя собранія, посвященныя дѣлу политической и профессіональной организаціи и подчасъ запрещая митинги, устраиваемые кадетскими членами Думы. „Невская Газета“ вскорѣ же замѣтила опасность и указала рабочимъ на необходимость ввести критику думскаго большинства и протесты противъ его половинчатой политики въ рамки поддержки Думы въ ея борьбѣ съ реакціей. Тѣмъ не менѣе, на устраивавшихся въ Петербургѣ митингахъ продолжало господствовать рѣзкое анти-думское настроеніе: к.-д. депутатовъ, являвшихся на эти митинги, часто не хотѣли выслушивать, и одинъ изъ районныхъ с.-д. комитетовъ счелъ даже долгомъ опубликовать резолюцію, приглашавшую рабочихъ давать высказываться всѣмъ сторонамъ. Въ № 4 „Курьера“ Г. В. Плехановъ обратился къ рабочимъ съ открытымъ письмомъ, въ которомъ предостерегалъ противъ громадной политической опасности, грозящей общественному движенію отъ необдуманной тактики крайней лѣвой; призывая использовать Думу, какъ орудіе воздѣйствія на массы, онъ убѣждалъ не усиливать позиціи реакціи необдуманными нападками на либеральную оппозицію.

„Большевистская“ пресса отвѣтила („Волна“) Плеханову: рабочіе не могутъ поддерживать кадетскую Думу, и усилила тонъ своей агитаціи противъ думскаго большинства. Еще раньше „Волна“ подвергла критикѣ воздержаніе рабочихъ депутатовъ при голосованіи думскаго адреса, настаивая на необходимости голосованія противъ. Когда же появилось воззваніе 14 рабочихъ депутатовъ къ пролетаріату о поддержкѣ Думы въ ея конфликтѣ съ министерствомъ И. Л. Горемыкина, „Волна“ противопоставила его призыву поддержки думскаго большинства лозунгъ поддержки его лѣваго крыла въ процессѣ отдѣленія послѣдняго отъ кадетъ.

Между тѣмъ, центральный комитетъ опубликовалъ резолюцію, въ которой приглашалъ партію мобилизовать рабочія массы для поддержки Думы въ ея конфликтѣ съ бюрократіей и, въ частности, въ ея требованіи отвѣтственнаго министерства, какъ перваго этапа на пути къ разоруженію реакціи. Эта реакція, логически вытекавшая изъ всей позиціи, занятой Стокгольмскимъ съѣздомъ, разнуздала острую фракціонную борьбу. „Волна“ и другіе больше-

вистскіе органы рѣзко отвергли данный ц. к-томъ лозунгъ; въ немъ они усматривали отказъ отъ лозунга учредительнаго собранія: по существу онъ шелъ, конечно, въ разрѣзъ съ побѣжденнымъ на съѣздѣ взглядомъ большевиковъ на необходимость для соціалистовъ вести съ либералами немедленную борьбу за власть. Борьба на этой почвѣ фактически вновь разорвала организаціонное единство. Въ центрѣ большевистской фракціи сталъ петербургскій комитетъ, опиравшійся на трехъ членовъ центр. комитета. Резолюція петербургскаго комитета отвергла поддержку требованія отвѣтственнаго министерства, и на собраніяхъ организованныхъ рабочихъ и массовыхъ митингахъ большевистскіе ораторы призывали проваливать резолюцію ц. к. Послѣдній пытался водворить порядокъ въ организаціи, требуя подчиненія недовольныхъ руководящему учрежденію въ вопросахъ практической борьбы на основѣ свободной критики въ рамкахъ организаціи. Петербургскій комитетъ оспаривалъ эти рамки свободы критики, требуя права выступать противъ предложеній ц. к. также и на массовыхъ рабочихъ собраніяхъ. Отдѣльныя части петербургской организаціи возстали противъ комитета, требуя его отставки. Борьба перенеслась въ провинцію, гдѣ, однако, не приняла такихъ размѣровъ, какъ въ столицѣ,

Эта борьба въ то же время шла по другой линіи. Большевистская фракція не хотѣла мириться съ фактической ликвидаціей бойкота Думы. Близкая ей польская соціалдемократія писала въ своемъ органѣ (Червоный Штандартъ): надо бойкотировать Думу извнутри—то-есть ставить ей требованія самораспущенія для замѣны Учредит. собраніемъ. „Волна“ подвергала критикѣ рѣшенія Стокгольмскаго съѣзда, представляя его большинство дѣломъ случая („половина партіи сидитъ въ тюрьмѣ“), доказывая неполноцѣнность голосовъ Кавказа, рѣшившихъ вопросъ большинства на съѣздѣ (кавказскіе делегаты— представители мелкобуржуазныхъ массъ не-промышленнаго района). и настаивая на томъ, что реальное большинство въ партіи съ включеніемъ въ нее окраинныхъ с.-д. организацій остается бойкотистскимъ. Какъ только Дума открыла свои засѣданія, петербургскій комитетъ принялъ резолюцію, гласившую, что пролетаріатъ, бойкотировавшій выборы, не можетъ признавать своими представителями лѣвыхъ депутатовъ Думы. Резолюція прошла 15-тью голосами противъ 15-ти же и означала выраженіе недовѣрія не только трудовой группѣ, но и рабочимъ депутатамъ; вѣрнѣе, она имѣла въ виду прежде всего этихъ послѣднихъ, ибо предстоявшее образовъ ніе с.-д. группы въ Думѣ шло кореннымъ образомъ въ разрѣзъ съ тактическими планами развитія событій „мимо и противъ Думы“, которымъ осталась вѣрна большевистская фракція. Въ № 8 „Волны“ В. Базаровъ доказываетъ, что въ интересахъ даже использованія Думы выгоднѣе чтобы въ ней не было с.-д. представительства. Ибо послѣднему, чтобъ не

разойтись съ революціонной тактикой пролетаріата, пришлось бы предъявить требованіе созыва Учред. собранія и, получивъ отказъ, выйти изъ Думы, тогда какъ политически-неоформленная лѣвая можетъ продолжать играть роль агитаціоннаго центра по отношенію къ избравшимъ ее массамъ и, въ качествѣ такового, подрывалъ извнутри Думу въ ея попыткахъ соглашенія. Въ № 26 „Призыва“ было заявлено, что, въ виду бойкота выборовъ соціалдемократической партіей, никто въ Думѣ не можетъ говорить отъ имени соціалдемократіи; если кто-нибудь изъ депутатовъ это сдѣлаетъ, его вправѣ будутъ считать шпіономъ или самозванцемъ. Когда же произошли выборы въ Тифлисѣ при оффиціальномъ, съ разрѣшенія съѣзда, участіи соціалдемократіи, „Волна“ (№ 17) писала: „не будемъ особенно обольщаться значеніемъ тифлисской побѣды“ и доказывала, что эта побѣда, достигнутая среди мелкобуржуазныхъ городскихъ избирателей, является лишь исключеніемъ, подтверждающемъ правильность бойкота.

При такихъ условіяхъ, естественно, что большевики не пожелали пойти навстрѣчу рабочей группѣ—а впослѣдствіи с.-д. думской фракціи — въ ея попыткѣ организаціонно связаться съ петербургскими рабочими. Болѣе того: въ отвѣтъ на резолюціи рабочихъ собраній, постановлявшихъ установить такую связь съ рабочей группой, петербургскій комитетъ сталъ проводить резолюціи объ установленіи такой связи съ трудовой группой. Подобное рѣшеніе являлось, конечно, прямымъ нарушеніемъ постановленій Стокгольмскаго съѣзда и направлено было къ умаленію политическаго значенія соціалдемократіи въ интересахъ трудовой группы. Центральный комитетъ счелъ необходимымъ собственными усиліями устранить перегородки, мѣшавшія сближенію между бойкотистски настроенными рабочими и думской фракціей и, помимо петербургскаго комитета, организовалъ собранія заводскихъ делегатовъ, на которыхъ выступали рабочіе депутаты Думы. Такъ какъ эти собранія имѣли успѣхъ и послужили дѣлу организаціи рабочихъ въ широкихъ размѣрахъ, то петербургскій комитетъ оказался вынужденъ измѣнить свою позицію и постановилъ „взять въ свои руки“ организованное центр. комитетомъ дѣло (послѣ 4-го общаго собранія заводскихъ делегатовъ и рабочихъ депутатовъ).

Между тѣмъ, постановленія Стокгольмскаго съѣзда объ объединеніи съ національно-окраинными организаціями проводились въ жизнь. Латышская соціалдемократія, „Бундъ“ и с.-д-ія Польши формально вступали въ р. с. д. р. п., тѣмъ самымъ усиливая ея бойкотистское крыло (только „Бундъ“ къ этому времени болѣе или менѣе замѣтно порывалъ съ бойкотизмомъ). Въ виду этого, большевистская фракція стала еще рѣшительнѣе нападать на тактику центральнаго комитета, доказывая, что онъ выражаетъ собою лишь меньшинство партіи и требуя скорѣйшаго созыва экстреннаго съѣзда партіи.

Это требованіе, въ свою очередь, еще болѣе обострило трещія внутри партіи и расшатало провозглашенное въ Стокгольмѣ единство.

При такихъ обстоятельствахъ наступилъ роспускъ I-й Госуд. Думы. Руководимая центральнымъ комитетомъ, с.-д. фракція приняла участіе въ выборгскомъ совѣщаніи, на которомъ отстаивала болѣе рѣшительныя мѣры, предлагая Думѣ не признать себя распущенной. Подписавъ выборгское воззваніе, она, вмѣстѣ съ трудовой группой, подписала воззваніе къ крестьянамъ и къ арміи. Подчеркивая интегральные политическіе лозунги партіи, центр. комитетъ и фракція пытались ихъ связать съ требованіемъ скорѣйшаго созыва новой Думы. Это опять вызвало противъ нихъ возмущеніе большевистской фракціи, считавшей невозможнымъ въ какой бы то ни было формѣ призывать къ поддержкѣ Думы.

Вспыхнувшее въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ военное возстаніе, во главѣ котораго стояли с.-д. офицеры (Коханскій, Емельяновъ) и сильнѣйшая (въ Свеаборгѣ) солдатская с.-д. организація, заставило партію, вопреки ея прежнимъ призывамъ о береженіи силъ для будущихъ выступленій, попытаться поддержать начавшееся движеніе всеобщей забастовкой. Послѣдняя совершенно не удалась и вызвала повсемѣстныя нареканія противъ меньшевистскаго центральнаго комитета.

Наступившее обостреніе правительственной реакціи, приведшее къ періоду военно-полевыхъ судовъ, вынудило центральный комитетъ, который, въ согласіи съ выборгскимъ воззваніемъ, призывалъ сначала организаціи подготовлять „рекрутскую забастовку“, отказаться отъ этого средства борьбы и рекомендовать партіи воздержаться отъ активныхъ выступленій [1]).

Роспускъ I Думы бойкотисткой частью партіи былъ воспринятъ, какъ начало конца періода „конституціонныхъ иллюзій“. Политическое фіаско кадетской партіи было ею понято, какъ устраненіе буржуазной оппозиціи съ арены, на которой должна была разыграться борьба за власть между крайней лѣвой и правительствомъ. Въ этомъ именно духѣ была написана брошюра Н. Ленина „Роспускъ Думы и задачи пролетаріата“. Въ ней съ наибольшей рѣзкостью выразилась присущая большевистской фракціи тенденція ввести борьбу за демократическія требованія въ рамки политическаго *заговора*. Авторъ предостерегалъ партію отъ попытокъ немедленно использовать народное недовольство роспускомъ Думы, предлагая назначить возстаніе на время по окончаніи полевыхъ работъ, когда, по его соображеніямъ, крестьянство должно будетъ возобновить аграрно-захватное движеніе, и подготовляться къ этому общему выступленію путемъ организаціи въ массовыхъ раз-

[1]) Поддержку центр. комитетомъ этого лозунга выборгскаго воззванія критиковалъ Г. В. Плехановъ съ точки зрѣнія недѣйствительности подобнаго средства борьбы.

мѣрахъ „пятерокъ“—небольшихъ вооруженныхъ дружинъ, которыя явятся руководящими группами во время выступленія.

Тенденціи, нашедшія свое выраженіе въ этомъ планѣ Н. Ленина, были очень сильно распространены въ большевистской фракціи и соціалдемократіи Латышскаго края. Рядомъ съ общимъ уклономъ мысли въ сторону бланкистско-заговорщеческихъ пріемовъ борьбы, онѣ питались наличіемъ въ рядахъ партіи многочисленныхъ элементовъ, выбитыхъ изъ колеи нормальнаго существованія участіемъ въ декабрьскихъ возстаніяхъ, находившихся на положеніи травимыхъ звѣрей („лѣсные братья“ въ Прибалтійскомъ краѣ и другихъ мѣстахъ, дезертиры-солдаты и матросы) и естественно склонявшихся къ продолженію и усиленію той боевой дѣятельности, которая ихъ воспитала. Уже съ начала 1906 года эти элементы, заполнивъ собой боевыя организаціи партійныхъ комитетовъ, вызываютъ безпокойство послѣднихъ своимъ стремленіемъ вывести эти организаціи изъ положенія служебныхъ и бездѣйствующихъ въ нормальное время органовъ, стать самостоятельными организаціями революціоннаго дѣйствія и проявлять свою активность въ „партизанскихъ актахъ“ террористическаго и экспропріаторскаго характера. Въ организаціяхъ “Бунда“, польской соціалдемократіи и русскаго Юга возникавшіе на этой почвѣ конфликты постепенно привели къ полному распущенію комитетами боевыхъ организацій. Ихъ члены по скольку не организовывались заново на сторонѣ, въ качествѣ самостоятельныхъ анархистскихъ группъ стягивались въ боевыя и военныя организаціи большевистскихъ комитетовъ, оказывая на нихъ давленіе въ сторону усиленія бланкистскаго характера ихъ дѣятельности. Въ теченіе времени, послѣдовавшаго за роспускомъ I Думы, когда во всей странѣ, какъ отвѣтъ на военно-полевой режимъ, разразилась эпидемія анархизма, этотъ „боевизмъ“, свившій себѣ гнѣздо въ партіи, причинилъ не мало хлопотъ центральному комитету, пытавшемуся проводить въ жизнь рѣшеніе Стокгольмскаго съѣзда, направленное противъ партизанскихъ дѣйствій и революціонныхъ экспропріацій. „Боевики“ сгруппировались около т. н. „военно-техническаго“ бюро, организованнаго самимъ ц. к. для координаціи дѣйствій боевыхъ и военныхъ организацій, но попавшаго въ руки большевиковъ. Вопреки запрещенію ц. к., это бюро организовало всероссійскую конференцію военныхъ и боевыхъ организацій, дабы создать постоянный направляющій центръ для активныхъ дѣйствій. Ц.К объявилъ эту конференцію не-партійной. Въ то же время нелегальный органъ петербургскаго, московскаго и уральскихъ комитетовъ—„Пролетарій“—открыто защищалъ партизанскія дѣйствія, какъ школу для подготовки боевыхъ элементовъ къ активнымъ выступленіямъ, а центральный комитетъ латышской соціалдемократіи, подъ давленіемъ крайнихъ, совершенно-анархистски настроенныхъ элементовъ, пытался регулировать совершаемыя при

участіи членовъ партіи экспропріаціи, разрѣшая экспропріацію не только казенныхъ суммъ, но частью и частныхъ лицъ. Ц. К. объявилъ объ отмѣнѣ соотвѣтствующаго рѣшенія латышскаго центральнаго комитета и пытался произвести разслѣдованіе объ экспропріаціяхъ, совершенныхъ членами партіи на Уралѣ. Но и на Уралѣ, какъ и на Кавказѣ и въ центральномъ районѣ, гдѣ съ эксцессами боевыхъ дружинъ пытались бороться мѣстные меньшевики, эта борьба оказывалась малоуспѣшной, благодаря попустительству дѣйствіямъ этихъ группъ со стороны большевистской фракціи, продолжавшей видѣть въ нихъ существенную и необходимую часть партійной организаціи и главную опору въ дѣлѣ подготовки къ активнымъ выступленіямъ.

Въ то время, какъ на фонѣ воцарившагося въ странѣ бѣлаго террора, разгрома рабочихъ организацій и неизвѣстности относительно ближайшихъ политическихъ перспективъ, на одномъ крылѣ партіи происходила мобилизація заговорщическихъ и анархистскихъ элементовъ, на другомъ ея флангѣ вновь съ рѣзкой силой обнаружилась та тенденція къ коренному организаціонному реформированію партіи, которая проявлялась и въ „меньшевизмѣ“ до октября 1905 года. Въ виду очевиднаго господства въ рядахъ партіи бланкистскихъ воззрѣній, меньшевики вновь утрачивали надежду на возможность въ рамкахъ партійной организаціи добиться торжества марксистской соціалдемократической тактики. Усматривая причину этого во все еще подпольномъ характерѣ партійной организаціи и преобладаніи интеллигенціи въ ея руководящихъ органахъ, „меньшевики“ снова выдвинули идею *рабочаго съѣзда*, который бы положилъ начало открытой пролетарской организаціи новаго типа. Руководившій этой кампаніей за рабочій съѣздъ П. Б. Аксельродъ и поддержавшій его Г. В. Плехановъ предлагали самой с.-д. партіи взять въ свои руки агитацію за созывъ рабочаго съѣзда; въ ихъ представленіяхъ этотъ послѣдній, являясь дѣломъ рукъ с.-д. партіи, не уничтожилъ бы, но создалъ бы для ея дѣятельности широкую базу и привелъ бы къ ея организаціонному оздоровленію, содѣйствуя ея „пролетаризаціи“, высвобожденію отъ господствующихъ въ партіи мелко-буржуазныхъ интеллигентскихъ элементовъ. Другіе сторонники идеи рабочаго съѣзда шли дальше и, предвидя энергичное сопротивленіе партіи новому начинанію, заранѣе провозглашали формальный разрывъ новой классовой организаціи съ р. с. д. р. п. Въ брошюрѣ о рабочемъ съѣздѣ Ю. Ларинъ предлагалъ поставить задачей съѣзда образованіе новой „широкой рабочей партіи“, которая объединила бы соціалдемократію, соціалистовъ-революціонеровъ и стоящіе внѣ подпольныхъ организацій передовые элементы пролетаріата. Среди послѣднихъ, какъ и среди рабочихъ-меньшевиковъ, входившихъ въ партійныя организаціи, пропаганда рабочаго съѣзда встрѣтила живое сочувствіе.

Въ большевистскихъ кругахъ, напротивъ, она была воспринята, какъ прямая угроза партіи, и вызвала съ ихъ стороны энергичную контръ-агитацію. Аксельродъ и меньшевики обвинялись въ стремленіи взорвать партію и промѣнять ее на безпартійное, безпрограммное и антиреволюціонное объединеніе рабочихъ. Борьба съ „рабочесъѣздовцами“, вызвавъ ревнивое отношеніе ко всякой партійной неоформленности въ предѣлахъ рабочаго движенія, побудила большевиковъ, еще на Стокгольмскомъ съѣздѣ голосовавшихъ за непартійность профессіональныхъ союзовъ, поднять вопросъ объ ихъ подчиненіи партіи.

Назначеніе правительствомъ выборовъ во II Думу отодвинуло на время эти вопросы и вновь заполнило партійную жизнь проблемами избирательной и парламентской борьбы.

VI.

Выборы во II Думу и дѣятельность с.-д. фракціи въ ней.— Лондонскій съѣздъ.

Новая избирательная кампанія застала соціалдемократію болѣе объединенной, чѣмъ въ началѣ года, въ вопросѣ объ участіи въ выборахъ. Только въ рядахъ польской соціалдемократіи господствовало еще „бойкотистское“ настроеніе, но она не сочла возможнымъ выступить противъ участія въ выборахъ, въ виду своей политической солидарности съ большевиками, рѣшившими проводить свою тактическую линію на почвѣ участія въ выборахъ.

Учитывая происшедшее въ странѣ, вслѣдъ за роспускомъ I Думы и дѣятельностью министерства Столыпина, лѣвѣніе массъ избирателей, большевики стремились къ тому, чтобы въ ходѣ выборовъ нанести возможно болѣе чувствительный ударъ к.-д. партіи, дабы въ ея лицѣ разбить „конституціонныя иллюзіи“ и „политику соглашательства“. Въ виду этого, они склонялись къ возможно тѣсному избирательному сближенію съ трудовиками и народническими группами, рѣшившими принять участіе въ выборахъ. Однако, среди близкихъ большевикамъ польскихъ соціалдемократовъ идея такого „лѣваго блока“ не пользовалась симпатіей и они избирательную тактику, главнымъ остріемъ направленную одинаково противъ реакціонной и либеральной частей имущихъ классовъ, стремились базировать на отказѣ соціалдемократіи (въ первой стадіи выборовъ) отъ всякихъ соглашеній.

„Меньшевики“ и примыкавшіе къ нимъ элементы, исходя изъ того же принципа политической самостоятельности партіи на выборахъ, считали необходимымъ, во всякомъ случаѣ, рѣшительную поддержку либерализма тамъ, гдѣ объективно выборъ предстоитъ между нимъ и реакціей, и, постольку, не отка-

зываться отъ техническихъ избирательныхъ соглашеній даже и на первой стадіи выборовъ (въ городской куріи съ буржуазными партіями тамъ, гдѣ раздробленіе оппозиціонныхъ голосовъ, при отсутствіи по избирательному закону 11-го декабря перебаллотировокъ, грозятъ побѣдой реакціонеры). Произведенныя въ періодъ „междудумья“ Сенатомъ „разъясненія“ избирательныхъ правъ демократическихъ избирателей побуждали очень высоко цѣнить размѣры этой „черносотенной опасности“. Полемика съ „большевиками“ и сконцентрировалась именно на вопросѣ о размѣрахъ этой опасности и о допустимости—въ видахъ ея устраненія—избирательныхъ соглашеній объ общихъ спискахъ на первой стадіи выборовъ.

Попытка Г. О. Плеханова пойти дальше и мотивировать необходимость такихъ соглашеній возможностью столковаться съ либеральной буржуазіей о проведеніи общаго политическаго лозунга—„полновластной Думы“—сочувствія не встрѣтила, а отвѣтъ кадетскихъ писателей, заявившихъ о непріемлемости для нихъ принципа полновластія Думы устранилъ этотъ вопросъ съ очереди.

Состоявшаяся въ Финляндіи общепартійная конференція въ составѣ 32 делегатовъ изъ всѣхъ районовъ Россіи приняла точку зрѣнія „меньшевиковъ“ и постановила, какъ общее правило, выставленіе самостоятельныхъ партійныхъ кандидатуръ въ уполномоченные и выборщики по всѣмъ куріямъ; въ рабочей куріи избирательныя соглашенія допускались лишь съ безпартійными организаціями, стоящими на классовой точкѣ зрѣнія. Въ остальныхъ куріяхъ соглашенія объ общихъ спискахъ съ прогрессивными партіями—безъ общей платформы—допускались въ случаѣ наличія черносотенной опасности, причемъ, по предложенію „Бунда“, постановлено, что тамъ, гдѣ, по соотношенію силъ, эта опасность можетъ быть устранена соглашеніемъ съ одними лишь группами лѣвѣе к.-д., послѣдніе въ соглашеніе не должны быть вовлекаемы. На губернскихъ и городскихъ собраніяхъ, при избраніи депутатовъ, допускались соглашенія о распредѣленіи мѣстъ. Та же конференція выразила отрицательное отношеніе къ идеѣ рабочаго съѣзда, признавъ послѣдній ненужнымъ и опаснымъ и запретивъ членамъ партіи участіе въ организаціонной его подготовкѣ. Это рѣшеніе собрало вокругъ поднявшихъ вопросъ большевиковъ представителей всѣхъ окраинно-національныхъ организацій (кромѣ кавказской). Въ то же время конференція установила на лѣто 1907 года созывъ партійнаго съѣзда.

Несмотря на урѣзку избирательныхъ правъ демократіи и тяжелыя внѣшнія условія, избирательная кампанія соціалдемократіи развернулась весьма широко по всей Россіи, особенно въ Малороссіи и на Кавказѣ, въ Заволжьѣ, Уральскомъ районѣ и Сибири. Въ общемъ и цѣломъ за рѣдкими исключеніями она велась въ духѣ рѣшеній ноябрьской конференціи:

на Югѣ и Сѣверо-западѣ при многочисленности и организованности черносотенныхъ элементовъ соглашенія съ не-соціалистическими партіями были очень часты, въ другихъ районахъ—особенно на Кавказѣ и въ Сибири—общимъ правиломъ было выставленіе соціалдемократіей отдѣльнаго списка кандидатовъ въ выборщики. Значительную роль въ избирательной кампаніи играли профессіональные союзы, поддерживавшіе партійныя кандидатуры. Центральный комитетъ издалъ свыше милліона избирательныхъ „листовокъ", обращенныхъ къ разнымъ слоямъ трудящагося населенія и посвященныхъ разнымъ вопросамъ с.-д. избирательной платформы.

Результататы кампаніи превысили самыя самыя оптимистическія ожиданія соціалдемократовъ.

Грандіозную побѣду они одержали на Кавказѣ, гдѣ завоевали 10 мандатовъ —около $^1/_3$ всѣхъ,—выступая всюду одни противъ всѣхъ остальныхъ партій. При этомъ имъ достались всѣ 3 мандата отъ Тифлисской губерніи (А. Джапаридзе, Каціашвили и Джугели) и всѣ 3 отъ Кутаисской (И. Церетели, Ломтатидзе и Махарадзе), кромѣ того, представительство отъ Батумской обл. (Канделаки) и Тифлиса (Зурабовъ) и 2 мандата отъ Кубанской обл. (Герусъ и Митровъ).

Въ рабочей куріи соціалдемократы повсюду завоевали коллегіи выборщиковъ (не менѣе 80% всего числа). Въ городской куріи значительное количество с.-д. выборщиковъ прошло въ волжскихъ и уральскихъ губерніяхъ, азіатскихъ владѣніяхъ, нѣкоторыхъ пунктахъ сѣверо-западнаго и промышленнаго районовъ, и преобладающее большинство на Кавказѣ. Въ крестьянской куріи с.-д. побѣдили въ Грузіи, многихъ мѣстахъ, Малороссіи и нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздахъ (Тверской, Новгородской и др. губерній).

Въ Петербургѣ партія, въ блокѣ съ народническими группами собрала по городской куріи около $^1/_4$ голосовъ и была побѣждена кадетами, которые на городскомъ собраніи выборщиковъ удѣлили одно мѣсто въ Думѣ кандидату рабочихъ; въ качествѣ такового прошелъ литераторъ Г. Алексинскій. По Петербургской губерніи прошелъ рабочій И. Петровъ. Въ Эстляндской губерніи 2 изъ трехъ депутатскихъ мѣстъ достались с.-д. (Пярнъ и Муртенъ), представительство гор. Риги завоевано с.-д. партіей для Озоля, въ Новгородской губ. „разъясненіе" въ послѣдній моментъ группы выборщиковъ лишило соціалдемократію 2 или 3 обезпеченныхъ мандатовъ; прошелъ въ Думу только отъ крестьянской куріи с.-д. народный учитель Измайловъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ цѣликомъ завоевала 5 мѣстъ по Ковенской губерніи Литовская соціалдемократіи; ея депутаты (д-ръ Гудовичъ, адвокатъ Сташинскій, крестьяне Купстасъ, Повилюсъ и Кубелисъ) примкнули въ Думѣ къ с.-д. фракціи. Въ центральномъ районѣ соціалдемократы проходили въ Думу благодаря тому, что прогрессивное большинство губернскихъ собраній удѣляло мѣсто пред-

ставителю рабочей куріи. Такъ прошли рабочіе Вагжановъ (Тверск. губ.), Баташовъ (Тамбовская), Федоровъ (Рязанская), Романовъ (Нижегородская), Жиделевъ (Владимірская), Калининъ (Костромская). Въ Московской губерніи преобладаніе въ губернскомъ собраніи лѣвыхъ обезпечило с.-д. два мѣста (изъ 6), доставшіяся рабочимъ Мареву и Губареву. Въ гор. Москвѣ с.-д. собрали противъ к.-д. немного голосовъ. Лишь помощью экстренныхъ мѣръ давленія администраціи удалось избѣжать завоеванія соціалдемократическими крестьянскими и городскими выборщиками большинства мѣстъ по Подольской и Кіевской губерніямъ. Въ послѣдней все же прошло 5 соціалдемократовъ (изъ 15): крестьянинъ Сахно, рабочіе Вовчинскій и Гуменко, учитель Федоровъ, какъ кандидатъ украинской с.-д. партіи, и вліятельный дѣятель „Спилкі“, Кирієнко. Въ Черниговской губ. избранъ рабочій Приходько, въ Харьковской—раб. Рыбальченко, въ Курской—раб. Бѣлановскій, въ Таврической—раб. Фомичевъ; въ Донецкомъ бассейнѣ активное участіе пролетаріата въ избирательной борьбѣ доставило соціалдемократіи 3 мандата (рабочіе Бѣлоусовъ и Нагихъ по Екатеринославской губ. и Нестеровъ—по обл. в. Донского).

Въ поволжскихъ губерніяхъ с.-д. выборщики въ союзѣ съ трудовиками и народниками сильно оттѣснили к.-д. партію, имѣвшую часть мандатовъ отъ этихъ губерній въ I Думѣ. Благодаря этому, с.-д. завоевали 4 мандета въ Саратовской губ. (учителя Анисимовъ, Сѣровъ, Аникинъ и рабочій Лопаткинъ), 2 въ Симбирской (Татариновъ и Кузнецовъ), 2 въ Самарской (рабочіе Комаръ и Рубанъ), 1 въ Пензенской (рабочій Степановъ). Въ Уральскомъ районѣ точно также союзъ съ крестьянскими выборщиками далъ с.-д. возможность завоевать 7 мѣстъ (врачъ Бодровъ, писатель С. Салтыковъ и рабочій Вахрушевъ въ Вятской, рабочіе Чащинъ и Шпагинъ и конторщикъ Петровъ въ Пермской, раб. Серебряковъ въ Уфимской).

Наконецъ, большинство всѣхъ мандатовъ въ Вост. Сибири, средне-азіатскихъ владѣніяхъ и степномъ ген.-губернаторствѣ достались соціалдемократіи. Она завоевала города Иркутскъ (д-ръ Мандельбергъ) и Ташкентъ (бывшій вице-губернаторъ Наливкинъ), губернію Енисейскую (раб. Юдинъ) области Закаспійскую (раб. Мироновъ), Самаркандскую (д-ръ Афрамовичъ), Акмолинскую (д-ръ Виноградовъ), Тургайскую (землемѣръ Голованов) и Уральскую (Козьмодемьянскій). Въ другихъ пунктахъ Восточной Сибири кандидаты с.-д. были недалеки отъ побѣды.

Всего было избрано 64 депутата-соціалдемократа, изъ которыхъ 53 составили с.-д. думскую фракцію, а 11—примыкали къ ней, не вступая формально въ ея составъ, въ качествѣ избранныхъ независимо отъ партійныхъ организацій.

Выборная кампанія ознаменовалась острымъ столкновеніемъ между

двумя частями партіи въ Петербургѣ. Согласно рѣшенію партійной конференціи, организація каждаго избирательнаго округа должна была рѣшать для себя автономно вопросъ о примѣненіи общихъ директивъ относительно избирательной тактики. Между тѣмъ, петербургская организація охватывала какъ избирательный округъ Петербурга, такъ и округъ Петербургской и отчасти сосѣднихъ (Новгородской, Псковской губерній). Въ предѣлахъ города, въ районахъ его нѣкоторое преобладаніе имѣли „меньшевики"; напротивъ въ „окружной" организаціи, охватывавшей уѣздные районы, значительное преобладаніе принадлежало другой фракціи. Въ то время, какъ меньшевики, признавая, что на выборахъ по городской куріи столицы грозитъ „черносотенная опасность", настаивали на необходимости попытки согла шенія со всѣми партіями оппозиціи объ общемъ спискѣ выборщиковъ на основѣ распредѣленія между ними шести столичныхъ мандатовъ,—большевистскій петербургскій комитетъ подвергалъ эту опасность сомнѣнію и, во всякомъ случаѣ, настаивалъ на безпощадной борьбѣ съ к.-д. партіей и отказѣ отъ всякихъ соглашеній съ нею. На петербургской конференціи, долженствовавшей выработать тактику, центральный комитетъ потребовалъ, чтобы конференція раздѣлилась на двѣ части соотвѣтственно избирательнымъ округамъ и чтобы каждая часть рѣшила спорный вопросъ для себя. Конференція голосами „окружной" организаціи рѣшила не подчиняться требованію ц. к-та, что вызвало уходъ представителей послѣдняго и 31 делегата петербургскихъ районовъ, представлявшихъ 1500 организованныхъ рабочихъ. Оставшаяся часть конференціи постановила не вступать ни въ какіе переговоры къ к.-д. и заключить для выборовъ въ городской куріи столицы „лѣвый блокъ" съ соціалистами-революціонерами и трудовиками. На практикѣ, однако, блокъ пришлось, по требованію этихъ группъ, расширить включеніемъ въ него партіи народныхъ соціалистовъ; къ нему же примкнула безпартійная группа ревизіонистовъ, имѣвшихъ своимъ органомъ „Товарищъ". „Меньшевики" отстранились отъ активнаго участія въ выборной кампаніи. На выборахъ лѣвый блокъ провелъ своихъ кандидатовъ лишь въ одномъ Выборгскомъ участкѣ. Конфликтъ въ Петербургѣ почти раскололъ мѣстную организацію, вызвалъ рѣзкіе протесы мѣстнаго комитета противъ центральнаго и создалъ обширную политическую литературу.

Этотъ избирательный расколъ, вмѣстѣ съ сближеніемъ на выборахъ по городской куріи между „большевиками" и „соціалистами-революціонерами", создалъ для послѣднихъ благопріятную почву въ рабочей куріи Петербурга. На выборахъ въ этой куріи на крупнѣйшихъ заводахъ кандидаты с.-р. побѣдила кандидатовъ с.-д. и лишь отсутствіе пропорціональности въ числѣ уполномоченныхъ отъ крупныхъ и мелкихъ заводовъ дало возможность соціалдемократіи все же провести свой списокъ въ выборщики.

Къ моменту открытія II-ой Госуд. Думы соціалдемократія снова могла обзавестись ежедневными органами печати: „Русской Жизнью“ (меньшевистской, ее потомъ смѣнили „Народная Дума“ и „Народная Газета“) и „Новымъ Путемъ“ (большевистскимъ; по его закрытіи выходила „Истина“ и „Наше Эхо“). Въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1907 года стало выходить ежедневное „Дѣло Жизни“ (меньшев.). Въ Екатеринославѣ выходилъ „Нашъ Путь“, въ Вильнѣ (по еврейски) „Volkszeitung“. Кромѣ того, издавались еженедѣльники: „Нашъ Міръ“, „На очереди“, „Привѣтъ“ (Въ Петербургѣ), „Наше дѣло“, „Наша Доля“ (въ Москвѣ)—меньшевистскіе; „Простыя Рѣчи“ (большевистскіе, въ Петербургѣ) и др.

Думская фракція въ значительномъ своемъ большинствѣ, руководимомъ Церетелли, Джапаридзе, Мандельбергомъ, Озолемъ и др., стояла на меньшевитской точкѣ зрѣнія и, вступая въ Думу, ставила себѣ цѣлью сочетать отстаиваніе самостоятельныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата и задачи мобилизаціи передовой демократіи съ защитой самой Думы, какъ цѣлаго, что предполагало извѣстную согласованность дѣйствій съ буржуазно-либеральнымъ центромъ Думы. „Русская Жизнь“ и другіе органы меньшевиковъ, отвергая оппортунистическій лозунгъ „береженія“ Думы во что бы то ни стало, подчеркивали отрицательное отношеніе къ тактикѣ „взрыванія изнутри“ Думы и усматривали важнѣйшую задачу участія с.-д. въ Думѣ въ такой ея работѣ въ ней, которая содѣйствовала бы собиранію распыленныхъ массъ пролетаріата и демократіи, и въ постоянномъ воздѣйствіи на думское большинство въ цѣляхъ толканія Думы къ борьбѣ за власть и въ организаціи вокругъ нея народныхъ массъ. Меньшинство фракціи, сгруппировавшееся вокругъ Г. Алексинскаго и составившееся преимущественно изъ делегатовъ центральнаго района и части делегатовъ Поволжья и Урала, по прежнему основную задачу думской работы видѣло въ углубленіи пропасти между самой Думой въ лицѣ руководящей партіи ея центра (к.-д.) и въ тѣсномъ сближеніи на этой почвѣ соціалдемократіи съ крестьянскими партіями. Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности Думы различіе этихъ позицій стало сказываться расхожденіями по вопросамъ тактики.

Меньшевистскія организаціи Петербурга и провинціи повели агитацію за ознаменованіе дня открытія 2-ой Думы (20-го февраля) однодневной политической забастовкой. Противъ этой агитаціи возсталъ петерб. комитетъ, видя въ ней укрѣпленіе связи между народными массами и Думой, какъ цѣлымъ, а, слѣдовательно, и его буржуазными элементами. Тѣмъ не менѣе, забастовка состоялась и приняла значительные размѣры.

Въ вопросѣ о выборахъ президіума Думы фракція рѣшила поддерживать наиболѣе лѣвый его составъ, отказываясь съ своей стороны отъ участія въ президіумѣ, какъ несовмѣстимаго—благодаря его функціямъ представи-

тельства — съ демократическими принципами партіи. Въ виду отказа народническихъ партій по тѣмъ же соображеніямъ замѣщать постъ предсѣдателя, фракція согласилась поддерживать общихъ кандидатовъ оппозиціи съ к.-д. предсѣдателемъ во главѣ. Она приняла для выработки этого соглашенія участіе въ общемъ совѣщаніи оппозиціонныхъ фракцій, на которомъ потребовала и добилась устраненія изъ числа кандидатовъ въ товарищи предсѣдателя к.-д. депутата Тесленко. Противъ послѣдняго протестовали московскіе рабочіе въ виду того, что московскіе к.-д., проведшіе въ Думу Тесленко, отказались отдать одинъ изъ четырехъ московскихъ мандатовъ представителю рабочей куріи. Въ число помощниковъ секретаря Думы былъ избранъ с.-д. депутатъ С. Н. Салтыковъ.

Эти первые шаги фракціи вызвали конфликты какъ внутри, такъ и внѣ ея. Большевики именно на выборѣ президіума стремились дать первый бой к.-д. партіи и требовали, чтобы Головину былъ противопоставленъ кандидатъ лѣвыхъ. Однако, ни одна изъ народническихъ партій не соглашалась выставить кандидата, выставленіе же кандидата соціалдемократіей сами большевики считали недопустимымъ. Болѣе острыя тренія вызвалъ самый вопросъ объ участіи въ совѣщаніи оппозиціонныхъ партій. Это участіе, по постановленію фракціи, носило чисто-информаціонный характеръ, но большевики отвергали всякую мысль о совмѣстномъ обсужденіи думской тактики съ представителями к.-д. партіи. Поэтому, деп. Алексинскій и еще 11 депутатовъ въ особой декларації заявили, что лично ни въ коемъ случаѣ на общія собранія оппозиціи не явятся. Газета „Новый Лучъ“ назвала рѣшеніе фракціи рѣшеніемъ „кадетообразныхъ марксистовъ“ и „вѣрныхъ рабовъ либераловъ“. Ожесточенная полемика перенеслась на рабочія собранія, на которыхъ большевики всячески дискредитировали большинство фракціи, ея лидеровъ Джапаридзе и Церетели и центральный комитетъ, въ согласіи съ которымъ фракція дѣйствовала. Еще болѣе разгорѣлись страсти, когда узнали, что въ общемъ собраніи оппозиціи участвуетъ и польское коло, ведшее во 2-ой Думѣ рѣзко-оппозиціонную линію, но въ самой Польшѣ игравшее безстыдно-реакціонную роль „оплота соціальнаго порядка“ и организовывавшаго противъ соціалистовъ погромную кампанію. Польская соціалдемократія присоединилась, поэтому, къ большевикамъ въ нападкахъ на дѣятельность с.-д. фракціи.

Отвергая общія собранія оппозиціи, большевики требовали болѣе тѣснаго сближенія фракціи съ народническими группами, допуская даже совмѣстное вынесеніе обязательныхъ для всѣхъ 4 группъ рѣшеній. Комитетъ объединенныхъ лѣвыхъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, стать общенароднымъ революціоннымъ центромъ. Фракція отвергла эту идею „лѣваго блока“, рѣзко противопоставленнаго к.-д. центру и самой Думѣ, какъ учрежденію.

При обсужденіи вопроса объ отношеніи Думы къ правительственной декларації фракція рѣшительно отвергла кадетскій планъ уклоненія отъ преній, принятый народническими партіями. И Церетели произнесъ въ Думѣ одну изъ лучшихъ своихъ рѣчей, произведшую сильное впечатлѣніе и въ Таврическомъ дворцѣ, и въ странѣ. Его выступленіе „сорвало“ оппортунистическій планъ умѣренной и народнической оппозиціи и она приняла участіе въ преніяхъ. Эта самостоятельная политика с.-д. фракціи, разстроившая планъ избѣгать съ самаго начала конфликтовъ между Думой и контрреволюціонными сферами, подверглась порицанію либеральной и народнической печати. Лидеръ соціалистовъ-революціонеровъ В. Черновъ обвинялъ соціалдемократическую фракцію въ стремленіи отдѣлиться отъ всей оппозиціи во что бы то ни стало.

При обсужденіи въ Думѣ вопросовъ о продовольственной помощи и помощи безработнымъ, с.-д. фракція отстаивала такую постановку той и другой, которая способствовала бы непосредственному общенію Думы съ соотвѣтствующими слоями населенія и развивала бы организованную самодѣятельность послѣднихъ. На этой именно почвѣ разыгрались въ Думѣ первые конфликты между соціалдемократіей и думской умѣренной оппозиціей, положившіе начало утратѣ к.-д. партіей руководящаго положенія въ Думѣ и превращенію с.-д. фракціи въ центръ, къ которому все больше тяготѣли всѣ демократическіе элементы оппозиціи. Въ то время какъ к.-д. партія, поддерживаемая правой стороной Думы, избѣгала конфликтовъ съ бюрократіей въ вопросѣ о компетенціи Думы и принимала, забѣгая даже впередъ, самое ограничительное толкованіе правъ Гос. Думы, даваемое бюрократіей, с.-д. фракція требовала использованія писанныхъ правъ Думы въ самомъ широкомъ, допускаемомъ буквой закона, толкованіи.

При обсужденіи бюджета с.-д. фракція потребовала отклоненія его въ цѣломъ, безъ перехода къ постатейному чтенію, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что представленный бюрократіей бюджетъ есть бюджетъ крѣпостническаго государства и, какъ таковой, долженъ принципіально отвергаться не одной лишь соціальной, но и буржуазной демократіей. Одни только соціалисты-революціонеры встали на ту же точку зрѣнію и голосовали за отклоненіе бюджета въ цѣломъ; трудовики согласились съ кадетами, требовавшими принятія перехода къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ смѣтъ. Внутри же фракціи большевистское ея крыло усмотрѣло оппортунизмъ и измѣну принципамъ соціализма въ томъ, что предложенная думѣ фракціей резолюція объ отклоненіи перехода къ постатейному чтенію не выражала соціалистическаго взгляда на невозможность голосовать всякій бюджетъ въ классовомъ государствѣ. На эту критику фракція отвѣчала указаніемъ на необходимость для русской соціалдемократіи не только противопоставлять свою классовую позицію позиціи буржуазныхъ партій (что въ данномъ случаѣ достигалось

декларацiей фракцiи, при голосованiи излагавшей основанiя, по которымъ с.-д-iя отвергаетъ всякiй бюджетъ), но и формулировать общую позицiю непримиримой борьбы всей демократiи съ старымъ режимомъ.

По аграрному вопросу фракцiя внесла въ противовѣсъ проектамъ народническихъ группъ проектъ основныхъ положенiй аграрной реформы, развивавшей программу, принятую на Стокгольскомъ съѣздѣ.

Помимо участiя въ бюджетныхъ преniяхъ и текущей запросной дѣятельности, с.-д. фракцiя развила значительную организацiонную работу, образовавъ изъ своей среды рядъ секцiй и коммисiй, организовавшихъ непосредственныя сношенiя между фракцiей и различными районами страны и различными слоями населенiя. Постепенно въ фракцiю, какъ это было и въ I-ой Думѣ, стали ежедневно приходить десятки обращенiй, наказовъ и запросовъ со всѣхъ концовъ Россiи.

Какъ думская, такъ и внѣдумская дѣятельность фракцiи сильно тормозилось внутреннимi раздорами въ ней и систематической кампанiей противъ нея со стороны петерб. комитета партiи. Какъ тѣ отдѣльные ея шаги въ Думѣ, о которыхъ было упомянуто выше, такъ и мелочи ея организацiонной работы служили поводами для выступленiя большевиковъ на рабочихъ собранiяхъ съ рѣзкими нападками и требованiя измѣнить весь характеръ ея дѣятельности. Въ данномъ случаѣ фракцiя являлась жертвой той „избирательной кампанiи“ на партiйный съѣздъ, которая происходила въ это время и въ которой оставшiеся въ Стокгольмѣ въ меньшинствѣ большевики стремились завоевать себѣ большинство, для чего всячески обостряли всякiя частныя несогласiя въ тактикѣ. Между тѣмъ думская дѣятельность фракцiи все болѣе безпокоила правительство и реакцiонные круги, по мѣрѣ того, какъ въ странѣ наростало возбужденiе и сама фракцiя становилась политическимъ центромъ меньшей половины Думы, способной при данномъ соотношенiи партiйныхъ силъ парализовать попытки низвести Думу къ роли послушнаго придатка къ правительству. При обсужденiи законопроекта о военномъ контингентѣ правительство воспользовалось антимилитаристской рѣчью с.-д. депутата Зурабова, чтобы добиться отъ Думы репрессивной мѣры противъ оратора. Угрозы роспускомъ Думы становились все болѣе опредѣленными. С.-д. фракцiя, единственная имѣвшая за собой въ данный моментъ сколько-нибудь организованныя и проявлявшiя еще склонность къ борьбѣ массы и пріобрѣтавшая среди дезорганизованныхъ и дезоріентированныхъ партiй моральное вліянiе на непролетарскiе слои, казалась единственной силой, способной организовать отпоръ переворотнымъ планамъ реакцiи. Вопросъ объ ея устраненiи сталъ въ порядкѣ дня контрреволюцiонеровъ. Какъ выяснилось значительно позднѣе, навстрѣчу стремленiямъ совѣта объединеннаго дворянства и министерства Столыпина пошла полицейская провокацiя. При ея помощи

было создано дѣло о „военномъ заговорѣ“, давшее формальную возможность предъявить Думѣ требованіе о выдачѣ всей фракціи и арестѣ 12-ти ея членовъ.

С.-д. фракція хорошо сознавала, что объективныя условія не благопріятствуютъ рѣшительной борьбѣ между демократіей и реакціей и что ей не слѣдуетъ форсировать событій. Стремясь использовать трибуну для содѣйствія организаціи массъ и для парализованія анти-демократическихъ тенденцій буржуазной оппозиціи, грозившихъ усилить морально позицію правительства, фракція упорно сопротивлялась воздѣйствіямъ извнѣ со стороны элементовъ, пытавшихся увлечь ее на путь болѣе агрессивной, въ данный моментъ несвоевременной борьбы, которая могла бы лишь облегчить проведеніе задумывавшихся справа переворотныхъ плановъ. Чтобы укрѣпить свою позицію передъ этими элементами, многіе члены фракціи во главѣ съ Джапаридзе и Церетели лично отправились на партійный съѣздъ и тамъ, несмотря на преобладаніе большевистски-настроенныхъ группъ, имъ удалось отстоять свое право продолжать прежнюю думскую тактику. Однако, дни ея уже были сочтены. Церетели и Джапаридзе едва успѣли вернуться, какъ, имѣя за собою подготовленное „дѣло о заговорѣ“, кабинетъ Столыпина предъявилъ Думѣ требованіе о выдачѣ с.-д. фракціи. Послѣдняя встрѣтила ударъ съ достоинствомъ и рѣшительностью, завоевавшими ей глубокое уваженіе всего прогрессивнаго общества. Передъ лицомъ малодушнаго отступничества буржуазной оппозиціи, она энергично добивалась того, чтобы очевидный роспускъ Думы и государственный переворотъ Дума встрѣтила какъ борющаяся сторона. Это ей не удалось: благодаря поведенію к.-д. партіи, Дума не сошла съ пути пассивнаго ожиданія занесеннаго надъ ней удара. Согласно рѣшенію с.-д. фракціи, большинство ея членовъ дало себя арестовать. Изъ тюрьмы они обратились къ народу съ воззваніями, разъяснявшими политическій смыслъ переворота и призывавшими къ продолженію борьбы. Представъ передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ, члены с.-д. фракціи предъявили требованіе о разборѣ дѣла при открытыхъ дверяхъ и, по отклоненіи этого требованія, отказались принимать участіе въ судѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всѣ члены фракціи были приговорены: одни къ ссылкѣ на поселеніе, другіе къ каторжнымъ работамъ на 4 и 5 лѣтъ. Въ день открытія суда надъ с.-д. фракціи петербургскими рабочими была проведена однодневная забастовка [1]).

Покончивъ съ избирательной кампаніей во II-ую Думу, партійныя организаціи взялись за подготовку къ предстоявшему очередному съѣзду. Эта подготовка велась съ чрезвычайной энергіей и потребовала много работы, ибо

[1]) Депутаты Джапаридзе и Джугели умерли въ тюрьмѣ; остальные изъ осужденныхъ на каторгу, кончивъ срокъ ея, перешли на поселеніе.

создавшіяся условія позволили партійнымъ организаціямъ значительно расширить кадры примыкающихъ къ нимъ (болѣе или менѣе непрочно) рабочихъ, и предварительное обсужденіе этими массами вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію на съѣздѣ, предварительный созывъ конференцій мѣстныхъ и областныхъ для выбора делегатовъ, должны были происходить въ атмосферѣ ожесточенной фракціонной борьбы, въ которой каждый лишній мандатъ той и другой фракціями отвоевывались съ бою. Единство, провозглашенное въ 1906 г. въ Стокгольмѣ, не выдержало испытанія жизни и всѣ вопросы партійной работы осложнились борьбой фракціи, оставшейся въ Стокгольмѣ въ меньшинствѣ, за завоеваніе партійной власти, ея стараніями дискредитировать политику партійныхъ центровъ (центр. комитета и думской фракціи). При такихъ условіяхъ, и примкнувшія въ 1906 г. къ р. с. д. р. п. національно-окраинныя организаціи не могли раствориться политически въ объединенной партіи, а продолжали оставаться особыми, сплоченными внутренней дисциплиной, партійными организмами.

Поэтому, собравшійся въ концѣ апрѣля 1907 года съѣздъ представилъ собой картину собранія пяти отдѣльныхъ делегацій (большевистская, меньшевистская, делегація „Бунда“, польская и латышская), среди которыхъ терялись нѣсколько „нефракціонныхъ“ делегатовъ съ Н. Троцкимъ во главѣ.

Съѣздъ долженъ былъ состояться въ Копенгагенѣ, но, по пріѣздѣ делегатовъ въ этотъ городъ, они были извѣщены мѣстнымъ правительствомъ о высылкѣ и съѣздъ пришлось перенести въ Лондонъ, гдѣ онъ и состоялся, продолжаясь болѣе 3 недѣль.

По уставу съѣзда, право на посылку одного делегата съ рѣшающимъ голосомъ имѣли каждые 300—500 организованныхъ рабочихъ. Организаціи, имѣвшія до 800 членовъ, посылали 2 представителей—отъ большинства и меньшинства. Отъ организацій, имѣвшихъ свыше 800 членовъ, посылался 1 делегатъ на каждые 500 организованныхъ.

Благодаря отсутствію твердыхъ нормъ для опредѣленія признаковъ дѣйствительной принадлежности къ партіи (невозможность регистраціи и регулярности членскихъ взносовъ), стало возможнымъ быстрое—кратковременное—наростаніе числа „организованныхъ“ въ періодъ подготовки съѣзда: получалось нѣчто подобное тому, что въ странахъ съ еще слабо развитой профессіональной организаціей набл дается въ профессіональныхъ союзахъ передъ началомъ крупной забастовки. Такимъ образомъ, на съѣздъ прибыло 305 делегатовъ съ рѣшающими голосами и нѣсколько десятковъ съ совѣщательными, формально представлявшіе около 149 тысячъ организованныхъ рабочихъ [1]).

---

[1]) Изъ нихъ по 25 тысячъприходилось на польск. с.-д. и Бундъ, 13 тысячъ на латыш. с. д. 84 тысячи на собственно-русскую часть партіи.

Изъ нихъ 180 делегатовъ приходилось на основное ядро р. с. д. р. п., 55—на „Бундъ“, 40—на польскую с.-д-ію и 26 на латышскую.

„Русская“ часть делегаціи была рѣзко раздѣлена на двѣ почти равныя части: 91 делегатъ-большевикъ и 89 — меньшевиковъ. Делегація первыхъ состояла изъ 20 представителей Урала, около 40 изъ центральнаго промышленнаго района, 9 изъ Петербурга, нѣсколькихъ съ Волги, и отдѣльныхъ делегатовъ изъ другихъ мѣстностей (Бэку, Эривань, Минскъ, Луганскъ и т. д.). Ядро делегаціи меньшевиковъ составляли представители организаціи „Спілкі“, Донецкаго бассейна и Кавказа, кромѣ того 5 делегатовъ меньшинства отъ Петербурга, делегаты Ревеля, Вильны, Двинска, Смоленска, Тулы, Калуги, Твери, Сормова, Саратова, Астрахани, Одессы, Кіева, нѣкоторыхъ пунктовъ Сибири и Сред. Азіи.

Делегація „Бунда“ стремилась занимать положеніе нейтральнаго центра въ фракціонной борьбѣ и парализовать центробѣжныя тенденціи въ партіи. Однако, въ большинствѣ случаевъ ей приходилось голосовать по вопросамъ тактики съ „меньшевиками“, лишь нѣсколько членовъ ея симпатизировали противоположному лагерю. Обратнымъ было отношеніе между сочувствующими обоимъ лагерямъ въ латышской делегаціи: лишь нѣсколько членовъ ея отстаивали „меньшевистскую“ позицію; сильнѣе было „большевистское“ крыло, а остальная часть делегаціи колебалась между двумя лагерями. часто играя роль фактора, отъ котораго зависѣлъ исходъ голосованій съѣзда. Наконецъ, делегація польскихъ с. д. выступала почти по всѣмъ вопросамъ, какъ союзница большевиковъ.

Въ итогѣ такого распредѣленія силъ большевики имѣли за собой на съѣздѣ небольшое и крайне неустойчивое большинство, которое въ иные моменты превращалось, благодаря колебаніямъ нѣсколькихъ членовъ, въ меньшинство. Благодаря этому, несмотря на крайнее напряженіе фракціонной борьбы, одержанная большевистской фракціей побѣда не была полной и не сопровождалась актами, которые могли бы привести къ формальному организаціонному расколу.

Такъ, при обсужденіи самаго порядка дня съѣзда, несмотря на энергичныя усилія „большевиковъ“, былъ исключенъ центральный, съ ихъ точки зрѣнія, вопросъ „объ оцѣнкѣ современнаго момента“. Делегаты „меньшевиковъ“ и Бунда доказывали, что обсужденіе подобнаго вопроса означало бы рѣзкое противопоставленіе двухъ непримиримыхъ идеологій, сложившихся внутри соціалдемократіи, и что принятіе оффиціальнаго партійнаго рѣшенія по такому общему вопросу означало бы доведеніе до крайней остроты фракціонной борьбы. Еще болѣе сильнымъ ударомъ для себя сочли большевики отклоненіе требованія о включеніи въ порядокъ дня вопроса о „подготовкѣ къ вооруженному возстанію“. Представители „меньшевиковъ“

заявили о „принципіальной недопустимости“ обсужденія на съѣздѣ массовой партіи, происходящемъ публично, вопроса, самая постановка котораго означаетъ возведеніе политической партіи на уровень заговорщическаго тайнаго общества. Большинствомъ 137 голосовъ противъ 89 при воздержаніи части „большевиковъ“ вопросъ былъ снятъ съ очереди. Этимъ голосованіемъ констатировался значительный шагъ, сдѣланный партіей съ 1905 года въ дѣлѣ ослабленія заговорщическихъ тенденцій.

Главные дебаты на съѣздѣ развернулись вокругъ отчетовъ. Центр. комитета и думской фракціи и вопросовъ о Государ. Думѣ и объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ. Большевики подвергли при поддержкѣ польской с.-д-іи суровой критикѣ дѣятельность обоихъ центровъ. И Центр. комитету, и думской фракціи вмѣнялось въ вину недостаточное подчеркиваніе революціоннаго характера партіи, стремленіе не вырывать глубокой пропасти между пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей; голосованіе с. д. въ Думѣ за избраніе Головина въ предсѣдатели и участіе ихъ въ общемъ совѣщаніи съ буржуазной оппозиціей были главными пунктами обвиненія думской фракціи. Однако, ни Ц. к-ту, ни фракціи большинство съѣзда недовѣрія выразить не рѣшилось, напротивъ, признало въ своей резолюціи, что „думская фракція, въ общемъ и цѣломъ, стояла на стражѣ интересовъ пролетаріата и революціи“. Не удалось большевикамъ также провести рѣшеніе объ ограниченіи автономіи фракціи путемъ предоставленія Центр. комитету права *назначать* стоявшій во главѣ ея комитетъ.

Дебаты объ отношеніи къ буржуазнымъ партіи сосредоточились на оцѣнкѣ объективной роли буржуазнаго либерализма въ общественномъ развитіи Россіи. Принятая съѣздомъ резолюція провозглашаетъ полную контрреволюціонность „партій либерально-монархической буржуазіи“, и объясняетъ „силой традиціи и прямымъ обманомъ“ тяготѣніе къ нимъ части демократической городской и сельской мелкой буржуазіи, и требуетъ разоблаченія „конституціонныхъ иллюзій“ и „безпощадной борьбы“ противъ „гегемоніи (к.-д.) надъ демократической мелкой буржуазіей“. Отношеніе къ народническимъ партіямъ опредѣляется „псевдо-соціалистическимъ“ характеромъ ихъ идеологіи, который партія должна вскрывать, и революціонно-демократическими тенденціями ихъ политической дѣятельности, которыя она должна поддерживать. Поправка меньшевиковъ о необходимости разъяснять массамъ утопическій характеръ народнической аграрной программы и авантюристскій характеръ бунтарско-террористической тактики была отвергнута.

Дебаты о Госуд. Думѣ повторили по существу прошлогодніе дебаты въ Стокгольмѣ. Принятая съѣздомъ резолюція требуетъ выясненія народу непригодности Думы, какъ средства осуществить демократическія требованія пролетаріата, мелкой буржуазіи и крестьянства; выдвиганія на первый планъ

„критической, пропагандистской, агитаціонной и организаціонной дѣятельности“ с.-д. фракціи въ Думѣ; борьбы не только съ реакціей, но и съ либерализмомъ; отклоняетъ требованіе „подчиненія исполнительной власти данной Думѣ“.

Бурные дебаты вызвалъ вопросъ о „рабочемъ съѣздѣ и широкихъ рабочихъ организаціяхъ“. Агитація за рабочій съѣздъ была осуждена большинствомъ съѣзда, какъ ведущая къ „замѣнѣ соціалдемократіи безпартійными рабочими организаціями длительнаго характера“.

По вопросу о „партизанскихъ дѣйствіяхъ“ вынесена противъ голосовъ большинства большевиковъ резолюція объ энергичной борьбѣ съ партизанскими выступленіями и экспропріаціями и о воспрещеніи членамъ партіи какого бы то ни было участія въ нихъ. Всякія спеціальныя боевыя дружины признаны вредными, какъ содѣйствующія развитію „партизанства“, и распущены съѣздомъ.

Безъ дебатовъ большинствомъ съѣзда была принята резолюція, рекомендующая добиваться „признанія профессіональными союзами идейнаго руководства с.-д. партіи, а также установленія организаціонной связи съ ней“. Меньшевистская делегація протестовала противъ принятія въ спѣшномъ порядкѣ такой резолюціи, которая должна была дезорганизовать профессіональное движеніе внесеніемъ раздоровъ съ другими соціалистическими партіями. Противъ рѣшенія съѣзда поднялись протесты руководящихъ органовъ профессіанальныхъ союзовъ. Послѣ Штутгартскаго междунар. конгресса (въ 1907 г.), гдѣ обсуждался вопросъ о взаимоотношеніи между партіей и союзами, лондонская резолюція стала толковаться въ согласіи съ штутгартской и примѣняться на практикѣ съ большими смягченіями.

Работы съѣзда кончились избраніемъ Центральнаго комитета, при чемъ опять колебанія въ рядахъ латышской делегаціи сдѣлали невозможнымъ избраніе прочнаго „большевистскаго“ большинства въ этомъ учрежденіи (выбрано въ его составъ 5 большевика, 4 меньшевика, 2 члена польск. с.-д., 2—Бунда и 2—латышск. с.-д.).

Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ работъ съѣзда, послѣдовали событія, связанныя съ актомъ 3 іюня. Началась новая полоса усиленныхъ репрессій, новый разгромъ открытыхъ и нелегальныхъ организацій. Политическая пресса партіи была уничтожена. Въ теченіе 1907 г. Центральному комитету удалось еще созвать двѣ партійныя конференціи. Одна изъ нихъ должна была рѣшить вопросъ объ участіи въ выборахъ въ третью Думу. Актъ 3 іюня вызвалъ острый рецидивъ „бойкотистскихъ“ настроеній. Вслѣдъ за соціалистами-революціонерами и народными соціалистами, „бойкотизмъ“ охватилъ и большевиковъ, и польскую соціалдемократію. За исключеніемъ Н. Ленина и Н. Рожкова, всѣ видные представители большевистской фракціи (А. Бог-

дановъ, Ю. Каменевъ, А. Луначарскій, С. Вольскій и др.) высказались за бойкотъ Думы. Точки зрѣнія обоихъ теченій были выражены во брошюрѣ, заключавшей статьи Ленина и Каменева. На партійной конференціи всѣ делегаты-большевики и польскіе с.-д. присоединились къ второй точкѣ зрѣнія; Ленинъ примкнулъ къ меньшевикамъ и бундовцамъ, голоса которыхъ рѣшили обязательность участія въ выборахъ.

На выборахъ въ III Думу, несмотря на всѣ репрессіи, с.-д. удалось провести 18 депутатовъ партійныхъ или примыкающихъ къ партіи (одного отъ Риги, двухъ—съ Закавказья, 1—изъ Кубанской обл., 1 — изъ Дагестанской обл., 1—изъ Пермской губ., 3—изъ Вятской губ., 1—изъ Уфимской, 1—изъ Амурской обл., 1—изъ Иркутской губ. и по 1 отъ рабочихъ курій Петербургской, Московской, Владимірской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской губерній).

Переворотъ, произведенный 3 іюня 1907 года, послужилъ началомъ длительнаго глубокаго кризиса въ россійской соціалдемократіи, сопровождавшагося явленіями распада. Закрытіе почти всѣхъ аренъ открытой общественной дѣятельности вызвало смятеніе въ рядахъ пролетаріата; усталость, охватившая массы рабочихъ послѣ 3 лѣтъ непрерывной борьбы; затяжной многолѣтній застой, еще болѣе подрывавшій его энергію; идейный и моральный кризисъ, охватившій массы демократической интеллигенціи и отразившійся дезертирствомъ интеллигенціи соціалистической и исчезновеніемъ той атмосферы сочувствія и поддержки, которая въ теченіе десяти лѣтъ окружала соціалдемократію; наконецъ, удаленіе значительной части партійныхъ дѣятелей за границу, все вмѣстѣ сдѣлало невозможнымъ „отступленіе въ порядкѣ“, ставшее необходимымъ для партіи, вызвало ея развалъ и затруднило процессъ планомѣрнаго приспособленія къ новымъ политическимъ условіямъ.

Среди „большевиковъ“ наступившій въ партіи кризисъ вызвалъ, съ одной стороны, образованіе „крайняго лѣваго“ крыла сторонниковъ бойкота III Думы, выдвинувшихъ лозунгъ „отозванія“ с.-д. фракціи („отзовисты“) и послѣдовательно отрицавшихъ всякое „приспособленіе къ легальности“; часть этой новой фракціи стала проявлять замѣтное отклоненіе отъ марксизма къ революціонному синдикализму. Съ другой стороны, въ связи съ этими идейными тенденціями, въ теченіе нѣкотораго времени усиливался и привелъ къ разстройству послѣднихъ остатковъ партійной организаціи и къ деморализаціи передовыхъ слоевъ пролетаріата *практическій анархизмъ* въ видѣ организованнаго „партизанства“.

Среди „меньшевиковъ“ наиболѣе активные элементы въ моментъ наиболь-

шаго разгула реакціи сосредоточились на организаціонной и просвѣтительной работѣ въ открытыхъ рабочихъ обществахъ—профессіональныхъ, кооперативныхъ, самообразовательныхъ и др.—и на борьбѣ за расширеніе рамокъ легальности въ третьеіюньскомъ режимѣ. Ихъ усиліями немногія тысячи рабочихъ были выведены изъ состоянія распыленности и организованно работали надъ охраненіемъ идейной преемственности и элементовъ организаціи въ періодъ общей разрухи. Вынужденные бороться съ „бойкотизмомъ“ и отрицаніемъ легальности со стороны послѣднихъ партійныхъ комитетовъ, эти меньшевики заняли рѣзко отрицательную позицію къ „партійному подполью“ и представителями послѣдняго были окрещены „ликвидаторами“. Часть меньшевиковъ на почвѣ этого рѣзкаго противопоставленія легальной и „подпольной“ дѣятелности откололась отъ меньшевистской фракціи и, во главѣ съ Плехановымъ, заняла позицію, близкую къ „ленинцамъ“, колебавшимся между признаніемъ необходимости приспособленія партіи къ новымъ условіямъ и традиціями стараго „большевизма“.

Въ концѣ 1908 года состоялась послѣдняя обще-партійная конференція. Въ теченіе 1909 г. партійныя организаціи почти совершенно исчезли въ коренной Россіи и свелись къ незначительнымъ кружкамъ на окраинахъ. Напротивъ, сгруппировавшіеся въ профессіональныхъ союзахъ и культурно просвѣтительныхъ обществахъ „ликвидаторы“ стали замѣтной руководящей силой въ рабочемъ движеніи.

Въ началѣ 1910 г. была сдѣлана попытка возстановить оформленную партійную организацію путемъ созыва пленарнаго засѣданія избраннаго на Лондонскомъ съѣздѣ и бездѣйствовавшаго Центр. комитета и заключенія соглашенія между всѣми теченіями въ партіи. Это соглашеніе не осуществилось, благодаря недовѣрію большевиковъ и „плехановцевъ“ къ „ликвидаторскому“ крылу. Дальнѣйшіе раздоры между „большевиками“ и польской соціалдемократіей и внутри самихъ большевиковъ привели къ полному распаду Центральнаго комитета. Въ началѣ 1912 года организація сторонниковъ Ленина формально конституировалась въ отдѣльную партію, порвавъ организаціонную связь со всѣми другими частями с.-д-іи, но сохранивъ названіе Р.-С.-Д.-Р.-П. Большинство остальныхъ организацій, вмѣстѣ съ работавшими на легальной аренѣ соціалдемократами, объединилось на конференціи въ августѣ 1912 года и составило вторую организованную часть россійской соціалдемократіи [1]).

Л. М-въ.

---

[1]) Особый очеркъ, посвященный внутренней жизни и дѣятельности національно-окраинныхъ с. д. организацій, будетъ данъ въ V томѣ.

2007041560